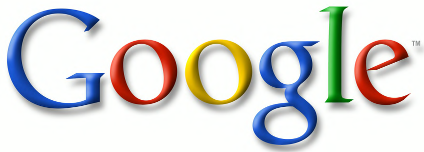
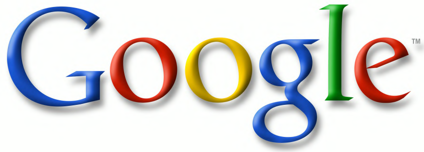




ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ШЕСТОЙ

ТОМЪ XXII

№ 1140

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XXII.

1885

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1885

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ).

СТР.

Авантюристы. (Историческая повѣсть). Д. Л. Мордовцева. 5, 258, 525

Воспоминанія о селѣ Спасскомъ. **В. Колонтаевой** 41

Воспоминанія лазутчика русской арміи въ войну 1877—1878 годовъ. **К. Н. Фаврикодорова.** 66, 293

Митрополитъ Іона III Сысоевичъ и его постройки въ кремлѣ Ростова Великаго. **А. А. Титова.** 88

Иллюстраціи: Ростовскій митрополитъ Іона III (Сысоевичъ), 1652—1691.—Бѣлая палата послѣ реставраціи.—Внутренній видъ Бѣлой палаты послѣ реставраціи въ 1884 году. — Надгробный памятникъ XV вѣка, хранящійся въ Бѣлой палатѣ. — Наружный видъ Княжьихъ теремовъ. — Внутренность храма бывшаго Григорьевскаго монастыря послѣ реставраціи въ 1884 году.

Черты изъ патріаршаго и царскаго быта. К. Н. В. 102

Матеріалы для полнаго собранія сочиненій графа А. К. Толстаго. **Д. Д. Языкова.** 121

Прошлое современной дипломатіи. М. С. Корелина. 133

Цензура временъ императора Павла I. (1796—1801). **П. П. Каратыгина.** 151

Семья въ прошедшемъ. (Этюдъ по исторіи нравственныхъ понятій). Е. М. Гаршина. 161

Подлинные портреты Данте. В. З. 180

Иллюстраціи: Портретъ Данте съ фрески Джіотто.— Посмертная маска Данте.—Портретъ Данте съ ватиканской фрески Рафаэля. — Голова Данте съ барельефа мавзолея въ Равеннѣ. — Бронзовый бюстъ Данте въ неаполитанскомъ музеѣ.

Невинная жертва революціи. (1785—1795). **Ѳ. И. Булгакова.** 190

Иллюстрація: Королева Марія-Антуанетта съ дѣтьми.

Служебные, должностные и сословные знаки отличій въ Россіи. Е. П. Карновича. 235, 563

Въ Казани и Кіевѣ. 1867—1877. **(Отрывокъ изъ воспоминаній). В. И. Модестова.** 321, 588

стр.

Духовная карьера. **Н. И. Соловьева** 344

Ахиллесова пята Тургенева. **П. Н. Полеваго** 362

Василій Петровичъ Петровъ, «карманный» стихотворецъ Екатерины II. (1736—1799). **И. А. Шляпкина** 381

Исторія Краснаго Кабачка. **Г. В. Есипова** 406

Три встрѣчи. (Изъ старой записной книжки). **П. К. Мартьянова** 413

Выборгская старина. **И. Н. Божерянова** 422

Иллюстраціи: Видъ замка въ Выборгѣ въ 1708 году. — Видъ Выборгской крѣпости въ настоящее время.—Скала въ Выборгѣ, съ огороженнымъ мѣстомъ, гдѣ, по преданію, Петръ Великій собственноручно вырубилъ крестъ и первую букву своего имени.

Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. **С. Ш.** 429

Иллюстраціи: Остатки дворца Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Дубовая роща въ Сестрорѣцкѣ, посаженная Петромъ Великимъ.—Мѣсто, гдѣ находилась бесѣдка Петра Великаго, въ Сестрорѣцкѣ.

Часовня надъ могилой мученика. **И. М.** 434

Иллюстрація: Часовня надъ могилой священника Ропацкаго.

Греческая трагедія на англійской сценѣ. **В. З.** 437

Иллюстраціи: Тевкръ. — Одиссей. — Аѳина. — Аяксъ. — Хоръ, призывающій боговъ.—Текмесса.—Еврисакъ и его наставникъ.—Хоръ матросовъ Скамандра.—Хорегъ.—Агамемнонъ.

Некрологъ: Евгеній Петровичъ Карновичъ . . (декабр. кн.) 1—6

Поѣздка въ Переяславъ. **Н. И. Костомарова** 489

Иллюстраціи: Церковь Вознесенія въ Переяславѣ, построенная въ 1700 году гетманомъ Мазепою. — Деревянная каплица, устроенная на р. Альтѣ, близь Переяслава. — Борисоглѣбская церковь (въ 3-хъ верстахъ отъ Переяслава), стоящая на мѣстѣ убіенія св. князя Бориса.

Бракоразводное забвеніе. (Причины разводовъ брачныхъ по законамъ греко-россійской церкви). **Н. С. Лѣскова** . . 509

Воспоминанія о князѣ А. И. Барятинскомъ. **П. С. Николаева** 618

Платокъ и перчатка цесаревны. **К. А. Бороздина** 645

Степанъ Ивановичъ Шешковскій. 1727—1794. (Біографическій очеркъ). **А. Н. Корсакова** 656

Современная знаменитость англійской сцены. **В. З.** 688

Иллюстрація: Ирвингъ въ «Гамлетѣ», статуя Онслоу Форда.

Городъ Ангеловъ 695

Иллюстраціи: Духовная процессія въ городѣ Ангеловъ.—Старая максиканка. — Индійское стремя. — Улица въ городѣ Ангеловъ. — Страница изъ реестра заклейменнаго скота. — Запись въ кассовой книгѣ. — Пушка, взятая въ Калифорніи. — Веранда въ городѣ Ангеловъ.—Увѣнчанная избранница народа.

СТР.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

Памятники древней письменности и искусства. Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1717 году. Издалъ Л. Майковъ. Спб. 1884. **А. О—ва.**—Шестнадцатый годовой отчетъ высочайше утвержденнаго Общества для распространенія св. писанія въ Россіи (за 1884 годъ). Спб. 1885. **М. И. Городецкаго.** — Историческій очеркъ Васильсурскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Николая Демидова. Нижній Новгородъ. 1884. **П. У.**—Розыскныя дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ. Изданіе археографической коммиссіи. Томъ I. 1884. Томъ II. 1885. **А. К.** — Мѣсто земнаго упокоенія и надгробный памятникъ кн. Д. М. Пожарскаго въ городѣ Суздалѣ. Владиміръ. 1885. **В. З.** — Война мышей и лягушекъ. Поэма (приписываемая Гомеру) Пигреса, переводъ размѣромъ подлинника Вл. Краузе. Омскъ. 1884. **А. К.** — Земскіе соборы древней Руси, ихъ исторія и организація сравнительно съ западно-европейскими представительными учрежденіями. Историко-юридическое изслѣдованіе В. Н. Латкина. Спб. 1885. Изд. Пантелѣева. **А. Б—ина.**—Разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. Александра Барсукова. Спб. 1885. **Мих. Н—евича.** — Сказанія русскаго народа, собранныя И. П. Сахаровымъ. Книга I. Русское народное чернокнижіе. Русскія народныя игры, загадки, присловія и притчи. Книга II. Народный дневникъ. Праздники и обычаи. Спб. 1885. **Г. Е.** — Поэтъ-намѣстникъ. Графа Саліаса. Спб. 1885. **Ѳ. Б.**—Тяжелая память прошлаго. Разсказы изъ дѣлъ Тайной Канцеляріи и другихъ архивовъ. Г. В. Есипова. Спб. 1885. **Б. А.** — Систематическая роспись содержанія «Русской Старины», изд. 1870—1884 годовъ. Спб. 1885. **С. Ш.** — Отчетъ о дѣятельности Прибалтійскаго православнаго братства за 1884 годъ. Спб. 1885. **В. З.**—Отчетъ о дѣятельности коммиссіи по возстановленію древнихъ зданій въ кремлѣ Ростова Великаго въ 1885 году. Ярославль. 1885. **П. У.**—Исторія первобытной христіанской проповѣди (до IV вѣка). Сочиненіе Николая Барсова, профессора С.-Петербургской духовной академіи. Спб. 1885. **А. Б—ина.**—В. Потто. Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. Томъ I. Выпуски 2-й, 3-й и 4-й. Спб. 1885. **В. П.**—Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать первая. Бумаги графа А. Р. Воронцова. Москва. 1885. **Е. Г.**—О московскомъ соборѣ 1681—1682 года. Опытъ историческаго изслѣдованія Григорія Воробьева. Спб. 1885. **А. Б—ина.** — «Поморскіе отвѣты». Напечатаны въ Мануиловскомъ Николаевскомъ монастырѣ. 1884. **П. У.** — Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Дм. Цвѣтаева. М. 1885. **Б. А.**—В. Гиппіусъ. Осады и штурмъ крѣпости Карса въ 1877 году. Спб. 1885. **В. П.** — Методика исторіи по Крюгеру. Составили И. Виноградовъ и А. Никольскій. Москва. 1885. **В. З.** — А. Ф. Поттъ, проф. Галльскаго университета. Введеніе въ общее языкознаніе. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія Германа Генкеля и Александра Васильева. Спб. 1885. **Б. А.** 199, 445, 708

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ . . 210, 457, 720

СТР.

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

1) Землетрясеніе въ С.-Петербургѣ въ 1838 году. Сообщено **Ѳ. А. Бычковымъ**. — 2) Александръ Даниловичъ Марковъ (Осенный). Сообщено **А. Н. Корсаковымъ**. — 3) Гувернантка императора Петра II. Сообщено **Ѳ. А. Бычковымъ**. — 4) Неизданное стихотвореніе И. С. Тургенева. Сообщено **Н. П. Барышниковымъ**.—5) Письмо А. П. Ермолова о дочери его Сатіатѣ (1859 г.). Сообщено **Ѳ. А. Бычковымъ**. 219, 467, 730

СМѢСЬ:

Открытіе памятника на могилѣ Тургенева.—Столѣтіе кладбищенской церкви на Волковомъ. — Археологическій кладъ въ Кіевѣ.—Древнія царскія врата. — Памятникъ побѣды надъ русскими войсками.—Тамбовская архивная коммиссія.— Памятникъ генералу Шанзи. — Памятникъ императору Александру II въ Петрозаводскѣ.—Памятникъ императору Александру II въ селѣ Бузовкѣ. — Пятидесятилѣтіе церкви Митрофаньевскаго кладбища. — Памятникъ на Самсоніевскомъ кладбищѣ. — Памятникъ войны 1877—1878 годовъ. — Раскопка «Мухиной горы».— Столѣтіе города Кеми.—Костромской музей.— Работы въ Ростовскомъ кремлѣ.—Статуя Геркулеса.—Двадцатипятилѣтіе Пекинскаго договора.—Памятникъ въ Финляндіи.— Новодвинская крѣпость.— Раскопки въ Смоленскѣ. — Музей графа Бобринскаго. — Новое пріобрѣтеніе Эрмитажа. — Остатки каменнаго вѣка. — Древній городъ, открытый въ Америкѣ. — Юбилей львовскаго ставропигіальнаго института. — Некрологи: М. Ѳ. де-Пуле; И. В. Самарина; В. И. Орлова; И. И. Захарова; М. Б. Чистякова; Наполеона Костеша Жабы; Германа Альтенберга; Маріи Вартусовны; баронессы Э. Ѳ. Раденъ; П. Е. Воденюка; Я. А. Чистовича . 222, 475, 733

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

1) О рижскихъ прелестницахъ и о благословенныхъ бракахъ. **Н. С. Лѣскова**.—2) По поводу статьи «Эпоха каруселей и маскарадовъ въ Россіи». **Сергѣя Тимоѳеева**. — 3) Къ матеріаламъ для полнаго собранія сочиненій графа А. К. Толстаго. **П. Ефремова**. — 4) Забытый севастопольскій памятникъ.—5) Къ словарю псевдонимовъ русскихъ писателей. **А. А. Чумикова**.—6) Литературный обманъ. **С. Н. Шубинскаго**. 228, 482, 739

Некрологъ: Николай Васильевичъ Калачовъ . . (декабр. кн.) 1—4

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Семена Гавриловича Зорича. Съ неизданнаго гравированнаго портрета Осипова, изъ собранія Бекетова. — 2) Портретъ Василія Петровича Петрова, «карманнаго» стихотворца Екатерины II. — 3) Портретъ Евгенія Петровича Карновича. — 4) Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Выпускъ второй. Русскіе писатели, умершіе въ 1882 году. **Д. Д. Языкова**. — 5) **Во льдахъ и снѣгахъ.** Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга. **Уильяма Гильдера**, корреспондента газеты «Нью-Іоркъ Геральдъ». Переводъ **В. Н. Майнова**. Гл. XXIV—XXV. (Окончаніе).—6) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ 12 книжкахъ «Историческаго Вѣстника» за 1885 годъ. — 7) Указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1885 году.

Иллюстраціи: Якутская лошадь.—Буряты.—Видъ на верхней Ленѣ.—Бивуакъ въ лагунахъ Алдана.—Сибирскій ландшафтъ.—Золотые пріиски въ Витимскѣ.—Генералъ Анучинъ.—Байкальское озеро.—Томскъ.—Томскій городской голова.—Нижній Новгородъ.

СЕМЕНЪ ГАВРИЛОВИЧЪ ЗОРИЧЪ.

Съ неизданнаго гравированнаго портрета Осипова, изъ собранія Бекетова (подлинникъ у Д. А. Ровинскаго). Гравировалъ Паннемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 декабря 1883 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

АВАНТЮРИСТЫ.

Историческая повѣсть.

I.

Доносъ.

ѢТОМЪ 1783 года, князь Потемкинъ, слѣдуя изъ Петербурга въ только что пріобрѣтенный отъ Турціи Крымъ, заѣхалъ въ гости къ Зоричу, бывшему фавориту «Семирамиды Сѣвера», въ знаменитый Шкловъ, подаренный ему императрицею.

Зоричъ съ величайшими почестями принялъ могущественнаго временщика въ своемъ роскошномъ дворцѣ, въ которомъ три года тому назадъ онъ принималъ коронованныхъ гостей — императрицу Екатерину Алексѣевну и австрійскаго императора Іосифа II. Потемкинъ, для котораго Зоричъ уже пересталъ быть соперникомъ, своею любезностью старался показать, что все прошлое забыто.

Высокому гостю отведены были тѣ именно комнаты, въ которыхъ останавливалась Екатерина, и онъ скоро отправился на свою половину, чтобы отдохнуть съ дороги послѣ представленія мѣстныхъ властей. Видъ изъ отведенныхъ ему апартаментовъ былъ великолѣпный: подъ горою, на которой стоялъ дворецъ, протекалъ Днѣпръ, широкою лентою разстилавшійся вправо и влѣво и исчезавшій за далекими гористыми берегами; за Днѣпромъ темнѣлъ зеленый боръ, и дымчатая даль терялась въ безконечности. Во всемъ ландшафтѣ было что-то тихое, успокоивающее.

— Нѣтъ, мнѣ бы этого не довольно было послѣ всего того, что было,—какъ-бы про себя сказалъ князь, задумчиво стоя у окна.— А можетъ, онъ ждетъ еще, надѣется... Напрасно! Я знаю ее: вонъ съ глазъ—вонъ изъ сердца... Орловъ, Понятовскій, Зоричъ и другіе—давно забыты... Одинъ я держусь...

Онъ отошелъ отъ окна и хотѣлъ позвонить, какъ въ комнату вошелъ дежурный адъютантъ.

— Ты что?—спросилъ князь.

— Какой-то еврей проситъ аудіенціи у вашей свѣтлости,—отвѣчалъ адъютантъ.

— Что ему нужно?

— Не говоритъ, ваша свѣтлость.

— Такъ прогнать его, если не хочетъ сказать.

— Онъ говоритъ, что имѣетъ сообщить, и только лично вашей свѣтлости—величайшую тайну, государственной важности, говоритъ.

— Какую нибудь кляузу.

— Не могу знать, ваша свѣтлость... Клянется и дрожитъ весь.

— Ну, пусть войдетъ.

Адъютантъ вышелъ, а черезъ минуту въ дверяхъ показался старый еврей, съ длинными пейсами. Онъ робко поклонился, чуть не до земли, и словно по горячимъ угольямъ сдѣлалъ нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ.

— Ты что хотѣлъ сообщить мнѣ?—спросилъ князь.

Еврей вынулъ изъ боковаго кармана бумажникъ, торопливо пошарилъ въ немъ и дрожащими руками подалъ князю сторублевую ассигнацію.

— Что это? — спросилъ Потемкинъ, брезгливо отстраняясь отъ бумажки.

— Ассигнація, ваша пресвѣтлость.

— Что-жъ изъ того, что ассигнація?

— А узнаетъ ваша пресвѣтлость — настоящая она, или фальшивая?

Потемкинъ взялъ бумажку и сталъ ее внимательно разсматривать.

— Это настоящая, — сказалъ онъ, наконецъ: — вотъ и подписи сенаторовъ, и знаки.

Еврей болѣе смѣлыми шагами подошелъ къ князю.

— Ну, что же тутъ?—спросилъ послѣдній:—покажи, гдѣ фальшь?

— Изволь ваша пресвѣтлость прочесть слово ассигнація.

Потемкинъ поднесъ бумажку къ глазамъ.

— Ну, что-жъ! ясно напечатано: ассигнація.

Еврей лукаво улыбнулся и смѣло посмотрѣлъ въ глаза всесильному вельможѣ: онъ понялъ, что заинтересовалъ его таинственностью.

— И мнѣ казалось, что ясно, ваша пресвѣтлость,—улыбнулся

еврей:—а вотъ на тысячу серебряныхъ карбованцевъ меня и раззорили на этихъ бумажкахъ.

— Гдѣ же фальшь?—уже нетерпѣливо спросилъ Потемкинъ.

— А въ томъ фальшь, ваша пресвѣтлость, что здѣсь напечатано не ассигнація, а ассигиація.

— Какъ ассигиація?

— Такъ точно, ваша пресвѣтлость, замѣсто нашъ напечатано иже.

Князь снова сталъ разсматривать бумажку.

— И точно, я самъ теперь вижу,—сказалъ онъ, разсматривая бумажку на свѣтъ.

Онъ подошелъ къ столу, раскрылъ лежащій на немъ портфейль и досталъ оттуда другую сторублевую бумажку. Сравнивъ ее съ принесенною евреемъ, онъ сказалъ:

— Да, теперь я все вижу: моя—настоящая, а твоя—фальшивая: на моей не иже, а нашъ... Гдѣ ты ее взялъ?

— А здѣсь, ваша пресвѣтлость, въ замкѣ.

— Какъ! у Зорича? — и по лицу Потемкина скользнулъ не то свѣтъ, не то тѣнь.

— Нѣтъ, ваша пресвѣтлость, не у господина генерала Семена Гавриловича, а у его карлы... Если вашей свѣтлости вгодно, я вамъ черезъ полчаса принесу нѣсколько тысячъ.

Потемкинъ быстро заходилъ по комнатѣ.

— Кто же ихъ дѣлаетъ?—спросилъ онъ, остановившись передъ евреемъ.

— Если-бъ бѣдный еврей зналъ кто, онъ бы сейчасъ доложилъ вашей пресвѣтлости.

— Такъ кто же ихъ пускаетъ въ обращеніе?

— А пускаетъ ихъ, ваша свѣтлость, камердинеръ его сіятельства, графа Зановича, и карлы его превосходительства, генерала Зорича.

Потемкинъ опять заходилъ по комнатѣ. Еврей не спускалъ глазъ съ его мужественной фигуры.

— Хорошо, посмотримъ,—сказалъ какъ бы про себя князь.

Онъ подошелъ къ столу, открылъ стоявшую на немъ шкатулку и вынулъ изъ нея горсть золота. Затѣмъ онъ сложилъ изъ него на столѣ нѣсколько колонокъ.

— Возьми это. Тутъ ровно тысяча,—сказалъ онъ еврею, внимательно слѣдившему за складываніемъ золотыхъ колонокъ.—Промѣняй ихъ на фальшивыя ассигнаціи и завтра же привези ихъ ко мнѣ въ Дубровну. Знаешь?

— Знаю, ваша пресвѣтлость.

— Бери же.

Къ еврею снова воротилась робость. Онъ словно бы крадучись, боязливо подошелъ къ столу, нагнулся къ золотымъ колонкамъ,

точно хотѣлъ ихъ понюхать или полизать, опытнымъ глазомъ пересчиталъ червонцы, досталъ изъ кармана кожаную сумку, и колонку за колонкой, осторожно, безъ всякаго звону, переложилъ золото въ свою мошну.

— Ступай же. Завтра я жду тебя въ Дубровнѣ,—сказалъ Потемкинъ, когда еврей бережно положилъ мошну въ карманъ.—Смотри же, никому ни слова!

— Слушаю, ваша пресвѣтлость.

— Иди же.

Еврей хотѣлъ поцѣловать край княжескаго кафтана, но Потемкинъ быстро отошелъ.

— Не надо.

Еврей низко поклонился и подвинулся къ двери, не оборачиваясь къ ней лицомъ.

— Постой! какъ тебя зовутъ?

— Берхомъ Изаксономъ, ваше пресвѣтлость.

— Хорошо. Ступай.

Еврей беззвучно выскользнулъ за дверь, точно воръ, и такъ же беззвучно притворилъ ее. Потемкинъ остался одинъ. Открытіе, сдѣланное евреемъ, поразило его.

Такъ вотъ откуда эти новые дворцы, эта царственная роскошь! Со всего свѣта стекаются сюда ласкатели и прихлебатели, да еще какіе!—графы, князья, дѣти султановъ... Графы Зановичи, друзья и пріятели Казанова, Вольтера и Даламбера... А этотъ князь Изанъ-бей?—онъ султановъ племянникъ, а живетъ на хлѣбахъ у Зорича, какъ и эти же Зановичи...

— Вотъ порадую матушку императрицу!.. Бывшій ея фаворитъ и мой совмѣстникъ — фальшивый монетчикъ!.. Да полно, онъ ли? Надо это дѣло хорошенько разслѣдовать... Ужъ не Зановичи ли это? Они теплые ребята: не даромъ, говорятъ, въ Венеціи за ихъ жульничество публично, чрезъ палача, повѣшены были ихъ портреты, когда они сами поторопились улизнуть изъ рукъ правосудія... То-то обрадую матушку императрицу... Хорошъ паренёкъ!..

Потемкинъ нетерпѣливо грызъ ногти, что̀ было признакомъ волненія.

— Но какъ же это сдѣлать? Подумаютъ, что я изъ ревности хочу упечь своего совмѣстника... Нѣтъ, надо это осторожно обдѣлать, да по горячимъ слѣдамъ ловить звѣря... Нуженъ обыскъ, а при мнѣ это дѣлать неудобно: за гостепріимство—да обыскъ!.. Надо уѣхать осторожнѣе отсюда—но какъ? Какую причину показать? А уѣдешь безпричинно, подозрѣніе возбудишь, тогда и концы въ воду спрячутъ...

Онъ заходилъ по комнатѣ. Невозможность найдти причину немедленнаго отъѣзда бѣсила его. Наконецъ, онъ рѣшился и позвонилъ. Вошелъ адъютантъ.

— Я сейчасъ долженъ оставить Шкловъ,—сказалъ Потемкинъ, продолжая ходить по комнатѣ:—распорядись насчетъ лошадей.

— Слушаю, ваша свѣтлость,—былъ отвѣтъ.

— Только не на могилевскій трактъ, а на смоленскій,—пояснилъ свѣтлѣйшій.

Адъютантъ выразилъ безмолвное удивленіе.

— Я ѣду на нѣсколько дней къ себѣ, въ Дубровну,—отвѣчалъ князь на безмолвный вопросъ адъютанта:—мнѣ сегодня не здоровится, и я бы былъ плохимъ гостемъ у нашего хлѣбосольнаго хозяина... Пойди — поблагодари его за гостепріимство и извинись за меня.

— Слушаю-съ.

— Да скажи генералу, что какъ только я получу облегченіе отъ болѣзни, я пріѣду къ нему тотчасъ, а ужъ отъ него проѣду въ Крымъ.

Черезъ полчаса шестерка лучшихъ коней Зорича мчала всесильнаго временщика по дорогѣ къ Дубровнѣ, по тракту на Смоленскъ. За нимъ скакалъ губернаторъ и другія власти, не понимая въ чемъ дѣло, но вполнѣ увѣренные, что любимцу императрицы пришла какая нибудь блажь въ голову... Но какая — этого никто не зналъ, хотя каждый трепеталъ за свою шкуру.

II.

Фальшивыя ассигнаціи.

На другой день въ пріемной залѣ потемкинскаго дома въ Дубровнѣ мѣстныя власти ожидали выхода князя. Былъ тутъ и могилевскій губернаторъ Николай Богдановичъ Энгельгардтъ, и предводитель дворянства, и нѣкоторые изъ помѣщиковъ.

Въ это время къ крыльцу подъѣхала почтовая телѣга тройкой, и изъ нея вышелъ знакомый уже намъ еврей, Берко Изаксонъ, весь въ пыли. Торопливо отряхнувъ съ себя пыль, онъ взошелъ на крыльцо мимо стоявшихъ тамъ часовыхъ и смѣло вступилъ въ пріемную. Адъютантъ узналъ его.

— А Берко! и ты къ его свѣтлости?—обратился къ нему губернаторъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— А отчего не ко мнѣ? Вѣдь я твой губернаторъ.

Еврей нѣсколько замялся.

— Извините, ваше превосходительство... Я до самихъ—до свѣтлѣйшаго... У меня государственной важности дѣло... Сами ихъ пресвѣтлость знаютъ...

— А-а!—протянулъ губернаторъ.

— Онъ и вчера былъ у свѣтлѣйшаго,—пояснилъ адъютантъ.—Доложить?—спросилъ онъ еврея.

— Прошу пана... Прошу ваше превосходительство...

Адъютантъ прошелъ въ кабинетъ и чрезъ минуту воротился.

— Его свѣтлость ждетъ,—обратился онъ къ еврею.

Когда Изаксонъ вошелъ въ кабинетъ, то увидѣлъ, что Потемкинъ лежитъ на диванѣ и разсматриваетъ большую карту, растянутую у дивана на полу. То была карта Крыма и Чернаго моря.

Еврей низко поклонился.

— Ну, что, досталъ?—спросилъ Потемкинъ.

— Досталъ, ваша пресвѣтлость.

— А сколько?

— О, много, очень много.

И еврей, вынувъ изъ-за пазухи толстую пачку, обернутую бумагой, досталъ изъ нея свертокъ сторублевыхъ ассигнацій и робко поднесъ ихъ къ князю.

— А! все новенькія...

— Прямо съ завода, ваша пресвѣтлость.

— Хорошо,—положи на столъ.

Еврей исполнилъ приказаніе и остановился въ нерѣшительности.

— А дозволитъ мнѣ свѣтлѣйшій князь еще доложить?—заговорилъ онъ робко, замѣтивъ, что Потемкинъ какъ бы забылъ про деньги и весь сосредоточился на лежащей передъ нимъ на полу картѣ.

— Что?—спросилъ онъ разсѣянно:—по этому же дѣлу?

— По этому, ваша свѣтлость.

— Ну?

— Изволитъ видѣть свѣтлѣйшій князь... Сегодня ночью младшій графъ Зановичъ и учитель Салморанъ куда-то тайно уѣхали...

— Какъ? куда?—удивился князь.

— Должно быть, въ Москву, а то и за границу... Я догадываюсь—не провѣдали ли они чего...

— Можетъ быть, ты былъ неосторожень?

— О, нѣтъ, ваша пресвѣтлость!—я осторожнѣе кошки. А ихъ, кажется, напугалъ отъѣздъ вашей свѣтлости.

— Такъ ты говоришь, что уѣхалъ младшій Зановичъ?

— Такъ точно, ваша пресвѣтлость,—и съ нимъ Салморанъ.

— Этотъ кто-жъ?

— Онъ же въ Шкловѣ учителемъ, ваша пресвѣтлость, и графамъ пріятель.

— А самъ Зоричъ въ Шкловѣ остался?

— Онъ въ Шкловѣ, ваша свѣтлость,—онъ всегда въ Шкловѣ.

— Такъ ты думаешь — они въ Москву поѣхали?

— Наши такъ говорятъ, ваша свѣтлость.

— Хорошо,—сказалъ Потемкинъ, подумавъ немного:—если твой извѣтъ подтвердится, я тебя не забуду, да и всемилостивѣйшей государынѣ о твоемъ усердіи доложено будетъ. А теперь можешь идти и дожидаться особыхъ распоряженій въ Шкловѣ.

— Слушаю, ваша пресвѣтлость.

Когда еврей ушелъ, Потемкинъ велѣлъ позвать къ себѣ губернатора, который приходился ему сродни.

— Какъ же это, любезный Николай Богдановичъ, въ твоей губерніи существуетъ экспедиція государственныхъ бумагъ, а ты доселѣ не донесъ о томъ государынѣ?—спросилъ князь, приподымаясь съ дивана.

Энгельгардтъ смотрѣлъ на него и не зналъ, что̀ отвѣчать.

— Экспедиція, ваша свѣтлость?—какая экспедиція?

— Говорю какая: заготовленія государственныхъ бумагъ.

— Не понимаю, ваша свѣтлость,—простите.

— У тебя въ губерніи дѣлаются ассигнаціи.

Энгельгардтъ растерялся было, но скоро оправился.

— Не можетъ быть, ваша свѣтлость!

— А вонъ — посмотри самъ, — и Потемкинъ указалъ на кипу ассигнацій, что̀ принесъ еврей.

Энгельгардтъ взялъ ихъ въ руки и сталъ разсматривать. Лицо его прояснилось.

— Вы изволите шутить, ваша свѣтлость,—сказалъ онъ весело:— это настоящія банковыя.

— Нѣтъ, не настоящія, государь мой... Есть съ тобой сторублевая?

— Помнится, есть.

— А достань да сравни.

Энгельгардтъ вынулъ бумажникъ и досталъ изъ него сторублевый билетъ.

— Вотъ—такая же точно.

— А покажи какая?—спросилъ Потемкинъ.

Энгельгардтъ подалъ.

— Э! да и у тебя фальшивая,—засмѣялся князь:—ужъ не принадлежишь ли и ты, государь мой, къ числу фабрикантовъ?

Энгельгардтъ совсѣмъ смѣшался.

— Помилуйте, ваша свѣтлость, — я всегда служилъ вѣрой и правдой ея императорскому величеству и за ея интересы готовъ голову сложить,—сказалъ онъ обиженнымъ тономъ.

— Такъ-то такъ, государь мой, а все жъ у тебя ассигнація фальшивая, такая же, какъ и всѣ эти.

— Я не знаю, — оправдывался растерявшійся губернаторъ:— это не фальшивыя.

Потемкинъ досталъ изъ стола еще одну бумажку и подалъ ее губернатору.

— Вотъ настоящая,—сказалъ онъ.

Энгельгардтъ сталъ сличать.

— Какъ хотите, ваша свѣтлость, а я никакой между ними разности не нахожу,—говорилъ онъ, возвращая бумажку.

— А вотъ: на моей напечатано ассигнація, а на твоей ассигиація... Вотъ что, государь мой.

Тутъ только Энгельгардтъ понялъ въ чемъ дѣло—и остолбенѣлъ: страшное открытіе поразило его. Онъ смекнулъ, что фальшивыми билетами наводнена вся губернія, если ужъ и у него, у губернатора, фальшивые въ карманѣ. А тутъ на столѣ цѣлая кипа. Между тѣмъ онъ, хозяинъ губерніи, ничего не знаетъ... Это позоръ. А все этотъ пархатый жидъ: не донесъ ему, а полѣзъ прямо къ свѣтлѣйшему... Это его штуки!

Въ нѣмомъ смущеніи онъ стоялъ и не зналъ, куда дѣвать глаза. Лицо его покрылось багровыми пятнами, которыя затѣмъ замѣнились мертвенной блѣдностью.

— Успокойся,—сказалъ ему Потемкинъ дружески:—еще не все потеряно... Надо только накрыть птицу на гнѣздѣ.

— Да я не знаю, гдѣ гнѣздо, ваша свѣтлость!—смущенно проговорилъ Энгельгардтъ.

— А я знаю—въ Шкловѣ, и гнѣздо очень высоко свито,—замѣтилъ Потемкинъ.

— Ужели въ замкѣ!

— Можетъ, въ замкѣ, можетъ, около замка, только птицы эти и въ замокъ летаютъ...

— И Зоричъ знаетъ объ этомъ гнѣздѣ?

— Знаетъ не знаетъ, а яйца изъ гнѣзда таскаетъ.

Энгельгардтъ чуть не вскрикнулъ.

— Такъ вотъ откуда у нихъ милліоны!

Потемкинъ остановилъ его.

— Вотъ что, государь мой, надо тотчасъ же разставлять силокъ и ловить птицу на гнѣздѣ, говорилъ онъ медленно: — лишь только я проѣду Могилевъ, то ту же минуту поручи уголовной палаты предсѣдателю... Кто у васъ предсѣдатель?

— Малѣевъ, ваша свѣтлость.

— Надежный человѣкъ?

— Вполнѣ надежный.

— А уменъ?—расторопенъ?—это главное.

— Человѣкъ умный... Но отчего бы не мнѣ самому?

— А оттого, государь мой, чтобъ не подумали, что въ изысканіи вины Зорича и его друзей-плутовъ я велѣлъ якобы слѣдовать Энгельгардту моему родственнику, по моей якобы къ Зоричу непріязни.

— Понимаю... Такъ оно дѣйствительно лучше будетъ.

— Всеконечно. Только ты хорошенько внуши этому Малѣеву,

чтобъ онъ въ своемъ слѣдствіи не смотрѣлъ на лица—ни на чины, ни на титулы.

— Понимаю... А ежели, паче чаянія, до самого Зорича что касаться будетъ?

— Не щади и Зорича, если окажется въ подозрѣніи.

— Слушаю.

— Да отряди съ нимъ приличную команду, чтобъ оцѣпить замокъ... Ты карловъ Зоричевыхъ видывалъ?

— Какъ же:—кто ихъ не знаетъ?

— Они мѣняли ассигнаціи, черезъ нихъ дѣйствовала экспедиція, а еще показываютъ на камердинера Зановичева. Знаешь его?

— Знаю и его,—отвѣчалъ Энгельгардтъ: — черненькій, изъ итальянцевъ, съ нимъ и изъ-за границы пріѣхалъ.

— Да вотъ еще что: сегодня ночью младшій Зановичъ и какой-то тамъ учитель...

— Салморанъ?

— Да, онъ... И его знаешь?

— Знаю—ловко въ банкъ играетъ, правая рука Зорича въ сей игрѣ.

— Такъ видишь ли, государь мой, этотъ Санморталь—что ли...

— Салморанъ...

— Ну, ладно... Салморанъ и младшій Зановичъ ночью ускакали по московской дорогѣ...

— Ахъ, плуты!

— То-то, я догадываюсь—не пронюхали ли они.

— Возможно, очень возможно... Не заподозрѣли ли они чего въ вашемъ внезапномъ изъ Шклова отъѣздѣ?

— Признаюсь, и меня это безпокоитъ... Можетъ, они всѣ слѣды увезли съ собой.

— Такъ ихъ, ваша свѣтлость, можно еще настигнуть въ дорогѣ.

— И я такъ думаю... Такъ вотъ что, государь мой: пошли тотчасъ же курьера въ Москву къ главнокомандующему и проси задержать ихъ.

— Слушаю... Только я двухъ пошлю: одного—чтобъ упредилъ ихъ и донесъ главнокомандующему, а другаго—для надзиранія за бѣглецами.

— Ладно... Ступай же... А то они, плуты, можетъ, и инструменты для дѣланія ассигнацій захватили съ собой, а здѣсь пустое гнѣздо покинули, хоть и тепленькое, да ни пташекъ, ни яичекъ въ немъ уже нѣтъ.

— Возможно... Такъ ужъ я постараюсь... Моя оплошность — я и поправить ее долженъ, чтобъ заслужить помилованіе всемилостивѣйшей государыни.

И Энгельгардтъ, раскланявшись, торопливо вышелъ.

III.

Зоричъ въ Шкловѣ.

Зоричъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, былъ одною изъ тѣхъ падучихъ звѣздъ, какія въ царствованіе Екатерины II часто появлялись на придворномъ горизонтѣ и, пронесшись яркимъ метеоромъ, исчезали за горизонтомъ безслѣдно, оставляя лишь слѣды въ государственномъ казначействѣ да въ инвентарѣ государственныхъ имуществъ.

Симеонъ Гавриловичъ Зоричъ былъ родомъ сербъ, слѣдовательно «братъ славянинъ», поступившій въ русскую службу изъ ненависти къ туркамъ. Турки его и вывели въ люди: онъ отличился въ первую турецкую войну, представленъ былъ ко двору — и здѣсь нашелъ свое счастье... Статный, живой, съ смуглымъ лицомъ, съ жгучими южными глазами, онъ былъ замѣченъ... И вотъ онъ — флигель-адъютантъ императрицы съ 8-го іюня 1777 года... Яркая звѣзда показалась; но и это была падучая звѣзда, какъ и всѣ предыдущія... Симеонъ былъ глуповатъ, а Потемкинъ хитеръ — и падучая звѣзда серба скоро скатилась съ горизонта... Ему пожаловали, при увольненіи, мѣстечко на Днѣпрѣ, Шкловъ, съ тринадцатью тысячами душъ...

И зажилъ сербъ въ своемъ Шкловѣ поцарски: тринадцать тысячъ душъ родимичей и кривичей кормятъ его единственную сербскую душу—есть на что пожить! Но сербской душѣ скучно быть одной. И вотъ на зовъ его, словно бабочки на огонь, полетѣли съ разныхъ концовъ Россіи и Европы искатели приключеній, рыцари наживы и всякая темная сила.

Прежде всѣхъ пожаловалъ къ нему братецъ его по матери, такой же черномазый сербъ, по фамиліи Неранчичъ. Прежде шлялся онъ по Европѣ, прожигалъ свою молодость въ Парижѣ, сорилъ деньгами и хвастался тѣмъ, что его братецъ обрѣтается у русской императрицы «въ случаѣ». Понятно, что черезъ «случай» братца къ нему льнули такія свѣтила, какъ Даламберъ и Мармонтель, въ чаяніи щедрыхъ подачекъ отъ «Семирамиды Сѣвера», которая своими подарками да лестью впрягла въ свою тріумфальную колесницу такихъ даже брыкливыхъ коней, какъ Вольтеръ и Дидро. И вотъ, протеревъ глаза своимъ денежкамъ, Неранчичъ является къ братцу въ Шкловъ. Съ нимъ являются и еще два братца, тоже «братья славяне», далматинскіе графы, Марко и Аннибалъ Зановичи. Эти молодцы также прожигали свою молодость и сорили славянскими деньгами во всѣхъ столицахъ и въ игорныхъ домахъ Европы; а когда разсорили все, то стали шулерничать и бродить отъ одного казино къ другому и добродились,

наконецъ, до того, что въ Венеціи ихъ накрыли на мошенничествѣ, и притомъ очень крупномъ, но они успѣли улизнуть изъ тюрьмы, а вмѣсто нихъ венеціанская прокуратура велѣла палачу публично, на площади Марка, повѣсить ихъ портреты, подобно тому, какъ царь Петръ Алексѣевичъ приказалъ повѣсить портретъ гетмана Ивана Степановича Мазепы, да еще съ андреевской лентой черезъ плечо. Младшій Зановичъ былъ іезуитомъ раньше, оттого и вышелъ изъ него геніальный мазурикъ. Они знали множество языковъ, много читали, отлично танцовали и еще лучше владѣли шпагами и родными ятаганами. Мало того. И они, подобно Неранчичу, были въ дружбѣ съ Вольтеромъ и Даламберомъ и переписывались съ этими міровыми свѣтилами ума человѣческаго. Они были въ дружбѣ и съ такимъ же какъ они пройдохой и землепроходомъ — съ знаменитымъ Казановой, и попали въ его «Записки». Бѣжавъ изъ Венеціи, милые братцы на время разстались. Марко скоро появился въ Потсдамѣ, называясь Стефаномъ, господаремъ албанскимъ, а Аннибалъ, подъ именемъ Предислава, началъ продолжать свои подвиги во Флоренціи. Въ Потсдамѣ Марко оплелъ своимъ титуломъ и своимъ мнимымъ богатствомъ принца прусскаго и его супругу, которымъ онъ наговорилъ, что у него триста тысячъ червонцевъ годоваго дохода и что въ его распоряженіи находится постоянная тридцатитысячная армія. Впрочемъ, слава его прежнихъ подвиговъ проникла въ газеты, и мнимаго албанскаго господаря не только изгнали изъ Потсдама, но выпроводили и изъ Берлина. Но Марко не унывалъ даже и тогда, когда прусскій король, провѣдавъ о его продѣлкахъ почти при всѣхъ европейскихъ дворахъ, велѣлъ задержать опаснаго бродягу. Марко успѣлъ скрыться въ Голландіи. Тамъ онъ предъявилъ рекомендательное письмо венеціанскаго посланника въ Неаполѣ—и передъ нимъ открылись и салоны аристократіи, и конторы банкировъ. Послѣднія особенно были для него заманчивы. Выманивъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, у довѣрчивыхъ банкировъ болѣе 300,000 гульденовъ, онъ исчезъ съ этими деньгами, подобно сновидѣнію. Банкиры спохватились, да поздно: лови вѣтеръ въ полѣ, щуку въ морѣ. Банкиры предъявили свои претензіи къ рекомендовавшему его венеціанскому посланнику, но тотъ имъ отвѣчалъ, что рекомендательныя письма — не кредитивы, и онъ не намѣренъ платить за рекомендованнаго имъ, оказавшагося мазурикомъ. За банкировъ вступилось голландское правительство: оно предъявило искъ къ венеціанскому правительству. Венеція отвѣчала, что она платить не намѣрена за того, кого она — in effigie — публично повѣсила. Голландія усматриваетъ въ этомъ отвѣтѣ обиду и объявляетъ войну Венеціи! И только посредничество австрійскаго императора Іосифа II помирило противниковъ. А виновникъ всей этой бури—Марко, точно въ воду канулъ...

Нѣтъ, не канулъ въ воду: онъ очутился въ Шкловѣ!

Бѣжавъ изъ Голландіи съ банкирскими гульденами, онъ, разумѣется, пробрался туда, гдѣ всего легче живется всякой темной силѣ—въ Парижъ... Тамъ судьба столкнула его съ такимъ же молодцомъ—съ Нерайчичемъ, и они махнули въ Шкловъ. Въ Шкловѣ же очутился и младшій Зановичъ, постыдно изгнанный изъ Флоренціи.

Вотъ кто были друзья и собутыльники Зорича.

Но этого мало. У Зорича проживала еще одна темная личность: родной племянникъ турецкаго султана!

Въ тотъ вѣкъ, въ эпоху всевозможныхъ самозванствъ, когда на всероссійскій престолъ претендовали и крестьянинъ Богомоловъ, и каторжникъ Ханинъ, и какой-то «братъ славянинъ» Степанъ Малый, когда Пугачевъ отнялъ у Екатерины почти половину царства, а разныя невѣдомыя дѣвки, въ родѣ княженъ Таракановыхъ и принцессъ Владимірскихъ, лѣзли въ сестрицы къ Пугачеву, когда кавалеры, въ родѣ Д'Эона, оказывались дѣвками, а дѣвки кавалерами, въ это время трудно было разобраться—кто самозванецъ и кто не самозванецъ.

Такой таинственный бродяга гостилъ и у Зорича, въ Шкловѣ, подъ именемъ князя Изанъ-бея, племянника падишаха.

Зоричъ познакомился съ нимъ еще въ Турціи, когда находился тамъ въ плѣну. Вся жизнь этого Изанъ-бея представлялась какою-то таинственною интригою. Говорили, что онъ—второй сынъ сестры царствовавшаго тогда султана. Онъ будто бы воспитанъ былъ тайно, подъ чужимъ именемъ, ибо по турецкимъ якобы законамъ сестра султана можетъ имѣть въ живыхъ только одного сына, а втораго, третьяго и всѣхъ послѣдующихъ должна душить какъ щенятъ. Но мать Изанъ-бея будто бы не задушила его, а скрыла. Когда же стали догадываться о его происхожденіи, то мать, боясь, чтобы ея тайна не дошла до султана, тихонько отправила его въ чужіе края, гдѣ онъ и прожилъ нѣсколько лѣтъ. Но скоро деньги, которыя онъ вывезъ изъ Турціи были прожиты, а новыхъ не присылали; тогда онъ вспомнилъ о Зоричѣ и явился къ нему въ Шкловъ.

Современникъ Зорича, Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ, сынъ упомянутаго выше губернатора Энгельгардта, въ своихъ «Запискахъ» оставилъ намъ интересныя замѣтки о самомъ Зоричѣ, о его характерѣ и жизни въ Шкловѣ.

Когда Зоричъ,—какъ выражается Энгельгардтъ,—«выбылъ изъ случая», то ему пожалованъ былъ Шкловъ съ тринадцатью тысячами душъ. «Первое употребленіе монаршей милости было то, что онъ завелъ въ Шкловѣ училище, выписалъ хорошихъ учителей: въ ономъ и я учился одинъ годъ. Впослѣдствіи сіе училище названо кадетскимъ корпусомъ, и въ немъ было до трехъ сотъ кадетовъ». Корпусу этому императрица дала привиллегію: кончившіе въ немъ кадеты поступали въ армію офицерами.

Когда, въ 1780 году, Екатерина предприняла путешествіе въ новопріобрѣтенный отъ Польши Бѣлорусскій край, она заѣзжала къ Зоричу въ Шкловъ, гдѣ и ночевала. Бывшій фаворитъ на славу угощалъ свою коронованную гостью. Но еще торжественнѣе былъ пріемъ государыни, когда она на возвратномъ пути посѣтила своего бывшаго фаворита вмѣстѣ съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II. «Зоричъ, — говоритъ Энгельгардтъ, — къ пріѣзду ея построилъ преогромный домъ, богато убранный, выписалъ изъ Саксоніи фарфоровый сервизъ, стоившій болѣе шестидесяти тысячъ рублей. Благородные представили пантомиму на театрѣ, бывшемъ въ томъ же домѣ, съ чрезвычайными декораціями, которыхъ было до семидесяти. Сочинилъ оную, а также и музыку, костюмы и декораціи баронъ Ванжура, отставной ротмистръ австрійской службы. Императоръ его тотчасъ узналъ и объявилъ ему сожалѣніе, что онъ оставилъ его службу. Послѣ ужина былъ сожженъ фейерверкъ дѣланный нѣсколько мѣсяцевъ артиллеріи генералъ-маіоромъ Петромъ Ивановичемъ Мелиссино: павильонъ изъ 50,000 ракетъ былъ достоинъ своего мастера и стоилъ чрезвычайно дорого».

«Ни одного не было барина въ Россіи,—говоритъ Энгельгардтъ въ другомъ мѣстѣ,—который бы такъ жилъ какъ Зоричъ. Шкловъ былъ наполненъ живущими людьми всякаго рода, званія и націй: многіе были родственники и прежніе сослуживцы Зорича, когда онъ служилъ маіоромъ въ гусарскомъ полку, и жили на его совершенномъ иждивеніи; затѣмъ отставные штабъ и оберъ-офицеры не имѣющіе пріюта, игроки, авантюристы всякаго рода, иностранцы— французы, итальянцы, нѣмцы, сербы, греки, молдаване, турки, словомъ всякій сбродъ и побродяги. Всѣхъ онъ ласково принималъ, столъ былъ для всѣхъ открытъ. Единственно для веселья съѣзжалось даже изъ Петербурга, Москвы и разныхъ губерній лучшее дворянство къ 1-му сентября, дню его именинъ, на ярмарки два раза въ годъ, и тогда праздновали недѣли по двѣ и болѣе. Въ одинъ разъ было три рода благородныхъ спектакля; между прочимъ, французскія оперы играли княгиня К. А. Долгорукая, генералъ-поручица графиня Мелина и прочія соотвѣтствующія симъ двумъ особамъ дамы и кавалеры; порусски трагедіи и комедіи — князь П. В. Мещерскій съ женою и прочіе; балетъ танцовалъ Д. И. Хорватъ съ кадетами и другими; польская труппа была у него собственная. Тутъ бывали балы, маскарады, карусели, фейерверки; иногда его кадеты дѣлали военныя эволюціи, предпринимали катанія въ шлюпкахъ на водѣ. Словомъ, нѣтъ забавъ, которыми бы къ себѣ хозяинъ не приманивалъ гостей, и много отъ него наживались игрою»...

Вотъ какъ бывшему фавориту жилось въ Шкловѣ насчетъ дреговичей, сѣверянъ и кривичей!

Понятно, что въ Шкловъ валила всякая темная сила — само-

званцы, бѣглецы, рыцари темной наживы, все промотавшееся, тунеядствующее, паразитное.

Такая репутація Шклова слишкомъ хорошо была извѣстна при дворѣ, и въ кабинетѣ императрицы, когда докладывалъ генералъ-прокуроръ Вяземскій по уголовнымъ и секретнымъ дѣламъ, часто можно было слышать такой разговоръ между Вяземскимъ и Екатериной.

— Ну, что, Александръ Алексѣевичъ, нашелъ сорванца, чтò казначейство обокралъ?

— Нѣту, матушка государыня, доселѣ не сыскали.

— Плохо ищете.

— Помилуй, матушка, всѣ мышиныя, кажись, норки перерыли.

— И въ Москвѣ искали?

— Искали, государыня,—какъ въ воду канулъ: ужъ думаю, не за границу ли бѣжалъ.

— Гдѣ за границу! А ты вели Шешковскому поискать его въ Шкловѣ.

— И то правда, матушка, — велю.

И сорванца дѣйствительно находили въ Шкловѣ...

IV.

Накрыли.

Темная, душная лѣтняя ночь. Шкловъ давно спитъ. Спятъ даже темныя деревья въ тѣнистомъ паркѣ шкловскаго зоричевскаго замка, раскинувшемся по крутому берегу Днѣпра. Не слышно ни лая собакъ, ни пѣнія пѣтуховъ. Слышно только тихое журчанье фонтана, чтò выбрасываетъ воду изъ открытой пасти тритона въ мраморный водоемъ, изъ котораго струи, переливаясь черезъ края, съ тихимъ шопотомъ скатываются въ канавки парка, да гдѣ-то за паркомъ, надъ обрывомъ, спускающимся къ рѣкѣ, выкрикиваетъ иногда ночная птица. И Шкловъ, и замокъ съ его флигелями и башнями погружены въ сонъ. Нигдѣ не видно огонька, только на террасѣ замка, выходящей въ паркъ и обвитой гирляндами дикаго винограда, мерцаетъ свѣтъ, бросая яркіе блики на темную зелень винограда, на бѣлую голову мраморнаго тритона и на опустившіяся, тяжелыя вѣтви липы, осѣняющей фонтанъ; но свѣтъ этотъ еще болѣе усиливаетъ мракъ, господствующій вокругъ террасы.

На террасѣ слышны голоса.

— А помнишь, князь, — говоритъ мягкій, пріятный баритонъ:— такую же вотъ ночь въ Скутари?

— Какую ночь?—спрашиваетъ гортанный голосъ: — я много но-

чей помню — и въ Скутари, и въ Стамбулѣ... Аллахъ не далъ мнѣ забвенья...

— Ну, полно, ты опять толковать... Подожди, еще поживешь въ своей Туретчинѣ... Нѣтъ, я говорю — помнишь, когда вотъ въ такую же темную ночь мы съ тобой изъ Стамбула тихонько перебрались въ твоемъ каикѣ въ Скутари и тамъ подъ балкономъ караулили гречаночку?

— А! Зою, — помню... Давно это было... Не воротится...

— Да, хорошо тогда было, хоть я и въ плѣну у васъ обрѣтался.

— А чѣмъ теперь худо? — спросилъ третій голосъ.

— Все не то...

— Да, правда, — это Шкловъ, а не Венеція, когда бывало въ гондолѣ, подъ «мостомъ Вздоховъ» вздыхаешь по итальяночкѣ...

— Ну, что въ ней хорошаго, въ этой Венеціи! — вода да вода...

Голоса смолкли. Опять слышался только шопотъ фонтана да монотонные, тоскливые выкрики ночной птицы.

— А что-то нашъ графъ рано завалился спать, — опять слышится мягкій баритонъ.

— Голова, говоритъ, разболѣлась.

— То-то! — некому и банчишко метать.

— Какъ некому? А Неранчичъ на что? Онъ и въ Парижѣ считался лучшимъ банкометомъ. Эй, Неранчичъ, ты спишь?

— Нѣтъ.

— Али вспоминаешь свою дѣвойку Мару црнокосу?

Собесѣдующіе разсмѣялись. Но если бъ они пристально вглядѣлись въ одну густую гирлянду винограда, опутавшаго перилы террасы, то увидѣли бы, какъ изъ-за темной зелени смотрятъ на нихъ сквозь золотую оправу очковъ два чорныхъ глаза.

Глазамъ этимъ представляется такая картина. Посреди террасы большой круглый столъ покрытъ дорогимъ персидскимъ ковромъ съ шелковой бахромой и кистями. На столѣ въ безпорядкѣ разметаны карты, кучки золотыхъ монетъ и пачки ассигнацій. Тутъ же на серебряномъ подносѣ нѣсколько бутылокъ и недопитые стаканы съ виномъ. Вокругъ стола сидятъ четверо мужчинъ. Старшій изъ нихъ, плотный, широкоплечій, съ чорными курчавыми волосами, закинутыми на широкій затылокъ и оканчивающимися небольшою косой, въ темномъ съ широкими рукавами и золотыми пуговицами камзолѣ, обшитомъ кружевами, съ манжетами — былъ очень красивъ собою, хотя и въ чорныхъ блестящихъ глазахъ, и въ толстыхъ губахъ проглядывала чувственность здороваго южнаго организма. Широкія ноздри его, раздувавшіяся словно у норовистой лошади, изобличали, что могучія легкія его работали исправно, какъ кузнечные мѣха. Добрая улыбка толстыхъ губъ смягчала нѣкоторую животность, вѣрнѣе, плотоядность, этого красиваго лица, извѣстнаго тогда всей Россіи.

Это былъ Зоричъ, случайный баловень судьбы. Положивъ одну руку, украшенную алмазными перстнями, на столъ, другою онъ придерживалъ длинный чубукъ, съ огромнымъ янтарнымъ мундштукомъ, и лѣниво пускалъ въ воздухъ мелкія колечки бѣлаго дыму.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ блѣдный, съ бронзированнымъ лицомъ, молодой человѣкъ, въ темномалиновой турецкой фескѣ и въ албанской зеленой, шитой золотомъ курткѣ. Худое лицо его выражало какую-то внутреннюю усталость, которая какъ будто теплилась въ его чорныхъ, задумчивыхъ глазахъ. Около него, на особомъ столикѣ, курился кальянъ, но молодой человѣкъ какъ бы забылъ о немъ, грустнымъ взглядомъ и мыслью потонувъ не то во мракѣ разстилавшагося передъ нимъ парка, не то въ своемъ прошломъ, которое было такъ загадочно. Зоричъ, говоря съ нимъ, называлъ его княземъ.

Это и былъ таинственный князь Иванъ-бей, сынъ сестры турецкаго султана. Онъ жилъ у Зорича уже нѣсколько лѣтъ и хорошо выучился говорить порусски.

По другую сторону Зорича, облокотясь обѣими руками на столъ и запустивъ пальцы въ чорные вьющіеся на вискахъ волосы, сидѣлъ среднихъ лѣтъ мужчина въ голубой шолковой блузѣ, съ алмазными на груди застежками, перетянутой черкесскимъ, съ серебромъ подъ чернетью, поясомъ, за которымъ торчалъ въ такой же оправѣ кинжалъ. Лицомъ онъ напоминалъ Зорича, но только цвѣтъ кожи у него былъ смуглѣе, а глаза — сѣрые, съ большими какъ у негра бѣлками. Онъ былъ и худѣе Зорича, которому приходился роднымъ братомъ по матери. Звали его Неранчичемъ.

Глаза, тайно наблюдавшіе изъ-за зелени винограда за тѣмъ, что̀ происходило на террасѣ, пытливо остановились теперь на четвертомъ лицѣ, присутствовавшемъ на террасѣ. Тотъ, кому принадлежали эти подсматривавшіе изъ-за зелени глаза, зналъ въ лицо и Зорича, и его брата, и Иванъ-бея; но четвертаго, сидѣвшаго съ ними, онъ ниразу не видалъ. Это былъ молодой человѣкъ, повидимому, высокій и стройный, съ свѣтлыми прямыми волосами и бѣлымъ, нѣжнымъ какъ у дѣвушки лицомъ; съ свѣтло голубыми глазами, которые смотрѣли насмѣшливо и дерзко. На груди у него блестѣлъ какой-то орденъ, только не русскій. Въ говорѣ его слышалось, и даже очень, иностранное произношеніе. Онъ сидѣлъ и машинально тасовалъ въ рукахъ нѣсколько картъ.

У внутреннихъ дверей террасы, которыя вели въ домъ, у каждаго косяка стояло по маленькому карлику, которые одѣты были, повидимому, арабчатами и, стоя у притолокъ, дремали.

Въ ночномъ воздухѣ было такъ тихо, что горѣвшія на столѣ въ большомъ канделябрѣ восковыя свѣчи даже не оплывали.

— Чтожъ! — метать, такъ метать, — сказалъ Неранчичъ, ероша

волосы: — ей, Черноморъ, подай новую колоду картъ! — крикнулъ онъ на дремавшихъ карликовъ.

Карлы встрепенулись, и одинъ изъ нихъ, доставъ изъ кармана куртки нераспечатанную колоду картъ, подалъ ее Неранчичу.

Въ этотъ моментъ глаза, таинственно наблюдавшіе изъ-за зелени винограда за тѣмъ, что̀ дѣлалось на террасѣ, скрылись, и вдоль стѣны замка тихо проскользнула темная фигура и вскорѣ появилась на замковомъ дворѣ. Тамъ, въ темнотѣ, безмолвно стояли и двигались человѣческія фигуры. Одна изъ нихъ тотчасъ подошла къ тому, кто сейчасъ наблюдалъ за происходившимъ на террасѣ и теперь вышелъ изъ парка на дворъ.

— Ну, что видѣли? — спросили шопотомъ.

— Видѣлъ: сидятъ на балконѣ и мечутъ банкъ, — отвѣчали шопотомъ же.

— А кто?

— Самъ Зоричъ, его братъ и этотъ турецкій князекъ, а четвертаго — кто онъ — не знаю, только сдается мнѣ — не русскій.

— А Зановича развѣ нѣтъ тамъ?

— Нѣтъ... Изъ разговора ихъ я узналъ, что онъ раньше ушелъ спать — на голову будто жаловался.

— Такъ значитъ правда: и караульный говоритъ то же...

— Какой караульный?

— Да когда фельдфебель разводилъ часовыхъ, такъ они взяли у крыльца караульнаго — заснулъ — его накрыли... Такъ и онъ сказывалъ, что Зановичъ къ себѣ ушелъ.

— А онъ гдѣ живетъ?

— Вонъ въ томъ флигелѣ, гдѣ тополи темнѣются.

— А часовыхъ вездѣ разставили?

— Вездѣ — скрозь по драгуну.

— И въ паркѣ?

— И тамъ: — и за балкономъ смотрятъ... А гдѣ-жъ карлы?

— Карлы тамъ же — служатъ тамъ.

— Значитъ всѣ въ сборѣ, потому подозрительный камердинчикъ, изъ итальянцевъ, — тотъ пошелъ спать съ Зановичемъ — караульный говоритъ.

— Ну, такъ къ дѣлу: главное, этого надо накрыть.

— Да, да, — и камердинчика также, а карлы не уйдутъ.

— Потайной фонарь съ вами?

— Со мной.

— Идемъ-те же... Только захватите парочку драгунъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ четыре темныя фигуры приблизились къ флигелю, гдѣ жилъ Зановичъ. Онѣ тихо взошли на крыльцо. Дверь оказалась незапертою, и таинственные посѣтители безъ шуму пробрались въ домъ.

— Освѣтите, а то мы можемъ на что нибудь наткнуться,—сказали шопотомъ.

Комната мгновенно освѣтилась. Освѣтились и дѣйствующія лица, таинственные посѣтители графа Зановича. Одинъ изъ нихъ былъ тотъ, въ золотыхъ очкахъ, что̀ изъ-за зелени наблюдалъ за тѣмъ, что дѣлалось въ паркѣ на террасѣ. Это былъ средняго роста пожилой мужчина, плотный, на тоненькихъ и жидкихъ ножкахъ, которыя не шли къ его плотному корпусу, и въ большомъ рыжемъ парикѣ, который не шелъ къ его красному, гладко выбритому и лоснящемуся лицу. Другой былъ жиденькій, поджарый старичокъ, въ сѣдомъ парикѣ и съ сѣденькой, въ родѣ крысинаго хвоста, косичкой. Подъ мышкой у него былъ потертый портфейль. Сѣренькіе, моргающіе глазки его смотрѣли пытливо и лукаво. За ними, тараща сонные глаза, стояли два драгуна, одинъ съ рыжими бровями, другой съ черными.

Таинственные посѣтители, пытливо оглядывая комнату съ барскою обстановкою и дорогими коврами, устилавшими полъ, съ тою же осторожностью двинулись дальше. Прошли вторую комнату, третью. Вмѣсто дверей были тяжелыя портьеры — малиновыя, зеленыя. Наконецъ, они остановились передъ запертою дверью и стали прислушиваться. За дверью слышался тихій, ровный храпъ спящаго человѣка.

— Это онъ — тутъ, — шепнули золотыя очки.

— Должно полагать, — шопотомъ же отвѣчалъ старичокъ.

Золотыя очки взялись за ручку двери. Заперто изнутри. Постучали — еще и еще. Храпъ за дверью прекратился. Еще постучали.

— Кто тамъ? — послышался за дверью сонный мужской голосъ.

— Отоприте, графъ, — отвѣчали золотыя очки.

— Я спрашиваю: кто тамъ? какой чортъ? — сердито переспросили за дверью.

— По указу ея императорскаго величества — отоприте! — торжественно выкрикнули золотыя очки.

— Скажи — кто и зачѣмъ? — повторили за дверью.

— Могилевской уголовной палаты предсѣдатель Малѣевъ и стряпчій Небосклоновъ, — былъ отвѣтъ.

— По какому праву?

— По высочайшему указу... Отпирайте немедленно, графъ! — не чините противности указу ея императорскаго величества и не думайте скрываться: вашъ домъ и весь замокъ оцѣпленъ стражею... Отоприте!

— Да дайте же мнѣ и моему слугѣ одѣться, — отвѣчали изнутри.

Дѣйствительно, немного погодя, щелкнулъ замокъ у двери и дверь отворилась. Слѣдователи вошли въ спальную графа. Это

была просторная, хорошо меблированная комната, съ пунцовыми занавѣсками на окнахъ, съ каминомъ и стоящими на немъ массивными бронзовыми часами въ видѣ рыцаря въ шлемѣ и латахъ. Одинъ простѣнокъ занимало большое венеціанское зеркало, въ которомъ во весь ростъ отражались вытянутыя фигуры застывшихъ отъ удивленія драгуновъ. По отраженію въ зеркалѣ имъ казалось, что въ комнату набралось человѣкъ двадцать.

Но что особенно бросалось въ глаза въ спальной графа, это богатая двухспальная кровать, стоявшая изголовьемъ къ стѣнѣ, съ блѣднорозовымъ кисейнымъ пологомъ, закинутымъ на позолоченный балдахинъ. По обѣ стороны кровати, у изголовья, стояло по темному, отороченному бронзою, шкафику, а на коврѣ, у кровати, съ одной стороны брошены были голубыя мужскія туфли, а съ другой—повидимому, женскія крошечныя, розовыя. Но еще болѣе останавливала на себя вниманіе самая постель: по формѣ вдавленности широкаго матраца, а равно по измятости подушекъ, положенныхъ рядомъ въ изголовьѣ, можно было видѣть, что на постели этой спали рядомъ два человѣка...

Стряпчему Небосклонову это первому бросилось въ глаза. Онъ такъ и впился въ постель своими рысьими глазками... Неужели слуга спалъ вмѣстѣ съ графомъ?..

Онъ разомъ обѣжалъ всю комнату моргающими глазками. Графъ, красивый, южнаго типа мужчина, въ малиновомъ шлафрокѣ, стоялъ у камина, гордо поднявъ голову и играя кистями чернаго шелковаго пояса. За кроватью же, у стѣны, стоялъ блѣдный какъ полотно, миловидный юноша, съ чорными роскошными кудрями, въ костюмѣ турка, албанца или грека, въ красивой фустанелѣ.

— Извините, графъ, что въ такое время...—началъ было Малѣевъ.

— Что вамъ угодно?—вызывающе перебилъ его графъ.

— Вотъ указъ... До свѣдѣнія его свѣтлости, князя Григорія Александровича Потемкина доведено...

— О чемъ же указъ, государь мой?—снова перебилъ его графъ.

— Объ учиненіи обыска.

— Въ чемъ меня подозрѣваютъ?

— Въ выпускѣ фальшивыхъ сторублеваго достоинства ассигнацій.

— А!—презрительно замѣтилъ Зановичъ:—его свѣтлость опоздалъ... не ту ноту взялъ—это не его дѣло... Я давно уже послалъ брата въ Петербургъ—заявить высшему правительству, что за границей жиды въ огромныхъ размѣрахъ занимаются выдѣлкою...

— Поддѣлкою,—поправилъ его Малѣевъ.

— Да, поддѣлкою россійскихъ ассигнацій и распространеніемъ оныхъ, и братъ мой, въ намѣреніи обнаружить сіе злоупотребленіе въ глазахъ россійскаго правительства, пріобрѣлъ таковыхъ ассигнацій болѣе семисотъ тысячъ и нынѣ повезъ оныя въ Петербургъ,

дабы явить верховной власти и тѣмъ избавить отъ ущерба казенный интересъ... Вотъ все, что я счелъ за нужное сказать вамъ.

— Такъ-съ... А этотъ малый кто же будетъ?—спросилъ Малѣевъ, глянувъ на хорошенькаго юношу, трепетно стоявшаго за кроватью.

— Это Антоніо, мой камердинеръ... Я его ребенкомъ привезъ изъ Италіи и очень привыкъ къ нему какъ къ родному,—отвѣчалъ графъ, не глядя на юношу.

— Такъ-съ, хорошо-съ... Только ужъ извините, ваше сіятельство,—затрудняясь въ словахъ, заговорилъ Малѣевъ:—я не сомнѣваюсь въ правдивости изложеннаго вами... но, по силѣ указа, исполняя святость долга и присяги, я обязуюсь литерально исполнить высочайшій указъ.

— То есть, какъ же, государь мой, литерально?

— Насчетъ, то есть обыска.

— Кого?—меня?

— Такъ точно, — и вашего сіятельства, и слуги вашего, и занимаемаго вами помѣщенія... Хотя мнѣ и тяжко, по питаемому мною къ его превосходительству, Симеону Гавриловичу Зоричу, и къ вашему сіятельству глубочайшему уваженію, чинить обыскъ въ жилищѣ Симеона Гавриловича, тѣмъ паче, что обиталище сіе, такъ сказать, освящено временнымъ милостивымъ пребываніемъ здѣсь священной особы ея императорскаго величества, однако, свято исполняя...

— Что-жъ, господинъ!—нетерпѣливо перебилъ графъ:—ищите, домъ въ вашемъ распоряженіи.

— Такъ-съ, извините... государь мой... долгъ, служба... Эй, драгуны!

— Что прикажете, ваше благородіе?

— Обыщите вонъ того малаго.

— Слушаемъ-ста.

Драгуны двинулись съ своихъ мѣстъ, гремя палашами. Юноша съ крикомъ забился въ уголъ.

— Зачѣмъ же его?—вступился было графъ.

— Какъ же-съ... по указу.

Драгуны между тѣмъ ощупывали карманы юноши, который заливался слезами...

— Пустите! пустите меня! у меня ничего нѣтъ! О, Езусъ, Марія!.. О-ой!

— Ваше благородіе! да это дѣвка,—заявилъ рыжебровый.

— Что ты! пьянъ что-ли!—осадилъ его Малѣевъ.

— Пьянъ! Али я бабьяго тѣла не отличу? У меня чай руки,—обидѣлся рыжебровый.

— Что ты врешь спьяна!

— Спьяна! Да у меня маковой росинки во рту не было... съ

самаго Могилева не ѣмши, не пимшіи... ни синь пороху... а то спьяна!... Вотъ сами пощупайте... чай руки тоже...

— Ой-ой! Езусъ, Марія!

Хорошенькій Антоніо дѣйствительно оказался дѣвушкой. Закрывъ лицо руками, она горько плакала.

V.

Теплые ребята.

Между тѣмъ весь замокъ поднялся на ноги. На дворѣ слышались разные голоса, оклики, мелькали огни. Конюхи, повара, лакеи—все высыпало на дворъ и галдѣло; никто ничего не понималъ. Собаки, до этого момента покойно спавшія, отчаянно лаяли, такъ что всполошили собакъ во всемъ Шкловѣ.

Малѣевъ, оставивъ стряпчаго и драгунъ около графа и плачущей дѣвушки, поспѣшилъ на шумъ. Люди, кричавшіе на дворѣ и размахивавшіе кто фонаремъ, кто вилами, увидѣвъ незнакомаго господина въ казенной формѣ, при шпагѣ и въ треугольной шляпѣ съ перьями, съ удивленіемъ и страхомъ давали ему дорогу, догадываясь, что у ихъ барина или у его гостей что-то не ладно.

На крыльцѣ главнаго дома, освѣщенный горящими факелами, которые держали карлики, стоялъ Зоричъ и громко кричалъ на кого-то...

— Я васъ въ острогѣ сгною! Я вами Сибирь заселю! Повѣшаю какъ собакъ!

Въ это время къ крыльцу, на которомъ вмѣстѣ съ Зоричемъ стояли и видѣнные уже нами его гости, торопливо приблизился Малѣевъ и почтительно приподнялъ шляпу.

— Прошу извиненія у вашего превосходительства,—началъ онъ видимо заученную роль:—хотя мнѣ и весьма прискорбно, по питаемому мною къ особѣ вашей глубочайшему почтенію, въ столь необычный часъ нарушать спокойствіе вашего превосходительства въ семъ жилищѣ вашемъ, тѣмъ паче, что обиталище сіе, такъ сказать, освящено временнымъ милостивымъ здѣсь пребываніемъ священной особы ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни нашей, однако, свято исполняя долгъ службы и присягу...

— Да въ чемъ дѣло, государь мой?—нетерпѣливо перебилъ его Зоричъ.

— Я явился сюда по указу ея императорскаго величества.

— Зачѣмъ? по какому дѣлу?—голосъ Зорича дрогнулъ.

«Сибирь... Енисейскъ... Березовъ»,—мелькнуло у него въ умѣ:—«это Потемкинъ... не даромъ онъ какъ угорѣлый ускакалъ отъ меня»...

— Извините, ваше превосходительство,—прервалъ его мрачныя мысли Малѣевъ: — я затрудняюсь — здѣсь ваши люди... огласка... Позвольте мнѣ войдти въ вашъ домъ.

— Войдите... милости прошу... Посвѣтите господину предсѣдателю.

— Нижайше благодарю... Я уже коликократъ пользовался гостепріимствомъ вашимъ.

Всѣ вошли въ домъ, предшествуемые карлами съ факелами. Прислуга осталась на дворѣ и продолжала галдѣть, но уже тише. Удивлялись только, какъ никто ничего не слыхалъ, когда драгуны оцѣпляли дворъ и замокъ.

— Больше бы пьянствовали,—порѣшила за всѣхъ старшая ключница:—диви, какъ у васъ еще самого барина-то не выкрали.

— У тебя, у старой карги, выкрадешь,—проворчала судомойка:— ты и подохнешь въ ключахъ.

— И подохну, а тебѣ, неумытой рожѣ, не дамъ: умойся прежде.

— Что ей мыться-то! — сострилъ кривой конюхъ Кирюшка:— знамо, чернаго кобеля не вымоешь до бѣла.

— У! ты! кобылья ладонница, огурешна плеснеть! зналъ бы кобыльи хвосты, а то на! туда же...

Малѣевъ, войдя въ домъ, снова извинился, что безпокоитъ генерала въ неурочный часъ.

— Говорите, сударь мой, въ чемъ же дѣло?—спросилъ Зоричъ, приглашая гостя сѣсть.

— Симъ указомъ (Малѣевъ подалъ Зоричу бумагу) повелѣвается мнѣ учинить у проживающаго у вашего превосходительства графа Зановича обыскъ по дошедшимъ до его свѣтлости, князя Григорія Александровича Потемкина, свѣдѣніямъ въ выпускѣ якобы графомъ Зановичемъ фальшивыхъ сторублевыхъ ассигнацій.

— Такъ, государь мой. А при чемъ же тутъ я?—спросилъ Зоричъ.

— А въ указѣ ваше превосходительство изволили усмотрѣть, что подлежатъ допросу находящіеся у васъ въ услуженіи карлы.

Присутствовавшіе при этомъ карлики переглянулись, и Черноморъ сильно поблѣднѣлъ; другой же, постарше, котораго звали Мухоморомъ, лукаво улыбнулся и оперся о притолку.

— Въ чемъ же они подозрѣваются?—спросилъ Зоричъ.

— Въ сбытѣ фальшивыхъ ассигнацій.

— Но эти ассигнаціи они получали отъ насъ, отъ играющихъ за карты.

— Точно такъ-съ.

— Такъ вы насъ считаете фальшивыми монетчиками?—спросилъ Зоричъ, гордо обводя глазами комнату, гдѣ, кромѣ его и Малѣева, находились князь Изанъ-бей, Неранчичъ и неизвѣстный блондинъ съ иностраннымъ орденомъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство,—возразилъ Малѣевъ:— не вы, а васъ могли ввести въ обманъ другіе.

— А! это другое дѣло,—протянулъ Зоричъ:—такъ вамъ угодно будетъ теперь же приступить къ допросу карловъ моихъ?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я только обязуюсь произвести дознаніе: такъ и въ указѣ значится.

— Хорошо. А потомъ что?

— А потомъ, по обстоятельствамъ дѣла, выясненнымъ путемъ дознанія, подозрѣваемыхъ будутъ допрашивать чины губернскаго правленія.

— А развѣ и чины губернскаго правленія прибыли съ вами?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, а я обязуюсь представить карловъ и другихъ, кои по дознаніи окажутся прикосновенными къ дѣлу, въ губернское правленіе, въ Могилевъ, подъ арестомъ.

Услыхавъ слово арестъ, Черноморъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, шарикомъ подкатился къ Зоричу и повалился ему въ ноги.

— Ваше превосходительство! заступитесь!—молилъ онъ: — вы знаете, что я тутъ не причемъ.

— Хорошо, хорошо, встань, — строго замѣтилъ Зоричъ: — если ты не виноватъ, то тебя и не тронутъ.

— Я не виноватъ, видитъ Богъ,—плакался карликъ, стоя на колѣняхъ: — почемъ мнѣ знать, какія бумажки фальшивыя и какія не фальшивыя?—я не грамотный...

— Хорошо, говорятъ тебѣ! Устай, Богъ т'убіо, момче! — не утерпѣлъ Зоричъ и заговорилъ на родномъ языкѣ:—устай вуци те заколью!

Мухоморъ продолжалъ улыбаться. Изанъ-бея видимо мучила эта сцена, и онъ хмурился. Неранчичъ же, сидя въ сторонѣ, беззаботно игралъ своимъ кинжаломъ: то вынималъ его изъ ноженъ, то вновь вкладывалъ, а при послѣднихъ словахъ брата засмѣялся и проговорилъ:

— Что жъ ты, братку, все кричишь — устай, устай! Ужъ ты лучше запой посербски, какъ поютъ юнаки:

Устай, устай, србине,
Устай на оруже!

— А то еще лучше:

Устай, устай, Черноморе,
Ходи до острога!

— Полно тебѣ пайсничать, братъ!—разсердился Зоричъ, и хотѣлъ было еще о чемъ-то спросить Малѣева.

Но въ это время походкою крадущейся кошки вошелъ въ комнату стряпчій Небосклоновъ, держа въ рукѣ треуголку, а подъмышкой портфейль и почтительно кланяясь присутствующимъ.

— Имѣю честь рекомендовать: губернскій стряпчій, господинъ Небосклоновъ,—сказалъ Малѣевъ.

Стряпчій еще разъ поклонился и таинственно сказалъ, обращаясь къ послѣднему:

— На пару словъ, Иванъ Ивановичъ.

Малѣевъ подошелъ къ нему, сказавъ остальнымъ: «извините господа».

— Вамъ что угодно?—спросилъ онъ.

— Нашелъ-съ, — шепнулъ стряпчій, лукаво улыбаясь: — еврика-съ.

Они отошли за драпировку.

— Что нашли?—спросилъ Малѣевъ.

— И товаръ-съ, и фабрику-съ.

— Какъ! у Зановича?

— У него-съ: товарцу немного — нѣсколько сотенокъ сторублевыхъ-съ... За то фабрика-съ...

— Инструменты.

— Инструментики-съ, и бумажечки съ иголочки-съ, только не доконченныя-съ.

— А гдѣ нашли?

— Подъ поломъ-съ, въ ванной комнатѣ, подъ ковромъ-съ.

Малѣевъ задумался было, но тотчасъ же сказалъ:

— Значитъ, въ силу секретной инструкціи, мы должны и съ генерала, и съ его гостей взять подписку о невыѣздѣ.

— Такъ точно-съ, обязуемся-съ, а графчика съ метресой и карловъ—въ Могилевъ подъ конвоемъ.

Малѣевъ воротился къ Зоричу и къ его гостямъ.

— Я долженъ сообщить вамъ, господа, прискорбное извѣстіе,—началъ онъ.

— Что такое?—тревожно спросилъ Зоричъ.

— По произведенному въ помѣщеніи графа Марка Зановича обыску, оказалось, что онъ занимался поддѣлкою россійскихъ ассигнацій,—отвѣчалъ Малѣевъ.

— Быть не можетъ!—воскликнулъ Зоричъ, съ трудомъ скрывая волненіе:—не повѣрю.

— Инструменты найдены...

— Доски и краски-съ,—добавилъ стряпчій.

— И не додѣланныя еще ассигнаціи.

Изанъ-бей вскочилъ и съ блестящими глазами подошелъ къ Зоричу.

— Хвала Аллаху!—радостно сказалъ онъ:—я радъ, что онъ попался... Помнишь, я тебѣ всегда говорилъ, что Зановичи—не хорошіе люди... Хвала Аллаху и его пророку!

Зоричъ ничего не отвѣтилъ. Онъ былъ очень взволнованъ. Прочіе всѣ молчали.

— Извините, господа.— прервалъ молчаніе Малѣевъ:—въ силу

данной мнѣ инструкціи, я обязуюсь взять со всѣхъ васъ подписки о невыѣздѣ изъ Шклова впредь до рѣшенія дѣла.

— Какъ! и съ меня!—вспылилъ было Зоричъ.

— И съ васъ, ваше превосходительство, и съ вашихъ гостей,—твердо произнесъ Малѣевъ.

— Ни за что!—закричалъ бывшій фаворитъ.

Но вдругъ въ умѣ шевельнулось опять: «Березовъ... Пелымъ... Березовъ... можетъ быть, совсѣмъ хотятъ отдѣлаться отъ меня... сгноить въ Сибири»...

— Впрочемъ, что-жъ!—сказалъ онъ, опомнившись:—все равно я никуда не выѣзжаю изъ Шклова—развѣ только на охоту... Дайте бумаги и чернилъ!

Черноморъ, утирая слезы, принесъ и то и другое. Ему стало легче, когда онъ узналъ, что и господинъ его «въ отвѣтѣ».

— Вотъ вамъ!—размахнувшись подъ подписью, сказалъ Зоричъ:—на, братъ, пиши и ты.

— Изволь, нацарапаю.

Подписавшись, онъ подалъ бумагу Изанъ-бею.

— На, князюшка, катай побусурмански что̀ хочешь: никто не разберетъ,—засмѣялся онъ:—напиши Аллахъ керимъ!—и баста.

— Я не знаю, что̀ писать,—серьезно отвѣчалъ Изанъ-бей, обращаясь къ Малѣеву.

— Подпишите только ваше званіе, титулъ и имя подъ ихъ роспискою,—отвѣчалъ послѣдній:—можете подписаться и потурецки.

Изанъ-бей присѣлъ къ столу и вывелъ на бумагѣ нѣсколько каракуль отъ правой руки къ лѣвой.

Малѣевъ обратился къ молчавшему дотолѣ блондину съ иностраннымъ орденомъ.

— Съ кѣмъ имѣю честь?—началъ было онъ.

— J'ai l'honneur... Я баронъ Фридрихъ Іоганнъ фонъ-Вульфъ...

— Баронъ фонъ-Вульфъ,—перебилъ его Зоричъ:—капитанъ по службѣ его цесарскаго величества и маіоръ по службѣ прусскаго королевскаго величества, кавалеръ ордена де ла Провидансъ, вояжируетъ нынѣ по Россіи съ намѣреніемъ вступить въ службу ея императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей государыни.

Фонъ-Вульфъ и Малѣевъ поклонились другъ другу.

— Не угодно ли и вамъ, господинъ баронъ, приложить руку подъ подпиской его превосходительства,—сказалъ послѣдній.

— Avec plaisir, monsieur... съ удовольствіемъ... mais je ne sais pas...

— Ничего, баронъ, подпишите вашъ титулъ и фамилію,—пояснилъ ему Зоричъ: — votre nom avec votre titre et décoration... «de la Providence».

Баронъ фонъ-Вульфъ также присѣлъ къ столу и росписался.

— А теперь выпьемъ за здравіе государыни императрицы... Эй, Черноморъ и Мухоморъ!—скомандовалъ Зоричъ:—шампанскаго!

VI.

«Муха въ паутинѣ».

— Ну что, Александръ Васильевичъ, готова?

— Готова, ваше величество, — свѣженькая, мокренькая еще, сейчасъ изъ печати, изъ-подъ станка.

— Самъ въ типографіи былъ?

— Самъ, ваше величество, и съ княгиней Екатериной Романовной Дашковой.

— Спасибо... А покажи.

Такими словами, утромъ 7-го августа того же года, императрица Екатерина Алексѣевна встрѣтила Храповицкаго, вошедшаго въ ея кабинетъ съ портфейлемъ въ рукахъ. Въ кабинетѣ уже находились Александръ Дмитріевичъ Ланской, генералъ-адъютантъ и фаворитъ императрицы, и другой ея любимецъ, «Левушка», оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Первый со словъ императрицы писалъ письмо Потемкину о томъ, что̀ было раскрыто слѣдствіемъ по дѣлу графовъ Зановичей и Зорича, а «Левушка» противъ своего обыкновенія не дурачился, но серьезно сидѣлъ за особымъ столомъ и исполнялъ обязанность Храповицкаго: занимался «перлюстраціей» чужихъ секретныхъ писемъ.

Храповицкій вынулъ изъ портфейля небольшую книжку и подалъ ее государынѣ. То была только что отпечатанная одна изъ книжекъ издававшагося тогда подъ наблюденіемъ княгини Дашковой журнала «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова». Стоя у стола, Храповицкій, весь красный, вытиралъ фуляромъ вспотѣвшій лобъ.

Екатерина стала перелистывать книгу; и потомъ, какъ бы вспомнивъ что, обратилась къ Ланскому, который сидѣлъ противъ нея съ перомъ въ рукѣ.

— Спасибо, мой другъ, — сказала она ласково: — положи перо, а мнѣ передай разрѣзной ножикъ... Письмо ужъ мы послѣ допишемъ князю; оно и лучше: сегодня дѣло Зановичей князь Вяземскій будетъ мнѣ докладывать съ мнѣніемъ сената.

Ланской подалъ черезъ столъ разрѣзной ножъ и, вставъ съ своего мѣста, обошелъ вокругъ письменнаго стола императрицы и сталъ у ея кресла, чтобы ближе видѣть принесенную Храповицкимъ новую книжку журнала.

— Вотъ та ода, — сказала она, вскинувъ глаза на Ланскаго: — о которой говорила мнѣ княгиня Дашкова.

Ланской пригнулся ближе къ книгѣ.

— Ода великому боярину и воеводѣ Рѣшемыслу, писанная подражаніемъ одѣ къ Фелицѣ 1783 году, — прочелъ онъ вслухъ.

— Рѣшемыслъ—это князь Потемкинъ,—пояснила императрица.

— Ну, признаюсь, удружилъ! —кинулъ словцо изъ-за своего стола «Левушка».

— Кто удружилъ, Левушка?—спросила Екатерина.

— Да Державинъ, матушка, Потемкину.

— Чѣмъ же, мой другъ?

— Да Рѣшемысломъ, матушка... Я бъ на мѣстѣ князя Григорія Александровича обидѣлся.

— Да что же тутъ обиднаго, Левушка? Вѣдь я не обидѣлась, когда Державинъ назвалъ меня Фелицею, киргизъ-кайсацкою царевною.

— То Фелица, государыня, значитъ—счастливая или счастливящая подданныхъ; а воевода Рѣшемыслъ—это воевода, который рѣшился смыслу.

Екатерина улыбнулась.

— Ну, ты всегда что нибудь вздумаешь,—сказала она и стала читать оду вслухъ.

Всѣ внимательно слушали. Екатерина читала эффектно, красиво, съ декламаторскимъ умѣньемъ, но слишкомъ отчетливо выговаривала слова—каждый слогъ, каждую букву, такъ что привычный слухъ сразу могъ уловить, что русскій языкъ—не ея родной, не материнскій языкъ, не Muttersprache, что дѣтскій слухъ ея воспитался на иныхъ звукахъ, на чуждой фонетикѣ.

Кончивъ оду, она положила книгу на столъ и сказала:

— Хорошо, очень хорошо... только—далеко до Фелицы.

— Понятно: гдѣ же Рѣшемыслу тягаться съ самой Фелицей!—замѣтилъ Левушка, лукаво подмигнувъ Ланскому.

Ланской взялъ книгу и прочелъ:

— Сочинялъ З.....—Земля съ точками, а не сказано Державинъ. Что же означаетъ земля съ точками?

— А сколько точекъ?—спросилъ Нарышкинъ.

— Пять,—отвѣчалъ Ланской.

— Ну, такъ и есть: это онъ въ-пику Потемкину написалъ за то, что Потемкинъ потемнилъ его славу: Державинъ побѣдилъ Пугачева и завоевалъ у него Саратовъ, а Потемкинъ побѣдилъ самого султана и завоевалъ у него цѣлый Крымъ... Вотъ онъ и настрочилъ на него оду, да и подписался: «Сочинялъ З.....», сирѣчь Злючка.

Всѣ разсмѣялись.

— А вѣдь Державинъ въ самомъ дѣлѣ презлой, очень строптивъ и самолюбивъ,—серьезно замѣтила Екатерина:—теперь все ссорится съ княземъ Вяземскимъ. Онъ вездѣ и со всѣми перессорится. Вонъ еще, когда онъ,—какъ ты, Левушка, говоришь,—завоевалъ у Пугачева Саратовъ, такъ и тамъ съ Бошнякомъ пос-

сорился, а самъ, всетаки, бѣжалъ отъ Пугачова. Теперь съ Вяземскимъ не уживется никакъ.

— А знаешь, государыня, за что онъ на Вяземскаго-то адомъ дышетъ?—спросилъ Нарышкинъ.

— Не знаю.

— А за то, что Вяземскій якобы сказалъ, что стихотворцы неспособны ни къ какому дѣлу. А все якобы изъ-за Фелицы.

— Какъ изъ-за Фелицы?

— А вотъ какъ, матушка, дѣло было: когда была напечатана ода къ Фелицѣ, ты послала ему подарокъ.

— Какъ же — послала, да еще и надписала на пакетѣ: **Изъ Оренбурга отъ киргизъ-кайсацкой царевны Фелицы мурзѣ Державину.**

— Такъ, помню, матушка... Такъ вотъ, когда курьеръ привезъ ему эту посылку, онъ въ это время обѣдалъ у Вяземскаго. Онъ и показываетъ ее князю. А тотъ, будто бы, взглянувъ гнѣвно на надпись, проворчалъ: «что-де за подарки отъ киргизовъ!» Но когда потомъ увидалъ, что въ пакетѣ золотая, осыпанная брилліантами табакерка, а въ ней пятьсотъ червонныхъ, да когда узналъ, какіе это киргизцы прислали подарокъ такой, — и воспылалъ якобы на него гнѣвомъ изъ зависти, что ты такъ высоко почтила стихотворца [1]).

— Что-жъ, онъ заслужилъ это,—сказала императрица.—А теперь вотъ, сердясь на Вяземскаго, просится въ отставку.

— И хорошо дѣлаетъ, матушка.

— Почему?

— Да потому, что какъ началъ онъ служить въ ассигнаціонномъ банкѣ, у насъ и завелись ассигнаціонные сочинители.

— Какіе ассигнаціонные сочинители?—удивилась императрица.

— А графы Зановичи, матушка, что сочиняютъ свои ассигнаціи.

Императрица улыбнулась.

— Да, такихъ сочинителей я не жалую, — сказала она.

— А еще и то, государыня,—продолжалъ Нарышкинъ:—ты сама видишь, что, когда Державинъ сталъ чиновникомъ, онъ потерялъ даръ стихотворства: сама ты находишь, что его ода Рѣшемыслу плоховата. А перестань онъ быть чиновникомъ, муза-то и воротится къ нему. Помнишь, что говоритъ онъ въ своемъ послѣднемъ стихотвореніи—**Благодарность Фелицѣ**—за табакерку-то:

Когда отъ должности случится
И мнѣ свободный часъ имѣть,
Я праздности оставлю узы,
Игры, бесѣды, суеты,—
Тогда ко мнѣ пріидутъ музы,
И лирой возгласишься Ты!

---

[1]) Записки Державина, изд. Бартенева, стр. 242.

— Видишь, матушка, — онъ тебѣ тогда другую Фелицу настрочитъ.

— И то правда.

Въ это время въ кабинетъ вошелъ видный, лѣтъ подъ шестьдесятъ, но очень бодрый мужчина, съ сановитою наружностью, съ строгими глазами и матово-блѣднымъ лицомъ. За нимъ курьеры внесли нѣсколько полновѣсныхъ портфейлей.

— Ну, этотъ задавитъ матушку своими докладами,—комично проворчалъ подъ носъ Нарышкинъ.

Вошедшій поклонился. Это былъ генералъ-прокуроръ князь Вяземскій.

— Здравствуй, князь, — отвѣчала на поклонъ императрица. — Здоровъ ли?

— Здравствую, матушка государыня,—поклонился еще разъ Вяземскій.

— Что такую гору приволокъ?—улыбнулась Екатерина.

— Все дѣла, государыня, и законы: ты холостыхъ докладовъ не любишь—тебѣ на все подавай законы.

— Такъ, такъ,—продолжала улыбаться императрица: — люблю, чтобъ все было заряжено хорошо—не по воробьямъ, самъ знаешь, стрѣляемъ, а по государственнымъ нуждамъ. О чемъ же сегодня?

— По дѣлу Зановичей, государыня, и Зорича.

По лицу императрицы скользнула не то тѣнь, не то полоса свѣта—и исчезла. Оно опять стало мраморное, словно застывшее.

Вяземскій сталъ доставать бумаги, а Екатерина вскинула глаза на Ланскаго,—ея глаза скользнули по его стройной фигурѣ и скрылись подъ опущенныя вѣки.

Въ кабинетъ вошелъ Захаръ, любимый камердинеръ императрицы, съ полотенцемъ подъ мышкой и съ метелкой въ рукѣ. Онъ былъ мраченъ какъ туча. Екатерина сразу замѣтила это и постаралась скрыть невольную улыбку.

— Что, Захаръ?— спросила она, какъ бы не замѣчая его угрюмости.

— Уволъте меня, государыня,—глядя на свои штиблеты, мрачно отвѣчалъ онъ.

— Какъ уволить?

— Совсѣмъ уволъте, государыня, отъ службы.

— Что такъ?

— Неугоденъ я сталъ вашему величеству... Уволъте-съ.

— Помилуй, Захаръ! — чѣмъ я провинилась передъ тобой? — Она лукаво взглянула на Ланскаго и Нарышкина.

Вяземскій съ бумагами въ рукахъ приблизился къ столу. Захаръ быстро поворачивается къ нему и съ дрожью въ голосѣ говоритъ:

— Помилуйте, ваше сіятельство! разсудите вы насъ сами...

Уволилъ я вчера истопника Илюшку: курицу хохлатую въ государственномъ птичникѣ укралъ—я его, негодяя, и прогналъ, чтобъ и духу его во дворцѣ не было... А теперь вотъ узнаю стороной: нынче чуть свѣтъ онъ поймалъ государыню на прогулкѣ, да въ ноги ей, прикинулся казанской сиротой: семья де большая, дѣти, слышь, малъ-мала меньше, такъ онъ де дѣткамъ и взялъ курочку, чтобъ яички несла... А! каковъ плутъ!.. А она (Захаръ презрительно покосился въ сторону императрицы),—нѣтъ, чтобы примѣрно наказать плута, — она же не токмо подлеца помиловала, взяла опять въ истопники, да еще и пѣтуха ему дала!

— Ну, прости, Захарушка,—упрашивала Екатерина:—впередъ никогда не буду.

Захаръ угрюмо повернулся къ выходу.

Въ это время къ нему робко, на цыпочкахъ, подошелъ Нарышкинъ.

— Захаръ Константиновичъ! — заискивающимъ шопотомъ просилъ онъ: — будь отецъ родной!

— Что изволите, сударь?—все съ тою же угрюмостью спросилъ Захаръ, останавливаясь въ дверяхъ.

— Захарушка! будь другъ!—умолялъ Лёвушка: — достань мнѣ живую муху въ паутинѣ.

— Какую, сударь, муху?—спросилъ тотъ.

— Да простую муху, голубчикъ: знаешь—которая попадетъ въ паутину и бьется, жужжитъ, а паукъ ее все больше запутываетъ.

— На что вамъ, сударь?

— Да нужно, дружокъ, вотъ сюда въ кабинетъ; а то я искалъ и тутъ, и вездѣ—хоть бы тебѣ паутинка!—а мнѣ дозарѣзу нужно.

— У насъ, сударь, паутины нѣтъ, развѣ на чердакѣ.

— Такъ не достанешь?

— Не достану, сударь... Вамъ бы все шутить, а мнѣ не до шутокъ.

И, не проронивъ больше ни слова, Захаръ сердито удалился.

— Матушка!—трагически воскликнулъ Лёвушка, такъ чтобы и Захаръ слышалъ:—прогони ты этого варвара Захарку!—ни одной мухи и ни одного паука у тебя во дворцѣ не оставилъ: все какъ помеломъ вывелъ.

— А на что тебѣ муха? — спросила императрица.

— Да нужно, матушка; не нужно было бы — не просилъ бы.

Екатерина съ ласковой улыбкой обратилась къ Ланскому, а потомъ къ Вяземскому:

— А вѣрно - Лёвушка какую нибудь проказу затѣваетъ: его проказы и дурачества часто бываютъ умнѣе многихъ умныхъ затѣй другихъ умниковъ.

Но видя, что Вяземскій ждетъ, а Храповицкій потѣетъ надъ

грудой «перлюстрованныхъ» писемъ и депешъ, сдѣлала видъ, что ждетъ доклада.

— Я слушаю тебя, князь Александръ Алексѣичъ,— сказала она Вяземскому, превративъ за минуту веселое лицо въ холодный мраморъ.

VII.

Спасеніе мухи.

Императрица пригласила Вяземскаго знакомъ сѣсть противъ нея, а сама откинулась на спинку кресла, чтобы внимательнѣе слушать. Наискосокъ отъ нея усѣлся Ланской. Нарышкинъ же, усѣвшись за особымъ столикомъ, рядомъ съ Храповицкимъ, взялъ листъ бумаги и карандашъ и сталъ что-то прилежно чертить, повидимому, не слушая доклада, какъ это дѣлаютъ дѣти, но въ сущности не проронявъ ни одного слова изъ того, что говорилось въ кабинетѣ.

Вяземскій сжато, но обстоятельно изложилъ сущность дѣла о графахъ Зановичахъ, Зоричѣ, Неранчичѣ, Изанъ-беѣ и баронѣ фонъ-Вульфѣ.

— Такъ младшій Зановичъ тотчасъ ускакалъ въ Москву, какъ Потемкинъ изъ Шклова выѣхалъ въ Дубровну?— спросила императрица, что-то соображая.

— Въ ту же ночь, государыня,— отвѣчалъ Вяземскій.

— Такъ... я полагаю, что они догадались, зачѣмъ уѣхалъ Потемкинъ,— сказала она, какъ бы размышляя вслухъ.

— Да и еврея, вѣрно, видѣли, какъ онъ приходилъ къ его свѣтлости,— добавилъ Вяземскій.

— Да, точно... Особливо же, когда еврей, побывавъ у Григорія Александровича, тотчасъ же сталъ покупать фальшивыя ассигнаціи. Теперь это для меня ясно: понявши опасность, братья стакнулись, и вотъ меньшой поскакалъ въ Петербургъ — якобы объявить... Но разумнымъ распоряженіемъ Энгельгардта онъ, младшій Зановичъ, былъ схваченъ?

— Точно такъ, государыня,—у самой заставы, и съ нимъ найдено болѣе семисотъ тысячъ сторублевыхъ фальшивыхъ ассигнацій.

— Шутка сказать! На семьдесятъ слишкомъ милліоновъ! да у меня и въ казнѣ столько нѣтъ въ наличности,— глядя въ красивые глаза Ланскаго, говорила императрица.— Такъ онъ сказалъ Шешковскому, что везъ эти ассигнаціи предъявить?

— Такъ точно, государыня.

— Ахъ, плутъ!— А когда онъ воротился изъ-за границы?

— Еще зимой, государыня.

— Что жъ онъ тогда же не предъявилъ? А вотъ догадался, что еврей...— какъ его?

— Берко Изаксонъ.

— Такъ вотъ, когда Изаксонъ донесъ на нихъ, предъявилъ Потемкину ихъ плутни, такъ тогда и они вздумали предъявлять.

— Да вѣдь станокъ, государыня, печатный нашли у нихъ по обыску и доски.

— А ты видѣлъ станокъ?

— Видѣлъ, государыня; онъ у насъ при дѣлѣ.

— Искусно сдѣланъ?

— Съ такимъ, государыня, мастерствомъ сдѣланъ, что превосходитъ наши казенные станки. Видно, что искусный рѣзчикъ за границей дѣлалъ. Только видно, что не русскій: смѣшалъ литеру нашъ съ литерою иже—и вышло ассигиація.

Вяземскій досталъ изъ папки одну фальшивую ассигнацію и подалъ императрицѣ.

— Вотъ, государыня, изволь сама видѣть.

— Вижу, вижу,—приглядывалась она къ бумажкѣ:—искусная поддѣлка... Да, точно—ассигиація.

Она черезъ столъ подала ее Ланскому.

— Посмотри, какіе мастера.

Подошли взглянуть на бумажку и Нарышкинъ съ Храповицкимъ.

— Матушка, отдай мнѣ эту бумажку,—сказалъ первый изъ нихъ, разсматривая ассигнацію.

— А зачѣмъ тебѣ?—спросила Екатерина.

— Державинской тещѣ подарю—она все беретъ, ничѣмъ не брезгуетъ [1]).

Императрица погрозила ему пальцемъ, а по строгимъ глазамъ Вяземскаго скользнула усмѣшка.

— Говорятъ, князь, будто ты тѣснишь Державина?—взглянула на него императрица.

— Помилуй, государыня!—мнѣ ли его тѣснить? Онъ всѣхъ тѣснитъ,—лукаво отвѣтилъ генералъ-прокуроръ:—я бы посадилъ его на мѣсто Шешковскаго—всему бы парнассу досталось.

Екатерина только улыбнулась.

— Ну, а этотъ, чтò съ Зановичемъ въ Москвѣ накрыли при ассигнаціяхъ?—спросила она:—какъ его?—Санмораль, кажется?—Monsieur Sans-moral?

— Салморанъ, государыня.

— Ну, Салморанъ, Sans-moral—все равно: это что за птица?

— Онъ, государыня, состоитъ учителемъ въ Зоричевомъ кадетскомъ корпусѣ.

— И былъ соучастникомъ этихъ плутовъ Зановичей?

— Такъ точно, государыня. Онъ Шешковскому во всемъ признался. Какъ извѣстно тебѣ, государыня, Зоричъ замотался, во-

[1]) Дневникъ Храповицкаго, стр. 389, 392 и 395.

шелъ въ неоплатные долги—при его-то богатствѣ. Вотъ Зановичи и обѣщались выплатить за него всѣ долги...

— Вотъ такими-то денежками,—замѣтила императрица, указавъ на фальшивую ассигнацію.

— Именно. Такъ Зановичи и обѣщались расплатиться съ кредиторами Зорича, съ тѣмъ, чтобы онъ отдалъ имъ Шкловъ съ принадлежащимъ къ нему имѣніемъ въ ихъ управленіе на столько лѣтъ, пока они не получатъ своей суммы съ процентами; Зоричу же обязывались давать въ годъ по сту тысячъ на прожитіе.

— Каковы молодцы!—именно все messieurs Sans-morals...

— Такъ точно, государыня.—Такъ вотъ этотъ Салморанъ и открылъ Шешковскому, что Зановичи просиживали съ Зоричемъ, запершись, цѣлыя ночи, уговаривая его по сему предмету.

— Значитъ, онъ не поддавался, что его должно было уговаривать?—живо спросила императрица.

— Должно полагать, государыня... Такъ вотъ этотъ Салморанъ и употребленъ былъ въ посредство, ибо Зоричъ ему довѣрялъ.

— Что же Зоричъ?—съ тою же живостью допрашивала Екатерина.

— А Салморанъ, государыня, Зорича оправляетъ, якобы онъ не зналъ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ.

У Екатерины точно камень съ сердца свалился.

— Не зналъ?... Я такъ и думала... Зоричъ, можно сказать, двѣ души имѣетъ: любитъ доброе, но дѣлаетъ худое, храбръ въ дѣлѣ съ непріятелемъ, но лично трусъ [1]).

Вяземскій поклонился.

— Но съ другой стороны, ваше величество,—продолжалъ онъ докладывать:—въ дѣлѣ имѣются указанія, будто бы Зоричъ неоднократно говаривалъ, что скоро заплатитъ свои долги и будетъ опять богатъ, что̀ и подало сенату подозрѣніе, что самъ Зоричъ участвовалъ въ дѣланіи ассигнацій, или же былъ о томъ свѣдомъ [2]).

— Подозрѣніе это, однако,—возразила императрица:—ничѣмъ не подтверждается, какъ я вижу изъ доклада: Салморанъ, самъ же ты говоришь, оправилъ его.

— Точно, государыня, оправилъ.

— А Зановичи?

— И они, государыня, оправили.

— Значитъ, Зоричъ могъ и на самомъ дѣлѣ говорить, что онъ скоро расплатится съ долгами и снова будетъ богатъ отъ Зановичей, положимъ; но все же онъ могъ не знать, что его и вызволятъ изъ долговъ и обогатятъ фальшивыми ассигнаціями.

— Точно, ваше величество, могъ и не знать.

---

[1]) Подлинныя слова императрицы (Дневникъ Храповицкаго, 435).

[2]) Записки Энгельгардта, 31.

— Зналъ, значитъ, только Салморанъ, яко посредникъ, и братья Зановичи, яко совершители и затѣйщики всего сего гнуснаго замысла.—А Неранчичъ?—спросила она.

— Неранчичъ, ваше величество, тоже могъ ничего не знать,—отвѣчалъ Вяземскій.

— Я то же думаю,—сказала Екатерина:—онъ не смотритъ плутомъ: онъ простота.

— И игрокъ, ваше величество.

— Это всѣ скажутъ, государыня. Еще когда онъ болтался по Парижу, лѣтъ пять-шесть тому назадъ, то Фонвизинъ встрѣчался съ нимъ тамъ и писалъ о немъ, что Неранчичъ де «никогда не бралъ книгъ въ руки и никогда картъ изъ рукъ не выпускалъ»[1]).

Императрица улыбнулась.

— Это на него похоже... А этотъ князь Изанъ-бей? Точно ли онъ племянникъ султана?—не изъ авантуровъ ли, какихъ нынѣ развелось немало: и Пугачовы, и Богомоловы... Можетъ, онъ такой же родня султану, какъ мнѣ княжна Тараканова?

— Не могу сказать, государыня; но Зоричъ зналъ его еще въ Константинополѣ и пользовался его благодѣяніями. Да и изъ дѣла значится, что когда Зановича накрыли съ инструментами, бей радостно выкликнулъ при всѣхъ и при слѣдователяхъ: хвала Аллаху! что его поймали. А потомъ, обратясь къ Зоричу, сказалъ: помнишь, я тебѣ всегда говорилъ, что Зановичи не хорошіе люди.

— Я рада за него,—сказала императрица.—А что этотъ, четвертый—какъ его?

— Баронъ фонъ-Вульфъ, государыня.

— Да, онъ.

— Изъ дѣла видно, государыня, что онъ тутъ не причемъ.

— А откуда онъ?

— Изъ его словъ и изъ документовъ видно, что родился онъ въ Голландіи, въ городѣ Амстердамѣ. Отецъ его экипажъ-мейстеръ и вице-адмиралъ въ голландской службѣ, баронъ Іоганнъ фонъ-Вульфъ, и нынѣ живъ. Этотъ же фонъ-Вульфъ, чтò прикосновенъ къ настоящему дѣлу, въ малолѣтствѣ посланъ былъ отцомъ въ Цесарію для наукъ, и жилъ въ Вѣнѣ, и записанъ былъ кадетомъ, гдѣ и дослужился до капитана; а въ 1777 году, отставленъ былъ отъ службы...

— А за что?

— По своей волѣ, государыня; а въ 1778 году, поѣхалъ онъ въ Пруссію и записанъ былъ тамъ въ службу, а черезъ годъ отставленъ маіоромъ, и отъ владѣтельнаго графа резиденціи Нассау-Саарбрюкъ, Мондфорта, пожалованъ ему орденъ «de la Providence».

---

[1]) Подлинныя слова Фонвизина о Неранчичѣ (Сочин. Фонвизина, 1866 г., стр. 343).

По отставкѣ изъ прусской службы онъ много вояжировалъ по разнымъ странамъ, а въ 1782 году, пріѣхалъ въ Россію, чтобъ опредѣлиться въ службу.

— И попалъ къ Зоричу—зачѣмъ?—спросила Екатерина.

— Я полагаю, государыня, для протекціи: ему, видно, наговорили, что Зоричъ въ силѣ.

Императрица торопливо, словно украдкой, глянула на Ланскаго, а потомъ на Нарышкина, и замѣтила, что они съ Храповицкимъ что-то разсматриваютъ тамъ на письменномъ столѣ и смѣются, желая это скрыть.

— Ты чему тамъ, повѣса, радуешься?—спросила она Нарышкина.

— Я не радуюсь, матушка, а плачу,—отвѣчалъ тотъ, скорчивъ плаксивую рожу.

— Надъ чѣмъ?—улыбнулась Екатерина.

— Надъ мухой, государыня.

— Надъ какой мухой?

— А вотъ, матушка, въ тенета къ паукамъ попалась.

— А покажи, повѣса.

Онъ всталъ и подалъ императрицѣ листъ, на которомъ было что-то нарисовано карандашомъ.

— Это что такое?—спросила Екатерина.

— А это, государыня, — вонъ Александръ Васильевичъ (онъ указалъ на Храповицкаго, который сидѣлъ красный какъ ракъ),—онъ это, при перлюстраціи, нашелъ въ одномъ пакетѣ.

Императрица невольно разсмѣялась.

— Ахъ ты, шпынь!—И точно: муха въ паутинѣ... Посмотри-ка (она подозвала къ себѣ Ланскаго): — и муха, и пауки, что̀ запутали ее — видишь?

— Вижу, государыня,—отвѣчалъ Ланской:— а у мухи лицо человѣческое.

— А на кого похожъ — узнаешь?

— Ахъ, государыня! да это самъ Зоричъ... двѣ капли воды.

— А пауки?

— Это, должно быть, Зановичи, государыня.

— Они и есть... Посмотри-ка, князь, это твои подсудимые,— подозвала она Вяземскаго.

Вяземскій подошелъ и долго вглядывался въ рисунокъ. Серьёзное лицо его кривилось улыбкой.

— Искусно, искусно, — шепталъ онъ: — и Захаръ съ метлой тутъ же.

— Гдѣ Захаръ?—спросила императрица: — я и не замѣтила.

— А вотъ, государыня, изъ двери показывается.

Вяземскій показалъ на нарисованную фигуру Захара, съ полотенцемъ подъ мышкой и съ метлой въ рукѣ. Вглядѣвшись поближе въ рисунокъ, императрица громко расхохоталась.

— Ахъ разбойникъ! ахъ ты шпынь!—Да вѣдь это не Захаръ— это́ онъ меня нарисовалъ, только нарядилъ Захаромъ... Мое лицо— вылитая...

Рисунокъ произвелъ положительный эффектъ. Всѣ смѣялись. Храповицкій плакалъ отъ слезъ, сморкался и утирался фуляромъ. Императрица блестящими отъ слезъ глазами смотрѣла то на Вяземскаго, то на Ланскаго.

— А! меня-то — Захаромъ, съ метлой... Ну, Лёвушка! буду жъ я Захаромъ: убью пауковъ метлой, а муху выручу изъ бѣды.

Она обернулась къ Нарышкину. Слезы радости сверкали на ея повеселѣвшихъ глазахъ.

— Иди ко мнѣ, Лёвушка, мой старый, мой лучшій другъ! Я говорила, что твои дурачества несравненно умнѣе многихъ умныхъ затѣй другихъ умниковъ... Дурачествомъ ты часто спасалъ меня отъ неправды, отъ жестокихъ приговоровъ... Ты лучше другихъ знаешь мое сердце... Спасибо же тебѣ, мой другъ!... Вѣдь я чуть не погубила человѣка невиннаго.

Лёвушка обнималъ ея колѣни, цѣловалъ край платья!...

— Матушка! ты — великая, ты — премудрая!...

Она выпрямилась и подошла къ столу.

— Князь! подай опредѣленіе сената.

Вяземскій почтительно подалъ требуемое. Екатерина взяла перо, обмокнула въ чернила и нагнулась къ столу.

— Графовъ Зановичей заключить въ Нейшлотскую крѣпость безъ сроку,—сказала она и написала это.

Вяземскій молча поклонился.

— Учителя Салморана—сослать въ Сибирь на вѣчныя времена.

Вяземскій еще разъ поклонился.

— Зорича освободить отъ всякихъ подозрѣній.

Снова Вяземскій кланяется.

— Что касается Изанъ-бея, Неранчича и барона фонъ-Вульфа,— сказала Екатерина, передавая сенатскій журналъ Вяземскому: — то я совѣтовала бы имъ бросить совсѣмъ карты.

Д. Мордовцевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ О СЕЛѢ СПАССКОМЪ.

ОНЧИНА И. С. Тургенева вызвала о немъ и его семействѣ многочисленныя воспоминанія. Изъ числа ихъ нѣкоторыя не только не служатъ къ уясненію среды, въ которой воспитывался Иванъ Сергѣевичъ, но, напротивъ, даютъ совершенно ложное и превратное понятіе о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ развивался его кругозоръ, въ его домашней обстановкѣ. Близко зная это семейство и всѣхъ его членовъ, я нашла умѣстнымъ подѣлиться съ лицами, интересующимися этимъ писателемъ, тѣми свѣдѣніями, которыя накопились у меня втеченіе 10-тилѣтняго пребыванія моего въ домѣ Тургеневыхъ. Разумѣется, что значеніе и важность этихъ свѣдѣній обусловливаются личнымъ на нихъ воззрѣніемъ каждаго читателя, я же, съ своей стороны, могу лишь гарантировать ихъ правдивость, безпристрастіе и точность, которыя я поставила девизомъ своихъ настоящихъ воспоминаній. Понятно, что я буду вполнѣ довольна, если все, мной разсказанное, внесетъ хотя нѣкоторую долю уясненія въ болѣе точное пониманіе взглядовъ Ивана Сергѣевича, а съ тѣмъ вмѣстѣ, сниметъ съ его матери незаслуженные упреки, вызванные невѣрнымъ и неточнымъ пониманіемъ ея характера и ея личности.

Тургеневы были небогатые помѣщики Орловской губерніи; ихъ было нѣсколько братьевъ, всѣ они отличались красивой наружностью. Отца Ивана Сергѣевича звали Сергѣемъ Николаевичемъ. Его родовое имѣніе, село Тургенево Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда, состояло изъ 100 душъ крестьянъ, почему и не давало воз-

можности ему назваться вполнѣ обезпеченнымъ человѣкомъ[1]). Но, благодаря своей красивой наружности и блестящему мундиру Елисаветградскаго гусарскаго полка, онъ съумѣлъ понравиться своей богатой сосѣдкѣ, жившей отъ него въ 15-ти верстахъ, дѣвицѣ Лутовиновой, воспитывавшейся въ домѣ своего дяди, Ив. Ив. Лутовинова. Рано потерявъ своихъ родителей, Варвара Петровна Лутовинова осталась круглой сиротой, и ея дядя перевезъ ее къ себѣ въ домъ и предназначилъ единственной наслѣдницей своего огромнаго состоянія. Понятно, что, имѣя большія средства, онъ ни въ чемъ не отказывалъ для ея воспитанія. Она была окружена иностранками и русскими преподавателями, которые, развивъ въ ней вкусъ къ чтенію, содѣйствовали тому, что она отлично усвоила иностранные языки. Порусски же она писала безъ ошибокъ, разговорнымъ и даже изящнымъ слогомъ. Дядя ея, Ив. Ив. Лутовиновъ, былъ вполнѣ сыномъ своего вѣка. Лѣтомъ въ деревнѣ, а зимой въ Орлѣ, онъ всегда жилъ роскошно, богатымъ бариномъ. Хотя онъ былъ скупъ, но, желая сдѣлать для своей молодой племянницы жизнь у себя въ домѣ пріятною, онъ ежедневно принималъ гостей. Какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ устраивались пиры, обѣды, псовыя охоты и даже театральныя представленія.

Преобладающей страстью старика Лутовинова была псовая охота. Его псарня состояла изъ нѣсколькихъ сотенъ собакъ, которыя находились въ разныхъ деревняхъ, такъ что, когда онъ пріѣзжалъ въ одну изъ нихъ, то цѣлыя своры были къ его услугамъ.

Старикъ Лутовиновъ, кромѣ того, отличался нѣкоторыми странностями: не смотря на свою скупость, онъ тратилъ иногда большія суммы, чтобы удовлетворить какой нибудь своей прихоти. На золото, серебро и вообще деньги онъ смотрѣлъ какъ на средство достигнуть желаемаго; особенную же страсть онъ имѣлъ къ жемчугу и скупалъ его во множествѣ. Нерѣдко у подъѣзда его дома толпились торговки, которыя приносили ему напоказъ разныя жемчужныя вещи, какъ-то: старинныя серьги, ожерелья, перстни и проч. Онъ покупалъ вещь, платя за нее безъ торга, и, вынувъ лишь самыя крупныя жемчужины, самую вещь отдавалъ обратно. Люди, его помнившіе, разсказывали, что послѣ его смерти осталось большое количество жемчугу самаго высшаго достоинства. Весь этотъ жемчугъ Варвара Петровна получила въ наслѣдство, но, какъ говорятъ, большая часть его была продана ею за границею во время ея пребыванія съ мужемъ. Лутовиновъ умеръ отъ апоплексическаго удара въ то время, когда на другой половинѣ дома раздавались звуки фортепіано и пѣнія: въ это время его пле-

---

[1]) Впослѣдствіи, въ селѣ Тургеневѣ была устроена писчебумажная фабрика, и Иванъ Сергѣевичъ свои первыя литературныя произведенія писалъ на бумагѣ фабрики села Тургенева.

мянница брала уроки музыки. Послѣ смерти онъ завѣщалъ ей все свое огромное состояніе. Какъ ни любилъ ее Ив. Ив., но его разсѣянная и безпорядочная жизнь, а, главное, недостаточное умѣнье взяться за дѣло и всякое отсутствіе воспитательной системы не могли не отразиться на характерѣ его племянницы и не наложить на ея и безъ того, можетъ быть, впечатлительную натуру печать нѣкоторой оригинальности и своеобразности; такъ какъ въ домѣ стараго холостяка, понятно, преобладало мужское общество, то Варвара Петровна невольно и безсознательно усвоила себѣ нѣкоторые мужскіе пріемы и вкусы. Стрѣльбу въ цѣль, верховую ѣзду, охоту и игру на билліардѣ—все это она предпочитала вышиванію по канвѣ и вязанью бисерныхъ кошельковъ. Особенно любила она игру на билліардѣ, которую на столько хорошо изучила, что даже въ преклонныхъ лѣтахъ обыгрывала своихъ сыновей. Всю свою жизнь она какъ бы чувствовала нѣкоторое стѣсненіе въ скромной рамкѣ женской дѣятельности, что̀ и выражалось въ ея многочисленныхъ фантазіяхъ и въ излишней для женщины самостоятельности. Оставшись послѣ смерти дяди полной владѣлицей огромнаго состоянія, молодая, богатая дѣвушка, понятно, скучала въ Спасскомъ, почему и переселилась въ Орелъ, гдѣ окружила себя компаніонками и приживалками, отъ которыхъ не требовалось ничего, кромѣ подобострастія и безпрекословнаго повиновенія. Прибытіе въ Орелъ на стоянку Елисаветградскаго гусарскаго полка должно было, разумѣется, внести нѣкоторое оживленіе въ однообразную провинціальную жизнь. Начались балы, маскарады, рауты, посѣщая которые Варвара Петровна скоро обратила вниманіе на одного изъ офицеровъ полка, красавца, Сергѣя Николаевича Тургенева, своего недальняго сосѣда по имѣнію. Молодой Тургеневъ, съ своей стороны, кромѣ выгоды женитьбы на богатой Лутовиновой, не могъ не обратить вниманія и на наружность Варвары Петровны. Хотя она была некрасива, небольшаго роста, рябовата и нѣсколько сутуловата, но во всей ея особѣ было что-то привлекательное, а, главное, ея глаза, при какомъ-то особенномъ блескѣ, были совершенно черны и до такой степени выразительны, что по временамъ какъ бы искрились. Если прибавить къ этому ея остроуміе, любезность, умѣнье одѣваться со вкусомъ и ея эксцентричность, то нетрудно допустить, что бракъ Тургенева былъ вызванъ взаимнымъ расположеніемъ молодыхъ людей. Оригинальность и самостоятельность Варвары Петровны, по разсказамъ людей, помнившихъ о началѣ этого сватовства, выразилась и въ этомъ случаѣ особенно своеобразно. Такъ, подмѣтивъ къ себѣ расположеніе молодаго Тургенева и его нерѣшительность просить ея руки, она черезъ своихъ знакомыхъ передала ему, чтобъ онъ смѣло приступилъ къ формальному предложенію, потому что отказа не получитъ. Понятно, что Тургеневъ воспользовался этимъ случаемъ, дѣйствительно получилъ се-

гласіе Варвары Петровны и скоро сталъ ея мужемъ. Свадьба совершилась въ Орлѣ, послѣ чего молодые нѣсколько лѣтъ сряду жили въ этомъ городѣ, гдѣ имѣли свой собственный домъ. По выходѣ же Сергѣя Николаевича изъ военной службы въ отставку, Тургеневы поселились въ Спасскомъ.

Всѣхъ дѣтей у нихъ было трое. Старшій Николай, второй Иванъ и третій младшій Сергѣй, умершій въ очень молодыхъ лѣтахъ отъ падучей болѣзни. Поселившись въ деревнѣ, Тургеневы занялись воспитаніемъ дѣтей въ духѣ того времени и сообразно съ его требованіями, т. е. окружили ихъ дядьками, учителями и гувернерами изъ иностранцевъ.

Тургеневы также, какъ и многіе богатые помѣщики 30-хъ годовъ, не находили нужнымъ отправляться по зимамъ въ Петербургъ и Москву или въ свой губернскій городъ, а круглый годъ проводили въ своихъ помѣстьяхъ.

Село Спасское было въ то время настоящимъ барскимъ имѣніемъ. Широкія, длинныя аллеи изъ исполинскихъ липъ и березъ вели съ разныхъ сторонъ къ господской усадьбѣ, во главѣ которой возвышался старинный, большой домъ, о трехъ или четырехъ этажахъ, деревянный, на каменномъ фундаментѣ. Архитекторъ, строившій его, мало заботился, какъ видно, о его красотѣ и правильности, а имѣлъ только въ виду, чтобъ онъ былъ повыше, пошире и подлиннѣе; если что и придавало наружному виду его нѣкоторый характеръ, то это галлереи, украшенныя колоннами, которыя шли полукругомъ, по обѣимъ сторонамъ дома и оканчивались флигелями. За домомъ тянулся обширный, роскошный садъ, густыя, темныя аллеи котораго шли уступами къ прудамъ, окаймлявшимъ садъ и всю усадьбу. На нѣкоторомъ разстояніи отъ дома находились такъ называемыя «службы», т. е. постройки для многочисленной дворни, состоявшей изъ 200 или 300 душъ; тутъ помѣщались каретники, ткачи, столяры, портные и, наконецъ, музыканты, а потомъ пялечницы, кружевницы, коверщицы и друг. Еще далѣе (отъ дома) были расположены скотный, конный и птичій дворы. Тутъ же попадались большія пространства, обнесенныя кирпичными оградами, какъ видно, безъ всякаго назначенія, густо поросшія крапивой и всякимъ бурьяномъ.

Проживая круглый годъ безвыѣздно въ деревнѣ, Тургеневы славились въ окрестности, въ средѣ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, своимъ гостепріимствомъ и радушіемъ. Лѣтомъ, въ воскресные и праздничные дни около ограды церкви села Спасскаго, еще съ ранняго утра, стояли коляски, линейки и телѣжки, въ которыхъ прихожане Спасскаго пріѣзжали къ обѣдни, по окончаніи которой всѣ они, если была хорошая погода, направлялись пѣшкомъ къ дому Тургеневыхъ, чтобы поздравить ихъ съ праздникомъ и позавтракать. Бывало, лишь только дворецкій увидитъ, что народъ

густой толпой выходитъ изъ церкви, онъ дѣлаетъ распоряженіе, чтобъ накрывали столы, ставили горячіе пироги, закуски и вина. Особенную честь воздавали угощенію мелкопомѣстные сосѣди...

Осенній сезонъ у Тургеневыхъ начинался съ 15-го сентября, въ день св. мученика Никиты, храмоваго праздника села Спасскаго. Еще съ вечера, наканунѣ праздника, по длиннымъ аллеямъ, ведущимъ къ дому, тянулась вереница экипажей; гости собирались ко всенощной, которую служили въ домѣ съ большою торжественностью. На этотъ разъ всѣ и каждый изъ дворни имѣли доступъ въ барскіе хоромы. Въ одномъ углу залы стоялъ, опершись на костыли, старый инвалидъ, проживающій «на деревнѣ», въ другомъ— слѣпая старуха, бывшая птичница, которая пріютилась позади нарядныхъ горничныхъ, а поодаль и на самомъ замѣтномъ мѣстѣ, какъ разъ на виду у господъ, стояла кормилица барскихъ дѣтей, чтобы по окончаніи службы получить барскую милость, въ видѣ серебрянаго рубля.

Въ самый же день праздника, по возвращеніи хозяевъ съ гостями отъ поздней обѣдни, приходилъ священникъ съ крестомъ; садились за завтракъ, потомъ за обѣдъ, по окончаніи котораго тѣ изъ гостей, которые не принимали участія въ предназначавшейся обыкновенно на слѣдующій день охотѣ, разъѣзжались по домамъ, а любители ея выходили на балконъ, откуда осматривали своры и егерей. На другой день, чѣмъ свѣтъ, они выѣзжали со двора и рыскали по полямъ до самаго вечера; иногда и барыни сопутствовали мужчинамъ въ тяжелыхъ четверомѣстныхъ каретахъ. Остановившись обыкновенно гдѣ нибудь у опушки лѣса, онѣ поджидали, чтобы кто нибудь изъ охотниковъ, для вящаго ихъ удовольствія, загналъ зайца или лисицу чуть не подъ самыя колеса кареты, въ ожиданіи чего вынимали изъ узелковъ пирожки, закуски и разныя лакомства. Но съ наступленіемъ сумерекъ, дамы и проголодавшіеся охотники спѣшили вернуться обратно. Вдали виднѣлся ярко освѣщенный домъ, а въ немъ уже гремѣла музыка и ждалъ гостей богатый ужинъ.

Время, о которомъ здѣсь говорится, было эпохою процвѣтанія села Спасскаго. Кромѣ охоты, тамъ устраивались балы, маскарады и спектакли. Одна изъ боковыхъ галлерей дома была приспособлена для театральныхъ представленій, исполнителями которыхъ были сами хозяева и ихъ гости, пріѣзжавшіе къ нимъ подчасъ изъ другихъ дальнихъ уѣздовъ, въ томъ числѣ и Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ, отличавшійся замѣчательнымъ сценическимъ талантомъ, умомъ, свѣтской любезностью и утонченнымъ воспитаніемъ. Въ своемъ имѣніи «Чернь» Александръ Алексѣевичъ, по примѣру сосѣдей, устраивалъ неоднократно маскарады, балы и разнаго рода бутафорные сюрпризы, а чаще всего любительскіе спектакли. У него нерѣдко гостили Жуковскій, Карамзинъ и др.

замѣчательные люди того времени, что достаточно говорить о его умѣ и образованности.

Но надъ свѣтлымъ горизонтомъ села Спасскаго собирались тучи; Сергѣй Николаевичъ, мужъ Варвары Петровны, заболѣлъ продолжительной, тяжелой болѣзнью, отъ которой онъ впослѣдствіи и умеръ. Доктора объявили, что у него каменная болѣзнь и что необходимо дѣлать операцію; поэтому Тургеневы отправились въ Парижъ, помѣстивъ старшаго сына, Николая, въ артиллерійское училище, въ Петербургѣ, а младшаго, Ивана, въ пансіонъ, въ Москвѣ. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ они то жили за границею, то опять возвращались въ Россію, и это такъ продолжалось до самой кончины Сергѣя Николаевича.

Оставшись вдовою, Варвара Петровна жила по зимамъ въ Петербургѣ, гдѣ старшій сынъ поступилъ уже на службу въ гвардію, а Иванъ Сергѣевичъ въ университетъ. На лѣто же она пріѣзжала въ Спасское. Привыкнувъ почти съ дѣтства къ большому обществу, по примѣру прежнихъ лѣтъ, она окружала себя множествомъ лицъ, проживавшихъ въ ея домѣ и составлявшихъ какъ бы ея штатъ.

Главнымъ лицомъ въ домѣ былъ родной братъ ея мужа, Николай Николаевичъ Тургеневъ; онъ управлялъ ея имѣніями и завѣдовалъ всѣми дѣлами, хотя полновластнымъ хозяиномъ не былъ, потому что все дѣлалось по собственной инициативѣ Варвары Петровны, и болѣе важные вопросы рѣшались ею самой. Сыновья, не смотря на ихъ возрость, ни во что не вмѣшивались, да и не имѣли на это возможности, такъ какъ, большею частью, жили въ Петербургѣ, наѣзжая въ Спасское лишь на самое короткое время. Когда Варвара Петровна снова окончательно поселилась въ своемъ имѣніи, селѣ Спасскомъ, при ней находились: ея племянница, дѣвочка лѣтъ 12-ти или 13-ти, воспитанница лѣтъ 5-ти или 6-ти, а при нихъ гувернантка и нѣмецъ-учитель, по фамиліи Дозе, которымъ скоро было отказано отъ мѣста. Непосредственно же при особѣ Варвары Петровны въ должности камеристки состояла нѣмка Анна Яковлевна Шварцъ; ея мѣсто было въ уборной, гдѣ она постоянно занималась кройкой и шитьемъ бѣлья и платьевъ и приготовляла для «госпожи» (говоря о своей персонѣ, Варвара Петровна иначе себя не называла) утренній, денной и ночной туалеты. За общимъ столомъ Анна Яковлевна не обѣдала, для нея накрывали отдѣльно тутъ же въ залѣ маленькій столикъ. Съ отъѣздомъ Дозе штатъ Варвары Петровны уменьшился, и она искала случая его пополнить, но вскорѣ случилось неожиданное и грустное происшествіе: въ Спасскомъ сгорѣлъ домъ... Суевѣріе и грубое невѣжество были причиной пожара. Въ окрестности села былъ въ то время падежъ скота, и скотница Варвары Петровны, чтобъ предохранить господскихъ коровъ отъ угрожающей гибели, вздумала прибѣгнуть

къ вѣрному, по ея понятію, симпатическому средству. Она насыпала въ дырявый лапоть горящихъ угольевъ, покрыла заранѣе заготовленными сухими травами и съ разными причитаніями и заклинаніями отправилась окуривать скотный дворъ снаружи и внутри. Пылающіе уголья посыпались на сѣно и солому, которыя, конечно, мгновенно вспыхнули, и скотный дворъ загорѣлся. Не прошло и полчаса, какъ вся усадьба, не исключая и господскаго дома, была объята пламенемъ. Оба сына Варвары Петровны, хотя и проводили это лѣто въ деревнѣ, но въ день пожара находились въ отсутствіи. Оставалась дома одна Варвара Петровна со всѣми у ней живущими, и ее испуганную, еле живую, уложили въ наскоро запряженную парой лошадей карету и отвезли въ одинъ изъ недальнихъ хуторовъ. Страшную картину пожара я не стану описывать, но не могу не разсказать одного замѣчательнаго случая, который произошелъ во время самаго пожара. Вмѣстѣ съ прочими вещами, которыя выносились и выбрасывались изъ дому, была выкинута шкатулка, въ которой хранилось 30,000 казенныхъ денегъ. Николай Сергѣевичъ былъ въ то время ремонтеромъ и, находясь дома, имѣлъ при себѣ казенныя деньги; онъ только что собирался ѣхать въ Лебедянь на ярмарку за покупкой лошадей. Среди разнаго хлама, уже наполовину объятаго пламенемъ, валялась и злополучная шкатулка, на которую никто не обращалъ вниманія. Въ это время Анна Яковлевна Шварцъ бѣгала по двору, стараясь что нибудь выхватить изъ огня, и, замѣтивъ шкатулку, схватила ее и отнесла въ церковь, откуда выносили образа, что̀ дѣлается обыкновенно въ деревняхъ при сильныхъ пожарахъ. Лишь на другой день послѣ пожара прибыли сыновья Варвары Петровны и нашли себѣ убѣжище въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ флигелей, посреди обгорѣвшаго платья, поломанныхъ столовъ и стульевъ, на которыхъ валялись слитки расплавленнаго серебра и золота; тутъ только Николай Сергѣевичъ вспомнилъ о своей шкатулкѣ и былъ въ страшномъ волненіи, не зная, захватила ли ее съ собою Варвара Петровна, или и она сдѣлалась жертвою огня. Но тутъ Анна Яковлевна, узнавъ въ чемъ дѣло, отправилась къ священнику и попросила его отпереть церковь, принесла оттуда ничѣмъ не поврежденною съ полною суммою шкатулку и вручила ее Николаю Сергѣевичу. Когда пожаръ былъ уже совсѣмъ потушенъ, начали коекакъ наскоро приготовлять помѣщеніе для Варвары Петровны, потому что, не смотря на совѣты и просьбы сыновей и всѣхъ ее окружающихъ переѣхать на время въ какую нибудь другую деревню или, наконецъ, въ Москву, она и слышать не хотѣла. Не болѣе, какъ черезъ недѣлю, когда помѣщеніе для нея было приготовлено, ее перевезли въ неузнаваемое Спасское, гдѣ, впрочемъ, съ поспѣшностью начали передѣлывать флигеля и приводить все въ порядокъ. Николай Сергѣевичъ взялъ отпускъ и прожилъ до

конца лѣта въ деревнѣ. Конечно, въ это время не было другаго разговора, какъ о пожарѣ, причемъ неминуемо вспоминали объ энергіи и находчивости Анны Яковлевны, не подозрѣвая, что это происшествіе послужитъ началомъ и главной причиной сближенія ея съ Николаемъ Сергѣевичемъ. Когда срокъ отпуска его окончился, и онъ уѣхалъ въ Петербургъ, то вскорѣ послѣ его отъѣзда и Анна Яковлевна объявила своей «госпожѣ», что родныя вызываютъ ее въ Ригу, и также уѣхала изъ Спасскаго. Прощаясь съ нею, Варвара Петровна не пропустила случая устроить трогательную сцену и приколола ей на грудь букетъ цвѣтовъ. Анна Яковлевна, какъ впослѣдствіи оказалось, вмѣсто того, чтобъ ѣхать на родину, осталась въ Петербургѣ и между нею и Николаемъ Сергѣевичемъ установилась продолжительная связь, окончившаяся черезъ нѣсколько лѣтъ женитьбой. Раньше сближенія съ г-жею Шварцъ, весьма некрасивой собой, высокаго роста, худой, съ темножелтымъ цвѣтомъ лица, Николай Сергѣевичъ ухаживалъ за одной молодой дѣвицей, на что̀ Варвара Петровна смотрѣла сначала крайне враждебно, но когда ея знакомые изъ Петербурга увѣдомили ее о возникшихъ отношеніяхъ ея сына къ Аннѣ Яковлевнѣ, она прилагала всѣ усилія сблизить молодыхъ людей, но уже было поздно,—Анна Яковлевна одержала верхъ; тогда Варвара Петровна пришла въ неописанный гнѣвъ и отказала сыну въ необходимомъ содержаніи, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ выйдти въ отставку и существовать лишь уроками, приготовляя мальчиковъ въ военно-учебныя заведенія.

Варвара Петровна была, какъ уже сказано выше, женщина далеко не глупая и даже недюжинная, но избалованная своимъ блестящимъ положеніемъ и окружавшей ее средой. Ей въ жизни все удавалось, а ея матеріальныя средства давали ей возможность достигать того, чего она желала. Вотъ почему, при никогда не дремлющей фантазіи, у ней являлись подчасъ совершенно причудливые капризы, и малѣйшее препятствіе въ ихъ исполненіи вызывало у ней слёзы, гнѣвъ и даже истерическіе припадки. Съ ранняго возроста ей всѣ льстили, всѣ преклонялись передъ ней, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что изъ нея выработалась женщина—фантазёрка (fantasque), у которой не было конца прихотямъ, и воля которой должна была для всѣхъ быть закономъ. На видъ она казалась деспотичной, но эта деспотичность не была у ней принципомъ, а результатомъ ея избалованности. Отсюда исходили проявленія ея блестящей нескончаемой фантазіи. Временами она воображала себя Бальзаковской женщиной, временами усидчиво писала свой дневникъ, тетрадями котораго были наполнены цѣлые сундуки. Мнѣ говорили, что Иванъ Сергѣевичъ, разсказывая о кончинѣ своей матери кому-то изъ своихъ короткихъ знакомыхъ, говорилъ, что даже въ минуту своей смерти она осталась вѣрна себѣ. Она

подозвала сына и уже слабымъ голосомъ проговорила: «Jean, j'ai manqué ma vocation, je suis née pour être touriste». Вообще, всѣ дѣйствія Варвары Петровны носили на себѣ печать какой-то избалованности. Ея гнѣвъ или расположеніе влекли за собой или массу непріятностей въ одномъ случаѣ, или же избытокъ счастія въ другомъ. Особеннымъ благоволеніемъ съ ея стороны пользовалась Авдотья Ивановна Губарева, сестра Воина Ивановича Губарева [1]). Она числилась при Варварѣ Петровнѣ въ качествѣ компаніонки, еще при жизни старика Лутовинова, и съумѣла на столько сильно привязать ее къ себѣ своею смѣтливостью и ловкостью, что Варвара Петровна подарила ей имѣніе въ 100 душъ крестьянъ Болховскаго уѣзда, село Лутовиново, и выдала ее замужъ за г. Лагриваго [2]). Когда по прошествіи уже многихъ лѣтъ Варварѣ Петровнѣ пришло на мысль взглянуть на принадлежавшее ей когда-то имѣніе, она пріѣхала со всѣмъ своимъ штатомъ и обоими сыновьями къ Авдотьѣ Ивановнѣ Лагривой, которая, желая, чтобъ пребываніе у нея въ домѣ ея благодѣтельницы было нескучнымъ, пригласила къ себѣ всѣхъ знакомыхъ сосѣдей, въ томъ числѣ и меня, и вотъ у нея-то въ домѣ въ первый разъ я встрѣтилась со всѣмъ семействомъ Тургеневыхъ. Я обратила вниманіе Варвары Петровны своимъ веселымъ характеромъ, за который она впослѣдствіи меня постоянно любила и жаловала. Она съ любезностію пригласила меня пріѣхать къ ней въ Спасское, не смотря на то, что у нея жили, кромѣ ея племянницы и воспитанницы, еще 2 или 3 молодыя образованныя дѣвицы. Въ это время у моего отца сгорѣлъ домъ, и мы лишились почти всего нашего состоянія, а потому я съ радостію воспользовалась приглашеніемъ Варвары Петровны и съ этихъ поръ почти безвыѣздно находилась въ Спасскомъ. Понятно, что жизнь въ богатомъ домѣ и многолюдномъ обществѣ была пріятна для молоденькой дѣвушки!.. А Варвара Петровна съ своей стороны дѣлала все возможное, чтобы удерживать меня подолѣе у себя, и когда, по требованію моего отца, я уѣзжала изъ Спасскаго, то, по прошествіи нѣсколькихъ дней, ко мнѣ являлся отъ Варвары Петровны посланный Герасимъ, тотъ самый, личность котораго ясно обрисована Иваномъ Сергѣевичемъ въ его разсказѣ «Муму». До сихъ поръ живо представляется мнѣ, какъ по дорогѣ, ведущей къ нашему дому, шагаетъ гигантъ Герасимъ, съ сумкой на шеѣ,

---

[1]) Помѣщикъ Кромскаго уѣзда, пріятель Жуковскаго, Блудова и Уварова, старинный другъ дома Тургеневыхъ; волтеріанецъ и представитель раціонализма XVIII вѣка (см. соч. Тургенева, т. 1-й, «Литературныя и житейскія воспоминанія», стр. 77, изд. Салаева).

[2]) Это незаконный сынъ одного изъ Кологривовыхъ; очень добродушный человѣкъ, слегка простоватый и находившійся «подъ башмакомъ» своей бойкой супруги, Авдотьи Ивановны. Несомнѣнно, И. С. Тургеневъ въ своей поэмѣ «Помѣщикъ» изобразилъ Лагриваго, не перемѣнивъ даже ему имени.

съ такой же длинной палкой, какъ и онъ самъ, въ одной рукѣ, а въ другой съ запиской отъ Варвары Петровны слѣдующаго содержанія: «On s'ennuie sans vous à «Spaskoi», revenez plus vite, je vous attend». Имѣніе моего отца находилось не ближе 60-ти верстъ отъ Спасскаго, и бѣдный Герасимъ, который въ то время состоялъ въ должности скорохода, долженъ былъ, не взирая ни на какую погоду, отправляться пѣшкомъ съ письмами и посылками отъ Варвары Петровны къ ея знакомымъ. Село Лутовиново, о которомъ я упомянула выше, отстоитъ отъ Спасскаго болѣе 70-ти верстъ, куда Герасима отправляли также пѣшкомъ для того, чтобы онъ принесъ отъ Авдотьи Ивановны Лагривой Варварѣ Петровнѣ маленькій горшечекъ гречневой каши, на томъ основаніи, что повара села Спасскаго, по мнѣнію Варвары Петровны, гречневую кашу приготовлять не умѣютъ.

Чтобы еще рельефнѣе обрисовать характеръ Варвары Петровны, нужно коснуться ея странныхъ затѣй по веденію дома и администраціи села Спасскаго...

Въ домѣ на столько богатомъ, какъ домъ Тургеневыхъ, разумѣется, было много людей изъ крѣпостныхъ, которые имѣли свои спеціальныя обязанности. При домѣ былъ дворецкій изъ крѣпостныхъ, онъ же и мажоръ-домъ, потомъ домашній секретарь Варвары Петровны; его звали Өедоромъ Ивановичемъ Лобановымъ. Это была весьма симпатичная личность, постоянно одѣтая щеголевато въ синій безукоризненно-чистый фракъ съ бронзовыми блестящими пуговицами и бѣлый галстухъ. Лобановъ представлялъ изъ себя типъ слуги хорошаго дома. Утро Варвары Петровны начиналось тѣмъ, что она въ своемъ рабочемъ кабинетѣ выслушивала доклады Өедора Ивановича и въ то же время отдавала ему приказанія на весь текущій день относительно приготовленія экипажей, если предполагалось катанье, работъ и всего прочаго. Кромѣ словесныхъ приказаній, были еще и письменныя. Ежедневно, часовъ около 10-ти утра, Өедоръ Ивановичъ являлся къ намъ въ комнату и вручалъ маленькіе билетики, на которыхъ рукой Варвары Петровны было написано, «отъ 10-ти до 12-ти часовъ утра—рыбная ловля», «отъ 12-ти до 2-хъ—игра въ карты» и т. д., а на другой день новый билетикъ и новое распредѣленіе времени. Домашній врачъ Порфирій Тимоѳеевичъ [1]) изъ крѣпостныхъ ежедневно по утру и даже нѣсколько разъ въ день долженъ былъ освѣдомляться о здоровьѣ Варвары Петровны, вести бюллетени о состояніи ея здоровія и отсылать въ двухъ экземплярахъ: одинъ — къ доктору Иноземцеву, а другой къ ея домашнему московскому врачу Берсу.

Кромѣ этихъ лицъ, въ услуженіи у Варвары Петровны состояли пажи, красивые мальчики, обязанности которыхъ не были строго

---

[1]) Въ повѣсти «Муму» есть его живое описаніе.

опредѣлены, но которые состояли, какъ говорится, «на побѣгушкахъ».

При Спасскомъ была своя полиція изъ отставныхъ гвардейскихъ солдатъ, которая должна была вѣдать всѣ могущіе произойдти безпорядки, требующіе вмѣшательства силы. Женскій персоналъ села Спасскаго также не былъ изъятъ отъ присмотра женской «тайной полиціи», во главѣ которой стояла старуха Прасковья Ивановна, отвратительной наружности съ вѣчно трясущейся головой. Ея всѣ, не исключая и насъ, ужасно боялись, что̀ вызывало съ нашей стороны относительно Прасковьи Ивановны извѣстную долю заискиваній и ухаживаній, чтобъ предупредить ея нечаянный на насъ наговоръ.

Я уже говорила о блестящей фантазіи Варвары Петровны,— образцы ея проявлялись на каждомъ шагу. Такъ дано было приказаніе, чтобы, при выгонѣ скота въ поле и возвращеніи его обратно домой, пастухи играли на рожкахъ, а человѣкъ, отправляющійся въ Мценскъ, на почту, съ корреспонденціей, былъ одѣтъ почтальономъ и звонилъ въ колокольчикъ.

Теперь я считаю нелишнимъ описать то помѣщеніе, которое занимала Варвара Петровна, послѣ пожара села Спасскаго, такъ какъ и оно по своей обстановкѣ было въ своемъ родѣ оригинально и замѣчательно. Внутреннее его расположеніе было слѣдующее: передняя, залъ, потомъ кабинетъ Варвары Петровны и вмѣстѣ пріемная и рядомъ съ нимъ рабочій кабинетъ, гдѣ на покрытыхъ зеленымъ сукномъ подмосткахъ стоялъ столъ съ письменными принадлежностями, въ строгомъ симметрическомъ порядкѣ расположенными. Все, что находилось въ этой комнатѣ, было весьма красиво и богато, даже хлыстикъ, который лежалъ у подножія вазы съ цвѣтами, и тотъ былъ съ яшмовой рукояткой. Прекрасныя портьеры изъ тяжелой шелковой матеріи скрывали входъ въ комнату, походившую скорѣе на теплицу или оранжерею, вслѣдствіе множества дорогихъ растеній, которыми она была убрана. Полъ въ ней былъ кирпичный, усыпанный пескомъ, а стѣна на солнечной сторонѣ сверху до низу стеклянная; къ ней былъ придѣланъ стеклянный улей, покрытый занавѣсой изъ зеленой тафты. Одно время Варвара Петровна, сидя передъ нимъ съ лорнеткой въ рукѣ, слѣдила за работой пчелъ. На противоположной сторонѣ комнаты стоялъ диванъ, обшитый шолковой матеріей, въ турецкомъ вкусѣ, по одну сторону котораго находился акваріумъ, а по другую бѣлая мраморная тумба съ портретомъ ея мужа; на немъ онъ былъ изображенъ въ гусарскомъ мундирѣ, красивымъ молодымъ человѣкомъ, съ лицомъ, цвѣтущимъ молодостію и здоровіемъ. Надъ диваномъ висѣлъ другой его портретъ бо̀льшаго размѣра, снятый во время болѣзни Сергѣя Николаевича, уже незадолго передъ его кончиной; здѣсь онъ былъ изображенъ съ исхудалымъ, страдаль-

ческимъ лицомъ, со впалыми глазами и длинной бородой. Портретъ этотъ всегда былъ завѣшанъ черной тафтой. Его окружала какая-то таинственность...

Надъ входомъ въ эту съ оригинальной обстановкой комнату была прибита черная дощечка, съ надписью золотыми буквами «Казино». Это названіе дано въ память путешествія Варвары Петровны по Италіи. Такія дощечки были, впрочемъ, прибиты всюду, гдѣ только представлялась возможность. По усадьбѣ онѣ безпрестанно попадались на глаза съ разными надписями: «Контора села Спасскаго», «Полиція села Спасскаго», «Людская», «Столярная» и пр.

Повторяю, что фантазіи Варвары Петровны были безчисленны и вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко весьма тяжелы для всѣхъ её окружающихъ и жившихъ съ ней подъ одной кровлей, не исключая даже и сыновей. Иванъ Сергѣевичъ съ своей замѣчательной наблюдательностію, понятно, не могъ съ одной стороны не подмѣтить тяжелаго гнета надъ дворовыми своей матери, а съ другой не могъ не видѣть печальныхъ, недовольныхъ ихъ лицъ. Несомнѣнно, что не разъ приходилось ему выслушивать отъ нихъ горькія и справедливыя жалобы на свою мать, и онъ, сознавая ея неправоту, съ тѣмъ вмѣстѣ, долженъ былъ досадовать на свое безсиліе—хотя бы нѣсколько улучшить ихъ положеніе. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ нравственно страдалъ, но, какъ и всѣ прочіе обитатели Спасскаго, долженъ былъ относиться съ пассивнымъ терпѣніемъ къ тяжелой, удручающей обстановкѣ. Вотъ почему послѣ этого и неудивительно, что подъ его художественнымъ перомъ могли явиться такіе прочувственные разсказы, какъ «Муму» и «Контора», впечатлѣнія которыхъ болѣзненно пережиты самимъ авторомъ.

Мнѣ памятно одно происшествіе въ Спасскомъ, въ которомъ Иванъ Сергѣевичъ принялъ если не активное, то, по крайней мѣрѣ, такое участіе, которое до этого въ немъ не замѣчалось. Когда однажды Варвара Петровна, по своему обыкновенію, сидя въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, выслушивала доклады Ѳедора Ивановича, мы, молодежь, находились въ сосѣдней комнатѣ; тутъ же съ нами былъ и Иванъ Сергѣевичъ, по обыкновенію, что-то разсказывавшій. Вдругъ мы были поражены возвышавшимся голосомъ Варвары Петровны, тонъ котораго дѣлался все гнѣвнѣе и гнѣвнѣе. Понятно, что всѣ мы пріутихли и, прекративъ разговоръ, сосредоточили все наше вниманіе на сосѣднюю комнату и увидѣли, что, по мѣрѣ возвышенія голоса, Варвара Петровна схватила лежавшій на столѣ хлыстъ и уже готовилась было нанесть имъ ударъ своему секретарю, но каково же было наше удивленіе, когда Лобановъ, вырвавъ у нея изъ рукъ хлыстъ, отбросилъ его далеко въ уголъ комнаты. Изумленіе обезоруженной Варвары Петровны было неописанное... Но въ ту же минуту она позвонила, и вошедшему

пажу было отдано приказаніе немедленно позвать полицію, которая и не замедлила появиться, въ лицѣ нѣсколькихъ гвардейскихъ солдатъ; ей приказано было увести мятежнаго Лобанова. Послѣ этой сцены нѣсколько дней сряду продолжалось какое-то натянутое, неестественное положеніе въ домѣ. Хозяйка не выходила изъ своей комнаты, только одинъ Иванъ Сергѣевичъ имѣлъ къ ней доступъ. Въ долетавшихъ до насъ разговорахъ его съ матерью намъ удавалось слышать имя Лобанова. Какъ должно предполагать, Иванъ Сергѣевичъ испрашивалъ для него у матери если не полнаго прощенія, то, по крайней мѣрѣ, смягченія наказанія. По прошествіи нѣсколькихъ дней, портьеры кабинета были приподняты, и мы увидѣли сидящую на своемъ мѣстѣ, за письменнымъ столомъ Варвару Петровну, и вскорѣ послѣ того къ ней былъ введенъ Лобановъ. Мы съ трудомъ его узнали; онъ былъ одѣтъ въ сѣрую крестьянскую свиту и обутъ въ лапти; замѣтно было, что онъ съ трудомъ двигался въ этой обуви. Когда его поставили передъ Варварой Петровной, ему былъ объявленъ приговоръ, по которому онъ ссылался въ одну изъ самыхъ ея дальнихъ деревень, а его жена и трое маленькихъ дѣтей оставались въ Спасскомъ. По данному «госпожей» знаку, полицейскіе вывели изъ кабинета осужденнаго, и мы его болѣе не видали. Съ грустью, и какъ бы подавленныя чѣмъ-то тяжелымъ, мы слѣдили изъ залы за всей этой суетой, только Иванъ Сергѣевичъ, выслушавъ приговоръ, схватилъ себя за голову и съ словами: «Mon Dieu, quelle horreur!» вышелъ изъ залы.

Для полноты характеристики Варвары Петровны разскажу еще одинъ эпизодъ, который во всѣхъ насъ оставилъ еще болѣе тягостное впечатлѣніе. Однажды, послѣ обѣда и когда обоихъ сыновей не было дома, предполагалась прогулка въ экипажахъ; Варвара Петровна также собиралась ѣхать, и въ то время, какъ мы совсѣмъ уже были готовы къ отъѣзду и дожидались въ залѣ, чтобы экипажи были поданы, Варвара Петровна вошла къ намъ уже совсѣмъ одѣтая въ шляпѣ и бурнусѣ и мимоходомъ спросила, взяли ли рейнвейнъ. Нужно сказать, что это было ея любимое вино, и разъ навсегда было отдано приказаніе брать съ собой на дорогу бутылку съ водой и другую съ рейнвейномъ. Горничная побѣжала заглянуть въ сумку кареты и, не найдя бутылки, доложила, что вина не брали; тогда Варвара Петровна вторично послала горничную спросить у дежурнаго пажа́, мальчика лѣтъ 15-ти, почему не отпустили вина на дорогу, и что его прямая обязанность была объ этомъ позаботиться; онъ отвѣчалъ, что вино все вышло. Когда горничная принесла ей этотъ отвѣтъ, то Варвара Петровна грозно потребовала его къ себѣ, и не прошло пяти минутъ, какъ мы услышали выстрѣлъ. Всѣ, не исключая и Варвары Петровны, вздрогнули отъ его нечаянности, и нѣкоторыя изъ насъ бросились въ ту сторону, откуда онъ послышался, и къ неописанному ужасу уви-

дѣли многочисленную толпу дворни, которая окружала бездыханный трупъ Павлуши. Несчастный мальчикъ застрѣлился!.. Случилось это такъ: лишь только горничная объявила ему, что барыня требуетъ его къ себѣ, какъ онъ, вмѣсто того, чтобъ идти на объясненіе къ ней, въ испугѣ бросился во флигель, гдѣ жили молодые Тургеневы, и, схвативъ заряженное ружье, застрѣлился. Николай Николаевичъ, узнавъ о случившемся, поспѣшилъ прійдти къ Варварѣ Петровнѣ и, чтобы успокоить ее, объяснилъ этотъ выстрѣлъ тѣмъ, что какой-то незнакомый охотникъ зашелъ въ садъ и, не спрося ни у кого позволенія, вздумалъ охотиться. Кое-какъ Николаю Николаевичу удалось спровадить Варвару Петровну на хуторъ, а вслѣдъ за нами съ нарочнымъ посланнымъ я получила отъ Николая Николаевича записку, въ которой онъ просилъ употребить всѣ возможныя старанія удержать Варвару Петровну на хуторѣ, такъ какъ въ Спасское ожидалось прибытіе «временнаго отдѣленія», для слѣдствія о самоубійствѣ Павлуши. Когда, наконецъ, мы возвратились въ Спасское, то отсутствіе бѣднаго мальчика было объяснено Варварѣ Петровнѣ сначала его болѣзнію, а потомъ естественной смертью, но, казалось, что она догадывалась, что есть что-то недоброе въ исчезновеніи Павлуши...

Не все же, однако, мы были свидѣтельницами однѣхъ непріятныхъ сценъ; нерѣдко Варвара Петровна бывала въ самомъ веселомъ настроеніи, тогда она старалась всѣми способами разнообразить жизнь въ Спасскомъ. Помимо почти ежедневныхъ гостей, чуть ли не каждый день затѣвались различныя «parties de plaisir», какъ-то: поѣздки въ довольно-отдаленные хутора, охоты, а, если это было лѣтнее время, то рыбныя ловли и пр. Варвара Петровна любила сидѣть на балконѣ и смотрѣть, какъ всѣ мы, не исключая, конечно, и сыновей, если они находились въ Спасскомъ, качались на качеляхъ, играли въ воланъ, въ мячъ и проч.; въ дождливое время она играла съ нами въ карты. Иванъ Сергѣевичъ, вернувшись изъ Парижа, выучилъ насъ модной игрѣ въ brelan; но чаще всего мы читали поочереди вслухъ русскія и французскія книги, конечно, по выбору и совѣту Ивана Сергѣевича.

Разъ, по утру, войдя въ гостинную, гдѣ мы читали сочиненія Шатобріана, онъ сталъ надъ нами трунить, что мы читаемъ такую напыщенную дребедень, называя при этомъ Шатобріана ходульнымъ писателемъ. На нашъ вопросъ, что̀ же читать, онъ совѣтовалъ Жоржъ-Занда и при этомъ прибавилъ, что она великій живописецъ. Я помню, въ это время кто-то изъ насъ сталъ доказывать Ивану Сергѣевичу, что Жоржъ-Зандъ писательница, а не живописецъ, надъ чѣмъ онъ отъ души хохоталъ. Порусски же онъ совѣтовалъ намъ читать «Современникъ» и указалъ на «Письма объ Испаніи» Боткина. Вечеромъ того же дня, когда мы всѣ сидѣли на балконѣ, Иванъ Сергѣевичъ вспомнилъ нашъ разговоръ

о Шатобріанѣ, побѣжалъ въ оранжерею, отыскалъ тамъ старыя ходули и, устроившись на нихъ, что̀ ему стоило немалаго труда при его ростѣ, сталъ декламировать, страшно жестикулируя, изъ «Otala» (сочиненіе Шатобріана) слѣдующее: «Un desert pour temple, un rocher pour autel et un vieil hermite pour sacrificateur». Кончивъ тираду, онъ пояснилъ, что, такъ какъ Шатобріанъ ходульный писатель, то и слѣдуетъ его читать на ходуляхъ.

На сколько я помню Ивана Сергѣевича въ молодости, онъ рѣдко смѣялся, но смѣшить другихъ и вообще школьничать было его страстью; онъ, напримѣръ, изображалъ на своемъ лицѣ «зарницу или молнію». Фарсъ этотъ начинался легкимъ миганьемъ глазъ, подергиваніемъ рта то въ одну, то въ другую сторону, и это съ такой неуловимой быстротой, что передать трудно, а когда начиналось подраженіе молніи, то уже вся его физіономія до того измѣнялась, что онъ былъ неузнаваемъ, всѣ его личные мускулы приходили въ такое быстрое и безпорядочное движеніе, что становилось страшно. Варвара Петровна не любила, когда онъ выдѣлывалъ этотъ фарсъ, и боясь, чтобы онъ не перекосилъ себѣ глаза, не позволяла повторять его часто. Не смотря, на то, что оба брата были между собой очень дружны, это не мѣшало имъ другъ надъ другомъ подсмѣиваться, но только шутки Ивана Сергѣевича, будучи чрезвычайно остроумны и забавны, были вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно безобидны, безъ малѣйшей претензіи на эффектъ и на желаніе блеснуть остроумьемъ; напротивъ, въ шуткахъ Николая Сергѣевича, также изобилующихъ неподдѣльнымъ юморомъ, ощущалась нѣкоторая доля колкости и раздражительности. Что касается наружности обоихъ братьевъ, то, судя по портретамъ покойнаго мужа Варвары Петровны и по словамъ всѣхъ тѣхъ, кто его помнилъ, Николай Сергѣевичъ походилъ на отца, а Иванъ Сергѣевичъ на мать; не потому ли всѣ и считали послѣдняго ея любимцемъ. По характерамъ они были также несходны, какъ и по наружности!.. Иванъ Сергѣевичъ былъ характера мягкаго, уклончиваго, какое-то величавое спокойствіе было во всей его фигурѣ, съ матерью онъ никогда ни въ какія безполезныя и неумѣстныя препирательства не входилъ. Рѣчь его была тихая и плавная, онъ слегка, еле-замѣтно, шепелявилъ, что̀ дѣлало его произношеніе необыкновенно пріятнымъ. Наоборотъ, во всей фигурѣ Николая Сергѣевича было что-то рѣзкое, порывистое, говорилъ онъ громко, скоро и всегда съ большимъ увлеченіемъ. Мнѣ вспомнился одинъ эпизодъ, хотя не важный, но ясно обрисовывающій какъ характеры обоихъ братьевъ, такъ и ихъ отношенія къ матери. Однажды, во время пріѣзда въ Спасское мценскаго помѣщика Ш....на съ дочерью, Иванъ Сергѣевичъ, находясь у себя въ флигелѣ, вѣроятно, чѣмъ нибудь былъ занятъ, а Николай Сергѣевичъ прохаживался по залѣ того флигеля, который занимала его мать и гдѣ было все общество. Когда Варвара

Петровна отдала приказаніе пажу попросить обоихъ сыновей въ гостинную, то Иванъ Сергѣевичъ немедленно явился туда, а Николай Сергѣевичъ, продолжая прохаживаться по залѣ, нисколько не стѣсняясь близкимъ присутствіемъ гостей, продолжалъ громко съ нами разговаривать. Когда же, наконецъ, хозяйка дома попросила и насъ прійдти занимать гостей, то упрямый молодой человѣкъ поневолѣ послѣдовалъ за нами. Войдя въ комнату, гдѣ находилась Варвара Петровна съ пріѣзжими, и раскланявшись съ ними, онъ, какъ-то неловко и съ напускной застѣнчивостью, сѣлъ на кончикъ стула возлѣ молодой дѣвицы и послѣ нѣкоторой паузы, потирая себѣ руки, обратился къ ней съ вопросомъ: «M-lle, aimez-vous la promenade»? и, получивъ отвѣтъ «Oui, M-r», онъ продолжалъ «et la musique?», и получилъ такой же лаконическій отвѣтъ, но когда, наконецъ, послѣ вопроса «et la dance aussi?», молодая дѣвушка, замѣтивъ его желаніе надъ ней подтрунить, до того покраснѣла, что, казалось, слёзы готовы были брызнуть у нея изъ глазъ, то Иванъ Сергѣевичъ, замѣтивъ ея смущеніе и гнѣвные взгляды матери, бросаемые ею по направленію разговаривающихъ, поспѣшилъ подойдти къ гостьѣ и, предложивъ выйдти на балконъ, началъ оживленный и веселый разговоръ, а при отъѣздѣ гостей пошелъ къ себѣ во флигель и, захвативъ груду книгъ, вручилъ ихъ дѣвицѣ Ш....ной. Когда гости уѣхали, наступило уже время обѣда, столъ былъ накрытъ, и мы всѣ вошли въ залъ, то Варвара Петровна, указавъ пажу на приборъ Николая Сергѣевича, отдала приказаніе отнести его къ нему въ комнату во флигель. Такимъ образомъ, гвардейскій офицеръ былъ наказанъ своей матерью за непослушаніе.... Всегда, когда въ село Спасское пріѣзжали сосѣди, то Иванъ Сергѣевичъ держалъ себя сдержанно; но обращался въ блестящаго собесѣдника лишь тогда, когда пріѣхавшія лица были ему коротко и хорошо извѣстны; при встрѣчахъ же съ людьми мало ему знакомыми, онъ удалялся въ свое помѣщеніе и, если держалъ себя какъ бы въ сторонѣ отъ общества, то это потому, что не переносилъ никакихъ банальностей и безсодержательной болтовни. Къ своимъ же мелкопомѣстнымъ сосѣдямъ дворянамъ Иванъ Сергѣевичъ относился чрезвычайно дружелюбно и былъ съ ними очень ласковъ и привѣтливъ. Спасское въ то время находилось въ центрѣ мѣлкопомѣстныхъ имѣній, которыхъ было особенно много во Мценскомъ и сосѣднемъ съ нимъ Чернскомъ уѣздахъ. Одинъ изъ такихъ хуторовъ находился верстахъ въ двухъ отъ Спасскаго. Владѣлецъ его, Степанъ Даниловичъ Шаламовъ, мало занимаясь своимъ помѣстьемъ, находилъ болѣе выгоднымъ сочинять разнаго рода проекты, намѣреваясь отправить ихъ въ Петербургъ, въ надеждѣ получить большія деньги. Очень часто являлся онъ въ Спасское съ толстою объемистою тетрадью въ рукахъ и, показывая ее Ивану Сергѣевичу, просилъ просмотрѣть

его новый проектъ и сказать ему свое мнѣніе. Болѣе всего онъ затруднялся въ томъ, что не зналъ въ вѣдомство какого министерства ему слѣдовало отправить свой проектъ. Уѣзжая изъ Спасскаго, онъ оставлялъ свое сочиненіе на столѣ, гдѣ оно и лежало никѣмъ не тронутое до слѣдующаго пріѣзда Степана Даниловича, и тогда Иванъ Сергѣевичъ, вручая обратно проектъ автору, говорилъ, что онъ хорошъ и слѣдуетъ его принять во вниманіе, но что необходимо его передѣлать. Иванъ Сергѣевичъ очень любилъ Степана Даниловича, находилъ его личностью чрезвычайно типичною и, во время нашихъ прогулокъ, всегда первый предлагалъ намъ заѣхать къ нему. Прогулки эти мы совершали или пѣшкомъ, или на лошадяхъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Николай Сергѣевичъ—верхомъ, Иванъ Сергѣевичъ—на бѣговыхъ дрожкахъ, а мы, барышни, въ старомодной линейкѣ, которую Иванъ Сергѣевичъ называлъ «колымага съ дышломъ»... Въ одну изъ нашихъ прогулокъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ произошелъ очень непріятный случай. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, во время хлѣбной уборки, мы отправились пѣшкомъ въ поле. Почти вслѣдъ за нами пріѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ и Иванъ Сергѣевичъ; отдавъ подержать лошадь крестьянину, онъ присоединился къ нашему обществу. Но, замѣтивъ, что на небѣ стали собираться тучки, мы поспѣшили вернуться домой, а онъ остался въ полѣ. Долго поджидали его къ вечернему чаю, наступили уже сумерки, а онъ все еще не возвращался. Всѣ уже начинали тревожиться, тѣмъ болѣе, что съ нимъ не было ни ружья, ни собаки, и нельзя было предположить, чтобы онъ охотился. Варвара Петровна не отходила отъ окна, мы ежеминутно выбѣгали на балконъ и, наконецъ, увидѣли, что по двору ѣдетъ на бѣговыхъ дрожкахъ и правитъ лошадью крестьянинъ; позади его нѣсколько другихъ (крестьянъ) скорѣе несутъ, нежели ведутъ нашего дорогаго Ивана Сергѣевича, а рука у его подвязана крестьянскимъ поясомъ. Оказалось, что въ ту минуту, какъ онъ садился на дрожки, чтобы также ѣхать домой, лошадь быстро повернула въ сторону, опрокинула ихъ, и онъ при паденіи сломалъ себѣ руку. Къ счастію, это случилось въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ косили крестьяне, и потому они скоро подоспѣли къ нему на помощь. Послѣдствіемъ перелома руки была нервная лихорадка, но, оправившись отъ болѣзни, Иванъ Сергѣевичъ осенью 1843 года уѣхалъ въ Петербургъ [1]). Для Варвары же Петровны была нанята квартира въ Москвѣ, на Остоженкѣ, въ домѣ Лошаковскаго, близь Коммерческаго училища, а меня мой отецъ взялъ съ собою въ Петербургъ, куда онъ отправился для свиданія съ товарищемъ дѣтства—графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Блудовымъ.

[1]) Черезъ нѣсколько времени Иванъ Сергѣевичъ писалъ матери, не помню откуда, что вторично и на томъ же самомъ мѣстѣ сломалъ себѣ ту же самую руку, что, вѣроятно, и было причиной перерыва въ его литературныхъ занятіяхъ.

На зиму того же 1843 года, въ Петербургъ была ангажирована итальянская труппа съ примадонною г-жею Віардо. По окончаніи абонемента вся труппа въ полномъ составѣ прибыла въ Москву. Въ то время Иванъ Сергѣевичъ также уѣхалъ изъ Петербурга къ своей матери, уже проживавшей въ Москвѣ. Прибывъ туда, онъ рѣдко бывалъ въ тамошнемъ обществѣ; его стремленія, идеалы, и все то, что наполняло его духовный міръ, было несовмѣстно съ требованіями и условіями свѣта, и притомъ же онъ посвятилъ себя въ то время всецѣло наукѣ. До знакомства съ г-жею Віардо, которое произошло въ Москвѣ, Иванъ Сергѣевичъ не былъ знатокомъ музыки, но послѣ того въ немъ явилась страсть къ музыкѣ, которая, какъ извѣстно, и не оставляла его до конца его дней. Г-жа Віардо, какъ о ней отзывался Иванъ Сергѣевичъ, была женщина съ выдающимся умомъ, съ большимъ талантомъ и многостороннимъ образованіемъ: она знала въ совершенствѣ пять или шесть иностранныхъ языковъ, превосходно играла на фортепіано и рисовала. Ея увлекательный даръ слова и любезность дѣлали ее украшеніемъ и душой лучшаго московскаго общества, но ей не доставало знанія русскаго языка, а между тѣмъ, по желанію московской публики, ей предстояло пѣть на сценѣ русскія пѣсни и романсы. Тогда Иванъ Сергѣевичъ предложилъ ей свои услуги; въ качествѣ учителя русскаго языка, онъ почти ежедневно являлся къ ней на урокъ. Варвара Петровна съ неудовольствіемъ и досадой выслушивала похвалы своего сына г-жѣ Віардо. Въ то время въ Москвѣ была очень богатая невѣста, дѣвица С—на, и Варвара Петровна желала, чтобъ Иванъ Сергѣевичъ на ней женился, но желанія матери не осуществились...

Возвратясь изъ Петербурга, я осталась жить, попрежнему, у Варвары Петровны, которая въ то время была нездорова; Иванъ Сергѣевичъ нерѣдко заходилъ къ ней и старался всячески развлекать своими разсказами. Какъ-то разъ онъ спросилъ мать, почему мы не бываемъ въ театрѣ, на это она ему отвѣтила, что по нездоровью ѣздить туда не можетъ, но что для насъ будетъ брать ложи, и вотъ, когда готовился особенно интересный спектакль (г-жа Віардо въ первый разъ должна была пѣть русскій романсъ «Соловей» — Алябьева), для насъ была взята ложа и намъ позволено было появиться за обѣдомъ въ папильоткахъ. Въ пять часовъ, послали за парикмахеромъ, Марку, а въ 7 часовъ вечера, когда мы уже были совсѣмъ одѣты, къ намъ вышла горничная и объявила отъ имени Варвары Петровны, что въ театръ намъ ѣхать нельзя, такъ какъ на дворѣ сильная метель. Мы были въ отчаяніи... Когда же на другой день Иванъ Сергѣевичъ съ восторгомъ отзывался о неподражаемомъ пѣніи г-жи Віардо и спросилъ, почему мы не были въ театрѣ, то мы разсказали ему всю правду. Онъ обѣщалъ намъ устроить такъ, чтобы каждое представленіе,

въ которомъ будетъ участвовать г-жа Віардо, мы были въ театрѣ. Обѣщаніе свое онъ сдержалъ, испросивъ разрѣшеніе для насъ у Варвары Петровны.

Не въ одномъ только этомъ случаѣ, но каждый разъ, когда представлялась возможность, Иванъ Сергѣевичъ былъ готовъ доставить намъ удовольствіе или отстранить какую нибудь непріятную сцену съ его матерью. Помню, что на святой недѣлѣ я попросила позволеніе у Варвары Петровны поѣхать съ поздравленіемъ къ моимъ роднымъ Симоновымъ и Обольяниновымъ; она сказала, что слѣдуетъ поѣхать со мной и одной изъ воспитанницъ и сдѣлать визиты княгинѣ Вяземской, Мухановымъ и другимъ ея знакомымъ. Намъ подали прелестную вѣнскую карету, запряженную парой великолѣпныхъ лошадей, завода села Спасскаго, присланныхъ Николаемъ Николаевичемъ въ Москву для продажи (знатоки цѣнили этихъ лошадей по 1,000 руб. каждую). Едва мы сѣли въ карету, какъ намъ пришла мысль, вмѣсто того, чтобы дѣлать церемонные и скучные визиты, проѣхать на гулянье подъ Новинское; такъ мы и сдѣлали... Но какъ только мы въѣхали въ ряды экипажей, выѣхать оттуда было уже невозможно, и мы, nolens-volens, принуждены были прогуливаться тихимъ шагомъ отъ Прѣсненскихъ прудовъ до Арбата и потомъ обратно съ безпрестанными остановками. Было уже три часа (часъ обѣда), а выбраться изъ рядовъ жандармы не пускали; намъ было не до гулянья, лишь бы поскорѣе явиться домой, а тутъ еще, вдобавокъ, къ нашей досадѣ, подъѣхалъ верхомъ къ дверцамъ нашей кареты племянникъ Варвары Петровны, кавалергардъ Ал. Ник. Т—ловъ. Въ другой разъ мы были бы очень довольны обществу молодаго, красиваго кавалергарда, но тутъ намъ было не до него... Обмѣнявшись съ нами нѣсколькими фразами, Т—ловъ сказалъ: «Я ѣду къ вамъ обѣдать и скажу тетинькѣ, что на всемъ гуляньѣ лучше вашего экипажа и лошадей не было». Проговоривъ это, онъ повернулъ лошадь и ускакалъ... Мы знали, чтò насъ теперь ожидаетъ дома!.. Когда, наконецъ, мы добрались до Остоженки и были уже у подъѣзда своего дома, Иванъ Сергѣевичъ выбѣжалъ на крыльцо съ непокрытой головой и сказалъ: «preparez-vous à une bonne lavape: ma mère jette feu flamme». Когда мы смущенныя вошли въ залъ, всѣ уже садились за обѣденный столъ, лицо у Варвары Петровны было желтое, какъ лимонъ, глаза сверкали, а Теп—въ, какъ нарочно, думая сдѣлать ей удовольствіе, не переставалъ хвалить ея экипажъ и лошадей. По окончаніи обѣда, Варвара Петровна удалилась въ свою комнату, а Иванъ Сергѣевичъ пошелъ слѣдомъ за нею. Прошло, по крайней мѣрѣ, полчаса въ непріятномъ ожиданіи, какъ, наконецъ, явилась горничная и позвала насъ для объясненій съ Варварой Петровной. Не безъ страха подходили мы къ ея комнатѣ. Но каково же было наше удивленіе, когда мы увидѣли ее,

сидящую на кушеткѣ, рядомъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ, весело о чемъ-то разговаривавшихъ; она обратилась къ намъ и, улыбаясь, спросила, правда ли, что лучше нашего экипажа не было на гуляньѣ. Такъ устроилъ это дѣло Иванъ Сергѣевичъ, и гроза миновала...

Вскорѣ послѣ святой недѣли, г-жа Віардо уѣхала съ мужемъ за границу, а съ ними вмѣстѣ отправился на козлахъ ихъ кареты и Иванъ Сергѣевичъ, чтò постоянно давало Николаю Сергѣевичу пищу насмѣшкамъ и остроумію надъ своимъ увлекшимся братомъ. Съ его отъѣздомъ, Варвара Петровна не пожелала оставаться болѣе въ Москвѣ и объявила намъ, что, не дожидаясь нашихъ сборовъ, она одна уѣдетъ въ Спасское, а мы останемся на нѣкоторое время въ Москвѣ, и что она пригласила по этому случаю «une surveillante», г-жу Риттеръ, которая и не замедлила появиться. Это была особа очень представительной наружности, высокая, полная и хотя уже немолодая, но очень красивая дѣвица, дочь генералъ-маіора Риттера. Получая послѣ отца значительную пенсію, она имѣла возможность хорошо и со вкусомъ одѣваться. Варвара Петровна чувствовала надъ собой ея превосходство и потому избѣгала случая стоять или ходить съ ней рядомъ, такъ какъ возлѣ г-жи Риттеръ она казалась низенькой, сгорбленной старушкой, и когда ей приносили съ почты корреспонденцію на серебряномъ подносѣ, то она съ недовольнымъ видомъ отбрасывала письма, адресованныя «Ея превосходительству г-жѣ Риттеръ»... Вообще Варвара Петровна не взлюбила ее и скоро отправила.

Почти въ то же время въ Спасскомъ произошла еще одна перемѣна. Вслѣдствіе размолвки съ своимъ деверемъ, Николаемъ Николаевичемъ, Варвара Петровна пригласила на его мѣсто главноуправляющимъ родственника своего, полковника Бакунина. Отецъ его былъ губернаторомъ, кажется, въ Твери, а потомъ сенаторомъ въ Москвѣ. Вслѣдствіе разстроеннаго состоянія Ив. Мих. Бакунинъ занялъ мѣсто управляющаго у Тургеневыхъ за гонораръ въ 3,000 рублей въ годъ. Казалось, что Варвара Петровна была очень довольна и даже гордилась тѣмъ, что ея управляющій имѣетъ чинъ полковника, хорошей фамиліи и притомъ отлично образованъ (онъ говорилъ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ и былъ человѣкъ вполнѣ хорошаго тона). Варвара Петровна была съ нимъ очень любезна, иначе его не называла какъ какъ «mon cousin», а потому одна выходка съ ея стороны относительно Ивана Михайловича очень насъ поразила. Такъ какъ по своей должности онъ былъ въ частыхъ разъѣздахъ, то, однажды, во время его отсутствія, она объявила намъ, что ждетъ Ивана Михайловича въ извѣстный день, потому что это день его рожденія, и что такому любезному кавалеру слѣдуетъ устроить какой нибудь сюрпризъ. Въ назначенный день пріѣхалъ Иванъ Михайловичъ. Всѣ собрались

въ залъ, гдѣ былъ сервированъ парадный завтракъ, и, когда вошелъ въ залъ виновникъ торжества, то мы поспѣшили поздравить его съ днемъ его рожденія; на это онъ съ обычной любезностью отвѣчалъ намъ: «Mes demoiselles, je voudrais naître chaque jour, pour jouir chaque jour de votre aimable société». Не успѣлъ онъ докончить своей фразы, какъ Варвара Петровна сердито на него посмотрѣла, и съ словами: «какія онъ глупости говоритъ», быстро встала изъ-за стола и ушла въ свою комнату, вслѣдъ за ней и мы разбрелись кто куда. Сюрпризъ былъ полный!.. Иванъ Михайловичъ послѣ этого происшествія недолго прожилъ въ Спасскомъ... Конечно, оно не могло повліять на его удаленіе; нужно полагать, что произошли какія нибудь болѣе важныя недоразумѣнія съ Варварой Петровной... По его отъѣздѣ Николай Николаевичъ опять принялъ на себя управленіе имѣніями Тургеневыхъ, и все пошло попрежнему...

Говоря о Иванѣ Михайловичѣ Бакунинѣ, мнѣ невольно пришелъ на память сюрпризъ, устроенный и намъ Варварой Петровной.

Была осень, въ саду и въ домѣ пусто, всѣ мы бродили какъ тѣни изъ одной комнаты въ другую, и Варвара Петровна, замѣтивъ, что мы какъ-то невеселы, шутя, сказала намъ: «Я вижу, что вы скучаете о вашемъ любезномъ кавалерѣ Иванѣ Михайловичѣ, но я написала въ Москву его брату Василію Михайловичу и просила его пріѣхать погостить въ Спасское. Онъ также любезенъ, какъ и Иванъ Михайловичъ, только моложе и красивѣе его. Faites-vous belles, mes dames, къ его пріѣзду. Интересно, за которой изъ васъ онъ будетъ ухаживать?» Съ нетерпѣніемъ ожидали мы пріѣзда московскаго гостя. Наконецъ, въ извѣстный день подкатила коляска къ подъѣзду флигеля, въ которомъ было все заранѣе приготовлено для пріема гостя, и не прошло 10-ти минутъ, какъ мы увидѣли его, идущаго къ намъ. Онъ былъ статенъ, молодцеватъ, въ гусарскомъ мундирѣ. Но, вдругъ, онъ прошелъ мимо нашего помѣщенія и прямо вошелъ въ кабинетъ Варвары Петровны. Когда же наступилъ часъ обѣда, то дворецкій снялъ со стола два прибора и пошелъ съ ними въ кабинетъ Варвары Петровны, гдѣ она и обѣдала вмѣстѣ съ Бакунинымъ, а мы только изъ другой комнаты могли слышать оживленный, веселый ихъ разговоръ. Послѣ обѣда онъ легъ отдыхать съ дороги, а вечеръ провелъ въ кабинетѣ съ Варварой Петровной. Въ слѣдующіе дни повторилось то же. И въ одно утро мы увидѣли, какъ та же самая коляска подъѣхала къ флигелю, и какъ въ нее сѣлъ Бакунинъ, отправлявшійся обратно въ Москву. Мы опять остались однѣ; Николай Сергѣевичъ жилъ попрежнему въ Петербургѣ, а Иванъ Сергѣевичъ за границей...

Здоровье Варвары Петровны, повидимому, ухудшалось; она страдала частой безсонницей и вотъ, однажды, послѣ худо проведен-

ной ночи, она сообщила намъ, что прочитала гдѣ-то, будто бы французскій король Людовикъ XV также страдалъ безсонницей, и ему на ночь приготовляли разнаго рода холодныя закуски, вина и лакомства. Это называлось «en tout cas». Въ случаѣ, если ему не удавалось скоро заснуть, то онъ садился за столъ закусывать, послѣ чего и засыпалъ обыкновенно крѣпкимъ сномъ...

Къ слѣдующей же ночи, по приказанію Варвары Петровны, и по примѣру французскаго короля Людовика XV, былъ приготовленъ въ ея спальнѣ столъ съ разными закусками и лакомствами... Но больная нравственно и физически Варвара Петровна ни до чего не дотрогивалась, и послѣ ужина, когда всѣ расходились по своимъ комнатамъ, она имѣла обыкновеніе прохаживаться по залѣ и, чтобъ не оставаться совершенно одной, по обыкновенію, оставляла съ собой меня. Вотъ въ эти-то часы она разсказывала мнѣ о своей молодости, о своей подчасъ несладкой жизни въ домѣ дяди, о замужествѣ и путешествіяхъ за границей. Я слушала ея разсказы съ большимъ вниманіемъ и удовольствіемъ... Помимо того, что она передавала вещи крайне интересныя, она излагала ихъ чрезвычайно картинно и увлекательно, хотя нѣсколько протяжно и съ разстановками, что̀ и было причиной одной весьма комичной сцены, едва не кончившейся плачевно. Разговаривая объ одномъ молодомъ человѣкѣ, общемъ нашемъ знакомомъ, который въ то время былъ боленъ, Варвара Петровна сказала: «Хорошо бы ему было поѣхать... за границу... я ему совѣтовала соленыя ванны»... Не понявъ ее, я замѣтила, что у К....хъ нѣтъ знакомой Алёны Ивановны, но Варвара Петровна опять повторяетъ: соленыя ванны. Я попрежнему стою на своемъ и доказываю, что нѣтъ никакой Алены Ивановны; тогда она подошла очень близко ко мнѣ и, ударяя себя въ грудь, громко разъясняла: «ванны, ванны соленыя»; тутъ только понявъ это quiproquo, я громко расхохоталась, она также смѣялась, и до тѣхъ поръ, пока ея смѣхъ не перешелъ въ истерику, отъ которой она безъ чувствъ упала на стоявшее около нея кресло. Я, разумѣется, въ страшномъ испугѣ побѣжала разбудить горничныхъ, которыя и уложили ее въ постель. На другой день, сознавая себя отчасти виновною, я боялась показаться къ ней на глаза, но, когда я вошла къ ней въ спальню, она, погрозивъ на меня пальцемъ, сказала: «Вы, ma chère, вчера чуть было не уморили меня со смѣху»...

Этимъ я и хотѣла было закончить свои записки, но мнѣ пришли на память нѣкоторые случаи изъ ранней жизни Ивана Сергѣевича, которыхъ отчасти я была сама свидѣтельницей, а другіе слыхали отъ людей вѣрныхъ, которые не стали бы выдавать ложь за истину. Разсказы эти относятся къ первому приблизительно періоду литературной дѣятельности Ивана Сергѣевича, ко

времени занятію его исключительно поэзіей, которое и обозначилось цѣлымъ, довольно значительнымъ рядомъ стихотвореній, далеко не низкихъ по достоинству. Первыя пробы пера не обратили сначала никакого вниманія — ни его самого, ни лицъ близкихъ къ нему; Иванъ Сергѣевичъ даже тщательно таился, скрывая отъ всѣхъ свои «грѣхи молодости», какъ онъ впослѣдствіи назвалъ гдѣ-то первыя свои стихотворенія, и въ особенности отъ брата, Николая Сергѣевича: онъ зналъ его страсть надъ всѣмъ подсмѣиваться...

Нерѣдко случалось, что, собравшись по вечерамъ въ залѣ около круглаго стола, мы начинали игру въ вопросы и отвѣты, и потомъ, когда она наскучивала, переходили къ игрѣ въ «bouts rithmés», которая стояла въ томъ, что одни изъ играющихъ писали на клочкахъ бумаги или грифельныхъ доскахъ отдѣльныя риѳмы, а другіе обязаны были по этимъ даннымъ словамъ (риѳмамъ) составлять стихи. Игра эта становилась очень занимательною, когда къ намъ присоединялись оба брата Тургеневы. Николаю Сергѣевичу, какъ и намъ, плохо давались стихи, наоборотъ, Иванъ Сергѣевичъ, владѣя прекрасно языкомъ, быстро составлялъ стихи, иногда весьма удачные, отъ которыхъ мы приходили въ восторгъ, но которые, тѣмъ не менѣе, вызывали насмѣшку со стороны желчнаго Николая Сергѣевича. Съ ѣдкимъ сарказмомъ въ подобныхъ случаяхъ называлъ онъ брата своего «сочинителемъ». Иванъ Сергѣевичъ въ этомъ случаѣ выказывалъ досаду и неудовольствіе...

Разумѣется, по окончаніи игры въ «bouts rithmés», все написанное на доскахъ стиралось, а написанное на бумагѣ оставалось безъ вниманія. Конечно, никому въ голову не приходило собирать и сберегать эти листки, исписанные рукой Ивана Сергѣевича.

Никто также не подозрѣвалъ, что, играя съ нами по вечерамъ въ «bouts rithmés», онъ у себя во флигелѣ писалъ поэму «Параша», которую потомъ и отдалъ въ печать. Ясно помню, какъ онъ, однажды, войдя въ кабинетъ матери, подалъ ей въ розовой оберткѣ очень плохо и неряшливо изданную поэму «Параша», просмотрѣвъ которую, Варвара Петровна залилась слезами радости и обняла сына. Хотя въ концѣ поэмы стояли буквы Т. Л., но сердце матери подсказало ей имя настоящаго автора, который стоялъ тутъ же, съ лицомъ, сіяющимъ отъ счастья.

Помню также и то время, когда Иванъ Сергѣевичъ писалъ свою вторую поэму «Андрей»; тогда онъ жилъ въ томъ же помѣщеніи, которое занималось живущими у Варвары Петровны. Онъ помѣщался во второмъ этажѣ на верху, мы же занимали rez-de-chaussée того же флигеля. Лѣтомъ при томительной духотѣ въ комнатахъ, понятно, окна отворялись какъ въ нашемъ помѣщеніи, такъ и въ его. Вотъ почему, когда мы расходились уже на покой, каждый на свою половину, мы долго слышали шаги Ивана Сергѣевича надъ нашими головами, потому что онъ долго не спалъ

и, шагая по своей комнатѣ, какъ будто что-то читалъ вслухъ. Однажды, благодаря открытымъ окнамъ въ нашихъ комнатахъ и его помѣщеніи, мнѣ, долго не спавшей, удалось сначала убѣдиться, что читаемое вслухъ были стихи, а потомъ, при болѣе напряженномъ вниманіи, мнѣ даже удалось записать то, что̀ читалось, такъ какъ прочитанное повторялось нѣсколько разъ, потомъ нѣсколько измѣнялось, вновь прочитывалось, и, уже послѣ окончательныхъ исправленій и поправокъ, чтецъ переходитъ къ слѣдующимъ строфамъ, которыя, въ свою очередь, подвергались той же тщательной отдѣлкѣ и исправленіямъ. При совершенно тихой лѣтней ночи, когда все спокойно и когда каждый звукъ дѣлается осязательно слышенъ и ясенъ, мнѣ удалось записать нѣсколько строфъ изъ прочитаннаго Иваномъ Сергѣевичемъ и, на другой день встрѣтивъ его по утру и желая его нѣсколько поинтриговать, я прочла ему мной записанные стихи, выдавая ихъ за свои собственные и испрашивая его о нихъ мнѣнія:

«Отрава горькая слезы
Послѣдней — жжетъ мои рѣсницы...
Такъ послѣ бѣшеной грозы
Трепещутъ робкія зарницы.

Тяжелымъ, безотраднымъ сномъ
Заснула страсть... утихли битвы...
Но въ сердцѣ сдавленномъ моемъ
Покоя нѣтъ — и нѣтъ молитвы»...

Онъ былъ очень удивленъ, слушая мое чтеніе, и немедленно признался, что эти стихи его, но удивился, какъ они сдѣлались мнѣ извѣстны. Когда я объяснила ему, что я долго не спала прошлую ночь и сидѣла у открытаго окна, и что мнѣ было положительно слышно каждое его слово, онъ очень смѣялся и признался, что пишетъ поэму въ стихахъ, подъ названіемъ «Андрей», что онъ читаетъ самому себѣ въ слухъ написанное, чтобы, такъ сказать, испытать благозвучность стиховъ и исправить то, что рѣжетъ ухо и нарушаетъ гармонію стиха...

Послѣ цѣлаго ряда стихотвореній Иванъ Сергѣевичъ, наконецъ, попалъ на свою дорогу, съ которой уже и не сбивался до конца своей жизни. Онъ бросилъ писать стихи и, обратившись къ русской жизни и всесторонне съ любовію изучая ее, сталъ брать изъ нея сюжеты для своихъ разсказовъ «Записки Охотника»... Все написанное въ нихъ не сочинено, а списано съ натуры; всѣ лица, выведенныя въ нихъ, не вымышлены, а на самомъ дѣлѣ существовавшія. Такъ, напримѣръ, охотникъ Владиміръ, Хорь и Калинычъ, Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Полутыкинъ (разск. «Хорь и Калинычъ») — лица живыя, съ которыми приходилось Ивану Сергѣевичу неоднократно встрѣчаться. Послѣдній (Полутыкинъ) — помѣщикъ Калужской губерніи, Ник. Алек. Голофеевъ. Какъ-то разъ я разсказывала, въ присутствіи Ивана Сергѣевича, что нѣ-

кто, Ник. Алек. Голофеевъ, сдѣлалъ предложеніе одной моей знакомой дѣвицѣ и, получивъ отъ нея отказъ, на другой же день прислалъ ей огромный подносъ съ кислыми персиками... Случилось, какъ нарочно, что, охотясь въ лѣсахъ Калужской губерніи, недалеко отъ помѣстья Голофеева, Иванъ Сергѣевичъ познакомился съ нимъ на охотѣ и прогостилъ у него нѣсколько дней... Впослѣдствіи, когда появился въ печати разсказъ «Хорь и Калинычъ», и Голофеевъ его прочелъ, то, узнавъ въ Полутыкинѣ себя, страшно обидѣлся, говоря, что Иванъ Сергѣевичъ крайне неделикатно съ нимъ поступилъ, отплативъ черной неблагодарностью за его хлѣбъ-соль. «Я, — говорилъ онъ въ страшномъ раздраженіи,— когда увижу Тургенева, то поклонюсь ему (и при этомъ онъ низко кланялся) и скажу ему: такъ-то вы, батюшка, помните мой радушный пріемъ»... При этихъ словахъ онъ клялся отомстить автору, такъ что я была принуждена заранѣе предупредить объ этомъ Ивана Сергѣевича и совѣтовала ему избѣгать встрѣчи съ Голофеевымъ... По прошествіи нѣкотораго времени, на балѣ у генерала Бѣлёвцева я указала Ивану Сергѣевичу ту самую дѣвицу, которой были присланы персики. Замѣтивъ въ тотъ же вечеръ, что онъ не принимаетъ участія въ танцахъ, я спросила причину тому, на что̀ онъ пресерьёзно отвѣчалъ: «Боюсь, что мои дамы ни о чемъ больше не будутъ говорить со мной какъ о моихъ сочиненіяхъ, а я этого терпѣть не могу»... (Нужно замѣтить, что въ это время Иванъ Сергѣевичъ уже пользовался извѣстностью)...

Зимой 1848 года, Иванъ Сергѣевичъ находился въ Парижѣ. Первое время онъ писалъ оттуда домой довольно часто, но потомъ проходили недѣли и писемъ отъ него не получалось. И вотъ вдругъ къ величайшему горю нетолько метери, но и всѣхъ его знакомыхъ, мы узнали изъ газетъ обо всемъ томъ, что происходило въ то время въ Парижѣ... Наконецъ, послѣ долгаго времени, онъ увѣдомилъ мать, что оставляетъ Парижъ и, не останавливаясь нигдѣ на дорогѣ, прямо прибудетъ въ Спасское и, дѣйствительно, онъ скоро пріѣхалъ. Но какая въ немъ произошла перемѣна; онъ былъ неузнаваемъ: онъ былъ худъ, блѣденъ и такъ постарѣлъ, что узнать его было почти невозможно: его прекрасные русые волосы на половину посѣдѣли, онъ казался совершеннымъ старикомъ. Потомъ мы узнали отъ него самого, что онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, куда былъ посаженъ неизвѣстно за что и по чьему распоряженію. Его просто схватили на улицѣ и посадили въ тюрьму, гдѣ онъ просидѣлъ бы, вѣроятно, очень долго, если бы не былъ освобожденъ, благодаря участію одной вліятельной русской дамы... Вотъ все, что я могла припомнить о семействѣ Тургеневыхъ и что казалось мнѣ сколько нибудь замѣчательнымъ и интереснымъ.

В. Колонтаева.

ВОСПОМИНАНІЯ ЛАЗУТЧИКА РУССКОЙ АРМІИ ВЪ ВОЙНУ 1877—1878 ГОДОВЪ.

Ъ НАЧАЛѢ 1877 года, когда патріотическое движеніе охватило всю Россію и каждый русскій былъ готовъ на всякія жертвы, я, для котораго Россія сдѣлалась вторымъ отечествомъ, не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ наступающей драмы и счелъ священною обязанностію предложить себя къ услугамъ русскаго правительства, тѣмъ болѣе, что цѣлью войны было освобожденіе отъ турецкаго ига той страны, гдѣ я впервые увидѣлъ свѣтъ и научился ненавидѣть турокъ.

Двадцать два года, проведенные въ мирныхъ трудахъ и занятіяхъ хлѣбопашествомъ и торговлею, не прошли безслѣдно для волонтера Греческаго легіона императора Николая I, стоявшаго грудью на бастіонахъ Севастополя. Сердце, пожалуй, и сохранило прежній пылъ, но силы были уже не тѣ, да и военное дѣло ушло далеко впередъ въ этотъ долгій промежутокъ времени, а быть рекрутомъ въ 42 года какъ-то не хотѣлось. Мечты о поступленіи въ ряды арміи приходилось, не смотря на все желаніе, оставить и поискать другаго дѣла. Обстоятельства сложились, почти независимо отъ меня, такимъ образомъ, что мнѣ пришлось служить въ роли лазутчика,—роли, которую многіе считаютъ почему-то не особенно честною и почетною. Предоставляя читателямъ самимъ рѣшить вопросъ, на сколько роль лазутчика почетнѣе или непочетнѣе, честнѣе или нечестнѣе роли солдата дѣйствующаго отряда, я прошу минуту вниманія, чтобы сказать нѣсколько словъ о томъ,

чтò такое лазутчикъ, для чего онъ нуженъ и какими качествами онъ долженъ обладать, чтобы служба его приносила дѣйствительную пользу. Лазутчикомъ называется человѣкъ, который подъ величайшимъ секретомъ посылается въ непріятельскую армію, чтобы развѣдать объ оборонительныхъ и наступательныхъ средствахъ врага и заблаговременно сообщить эти свѣдѣнія своимъ. Зная силы врага, движенія отрядовъ войскъ, матеріальныя ихъ средства, противная сторона можетъ дѣйствовать почти навѣрняка и маневрировать сообразно обстоятельствамъ, не рискуя потерпѣть неудачу, если свѣдѣнія доставляются лазутчиками вѣрно и быстро. Все это сознавали лучшіе полководцы, и тѣ изъ нихъ, которые на развѣдочную часть обращали особенное вниманіе и старались о возможно лучшей ея организаціи, почти не знали неуспѣха. Послѣдняя Франко-Прусская война доказала справедливость вышесказаннаго. Значительная часть успѣха нѣмцевъ должна быть приписана тому обстоятельству, что они всякую минуту знали о движеніи непріятеля и его силахъ, т. е., иначе говоря,— отлично поставленному у нихъ развѣдочному дѣлу. Они имѣли цѣлый легіонъ лазутчиковъ, которые задолго еще до войны наполнили Францію; имъ платили огромныя деньги, обставляли ихъ всевозможными удобствами и средствами для успѣшнаго выполненія тѣхъ порученій, которыя имъ давали, и въ концѣ концовъ расходы вернулись съ большими процентами. Благодаря лазутчикамъ, не было ненужныхъ передвиженій, ниразу не пришлось неожиданно вступить въ бой съ сильнѣйшимъ непріятелемъ, и вся война, безъ неожиданностей и непріятныхъ сюрпризовъ, подобно Плевненскимъ и Еленинскимъ катастрофамъ, была для пруссаковъ какъ бы маневрами въ окрестностяхъ Потсдама. Желѣзное кольцо, охватившее въ одну ночь 87-тысячную армію подъ Седаномъ, было слѣдствіемъ вѣрныхъ донесеній лазутчиковъ.

Выборъ лазутчика дѣло нелегкое. Нуженъ человѣкъ, который могъ бы играть не только одну извѣстную роль, но въ случаѣ надобности, съумѣлъ бы найдтись во всякомъ положеніи; необходимо не только знаніе языка непріятельской страны, и знаніе отличное, но и полное знакомство съ обычаями и характеромъ жителей, умѣнье перенять всѣ ихъ племенныя особенности, такъ сказать, не казаться только, а въ дѣйствительности быть тѣмъ, чѣмъ заставляютъ быть условія минуты. Лазутчикъ долженъ обладать смѣлостью, твердой волей и способностью на столько увлекаться своею ролью, чтобы и наединѣ съ самимъ собою продолжать играть ее, потому что опасность быть узнаннымъ можетъ прійдти именно въ то время, когда въ увѣренности, что никто на тебя не смотритъ, сбросишь маску, чтобы отдохнуть отъ долгаго напряженія.

Нашъ главный штабъ въ войну 1877—1878 годовъ, къ несчастію, мало обращалъ вниманія на развѣдочную часть, и это было причиною многихъ неудачъ.

Передъ началомъ войны, еще въ Кишиневѣ, люди, понимавшіе серьёзность положенія и знавшіе дѣйствительныя силы Турціи, предлагали организовать развѣдочную часть, но штабные кабинетные дѣятели не дали хода этому предложенію, хвастливо предполагая въ два, три мѣсяца окончить кампанію. Послѣдствія показали, какъ глубоко они ошиблись. Позже штабъ, быть можетъ, и желалъ исправить свою ошибку, но найдти людей подходящихъ было трудно, и развѣдочныя дѣла поручались болгарамъ, не понимающимъ ровно ничего въ военномъ дѣлѣ и до того напуганнымъ турками, что если имъ и удавалось проникать въ турецкій лагерь, то свѣдѣнія, добытыя ими, были до того невѣрны и преувеличены страхомъ, что положиться на такія донесенія не представлялось никакой возможности. Необходимо замѣтить, что роли лазутчика въ Франко-Прусской войнѣ и лазутчика въ войнѣ нашей съ турками, при единствѣ обязанностей, значительно различествовали въ смыслѣ трудности ихъ выполненія; исключительный бытъ нашихъ враговъ, мало извѣстный остальному міру, ставилъ русскаго лазутчика среди турецкихъ войскъ въ положеніе болѣе опасное, чѣмъ нѣмецкаго шпіона среди французовъ. Не говоря уже о томъ, что нужно было знать турецкій языкъ до тонкости, а это неособенно легко, но, что̀ самое главное, требовалось полное знакомство съ типичными особенностями турецкаго характера, ихъ вѣрою, религіозными обрядами, съ массою чисто техническихъ пріемовъ молитвы, безчисленныхъ омовеній и т. п.; малѣйшій промахъ, незначительная невѣрность каждую минуту могли навести вообще очень подозрительнаго турка на весьма непріятныя для лазутчика послѣдствія. Наконецъ, въ случаѣ поимки, гораздо пріятнѣе имѣть дѣло съ образованными націями, чѣмъ съ изувѣрами мусульманами; первые только повѣсятъ, или разстрѣляютъ, а послѣдніе сдерутъ кожу съ живаго, или зажарятъ какъ барана.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, врядъ ли мнѣ можетъ быть сдѣланъ упрекъ за ту обязанность, которую я принялъ на себя; болѣе или менѣе удачное выполненіе ея требуетъ столько же отваги и ловкости, какъ и схватка грудь съ грудью съ непріятелемъ; но въ послѣднемъ случаѣ дышется гораздо легче и менѣе сознаешь опасность, которой подвергаешься, да наконецъ—на міру и смерть красна; я испыталъ и то и другое, и на бастіонахъ Севастополя я чувствовалъ себя гораздо спокойнѣе и менѣе переболѣлъ душою, чѣмъ въ эту послѣднюю войну.

Полагая, что правдивый разсказъ о моихъ похожденіяхъ будетъ небезъинтересенъ, я рѣшился изложить все, что видѣлъ и перечувствовалъ втеченіе шести мѣсяцевъ моей службы при главномъ

штабѣ дѣйствующей арміи. Въ подкрѣпленіе справедливости моего разсказа я привожу въ концѣ свидѣтельство, выданное мнѣ штабъ-офицеромъ надъ вожатыми, генеральнаго штаба полковникомъ Артамоновымъ.

I.

До войны. — Въ Плоэштахъ. — Поступленіе на службу. — Первый визитъ Скобелеву. — Переправа черезъ Дунай. — Встрѣча съ пастухами и мое превращеніе въ пастуха.

Родился я въ Македоніи, въ городѣ Мирликіи, отъ довольно зажиточныхъ родителей, которые позаботились дать мнѣ кое-какое воспитаніе, возможное въ небольшомъ провинціальномъ городкѣ.

До 20 лѣтъ я жилъ при родныхъ, помогая имъ въ торговлѣ и часто разъѣзжая по торговымъ дѣламъ по Турціи, что̀ дало мнѣ возможность изучить не только турецкій языкъ, но и почти всѣ нарѣчія Балканскаго полуострова. Передъ Крымскою войною, въ силу извѣстныхъ увлеченій, я поступилъ въ Греческій легіонъ императора Николая I, прибылъ въ Россію и участвовалъ въ оборонѣ Севастополя, былъ раненъ на аванпостахъ при Черной рѣчкѣ штуцерною пулею на вылетъ выше локтя лѣвой руки и удостоился получить военный орденъ св. Георгія 4-й степени.

По окончаніи войны, я остался въ Россіи, такъ какъ возвращаться на родину было не совсѣмъ безопасно, поселился въ Кишиневѣ, принялъ русское подданство, женился, обзавелся семьей и мирно прожилъ 22 года. Послѣдняя война заставила меня вспомнить старину. Я долго колебался, удерживаемый женою и семьей, но любовь къ Россіи и желаніе быть полезнымъ разсѣяли мои сомнѣнія, и я рѣшился отправиться на театръ войны. Ликвидировавъ свои дѣла, я поѣхалъ въ Плоэшти, гдѣ мнѣ посовѣтовали обратиться къ начальнику вожатыхъ дѣйствующей арміи, полковнику генеральнаго штаба Артамонову, которому я могъ быть полезенъ, при знаніи языковъ, въ качествѣ переводчика.

Въ этомъ смыслѣ я и предложилъ свои услуги, явившись къ Артамонову на второй же день по пріѣздѣ въ Плоэшти, гдѣ въ то время была расположена главная квартира. Полковникъ началъ меня разспрашивать о моемъ прошломъ, пытливо меня осматривая, какъ бы изучая, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; должно быть, впечатлѣніе, произведенное моею особою, сложилось въ мою пользу, такъ какъ, осмотрѣвъ меня снова съ головы до ногъ и предложивъ мнѣ сѣсть, полковникъ обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ вопросомъ, весьма недалекимъ отъ прямаго предложенія:

— А что̀ бы вы сказали, если бы я предложилъ вамъ сдѣлать небольшую прогулку по Болгаріи? Вы говорите, что хорошо знаете

турецкій языкъ, такъ же хорошо, какъ турокъ, и потому для васъ не составило бы особеннаго труда выдать себя за турка. Вы могли бы доставлять намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о томъ, что они подѣлываютъ на той сторонѣ, и этимъ оказали бы намъ весьма цѣнныя услуги.

— Но, полковникъ,—возразилъ я:—вы, значитъ, попросту говоря, предлагаете мнѣ быть шпіономъ... кажется...

— Ахъ, оставьте вы это глупое слово! Вовсе не шпіономъ, а лазутчикомъ русской арміи, сражающейся за освобожденіе вашихъ же братьевъ...

Слово за слово,—черезъ полчаса я уже не видѣлъ въ предложеніи начальника вожатыхъ ничего страннаго, а тѣмъ болѣе оскорбительнаго. Напротивъ, предложеніе это даже польстило мнѣ, такъ какъ въ немъ выражалось довѣріе къ моей личности, и я, не колеблясь, отдалъ себя въ полнѣйшее распоряженіе штаба.

— Завтра утромъ, пораньше, заходите ко мнѣ, получите инструкціи,—заключилъ наше свиданіе полковникъ Артамоновъ, и я раскланялся.

Сказать, что я чувствовалъ себя особенно счастливымъ, получивъ такое своеобразное назначеніе,—значило бы погрѣшить противъ истины.

Вѣрнѣе, я былъ ошеломленъ и въ первое время рѣшительно не могъ отдать себѣ отчета, чего отъ меня хотятъ и что̀ мнѣ придется дѣлать.

Я радовался, что буду дѣйствующимъ лицемъ въ предстоящей борьбѣ, но смутно сознавалъ, что, давая согласіе служить лазутчикомъ, я, такъ сказать, самъ бросался въ пропасть, не измѣривъ ея глубины.

Мысль о будущемъ моемъ положеніи не оставляла меня ни на минуту, какъ я ни старался гнать ее отъ себя. Воображеніе розыгралось. То я уже видѣлъ себя среди враговъ, готовыхъ броситься на чужаго человѣка, проникнувшаго Богъ знаетъ для чего въ ихъ лагерь; то болѣе пріятныя картины рисовались въ разгоряченной головѣ... картины успѣха, наградъ и благословеній цѣлой Россіи... Подавленный такими мыслями, я уснулъ, или, вѣрнѣе сказать, забылся; во снѣ мнѣ чудилось, что я узнанъ турками и меня тащатъ къ костру; я какъ бы чувствовалъ ужасную боль отъ сдираемой съ меня кожи, но что-то помѣшало окончанію казни, и я проснулся весь въ лихорадкѣ, облитый холоднымъ потомъ. Утро было превосходно. На небѣ — ни облачка, какъ бы на зло румынамъ, окрестившимъ свой городъ «дождливымъ»[1]). Въ первую минуту, подъ впечатлѣніемъ минувшей ночи, я хотѣлъ было уже отказаться отъ дальнѣйшихъ сношеній съ начальникомъ вожатыхъ,

[1]) Плоэшти порумынски значитъ дождливый.

но стыдъ нарушить данное слово и отступить, не начавъ дѣла, скоро изгналъ эту постыдную мысль.

Наскоро одѣвшись и забѣжавъ въ сосѣднюю кофейню выпить чашку кофе, я въ 8 часовъ утра былъ уже у г. Артамонова. На этотъ разъ свиданіе продолжалось недолго. Поблагодаривъ меня за аккуратность и пожелавъ успѣха, полковникъ вручилъ мнѣ готовый и запечатанный уже пакетъ къ генералу Скобелеву 2-му, отъ котораго я долженъ былъ получить дальнѣйшія, болѣе подробныя приказанія, и просилъ отправиться немедленно въ Журжево, гдѣ въ то время была квартира героя туркестанской войны, занимавшаго въ дунайской арміи, пока, скромный постъ начальника штаба журжевскаго отряда.

29-го мая, ночью, по желѣзной дорогѣ пріѣхалъ я въ Журжево. Утромъ, 30-го, безъ труда розыскавъ квартиру генерала Скобелева, я явился къ нему и вручилъ пакетъ, данный мнѣ полковникомъ Артамоновымъ.

М. Д. Скобелевъ жилъ на бульварѣ, раскинувшемся по берегу Дуная. Не смотря на ранній часъ, я засталъ его уже за работой. Вмѣстѣ съ отцомъ, пока его начальникомъ, онъ сидѣлъ у стола, заваленнаго планами и бумагами. Принявъ отъ меня пакетъ, онъ быстро прочелъ заключающуюся въ немъ бумагу, содержаніе которой видимо касалось моей личности, и съ всегдашнею своею любезностью и радушіемъ предложилъ мнѣ садиться.

— Вы, значитъ, тотъ самый Фаврикодоровъ, о которомъ пишетъ мнѣ начальникъ вожатыхъ?... Ну-съ, очень пріятно. Придется очень и очень поработать. Не скрою, что порученіе ваше сопряжено съ большими опасностями... Но вамъ, какъ старому солдату, опасность не въ диковину,—польстилъ мнѣ генералъ.

Я поклонился и отвѣтилъ, что всѣ силы мои будутъ направлены къ возможно лучшему выполненію тѣхъ порученій, которыя соблаговолитъ мнѣ дать его превосходительство.

Въ общихъ чертахъ онъ разъяснилъ мнѣ мои будущія обязанности. Мнѣ предстояло проникнуть въ страну, занятую непріятелемъ, развѣдать о его силахъ, составѣ и численности войскъ, обратить особенное вниманіе на укрѣпленные пункты, высмотрѣть слабыя стороны этихъ пунктовъ и всѣ собранныя свѣдѣнія возможно чаще сообщать или ему, Скобелеву, или полковнику Артамонову.

— Теперь,—заключилъ генералъ:—вы ступайте отдохнуть и приготовиться въ дорогу, а также подумайте, какъ и гдѣ лучше для васъ переправиться на ту сторону. Вечеркомъ я снабжу васъ билетомъ для пропуска черезъ наши аванпосты, но прошу васъ возможно рѣже обращаться къ этому билету, такъ какъ успѣхъ вашего порученія всецѣло зависитъ отъ тайны, и чѣмъ меньше людей о немъ знаетъ, тѣмъ лучше. По сю сторону шныряетъ про-

пасть турецкихъ шпіоновъ, и — бѣда вамъ, если они о васъ пронюхаютъ.

Вечеромъ, когда я зашелъ къ генералу, бумаги для меня не были еще готовы, и пришлось ожидать слѣдующаго утра.

31-го мая, я встрѣтилъ Михаила Дмитріевича на порогѣ его квартиры. Увидя меня изъ окна, онъ вышелъ навстрѣчу. Вмѣстѣ мы прошли на берегъ; тутъ онъ остановился и, указывая на противоположную сторону Дуная, сказалъ мнѣ:

— Вы отправитесь въ Болгарію, переправившись черезъ Дунай, гдѣ найдете возможнымъ и безопаснымъ. Постарайтесь пробраться во всѣ придунайскіе города, отъ Виддина до Рущука включительно, и, не останавливаясь подолгу въ промежуточныхъ пунктахъ, разузнайте о силахъ и средствахъ непріятеля, а также и о предполагаемыхъ передвиженіяхъ отрядовъ. Вѣрьте больше собственному глазу, чѣмъ разсказамъ, въ особенности разсказамъ людей не военныхъ... Подумали ли вы, гдѣ переправиться черезъ Дунай?

— Полагаю, — отвѣчалъ я: — что нужно направиться кругомъ, черезъ Сербію...

— Да, здѣсь будетъ трудновато, по той сторонѣ рыщутъ черкесы и башибузуки, и вы рискуете наткнуться на какой нибудь разъѣздъ и, не сдѣлавъ ничего, подвергнуться большимъ непріятностямъ.

«Хороша непріятность,—подумалъ я,—быть вздернутымъ на перекладину или зажареннымъ на медленномъ огнѣ». Полагаю, что генералъ тоже зналъ, какого рода непріятности могутъ быть на той сторонѣ.

Затѣмъ мы вернулись въ квартиру генерала, гдѣ онъ вручилъ мнѣ билетъ, и я, напутствуемый искренними пожеланіями, распростился съ радушнымъ начальникомъ.

«Взялся за гужъ—не говори, что не дюжъ»,—говоритъ русская пословица. Какъ ни страшно казалось мнѣ будущее, полное неизвѣстности и неожиданностей, но я горячо принялся за порученное мнѣ дѣло.

Мѣсто переправы было мною уже намѣчено. Удобнѣе всего было переправиться гдѣ нибудь около Турно-Северина, румынскаго городка, лежащаго напротивъ сербской территоріи. Не медля ни минуты, я въ тотъ же день уѣхалъ изъ Журжева по желѣзной дорогѣ въ Бухарестъ, а оттуда, черезъ Питешти и Краіово, въ полдень 2-го іюня, прибылъ въ Турно.

Дорогой, когда мнѣ приходилось разговаривать съ пассажирами, я выдавалъ себя за торговца рыбою. Продолжая эту роль и по пріѣздѣ въ Турно-Северинъ, я разспросилъ въ гостинницѣ «Банчакъ», гдѣ остановился закусить и немного отдохнуть, о лучшихъ рыболовляхъ въ окрестности. Услужливый хозяинъ, оказавшійся

моимъ соотечественникомъ, грекомъ изъ Янины, указалъ мнѣ на одну рыболовлю, находящуюся верстахъ въ семи отъ города, при селеніи Калу-Гермекъ и содержимую румыномъ Іоною Мораремъ.

Нанявъ извозчика, въ 10 часовъ вечера, я былъ уже на рыболовлѣ.

Хозяинъ ея, Морарь, оказался здоровеннымъ дѣтиною лѣтъ сорока, съ энергичнымъ и пріятнымъ лицомъ, какъ подошва темнымъ отъ загара. Онъ понравился мнѣ съ перваго раза. Мое заявленіе, что я желаю быть его постояннымъ покупателемъ, доставило мнѣ самый радушный пріемъ.

Когда рыбаки, его работники, вышли изъ хаты и мы остались одни, потягивая довольно сносное вино, я перемѣнилъ разговоръ, имѣвшій до сихъ поръ чисто дѣловой характеръ, и заявилъ о моемъ желаніи переправиться на тотъ берегъ въ эту же ночь.

— Какого дьявола нужно на томъ берегу господину,—съ удивленіемъ спросилъ меня Морарь:—развѣ рыбы мало на этой сторонѣ?

Уклончивые отвѣты не повели бы ни къ чему и только окончательно сбили бы съ толку разсудительнаго рыбака; поэтому я счелъ за лучшее сказать правду, конечно, относительную. Вынувъ изъ кармана данный мнѣ Скобелевымъ билетъ и указывая на большую, приложенную къ нему, красную сургучную печать, я сказалъ Морарю:

— Это печать нашего князя Карла; онъ посылаетъ меня развѣдать о непріятелѣ; слѣдовательно, оказывая мнѣ услугу, ты вмѣстѣ съ тѣмъ оказываешь ее своему князю и отечеству.

Слова мои подѣйствовали; но хотя Морарь и не прочь былъ послужить своему отечеству, тѣмъ не менѣе, не прочь былъ и содрать съ меня хорошій кушъ за эту услугу.

— Ночь темна,—сказалъ онъ:—ты слышишь, какъ бурлитъ Дунай. Снесетъ далеко... Впрочемъ, дашь двадцать «наполеоновъ» [1]), такъ и быть—рискну.

Я объяснилъ разсчетливому патріоту, что двадцать наполеоновъ—это слишкомъ большая плата за перевозъ одного человѣка черезъ рѣку, хотя бы и такую, какъ Дунай; но онъ упорно отстаивалъ свою цѣну.

— Въ другое время можно и дешевле, а теперь—война... меньше 20-ти наполеоновъ нельзя никакъ.

Наконецъ, мнѣ удалось уломать его за 15-ть наполеоновъ, и мы ударили по рукамъ.

Въ полночь, я уже сидѣлъ въ душегубкѣ, ловко управляемой мощною рукою Мораря. Нашу лодченку бросало волнами какъ какую нибудь щепку. Ежеминутно можно было ожидать, что она

---

[1]) Наполеондоръ — французская 20-тифранковая золотая монета—въ большомъ ходу въ Румыніи.

перевернется, и тогда пришлось бы принять весьма непріятную ванну, и то, дай Бой, чтобы дѣло обошлось однимъ купаньемъ. Дунай шутить не любитъ. Я удивлялся ловкости рыбака и уже не жалѣлъ о наполеонахъ. Другой, можетъ быть, взялъ бы и дешевле, но врядъ ли сдѣлалъ бы такъ хорошо свое дѣло, какъ выполнилъ его искусный Морарь. Челнокъ, подбрасываемый волнами, быстро несся поперегъ теченія. Въ темнотѣ противоположный берегъ представлялся какою-то черною безобразною массою. Не было видно ни одного огонька или вообще какого нибудь признака человѣческаго жилища. Это, впрочемъ, было мнѣ на руку. Встрѣча съ людьми, ночью, въ моемъ положеніи, непосредственно сейчасъ же по вступленіи на другой берегъ Дуная, могла окончиться для меня весьма печально, поэтому, естественно, я неособенно желалъ этой встрѣчи.

Вотъ мы и у берега. Я вылѣзаю на первый попавшійся камень, молча пожимаю рыбаку руку, — для болѣе сердечныхъ изліяній нѣтъ времени,—и лодка немедленно отчаливаетъ.

Темень страшная. На водѣ казалось какъ-то свѣтлѣе, тутъ же, внизу, почти подъ навѣсомъ скалъ, какъ говорится, зги не видно.

Я карабкаюсь на верхъ, поминутно останавливаясь, осматриваясь и прислушиваясь. Наконецъ, неровности берега скрываютъ отъ меня свѣтящуюся полосу Дуная. Почва сдѣлалась ровнѣе и камни рѣже попадаются подъ ноги. Тихо подвигаясь впередъ, я то поднимаюсь на гору, то снова опускаюсь въ лощину. Такъ прошло около двухъ часовъ. Въ сторонѣ послышался лай собакъ, гдѣ-то вправо, довольно далеко. Мнѣ стало и жутко, и радостно. Необходимость оріентироваться заставляла меня искать встрѣчи съ людьми, но какъ-то встрѣтятъ меня эти люди? Окажутся ли они друзьями, или недругами, готовыми схватить меня при первомъ подозрѣніи?.. Если это враги — въ какой роли я долженъ предъ ними выступить?.. Удастся ли мнѣ, наконецъ, обмануть ихъ? Такіе вопросы задавалъ я себѣ. Зная, что все зависитъ отъ случая, отъ обстоятельствъ, отъ собственной ловкости, находчивости и знанія мѣстныхъ условій и обычаевъ, я старался быть покойнѣе.

Желая выйдти изъ мучительной неизвѣстности, я бодро пошелъ на лай и черезъ полчаса добрался до большой овчарни.

Нѣсколько пастуховъ, въ которыхъ безъ труда можно было признать сербовъ, ужинали около пылающаго костра.

Я поздоровался съ ними на чистомъ сербскомъ языкѣ, и они пригласили меня раздѣлить съ ними скромный ужинъ. Завязался разговоръ. Физіономіи пастуховъ внушали мнѣ полнѣйшее довѣріе. Это были простые, грубоватые люди, но не предатели. Какъ только разговаръ коснулся войны, по нѣсколькимъ вырвавшимся изъ ихъ устъ фразамъ, я не могъ сомнѣваться долѣе въ истинномъ патріотизмѣ добрыхъ людей и ихъ ненависти къ туркамъ.

Тогда я безъ колебаній открылся имъ. Повидимому, это не было для нихъ особенною неожиданностью. Присутствіе мое ночью въ такомъ пустынномъ мѣстѣ оправдывалось лишь исключительными цѣлями, и пастухи смутно угадывали что-то, хотя ни словомъ, ни взглядомъ этого не обнаруживали.

Нужно замѣтить, что южные славяне, какъ и бывшіе повелители ихъ, турки, — донельзя любопытны, но сдержанность и особаго рода деликатность, имъ свойственныя, удерживаютъ ихъ отъ всякихъ разспросовъ посторонняго человѣка, въ особенности, если этотъ человѣкъ — ихъ гость. Почти вездѣ на Востокѣ гость есть особа священная.

Когда я объявилъ моимъ новымъ знакомцамъ, что я русскій офицеръ и посланъ начальствомъ развѣдать о турецкихъ войскахъ, лица ихъ попрежнему оставались безстрастными; только въ выразительныхъ черныхъ глазахъ проглядывало любопытство.

Я разсказалъ имъ, что русскіе въ громадныхъ силахъ раскинулись по всему сѣверному побережью Дуная и въ непродолжительномъ времени нахлынутъ въ Болгарію, чтобы положить конецъ владычеству турокъ на Балканскомъ полуостровѣ.

По словамъ пастуховъ, въ Виддинѣ находилась многочисленная турецкая армія, кавалерія которой рыщетъ въ окрестностяхъ, такъ что на мою попытку проникнуть въ этотъ городъ они смотрѣли какъ на безумство; они пробовали даже отговаривать меня и увѣряли, что я иду на вѣрную смерть.

Отдохнувъ отъ передрягъ послѣдней ночи, я принялся за подготовленіе къ дальнѣйшему путешествію. Въ головѣ у меня сложился планъ перерядиться пастухомъ и въ такомъ видѣ пробраться въ Виддинъ. Костюмомъ со всѣми принадлежностями: «карлигою» (крючекъ на длинной палкѣ для ловли овецъ), свирѣлью и т. п., снабдили меня добрые сербы, конечно, за плату, впрочемъ, весьма небольшую; у нихъ же пріобрѣлъ я и 15 штукъ откормленныхъ барановъ.

Когда я переодѣлся, полному сходству съ чабаномъ (пастухомъ) измѣнялъ только сравнительно бѣлый цвѣтъ кожи на рукахъ, груди и шеѣ. Но пастухи нашли средство помочь и этому... они уложили меня на солнцѣ и натерли березовымъ дегтемъ—необходимая принадлежность каждой овчарни. (Дегтемъ этимъ мажутъ паршивыхъ овецъ). Часа черезъ два, благодаря этой операціи, моя грудь, а также шея и руки имѣли тотъ же красновато-бурый оттѣнокъ загара, какъ и у природнаго чабана.

Въ постолахъ (названіе обуви), заплатанныхъ штанахъ и курткѣ, въ рваной бараньей шапкѣ, изъ-подъ которой выбивались всклокоченные волосы, какъ будто не видавшіе гребня цѣлые годы, я могъ бы спокойно пройдти мимо закадычнаго пріятеля, не будучи узнаннымъ.

Вечеромъ, на второй день, простившись съ пастухами, не надѣявшимися, по ихъ словамъ, чтобы я остался живъ, я погналъ моихъ барановъ по направленію къ рѣкѣ Тимокъ, которая служитъ пограничною чертою между Сербіею и Болгаріею.

II.

Виддинъ.—Никополь.—Систово.—Рущукъ.—Отправленіе перваго донесенія генералу Скобелеву.

Уже поздно ночью я достигъ рѣки Тимока и, безпрепятственно перейдя ее черезъ плохой мостикъ, для прочности, должно быть, устланный соломою, былъ въ Болгаріи. Нѣсколько разъ мнѣ приходилось останавливаться, чтобы пасти свое крошечное стадо и отдохнуть самому. Ночь прошла безъ всякихъ приключеній; солнце уже взошло, когда я приблизился къ какому-то селенію. Встрѣтившіеся два турка, верхомъ, должно быть, купцы, на вопросъ мой: какое это село, разсмѣялись и ругнули меня дурнемъ за то, что я чабанъ (пастухъ) и не знаю деревни. Конечно, съ моей стороны не послѣдовало отвѣта на эту незаслуженную брань.

Деревня, какъ я узналъ, была населена болгарами и называлась «Раховицы».

Цѣлая ночь пути, пѣшкомъ, давала себя знать. Ноги такъ и подкашивались, да и ѣсть хотѣлось. Пришлось зайдти въ сельскій кабачекъ, находившійся на небольшой площадкѣ у фонтана, и подкрѣпиться стаканомъ вина. Хлѣбомъ и сыромъ я запасся еще у сербовъ и несъ его въ шерстяной сумкѣ черезъ плечо, какъ и подобаетъ настоящему пастуху.

Оставаться въ деревнѣ дольше, не смотря на усталость, не хотѣлось: я боялся нескромныхъ разспросовъ, да, наконецъ, нужно было спѣшить впередъ.

Скоро Раховицы остались далеко позади. Пройдя двѣ или три балгарскія деревни, къ вечеру я прибылъ въ с. Кулата и тутъ, загнавъ барановъ во дворъ деревенскаго хана[1]), расположился на ночлегъ.

Спалось превосходно. Физическая усталось поборола сердечную тревогу и, кромѣ того, понемногу я уже началъ свыкаться со своимъ положеніемъ. Успѣхъ придаетъ много смѣлости, а первые мои шаги на новомъ поприщѣ нельзя было назвать неудачными.

Изъ Кулаты до Виддина оставалось не болѣе 6-ти или 7-ми часовъ[2]) пути, и я, поднявшись рано утромъ, въ 5 часовъ по полу-

[1]) Гостинница.

[2]) Турки и болгары опредѣляютъ разстояніе часами. Ихъ «саатъ», или часъ, равняется нашимъ 5—6 верстамъ.

дни, уже вошелъ въ городъ черезъ ворота «Вардарь-Кциси», какъ разъ въ то время, когда «муэзины» съ вершинъ минаретовъ призывали «правовѣрныхъ» къ вечерней молитвѣ, выкрикивая свое обычное: «Ля-хи-ля-лахъ! псюрула! Аллахъ игберъ!»

А правовѣрныхъ въ Виддинѣ собралось множество. Болѣе 80 таборовъ низама, т. е. регулярной пѣхоты, считая въ каждомъ таборѣ отъ 660 до 800 человѣкъ, съ соотвѣтствующею артиллеріею и парками, расположились частію въ самомъ городѣ, частію въ ближайшихъ окрестностяхъ. На каждомъ шагу попадались и офицеры. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ играла военная музыка и обучались новобранцы. Между послѣдними встрѣчались и шестнадцатилѣтніе, если не моложе, юноши и сѣдобородые старцы. Впрочемъ, вообще большинство солдатъ были рослые, здоровые люди съ бодрымъ и веселымъ видомъ. По всему было видно, что имъ живется недурно. Обувь и одежда не заставляли желать ничего лучшаго. Глядя на этихъ показныхъ молодцовъ и ихъ новенькія какъ съ иголочки, если можно такъ выразиться, ружья, становилось страшно за тѣхъ, оставленныхъ по ту сторону Дуная, сѣрыхъ солдатиковъ съ неуклюжими «крынками [1]).

Попадающіеся болгары имѣли какой-то приниженный, запуганный видъ. Несладко, видно, жилось этимъ бѣднякамъ въ такой компаніи.

На моихъ барановъ скоро нашелся покупатель, и такъ какъ я неособенно дорожился, то сдѣлка тутъ же и состоялась. Загнавъ ихъ во дворъ купца и получивъ деньги, я пошелъ бродить по городу съ цѣлью что нибудь высмотрѣть. Однако, наступившая темнота помѣшала моимъ намѣреніямъ и пришлось отложить дѣло до утра. Ночевать я попросился къ одному болгарину, имѣвшему небольшую кофейню. Въ такихъ кофейняхъ, гдѣ продаютъ также вино и мастику, собирается всевозможный людъ и тутъ нерѣдко можно услышать самыя свѣжія новости. Я тотчасъ же прошелъ въ кофейню и пріютился поближе къ кучкѣ болгаръ, явившихся сюда поболтать за стаканомъ вина послѣ дневныхъ страховъ. Турецкихъ солдатъ не было. Имъ строго запрещалось отлучаться отъ своихъ частей, и къ ночи всѣ должны были быть на мѣстахъ. Съ вечера наряжались конные и пѣшіе патрули, которые забирали кутилъ, и это немало способствовало водворенію порядка въ городѣ. Изрѣдка развѣ забѣжитъ въ кофейню деньщикъ (деньщики вездѣ одинаковы) выпить микроскопическую рюмочку мастики, да и тотъ скорѣе торопится домой, чтобы баринъ не потребовалъ трубки, а тутъ и подать некому... Бѣда! такъ отдуетъ, что небо съ овчинку покажется. Дѣйствительно, мнѣ приходилось потомъ не разъ видѣть подобныя расправы съ провинившимися, и я не знаю другой

[1]) Ружья системы Крынка.

націи, гдѣ бы офицерство такъ жестоко обращалось со своими слугами.

Изъ разговоровъ съ болгарами я узналъ, что виддинскимъ отрядомъ командуютъ Османъ-паша, Джирити-паша и Ялдызли-паша. Османъ-паша былъ чрезвычайно уважаемъ войсками; единственно его энергія поддерживала нѣкоторую дисциплину и жители неособенно терпѣли отъ военнаго постоя. Крѣпость оказалась снабженною массою военныхъ припасовъ, подвозка которыхъ не прекращалась. При арміи находилось много англичанъ въ качествѣ медиковъ и инженеровъ.

На другой день я отправился бродить по городу и укрѣпленіямъ, расположеннымъ позади его на высотахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ турецкіе часовые гнали меня, въ другихъ же, принимая меня за чудака (дѣйствительно, съ карлигою за плечами и въ порванной одеждѣ я былъ достаточно смѣшенъ), пропускали меня, осыпая насмѣшками.

Такимъ образомъ я успѣлъ высмотрѣть, что на крѣпостныхъ валахъ находится 84 орудія новой системы и затѣмъ на четырехъ отдѣльныхъ батареяхъ — по восьми орудій на каждой.

Нѣсколько бѣлыхъ флаговъ съ краснымъ полумѣсяцемъ свидѣтельствовали, что медицинская часть устроена.

Запасшись необходимыми свѣдѣніями, я считалъ дальнѣйшее пребываніе свое въ Виддинѣ безполезнымъ и рѣшилъ въ тотъ же день отправиться далѣе.

Путешествовать пастухомъ больше не хотѣлось; роль была слишкомъ невзрачна, трудно было надѣяться на возможность вездѣ получать свѣдѣнія также легко, какъ удалось мнѣ это въ Виддинѣ, благодаря наивности часовыхъ. Наконецъ, самое путешествіе съ баранами слишкомъ утомительно и совершается весьма медленно.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, я купилъ себѣ лошадь, полный турецкій костюмъ зажиточнаго жителя и вооруженіе, называемое потурецки «салахлыкъ», состоящее изъ ятагана и двухъ пистолетовъ. Всѣ эти предметы я покупалъ по частямъ и въ разныхъ мѣстахъ города, чтобы не обратить на себя вниманія.

Съ наступленіемъ ночи я переодѣлся и, выѣхавъ изъ города, отправился далѣе по берегу рѣки Дуная.

Проѣхавъ, нигдѣ не останавливаясь весь день, я остановился переночевать въ небольшомъ городкѣ, Ломъ-Паланкѣ, не имѣющемъ укрѣпленій, и на слѣдующій день прибылъ въ Никополь, сдѣлавъ столь значительный переходъ, благодаря лишь особенной выносливости и быстротѣ коня.

Городъ Никополь расположенъ въ длинномъ ущельѣ, которое подходитъ къ самому берегу Дуная, извиваясь между высокими каменистыми скалами. Прибрежная часть города состоитъ изъ плохихъ турецкихъ домовъ, кофеенъ и рыбачьихъ хижинъ. Центральная

ная часть обстроена нѣсколько лучше, и въ ней сосредоточено торговое населеніе города. Надъ Никополемъ высится цитадель «Туна-калэ» (Дунайскій замокъ), построенная на скалѣ и образующая продолговатый четыреугольникъ, усиленный бастіонами.

Старая крѣпость на правомъ флангѣ никопольскихъ укрѣпленій вооружена 64 орудіями старой системы, на противоположной горѣ находятся три батареи по два орудія на каждой, тоже старой системы, заряжающіяся съ дула. Вообще, укрѣпленія не были приведены въ надлежащій видъ, и главною ихъ силою являлись чисто мѣстныя условія.

Во время моего пріѣзда гарнизонъ Никополя состоялъ всего лишь изъ одного табора низама подъ начальствомъ Адыръ-бея; но каждую минуту ждали подкрѣпленій изъ Систова. На Дунаѣ противъ города стояли на якоряхъ два монитора, вооруженные каждый четырьмя орудіями большаго калибра.

Въ 45-ти верстахъ отъ города находится большой преимущественно болгарами населенный городъ Плевна, или, вѣрнѣе, Плевенъ, имя котораго тогда изъ русскихъ офицеровъ было мало кому извѣстно, а черезъ какихъ нибудь два, три мѣсяца на него обращено было вниманіе не только Россіи, но и всей Европы.

Дорога изъ Никополя въ Плевну идетъ по высокому берегу низовьемъ рѣки Осьмъ, которую пересѣкаетъ по прочному мосту близъ «Музелимъ-Сели», а далѣе пролегаетъ почти параллельно теченію рѣки Видъ, по возвышенной нагорной равнинѣ, покрытой хорошими пастбищами.

Въ турецкомъ костюмѣ я чувствовалъ себя гораздо лучше, такъ сказать, спокойнѣе. Встрѣчающіеся болгары съ подобострастіемъ давали мнѣ дорогу, а солдаты, даже офицеры, охотно вступали въ разговоръ, во время котораго, выдавая себя за патріота и яраго приверженца войны, мнѣ легко было выпытывать различныя свѣдѣнія; поэтому я рѣшился и на будущее время изображать изъ себя османлиса, желающаго заняться подрядами для арміи.

Слѣдующій пунктъ, который мнѣ слѣдовало осмотрѣть, былъ городъ Систово. Онъ расположенъ какъ разъ противъ румынскаго мѣстечка Зимницы и былъ описанъ различными какъ русскими, такъ и иностранными корреспондентами, почему я не стану останавливаться надъ его описаніемъ. Въ бытность мою тамъ, проѣздомъ изъ Никополя въ Рущукъ, я нашелъ въ немъ пять таборовъ низама подъ начальствомъ Халиль-паши. Единственная батарея находилась на скалѣ, на лѣвомъ флангѣ, господствующей какъ надъ Дунаемъ, такъ и городомъ, и была почти полуразрушена. Солдаты систовскаго гарнизона, благодаря ли слабости Халиль-паши, или по инымъ причинамъ, были крайне распущены и предавались разврату и пьянству. Берега Дуная тутъ благопріятствовали высадкѣ русскихъ войскъ болѣе, чѣмъ въ другихъ, осмотрѣнныхъ мною,

пунктахъ, и поэтому въ первомъ же моемъ донесенiи генералу Скобелеву, посланномъ изъ Рущука, я указывалъ на Систово, какъ на удобнѣйшiй пунктъ для переправы русскихъ войскъ.

Рущукъ находится на правомъ же берегу Дуная, ниже впаденiя въ него рѣки Ломъ. Во времена всѣхъ предыдущихъ кампанiй нашихъ съ турками, эта крѣпость играла немаловажную роль. Отъ нея идетъ желѣзная дорога на Варну и, кромѣ того, она имѣетъ непосредственное соединенiе съ Шумлой, оберегающей балканскiе проходы.

Съ паденiемъ Рущука теряется разомъ все значенiе дунайской оборонительной линiи. Все это турки сознавали очень хорошо и потому позаботились принять всѣ мѣры, чтобы сдѣлать Рущукъ неприступнымъ и непреодолимымъ.

Господствуя надъ теченiемъ Дуная, крѣпость эта обстрѣливаетъ водный путь по рѣкѣ, а также замыкаетъ пути въ Шумлу, Варну и Тырново.

Въ отношенiи матерiальныхъ средствъ Рущукъ, какъ главный городъ дунайскаго вилайета, находился въ гораздо лучшихъ условiяхъ, чѣмъ дунайскiе города Болгарiи. Въ немъ были конторы консуловъ почти всѣхъ иностранныхъ государствъ и, благодаря ихъ присутствiю, турецкiе вали, каймаканы и вообще чиновники всѣхъ ранговъ не позволяли себѣ особенныхъ безчинствъ.

Городъ былъ переполненъ войсками; кажется, всѣ магометанскiя нацiональности имѣли здѣсь своихъ представителей. Между скромными мундирами низама, редифа и мостафази, мелькали въ своихъ живописныхъ, скорѣе театральныхъ, чѣмъ военныхъ, костюмахъ албанцы и зейбеки. Конные башибузуки и черкесы повсюду шныряли на своихъ небольшихъ, но крѣпкихъ и выносливыхъ лошадкахъ.

У пристаней и на якоряхъ противъ города дымились военные пароходы: «Азазiесъ», «Валэдiе», «Солтанъ-Семасъ», «Дунаима», «Аркадiя» (принадлежавшiй грекамъ во время критскаго возстарiя) и «Дагестанъ». Тутъ же были и 4 монитора, оставшiеся безъ дѣла за минными загражденiями, сдѣланными русскими.

Около Рущука было собрано войскъ до 150 тысячъ. Со дня на день ожидали прибытiя главнокомандующаго Абдулъ-Керимъ-паши, часть штаба котораго уже находилась въ городѣ.

Не смотря на присутствiе множества главныхъ военныхъ начальниковъ, нельзя было сказать, чтобы порядокъ въ городѣ былъ образцовый. Рѣдкая ночь проходила безъ убiйствъ и жертвами весьма часто оказывались солдаты, чтò, вѣроятно, было послѣдствiемъ неособенно дружественныхъ отношенiй нижнихъ чиновъ различныхъ таборовъ.

Откладывая дальнѣйшее описанiе Рущука до слѣдующей главы, я разскажу теперь, какимъ образомъ добылъ посланца для отправки собранныхъ мною свѣдѣнiй генералу Скобелеву.

Настоятельная необходимость отправить эти свѣдѣнія возможно скорѣе не давала мнѣ покоя. Я сознавалъ ихъ важность и пригодность для русской арміи, если она пожелаетъ начать переправу даже въ томъ случаѣ, если мѣсто переправы уже заблаговременно выбрано главною квартирою.

Нѣсколько разъ мнѣ приходила въ голову мысль самому переправиться на другой берегъ. Лежащее на противоположной сторонѣ Журжево казалось такъ близко, но турки слишкомъ хорошо охраняли береговую линію, и попытки въ этомъ направленіи не могли увѣнчаться успѣхомъ. Безъ сомнѣнія, они не позволили бы частному человѣку отплыть на лодкѣ отъ берега.

11-го или 12-го іюня, хорошо не помню, возвращаясь изъ крѣпости, я зашелъ по дорогѣ въ бакалейный магазинъ. У дверей, на улицѣ, сидѣло нѣсколько человѣкъ, въ которыхъ безъ труда можно было признать греческихъ моряковъ. Дѣйствительно, какъ я потомъ узналъ, это были владѣльцы или капитаны судовъ, задержанныхъ турками у Рущука по случаю войны. Одинъ изъ этихъ молодцовъ своимъ бравымъ видомъ невольно обратилъ на себя мое вниманіе. Я заговорилъ съ моряками, адресуясь преимущественно къ понравившемуся мнѣ субъекту, котораго мнѣ, наконецъ, удалось залучить въ ближайшую кофейню. Въ разговорѣ онъ жаловался на убытки, принесенные ему войною и бездѣйствіемъ. Мнѣ сильно хотѣлось открыться моему новому знакомцу, но боязнь встрѣтить дурной пріемъ и присутствіе въ кофейнѣ постороннихъ сдерживали мои порывы.

Изъ кофейни мы вышли вмѣстѣ.

Не желая упускать подходящаго человѣка, я пригласилъ его потолкаться отъ нечего дѣлать по городу и прогуляться въ окрестности.

Димитраки, такъ звали грека, былъ уроженецъ Іоническихъ острововъ, жители которыхъ извѣстны за лучшихъ и неутомимыхъ пловцовъ въ цѣломъ мірѣ, поэтому-то я и считалъ его «подходящимъ» человѣкомъ, такъ какъ, если нельзя было переправиться черезъ Дунай на лодкѣ, то почему бы не рискнуть перебраться черезъ него вплавь. Атлетическія формы Димитраки ручались, что для него подобное путушествіе не составило бы особеннаго труда.

Когда мы были совершенно одни, я неожиданно заговорилъ съ моимъ морякомъ на его родномъ языкѣ и съ первыхъ же словъ объявилъ свое званіе лазутчика русской арміи. Отнесись онъ къ этому враждебно,—не спасли бы его ни слова, ни ловкость... Рука моя судорожно сжимала рукоятку ятагана и прояви Димитраки намѣреніе предать меня, я бы не задумался положить его на мѣстѣ. Но, къ обоюдному нашему счастію, лицо его не выразило ничего, кромѣ самаго крайняго изумленія... За минуту передъ тѣмъ онъ поклялся бы, что говоритъ съ настоящимъ природнымъ туркомъ,

а тутъ — вдругъ чистѣйшій греческій языкъ, и вдобавокъ — отъ русскаго лазутчика... Онъ имѣлъ полное право разинуть ротъ отъ удивленія.

Вскорѣ прошли первыя минуты удивленія, и мы могли поговорить о дѣлѣ. Предположенія мои оправдались. Для Димитраки проплыть не только Дунай, но и рѣку вдвое шире было почти игрушкою. Еще мальчишкой онъ по нѣсколько часовъ могъ оставаться на водѣ и чувствовалъ себя въ этой стихіи также хорошо, какъ и на сушѣ. Предложенная мною сумма своимъ размѣромъ также соблазняла грека, карманы котораго, по его собственнымъ словамъ, не рвались отъ золота.

Заставивъ его дать въ сохраненіи тайны самую страшную клятву, какая могла только прійдти мнѣ въ голову, мы разстались, чтобы встрѣтиться вечеромъ.

Я приготовилъ письмо къ генералу Скобелеву и черезъ нѣсколько часовъ, найдя Димитраки въ условленномъ мѣстѣ, вручилъ ему это первое мое донесеніе, рекомендуя беречь его пуще глаза.

Въ ту же ночь, какъ я впослѣдствіи убѣдился, храбрый морякъ вплавь перебрался въ Журжево и доставилъ письмо по назначенію, даже не замочивъ его.

III.

Рущукъ. — Пріѣздъ Абдулъ-Керимъ-паши. — Бомбардировка. — Отъѣздъ изъ Рущука. — Ловча. — Саперы турецкой арміи. — Плевна.

Сознавая важность Рущука въ стратегическомъ отношеніи, турки не пожалѣли средствъ сдѣлать его неприступнымъ. Крѣпость имѣла орудія новой системы — по 24 на каждой изъ четырехъ батарей. Каменные блиндированные погреба были переполнены боевыми снарядами. Кромѣ того, всѣ окружающія городъ возвышенности имѣли отдѣльныя укрѣпленія и таковыхъ насчитывалось: 18 большихъ и 24 малыхъ.

Самое главное укрѣпленіе, въ видѣ отдѣльной крѣпости на правомъ флангѣ, называется Левентъ-Табіяси; оно вооружено было 48 орудіями и окружено цѣлою сѣтью траншей, связанныхъ между собою глубоко копанными дорогами, чтобы сообщеніе по нимъ сдѣлать, по возможности, безопаснымъ отъ непріятельскихъ войскъ.

На санитарную часть обращено было самое серьёзное вниманіе. Въ крѣпости и при войскахъ рущукскаго отряда имѣлось, по разсказамъ турецкихъ офицеровъ, 270 докторовъ и 1,600 фельдшеровъ. Большинство медицинскаго персонала составляли греки. Съ каждымъ поѣздомъ, вмѣстѣ съ патронами, прибывали и разныя санитарныя принадлежности. 9-го іюня, мнѣ самому пришлось при-

сутствовать при выгрузкѣ 116 огромныхъ тюковъ съ корпіей и бинтами и 360 носилокъ для раненыхъ — весьма удобныхъ и даже роскошныхъ. Носилки эти плетутся изъ шерстяной ткани; они гораздо прочнѣе и лучше въ гигіеническомъ отношеніи, чѣмъ употреблявшіяся въ русской арміи.

Большая паровая мельница грека, капитана Яни, работала день и ночь, перемалывая подвозимое изъ окрестностей зерно. Но капитану Яни врядъ ли нравилась подобная усиленная работа; плата ему только обѣщалась, и онъ давно бы остановилъ мельницу, если бы это зависѣло отъ его воли.

Впослѣдствіи мельница эта сгорѣла отъ выстрѣловъ журжевскихъ батарей.

Множество пекаренъ приготовляли галеты для неприкосновеннаго запаса... Какая громадная разница была между этими прекрасно выпеченными вкусными бисквитами и черными русскими сухарями!..

10-го іюня, прибылъ, наконецъ, давно ожидаемый главнокомандующій Абдулъ-Керимъ-паша. Въ этотъ день, еще съ утра, въ укрѣпленіяхъ и лагерѣ замѣчалось особенное движеніе. Все чистилось, прибиралось. По улицамъ то и дѣло проѣзжали паши съ своими адъютантами на прекрасныхъ коняхъ подъ роскошно вышитыми чепраками. Въ вокзалѣ желѣзной дороги собралось все начальство. Главнокомандующій вышелъ изъ вагона въ простомъ походномъ сюртукѣ, принялъ рапорты, тутъ же сдѣлалъ распоряженіе объ устройствѣ обходной вѣтви въ томъ мѣстѣ желѣзной дороги, гдѣ она обстрѣливалась русскими, и затѣмъ, окруженный блестящею и многочисленною свитою, отправился въ Левентъ-Табіяси. Вернувшись оттуда въ лагерь и закусивъ въ палаткѣ Вали-паши, онъ вновь уѣхалъ для осмотра другихъ укрѣпленій.

Результатомъ этого осмотра было приказаніе, отданное въ тотъ же день, объ устройствѣ двухъ батарей между Рущукомъ и Пирго.

Вечеромъ, въ честь главнокомандующаго въ лагерѣ былъ парадный обѣдъ, продолжавшійся до 12 часовъ ночи. Во время обѣда Али-паша получилъ приказаніе отправиться въ Черногорію съ десятитысячною арміею.

Престарѣлый Абдулъ-Керимъ держался еще молодцомъ. Всѣ послѣдующіе дни онъ неустанно посвящалъ разъѣздамъ по батареямъ и укрѣпленіямъ, совершая эти поѣздки, по обыкновенію, верхомъ. Паша былъ очень несловоохотливъ, и его планъ кампаніи, если онъ въ дѣйствительности существовалъ, оставался тайной для всѣхъ.

Съ 12-го іюня, по рущукскимъ укрѣпленіямъ журжевскими батареями была открыта самая усиленная канонада. Снаряды попадали и въ городъ. Прибрежныя турецкія батареи порядочно пострадали отъ русскаго огня, но поврежденія немедленно испра-

влялись. Не только стекла въ домахъ, но и самые дома, особенно мѣстной легкой постройки, содрогались отъ оглушительныхъ залповъ, которыми отвѣчали рущукскія орудія. Первое время можно было подумать, что русскія войска переправляются черезъ Дунай, и поэтому поднялась канонада турокъ. Хотя вредъ, наносимый въ городѣ снарядами, былъ весьма незначителенъ, тѣмъ не менѣе множество рущукскихъ гражданъ заблагоразсудило выбраться за городъ; болѣе зажиточные со всѣмъ скарбомъ поспѣшили уѣхать по желѣзной дорогѣ.

Канонада, не умолкавшая ночью, продолжалась и въ послѣдующіе дни.

17-го іюня, я выѣхалъ изъ Рущука. Сначала шоссе тянулось почти параллельно по рѣкѣ Кара-Ломъ, берега которой покрыты мелкимъ лѣсомъ. Часто мнѣ попадались значительныя партіи болгаръ, которыхъ выгнали на работу — рубить колья для укрѣпленій и приготовлять туры. Около селенія Сумунли разбивали мѣсто подъ устройство деревянныхъ бараковъ для госпиталя. Дорога къ Ловчѣ пролегала по возвышенному холмистому плато, то между обработанныхъ полей, засѣянныхъ пшеницей и кукурузой, обѣщавшими хорошій урожай, то посреди роскошныхъ пастбищъ и луговъ съ густою зеленою травою. Верстахъ въ четырехъ отъ города Ловчи, на полѣ расположились лагеремъ два табора низама, занятые устройствомъ земляныхъ укрѣпленій. Имъ помогали болгары. Вообще, саперныя обязанности при турецкой арміи исправляли болгары, конечно, по принужденію и безплатно. Турки, какъ я потомъ имѣлъ не одинъ случай убѣдиться, заставляли болгаръ исправлять и возводить укрѣпленія даже подъ непріятельскими выстрѣлами, и нерѣдко эти несчастные, даровые работники гибли отъ ядеръ и пуль арміи, сражающейся за ихъ же освобожденіе. Для саперныхъ работъ сгоняли жителей окрестныхъ деревень, и они должны были являться со своимъ инструментомъ и повозками. Отсюда — та изумительная быстрота, съ какою турки часто въ одну ночь исправляли громадныя поврежденія своихъ верковъ.

Дорога изъ Ловчи въ Плевну идетъ сначала по ровной мѣстности и потомъ уже ближе къ Плевнѣ дѣлается болѣе гористою. Самая Плевна лежитъ въ глубокомъ ущельѣ, по дну котораго протекаетъ рѣчка Чаръ, притокъ Вида. Возвышенности, со всѣхъ сторонъ окружающія Плевну, поднимаются сначала довольно пологими уступами, но потомъ, достигнувъ наибольшей высоты, образуютъ къ сторонѣ города крутые обрывы.

Я засталъ въ Плевнѣ не болѣе трехсотъ солдатъ подъ командою Узунъ-Неджиба. Изъ укрѣпленій имѣлась только одна батарея на Упанцѣ, но, зайдя въ кофейню, я узналъ, что турецкое военное начальство намѣрено укрѣпить Плевну и сосредоточить здѣсь сильную армію. Со дня на день ждали прибытія англійскихъ инжене-

ровъ, для которыхъ были уже отведены квартиры. Городской голова, болгаринъ Златанъ Чербаджи, получилъ приказъ собрать 3,000 болгаръ съ необходимыми инструментами и подводами. Все это заставляло вѣрить разсказамъ обывателей, что Плевнѣ въ непродолжительномъ времени предстоитъ сдѣлаться сильнымъ укрѣпленнымъ лагеремъ и играть немаловажную роль въ разгорающейся войнѣ.

Населеніе какъ болгарское, такъ и турецкое было въ крайне неопредѣленномъ и затруднительномъ положеніи. Приближеніе турецкой арміи грозило обычными поборами и раззореніемъ... Можетъ быть, многіе предпочли бы уѣхать изъ города, но всякая попытка въ этомъ родѣ была бы сочтена за измѣну, за намѣреніе перейдти къ москвамъ и повлекла бы за собою весьма непріятныя послѣдствія. Правда, бѣжать было можно, но въ такомъ случаѣ приходилось бросить имущество. Съ другой стороны, ходившіе слухи о переправѣ войскъ у Систова и движеніи на Тырново дѣлали вѣроятнымъ появленіе ихъ въ Плевнѣ, и это очень безпокоило турецкое населеніе, между которымъ духовенство распространяло самыя неправдоподобныя вещи о невѣроятной жестокости русскихъ солдатъ и ихъ жадности къ грабежу и насилію женщинъ. Ревнивыхъ по природѣ турокъ въ особенности безпокоило послѣднее обстоятельство. Потому они спѣшили укладывать имущество, чтобы имѣть возможность бѣжать изъ города при появленіи въ окрестностяхъ русскихъ войскъ. Болгарамъ же не оставалось ничего другаго, какъ терпѣливо ожидать событій и, въ виду могущихъ наступить плохихъ временъ, подальше припрятать цѣнныя вещи и запасы овощей и зерна. Чтобы избѣжать непріятныхъ встрѣчъ, мнѣ предстояло опять держать путь къ Сербіи и, переправившись оттуда въ Молдавію, вернуться въ Болгарію, въ мѣстоположеніе нашей главной квартиры, которую я надѣялся найдти уже въ Систовѣ.

По пути изъ Плевны, по болгарскимъ деревнямъ, я встрѣчалъ шайки башибузуковъ и черкесовъ, занятыхъ сборомъ продовольственныхъ припасовъ и скота. Предметы эти собирались реквизиціоннымъ путемъ по заранѣе составленнымъ мѣстными властями свѣдѣніямъ, сколько каждая деревня можетъ выставить извѣстнаго продовольствія. Немудрено поэтому, что продовольственная часть находилась у турокъ въ сравнительно блестящемъ положеніи, и впослѣдствіи русскія войска повсюду находили въ турецкихъ лагеряхъ значительные запасы всякихъ предметовъ.

Обратную переправу черезъ Дунай я совершилъ вполнѣ удачно съ сербскимъ лодочникомъ, который высадилъ меня на молдавской сторонѣ немного ниже Турно-Северина. До этого города я добрался пѣшкомъ и, купивъ себѣ приличный европейскій костюмъ, по желѣзной дорогѣ отправился въ Журжево, а оттуда черезъ Зимницу прибылъ въ Систово, гдѣ засталъ уже главную квартиру русской арміи.

Систово совершенно не походило на тотъ скучный болгарскій городъ, какимъ я видѣлъ его въ мой первой пріѣздъ изъ Виддина, когда еще здѣсь хозяйничалъ Халиль-паша съ своими низамами. Болгары, сдѣлавшіеся вдругъ нашими «братушками», не имѣли уже того приниженнаго, забитаго вида. Вся молодежь запаслась мѣховыми, каракулевыми шапками, нашила на нихъ кресты и щеголяла въ этомъ запрещенномъ для нихъ въ былое время убранствѣ. Русское золото, какъ магическая палочка волшебника, оживило торговлю. Каждая лачужка, всякій свободный уголокъ преобразился въ магазинъ, гдѣ всевозможная дрянь въ восточномъ вкусѣ продавалась за хорошую цѣну и находила многочисленныхъ покупателей въ щедрыхъ русскихъ офицерахъ, у которыхъ дорогая Румынія не успѣла еще выгрузить карманы. На колокольнѣ Систовскаго собора уже звонили колокола, добытые откуда-то изъ-подъ земли, куда они были запрятаны во время турецкаго владычества.

Систово было биткомъ набито военными, и цѣлые дни мостъ, устроенный между Систовомъ и Зимницею, былъ занятъ вереницею войскъ и обозовъ, тянувшихся изъ Молдавіи. Противоположный берегъ казался какъ бы въ дыму отъ пыли. Островки Дуная, залитые весеннимъ разливомъ, выступили изъ-подъ воды и начали покрываться зеленью. Масса лодокъ шныряла по Дунаю, не опасаясь уже болѣе турецкихъ мониторовъ, запертыхъ минными загражденіями у придунайскихъ крѣпостей. Все кипѣло жизнію и дышало надеждой. Первые успѣхи отуманили не только молодыя, горячія головы, но увлекли и болѣе положительныхъ людей.

Блестящее начало вселяло во всѣхъ надежду самаго скораго конца. «Еще мѣсяцъ, много два, и война окончится»,—таковъ былъ общій говоръ, и часто эта фраза вылетала изъ устъ, обладателю которыхъ болѣе всего слѣдовало бы знать, что турки вовсе не такъ слабы, чтобы побѣда надъ ними досталась намъ особенно дешево... Тѣмъ болѣе не могла достигнуть быстрыхъ успѣховъ та немногочисленная армія, которая перекинулась въ Болгарію и которой на первыхъ же порахъ пришлось разбросаться на большое пространство, разбившись на небольшіе отряды.

Прибывъ въ Систово около 24-го іюня, я отдалъ отчетъ въ моей поѣздкѣ полковнику Артамонову и вручилъ ему полную выписку о вооруженіи крѣпостей Никополя и Рущука, съ показаніемъ количества орудій и расположенія всѣхъ укрѣпленій; передалъ все, что было замѣчено мною особеннаго относительно состава турецкой арміи, ея вооруженія, продовольствія, военныхъ запасовъ и санитарной части, причемъ обратилъ особое вниманіе полковника на присутствіе въ непріятельской арміи множества англійскихъ офицеровъ, преимущественно инженеровъ и артиллеристовъ. Затѣмъ я указалъ на расположеніе отрядовъ, приблизительно обозначивъ

ихъ силу, и назвалъ фамиліи главныхъ начальниковъ, начиная съ главнокомандующаго. Письмо мое, посланное изъ Рущука, было своевременно доставлено генералу Скобелеву 2-му, такъ что мой землякъ, грекъ Димитраки, оказался очень вѣрнымъ человѣкомъ.

Во время моего длиннаго повѣствованія, пришолъ генералъ Скобелевъ, которому я повторилъ разсказъ о моихъ похожденіяхъ; повидимому, оба начальника остались довольны мною, насказавъ мнѣ много лестнаго за мою смѣлость и находчивость; генералъ Скобелевъ прибавилъ: «Ну, теперь я вижу, что вы не даромъ побывали въ Севастополѣ, отдохните, но завтра приходите, я вамъ дамъ новое порученіе». Полагая, что меня поблагодарятъ болѣе существеннымъ образомъ, вознаградивъ за понесенныя мною траты, и освободятъ отъ такой трудной и опасной обязанности, я явился на другой день, но каково же было мое удивленіе, когда полковникъ Артамоновъ предложилъ мнѣ снова отправиться въ Турцію и добраться до Адріанополя.

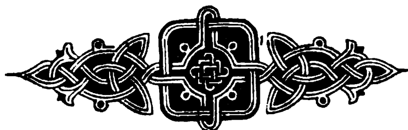
Не имѣя духа отказаться отъ разъ принятой на себя службы, я отвѣчалъ, что готовъ жертвовать собою для блага Россіи, но прибавилъ, что, рискуя ежеминутно своею жизнію и отправляясь въ такую опасную экспедицію, я долженъ подумать о женѣ и дѣтяхъ, которыя останутся въ крайности въ случаѣ моей смерти, такъ какъ я не оставляю имъ никакого капитала.

— Неужели вы думаете,—возразилъ мнѣ полковникъ Артамоновъ:—что наше правительство останется неблагодарнымъ и не съумѣетъ оцѣнить ваши труды? Будьте увѣрены, что мы дорожимъ такими людьми, а въ случаѣ вашей гибели семья ваша будетъ обезпечена на всю жизнь; я вамъ порукой, что труды ваши вознаградятся такъ, какъ вы и не воображаете; постарайтесь какъ можно скорѣе доставить намъ самыя подробныя свѣдѣнія по инструкціи, которую получите отъ генерала Скобелева.

Мнѣ оставалось только поблагодарить за любезность и, получивъ дальнѣйшія инструкціи, я снова собрался въ дорогу.

К. Фаврикодоровъ.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).



МИТРОПОЛИТЪ ІОНА III СЫСОЕВИЧЪ И ЕГО ПОСТРОЙКИ ВЪ КРЕМЛѢ РОСТОВА ВЕЛИКАГО.

Ъ 1883 ГОДУ, 28-го октября, въ Ростовскомъ кремлѣ открыта, возстановленная изъ развалинъ, «Бѣлая палата», а въ 1884 году, въ тотъ же день, освящены и открыты еще два кремлевскія зданія — церковь бывшаго Григорьевскаго монастыря — Затвора и «Княжіе терема», въ которыхъ, въ 1706 году, помѣщалось духовное греко-латинское училище, заведенное митрополитомъ ростовскимъ св. Димитріемъ Тупталою; возобновленіе церкви Григорьевскаго монастыря совершено въ память пятисотлѣтняго юбилея постриженника этого монастыря св. Стефана Пермскаго, посвященнаго въ 1383 году въ Москвѣ въ епископы.

Прежде чѣмъ говорить что либо о Ростовскомъ кремлѣ и кремлевскихъ зданіяхъ, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о строителѣ этого кремля, ростовскомъ митрополитѣ Іонѣ Сысоевичѣ; прекрасно сохранившійся современный портретъ митрополита — зодчаго, находившійся прежде въ ярославскомъ архіерейскомъ домѣ, уступленъ нынѣ Ростовскому музею древностей и находится въ зданіи Бѣлой палаты, выстроенномъ этимъ митрополитомъ въ 1670 году [1]).

Верстахъ въ 10 отъ Ростова, за озеромъ Неро, въ Воржской волости, есть небольшая деревенька, называемая Ангелово. Въ од-

---

[1]) Копія съ этого портрета прилагается къ настоящей статьѣ.

номъ апокрифическомъ житіи епископа ростовскаго св. Исаіи († 1090 г.) говорится, что на мѣстѣ, гдѣ стоитъ дер. Ангелово, было идольское капище и самое мѣсто называлось «чортовымъ дворищемъ»; святитель, сокрушивъ идола, нарекъ это мѣсто «Ангеловымъ». Послѣ сокрушенія идола и принесенія молитвы, святи-

Ростовскій митрополитъ Іона III (Сысоевичъ), 1652—1691.

тель, подошедши къ берегу находящагося тутъ ручья, вдругъ сталъ невидимъ: «во единѣмъ часѣ ста въ градѣ Кіевѣ». Въ житіи св. Исаіи довольно подробно описывается чудесное перенесеніе его ангеломъ изъ Ростовской земли въ Кіевъ на освященіе великой Успенской церкви, построенной преподобными Антоніемъ и Θеодосіемъ.

Вблизи Ангелова прежде была густая роща, у опушки которой находилась усадьба князей Луговскихъ. Однимъ изъ владѣльцевъ этой усадьбы былъ князь Семенъ Михайловичъ Луговской, современникъ и сподвижникъ князя Василія Юрьевича Шемяки, о которомъ описатели житій сѣверныхъ святыхъ и ростовскія рукописи и легенды оставили немало воспоминаній. Въ концѣ XVI вѣка на мѣстѣ усадьбы былъ уже погостъ, въ которомъ былъ попъ Сысой, и у этого попа около 1607 года родился сынъ, впослѣдствіи митрополитъ ростовскій Іона III Сысоевичъ.

О первыхъ годахъ жизни Іоны не сохранилось извѣстій, и мы знаемъ его уже только въ санѣ архіерейскомъ.

Будучи уже на ростовской каѳедрѣ, митрополитъ Іона на мѣстѣ своей родины построилъ замѣчательную деревянную церковь, имѣвшую 365 оконъ и сгорѣвшую отъ молніи въ XVIII вѣкѣ. Отъ этой церкви сохранились только двѣ иконы, которыя нынѣ находятся въ ближайшей церкви села Шестакова.

Инокъ Угличской Воскресенской обители, Іона былъ сначала архимандритомъ ростовскаго Богоявленскаго монастыря, а потомъ, 15-го августа 1652 года, патріархомъ Никономъ посвященъ въ митрополиты ростовскіе, и при самомъ вступленіи въ управленіе Ростовскою епархіею написалъ окружное посланіе къ ростовскому духовенству [1]). 30-го декабря 1652 года, митрополитъ Іона свидѣтельствовалъ и открывалъ св. мощи преподобнаго Даніила Переяславскаго [2]). Въ 1654 и 1656 годахъ, присутствовалъ на соборахъ въ Москвѣ по дѣлу исправленія церковныхъ богослужебныхъ книгъ и управлялъ Всероссійской патріархіей во время удаленія Никона въ Ново-Іерусалимскій монастырь. Въ 1663 году, засѣдалъ въ коммиссіи, учрежденной для разсмотрѣнія дѣла патріарха.

Во время внезапнаго пріѣзда Никона въ Москву, именно 18-го декабря 1664 года, въ Успенскомъ соборѣ шла утреня, на которой былъ и митрополитъ Іона. Патріархъ, вошедши въ соборъ и совершивъ эктенію, послалъ сказать Іонѣ, чтобы онъ шелъ на благословеніе. Іона, въ испугѣ, не осмѣлился воспротивиться Никону, и явился принять отъ него благословеніе, которое вслѣдъ за митрополитомъ принялъ также протопопъ и прочія духовныя лица, бывшія въ церкви. Тогда Никонъ послалъ Іону вмѣстѣ съ

---

[1]) Акты Историч., т. VII, № 62.

[2]) Любопытенъ документъ по поводу открытія этихъ мощей, сохраняющійся въ Переяславскомъ Даниловомъ монастырѣ: «И мы, богомольцы твои,—пишется къ патріарху Никону, — мощи преподобнаго чудотворца Даніила въ 18 день съ молебнымъ пѣніемъ осмотрѣли. Подлинно и мощи, государь, преподобнаго чудотворца игумена Даніила лежатъ вкупѣ, и одежда, государь, на немъ иноческая, обвитъ мантіею и сплетенъ плетцами, а на главѣ куколь, и та, государь, одежда обветшала, и была, государь, буря велика по три дня, и какъ мы чудотворцевы мощи въ седьмомъ часу нощи обрѣли, и милостіею Божіею и его чудотворными молитвами Богъ далъ тишину».

своимъ воскресенскимъ архимандритомъ и ключаремъ собора къ великому государю съ извѣстіемъ о своемъ прибытіи[1]). По поводу этого происшествія, какъ извѣстно, началось дѣло. Болѣе всѣхъ виноватымъ оказался митрополитъ Іона, именно въ томъ, что принялъ благословеніе отъ патріарха Никона и своимъ примѣромъ увлекъ къ тому же другихъ. Государь, какъ только услышалъ изъ устъ Іоны сознаніе въ этомъ, сказалъ ему: «ты, митрополитъ,

Бѣлая палата послѣ реставраціи.

поставленъ блюстителемъ соборныя церкви, и зналъ соборное изложеніе всѣхъ васъ, подъ которымъ есть и твоя рука, что патріархъ Никонъ самовольно оставилъ свой престолъ и обѣщалъ на него не возвращаться». Іона оправдывался предъ государемъ и говорилъ, что совершилъ то забвеніемъ, устрашась его, Никона, и его внезапнаго пришествія. Но государь «за такое презрѣніе Іоною изложенія всего освященнаго собора и за неопасное блюстительство соборныя церкви» не захотѣлъ принять отъ Іоны благословенія и велѣлъ разсмотрѣть дѣло собору.

Архіереи, составлявшіе соборъ, 22-го декабря, въ Патріаршей Крестовой палатѣ, признали митрополита Іону виновнымъ въ томъ, что онъ, забывъ свое соборное рукоподписаніе и будучи намѣстникомъ патріаршаго престола, прежде всѣхъ принялъ благослове-

---

[1]) «Исторія русской церкви», Макарія, т. XII, стр. 481.

ніе отъ бывшаго патріарха Никона и тѣмъ подалъ худой примѣръ прочимъ церковникамъ; но, желая оказать снисхожденіе къ немощи своего собрата, предложили ему, чтобы онъ, по обычаю, какой существуетъ въ подобныхъ сомнительныхъ случаяхъ на востокѣ, возложивъ на себя епитрахиль и омофоръ, очистилъ себя отъ зазора клятвою, что не имѣлъ никакого согласія и совѣта съ Никономъ и что принялъ благословеніе безъ хитрости, будучи устрашенъ его внезапнымъ пришествіемъ и одержимъ ужасомъ и что въ то время не пришло ему на умъ его соборное рукоподписаніе. 27-го января 1665 года, соборъ вновь допрашивалъ Іону, почему онъ принялъ благословеніе отъ Никона, и Іона оправдывался, просилъ прощенія и собственноручно переписалъ въ соборной церкви, то самое клятвенное свидѣтельство или исповѣданіе, какое было ему предложено на соборѣ 22-го декабря.

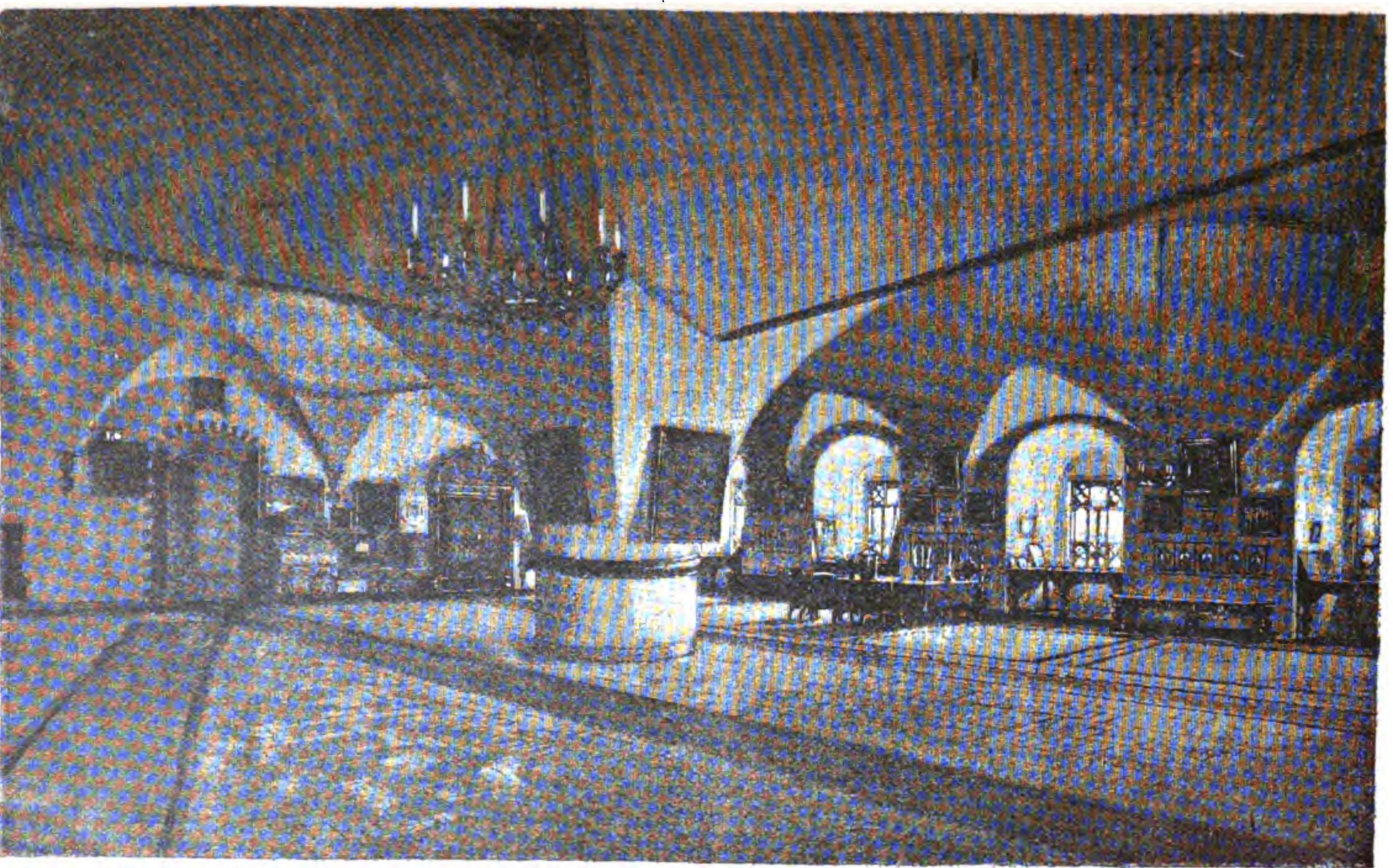
Соборъ рѣшилъ: «митрополиту Іонѣ блюстителемъ соборныя апостольскія церкви впредь не быть, а въ томъ его внезапномъ прегрѣшеніи быть свободнымъ и въ соборной церкви, въ своей ему прежней степени, сообщаться и служить невозбранно».

Государь 20-го марта своими грамотами извѣстилъ всѣхъ архіереевъ, что онъ, посовѣтовавшись съ освященнымъ соборомъ, указалъ: митрополиту Іонѣ быть на митрополіи въ Ростовѣ, а на Москвѣ блюстителемъ соборныя апостольскія церкви быть новому митрополиту [1]).

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1666 года, Іона безмолвно присутствовалъ на соборѣ, осудившемъ Никона; въ 1667 году 10-го февраля, былъ при избраніи и хиротоніи патріарха Іоасафа; а въ 1672 году находился при его погребеніи. Въ 1674 году, онъ участвовалъ въ дѣлахъ собора, разсматривавшаго разныя учрежденія въ россійской церкви и передѣлы епархій; въ 1675 году, присутствовалъ на соборѣ, разсуждавшемъ объ архіерейскихъ облаченіяхъ; въ 1678 году, о шествіи на ослѣ въ недѣлю цвѣтоносную; въ 1676 году, находился при короновaніи царя Ѳеодора Алексѣевича и, въ 1682 году, присутствовалъ на соборѣ, отмѣнившемъ мѣстничество; іюля 25 того же года, участвовалъ въ совершеніи коронованія царей Іоанна и Петра Алексѣевичей; въ томъ же 1682 году 2-го апрѣля, онъ находился при хиротоніи перваго святителя воронежскаго Митрофана, а въ 1685 году 8 ноября, при хиротоніи кіевскаго митрополита Гедеона. При немъ построенъ въ Ростовѣ архіерейскій домъ и огражденъ высокою зубчатою стѣною съ башнями и бойницами и тремя вратами: къ соборному храму съ церковью Воскресенія Христова и колокольнею, на западъ—съ церковью надъ ними Іоанна Богослова и на востокъ, къ Рождественскому женскому монастырю. Близь архіерейскихъ келій построенъ храмъ Спаса. Всѣ эти храмы, устроенные съ па-

---

[1]) Макарій, XII, стр. 497.



Внутренній видъ Бѣлой палаты, послѣ реставраціи въ 1884 году.

пертями, были расписаны стѣнною живописью. Возлѣ самаго архіерейскаго дома, въ другой каменной оградѣ, перестроена монастырская церковь св. Григорія Богослова съ колокольнею. При соборномъ храмѣ архипастырь построилъ колокольню, снабдивъ ее огромными колоколами, удивляющими и понынѣ своею музыкальною гармоніею и вѣсомъ; одинъ изъ этихъ колоколовъ вѣситъ 2,000 пуд., другой 1,000, третій 500, остальные относятся къ разряду обыкновенныхъ. Объ этихъ колоколахъ Іона такъ писалъ къ одному изъ своихъ друзей: «на своемъ дворишкѣ лью колоколишки: дивятся людишки». Кромѣ кремлевскихъ зданій, митрополитъ Іона возвелъ много и другихъ построекъ. Такъ, при помощи князя Михаила Темкина, онъ съ 1657 года началъ строить въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ каменные храмы, ограду и келіи; въ Спасо-Іаковлевскомъ монастырѣ около 1690 года построилъ каменную церковь, украсивъ ее стѣннымъ письмомъ; въ Угличскомъ Воскресенскомъ монастырѣ создалъ огромную каменную церковь съ трапезою и колокольнею, а въ 8 верстахъ отъ Углича основалъ Дивногорскую пустынь; сверхъ того, въ Ярославлѣ, близь Успенскаго собора построилъ двухъ-этажный архіерейскій домъ съ церковью во имя св. Леонтія Ростовскаго. При немъ же обогатилась и ростовская соборная ризница. Въ правленіе митрополита Іоны произошло измѣненіе состава Ростовской епархіи: въ 1658 году, сообразно границамъ гражданскаго управленія, десятины Бѣлозерская, Пошехонская и Шаронская отчислены къ Вологодской, а въ 1667 году, учреждена епархія въ Великомъ Устюгѣ, принадлежавшемъ дотолѣ къ Ростовской митрополіи. Удрученный лѣтами и многостороннею дѣятельностью, митрополитъ Іона 5-го іюля 1690 года испросилъ себѣ увольненіе отъ управленія епархіею и 20-го декабря того же года скончался и погребенъ въ ростовскомъ Успенскомъ соборѣ.

Возвратимся теперь къ Ростовскому кремлю.

Большинство кремлевскихъ зданій построено митрополитомъ Іоною въ періодъ 1655—1689 гг. Въ «Исторіи русскихъ школъ иконописанія до конца XVII в.», Д. А. Ровинскаго, напечатанной въ VIII т. «Записокъ императорскаго русскаго археологическаго Общества» 1856 года, видно, что иконописцы были «отосланы въ Ростовъ къ Іонѣ митрополиту въ 1670. 1674 и 1689 гг.».

Частое и довольно продолжительное пребываніе въ Москвѣ Іоны не могло не повліять на митрополита, и во многихъ его постройкахъ сказывается московскій вкусъ. Такъ знаменитая «Бѣлая палата» весьма характерно напоминаетъ московскую Грановитую палату.

«Бѣлая палата», построенная Іоною около 1670 года «для пришествія государева», своими размѣрами и стройностью стиля вполнѣ отвѣчала предназначаемой цѣли. Она примыкала къ митрополичьему дому, перестроенному въ 1780 года архіепископомъ Самуи-

Надгробный памятникъ XV вѣка, хранящійся въ Бѣлой палатѣ.

домъ. Со времени перевода архіерейской каѳедры изъ Ростова въ Ярославль, Бѣлая палата, какъ и другія кремлевскія зданія, пришла постепенно въ сильное разрушеніе, чему въ послѣднее время отчасти способствовали и строители, сломавшіе въ 1880 г., во время приспособленія «дома Самуилова» для духовнаго училища, массивные переходы на аркахъ, соединявшіе этотъ домъ съ Бѣлою палатою и церковью Спаса. Отъ такой варварской реставраціи церковь Спаса стала опасна, а Бѣлая палата угрожала паденіемъ. Изъ вѣковаго кирпича разрушенныхъ переходовъ строители поставили баню, крайне неумѣстно и неудобно. Бѣлая палата спасена отъ окончательнаго разрушенія щедрымъ пожертвованіемъ ростовскихъ гражданъ, проживающихъ въ Томскѣ, братьевъ Евграфа и Всеволода Ивановичей Королевыхъ. На ихъ средства она реставрирована въ 1883 году подъ наблюденіемъ императорскаго Московскаго археологическаго Общества особою коммиссіею. Зданіе возстановлено въ прежнемъ его величественномъ видѣ: большія окна палаты украшены своеобразными гирьками и орнаментаціей по образцу отчасти уцѣлѣвшаго окна, закладеннаго при передѣлкахъ и открытаго случайно во время реставраціи; красивые, остроконечно спускающіеся къ стѣнамъ, а посрединѣ опирающіеся на одинъ массивный каменный столбъ, своды дополнены серьгами, отпиленными при митрополитѣ Іоасафѣ Лазаревичѣ, украсившемъ стѣны палаты лѣпной работой. Въ настоящее время въ возстановленомъ зданіи Бѣлой палаты и примыкающей къ ней дополнительной ея части, такъ называемой «Отдаточной» палатѣ, помѣщается музей церковно-историческихъ древностей и собрана уже значительная библіотека. Въ числѣ предметовъ древности, находящихся въ музеѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія надгробный каменный крестъ съ слѣдующею надписью: «Въ лѣто 6967 мѣсяца ноемвріа 7, на память святыхъ мучениковъ 33 иже въ Мелитинѣ, при благовѣрномъ великомъ князѣ Васильѣ, Васильевичѣ всея Руси, при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, при митрополитѣ Іонѣ всея Руси, при князѣ Володимирѣ Андреевичѣ Ростовскомъ, при его братѣ и при архіепископѣ Ѳедосіи Ростовскомъ преставися рабъ Божій Илья Стефановъ сынъ Дьяковъ, положенъ бысть въ Ростовѣ у святого Воскресенія, и азъ, многогрѣшный Стефанъ Дьяковъ, отецъ его, постави крестъ сій надъ гробомъ сына своего и далъ есми по немъ Великому Воскресенію двѣ деревни, Волково съ Трызорливымъ, да Лобково съ Лисицынымъ и съ тѣхъ деревень попу съ дьякономъ половина жита, а черницамъ Воскресенскимъ половина жита; далъ есмь Воскресенію въ домъ 10 рублевъ, попу 6, дьякону 4; а приказываю дому Воскресенія смотрити господину Ивану Дмитріевичу, зятю, и Алексѣю Поліектовичу и его сыну Роману; а кто похочетъ изъ дому Воскресенія что взяти или тѣ деревни купити или продати сильно съ

тѣми имѣю судъ во второе пришествіе предъ самѣмъ Христомъ, а по сыну моему Ильѣ по вся субботы поютъ два попа съ діакономъ, весь родъ нашъ поминаютъ».

Почти напротивъ Бѣлой палаты находилось еще двухъ-этажное зданіе, называемое «Красная палата», построенная также Іоною Сысоевичемъ и украшенная внутри стѣннымъ письмомъ, но въ

Наружный видъ Княжьихъ теремовъ.

настоящее время отъ нея остался лишь одинъ нижній этажъ, совершенно потерявшій прежній видъ и обращенный въ кладовыя. Палата эта была сломана и передѣлана въ 1831 году подъ винный складъ.

Реставрированные лѣтомъ 1884 г. такъ называемые «Княжіе терема» находятся на южной сторонѣ кремля, въ группѣ зданій, принадлежавшихъ княжескому двору, и соединяются съ Бѣлою палатою крытыми переходами-галлереею. Они построены въ XVI в. и нѣсколько передѣланы митрополитомъ Іоною, пристроившимъ къ нимъ галлерею, или палатку, носящую, по своему строителю, названіе «Іонинской». Внутренность теремовъ представляетъ собою нѣсколько тѣсныхъ довольно мрачныхъ комнатъ, съ малыми окнами и заостренными сводчатыми потолками; узкіе проходы и извилистыя темныя лѣстницы дополняютъ общій древній планъ зданія. Первоначальные обитатели этихъ теремовъ были ростовскіе князья, потомъ въ нихъ жилъ митрополичій штатъ,

а при св. Димитріи Ростовскомъ въ 1704—1706 гг. помѣщалось духовное училище.

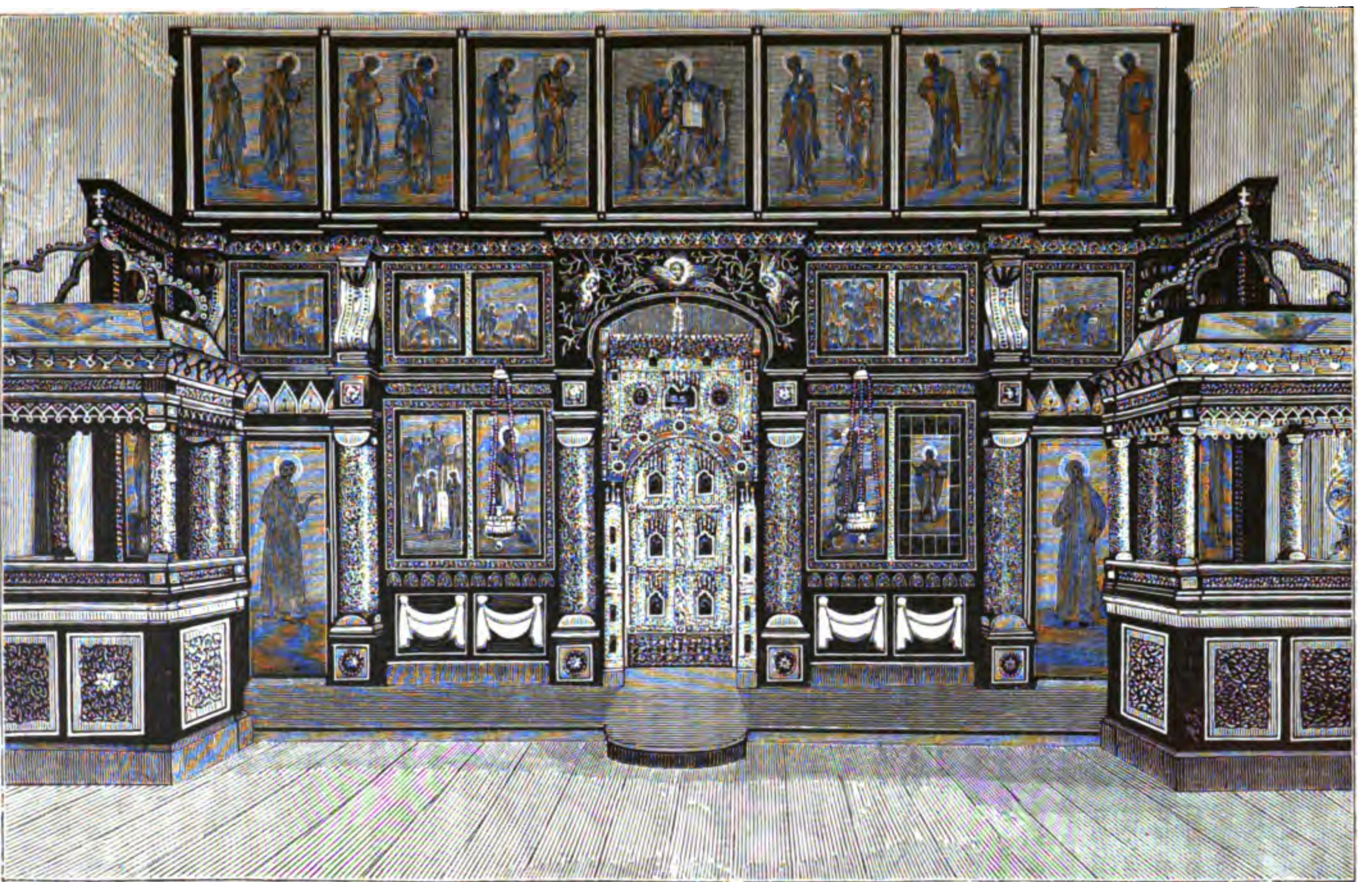
Зданіе «Княжихъ теремовъ» возстановлено, также какъ и Бѣлая палата, почти изъ развалинъ; отъ него оставались однѣ лишенныя покрытія, съ глубокими трещинами, стѣны, съ безформенными окнами и дверными арками; оголенные верхніе своды заросли кустами и рябинами, дававшими даже плоды; сохранившаяся съ шатровымъ верхомъ высокая труба, къ счастію, имѣла еще на себѣ слѣды прежней орнаментаціи, чтò и дало возможность возстановить ее со всею точностію первоначальной постройки и возвести по тому же образцу вторую трубу. Внутренность теремовъ возобновлена безъ малѣйшаго отступленія отъ ихъ первоначальнаго плана; все, чтò сохранилось или было замѣтно въ деталяхъ и орнаментаціи, воспроизведено тщательно; дополненія же взяты изъ рукописей и нѣкоторыхъ особенно хорошо сохранившихся древнихъ церквей Ярославля. Возстановленіе теремовъ произведено подъ непосредственнымъ наблюденіемъ члена коммиссіи по реставраціи Ростовскаго кремля члена корреспондента императорскаго Московскаго археологическаго Общества, мѣстнаго гражданина, Ивана Александровича Шлякова, и въ зданіи предназначено помѣстить книгохранилище Ростовскаго музея древностей.

Неподалеку отъ «Княжихъ теремовъ» находится такъ называемая «Водяная башня», построенная митрополитомъ Іоною. Въ ней несчастнымъ ростовскимъ епископомъ Досиѳеемъ, участникомъ дѣла Евдокіи Лопухиной и казненнымъ Петромъ I въ 1718 году въ Москвѣ, на Красной площади,—была построена церковь во имя Всѣхъ Святыхъ. Церковь эта теперь нарушена, но на бывшей паперти сохранились остатки прекрасной живописи, вполнѣ достойной реставраціи; самая башня также близка къ разрушенію.

На западъ отъ Бѣлой палаты, за высокою стѣною кремля, находится знаменитый въ древности Григорьевскій монастырь—Затворъ, или, вѣрнѣе, храмъ этого монастыря, посвященный имени св. Григорія Богослова, освященный 28-го октября текущаго года.

О началѣ и послѣдующемъ существованіи Григорьевскаго монастыря почти ничего неизвѣстно; знаемъ только, что онъ существовалъ задолго до XIV вѣка и славился ученостію монаховъ и своей библіотекой; здѣсь изучали богословіе, греческій и латинскій языки; здѣсь при богослуженіи на клиросахъ пѣли погречески и порусски; отсюда, какъ изъ чистилища богословія и высшей нравственности, вышелъ на дѣло апостольскаго служенія церкви и землѣ русской св. Стефанъ, епископъ пермскій.

Храмъ Григорьевскаго монастыря былъ прежде деревянный, но митрополитъ Іона около 1670 года «на старыхъ каменныхъ палатахъ» построилъ настоящій пятиглавый храмъ съ шатровою колокольнею надъ тремя небольшими келіями, прилегавшими къ



Внутренность храма бывшаго Григорьевскаго монастыря послѣ реставраціи въ 1884 году.

храму. Иконостасъ въ храмѣ былъ одноярусный, каменный съ портикомъ надъ царскими вратами, какъ и въ другихъ кремлевскихъ храмахъ, построенныхъ Іоною; стѣны и куполъ были расписаны фресковою живописью. Въ такомъ видѣ храмъ существовалъ до 1730 года, когда великій пожаръ, отъ котораго обгорѣли всѣ кремлевскія церкви, болѣе всѣхъ повредилъ Григорьевскій храмъ. Послѣ этого пожара, церковь около 20-ти лѣтъ стояла неисправленною; наконецъ, на нее обратилъ вниманіе знаменитый ростовскій іерархъ Арсеній Мацѣевичъ. Онъ возстановилъ этотъ храмъ и при этомъ измѣнилъ нѣсколько его первоначальный планъ и внутреннее устройство: келіи соединилъ съ храмомъ арками, расширилъ окна, вмѣсто каменнаго, поставилъ деревянный иконостасъ и живопись замѣнилъ лѣпной работой, оставивъ часть ея лишь въ клеймахъ и на задней стѣнѣ.

Разрушеніе и запустѣніе Ростовскаго кремля, начавшееся вслѣдъ за упраздненіемъ архіерейской каѳедры въ Ростовѣ, всего больше отразилось на Григорьевскомъ храмѣ. Въ одно время въ немъ помѣщался курень и даже бойня; окна были выбиты, иконостасъ нарушенъ, желѣзныя двери и связи выломаны и проданы; своды нѣкоторые дали глубокія трещины, а нѣкоторые почти провалились. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, мѣстный гражданинъ И. И. Храниловъ, предпринявъ нѣкоторое возобновленіе полуразрушенныхъ кремлевскихъ храмовъ, привелъ отчасти въ благовидность и кремлевскій храмъ, покрылъ его крышею, очистилъ отъ мусора и немного побѣлилъ стѣны. Къ сожалѣнію, сохраненная имъ шатровая колокольня въ недавнее время сломана однимъ изъ соборныхъ старостъ по безразсудной ревности къ мнимому благоустройству кремля.

Имѣющій за собою такое славное прошлое, Григорьевскій храмъ не находилъ, однако, достойнаго ревнителя возстановленію его прежняго величія и стоялъ неотдѣланный, почти въ развалинахъ, безъ богослуженія.

Исполнившійся въ 1883 году 500-лѣтній юбилей со времени посвященія въ епископскій санъ постриженника григорьевскаго затворника св. Стефана пермскаго далъ мнѣ право стараться, во что бы то ни стало, въ память великаго русскаго апостола, возобновить Григорьевскій храмъ и, по моему ходатайству, мѣстные жители И. А. Рулевъ, Е. Д. Мальгина и другія лица значительными денежными суммами и матеріальными пожертвованіями помогли осуществить это великое дѣло,—и я безконечно счастливъ, что былъ однимъ изъ участниковъ въ сооруженіи памятника великому святителю и духовному дѣятелю земли Русской.

Григорьевскій храмъ возстановленъ подъ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, согласно указаніямъ г. вице-президента императорскаго Московскаго археологическаго Общества, В. Е. Румян-

цева, въ томъ видѣ, какъ онъ построенъ митрополитомъ Іоною Сысоевичемъ, съ оставленіемъ измѣненій, сдѣланныхъ его преемникомъ Арсеніемъ Мацѣевичемъ. Живопись возобновлена по прежнимъ образцамъ; лѣпныя украшенія, превосходно сохранившіяся, оставлены безъ малѣйшаго прикосновенія. Иконостасъ сдѣланъ по образцу иконостаса Іоанно-Богословской деревянной церкви на р. Ишнѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ Ростова, а царскія врата ихъ есть точная копія съ царскихъ вратъ той же церкви, рѣзанныхъ въ XVI вѣкѣ и имѣющихъ слѣдующую надпись: «Лѣта 7070, мѣсяца августа 29, на память усѣкновенія честныя главы Іоанна Предтечи совершены двери сія въ домъ Богоявленію Христа Бога и чудотворцу Авраамію въ Ростовѣ при благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всея Русіи, при архіепископѣ ростовскомъ Никандрѣ, при архимандритѣ богоявленскомъ Іонѣ; рѣзалъ инокъ Исаія». Образцами для клиросовъ послужили шатровые клироса церкви Іоанна Богослова въ Ростовскомъ кремлѣ. Паникадило собрано изъ остатковъ древняго соборнаго, уступленнаго причтомъ собора. Вообще вся реставрація храма и орнаментовка внутри и извнѣ выдержана въ стилѣ построекъ митрополита Іоны. Возобновлена также на средства частныхъ лицъ и галлерея, соединяющая Григорьевскую церковь съ Бѣлою палатой, и такимъ образомъ приведены въ непосредственную связь между собою три важнѣйшіе архитектурные и историческіе памятника Ростовскаго кремля.

А. Титовъ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ПАТРІАРШАГО И ЦАРСКАГО БЫТА.

Е СМОТРЯ на множество изданныхъ у насъ въ послѣднее время историческо-бытовыхъ источниковъ, всетаки, главнымъ изъ нихъ для очерка московской жизни въ XVII столѣтіи остается сочиненіе Котошихина. Трудъ его переноситъ читателя въ ту обстановку, среди которой жили цари, патріархи, бояре, а также служилые и вообще московскіе люди наканунѣ тѣхъ коренныхъ преобразованій, которыя были произведены послѣднимъ царемъ московскимъ и первымъ русскимъ императоромъ. Излишне, кажется, говорить, что эти преобразованія въ бытовомъ отношеніи коснулись простаго народа весьма слабо, но за то совершенно вслѣдствіе ихъ преобразились «преимущіе» люди, не только во внѣшнемъ обликѣ, но и во всемъ складѣ, какъ общественной, такъ и домашней ихъ жизни. Власть царская и власть патріаршая въ существѣ осталась та же самая — она перемѣнила только свое обличіе, такъ какъ въ замѣнъ царя, отягощеннаго шапкою и бармами Мономаха,— царя, тогда безвыѣздно и неподвижно сидѣвшаго въ Москвѣ, явился государь въ военномъ европейскомъ нарядѣ. Онъ перебрался въ Петербургъ, но и тамъ онъ былъ большой непосѣда. Патріархъ московскій и всѣхъ сѣверныхъ странъ тоже исчезъ со всѣмъ его святительско-государскимъ вліяніемъ: его смѣнилъ блюститель патріаршаго престола при несравненно болѣе скромной обстановкѣ, нежели была та, среди какой жилъ святѣйшій. Наконецъ, и боярство какъ будто переродилось по внѣшности, хотя среди его осталось еще много бытовыхъ привычекъ и замашекъ, но все же основныя житейскія условія стали совершенно иныя.

Дѣйствительной, такъ сказать, ощутительной пользы изъ изученія подробностей стариннаго русскаго быта нельзя извлечь никакой, но несомнѣнно, что въ историческомъ отношеніи знакомство съ нимъ представляетъ много любопытнаго и своеобразнаго.

Въ настоящее время такому знакомству должны весьма много способствовать издаваемые московскою городскою думою «Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города, собранные и изданные руководствомъ и трудами Ивана Забѣлина». Нельзя не сказать, что участіе почтеннаго и извѣстнаго нашего ученаго выражено на современномъ русскомъ языкѣ не совсѣмъ правильно: здѣсь слышится пропускъ предлога «подъ», но такая неточность не только не должна вызвать какое нибудь грамматическое замѣчаніе, но, напротивъ, она, по нашему мнѣнію, допущена весьма кстати, такъ какъ прежняя Москва писала весьма неправильно, примѣнительно къ нынѣшней русской письменности.

Слѣдуя пріему всѣхъ вообще собирателей, руководителей, издателей и сочинителей, г. Забѣлинъ находитъ нужнымъ ознакомить употребителей и читателей новоизданной книги съ той важностью, какую она представляетъ въ историческомъ отношеніи. Касательно этого онъ, между прочимъ, говоритъ: «Москва-городъ въ русской исторіи и въ русской народной жизни достигъ своей всенародной, а затѣмъ и всемірной славы своимъ подвигомъ и трудомъ, какъ неутомимый, дальновидный и заботливый хозяинъ—строитель Русскаго государства, которое въ первыя два столѣтія и называлось прямо «Московскимъ государствомъ» и въ этомъ имени распространило по свѣту давнюю, но уже забытую славу древняго русскаго имени». Дѣйствительно, — скажемъ мы, — для обозначенія Восточной Руси не было въ XVI и XVII столѣтіи другаго названія, кромѣ Москвы, и только Петръ оживилъ исконное названіе Руси или Россіи. Далѣе изъ словъ г. Забѣлина видно, что «отсталыя народности на Востокѣ и на Западѣ, живущія преданіями и исторіею XVI и XVII столѣтій и до сихъ еще поръ прозываютъ Русское государство—Москвою. «Здѣсь и сохраняется,—добавляетъ г. Забѣлинъ,—достойнѣйшая похвала и слава исторической Москвѣ, какъ возстановительницѣ древней русской силы и славы, собравшей разсыпанную Русь въ единую державу, привлекшей ее къ единому сердцу, дабы единствомъ жизни и мысли сильнѣе и прямѣе идти къ независимому политическому, національному существованію, за которымъ необходимо слѣдовалъ прямой и свободный путь къ общечеловѣческому совершенствованію или прогрессу».

Такъ какъ въ настоящей нашей статьѣ не предстоитъ вовсе говорить о политическомъ значеніи Москвы, то мы привели только тотъ взглядъ г. Забѣлина, который долженъ былъ, такъ сказать, воодушевлять его при его кропотливомъ трудѣ. Для насъ собственно важенъ теперь только складъ обыденной старо-московской

жизни, и чѣмъ, повидимому, представляется относительно его болѣе подробностей, частностей и мелочей, тѣмъ болѣе онъ подходитъ къ той задачѣ, которую мы взяли на себя, руководствуясь упомянутымъ выше изданіемъ.

Для такой задачи книга, изданная московскою городскою думою, является весьма пригоднымъ источникомъ. Съ своей стороны, нашъ почтенный археологъ задается такою мыслью: «Откуда, изъ какихъ историческихъ, мѣстныхъ, географическихъ и бытовыхъ началъ происходила и собиралась та сила, и сколько способствовалъ и дѣйствительно ли способствовалъ самый городъ развитію и укрѣпленію этой силы—своимъ нравомъ и обычаемъ или особымъ, только ему свойственнымъ, складомъ жизни и не былъ ли самый городъ только выразителемъ болѣе древнихъ, старозавѣтныхъ русскихъ стремленій,—создать себѣ государственное, всенародное могущество?»

Затѣмъ, переходя къ Петровскимъ временамъ, г. Забѣлинъ справедливо замѣчаетъ, что со временъ Петербурга и русское, руководящее, властное, передовое общество стало смотрѣть на свою исторію иными глазами, да и исторія потекла совсѣмъ другая, въ виду которой Москва представлялась уже городомъ, такъ сказать, изношеннымъ, какъ старое платье, и ни къ чему непригоднымъ. «Это былъ,—говоритъ далѣе г. Забѣлинъ, —ветхій домъ, на новые глаза примѣчательный только крайнимъ неудобствомъ для жизни и даже опасностію, чтобъ совсѣмъ не обрушился и не погубилъ бы насажденій новаго и еще молодаго русскаго бытія». И Москва была оставлена себѣ самой, своей печальной участи и разрушенію.

Изложивъ довольно подробно тѣ попытки, какія дѣлались для составленія описаній Москвы въ разное время, г. Забѣлинъ говоритъ, что въ 1877 году остановились на мысли—предпринять изданіе историческаго описанія Москвы при содѣйствіи мѣстнаго городскаго общественнаго управленія. Небезъосновательно, впрочемъ, нѣкоторые изъ членовъ думы замѣтили, что такое описаніе относится къ занятіямъ археологическихъ обществъ и что дума должна заботиться о живыхъ гражданахъ столицы. Но предложеніе было принято большинствомъ, въ 1881 году. Составлена была программа и положено было собрать не только печатный, но и архивный матеріалъ, и собраніе этого послѣдняго было признано передовою, начальною задачею предпринятаго труда.

Начальнымъ плодомъ его оказывается вышедшая теперь первая часть упомянутаго изданія. На первый разъ изданы «Матеріалы» для исторіи, археологіи и статистики Москвы, московскихъ церквей. Они заключаютъ въ себѣ разнородныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по необходимости, отрывочныя свѣдѣнія, старательно собранныя въ книгахъ и дѣлахъ прежде бывшихъ приказовъ патріаршаго вѣдомства, о соборахъ, монастыряхъ, ружныхъ и приходскихъ церквахъ, и для удобства

пользованія ими они расположены хронологически статьями, обозначенными воименемъ каждаго храма. Здѣсь собраны впереди всего, кромѣ обозначеній церковныхъ урочищъ, имена всѣхъ настоятелей-священниковъ каждаго храма, отъ 1625 до 1740 года, съ опредѣленіемъ годовъ, въ какіе каждый изъ нихъ священствовалъ при храмѣ съ отмѣтками ихъ перехода и даже съ нѣкоторыми біографическими указаніями. Конечно, историческій журналъ долженъ съ глубокимъ уваженіемъ отозваться о такой обширной работѣ, но мы полагаемъ, что было бы гораздо удобнѣе издать прежде существенныя свѣдѣнія, имѣющія общее историческое значеніе, а затѣмъ уже присовокупить всѣ частности въ видѣ «дополненій», если это позволятъ сдѣлать предназначенныя на то городскою думою денежныя средства, а то будетъ очень прискорбно, если этотъ почтенный трудъ,—какъ это часто у насъ бываетъ,—останется неоконченнымъ. Такое опасеніе внушаютъ его огромные размѣры. Вслѣдствіе же этого при самомъ приступѣ къ пользованію собранными «Матеріалами» чувствуется и весьма существенный недостатокъ: отсутствіе въ книгѣ, заключающей въ себѣ 1384 столбца убористой печати, именнаго и предметнаго указателей. Такъ, напримѣръ, если бы кто нибудь пожелалъ воспользоваться свѣдѣніями о церковныхъ постройкахъ, тотъ неизбѣжно долженъ пройдти всѣ вообще «Матеріалы», тогда какъ предметный указатель съ перваго же раза облегчилъ бы такую и подобныя ей работы. Нельзя не признать, что при изданіи всякихъ «матеріаловъ» главная задача собирателей и издателей ихъ должна заключаться въ сколь возможно большихъ способахъ облегченія для пользованія ими.

Нельзя также не пожалѣть, что уважаемый руководитель и его усердные сотрудники упустили изъ виду еще и другую весьма важную потребность, столь же необходимую, какъ «указатели», а именно: не присоединили «объяснительнаго словаря». Извѣстно, что у насъ очень немногіе русскіе историки знаютъ въ достаточной степени точное употребленіе старинныхъ словъ, не только опредѣляющихъ отвлеченныя понятія, но и предметы домашняго обихода, а потому встрѣчающіяся въ «Матеріалахъ» такого рода слова должны иногда ставить въ тупикъ тѣхъ, кто пожелаетъ воспользоваться ими. Иногда, впрочемъ, въ «Предисловіи», написанномъ г. Забѣлинымъ, встрѣчаются наряду съ стариннымъ рѣченіемъ и пояснительныя слова, но это попадается рѣдко.

Такъ, въ «Предисловіи» сдѣланы нѣкоторыя общія замѣчанія относительно такъ называвшейся «дани»; она взималась съ поповъ по особому окладу, по силѣ патріаршаго указа, и надобно полагать, что она была незначительною, такъ какъ по раскладкѣ ея оказывались чаще всего лишь алтыны и денежки, а рубли мелькали только изрѣдка. Дань же не шла собственно отъ церкви, но взыскивалась съ каждаго приходскаго двора и была обязательна не

только для прихожанъ, но и для самого причта. Такъ, по патріаршему указу 1632 года, собиралось: съ попова двора по 4 деньги, съ дьяконова по 2 деньги, съ прочихъ причетниковъ по деньгѣ съ двора; съ прихожанъ: съ стольничьихъ, дворянскихъ, дьячихъ дворовъ и гостей по 6 денегъ; съ торговыхъ людей и подьячихъ по 3 деньги, со всякихъ жилецкихъ (рядовыхъ) людей по 2 деньги со двора. По указу 1642 года, послѣдовали въ этомъ отношеніи нѣкоторыя измѣненія и перемѣны. Отъ дани освобождены были дворы митрополичьи, архіерейскіе, епископскіе, а также дворы бояръ и окольничихъ.

Эта церковная дань,—говорится въ «Предисловіи»,—собиралась по окладу въ патріаршую домовую казну и въ разное время при новой переписи приходскихъ дворовъ или по особымъ челобитьямъ измѣняла свою цифру, прибывала или убавлялась, что̀ также должно служить свидѣтельствомъ о перемѣнахъ въ численности приходскаго населенія, по разнымъ случайностямъ убывавшаго или прибывавшаго. Въ этомъ отношеніи многое измѣняли пожары, а въ стрѣлецкихъ слободахъ посылка стрѣльцовъ изъ Москвы на службу въ далекіе города на долгое время.

Слѣдующіе затѣмъ выводы, сдѣланные на основаніи собранныхъ свѣдѣній о церковныхъ постройкахъ, о перестройкахъ, освященіи престоловъ, о выходахъ въ приходскіе храмы святѣйшаго патріарха для церковной службы и въ особенности для освященія храмовъ, а также для погребенія знатныхъ прихожанъ не по чину или службѣ, но несомнѣнно по приходскому значенію ихъ дѣлъ и отношеній къ самому патріарху,—приводятъ къ нѣкоторымъ общимъ заключеніямъ. Такъ, изъ всего этого надобно заключить, что иные приходскіе храмы, по какимъ либо особымъ случаямъ ихъ построенія или по особому значенію въ Москвѣ ихъ приходовъ, пользовались благоволеніемъ патріарха, принимавшаго ихъ духовенство въ храмовые праздники съ крестомъ и святою водою, причемъ причту онъ жаловалъ на молебенъ обычную гривну. Отъ иныхъ приходскихъ храмовъ, пользовавшихся покровительствомъ патріарха, священники и причетники приходили къ патріарху во дни своихъ именинъ съ «именинным» пирогомъ, по какому случаю святѣйшій всегда благословлялъ ихъ иконою.

Въ собранныхъ нынѣ «Матеріалахъ» встрѣчаются тоже свѣдѣнія о лицахъ приходскаго духовенства и вообще о церковномъ причтѣ, объ его отношеніяхъ между собою, къ церковнымъ старостамъ, къ прихожанамъ и, по заявленію г. Забѣлина, свѣдѣнія эти заключаютъ въ себѣ множество указаній въ отвѣтъ на задачи, предложенныя программою упоминаемаго нами изданія.

Далѣе, составитель «Предисловія» обращаетъ вниманіе на то, что свѣдѣнія объ отдачѣ церковныхъ земель въ оброчное содержаніе служили въ иныхъ случаяхъ поводомъ къ открытію пусто-

выхъ мѣстъ, на которыхъ нѣкогда существовали древнѣйшіе храмы въ Москвѣ. Указываетъ онъ также и на то, что приходская церковь въ древнее время до 1772 года, нося теперешнее значеніе церковнаго прихода, вмѣстѣ съ тѣмъ обозначала, что въ сущности для прихожанъ это было ихъ родовое кладбище, такъ какъ здѣсь—и подъ помостомъ храма, и вокругъ его стѣнъ, были погребены «родители» въ смыслѣ всего родства живущихъ.

«Здѣсь главнымъ образомъ, — говорится въ «Предисловіи»,—и скрывалась та живая, можно сказать, родственная связь приходскаго населенія не только съ своимъ кладбищнымъ храмомъ, но и съ его причтомъ, и съ каждымъ дворомъ, входившимъ въ составъ прихода. Въ то время на этомъ общемъ «родительскомъ» кладбищѣ представлялось несравненно болѣе случаевъ всякое приходское дѣло дѣлать сообща, общею думою и общимъ совѣтомъ. Годовой кругъ церковныхъ служеній и церковныхъ, — даже мѣстныхъ, приходскихъ, — обычаевъ, какъ, напримѣръ, родительскіе поминки сосредоточивали населеніе у дверей храма и на его монастырѣ, какъ въ старину обозначалась мѣстность кладбища, обнесенная оградою. Часто видаясь, люди хорошо знали другъ друга и потому, какъ напримѣръ, въ посадскихъ слободахъ, могли избирать и въ слободскіе, и приходскіе старосты лицъ вполнѣ знакомыхъ».

Если хотите — такое старинное значеніе могло бы имѣть, повидимому, полезное примѣненіе и въ настоящее время, напримѣръ, по городскимъ выборамъ, которые нынѣ производятся такъ безпорядочно, такъ неразборчиво, съ разными подлогами. Между тѣмъ, въ виду той картины, которая начертана въ «Предисловіи», надобно полагать, что при личномъ знакомствѣ между избирателями и избираемыми, на кладбищахъ, на выборныя мѣста попадали бы достойные, лучшіе обыватели. Дѣло въ томъ, однако, что при этомъ забываются условія, при которыхъ исправляли московскіе люди свои обычаи. Они, поминая родителей, справляли обыкновенно на ихъ могилахъ пьянственную тризну. Пьянствомъ и разгуломъ сопровождалось и всякое сборище и всякая гулянка на кладбищахъ, такъ что вообще едва ли дѣлалось что либо путное на общемъ родительскомъ кладбищѣ.

Въ «Предисловіи», однако, на счетъ этого высказывается иное мнѣніе. «По тѣмъ же обстоятельствамъ, — говорится тамъ, — прихожане съ особымъ интересомъ должны были относиться и къ составу своего причта, избирая общимъ совѣтомъ и заручною челобитною не только достойнаго священника, но и пономоря, и просвирню, и сторожа. За то,—продолжаетъ составитель «Предисловія»,—и попеченіе прихожанъ о своемъ причтѣ распространялось даже на его потомство. Не только сынъ священника, но и его малолѣтный внукъ окружались заботами о сохраненіи за ними приличнаго

мѣста, съ какою цѣлью прихожане приглашали сторонняго священника, такъ сказать, воспитателя, служить въ приходѣ на время до возроста наслѣдника прежняго настоятеля, жить въ его домѣ и снабжать его изъ церковнаго дохода». При указаніи на это сдѣлано ссылка за 878 страницу «Матеріаловъ», но изъ помѣщенныхъ тамъ свѣдѣній едва ли основательно дѣлать такое обобщеніе. Не говоря уже о томъ, что свѣдѣнія относятся къ 1735 году, т. е. ко времени водворенія петербургскихъ синодско-церковныхъ порядковъ, просьба прихожанъ касается только призрѣнія малолѣтняго безъ указанія на преемственность священническаго или дьяконскаго мѣста послѣ его отца и дѣда, да притомъ едва ли и можно примѣнить одновременно къ одному и тому же лицу два способа опредѣленія его на мѣсто: и наслѣдственность, и выборъ.

Затѣмъ въ «Предисловіи», впрочемъ, безъ указанія на «Матеріалы», сдѣлано слѣдующее общее замѣчаніе: «По старымъ обычаямъ, приходскія мѣста для причта были, большею частію, наслѣдственны, и этотъ обычай несомнѣнно укоренился именно добрыми отношеніями прихожанъ къ своему причту, такъ какъ неугодное имъ лицо, противъ ихъ желанія и воли, очень рѣдко и опредѣлялось на свое мѣсто; въ противномъ случаѣ обыкновенно возникали жалобы и подавались челобитныя о перемѣнѣ неизбраннаго всѣмъ приходомъ».

Послѣ такихъ общихъ соображеній и выводовъ составитель «Предисловія» переходитъ къ частностямъ, начиная съ приходскаго храма самой Москвы — всего города, къ «Дому Пречистыя Богородицы», или къ Успенскому Собору. При этомъ онъ замѣчаетъ, что въ запискахъ строительныхъ, издѣльныхъ, покупныхъ и другихъ, храмъ этотъ пріобрѣтаетъ для своей исторіи и археологіи достаточно разнообразныхъ свѣдѣній, касающихся его строительныхъ сооруженій и поновленій, написанія и поновленія иконъ, сооруженія различной утвари — золотой, серебряной, мѣдной, деревянной и пр.

Дѣйствительно, для церковной нашей старины здѣсь имѣется большой запасъ разнородныхъ свѣдѣній, такъ какъ въ нихъ описываются старинныя соборныя «дѣйства», или обряды, какъ-то: «пещерное дѣйство», «дѣйство цвѣтоносія» въ Вербную недѣлю, «дѣйство умовенія ногъ», «устройство мvроваренія», съ подробнымъ обозначеніемъ всѣхъ припасовъ, какіе въ разное время (1627—1738) полагались для изготовленія мvра.

Для ознакомленія съ церковнымъ нашимъ бытомъ имѣютъ также важность выходы патріарха къ годовымъ службамъ и его расходы въ дни поминовенія, на милостыню духовнымъ властямъ и причту и «дворовымъ» нищимъ, а въ праздничные и другіе дни на милостыню нищимъ соборнымъ и городскимъ, и тюремнымъ заключенникамъ и, наконецъ, свѣчной расходъ. Разнообразныя свѣдѣ-

нія находятся также и о патріаршихъ домовыхъ церквахъ. О бытѣ патріарха встрѣчаются упоминанія не только въ дѣлахъ патріаршаго вѣдомства, но и въ записяхъ «Государева дворца». Въ свѣдѣніяхъ, вошедшихъ въ «Матеріалы», указываются разные предметы потребленія и расхода и, главное, цѣны тѣхъ предметовъ и всякаго рода вещей, съ обозначеніемъ мѣстъ ихъ добыванія, изготовленія и производства.

Подобные расходы,—какъ справедливо замѣчаетъ г. Забѣлинъ,—въ иныхъ случаяхъ раскрываютъ старинные городскіе и домашніе обычаи, о которыхъ только въ источникахъ этого рода и возможно найдти какое либо свидѣтельство. Въ подтвержденіе этого приводится «славленье» въ праздникъ Рождества Христова. Оказывается, между прочимъ, что обычай этотъ былъ распространенъ по Москвѣ въ такой степени, что имъ пользовались, какъ доходною статьею, не только дѣти иныхъ дьяковъ, но даже и крылошанки дѣвичьихъ монастырей, ѣздившія славить по боярскимъ домамъ. Обычай этотъ былъ отмѣненъ въ 1696 году, а потому одинъ изъ монастырей,—какой именно, въ «Матеріалахъ» не указано,—опредѣлилъ выдавать имъ на оба клироса 30 рублей, въ возмѣщеніе отбывшаго дохода отъ славленья. Оказываются также весьма любопытныя свѣдѣнія относительно Вознесенскаго женскаго монастыря, который былъ усыпальницею царицъ и царевенъ. Изъ этихъ свѣдѣній, между прочимъ, видно что царевны нерѣдко на свои нужды занимали деньги изъ казны этого монастыря, отдавая въ залогъ свои дорогія вещи. Любопытны также свѣдѣнія о внутренней жизни этой обители, о порядкахъ ея домашняго управленія и хозяйства, какъ монастырскаго, такъ и деревенскаго въ вотчинахъ этого монастыря: объ отношеніяхъ монастырскихъ властей къ приказнымъ, которыхъ власти эти,—какъ и вообще другихъ нужныхъ имъ дѣловыхъ людей, — обыкновенно удовлетворяли хозяйственными дорогими подарками, независимо отъ другихъ случайныхъ приношеній. Кромѣ того, монастырь по разнымъ особеннымъ случаямъ, а также въ храмовые свои праздники, подносилъ царю, царицѣ, царевичамъ, царевнамъ, патріарху, митрополиту, нѣкоторымъ боярамъ и дьякамъ, каждому и каждой въ отдѣльности, по образу. Подносили также иконы и въ «почесть» за разныя монастырскія дѣла и лицамъ неважнымъ. Такъ, въ 1696 году, удостоился такой почести «подмастерье каменьщикъ Ивашка Степановъ, какъ отлевкасили стѣны въ церкви Воскресенія Христова и пробили окно и учинили совсѣмъ въ отдѣлкѣ, и на отходѣ съ дѣла его, Ивашку, игуменья Варсонуфія благословила образомъ Вознесенія Христова неокладнымъ».

Былъ также въ монастырѣ обычай и другаго подношенія. Монахини для царскаго дома иногда «строили яблошники и другія кушанья въ подносъ по комнатамъ царицамъ и царевнамъ». Под-

носили также иной разъ и лакомства, какъ, напримѣръ, грецкіе орѣхи.

Въ записи о мужскихъ монастыряхъ вошло нѣсколько весьма любопытныхъ свѣдѣній, относящихся къ исторіи старо-московскаго просвѣщенія. Такъ, въ записяхъ о монастыряхъ Богоявленскомъ и Заиконоспасскомъ сообщаются новыя доселѣ неизвѣстныя подробности о существовавшихъ въ нихъ школахъ; указывается время ихъ постройки; упоминаются имена учителей и учениковъ и число послѣднихъ. Здѣсь же встрѣчаются данныя о школѣ Книгъ—Печатнаго двора, въ которой, въ 1684 и 1685 годахъ, числилось уже 200 человѣкъ, а въ 1686 году, число это возросло до 233.

Постепенное развитіе упомянутыхъ монастырскихъ школъ видно и изъ того, что, въ 1684 году, одинъ изъ ученыхъ Заиконоспасскаго училища говорилъ предъ патріархомъ въ Крестовой палатѣ «орацію» и что, въ 1687 году, въ школѣ при Богоявленскомъ монастырѣ, гдѣ жили извѣстные въ то время своею ученостью братья Лихуды, находились для обученія сыновья князей и бояръ. Въ этомъ же году приходилъ въ школу святѣйшій патріархъ съ властями и слушалъ «греческаго математическаго ученія» и послѣ того пожаловалъ учителямъ Софронію и Іоаникію по 5 золотыхъ, а ученикамъ изъ князей и дьякову сыну по золотому.

Во всѣхъ «Матеріалахъ» безпрестанно встрѣчаются упоминанія о государѣ и патріархѣ. Послѣдній изъ нихъ былъ главный руководитель и попечитель всей церковной жизни въ Москвѣ. «Вотъ основаніе, — говорится въ «Предисловіи», — почему изученіе обычаевъ и порядковъ и всего обихода въ дому святѣйшаго патріарха необходимо и важно не только въ церковно-служебной исторіи, но и вообще въ исторіи прежняго быта общественнаго и домашняго, ибо древняя Москва всѣми своими сословіями жила въ тѣсной, общей связи, всегда по преданіямъ отцовъ и дѣдовъ крѣпко охраняла свое единомысліе всѣмъ міромъ своихъ обывателей, именно во всемъ томъ, что касалось церковныхъ обычаевъ и порядковъ и всего церковнаго устройства, ведомаго святѣйшимъ владыкою».

Самый изобильный источникъ этого рода свѣдѣній, заключающійся въ приходо-расходныхъ книгахъ патріаршихъ приказовъ, особенно Казеннаго и Дворцоваго, «не могъ, — какъ замѣчаетъ г. Забѣлинъ, — быть исперчанъ въ той полнотѣ и круглотѣ, какъ онъ заслуживалъ. Однако, — продолжаетъ онъ, — всѣ болѣе или менѣе значительныя черты по нашимъ указаніямъ не были опущены въ выпискахъ собирателей. Что же касается многихъ другихъ подробностей, потребныхъ именно для городской бытовой исторіи, то онѣ будутъ разработаны впослѣдствіи по мѣрѣ исполненія задачъ нашей программы».

Свѣдѣнія о домѣ патріарха въ изданной нынѣ части «Матеріаловъ» распредѣлены примѣнительно по отдѣламъ, какіе указывалъ общественный и домашній бытъ владыки.

Такимъ образомъ, первый отдѣлъ содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о хоромномъ и дворовомъ строеніи Патріаршаго дома, тѣмъ болѣе любопытныя, что подробнаго и полнаго описанія зданій этого дома доселѣ не открыто. Теперь оказывается, что патріархъ жилъ очень широко по тому времени; у него были: 1) большая и малая жилыя кельи, кельи: передняя и задняя, а также «одинокая келейка» съ маленькими сѣнцами; 2) Крестовая палата, соотвѣтствовавшая въ патріаршей обстановкѣ Золотой и Грановитой палатамъ Государева дворца; 3) Столовая палата; 4) Макарьевская палата; 5) приказные хоромы: Дворцовая изба, Разрядъ, Судный приказъ, Казенная палата, Ризница и пр.; палатка, въ которую сажали на смиреніе, Серебряная палата, Золотая палата, гдѣ работали серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера, Иконная палата и пр. 6) Хозяйственныя постройки: Кормовый дворецъ, Кормовая изба, Хлѣбная изба; Хлѣбодарная, Приспѣшная избы, Ѣственная поварня, Скатертная палата, Сытный дворъ, Сытная изба и пр.; поклѣть, «гдѣ дьячки учились».

При кельяхъ патріарха, на каменныхъ сводахъ Казенной палаты, былъ устроенъ «комнатный садъ», въ которомъ, въ 1679 году, было посажено 65 кустовъ «гвоздиковъ», салатъ, горохъ и бобы.

Хоромы патріаршіе были оклеены обоями, украшены стѣнописною раскраскою, убраны «мебелью» и разными комнатными предметами. Такъ, еще въ 1634 году, въ Крестовой палатѣ у патріарха Филарета Никитича вставлены были «окончины стекольчатыя, нарядныя», съ травами и со птицами, купленныя у торговаго нѣмчины Давыда Микулаева.

Изъ свѣдѣній, отнесенныхъ къ отдѣламъ: «Кельи» и «Ризная казна», видны подробности келейнаго патріаршаго обихода, начиная съ предметовъ его повседневной одежды и кончая предметами облаченія. Такъ, напримѣръ, оказывается, что патріархъ Никонъ былъ большой щеголь: онъ, при посредствѣ голландскаго торговца, выписалъ себѣ изъ-за моря пуховую сѣрую шляпу, подложенную зеленою травчатою камкою, заплативъ за нее нынѣшними деньгами 13 руб. 40 копѣекъ; а въ 1684 году, былъ устроенъ для патріаршихъ выходовъ на китовыхъ усахъ круглый «разъемный солношникъ», т. е. зонтъ, который въ ходахъ носили предъ патріархомъ для защиты отъ солнца. Зонтъ этотъ былъ сшитъ изъ зеленаго «изорбафа», т. е. парчи, и утвержденъ на древкѣ съ золоченнымъ крестомъ вверху.

Расходы изъ патріаршей казны были довольно разнообразны, но главнымъ образомъ они состояли изъ денежныхъ наградъ разнымъ лицамъ. Между такими наградами были выдачи за переводы греческихъ книгъ на русскій языкъ, за обученіе греческому пѣнію русскихъ пѣвчихъ и одному іеродіакону за «орацію», сказанную имъ въ Крестовой палатѣ передъ патріархомъ.

Дѣлая дальнѣйшіе общіе выводы изъ собранныхъ «Матеріаловъ», г. Забѣлинъ находитъ, что для опредѣленія отношеній патріарха къ горожанамъ особенно важенъ отдѣлъ «Благословеніе иконами». Здѣсь, по словамъ его, раскрывается высокое значеніе святителя, какъ благословляющаго владыки-отца, въ быту всѣхъ сословій народа отъ царя до посадскаго человѣка, и именно въ важнѣйшихъ домашнихъ или общественныхъ дѣлахъ, которыхъ безъ отеческаго святительскаго благословенія и совѣта не возможно было предпринимать. Не видно, впрочемъ, ни изъ «Матеріаловъ», ни изъ «Предисловія», былъ ли въ такихъ случаяхъ доступенъ патріархъ каждому и каждой, или же благословеніе въ отдѣльности могли получать только «преимущіе» люди.

Подъ благословеніе патріарха приходили тѣ, кому назначалась служба близкая или далекая, или завѣдованіе и управленіе приказомъ, или цѣлымъ краемъ; кто оканчивалъ службу или пріѣзжалъ съ воеводства, или изъ посада на житье въ новопостроенные хоромы, кто хотѣлъ жениться и т. д.; во всякомъ особенно важномъ дѣлѣ, всѣ, начиная такое дѣло, прежде всего приходили благословляться къ патріарху, и онъ благословлялъ каждаго образомъ въ окладѣ или безъ оклада, писаннымъ на золотѣ или на краскахъ, смотря по значенію случая или по достоинству лица. Хотя въ «Предисловіи» и не упоминается о томъ, что за такое благословеніе получавшіе его должны были отблагодарить патріарха, съ своей стороны, какимъ либо приношеніемъ, но едва ли можно, по общему складу тогдашней московской жизни, сомнѣваться въ существованіи такого обычая, тѣмъ болѣе, что иногда даваемыя патріархомъ иконы имѣли свою вещественную довольно значительную цѣну.

Патріарху подносили именинные пироги въ день именинъ и первостепенные бояре, и простые мѣщане, плотники и каменьщики, а онъ, съ своей стороны, благословлялъ ихъ иконою, вѣроятно, припасенною самимъ именинникомъ, такъ что здѣсь собственно важно было только полученіе ея изъ святительскихъ рукъ.

Изъ царскаго дворца, кромѣ именинныхъ пироговъ, посылались къ патріарху: созрѣвшіе огурцы и рѣдька, въ маѣ и іюнѣ; первыя дыни, въ іюлѣ; первыя ягоды и яблоки, первые привозные арбузы и первый привозимый въ Москву виноградъ. Приносились вступившими въ бракъ: овощи, коврижки, свадебные убрусы и ширинки. Въ добавокъ къ всему этому, онъ принималъ цѣлые столы яствъ не только отъ царскаго дома, но и отъ другихъ людей. Приходили къ нему также съ «питейнымъ и съѣстнымъ подносомъ» люди всякаго, преимущественно нижняго чина.

Подъ особеннымъ благословеніемъ патріарха находились боярскія «Мастерскія золотаго шитья и низанія жемчугомъ». Патріархъ благословлялъ иконами и хозяекъ этихъ мастерскихъ — знатныхъ

боярынь и мастерицъ въ благодарность за сдѣланныя ему ими принадлежности его облаченія.

Государи посѣщали патріарха, какъ гости. Обычая этого держался и царь Петръ Алексѣевичъ. Изъ «Матеріаловъ» видно, что онъ подолгу бесѣдовалъ съ святѣйшимъ отцомъ. Такъ, однажды онъ сидѣлъ у него въ Столовой палатѣ «съ послѣдняго часа дневныхъ часовъ до другаго часа ночи и послѣдней четверти»; въ другой разъ, въ этой же палатѣ царь провелъ съ патріархомъ время отъ перваго до третьяго часа ночи. Сохранились извѣстія, какъ угощалъ царя патріархъ. Такъ, въ первое посѣщеніе было куплено для Петра въ Яблочномъ ряду 50 яблокъ, самыхъ добрыхъ, большихъ за 4 рубля. Вѣроятно, однако, что къ этой случайной покупкѣ было присоединено еще нѣсколько разныхъ угощеній, бывшихъ въ домашнемъ запасѣ патріарха. При другомъ посѣщеніи государя, было отпущено на его угощенье: «вина секту полворонка, ренскаго полведра, 2 ведра меду вишневаго, меду малиноваго ведерчатый оловеникъ (кувшинъ), пива мартовскаго трехведерный оловеникъ, меду свѣтлаго — ведерный».

Коснувшись съѣстнаго и питейнаго вопросовъ по отношенію къ святѣйшимъ патріархамъ московскимъ и всѣхъ сѣверныхъ странъ, нельзя не замѣтить, что они, не смотря на ихъ обѣтъ воздержанія, какъ монашествующихъ, кушали очень сытно, вкусно и, по тогдашней кухнѣ, весьма разнообразно. Вотъ, напримѣръ, что̀ подаваемо было на столъ святѣйшему патріарху въ праздникъ Благовѣщенія: икра зернистая; вязига подъ хрѣномъ; прикрошка тѣлная (?); прикрошка осетровая; присолъ щучей; присолъ стерляжей; 3 полголовы, да 2 звѣна лососьи подъ лимоны; щука паровая живая; другая паровая свѣжая; лещъ паровой живой; 2 леща свѣжихъ; стерлядь паровая живая; другая свѣжая; язь паровой живой; линь паровой живой; оладья тѣлная живаго тѣла (?); другая свѣжаго тѣла; схабъ бѣлужей; 3 карася на маслѣ живые; 2 горлышка бѣлужьи, 2 полуголовы и 3 звѣна бѣлой рыбицы; уха озимая (?) шафранная; уха озимая черная; пирогъ росольной; уха стерляжья живая; пирогъ съ тѣлесы щучьи; уха венгерская щучья; пирогъ съ молоки; 3 ухи окуневыя живыя; пироги долгіе; 3 ухи карасевыя живыя; колюбака; уха линевая живая; оладья въ патокѣ; потрохъ; блюдо карасей; 2 щуки колодки (?) живыя, щука колодка свѣжая; блюдо прежбы (?) полголовы бѣлужьи; полголовы осетрьи; звѣно ставное (?); сигъ бочешной (?); логода (?) бочешная.

Неизвѣстно, какъ справился со всѣми этими яствами святѣйшій, тѣмъ болѣе, что другія лица, находившіяся за его столомъ, были кормлены особо, соотвѣтственно ихъ чинамъ. Такъ, казначею съ братьей подано было: икра, вязига, лещи паровые, крушки (?) тѣлныя; шти; ухи судачьи, пироги круглые; каша семожья; звѣна бѣлужьи, звѣно осетра свѣжаго. Поддьяконы, пѣвчіе, дьяки и под-

дьяки были угощены: икрой, вязигой, щуками паровыми, штями, ухою судачьею, кашей семожьей, звѣнами бѣлужьими, звѣнами семожьими, пирогами круглыми и пирогами пряжеными. Нѣсколько сокращенный противъ предъидущаго обѣдъ былъ предложенъ «хлѣбенной» братьѣ и дворянамъ и всякихъ чиновъ «дворовымъ» людямъ. Накормлены были также въ этотъ день: 12 человѣкъ нищихъ, пономари и сторожа Успенскаго собора въ числѣ 18 человѣкъ и 50 звонарей. Кормлены были также 53 человѣка дѣтей боярскихъ. Кромѣ того, розданы были съѣстные припасы старцамъ и бѣльцамъ Ѳедоровскаго монастыря и стрѣльцамъ, «кои были за святѣйшимъ патріархомъ у праздника».

Здѣсь приведена нами только примѣрная роспись на одинъ праздничный день, но если просмотрѣть другія, хотя бы и будничныя росписи, то онѣ окажутся не менѣе изобильными. Встрѣчаются и здѣсь, кромѣ рыбьихъ кушаньевъ, еще и грибныя въ такомъ, напримѣръ, порядкѣ: грузди холодные; рыжики холодные; грузди грѣтые; рыжики грѣтые; грибы въ тѣстѣ; пироги дѣлались съ яблоками, съ тыквою, съ груздями; «пироги копытца» приправлялись какимъ-то кушаньемъ подъ названіемъ «кавардакъ». Подавались на столъ патріарху тертый горохъ, ягодники, кисель клюквенный, калья (?), сырники, каша смоленская, «чалбыши осетрьи», галушки, збитень, оладьи путныя, «манты» (?); но непремѣнною принадлежностію каждаго патріаршаго обѣда была зернистая икра.

По питейной части главнымъ лицомъ при патріаршемъ домѣ былъ чашникъ. Онъ отпускалъ домовымъ священникамъ и всему домовому чину медъ и пиво. Медъ былъ красный и бѣлый, а какой-то родъ пива назывался «подѣльнымъ». Вотъ что̀, напримѣръ, отпустилъ патріаршій чашникъ 1-го сентября 1698 года, т. е. въ день новолѣтія по старинному нашему счисленію. Въ этотъ день кушалъ патріархъ «со властями», т. е. съ высшимъ чернымъ духовенствомъ въ Столовой палатѣ и туда отдано было: «ренскаго полведра да воронокъ (?), меду вишневаго полведра да третникъ; меду малиноваго полведра да четверикъ, меду «выкислова» 2 ведра, пива мартовскаго 2 ведра». Кромѣ того, въ этотъ же день было отпущено по кубку ренскаго высшимъ духовнымъ властямъ и разнымъ ратнымъ и чиновнымъ лицамъ также по кубку. Эти отпуски, какъ мы полагаемъ, производились во время обѣденнаго стола; священниковъ же и діаконовъ поили пивомъ и медомъ въ маломъ, а пѣвчихъ и поддьяковъ въ большомъ погребѣ тѣми же неприхотливыми напитками.

Объ употребленіи самимъ патріархомъ его питейныхъ запасовъ намъ встрѣтилась только такая замѣтка: отпущены—«св. государю патріарху мѣшечекъ (?) пивца легкаго, бражки тожъ мѣшечекъ, кислыхъ штей 2 ведра, браги 2 ведра». Угощаемымъ же патріархомъ лицамъ иногда вмѣсто ренскаго отпускалось по кубку цер-

ковнаго вина; о водкѣ, или «горячемъ винѣ», въ хозяйствѣ патріарха упоминается одинъ только разъ.

Въ отдѣлѣ, озаглавленномъ въ «Матеріалахъ» «Славленье», записаны расходы патріарха на обычную рождественскую дань приходившимъ славельщикамъ. При этомъ надобно замѣтить, что со временъ патріарха Іоакима стало входить въ обычай произнесеніе передъ патріархомъ поздравительныхъ рѣчей, а съ открытіемъ школъ на Печатномъ дворѣ, въ Спасскомъ и Богоявленскомъ монастыряхъ, эти рѣчи, «орацыи», становятся уже неотмѣнною принадлежностію при поздравленіи патріарха. Рѣчи эти говорились полатыни и пославянски, и «рацельщики» получали отъ патріарха золотые или ефимки.

Слѣдующій отдѣлъ «Похоронное» представляетъ подробности о погребеніи патріарховъ съ извѣстіями объ ихъ предсмертныхъ болѣзняхъ и о раздачѣ сорокоустья по патріархѣ Іоакимѣ.

Въ тѣсной связи съ церковнымъ управленіемъ находилось попеченіе о нищихъ, потому что, по древнему правилу, нищіе были люди церковные и питались только у церквей. Поэтому нищіе въ Москвѣ являлись всюду, гдѣ совершалась божественная служба или происходило какое либо церковное торжество. Кромѣ того, при соборныхъ и приходскихъ храмахъ были свои записные нищіе, а собственно при соборахъ стояли еще особыя нищенскія артели, въ которыхъ сперва было по 10-ти, а впослѣдствіи по 12-ти человѣкъ. Они принадлежали собственно къ Патріаршему дому, почему и назывались «домовыми», «дворовыми», «соборными», а также въ отдѣльности по соборамъ: богородицкими, успенскими, пречистенскими, и были постоянными гостями за патріаршимъ столомъ, получали нѣкоторое содержаніе, кормовыхъ по деньгѣ на день и, кромѣ того, послѣ службы, стоя при церковныхъ дверяхъ,—ручную милостыню при патріаршемъ выходѣ. Въ свою очередь, нищіе услаждали патріарха пѣніемъ «Лазаря» и иныхъ божественныхъ стиховъ. Иногда повѣстками собирали нищихъ въ соборъ на молебенъ молить Бога о дождѣ, за чтò имъ выдавалась значительная милостыня. Въ концѣ XVII вѣка, нищихъ собиралось для полученія патріаршей милостыни свыше 5,000. Они жили во всѣхъ улицахъ города въ построенныхъ ими самими избушкахъ, но патріархъ Іоакимъ приказалъ сломать эти избушки и указалъ нищимъ жить при приходскихъ церквахъ, «гдѣ пристойно», а на постройку новыхъ избушекъ велѣлъ выдавать изъ своей казны по рублю на каждаго нищаго. Петръ I, въ замѣнъ этихъ избушекъ, указалъ построить при церквахъ богадѣльни, и въ 1717 году, такихъ богадѣленъ въ Москвѣ было уже 90, а именно: 31 мужская и 59 женскихъ: въ нихъ находилось 3,402 призрѣваемыхъ, въ томъ числѣ мужчинъ 1,188.

Не смотря на щедрыя раздачи милостыни, на изобильныя угощенія и на ту величавую обстановку, среди которой въ торжественныхъ случаяхъ являлся первенствующій святитель русской церкви, иные патріархи наши жили въ своемъ обиходномъ быту очень просто. Такъ, напримѣръ, изъ собранныхъ нынѣ «Матеріаловъ» оказывается, что патріарху Филарету постоянно покупали на торгу къ столу хлѣбъ да калачикъ на 4 или на 3 деньги и на 2 деньги клюквы. Покупка оловянной и деревянной посуды свидѣтельствуетъ, въ свою очередь, о простотѣ повседневныхъ потребностей такого святителя, какимъ былъ Филаретъ. Поставецъ съ серебряными сосудами употреблялся только въ праздники, во время торжественныхъ столовъ, и по числу составлявшихъ его предметовъ былъ весьма незначителенъ.

Не менѣе любопытны свѣдѣній, относящихся къ «Столовому обиходу» и къ «Расходу питей», и свѣдѣнія о патріаршемъ «Конюшенномъ дворѣ», находившемся въ Кремлѣ, гдѣ теперь стоитъ Арсеналъ.

Изъ упомянутыхъ свѣдѣній оказывается, что въ загородныхъ походахъ—поѣздкахъ патріархи употребляли палатку полотняную съ уборкою изъ лазореваго и зеленаго сукна, съ пòлами изъ крашенины тѣхъ же цвѣтовъ, и что такую палатку впервые устроилъ себѣ, въ 1635 году, патріархъ Іоасафъ I. Патріархъ Никонъ для своихъ поѣздокъ купилъ, въ 1656 году, «заморскую» карету за 50 рублей; у нѣмца же было, въ 1695 году, куплено сѣдло ослячье съ креслами для шествія патріарха въ Вербное воскресеніе. Въ 1691 году, на патріаршемъ Конюшенномъ дворѣ стояло 9 каретъ и 2 полукареты, 2 возка, четверо саней, кромѣ нѣсколькихъ простыхъ—служебныхъ, а также разныя хозяйственныя повозки и пр.

Патріархи, какъ извѣстно, были, подобно государямъ, окружены своимъ «дворовымъ чиномъ», т. е. лицами, прислуживавшими имъ и получавшими жалованіе отъ патріарха. Относительно этого въ одной записи находится слѣдующее: «Великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи пожаловалъ своего государева двора дворовыхъ всякихъ чиновъ людей, велѣлъ имъ свое государево патріархово полугодовое денежное жалованье на нынѣшній 135 годъ дати противу прошлаго 134 года по книгамъ». Изъ этихъ книгъ оказывается, что, кромѣ «черныхъ поповъ», при патріархѣ состояло 17 дѣтей боярскихъ, въ числѣ которыхъ были и представители княжескихъ родовъ. Были также при патріархѣ: пѣвчіе, дьяки и поддьяки, серебряные мастера, крестовые дьяки, золотошвеи, сытники, повара, поваренные «помасы», казенные и дворцовые сторожа, кислышникъ, пивоваръ, дровосѣки, скатертники, сушильный подьячій, просвирня, чашникъ, конюхи, приспѣшники, садовые сторожа, книгописцы, хлѣбораздаватель, рыбный ловецъ и пр.; была также при Патріаршемъ домѣ и женская прислуга.

Ознакомившись съ изданными нынѣ «Матеріалами», г. Забѣлинъ указываетъ, между прочимъ, и на то значеніе, какое имѣли патріархи непосредственно въ исторіи города Москвы. Онъ упоминаетъ о томъ, что объ устройствѣ Прѣсненскихъ прудовъ, а именно Нижняго, особенно заботился патріархъ Іоакимъ, хотя вся мѣстность около Прѣсни принадлежала къ Государеву двору. Только въ 1681 году она перешла во владѣніе Новинскаго монастыря, а слѣдовательно и въ вѣдѣніе патріарха, и тогда здѣсь началось устройство особыхъ прудовъ, и самъ патріархъ нерѣдко приходилъ наблюдать за производствомъ работъ. Ту же заботу о прудахъ оказывалъ и его преемникъ Адріанъ.

Взаключеніе свѣдѣній о Патріаршемъ домѣ слѣдуетъ привести извѣстія и о такъ называвшейся «Тіунской избѣ», или «Тіунской палатѣ». Изба эта составляла особое учрежденіе для различнаго сбора съ служащаго духовенства. Судя по названію этой «избы», надобно полагать, что она возникла въ отдаленной древности. Тіунская изба помѣщалась близь Лобнаго мѣста или на Ильинскомъ Крестцѣ, и сюда сходились безмѣстные попы, которые, по разнымъ случаямъ, оставались безъ прихода. Здѣсь они ожидали призыва отслужить гдѣ либо литургію или справить какую нибудь требу въ приходской или домовой церкви. Что же касается денежныхъ сборовъ, порученныхъ Тіунской избѣ, то они производились: съ «явочныхъ» отъ обѣденъ, т. е. съ дозволенія служить литургію; съ «перехожихъ», утверждавшихъ переходы священниковъ и дьяконовъ съ мѣста на мѣсто; съ «новоявленныхъ» или «новопоставленныхъ», утверждавшихъ опредѣленіе на мѣсто; съ «похоронныхъ» за дозволеніе погребенія, и другихъ различныхъ тіунскихъ пошлинъ, собираемыхъ въ долговую патріаршую казну.

Этимъ оканчиваются свѣдѣнія о патріаршемъ бытѣ въ XVII столѣтіи, и несомнѣнно, что они имѣютъ относительно этого предмета историческое значеніе. Затѣмъ идутъ «Матеріалы для исторіи и археологіи Государева дворца», причемъ на первомъ мѣстѣ поставлена «Расходная книга полотенъ въ обиходѣ царскаго дворца за 1583 и 1587 года». Собиратель матеріаловъ находитъ этотъ памятникъ письменности весьма любопытнымъ по своей, хотя и относительной, древности, отъ которой осталось очень мало подобныхъ записокъ. Извѣстно, — добавляетъ г. Забѣлинъ,— что въ XVI и XVII столѣтіи полотняное производство въ Москвѣ сосредоточивалось въ особой слободѣ, Кадашевой, находившейся за Москвою-рѣкою противъ Кремля, отъ него и полотна назывались кадашевскими. Но здѣсь впереди упоминаются полотна «прозоровскія», что можетъ, по соображенію г. Забѣлина, указывать или на новое мѣсто производства полотна, на Прозоровскую слободу, или на имя владѣльца или хозяина этого производства».

Замѣчательно, что, кромѣ общаго расхода полотенъ на носильное

и постельное бѣлье, значительное количество полотенъ расходовалось на уборку мыльни, на простыни—«преображенскія», когда государь 1-го августа купался въ іорданѣ въ рѣкѣ, и «богоявленскія», указывающія, что такое же особое омовеніе происходило и въ день Богоявленія, 6-го января. Много полотенъ выходило также на шитье рубашекъ и ширинокъ, т. е. платковъ для нищихъ старцевъ, которыхъ одѣляли этими вещами каждый годъ на память дня кончины великаго князя Василія Ивановича, отца Ивана Грознаго. При этомъ раздавалось нищей братьѣ 100 сорочекъ и ширинокъ, а въ день памяти сына его царевича Ивана Ивановича по 200 сорочекъ и ширинокъ. То же дѣлалось и въ годовщину смерти самого царя Ивана Васильевича. Сверхъ того, каждый годъ, на Троицкой недѣлѣ выдавались шитые во дворцѣ покровы въ Убогой домъ на погребеніе умершихъ.

Помѣщаемыя вслѣдъ за тѣмъ свѣдѣнія знакомятъ со смотрами разныхъ людей въ 1663 и 1664 годахъ, происходившими зимою въ селѣ Семеновскомъ и на Дѣвичьемъ полѣ. Въ зиму съ 1663 на 1764 годъ, царь Алексѣй Михайловичъ, собираясь идти противъ короля польскаго, назначилъ смотръ разнымъ людямъ «одного только своего двора», или своего Государева полка.

Свѣдѣнія, сообщаемыя объ этихъ смотрахъ въ «Матеріалахъ», заслуживаютъ того, чтобы упомянуть о нихъ, воспользовавшись нѣкоторыми помѣщенными въ нихъ подробностями.

Для смотра на полѣ, между селами Измайловскимъ и Преображенскимъ, были построены особые открытые спереди хоромы, роскошно убранные внутри и снаружи коврами, кумачными красными занавѣсами, толстыми кожами и шелковыми тканями, на которыхъ изображены были «причты Іисуса Навина» и иныхъ изъ Ветхаго Завѣта. Подлѣ выстроено было особое возвышенное мѣсто, «накрачайня», также хорошо убранная краснымъ сукномъ, «а на немъ нашиваны, подобно мѣсяцу, бѣлое сукно кверху рогами, а въ серединѣ какъ звѣзды». На этомъ возвышеніи помѣщена была тогдашняя военная, крайне нестройная музыка, или, постариннному, «гудебня».

Здѣсь происходили смотры, съ 19-го декабря по 11-е января включительно. Затѣмъ полкъ былъ переведенъ на Дѣвичье поле, гдѣ также выстроены были большіе хоромы, даже съ печью. Хоромы эти были убраны также богато, какъ и хоромы прежней постройки, и были уставлены иконами; для государя были поставлены въ главной хороминѣ золотыя кресла, вывезенныя изъ «Индѣи». Была также устроена и накрачайня, длиною саженъ въ тридцать. Сюда же привезены были и пушки. 3-го февраля, на разсвѣтѣ выступилъ изъ Кремля крестный ходъ съ пѣніемъ молебна, сопровождаемый государемъ. Крестный ходъ пришелъ на Дѣвичье поле и здѣсь происходило водосвятіе. Возвратясь съ Дѣвичьяго

поля во дворецъ, государь приказалъ сначала идти пѣхотѣ, стрѣлецкимъ полкамъ съ пушками, знаменами и барабанами. «А идучи черезъ дворецъ,—разсказывается въ «Матеріалахъ»,—голова и сотники, зашедъ противъ государскихъ хоромъ, великому государю кланялись поединожды въ землю, а за ними идучи, стрѣльцы въ суренки играли и въ барабаны били. За пѣхотою шла конница, дворовые люди конюшеннаго чина, трубничья чина, Оружейнаго приказа и пр., въ богатыхъ нарядахъ, съ богатымъ оружіемъ, въ кольчугахъ, въ латахъ, въ шишакахъ. За ними государевой конюшни 20 сѣдланныхъ лошадей въ нарядѣ, лошадь отъ лошади на 2 сажени. Потомъ вели любимаго государева жеребца Шарапа. Затѣмъ слѣдовалъ ясельничій съ конюшенными чинами. Такъ какъ войско проходило внутри дворца, то изъ оконъ его можно было смотрѣть всему царскому семейству, царицѣ, царевнамъ и всѣмъ «дворовымъ боярынямъ».

При сходѣ съ Постельной лѣстницы, государю подвели коня съ санями. По сторонамъ саней стояли сокольники въ красныхъ кафтанахъ. Послѣ чего былъ исполненъ слѣдующій обычай: изъ дворца къ санямъ вынесли большое государево знамя съ «косынею», а на немъ было написано видѣніе Іоанна Богослова: «конь бѣлъ и сѣдяй на немъ». Затѣмъ несли государевы доспѣхи: саадакъ, т. е. лукъ со стрѣлами, копье, булатъ, рогатину, пищали.

Государь, помолившись уже въ церкви, взялъ въ правую руку животворящій крестъ, а садясь въ сани, отдалъ его царевичу Сибирскому. Шествіе двинулось. Очень долго было бы описывать весь его составъ и порядокъ. Мы замѣтимъ только, что во все это время «въ набаты, въ капры и въ литавры били и въ трубы трубили». Въ этомъ шествіи передъ государевыми санями ѣхалъ на конѣ царевичъ Сибирскій съ крестомъ въ рукѣ.

На Дѣвичьемъ полѣ, когда государь въ хороминѣ сѣлъ въ кресло, царевичъ передалъ ему крестъ, а онъ передалъ его чудовскому архимандриту, который и поставилъ крестъ надъ головою государя. Когда всѣ заняли свои мѣста, государь приказалъ проходить полкамъ мимо своего мѣста на правую сторону, причемъ полковымъ сотнямъ раздавались знамена и назначались головы-начальники. По поводу прохожденія передъ государемъ полковыхъ сотенъ въ «Матеріалахъ» замѣчено, что оно продолжалось «четыре часа, а шли добре скоро». Потомъ двинулась пѣхота, которая, по повелѣнію государя, стрѣляла изъ всѣхъ пушекъ и изъ мелкаго оружія.

Государь въ томъ же порядкѣ возвратился во дворецъ въ половинѣ третьяго часа ночи, или, по нынѣшнему счету времени, въ 8 часовъ вечера, а когда онъ взялъ крестъ въ руки, то началось пѣнье молебна, а съ Постельной лѣстницы вынесли навстрѣчу ему иконы.

Вышедшая теперь первая часть «Матеріаловъ» оканчивается «Рукописью, содержащею въ себѣ описныя книги Золотой и Грановитой палатъ, составленныя въ 1672 году». Здѣсь, между прочимъ, упоминается о стѣнописномъ изображеніи, представлявшемъ «раздѣленіе вселенной кесаремъ Августомъ между своими братьями и сродниками и происхожденіе Рюрика отъ кесарева брата Пруса».

Вообще, изданные подъ руководствомъ г. Забѣлина «Матеріалы», помимо своего историческаго значенія, должны быть чрезвычайно занимательны для любителей московской бытовой старины, и во многихъ случаяхъ собранныя въ нихъ свѣдѣнія могутъ быть весьма полезнымъ источникомъ для нашихъ живописцевъ, при выборѣ содержанія и при исполненіи картинъ изъ стариннаго русскаго быта.

К. Н. В.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ГРАФА А. К. ТОЛСТАГО.

Ъ РЯДУ русскихъ писателей прошлаго царствованія одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой. Его «Стихотворенія», повѣсть «Князь Серебряный» и три трагедіи, перепечатанныя нѣсколько разъ еще при жизни автора [1]), дали ему право на имя лучшаго поэта, романиста и драматурга прошедшей эпохи. Такое высокое мнѣніе о графѣ Толстомъ, высказанное многими критиками и принятое большинствомъ образованныхъ читателей, еще болѣе укрѣпилось послѣ кончины этого писателя (28-го сентября 1875 года), когда появилось въ свѣтъ «полное собраніе» его произведеній. Въ десятилѣтній промежутокъ времени (1875—1885 г.) оно успѣло выйдти четырьмя изданіями [2]). Послѣднее изъ нихъ, отпечатанное въ концѣ прошлаго года подъ редакціею кн. Д. Н. Цертелева, побуждаетъ особенно теперь, когда исполняется десять лѣтъ со дня смерти автора, представить «матеріалы», необходимые для «полнаго» и «систематичнаго» изданія «Сочиненій гр. А. К. Толстаго».

---

[1]) Самимъ авторомъ помѣщены въ журналахъ и напечатаны отдѣльно слѣдующіе труды: «Князь Серебряный» (два изданія, Спб., 1863 и 1869 г.), «Смерть Іоанна Грознаго» (Спб., 1866 г.), «Стихотворенія» (Спб., 1867 г., 397 стр.), «Царь Θеодоръ Іоанновичъ» (Спб., 1868 г.) и «Царь Борисъ» (Спб., 1870 г.).

[2]) Первое — въ двухъ томахъ (Спб., 1876 г.); второе — въ одномъ томѣ; третье и четвертое — въ четырехъ томахъ (Спб., 1882 и 1884 г.).

Прежде всего приходится сказать, что ни одно изданіе не только не помѣстило, но даже не упомянуло въ предисловіи, раннее сочиненіе графа, напечатанное подъ вымышленной фамиліей и въ самомъ небольшомъ числѣ экземпляровъ: мы говоримъ о небольшой книжкѣ съ такимъ заглавіемъ: «Упырь, повѣсть Красногорскаго», Спб., 1841 г. [1]). Равнымъ образомъ, по странной случайности, не нашли себѣ мѣста, даже въ послѣднемъ «Полномъ собраніи»», слѣдующія поэтическія произведенія гр. Толстаго, уже ранѣе напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ: «Ты знаешь жизнь» (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 11, стр. 451), «Исполать тебѣ, жизнь, баба старая» (Русская Бесѣда, 1859 г., кн. 18, стр. 4—5), «Экспромптъ о Щербинѣ» (Россійская Библіографія, 1881 г., № 7, стр. 154), «Письмо со стихами къ Арнольди» (Русская Старина, 1882 г., кн. 3, стр. 824—825), «Сонъ Попова» (кн. 12, стр. 701—712) и «Русская исторія отъ Гостомысла, съ IX по XIX вѣкъ» (1883 г., кн. 11, стр. 481—496). Мы уже не упоминаемъ про отсутствіе разсказа: «Семья Вурдалака», который написанъ Толстымъ пофранцузски и потомъ переведенъ постороннимъ лицомъ для помѣщенія въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1884 г., кн. 1, стр. 5—31), а также про стихотворенія графа, напечатанныя въ «Свисткѣ» (приложеніе къ «Современнику») подъ псевдонимомъ Кузьмы Пруткова; послѣднія до сихъ поръ трудно отдѣлить отъ стихотвореній братьевъ Жемчужниковыхъ, Добролюбова и многихъ другихъ лицъ, часто употреблявшихъ тотъ же псевдонимъ.

Затѣмъ, кромѣ названныхъ пробѣловъ, нужно отмѣтить такіе пропуски, о которыхъ едва ли могутъ знать всѣ читатели «Полнаго собранія сочиненій графа Толстаго». Покойный авторъ, въ послѣдніе годы жизни, весьма строго относился къ мыслямъ и формамъ своихъ поэтическихъ созданій. Онъ самъ признавался въ письмѣ къ Я. П. Полонскому: «Мнѣ стало ясно, что для меня писать стихами легче, чѣмъ прозой! Тутъ всякая болтовня такъ ярко выступаетъ, что ее хѣришь да хѣришь» [2]). Послѣдняя фраза оправдалась и въ дѣйствительности: приготовляя предъ кончиною новое изданіе своихъ трудовъ, поэтъ далъ полную свободу карандашу, который не только измѣнялъ отдѣльныя слова и строчки въ напечатанныхъ раньше стихотвореніяхъ, но даже вычеркивалъ изъ нихъ цѣлые куплеты или строфы. Измѣненная такими поправками авторская тетрадь и послужила, за немногими

[1]) Въ «Систематическомъ каталогѣ» Межова (Спб., 1869 г., стр. 799, № 10,876), при повѣсти «Упырь», значится фамилія: «Красногорскій»; но это—очевидная опечатка: гр. Толстой образовалъ свой псевдонимъ отъ названія собственнаго имѣнія — «Красный Рогъ», которое находится въ Черниговской губерніи.

[2]) Русская Старина, 1884 г., кн. 1, стр. 198.

исключеніями, главнымъ образомъ для всѣхъ изданій «Полнаго собранія его трудовъ». Несомнѣнно, подобныя поправки доставили нѣкоторымъ стихотвореніямъ бо̀льшую точность въ языкѣ и наиболѣе выдержанную форму; но безспорно также, что многія стихотворенія, благодаря этимъ позднимъ измѣненіямъ, или утратили черты времени, или лишились прежней полноты въ развитіи. Для подтвержденія приводимъ только два примѣра. Стихотвореніе, теперь напечатанное подъ заглавіемъ: «Благоразуміе» (а прежде—«Умѣренность»), было написано въ 1854 году, во время Севастопольской кампаніи, и потому въ шестомъ куплетѣ имѣло характерную строчку: «Хоть сейчасъ пойду на турку»,—между тѣмъ въ настоящее время, на мѣстѣ приведенной строчки, видна общая фраза: «Радъ за родину сразиться». Съ другой стороны, извѣстное лучшее произведеніе гр. Толстаго: «Ты знаешь край», благодаря авторскому карандашу, до сихъ поръ появляется безъ прежнихъ двухъ строфъ, которыя прежде полнѣе разъясняли мысль поэта:

«Ты знаешь край, гдѣ древле нашъ Великій
«Въ открытомъ полѣ шумно пировалъ;
«Со звукомъ трубъ побѣдъ сливались клики
«И гордый шведъ въ смятеніи бѣжалъ,
«Гдѣ наши дѣды всѣ летѣли къ бою?..
«Туда, туда стремлюся я душою!..

«Ты знаешь домъ, гдѣ врагъ презрѣнной лести,
«Родной землѣ отдавъ остатокъ силъ,
«Послѣдній гетманъ жизни, полной чести,
«Златой закатъ спокойно проводилъ?
«Ты знаешь домъ и липы надъ горою?
«Туда, туда стремлюся я душою!..».

Конечно, издатели «Сочиненій гр. Толстаго» не могли вносить въ текстъ все то, что̀ уничтожено или поправлено самимъ поэтомъ; но они имѣли полную возможность отмѣтить подобныя перемѣны въ «примѣчаніяхъ», какъ это принято въ глазуновскихъ изданіяхъ Пушкина, Лермонтова, Жуковскаго и друг.

Наконецъ, намъ остается упомянуть о самомъ существенномъ недостаткѣ—объ отсутствіи «хронологическаго указателя» сочиненій графа, что особенно важно и для критика, и для историка литературы. Благодаря этому пробѣлу, въ каждомъ изданіи трудовъ Толстаго явился безпорядокъ въ расположеніи матеріала, особенно стихотвореній, а въ предисловіяхъ — увѣреніе издателей, что поэтъ началъ печататься въ 1855 году, тогда какъ его поэтическія произведенія помѣщались въ разныхъ журналахъ еще съ 1854 года. Желая, съ одной стороны, возстановить постепенное развитіе литературной дѣятельности графа Толстаго, а съ другой — облегчить трудъ будущаго «полнаго собранія» его произведеній, мы предлагаемъ подробныя «библіографическія указанія», расположенныя въ послѣдовательномъ порядкѣ. Они касаются слѣдующихъ сочиненій покойнаго поэта:

«Колокольчики мои», стихотвореніе (Современникъ, 1854 г., кн. 4, отд. I, стр. 129—130).

Оно было помѣщено въ журналѣ только съ шестью куплетами; теперь же печатается съ новыми прибавленными строфами.

«Ой, стоги, стоги», стихотвореніе (Современникъ, 1854 г., кн. 4, отд. I, стр. 130—131).

Печатается безъ всякихъ измѣненій сравнительно съ журналомъ.

«По греблѣ неровной и тряской», стихотвореніе (Современникъ, 1854 г., кн. 4, отд. I, стр. 132—133).

Въ немъ теперь двѣ небольшія перемѣны сравнительно съ текстомъ журнала.

«Коль любить, такъ безъ разсудку», стихотвореніе (Современникъ, 1854 г., кн. 4, отд. I, стр. 133).

Безъ перемѣнъ.

«Умѣренность», стихотвореніе (Современникъ, 1854 г., кн. 4, отд. I, стр. 133—134).

Теперь это стихотвореніе, какъ выше указано, имѣетъ другое заглавіе («Благоразуміе») и, кромѣ перемѣнъ въ отдѣльныхъ словахъ, заканчивается позже прибавленнымъ куплетомъ.

«Ты знаешь край», стихотвореніе (Современникъ, 1854 г., отд. I, кн. 4, стр. 134—136).

Въ журналѣ съ инымъ текстомъ, значительно измѣненнымъ, и двумя лишними строфами, которыя уже приведены выше.

«Милый другъ, тебѣ не спится», стихотвореніе (Современникъ, 1856 г., кн. 2, отд. I, стр. 272).

Теперь, кромѣ трехъ измѣненій въ словахъ, придѣланъ послѣдній куплетъ, котораго совсѣмъ не было въ журналѣ.

«Волки», стихотвореніе (Современникъ, 1856 г., кн. 2, отд. I, стр. 273—274).

Легкія перемѣны въ словахъ.

«Ой на-бъ Волга-матушка», стихотвореніе (Современникъ, 1856 г., кн. 2, отд. I, стр. 274).

Въ настоящее время оно имѣетъ перемѣны и двѣ лишнія строчки.

«Дождя отшумѣвшаго капли», стихотвореніе (Современникъ, 1856 г., кн. 2, отд. I, стр. 274—275).

Съ единственною перемѣною въ пятомъ куплетѣ.

«Ходитъ Спѣсь, надуваючись», стихотвореніе (Современникъ, 1856 г., кн. 2, отд. I, стр. 275—276).

Безъ измѣненій.

«Въ колоколъ, мирно дремавшій», стихотвореніе (Современникъ, 1856 г., кн. 2, отд. I, стр. 276).

Перемѣна въ одномъ словѣ первой строчки.

«Князь Ростиславъ», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1856 г., кн. 7, стр. 483—484).

Немногія перемѣны въ текстѣ.

«Цыганскія пѣсни», стихотворенія (Русскій Вѣстникъ, 1856 г., кн. 7, стр. 485).

Единственное измѣненіе во второмъ куплетѣ.

«Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1856 г., кн. 7, стр. 487).

Три передѣлки въ цѣломъ стихотвореніи.

«Ужъ ты мать-тоска, горе-гореваньице», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1856 г., кн. 7, стр. 487—488).

Кромѣ перемѣнъ въ словахъ и перемѣщенія двухъ строчекъ, въ «Полномъ собраніи сочиненій гр. Толстаго» до сихъ поръ, по недоглядкѣ издателей, пропускается одинъ стихъ (Потупляю очи, краснѣючи), напечатанный въ журналѣ.

«**Шумитъ на дворѣ непогода**», стихотвореніе (Отечеств. Записки, 1856 г., кн. 5, отд. I, стр. 55).

Теперь печатается безъ измѣненій.

«**Вотъ ужъ снѣгъ послѣдній въ полѣ таетъ**», стихотвореніе (Отечеств. Записки, 1856 г., кн. 5, отд. I, стр. 56).

Тоже печатается безъ перемѣнъ.

«**Курганъ**», стихотвореніе (Отечеств. Записки, 1856 г., кн. 5, отд. I, стр. 56—58).

Легкія перемѣны въ словахъ.

«**Ужъ ты нива, моя нивушка**», стихотвореніе (Отечеств. Записки, 1856 г., кн. 5, отд. I, стр. 58—59).

Безъ перемѣнъ.

«**Край ты мой, родимый край**», стихотвореніе (Отечеств. Записки, 1856 г., кн. 5, отд. I, стр. 59).

Тоже безъ перемѣнъ.

«**Средь шумнаго бала случайно**», стихотвореніе (Отечеств. Записки, 1856 г., кн. 5, отд. I, стр. 59—60).

Незначительныя исправленія противъ первоначальнаго текста.

«**Гдѣ свѣтлый ключъ, спускаясь внизъ**», стихотвореніе (Современникъ, 1856 г., кн. 11, отд. I, стр. 5—6).

Замѣтны поправки, особенно во второй строфѣ.

«**Солнце жжетъ**», стихотвореніе (Современникъ, 1856, кн. 11, отд. I, стр. 6).

Безъ перемѣнъ.

«**Тяжелъ нашъ путь**», стихотвореніе (Современникъ, 1856 г., кн. 11, отд. I, стр. 6—7).

Съ перемѣнами, особенно во второй части стихотворенія.

«**Какъ чудесно хороши вы**», стихотвореніе (Современникъ, 1856 г., кн. 11, отд. I, стр. 7).

Одна поправка въ послѣдней строкѣ.

«**Клонитъ къ лѣни полдень жгучій**», стихотвореніе (Современникъ, 1856 г., кн. 11, отд. I, стр. 8).

Теперь печатается съ пропускомъ слѣдующаго куплета:

Съ черныхъ глазъ твоихъ, о Лора,
Съ загорѣлаго лица,
Не сводя до ночи взора,
Я бы слушалъ безъ конца...

«**Вы все любуетесь на скалы**», стихотвореніе (Современникъ, 1856 г., кн. 11, отд. I, стр. 8).

Двѣ небольшія поправки во второй строфѣ.

«**Всесильной волею Аллаха**», стихотвореніе (Современникъ, 1856 г., кн. 11, отд. I, стр. 9).

Безъ перемѣнъ.

«**Привѣтствую тебя, опустошенный домъ**», стихотвореніе (Современникъ, 1856 г., кн. 11, отд. I, стр. 9—10).

Въ настоящее время печатается съ перемѣною въ словахъ и прибавкою четырехъ строчекъ въ предпослѣдней строфѣ.

«Тщетно, художникъ, ты мнишь», стихотвореніе (Библіот. для Чтенія, 1857 г., кн. I, стр. 3).

Мелкія перемѣны въ отдѣльныхъ выраженіяхъ.

«Изъ А. Шенье», шесть стихотвореній (Библіот. для Чтенія, 1857 г., кн. 1, стр. 5).

Немногія перемѣны.

«Когда кругомъ безмолвенъ лѣсъ дремучій», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1857 г., кн. 1, стр. 203).

Четыре перемѣны сравнительно съ журналомъ.

«Что ты голову склонила», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1857 г., кн. 1, стр. 204).

Въ журналѣ находились три обращенія къ какой-то «Лорѣ»; теперь они замѣнены общими выраженіями.

«Сердце сильнѣй разгораясь», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1857 г., кн. 1, стр. 204).

Одно измѣненіе слова въ первой строчкѣ.

«Смеркалось... Жаркій день блѣднѣлъ», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1857 г., кн. 1, стр. 205).

Единственная перемѣна во второмъ стихѣ.

«Колышется море», стихотвореніе (Современникъ, 1857 г., кн. 1, стр. 9).

Безъ измѣненія.

«Не вѣрь мнѣ, другъ», стихотвореніе (Современникъ, 1857 г., кн. 1, стр. 9).

Безъ перемѣнъ.

«Въ странѣ лучей», стихотвореніе (Современникъ, 1857 г., кн. 1, стр. 10).

Двѣ замѣны въ словахъ. Притомъ это стихотвореніе переводъ изъ Сведенборга, между тѣмъ, въ «Полномъ собраніи сочиненій гр. Толстаго» отнесено къ оригинальнымъ произведеніямъ.

«О, не пытайся духъ унять тревожный», стихотвореніе (Современникъ, 1857 г., кн. 1, стр. 11).

Три небольшія перемѣны.

«Острою сѣкирой ранена береза», стихотвореніе (Современникъ, 1857 г., кн. 1, стр. 11).

Одна перемѣна въ четвертой строкѣ.

«Лишь только одинъ я останусь съ тобой», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1857 г., кн. 7, стр. 146).

Единственная поправка въ восьмомъ стихѣ.

«Что за грустная обитель», стихотвореніе (Русская Весѣда, 1857 г., кн. 7, стр. 146—147).

Одно измѣненіе въ пятой строфѣ.

«У приказныхъ воротъ», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1857 г., кн. 7, стр. 147—148).

Ничтожная поправка во второмъ куплетѣ.

«Ой, честь ли то молодцу—лёнъ прясти», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1857 г., кн. 7, стр. 149).

Есть перемѣна въ первой строкѣ.

«Не божіимъ громомъ горе ударило», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1857 г., кн. 7, стр. 149).

Безъ перемѣнъ.

«Ты, невѣдомое, незнамое», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1857 г., кн. 7, стр. 150).

Тоже безъ поправокъ.

«Мнѣ въ душу, полную ничтожной суеты», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1857 г., кн. 7, стр. 427).

Замѣтны перемѣны только въ первомъ куплетѣ.

«Господь, меня готовя къ бою», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1857 г., кн. 7, стр. 428).

Только двѣ поправки въ концѣ стихотворенія.

«Порой среди заботъ и жизненнаго шума», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1857 г., кн. 7, стр. 429).

Перемѣны въ трехъ строкахъ.

«Онъ водилъ по струнамъ», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1857 г., кн. 7, стр. 430).

Кромѣ перемѣнъ въ словахъ, теперь прибавлено въ концѣ восемь новыхъ строкъ, которыхъ не было въ журналѣ.

«Грѣшница», поэма (Русская Бесѣда, 1858 г., кн. 9, отд. I, стр. 83—88).

Оказывается нѣсколько перемѣнъ въ отдѣльныхъ словахъ и цѣлыхъ строчкахъ.

«Ты почто, злая кручинушка», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1858 г., кн. 9, отд. I, стр. 88—89).

Въ «Полномъ собраніи сочиненій гр. Толстаго», кромѣ мелкихъ поправокъ, пропущены два стиха, напечатанные въ журналѣ:

«Перевилъ онъ два дуба крѣпкіе,
«Что ростутъ по обѣ сторонушки».

«Звонче жаворонка пѣнье», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1858 г., кн. 9, отд. I, стр. 89—90).

Безъ перемѣнъ.

«Что ни день, какъ полома со влагой», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1858 г., кн. 9, отд. I, стр. 90).

Одна перемѣна въ послѣдней строкѣ.

«Разсѣвается, разступается», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1858 г., кн. 9, отд. I, стр. 90).

Безъ перемѣнъ.

«Усни, печальный другъ», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 10, стр. 343).

Единственная поправка въ послѣднемъ стихѣ.

«Б. М. Маркевичу», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 10, стр. 354).

Три перемѣны въ словахъ.

«Изъ Гейне», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 10, стр. 354).

Безъ измѣненій.

«Осень», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 10, стр. 354—355).

Безъ передѣлокъ.

«Источникъ за вишневымъ садомъ», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 10, стр. 355).

Одна перемѣна во второмъ куплетѣ.

«Ужъ ласточки, кружась», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 10, стр. 355).

Безъ поправокъ.

«Не вѣтеръ, вѣя съ высоты», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 10, стр. 356).

Одна перемѣна во второй строкѣ.

«О другъ, ты жизнь влачишь», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 10, стр. 356).

Безъ перемѣнъ.

«Въ совѣсти искалъ я долго обвиненья», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 10, стр. 356—357).

Тоже безъ перемѣнъ.

«Меня во мракѣ и пыли», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 10, стр. 357—358).

Два измѣненія въ словахъ.

«Ты клонишь ликъ», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1858 г., кн. 11, стр. 3).

Замѣна одного слова другимъ во второмъ куплетѣ.

«Выростаетъ дума, словно дерево», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1858 г., кн. 11, стр. 4).

Нѣсколько перемѣнъ въ словахъ.

«Тебя такъ любятъ всѣ», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1858 г., кн. 11, стр. 4).

Единственная перемѣна во второй строкѣ.

«Хорошо, братцы, тому на свѣтѣ жить», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1858, кн. 11, стр. 5).

Кромѣ замѣнъ однихъ выраженій другими, въ «Полномъ собраніи сочиненій гр. Толстаго» пропущены двѣ строчки, изъ которыхъ первая необходима для яснаго смысла, а именно:

«Чтò направо ль идти, налѣво ли?
«Ни къ чему, молъ, непригоденъ онъ...».

«Кабы знала я, кабы вѣдала», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1858 г., кн. 11, стр. 6).

Нѣсколько измѣненій въ словахъ.

«Правда», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1858 г., кн. 11, стр. 6—8).

Это произведеніе, за исключеніемъ мелкихъ поправокъ, подверглось особеннымъ сокращеніямъ. Теперь уже не перепечатываются слѣдующія строфы:

«А и какъ же то случилось, то сдѣлалось,
«Что никто тебя не знаетъ, не вѣдаетъ?
«А и какъ же то случилось, то сдѣлалось,
«Что тебя всякъ толкуетъ постарому?
. . . .
«А увидимъ мы правду лицомъ къ лицу
«И вернемся на свою сторону
«И разскажемъ, чтò сами видѣли...
«И подъѣхавъ, на правду дивилися:
«Кто увидѣлъ море синее,
«Кто, подъѣхавъ, увидѣлъ дремучій лѣсъ,
«Кто торговые города людные,
«Кто увидѣлъ горы высокія,
«А кто — голую степь...».

«Старицкій воевода», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1858 г., кн. 11, стр. 8).

Четыре поправки въ словахъ.

«Минула страсть», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 11, стр. 450).

Безъ перемѣнъ.

«Когда природа вся трепещетъ и сіяетъ», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 11, стр. 450—451).

Двѣ поправки въ первой строфѣ.

«Замолкнулъ громъ», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 11, стр. 452).

Единственная замѣна въ первомъ куплетѣ.

«Змѣя, чтò по скаламъ влечешь свои извивы», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 11, стр. 452).

Одна перемѣна въ предпослѣднемъ стихѣ.

«Ты жертва жизненныхъ тревогъ», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 11, стр. 452—453).

Немногія передѣлки въ словахъ.

«Бываютъ дни», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 11, стр. 453).

Три перемѣны въ концѣ стихотворенія.

«Съ тѣхъ поръ, какъ я одинъ», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 11, стр. 453—454).

Передѣланы только два послѣдніе куплета.

«Слеза дрожитъ въ твоемъ ревнивомъ взорѣ», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 11, стр. 454).

Незначительная перемѣна одного слова въ послѣдней строфѣ.

«Я васъ узналъ, святыя убѣжденья», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 11, стр. 455).

Замѣна одного слова и перестановка двухъ послѣднихъ строкъ.

«О, не спѣши туда», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 11, стр. 455—456).

По необъяснимой причинѣ, въ «Полномъ собраніи сочиненій гр. Толстаго» теперь уже не перепечатывается слѣдующій прекрасный куплетъ:

«Повѣрь, въ странѣ лучей, изъ міра въ міръ влекома,
«Средь пѣнія свѣтилъ
«Ты будешь тосковать о герести знакомой,
«Что̀ я съ тобой дѣлилъ...».

«Дробится, и плещетъ, и брызжетъ волна», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 11, стр. 456).

Безъ перемѣнъ.

«Мадонна Рафаэля», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 11, стр. 456).

Тоже безъ передѣлокъ; только въ журналѣ былъ итальянскій заголовокъ: «La Madonna della Seggiola».

«Я задремалъ, главу понуря», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 11, стр. 457).

Одна перемѣна во второмъ куплетѣ.

«Горними тихо летѣла душа», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 11, стр. 457).

Передѣлка только въ первой строфѣ.

«Не пѣнится море», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 11, стр. 457).

Единственное измѣненіе слова въ шестомъ стихѣ.

«Не брани меня, мой другъ», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 11, стр. 457).

Перемѣны во многихъ словахъ этого стихотворенія.

«Западъ гаснетъ», стихотвореніе.

Двѣ перемѣны въ выраженіяхъ.

«Василій Шибановъ», баллада (Русскій Вѣстникъ, 1858 г., кн. 17, стр. 236—240).

Небольшія перемѣны въ словахъ.

«Іоаннъ Дамаскинъ», поэма (Русская Бесѣда, 1859 г., кн. 13, отд. I, стр. 5—30).

Въ этой поэмѣ, при сравненіи съ журналомъ, теперь оказываются перемѣны въ словахъ и даже пропуски нѣсколькихъ стиховъ; напримѣръ, въ настоящее время уже не перепечатываются слѣдующія строки изъ рѣчи Іоанна:

«Не самъ ли я у Господа просилъ
«Тернистый путь и крестъ послать мнѣ свыше,
«И Онъ теперь мою мольбу услышалъ:
«Въ твоихъ рѣчахъ Онъ волю проявилъ...».

«Нѣтъ, ужъ не вѣдать мнѣ», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1859 г., кн. 14, отд. I, стр. 5).

Единственная перемѣна въ четвертомъ стихѣ.

«Сижу да гляжу я все», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1859 г., кн. 14, отд. I, стр. 5).

Тоже одна передѣлка въ пятой строкѣ.

«И. С. Аксакову», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1859 г., кн. 14, отд. I, стр. 6—7).

Много измѣненій въ словахъ и цѣлыхъ строкахъ.

«Изъ Байрона: Ассиріяне шли», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1859 г., кн. 16, отд. I, стр. 3—4).

Передѣлки и перестановки словъ.

«Есть много звуковъ въ сердца глубинѣ» (Русская Бесѣда, 1859 г., кн. 16, отд. I, стр. 4).

Безъ перемѣнъ.

«Къ страданіямъ чужимъ ты горести полна», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1859 г., кн. 16, отд. I, стр. 5).

Перемѣна одного слова въ первой строкѣ.

«Туманъ встаетъ на днѣ стремнинъ», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1859 г., кн. 16, отд. I, стр. 5—6).

Безъ перемѣнъ.

«Обычной полная печали», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1859 г., кн. 16, отд. I, стр. 7).

Замѣна одного слова въ первомъ куплетѣ.

«Насъ не преслѣдовала злоба», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1859 г., кн. 16, стр. 600).

Перемѣна перваго стиха.

«Изъ Гервега: Хотѣлъ бы я угаснуть, какъ заря», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1859 г., кн. 16; стр. 601).

Въ «Полномъ собраніи сочиненій гр. Толстаго» теперь почему-то пропускается слѣдующій четвертый куплетъ:

«Я бы хотѣлъ подняться, какъ роса,
«Когда ее встрѣчаетъ солнце жадно,
«И, какъ росу, пускай бы небеса
«Испили духъ больной и безотрадный...».

«Ты помнишь ли вечеръ», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1859 г., кн. 18, отд. I, стр. 5—6).

Перемѣны только во второй и пятой строфѣ.

«Донъ-Жуанъ», драматическая поэма (Русскій Вѣстникъ, 1862 г., кн. 4, стр. 581—692).

Только одна сцена этой поэмы (Сумерки; кладбище) подверглась большому измѣненію: она, послѣ появленія въ 1862 году, была передѣлана авторомъ и снова напечатана при любопытномъ письмѣ къ издателю (Русскій Вѣстникъ, 1862 г., кн. 7, стр. 213—227); наконецъ, поэтъ снова переправилъ ее для «Полнаго собранія» своихъ трудовъ.

«Князь Серебряный», повѣсть временъ Іоанна Грознаго (Русскій Вѣстникъ, 1862 г., кн. 8, стр. 427—579; кн. 9, стр. 103—196; кн. 10, стр. 439—522).

Теперь перепечатывается безъ перемѣнъ.

«Смерть Іоанна Грознаго», трагедія (Отечеств. Записки, 1866 г., кн. 1).

Тоже безъ большихъ передѣлокъ.

«Вздымаются волны, какъ горы», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1866 г., кн. 9, стр. 184).

Двѣ перемѣны только въ послѣднемъ куплетѣ.

«Пусть тотъ, чья честь не безъ укора», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1866 г., кн. 9, стр. 185).

Безъ перемѣнъ.

«Пантелей-цѣлитель», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1866 г., кн. 9, стр. 232—233).

Одна перестановка въ первомъ куплетѣ.

«Чужое горе», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1866 г., кн. 10, стр. 673—674).

Небольшія перемѣны въ словахъ.

«Противъ теченія», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1867 г., кн. 6, стр. 617—618).

Передѣланъ только послѣдній куплетъ.

«Богъ и баядера», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1867 г., кн. 9, стр. 259—262).

Значительно передѣлано все стихотвореніе, которое, притомъ, въ журналѣ носило заголовокъ: «Магадева и баядера».

«Коринеская невѣста», стихотвореніе (Вѣстникъ Европы, 1868 г., кн. 3).

Мелкія перемѣны.

«Царь Θеодоръ Іоанновичъ», трагедія (Вѣстникъ Европы, 1868 г., кн. 5).

Безъ передѣлокъ.

«Царь Борисъ», трагедія (Вѣстникъ Европы, 1870 г., кн. 3).

Тоже безъ измѣненій.

«Борилой», стихотвореніе (Русская Бесѣда, 1871 г., кн. 1).

Безъ поправокъ.

«Вновь растворилась дверь», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1871 г., кн. 3, стр. 294).

Двѣ поправки въ третьемъ и четвертомъ куплетѣ.

«Потокъ-богатырь», былина (Русскій Вѣстникъ, 1871 г., кн. 7, стр. 253—259).

Кромѣ перемѣнъ въ словахъ, «Полное собраніе сочиненій гр. Толстаго» прибавило къ этой былинѣ три новыхъ куплета, которыхъ не было въ журналѣ.

«Илья Муромецъ», былина (Русскій Вѣстникъ, 1871 г., кн. 9, стр. 218—219).

Безъ перемѣнъ.

«Сватовство», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1871 г., кн. 9, стр. 220—228).

Нѣсколько измѣненій въ словахъ.

«Порой веселой мая», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1871 г., кн. 10, стр. 593—598).

Это стихотвореніе, кромѣ мелкихъ отличій, въ журналѣ имѣетъ заглавіе: «Баллада съ тенденціей», и заключаетъ въ себѣ, послѣ двадцатой строфы, слѣдующіе куплеты, которыхъ уже нѣтъ въ «Полномъ собраніи».

«Они, вишь, коммунисты,
«Честнѣйшіе межъ всѣми,
«И на руку не чисты
«По строгой лишь системѣ;
«Системы ихъ дешевле
«Другая есть едва ли;

«Станичниками древле
«У насъ ихъ называли.
«Не тѣ ль то нигилисты,—
«Невѣста вопросила,—
«Въ честь коихъ журналисты
«Качаютъ такъ кадила?

«Они жъ и реалисты:
«Изящнаго не любятъ.
«Знать, сами не казисты,
«Затѣмъ красу и губятъ.
«Они жъ матерьялисты —
«Отъ имени прогресса
«Кричать, что трубочисты
«Суть выше Апеллеса.
«Тѣ самые, о Лада,
«Такъ точно нигилисты;
«Ни толку въ нихъ, ни склада,
«Но бойки и рѣчисты...»

«Алеша Поповичъ», былина (Гражданинъ, 1872 г.).
Безъ перемѣнъ.

«Садко», былина (Русскій Вѣстникъ, 1873 г., кн. 1, стр. 84—93).
За исключеніемъ поправокъ, «Полное собраніе сочиненій гр. Толстаго» пропустило двѣ строфы:

«Ты самъ, чай, не вѣдаешь, чтò говоришь,
«Ты бредешь, о волѣ тоскуя!
«Не дамъ тебѣ воли я,—вотъ тебѣ шишъ!
«Добра твоего же хочу я...
«Его ты испортилъ и мнѣ досадилъ!
«Споткнулся я, гуслей не чуя, —
«Я первую грубость тебѣ отпустилъ,—
«Второй отпустить не хочу я!»

«Канутъ», стихотвореніе (Вѣстникъ Европы, 1873 г., кн. 3).
Безъ перемѣнъ.

«Портретъ», повѣсть въ стихахъ (Вѣстникъ Европы, 1874 г., кн. 9).
Безъ поправокъ.
Уже послѣ смерти автора появились слѣдующія произведенія, теперь безъ всякихъ передѣлокъ помѣщенныя въ «Полномъ собраніи его сочиненій»:

«Драконъ», итальянскій разсказъ XII вѣка (Вѣстникъ Европы, 1875 г., кн. 10).

«Земля цвѣла», стихотвореніе (Сборникъ «Братская Помощь», Спб., 1876 г.).

«Посадникъ», неоконченная драма (Вѣстникъ Европы, 1876 г., кн. 4).

«Гаральдъ Свенгольмъ», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1877 г., кн. 1, стр. 394).

«Въ альбомъ: Стрѣлокъ на той полянѣ», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1881 г. кн. 9, стр. 309—310).

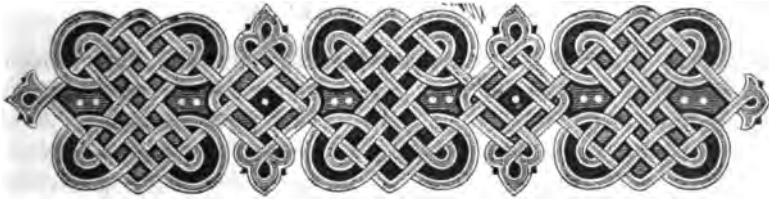
«Пѣвцу», стихотвореніе (Вѣстникъ Европы, 1882 г., кн. 1, стр. 36).

«Во дни минувшіе бывало» (Русскій Вѣстникъ, 1882 г., кн. 1, стр. 403).

«Какъ часто ночью въ тишинѣ глубокой», стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, 1882 г., кн. 1, стр. 404).

Заканчивая свои «библіографическія примѣчанія», мы должны признаться, что не нашли въ просмотрѣнныхъ нами журналахъ нѣсколькихъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ «Полномъ собраніи сочиненій графа Толстаго», а потому и не внесли ихъ въ указатель. Эти розысканія мы предоставляемъ другимъ библіографамъ; сами же надѣемся, что редакторы новаго изданія сочиненій графа Толстаго обратятъ вниманіе на предложенныя нами замѣтки и воспользуются ими при своей работѣ.

Димитрій Языковъ.



ПРОШЛОЕ СОВРЕМЕННОЙ ДИПЛОМАТІИ.

ОГДА ожидается война или возникаютъ дипломатическія недоразумѣнія, когда происходятъ конференціи министровъ или свиданія государей,—словомъ, когда политическая жизнь выходитъ изъ обычной колеи, въ обществѣ пробуждается особый интересъ къ международнымъ отношеніямъ. На ряду съ обсужденіемъ финансовыхъ и военныхъ силъ различныхъ государствъ и ихъ взаимныхъ интересовъ начинаются толки о способностяхъ дипломатовъ, подвергается критикѣ ихъ дѣятельность, поднимается даже вопросъ о роли и значеніи дипломатіи вообще. По бо̀льшей части, въ особенности у насъ въ Россіи, дипломаты подвергаются весьма суровымъ порицаніямъ: если они дѣйствуютъ осторожно, идутъ на уступки, чтобы устранить войну, ихъ обвиняютъ въ трусости, почти въ измѣнѣ; въ противномъ случаѣ, ихъ упрекаютъ за шовинизмъ, за непониманіе внутреннихъ потребностей государства. Общество, недовольное ходомъ международныхъ отношеній, преувеличиваетъ значеніе дипломатіи и сваливаетъ обыкновенно на нее вину и за недостаточные результаты войны, и за мало выгодные мирные трактаты. Дѣятельность дипломатіи въ спокойное время даетъ поводъ къ противоположнымъ обвиненіямъ: она происходитъ въ тиши кабинетовъ и окружена такой таинственностью, что публика, не имѣя свѣдѣній о дипломатической работѣ, относится къ ней съ пренебреженіемъ, какъ къ пустому занятію. Въ дипломатической службѣ видятъ тогда дорого стоющую и мало полезную для государства привиллегію знатнаго дворянства дѣлать легкую и блестящую карьеру. Такое отношеніе усиливается еще ходячимъ мнѣніемъ, что дипломатія, по самому существу своему,

есть не что иное, какъ систематическій обманъ, при которомъ всякія средства считаются позволительными. Эта непопулярность и неправильная оцѣнка столь важной отрасли государственной дѣятельности объясняется до извѣстной степени самой сущностью дѣла: для яснаго пониманія хода международныхъ отношеній необходимы значительное политическое и историческое образованіе и обстоятельное знакомство съ внутреннимъ строемъ современныхъ государствъ, а между тѣмъ спеціальное дѣло дипломатіи затрогиваетъ тѣ области національнаго и патріотическаго чувства, которыя отличаются особенной возбуждаемостью. Кромѣ того, недоброжелательство къ дипломатіи, часто затемняющее ея дѣйствительное значеніе, обусловливается старинной привычкой: оно унаслѣдовано отъ прошлаго, ведетъ свое происхожденіе съ самаго начала института, и въ этомъ виновата не одна публика. Въ настоящей статьѣ мы не имѣемъ въ виду разбирать всѣ эти обвиненія и выяснять значеніе современной дипломатіи въ ряду другихъ факторовъ международныхъ отношеній; для этого потребовались бы цѣлые томы спеціальныхъ изслѣдованій по исторіи новаго времени. Наша задача заключается въ томъ, чтобы показать, когда и при какихъ условіяхъ сложилась современная дипломатія съ ея постоянными представителями при иностранныхъ дворахъ и какъ смотрѣли на это учрежденіе правительства и общество; при этомъ выяснится, какія потребности вызвали къ жизни дипломатію и въ чемъ заключаются ея слабыя стороны. Это сдѣлать теперь тѣмъ удобнѣе, что достаточный для этого матеріалъ собранъ въ недавно вышедшей книгѣ O. Krauske [1]).

I.

Тѣсная дипломатическая связь между отдѣльными государствами началась съ того времени, когда было учреждено постоянное представительство при чужеземныхъ дворахъ. Относительно мѣста и времени происхожденія этого института существуютъ различныя мнѣнія: его родиной считаютъ то Италію, то Францію, то Испанію, и первое его появленіе относятъ съ XV—XVII столѣтіямъ. Несомнѣнно, однако, что постоянное представительсто не было совершенно чуждо ни древнему, ни средневѣковому міру. Уже послы римскихъ провинцій и союзниковъ, по долгу жившіе въ Римѣ, могутъ быть названы въ извѣстномъ смыслѣ предшественниками современныхъ дипломатовъ; въ началѣ средневѣковаго періода папа

---

[1]) Staats und socialwissenschaftliche Forschungen. Herausgegeben von Gustav Schmoller. Band. V. Heft 3. Die Entwickelung der ständischen Diplomatie vom XV-ten Jahrhundert bis zu den Beschlüssen von 1815 und 1818. Von Otto Krauske. Leipzig. 1885.

и патріархи важнѣйшихъ церквей содержать при византійскомъ дворѣ особыхъ чиновниковъ, такъ называемыхъ апокризіаріевъ, которые поддерживали ихъ интересы у восточнаго императора. По мѣрѣ усиленія папства, его представитель въ Византіи все болѣе и болѣе пріобрѣталъ характеръ посланника: во время господства еретиковъ папа отзывалъ своего уполномоченнаго и съ начала VIII вѣка совершенно прекратилъ сношенія съ иконоборствующими императорами. Папскіе нунціи на западѣ, не смотря на своеобразность своего положенія, напоминаютъ до извѣстной степени постоянныхъ пословъ; въ самомъ Римѣ существовало нѣчто въ родѣ дипломатическаго корпуса: кромѣ частыхъ посольствъ отъ всѣхъ христіанскихъ государствъ, тамъ находились постоянные представители нѣкоторыхъ учрежденій, какъ, напр., прокураторы нѣмецкихъ рыцарей. Но всѣ эти связи носили преимущественно религіозный характеръ и существовали между неравноправными политическими организмами, и поэтому едва ли могли служить прототипомъ позднѣйшей дипломатіи. Ея настоящимъ зерномъ были посольства. По мѣрѣ усиленія международныхъ связей, необходимость въ частыхъ сношеніяхъ становится до такой степени настоятельною, что временныя посольства постепенно, частію даже безсознательно, дѣлаются постояннымъ представительствомъ. Такъ, уже въ началѣ XV вѣка, посланникъ Генриха V англійскаго, прожилъ цѣлыхъ 10 лѣтъ при дворѣ императора Сигизмунда, и это не единственный случай. Вотъ почему возможны разногласія и относительно родины, и относительно хронологіи этого сравнительно молодаго учрежденія.

Среди причинъ, обусловливавшихъ учрежденіе постояннаго дипломатическаго представительства, одно изъ первыхъ мѣстъ занимала торговля. Еще въ эпоху крестовыхъ походовъ Венеціанская республика завела консульства (bailia) въ Константинополѣ и въ другихъ значительныхъ городахъ Византійской имперіи; она же впервые ясно сознала огромную важность для коммерческихъ операцій болѣе тѣсныхъ дипломатическихъ связей въ Европѣ. Въ 1496 году, республика рѣшила сдѣлать двухъ постоянно жившихъ въ Лондонѣ венеціанскихъ купцовъ «подпослами» (subambasciatori), «такъ какъ путь къ Британскимъ оотровамъ очень длиненъ и очень опасенъ»; но этого оказалось недостаточнымъ, и въ томъ же году, Андреа Тревизано былъ назначенъ первымъ постояннымъ посломъ при дворѣ Генриха VII. Какъ могущественно дѣйствовали въ этомъ случаѣ практическія соображенія, показываетъ дальнѣйшій ходъ дипломатическихъ отношеній республики къ Англіи. Когда Генрихъ VIII отпалъ отъ церкви, строго католическая Венеція, дорожившая, кромѣ того, своей близостью съ папствомъ, рѣшила порвать связь съ еретикомъ и отозвала посла; такой же политики держалась она и при его преемникахъ, кромѣ

Маріи; но уже въ концѣ царствованія Елисаветы торговые разсчеты одержали верхъ надъ благочестіемъ, и постоянныя дипломатическія сношенія были возобновлены. Тѣсная связь венеціанской дипломатіи съ коммерческими операціями проявляется и въ исторіи возникновенія постояннаго представительства республики въ Константинополѣ. Оно развилось непосредственно изъ консульства. Первоначально консулъ (bailo) не имѣлъ дипломатической роли; ему принадлежалъ полицейскій надзоръ и судебная власть только надъ соотечественными торговцами; но мало-по-малу консулу стали давать дипломатическія порученія, и съ начала XVI столѣтія благочестивая Венеція имѣетъ постояннаго представителя при дворѣ султана. Подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ соображеній республика содержала постоянныхъ пословъ во Франціи, Испаніи и Германіи.

Чѣмъ оживленнѣе было торговое движеніе государства, тѣмъ настоятельнѣе чувствовалась потребность въ постоянныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ. Въ 1455 году, герцогъ Миланскій постановилъ имѣть постояннаго представителя при Генуэзской республикѣ, и это былъ первый резидентъ въ Европѣ. Немного позже, почти одновременно съ Венеціей, заводитъ Флоренція постояннаго посла во Франціи, а потомъ и въ Германіи. Обширныя коммерческія операціи, доставлявшія банкирамъ господство внутри республики, послужили главнымъ стимуломъ къ учрежденію этого института. Директора̀ Медицейскаго банка въ Ліонѣ, стоявшіе весьма близко къ французскому двору, положили начало дипломатическимъ сношеніямъ съ Парижемъ, и въ 1493 году тамъ было учреждено постоянное посольство.

Богатыя, цвѣтущія итальянскія республики, руководившіяся въ отношеніяхъ къ государствамъ внѣ Италіи главнымъ образомъ торговыми интересами, у себя дома, въ сношеніяхъ между собою, положили основаніе новой, чисто политической дипломатіи. Гуманисты первые внесли раціонализмъ въ международныя отношенія и, принимая участіе въ многочисленныхъ посольствахъ, стали преслѣдовать по обдуманному плану заранѣе поставленныя цѣли. По мѣрѣ того, какъ ихъ воззрѣнія распространялись въ Европѣ, сознавалась важность имѣть постоянныхъ представителей при чужихъ дворахъ. На эту же мысль наталкивали и потребности практической политики. Въ началѣ новой исторіи значительная часть Западной Европы находилась подъ властью членовъ Габсбургскаго дома. Родственныя чувства облегчали сближеніе политическихъ интересовъ, и Фердинандъ Католикъ, назначая впервые постояннаго представителя при дворѣ Филиппа, мотивируетъ необходимость болѣе тѣсной связи, кромѣ государственныхъ соображеній, и родственнымъ піэтетомъ; точно также первоначальное учрежденіе постояннаго испанскаго посольства въ Англіи стояло въ связи съ бракомъ Екатерины Аррагонской. Но родственные инте-

ресы не заслоняли собою политическихъ, и первый испанскій посланникъ въ Англіи де-Пуэбла имѣлъ, между прочимъ, задачею составить коалицію противъ Франціи. Вообще Фердинандъ очень хорошо понималъ политическія выгоды отъ постояннаго представительства и имѣлъ своихъ пословъ и во Франціи, и въ Венеціи, и при дворѣ Максимиліана. Этой же политики держатся и его преемники: Карлъ I заводитъ своихъ представителей при маленькихъ итальянскихъ государствахъ, а Филиппъ II, не желавшій царствовать надъ еретиками, имѣетъ постояннаго посла при дворѣ султана; даже удаленіе Екатерины Аррагонской и реформація Генриха VIII не порываетъ дипломатическихъ отношеній между Испаніей и Англіей.

Идея политическаго равновѣсія, выросшая на почвѣ соперничества важнѣйшихъ государствъ Западной Европы, при самомъ своемъ появленіи заставляла государей внимательно присматриваться къ чужой политикѣ и ревниво слѣдить за чужимъ усиленіемъ. Постоянное представительство сдѣлалось необходимымъ. Ранѣе другихъ понялъ это Людовикъ XI и, не смотря на свое недовѣріе къ дипломатамъ, завелъ постоянное посольство въ двухъ наиболѣе интересовавшихъ его государствахъ, въ Англіи и Бургундіи. Когда при ближайшихъ его преемникахъ начались итальянскіе походы, французскіе уполномоченные появляются въ Италіи и въ Испаніи, наиболѣе заинтересованной въ этомъ дѣлѣ; а въ началѣ XVI вѣка, при наступленіи натянутыхъ отношеній съ Англіей, было впервые учреждено постоянное французское посольство въ Шотландіи. Вообще Франція является въ средней Европѣ наиболѣе ранней представительницей чисто политическихъ стремленій въ международныхъ отношеніяхъ. Францискъ I сдѣлалъ смѣлый шагъ къ окончательному освобожденію внѣшней политики отъ церковныхъ вліяній и заключилъ тѣсный союзъ съ турецкимъ султаномъ, дружба съ которымъ считалась до сихъ поръ вѣрною гибелью для души. Въ 1535 году, Франція заключила съ Портой торговый договоръ, затѣмъ пріобрѣла протекторатъ надъ тамошними христіанами, получила право имѣть флотъ въ турецкихъ водахъ и оказывала сильное вліяніе при дворѣ султана вплоть до конца царствованія Людовика XIV. Выгоды, связанныя съ допломатическимъ постомъ въ Константинополѣ, были столь значительны, что вслѣдъ за Францискомъ начинаетъ сильно, но безуспѣшно хлопотать объ немъ Карлъ V, а въ концѣ XVI вѣка, тамъ появляются постоянные послы Англіи.

Въ оживленныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ, характеризующихъ наступленіе новой эпохи, Англія принимала самое дѣятельное участіе. Двѣ наиболѣе талантливыя личности, занимавшія англійскій престолъ въ XVI вѣкѣ, Генрихъ VIII и Елисавета, завели постоянное представительство почти во всѣхъ европейскихъ госу-

дарствахъ. Виновникъ англійской реформаціи хорошо понималъ значеніе новаго института: однимъ изъ условій соглашенія, заключеннаго имъ съ Карломъ V въ 1520 году, было установленіе взаимнаго представительства; при дворѣ нѣмецкаго императора жило даже нѣсколько англійскихъ пословъ, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ спеціально слѣдить за нидерландскими владѣніями, другой за испанскими, и всѣ вмѣстѣ охранять англійскіе интересы въ Германіи. На этой же точкѣ зрѣнія стояла и Елисавета: она усердно старалась возбудить дипломатическія сношенія съ Венеціей и завела постояннаго посла въ Нидерландахъ, какъ только эта страна добилась политической независимости.

Новое движеніе довольно рано увлекло за собою и средневѣковую имперію, хотя оно и противорѣчило ея теоріи и не вполнѣ подходило къ практическому положенію дѣлъ. Дипломатическія отношенія могутъ существовать только между равными, а императоръ, по идеѣ, стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ властителей, которые считаются его вассалами; съ другой стороны, дѣйствительность, представлявшая діаметральную противоположность теоріи, оказывалась, тѣмъ не менѣе, весьма неудобною для дипломатическаго представительства. Какъ могъ императорскій посолъ представлять интересы имперіи, когда составлявшіе ее князья были совершенно независимы, а иногда и въ открытой войнѣ съ ея фиктивнымъ главою? Но, не смотря на всѣ эти неудобства, уже Максимиліанъ I завелъ постоянное представительство при важнѣйшихъ дворахъ Европы. Это было новое пожертвованіе теоретическими привиллегіями въ виду практическихъ выгодъ.

Итакъ, постоянное представительство, наиболѣе сильное орудіе современной дипломатіи, составляетъ продуктъ новаго времени. Появившись въ XV вѣкѣ въ Италіи, оно втеченіе этого столѣтія и начала слѣдующаго распространилось во всей южной и средней Европѣ, а въ XVII и въ началѣ XVIII сдѣлалось общеевропейскимъ учрежденіемъ. Непрерывность этого института указываетъ на его органическій ростъ, а быстрота и прочность его распространенія служитъ самымъ несомнѣннымъ доказательствомъ его политическаго значенія.

II.

Удовлетворяя дѣйствительнымъ потребностямъ новаго времени, дипломатія начинаетъ быстро развиваться и усложняться. Въ международныхъ отношеніяхъ преслѣдуются не только практическія цѣли, но имѣется также въ виду пріобрѣсти авторитетъ, извѣстное нравственное вліяніе, такъ называемый престижъ. Посольство должно охранять не только матеріальные интересы государства, но и его честь; представители могущественной державы должны являться

въ блескѣ, достойномъ ихъ отечества: отсюда—значительные расходы на содержаніе посланниковъ, отсюда же требованіе взаимнаго дипломатическаго представительства между дружественными государствами (reciprocité). Людовикъ XI, очень охотно посылавшій посольства, не любилъ имѣть при себѣ чужеземныхъ представителей: «никому не охота»,—говоритъ теоретикъ его политики Филиппъ де-Комминъ,—«имѣть у себя дома шпіона»; также смотрѣли на дѣло Фердинандъ Католикъ, Максимиліанъ, Генрихъ VII, Францискъ I и другіе. Но позже, въ половинѣ XVI вѣка, точка зрѣнія рѣзко измѣняется: имѣть при своемъ дворѣ чужаго постояннаго посла стало считаться долгомъ чести. Мелкія итальянскія государства теперь отказываются учреждать посольства въ тѣхъ странахъ, представителей которыхъ они не имѣли у себя; Елисавета, не смотря на все желаніе возобновить дипломатическія сношенія съ Венеціей, не посылаетъ туда посольства, потому что не имѣетъ при своемъ дворѣ представителя республики. Отозваніе посольства, уже въ началѣ XVI вѣка, влечетъ за собою въ видѣ возмездія такую же мѣру: когда Фердинандъ Католикъ подъ благовиднымъ предлогомъ вернулъ своего представителя изъ Франціи, то же самое по отношенію къ Испаніи немедленно сдѣлалъ Людовикъ XII, хотя онъ и не долюбливалъ иностранныхъ пословъ. Такія же побужденія заставляли государей требовать къ своему двору непремѣнно посла, а не второстепеннаго агента, и Голландія упорно называла посланникомъ венеціанскаго представителя, хотя отправившее его государство не давало ему такого титула.

Съ теченіемъ времени дипломатическія сношенія все болѣе расширялись и задачи представителей становились все разнообразнѣе. Каждому государству приходилось содержать массу постоянныхъ посольствъ, польза которыхъ иногда не оправдывала значительныхъ издержекъ; кромѣ того, церемоніалъ, неизбѣжный при важномъ посольствѣ, часто стѣснялъ дѣятельность уполномоченнаго; въ силу этихъ причинъ начинаютъ появляться ранги между дипломатическими представителями. Въ половинѣ XVI вѣка, впервые установляется различіе между послами (ambasciatori) и агентами, или резидентами: первыхъ могли посылать только вполнѣ независимыя государства [1]); съ XVII вѣка появляется чрезвычайный посланникъ (ambassadeur extraordinaire). Обозначая первоначально лицо, имѣвшее спеціальную миссію, это названіе стало прилагаться къ постоянному представителю при особенно важныхъ дворахъ и служило признакомъ высшаго посольскаго ранга (впрочемъ, чрез-

[1]) Карлъ V, проѣзжая по улицамъ одного итальянскаго города, замѣтилъ на дверяхъ нѣкоторыхъ домовъ надписи: посолъ герцога Мантуанскаго, Феррарскаго и другихъ. Императоръ приказалъ немедленно стереть эти надписи, такъ какъ герцоги, въ качествѣ вассаловъ имперіи, не имѣютъ права отправлять пословъ.

вычайный посолъ имѣлъ превосходство надъ другими дипломатами не въ правахъ, а только въ почестяхъ, которыя ему оказывались при аудіенціи и другихъ церемоніяхъ). При этомъ представители 2-го ранга получили названіе envoyés extraordinaires, 3-го — министръ резидентъ; позже появляется 4-й классъ представителей— chargés d'affaires. Кромѣ этихъ названій, существовала масса другихъ, въ разное время имѣвшихъ неодинаковое значеніе. Послѣ многочисленныхъ споровъ о сравнительномъ достоинствѣ различныхъ дипломатическихъ званій,—споровъ, въ которыхъ принимали участіе такіе корифеи литературы, какъ Лейбницъ,—Талейранъ на Вѣнскомъ конгрессѣ составилъ окончательную дипломатическую табель о рангахъ, которая устранила весьма много, если не международныхъ затрудненій, то, по крайней мѣрѣ, правительственныхъ хлопотъ.

Важность постояннаго дипломатическаго представительства весьма быстро поняли и правительства, и общества. Елисавета усердно старалась возстановить прерванныя дипломатическія сношенія съ Венеціей: она чрезвычайно любезно принимала знатныхъ венеціанскихъ путешественниковъ, дѣлала имъ намеки на свое желаніе, давала порученія своимъ представителямъ при чужеземныхъ дворахъ вліять въ этомъ смыслѣ на венеціанскихъ пословъ. Государства, позже вошедшія въ европейскую семью, немедленно вступали съ нею въ живую дипломатическую связь. Въ 1581 году, получила независимость Голландія, и въ концѣ XVI вѣка, она завела постоянное представительство во Франціи, Англіи, Германіи и Даніи, а въ слѣдующемъ столѣтіи во всѣхъ другихъ государствахъ, не исключая Испаніи. Сѣверныя государства учреждаютъ постоянное представительство при чужихъ дворахъ въ правленіе тѣхъ государей, которые создали ихъ международное значеніе—Швеція при Густавѣ-Адольфѣ, Пруссія при Великомъ Курфюрстѣ, Россія при Петрѣ I [1]). Позже всѣхъ примѣру европейскихъ государствъ стала подражать Турція. Султаны очень неохотно допускали къ себѣ чужеземныхъ представителей и до конца прошлаго столѣтія не учреждали за границею постоянныхъ посольствъ.

Съ не меньшимъ вниманіемъ къ новому институту относилось и общество въ его лучшихъ представителяхъ. Съ самаго начала

[1]) Постоянныя чужеземныя посольства въ Россіи появляются уже съ половины XVII вѣка. Въ 1645 году, въ Москвѣ находился шведскій резидентъ Петръ Крузебіёрнъ, въ 1671 году—голландскій Гейнзій; съ начала XVIII вѣка при петербургскомъ дворѣ находились постоянные послы австрійскій и французскій (Baluze). Съ этого же времени Петръ I завелъ своихъ постоянныхъ представителей при иностранныхъ дворахъ; первымъ русскимъ резидентомъ въ Голландіи былъ графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ (съ 1699 года), въ Швеціи Михаилъ Бестужевъ (съ 1722 года), въ Турціи Толстой (1701), въ Пруссіи Альбертъ фонъ-деръ-Литъ (1707).

постояннаго представительства появляется обширная литература, которая теоретически разработываетъ касающіеся его вопросы, стремясь выяснить идеалъ постояннаго посла и его задачи. Въ 1485 году, появилось въ Римѣ первое сочиненіе, спеціально посвященное дипломатіи: «Gundisalvus. Tractatus de legato», за нимъ послѣдовала масса другихъ. Новымъ учрежденіемъ интересовались ученые, стоявшіе еще на средневѣковой точкѣ зрѣнія. Епископъ Гермоній въ своей книгѣ о дипломатіи (Germonius. De legatis principum et populorum libri tres. Romae. 1627), классифицируя посольства, дѣлитъ ихъ на небесныя (legationes divinae), куда принадлежитъ ниспосланіе ангеловъ, пророковъ и даже вочеловѣченіе Христа, и земныя (legationes terrenae), отправители которыхъ—смертные люди. Другой писатель приблизительно того же времени находитъ прототипъ аккредитивныхъ грамотъ въ Евангеліи, и въ словахъ Спасителя: «вѣрующій въ Меня не въ Меня вѣруетъ, но въ пославшаго Меня»—видитъ посольское полномочіе Христа. Вообще строить дипломатическія теоріи на богословской почвѣ было обычаемъ въ XVII вѣкѣ. Пасхаліусъ въ своемъ сочиненіи «Legatus» требуетъ, чтобы государь посылалъ навстрѣчу вступающему послу почетную свиту, на томъ основаніи, что Христосъ встрѣтилъ возносящуюся на небо Дѣву Марію. Позже точка зрѣнія на дипломатическія отношенія измѣнилась, но интересъ къ нимъ нисколько не уменьшился. Съ развитіемъ различныхъ ранговъ въ представительствѣ, вопросъ о классификаціи значительно усложнился, и наука и публицистика принимали горячее участіе въ его разрѣшеніи, какъ это показываетъ примѣръ Лейбница, считавшаго доказать важнымъ дѣломъ, что envoyé extraordinaire выше простаго резидента.

Но интересъ къ дипломатіи со стороны науки и публицистики не ограничивался вопросами о классификаціи: писались статьи и цѣлые трактаты о томъ, какими свойствами долженъ обладать посланникъ и какія задачи долженъ онъ преслѣдовать.

До XVIII столѣтія не существовало дипломатовъ по спеціальности; государи выбирали на эту службу людей, независимо отъ ихъ происхожденія, образованія, богатства,—все обусловливалось практической потребностью. Такъ, въ XV и въ началѣ XVI столѣтія, для посольской службы искали или богачей, чтобы облегчить казну, или людей, знакомыхъ съ римскимъ правомъ и обладающихъ литературнымъ стилемъ, а главное ловкихъ, привычныхъ къ интригѣ. Венеція охотнѣе всего отправляла юристовъ; Миланъ исключительно изъ этой среды выбиралъ своихъ представителей; прочія итальянскія правительства искали прежде всего ораторовъ. Оба посла Генриха VII при испанскомъ дворѣ, Стиль и Спинелли, принадлежали къ низшимъ классамъ, а послѣдній, кромѣ того, былъ иностранецъ. Флорентинцы отправили однажды посломъ къ Альфонсу Аррагонскому аптекаря Пальмери; посланникомъ Людо-

вика XI у Маріи Бургундской былъ знаменитый его брадобрѣй Оливье Лань, а интересы герцога Мекленбургскаго въ Гамбургѣ охранялъ, въ 1670 году, еврей. Оффиціальными дипломатическими представителями бывали иногда даже женщины: madame de Guébriant играла эту роль при дворѣ Владислава IV, а Екатерина Аррагонская, будучи уже женою наслѣдника англійскаго престола, охраняла испанскіе интересы при дворѣ своего свекра. Но особенно охотно и часто отправляли съ дипломатической миссіей духовныхъ лицъ. Ихъ можно было, не обременяя казны, вознаграждать бенефиціями, которыя принадлежали церкви; ихъ санъ внушалъ уваженіе и давалъ возможность заводить такія связи, которыя были недоступны свѣтскому человѣку; наконецъ, дипломатическія способности и ловкость составляли какъ бы профессіальныя свойства католическаго духовенства. Поэтому служителямъ церкви давали самыя разнообразныя порученія, иногда даже не совсѣмъ подходившія къ ихъ сану: монаху поручали, напримѣръ, свѣрить портретъ государевой невѣсты съ его подлинникомъ и высказать свое мнѣніе объ ея красотѣ, и посолъ исполнялъ свою задачу: «хороша»,— отвѣчалъ одинъ изъ нихъ,—«на сколько позволительно разглядывать благочестивому оку». Но духовные послы представляли одно весьма существенное неудобство: высшій интересъ для нихъ составляло не пославшее ихъ государство, а престолъ св. Петра. Посланникъ Генриха IV французскаго Оссà (Ossat), сдѣлавшись по ходатайству своего государя кардиналомъ, самъ высказываетъ опасеніе, что онъ теперь homme du Pape и не можетъ служить своему королю съ прежней вѣрностью. Это затрудненіе усиливалось еще въ новую эпоху тѣмъ, что реформація раздѣлила Западную Европу на двѣ враждебныя въ религіозномъ отношеніи части, и католическій монахъ не могъ представлять интересы своего государя въ странѣ еретиковъ. Поэтому самъ Филиппъ II неохотно поручалъ дипломатическія миссіи духовенству, а послѣдній габсбургъ на испанскомъ престолѣ, Карлъ II, издалъ въ 1678 году декретъ, окончательно запрещавшій замѣщать дипломатическія должности духовными лицами. Въ половинѣ XVIII вѣка, духовенство совершенно исчезаетъ изъ дипломатіи и уступаетъ свое мѣсто знати. По мѣрѣ того, какъ дипломатія утрачивала свой первоначальный, чисто практическій характеръ, и для посланника, кромѣ защиты политическихъ интересовъ, стало считаться обязательнымъ личностью и обстановкой поддерживать достоинство и престижъ своего государства, знатное дворянство начало вытѣснять изъ дипломатической службы лицъ другихъ сословій. Уже въ XV вѣкѣ, папа Пій II отослалъ безъ аудіенціи посла, потому что онъ былъ незнатнаго рода; въ XVI столѣтіи, Венеція установила особымъ законодательнымъ актомъ, чтобы послы назначались исключительно изъ дворянскаго сословія, а въ XVII вѣкѣ появленіе незнатнаго посла счи-

талось оскорбленіемъ для государя, при дворѣ котораго онъ былъ аккредитованъ. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, дворянство одержало окончательную побѣду: въ посольство отправлялись съ этихъ поръ члены самыхъ знатныхъ фамилій, и притомъ тѣ изъ нихъ, которые посвящали себя военной или придворной службѣ (gens d'épée ou courtisans). Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока нѣкоторыя государства не потребовали отъ своихъ пословъ спеціальныхъ свѣдѣній.

Юридическая наука и публицистика не менѣе правительства были заинтересованы вопросомъ о томъ, какими свойствами долженъ обладать посолъ, чтобы лучше всего выполнить свою задачу. Теоретики оцѣнивали сравнительныя достоинства различныхъ сословій для дипломатической службы, вели оживленные споры о томъ, годны ли для нея духовныя лица, женщины и т. п. Въ XVI вѣкѣ, появляется первая попытка изобразить идеалъ дипломата. Въ половинѣ этого столѣтія венеціанецъ Маджи (Magius) требуетъ отъ посла благочестія, искренней вѣры, обстоятельнаго знакомства съ библіей, начитанности въ латинскихъ и греческихъ классикахъ, знанія ариѳметики, архитектуры, музыки, геометріи, физики, гражданскаго и каноническаго права. Но особенно хорошо долженъ онъ знать діалектику и философію, ибо «для каждаго, кто находится при дворѣ великаго государя, постыдно ничего не знать о началѣ всѣхъ вещей, еще постыднѣе не быть въ состояніи опредѣлить такія понятія, какъ природа, движеніе, покой, пустота, время, случай, счастье, необходимость; но наиболѣе постыдно быть невѣжественнымъ относительно сущности всего, не знать, есть ли много міровъ, или одинъ, ограничена ли вселенная, или нѣтъ, сколько существуетъ элементовъ, какъ возникли живыя существа и по какимъ принципамъ они живутъ и т. п.». Позже къ этимъ требованіямъ присоединились другія, болѣе практическаго характера. Дипломатъ долженъ знать географію, исторію, римское и естественное право, политическія науки и главнымъ образомъ новые языки; знаніемъ языковъ особенно отличались венеціанскіе посланники, которые изучали даже турецкій и чешскій языки. Кромѣ высокаго научнаго образованія, дипломатъ долженъ обладать богатствомъ, красотою, здоровьемъ (хромой, больной подагрою, вообще уродъ подрываетъ престижъ своего государя) и способностью, не хмѣлѣя, выпить много вина (strenuus potator). По единогласному почти мнѣнію всѣхъ теоретиковъ прошлаго вѣка такое свойство необходимо для дипломатическихъ представителей въ Швейцаріи, Германіи, Польшѣ, Даніи и Россіи, такъ какъ въ этихъ странахъ существуетъ обычай спаивать пословъ. Теоретическія указанія дипломатамъ со стороны тогдашней литературы доходятъ иногда до самыхъ мелочныхъ подробностей. Такъ, одинъ писатель совѣтуетъ посламъ не

надѣвать на аудіенцію новаго платья, потому что оно издаетъ шумъ, «qui pro strepitu alio foediori interpretari solet».

Указывая свойства, необходимыя послу для успѣшнаго отправленія дипломатической службы, литература пыталась выяснить ея общія цѣли и задачи. Еще въ XVI столѣтіи, кругъ дѣятельности посла не былъ опредѣленъ: одно и то же лицо одновременно бывало иногда и полководцемъ, и посланникомъ; напримѣръ, Clutin d'Oysel de Villeparisis былъ въ 1548 году и представителемъ Генриха II въ Шотландіи, и предводителемъ находившихся тамъ французскихъ войскъ. Теоретики, стараясь точнѣе опредѣлить задачи посла, суживаютъ кругъ его дѣятельности. «Роль посланника,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—должна быть наблюдательною: онъ обязанъ, по возможности, быстро извѣщать своего государя о всѣхъ важныхъ событіяхъ, происшедшихъ въ чужой странѣ». Вообще цѣль посла: изучать людей и порядки въ чужой странѣ и направлять ихъ въ интересахъ своего государя.

Быстрое распространеніе дипломатіи, ея широкое развитіе и обиліе относящейся сюда литературы указываютъ, что новый институтъ соотвѣтствовалъ дѣйствительнымъ потребностямъ времени и что его важность сознавалась и правительствомъ, и обществомъ. Постоянное представительство завели самые выдающіеся государи начала новой исторіи: Генрихъ VII, Людовикъ XI, Фердинандъ Католикъ, Максимиліанъ I, Густавъ-Адольфъ, Петръ Великій, и литература понимала и даже преувеличивала значеніе новаго учрежденія. «Послы какъ бы цвѣтъ народа,—говоритъ одинъ писатель,—отъ нихъ зависитъ общая честь, миръ и спокойствіе, при которомъ процвѣтаютъ и богослуженіе, и народная религія»; по словамъ другаго, «вѣрный посолъ — это свѣжій вѣтерокъ для жатвъ, влага, которая освѣжаетъ жаръ и умѣряетъ заботы хозяина». Но на ряду съ интересомъ государей къ постоянному представительству и сочувствіемъ къ нему писателей, съ самаго начала новой исторіи замѣчается недовѣріе и даже вражда къ дипломатіи, и притомъ не только со стороны общества, но со стороны правительствъ и даже самихъ дипломатовъ.

III.

Мы видѣли, что нѣкоторые изъ тѣхъ государей, которые впервые завели своихъ представителей при иностранныхъ дворахъ, относились съ большой подозрительностью къ чужимъ посольствамъ: Генрихъ VII въ концѣ своей жизни хотѣлъ даже совершенно удалить ихъ изъ Лондона. Какъ смотрѣли на иностранныхъ пословъ въ старой Руси и Турціи, хорошо извѣстно, но ихъ положеніе и въ болѣе цивилизованныхъ странахъ запада было немногимъ лучше. Въ Венеціи законъ подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія запрещалъ

гражданину безъ позволенія сеньоріи вступать въ сношеніе съ иностраннымъ посломъ, такое же постановленіе существовало въ XVII вѣкѣ во Франціи. Въ Англіи членъ парламента или государственный чиновникъ не имѣлъ права безъ особаго полномочія вступать въ бесѣду съ чужеземнымъ представителемъ; въ противномъ случаѣ онъ терялъ свое мѣсто. Въ особенно критическіе моменты внутренней жизни, Венеція ставила даже стражу въ дворцахъ иностранныхъ пословъ. Еще въ XVIII столѣтіи, за послами наблюдали особые шпіоны, и ихъ донесенія подвергались систематическому контролю.

Подобное недовѣріе обнаруживали иногда правительства и къ своимъ собственнымъ представителямъ при чужихъ дворахъ; особенно этимъ отличались республики. Венеціанскій посолъ, знаменитый гуманистъ Джіанноцо Манетти, подвергся штрафу въ 1,000 гульденовъ за дружбу съ чужеземными князьями и знатью, которую онъ пріобрѣлъ во время своихъ дипломатическихъ миссій. На такомъ недовѣріи основано общее почти для всѣхъ государствъ правило, запрещавшее послу принимать подарки отъ чужеземнаго государя. Гуманистъ Гермолаусъ Барбарусъ, венеціанскій посланникъ, осужденъ былъ на смертную казнь за то, что безъ позволенія сеньоріи принялъ отъ Иннокентія VIII епископство. Господствовавшій въ Турціи и Россіи обычай отдавать въ государственную казну подарки, полученные во время посольства, практиковался и на западѣ, напримѣръ, въ Венеціи, которая, кромѣ того, по такимъ же соображеніямъ не позволяла своимъ представителямъ оставаться на одномъ мѣстѣ болѣе 2 и позже 3 лѣтъ. Недовѣріе правительства и тяжелое положеніе при иностранныхъ дворахъ дѣлали дипломатическую службу, особенно въ республикахъ, очень тягостною обязанностью, за неисполненіе которой полагалось суровое наказаніе. По словамъ Гундисальва, за отказъ отъ посольства грозило изгнаніе или тюрьма. Венеціанское правительство узаконило кару цѣлымъ рядомъ декретовъ, и послѣдній изъ нихъ, относящійся къ 1496 году, налагалъ на виновнаго штрафъ въ 500 дукатовъ и «другія законныя наказанія», а въ XVII вѣкѣ уклоненіе отъ этой обязанности влекло за собою конфискацію имуществъ.

Несочувственно встрѣтило новое учрежденіе и общество, и его настроеніе рѣзко отразилось въ литературѣ. Теоретики и публицисты въ большинствѣ случаевъ относились къ дипломатіи съ крайнимъ недовѣріемъ. Филиппъ де-Котинъ допускаетъ чужеземное представительство, какъ неизбѣжное зло, но совѣтуетъ окружать пословъ «дѣльными и старательными» шпіонами. Le Vayer, писатель XVI вѣка, говоритъ, что «послы въ весьма многихъ случаяхъ отправляются не для того, чтобы на взаимномъ довѣріи прійдти къ соглашенію, но чтобы обмануть и обойдти государя, или

подстрекать къ возстанію подданныхъ и устраивать бунтъ, такъ что ихъ съ большимъ правомъ слѣдуетъ назвать бунтовщиками и шпіонами», и очень одобряетъ султана, который не допускаетъ къ себѣ иностранныхъ представителей. Эта точка зрѣнія сохранилась и въ слѣдующемъ столѣтіи. Одинъ изъ писателей этого времени, дипломатъ Марселаеръ, рекомендуетъ допускать къ себѣ чужеземныхъ пословъ только сильнымъ и цвѣтущимъ государствамъ, потóму что ихъ благосостояніе можетъ внушать страхъ врагамъ; «но при плохомъ положеніи дѣлъ, при ослабленіи или истощеніи силъ, я не знаю,—говоритъ онъ,—почему нужно терпѣть вѣчнаго наблюдателя». Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ, по его мнѣнію, отбирать у пословъ оружіе и хорошенько ихъ обыскивать. Точно также Марселаеръ внушаетъ государю недовѣріе и къ своимъ посламъ и совѣтуетъ замѣщать эту должность богатыми людьми, имущество которыхъ можетъ служить лучшею гарантіею ихъ вѣрности. Еще рѣзче относится къ новому учрежденію знаменитый Гуго Гроцій; по его мнѣнію, «постоянныя посольства, которыя теперь во всеобщемъ употребленіи, съ полнымъ правомъ могутъ быть отмѣнены, потому что въ нихъ нѣтъ никакой надобности, какъ это показываетъ примѣръ древнихъ, которымъ они было вовсе неизвѣстны». Не смотря на быстрое развитіе дипломатіи, еще въ XVIII вѣкѣ, сомнѣвались въ пользѣ постояннаго представительства: «слѣдуетъ ли государю,—говоритъ одинъ изъ публицистовъ этой эпохи, Nemeitz,—допускать къ себѣ постоянныя посольства, относительно этого можно многое сказать pro и contra».

Это упорное и глубокое недовѣріе къ несомнѣнно важному учрежденію обусловливалось весьма многими причинами, и прежде всего первоначальнымъ характеромъ дипломатической дѣятельности. Раціонализмъ, введенный итальянскими гуманистами въ международныя отношенія, получилъ особую окраску. Мало руководясь нравственными побужденіями и въ личныхъ сношеніяхъ, гуманисты перенесли свою точку зрѣнія и въ политику, а Маккіавелли привелъ ихъ образъ дѣйствій въ строгую и законченную систему. Международныя отношенія по многимъ причинамъ представляли наиболѣе удобную почву для маккіавеллизма: предшествовавшая политика не шла въ разрѣзъ съ этими теоріями, и уклоненія отъ требованій морали въ этой области легко оправдывались благомъ государства и общими интересами всѣхъ гражданъ. Вслѣдствіе этого, дипломатія съ самаго начала получила безправственный характеръ: ложь, обманъ, интрига, шпіонство, подкупы стали считаться вполнѣ позволительными. Послы обыкновенно содержали особыхъ шпіоновъ, а испанская дипломатія даже имѣла спеціально для этого особые фонды. Такой образъ дѣйствій имѣлъ столь широкое распространіе, что «привиллегированный шпіонъ» стало обычнымъ названіемъ для ди-

пломатическаго представителя. Военнымъ и придворнымъ особенно охотно давали дипломатическія порученія, потому что они умѣютъ нравиться дамамъ. Вести интригу черезъ женщинъ, не останавливаясь для этого передъ любовной связью, рекомендуютъ теоретики, и Фридрихъ Великій, по его собственному признанію, отправилъ посломъ въ Варшаву 25-лѣтняго графа Подевильса, «ради его изящной внѣшности и вкрадчивыхъ манеръ», что давало ему возможность «добиваться любви и довѣрія у женщинъ». Спаиванье виномъ было точно также довольно распространеннымъ пріемомъ дипломатической политики. Максимиліанъ II обыкновенно напаивалъ пословъ допьяна, желая вывѣдать у нихъ самыя сокровенныя тайны; иногда къ нимъ спеціально приставлялись люди, хорошо умѣвшіе выпить, чтобы, оставаясь трезвыми, довести посланника до опьяненія и разузнать его секреты. Отправлявшіе посольство хорошо знали эту опасность и посылали такихъ людей, которые могли перепить иностраннаго дипломата и воспользоваться его оплошностью. Фридрихъ Великій рекомендуетъ для этой цѣли одному изъ своихъ пословъ притворное опьяненіе, какъ уже испытанное дипломатическое средство. Спаиванье пословъ вошло даже въ теорію: «въ переговорахъ съ министрами сѣверныхъ странъ, — говоритъ одинъ французскій писатель, — иногда имѣетъ болѣе успѣха хорошій пьяница, чѣмъ трезвый человѣкъ, потому, что онъ умѣетъ пить, не теряя разсудка въ то время, какъ отнимаетъ его у другихъ».

Ложь во всевозможныхъ видахъ и формахъ считается вполнѣ позволительнымъ дипломатическимъ пріемомъ. «Главное ученіе катехизиса дипломатовъ, къ какой бы религіи они ни принадлежали,— говоритъ Бэйль въ своемъ Лексиконѣ,—изобрѣтать ложь и распространять ее между людьми». То же самое говорятъ и сами дипломаты. Посланникъ Іакова I, Wattons, такъ опредѣляетъ свою должность: «посолъ—это ловкій человѣкъ, распространяющій въ чужихъ краяхъ ложь въ интересахъ своей страны»; англійскій представитель на Утрехтскомъ конгрессѣ, Пріоръ, вполнѣ раздѣляетъ взглядъ своего соотечественника, называя себя «animal peregrine missum ad mentiendum rei publicae causa». Мендоза, испанскій посланникъ при папскомъ дворѣ, нѣсколько умѣреннѣе формулируетъ программу своей дѣятельности—«200 разъ обмануть того лжеца, который меня разъ обманетъ»; за то благочестивый дипломатъ-епископъ Гермоній совершенно оправдываетъ ложь въ политикѣ и только даетъ совѣтъ государственнымъ людямъ относиться къ словамъ пословъ съ крайней осторожностью. Но этотъ совѣтъ былъ излишнимъ, потому что взаимный обманъ и недовѣріе дошли до такой степени, что дипломатическіе представители, желая скрыть истину, говорили правду, зная, что ихъ словамъ не повѣрятъ. Такимъ политическимъ пріемомъ хвастался въ XVII вѣкѣ испанскій посланникъ Вега и позже Стэнгопъ, министръ Георга I англійскаго.

Дипломатическіе представители, непопулярные по самой должности, очень часто давали поводъ къ обвиненіямъ своимъ поведеніемъ внѣ службы. Посланникъ Фердинанда Католика въ Англіи, де-Пуэбла, велъ крайне разгульную жизнь, наполнилъ свою квартиру непотребными женщинами и, наконецъ, пользуясь правомъ неприкосновенности, завелъ въ компаніи съ домовладѣльцемъ настоящій вертепъ, гдѣ его сожительницы обирали молодыхъ джентльменовъ. Другой испанскій посолъ, de Ayala, отличался, не смотря на свой духовный санъ, непомѣрнымъ буйствомъ; изъ 12 слугъ, привезенныхъ имъ съ родины, половина была перебита въ уличныхъ схваткахъ; его капелланъ съ большимъ трудомъ избавился отъ смертной казни, на которую онъ былъ осужденъ за буйство. Въ XVII вѣкѣ, прусскій резидентъ въ Голландіи былъ повѣшенъ за фабрикацію фальшивой монеты. На посольскія мѣста довольно часто попадали недостойные люди особенно потому, что ихъ добивались наиболѣе испорченные члены знатныхъ фамилій, которые спасались за границей или отъ плохой репутаціи, или отъ назойливыхъ кредиторовъ. Дурная молва ходила также о резидентахъ маленькихъ государствъ въ большихъ торговыхъ городахъ. При значительныхъ издержкахъ на дипломатію мелкіе владѣтели нашли средство облегчить свою казну и даже сдѣлать представительство источникомъ доходовъ: они продавали дипломатическія должности мѣстнымъ жителямъ, которые, не имѣя никакихъ обязанностей, пользовались почетомъ, а иногда извлекали даже выгоду изъ права неприкосновенности. Этотъ обычай повелъ къ большимъ злоупотребленіямъ. Въ XVIII вѣкѣ, Мозеръ жалуется, что мелкіе дворы назначаютъ своими резидентами людей, которые занимаются постыднымъ ремесломъ и иногда попадаютъ на висѣлицы. Вслѣдствіе этого, реноме второстепенныхъ дипломатическихъ представителей пало такъ низко, что прусскій резидентъ, Бенуа, просилъ свое правительство дать ему какой нибудь другой титулъ, такъ какъ прежнее названіе стало источникомъ позора.

Когда роскошная обстановка и обширный составъ сдѣлались необходимою принадлежностью посольства и въ силу этого его содержаніе стало весьма дорого, то появились новые поводы къ недовольству дипломатіей. Нѣкоторыя правительства пытались устранить это зло и удешевить международныя сношенія, замѣняя пословъ резидентами и агентами; но бороться съ установившимися понятіями было трудно: такимъ уполномоченнымъ не давали аудіенцій правительства, ихъ презирало общество, и миссія не достигала своей цѣли. Весьма характерна въ этомъ отношеніи попытка Великаго Курфюрста. Его посолъ перваго ранга въ Гагѣ истратилъ огромныя суммы, и Фридрихъ-Вильгельмъ далъ слово не отправлять больше посланниковъ, замѣнивъ ихъ повсюду агентами; но прошло нѣсколько лѣтъ, и курфюрстъ увидѣлъ себя вынужденнымъ

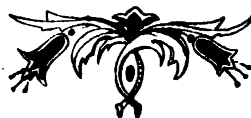
нарушить свое слово: резиденты или получили высшіе титулы, или были замѣнены послами.

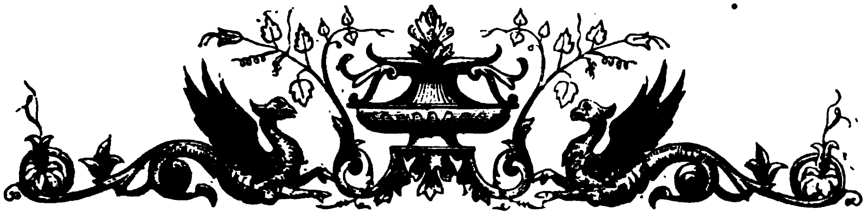
Огромныя издержки вызывали тѣмъ большее раздраженіе въ обществѣ, что, повидимому, онѣ не оправдывались заслугами дипломатовъ. Дѣйствительно, безчисленныя церемоніи и парады заслоняли отъ глазъ наблюдателя плодотворные результаты дипломатической работы. Еще въ прошломъ столѣтіи, высказывалось мнѣніе, что «постоянные послы только и дѣлаютъ, что проводятъ время за пирами, зрѣлищами и другими забавами и считаютъ свои обязанности исполненными, извѣщая время отъ времени своего государя, что они еще живы». Такое же впечатлѣніе производили безконечные споры за мѣста и ранги, которые не были смѣшны только потому, что могли повлечь за собою весьма серьёзныя опасности. Эти споры, начавшіеся вмѣстѣ съ дипломатіей, тянулись цѣлыя столѣтія, причиняя немало огорченій, какъ самимъ посламъ, такъ и государямъ, при дворахъ которыхъ они были аккредитованы. Особенно упорна и ожесточенна была борьба за дипломатическое первенство между Франціей и Испаніей. При дворѣ императора столкновеніе этихъ представителей происходило при всякомъ случаѣ и почти всегда оканчивалось уличной схваткой. Послы состязались и блескомъ платья, и богатствомъ украшеній, и изяществомъ экипажей, и цѣнностью лошадей; чтобы одержать побѣду, они пускаются на всевозможныя хитрости, позволяютъ себѣ насилія не только на улицахъ, но и въ дворцахъ и даже въ храмахъ. Этотъ спортъ сопровождался иногда траги-комическими эпизодами. Однажды на узкой улицѣ въ Гагѣ встрѣтились экипажи соперничавшихъ пословъ; разъѣхаться было невозможно, повернуть назадъ казалось оскорбительнымъ. Положеніе было критическое, и правительство встревожилось. Было созвано экстренное собраніе, и народные представители три часа изыскивали средство выйдти изъ затрудненія, не оскорбивъ чести представителя какой либо изъ обѣихъ державъ. Наконецъ, рѣшили послать роту солдатъ, чтобы они сломали заборъ и такимъ образомъ расширили улицу; тогда послы, послѣ трехчасовой остановки, разъѣхались: французскій поѣхалъ прямо, испанскій повернулъ направо, и каждый считалъ себя побѣдителемъ. Въ 1661 году, подобное столкновеніе едва не повело къ войнѣ между Франціей и Испаніей. Между обоими посольствами произошла обычная уличная драка, въ которой побѣдили испанцы. Тогда въ дѣло вмѣшался Людовикъ XIV и отправилъ въ Испанію ультиматумъ, требовавшій подъ угрозой войны немедленнаго удовлетворенія. Филиппъ IV извинился, но это показалось недостаточнымъ, и испанское правительство должно было отправить въ Парижъ чрезвычайное посольство и торжественно внести извиненіе въ особый актъ. Въ память этого замѣчательнаго событія была выбита медаль съ приличными случаю надписями.

Дипломатическое соперничество между Франціей и Испаніей причинило немало затрудненій при заключеніи Нимвегенскаго мира, въ 1678 году. Послѣ безконечныхъ споровъ и уличныхъ столкновеній голландскому министру удалось, наконецъ, устроить примиреніе, и трактатъ былъ подписанъ при слѣдующей весьма характерной обстановкѣ. Оба посла одновременно пріѣзжали къ министру, одновременно вступали въ его домъ и каждый входилъ въ свою отдѣльную комнату; оттуда одновременно выходили они въ залу, гдѣ на особомъ столѣ лежалъ написанный въ двухъ экземплярахъ трактатъ, шли къ столу одинаковыми шагами, одновременно подходили, садились, подписывали договоръ и уходили обратно. Подобное же соперничество происходило и между другими державами, въ особенности же между мелкими государствами Италіи. Венеціанскій посолъ заявилъ однажды Карлу V, что онъ скорѣе пожертвуетъ своей головой, чѣмъ дипломатическимъ первенствомъ, и ударомъ кулака повалилъ въ грязь флорентійскаго представителя, осмѣлившагося вступить съ нимъ въ споръ. Но эта борьба менѣе безпокоила государей, при дворѣ которыхъ она происходила; два итальянскіе посла, встрѣтившись однажды на мосту въ Вѣнѣ и не желая уступить другъ другу дорогу, простояли цѣлый день и, всетаки, разошлись безъ вмѣшательства австрійскаго правительства. Это мѣстничество становилось, однако, весьма опаснымъ, если оно происходило при дворѣ мелкаго владѣтеля: генуэзцы объявили войну Лугуиньяну за то, что онъ рѣшилъ споръ о дипломатическомъ первенствѣ въ пользу Венеціи. Всѣ эти раздоры, происходившіе на виду у общества и имѣвшіе иногда весьма печальныя послѣдствія, не могли не возбуждать неудовольствія противъ дипломатіи.

Одинъ писатель, жившій въ то время, когда постоянныя дипломатическія отношенія только что установились, называлъ ихъ «бѣдственнымъ порожденіемъ своего бѣдственнаго времени»; съ тѣхъ поръ прошло болѣе двухъ столѣтій, многое измѣнилось въ дипломатіи и отношеніе къ ней общества стало значительно благопріятнѣе, а если и теперь раздаются, по временамъ, осуждающіе ее голоса, то въ этомъ далеко не всегда виноваты условія дипломатической дѣятельности и политическая неопытность публики.

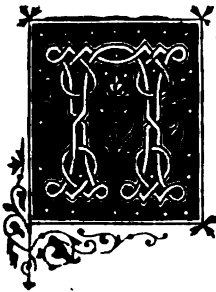
М. Корелинъ.





ЦЕНЗУРА ВРЕМЕНЪ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

1796 — 1801.



ОСЛѢДНІЯ семь лѣтъ царствованія Екатерины II были ненастными, осенними сумерками послѣ ясныхъ дней славы и величія Россіи. Пораженная ужасомъ въ виду страшныхъ событій французской революціи, внимая навѣтамъ нѣкоторыхъ приближенныхъ, имѣвшихъ свои личныя выгоды поддерживать въ престарѣлой государынѣ постоянно тревожное и ожесточенное настроеніе духа, «богоподобная Фелица» мало-по-малу отодвинулась за полвѣка назадъ и напомнила нѣкоторыми изъ своихъ распоряженій по части внутренней политики, — хотя, разумѣется, въ болѣе мягкихъ формахъ, — времена Анны Іоанновны.

Миновали дни «златаго вѣка» Екатерины, хотя Державинъ, воскуряя ѳиміамъ Платону Зубову, и восклицалъ въ умиленіи:

Дней гражданинъ золотыхъ,
Истый любимецъ Астреи!

Однако же, при всей своей низкопоклонливости, поэтъ въ 1790-хъ годахъ не рѣшился бы сказать Екатеринѣ:

Еще же говорятъ неложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить!

Или —

Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойдтися могъ?

Все это можно было смѣло говорить «Фелицѣ» 1782 года, но не Екатеринѣ — 1792-го. Другія времена—другія пѣсни. Пятнадцать, двадцать лѣтъ тому назадъ она переписывалась съ Вольтеромъ и энциклопедистами,—теперь ихъ предавали анаѳемѣ, какъ главныхъ виновниковъ и сѣятелей идей революціонныхъ; теперь Екатерина не размѣнивалась бы съ Фонвизинымъ шуточными посланіями и, безъ сомнѣнія, не дозволила бы «Недоросля» къ представленію, а «Придворной грамматики» — къ печати. Смерть, можетъ быть, во время избавила «друга свободы», какъ назвалъ Пушкинъ Фонвизина, отъ ссылки, или каземата. Предрѣчіемъ къ его гоненію были слова Екатерины:

— Плохо мнѣ приходится, знать: ужъ и господинъ Фонвизинъ хочетъ учить меня царствовать!

Затѣмъ послѣдовало запрещеніе ему издавать журналъ «Другъ честныхъ людей», въ которомъ заподозрѣли маратовскаго «Друга народа».

Но изъ отечественныхъ писателей этого тяжелаго времени Фонвизинъ былъ не единственною жертвою подозрительности правительства и той несчастной мысли, что «все зло—отъ сочинителей». Трагедія Княжнина [1]) «Вадимъ Новгородскій», запрещенная въ 1790 году къ представленію на сценѣ, но напечатанная въ 1793, была по распоряженію высшей власти истреблена до единаго экземпляра келейно, хотя первоначально предположено было сжечь ее рукою палача. Можно ли обойдти молчаніемъ имена Новикова, Лопухина, Радищева; можно ли не упомянуть о перлюстраціи писемъ? Если бы молодой Карамзинъ не уѣхалъ въ это время за границу, въ Европу, несомнѣнно, онъ былъ бы отправленъ на казенный счетъ въ сѣверную Азію.

Революціонная буря, свирѣпствовавшая во Франціи, затихла; недавнее царствованіе террора смѣнилось Директоріею, этимъ прологомъ къ консульству. Вмѣсто потоковъ крови полилось шампанское, и настало царство веселія. Но у насъ это прекращеніе кровавой горячки во Франціи не вызвало никакой отмѣны репрессивныхъ мѣръ.

Съ кончиною Екатерины II отношенія правительства къ литературѣ не только не измѣнились къ лучшему, но сдѣлались еще суровѣе. Екатерина, пережившая всѣ фазисы французской революціи, казнь Людовика XVI и предшествовавшее ей убіеніе Густава III шведскаго, еще имѣла нѣкоторое основаніе ограждать Россію отъ наплыва новыхъ идей, враждебныхъ самодержавію и не менѣе того духу народному. Императоръ Павелъ вступилъ на престолъ, когда Франція, какъ мы уже говорили, очнулась отъ своей горячки и понемногу возвращалась къ возстановленію единовластія.

---

[1]) Онъ умеръ въ одинъ годъ съ Фонвизинымъ—14 января 1791 года.

Но Павелъ I ужасался революціи заднимъ числомъ; онъ съ яростью попиралъ осколки якобинизма, принималъ эхо за живой голосъ, тѣнь за живое существо, внѣшность за внутренность. Въ первый же годъ своего воцаренія, государь подвергъ строжайшему преслѣдованію французскія моды: фраки, круглыя шляпы, пряжки, широкіе галстухи, самую обувь [1]). Затѣмъ обратилъ вниманіе на очистку русскаго языка отъ иностранныхъ словъ, напоминавшихъ недавній переворотъ во Франціи, или наоборотъ—вводилъ въ употребленіе новыя иностранныя слова, взамѣнъ русскихъ. Такъ, напримѣръ, въ донесеніяхъ на высочайшее имя слѣдовало писать: вмѣсто «степень» — классъ, «стража» — караулъ, «отрядъ» — деташементъ, «общество» — собраніе, «гражданинъ»—купецъ, или мѣщанинъ, и т. д. [2]). Соблюденіе той же осмотрительности вмѣнено было въ неукоснительную обязанность всѣмъ литераторамъ, подчиненнымъ строжайшей, неумолимой цензурѣ, предварительной и карательной. Книга, или театральная піеса, дозволенная къ представленію на сценѣ, или къ печати, могли быть внезапно запрещены и конфискованы; наоборотъ, запрещенныя—дозволены [3]). Таковы были отношенія цензуры къ оригинальнымъ русскимъ сочиненіямъ; понятно, что строгость къ иностраннымъ—доходила до невозможнаго.

Для просмотра книгъ, привозимыхъ изъ-за границы, были назначены особые цензора при таможняхъ, въ обѣихъ столицахъ, въ Ригѣ и въ Радзивиловѣ. Сочиненія подозрительныя они представляли на усмотрѣніе предсѣдателя цензурнаго совѣта [4]), журналы котораго докладывались самому государю. По оффиціальнымъ документамъ, втеченіе двухъ лѣтъ (1797 — 1799) всѣхъ книгъ было законфисковано 639, изъ которыхъ 552 — только при одной рижской таможнѣ. Тамъ свирѣпствовалъ знаменитый обскурантъ Ѳедоръ Осиповичъ Туманскій, обще съ духовнымъ цензоромъ протоіереемъ Тихоміровымъ и «ученымъ» — Иноходцевымъ. Усердствуя не по разуму, эти господа чудесили въ волю и обрекали на сожженіе вмѣстѣ съ подозрительными книгами самыя невинныя и безгрѣшныя. Приводимъ нѣсколько примѣровъ.

«Путешествіе Гулливера», Свифта. Кажется, что и злѣйшій врагъ автора не могъ бы найдти въ этой книгѣ ничего вреднаго; но Туманскій думалъ иначе. «Въ сей книгѣ,—докладывалъ

---

[1]) См. указы и распоряженія 1796—1800 гг., Русская Старина, 1871 года, томъ III, стр. 628—640.

[2]) Русская Старина, 1872 года, томъ VI, стр. 98.

[3]) Такъ было съ «Ябедой» Капниста. Автору угрожала ссылка, но, увидѣвъ піесу на сценѣ, Павелъ I не только дозволилъ ее къ представленію, но и щедро наградилъ автора.

[4]) Первымъ предсѣдателемъ былъ оберъ-прокуроръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ; послѣ него — свѣтлѣйшій князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ.

онъ, — авторъ старается разныя при дворахъ учрежденія осмѣивать, какъ, напримѣръ, весьма ѣдко на стр. 305, что прыганіе на веревкахъ производится токмо людьми великими...».

«Дитя (сынъ) любви», драма Коцебу, игранная на сценѣ. О ней Туманскій докладывалъ: «что токмо дѣти незаконнорожденныя суть дѣти любви, — несправедливо и неблагопристойно; а поэтому и самый титулъ соблазнителенъ...».

«Часы Досуга», книга для дѣтей показалась ему «сумнительной»: бой быковъ въ Испаніи авторъ называетъ «сіе игрище подлымъ и безчеловѣчнымъ, а онъ былъ назначенъ королемъ и происходилъ въ его присутствіи, что не инако какъ до двора королевскаго относится».

«Нравственные разсказы Августа Лафонтена». «Довлѣетъ воспретить: на стр. 159 авторъ осмѣливается говорить о постыдности искать чиновъ, унижая себя предъ златомъ, или высшею степенью негодяя...».

Подвиги свои Туманскій завершилъ достойнымъ образомъ, подведя подъ наказаніе кнутомъ несчастнаго пастора Зейдера [1]), доносомъ на него, что онъ безъ разрѣшенія правительства держитъ библіотеку и раздаетъ изъ нея книги для чтенія своимъ знакомымъ!! Несчастнаго схватили, привезли въ Петербургъ и здѣсь, продержавъ двѣ недѣли въ крѣпости, 1-го іюня 1800 года, приговорили къ наказанію 20 ударами кнута и ссылкѣ въ Нерчинскъ...

Доносчикъ, Туманскій, умеръ въ 1810 году, говорятъ, удрученный нищетою и всеобщимъ презрѣніемъ... Это запоздалое наказаніе порока, впрочемъ, довольно сомнительно.

Старшій сынъ его, Михаилъ Ѳедоровичъ, шествовалъ по стопамъ родителя, будучи въ одно время съ нимъ цензоромъ въ Петербургѣ. Такъ какъ мы пояснимъ его дѣятельность документальными данными далѣе, то предварительно скажемъ нѣсколько словъ о цензурѣ московской, дѣйствовавшей въ одномъ и томъ же духѣ съ Туманскими. Приводимъ одни факты.

«Объ истинномъ христіанствѣ», Арндта. Указомъ императрицы Елисаветы Петровны въ 1743 году книга эта была запрещена по той причинѣ, что напечатана въ Галле безъ разрѣшенія правительствующаго синода (?!!) Въ 1784 году, императрица Екатерина подтвердила это запрещеніе; въ 1799 году, московская цензура, не находя въ книгѣ ничего противнаго вѣрѣ и благочестію, затруднилась ея выпускомъ, разрѣшеннымъ, однако же, императоромъ Павломъ Петровичемъ.

Для облегченія цензоровъ государь, 7-го марта 1799 года, повелѣлъ, «чтобы впредь всѣ книги, коихъ время помѣчено какимъ

[1]) Ѳедоръ Ивановичъ Зейдеръ родился въ Кенигсбергѣ, 8 февраля 1766 г., умеръ въ Гатчинѣ, 24 іюля 1834 г. Описаніе его страданій—см. Русская Старина, 1878 года, томъ XXI, стр. 463—490; томъ XXII, стр. 117—156.

нибудь годомъ французской республики были запрещаемы». Это, по крайней мѣрѣ, было ясно и категорично: цензорамъ достаточно было только взглянуть на нижнюю строку заглавія книги, чтобы ее разрѣшить, или запретить къ выпуску.

Жительница Калуги, нѣкая дѣвица Демидова, сочинила романъ въ письмахъ и отдала его на разсмотрѣніе московской цензуры. Послѣдняя представила рукопись, какъ сомнительную, на усмотрѣніе предсѣдателя цензурнаго совѣта, князя Александра Борисовича Куракина, съ такимъ мнѣніемъ:

«Сочиненіе сіе, впрочемъ, не заслуживало бы особеннаго вниманія, если бы въ немъ не былъ примѣтенъ духъ нѣкоей философіи, несообразной съ государственными правилами, добрыми нравами и любовію къ отечеству».

Въ выпискѣ изъ журнала совѣта, отъ 22-го октября 1797 года, сказано: «совѣтъ, находя въ сихъ письмахъ разныя неприличныя о послѣдней нашей войнѣ съ турками разсужденія, полагалъ, что сего романа въ печать издавать не слѣдуетъ, а надлежитъ препроводить его въ цензуру обратно, для возвращенія тому, отъ кого онъ полученъ, и для изъясненія притомъ, что если онъ подлинно сочиненъ дѣвицею, то занималась она дѣлами, совсѣмъ до нея не касающимися».

На поляхъ отмѣчено: «На подлинномъ протоколѣ совѣта, при докладѣ его императорскому величеству княземъ Александромъ Борисовичемъ отмѣчено: «не въ цензуру возвратить, а съ симъ манускриптомъ поступить, какъ съ прочими запрещенными книгами (т. е. сжечь)».

Рѣшенія петербургской цензуры бывали также иногда замѣчательны. Напримѣръ:

«Всеобщій учебникъ для бюргерскихъ школъ» (die Bürgerschule — т. е. гражданскія училища). «Въ сей книгѣ, весьма, впрочемъ, для наставленія юношества полезной, одно только мѣсто замѣчается сомнительнымъ, гдѣ авторъ, говоря о всеобщихъ правахъ человѣчества и поставляя въ числѣ оныхъ главнѣйшимъ— право личности, утверждаетъ, что рабство противно разуму, и что вслѣдствіе сего никакой человѣкъ не долженъ быть собственностію другаго...».

«Le Nord litteraire»—журналъ. «На стр. 253 находится критика на учрежденіе цензуръ, причемъ наипаче рижская цензура съ насмѣшкою опорочивается, почему сей нумеръ почитается въ выпуску неудобнымъ...» [1]).

Слѣдующіе документы трехъ послѣднихъ лѣтъ царствованія императора Павла Петровича, впервые нами печатаемые, дополняютъ характеристику нашей цензуры его временъ.

---

[1]) Г. К. Рѣпинскій, «Цензура въ Россіи при императорѣ Павлѣ I» (Русская Старина, 1875 г., томъ XIV, стр. 454—469).

I.

«Милостивый государь.

«Изъ доставленной мнѣ при письмѣ вашего превосходительства, отъ 5-го сего мѣсяца, книги на нѣмецкомъ языкѣ: «Unser Jahrhundert», сочиненія доктора философіи Стевера, учиненные въ здѣшней цензурѣ въ сходственность повелѣнія его императорскаго величества выписку и переводъ замѣченныхъ мѣстъ имѣю честь при семъ купно съ самою книгою вашему превосходительству представить. Вслѣдствіе высочайшей воли, въ томъ же повелѣніи изображенной, разсматривано вообще и все сочиненіе, но не найдено, впрочемъ, ничего противнаго, кромѣ замѣченнаго неосновательнаго утвержденія на страницѣ 35, гдѣ авторъ, говоря о морской баталіи при Швенсквундѣ, уронъ съ россійской стороны съ невѣроятнымъ излишествомъ показалъ. А въ концѣ сея книги, на стр. 554-й и слѣдующихъ, помѣщены два манифесты, кои обще съ другими листами во всѣхъ указныхъ въ 1762 году книгахъ государь императоръ истребить повелѣлъ. Донося о семъ, имѣю честь быть съ истинною преданностію и совершеннѣйшимъ почтеніемъ, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорный слуга Михаилъ Туманскій. Сентября 10-го дня 1799 года. С. Петербургъ, № 519-й».

II.

«Милостивый государь.

«По надлежащемъ просмотрѣніи книги на нѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ «Изображеніе достопамятныхъ происшествій и знаменитыхъ особъ нынѣшняго столѣтія», сочиненія доктора Штевера, томъ 2-й, по высочайшему повелѣнію отъ вашего превосходительства ко мнѣ препровожденной, имѣю честь оную обратно представить съ замѣчаніями о сомнительныхъ въ оной мѣстахъ, въ коихъ неимовѣрныя и оскорбительныя утвержденія противъ прежде бывшей власти находятся, докладывая, что, кромѣ оныхъ, ничего въ прочемъ противнаго правиламъ цензуры въ ней не находится. Имѣю честь быть съ истиннѣйшимъ почтеніемъ, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга Михаилъ Туманскій. 1799 года ноября 3-го дня, С.-Петербургъ, № 636-й.

III.

«Въ книгѣ подъ заглавіемъ «Изображеніе достопамятныхъ происшествій и знаменитыхъ особъ нынѣшняго столѣтія», сочиненія док-

тора Штевера, томъ 2-й, слѣдующія мѣста замѣчены сомнительными:

«Въ статьѣ объ осужденіи царевича Алексѣя Петровича на стр. 321, 322 и 323 приписывается государю Петру I необычайно строгое осужденіе двухъ монаховъ одного уніатскаго монастыря и толико же безчеловѣчный поступокъ противъ царевича, не заслуживающій вѣроятія по неосновательности своей.

«На стр. 344 противно словамъ манифеста о смерти царевича утверждается, будто онъ не натуральною смертію умеръ, но казненъ былъ.

«Въ прочемъ же содержаніи сего сочиненія ничего предосудительнаго не усмотрѣно.

«Статскій совѣтникъ и кавалеръ Туманскій».

Въ 1800 году, Туманскій-отецъ, кромѣ доноса на пастора Зейдера, ознаменовалъ свою дѣятельность еще однимъ непозволительно-безсовѣстнымъ подвигомъ: онъ запретилъ къ продажѣ въ Россіи нѣмецкій переводъ «Писемъ русскаго путешественника» Карамзина, сдѣланный Рихтеромъ въ Лейпцигѣ. Поводомъ къ запрещенію послужили чувства мщенія цензора русскому автору за то, что Карамзинъ, въ 1791 году, написалъ рѣзкую рецензію на переведенное Туманскимъ сочиненіе Палефата «О невѣроятныхъ сказаніяхъ». Замѣтимъ при этомъ, что въ біографіяхъ Ѳ. О. Туманскаго есть нѣкоторая неточность. Печатаемые нами документы подписаны Михаиломъ Туманскимъ—его сыномъ, который въ 1801 году былъ уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ; отецъ же, по словамъ Лонгинова («Русская Старина», 1873 г., томъ VIII, стр. 335), въ 1801 году оставилъ службу въ чинѣ статскаго совѣтника, съ пенсіономъ, и умеръ въ 1805 году на родинѣ своей, въ Глуховѣ, а по словамъ Зейдера—въ Ригѣ; по словамъ же г-жи Литвиновой (Рус. Стар., 1875 г., томъ XIV, стр. 469), Туманскій умеръ въ декабрѣ 1810 года на хуторѣ Родіоновка, близь Глухова. Ясно, что его смѣшиваютъ съ старшимъ сыномъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, цензоромъ въ Петербургѣ, о дѣятельности котораго свидѣтельствуютъ какъ вышеприведенные, такъ и нижеслѣдующіе документы.

IV.

«Der redliche Starost unter seiner Dorfgemeine, ein ländliches Gemälde in einem Aufzuge.

«S-r Majästät dem Kaiser und Selbstherrscher aller Reussen Paul dem Ersten unterthänigst gewidmet.

(Честный староста среди своихъ односельцевъ. Сельская картина въ одномъ дѣйствіи. Его величеству императору и самодержцу всероссійскому Павлу Первому всеподданнѣйше посвящено).

«Содержаніе сей піесы есть слѣдующее: староста въ нѣкоторой деревнѣ собираетъ крестьянъ, объявляетъ имъ свое намѣреніе сложить съ себя свою должность; всѣ объ немъ сожалѣютъ; просятъ, чтобы онъ остался, но онъ отъ своего намѣренія не отстаетъ. Крестьяне напослѣдокъ согласились выбрать сына его на его мѣсто, который женится на богатой дѣвушкѣ. Все сіе происходитъ въ торжественный день коронованія его императорскаго величества государя Павла I. Вотъ главное существо сей піесы, не заключающее ничего противнаго; но между прочими по сей матеріи разсужденіями сочинитель привмѣшиваетъ и такія, кои не соотвѣтственны нравамъ и умоначертанію крестьянъ, а паче русскихъ. Напримѣръ, деревенскій староста, главное тутъ дѣйствующее лице, безпрестанно и некстати твердитъ объ отечествѣ, о любви къ отечеству, о неустрашимости и славѣ умереть за отечество; разсуждаетъ о мирѣ и войнѣ; въ супружескомъ и семейственномъ счастіи приводитъ крестьянамъ въ примѣръ императора и императорскій домъ; въ одномъ, наконецъ, мѣстѣ сравниваетъ себя съ государемъ относительно занимаемой имъ въ селѣ должности.

«Сіи и подобныя сему нескладныя разсужденія почитаются невмѣстными и неприличными для крестьянъ. (Подписали). Гражданскій ценсоръ статскій совѣтникъ Туманскій. Ученой ценсоръ коллежскій совѣтникъ Семенъ Котельниковъ. Секретарь Михайло Селастенникъ».

V.

«Милостивый государь мой, Ѳедоръ Максимовичъ!

«Присланное при отношеніи вашего превосходительства сочиненіе подъ заглавіемъ «Der redliche Starost» санктпетербургскою цензурою просмотрѣно и хотя не найдено въ немъ ничего прямо противнаго правиламъ, цензурѣ предписаннымъ, но по несообразности выраженныхъ тутъ мыслей съ обыкновеніями и мыслями россійскихъ крестьянъ не заслуживаетъ, по мнѣнію ея, быть напечатано, а паче во избѣжаніе перевода онаго на россійской языкъ, что могло бъ произвести въ простомъ народѣ разные толки, а потому какъ самое сочиненіе, такъ и сдѣланныя цензурою замѣчанія, препровождая при семъ, есмь съ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга, (подписано) Петръ Обольяниновъ. № 4,809, въ Павловскѣ, іюня 10-го дня 1800. Его превосходительству Врискорну. (Помѣта сверху: получено 12-го іюня 1800 года).

VI.

«Милостивый государь мой, Θедоръ Максимовичъ!

«Доставленныя ко мнѣ по вашему повелѣнію отъ вашего превосходительства, отъ 5-го минувшаго февраля, три книги: 1) Россійская грамматика, 2) Россійской словарь, 3) Для обученія чтенію,—санктпетербургская цензура, по предложенію моему, разсматривала, и первыя двѣ найдены несомнительными, третія жъ въ разсужденіи содержащихся въ ней сомнительныхъ мѣстъ къ впуску въ Россію не одобрена; почему, оныя вмѣстѣ съ замѣчаніями цензоровъ возвращая при семъ къ вашему превосходительству, честь имѣю увѣдомить васъ, милостивый государь мой, что по содержанію объявленнаго въ отношеніи ко мнѣ вашемъ высочайшаго повелѣнія о впускѣ первыхъ двухъ изъ-за границы въ Россію, сообщилъ я министру коммерціи, дѣйствительному тайному совѣтнику князю Гагарину. Въ прочемъ съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства милостиваго государя моего покорнѣйшій слуга, (подписано) Петръ Обольяниновъ. № 3,320, марта 11-го дня 1801 года. Его превосходительству Брискорну. Отмѣта сверху: получено марта 11-го».

VII.

«Выписка замѣченныхъ санктпетербургскою цензурою сомнительныхъ мѣстъ въ книгѣ для обученія чтенію.

«Въ описаніи перваго стрѣлецкаго возмущенія, взятомъ изъ сочиненій г. Сумарокова на стр. 109 и 110. Г. Сумароковъ обвиняетъ патріарха Іоакима, якобы онъ былъ сообщникъ лютаго стрѣльцовъ злодѣянія; но сіе несправедливо, ибо современные писатели сего происшествія свидѣтельствуютъ, что патріархъ противустоялъ злоумышленной сторонѣ; въ единомысліи же со стрѣлками (sic) только одинъ г. Сумароковъ, безъ всякаго основанія и доказательства, старается его обвинить.

«Изъ сочиненій г. Фонвизина, стр. 183. Басня: «Лисица ка(о)знодѣй», въ которой представляется смерть и погребеніе льва, сужденіе звѣрей о его свойствахъ есть содержанія сатирическаго, изображена въ дерзкихъ выраженіяхъ и наполнена язвительностію.

«(Подписали). Духовный цензоръ протоіерей Стахей Колосовъ. Цензоръ дѣйствительный статскій совѣтникъ Туманскій. Ученой цензоръ коллежской совѣтникъ Семенъ Котельниковъ. (Скрѣпилъ). Секретарь Михайло Беластенникъ».

Эта бумага была послѣднимъ подвигомъ цензуры царствованія императора Павла.—12-го марта 1801 года, съ воцареніемъ Александра I занялась заря новаго вѣка, важныхъ государственныхъ преобразованій и отмѣны многихъ установленій минувшихъ царствованій.

П. Каратыгинъ.

СЕМЬЯ ВЪ ПРОШЕДШЕМЪ.

(Этюдъ по исторіи нравственныхъ понятій).

Ъ ГЛАЗАХЪ многихъ читателей исторія до сихъ поръ остается собраніемъ интересныхъ фактовъ, интересныхъ неизвѣстно почему, и, вслѣдствіе преобладанія такого рода интереса къ историческимъ фактамъ, отступаетъ совершенно на задній планъ одна изъ важнѣйшихъ задачъ исторической науки—познаніе законовъ развитія политическихъ и нравственныхъ основъ человѣческаго общества. Между тѣмъ, уясненіе этихъ законовъ есть одно изъ средствъ въ борьбѣ съ вредными общественными предразсудками.

Однимъ изъ такихъ предразсудковъ мы считаемъ пущенное Жанъ-Жакомъ Руссо мнѣніе, что цивилизація развращаетъ человѣка, и что спасеніе заключается въ обращеніи въ первобытное состояніе. Для опроверженія этого послѣдняго утвержденія, казалось бы, достаточно простаго здраваго смысла, который и сказался въ словахъ Вольтера, приглашавшаго человѣчество ходить на четверенькахъ. Но въ вышесказанной доктринѣ есть нѣчто столь соблазнительное, столь оправдывающее порывы себялюбивыхъ душъ, что стремленіе вернуться къ первобытному состоянію и по настоящее время не потеряло своей силы. Пропаганду этой доктрины, въ ея обновленномъ, конечно, видѣ, нетрудно отыскать даже и въ современной жизни, но на этотъ разъ это отвлекло бы насъ отъ нашей задачи, и потому для насъ важнѣе опредѣлить отношеніе общества къ первому изъ двухъ вышесказанныхъ положеній, т. е. къ тому, что цивилизація ведетъ къ развращенію нра-

вовъ. Замѣчательно, что къ этой доктринѣ охотно склоняются и сентиментально-либеральные умы, и всякаго рода поборники закоренѣлаго застоя, причемъ ни тѣ, ни другіе совершенно не считаются съ тѣмъ, чтó такое въ области нравственнаго развитія прошедшее и чтó такое настоящее, не смотря на то, что солиднѣйшія изслѣдованія послѣдняго времени дали богатѣйшій матеріалъ для ознакомленія съ первобытной культурой человѣчества. Все это въ общественномъ пониманіи остается достояніемъ спеціалистовъ—ученыхъ, читающая публика тяготится даже статьями объ этомъ предметѣ, изрѣдка появляющимися на страницахъ журналовъ, находя, что все это не имѣетъ никакого отношенія къ современности.

Между тѣмъ, объсненіе этой со всѣхъ сторонъ обступающей насъ современности, думается намъ, надо искать въ болѣе чѣмъ отдаленной древности, на ступеняхъ развитія столь низкихъ, что голова идетъ кругомъ, если только заглянуть въ эту пропасть дикости и звѣрства.

Возвращаясь къ нашей темѣ, мы видимъ, что въ обществѣ есть два рода отношенія къ явленіямъ, выходящимъ изъ ряда обычныхъ въ области нравственныхъ отношеній: съ одной стороны, вы слышите укоризны, направленныя противъ цивилизаціи, приведшей людей къ разврату; съ другой — вы слышите оправданіе самыхъ возмутительныхъ фактовъ, на основаніи якобы просвѣщеннаго взгляда на вещи, какъ послѣдняго слова цивилизаціи.

Оба эти взгляда не что иное, какъ результатъ забвенія или незнанія исторіи цивилизаціи. Цивилизація, какъ понятіе общее, необыкновенно широкое, объемлетъ неимовѣрное многообразіе явленій, изъ которыхъ чрезвычайно многія сами по себѣ имѣютъ сложное историческое развитіе. Семья—одно изъ такихъ явленій и ея историческое развитіе чрезвычайно сложно и поучительно. Назрѣлъ ли хотя сколько нибудь въ глазахъ общества интересъ къ подобнаго рода вопросамъ? Если появленіе какой либо книги не объяснять исключительно, какъ результатъ каприза автора, переводчика, издателя, то мы имѣемъ передъ собой недавно вышедшую книжку «Бракъ въ его всемірно-историческомъ развитіи» (сочиненіе доктора Іосифа Унгера, пер. Я. Р., Кіевъ, 1885, стр. 162). Нельзя сказать, чтобы выборъ русскаго переводчика былъ очень удаченъ. Книжка Унгера производитъ впечатлѣніе посредственной философско-юридической диссертаціи. Авторъ, ревностный сторонникъ философіи Гегеля, строитъ все свое изложеніе на гегелевскихъ философскихъ схемахъ и пользуется гегелевской терминологіей. Въ результатѣ: на половину — отвлеченныя (столь извѣстныя русской публикѣ еще съ сороковыхъ годовъ) обобщенія, на половину—аргументація, чрезвычайно бѣдная фактами, такъ какъ авторъ проявляетъ совершенное незнакомство съ такими классическими работами какъ по первобытной куль-

турѣ вообще, такъ и въ особенности по исторіи брака и семейныхъ отношеній, каковы, напримѣръ, труды Бахофена (Das Mutterrecht и др.), Жиро-Тёлона и др. Авторъ удовлетворился хронологическимъ изложеніемъ взглядовъ на бракъ и семейныя отношенія въ различныя эпохи, нисколько не руководясь въ этомъ случаѣ законами прогресса и постепеннаго развитія нравственныхъ явленій; по прочтеніи книжки, вопросъ нисколько не уясняется, а въ головѣ остаются только ничѣмъ не связанные факты изъ жизни разныхъ народовъ разныхъ временъ.

Нельзя поэтому не выразить сожалѣнія, что, вмѣсто этой книжки, въ русской переводной литературѣ не нашло себѣ мѣста другое замѣчательное по тому же вопросу сочиненіе, вышедшее въ прошломъ году. Это «Происхожденіе семьи и брака» вышеупомянутаго Жиро-Тёлона (Les origines du mariage et de la famille, par A. Giraud-Teulon fils, professeur de philosophie de l'histoire à l'université de Genève, 1884). Этотъ женевскій ученый давно уже сосредоточился на вопросахъ историческаго развитія семейнаго начала. Еще въ 1867 году, онъ издалъ свое сочиненіе «La mére chez certains peuples de l'antiquité»; въ 1874 году появились его «Les origines de la famille», и книга эта давно уже разошлась; теперь, черезъ десять лѣтъ, она явилась съ расширеннымъ содержаніемъ (et du mariage), въ безусловно переработанномъ видѣ, обнимая всѣ обобщенія послѣдняго времени, сдѣланныя какъ самимъ авторомъ, такъ и другими учеными, работавшими надъ изученіемъ первобытной культуры народовъ. Мы не входимъ здѣсь въ обзоръ литературы предмета, отсылая интересующихся къ книгѣ Жиро-Тёлона.

По общераспространенному убѣжденію, всякое общественное или политическое цѣлое произошло изъ одной или нѣсколькихъ семей, причемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе переносились первоначальные семейно-нравственные устои, представляемые и донынѣ въ складѣ жизни патріархальной, въ основѣ которой лежитъ единобрачіе. Между тѣмъ, изученіе патріархальнаго строя жизни показываетъ, что этотъ строй есть только ступень въ развитіи человѣчества,—ступень, которой предшествовалъ складъ общественной жизни гораздо болѣе грубо—первобытный.

Разлагая понятіе, заключающееся въ словахъ «патріархальный строй», мы видимъ, что онъ непремѣнно обусловленъ уваженіемъ къ чужой собственности, чистотою женскихъ нравовъ, усвоеніемъ отвлеченнаго понятія родства единокровнаго (а не единоутробнаго). Каждое изъ перечисленныхъ началъ есть само по себѣ результатъ извѣстнаго культурно-историческаго развитія, которое, значитъ, человѣчество и должно было пережить прежде, чѣмъ перейдти къ патріархальному быту.

11*

Древнѣйшія общества человѣческихъ особей зиждились на началахъ коммунистическаго брака, гдѣ брачущимися сторонами были двѣ группы, гдѣ ребенокъ могъ знать только свою мать, такъ что права наслѣдства, собственности, семейнаго авторитета могли быть устойчивыми только по женской линіи, а не по мужской, такъ что роль отца или супруга дѣлалась вполнѣ подчиненной.

Дикое состояніе человѣка дѣлаетъ для него безусловно необходимымъ, ради самосохраненія, войдти въ извѣстную группу, гдѣ нѣтъ ни отдѣльной личности, ни личной собственности.

Единственное право здѣсь, очевидно, есть право сильнаго. Сильнѣйшій всегда можетъ взять жену слабѣйшаго. Въ одномъ изъ племенъ краснокожихъ индѣйцевъ женщины принадлежать только жрецамъ и начальникамъ; молодымъ людямъ достаются только старухи. У древнихъ пареянъ женщина, имѣвшая двухъ—трехъ дѣтей отъ одного мужа, переходила къ другому; у гуроновъ брачный союзъ имѣетъ силу только втеченіе нѣсколькихъ дней.

Вообще на первыхъ ступеняхъ развитія женщина, какъ жена, есть достояніе цѣлой группы людей (назовите это семьей, родомъ, племенемъ, ордой), и нарушеніемъ брачнаго права считается лишь связь съ иноплеменникомъ. Первымъ шагомъ впередъ въ области брачныхъ отношеній явилось стремленіе предѣлами извѣстныхъ родственныхъ группъ ограничить число людей, имѣющихъ право на извѣстное число женщинъ, какъ это, по словамъ Страбона, было у киренеянъ и у нѣкоторыхъ арабскихъ племенъ.

Въ самой непристойности свадебныхъ обрядовъ у различныхъ варварскихъ народовъ сказывается первобытный взглядъ на бракъ, какъ на нарушеніе общинныхъ правъ и естественнаго закона.

Преданія народовъ древности приписываютъ честь учрежденія брака опредѣленнымъ законодателямъ (Менесу—у египтянъ, Светакету—у индусовъ, Фоги—у китайцевъ, Кекропсу—у грековъ). Уже изъ этого видно, что это учрежденіе, такъ опредѣленно отмѣченное памятью народовъ, было плодомъ продолжительной борьбы. Каждому человѣку трудно было отдать кому бы то ни было исключительное право обладанія женщиной, бывшей до сихъ поръ общимъ достояніемъ.

Древнѣйшіе религіозные культы, отражая въ себѣ создателя своего, древнѣйшаго человѣка, освящаютъ такое отношеніе къ женщинѣ, ибо въ основѣ этихъ культовъ всегда лежитъ свобода природы въ оплодотвореніи однѣхъ силъ другими, результатъ чего есть твореніе.

Въ основѣ всѣхъ этихъ первобытныхъ религій, въ особенности религій хамитическаго востока, лежитъ не прогрессъ нравственный, но прежде всего законъ сохраненія рода. Божественная сила, стоявшая во главѣ одушевленной природы, была богиня-мать, и около нея, въ подчиненной роли, богъ (ея сынъ и вмѣстѣ съ тѣмъ со-

житель). Эта богиня—олицетвореніе плодотворной природы, безграничнаго воспроизведенія существъ, физіологической жизни во всей ея полнотѣ. Она не терпитъ такихъ стѣсненій своей свободѣ, какъ супружеская вѣрность, она не останавливается передъ кровосмѣшеніемъ. И весь этотъ развратъ первобытная религія окружаетъ самымъ непотребнымъ культомъ. Тайны вакханалій были только продолженіемъ вавилонскихъ празднествъ въ честь Меллиты. Праздники Венеры въ Абидосѣ, ѳессалійскія пелоріи, праздники рабовъ въ Сидоніи, элевтеріи въ Лидіи и Смирнѣ, сатурналіи, флораліи, наконецъ, сохранившійся донынѣ въ Индіи неописуемо непозволительный праздникъ Голи, — все это втеченіе всей античной древности сохраняло свой первобытный характеръ полнаго попранія всѣхъ человѣческихъ законовъ и стѣсненій, подъ покровительствомъ великой матери, богини естественной свободы. Мы не входимъ въ подробности этихъ религіозныхъ священныхъ обрядовъ просто ради ихъ крайней непристойности. Достаточно сказать, что всѣ эти культы, въ родѣ особой жертвы, жертвы искупительной, непремѣнно требовали самаго дикаго разврата, освященнаго извѣстной обрядностью. Съ религіей непосредственно связаны народные обычаи, и вотъ Діодоръ сообщаетъ намъ, что у древнихъ жителей Балеарскихъ острововъ существовалъ такой обычай: по совершеніи брачнаго обряда, невѣста должна удовлетворить старѣйшаго изъ друзей мужа, затѣмъ слѣдующаго по возрасту и только послѣ этого стать женою своего мужа. На Андаманскихъ островахъ дѣвушки, до вступленія въ бракъ, пользуются самой разнузданной свободой, и то же самое, по словамъ Геродота, было среди ѳракійцевъ. Вышеозначенный обычай Валеарскихъ острововъ, аналогіи которому легко найдти по всей поверхности земнаго шара, есть то самое право, которому европейскіе юристы дали такое изящное названіе: jus primae noctis. И здѣсь опять-таки прогрессъ шелъ послѣдовательнымъ путемъ ограниченія этого права и предоставленія его уже не цѣлому роду — племени, а лишь начальникамъ, царямъ, жрецамъ. Такъ, напримѣръ, на Малабарскомъ берегу самъ царь обязанъ предоставить верховному жрецу первыя три ночи съ своей женой, да еще уплатить за это 50 золотыхъ монетъ. По словамъ Геродота, этотъ обычай практиковался у ливійцевъ; затѣмъ, въ XIV вѣкѣ, мы находимъ его на Канарскихъ островахъ; въ наше время онъ распространенъ среди многихъ африканскихъ племенъ, въ Курдистанѣ же это право первой ночи выплачивается деньгами, а такой же точно замѣстительный налогъ въ пользу короля продержался въ Шотландіи до XVI вѣка.

Мысль, что индивидуальный бракъ есть нарушеніе естественнаго закона, не умираетъ среди австралійцевъ, и, напримѣръ, племя Ва-Имбіо, пораженное засухой, видитъ въ этомъ наказаніе за отступленіе отъ древнихъ обычаевъ, а для отвращенія бѣдствія рѣ-

шаетъ произвести взаимный обмѣнъ женъ, т. е. вернуться къ старинѣ. Такое возвращеніе къ естественнымъ законамъ, для удовлетворенія оскорбленнаго божества, требовалось иногда истолкователями божественной воли, которые, въ случаѣ общественнаго бѣдствія, заявляли, что всѣ гражданки города должны для общаго блага пожертвовать своею стыдливостью, такъ что даже и въ историческія уже времена власти города Локры, для избавленія отъ общей опасности, потребовали, чтобы въ жертву Афродитѣ была принесена женская честь всѣхъ жительницъ города.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ своеобразный культъ получилъ хроническій характеръ, и въ Коринѳѣ онъ далъ въ результатѣ обязательный гетеризмъ въ лицѣ жрицъ Венеры. Отсюда понятно, что среди варварскихъ народовъ, при непремѣнномъ требованіи отъ замужнихъ женщинъ безупречной нравственности, къ гетерамъ относились съ бо́льшимъ почтеніемъ, чѣмъ къ женамъ. Въ Индіи, еще въ самое недавнее время, это были единственныя образованныя женщины. Такое очевидное противорѣчіе между уваженіемъ къ куртизанкѣ и требованіемъ безупречности поведенія отъ жены можетъ быть объяснено только тѣмъ, что замужнія жены были въ началѣ плѣнницы или рабыни, между тѣмъ какъ куртизанки были согражданки, родственницы, подъ покровительствомъ религіи сохранившія свою свободу и древнѣйшіе національные обычаи. Здѣсь, такимъ образомъ, мы опять сталкиваемся со взглядомъ на нарушеніе брачнаго долга съ точки зрѣнія личной собственности, и вообще на варварской степени развитія человѣчества прелюбодѣяніе есть не что иное, какъ кража, нарушеніе права собственности, такъ что, напримѣръ, въ Гвинеѣ, жена, захваченная на мѣстѣ преступленія, должна уплатить мужу двѣ унціи золота.

Непорочность, прежде чѣмъ стать потребностью чувства, была не врожденной душевной потребностью, а лишь обязательствомъ. У арабовъ на Бѣломъ Нилѣ женщины обязуются непорочностью лишь въ извѣстные дни недѣли, обусловленные количествомъ скота, уплаченнымъ за жену. Въ Японіи, по свѣдѣніямъ конца прошедшаго десятилѣтія, отецъ или мужъ могутъ по контракту торговать женщиной, составляющей въ данный моментъ ихъ собственность, могутъ продать женщину въ публичный домъ, причемъ надо замѣтить, что японская проституція зиждется на тѣхъ же основахъ освященнаго законами гетеризма, какія мы видѣли въ Индіи и въ античномъ мірѣ. Въ Японіи это національное учрежденіе, организованное на законныхъ основаніяхъ; отецъ можетъ продать туда свою дочь на извѣстное число лѣтъ, а затѣмъ она можетъ выйдти замужъ, нисколько не запятнанная общественнымъ презрѣніемъ. Среди причинъ, задерживавшихъ исчезновеніе подобнаго служенія богинѣ любви, являлось денежное за него вознагражденіе —

приданое для дѣвушки при выходѣ ее замужъ, какъ это, по словамъ Геродота, практиковалось въ Лидіи. И теперь въ нѣкоторыхъ арабскихъ племенахъ Сахары отецъ, прежде чѣмъ его дочь выйдетъ замужъ, требуетъ отъ нея уплаты того, сколько стоило семьѣ воспитаніе дѣвушки, и, по мѣстнымъ понятіямъ, она тѣмъ привлекательнѣе, какъ невѣста, чѣмъ болѣе имѣла она успѣха въ торговлѣ своимъ тѣломъ. По словамъ Геродота, у египетскихъ гайдановъ женщины кичились большимъ количествомъ колецъ, носимыхъ по числу ихъ любовниковъ. Вышеозначенный обычай собирать себѣ приданое посредствомъ проституціи былъ распространенъ также и въ древней Мексикѣ.

Вообще, чтобы сломить всѣ эти древнѣйшіе обычаи, въ самомъ ихъ корнѣ, семьѣ прежде всего нужно было отказаться отъ выгоды, какую можно извлечь изъ молодой дѣвушки, а вовторыхъ, чтобы ея приданое или благосостояніе было обезпечено иными способами, на что̀, очевидно, исторіи понадобилось много вѣковъ, прежде чѣмъ мы пришли къ иному экономическому строю и къ подавленію религіозныхъ предразсудковъ сѣдой древности. Понятно теперь, какую важность греки и римляне, достигнувъ того, что институтъ брака вполнѣ сформировался, придавали вопросу о приданомъ. Въ глазахъ ихъ, безприданница была не что иное, какъ наложница, могущая купить свою экономическую независимость только цѣной своего позора.

Человѣческій родъ пережилъ цѣлый рядъ столкновеній между началами коммунизма и началомъ личной собственности прежде, чѣмъ прійдти къ идеѣ правильнаго брака, и это было одной изъ самыхъ рѣшительныхъ побѣдъ, безъ которыхъ роду человѣческому неминуемо грозило ниспаденіе до уровня низшихъ животныхъ.

Нигдѣ семья не сохранилась въ такомъ дѣвственно-первобытномъ видѣ, какъ въ Океаніи и Австраліи. Сопоставляя наши современныя понятія о родственныхъ отношеніяхъ съ данными гавайскаго словаря, мы видимъ, что здѣсь не достаетъ словъ дядя, тетка, племянникъ, племянница, двоюродный братъ. Дядя называетъ здѣсь своего племянника сыномъ, племянникъ зоветъ свою тетку матерью, и не въ переносномъ, а въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова. Мало того, не существуетъ спеціальнаго обозначенія для отца и матери въ томъ индивидуальномъ значеніи, какое свойственно нашему пониманію. Дитя безразлично называетъ матерью и ту, кому онъ обязанъ своимъ существованіемъ, и всѣхъ другихъ женщинъ, которыхъ онъ видитъ вокругъ себя—сестеръ его матери; въ его распоряженіи есть только родовое понятіе «родитель» (genitor, родившій), которое оно употребляетъ въ мужескомъ или женскомъ родѣ, смотря по тому, обращается ли оно къ одному изъ своихъ

отцовъ, или къ одной изъ своихъ матерей. По соображеніямъ извѣстныхъ знатоковъ Китая, точно такая же система родства была принята въ древнемъ Китаѣ; то же мы видимъ въ одномъ изъ племенъ Сѣверной Индіи.

Интересно также вспомнить, что величайшій мыслитель древности Платонъ, въ своей «Политіи», заставляетъ стражей государства жить въ общихъ жилищахъ, безъ частной собственности и безъ отдѣльныхъ семей; всѣ должны составлять одну общую семью, гдѣ всѣ старшіе суть отцы и матери, всѣ младшіе—дѣти, всѣ равнаго возроста — братья и сестры, а съ достиженіемъ совершеннолѣтія — супруги.

Допуская, что такая классификація степеней родства, предложенная Платономъ, какъ идеалъ общественнаго строя, есть чисто философская, отвлеченная теорія, возникшая въ его великомъ умѣ, не слѣдуетъ забывать ея удивительнаго сходства съ ея дѣйствительнымъ примѣненіемъ на Гавайскихъ островахъ.

Такой строй обусловливаетъ необходимость браковъ между братьями и сестрами, что̀, впрочемъ и донынѣ обыкновенное явленіе на Гавайскихъ островахъ. Античные писатели приводятъ намъ массу примѣровъ того же. По Діодору, египетскіе цари обязаны были жениться на своихъ сестрахъ, и замѣчательно, что такой точно обычай застали испанцы у перуанскихъ инковъ. Наконецъ, вся миѳологія (Зевсъ и Гера, Фрейеръ и Фрея, Озирисъ и Изида и др.) представляетъ цѣлый рядъ браковъ между братомъ и сестрой, не говоря уже о сыновьяхъ и дочеряхъ Адама и Евы.

Когда американскіе миссіонеры впервые посѣтили Сандвичевы острова (1820 г.), они застали здѣсь слѣдующій общественный строй: браки между братьями и сестрами были общепринятымъ обычаемъ. Туземцамъ невѣдомо было какое бы то ни было стѣсненіе: у мужей было по нѣсколько женъ, у женъ по нѣсколько мужей, и всякій обмѣнивался другъ съ другомъ ко взаимному удовольствію. Миссіонерамъ труднѣе всего было объяснить, что̀ такое невинность, для обозначенія которой въ буквальномъ смыслѣ не находилось словъ. Прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе — все это было признано общественнымъ мнѣніемъ и освящено религіей.

Между тѣмъ, миссіонеры были неправы, считая беззаконіемъ то, что̀ совершалось на ихъ глазахъ: обычная форма семьи здѣсь — punalua, обычай, въ силу котораго «братья» имѣютъ общія права на женщинъ (полигинія, πολυγονία), а сестры имѣютъ общихъ мужей (поліандрія, πολυανδρία).

Какова же, при такомъ порядкѣ вещей, судьба дѣтей? Въ этой странѣ, гдѣ бѣдствіе неизвѣстно и трудъ безполезенъ, гдѣ для каждаго найдется пища и питье, дѣти ростутъ свободныя, какъ растенія, очень рѣдко они остаются около своей матери и безразлично усыновляются той или другой семьей, вѣрнѣе — «роди-

тели» для нихъ все племя, въ которомъ каждый изъ взрослыхъ ихъ отецъ, каждая изъ женщинъ — ихъ мать.

Вообще факты изъ жизни какъ народовъ, нынѣ существующихъ, такъ и народовъ древности — такъ изобильны, такъ подкрѣпляютъ другъ друга, говоря о распущенности нравовъ, что можно, не выходя изъ области научно-позволительныхъ гипотезъ, дѣтство человѣчества считать состояніемъ безусловнаго коммунизма. Знаменитый Геррера разсказываетъ про одно изъ племенъ Венецуэллы, что здѣсь нѣтъ никакихъ законовъ относительно брака; они берутъ столько женъ, сколько хотятъ, а жены столько мужей, сколько имъ угодно, и разстаются, не видя въ этомъ ничего дурнаго. Чувство ревности имъ незнакомо, и живутъ они въ домахъ, вмѣщающихъ по 100 — 200 человѣкъ. Въ южной Америкѣ, по Ріо-Гранде, женщины принадлежатъ безразлично всему роду. Стыдъ— чувство неизвѣстное. Съ самаго нѣжнаго возроста дѣти предназначаются одинъ другому въ супруги и спятъ въ одномъ гамакѣ. На Андаманскихъ островахъ молодой человѣкъ, получившій отъ молодой дѣвушки отказъ удовлетворить его желаніямъ, чувствуетъ себя глубоко оскорбленнымъ.

Чѣмъ ниже степень развитія народа, тѣмъ многочисленнѣе брачущіяся группы. Относительнымъ прогрессомъ является уже то, если женщина обречена въ собственность одной только семьѣ, а не всему роду-племени.

По словамъ Страбона, у арабовъ всѣ единокровные родственники имѣютъ общее имущество и общую жену. Всѣ они между собою братья, и прелюбодѣяніе строго наказывается, но таковымъ считается только грѣхъ съ постороннимъ. Всякій изъ нихъ, пришедши къ женѣ, оставляетъ передъ дверью свою палку. У одного арабскаго царя было пятнадцать сыновей и одна дочь, которая должна была сдѣлаться ихъ общей женой. Утомленная своими обязанностями, она прибѣгла къ слѣдующей хитрости: изготовивъ палки, совершенно подобныя палкамъ ея мужей, она клала ихъ поочередно передъ дверью своего жилища, но обманъ, конечно, вскорѣ обнаружился, и мужья пожаловались царю на свою жену.

Вообще античные писатели въ самыхъ ужасныхъ краскахъ рисуютъ безнравственность варварскихъ племенъ.

По словамъ Страбона и Геродота, всѣ извѣстныя имъ племена скиѳскія, массагеты, троглодиты, либурны, агаѳирсы, галактофаги, при самомъ коммунистическомъ взглядѣ на брачныя отношенія, отличались самымъ беззастѣнчивымъ безстыдствомъ, нисколько въ этомъ случаѣ не возвышаясь надъ животными.

По закону всеобщаго прогресса, человѣчество не могло оставаться въ такомъ ужасномъ положеніи, грозившемъ, какъ мы уже сказали, окончательнымъ озвѣреніемъ, и вотъ мы замѣчаемъ въ

первобытной жизни стремленіе къ выходу изъ такого состоянія, но это, конечно, совершается путемъ медленнаго и постепеннаго измѣненія и развитія формъ общежитія.

Австралійскія племена, стоящія и до сихъ поръ на самой низкой степени развитія, собственно говоря, уже вышли изъ состоянія стадно-безнравственнаго коммунизма, и основаніемъ ихъ брачныхъ отношеній, освященныхъ закономъ и обычаемъ, является бракъ всѣхъ членовъ одного отдѣла племени со всѣми членами другаго отдѣла того же племени. Такъ, напримѣръ, племя, живущее у горы Гамбье, раздѣляется на два класса, изъ которыхъ одинъ называется кумитами, а другой — кроки. Теоретически всякій кумитъ имѣетъ право быть мужемъ всякой женщины изъ класса кроки; всякій кроки есть супругъ всякой женщины изъ класса кумитовъ. Союзы совершаются безъ всякихъ формальностей, въ силу органическаго закона; бракъ здѣсь не сдѣлка, но естественное состояніе, въ которомъ брачущіяся стороны родятся и живутъ втеченіе всей своей жизни. Бракъ зиждется не на правахъ отдѣльной личности, но на правахъ цѣлаго племени или его подраздѣленій,—отдѣльная личность здѣсь исчезаетъ въ цѣлой общинѣ. Замѣчательно, что при этомъ австраліецъ не можетъ жениться на женщинѣ одного съ нимъ класса, точно также, какъ мы не можемъ жениться на своихъ сестрахъ, и такой поступокъ жестоко наказывается, какъ нарушеніе своеобразной туземной нравственности; такихъ нарушителей изгоняютъ, охотятся за ними, какъ за дичью, а дѣтей отъ такого союза безпощадно убиваютъ.

Такая организація семейныхъ отношеній, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, положила начало соотвѣтственной политической организаціи фратрій, братствъ, которыя мы находимъ, напримѣръ, на Кавказѣ у черкесовъ, гдѣ каждое изъ двухъ братствъ обнимаетъ по нѣскольку тысячъ человѣкъ, между которыми воспрещены браки. Такія же братства существовали у туземцевъ Сѣверной Америки, въ южной Индіи и въ другихъ частяхъ Азіи. Морганъ, посвятившій 30 лѣтъ жизни на изученіе этой семейной организаціи, далъ ей названіе туранской; она состоитъ въ томъ, что каждый членъ общины считаетъ сына своего брата своимъ сыномъ, а сына своей сестры — своимъ племянникомъ; между тѣмъ, всякая женщина, наоборотъ, считаетъ сына своего брата своимъ племянникомъ, а сына своей сестры — своимъ сыномъ. Такія измѣненія въ предшествовавшей системѣ родства суть логическій результатъ запрещенія браковъ между представителями одного и того же подраздѣленія племенъ.

Такая система широкаго единокровнаго родства продолжала свое существованіе среди варварскихъ племёнъ, даже при утвержденіи начала единобрачія; въ ней находилась замѣна національнаго единства и политической силы. И теперь еще среди вар-

варскихъ племенъ обширное родство обезпечиваетъ личное уваженіе.

Жизнь создавала между тѣмъ новый двигатель для упроченія болѣе упорядоченныхъ брачныхъ отношеній. Очень часто, подъ вліяніемъ необходимости, напримѣръ, за недостаткомъ пропитанія, племя дробилось и расплывалось въ предѣлахъ болѣе обширной территоріи, но, расходясь въ разныя стороны, эти вѣтви одного и того же племеннаго дерева уносили съ собою одни и тѣ же преданія, одни и тѣ же обычаи. Въ результатѣ получалось то, что въ различныхъ племенахъ, утверждавшихся на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, были всегда элементы, имѣющіе полное право на взаимный бракъ, откуда и произошло явленіе такъ называемой экзогаміи (ἐξωγαμία), т. е. брака внѣ племени; многочисленные примѣры изъ жизни австралійцевъ вполнѣ подтверждаютъ такое предположеніе Жиро-Тёлона. Такимъ образомъ, сама собою создавалась новая преграда противъ первоначальной распущенности, и по мѣрѣ того, какъ половыя отношенія становились болѣе упорядоченными, являлась возможность воспитывать болѣе сильныхъ дѣтей, что уже само собою показывало человѣческому разсудку преимущество такого строя передъ выше сказаннымъ. Такъ и говоритъ объ этомъ одно австралійское преданіе: когда былъ сотворенъ міръ, «братья, сестры и другіе близкіе родственники женились между собою, какъ хотѣли, пока, наконецъ, не оказались дурныя послѣдствія такихъ союзовъ; тогда собрался совѣтъ старѣйшинъ и обратился съ молитвой къ Доброму духу (Мичатича), который сказалъ, что племена надо раздѣлить на отдѣлы, каждый отмѣтить особымъ названіемъ, по имени какого нибудь одушевленнаго или неодушевленнаго предмета, и запретить союзы внутри такихъ отдѣловъ.

Съ утвержденіемъ нѣкотораго подобія правильной семьи, мы, всетаки, еще очень далеки отъ того патріархальнаго строя, во главѣ котораго стоитъ отецъ. Оставаясь на степени первобытнаго развитія, человѣкъ, въ опредѣленіи своихъ родственныхъ отношеній, можетъ опереться только на такой реальный, несомнѣнный фактъ, какъ рожденіе отъ матери. «Мать увѣряетъ меня, — говоритъ Телемакъ, — что я сынъ ему, Улиссу, но самъ я не знаю. Вѣдать о томъ, кто отецъ нашъ, навѣрное намъ невозможно» (Одиссея I, 211). Происхожденіе отъ отца есть уже фикція. Эта противоположность вполнѣ усвоена римскимъ правомъ и безусловно принималась на первыхъ ступеняхъ развитія человѣчества, и когда человѣкъ дошелъ до инстинктивнаго сознанія необходимости этой фикціи, то онъ могъ усвоить ее, привить къ своему быту, только привязавъ непосредственно къ прежней традиціи, — а именно онъ становится отцемъ не въ силу имъ или другимъ признаннаго факта

единокровности его съ своимъ ребенкомъ, но въ силу аналогіи съ правами материнства; отецъ для полученія своихъ родительскихъ правъ долженъ уподобиться матери, долженъ фиктивно повторить процессъ рожденія, т. е. исполнить обрядъ такъ называемой «кувады». Опуская описаніе этого характернаго обряда у большинства народовъ земнаго шара, скажемъ только, что онъ до сихъ поръ сохранился въ Пиренеяхъ, среди басковъ, которые, послѣ родовъ жены, должны ложиться въ ея постель около новорожденнаго и, притворно изображая родильныя муки, принимать поздравленія сосѣдей и сосѣдокъ. Замѣтимъ еще кстати, что слѣды того же обычая сохранились въ греческомъ миѳѣ о Діонисѣ, который въ первый разъ родился преждевременно отъ Семелы, а затѣмъ вторично отъ самого Зевса.

Такая организація семьи по женской линіи имѣетъ характеръ естественно необходимаго закона, возникшаго въ человѣческомъ родѣ еще тогда, когда не былъ возможенъ бракъ одного только мужчины съ одною только женщиною. Съ этой точки зрѣнія утвержденіе этого начала родства есть чрезвычайно важный моментъ въ исторіи развитія человѣческаго рода. Но отличительная черта такой семьи — это отсутствіе въ ней отца, въ нашемъ смыслѣ этого слова. Его замѣняетъ здѣсь дядя съ материнской стороны. А мужъ только законный любовникъ, очень часто даже простой рабъ; народная память отмѣчаетъ поколѣнія именами матерей, а не отцовъ.

Надо замѣтить, что здѣсь мы уже вышли изъ предѣловъ доисторическихъ и видимъ человѣка, достигшаго уже извѣстной формы общежитія, достойной занесенія въ исторію цивилизаціи. Вышесказанное раздробленіе племенъ, вмѣстѣ съ установленіемъ экзогаміи, уже привело человѣчество къ формѣ клановъ; кланъ—это группа людей, связанныхъ между собою болѣе тѣснымъ родствомъ, чѣмъ со всѣми другими членами племени. Такая форма общежитія даетъ возможность движенія впередъ къ болѣе возвышенной культурѣ. И такое-то кланное устройство мы видимъ продержавшимся до самого недавняго времени, вмѣстѣ съ семейнымъ строемъ, о которомъ мы только что сказали.

Въ XII вѣкѣ по Р. Хр., наиры, благородные жители Малабарскаго полуострова, свергли съ себя иго арійской браманической аристократіи и съ тѣхъ поръ до конца прошлаго вѣка жили, наслаждаясь полной національной независимостью въ странѣ, прославленной своими богатствами. Когда португальцы впервые вступили на Малабарскій берегъ, они были поражены высокой степенью развитія мѣстнаго населенія, обладавшаго прекраснымъ флотомъ и дисциплинированною арміею. Жители, славившіеся своимъ богатствомъ, отличались необыкновеннымъ патріотизмомъ. Но всего удивительнѣе показалось европейцамъ то, что при всемъ этомъ развитіи семейный строй въ наирскихъ кланахъ представляетъ нѣчто

несообразное въ глазахъ европейца. Составъ наирской семьи — мать, дѣти и братъ матери; мужъ—временный гость въ домѣ своей жены, къ которой онъ приходитъ только въ опредѣленные дни и не смѣетъ сѣсть рядомъ съ своей женой и дѣтьми. Мать у наировъ окружена глубочайшимъ почтеніемъ; все имущество принадлежитъ женщинамъ и по женской линіи передается наслѣдство. Женѣ предоставляется право имѣть нѣсколькихъ мужей, число коихъ обыкновенно восходитъ до 10—12. Мужъ можетъ быть членомъ нѣсколькихъ брачныхъ комбинацій, что̀ не возбуждаетъ никакихъ недоразумѣній. Для каждаго изъ нихъ назначенъ свой день и, находясь въ домѣ своей жены, мужъ вѣшаетъ свой мечъ и щитъ на дверяхъ дома. Въ сущности это только позднѣйшее развитіе того же австралійскаго брака между двумя группами, и шагъ впередъ здѣсь только въ этомъ преобладаніи женщины, которое явилось результатомъ стремленія организовать родство по матери, т. е. на основаніи выше уясненнаго естественнаго закона.

Равнымъ образомъ, среди краснокожихъ сѣверной Америки, достигшихъ вполнѣ организованнаго кланнаго устройства, мы видимъ, что каждый краснокожій принадлежитъ къ клану своей матери, а не къ клану своего отца. Материнская генеалогія тщательно сохраняется во избѣжаніе кровосмѣсительныхъ союзовъ, а органическій законъ клановъ, экзогамія, воспрещаетъ браки между родственниками, т. е. между всѣми членами клана. Право собственности принадлежитъ безусловно женской линіи; мужъ, по смерти жены, исключается изъ клана и, удаляясь, имѣетъ право унести только собственную одежду. Браки здѣсь совершаются такимъ образомъ, что ни мужъ, ни жена не оставляютъ родительскаго крова. Дѣти остаются при матери, которая передаетъ имъ свое имя и свое состояніе, причемъ преимущество отдается дочерямъ. Національная сила заключается въ женщинахъ; онѣ несутъ на себѣ всѣ работы, но не какъ рабыни, а съ видимымъ удовольствіемъ. Каждымъ племенемъ управляетъ совѣтъ четырехъ женщинъ, избранныхъ изъ среды родоначальницъ. Эти четыре совѣтницы избираютъ вождя-мужчину изъ числа своихъ братьевъ или сыновей.

Совершенно тождественные обычаи мы видимъ въ Африкѣ. На Мадагаскарѣ и въ настоящее время родство зиждется на генеалогіи по женской линіи. Сынъ сестры наслѣдуетъ не только частную собственность, но и политическую власть, и даже жреческія обязанности. У саккалавовъ, принцессы королевской крови могутъ брать себѣ въ супруги кого угодно, считая ихъ своими прислужниками и не давая имъ ни титула, ни права притязаній на престолъ, что̀ составляетъ наслѣдственное право дѣтей. Въ Гвинеѣ сынъ раба и дочери царя—свободный человѣкъ; но сынъ рабыни и царскаго сына — рабъ. Среди негритянскихъ племенъ женщины играютъ такую преобладающую роль, что, при появленіи ихъ на

полѣ битвы, сражающіеся перестаютъ пускать стрѣлы; женщины предсѣдательствуютъ въ совѣтахъ и вообще пользуются такимъ вліяніемъ, которое приводило въ удивленіе Ливингстона. У дагомейцевъ, если король умираетъ безъ наслѣдниковъ, то до избранія новаго короля престолъ занимаетъ сестра умершаго. Тетка кордофанскаго вождя Мек-Насра свергла его съ престола за непочтительность къ себѣ и посадила новаго вождя. Точно такое преобладаніе женщины имѣло мѣсто и въ древнемъ Египтѣ.

Исторія Египта, согласная съ правильнымъ чтеніемъ іероглифовъ, поражаетъ большимъ числомъ царицъ, правительницъ, имена которыхъ отмѣчены на монументахъ. На нѣкоторыхъ памятникахъ есть надписи царей, вычисляющихъ свою генеалогію по материнской линіи до шестаго колѣна. Въ частной жизни мужъ принадлежалъ женѣ и, въ силу брачнаго договора, долженъ былъ повиноваться женѣ, которой, между прочимъ, предоставлялось право развода, на чтò мужъ не имѣлъ права.

Всѣ эти примѣры, взятые изъ жизни различныхъ народовъ и въ разныя времена ихъ существованія, приведенные въ изобиліи въ книгѣ Жиро-Тёлона, показываютъ, что мужу было чрезвычайно трудно выбиться изъ-подъ давленія семьи своей жены. При всякой его попыткѣ въ этомъ направленіи, онъ встрѣчалъ сопротивленіе всего клана, который поддерживалъ свою «сестру». Не приводя этихъ примѣровъ по всѣмъ народностямъ, остановимся только на грекахъ.

Индо-европейскія народности еще до своего раздѣленія уже перешагнули вышесказанную степень развитія и усвоили себѣ идею единобрачія съ главенствомъ мужа. Тѣмъ не менѣе, у передоваго народа древности мы видимъ живые слѣды стараго порядка вещей. Среди спартанцевъ случалось очень часто, что у нѣсколькихъ братьевъ была одна и та же жена. Баснословная исторія разсказываетъ, что, по смерти Париса, Елена стала супругой его брата Деифоба; Андромаха, вдова Гектора, стала женой его слѣдующаго брата Гелена. Ликургъ, какъ говоритъ преданіе, желая показать примѣръ своимъ согражданамъ, отказался жениться на вдовѣ своего брата. Въ Спартѣ институтъ брака былъ усвоенъ чрезвычайно поверхностно, и супружеская вѣрность мало наблюдалась; мужъ не задумывался пригласить своего друга или иноплеменника быть отцемъ своихъ дѣтей. Для женщины было даже почетно быть госпожею въ двухъ домахъ.

Мы остановились именно на грекахъ, потому что среди этого передоваго народа древности мы и выходимъ на путь нравственной реформы и, встрѣчаясь съ послѣдними остатками первобытнаго нравственнаго режима, переходимъ къ семейно-нравственнымъ понятіямъ болѣе намъ близкимъ.

У Варрона сохранилась слѣдующая легенда, занесенная Бла-

женнымъ Августиномъ въ его «Царство Божіе»: «Въ царствованіе Кекропса въ Аѳинахъ случилось двойное чудо: выросло масличное дерево и недалеко отъ него показалась вода. Испуганный царь послалъ спросить Дельфійскаго оракула, что̀ это означаетъ. Богъ отвѣчалъ, что масличное дерево означаетъ Аѳину-Палладу, а источникъ воды—Нептуна, и что отъ гражданъ зависитъ, по имени какого изъ боговъ назвать свой городъ. Кекропсъ созвалъ собраніе гражданъ и гражданокъ, которыя въ то время также принимали участіе въ дѣлахъ общественныхъ, и вотъ мужчины подали голосъ за Нептуна, а женщины за Палладу; послѣднее мнѣніе восторжествовало, такъ какъ однимъ женскимъ голосомъ оказалось больше. Нептунъ въ отмщеніе затопилъ всѣ поля аѳинскія. Чтобы умилостивить гнѣвъ бога, граждане нашли необходимымъ наложить на женщинъ тройное наказаніе: 1) онѣ лишились права голоса; 2) дѣти отнынѣ стали получать имена своихъ отцевъ, а не матерей; наконецъ, 3) онѣ сами отказались носить имя аѳинянокъ, т. е. перестали быть личными гражданками, а стали лишь женами аѳинскихъ гражданъ».

Несомнѣнно, что эта легенда отразила въ себѣ цѣлый общественно-нравственный переворотъ, совершившійся втеченіе не одного дня. Другіе миѳы даютъ обильные слѣды такого переходнаго состоянія отъ семейнаго строя, въ основѣ котораго лежатъ права матери, къ строю обычному для нашихъ понятій. По толкованію Жиро-Тёлона, эпическія преданія о людяхъ божественнаго происхожденія есть не что иное, какъ отзвукъ прежняго строя, ибо преданіе, возводя своихъ героевъ къ божественному отцу, въ сущности возводитъ ихъ къ неизвѣстному отцу.

Эта борьба новаго начала со старымъ великолѣпно отразилась въ драмѣ Эсхила, разработавшей миѳъ объ Орестѣ.

Въ драмѣ представленъ назначенный, по почину Аѳины, надъ Орестомъ судъ, который долженъ рѣшить, кто — мать или отецъ, имѣетъ въ семьѣ больше значеніе, и кому изъ нихъ ближе ихъ дитя. Эриніи являются мстительницами за Клитемнестру; Аполлонъ и Аѳина защищаютъ Ореста. Замѣчательно при этомъ, что Эсхилъ представилъ оба эти божества защищающими «новое право, разрушающее старый порядокъ вещей». Эриніи же, зная только старый законъ материнской крови и не имѣя въ виду никакого отца, подвергаютъ допросу Ореста, какъ онъ смѣлъ занести руку на свою мать. Орестъ на это отвѣчаетъ, что «она убила своего мужа, она убила моего отца... Почему ты не преслѣдовала ее за это при жизни?»—спрашиваетъ онъ.

— «Она не была кровной родственницей мужчины, котораго убила», — отвѣчаютъ эриніи.

И всетаки, ограниченіе женскаго начала въ греческой жизни привилось не сразу. Женщины гомерическихъ временъ имѣли не-

сравненно болѣе свободы и значенія, чѣмъ запертыя въ гинекеѣ аѳинскія женщины временъ Перикла. Даже и позднѣе героическаго вѣка женщина занимаетъ очень высокое положеніе и имѣетъ болѣе широкую сферу дѣйствій, чѣмъ въ исторической Греціи. Вліяніе Андромахи на Гектора, Пенелоппы на Улисса, Ареты при дворѣ Алкиноя или Елены во дворцѣ Менелая—не находитъ ничего соотвѣтствующаго въ исторической Греціи, за исключеніемъ дорянъ, гдѣ женщины долго сохраняли свое прежнее значеніе. Въ Спартѣ за матерью оставалась такая власть даже надъ взрослыми сыновьями, какой мы не видимъ въ остальной Греціи.

Какъ мы уже сказали выше, нигдѣ такъ ясно, какъ въ Греціи, не опредѣлился этотъ переходъ отъ стараго порядка къ новому. Особенно ярко отразилась эта нравственная революція въ миѳическихъ преданіяхъ о борьбѣ такихъ передовыхъ людей миѳологіи, какъ Геркулесъ, съ воинственными амазонками. Разсказы объ амазонкахъ не чужды почти ни одному народу и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти разсказы имѣютъ за собой реальную основу, и дѣйствительные факты такого рода дожили до нашихъ дней. Извѣстно, что главную военную силу короля дагомейскаго составляетъ десятитысячный корпусъ амазонокъ, дикихъ и неустрашимыхъ наѣздницъ. Только однѣ онѣ во всей странѣ отваживаются на опасную охоту за слонами. Въ недавнее время онѣ выдержали двухъ-годичную осаду и вышли изъ нея побѣдительницами, между тѣмъ, какъ остальныя, поевропейски обученныя войска, были побѣждены. У нихъ считается за брань сказать: «ты мужчина», и онѣ строго соблюдаютъ дѣвственность.

Общеизвѣстная легенда объ амазонкахъ была чрезвычайно распространена въ древнемъ мірѣ, и она занимаетъ мѣсто на первыхъ страницахъ исторіи всѣхъ классическихъ народовъ. Во всѣхъ этихъ легендахъ борьба, напримѣръ, между греками и амазонками носитъ стихійный характеръ борьбы между двумя цивилизаціями. Греческіе герои являются здѣсь представителями высшаго соціальнаго начала и, низвергая владычество женщинъ, въ жизнь вносятъ религіозныя и нравственныя начала лучезарнаго Аполлона (съ эпитетомъ πατρῷος, отцовскій) на смѣну культовъ Афродиты, Артемиды, Астарты, въ лицѣ которыхъ обоготворялась только производительная сила природы. Уже на зарѣ своей исторіи, какъ это отразилось въ гомеровскихъ поэмахъ, Греція является политическимъ и нравственнымъ противовѣсомъ азіатскому міру, гдѣ супружеское ложе могло быть достояніемъ нѣсколькихъ мужчинъ. Троянская война осталась въ народной памяти грековъ, какъ походъ, предпринятый для отмщенія поруганной супружеской чести. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь со стороны грековъ отразилась сознательная реакція противъ восточныхъ культовъ и соціальныхъ принциповъ Азіи. Борьба противъ азіатской Афродиты составляетъ отличительную

черту прогресса въ области греческой религіи и общества втеченіе блестящаго періода ихъ исторіи, а упадокъ ихъ цивилизаціи послѣ Александра Великаго совпадаетъ съ оскорбительнымъ возвращеніемъ изъ Азіи безнравственныхъ культовъ и фаллическихъ боговъ, которымъ демократія легкомысленно дала право на существованіе. Легендарные герои начала лучезарнаго Феба, Діомедъ, Улиссъ, Менелай, во время своихъ скитальчествъ, проходятъ страны, гдѣ царятъ еще гетерическіе культы и обычаи великой матери-природы и утробной семьи. На Лемносѣ Аргонавты разрушаютъ владычество амазонокъ, утверждаютъ культъ Аполлона, и затѣмъ,—говоритъ миѳъ,—«амазонки», считавшія нѣкогда свои поколѣнія по материнской линіи, «называютъ именемъ отца дѣтей, рожденныхъ ими отъ грековъ». Побѣду надъ амазонками легенды объединяютъ съ паденіемъ религіозныхъ гинекократій, т. е. съ паденіемъ обществъ, гдѣ мужчины не имѣютъ въ семьѣ власти и сопряженныхъ съ нею обязанностей. Тезей, Персей, Ахиллесъ суть олицетворенія такой нравственно-политической революціи. Борьба съ царицей Иполитой составляетъ одну изъ великихъ работъ Геркулеса. Древніе думали, что этотъ герой, предпринявшій реформу человѣческаго рода, счелъ невозможнымъ оставить народы подъ позорной властью женщины. Тезей получаетъ выдающееся значеніе послѣ побѣды надъ Антіопой. Геродотъ и Павзаній называютъ этотъ его подвигъ «блестящею заслугой, которою Аѳины облагодѣтельствовали всю Грецію». Тезей уничтожаетъ кровавую дань Минотавру, Орестъ — человѣческія жертвы Артемидѣ; онъ похищаетъ изображеніе богини и тѣмъ подчиняетъ Діану Аполлону, и Электра, вѣрная и непорочная женщина новыхъ временъ, смѣняетъ заклейменную прелюбодѣяніемъ Клитемнестру.

Великій образъ Эдипа тѣсно связанъ съ этимъ переворотомъ въ греческой исторіи. Имъ побѣжденъ Сфинксъ (погречески женскаго рода). Этотъ Сфинксъ—мрачное воспоминаніе азіатскихъ культовъ женскаго вѣка, съ ихъ обрядовыми ужасами. Этотъ Сфинксъ, эта жрица смерти, съ головой богини, съ грудью молодой женщины, съ тѣломъ животнаго, останавливаетъ на пути человѣка-мужчину: она—то, что̀ мѣшаетъ движенію впередъ,—женщина, опирающаяся на языческую религію природы. Эдипъ, это — одна изъ тѣхъ великихъ жертвъ, которыя цѣною собственныхъ страданій вырываютъ человѣчество изъ рабства передъ старыми богами и вводятъ его въ лоно новой высшей цивилизаціи.

Мы достигли здѣсь того пункта въ исторіи развитія человѣчества, когда люди цѣною, какъ мы видѣли, столькихъ тяжкихъ усилій, цѣною вѣковыхъ заблужденій, цѣною безчисленныхъ погибшихъ и погибающихъ поколѣній, достигли сознанія принципа, на

которомъ и посейчасъ зиждется вся человѣческая жизнь. Это принципъ семьи съ отцомъ во главѣ ея. Намъ кажется излишнимъ приподнимать завѣсу будущаго, но, вѣроятно, для каждаго несомнѣнно, что это такой жизненный принципъ, какого хватитъ еще на много вѣковъ, и не нашимъ дряблымъ временамъ, славящимся отсутствіемъ героическихъ дѣлъ и силъ, шагнуть куда-то впередъ, въ ту туманную даль, о которой мы имѣемъ такое же слабое представленіе, какое, къ сожалѣнію, царитъ въ обществѣ относительно временъ давно прошедшихъ, относительно ступеней, давно человѣчествомъ прожитыхъ и пережитыхъ. Къ еще большему сожалѣнію,—остатокъ этихъ временъ остается на лицо въ человѣческой жизни цивилизованныхъ народовъ, точно такъ же, какъ цѣлыя дикія племена продолжаютъ свое жалкое существованіе, какъ живое напоминаніе варварства, въ которомъ нѣкогда пресмыкалось все человѣчество. Истинная наука достаточно опредѣленно отмѣтила эти факты атавизма, или переживанія, повторенія отъ времени до времени формъ общежитія, давно оставленныхъ, переживанія часто мимовольнаго, безсознательнаго. Анализъ современной жизни съ подобной точки зрѣнія можетъ дать столько фактовъ, что ихъ хватило бы на цѣлую книгу, но этого и не нужно, ибо и безъ того насъ со всѣхъ сторонъ обступаютъ эти факты, выдвигая людей съ самыми животными инстинктами. И что еще при этомъ поразительно: это не какіе нибудь изверги рода человѣческаго или безусловные невѣжды, а очень часто даже то, что входитъ въ столь растяжимую категорію «порядочныхъ людей, силою обстоятельствъ поставляемыхъ въ извѣстное положеніе», какъ говоритъ обыкновенно общественное мнѣніе, снисходительное къ самому себѣ.

Не вѣрить ли скорѣй, что всякій безобразный поступокъ въ области чувства и личныхъ отношеній есть не что иное, какъ проявленіе просыпающейся въ человѣкѣ дикости, и напрасно станемъ воображать, что къ дикой распущенности приводитъ насъ цивилизація. Цивилизація даетъ только гораздо болѣе широкое поле человѣческой дѣятельности, она даетъ ему экономическую и нравственную силу, которую, если въ человѣкѣ нѣтъ соотвѣтственно высокаго нравственнаго развитія, рѣшительно некуда дѣвать, и тогда стихійная энергія начинаетъ проявляться въ формахъ давно отжитыхъ и давно даже забытыхъ,—на столько забытыхъ, что человѣчество, видя ихъ, какъ нѣкій грозный призракъ, снова передъ собою, принимаетъ ихъ, за нѣчто новое, невѣдомое, за результатъ движенія впередъ, между тѣмъ какъ это есть рядъ явленій старыхъ какъ міръ,—не прогрессъ, а самый непристойный регрессъ.

Романы, повѣсти, судебные процессы, вся остальная жизнь, не укладывающаяся въ рамки ни беллетристики, ни судебной хроники,—все это неисчерпаемый кладезь такого рода фактовъ. Проституція легальная, проституція нелегальная, общественная распу-

щенность, неустойчивость брака, мормонизмъ, сознательное устраненіе отца или матери отъ ихъ дѣтей, противоестественные пороки, проповѣдь свободы чувства, съ самымъ грязнымъ примѣненіемъ этого принципа, бракъ по голому разсчету, съ оставленіемъ для себя права устроить, на ряду съ освященнымъ закономъ и церковью союзомъ, поліандрію или полигамію, мужчины, продающіе себя за деньги,—неужели все это смѣетъ воображать себя попутными слѣдами шествующей впередъ цивилизаціи!

И какъ съ другой стороны пошло бросать въ лицо цивилизаціи подобное обвиненіе! Не касаясь реальныхъ фактовъ, достаточно взять какую бы то ни было изъ намѣченныхъ нами отвлеченныхъ категорій, чтобы увидѣть ихъ полное соотвѣтствіе съ тѣмъ, что̀ совершается на первобытныхъ ступеняхъ человѣческаго развитія. И чѣмъ крѣпче люди будутъ это помнить, тѣмъ больше шансовъ, что они станутъ сдерживать себя, ибо гораздо менѣе лестно, предаваясь непозволительной свободѣ въ сферѣ нравственныхъ отношеній, опираться на неискоренимую присущность природѣ человѣка его первобытныхъ инстинктовъ, чѣмъ на принципы мнимаго, но такъ много обѣщающаго прогресса.

Евгеній Гаршинъ.

ПОДЛИННЫЕ ПОРТРЕТЫ ДАНТЕ.

РИТИКИ и моралисты всѣхъ народовъ совѣтуютъ обыкновенно читателямъ, при знакомствѣ съ произведеніями литературы, обращать вниманіе на то, что̀ написано, а не на то, кто̀ писалъ. Совѣтъ—практическій и благоразумный, потому что, составляя себѣ понятіе о писателѣ по его произведенію, нерѣдко приходится разочаровываться въ томъ представленіи, какое мы сдѣлали объ авторѣ, когда мы ближе узнаемъ его. А знать хочется всѣмъ, за исключеніемъ развѣ однихъ мизантроповъ да нелюдимовъ. Горячее слово, свѣтлая мысль, мелодическій мотивъ, хорошая картина заставляютъ насъ невольно интересоваться творцомъ ихъ, даже создавать въ своемъ воображеніи его образъ. Это же свойство, присущее всякому мыслящему и чувствующему человѣку, дѣлаетъ то, что мы дорожимъ портретами авторовъ и художниковъ. Намъ чего-то не достаетъ, если мы не знакомы съ изображеніемъ лица, сдѣлавшагося чѣмъ нибудь извѣстнымъ. И чѣмъ знаменитѣе такое лицо, тѣмъ болѣе число его почитателей разносятъ портреты его по всему свѣту. Фотографія потому и получила такое громадное распространеніе, что удовлетворила нашей страсти къ изображеніямъ лицъ, слишкомъ медленно и съ бо̀льшими издержками воспроизводимымъ въ прежнее время живописью и гравюрою. Теперь намъ нечего бояться за то, что черты нашихъ дѣятелей не перейдутъ въ потомство; но портреты минувшихъ вѣковъ возбуждаютъ въ насъ тѣмъ больше интереса, чѣмъ отдаленнѣе эти вѣка, въ которые рѣдко встрѣчаются изображенія ихъ передовыхъ людей. Конецъ XIII и начало XIV вѣка, когда жилъ великій творецъ великой итальянской поэмы,

оставили немного произведеній портретной живописи, и между ними изображеніе «суроваго гибеллина» составляетъ большую рѣдкость. Между тѣмъ слава Данте такъ велика, что археологи и художники употребили всѣ усилія отыскать его подлинныя изображенія. Къ 1865-му году, когда образованный міръ праздновалъ шестисотлѣтнюю годовщину рожденія поэта, ученыя изслѣдованія образовали цѣлую иконографическую литературу объ этомъ предметѣ; они продолжались и въ позднѣйшее время, и не въ одной Европѣ. Журналъ

Портретъ Данте съ фрески Джіотто.

«The Century», издаваемый въ Америкѣ, собралъ и воспроизвелъ всѣ лучшіе портреты флорентійскаго изгнанника. Благодаря любезности издателей этого прекраснаго журнала, приславшихъ намъ, по нашей просьбѣ, клише портретовъ, мы помѣщаемъ послѣдніе на страницахъ «Историческаго Вѣстника», сопровождая ихъ оцѣнкой на основаніи послѣднихъ изысканій.

Изъ безчисленнаго множества портретовъ Данте только два можно признать подлинными, основными, по которымъ воспроизведены всѣ остальные. Первый изъ нихъ писанъ знаменитымъ живопис-

цемъ Джіотто, величайшимъ художникомъ своего времени и вѣрнымъ другомъ Данте. Портретъ рисованъ альфреско на стѣнѣ капеллы, во дворцѣ подесты, во Флоренціи, и помѣщенъ въ большой картинѣ, изображающей въ верхней части—Христа, поддерживаемаго святыми ангелами; внизу—короли и флорентійскій народъ, между которымъ стоитъ молодой Данте съ гранатовымъ яблокомъ въ рукѣ. Черты лица, изображенныя въ профиль, красивы и выразительны, и на нихъ нѣтъ слѣда тѣхъ глубокихъ мыслей и страданій, которые потомъ тяжелое время провело на лицѣ изгнанника. Портретъ этотъ постигла странная судьба. Казалось, что, писанный первымъ художникомъ на стѣнѣ лучшаго правительственнаго зданія, онъ предохраненъ не только отъ истребленія, но и отъ всякой порчи. Вазари, въ своемъ жизнеописаніи Джіотто, упоминая объ этомъ портретѣ художника, который былъ такъ же великъ въ живописи, какъ Данте въ поэзіи, говоритъ, что портретъ можно видѣть и теперь во дворцѣ подесты, во Флоренціи. Біографія Джіотто издана Вазари въ 1550 году. Но уже въ это время, и особенно въ слѣдующемъ столѣтіи, Флоренція не играла уже прежней блистательной роли ни въ исторіи, ни въ искусствѣ. Дворецъ подесты былъ обращенъ въ тюрьму, а капелла—въ чуланъ, или кладовую для храненія всякаго хлама, и ея стѣны, покрытыя драгоцѣнными фресками—забѣлены известкой. Никто и не вспоминалъ объ нихъ до начала нынѣшняго столѣтія, когда флорентійскій антикварій Морени издалъ брошюру, въ которой, напомнивъ о Вазари и Джіотто, говорилъ, что напрасно два года добивался возможности взглянуть хоть на то мѣсто, гдѣ была знаменитая фреска съ портретомъ Данте. Во Флоренціи тогда царствовали австрійскіе эрцгерцоги, которымъ не было никакого дѣла до великихъ людей Италіи. Но общественное мнѣніе было уже возбуждено статьями Морени, къ которому присоединились англичанинъ Сеймуръ Киркопъ, американецъ Ричардъ Вайльдъ и итальянецъ Бецци. Послѣ долгихъ отнѣкиваній и откладываній, нѣмецкое правительство было, наконецъ, вынуждено дать согласіе на розыски фрески и ея реставрированіе, и въ 1840 году, она явилась на свѣтъ божій изъ-подъ слоя покрывавшей ее штукатурки, мѣстами попорченная, но, всетаки, сохранившая ясные слѣды работы великаго художника. По несчастію реставрація картины была поручена плохому живописцу Марини. Въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ на фрескѣ былъ портретъ Данте, въ глазъ поэта былъ вбитъ большой гвоздь, образовавшій глубокую дыру и попортившій вокругъ живопись, когда его вытаскивали. Марини, замазавъ дыру, написалъ на ней новый глазъ, маленькій и очень плохо вычерченный. Кромѣ того, онъ такъ неискусно наложилъ краску на лицо поэта, что совершенно измѣнилъ его выраженіе. Даже въ цвѣтѣ одежды для чего-то были сдѣланы измѣненія, и изъ трехъ національныхъ итальянскихъ цвѣтовъ: бѣлаго,

Посмертная маска Данте.

зеленаго и краснаго, преобладавшихъ въ костюмѣ Данте,—зеленый былъ замазанъ шоколаднымъ. Любопытно, что, позволивъ открыть фреску, нѣмецкое правительство запретило снимать копіи съ портрета Данте. Тогда англичанинъ Киркопъ, болѣе другихъ лицъ хлопотавшій о реставрированіи портрета, прибѣгнулъ къ хитрости. Въ 1850 году, онъ оскорбилъ нѣмецкаго полицейскаго, былъ отведенъ въ ту же тюрьму, гдѣ находились фрески, и тамъ, конечно за взятку сторожамъ, снялъ копію съ портрета Данте. Только такимъ оригинальнымъ способомъ портретъ могъ сдѣлаться общественнымъ достояніемъ.

Другое, несомнѣнно подлинное изображеніе — маска, снятая съ поэта послѣ его смерти. Исторія этой маски также довольно темная. Она передаетъ тѣ же главныя черты 56-тилѣтняго поэта, какія Джіотто подмѣтилъ у 20-тилѣтняго юноши. Но какимъ способомъ снята эта маска, — остается неразъясненнымъ. Въ біографіи Андреа дель Верокіо, Вазари говоритъ, что обычай снимать маску съ мертвыхъ началъ распространяться въ его время, т. е. въ половинѣ XVI столѣтія, а Боттари упоминаетъ о маскѣ, снятой съ Брунелески въ 1449 году. Но Данте умеръ въ 1321 году, и какъ ни простъ способъ сниманія маски съ умершихъ, объ немъ никто не сообщаетъ до половины XV вѣка. Полагаютъ, что другъ и покровитель поэта, Гвидо Новелла, снялъ эту маску для того, чтобы по ней воздвигнуть статую поэта въ Равеннѣ. Намѣреніе это не было приведено въ исполненіе, потому что Новелла вскорѣ лишился власти, но маска сохранилась въ Равеннѣ, хотя свѣдѣнія объ ней встрѣчаются только спустя три столѣтія. Біографъ поэта Чинелли пишетъ въ 1706 году, что скульпторъ Джіанъ Болонья получилъ отъ равеннскаго архіепископа маску Данте, съ которой снято изображеніе поэта на его гробницѣ, и передалъ ее, при своей смерти въ 1606 году, своему воспитаннику Пьетро Такка, а его ученики нѣсколько разъ снимали копіи съ этой маски. Однажды Такка показалъ ее герцогинѣ Сфорца, и та, бережно завернувъ маску въ зеленый шарфъ, унесла ее съ собою, а куда дѣвала потомъ, — осталось неизвѣстно. Но очевидно, всѣ послѣдующія изображенія поэта дѣлались съ этой маски. Во Флоренціи сохраняются три древнѣйшія маски, принадлежащія маркизѣ Торриджіани и скульпторамъ Риччи и Бартолини. Но если нѣтъ достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ о подлинности этой маски, за нее говорятъ ея анатомическія особенности: различіе въ выпуклости глазныхъ вѣкъ и обѣихъ сторонъ лица, легкая неправильность линіи носа, складки на углахъ рта—все это убѣждаетъ, что маска снята съ натуры. Самое выраженіе лица достойно Данте. Никакое идеализированное изображеніе не могло бы передать такъ рельефно черты лица того, кто жилъ особенной жизнью, въ отдаленномъ мірѣ, недоступномъ его современникамъ, кто, любя и вѣруя, пришелъ

Портретъ Данте съ ватиканской фрески Рафаэля.

тяжелымъ тернистымъ путемъ «къ высокому тріумфу истиннаго царства» (L'alto trionfo del regno verace). Маска Данте вполнѣ отвѣчаетъ описанію наружности поэта, какъ его изображаетъ Бокачіо, упоминающій только, что поэтъ былъ съ бородой; но ее, для снятія маски, разумѣется надо было сбрить. Крупныя, энергическія черты, выдающійся лобъ, орлиный носъ, широкія щеки, сжатыя губы, толстый подбородокъ, общее выраженіе лица—строгое, меланхолическое, величественное. Иначе мы не можемъ вообразить себѣ поэта, прошедшаго «черезъ всѣ круги царства скорби» (per tutti il cerchi del dolente regno) и достигнувшаго «до божественнаго черезъ человѣческое, до вѣчнаго черезъ временное» (che al divino dall' umano, all'eterno del tempoera venuto). Этотъ портретъ вполнѣ передаетъ черты поэта и объясняетъ анекдотъ, приводимый Бокачіо. Однажды Данте проходилъ въ Веронѣ мимо женщинъ, сидѣвшихъ на терасѣ. «Смотрите!—сказала одна изъ нихъ:—вотъ человѣкъ, который сходитъ въ адъ, возвращается оттуда, когда ему вздумается, и приноситъ извѣстія о тѣхъ, кто тамъ заключенъ.»—«Да, это должно быть, правда,—отвѣчала другая женщина:—взгляните, какъ онъ загорѣлъ, какъ борода его опалена огнемъ и дымомъ».

Въ «Ежегодникѣ» нѣмецкаго дантовскаго общества, издающемся въ Лейпцигѣ, д-ръ Теодоръ Пауръ говоритъ, въ 1869 году, еще объ одной маскѣ Данте, найденной въ позднѣйшее время въ Равеннѣ флорентійцемъ Перукки, утверждающимъ, конечно, что это первая, подлинная маска поэта. Она повторяетъ прежнія изображенія съ незначительными измѣненіями. Съ нея, повидимому, сдѣланъ портретъ, хранящійся въ мюнхенской галлереѣ и приписываемый Мазаччіо. Въ Римѣ хранится также старинный портретъ Данте масляными красками, писанный для кардинала Бембо. Въ флорентійскомъ соборѣ есть фреска, на которой Данте изображенъ стоящимъ въ лавровомъ вѣнкѣ; въ лѣвой рукѣ его «Божественная комедія», изъ которой исходятъ лучи; на правой сторонѣ Флоренція, на лѣвой адъ, гдѣ черти мучаютъ грѣшниковъ, въ глубинѣ чистилище. Эту картину долго приписывали Орканьѣ, но впослѣдствіи нашли, что она написана Доменикомъ Никелино, ученикомъ Фра-Анджелико, въ 1465 году, по заказу францисканскаго монаха Антоніо, объяснявшаго «Божественную комедію» въ флорентійскомъ соборѣ. Внизу картины шесть латинскихъ стиховъ въ честь Данте. На фасадѣ того же собора была поставлена статуя поэта, перенесенная впослѣдствіи въ садъ герцогской виллы Поджіо. Изъ старинныхъ портретовъ извѣстны также: находящійся въ императорскомъ вѣнскомъ музеѣ, упоминаемый Апостоло Зено, работы Морзукелли и Путтинати; въ луврскомъ музеѣ пріобрѣтенный изъ Урбано и изображающій Данте сидящимъ въ лавровомъ вѣнкѣ въ красной тогѣ и держащимъ лѣвою рукою на колѣнѣ «Божественную комедію»; портретъ Вазари въ Оксфордѣ, на которомъ Данте

изображенъ вмѣстѣ съ пятью другими поэтами его времени: Петраркою, Бокачіо, Кавальканти, Чино изъ Пистойи и Гвидо изъ Ареццо. Еще ранѣе Вазари, черты великаго поэта изобразилъ великій живописецъ Рафаэль, въ трехъ картинахъ: фрескѣ, носящей названіе «споръ о причащеніи» (Disputa), въ «ватиканскихъ ложахъ», «въ аѳинской школѣ» и на Парнасѣ. Вездѣ строгому типу поэта Рафаэль придалъ грандіозное, поэтическое выраженіе; вездѣ онъ изображенъ въ профиль въ лавровомъ вѣнкѣ. Этюдъ одного изъ этихъ портретовъ хранится также въ вѣнскомъ музеѣ. Нѣсколько

Голова Данте съ барельефа мавзолея въ Равеннѣ.

разъ его изображали вмѣстѣ съ Беатриче, на которую также возлагали лавровый вѣнокъ, потому что ее обезсмертилъ поэтъ. На фрескѣ Джіотто онъ стоитъ рядомъ со своими учителями, Брунетто Литини и Корсо Донати. Много разъ изображали его на медаляхъ и барельефахъ. Но и послѣ смерти поэта враги не переставали преслѣдовать его. Когда послѣдній покровитель Данте Гвидо да Полента, у котораго поэтъ нашелъ убѣжище въ послѣдніе дни своей жизни, былъ изгнанъ изъ Равенны, кардиналъ Бельтрамъ-дель-Поджетто хотѣлъ даже вырыть изъ могилы въ церкви Сан-Франческо тѣло Данте и сжечь его на кострѣ какъ еретика. Едва могли уговорить фанатика не приводить въ исполненіе своего намѣ-

ренія. Только сто шестьдесятъ лѣтъ спустя равеннскій подеста Бернардо Бембо воздвигнулъ Данте мавзолей работы Піетро Ломбарди, въ церковной часовнѣ. Мавзолей былъ возобновленъ въ 1780 году кардиналомъ Валентиномъ Гонзаго изъ Мантуи. Это очень жалкій памятникъ, но черты поэта, изображеннаго читающимъ книгу, подпершись рукою, очень выразительны. Не лучше этого мавзолея—памятникъ работы Стефано Риччи, воздвигнутый Данте въ церкви св. Креста во Флоренціи: на саркофагѣ портретъ поэта; по пра-

Бронзовый бюстъ Данте въ неаполитанскомъ музеѣ.

вую руку его фигура торжествующей Италіи, по лѣвую поэзія въ слезахъ.

Наконецъ, въ неаполитанскомъ музеѣ хранится бронзовый бюстъ Данте, работы XIV столѣтія, очевидно, отлитый по портрету, снятому съ поэта еще при его жизни. На этомъ бюстѣ чертамъ Данте придано воинственное выраженіе, свойственное бойцу за свою родину, какимъ былъ этотъ гвельфъ по рожденію, но принявшій сторону гибеллиновъ, потому что ихъ преслѣдовала и угнетала враждебная партія. Такимъ могъ быть дѣйствительно поэтъ въ сраженіи при Кампольдино 1287 года, когда его личное участіе въ битвѣ немало содѣйствовало успѣху, одержанному его соотечественниками. Правда, за этой побѣдой, черезъ 13 лѣтъ, послѣдовало изгнаніе

Данте изъ Флоренціи, присужденіе къ смертной казни на кострѣ за корыстные поступки, подтвержденные «общественнымъ мнѣніемъ» (fama publica), и двадцатилѣтняя скитальческая жизнь. Но изгнаніе «съ его горькимъ чужимъ хлѣбомъ» еще болѣе возвеличило поэта, надъ изображеніемъ котораго невольно задумывается мыслитель, отыскивая въ нихъ черты его мощнаго генія и страдальческой жизни...

В. З.

НЕВИННАЯ ЖЕРТВА РЕВОЛЮЦІИ.

1785 — 1795 гг.

ОПРОСЪ о подлинности Людовика XVII довольно старый и, всетаки, оставался до сихъ поръ нерѣшеннымъ. Историки царствованія Людовика XVI не разъяснили тайны, скрывавшей истинную судьбу этого несчастнаго ребенка. Увѣряли, будто ребенокъ, томившійся въ Танплѣ и умершій тамъ 10-го іюня 1795 года, былъ вовсе не сынъ Маріи-Антуанетты. Создалась даже легенда о похищеніи бурбонскаго дофина вандейскими вожаками. Разные искатели приключеній спѣшили воспользоваться этой хорошо соблюденной тайной и выступали съ претензіями на французскій престолъ. Но вотъ легенда разъясняется, претензіи авантюристовъ оказываются подложными и все дѣло о несчастномъ дофинѣ перестаетъ быть загадкой. Передъ нами превосходное изслѣдованіе Шантлоза: «Louis XVII. Son enfance, sa prison et sa mort au Temple».

Автору посчастливилось найдти въ національныхъ французскихъ архивахъ всѣ документы, въ которыхъ въ министерство Деказа собраны свѣдѣнія о лицахъ, такъ или иначе стоявшихъ близко къ коронованнымъ узникамъ Танпля во время ихъ заключенія. Эти документы имѣютъ высокое историческое значеніе. Тутъ сохранены показанія самихъ очевидцевъ по вопросамъ, до сихъ поръ не поддававшимся разъясненію или рѣшавшимся вопреки свидѣтельству фактовъ. И этими показаніями опровергаются всѣ сочиненныя басни и лживыя измышленія на счетъ замореннаго въ тюрьмѣ дофина.

Людовикъ XVII былъ поистинѣ невинной жертвой французской революціи. Вся вина его заключалась въ томъ, что онъ родился на свѣтъ Божій. Неумолимость судьбы, тягость его участи, нисколько

не смягчаются отъ того, что, по малолѣтству, онъ могъ бы и не вполнѣ понимать весь ужасъ своего положенія. Въ дѣйствительности это не такъ вышло.

Послѣ Людовика XVI французскій престолъ назначался сперва не этому дофину. Наслѣдникомъ считался его старшій братъ. Но тому на долю выпалъ болѣе благопріятный жребій. Старшій братъ Людовика XVII умеръ восьми лѣтъ. Ранняя смерть избавила его отъ страшныхъ душевныхъ мукъ и терзаній. Съ правами на престолъ къ новому наслѣднику перешелъ и удѣлъ мученичества.

Нѣжные родители окружали Шарля-Луи всевозможной заботливостью и любовью. Дофинъ отплачивалъ горячей привязанностью и къ матери, и къ отцу. Но скоро всѣмъ семейнымъ радостямъ насталъ конецъ. Ребенку пришлось быть свидѣтелемъ страшныхъ сценъ, производившихся въ Версальскомъ дворцѣ дикими ватагами санкюлотовъ. Шарль-Луи ясно понималъ горе матери. Какъ-то игралъ онъ въ ея садикѣ. Въ то время семья королевская была уже ограничена въ своихъ правахъ. Тутъ подошла къ нему какая-то женщина и стала просить о заступничествѣ въ ея дѣлѣ, прибавивъ:—«Если бы это удалось мнѣ, я бы чувствовала себя счастливой не хуже королевы».—«Вы думаете?—воскликнулъ дофинъ.—Счастливой не хуже королевы? А я такъ знаю одну, которая только плачетъ!»

Тревоги и горе отца также не ускользали отъ вниманія впечатлительнаго ребенка. «Я вижу ясно,—сказалъ онъ однажды своей воспитательницѣ герцогинѣ де-Турзель:—что какіе-то злые люди замышляютъ что-то недоброе противъ отца». Шарль-Луи былъ свидѣтелемъ ужасающихъ сценъ, какія происходили въ Тюльери. Но могъ ли онъ ихъ понимать?—«Мама, за что такъ несправедливы къ папѣ? Вѣдь онъ такой добрый!»—Но когда стѣсненія становились тягостнѣе, свобода дѣйствій королевской семьи ограничивалась все больше, тогда должно было проснуться и въ ребенкѣ пониманіе настоящаго положенія дѣлъ. Однажды онъ читалъ вслухъ исторію плѣненія Людовика XI въ Пероннѣ. Затѣмъ онъ подошелъ къ матери и спросилъ тихо: «Мы не въ Пероннѣ?»

Всѣ эти непріятности, однако-жъ, должны показаться незначительными въ сравненіи съ тѣми, какія еще предстояло пережить. Несчастному наслѣднику самаго надменнаго изъ европейскихъ престоловъ не пришлось выйдти живымъ изъ Тампля. Отсюда и отецъ его перешелъ въ вѣчность, и мать отправлена на эшафотъ.

Едва успѣла королевская семья провести нѣсколько дней въ своемъ новомъ помѣщеніи, какъ послѣдовалъ приказъ объ удаленіи оттуда всѣхъ, кто не принадлежалъ къ этой семьѣ. Была удалена и г-жа де-Турзель. Королева заступила ея мѣсто. Она одѣвала дофина и молилась съ нимъ вмѣстѣ. Король самъ занимался обученіемъ сына. Однако-жъ, вскорѣ онъ былъ лишенъ не только

королевскихъ правъ и личной свободы, но и отцовской власти. Чужіе люди вмѣшивались въ воспитаніе сына, королю предписывалось, въ какомъ духѣ должно быть ведено это воспитаніе. Потомъ настали дни, когда королевская семья сходилась вмѣстѣ только къ обѣду. Въ остальное время король долженъ былъ находиться отдѣльно отъ королевы и дофина.

Но и этимъ не ограничились мучители. Скоро послѣдовало новое испытаніе. Дофина разлучили съ матерью и поселили съ королемъ. Трудно описать горе любящей матери. Король къ тому же страдалъ сильной лихорадкой. Тщетно королева умоляла, чтобъ ребенка приводили къ ней въ тѣ дни, когда королю было хуже, и дофинъ оставался безъ всякаго присмотра. Случилось то, чего слѣдовало опасаться. Людовикъ XVII заболѣлъ лихорадкой. Снова умоляла мать о позволеніи ухаживать за больнымъ сыномъ. Узурпаторы были глухи ко всякимъ мольбамъ. На свое несчастье, бѣдный ребенокъ перенесъ болѣзнь.

Но вотъ отца его рѣшили судить. Дофина снова пришлось вернуть къ матери. При разставаніи съ сыномъ, несчастный отецъ судорожно прижималъ его къ груди своей, точно предчувствовалъ, что недалекъ уже и часъ разлуки навѣки, точно предвидѣлъ онъ безконечныя мученія, предстоявшія его дорогому малюткѣ. Но еще разъ удалось сыну повидать отца. Людовикъ XVI былъ тогда уже приговоренъ къ смерти. Послѣднія слова приговореннаго заключали въ себѣ увѣщаніе простить всѣмъ виновнымъ въ его смерти.

Понималъ ли малолѣтній дофинъ, что предстояло его отцу? Могла ли его дѣтскому уму прійдти мысль, что отецъ идетъ на смерть? Факты отвѣчаютъ на это утвердительно. Когда несчастная семья услыхала зловѣщій бой барабановъ, ее охватилъ неописуемый страхъ. Дофинъ бросился къ матери на шею и залился слезами. Вдругъ онъ увидѣлъ, что дверь къ нимъ отворилась. Онъ мгновенно оставилъ королеву и кинулся въ прихожую, надѣясь найдти вторую дверь незапертою. Караульный загородилъ ему дорогу и спросилъ, куда онъ идетъ:—«Я хочу говорить съ народомъ. Я хочу просить его не казнить моего отца»...

Свирѣпая чернь получила свою жертву. И она все еще была недовольна. Для чего же нужно было ей держать въ тюрьмѣ безвреднаго ребенка? Стражѣ Тампля, считавшей свою миссію оконченной послѣ казни короля, разъяснили это ясно:—«Законъ возложилъ на васъ отвѣтственность не только за Луи Капета, но и за его семью. Вы въ Тамплѣ не ради его жены, а ради сына его. Вы считаете этотъ надзоръ безполезнымъ; между тѣмъ онъ болѣе необходимъ, чѣмъ когда либо. Людовикъ былъ почти безопасенъ. Король, опозорившій свой санъ преступностью, не можетъ возстановить свой престижъ во мнѣніи подданныхъ. Онъ не могъ снова взойдти на престолъ, съ котораго низвели его преступныя дѣянія.

Но сына его считать ничѣмъ, когда этотъ ребенокъ можетъ опираться на старомъ предразсудкѣ? Вѣрьте, что это—заложникъ, котораго надо стеречь тщательно... О, безъ сомнѣнія, граждане, если бы какой нибудь несчастный случай доставилъ ему свободу, вы воочію увидѣли бы, какъ составилась бы могущественная партія. Вотъ чего только не слѣдуетъ забывать: Карлъ I сложилъ голову на эшафотѣ, а сынъ его вступилъ на престолъ».

Короче сказать, гоненія на несчастнаго ребенка пошли дальше. Подъ предлогомъ обнаруженныхъ попытокъ къ бѣгству заключенныхъ, въ Танплѣ стража была усилена. Но, всетаки, нельзя было совсѣмъ замуравить королеву отъ міра внѣ тюрьмы. До нея дошли слухи о демонстраціяхъ, происходившихъ въ различныхъ пунктахъ королевства, въ пользу ея сына. Снова надежда оживила ее. Она вся отдалась воспитанію дофина, съ цѣлью приготовить его къ высокому назначенію. Составленъ былъ планъ бѣгства. Мысль объ этомъ пришла одному изъ сторожей Танпля, Тулану. Героизмъ королевы такъ рѣшительно подѣйствовалъ на упрямаго республиканца, что онъ перешолъ въ лагерь роялистовъ. Онъ изложилъ свой планъ королевѣ. Та схватилась за него съ радостью и предложила передать объ этомъ преданному ей бригадному генералу Жаржесу. Туланъ и Жаржесъ вошли въ соглашеніе съ однимъ изъ членовъ муниципалитета, Лепитромъ, который также былъ на сторонѣ плана. Все было заготовлено къ бѣгству. 8-е марта 1793 года назначалось днемъ бѣгства. Но вскорѣ надежда оказалась напрасной. Вѣсти объ успѣхахъ непріятеля встревожили парижское правительство. Стража въ Танплѣ еще болѣе была усилена. Заговорщики признали невозможнымъ освободить Людовика XVII. Они могли освободить только одну королеву, но та не желала разстаться съ сыномъ. «Мною руководятъ только интересы моего сына», — писала Марія-Антуанетта Жаржесу: — «какъ бы сильно ни хотѣлось мнѣ уйдти отсюда, но на разлуку съ сыномъ я не могу рѣшиться».

Такъ и осталась она въ тюрьмѣ. Тяжесть ея горя возростала съ часу на часъ. Въ числѣ новыхъ стражей находился злодѣй, безжалостный, жестокосердый, неспособный ни на какое человѣчное движеніе. Его звали Тифонъ. Онъ завелъ цѣлую систему шпіонства и посвятилъ свою дражайшую половину въ тайны этого ремесла. Оговоры слѣдовали одинъ за другимъ. Никто, разумѣется, не провѣрялъ ихъ основательности, но за то ихъ слушали охотно. Немедленно принимались строжайшія мѣры, и, конечно, не въ видахъ улучшенія положенія королевской семьи. Кто оказывалъ какую либо услугу несчастнымъ узникамъ Танпля или какъ нибудь попадалъ въ подозрѣніе за состраданіе къ ихъ участи, тотъ платился своею жизнью или свободой.

Правительство, между прочимъ, поручило хирургу Пипеле навѣстить больнаго дофина. Хирургъ, не смотря на угрозы черни,

отважно исполнилъ свою обязанность. Но и онъ не избѣжалъ подозрительности шпіоновъ. Въ присутствіи королевской семьи, Пипеле стоялъ безъ шапки. Этотъ знакъ почтенія онъ долженъ былъ потомъ объяснять тѣмъ, что ему съ непокрытой головой было удобнѣе производить свое изслѣдованіе.

Консерваторы Національной библіотеки были уволены за то, что показывали книгу, напечатанную въ XVI столѣтіи, подъ заглавіемъ «Mirabilis Liber». Въ этой книгѣ попались слѣдующія слова, внушавшія большой страхъ трусливымъ людямъ: «Juvenis captivatus, qui recuperabit coronam filli... fundatus destruet filios Bruti». Эти «сыны Брута», которымъ предвѣщалось паденіе отъ заключеннаго юноши, не могли относиться равнодушно къ подобнымъ откликамъ сочувствія возстановленію королевства. Они стали распускать слухи о томъ, что всюду хотятъ крови королевы и требуютъ голову дофина. Слухи проникли въ самый Тампль и дошли до несчастной королевской семьи. Королевѣ не оставалось инаго средства къ спасенію, кромѣ бѣгства. Сдѣлали вторичную попытку. Вѣрный другъ несчастнаго короля, баронъ Бацъ, сталъ во главѣ предпріятія. Ему содѣйствовалъ членъ муниципалитета, Мишонисъ. Заговоръ разросся широко. Осады Тампля не боялись. Самые опасные посты находились въ рукахъ вовлеченныхъ въ заговоръ. Все уже было наготовѣ. Пробило 11 часовъ ночи. Никто и ничто, казалось, не мѣшало успѣху заговора. Хотѣли было уже приступить къ дѣлу. Вдругъ является сапожникъ Симонъ. Въ этотъ день онъ былъ обязанъ отвѣтствовать за охрану Тампля. Онъ осмотрѣлъ всѣхъ инквизиторскимъ взоромъ. Потомъ сказалъ, обратясь къ «вѣрному Кортею»:—«Не найди я тебя здѣсь, я бы встревожился». Бацъ понялъ, что все извѣстно. Первой мыслью его было застрѣлить Симона. Но изъ опасенія разбудить караульныхъ онъ не привелъ ее въ исполненіе. Какъ же Симонъ напалъ на слѣдъ? Вечеромъ въ тотъ же день онъ получилъ анонимное письмо такого содержанія: «Мишонисъ измѣнитъ вамъ въ эту ночь. Будьте на чеку». Все было кончено. Симонъ усилилъ караулъ. Бѣгство оказалось немыслимымъ. Въ предупрежденіе на будущее время дальнѣйшихъ попытокъ, такъ какъ ходили слухи и о другихъ попыткахъ къ освобожденію королевы и дофина, комитетъ общественнаго спасенія разлучилъ мать съ сыномъ. 3-го іюля, его помѣстили въ болѣе секретную половину Тампля.—«Помни меня, дитя мое»,—воскликнула мать, разставаясь съ сыномъ:—«помни мать, любящую тебя, будь благоразуменъ, привѣтливъ и справедливъ». Это были послѣднія слова королевы, сказанныя дофину.

Отъ попеченія любящей матери несчастный дофинъ попалъ подъ надзоръ такихъ чудовищъ, какими были Симонъ и его дражайшая половина. Невольно рождается вопросъ, какой жестокой случайности или какому адскому разсчету надо приписать, что такой рас-

Королева Марія-Антуанетта съ дѣтьми.

Съ портрета писаннаго г-жей Виже-Лебренъ и находящагося въ Версали.

путный господинъ былъ приставленъ руководителемъ къ малолѣтнему? Одни увѣряли, что Симонъ — креатура Робеспьера. Другіе видѣли въ этомъ мстительность Марата, который не могъ никогда простить Маріи-Антуанеттѣ того, что она помѣшала его назначенію въ воспитатели дофина. Шантлозъ, кажется, вѣрнѣе объясняетъ такую странность. По его мнѣнію, Симонъ былъ наиболѣе приспособленъ къ этому посту по своему революціонерному усердію и по опытности въ шпіонствѣ. Кромѣ того, имѣлось въ виду сломить гордость уроженки Австріи тѣмъ, что сапожника назначили воспитателемъ ея сына.

Какими же инструкціями снабженъ былъ Симонъ? Сенаръ, бывшій секретарь комитета общественнаго спасенія, приводитъ на этотъ счетъ слѣдующее показаніе въ своихъ «Révélations puisées dans les cartons des deux comités»: «Симонъ, испрашивая у комитетовъ инструкцій относительно ребенка, сказалъ: «что вы рѣшаете насчетъ молодаго волченка? Его научили быть высокомѣрнымъ. Я съумѣю его смирить... Что же потомъ надо? Прогнать его?» Отвѣтъ: «Нѣтъ». Убить его? Отвѣтъ: «Нѣтъ». Отравить его? «Нѣтъ». Что же въ такомъ случаѣ? Вѣдь надо жъ отдѣлаться отъ него! «Онъ не будетъ ни убитъ, ни прощенъ, но отдѣлаются отъ него». Шантлозъ считаетъ невѣрнымъ такое показаніе.

Задача Симона состояла не только въ надзорѣ и воспитаніи принца, но и въ шпіонствѣ. Послѣдующіе факты вполнѣ подтверждаютъ это. Въ секретныхъ инструкціяхъ Симону давалось порученіе всячески вывѣдывать тайны матери и тетки принца относительно ихъ связей съ роялистами Тампля, съ членами конституціоннаго собранія и членами муниципалитета. Шпіонъ-воспитатель обязывался вынудить у принца признаніе во всемъ, что было ему извѣстно о заговорахъ королевской семьи со времени бѣгства въ Варениъ, и о томъ, чего онъ даже не могъ знать. «Словомъ, искали основанія для суда надъ Маріей-Антуанеттой и принцессой Елисаветой, и для того-то Симонъ назначался воспитателемъ малолѣтняго принца». И, дѣйствительно, какъ только эта цѣль была достигнута, Симона сейчасъ же устранили отъ его педагогическихъ обязанностей.

Такая лестная роль была указана Симону Гебертомъ и, быть можетъ, даже Шометтомъ. Болѣе удачнаго орудія для своей адской злости они, вѣроятно, и не могли найдти. Ничто не смягчало варварства этого злодѣя—ни возрастъ, ни непорочность, ни несчастье бѣднаго ребенка. Дофина усмиряли всякими мѣрами, не взирая на ихъ гнусность. Наслѣдникъ французской короны прислуживалъ сапожнику за столомъ. Въ пьяномъ видѣ, а это бывало нерѣдко, сапожникъ безпощадно билъ принца. Людовикъ XVII, для увеселенія своего ментора, долженъ былъ распѣвать безпутныя революціонныя пѣсни, оскорбительные куплеты на несчастнаго короля, произносить сальные стихи. Дражайшая половина сапожника не

уступала своему благовѣрному въ жестокости и наглости обращенія съ принцемъ. Они принуждали дофина пить съ ними до тѣхъ поръ, пока онъ не дѣлался полнымъ орудіемъ ихъ воли и желаній. Тогда они заставляли его дѣлать наговоры, ими измышленные, и принуждали его повторять это до тѣхъ поръ, пока дофинъ не затверживалъ наизустъ этихъ вымысловъ. Безъ сомнѣнія, и болѣе устойчивый разсудокъ не выдержалъ бы такой пытки и могъ бы свихнуться. Стало быть, нѣтъ ничего удивительнаго, что Симонъ съумѣлъ воспитать въ ребенкѣ обвинителя его матери и родной тетки. Какъ только сапожникъ убѣдился въ успѣшности своего дѣла, такъ и началось слѣдствіе.

6-го октября 1795 года, по предписанію «главнаго совѣта коммуны», Пашъ, мэръ Парижа, Гебертъ, Шометтъ и Лоранъ, затѣмъ Сэгюй и Гессэ вошли въ комнату Людовика XVII. Къ этому дню малолѣтняго узника подготовили продолжительнымъ голодомъ. Тутъ Симонъ, разложивъ на столѣ разныя сладости, фрукты и поставивъ вина, пригласилъ дофина кушать и пить вдоволь. Когда Людовикъ XVII утолилъ свой голодъ и дошелъ до опьяненія, тогда приступили къ допросу. Подлинникъ этого допроса хранится въ Національномъ архивѣ. Допрашивали ребенка о секретныхъ совѣщаніяхъ королевы въ Тюльери съ членами конституціоннаго собранія и о совѣщаніяхъ въ Танплѣ съ членами муниципалитета. Дофинъ называлъ имена, какія подсказывались ему. Даже, не ожидая разспросовъ, онъ обвинялъ не только мать, но и тетку въ томъ, будто онѣ развращали его. Онъ клеймилъ свою мать именемъ Агриппины. И, что всего ужаснѣе, несчастный ребенокъ бросалъ подобныя обвиненія въ лицо матери и тетки!

Извѣстенъ результатъ суда надъ Маріей-Антуанеттой. Она пала жертвой злобы своихъ враговъ. Отъ дофина же скрыли о такой участи его матери.

Итакъ теперь, кажется, было достигнуто все, къ чему стремились злодѣи. Но еще оставалось покончить съ призракомъ престолонаслѣдія. Этотъ призракъ держалъ узурпаторовъ въ вѣчномъ страхѣ. Противъ обезсиленнаго принца были приняты еще болѣе строгія мѣры. Послѣдствія ихъ не заставили себя ждать. Дофинъ впалъ въ меланхолію. При видѣ служащихъ Танпля, онъ испытывалъ неизобразимой страхъ, съеживался, не отвѣчалъ на разспросы и молчалъ. Положеніе его не улучшилось и послѣ удаленія Симона. Напротивъ, рѣшено было, во имя принципа «равенства», Капетинговъ не отличать ничѣмъ отъ прочихъ преступниковъ. Такъ запуганнаго дофина перевели въ арестантскую камеру Танпля, 19-го января 1794 года.

Тутъ уже никто не заботился о Людовикѣ XVII. Ничье участіе не озаряло тьмы его горькаго существованія. Вскорѣ обнаружилось на немъ и пагубное вліяніе сырой и гнилой, лишенной воздуха камеры. Людовикъ XVII сдѣлался жертвой золотухи. Болѣзнь

оказалась роковой, конецъ ея былъ ужасенъ. Онъ такъ и умеръ въ Танплѣ отъ золотухи. Это вполнѣ доказано Шантлозомъ. Стало быть, Людвикъ XVII не ушелъ отъ рукъ мучителей, какъ утверждали претенденты на бурбонскій престолъ. Стало быть, его не похищали изъ Танпля и не замѣняли другимъ нѣмымъ ребенкомъ, какъ увѣряли все тѣ же претенденты. Стало быть, наконецъ, дофинъ не отравлялся и не прибѣгалъ къ самоубійству вообще, какъ распространяли его истязатели.

Но и послѣ смерти не оставили въ покоѣ несчастнаго ребенка. Людовика XVII зарыли на кладбищѣ Sainte Marguerite въ общей могилѣ. Одинъ изъ гробовщиковъ, тайный сторонникъ бурбоновъ, Пьеръ Вертранкуръ на слѣдующую же ночь вынулъ гробъ изъ этой могилы и помѣстилъ его въ особую. Когда при Людовикѣ XVIII министръ полиціи Деказъ велѣлъ розыскать трупъ несчастнѣйшаго изъ бурбоновъ, то былъ произведенъ допросъ всѣмъ присутствовавшимъ при погребеніи. Жена Вертранкура и пріятель его открыли повѣданный имъ секретъ. Но при этомъ Дюссенъ, полицейскій коммиссаръ временъ республики, и Вуазенъ, одинъ изъ тогдашнихъ гробовщиковъ, донесли, что только имъ извѣстна могила, гдѣ схороненъ дофинъ. Дѣлались и другія донесенія. Графъ Деказъ, однако, придалъ значеніе лишь показаніямъ гробовщиковъ. Все уже было заготовлено къ вскрытію могилъ, какъ вдругъ послѣдовало запрещеніе производить его. Оппозиція подняла голову. Еще при раскапываніи могилъ Людовика XVI и Маріи-Антуанетты эта оппозиція распускала слухи, будто найденные трупы не дѣйствительные. Тутъ же она пошла еще дальше и обвинила правительство въ намѣреніи взволновать умы подобными демонстраціями. И оппозиція достигла своей цѣли.

Трупъ дофина остался на прежнемъ мѣстѣ. Но узнали, что отважный Пелльтанъ, во время вскрытія дофина, тайкомъ взялъ къ себѣ его сердце и часть волосъ. Теперь явилось желаніе получить эти реликвіи. Но и у этихъ послѣднихъ была своя особая судьба. Пелльтанъ положилъ сердце въ спиртъ и хранилъ его въ ящикѣ своего письменнаго стола вмѣстѣ съ прочими анатомическими препаратами. Какъ-то докторъ показалъ дорогую реликвію одному изъ учениковъ своихъ Тилло. Но въ другой разъ Пелльтанъ открылъ ящикъ и къ ужасу своему замѣтилъ отсутствіе препарата. Подозрѣніе его пало на Тилло, но онъ не рѣшался его высказать, ибо нельзя еще было обнаружить тайну. Такъ докторъ терпѣливо ждалъ, что будетъ. Послѣдовала реставрація. Тилло въ это время умираетъ отъ чахотки. На смертномъ одрѣ онъ просилъ своего зятя передать Пелльтану дорогую реликвію. Это и было исполнено, а въ 1817 году сердце Людовика XVII, по повелѣнію Людовика XVIII, помѣщено въ Сенъ-Дени.

Ѳ. Булгаковъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Памятники древней письменности и искусства. Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Издалъ Л. Майковъ. Спб. 1884.

ИСТОРИЧЕСКАЯ и этнографическая литература о Сибири до сихъ поръ далеко еще не богата изданіями первоисточниковъ. Историческіе акты и разные географическіе и этнографическіе памятники, относящіеся до Сибири, издавались въ прежнее время совершенно случайно, и только въ какія нибудь послѣднія пять-десять лѣтъ можно замѣтить, что нѣкоторыя ученыя учрежденія, какъ, напримѣръ, археографическая коммиссія и Отдѣленіе этнографіи императорскаго русскаго географическаго Общества, обращаютъ серьёзное вниманіе на источники сибирской исторіи, географіи и этнографіи. Правда, при этомъ иногда много значитъ просвѣщенное усердіе какого либо любителя старины, дающаго средства на изданіе, но, во всякомъ случаѣ, самое дѣло изданія источника,—что и есть самое важное,—охотно исполняется ученымъ учрежденіемъ, какъ, напримѣръ, археографической коммиссіей. Что дѣйствительно сибирская исторія, вмѣстѣ съ географіей и этнографіей, обогатилась за послѣднее время нѣсколькими прекрасными изданіями первоисточниковъ, это можно видѣть изъ простаго перечня такихъ изданій. Археографическая коммиссія издала древній географическій атласъ Сибири, извѣстный подъ названіемъ «Чертежной книги Сибири, составленной тобольскимъ сыномъ боярскимъ Семеномъ Ремезовымъ, въ 1701 году» (Спб. 1882). Затѣмъ та же коммиссія издала «Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка» (т. I-й, Спб. 1882) и такъ называемую «Краткую сибирскую (Кунгурскую) лѣтопись» (Спб. 1880). Кромѣ этого, какъ намъ извѣстно, археографической коммиссіей готовится изданіе

II-го тома «Памятниковъ сибирской исторіи» и изданіе всѣхъ древнихъ сибирскихъ лѣтописей. Въ послѣднемъ изданіи уже давно чувствуется настоятельная потребность. Императорскимъ географическимъ Обществомъ недавно издано «Путешествіе чрезъ Сибирь отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая русскаго посланника Николая Спаѳарія въ 1675 году» («Записки по Отдѣленію этнографіи, т. X, выпускъ I-й, Спб. 1882). Всѣхъ такихъ изданій, конечно, немного, и много еще предстоитъ работы по обнародованію архивнаго матеріала для сибирской исторіи, географіи и этнографіи. Такъ, напримѣръ, масса неизданнаго матеріала по исторіи Сибири хранится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и еще ждетъ своего обнародованія. Какое богатство историческихъ источниковъ заключается въ упомянутомъ архивѣ, лица, этимъ интересующіяся, могутъ отчасти видѣть изъ «Указателя дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ московскому главному архиву министерства иностранныхъ дѣлъ», составленнаго М. П. Пуцилло (М. 1879).

Недавно (въ концѣ прошлаго года) изданное Л. Н. Майковымъ «Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Гр. Новицкимъ», также обогащаетъ ученую литературу первоисточниковъ Сибири. Свѣдѣній объ авторѣ «Краткаго описанія», Григоріи Новицкомъ, по словамъ г. Майкова, очень мало, и извлекаются они почти исключительно изъ самого его описанія. Языкъ «Описанія», манера изложенія, а равно и фамилія автора, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ, что Григорій Новицкій былъ малороссіянинъ, по всей вѣроятности — питомецъ Кіевско-Могилеанской коллегіи. Изъ предисловія къ «Описанію» видно, что онъ попалъ въ Сибирь неволею: «Узришь, яко странникъ бѣдствующій и пришлецъ, его же не желаніе любопытства, ниже о всякихъ вещехъ искательство виденія въведе сѣмо, н́о брани смущенія междоусобныя и временъ злоключеніе предаша неволи». По дѣламъ тобольскаго консисторскаго архива Н. А. Абрамовъ доискался, что ссылка Новицкаго, вмѣстѣ съ другими 15-ю лицами, относится къ 1712 году; но ближайшая причина ея остается нераскрытою. Въ бытность свою въ Сибири, Григорій Новицкій пользовался расположеніемъ губернатора князя Гагарина и митрополита Филоѳея; послѣдняго онъ сопровождалъ въ его путешествіяхъ для проповѣди христіанской вѣры остякамъ и вогуламъ; эти-то поѣздки и подали Новицкому поводъ къ сочиненію «Описанія» въ 1715 году. Изъ разсмотрѣнныхъ г. Абрамовымъ дѣлъ консисторскаго архива обнаруживается, что при преемникѣ Филоѳея, митрополитѣ Антоніи (Стаховскомъ), Новицкій назначенъ былъ въ Кондинской волости надзирателемъ за исполненіемъ новокрещеными остяками христіанскихъ обязанностей и тамъ впослѣдствіи убитъ вмѣстѣ со священникомъ Сентяшевымъ. Случилось это уже послѣ 1720 года, когда скончался Филоѳей. Изъ сочиненія Новицкаго, которое, къ сожалѣнію, осталось неоконченнымъ, можно видѣть, что авторъ его обладалъ замѣчательнымъ, по своему времени, образованіемъ. Ссылки Новицкаго на Овидія свидѣтельствуютъ, что онъ зналъ полатыни и читалъ римскихъ поэтовъ; свѣдѣнія же по исторіи Сибири, приводимыя имъ въ §§ 6—9 первой главы «Описанія», показываютъ, что онъ ознакомился съ прошлыми судьбами Сибирскаго края изъ сибирской лѣтописи Саввы Есипова.

Сочиненіе Новицкаго начинается посвященіемъ, обращеннымъ къ тогдашнему еще первому сибирскому губернатору, Матвѣю Петровичу Гагарину. Посвященіе это, загроможденное цвѣтами реторики, представляетъ, не смотря

на это, нѣкоторыя характерныя черты для самого писателя и его отношеній къ своему высокопоставленному патрону.

Послѣ посвященія и предисловія слѣдуетъ раздѣленное по главамъ (8) самое «Описаніе остяцкаго народа», представляющее довольно разнообразное содержаніе, изъ котораго ученый можетъ извлечь много интересныхъ фактовъ этнографическаго характера. Не имѣя возможности подробно говорить о содержаніи всѣхъ 8-ми главъ «Описанія», мы сдѣлаемъ только краткій перечень матеріала, заключающагося въ «Описаніи».

Въ I-ой главѣ Новицкій даетъ сначала географическія и историческія свѣдѣнія вообще о Сибири: опредѣляетъ ея границы, говоритъ о богатствѣ Сибири мѣхами и мамонтовою костью, о добываніи желѣза, минеральнаго масла, о травѣ звѣробоѣ и о мускусѣ. Далѣе приводятся извѣстія о народахъ, издавна обитающихъ въ Сибири, о древнихъ татарскихъ правителяхъ сибирскихъ, объ основаніи города Сибири и о происхожденіи названія «Сибирь», о началѣ власти Кучума и, наконецъ, о завоеваніи Сибири Ермакомъ. Всѣ эти историческія извѣстія о древней Сибири заимствованы Новицкимъ изъ лѣтописи Саввы Есипова. Предпославъ общія свѣдѣнія о Сибири, Новицкій начинаетъ разсказъ собственно объ «Остяцкой странѣ»: опредѣляетъ ея границы, описываетъ Тазовскую губу, льды, плавающіе въ океанѣ; говоритъ о Новой Землѣ, о промыслахъ тамъ самоѣдовъ и остяковъ; сообщаетъ разнорѣчивые слухи о пребываніи людей на Новой Землѣ. Далѣе разсказываетъ исторію исчезновенія аборигеновъ страны по нижнему теченію Оби, извѣстныхъ у него подъ именемъ «чудскаго народа»; говоритъ о приходѣ обскихъ остяковъ изъ Пермской земли, дѣлаетъ лингвистическія наблюденія надъ остяками, причемъ открываетъ сходство нѣкоторыхъ остяцкихъ словъ съ латинскими; объясняетъ происхожденіе названія «остяки».

Второю главою «Описанія» начинается, въ собственномъ смыслѣ, этнографическое описаніе остяковъ. Тутъ Новицкій говоритъ сначала о физической природѣ остяковъ, затѣмъ о первобытности и грубости ихъ обычаевъ: напримѣръ, женщинамъ остяки именъ не даютъ, а дѣтей называютъ, по времени ихъ рожденія, первымъ, вторымъ и т. д., или именемъ перваго попавшагося на глаза животнаго или какой нибудь вещи. Далѣе говорится объ отношеніяхъ остяковъ къ женщинамъ-родильницамъ и о томъ, что послѣднія при родахъ не страдаютъ. Новицкій сообщаетъ, что остяки живутъ разбросанно— одной, двумя юртами; письменности и какихъ либо учрежденій не имѣютъ, преступленія между остяками, однако, случаются рѣдко, и эти инородцы отличаются честностью въ исполненіи разныхъ обязательствъ; занятіе остяковъ — охота на разныхъ звѣрей, птицъ и ловъ рыбы. Главнымъ же образомъ остяки промышляютъ рыболовствомъ, и Новицкій описываетъ, въ какомъ видѣ остяки ѣдятъ рыбу и какъ запасаютъ ее впрокъ. Затѣмъ говорится о пристрастіи остяковъ къ китайскому табаку (шаръ), которымъ они закуриваются до одурѣнія; далѣе сообщается объ устройствѣ и обстановкѣ жилищъ остяковъ, о собакахъ и оленяхъ, единственныхъ животныхъ, которыхъ держатъ остяки; говорится объ одеждѣ остяковъ, которую они шьютъ себѣ изъ холста, выдѣлываемаго изъ крапивы, объ одеждѣ изъ рыбьей кожи, изъ оленьихъ шкуръ, изъ сукна и шкурокъ птицъ. Новицкій говоритъ о значеніи остяцкихъ князьковъ, какъ народныхъ начальниковъ, о сборѣ съ остяковъ ясака; упоминаетъ объ осѣдлыхъ остякахъ и ясакѣ, который они несутъ. Передаетъ также свѣдѣнія о заключеніи браковъ у остяковъ; далѣе

говоритъ о проказѣ (сифилисѣ), губящей остяковъ. По словамъ Новицкаго, остяки отъ нужды и болѣзней сдѣлались физически слабыми и неспособными къ воинскому дѣлу, а въ старину когда-то они были народомъ сильнымъ и воинственнымъ. Въ заключеніи 2-ой главы Новицкій разсказываетъ о томъ, какъ остячка, послѣ смерти своего мужа, дѣлаетъ себѣ деревянную куклу и обращается съ нею какъ со своимъ живымъ мужемъ впродолженіе мѣсяца, послѣ чего кукла хоронится съ приличнымъ оплакиваніемъ. Въ III-й главѣ своего «Описанія» Новицкій сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о религіи остяковъ, говоритъ о религіозномъ почитаніи остяками птицъ (лебедя, гуся), звѣрей (особенно медвѣдя) и другихъ просто деревянныхъ изображеній; говоритъ объ обрядахъ шаманства у остяковъ, объ эксплоатаціи шаманами простодушныхъ инородцевъ; о жертвахъ, приносимыхъ остяками идоламъ. Описываетъ почитаніе остяками медвѣдя и обычай клятвы надъ шкурою этого звѣря; затѣмъ—нецеремонное отношеніе остяковъ къ домашнимъ божкамъ. Наконецъ, въ заключеніе этой главы приводитъ свѣдѣнія о почитаніи остяками трехъ ихъ главныхъ идоловъ: Старика Обскаго, Гуся и идола Кондійскаго.

Въ остальныхъ пяти главахъ (IV—VIII гл.) «Описанія» Новицкій даетъ намъ довольно подробный очеркъ миссіонерской дѣятельности митрополита Филоѳея среди остяковъ и вогуловъ. Проповѣдь Филоѳея, въ схимонашествѣ Ѳеодора, описывается Новицкимъ за періодъ времени отъ 1712 по 1715 годъ. Новицкій разсказываетъ, какія трудности приходилось преодолѣвать проповѣднику среди закоренѣлыхъ язычниковъ, описываетъ, какъ свирѣпо противились остяки разрушенію издревле чтимыхъ ими идоловъ. При этомъ, когда Новицкій начинаетъ говорить въ VI-й главѣ «Описанія» о крещеніи вогуловъ, онъ не забываетъ сообщить также этнографическія свѣдѣнія о вогулахъ на столько, на сколько послѣдніе отличаются отъ остяковъ.

Изъ бѣглаго перечня содержанія «Описанія остяцкаго народа» можно видѣть, на сколько интересны заключающіеся въ немъ матеріалы для этнографа и историка. Будущій историкъ распространенія христіанства среди сибирскихъ инородцевъ найдетъ въ «Описаніи остяцкаго народа», играющемъ роль дневника или записокъ дѣятеля-миссіонера, много интересныхъ фактовъ, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ и, подвергнувъ такія данныя ученой критикѣ, возьметъ для себя изъ нихъ то, что̀ ему нужно. Затѣмъ, сообщаемые «Описаніемъ» многочисленные факты о древнемъ бытѣ западно-сибирскихъ инородцевъ представляютъ интересный и цѣнный этнографическій матеріалъ и, какъ замѣчаетъ г. Майковъ, ставятъ это «Описаніе» на ряду съ записками старинныхъ католическихъ миссіонеровъ въ Америкѣ, напримѣръ, Лафито (Lafiteau) и Шарлевуа (Charlevoix), съ «Описаніемъ Камчатки» Крашенинникова и съ описаніями путешествій кругосвѣтныхъ мореплавателей прошлаго вѣка, изъ которыхъ новѣйшіе этнографы почерпаютъ столько важныхъ извѣстій по сравнительной исторіи культуры. Относительно этнографіи сибирской это—первое по времени спеціальное сочиненіе. Не безъ причины, поэтому, сочиненіе Гр. Новицкаго еще въ рукописи давно, — говоритъ г. Майковъ въ своемъ предисловіи къ этому памятнику сибирской старины,—обращало на себя вниманіе изслѣдователей этнографіи и исторіи Сибири. Кромѣ Н. А. Абрамова, изъ него извлекали свѣдѣнія протоіерей Ал. Сулоцкій, П. А. Словцовъ, Гр. Ив. Спасскій и еще во второй половинѣ прошлаго вѣка тобольскій ямщикъ Илья Черепановъ, авторъ такъ

называемой «Новой сибирской лѣтописи», доселѣ не изданной. Но всѣхъ болѣе воспользовался сочиненіемъ Новицкаго одинъ плѣнный шведъ (или нѣмецъ), находившійся одновременно съ нимъ въ Тобольскѣ. Это былъ драгунскій капитанъ І. В. Мюллеръ, почти цѣликомъ переведшій «Краткое описаніе» въ своей статьѣ «Das Leben und Gewonheiten der Ostiaken», приложенной къ сочиненію Фр. Хр. Вебера: Das veränderte Russland (Hamburg, 1721). Статья Мюллера, составленная въ Тобольскѣ въ 1716 году и пять лѣтъ спустя уже напечатанная, впервые обстоятельно познакомила ученую Европу съ одною изъ важнѣйшихъ племенныхъ группъ Западной Сибири. Между тѣмъ оказывается, что заслуга эта принадлежала въ сущности русскому, Григорію Новицкому, имя котораго даже и не упомянуто Мюллеромъ.

Въ заключеніе намъ остается пожелать, чтобы отдѣльныя лица, интересующіяся исторической наукой, и ученыя учрежденія посвящали часть своей полезной дѣятельности обнародованію еще не изданныхъ памятниковъ сибирской старины, столь интересной и поучительной во многихъ отношеніяхъ; г. Майковъ своимъ изданіемъ «Описанія остяцкаго народа» оказалъ добрую услугу сибирской исторической наукѣ, за что нельзя не поблагодарить его.

А. О—въ.

Шестнадцатый годовой отчетъ высочайше утвержденнаго Общества для распространенія св. писанія въ Россіи (за 1884 годъ). Спб. 1885.

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ, мы помѣстили замѣтку объ учрежденномъ въ 1863 году въ Петербургѣ Обществѣ для распространенія св. писанія въ Россіи и о дѣятельности его въ 1883 году [1]). Теперь вышелъ отчетъ этого Общества за 1884 годъ, изъ котораго видно, что дѣятельность почтеннаго Общества въ отчетномъ году выразилась въ распространеніи 69,531 экземпляра книгъ св. писанія, считая въ томъ числѣ 6,637 экземпляровъ, розданныхъ безмездно въ школы, тюрьмы, богадѣльни и лицамъ неимущимъ; причемъ болѣе половины распространенныхъ книгъ было продано и подарено семью книгоношами, двумя ихъ подручными и однимъ лицомъ, готовящимся въ книгоноши; со времени же учрежденія Общества всѣхъ св. книгъ было распространено 970,891 экземпляръ. Такимъ образомъ весьма недалеко то время, когда Общество будетъ имѣть возможность отпраздновать распространеніе цѣлаго милліона экземпляровъ св. книгъ.

Благодаря полученнымъ денежнымъ пожертвованіямъ, изъ которыхъ существенное пожертвованіе было сдѣлано неизвѣстною особой, приславшею изъ Парижа 3,000 франковъ, Общество получило къ концу года чистой прибыли болѣе 3,000 руб.; такой прибыли не бывало еще съ самаго начала его дѣятельности.

---

[1]) Замѣтка эта была перепечатана, въ буквальномъ переводѣ на англійскій языкъ, въ нью-іоркскомъ журналѣ: «Bible Society Record», 1885 года, № 3.

Къ концу отчетнаго года въ составѣ Общества числилось 1,192 члена (29 дѣйствительныхъ членовъ и 1,163 членовъ-сотрудниковъ и сотрудницъ); въ этомъ числѣ состояло 432 духовныхъ лица и 7 книгоношъ.

Члены Общества, распространявшіе книги св. писанія по всему широкому пространству земли Русской, начиная отъ западныхъ окраинъ Европейской Россіи, до отдаленныхъ мѣстностей Сибири, встрѣчали во всѣхъ мѣстахъ, куда только они появлялись, большое сочувствіе и добрый привѣтъ; причемъ, проѣзжая огромныя пространства, они подвергались иногда различнымъ физическимъ лишеніямъ и неудобствамъ.

Въ разсказахъ книгоношъ и въ корреспонденціяхъ членовъ-сотрудниковъ передано нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ благотворнаго вліянія распространенія въ народѣ,книгъ св. писанія. Грамотный простолюдинъ русскій, какъ свидѣтельствуютъ эти разсказы и сообщенія, получивъ книгу св. писанія, отвыкаетъ отъ картежной игры, отъ пьянства и чрезъ нѣсколько времени гнушается уже своихъ пороковъ, сожалѣетъ о безплодно убитомъ имъ, въ прежней непорядочной жизни своей, времени; люди малограмотные, запасаясь евангеліемъ крупной печати, совершенствуются по этой книгѣ въ чтеніи; совсѣмъ неграмотные, пріобрѣтая св. книги, выучиваются по нимъ читать (какъ это было въ станицѣ Котуркульской, Акмолинской области, и въ швальнѣ одного изъ петербургскихъ полковъ). Въ деревняхъ священная книга, занесенная книгоношой, встрѣчаетъ полное къ себѣ вниманіе со стороны всего сельскаго общества, и чтеніе ея оставляетъ въ послѣднемъ весьма отрадные слѣды; въ однѣхъ деревняхъ старики заставляютъ своихъ дѣтей читать евангеліе наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней; въ другихъ взрослый грамотей собираетъ вокругъ себя, на открытомъ мѣстѣ, сосѣдей-слушателей слова Божія, досаждая тѣмъ мѣстному кабатчику, «заведеніе» котораго въ этихъ случаяхъ всегда пустѣетъ, къ вящему благополучію народа. Въ нѣкоторыхъ селахъ Нижегородской губерніи, вслѣдствіе частаго чтенія предъ народомъ св. книгъ, уже теперь замѣчается явное улучшеніе народнаго благосостоянія: кромѣ уменьшенія пьянства, явился порядокъ въ дѣлахъ хозяйственныхъ, прекратились семейныя ссоры и т. п. Даже среди солдатъ сдѣлалось замѣтнымъ вліяніе св. книгъ, развивая въ нихъ въ большей степени чувство самопожертвованія, столь необходимаго въ военныхъ дѣлахъ, такъ что одинъ изъ членовъ-сотрудниковъ Общества, баталіонный командиръ туркестанскихъ войскъ, прямо заявляетъ, что подъ вліяніемъ чтенія св. писанія солдаты дѣлаются болѣе храбрыми, выносливыми и терпѣливыми служаками.

Въ сельской школѣ священная книга, кромѣ воспитательной стороны, вноситъ въ дѣтскую среду утѣху и неподдѣльную радость; какъ бы для усиленія значенія священной книги въ глазахъ дѣтей, нѣкоторые сельскіе учителя раздаютъ имъ евангеліе въ видѣ награды за успѣхи или въ день принятія ими св. таинъ. Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ этой мѣрѣ, имѣющей весьма важное значеніе въ дѣлѣ воспитанія.

Книгоноши и члены-сотрудники Общества предлагали книги св. писанія, между прочимъ, и раскольникамъ. Эти соотечественники наши, не смотря на религіозную рознь, съ большимъ уваженіемъ относились къ предлагаемымъ имъ книгамъ, съ одинаковою готовностію, а нѣкоторые даже и съ радостью покупая евангеліе и библію на русскомъ и на славянскомъ языкахъ, и такимъ образомъ книги, изданныя св. синодомъ, доходили даже до знаменитыхъ Керженскихъ скитовъ. Видя успѣхъ въ распространеніи св. писанія среди

раскольниковъ, одинъ изъ корреспондентовъ Общества выражаетъ мысль, что «въ дѣятельности Общества по распространенію св. писанія предугадывается вѣрнѣйшій путь къ примиренію враждующаго раскола съ православіемъ, потому что, когда всѣ люди будутъ знакомы съ источникомъ христіанской вѣрѣ—съ библіей, тогда раскольники и православные пастыри сочтутъ недостойнымъ христіанской истины спорить и преслѣдовать другъ друга за ветхую, обрядовую одежду, какъ не имѣющую ничего общаго съ откровенной религіозной истиной».

Описанные нами примѣры благотворной дѣятельности Общества для распространенія св. писанія въ Россіи вполнѣ достаточны для того, чтобы пожелать этому полезному учрежденію дальнѣйшаго успѣха на пользу нашего отечества; но для бóльшаго процвѣтанія дѣятельности Общества, существующаго исключительно на пожертвованія и членскіе взносы, необходимо оказывать ему содѣйствіе, хотя бы небольшими денежными приношеніями, которыя принимаются каждымъ членомъ Общества и его книгоношами.

М. Городецкій.

Историческій очеркъ Васильсурскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Николая Демидова. Нижній Новгородъ. 1884.

Трудъ г. Демидова состоитъ собственно изъ двухъ частей. Въ первой онъ излагаетъ исторію Васильсурскаго уѣзда, преимущественно на основаніи печатныхъ источниковъ; во второй же представляетъ исторію помѣщичьяго хозяйства своего дѣда, Василья Львовича Демидова, руководствуясь для того сохранившимися отъ него документами, отчетами, письмами и проч. Вторая часть книги г. Демидова съ бытовой стороны очень интересна. Подобныхъ историческихъ описаній помѣщичьихъ хозяйствъ въ нашей литературѣ насчитывается немного, а, между тѣмъ, въ нихъ заключается своеобразный матеріалъ, драгоцѣнный во многихъ отношеніяхъ. В. Л. Демидовъ хозяйничалъ въ своемъ имѣніи почти безвыѣздно болѣе 60 лѣтъ, почему исторія его дѣятельности и заслужила быть писанною. Онъ родился въ 1771 году и воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1788 году, онъ участвовалъ въ морской войнѣ со шведами, а въ 1791 году съ турками. Въ 1798 году, послѣ продолжительной болѣзни и неудачной операціи, Василій Львовичъ Демидовъ, съ разрѣшенія своего отца, оставилъ службу и, по приказанію его, поселился въ селѣ Быковкѣ, Васильсурскаго уѣзда. У его отца, Льва Прокопьевича были большія вотчины какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и за Волгою, на Ветлугѣ. Управленіе всѣми этими имѣніями онъ поручилъ сыну. Имѣнія эти не только не были устроены, но и были едва обитаемы, потому что бóльшая часть земли была покрыта дремучими лѣсами, порослью, болотами. Василій Львовичъ Демидовъ энергически принялся, по переѣздѣ въ деревню, расчищать пашни и луга, разбивать поля, сады, огороды. Вскорѣ онъ закрылъ винокуренный заводъ, бывшій въ Быковкѣ, съ одной стороны въ виду того, что, съ обложеніемъ его казенными пошлинами, онъ становился малодоходнымъ, а съ другой — изъ личнаго отвращенія къ пьянству, которое онъ постоянно и упорно преслѣдовалъ. Въ началѣ своего хозяйства, Василій Львовичъ Демидовъ въ первый разъ сдѣлалъ опытъ посѣва карто-

феля, который до того времени въ его мѣстности не былъ извѣстенъ. Отецъ его вскорѣ скончался, и В. Л. Демидовъ, сдѣлавшись самостоятельнымъ хозяиномъ, еще съ большею энергіею принялся за хозяйство. В. Л. Демидовъ скончался на 91-мъ году жизни, почти тотчасъ по освобожденіи крестьянъ въ 1861 году. Онъ достигъ глубокой старости, потому что держался строгой, правильной жизни; до самой кончины своей былъ бодръ, свѣжъ и умеръ тихо и спокойно. Съ крестьянскою реформою и съ его кончиною многіе порядки перемѣнились въ его селѣ Быковкѣ, но его нравственное вліяніе донынѣ во всей силѣ держится въ этомъ краѣ. Это самый лучшій памятникъ его благотворной дѣятельности въ своихъ вотчинахъ, имѣвшій вліяніе и за ихъ предѣлами.

Въ то время, когда еще и не помышляли объ учрежденіи по селамъ запасныхъ мірскихъ хлѣбныхъ магазиновъ, въ Быковкѣ В. Л. Демидовымъ давно былъ основанъ подобный магазинъ съ своеобразною организаціею. Всякій, кто нуждался въ хлѣбѣ, обращался въ магазинъ и бралъ нужное ему количество, съ обязательствомъ возвратить на слѣдующій годъ то же количество хлѣба и непремѣнно такой же превосходной доброты. Сверхъ того, онъ долженъ былъ доставить на каждую четверть полчетверика процента. Окрестныя села также имѣли право брать хлѣбъ изъ этого магазина, но непремѣнно за поручительствомъ быковскаго крестьянина и подъ тѣмъ условіемъ, что если крестьянинъ не исполнитъ обязательствъ, то все село, гдѣ проживаетъ подобный крестьянинъ, лишается права пользоваться займомъ изъ быковскаго магазина. Вслѣдствіе такой мѣры не было случаевъ неисполненія обязательствъ. Магазинъ иногда доходилъ до тройной пропорціи количества хлѣба. Тогда излишки продавались и деньги поступали въ быковскій общественный капиталъ. Этотъ капиталъ также имѣлъ свою организацію. Онъ составлялся изъ общинной выручки съ хлѣбнаго магазина, изъ штрафныхъ денегъ и такъ называвшейся рекрутской обкладки: если у крестьянина былъ одинъ сынъ, которому приходилось идти въ рекруты, то онъ могъ внести въ общественный капиталъ извѣстную сумму, опредѣляемую міромъ (отъ 5 руб. до 500 руб. асс.), и освобождался отъ рекрутства. Весь общественный капитала хранился въ опекунскомъ совѣтѣ и достигъ подъ конецъ 30,000 рублей ассигнаціями. Проценты съ него иногда шли на общественныя нужды: на отправку рекрутъ, на вспомоществованіе бѣднымъ крестьянамъ, потерпѣвшимъ отъ какого либо несчастія. Хотя мірской капиталъ въ опекунскомъ совѣтѣ былъ положенъ на имя Василья Львовича Демидова, но былъ неприкосновененъ съ его стороны; въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ убѣждаетъ дѣтей «хранить всѣ достоянія крестьянъ паче своей собственности». Впослѣдствіи, этимъ капиталомъ быковскіе крестьяне выкупились почти немедленно по освобожденіи отъ крѣпостной зависимости.

П. У.

Розыскныя дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ. Изданіе археографической коммиссіи. Томъ I. 1884. Томъ II. 1885.

На розыскное дѣло о Ѳедорѣ Шакловитомъ обратилъ вниманіе еще императоръ Николай Павловичъ, въ 1837 году, и поручилъ сдѣлать объ немъ докладъ графу Д. Н. Блудову. Графъ Блудовъ вскорѣ послѣ этого узналъ,

что во владѣніи графа Вьельгорскаго есть бумаги, относящіяся къ тому же дѣлу, и просилъ, чтобы ему было дозволено воспользоваться ими. Въ 1843 году, графъ Блудовъ представилъ государю докладную записку о разборѣ 10-ти свитковъ дѣла, и государь приказалъ препроводить ихъ министру народнаго просвѣщенія для помѣщенія въ актахъ, издаваемыхъ археографическою коммиссіею. Съ тѣхъ поръ этими свитками пользовались наши покойные историки: Устряловъ, Соловьевъ, Аристовъ и Погодинъ, но воля государя императора не могла быть исполнена археографическою коммиссіею до послѣдняго времени, такъ какъ свитки, прочтенные Блудовымъ, надо было сличить съ вышеупомянутыми бумагами Вьельгорскаго, а эти бумаги, переходившія не одинъ разъ изъ рукъ въ руки, были доставлены въ археографическую коммиссію только въ концѣ 1881 года. Когда, наконецъ, приступили къ разбору этихъ бумагъ, то оказалось, что свитки, когда-то разобранные графомъ Блудовымъ, были приведены кѣмъ-то въ страшный безпорядокъ, такъ что г. Труворову, которому археографическая коммиссія поручила это изданіе, пришлось вновь передѣлывать работу графа Блудова, тѣмъ болѣе, что въ бумагахъ Вьельгорскаго оказались документы подлинные, неизвѣстно кѣмъ и когда изъятые изъ дѣла Розыскнаго приказа. Наконецъ, вся эта египетская работа окончена, и мы имѣемъ теперь передъ собою два тома, въ 1,000 слишкомъ страницъ, представляющіе громадный, но безусловно сырой и нѣсколько тяжелый для изслѣдованія матеріалъ. Пользуясь этими двумя томами, можно добыть много любопытныхъ, а главное несомнѣнныхъ данныхъ не только для ознакомленія съ судьбою многихъ важныхъ дѣятелей той эпохи, но,—что̀ особенно интересно,—для такъ называемой исторіи быта и нравовъ. Въ этомъ отношеніи особенно важенъ второй томъ, именно дѣло о стольникѣ Андреѣ Безобразовѣ, заключающее въ себѣ множество данныхъ для исторіи суевѣрія, для характеристики волхвовъ, ворожей, лекарскаго дѣла и проч.

Кромѣ того, полное изданіе столь сложнаго процесса чрезвычайно важно для исторіи судопроизводствъ въ Россіи.

Такимъ образомъ, и историкъ политическій, и историкъ культуры, и юристъ найдетъ себѣ интересный матеріалъ въ этихъ двухъ томахъ, но, повторяю, читать ихъ или даже просматривать—работа не легкая, вслѣдствіе крайняго однообразія документовъ. Само собой разумѣется, что подобныя изданія, болѣе полезныя для преуспѣянія науки, нежели тонкія диссертаціи, написанныя исключительно ex officio, могутъ предпринимать только общественныя учрежденія въ родѣ почтенной археографической коммиссіи, о которой такъ недавно вспоминали добрымъ словомъ и въ кружкахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ ея изданіями, по поводу смерти Н. И. Костомарова: она открыла свои двери даровитому, но опальному историку и дала ему возможность трудиться для литературы и науки, не заботясь о кускѣ насущнаго хлѣба.

А. К.

Мѣсто земнаго упокоенія и надгробный памятникъ Д. М. Пожарскому въ городѣ Суздалѣ. Владиміръ. 1885.

По случаю открытія въ Суздалѣ памятника надъ прахомъ князя Пожарскаго, извѣстный знатокъ и любитель русской старины, археологъ-самоучка,

И. А. Голышевъ, издалъ небольшую, но интересную брошюру, въ которой подробно изложена исторія сооруженія памятника, со всѣми относящимися къ нему обстоятельствами. Болѣе двухъ вѣковъ могила князя оставалась забытою. Знали только, что онъ похороненъ въ Спасоефиміевомъ монастырѣ, видѣвшемъ въ стѣнахъ своихъ и татаръ, и поляковъ. Въ тяжелую пору, когда «государственная власть расшаталась вслѣдствіе своей несостоятельности и внутреннихъ волненій, московское правительство измалодушествовалось, государство, не имѣя корней въ народной почвѣ, пало», его спасъ простой народъ, «отвратившись отъ продажныхъ крамольныхъ бояръ, измѣнявшихъ и Годунову, и самозванцу, и Шуйскому, и Тушинскому вору», и, выбравъ изъ своей среды мясника Минина да захудалаго князя Пожарскаго, поручилъ имъ спасать отечество. И не прошло года, какъ эти люди съ помощью народа очистили свою землю отъ поляковъ и отъ русскихъ воровъ, и выбрали царемъ молодаго боярина, не запятнаннаго темными дѣлами, какъ почти все тогдашнее боярство. Мининъ былъ сдѣланъ думнымъ дворяниномъ, а Пожарскій бояриномъ, потомъ ихъ, какъ водится, забыли, и только Петръ I въ 1722 году, бывши въ Нижнемъ Новгородѣ, поклонился земно гробницѣ Минина и назвалъ его истиннымъ избавителемъ Россіи. Но уже при Екатеринѣ о мѣстѣ погребенія Минина происходили споры, а спасоефимьевскій архимандритъ Ефремъ, съ досады на уничтоженіе монастырскаго крѣпостнаго владѣнія, разобралъ усыпальницу Пожарскаго, а камни употребилъ «на выстилку у церкви рундуковъ и другія починки». Въ 1812 году, пришлось вспомнить о 1612-мъ, отыскали два знамени этой эпохи, стали думать о памятникѣ. Но прошло еще сорокъ лѣтъ, и тогда только графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ, на совершенно ровномъ мѣстѣ, поросшемъ бурьяномъ, гдѣ не было и слѣдовъ кладбища, нашелъ въ землѣ 23 гроба, между которыми отыскалъ и гробъ Пожарскаго, надъ которымъ, еще черезъ тридцать лѣтъ слишкомъ, воздвигнутъ, наконецъ, памятникъ, по добровольной подпискѣ, давшей въ первыя шесть лѣтъ болѣе 75,000 рублей. Авторъ подробно описываетъ исторію сооруженія памятника, приводитъ протоколы, рѣчи, сказаніе о подвигахъ князя, вклады его въ монастырь, говоритъ о благочестіи и служебной дѣятельности Пожарскаго. Въ дополненіи описана и гробница Минина. Къ брошюрѣ приложены четыре литографіи и родословная таблица князей Стародубскихъ и Пожарскихъ, происходившихъ отъ правнука Мономаха. Литографіи изображаютъ: Спасоефиміевъ монастырь, памятникъ въ большомъ и маломъ видѣ, печать и подпись князя и два вида гробницы Минина. Рисунки исполнены отчетливо въ собственной литографіи автора, въ Голышевкѣ, близь посада Мстеры, Вязниковскаго уѣзда, гдѣ живетъ нашъ ученый археологъ изъ крестьянъ, занимающійся историческими изслѣдованіями, иконописью и литературою. Изъ самой брошюры, наполненной цитатами, видно, что авторъ ея основательно знакомъ со всѣмъ, что написано по предмету его изысканій.

В. З.

Война мышей и лягушекъ. Поэма (приписываемая Гомеру) Пигреса, переводъ размѣромъ подлинника Вл. Краузе. Омскъ. 1884.

По издавна принятому въ критическихъ отдѣлахъ обычаю заглавіе этой книжки слѣдовало бы поставить рядомъ съ переводомъ Геродота и обѣ замѣтки соединить въ одну: и тамъ, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ переводомъ

общеизвѣстнаго греческаго классика, и тамъ и здѣсь форма перевода соотвѣтствуетъ формѣ оригинала. Но у насъ духу не хватило въ одну рубрику съ солиднымъ и полезнымъ трудомъ г. Мищенко поставить это, съ позволенія сказать, литературное произведеніе.

Намъ рѣшительно ничего неизвѣстно о г. Краузе, кромѣ того, что онъ во время перевода Ватрахоміомахіи проживалъ въ городѣ Омскѣ, вѣроятно, просвѣщалъ тамъ мѣстное юношество и напечаталъ Гомеровскій словарь и упражненія въ переводѣ съ русскаго на латинскій. Помнится, мы видѣли недавно какое-то его изданіе, увидавшее свѣтъ гдѣ-то уже внутри Россіи, гораздо поближе къ столицамъ. Не имѣя подъ руками текста, мы не въ состояніи судить о томъ, на сколько вѣрно понялъ онъ смыслъ подлинника; но считаемъ сличеніе съ текстомъ излишнимъ, потому что этотъ смыслъ во всякомъ случаѣ имъ не переданъ: переводъ его лишенъ смыслу и складу.

Пѣть принимаясь, я прежде всего хоръ музъ съ Геликона
Въ сердце мое умоляю сойдти пѣснопѣнія ради.

Вотъ чуть ли не единственные 2 стиха, имѣющіе смыслъ, не очень уродующіе русскій языкъ и почти выдержавшіе гекзаметръ. Дальше идетъ много хуже:

Только что съ нимъ (съ пѣнопѣніемъ? съ сердцемъ? съ Геликономъ?) я
таблички свои разложилъ на колѣняхъ: (двоеточіе!)
Вѣсть про ужасную брань, рукъ Ареса воителя дѣло,
Чтобы до слуха всѣхъ смертныхъ дошла, я желаю,—какъ мыши,
Сильно жаждая славы, войною пошли на лягушекъ,
Произрожденныхъ землею гигантовъ дѣламъ подражая.

Здѣсь еще выходитъ что-то въ родѣ гекзаметра; а вотъ переверните страницу и попытайтесь раздѣлить на 6 стопъ слѣдующій стихъ:

Ни также вкусному прянику, что и богатые люди вкушаютъ.
Да вообще всему, что повара людямъ готовятъ.

Или:

Прямо вступалъ я въ сраженье и въ первый рядъ рвался.

Или:

«Хлѣбовъ грызунъ» «надувающаго щеки» въ лапу ранилъ.

А вотъ гекзаметръ правильный:

Мышамъ она на пагубу, зовутъ же ее мышеловкой.

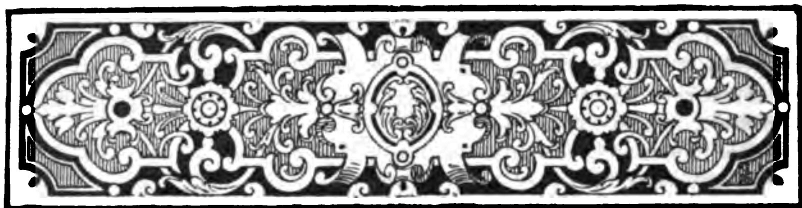
Или:

Къ отцу несчастнаго «крошекъ воришки», котораго тѣло...

Но достаточно выписокъ, а то невольно приходятъ на память слова Ломоносова о «вертроградѣ россійской словесности» и безпорядкахъ, учиненныхъ въ немъ однимъ иностранцемъ.

Г. Краузе на оберткѣ грозитъ «перевести» на русскій языкъ Иліаду и Одиссею: если онъ имѣетъ въ виду такъ называемые вредоносные подстрочники, это дѣло его педагогической совѣсти, а если онъ возьмется переводить размѣромъ подлинника, трепещите тѣни Гнѣдича и Жуковскаго!

А. К.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Мнѣніе нѣмецкой журналистики о русскихъ писателяхъ.—Характеристики Гоголя, Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, Л. Толстого.—Исторія Англіи. — Сочиненія о Трансваальской республикѣ и южной Африкѣ. — Папская непогрѣшимость и осужденіе Галилея.—Полковникъ Бернаби.—Исторія Гамптон-Корта.— Біографія Мери Годвинъ. — Исторія Индостана. — Испанскій критикъ и эстетикъ. — Три характеристики Жюля Симона. — Французская Аспазія. — Изслѣдованіе о шутахъ.—Средневѣковая поэзія.—Начало книгопечатанія въ Парижѣ.— Севинье какъ историкъ.—Городской голова при Генрихѣ IV.—Исторія пятерыхъ.

НАМЪ НЕ РАЗЪ приходилось говорить о возникшемъ въ Западной Европѣ стремленіи къ изученію русской литературы. Почти всѣ лучшія произведенія ея представителей переведены уже на французскій и нѣмецкій языки, и критическими отзывами объ нихъ наполнены всѣ болѣе распространенныя періодическія изданія Германіи и Франціи. Въ 10-й книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1884 годъ мы дали подробный отчетъ о любопытной исторіи критики въ Россіи, написанной Александромъ Рейнгольдтомъ и помѣщенной въ журналѣ «Magazin für die Litteratur des In und Auslandes». Теперь тотъ же знатокъ русской литературы напечаталъ въ томъ же изданіи (№№ 32 и 33) замѣчательныя «Критическія фантазіи о русскихъ беллетристахъ» (Kritische Phantasieen über russische Belletristen) Гоголѣ, Тургеневѣ, Гончаровѣ, Достоевскомъ, Толстомъ (Л. Н.). Въ этихъ этюдахъ дѣйствительно по временамъ фантазія автора разъигрывается въ ущербъ трезвой оцѣнкѣ, но въ общемъ они вѣрны и правильны, а для насъ интересны еще и потому, что показываютъ, какихъ взглядовъ держится серьёзная нѣмецкая критика о русскихъ писателяхъ и ихъ отношеніяхъ къ настроенію общества. Поэтому мы считаемъ нелишнимъ привести главные выводы и сужденія талантливаго критика. Г. Рейнгольдтъ

говорить сначала о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ въ Германіи переводомъ романа Л. Н. Толстого «Война и Миръ» и статьею о немъ Вогюе въ «Revue des deux mondes». Французскій критикъ былъ своего рода Колумбомъ, открывшимъ писателя, тридцать лѣтъ уже извѣстнаго на своей родинѣ, но замѣчательно, что нѣмецкій критикъ въ восторгѣ отъ статьи своего французскаго собрата и осмѣиваетъ критическіе отзывы о Толстомъ своихъ соотечественниковъ Юліана Шмидта и Цабеля. Рейнгольдтъ не удивляется, что Мельхіоръ Вогюе, живущій въ Россіи и женатый на русской, написалъ такую прекрасную статью, но его удивляетъ, что Шмидтъ не признаетъ эстетическаго значенія за произведеніями Толстого, потому что онъ не похожъ ни на Вальтеръ Скотта, ни на Теккерея и не принадлежитъ ни къ какой литературной школѣ. Другое дѣло Тургеневъ — онъ подходитъ подъ мѣрку эстетическихъ воззрѣній, всѣ его романы просты и понятны; содержаніе ихъ: несчастная любовь, неудавшаяся жизнь, картины природы, возвышенный женскій типъ, поэтическое чувство — и все тутъ. Шмидтъ, конечно, хвалитъ Толстого, но тономъ учителя, который гладитъ по головкѣ недисциплинированнаго, но способнаго ученика. Въ критикѣ Цабеля много вѣрнаго, но еще болѣе неосновательнаго. Такъ онъ вовсе не понялъ Гоголя, утверждая, что его мистицизмъ и піэтизмъ происходятъ оттого, что писатель обманулся въ своихъ надеждахъ—видѣть свое отечество достигнувшимъ высшей степени прогресса и славы. Оба критика забываютъ, что русскихъ писателей нельзя судить съ той же точки зрѣнія, какъ и нѣмецкихъ, пользовавшихся почти всегда свободою печати. О чемъ нельзя было говорить въ Берлинѣ, то проповѣдывалось открыто въ Дрезденѣ, Баденѣ, Цюрихѣ. Какъ ни строга и нелѣпа была цензура въ Вѣнѣ, но и она не вычеркивала тирады изъ гётевскаго «Прометея» или шиллеровскаго «Донъ Карлоса». Русская литература, не смотря на свою молодость, пережила уже періоды романтизма, идеализма, реализма, натурализма и теперь остановилась на раціонализмѣ. Уже Пушкинъ и Лермонтовъ стремились къ реализму, но они были, всетаки, романтиками и идеалистами и пали жертвами прозаическихъ жизненныхъ условій. Гоголь является первымъ реалистомъ въ своихъ произведеніяхъ, но по своему міровоззрѣнію былъ, всетаки, романтическимъ, а впослѣдствіи аскетическимъ мечтателемъ, безъ опредѣленныхъ политическихъ, нравственныхъ или религіозныхъ идеаловъ. Эксцентричная и въ концѣ своей жизни ненормальная натура, характеръ, сотканный изъ самолюбія и умѣнья подмѣчать смѣшныя стороны человѣчества, Гоголь былъ, всетаки, настоящій художникъ, одаренный поэтическимъ чутьемъ. Не получившій основательнаго образованія, онъ былъ чуждъ философскаго движенія его времени, не понималъ своего поклонника, русскаго Лессинга-Бѣлинскаго, главу демократической, хотя и идеальной оппозиціи. Міровоззрѣніе Гоголя было романтическое, почти средневѣковое, у него не было никакого идеала, онъ былъ мечтатель, а не мыслитель, и не стремился исправлять людей, какъ Руссо. Какъ онъ былъ далекъ отъ пониманія духа своего времени, доказываетъ его «Переписка съ друзьями», гдѣ высказался такой средневѣковой, аскетическій, реакціонный фанатизмъ, что отъ писателя отвернулись его поклонники. Эта книга попираетъ всю европейскую цивилизацію, идеи гуманности и свободы, восхваляетъ самый дикій обскурантизмъ и крѣпостное право. Прямымъ распространителемъ критическихъ и гуманныхъ идей Бѣлинскаго былъ Тургеневъ. Онъ не психологъ, не анализируетъ ненормаль-

ныхъ явленій, но во всѣхъ своихъ произведеніяхъ стремится къ прогрессу. Тургеневъ тоже реалистъ, но съ подкладкой идеалиста и часто фаталиста. Но онъ и въ семидесятыхъ годахъ остался тѣмъ же человѣкомъ сороковыхъ годовъ и потому даже общество шестидесятыхъ годовъ рисуетъ только въ сатирѣ или карикатурѣ. Съ космополитическими наклонностями, онъ во всемъ знаетъ мѣру, соблюдаетъ вездѣ художественную гармонію. Гончаровъ—объективный художникъ, не проводящій въ своихъ романахъ никакихъ тенденцій, хотя и старается увѣрить читателей въ глубинѣ своихъ концепцій. Это человѣкъ даже не сороковыхъ, а тридцатыхъ годовъ; онъ слѣдуетъ еще традиціямъ пушкинскаго романтизма. Среди сильнаго соціальнаго движенія онъ ведетъ идиллическую спокойно-платоническую жизнь, не принимая участія не только въ политическихъ, но и въ полемическихъ спорахъ. Онъ живописецъ обыденнаго жанра, мелкихъ деталей, будничныхъ чувствъ и отъ увлеченій идеями своего времени лечитъ героиню «Обрыва» — чувственными наслажденіями. Достоевскій прямой контрастъ обломовскаго или гончаровскаго оптимизма. Этотъ, прежде чѣмъ мучить другихъ, мучитъ самого себя себя созданіями своей разстроенной фантазіи. Этотъ демократическій народникъ, хотя и началъ писать въ одно время съ Тургеневымъ и Гончаровымъ,—настоящій сынъ шестидесятыхъ годовъ, когда въ моду вошли самообличеніе, самобичеваніе, даже вивисекція не только надъ ближними, но и надъ собою. Желая быть патологомъ и психіатромъ, онъ изслѣдуетъ только болѣзненныя, исключительныя явленія, нравственныя уродливости, соціальныя аномаліи, дѣйствующія на нервы. Левъ Толстой поставленъ Рейнгольдтомъ выше Тургенева. «Война и Миръ», эта соціально историческая картина современной культуры, выше романовъ Диккенса и Теккерея. В. Генкель говоритъ, что Толстой пишетъ тогда только, когда чувствуетъ потребность высказать, что̀ у него на душѣ; онъ всегда самостоятеленъ и независимъ. Онъ не превозноситъ въ теоріи народныя доблести, какъ Достоевскій, но практически, какъ педагогъ, помогаетъ народу просвѣтиться. У него слово не идетъ въ разрѣзъ съ дѣломъ. Этотъ христіанскій раціоналистъ, если и ошибается въ своихъ выводахъ, то поступаетъ и говоритъ по искреннему убѣжденію. Онъ самъ говоритъ, что герой всѣхъ его разсказовъ — истина. Рейнгольдтъ не говоритъ ничего объ «Аннѣ Карениной», которая въ прошломъ мѣсяцѣ также явилась въ переводѣ на нѣмецкій и французскій языки.

— Исторія Англіи разработана столькими писателями, что появленіе новаго сочиненія въ этой отрасли знанія должно мотивироваться какими либо особенными побужденіями. History of England Поуэля представляетъ если не учебное руководство для высшихъ англійскихъ школъ, то во всякомъ случаѣ курсъ исторіи, предназначенный для лицъ, спеціально занимающихся ея изученіемъ. И въ этомъ родѣ имѣются уже два классическихъ сочиненія Брайта и Грина; первое изъ нихъ замѣчательно точностью, второе— живостью изложенія. Поуэль въ своей книгѣ соединилъ оба эти качества, помимо другихъ улучшеній, введенныхъ имъ въ систематическій курсъ исторіи. Въ трудѣ его нѣтъ ни искусственности, ни промаховъ; въ немъ соединены, кромѣ политической, общественная, экономическая и литературная исторія страны. Авторъ приводитъ не только отрывки изъ хроникъ, но и изъ сочиненій разныхъ эпохъ, что̀ значительно оживляетъ изложеніе. Выводя на сцену историческихъ дѣятелей, онъ представляетъ сжатыя, но вѣрныя ха-

рактеристики ихъ. Въ то же время, онъ такъ подробно излагаетъ событія, что для студентовъ курсъ его кажется слишкомъ обширенъ, тѣмъ болѣе, что авторъ излагаетъ исторію народа въ связи съ развитіемъ его языка, общественной жизни, наукъ, искусствъ и литературы.

— Покойный Биконсфильдъ, пожаловавшій королевѣ Викторіи званіе индійской императрицы, наградилъ вмѣстѣ съ тѣмъ Англію и имперіалистской политикой, за которую пришлось расплачиваться преемнику его, не имѣвшему, впродолженіе своего четырехлѣтняго управленія министерствомъ, возможности развязаться со всѣми ея затрудненіями. Необходимость охранять величіе и престижъ новой имперіи вовлекли Англію въ войну съ Афганистаномъ и чуть не довели до войны съ Россіей, втянули въ войну съ Суданомъ, отъ котораго теперь отказываются даже сами консерваторы, и въ войну съ Трансваальской республикой, отъ которой Гладстонъ имѣлъ благоразуміе отказаться, хотя англичане потерпѣли въ ней пораженіе и шовинисты требовали возмездія за униженіе англійскаго оружія. Исторія этой послѣдней войны, мало извѣстной въ Европѣ, возбуждаетъ, тѣмъ не менѣе, любопытство, и въ прошломъ мѣсяцѣ вышло объ ней два сочиненія: «Полная исторія Трансвааля» (The complete Story of the Transvaal) и «Наша южно-африканская имперія» (Our South African Empire). Недавнее посѣщеніе Чарльсомъ Варреномъ земли бечуановъ и главныхъ вождей ея Сечели и Хена обратили вниманіе англичанъ на сношенія съ боерами, окружающими со всѣхъ сторонъ южно-африканскія владѣнія Англіи. Авторъ «Исторіи Трансвааля», Никсонъ, написалъ уже прежде книгу «Между боерами» и хорошо знакомъ съ этими странами. Онъ откровенно обнаруживаетъ всѣ ошибки англійскихъ правительственныхъ лицъ въ сношеніяхъ съ боерами и правдиво излагаетъ весь ходъ военныхъ дѣйствій и переговоровъ отъ перваго столкновенія съ боерами до лондонскаго договора, возвратившаго Трансваалю его независимое существованіе. Никсонъ изображаетъ характеристику энергическихъ и предпріимчивыхъ боеровъ, которые, въ числѣ сорока тысячъ населяя страну, равную по обширности Франціи, все еще распространяютъ свои владѣнія, подчиняя себѣ сотни тысячъ полудикихъ чернокожихъ племенъ. Недовольные заступничествомъ англійскихъ миссіонеровъ за этихъ дикарей, обращаемыхъ въ рабство, боеры начали преслѣдовать миссіонеровъ и разрушать ихъ жилища, что̀ и повело къ войнѣ съ Англіею. Между туземцами, безжалостно истребляемыми боерами, многія племена отличаются, однако, нѣкоторою культурою. Такъ, бечуаны искусно обработываютъ маисъ и просо, устраиваютъ оросительные каналы, воздѣлываютъ хлопчатникъ. Никсонъ говоритъ, что, если бы, присоединивъ Трансвааль къ англійскимъ владѣніямъ, дали ему такую же конституцію, какъ Капской колоніи, да провели къ нему желѣзную дорогу, то боеры не оказали бы сопротивленія, но англичане тотчасъ же наводнили страну своими чиновниками и офицерами, которые стали деспотически обращаться съ храбрыми, вольнолюбивыми потомками голландскихъ эмигрантовъ, и тѣ возстали противъ своихъ притѣснителей. Никсонъ подробно описываетъ осаду Преторіи, столицы Трансвааля, и послѣдующія событія. Вторая книга занимается болѣе экономическимъ положеніемъ южной Африки, хотя сообщаетъ свѣдѣнія о войнѣ съ зулусами, о сношеніяхъ съ басутосами и вообще о колоніальной политикѣ Англіи.

— Въ 1870 году, одинъ изъ образованнѣйшихъ англійскихъ католиковъ, въ опроверженіе возникшаго въ то время догмата о папской непогрѣшимо-

сти, издалъ брошюру въ доказательство, что папская власть сильно погрѣшила, осудивъ ученіе Галилея. Теперь это сочиненіе является, подкрѣпленное новыми интересными документами, подъ названіемъ «Папскіе декреты противъ ученія о движеніи земли» (The pontifical decrees against the earthmovement). Авторъ опровергаетъ въ этомъ изслѣдованіи всѣ уловки іезуитовъ, утверждавшихъ, что осужденіе Галилея было произнесено не папою, а его совѣтниками. Но могла ли конгрегація рѣшить что нибудь безъ утвержденія папы? Вѣдь она дѣйствовала всегда его именемъ, и даже инквизиція постановляла свои приговоры отъ имени папы, своего главы и «президента священнаго трибунала», какъ она сама себя называла. До изобрѣтенія догмата непогрѣшимости, осужденіе Галилея объясняли тѣмъ, что папа, не занимаясь спеціально научными вопросами, находилъ только, что ученіе о движеніи земли, дурно понятое, можетъ быть опасно для религіи, внушая слабымъ умамъ недовѣріе къ священному писанію. Но съ тѣхъ поръ, какъ непогрѣшимость папы, провозглашенная Піемъ IX, простерлась на все, даже на науку, католики обязаны признавать, что папа, подтвердившій неподвижность земли, не могъ ошибаться, и что ошибается весь свѣтъ, вздумавшій, вопреки папскимъ декретамъ, утверждать, что земля обращается вокругъ солнца.

— Англичане дорожатъ своими историческими дѣятелями и сохраняютъ память даже о такихъ лицахъ, которыя не завоевали себѣ блестящихъ страницъ въ англійской лѣтописи. Недавно вышла книга о «жизни и времени полковника Фреда Бернаби» (The life and times of colonel Fred Burnaby), убитаго въ Суданѣ. Это былъ одинъ изъ храбрыхъ сподвижниковъ Гордона, раздѣлявшій съ нимъ опасности войны въ пустынѣ и погибшій въ бою съ дикимъ врагомъ, также, какъ и хартумскій герой. Бернаби занимался воздухоплаваніемъ, сдѣлалъ въ немъ нѣсколько полезныхъ примѣненій, былъ съ турецкою арміею въ Плевнѣ, ѣздилъ потомъ въ Хиву и составилъ объ ней хорошее описаніе; въ Суданѣ онъ начальствовалъ отдѣльнымъ отрядомъ и былъ убитъ въ сраженіи при Абуклеѣ. Авторъ его жизнеописанія отзывается объ немъ уже съ слишкомъ большимъ энтузіазмомъ, собираетъ даже незначительныя письма полковника, приписывая ему уже слишкомъ много значенія, но книга читается съ интересомъ.

— Эрнестъ Лау издалъ роскошно иллюстрированную «Исторію дворца Гамптон-Кортъ во времена Тюдоровъ» (The history of Hampton Court palace in Tudor times). Прекрасные рисунки въ этой книгѣ отвѣчаютъ интересному тексту, въ которомъ литературное изложеніе соединяется съ глубокимъ знаніемъ археологическихъ и анекдотическихъ подробностей, относящихся къ этому дворцу, выстроенному рыцарями ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, въ концѣ XII столѣтія. Въ началѣ XVI-го вѣка замокъ принадлежалъ кардиналу Вольсею. Съ тѣхъ поръ дворецъ передѣлывался много разъ, но главный фасадъ зданія сохранился со времени Вольсея. Залы полны воспоминаніями о Генрихѣ VIII, Джени Сеймуръ, Екатеринѣ Говардъ. Авторъ описываетъ подробно все богатство внутренней обстановки историческаго дворца, видѣвшаго въ стѣнахъ своихъ много важныхъ событій.

— Въ изданіи, носящемъ названіе «Серія знаменитыхъ женщинъ», о которомъ намъ уже приходилось говорить, вышла біографія «Мери Волстонкрафтъ Годвинъ» (Mary Wollstonecraft Godwin), написанная Елисаветою Пенкель. Жену Вильяма Годвина нельзя, конечно, назвать знаме-

ятой, сравнительно съ Жоржъ Зандъ, Елисаветой Фрей, Генріеттой Мартино, біографіи которыхъ помѣщены въ этомъ изданіи, но она, всетаки, заслуживаетъ подробнаго жизнеописанія, какъ авторъ книгъ: «О правахъ женщинъ», «Историческое и моральное изслѣдованіе о причинахъ и развитіи французской революціи», романа «Марія» и другихъ замѣчательныхъ сочиненій. Жизнь мистриссъ Годвинъ разсказана уже ея мужемъ и двумя біографами, но Пенкель прибавляетъ къ ней новыя, любопытныя черты. Такъ она считаетъ, и не безъ основанія, лучшимъ произведеніемъ Мери Годвинъ—не ея защиту правъ женщины, надѣлавшую много шума, а ея «Путевыя письма изъ Швеціи, Норвегіи и Даніи».

— Вышелъ интересный «Очеркъ исторіи Индостана отъ перваго мусульманскаго завоеванія до паденія Моголовъ» (A sketch of the history of Hindustan from the first muslim conquest to the fall of the Mughol empire). Подъ названіемъ Индостана понимаютъ обыкновенно всю Индію, тогда какъ слово это означаетъ собственно: «земля Инда», то есть территорія, доходящая до центральной равнины сѣверной Индіи, заключающейся между верхнимъ теченіемъ Ганга и Джуммы. Въ этомъ смыслѣ принимаетъ это названіе и авторъ книги, Кинъ, поставившій себѣ главною задачею не исторію племенъ, населяющихъ эту мѣстность, а исторію ихъ правителей. О доисторическомъ періодѣ страны, когда арійскіе поселенцы основались на Индѣ, авторъ не говоритъ ничего и начинаетъ свой очеркъ съ основанія буддистскаго царства, образовавшагося въ III вѣкѣ до Р. X. послѣ оставленія македонянами Пенджаба. О вторженіяхъ разныхъ племенъ черезъ сѣверо-западную границу и даже объ опустошеніяхъ, произведенныхъ султаномъ Махмудомъ во время его двѣнадцати походовъ въ Индію, въ началѣ XI столѣтія, также говорится очень мало, и послѣдовательное изложеніе историческихъ фактовъ начинается съ 1206 года, съ царствованія Кутбуддин-Айбака; затѣмъ идутъ династіи Хильджи, Туглака и Сайидовъ—послѣднихъ отъ завоеванія Дели Тамерланомъ, въ 1398 году, до захвата страны афганами, отъ 1450 до 1526 года, когда Индіею завладѣлъ Баберъ, основатель имперіи моголовъ, распространившій свои владѣнія, кромѣ Индостана, на Раджпутану, Багаръ, Афганистанъ и Бадакшанъ, съ Кундузомъ за Гиндукушемъ. Эта имперія, управлявшая 5-ью милліонами мусульманъ и 25-ю индусовъ, достигла высшей степени процвѣтанія, въ 1556 году, при Акбарѣ, когда ежегодный доходъ имперіи простирался до ста милліоновъ рублей. Но съ царствованія его преемника, пьяницы Джаганджира, начался упадокъ страны, подвергавшейся нападенію патаковъ изъ Афганистана, рогилловъ съ сѣвера, магратовъ съ юга, сейковъ и персіанъ съ запада. Но имперія продержалась, всетаки, еще два вѣка, пока ею не завладѣли постепенно англичане. Теперь послѣдній потомокъ великаго Могола, слѣпой полуидіотъ, живетъ только скромною пенсіей, выплачиваемою ему великодушными завоевателями всей его имперіи.

— Испанская литература, мало обращающая на себя вниманіе Европы своими литературными произведеніями, еще меньше извѣстна серьёзными и учеными трудами. Но нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о полномъ собраніи сочиненій лучшаго критика и историка культурнаго движенія въ Испаніи Менендеса-и-Пелайо (Menendez y Pelayo. Obras completas). Кромѣ перваго тома этого изданія, заключающаго въ себѣ историческія произведенія, въ остальныхъ томахъ содержатся: этюды литературной кри-

тики (Estudios de critica literaria), исторія эстетическихъ идей въ Испаніи (Historia de los ideas esteticas en Espana) и особенно замѣчательная исторія испанскихъ иновѣрцевъ (Historia de los heterodoxos Espanoles). Въ критическихъ этюдахъ обширныя монографіи посвящены авторомъ испанской мистической поэзіи и разбору сочиненій Мартинеса дела Розы и Нуньеса де Арсе. Характеристика самого Менендеса-и-Пелайо, приложенная къ собранію его сочиненій, написана Хуаномъ Валера, лучшимъ современнымъ критикомъ послѣ дела Ревилья. «Исторія эстетическихъ идей» слѣдитъ за развитіемъ ихъ только въ литературѣ, а не въ культурѣ вообще и философіи. Хотя авторъ и говоритъ, что объ испанской живописи существуетъ очень мало сочиненій, но ихъ много вышло о музыкѣ и вообще искусство должно скорѣе входить въ исторію эстетики, чѣмъ, напримѣръ, длинныя выписки, приводимыя авторомъ изъ критическихъ отзывовъ испанскихъ писателей о Платонѣ, Аристотелѣ, александрійской школѣ и римской литературѣ. Но не смотря на свою неполноту и неоконченность, эта книга также важна для исторіи испанской литературы, какъ «исторія иновѣрцевъ» для исторіи религіи въ Испаніи. Здѣсь особенно замѣчательно богатство библіографическихъ свѣдѣній, сообщенныхъ авторомъ.

— Жюль Симонъ издалъ любопытныя историко-литературныя характеристики трехъ государственныхъ дѣятелей и писателей Франціи: Тьера, Гизо и Ремюза (Thiers, Guizot, Remusat). Авторъ самъ принималъ участіе въ просвѣтительной и правительственной дѣятельности двухъ изъ этихъ лицъ и отзывается обо всѣхъ трехъ съ полнымъ сочувствіемъ. Появленіе своей книги онъ объясняетъ необходимостью оцѣнивать значеніе каждаго политическаго дѣятеля, нуждающагося въ безпристрастномъ адвокатѣ, такъ какъ заслуги выдающихся людей въ наше время часто отрицаются завистниками и партійными врагами, а къ менѣе выдающимся личностямъ часто относятся равнодушно. Роль такого адвоката совершенно въ характерѣ Жюля Симона, и какъ всѣ адвокаты, онъ выставляетъ въ блестящемъ свѣтѣ хорошія стороны своихъ кліентовъ, а дурныя оставляетъ въ тѣни и даже вовсе не упоминаетъ о нихъ. Жюль Симонъ увѣренъ, что хорошую исторію даннаго времени могутъ написать только современники. Въ жизни Тьера, онъ оправдываетъ его бѣгство въ Версаль при началѣ коммуны. Характеристики кальвиниста Гизо и диллетанта въ политикѣ и литературѣ—Ремюза также удачны.

— Значеніе Жюля и Эдмонда Гонкуровъ, какъ историковъ XVIII вѣка, гораздо выше ихъ извѣстности какъ романистовъ. Въ своей «Исторіи французскаго общества во время революціи и директоріи», въ своихъ «Портретахъ женщинъ XVIII вѣка», въ «Исторіи искусства XVIII вѣка», оба брата, одинъ изъ которыхъ уже умеръ, являются глубокими знатоками эпохи, изученной ими во всѣхъ подробностяхъ. Между портретами такихъ женщинъ этого вѣка, какъ герцогиня Шатору и ея сестра, Помпадуръ, Дюбарри, Марія-Антуанетта, Гонкуры издали и характеристику знаменитой актрисы и куртизанки, французской Аспазіи, Софіи Арну (Sophie Arnould). Блестящая біографія этого друга королевы Маріи Лещинской и фаворитки маркизы Помпадуръ вышла новымъ изданіемъ, наполненнымъ новыми любопытными подробностями и чертами нравовъ интимной жизни общества XVIII вѣка.

— Поль Моро издалъ физіологическій, психологическій и историческій этюдъ о шутахъ и дуракахъ (Fous et bouffons). Группируя всѣ дошедшія

до насъ свѣдѣнія объ извѣстныхъ придворныхъ шутахъ, карликахъ, великанахъ, онъ находитъ, что всѣ они, съ физіологической точки зрѣнія, должны считаться болѣзненными патологическими явленіями. Такой приговоръ, слишкомъ обобщая, подводитъ подъ одну категорію лицъ, изъ которыхъ многія вовсе не принадлежали къ выродкамъ человѣчества и только надѣвали на себя маску шутовства. Историческія данныя, извлекаемыя авторомъ изъ разныхъ источниковъ, часто противорѣчатъ одни другимъ, даже въ разсказѣ объ одномъ и томъ же лицѣ. Анекдотическая часть сочиненія слабѣе книги Газо и Гарнье о томъ же предметѣ. Нѣкоторыя личности, какъ, напримѣръ, Николай Жуберъ, д'Ангулеванъ, «камердинеръ короля и принцъ цеха дураковъ города Парижа и Ильдефранса», представлены не въ настоящемъ ихъ свѣтѣ, но вообще книга очень любопытна.

— Членъ института Гастонъ Пари издалъ сборникъ своихъ академическихъ лекцій о «Поэзіи въ средніе вѣка» (La poesie au moyen age). Книга его имѣетъ такой же успѣхъ между читателями, какъ его лекціи между слушателями. Въ ней—вся исторія эпохи весьма поэтической, по мнѣнію автора. Онъ подробно разбираетъ первыя произведенія французской литературы, начиная съ «Пѣсни Роланда», представляетъ борьбу духовнаго элемента со свѣтскимъ. Въ «Пѣсни Роланда» онъ видитъ идею національнаго единства и всемірнаго значенія Франціи, хотя въ пѣснѣ воспѣваются не побѣды французовъ, а ихъ пораженіе, что̀ рѣдко составляетъ предметъ народной эпопеи. Затѣмъ разбирается «Пѣснь о паломничествѣ Карла Великаго», легенда «Ангела и пустынника» и передѣлка «Искусства любить» Овидія. Патріотизмъ автора не мѣшаетъ ему сознавать и недостатки этихъ первыхъ произведеній французской литературы.

— Вполнѣ заслуживаетъ вниманія изслѣдованіе Жюля Филиппа о началѣ книгопечатанія въ Парижѣ (Origine de l'imprimerie à Paris), составленное по неизданнымъ документамъ, найденнымъ въ библіотекахъ Франціи, Ватикана, Британскаго музея, Вѣны, Венеціи, Базеля и Готы. Первыя попытки книгопечатанія были уже извѣстны во Франціи съ 1457 года, когда Фаустъ явился продавать свои библіи въ Парижѣ, гдѣ Фише и Гейнлинъ учредили въ 1476 году первую типографію въ Сорбоннѣ. Между тѣмъ, многіе историки не упоминаютъ даже объ имени этихъ лицъ. Авторъ разсказываетъ подробно о препятствіяхъ, съ которыми имъ пришлось бороться. Монахи предавали проклятію «адское искусство», переписчики преслѣдовали типографщиковъ, явившихся изъ Майнца и Базеля; первыя четыре книги, вышедшія въ Парижѣ, были: ораторское искусство, Саллюстій, рѣчи патріарха константинопольскаго Виссаріона о войнѣ съ турками и риторика. Оба основателя типографіи должны были оставить Францію: Фише удалился въ Римъ, а Гейнлинъ скрылся въ базельскомъ монастырѣ, гдѣ и умеръ въ 1496 году. Типографія въ Сорбоннѣ была закрыта.

— Комбъ извлекъ изъ писемъ Севинье все относящееся къ исторіи Людовика XIV и его двора и издалъ подъ названіемъ: «Госпожа Севинье—историкъ» (Madame de Sévigné—historien). Это, конечно, не полная характеристика короля-солнца и его придворныхъ, такъ какъ многія стороны ихъ частной и даже политической дѣятельности не могли быть извѣстны г-жѣ Севинье, но, во всякомъ случаѣ, это вѣрные портреты, очерченные рельефно, съ большимъ умѣньемъ и знаніемъ людей и свѣта. Оцѣнка историческихъ событій также отличается мѣткостью и правильностью сужденій. Все, что

у знаменитой писательницы разбросано по разнымъ мѣстамъ, здѣсь сгруппировано въ стройную картину и приведено въ систему.

— «Франсуа Миронъ и муниципальное управленіе въ Парижѣ при Генрихѣ IV» (François Miron et l'administration municipale de Paris sous Henri IV)—интересная книга, изданная потомкомъ этого замѣчательнаго администратора, стоявшаго во главѣ парижскаго хозяйства всего два года (отъ 1604 до 1606), но совершенно преобразовавшаго эту отрасль городскаго управленія. Кромѣ подробностей, рисующихъ жизнь столицы Франціи въ хозяйственномъ отношеніи, авторъ представляетъ полную картину этихъ двухъ лѣтъ, втеченіе которыхъ открытъ заговоръ маршала Бирона и произошло покушеніе Шателя на жизнь короля. Устройство цеховъ, избраніе Мирона купеческимъ старшиною, его забота о торговлѣ, благотворительныхъ заведеніяхъ, увеселеніяхъ, полиціи Парижа обрисованы широкими чертами. Къ сожалѣнію, авторъ книги, какъ монархистъ и католикъ, считаетъ нужнымъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ лягнуть современные республиканскіе порядки столицы Франціи.

— Альфредъ Даримонъ, лицо историческое, теперь всѣми позабытъ, а четверть вѣка тому назадъ печать отзывалась объ немъ съ уваженіемъ и съ удивленіемъ, такъ какъ онъ принадлежалъ къ числу пяти лицъ, изъ которыхъ состояла вся оппозиція въ палатѣ депутатовъ 1857—1860 года. Теперь онъ издалъ исторію этой партіи, подъ названіемъ: «Histoire d'un parti. Les cinq sous l'empire». Либѐральная партія, подавленная и разогнанная заговоромъ 2-го декабря 1852 года, до 1857 года воздерживалась отъ всякаго участія въ дѣлахъ имперіи, но поняла, наконецъ, что дальнѣйшее бездѣйствіе ея было бы гибельно для Франціи и похититель власти могъ бы увѣрять Европу, что страна всѣмъ довольна, если молчитъ. Тогда либералы рѣшились явиться кандидатами на выборы въ палату депутатовъ и для этого даже принесли въ вѣрности императору присягу, которую, конечно, намѣрены были держать также твердо, какъ онъ держалъ присягу, данную имъ, какъ президентомъ республики. Но вліяніе правительства на выборы было такъ велико и чиновники распоряжались ими такъ усердно, что только одинъ Парижъ осмѣлился выбрать въ палату пять членовъ, враждебныхъ наполеоновскому режиму. Не смотря на упорную борьбу съ подавляющимъ, подкупленнымъ или запуганнымъ большинствомъ, эти пятеро постоянно втеченіе четырехъ лѣтъ поддерживали въ странѣ недовольство деспотизмомъ имперіи и принудили ее въ 1860 году смягчить съ трудомъ переносимую диктатуру. Слѣдующая парламентская сессія дала уже болѣе значительный контингентъ оппозиціонныхъ депутатовъ, пока, наконецъ, возростающее число ихъ не заставило Луи-Наполеона, чтобы отвлечь вниманіе Франціи отъ внутреннихъ неустройствъ, пуститься въ политику приключеній, которая привела его, наконецъ, къ Седану. Даримонъ мастерски обрисовалъ исторію первой оппозиціи цезаризму, едва не погубившему Францію.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Землетрясеніе въ С.-Петербургѣ въ 1838 году.

Въ 1838 ГОДУ, въ номерѣ 31-мъ «С.-Петербургскихъ Нѣмецкихъ Вѣдомостей» была, между прочимъ, помѣщена слѣдующая замѣтка: «In dem St. Petri-und-Pauli-Hospital im Petersburgischen Stadttheile find am 11 Januar, zwischen 9 und 10 Uhr Abends von fünf Personen, ganz unabhängig von einander, an deren Glaubwürdigkeit nicht zu zweifeln ist, und welche von dem Oberarzte, D-r von Thielmann, alle genau befragt sind, Oscillationen bemerkt worden, die mit dem weitverbreiteten Erdbeben jenes Tages in Beziehung zu stehen scheinen. Einige Personen fühlten ein starkes Schwanken der Stühle, auf denen sie sassen, Küchengeräthe fielen herab, neben einander stehende Tassen klirrten und eine Glocke läutete von selbst. Da das Gebäude entfernt von der befahrenen Strasse steht, so ist an keine zufällige Erschütterung von einem vorbeifahrenden Wagen zu denken» [1]). Извѣстно, что втеченіе 1837 и 1838 годовъ происходила не только почти повсемѣстно на континентѣ Европы, но и въ другихъ странахъ свѣта, сильная вулканическая дѣятельность. Такъ,

---

[1]) (Переводъ) 11-го января, между 9 и 10 часами вечера, въ Петропавловской больницѣ, на Петербургской сторонѣ, были замѣчены, совершенно отдѣльно другъ отъ друга, 5-ю лицами, на коихъ можно положиться и которыя были опрошены главнымъ врачомъ, докторомъ Тильманномъ,—колебанія земли, находящіяся, какъ кажется, въ связи съ далеко распространеннымъ въ тотъ день землетрясеніемъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ чувствовали сильное сотрясеніе стульевъ, на которыхъ они сидѣли; кухонная посуда попадала; близко другъ отъ друга стоящія чашки зазвенѣли и даже колоколъ зазвонилъ самъ собою. Такъ какъ зданіе больницы отстоитъ далеко отъ улицы, по которой происходитъ частая ѣзда, то нельзя предполагать, чтобы сотрясеніе это произошло отъ проѣзжавшихъ мимо экипажей.

въ 1837 году, было въ Европѣ 7 землетрясеній, изъ которыхъ наиболѣе сильныя были въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Эглизау, въ Швейцаріи, и въ Аграмѣ, въ Кроаціи; въ Америкѣ же были почти совершенно разрушены—въ Мексикѣ города: Акапулко—6-го октября, Мексика—11-го ноября, а въ Чили—25 ноября городъ Вальдивія былъ разрушенъ до основанія. Наконецъ, въ 1838 году 11-го января, около 25 минутъ 10 часа вечера, при ужасномъ трескѣ былъ почувствованъ въ Скутари (въ Албаніи) отвѣсный подземный ударъ, продолжавшійся $5^1/_2$ секундъ; спустя 2 минуты, послѣдовало второе, а въ 38 минутъ 10-го часа третье волнообразное землетрясеніе, продолжавшееся 8 секундъ. Землетрясеніе это было замѣчено въ Венгріи, Трансильваніи и Валахіи и мѣстами, особенно въ Бухарестѣ, сопровождалось большими опустошеніями. Также въ Россіи чувствовали его въ Одессѣ, Измаилѣ, Бендерахъ и Рени и въ трехъ первыхъ городахъ повреждено было много зданій, еще гораздо сильнѣе оно было ощущаемо въ городахъ: Бѣльцы, Сороки, Хотинъ и Яссы. Особенно же въ Кишеневѣ и Леовѣ почти всѣ дома потерпѣли болѣе или менѣе серьёзныя поврежденія; въ Леовѣ же ледъ на рѣкѣ Прутѣ, толщиною 11 вершковъ, былъ разломанъ въ дребезги. Дѣйствіе этого землетрясенія простиралось также на Кинбурнъ, Очаковъ, Евпаторію, Севастополь, Екатеринославъ, Харьковъ, Кіевъ, Каменецъ-Подольскъ, Житоміръ, Новомосковскъ, Павлоградъ, Никольскъ, Херсонъ, Маріуполь, Александрію и даже на Домбровицу въ Волынской губерніи, отстоящую отъ Одессы на 100 миль. Поэтому и неудивительно, что вышеприведенная замѣтка, помѣщенная въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», органѣ императорской Академіи Наукъ, произвела впечатлѣніе и сильно заинтересовала жителей С.-Петербурга, которые удивлялись: отчего землетрясеніе было чувствуемо только въ зданіи Петропавловской больницы, а не по всему городу. Въ столицѣ пошли разные толки, заставившіе предсѣдателя попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Петербургѣ, графа Ю. П. Литта, обратиться къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, С. С. Уварову, съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь Сергій Семеновичъ!

«Г-нъ попечитель Петропавловской больницы представляетъ, что, усмотрѣвъ изъ «С.-Петербургскихъ Нѣмецкихъ Вѣдомостей», будто бы въ январѣ мѣсяцѣ, съ 11 на 12 число, въ зданіи той больницы чувствуемо было землетрясеніе, что̀ можетъ свидѣтельствовать старшій врачъ Тильманнъ, онъ требовалъ объясненія, дѣйствительно ли сіе справедливо. Вслѣдствіе чего контора донесла, что о предметѣ семъ ясныхъ доказательствъ представлено быть не можетъ; объявленіе же въ «Вѣдомостяхъ», какъ объясняетъ старшій врачъ, напечатано изъ разсказовъ, слышанныхъ имъ отъ служащихъ въ больницѣ, именно: главной надзирательницы, палатной надзирательницы, кастелянши и хлѣбника, въ квартирахъ коихъ замѣчено было: у первыхъ двухъ колебаніе стульевъ, у кастелянши легкое сотрясеніе въ шкафу̀ посуды, а у хлѣбника дверь сама собою отперлась. Разсказы сіи, при разговорѣ его съ директоромъ ботаническаго сада, были сообщены тому, но не съ намѣреніемъ передать ихъ во всеобщее извѣстіе, поелику подтвердить сего изъ живущихъ въ больницѣ, кромѣ прописанныхъ лицъ, никто не можетъ. Таковое объясненіе конторы служитъ доказательствомъ, что напечатанное въ «Нѣмецкихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе не можетъ быть съ достовѣрностью подтверждено.

«О семъ обстоятельствѣ имѣя честь сообщить вашему превосходительству, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, увѣдомить меня, для доведенія до свѣдѣнія попечительнаго совѣта, съ чьего разрѣшенія редакція здѣшнихъ нѣмецкихъ газетъ издала въ свѣтъ означенную статью; и не подтверждается ли таковой разсказъ о землетрясеніи какими либо учеными здѣсь наблюденіями.

«Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью,
«Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга, графъ Литта».

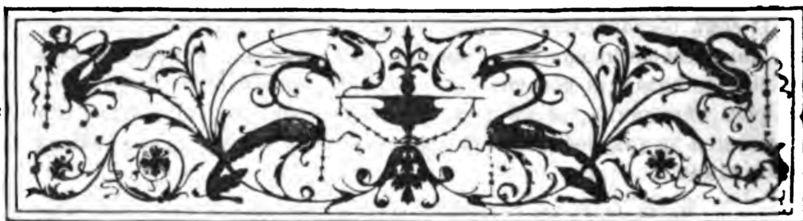
Министерство народнаго просвѣщенія серьёзно отнеслось къ этому дѣлу. Пошла переписка съ Академіею Наукъ, которой издавались «Вѣдомости», съ требованіемъ отъ нея объясненія, съ чьего разрѣшенія редакція «Вѣдомостей» помѣстила статью и подтверждается ли напечатанный ею разсказъ о землетрясеніи въ зданіи Петропавловской больницы какими либо лицами, заслуживающими довѣрія? Академія, съ своей стороны, стала розыскивать виновника помѣщенія злополучной замѣтки. Поиски ея увѣнчались успѣхомъ; оказалось, какъ донесъ вице-президентъ Академіи, князь Дондуковъ-Корсаковъ, что означенная статья была сообщена редактору «Вѣдомостей» непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ Фусомъ, который, съ своей стороны, получилъ это извѣстіе отъ директора ботаническаго сада Фишера. Виновникомъ появленія газетной утки о землетрясеніи въ С.-Петербургѣ оказался такимъ образомъ Фишеръ. Сообщая объ этомъ графу Литта, министерство присовокупило, что, какъ явствуетъ изъ отзыва г. Фуса, описанное въ «Нѣмецкихъ Вѣдомостяхъ» явленіе землетрясенія въ послѣдствіи, сколько ему, Фусу, извѣстно, не было подтверждено никакими заслуживающими довѣрія лицами, и потому дѣйствительность его, по мнѣнію г. Фуса, является сомнительною.

Получивъ такой отзывъ отъ С. С. Уварова, графъ Литта, по порученію совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ С.-Петербургѣ, обратился въ министерство народнаго просвѣщенія снова съ просьбою сдѣлать распоряженіе, чтобы на будущее время никакія извѣстія относительно вѣдомства означеннаго совѣта не были публикуемы въ газетахъ, безъ предварительнаго согласія на то попечителей заведеній, подвѣдомственныхъ совѣту.

Слѣдствіемъ этого ходатайства попечительнаго совѣта было распоряженіе министерства, воспрещавшее помѣщать подобныя извѣстія безъ согласія попечителей заведеній общественнаго призрѣнія въ С.-Петербургѣ.

Таковы были слѣдствія небывалаго, газетно-канцелярскаго землетрясенія въ С.-Петербургѣ, свидѣтелями котораго были—главная и палатная надзирательницы, кастелянша и хлѣбникъ Петропавловской больницы.

Сообщено **Ѳедоромъ Аѳ. Бычковымъ.**



СМѢСЬ.

ТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА на могилѣ Тургенева. 22-го августа, въ годовщину смерти И. С. Тургенева, на Волковомъ кладбищѣ состоялось освященіе бронзоваго бюста покойнаго писателя, поставленнаго на могилѣ его, рядомъ съ прежнимъ памятникомъ, гранитною плитою съ надписью. Не многіе сошлись для чествованія памяти Тургенева въ этотъ день. Нѣсколько литераторовъ исчезали въ толпѣ постороннихъ лицъ. Когда спала завѣса, скрывавшая бюстъ, солнечный лучъ озарилъ могилу и памятникъ. Артистъ Далматовъ прочелъ стихотвореніе, посвященное памяти И. С. Тургенева, довольно слабое, написанное г-жею Гриневскою. В. А. Полетика сказалъ слѣдующее:

«Мы съ душевною благодарностію смотримъ на бюстъ И. С., такъ талантливо воспроизведенный художницею, преданною ему съ такою любовью и съ такою теплотою. Въ послѣднее время, среди европейскаго общества зрѣетъ убѣжденіе, что между заслугами, оказанными человѣчеству людьми, избранными Богомъ и одаренными талантами, геніемъ, превыше всѣхъ заслуги человѣка, который вноситъ лучъ правды и истины въ человѣческое сознаніе. Европейское общество еще на дняхъ торжественно проявило это убѣжденіе тѣмъ апоѳеозомъ, которымъ оно окружило чествованіе памяти одного изъ знаменитыхъ писателей Франціи. Въ насъ, вѣрно, еще некрѣпко это сознаніе. Насъ немного собралось чествовать дорогую память, но мы сохраняемъ въ себѣ вѣру, что не далеко то время, когда этотъ бюстъ не на кладбищѣ только будетъ покоиться, но воздвигнется также и среди площадей многолюднѣйшихъ нашихъ городовъ».

Новый памятникъ И. С. Тургенева, бюстъ, отлитый изъ бронзы на заводѣ А. Морана въ Петербургѣ, сдѣланъ художницею-самоучкою Ж. Полонскою, супругою извѣстнаго поэта. Сходство бюста замѣчательное. Что же касается художественной стороны отдѣлки деталей головы, выраженія глазъ и проч., то въ этомъ отношеніи работа г-жи Полонской свидѣтельствуетъ о талантѣ и артистической свободѣ автора, съумѣвшаго вдохнуть жизнь и мысль въ черты изображеннаго ею лица покойнаго геніальнаго писателя. Бюстъ покоится на гранитномъ кругломъ пьедесталѣ. Могила Тургенева и находящаяся рядомъ съ нею, въ одной оградѣ, могила Кавелина украшены вѣнками и цвѣтами.

Столѣтіе кладбищенской церкви на Волковомъ. 13-го сентября 1885 года, исполнилось сто лѣтъ со дня освященія каменной кладбищенской церкви во имя «Воскресенія Христова» на Волковомъ. Волковское кладбище учреждено въ 1756 году Елисаветою Петровной; мѣсто подъ него взято у чухонской деревни Сютила, то есть Волково. Въ старину, въ окрестностяхъ Петербурга, особенно въ этой мѣстности бродило столько волковъ, иногда цѣлыми стадами, что ни прохода, ни проѣзда не было; волки часто нападали среди бѣлаго дня на людей и животныхъ. Въ 1714 году волки напали на часовыхъ у литейнаго двора и двоихъ заѣли; одна женщина тоже въ это время была заѣдена волками у дома князя Меньшикова. Подобные случаи въ то время повторялись часто. Волковское кладбище, какъ и Смоленское, было открыто послѣ того, какъ вышло запрещеніе хоронить на Аптекарскомъ островѣ и у Іоанна Предтечи въ Ямской. На первомъ кладбищѣ было даже небезопасно хоронить покойниковъ; часто въ ночное время могилы раскапывались, чтобы ограбить покойниковъ. Въ 1715 году, воры разрыли, два дня спустя послѣ похоронъ, могилу нѣмецкаго придворнаго музыканта. Богатые въ то время ставили на могилахъ на время караулъ, а дѣтей вовсе не хоронили на кладбищахъ, а у себя дома, на дворѣ. Кладбище въ Ямской было закрыто потому, что императрица Елисавета сюда ѣзжала праздновать семикъ, а видъ могилъ ей былъ непріятенъ. Въ то время сюда стекался весь Петербургъ и проводилъ день въ пляскахъ, хороводахъ и въ завиваніи вѣнковъ. Императрица очень любила смотрѣть на хороводы, и всегда изъ собственныхъ рукъ раздавала подарки дѣвушкамъ: ленты, бусы, серьги, а мужчинамъ—платки, запоньи и проч. Екатерина также въ хорошую погоду всякій разъ пріѣзжала на этотъ праздникъ; день этотъ праздновался за три дня до Троицы. Впрочемъ, Ямское кладбище не было закрыто до 1773 года, т. е. до дня запрещенія хоронить въ чертѣ города на всѣхъ церковныхъ оградахъ. Ямское кладбище считалось лучшимъ въ столицѣ, здѣсь были погребены графы Панины, грузинскіе архіереи и карликъ любимецъ Петра Великаго. Въ началѣ для Волкова кладбища было отведено мѣсто на 120 саженъ въ ширину и длину; въ августѣ 1756 года кладбище было открыто, и въ первый же годъ на немъ похоронено 898 человѣкъ. Въ концѣ 1759 года, здѣсь была выстроена первая церковь во имя Спаса Нерукотвореннаго образа; церковь была небольшая деревянная, на каменномъ фундаментѣ, построенная на казенный коштъ отъ губернской канцеляріи. Выстроенная кое-какъ церковь скоро пришла въ ветхость и въ 1776 году начали строить новую, а черезъ годъ окончили. Новая церковь была въ память обновленія храма Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ; вся постройка обошлась на 500 рублей. Въ 1782 году, въ новый годъ, церковь сгорѣла и въ маѣ того же года начата постройка каменной церкви, которая была окончена черезъ три года. 13-го сентября 1785 года, освятилъ ее митрополитъ Гавріилъ. Въ 1789 году, для кладбища была отмежевана часть земли отъ ямского общества; въ 1810 году, прибавлено еще 24,000 саженъ, а въ 1838 году, 18,616 кв. саж.; все это количество земли было отрѣзано отъ участковъ имущества ямщиковъ Московско-ямской слободы. Въ 1860 году, кладбище уже ощущало недостатокъ въ землѣ, преимущественно для разряда, гдѣ погребались лица изъ больницъ; вслѣдствіе этого, въ 1865 году, отведена для кладбища часть земли изъ огорода гарнизоннаго баталліона. Отъ основанія кладбища до 1883 года, всѣхъ погребено на Волковѣ 574,781 человѣкъ, въ числѣ погребенныхъ считается одна треть младенцевъ. Кладбищенскіе мостки и дорожки простираются больше, чѣмъ на двѣнадцать верстъ; мосткамъ даны названія отъ похороненныхъ здѣсь лицъ: Литераторскіе, Духовные, Цыганскіе, Пожарные, также отъ близь лежащихъ церквей—Спасскіе, Всесвятскіе и т. д. Церквей на кладбищѣ три: самая старая Воскресенская, затѣмъ Спаса Нерукотвореннаго и третья во имя Всѣхъ Святыхъ или Пономаревская. Главный праздникъ кладбища 16-го августа. Лучшіе памятники на Волковомъ кладбищѣ поставлены надъ могилами купцовъ, бѣднѣйшіе на могилахъ литераторовъ. Писателей же здѣсь лежитъ немало: Бѣлинскій, Добролюбовъ, Тургеневъ, Дельвигъ, Глинка, Полевой, Рѣшетниковъ, Палаузовъ, Благосвѣтловъ, два брата Курочкины, Жулевъ, Вашуцкій, Афанасьевъ-Чужбинскій, Кавелинъ и другіе. Изъ актеровъ здѣсь похоронены: Дмитревскій и его жена, Яковлевъ, Вулаховъ, Гусева, Славинъ и другіе. Надмо-

гильныхъ эпитафій здѣсь также немало. Въ двухъ верстахъ отъ Волкова лежитъ холерное кладбище, основанное въ первую холеру въ 1831 году; послѣ здѣсь хоронили самоубійцъ; холерныхъ покойниковъ въ первое время погребали на кладбищѣ слѣдующимъ образомъ: гробы смачивали селитреннымъ растворомъ съ сѣрною кислотою и насыпали на нихъ по ½ фута, или болѣе древесныхъ углей, затѣмъ забрасывали землею значительно выше обыкновеннаго, самое же мѣсто огораживали на двадцать саженей вокругъ, и доступъ къ нему былъ воспрещенъ. Но когда нахлынула страшная гостья, и на каждомъ изъ столичныхъ кладбищъ стали хоронить въ сутки болѣе 240 тѣлъ, то всякія предохранительныя мѣры были позабыты, и хоронили уже безъ напутствій и панихидъ, одна только полиція хозяйничала на кладбищахъ. Вблизи Волкова находятся кладбища татарское, еврейское и нѣмецкое или иновѣрческое, которое въ старину называлось «Врейтенфельдовымъ полемъ», по имени перваго похороненнаго тамъ покойника.

Археологическій кладъ въ Кіевѣ. Недавно въ Кіевѣ, близъ Софійскаго собора, при постройкѣ дома были открыты обломки базиса колонны, нѣсколько хорошо сохранившихся кусковъ цвѣтныхъ кафелей, оконечностей оружія и глиняный горшокъ съ полнымъ имуществомъ женщины, спрятаннымъ сюда вѣроятно, при нашествіи враговъ. Важность этого клада состоитъ не только въ его несомнѣнной древности, такъ какъ означенные предметы относятся къ X или XI вѣку, но также и въ полнотѣ. Неразбитый и закупоренный горшокъ сохранилъ въ себѣ все, что его обладательница положила въ него: головные уборы, драгоцѣнности и деньги — девять старинныхъ четырехъугольныхъ серебряныхъ гривенъ. Эта находка представляетъ весьма большой интересъ съ художественной стороны. Между прочимъ, весьма любопытны найденные здѣсь куски матеріи, хотя и превратившейся въ какую-то неопредѣленную массу, но съ сохранившимися прикрѣпленными къ нимъ бляшками изъ серебра, которыя, по своему положенію, даютъ понятіе о полномъ головномъ уборѣ богатой русской женщины въ отдаленныя времена. Продолговатыя серебрянныя бляхи, нашитыя рядомъ на матеріи, видимо составляли какъ бы вѣнецъ, обрамлявшій всю голову; подъ этимъ вѣнцомъ шло нѣсколько рядовъ серебрянныхъ и золотыхъ подвѣсокъ, падавшихъ на лобъ а къ матерчатымъ наушникамъ были прикрѣплены двѣ большія подвѣски, которыя спускались на то мѣсто, гдѣ въ наше время висятъ серьги. Кромѣ головныхъ уборовъ, есть также нѣсколько витыхъ серебряныхъ ожерелій и браслеты. Затѣмъ интересно золотое кольцо, не спаянное, а согнутое и очень древнее. Серебрянныя и золотыя подвѣски находятся въ кладѣ въ большомъ количествѣ и нѣкоторыя изъ нихъ показываютъ слѣды еще большей древности, чѣмъ прочія вещи; многія изъ нихъ замѣчательны по тонкой филиграновой работѣ, а большія золотыя подвѣски—по исполненнымъ на нихъ эмалью (cloisonné) изображеніямъ. Всѣ онѣ сработаны съ художественностію и вкусомъ, возможными только въ такую пору, когда личность художника уже проявляется въ каждомъ произведеніи искусства и, стало быть, свидѣтельствуетъ о высокомъ культурномъ состояніи до-татарской Руси.

Древнія царскія врата. Близъ историческаго Куликова поля, въ селѣ Монастырщинѣ, есть церковь и въ ней сохранились древнія царскія врата. Преданіе говоритъ, что эти врата прислалъ герою Куликовской битвы, великому князю Дмитрію Донскому, св. Сергій Радонежскій собственно для монастырщинской церкви. Въ прошломъ году эти врата были доставлены въ Петербургъ графомъ А. В. Олсуфьевымъ и было рѣшено придѣлать къ нимъ соотвѣтствующій иконостасъ. Врата представляютъ гладкую мелкую рѣзьбу по липовому дереву византійскаго характера, которая по своей тонкости и древности превосходитъ все, что сохранилось по этой части въ нашихъ музеяхъ. Исполненіе рисунковъ для иконостаса было поручено члену Общества любителей древней письменности Н. В. Султанову, который представилъ Обществу свои изслѣдованія о вратахъ, а также и самый проектъ иконостаса. По этимъ рисункамъ и выполненъ иконостасъ на металлической фабрикѣ Корнфельда. Иконостасъ не великъ. Въ виду небольшихъ размѣровъ (всего 5 арш. ширины) придѣла, для котораго онъ предназначается, а также и простоты, свойственной той эпохѣ,—иконостасъ состоитъ всего изъ двухъ ярусовъ. По срединѣ — древнія царскія врата съ аркой и такъ назы-

ваемымъ «тѣломъ» и карнизомъ наверху (коруной). Направо — копія съ образа Спасителя, которымъ, по преданію, св. Сергій благословилъ великаго князя Дмитрія на битву съ Мамаемъ. Налѣво — копія съ иконы Донской Божіей Матери. Надъ иконою Спасителя—главная праздничная икона Рождества Богородицы. Надъ иконой Богоматери—копія съ иконы св. Сергія (что находится въ Троицко-Сергіевой лаврѣ и представляетъ собою древнѣйшее изображеніе этого угодника). Направо и налѣво отъ мѣстныхъ иконъ – сѣверныя и южныя двери, съ изображеніемъ архангеловъ Михаила и Гавріила. На самыхъ вратахъ, въ особыхъ кіотцахъ, помѣщены Благовѣщеніе и св. евангелисты; надъ ними св. Троица, Причащеніе подъ обоими видами и Деисусъ. Изображеніе евангелистовъ и Іисуса Христа въ Деисусѣ—копіи съ миніатюръ рукописнаго евангелія XIV вѣка изъ публичной библіотеки. Всѣ остальныя изображенія—копіи съ древнихъ иконъ христіанскаго музея академіи художествъ. Иконостасъ находится въ музеѣ древностей Общества (въ домѣ графа Шереметьева).

Памятникъ побѣды надъ русскими войсками. 15-го августа, близъ Индесальми (Куопіосской губерніи) торжественно открытъ памятникъ въ память побѣды, одержанной шведами и финнами въ 1809 году, сражавшимися противъ русскихъ войскъ «за независимость Финляндіи». Побѣда была одержана при Виртѣ, у переправы черезъ рѣку. Извѣстно, что финляндцы до 1809 года были подъ жесточайшимъ шведскимъ игомъ, въ рабствѣ у шведскихъ фамилій. Войною 1808 и 1809 г. Россія освободила Финляндію изъ-подъ ига. Тѣ финны, которые сражались со шведами въ это время противъ Россіи, дѣйствовали противъ выгодъ своей земли и своего отечества. Памятникъ сдѣланъ изъ сѣраго мягкозернистаго гранита и имѣетъ 17 футъ въ вышину. Нижняя часть его покоится на искусственномъ курганѣ изъ песку и состоитъ изъ четыреугольной площадки, на которой стоитъ другая такой же формы, но меньшаго размѣра; наверху помѣщается кубической формы камень съ надписями, надъ которымъ возвышается обелискъ. На западной сторонѣ памятника, у дороги надпись: «Здѣсь бились финскія толпы за отчизну, октября 27 дня 1808». На восточной сторонѣ: «Пали здѣсь прапорщики Зиденъ и Стенбергъ съ 31 рядовымъ»; тутъ же высѣчены имена: «І. А. Сандельсъ. Г. Фаландеръ», а съ противоположной стороны: «І. З. Дункеръ, К. В. Мальмъ», т. е. нѣсколько шведскихъ прапорщиковъ, имѣвшихъ имена, и нѣсколько десятковъ безъименныхъ финновъ,—едва ли это достаточный поводъ, чтобы на русской землѣ ставить памятникъ пораженію русскихъ войскъ!..

Тамбовская архивная коммиссія. Въ послѣднемъ засѣданіи этой коммиссіи предсѣдатель ея И. И. Дубасовъ сообщилъ о рукописной книгѣ «Сказаніе о чудесахъ Богородицы», несомнѣнно апокрифической, поступившей въ губернскій музей. Мѣсто написанія рукописи—городъ Олонецъ; время написанія—1680 годъ. Она переписана весьма тщательно и, конечно, пользовалась въ кругу своихъ читателей большимъ авторитетомъ. Авторъ подробно описываетъ разныя чудеса Богородицы, руководствуясь въ данномъ случаѣ весьма похвальнымъ желаніемъ ея прославленія, но въ то же время крайне увлекаясь, безъ всякой церковной критики, смутными апокрифическими преданіями. Пресвятая Дѣва въ храмѣ Іерусалимскомъ пребывала будто бы 7 лѣтъ и въ то время служилъ ей ангелъ Господень и носилъ ей пищу, «и видѣла она отъ Господа безпрестанное утѣшеніе, понеже видѣла славу Божію и ангеловъ». Читая въ своемъ уединеніи пророка Исаію, св. отроковица особенное вниманіе свое остановила на извѣстномъ пророчествѣ: «Се дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ сына...», и ей хотѣлось, «дабы у тоя дѣвы рабою быть». И вотъ однажды храмъ наполнился чуднымъ свѣтомъ и былъ слышенъ гласъ Божій: «родиши сына моего».

Замѣчательны разсужденія автора по поводу Рождества Христова. «Яко лучъ солнца чрезъ стекло проникаетъ, не нарушивши стекла, тако и Христосъ народився отъ Пречистыя Дѣвы, проникнувъ сквозѣ тѣло Ея, дѣвства ключа не вредилъ, по словеси пророка Іезекіиля: та врата заключена будутъ и не отверзутся и никто же пройдетъ ими, яко Господь Богъ Израилевъ внидетъ ими». Съ особенною подробностію въ рукописи говорится о чудесахъ Божіихъ во время пребыванія святаго семейства въ Египтѣ.

Затѣмъ въ рукописи, послѣ описанія общеизвѣстныхъ евангельскихъ фактовъ, излагаются «чудеса Пресвятыя Богородицы во время Ея успенія».

Такъ, когда апостолы несли къ мѣсту погребенія тѣло Маріи, воспѣвая съ ангелами псалмы Давидовы, въ тотъ часъ явилось облако и закрыло погребальную процессію. Въ то же время одинъ еврей—фанатикъ хотѣлъ опрокинуть гробницу Богородицы, «но абіе невидимо отсѣчены быша обѣ руцѣ его». Вслѣдъ затѣмъ многолюдная еврейская толпа собралась, «дабы тѣло Пречистыя Богородицы со одра на землю сринути», но внезапно всѣ эти евреи ослѣпли, и во Христа увѣровали, и «очи ихъ отверзлися»...

Въ одномъ азійскомъ городѣ былъ благочестивый монахъ, который великую честь воздавалъ имени: Марія, «глаголя псалмы, иже начинаются отъ буквъ, въ томъ имени сочиняющихся». Умеръ этотъ монахъ, и вотъ изъ устъ его выросла роза съ буквою М. Изъ праваго ока выросла роза съ буквою А; а изъ лѣваго—съ буквою Р. Изъ праваго уха выросла роза, «на ней же писана была буква» І; и изъ лѣваго уха выросла роза съ буквою Я... = Марія.

Великія чудеса творились и отъ ризы, и отъ пояса Пресвятыя Богородицы, и отъ другихъ предметовъ, къ которымъ пречистыя руки Ея прикасались. Такъ, напр., Дѣва Марія, родивши Христа, по бѣдности изготовила Ему «нешвенный» хитонъ своими руками и облекла Его. «И егда Сынъ Божій расте, росла и риза та».

Рукопись, однако, по своему отрывочному и весьма утомительному содержанію не представляется въ достаточной степени интересною. Г. Дубасовъ приводитъ изъ нея только нѣкоторые факты.

Когда Юліанъ отступникъ задумалъ уничтожить христіанство, въ это время Василію Великому явилась Дѣва Марія, окруженная множествомъ ангеловъ. Богородица, какъ это ясно слышалъ Кесарійскій святитель, повелѣвала мученику Меркурію убить Юліана, и тотъ невидимо поразилъ его во время сраженія съ персами. Вскорѣ послѣ этого Василій Великій и многіе люди видѣли въ церкви св. Меркурія его копье, которое передъ тѣмъ куда-то исчезало и затѣмъ стало кровавымъ...

Авторъ рукописи въ главѣ о чудесахъ, очевидно, одинаково пользовался восточными и западными источниками. Поэтому этотъ отдѣлъ вышелъ у него самый обширный. Одинъ юноша Британскій, грѣшный, но, тѣмъ не менѣе, часто въ пѣсняхъ воспѣвавшій Богородицу, умеръ и внезапно ожилъ и сталъ говорить: «былъ есмь восхищенъ на страшный судъ Христовъ, идѣже зліи духове трехъ ради грѣховъ мя мучити хотѣли, яко отъ богатствъ своихъ священникамъ десятины не давалъ и у старцевъ рыбу тайно ловилъ и у людей убогихъ хлѣбъ топталъ, егда на ловитву ѣздилъ со псами. Но Пречистая Богородица у Христа сына своего упросила мя на покаяніе».

«Въ городѣ Римѣ, отъ Ромула въ палатѣ златый болванъ поставленъ бысть съ написаніемъ; не сокрушится, дондеже дѣвица родитъ».

Любопытно также слѣдующее сказаніе о св. Николаѣ Мирликійскомъ. На 1-мъ Никейскомъ соборѣ этотъ святитель, какъ извѣстно, ударилъ Арія по лицу. За это соборные отцы хотѣли его низложить съ епископскаго престола. Тогда царю и епископамъ «явилася Пречистая Дѣва и омофоръ ему подавала и утвердила его въ чину епископскомъ».

Излагая безчисленныя чудеса Богоматери, авторъ рукописи съ особенною любовію останавливается на выраженіяхъ сострадaнія Дѣвы Маріи къ страждущему роду человѣческому. «Въ Малороссіи,—говоритъ онъ,—во градѣ Требовлѣ образъ Пресвятыя Богородицы плакалъ по многія недѣли и отъ очей слезы тако шли, что еже мису подставляли. Бысть же то въ 1663 году при державѣ Яна Казиміра Польскаго».

«Въ земли Молдавской,—продолжаетъ авторъ,—есть монастырь Нямецкій и есть въ томъ монастырѣ образъ Богородицы. И егда тотъ образъ во время Воскресенія Господня подъемлютъ, и тотъ часъ Богородица на рукахъ священническихъ кланяется даже до земли, наклоняющися и возставающи, и то кланяется Пресвятая Богородица сыну своему и Богу низко и заступаетъ за люди грѣшные».

По словамъ апокрифа, Пресвятая Богородица особенно возлюбила Русскую землю и повелѣла Влахернскимъ иконописцамъ идти въ Кіевъ съ Христовымъ поясомъ и образомъ Успенія для строенія Лаврской «великой церкви», образъ которой явился имъ «на воздухѣ». И когда приготовились къ освященію церкви, «въ тотъ часъ Богородица сама епископовъ собирала: Іоанна Черниговскаго, Исаію Ростовскаго, Антонія Юрьевскаго и Луку Бѣлоград-

скаго». А во время освященія, когда митрополитъ возгласилъ: «возьмите врата, князи ваша, и возьмитеся врата вѣчная и внидетъ царь славы,—изъ глубины храма, въ которомъ никого не было, отозвался свѣтлообразный ангельскій гласъ: кто есть сей царь славы»...

Памятникъ генералу Шанзи, какъ герою луарской арміи во время франко-прусской войны, надняхъ открытъ въ городѣ Мансѣ, при торжественной обстановкѣ и въ присутствіи оффиціальныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ находился нашъ военный агентъ, баронъ Фредериксъ. Статуя генерала Шанзи имѣетъ три метра высоты. Шанзи представленъ стоя, въ походной формѣ, лѣвой рукой опираясь на свою саблю, а правую протянувъ вкось. Генералъ смотритъ гордо, съ самоувѣренностью. На барельефѣ выбиты эпизоды, доставившіе военную славу Шанзи, и названія всѣхъ битвъ, въ которыхъ принималъ онъ участіе. У подножія статуи находится надпись: «Общественнымъ иждивеніемъ 1883 г.». Рѣчи при открытіи памятника говорились отъ правительства военнымъ министромъ, генераломъ Кампенономъ, сенаторомъ Корделе, въ качествѣ мэра города Манса, адмираломъ Жорибелли, какъ президентомъ комитета по устройству памятника, а также однимъ изъ членовъ лиги патріотовъ.

† 27-го августа, въ Тамбовѣ **Михаилъ Ѳедоровичъ Де-Пуле**, педагогъ и писатель, авторъ обширныхъ біографій Второва, Никитина и Кольцова и другихъ изслѣдованій. Онъ былъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ въ пятидесятыхъ годахъ и началѣ шестидесятыхъ. Поэтъ Никитинъ былъ его близкимъ другомъ и обязанъ ему многимъ въ своемъ развитіи. По смерти Никитина Де-Пуле редактировалъ изданіе его сочиненій и написалъ его біографію. Послѣ польскаго возстанія онъ былъ вызванъ въ Вильну на педагогическое поприще, но не долго тамъ оставался, испытавъ разочарованіе. Уѣхавъ въ Тамбовъ, онъ купилъ домикъ на свои сбереженія и жилъ тамъ болѣе десяти лѣтъ, занимаясь литературою, участвуя въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Руси» и другихъ изданіяхъ. Въ началѣ существованія «Русскаго Слова» онъ былъ присяжнымъ критикомъ этого журнала и написалъ нѣсколько статей о новой русской литературѣ. Въ 1861 году, редактировалъ «Воронежскую Бесѣду», сборникъ статей, изданный г. Глотовымъ. Вообще, покойный былъ большимъ поклонникомъ провинціальной литературы и посвятилъ много лѣтъ своей жизни на изслѣдованія о тѣхъ писателяхъ, которые жили и работали въ провинціи, и въ этомъ отношеніи его добросовѣстные и полезные труды—цѣнный вкладъ въ исторію родной литературы. Какъ человѣкъ, онъ былъ идеалистомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

† 13-го августа, въ Москвѣ, на дачѣ въ Сокольникахъ ветеранъ русской драматической сцены, знаменитый артистъ московскаго Малаго театра, **Иванъ Васильевичъ Самаринъ**. Имя его пользуется громадной популярностью въ средѣ русскаго образованнаго общества, какъ высокоталантливаго артиста, всегда стоявшаго на стражѣ серьёзнаго искусства, какъ художника, подарившаго публику, втеченіе своего пятидесятилѣтняго пребыванія на сценѣ, высокими сценическими созданіями. Самаринъ родился въ 1817 году, получилъ воспитаніе въ Московскомъ театральномъ училищѣ, и 16-ти лѣтъ, еще воспитанникомъ, дебютировалъ на сценѣ Большаго московскаго театра въ драмѣ «Феликсъ, или Поджигатели». Публика сразу обратила вниманіе на талантливаго молодаго артиста, и карьера послѣдняго была сдѣлана въ короткое время. На долю Самарина выпали всѣ роли драматическихъ любовниковъ (jeune premier) тогдашняго героическаго и мелодраматическаго репертуара. Съ переходомъ на общественную комедію и комедію нравовъ, Самаринъ воплотилъ рядъ типовъ молодыхъ людей изъ современнаго ему общества. Еще ранѣе онъ создалъ роль Чацкаго и въ ней не имѣлъ соперниковъ. Въ сороковыхъ годахъ Самаринъ посѣтилъ Петербургъ и имѣлъ громадный успѣхъ во всѣхъ гастроляхъ, которыя ему пришлось сыграть на петербургской сценѣ. Съ лѣтами онъ долженъ былъ перейдти на роли стариковъ-резонеровъ и въ этомъ амплуа создалъ типъ настоящаго русскаго барина. Послѣ Щепкина, это лучшій Фамусовъ русской сцены. Ему было предложено мѣсто преподавателя драматическаго искусства въ Московскомъ театральномъ училищѣ, и на этомъ поприщѣ онъ выказалъ себя также съ самой блестящей стороны, подаривъ русскую сцену такими ученицами, какъ Г. Н. Ѳедотова

и М. Н. Ермолова. Въ прошломъ году исполнилось пятьдесятъ лѣтъ служенія славнаго артиста русской сценѣ. День этотъ ознаменовался рядомъ овацій почтенному юбиляру, причемъ въ чествованіи принималъ участіе не только артистическій міръ, но и вся образованная Россія. Самаринъ за свои сценическія заслуги получилъ орденъ Владиміра 4-й степени и Станислава 3-й степени.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

О рижскихъ прелестницахъ и о благословенныхъ бракахъ.

Возвратясь въ Петербургъ послѣ лѣтней отлучки и начавъ пересматривать вышедшія въ это время литературныя новости, я нашелъ въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» одно замѣчаніе, обязывающее меня сдѣлать небольшія разъясненія по двумъ достойнымъ вниманія вопросамъ.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» нынѣшняго года были мною напечатаны двѣ статьи «Унизительный торгъ» и «Благословенный бракъ». Первая написана мною какъ à propos, по случаю нынѣшнихъ заботъ о томъ, чтобы въ русскихъ городахъ, и особенно въ столицахъ, не было женщинъ, промышляющихъ своими прелестями. Я привелъ историческую справку изъ принадлежащихъ мнѣ бумагъ покойнаго Пеликана, гдѣ писано, между прочимъ, и о подобныхъ же хлопотахъ, бывшихъ ранѣе, веденныхъ съ энергіею и не окончившихся ничѣмъ. Тамъ я подробно разсказалъ, какія это давало смѣшные результаты, пока всѣ родовыя потуги кончились и гора родила мышь, убѣжавшую въ норку. Въ статьѣ моей я приводилъ, между прочимъ, секретное донесеніе, послѣдовавшее въ 1855 году изъ Риги въ Петербургъ. Въ 1855 году, былъ такой взглядъ, что для очищенія русской земли отъ продажныхъ прелестницъ прежде всего надо прекратить притокъ ихъ изъ-за границы, и тогда на Ригу было указано какъ на «главный портъ торговли женщинами». Но когда изъ Петербурга спросили, нельзя ли ограничить, или даже положить совсѣмъ конецъ промыслу прелестницъ, то изъ Риги послѣдовалъ энергическій отвѣтъ, что тамъ объ этомъ даже не хотятъ и думать. Въ рижской бумагѣ читаемъ такіе резоны, что перевести торгующихъ собою прелестницъ будто нельзя, потому что это (по мнѣнію рижанъ) стало бы «угрожать семьямъ», и притомъ (опять по рижскимъ сужденіямъ)—будто это самая пустая затѣя, неосуществимость которой давно доказана. Что напрасно де и возставать противъ неизбѣжнаго и даже нужнаго... Распутство де было всегда и будетъ всегда, и если земля терпѣла его во времена библейскія, когда всякій мальчикъ могъ жениться даже ранѣе своей половой зрѣлости, то нынче, когда молодой человѣкъ учится до тридцати лѣтъ и не можетъ жениться (напримѣръ, студенты) и когда чрезвычайно много мужчинъ оторвано отъ семейной жизни (солдаты), то (по мнѣнію рижанъ) даже смѣшно и безполезно усиливаться достичь чего нибудь оцѣломудривающаго общество, заключенное въ такія целибатныя условія. По мнѣнію рижанъ, общедоступныя прелестницы совершенно необходимы вездѣ, гдѣ условіями жизни множество мужчинъ побуждается жить безженно. А потому (по мнѣнію рижанъ) проституція въ Ригѣ столь имъ нужна, что они ее истреблять не находятъ нужнымъ и даже не сочли бы это за безопасное, такъ какъ она будто защищаетъ неприкосновенность семейныхъ женщинъ. По этимъ основаніямъ, рижане въ 1855 году отписались секретно въ Петербургъ, что они совершенно не желаютъ и не могутъ рѣшиться останавливать транзитный ввозъ прелестницъ изъ-за границы, такъ какъ за этими женщинами рижане видятъ средство охранить свои семьи и въ то же время дать возможность юношеству подольше учиться, а не жениться. Эти женщины, думалось рижанамъ, представляютъ учащимся

большія удобства, пока придетъ нескорое время поокончить долгіе курсы и хорошо устроиться на службѣ, да тогда уже и завести себѣ свою жену...

Это разсужденіе нѣмецки холодно, но оно, быть можетъ, не безосновательно.

Моя статья, извлекшая на свѣтъ этотъ любопытнѣйшій по своему чистосердечію памятникъ рижскихъ нравовъ, была напечатана въ майской книгѣ «Историческаго Вѣстника». Въ русскихъ газетахъ она прошла незамѣченною, вѣроятно, потому, что газеты наши тогда сами много говорили о пасторѣ Дальтонѣ, который намѣренъ перевести публичное распутство въ Россіи; но въ Ригѣ, гдѣ вопросъ о дѣвицахъ въ 1885 году не циркулировалъ, статью мою замѣтили и подали оттуда отповѣдь. Неизвѣстный мнѣ старожилъ Риги пожелалъ дополнить мои свѣдѣнія тѣми, какія онъ имѣлъ, и человѣкъ этотъ объяснилъ, что описанныя въ рижской бумагѣ торговыя дѣла живымъ товаромъ въ Ригѣ дѣйствительно были, и Рига не безъ основанія пользуется наихудшею на этотъ счетъ репутаціею, но все это прошло: теперь Рига утратила свое главенствующее значеніе по ввозу заграничныхъ женщинъ въ Россію.

Къ этому я считаю долгомъ сказать отъ себя, что, когда весною начали писать объ «унизительномъ торгѣ», я чувствовалъ какое-то досадительное легкомысліе во многомъ, что высказывали, и захотѣлъ самъ, своими глазами, провѣрить, какъ идетъ это дѣло на мѣстѣ; съ этою цѣлью я, тотчасъ по отпечатаніи моей статьи въ «Историческомъ Вѣстникѣ», поѣхалъ въ Ригу и въ Митаву, гдѣ пребываютъ главныя «макавейши» и гдѣ обыкновенно шла разсортировка женщинъ и подборъ ихъ во вкусѣ данной русской мѣстности. Митава даже была важнѣе Риги, и туда изъ Риги выѣзжали эксперты встрѣчать партіи и перебивать лучшій товаръ на дорогѣ. По привычкѣ моей я хотѣлъ изучить и знать этотъ растревоженный нынче вопросъ такъ, чтобы не судить о немъ съ чужихъ словъ и не говорить ничего на вѣтеръ— ни въ защиту плановъ г. Дальтона, ни въ уничиженіе ихъ сомнительнаго достоинства. И вотъ что узналъ я. Все, что пишетъ въ августовской книгѣ «Историческаго Вѣстника» неизвѣстный мнѣ рижанинъ,—совершенно вѣрно. Рига нынче дѣйствительно утратила свое значеніе какъ главный рынокъ привозныхъ женщинъ, а въ Митавѣ только и осталось замѣчательнаго, что одинъ носъ Іоганна-Эрнеста Бирона (носъ большой, но, кстати сказать, нимало не поврежденный. Разсказы о томъ, будто кто-то отломилъ носъ Бирону,—чистѣйшая выдумка. Носъ только очень ссохся въ его хрящевой части). По разсказамъ свѣдущихъ людей, т. е. маклеровъ и маклерихъ («макавейшей»), съ торговыми операціями женскаго рода пошло въ ходъ незамѣчаемое до сихъ поръ «обратное теченіе», т. е. не только ослабѣлъ и пришелъ къ ничтожеству ввозъ, но начался вывозъ женщинъ изъ Россіи за границу. Можно ли этому вѣрить? Да, — отвѣтствую за себя,— этому нельзя не вѣрить, хотя торгъ этотъ и неуловимъ ни для полиціи, ни для статистики. Въ Одессѣ на эти случаи уже давно наталкивались власти, но онѣ отцѣживали комара и, не замѣчая, глотали верблюда. То, что попадалось властямъ, есть капля въ морѣ. Вывозъ русскихъ прелестницъ начался повсемѣстно, гдѣ есть транспортеры женскаго товара. И Рига, и Ревель нынче уже не столько снабжаютъ Петербургъ, сколько сами получаютъ изъ Петербурга. Вообще «порта разврата» теперь сами пользуются отъ избытковъ Россіи, и отсюда же наши русскія женщины, изгоняемыя изъ оцѣломудриваемыхъ нынѣ русскихъ городовъ, переходятъ на заграничные рынки [1]). Ввозъ болѣе не представляетъ прежнихъ выгодъ, а вывозъ яв-

[1]) Ходъ дѣла представляется такой: женщины извѣстной категоріи, будучи высланы изъ Петербурга «на родину», не находятъ здѣсь ни рода, ни племени, ни крова, ни пропитанія. Ихъ матери, тоже дѣвицы, писались въ какомъ-нибудь городкѣ, откуда получали паспорты; но никогда тамъ не бывали и никого не знали. Такимъ образомъ родина эта является чистою фикціею, въ которой нѣтъ ничего существеннаго. Понятно, что женщины опять бѣгутъ съ этой родины и, боясь показаться въ Петербургѣ, пробираются дешевымъ морскимъ путемъ черезъ Кронштадтъ сначала въ Ревель, а потомъ въ Ригу, гдѣ ихъ встрѣчаютъ «янтарные жиды», т. е. евреи изъ Полангена, промышляющіе по «штранду» мелкими

ляется какъ естественное послѣдствіе отлива, созданнаго извѣстными мѣропріятіями. Положеніе дѣла дѣйствительно вполнѣ перемѣнилось.

Вэаключеніе «рижскій старожилъ», отозвавшійся на мою статью объ «унизительномъ торгѣ», говоритъ, что «при настоящемъ уровнѣ нравственности у мужчинъ» хлопоты объ исправленіи пустившихъ себя въ торгъ женщинъ «безцѣльны». Хлопотуны, занятые нынче этимъ дѣломъ, не замѣчаютъ, что они не уменьшаютъ, а напротивъ усиливаютъ разливъ зла, ибо ихъ мѣропріятія только ускоряютъ обмѣнъ веществъ: «на мѣсто исправленной особы необходимо должна поступить новая, свѣжая сила». Это совершенная правда, и я вполнѣ раздѣляю мнѣніе «сторожила», а вывелъ я на свѣтъ рижскій документъ 1855 года вовсе не затѣмъ, чтобы его оспаривать въ его основаніяхъ, а напротивъ для того, чтобы въ рѣзкихъ, но основательныхъ сужденіяхъ этого документа, газетнымъ публицистамъ, можетъ быть, неизвѣстнаго, дать этимъ почтеннымъ дѣятелямъ матеріалъ для основательныхъ статей. Я думалъ, что они захотятъ потрактовать вопросъ зрѣло, безъ пасторскихъ или дамскихъ сантиментовъ и безъ репортерскаго пустозвонства, но я ошибся: мнѣ не удалось заинтересовать моимъ матеріаломъ живое вниманіе писателей, и документъ, который до сихъ поръ одинъ выражаетъ болѣе горькой, но вѣрной правды, чѣмъ всѣ новѣйшія разглагольствія, не послужилъ ни къ чему для русскаго опыта. Рижскіе нѣмцы 1855 года и нынѣшній рижскій «подписчикъ» «Историческаго Вѣстника» совершенно правы, предсказанная ими безцѣльность и ускореніе обмѣна силъ — все это уже на лицо, все происходитъ передъ нашими глазами, и даже плещетъ избыткомъ черезъ края фіала на чужіе края. Чтобы достичь этого, надо было имѣть не только слѣпой «дальтонизмъ», но и упорство, которое способно ставить свой вкусъ выше всѣхъ доводовъ опыта и разсудка. Я такъ же, какъ и рижскій «старожилъ», отнюдь не имѣлъ въ виду порицать рижскихъ нѣмцевъ за то, что они въ 1855 году не дали мѣста въ своемъ городѣ «безцѣльнымъ» заботамъ; напротивъ, я признаю ихъ заслугу въ томъ, что они (какъ я имѣлъ случай показать) хоть на время остановили въ Россіи тѣ «безцѣльныя» мѣры, которыя тогда еще, по фантазіи княгини Васильчиковой, готовы были взыграть во славу «усиленія обмѣна».

Каждый основательный человѣкъ, конечно, согласится съ моимъ почтеннымъ оппонентомъ, что, если браться за это дѣло въ серьёзъ, а не для одного шуму и эффектовъ, то надо начинать оцѣломудриваніе не съ женщинъ, которыя себя предлагаютъ по бѣдности и слабоволію, а надо обратить вниманіе на «нравственность мужчинъ». Главное же, надо никогда не разсматривать этого дѣла иначе, какъ въ связи съ такими обстоятельствами въ госу-

---

полангенскими издѣліями изъ янтаря. Торгуя въ разносъ, «янтарные жиды» проникаютъ всюду и умѣютъ понять положеніе своихъ покупательницъ. Они же знаютъ, что имъ и предложить, такъ какъ Полангенъ имѣетъ близкія сношенія съ Кенигсбергомъ и Данцигомъ, гдѣ никогда не прекращается спросъ на красивыхъ и доступныхъ женщинъ, безъ различія къ какой бы національности онѣ ни принадлежали. «Янтарный жидъ» беретъ петербургскую высланку въ свои руки и маклеритъ ею, помѣщая ее въ «матросскихъ заведеніяхъ» въ Ригѣ же, или выпроваживая, тоже для матросовъ, за границу. Таковъ этотъ путь, и въ немъ, конечно, надо видѣть объясненіе того страннаго, но многими замѣчаемаго явленія, что между продажными прелестницами въ Кенигсбергѣ и Данцигѣ въ послѣднее время часто встрѣчаются женщины, говорящія по русски. Въ Берлинѣ ихъ теперь тоже, говорятъ, немало, и онѣ не подвергаются высылкѣ изъ Пруссіи наравнѣ съ прочими русскими подданными. Можетъ быть, въ Пруссіи на этотъ счетъ существуетъ тотъ же самый взглядъ, какой въ 1855 году выражали нѣмцы въ Ригѣ, т. е. что лучше оберегать отъ соблазна своихъ женщинъ и для того давать мѣсто вести унизительный торгъ чужеземкамъ. Съ этой точки зрѣнія наши прелестницы дѣйствительно могутъ не подходить къ разряду лицъ «нежеланныхъ» и терпятся тамъ, какъ элементъ, который съ прусской точки зрѣнія полезенъ для охраны семьи и необходимъ, пока молодые люди будутъ вынуждены долго вести безженную жизнь. Экспортъ этотъ, вѣроятно, долженъ имѣть большое развитіе.

Н. Л.

дарствѣ, которыя удерживаютъ милліоны мужчинъ самаго цвѣтущаго возроста въ безженном положеніи... А между тѣмъ лѣтомъ 1885 года, по поводу толковъ о разъ ратѣ въ Англіи многими газетами было откровенно высказано, что женитьба стала не по силамъ, ибо она требуетъ достатковъ, а недостаточныхъ людей болѣе, чѣмъ достаточныхъ... Вотъ гдѣ еще съ особой стороны обозначается зло, съ которымъ не сладить ни пастору, ни дамамъ, ни полицеймейстерамъ... Положеніе роковое.

Второе замѣчаніе отозвавшагося въ «Историческій Вѣстникъ» рижанина касается «благословеннаго брака» у рижскихъ старовѣровъ. Рижанину не нравится, что я сравниваю въ благодатномъ отношеніи старовѣрческихъ наставниковъ съ лютеранскими пасторами. Я думаю, однако, что я совершенно правъ: въ благодатномъ отношеніи наставники и пасторы равны, ибо и тѣ и другіе суть міряне. Они, какъ и всѣ мы, обыкновенные смертные, не могутъ осуществить тѣхъ таинствъ, которыя въ полнотѣ совершаются въ православной церкви при посредствѣ «руки освященныхъ». Безъ «освященія», или рукоположенія, съ церковной точки зрѣнія, нѣтъ и не можетъ быть таковыхъ полныхъ «тайностроителей». Это такъ, а не иначе съ русской и православной точки зрѣнія, а мнѣ только съ этой точки зрѣнія и можно было дѣлать сравненія. О другихъ сравненіяхъ я не говорилъ и не имѣлъ нужды ихъ касаться.

Въ вопросѣ о благословенномъ бракѣ у рижанъ есть нѣчто иное, на что мой внимательный рижскій читатель имѣлъ возможность сдѣлать мнѣ указаніе очень полезное для изученія дѣла. О благословенномъ бракѣ собственно у рижскихъ старовѣровъ у меня не говорилось, ибо я до нынѣшняго лѣта не зналъ, какъ такой бракъ совершается въ Ригѣ, гдѣ старовѣры представляютъ изъ себя мѣшанину и сами не знаютъ, «коего они духа». Нынѣ я знаю и могу сказать, что у нихъ вовсе не принятъ тотъ «чинъ» брачнаго благословенія, который я напечаталъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», а рижане дѣйствительно только молебствуютъ о новобрачныхъ. Вмѣсто того стройнаго и изрядно сочиненнаго «чинка», которымъ обиходятся бракопріемлющіе поморцы живущіе по Волгѣ, у рижанъ для брака соблюдается лишь слѣдующее:

«Приводимые наставникомъ женихъ и невѣста становятся передъ аналоемъ, подъ паникадиломъ, и кладутъ поклонъ приходнаго начала».

«По замолитвованіи наставника, читается псаломщикомъ началъ: Царю небесный, Святый Боже, Пресвятая Троица, Слава и нынѣ, Отче Нашъ, Господи помилуй (12 разъ), Пріидите поклонимся».

«Поется клиромъ псаломъ Давидовъ «Блаженни вси, боящіеся Господа» (дважды). Засимъ тропарь кресту, «Спаси Господи люди твоя», затѣмъ тропари храмовые Іоанну Предтечи, Николаю чудотворцу, Слава и нынѣ, Успѣнію Богородицы. тропарь Богородиченъ, Ангелу Хранителю, Господи помилуй (12 разъ), Прокименъ, Апостолъ, Евангеліе, читающееся при бракѣ, тропарь Святіи мученицы, иже добре страдаша и вѣнчашася, Слава Тебѣ Христе Боже, Господи помилуй (40 разъ), Слава и нынѣ, чтеніе наставникомъ поученія св. Іоанна Златоустаго: «како подобаетъ мужьямъ съ женами жити», крестное цалованіе и поцѣлуй новобрачныхъ, Честнѣйшую херувимъ и конечный отпускъ».

Вотъ и весь чинъ бракосочетанія у рижскихъ старовѣровъ. Онъ далеко не имѣетъ той полноты и примѣнительности, какую имѣетъ чинокъ, пропечатаный въ «Историческомъ Вѣстникѣ», и обнаруживаетъ давно указанное мною рижскимъ старовѣрамъ ихъ «невѣгласіе». Они пріемлютъ бракъ какъ «поморяне» и въ то же время устраняются отъ освященія его приспособленными моленіями, но они и не «ѳедосѣевцы», къ которымъ, однако, любятъ причислять себя. Двадцать лѣтъ назадъ, посѣтивъ впервые рижскихъ старовѣровъ, я написалъ о нихъ въ газетахъ и въ отчетѣ министру, что они «не знаютъ, коего они духа». Рижанамъ это показалось тогда за обиду, хотя я не имѣлъ и не имѣю ни малѣйшаго желанія, чѣмъ бы то ни было ихъ обидѣть. Нынѣ же, еще разъ посмотрѣвъ на нихъ втеченіе цѣлаго лѣта и вникнувъ во всѣ ихъ религіозныя понятія, въ особенности въ ихъ понятія о бракѣ, я тверже и настойчивѣе, чѣмъ ранѣе, могу сказать, что взглядъ рижскихъ старовѣровъ на бракъ не отвѣчаетъ ни чистому поморству, ни настоящему ѳедосѣевству, а представляетъ (по мѣстному выраженію) нѣчто

«перебалованное». Чинокъ «благословеннаго брака», составленный чистыми поморцами въ Рыбинскѣ, я роздалъ нѣсколькимъ изъ рижскихъ старовѣровъ. Онъ ихъ заинтересовалъ и даже очень понравился имъ, но пожелаютъ ли они его усвоить, какъ усвояютъ другіе бракопріимцы, я не знаю, и болѣе склоненъ думать, что этого не случится, потому что дѣло это и такъ удовлетворяетъ мѣстной потребности, а «буквалистовъ» и «справщиковъ» у рижанъ нѣтъ [1]). Нынѣшнее старовѣрческое населеніе въ Ригѣ представляетъ массу очень косную и мало доступную просвѣщеннымъ вліяніямъ, хотя бы такія вліянія шли даже отъ вѣрныхъ своей общинѣ старовѣровъ. Уроки «прекословцевъ священнымъ музамъ» оставили здѣсь глубокій слѣдъ. А притомъ въ рижской общинѣ теперь нѣтъ совсѣмъ ни одного начитаннаго «буквалиста», и ихъ нынѣшніе «наставники» сіяютъ развѣ «единою простотою», да и людей съ большимъ вліяніемъ въ этой общинѣ въ настоящее время не стало. Послѣ кончины вдовы Александры Кузминишны Поповой — женщины съ умомъ и съ тактомъ, которую звали шутя «рижской посадницей», здѣсь нѣтъ болѣе ни одного лица съ выступающимъ и главенствующимъ значеніемъ. Ровная, безцвѣтная, утомительная гладь, среди которой не на чѣмъ остановиться и отдохнуть глазу.

Кто хочетъ наблюдать самое очевидное вырожденіе и начало конца въ русскомъ старовѣріи, тотъ лучше всего можетъ сдѣлать теперь такія наблюденія въ Ригѣ. Что засіяетъ когда нибудь на его мѣстѣ, предсказать трудно, но чаще прочаго можно слышать сочувствія «штундѣ»...

Н. Лѣсковъ.

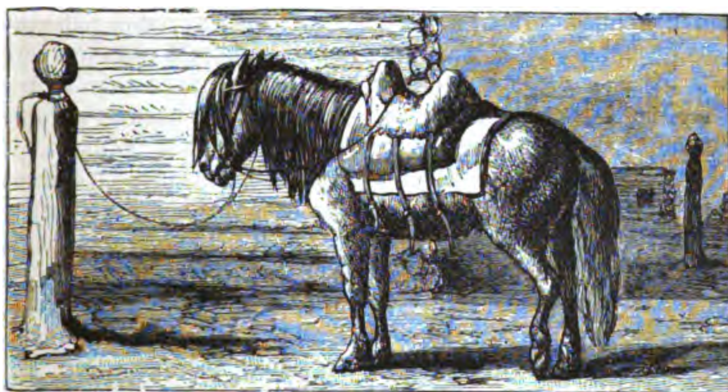
---

[1]) У русскихъ рижанъ древняго благочестія, которые во все время усиленныхъ давленій на старовѣріе пользовались сравнительно гораздо бо́льшею свободою, чѣмъ въ великорусскихъ городахъ, сильно окрѣпла общинность, но вѣра и религіозная литература, или такъ называемый «буквализмъ», никогда не процвѣтали. Замѣчательно, что во всемъ «Историческомъ словарѣ» знатныхъ буквалистовъ старовѣрческой церкви (сочиненъ Павломъ Любопытнымъ, 1828 года, въ Петрополѣ) встрѣчаемъ людей изъ самыхъ скромныхъ уголковъ Россіи и изъ самаго низшаго званія, но въ числѣ всѣхъ 86-ти старовѣрческихъ буквалистовъ изъ Риги, просіялъ только одинъ — Андрей Михайловичъ Пименовъ, но и тотъ описанъ Любопытнымъ нелестно (17): «отличный членъ ѳедосѣевской церкви, тонкій буквалистъ, знатный бракоборъ, суевѣръ, самонадѣянный и просвѣщеннымъ мужамъ прекословецъ, равнодушный церковнаго устройства и священныхъ музъ, тѣснаго ума, крамольникъ въ Ригѣ церковнаго свѣта, рабъ страстей, нерадивецъ лыбопытства, человѣкъ мутной души, врагъ ученыхъ и благочестивыхъ мужей». Таковъ былъ самый видный членъ старовѣрія, просіявшій въ Ригѣ. Павелъ Любопытный, конечно, зналъ Пименова и писалъ о немъ въ 1828 году, когда Андрей Михайловичъ былъ еще живъ, «имѣя отъ рожденія только 67 лѣтъ». Архангельскъ, Саратовъ, Романовъ, Вытегра и Чугуевъ, даже села дали старовѣрію болѣе начитанныхъ людей, чѣмъ Рига, гдѣ (по словамъ чиновника Сологуба), «благодаря принципу вѣротерпимости лютеранской церкви, старовѣрамъ всегда было легче имѣть книги и свободно читать оныя». Замѣчательно тоже, что Павелъ Любопытный, самъ старовѣръ и знатокъ старовѣрческихъ «разнствій», необинуясь отчисляетъ Андрея Пименова къ ѳедосѣевской, т. е. бракоборной церкви, а двадцать лѣтъ тому назадъ община избирала сына этого бракобора (Петра Андреевича) себѣ въ попечители, и вся темная масса за него стояла. Какъ же пробралися сюда поморскіе взгляды на бракъ и какъ они одолѣли бракоборные доводы ѳедосѣянъ?.. Вотъ что любопытно было бы дознать тому, кто живетъ въ Ригѣ и любитъ исторію.

Н. Л.

всѣмъ вѣроятіямъ, онѣ успѣли уже сдѣлаться иными, совершенно новыми, такъ какъ, кромѣ разныхъ прежнихъ «поправочекъ», теперь я приказалъ сдѣлать на нихъ новую кибитку изъ очень тонкихъ оленьихъ шкуръ. Къ великому счастію своему, я могъ ѣхать въ этихъ саняхъ вплоть до третьей станціи отъ Верхоянска, гдѣ, однако, намъ пришлось уже чуть не весь перегонъ ѣхать по голому песку. Начиная оттуда вплоть до Якутска, я продолжалъ путь уже на лошадяхъ, и тутъ-то мнѣ привелось познакомиться со всѣми неудобствами и непріятностями, связанными съ этимъ способомъ передвиженія.

Якутскія лошади едва ли заслуживаютъ названіе лошадей, такъ какъ онѣ представляютъ собою на половину только прирученныхъ животныхъ. Онѣ низкорослы, обросли отвратительно шерстью,



Якутская лошадь.

неповоротливы, жесткошерстны и снабжены длинною, тяжелою гривою и такимъ же точно хвостомъ; чолка зачастую закрываетъ имъ глаза и всю переднюю часть головы. Одна изъ главныхъ ихъ особенностей состоитъ въ томъ, что онѣ спотыкаются и падаютъ на самомъ неожиданномъ и на самомъ ровномъ мѣстѣ; а ужъ, если онѣ разлягутся, то и не подумаютъ потрудиться встать снова на ноги; онѣ просто лишь выпячиваютъ тогда голову какъ разъ на столько, на сколько это необходимо для того, чтобы щипать тутъ же по счастью находящіяся былинки сухой и мерзлой травы и небольшія вѣточки, и занимаются совершенно спокойно этимъ дѣломъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не побудятъ къ самопомощи толчками, ударами и криками. Бѣгутъ онѣ всегда гуськомъ, одна за другою, и до такой степени привыкли къ этому, что почти невозможно запрячь якутскую лошадь возлѣ другой — она непремѣнно или отправится впередъ, или будетъ оставаться позади; привычка эта явилась потому, что ихъ употребляютъ, по большей части, въ

качествѣ вьючныхъ животныхъ и тогда гонятъ гуськомъ, причемъ задняя лошадь привязывается къ хвосту передней. Также точно впрягаются онѣ и въ сани; единственная постромка служитъ для всей упряжки и привязывается къ хвосту передней лошади съ тою цѣлью, чтобы она не попадала лошадямъ подъ ноги; само собою разумѣется, что передняя лошадь тащитъ свою долю груза отнюдь не съ помощью одного лишь хвоста; постромка прикрѣпляется сначала къ сѣдлу и затѣмъ уже оборачивается вокругъ хвоста, чтобы она не шаталась между ногъ и не тащилась по землѣ. Сѣдло, которое якуты имѣютъ привычку класть всегда по срединѣ спины лошади, сдѣлано изъ дерева; высокая четвероугольная лука часто убрана серебряными и золотыми украшеніями, приготовляемыми изъ мѣстнаго металла и по превосходной работѣ дѣлающими честь искусству туземныхъ мастеровъ. Сѣдло лежитъ обыкновенно на высокой соломенной подушкѣ, чтò придаетъ осѣдланной якутской лошади значительное сходство съ верблюдомъ; туземцы подкладываютъ еще подъ сѣдло одну или двѣ одежды и при ѣздѣ находятся поэтому почти на недосягаемой высотѣ, и притомъ въ такомъ положеніи, которое каждому цивилизованному всаднику показалось бы самымъ неудобнымъ и безпомощнымъ. Надо, кромѣ того, обладать особенною ловкостью, чтобы взобраться на это балансирующее на спинѣ животнаго сѣдло, гдѣ стремя приходится какъ разъ подъ лукою; только что вложишь лѣвую ногу въ стремя и занесешь правую горизонтально надъ спиною лошади, глядь—изъ десяти разъ девять и сядешь какъ разъ на шею лошади, а такъ какъ затѣмъ уже невозможно попасть назадъ черезъ луку высотою въ 8 — 10 дюймовъ, то и не остается ничего инаго, какъ самымъ постыднымъ образомъ съѣхать черезъ голову лошади на землю и испробовать счастье еще разъ. Якутскія лошади могутъ вывести изъ себя своимъ благонравіемъ и податливостью; у нихъ рѣшительно не хватаетъ того огонька, который дѣлаетъ лошадь упрямою; примѣсь крови мустанга и брончо была бы для нихъ очень желательна. Охотнѣе всего онѣ идутъ тихимъ, задумчивымъ шагомъ, который представляетъ истинное испытаніе для терпѣнія непривычнаго къ этой побѣжкѣ всадника и скоро доводитъ его до рѣшенія во что бы то ни стало побудить ихъ къ болѣе быстрой ѣздѣ; тогда-то ужъ онъ можетъ качаться и двигаться сколько угодно, такъ какъ рысь якутской лошади нельзя сравнить ни съ чѣмъ въ мірѣ; онѣ высоко поднимаютъ переднія ноги, вытягиваютъ ихъ, сколько могутъ, и затѣмъ снова падаютъ на нихъ какъ-то вдругъ, такъ что всадникъ, подскочивъ высоко вверхъ отъ неожиданнаго толчка, только тогда попадаетъ въ сѣдло, когда послѣднее поднимается при слѣдующемъ шагѣ лошади; точно васъ постоянно качаютъ на качеляхъ, и скоро у васъ начинаетъ болѣть грудь и всѣ члены, и вы стараетесь удержать подольше дыханіе, чтобы не задохнуться окончательно на

одномъ изъ толчковъ. Нечего и думать объ удовольствіи и наслажденіи при ѣздѣ на подобныхъ лошадяхъ. Ни якуты, ни близкіе ихъ сосѣди—буряты, обитающіе въ южной части Иркутской губерніи, не могутъ быть названы хорошими ѣздоками, и это тѣмъ болѣе странно, что они ростутъ буквально среди лошадей, питаются ихъ мясомъ и живутъ только ими. Ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ порядочно сидѣть на лошади или обходиться съ нею какъ слѣдуетъ. Позднѣе, на моемъ дальнѣйшемъ пути приходилось мнѣ сталкиваться съ татарами, которые, какъ извѣстно, владѣютъ также большимъ количествомъ лошадей, но за то и могутъ быть признаны такими превосходными ѣздоками, что видѣть ихъ въ сѣдлѣ доставляетъ истинное удовольствіе; право подумаешь, что они только на то и созданы, чтобы сидѣть въ сѣдлѣ на спинѣ этихъ животныхъ. Го-

Буряты.

ворили мнѣ также, что они умѣютъ превосходно ѣздить и на чужихъ лошадяхъ, и дѣйствительно большинство видѣнныхъ мною здѣсь татаръ были присланы сюда въ ссылку за конокрадство. По ту сторону Якутска, т. е. на югъ отъ этого города, можно уже найдти лошадей, значительно исправленныхъ постоянными скрещиваніями съ европейскою породою; по дорогамъ вездѣ лошадей много, стоятъ онѣ недолго и прекрасно выполняютъ ту трудную работу, которую съ нихъ требуютъ.

Когда я говорю, что здѣсь много лошадей на трактѣ, то я вовсе не думаю утверждать, что путникъ всегда при прибытіи своемъ на станцію найдетъ ихъ тамъ и спокойно отправится далѣе; обыкновенно на вопросъ его о лошадяхъ онъ получаетъ отъ станціоннаго смотрителя лаконическій отвѣтъ: «лошадей здѣсь нѣтъ», и долженъ ожидать при благопріятныхъ обстоятельствахъ минутъ

30 — 40, а при неблагопріятныхъ—нѣсколько часовъ, пока не представится ему возможность продолжать путь. Еще хуже обставлено дѣло между Верхоянскомъ и Якутскомъ; здѣсь, въ то время года, когда мнѣ пришлось путешествовать, зачастую случается, что на станціяхъ не только не найдешь лошадей, но не видно даже ни станціоннаго смотрителя, ни одной человѣческой души—ничего, кромѣ совершенно пустой избы. Сколько разъ приходилось мнѣ помогать загонять лошадей, пасшихся близь дороги, и, прибывши на слѣдующую станцію, запрягать ихъ. Такимъ образомъ, послѣ многихъ затрудненій и неудовольствій, прибылъ я, наконецъ, на станцію Кингіорахъ, расположенную у подошвы Верхоянскихъ горъ. Здѣсь уже не было ни лошадей, ни оленей, да къ тому же лошади были бы совершенно безполезны на дальнѣйшемъ перегонѣ, такъ какъ повсюду въ ложбинахъ лежалъ глубокій и мягкій снѣгъ, который постепенно таялъ подъ лучами майскаго солнца. Была, конечно, и тутъ проѣзжая дорога, утоптанная оленями, бѣгающими въ этихъ мѣстахъ вплоть до станціи, лежащей верстахъ въ 30 отъ рѣки Алдана; но такъ какъ оленей здѣсь запрягаютъ обыкновенно попарно, а лошадей, какъ сказано выше, гуськомъ, то утоптанныя оленями тропинки и не могли быть пригодны для ѣзды на лошадяхъ. Когда для меня стало совершенно ясно, что мы тщетно будемъ ожидать на этой станціи упряжки, я рѣшился снова постараться самому выпутаться какъ нибудь изъ бѣды; я послалъ одного изъ моихъ ямщиковъ разъискать въ окрестностяхъ туземцевъ и уговорить нѣкоторыхъ изъ нихъ перевезти меня на ту сторону Алдана, всего на разстояніи какихъ нибудь 230 верстъ. Послѣ долгихъ, тщетныхъ розъисковъ получилъ я, наконецъ, благопріятное извѣстіе изъ одного якутскаго селенія, находившагося въ 10 верстахъ отъ станціи, что нѣкоторые изъ жителей явятся въ 9 часовъ вечера на станцію съ достаточнымъ количествомъ оленей.

Еще раньше того случай привелъ на эту станцію тунгуса съ упряжкою превосходныхъ и сильныхъ оленей; онъ разсказалъ мнѣ, что верстахъ въ 30 отъ станціи у него есть еще цѣлое стадо такихъ же животныхъ, и предложилъ тотчасъ же услужить мнѣ ими, если якуты не выполнятъ своего обѣщанія, какъ это съ ними зачастую случается. Слѣдуетъ сознаться, что, глядя на его упряжку, я охотно предпочелъ бы его предложеніе, такъ какъ изъ моихъ наблюденій я давно уже вывелъ заключеніе, что тунгусы и ламуты гораздо честнѣе и достойны довѣрія, нежели якуты. За примѣрами ходить недалеко, и г. Бобуковъ, напримѣръ, проѣзжавшій по этой же дорогѣ съ транспортомъ разныхъ вещей по порученію Мельвилля, нашелся вынужденнымъ по близости этой же станціи принанять нѣсколько упряжекъ у кочующихъ тунгусовъ и уплатить имъ впередъ 25 рублей. Когда на слѣдующее утро они пріѣхали за нимъ, то первымъ дѣломъ спросили, не принадлежитъ ли

и онъ къ компаніи американцевъ, которую ждутъ по этой дорогѣ; онъ отвѣчалъ утвердительно и заявилъ, что ему поручено доставить часть ихъ вещей. «Коли такъ,—возразилъ одинъ изъ тунгусовъ, — то мы не можемъ взять ваши деньги; исправникъ приказалъ намъ помогать, на сколько силъ нашихъ хватитъ, американцамъ, а потому и мы, и олени наши къ вашимъ услугамъ». Съ этими словами онъ возвратилъ г. Бобукову деньги. Нѣчто похожее случилось и со мною, когда я нанялъ стараго ламута за 15 руб. перевезти меня и мои вещи за 50 верстъ по достаточно таки скверной дорогѣ. Онъ получилъ деньги вечеромъ, а въ полночь пріѣхалъ за мною; передъ тѣмъ, какъ тронуться въ путь, онъ отдалъ мнѣ 5 руб., потому что, по его словамъ, по зрѣломъ обсужденіи оказалось, что трудъ его будетъ прекрасно оплаченъ и 10 рублями. Было бы чудо немалое, если бы когда нибудь якутъ отказался отъ денегъ и добровольно возвратилъ бы ихъ, разъ они достались ему въ руки тѣмъ или другимъ путемъ.

На этотъ разъ, однако, мои якутскіе ямщики оказались точнѣе, нежели я предполагалъ и, признаться сказать, желалъ: въ назначенный часъ они представились моимъ глазамъ съ нѣсколькими маленькими и худыми оленями, которые сначала мнѣ въ высшей степени не понравились; только впослѣдствіи уже, въ пути, я убѣдился, что въ это время года и при этой работѣ они годятся въ дѣло гораздо болѣе, нежели сильныя и хорошо откормленныя животныя. Разстояніе отъ станціи до подошвы горъ равнялось всего 10 верстамъ, и, всетаки, мы успѣли пріѣхать туда лишь около 4 часовъ утра; всю ночь ямщики шли передъ упряжками съ длинными шестами въ рукахъ, пробуя поминутно глубокій снѣгъ для того, чтобы постоянно оставаться на утоптанной дорогѣ. Не смотря, однако, на все это, случалось очень часто, что одинъ изъ нихъ сходилъ съ настоящей тропы и тогда проваливался въ мягкій снѣгъ вплоть до самой шеи. Когда мы приближались уже къ горному перевалу, черезъ который хотѣли, не останавливаясь, переѣхать, мы увидали, что съ высоты спускаются къ намъ сани въ четыре оленя; гора была такъ крута, что снизу упряжка казалась какою-то гигантскою сороконожкою, лѣпящеюся по стѣнѣ. При встрѣчѣ съ этими санями мы узнали, что это—тѣ самые тунгусы, которые довезли г. Бобукова до Алдана, и что они только теперь возвращаются оттуда; они представили намъ состояніе дороги ужасающимъ, и скоро намъ пришлось убѣдиться своими боками, что они были далеки отъ всякаго преувеличиванія.

Тутъ же, при встрѣчѣ съ этими людьми и въ завязавшемся при этомъ случаѣ разговорѣ между ними, моимъ возницею и казакомъ, впервые подѣйствовали на мой слухъ прекрасные, мелодическіе звуки якутскаго языка, и я рѣшительно не могъ понять, какимъ образомъ я не замѣтилъ этой особенности якутскаго языка

раньше; мнѣ показалось, что языкъ этотъ представляетъ собою не что иное, какъ самое счастливое соединеніе итальянскаго съ ирландскимъ; такъ рѣзкіе и хриплые гортанные звуки послѣдняго смягчаются въ немъ при помощи самыхъ мягкихъ и музыкальныхъ звуковъ послѣдняго и производятъ, благодаря этому, наиболѣе пріятное впечатлѣніе на слушающаго.

Не медля ни минуты, начали мы подниматься на гору, — задача была нелегкая. Никто изъ насъ не могъ оставаться въ саняхъ; всѣ мы должны были, на сколько хватало силъ и умѣнья, карабкаться при помощи своихъ собственныхъ рукъ. Что касается лично меня, то я не могъ сдѣлать 6—8 шаговъ по глубокому снѣгу, чтобы не присѣсть отдохнуть, да и это, пожалуй, не удалось бы мнѣ, какъ не удалось бы взобраться на верхъ, если бы, по счастью, снѣгъ здѣсь не былъ сравнительно крѣпокъ. Наконецъ, добравшись до вершины, мы увидали, что до спуска намъ остается сдѣлать всего лишь нѣсколько шаговъ, но спускъ этотъ, когда я увидалъ его съ вершины, показался мнѣ не только опаснымъ, но рѣшительно непроходимымъ; не смотря, однако, на это, я послѣдовалъ послушно совѣту и примѣру моего путеводителя, казака, сѣлъ на землю и сталъ чрезвычайно осторожно, какъ умѣлъ, спускаться; черезъ $^3/_4$ часа оказалось, что я сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, $^2/_3$ всего пути отъ вершины до подошвы горы. Оглянувшись назадъ, я увидалъ, что ямщики связали наши трое саней однѣ подлѣ другихъ и привязали къ нимъ сзади оленей, причемъ съ каждой стороны стояло по человѣку, назначеніе котораго было удерживать за постромку сани и при этомъ по возможности сильнѣе упираться ногами въ снѣгъ; олени въ то же время изо всѣхъ силъ тянули назадъ, и только благодаря всѣмъ этимъ предосторожностямъ, сани спускались совершенно счастливо, но даже и съ того мѣста, гдѣ я находился, слѣдовательно, далеко еще отъ подошвы горы, казалось, что олени стоятъ на головахъ, а люди спускаются по совершенно вертикальной стѣнѣ. Я полагаю, что ни на одной другой дорогѣ въ мірѣ нѣтъ подобнаго перевала, и замѣтьте, что я не видалъ его еще въ самое скверное время и при болѣе неудачныхъ обстоятельствахъ; весною, когда солнце еще не размягчило снѣга, говорятъ, что весь склонъ представляетъ одну сплошную ледяную поверхность, и тогда переходъ становится непомѣрно труднѣе. Тогда существуетъ одинъ только способъ безопасно спуститься внизъ, состоящій въ томъ, что путешественникъ садится верхомъ на палку, которая и служитъ ему въ качествѣ задержки или тормаза; само собою разумѣется, что тутъ требуется особое умѣнье регулировать свои собственныя движенія, и для человѣка, не обладающаго такою способностью, перевалъ этотъ всегда будетъ до крайности опасенъ. Разстояніе отъ самой вершины до подошвы равняется въ этомъ мѣстѣ 10 верстамъ, и поэтому легко себѣ представить, въ какомъ

страшно быстромъ темпѣ вы исполняете вашъ спускъ, приближаясь къ концу вашего путешествія. На счастье, еще въ двухъ мѣстахъ спуска находятся два террасоподобные выступа, по направленію къ которымъ вы и держите, конечно, курсъ и гдѣ вы можете собраться съ духомъ, какъ въ смыслѣ дыханія, такъ и въ смыслѣ мужества, для продолженія пути. Что можетъ быть лучше для катанья съ горъ нашей молодежи! И все же таки, я полагаю, врядъ ли найдется хоть одинъ юноша, который рѣшится подумать даже о возможности подобной головоломной игры, между тѣмъ какъ здѣшніе жители относятся совершенно спокойно къ такому способу переправы и не желаютъ ничего лучшаго. Дорога въ долинѣ, дѣйствительно, оказалась такъ плоха, какъ говорили намъ тунгусскіе погонщики оленей; уже въ 10 час. мы принуждены были сдѣлать привалъ, съ цѣлію дождаться того времени, когда вечерняя стужа снова закрѣпитъ снѣжную поверхность на столько, чтобы, вообще, возможно было ѣхать дальше.

Ямщики мои, еще при первыхъ нашихъ переговорахъ, никакъ не хотѣли согласиться везти меня далѣе 90 верстъ на югъ отъ Кингіорахъ до станціи Бирдакулъ; но, еще раньше прибытія нашего въ это мѣсто, они сообщили мнѣ далеко не отрадную вѣсть, что мы найдемъ эту станцію совершенно покинутою и необитаемою,— подробность, о которой они сочли болѣе благоразумнымъ умолчать прежде; само собою разумѣется, что тутъ же они поспѣшили назначить неслыханно высокую сумму, за которую согласны довезти меня еще за 60 верстъ до необитаемой поварни, вблизи которой живутъ ламуты, которые затѣмъ доставятъ меня до Алдана за обыкновенную цѣну, по 9 к. съ версты. Они предложили мнѣ даже, что сами отправятся въ ламутское селеніе и привезутъ оттуда нѣсколько человѣкъ въ поварню для того, чтобы я могъ уговориться съ ними въ прогонахъ. Поневолѣ пришлось мнѣ такъ или иначе согласиться на предложенія и условія этихъ молодцевъ; если бы я не сдѣлалъ этого и захотѣлъ бы остаться на станціи, то въ это время года, когда разливъ рѣкъ прекращаетъ всякое сообщеніе между отдѣльными мѣстностями въ этой странѣ, я, пожалуй, умеръ бы съ голоду, сидя въ необитаемомъ мѣстѣ. Для того, чтобы хотя нѣсколько оправдаться передо мной въ своихъ безстыдныхъ требованіяхъ за эту вторую часть пути, ямщики мои заявили мнѣ, что вслѣдъ за Бирдакуломъ намъ придется переѣзжать рѣчку, на льду которой вода стоитъ уже такъ высоко, что предвидится возможность утонуть; при этомъ утѣшительномъ извѣстіи начали эти шельмы креститься и шептать свои молитвы, а для того, вѣроятно, чтобы окончательно наполнить чашу моихъ страданій, прыснулъ и первый сильный весенній дождь. Я слишкомъ хорошо зналъ, какое дѣйствіе такой теплый дождь оказываетъ на ледъ, и поэтому не безъ содроганія думалъ о льдѣ на

Алданѣ, чрезъ который мнѣ нужно было, во что бы то ни стало, перебраться до ледохода. Когда намъ оставалось еще верстъ 10 до маленькой рѣки, объ опасностяхъ которой мои ямщики разсказывали мнѣ съ такимъ жаромъ, негодяи стали вдругъ увѣрять меня, что намъ необходимо сдѣлать снова привалъ здѣсь въ лѣсу и сварить чаю, тогда какъ всего лишь два часа тому назадъ мы уже разъ останавливались для той же цѣли и промѣшкали довольно долго. Я держалъ, какъ могъ, имъ рѣчь о томъ, чтобы они хотя бы подождали переправы черезъ рѣку, но, когда я увидалъ, что они остаются глухи къ просьбамъ и угрозамъ, я ухватился за болѣе сильное средство и вытащилъ пистолетъ изъ кармана. Это помогло. Едва замѣтили они это движеніе, какъ закричали свое «пядшетъ! (впередъ!) и погнали оленей. Деревья по берегу рѣки были увѣшаны такими же жертвами, какія я видѣлъ уже разъ на пограничномъ крестѣ между Колымскимъ и Верхоянскимъ уѣздами; возницы мои привѣшивали и свои пожертвованія туда же и крестились самымъ усерднымъ образомъ передъ тѣмъ, какъ мы начали переправу. Вѣроятно, молитвы ихъ были услышаны, такъ какъ мы нашли на льду гораздо менѣе воды, нежели ея было въ любой зажорѣ на дорогѣ, и переправились безъ особенныхъ трудностей. Прибывъ на южный берегъ, мы остановились сварить чаю, а чтобы избѣжать всякой задержки, я послалъ одного изъ ямщиковъ въ ламутское селеніе; за это не входившее въ разсчеты порученіе я далъ ему приличное вознагражденіе, и онъ обѣщался ожидать меня въ поварнѣ вмѣстѣ съ ламутомъ. Послѣ полудня прибыли и мы въ эту поварню, представлявшую изъ себя самую мизерную хижину, съ провалившеюся и протекающею крышею. Да еще если бы шелъ только дождь, если бы только онъ одинъ попадалъ на наши головы, такъ мы бы, пожалуй, не стали жаловаться, но въ томъ-то и дѣло, что вода просачивалась черезъ крышу и окачивала насъ уже въ видѣ какого-то отвратительнаго, жидкаго ила. На полу вода стояла на нѣсколько дюймовъ, и пришлось положить доски, чтобы сидѣть у стѣнъ и пробираться къ очагу сухими ногами. Трубы не было, а была простая дыра въ крышѣ, какъ разъ надъ самымъ очагомъ, куда проходилъ дымъ, когда ему было угодно не оставаться въ избѣ, — иногда, онъ, впрочемъ, и выходилъ черезъ дыру наружу. Въ этомъ неуютномъ помѣщеніи я засталъ помощника колымскаго исправника съ женою и маленькою двѣнадцатилѣтнею дочерью, съ которыми познакомился еще въ Среднеколымскѣ; они четыре дня уже ожидали въ этой отвратительной хижинѣ, когда, наконецъ, можно будетъ двинуться дальше, но до сихъ поръ все не могли получить оленей. Тутъ же къ великой моей злости я нашелъ и моего якутскаго посланца, который вовсе и не думалъ еще побывать въ ламутскомъ селеніи; онъ увѣрялъ, что доѣхалъ до глубокой

рѣки, черезъ которую, при всемъ желаніи своемъ, не могъ переправиться, и теперь обѣщался попробовать пробраться туда еще разъ въ тотъ же вечеръ и притомъ въ сопровожденіи другаго ямщика. Олени были поручены надзору какого-то ламутскаго мальчика, который и долженъ былъ пасти ихъ, и очень неохотно пришлось мнѣ согласиться, чтобы всѣ вещи ямщиковъ были нагружены на сани, отправляющіяся къ ламутамъ. Я былъ твердо убѣжденъ, что они и не подумаютъ болѣе сдѣлать новую попытку достигнуть ламутскаго селенія, а просто подождутъ, пока мы уснемъ, захватятъ своихъ животныхъ и отправятся домой. Я сообщилъ свои подозрѣнія помощнику исправника, но онъ и мой казакъ увѣряли меня, что опасенія мои ни на чемъ не основаны, а такъ какъ, конечно, я долженъ былъ думать, что характеръ туземцевъ лучше извѣстенъ имъ, нежели мнѣ, то я и далъ, наконецъ, скрѣпивъ сердце, дозволеніе сдѣлать все, какъ они хотѣли. Я намѣревался, собственно говоря, оставить одного изъ ямщиковъ въ качествѣ заложника для того, чтобы быть въ состояніи на другой день, если ламуты не пріѣдутъ, заставить ихъ отвезти меня на Алданъ; олени ихъ были сильны и крѣпки, и намъ оставалось сдѣлать всего лишь 50 верстъ до того мѣста, гдѣ я могъ бы уже получить лошадей для переправы черезъ рѣку. Если бы я могъ сдѣлать такъ, какъ хотѣлъ, такъ я перебрался бы черезъ Алданъ еще раньше половодья и отстранилъ бы отъ себя много страха и мученій, но по глупости я положился на чужіе совѣты, вмѣсто того, чтобы слѣдовать священному и основному правилу, выведенному лейтенантомъ Схваткою изъ цѣлаго ряда путешествій и гласящему: «всякій, кто путешествуетъ на сѣверѣ или, вообще, въ какихъ нибудь неизвѣстныхъ странахъ, если только онъ хочетъ успѣха, долженъ всегда и во всемъ полагаться только на свое собственное убѣжденіе и никогда не прислушиваться къ тому, что совѣтуютъ ему другіе». Какъ я предвидѣлъ, мои якутскіе ямщики ночью удрали и оставили меня на мели, безъ упряжки и провіанта въ этой отвратительной избушкѣ, гдѣ мнѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, пришлось бы ожидать, пока не окончится половодье и дороги не сдѣлаются проѣзжими.

ГЛАВА XXIV.

Застигнутый потокомъ.

Иркутскъ, 31-го іюля 1882 года.

А СЛѢДУЮЩІЙ день, мой казакъ, въ сопровожденіи ламутскаго мальчика, отправился въ ламутское селеніе, отстоявшее отъ поварни на 20 верстъ; изъ предосторожности онъ захватилъ съ собою топоръ, чтобы, если нельзя будетъ перейдти черезъ маленькую рѣку, срубить первое попавшееся дерево и переплыть на немъ на другой берегъ. Поздно вечеромъ возвратился онъ съ отрадною вѣстью, что ламуты явятся въ эту ночь и перевезутъ меня въ обитаемый домъ, гдѣ я и найду средства пробраться далѣе; они должны были сначала дождаться возвращенія своихъ оленей, которые были угнаны довольно далеко за тремя большими лосями, только что убитыми однимъ изъ ихъ охотниковъ. Конечно, въ ту же ночь они не пріѣхали, но прибыли тотчасъ передъ полночью на слѣдующую ночь. Между тѣмъ, явились съ Алданской станціи давно ожидаемыя помощникомъ исправника 8 лошадей, и мы могли теперь забрать всѣхъ путешественниковъ на сани, а всѣ вещи нагрузить на лошадей. Втеченіе послѣдней недѣли дороги дѣлались все хуже и хуже; вслѣдствіе продолжительныхъ и сильныхъ дождей вода стояла на дорогѣ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ и притомъ такъ высоко, что заливалась въ сани и промачивала насквозь и людей, и вещи. Оказалось, что и въ этотъ день путешествіе было таково, что въ

другой разъ не пожелаешь ничего подобнаго; усталые до смерти и промокшіе до костей, пріѣхали мы, наконецъ, вечеромъ къ избѣ, или, вѣрнѣе, къ лачужкѣ; вещи наши, которыя особенно трудно было тащить по этимъ невозможнымъ дорогамъ, прибыли гораздо позднѣе насъ; двухъ лошадей пришлось бросить на дорогѣ, а слѣдовательно и сопровождавшимъ транспортъ ямщикамъ пришлось пройдти большую часть пути пѣшкомъ. Соображаясь съ тѣмъ, что̀ мы услышали отъ обитателей дома, виды на удобства дальнѣйшаго нашего странствованія были далеко не утѣшительны; Алданъ, до котораго намъ оставалось отсюда всего лишь 30 верстъ, до сихъ поръ былъ еще переходимъ, но, такъ какъ Лена уже тронулась и ледоходъ на ней былъ въ полномъ разгарѣ, то и онъ ежеминутно могъ вскрыться. Времени терять намъ, поэтому, не приходилось, и мы уже рано утромъ разсѣлись на усталыхъ шесть лошадей, привезшихъ наши вещи, съ цѣлію продолжать путь на югъ. Кромѣ одѣялъ, чайника и провіанта на одинъ день, мы, конечно, ничего не могли захватить съ собою; но это насъ неособенно безпокоило, такъ какъ мы были вполнѣ убѣждены, что еще до вечера переправимся черезъ рѣку и достигнемъ благополучно станціи, расположенной на томъ ея берегу, гдѣ и подождемъ прибытія нашихъ вещей, находясь подъ гостепріимною кровлею и найдя пищу въ избыткѣ. Положеніе тѣхъ дорогъ, которыя намъ пришлось теперь проѣзжать, не поддается рѣшительно никакому описанію, такъ что случилось именно то, чего я никакъ не могъ ожидать, и этотъ день былъ еще гораздо горше вчерашняго. Почти всю дорогу ѣхали мы по замерзшему болоту, куда стеклась, кажется, вся вешняя вода съ болѣе высокихъ мѣстъ; лошади шли по брюхо въ водѣ и только съ огромными усиліями могли держаться на ногахъ, такъ какъ были неподкованы и постоянно скользили по льду. Маленькая дѣвочка сидѣла позади казака и держалась за него; разъ лошадь оступилась и повалилась вмѣстѣ съ всадникомъ черезъ дѣвочку въ воду; я думалъ уже, что она непремѣнно утонетъ, когда одинъ изъ ѣхавшихъ сзади соскочилъ съ своей лошади и успѣлъ высвободить малютку какъ разъ во время. Почти всѣ наши лошади по нѣскольку разъ падали въ этотъ день; къ этимъ небольшимъ задержкамъ и непріятностямъ присоединялись еще и бо̀льшія: таковыми были, напримѣръ, переправы черезъ сильно напучившіеся и разлившіеся уже ручьи, гдѣ мы постоянно должны были отыскивать бродъ, такъ какъ въ обычныхъ мѣстахъ переправляться было уже невозможно; иногда намъ ничего инаго не оставалось, какъ соскочить прямо съ сѣдла на берегъ и помогать потомъ лошадямъ выбираться туда же, послѣ долгихъ усилій побороть теченіе.

Наконецъ, около 10 часовъ вечера, пріѣхали мы на берегъ Алдана, но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Ледъ разошелся и несся громаднѣйшими льдинами со скоростью 14 верстъ въ часъ по те-

ченію. То, чего мы такъ опасались, и случилось! Вечеръ уже наступилъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ спустилась на землю и ночная темь, такъ что мы не могли и думать отправиться обратно въ покинутый нами утромъ домъ, въ которомъ могли бы переждать половодье. Прошли мы еще версты три по берегу до того мѣста, которое приходилось какъ разъ напротивъ станціи, развели огонь изъ плавучаго лѣса, сварили немного мяса и улеглись спать, съ намѣреніемъ, при наступленіи дня, начать свое отступленіе отъ береговъ Алдана, пробираясь, по возможности, черезъ сѣть потоковъ и ручьевъ, избороздившихъ теперь рѣшительно всю окрестную мѣстность. Мои люди сообщили мнѣ, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ пройдетъ дней 8, а при неблагопріятныхъ и двадцать, пока рѣка до извѣстной степени освободится отъ льда, и мы будемъ въ состояніи переправиться черезъ нее на лодкѣ, но что верстахъ въ 10 отъ нашего бивуака есть еще хижина, въ которой мы можемъ найдти прекрасное убѣжище на все время томительнаго ожиданія.

Хотя я еще утромъ при пробужденіи замѣтилъ, что рѣка поднялась значительно втеченіе ночи, все же мнѣ и въ голову не приходило дурнаго, такъ что я не нашутку испугался, когда мы, проѣхавъ только одну версту, увидали что широкая полоса воды загораживаетъ намъ дальнѣйшій путь. Ямщикъ утѣшалъ меня, говоря, что знаетъ другую дорогу, которая пролегаетъ по берегу озера, лежащаго позади нашего бивуака, а потому мы и поѣхали тотчасъ же назадъ, но для того лишь, чтобы и здѣсь найдти все то же препятствіе. Ничего инаго намъ не оставалось, какъ розыскать самое высокое мѣсто въ этой залитой водою мѣстности и устроиться тамъ какъ можно удобнѣе, до тѣхъ поръ, пока полая вода не спадетъ. Конечно, эта перспектива не имѣла ровно ничего привлекательнаго; вещи наши находились въ тридцати верстахъ отъ насъ, отдѣленныя разлившимися потоками, а провіантъ нашъ весь былъ съѣденъ, за исключеніемъ незначительнаго количества чая. Высочайшая точка, которую мнѣ удалось, наконецъ, найдти, неособенно высоко поднималась надъ уровнемъ равнины, а когда я поглядѣлъ вокругъ на деревья и увидалъ на нихъ на высотѣ четырехъ футовъ отъ земли, слѣды прежней полой воды, то наше положеніе стало казаться мнѣ и вовсе сквернымъ; къ счастью, намъ много надо было работать, и потому мало оставалось времени на раздумье. Мы нарубили сучьевъ и вѣтвей и устроили, какъ умѣли, нѣчто въ родѣ шалаша, который могъ бы защитить насъ до нѣкоторой степени отъ вѣтра; нѣсколько шкуръ были положены на верхъ и такимъ образомъ, благодаря вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно удачному приспособленію изъ сѣдельныхъ подушекъ, по крайней мѣрѣ, хотя нѣкоторая часть нашего убѣжища была защищена отъ дождя. Между прочимъ, я поставилъ на берегу

измѣритель высоты воды и увидалъ, что вода поднимается со скоростью 12 дюймовъ въ часъ; если бы такъ продолжалось, то уже черезъ четыре часа нашъ шалашъ былъ бы затопленъ. Всякій пойметъ очень легко, что подобный выводъ не можетъ быть особенно утѣшителенъ, но, къ счастью, пока я, въ предупрежденіе несчастія, выискивалъ мѣстечко, куда бы мы могли въ случаѣ нужды пріютить на деревѣ даму и ребенка, тогда какъ сами поневолѣ принуждены были бы плавать вокругъ нихъ и ловить имъ рыбу,—положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось. Я снова посмотрѣлъ на свой измѣритель и увидалъ, что вода оставалась цѣлыхъ 12 минутъ на

Видъ на верхней Ленѣ.

томъ же уровнѣ, а затѣмъ начала понемногу спадать. Спадала она почти съ тою же быстротою, какъ и поднималась; подъ вечеръ я замѣтилъ, что уровень ея упалъ на цѣлыхъ 6 футовъ. Огромныя, въ 1—3 фута толщиною льдины, которыя еще такъ недавно съ какою-то дикою быстротою мчались по протоку, образовавшемуся позади нашего бивуака, гоня передъ собою массы плавучаго лѣса и по дорогѣ вырывая съ корнемъ цѣлыя деревья, теперь лежали почти на землѣ. Такъ какъ у насъ было шесть лошадей, то намъ нечего было бояться голодной смерти, но что̀ дѣйствительно нѣсколько заботило насъ, такъ это—то, что мы не захватили съ собою топора. Подъ вечеръ ямщикъ и мой казакъ отправились вер-

хомъ на рекогносцировку дороги къ оставшейся позади насъ хижинѣ; они возвратились съ извѣстіемъ, что дорога проѣзжа, а потому мы и порѣшили на другое же утро туда отправиться; теперь намъ начинало казаться, что всѣ наши бѣды приходятъ къ давно желанному концу; успокоенные нѣсколько, мы разъискали свой бивуакъ, и спали бы сладкимъ и крѣпкимъ сномъ, если бы намъ не мѣшала страшная метель съ дождемъ и буря, которая врывалась совершенно безъ помѣхи въ отверстіе нашего шалаша.

Постоянныя повышенія и пониженія то надежды, то страха, изъ которыхъ, собственно говоря, состояла наша жизнь втеченіе послѣдующихъ дней, я не могу представить иначе, какъ воспользовавшись для этой цѣли нѣсколькими страницами изъ моего дневника, написанными какъ разъ на бивуакѣ въ лагунахъ Алдана.

17-го мая. Вотъ уже второй день, какъ мы живемъ въ нашемъ шалашѣ. Вѣроятно, для перемѣны сегодня цѣлый день была гроза и дождь лилъ, какъ изъ ведра, а въ промежуткахъ проглядывало солнышко, но какъ разъ на столько времени, чтобы мы успѣли вынести посушить наши промоченныя насквозь одѣяла и платья, развѣсили ихъ и затѣмъ поскорѣе внесли бы ихъ еще болѣе промоченными въ шалашъ. Я попробовалъ было пойдти по дорогѣ въ поварню, но нашелъ эту дорогу совершенно непроѣзжею, и, видно, самою судьбою суждено намъ сидѣть въ этомъ болотѣ до тѣхъ поръ, пока не явится возможность переправиться черезъ рѣку. Послѣ полудня я отправился къ тому мѣсту на берегу, гдѣ мы провели первую ночь; почва была совершенно еще напитана водою, а огромныя льдины въ 4—5 футовъ толщиною, лежавшія на 20—30 метровъ дальше нашего бивуака, показывали, какъ далеко заходило наводненіе. Я постоялъ нѣсколько минутъ на громадной льдинѣ и жадными взорами глядѣлъ черезъ водное пространство, версты 3 шириною, переполненное плавучимъ льдомъ, въ то мѣсто, гдѣ всего верстахъ въ четырехъ отъ меня, на противоположномъ берегу Алдана должна была находиться станція.

По возвращеніи изъ нашего безплоднаго путешествія, имѣвшаго цѣлію пробраться на предъидущую станцію, мы держали сегодня утромъ военный совѣтъ и на немъ постановили слѣдующее: такъ какъ во всякомъ случаѣ мы принуждены будемъ въ концѣ концовъ убить одну изъ лошадей, то лучше же сдѣлать это тотчасъ же, заблаговременно, а не ждать, пока насъ побудитъ къ этому голодъ. Одинъ изъ нашихъ людей получилъ приказаніе убить животное и при помощи другихъ тотчасъ же принялся за дѣло. Привязавъ лошадь задними ногами къ дереву, мы прикрѣпили къ переднимъ ногамъ веревку, завернули другой конецъ ея за дерево, схватились за него и до тѣхъ поръ тащили изо всѣхъ силъ, пока животное не было насильно положено на землю; тогда связали и переднія ноги накрѣпко, такъ что лошадь лежала совершенно

Бивуакъ въ лагунахъ Алдана.

смирно, а ямщикъ въ эту минуту ловкимъ ударомъ ножа, какъ разъ за ушами, гдѣ начинаются позвонки, убилъ ее съ одного разу. Кожу содрали очень скоро и освѣжевали мясо очень искусно, а такъ какъ всѣ мы были очень голодны, то тотчасъ же и взяли большой кусокъ мяса отъ задней четверти, чтобы сварить его въ котлѣ. Когда я возвратился изъ своего похода на берегъ, меня позвали ѣсть и, такъ какъ приготовленное кушанье мнѣ очень нравилось, то я находился въ полномъ убѣжденіи, что ѣмъ говядину; я воображалъ, что у насъ осталось еще немного говядины и что спутники мои, полагая, что мясо только что убитой лошади будетъ мнѣ противно, приготовили мнѣ похлебку изъ этой говядины. Я думаю, что я никогда бы и не замѣтилъ разницы между лошадинымъ и коровьимъ мясомъ, если бы первое не было немного болѣе жестко и прѣсно. Вполнѣ насытившись, съ полными желудками, мы всѣ заснули крѣпко и хорошо.

18 мая. За завтракомъ и за обѣдомъ опять была конина, а время въ промежутки между ѣдою проводили все также, какъ и вообще все время нашего пребыванія здѣсь, т. е. въ безпрестанныхъ и притомъ въ тщетныхъ попыткахъ обсушить наше платье, что ни какъ намъ не удавалось то вслѣдствіе дождя, то изъ-за снѣга. Желаніе мое, чтобы перемѣнилось направленіе вѣтра, кажется, осуществляется: сегодня цѣлый вечеръ онъ дуетъ уже болѣе съ юго-запада и гонитъ дымъ нашего костра прямо въ отверстіе нашего шалаша; если онъ будетъ дуть все въ томъ же направленіи, то мы можемъ, какъ я полагаю, надѣяться на лучшую погоду. Я бы охотно убилъ время писаньемъ, но не отваживаюсь въ эту обманчивую, скверную погоду открыть мой ящикъ, такъ какъ безъ всякаго сомнѣнія такое довѣріе къ погодѣ повело бы за собою цѣлый потопъ. Съ вчерашняго вечера вода въ мѣстности, находящейся позади нашего шалаша, все время находилась на прибыли и сегодня, даже въ 2 ч. по полудни, она стояла на 6 дюймовъ выше высшей точки, достигнутой ею третьяго дня; затѣмъ съ полтора часа она шла на убыль и опустилась на одинъ дюймъ, а съ той поры и до сей минуты стоитъ все на томъ же уровнѣ. Я боюсь, что втеченіе 10—20 дней, которые намъ придется сидѣть здѣсь въ ожиданіи окончанія половодья, вода останется все въ томъ же положеніи и что мы не можемъ поэтому надѣяться на присылку помощи со станціи. Приходится терпѣливо ожидать, пока рѣка освободится совершенно отъ льда и насъ перевезутъ на другой берегъ въ лодкѣ. Только бы явилась возможность получить наши вещи, чтобы хотя перемѣнить бѣлье, захватить табаку и имѣть изъ ѣды не все только одну конину,—для всѣхъ насъ это было бы истиннымъ благодѣяніемъ. Я вышелъ послѣ полудня посмотрѣть на рѣку, но уже не могъ добраться до того мѣста, гдѣ мы провели первую ночь; когда же я въ $6^1/_2$ часовъ

возвратился къ шалашу, то примѣтилъ, что вода снова поднималась со скоростью около 3 дюймовъ въ часъ и что ей остается подняться всего на какіе нибудь два фута для того, чтобы ворваться въ наше убѣжище, которое стоитъ, однако, на самомъ высокомъ мѣстѣ, какое мы могли только отыскать. Перспектива прескверная. Это постепенное, но въ то же время постоянное поднятіе воды вовсе мнѣ не нравится.

19 мая. Проснулся въ 6 часовъ и увидалъ, что вода очень сильно поднимается и почти уже достигаетъ шалаша. Пошелъ въ такое мѣсто, откуда могъ издали видѣть рѣку, и увидалъ, что она все еще переполнена быстро несущимся по ея волнамъ льдомъ и что вся мѣстность вокругъ насъ совершенно затоплена. Скоро вода достигла нашего костра и потушила его; мы отъискали себѣ мѣстечко еще повыше и тотчасъ же разложили тамъ новый костеръ, на которомъ и сварили конины на завтракъ. Въ $7^1/_2$ ч. вода ворвалась въ нашъ шалашъ. Я открылъ мой ящикъ и спряталъ необходимѣйшія и важнѣйшія бумаги въ карманъ и подъ подкладку моего сюртука. Два раза должны мы были мѣнять свое пристаннище и теперь въ 9 ч. 15 м. мы находимся на самомъ лучшемъ мѣстѣ, какое можно только найдти, и гдѣ мы должны обождать, какъ дѣла пойдутъ дальше. Вода все еще очень быстро поднимается. Все больше и больше ощущается отсутствіе у насъ топора; конечно, было сумасшествіемъ оставить его съ вещами. Передъ тѣмъ, какъ покинуть станцію, я видѣлъ топоръ, висѣвшій на стѣнѣ въ его кожаномъ футлярѣ, и, конечно, подумалъ, что люди непремѣнно захватятъ его; правда, что и забыли-то его въ самую послѣднюю минуту. Казакъ мой и помощникъ только что покрестились немного и проговорили свои молитвы; они лежатъ теперь, растянувшись во всю длину, и спятъ сладкимъ сномъ на большомъ древесномъ стволѣ. Мы же сидимъ на стволѣ, поджавши ноги, для того, чтобы не мочить ихъ въ водѣ, покрывающей въ настоящую минуту все кругомъ насъ. Я очень радъ, что казакъ мой спитъ, такъ какъ, когда онъ бодрствуетъ, то не перестаетъ ругать несчастнаго ямщика, который, по его словамъ, и поставилъ насъ въ это крайне непріятное положеніе. Что касается до меня, то я именно ему-то, казаку, и приписываю главную вину, такъ какъ не кто другой, какъ онъ, вечеромъ въ день нашего прибытія на берегъ утверждалъ, что надо не останавливаться и идти дальше до переправы. Само собою разумѣется, что я безпокоюсь гораздо болѣе о женщинѣ и ребенкѣ, нежели о насъ, такъ какъ мы во всякомъ случаѣ гораздо легче можемъ выпутаться изъ бѣды и при нуждѣ взлѣзть даже на дерево. Только будь у насъ топоръ, такъ мы могли бы отлично устроить себѣ плотъ и на немъ переплыть водное пространство, находящееся позади насъ, до такого мѣста, откуда легко можно было бы достичь поварни, отстоящей всего на 4 версты. Я рѣши-

тельно прихожу въ бѣшенство, когда вспоминаю о топорѣ. Въ 10 часовъ утра, вода вдругъ пошла на убыль съ тою же скоростью, съ какою она до той поры шла на прибыль, т. е. на три дюйма въ часъ. Сегодня вечеромъ погода сравнительно пріятная, т. е. не идетъ ни снѣга, ни дождя, а такъ какъ, кромѣ того, воздухъ не шелохнется, то мы и напрягли всѣ наши усилія, чтобы крикнуть черезъ рѣку; въ концѣ концовъ насъ таки услыхали и крикнули въ отвѣтъ. Я поставилъ одного ямщика разговаривать съ людьми, находящимися на томъ берегу, но дуракъ никакъ не могъ понять, что̀ ему оттуда кричали, не смотря на то, что я, стоя далеко позади его, совершенно явственно различалъ звуки; все объяснялось тѣмъ, что онъ начиналъ самъ говорить какъ разъ въ то время, когда начинали говорить съ того берега, и перекрикивалъ ихъ голоса. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что тамъ, на станціи по крайней мѣрѣ, узнали о нашемъ пребываніи на этомъ берегу; теперь, едва только явится возможность, они безъ новыхъ побужденій съ нашей стороны пришлютъ за нами лодку. Къ 6 часамъ вечера вода упала на цѣлыхъ два фута, и мы можемъ снова переселиться въ нашъ шалашъ; да и ледъ по рѣкѣ плыветъ, какъ кажется, уже не такою сплошною массою.

20-го мая. Погода превосходна и рѣка почти совершенно свободна отъ льда, только у этого берега тянется узкая и тонкая полоска. Сегодня вечеромъ, мы снова кричали черезъ рѣку и, послѣ болѣе нежели часовыхъ стараній, всетаки, не услышанные съ берега, получили наконецъ отвѣтъ, что завтра за нами пришлютъ лодку. Сегодня я провелъ большую часть дня за писаньемъ.

Подъ вечеръ вода снова стояла на самомъ маломъ своемъ уровнѣ, какой она имѣла вообще съ нашего пріѣзда сюда, и такимъ образомъ всѣ бѣдствія наши пришли наконецъ къ исходу. Послѣ полудня, на слѣдующій день, къ намъ пріѣхала маленькая лодка съ двумя якутами, которые привезли намъ чаю, муки и отвратительнаго, смѣшаннаго съ саломъ масла, изготовляемаго якутскими хозяйками. Мы поужинали полукулловски: кушаньемъ у насъ была вареная конина и пирогъ изъ ржаной муки, причемъ тѣсто сдѣлали прямо изъ муки и воды, нарѣзали кусочками, наклеили эти кусочки на вѣточки и поставили эти послѣднія передъ огнемъ для печенія. Послѣ этого подавали еще чай, приготовленный натурально въ одномъ и томъ же котлѣ, въ которомъ варилось и мясо, и потому онъ обладалъ до нѣкоторой степени мяснымъ вкусомъ. Послѣ чая Михайло, казакъ, отправился съ обоими якутами на другой берегъ затѣмъ, чтобы привезти намъ молока, сахару, табаку и дикихъ гусей отъ станціоннаго смотрителя. Втеченіе нѣсколькихъ дней мы не имѣли ни крошки табаку и дошли даже до изобрѣтенія различныхъ его суррогатовъ; такъ, напримѣръ, мы смѣшивали мелко на мелко нарубленную сосновую кору съ тоже мелко изрублен-

Сибирскій ландшафтъ.

нымъ деревомъ старой трубки, которое, будучи, конечно, за время своей службы насквозь пропитано никотиномъ, придавало смѣси до нѣкоторой степени табачный вкусъ. Нашъ ямщикъ тоже пустился въ путь въ избу, гдѣ мы оставили наши вещи, чтобы доставить ихъ намъ, но нашелъ, что земля за нашимъ бивуакомъ все еще покрыта водою, и потому скоро долженъ былъ возвратиться назадъ.

На слѣдующій день, наконецъ, пришла большая лодка съ двѣнадцатью гребцами, мужчинами и мальчиками, привезшая сюда лошадь и быка съ санями, которые должны были доставить къ берегу наши вещи. Въ первый разъ приводилось мнѣ видѣть сани съ воловьей упряжкою, а потому я и былъ до крайности заинтересованъ этимъ зрѣлищемъ. Сани эти употребляются только лишь тогда, когда на землѣ нѣтъ снѣга; возница, зачастую женщина или дѣвушка, никогда не сидитъ въ саняхъ, но верхомъ на волѣ; примѣненіе вола къ ѣздѣ встрѣчается здѣсь очень часто; впослѣдствіи случалось мнѣ встрѣчать всадниковъ, сидѣвшихъ очень серьёзно на волѣ и управлявшихъ имъ посредствомъ веревки, привязанной къ кольцу, продѣтому въ ноздри животнаго; подъ всадникомъ было всегда сѣдло, въ которомъ онъ сидѣлъ чрезвычайно удобно, тогда какъ жена его шлепала пѣшкомъ подлѣ него по весенней грязи, а иногда и прямо по водѣ; ну, да и то сказать, она вѣдь только женщина, а онъ мужчина! Прибывши на станцію, я нашелъ тамъ двухъ казаковъ съ почтою, уѣхавшихъ изъ Верхоянска десятью днями раньше меня, и еще одного казака, сопровождавшаго какого-то ссыльнаго. Тутъ я узналъ, что г. Бобуковъ, также точно застигнутый разливомъ, находится въ избѣ, отстоящей отсюда на 10 верстъ пути, что состояніе дорогъ неслыханно скверно и путешествіе рѣшительно невозможно. Въ тотъ же вечеръ прибылъ сюда и г. Бобуковъ, узнавшій о моемъ прибытіи на станцію; я былъ крайне радъ увидать его, такъ какъ онъ говорилъ пофранцузски, а я съ того времени, какъ оставилъ Верхоянскъ, не имѣлъ никого, съ кѣмъ бы можно было поговорить хотя немного. Онъ разсказалъ мнѣ, что, не будучи въ состояніи ѣхать дальше, цѣлыхъ двѣнадцать дней провелъ въ одномъ ближнемъ домѣ, и что и теперь даже онъ не предвидитъ ничего хорошаго, такъ какъ дороги покрыты еще водою, а рѣки, черезъ которыя придется переправляться, находятся еще въ такомъ разливѣ, что нельзя пользоваться обыкновенными бродами; кромѣ того, на дорогахъ не найдешь лошадей и на рѣкахъ нѐ отъищешь лодокъ; онъ послалъ уже одного изъ своихъ казаковъ впередъ съ донесеніемъ о положеніи дѣлъ и, кромѣ того, далъ ему порученіе прислать сюда лошадей изъ одной деревни, лежащей на половинѣ дороги въ Якутскъ, и притащить къ переправамъ черезъ рѣки лодки на волахъ.

XXV.

Конецъ путешествія.

Иркутскъ, 2 августа 1882 года.

АЯ 26-го, въ тотъ день, когда, наконецъ, прибыли мои вещи, мы пустились снова въ дорогу, и на этотъ разъ уже не одни, а въ сопровожденіи г. Бобукова, который, кромѣ корабельныхъ книгъ и бумагъ съ «Жаннетты», вёзъ еще въ Якутскъ цѣлое собраніе различныхъ предметовъ, найденныхъ при тѣлахъ Делонга и его сотоварищей и отправляемыхъ теперь на память ихъ роднымъ въ Америку. Дороги мы нашли въ самомъ ужасномъ состояніи, а многіе мосты совершенно разрушенными. Два раза ночью мы принуждены были развьючивать нашихъ лошадей для того, чтобы переводить ихъ черезъ мосты, которые мы наскоро исправляли; лошадь, везшая тяжелый ящикъ съ книгами и предметами воспоминаній, падала разъ 6 или 7 при переправахъ черезъ безчисленные ручьи, пересѣкавшіе дорогу; впрочемъ, черезъ большую рѣку мы переправились на лодкѣ безъ всякихъ приключеній, хотя она и неслась съ удивительною быстротою. Лошади переплыли на другую сторону, привязанные къ крѣпкому, хотя и не гибкому канату, сплетенному туземцами изъ тонкихъ вѣтвей. Всѣ вещи пришлось нагрузить на лодку, и само собою разумѣется, съ какимъ вниманіемъ я охранялъ при этомъ ящикъ, заключавшій въ себѣ драгоцѣнныя реликвіи несчастныхъ

героевъ «Жаннетты»; когда я увидалъ, что онѣ счастливо перевезены на противоположный берегъ, я вздохнулъ, наконецъ, во всѣ легкія и съ сердца у меня какъ камень свалился. Въ половинѣ втораго часа утра, мы добрались до слѣдующей станціи и неособенно порадовались, увидавъ, что она покинута и до половины залита водою; однако, совершивъ большой объѣздъ мы выбрались, наконецъ, изъ затопленной мѣстности, а черезъ 4 часа достигли якутскаго дома, отстоявшаго отъ станціи верстъ на пять; жители выразили свое согласіе доставить насъ на своихъ лошадяхъ въ ближайшую деревню, расположенную на половинѣ дороги между Алданомъ и Якутскомъ, гдѣ жилъ мелкій русскій чиновникъ, называемый этими людьми просто «писаремъ».

Мѣстность здѣсь оказалась гораздо гуще населенною, нежели дальше на сѣверѣ, но все же домà были выстроены точно также, какъ мы до сихъ поръ привыкли видѣть; они всегда срублены изъ круглыхъ неотесанныхъ бревенъ, врубленныхъ другъ въ друга по угламъ; даже и сама плоская, усыпанная толстымъ слоемъ земли крыша состоитъ изъ плотно сложенныхъ балокъ, или накатника, а для того, чтобы сдѣлать избу совершенно непроницаемою для вѣтра, всѣ стѣны густо смазываются коровьимъ навозомъ. Образъ жизни богатыхъ якутовъ мало или даже вовсе почти не отличается отъ тѣхъ, которымъ счастье не такъ благопріятствуетъ; всѣ они живутъ въ одинаковыхъ домахъ, гдѣ только самая малая часть предоставляется семейству, тогда какъ все остальное служитъ убѣжищемъ для коровъ и телятъ. Втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году, — а я какъ разъ именно и проѣзжалъ въ это время по странѣ якутовъ,—молоко ихъ стадъ составляетъ основную и почти единственную пищу и богатыхъ, и бѣдныхъ; оно смѣшивается обыкновенно съ мелко истолченною сосновою нижнею корою, заступающею здѣсь очень часто мѣсто муки, и изъ этой смѣси варится что-то въ родѣ густой похлебки; иногда это кушанье дѣлается еще болѣе вкуснымъ тѣмъ, что туда прибавляютъ нѣсколько фунтовъ мелкой рыбы, въ родѣ обыкновенной плотвы, которая ловится здѣсь по всѣмъ озерамъ и рѣкамъ большими вентерями. Часто случалось мнѣ дорогой ѣсть съ якутами это любимое ихъ кушанье, которое и подается просто и невкусно, да и съѣдается безъ особеннаго удовольствія: каждый членъ семьи мужскаго пола получаетъ большую деревянную ложку, которою онъ хлебаетъ по желанію и сколько ему угодно изъ горшка, стоящаго посреди стола; если человѣкъ очень голоденъ, то похлебка эта кажется ему очень вкусною, но я никогда не могъ понять, какимъ образомъ такіе сильные и здоровые люди, имѣющіе такое обиліе мяса въ своихъ стадахъ, могутъ довольствоваться этою ѣдою. Быть можетъ даже, что такая молочная діэта влечетъ за собою обычную трусость этого народа.

Воспользовавшись якутскими лошадьми, мы достигли на второй день деревни, гдѣ жилъ чиновникъ; а затѣмъ, переправившись на лодкѣ черезъ новое пространство, затопленное водою, на ночь мы были приняты въ домѣ стараго, очень страннаго на видъ священника, который разсыпался въ любезностяхъ и былъ къ намъ чрезвычайно добръ и внимателенъ. Все, что было у него въ хозяйствѣ особеннаго, т. е. вареная говядина, сухари, чай и сахаръ и маринованная рыба, — все появилось на приготовленномъ для насъ столѣ, причемъ онъ растворилъ намъ не только свой чуланъ для съѣстныхъ припасовъ, но и сердце, принесъ бу-

Золотые пріиски въ Витимскѣ.

тылку водки и ниразу не забывалъ благословлять благородный напитокъ прежде, нежели подать намъ стаканчикъ. Послѣ ѣды онъ взялъ въ руки гитару, на которой игралъ очень искусно, и съигралъ, къ великому моему удовольствію, нѣсколько негрскихъ пѣсенъ, которыя ему удалось слышать нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Санъ-Франциско, гдѣ онъ пробылъ нѣкоторое время; затѣмъ онъ игралъ и пѣлъ нѣкоторыя комическія русскія пѣсни, которыя всегда сдѣланы въ мольномъ тонѣ и каждый куплетъ которыхъ оканчивается веселымъ припѣвомъ «тол-ла-рол-лолъ»; онъ выводилъ этотъ припѣвъ съ особеннымъ рвеніемъ и повторялъ его по нѣскольку разъ, отбивая тактъ ногою. Закончилъ онъ нѣсколь-

кими, также очень хорошо исполненными, испанскими романсами, и я долженъ сознаться, что былъ и удивленъ, и порадованъ, открывши среди этихъ дикихъ мѣстностей Сибири такого искуснаго музыканта на такомъ рѣдкомъ инструментѣ, какъ гитара, и притомъ въ лицѣ долгополаго, длинноволосаго священника, который гораздо болѣе смахивалъ на обитателя американскихъ дѣвственныхъ лѣсовъ, нежели на артиста. Къ тому же это была любезная, добрая, старая душа, и я всегда буду вспоминать съ благодарностью и удовольствіемъ о его стараніяхъ развеселить своихъ усталыхъ гостей, а также и объ услугѣ, оказанной имъ намъ снабженіемъ насъ свѣжею провизіею на дальнѣйшій путь. Съ того времени, какъ мы начали исключительно питаться кониною, только дикіе утки и гуси, покупаемые мною по дорогой цѣнѣ у встрѣчавшихся намъ якутовъ, нѣсколько разнообразили нашъ столъ.

На одной изъ слѣдующихъ станцій мы встрѣтили только что обвѣнчанную юную якутскую чету, и при этомъ мой спутникъ, г. Бобуковъ, отлично говорящій поякутски, сообщилъ мнѣ кое-какія подробности о свадебныхъ обрядахъ этого народа. Обычай покупки невѣсты существуетъ здѣсь еще въ полной силѣ; всякій юноша покупаетъ себѣ подругу жизни у ея отца за «калымъ», т. е. за нѣкоторую сумму, которая колеблется между 50 и 500 рублями, смотря по красотѣ и другимъ качествамъ дѣвушки, а также и по степени влеченія молодаго человѣка. Послѣ уплаты калыма отецъ дѣвушки беретъ ее снова къ себѣ въ домъ, и втеченіе цѣлаго года несчастный обрученный не смѣетъ ни говорить съ нею, ни видѣть ея; по истеченіи этого срока они вѣнчаются у священника, но послѣ свадьбы снова должны подвергнуться мучительной разлукѣ на цѣлые 20 дней; только по истеченіи этого срока испытанія, они могутъ броситься другъ другу въ объятія и на этотъ разъ уже безъ боязни быть когда нибудь разлученными. Какъ сильна и дѣйствительна должна быть любовь, пылающая въ ихъ сердцахъ, если она можетъ выдержать такую долгую разлуку, когда они не могутъ взглянуть даже хотя бы тайкомъ на предметъ своихъ вожделѣній и тѣмъ снова возбудить пылъ своей страсти. Всякія сношенія между ними запрещены, такъ что даже и письменно они не могутъ высказать другъ другу силу своей любви, да послѣднее, впрочемъ, врядъ ли могло бы случиться, такъ какъ среди всѣхъ видѣнныхъ мною якутовъ только одинъ умѣлъ читать и писать. Я высказалъ свое удивленіе предъ этою непоколебимою вѣрностью въ любви другу моему Бобукову, но этотъ циникъ только посмѣялся надо мною и надъ моими идеальными взглядами на любовь и объявилъ, что все дѣло сводится здѣсь къ деньгамъ. Юноша заплатилъ большее или меньшее количество рублей и, конечно, хочетъ получить что нибудь за свои деньги, хотя бы

ѣдже и жену только; даже самая сильная любовь должна бы потухнуть втеченіе первой разлуки за недостаткомъ побудительныхъ средствъ; юношѣ ничего болѣе не остается, какъ оставаться вѣрнымъ: онъ уплатилъ всѣ свои деньги, и поэтому у него нѣтъ даже и средствъ сдѣлаться невѣрнымъ. Фи! я ненавижу такіе матеріалистическіе взгляды, но мой пріятель Бобуковъ—бывшій ссыльный и, пожалуй, имѣетъ на этомъ основаніи право сомнѣваться въ человѣческой добродѣтели.

Усталые, голодные, и въ одеждѣ, носившей слѣды нашихъ путешествій по водѣ и грязи, прибыли мы, наконецъ, послѣ полудня 30-го мая, какъ разъ на 27-й день моего отъѣзда изъ Верхоянска, къ берегу Лены; мы счастливо проѣхали широкую песчаную от-

Генералъ Анучинъ.

мель, въ которой лошади наши тонули почти по самое брюхо, и остановились у группы домовъ, выстроенныхъ на берегу, гдѣ насъ встрѣтилъ унтеръ-офицеръ Колѣнкинъ. Онъ-то и былъ тѣмъ казакомъ, который сопровождалъ г. Бобукова до избы на берегу Алдана и который былъ посланъ имъ впередъ въ Якутскъ. Теперь онъ снова пріѣхалъ къ намъ навстрѣчу изъ Якутска и привезъ съ собою нѣсколько свѣжихъ бифстековъ, свѣжаго хлѣба и нѣсколько очень мило смотрѣвшихъ бутылокъ. На слѣдующее утро мы пріѣхали въ Якутскъ, переѣхавъ ночью черезъ рѣку, имѣющую въ этомъ мѣстѣ 15 верстъ ширины. Я не могу рѣшительно ничего сообщить объ этой переправѣ, такъ какъ изможденный усталостью и въ сознаніи, что покончилъ дурную часть моего пути, заснулъ сномъ праведника. Старый другъ мой, г. Варовъ, выѣхалъ

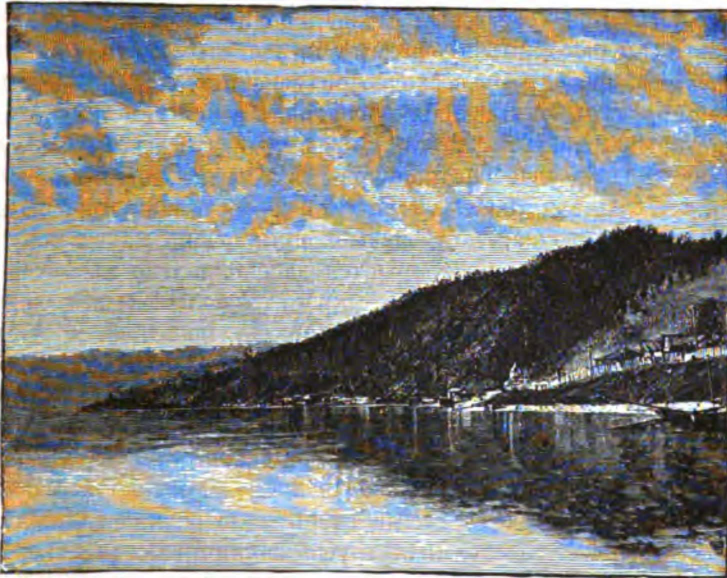
встрѣтить меня за городъ и проводилъ въ свой домъ, гдѣ «la petite» Неня привѣтствовала меня съ живѣйшею радостью въ качествѣ стараго знакомаго и бывшаго спутника. Вслѣдъ за этимъ прибылъ и посланный отъ губернатора, который просилъ меня тотчасъ же отправиться къ нему, такъ какъ у него какъ разъ въ эту минуту сидитъ одинъ господинъ, говорящій поанглійски и могущій служить намъ переводчикомъ. Когда, явившись, я просилъ извинить меня, что представляюсь въ моемъ изорванномъ и грязномъ дорожномъ платьѣ, старый генералъ возразилъ самымъ любезнымъ образомъ, что онъ сконфуженъ, что старый воинъ извиняется передъ таковымъ же въ случайности, которая является необходимымъ слѣдствіемъ такого длиннаго и тяжелаго похода; этимъ все дѣло и кончилось; я былъ принятъ съ самымъ сердечнымъ радушіемъ, и долженъ былъ остаться у него обѣдать безъ церемоній, такъ какъ «à la guerre comme à la guerre».

Нашъ любезный переводчикъ, капитанъ русскаго флота Юргенсъ, также только проѣздомъ находился въ Якутскѣ. Онъ былъ на пути къ устьямъ Лены, гдѣ долженъ былъ устроить метеорологическую станцію, новое звѣно въ цѣпи мѣстъ наблюденій, которая должна опоясать земной шаръ у самаго полярнаго круга. Во время моего пребыванія въ Якутскѣ со всѣхъ сторонъ мнѣ высказывали самую любезную предупредительность и всякое вниманіе, и я нашелъ немало случаевъ войдти здѣсь въ дружбу съ людьми, о встрѣчѣ съ которыми могъ увезти только одни пріятныя воспоминанія и которыхъ я никогда не забуду. Генералъ Черняевъ, якутскій губернаторъ, рѣшительно отечески заботился обо мнѣ, а вице-губернаторъ, г. Приклонскій, хлопоталъ обо мнѣ, какъ можетъ хлопотать только братъ о братѣ. И капитанъ Юргенсъ, хотя и чужой въ городѣ, былъ неутомимо внимателенъ ко мнѣ и съ неоцѣненнымъ терпѣніемъ служилъ въ моихъ сношеніяхъ съ людьми переводчикомъ.

Черезъ недѣлю послѣ моего прибытія въ Якутскъ, пріѣхали туда и члены экспедиціи въ устья Лены и еще нѣсколько дней пользовались гостепріимствомъ любезныхъ жителей города. Главный инженеръ Мельвилль и его спутники Бертлеттъ, Ниндерманнъ и Гринбекъ были уже здѣсь хорошо извѣстны, такъ что имъ приходилось лишь возобновить тѣ дружескія сношенія, которыя они успѣли завязать прошлою зимою. Только капитанъ Бёрри и мичманъ Хёнтъ съ «Роджерса» были совершенно новыми людьми; но они въ самомъ скоромъ времени раздѣлили съ нами чувства горячей благодарности и глубокаго уваженія къ русскимъ чиновникамъ въ Якутскѣ. 11-го іюня, всѣ мы усѣлись на маленькій пароходъ «Піонеръ»; добрая половина населенія провожала насъ на пристань; ни губернаторъ, ни другіе высшіе чиновники не побоя-

лись далекаго пути, чтобы сказать намъ еще разъ «прости». Со всѣхъ сторонъ намъ жали руки, слышались увѣренія въ вѣчной дружбѣ, а я, сдѣлавшійся также скоро въ Сибири русскимъ, какъ среди чукчей — дикаремъ, я — о ужасъ! долженъ былъ перецѣловаться чуть не со всѣми присутствовавшими при проводахъ мужчинами.

«Піонеръ» былъ жалкенькій, маленькій пароходикъ, съ трудомъ выгребавшій противъ сильнаго теченія и постоянно осыпавшій насъ цѣлымъ дождемъ искръ, вылетавшихъ изъ его трубы. Втеченіе двухъ недѣль, проведенныхъ нами на этомъ суднѣ, не разъ пускались



Байкальское озеро.

мы въ безплодное состязаніе съ встрѣчными лодками, которыя тянули лямкою двое простоволосыхъ мальчиковъ вверхъ по теченію. Единственнымъ, конечно, какъ и всѣ согласятся, удовольствіемъ на этомъ суднѣ было то, что почти цѣлый день можно было писать у стола въ каютѣ, такъ какъ столъ этотъ только изрѣдка употреблялся для установки кушанья къ обѣду. Послѣ нѣсколькихъ фуражировокъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, гдѣ мы останавливались запастись дровами, ѣда сдѣлалась и лучше, и роскошнѣе, что̀, однако, къ великому нашему удивленію, принудило капитана тотчасъ повысить плату за наше содержаніе.

Въ Витимскѣ покинули мы «Піонера», чтобы перейдти на «Константина», который оказался и больше, и гораздо лучше устроен-

нымъ судномъ, гдѣ мы могли ѣсть à la carte и въ силу этого чувствовали себя гораздо лучше. Кромѣ нашего общества, на пароходѣ было много другихъ пассажировъ, представлявшихъ собою пеструю смѣсь русскихъ, якутовъ, тунгусовъ, татаръ, монголовъ и цыганъ; между ними находились и двѣ женщины, бывшія въ особенныхъ, излюбленныхъ въ Сибири дорожныхъ костюмахъ; одежда эта состоитъ изъ широкой, перевязанной на таліи поясомъ, блузы и широкихъ, запрятанныхъ въ сапоги, штановъ; мягкая войлочная шляпа дополняетъ костюмъ, который и полонъ вкуса, и очень удобенъ.

Долина и берега Лены изобилуютъ чрезвычайно живописными видами. Отвѣсныя береговыя стѣны, поднимающіяся прямо изъ рѣки, подобно высокимъ зубчатымъ крѣпостнымъ стѣнамъ, не менѣе красивы, нежели превосходно облѣсненные склоны, ограничивающіе широкую, въ нѣсколько десятковъ верстъ ширины, долину и на которыхъ то тутъ, то тамъ, огромные утесы самыхъ странныхъ формъ, подобные средневѣковымъ замкамъ, поднимаютъ свои вершины къ голубому небу. Холмистыя, обработанныя пространства, стоившія много труда, но доказывающія очень малое искусство обращаться съ землею, простираются далеко, далеко въ лѣса, а на промежуткахъ въ 20—30 верстъ красуются небольшія деревни, разсыпавшіяся по берегамъ рѣки. Церкви, по одной, а то и по нѣскольку, въ каждой деревнѣ, придаютъ своими пестро окрашенными, а иногда и позолоченными куполами какой-то особый отпечатокъ этимъ квадратнымъ домикамъ, разсѣяннымъ вокругъ нихъ. При ближайшемъ ознакомленіи съ сибирскою архитектурою, мнѣ бросилась въ глаза особенная любовь жителей къ декоративности; дома въ городахъ имѣютъ всегда очень мило размалеванныя оконныя рамы, и даже водосточныя трубы заканчиваются здѣсь головами драконовъ, пастями львовъ и иными художественными орнаментами; маленькіе балкончики, устроенные чаще всего изъ того же дерева и изъ тѣхъ же грубыхъ бревенъ, изъ которыхъ сдѣлано большинство здѣшнихъ домовъ, пестрятъ собою однообразіе гладкихъ бревенчатыхъ стѣнъ и производятъ пріятное впечатлѣніе на зрителя; зачастую даже тяжелыя оконныя ставни размалевываются пестрыми и яркими красками, — однимъ словомъ, почти во всемъ замѣчается большее или меньшее стремленіе народа украсить свои жилища по силѣ возможности. Нѣкоторыя изъ деревянныхъ церквей, видѣнныхъ мною на верхней Ленѣ, украсили бы собою лучшіе европейскіе и американскіе парки.

Послѣ пятидневнаго плаванія на «Константинѣ», мы подъѣхали къ такому мѣсту на рѣкѣ, гдѣ проѣхать на пароходѣ было невозможно; видъ цѣлаго стада коровъ, переходившихъ въ бродъ черезъ рѣку въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ, нѣсколько подготовилъ

Томскъ.

меня къ этой непріятности раньше, нежели мы принуждены были остановиться. Мы бросили якорь какъ разъ у находящейся здѣсь на берегу станціи и получили нѣсколько маленькихъ почтовыхъ лодокъ, въ которыхъ насъ и тянули лямкою вверхъ по рѣкѣ впродолженіе пяти сутокъ; лошади, тащившія насъ, то весело бѣжали по берегу, то съ усиліемъ переходили въ бродъ большія водныя пространства; иногда приходилось даже бросать въ воду канатъ, пока лошади не обойдутъ вокругъ глубокой бухты и не выйдутъ снова къ намъ на небольшой полуостровъ; въ это время ямщики наши пускали въ ходъ свои длинные шесты, которыми они, вообще, удерживаютъ лодку въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, а тутъ борятся съ сильнымъ теченіемъ и отталкиваются понемногу впередъ, гдѣ сила теченія позволяетъ это.

За этою утомительною поѣздкою въ лодкѣ, послѣдовала четырехдневная ѣзда на почтовыхъ вплоть до Иркутска, перваго города въ собственномъ смыслѣ этого слова, который я увидалъ въ Сибири. Мы заняли квартиру въ гостинницѣ Дьякова, удобной и хорошо содержимой хозяиномъ, гдѣ употребляли всѣ старанія, чтобы удовлетворить требованіямъ и вкусу американскихъ гостей. Была въ Иркутскѣ еще и другая большая гостинница, извѣстная подъ фирмою «Сибирь», кухня которой была гораздо цивилизованнѣе, нежели того можно было ожидать здѣсь, и которая зачастую привлекала насъ въ свою обѣденную залу именно по этой причинѣ. Уютныя, маленькія столовыя, превосходное меню и прекрасныя, тонкія вина невольно наводили насъ на отрадную мысль, что, наконецъ, мы находимся въ границахъ цивилизованнаго міра.

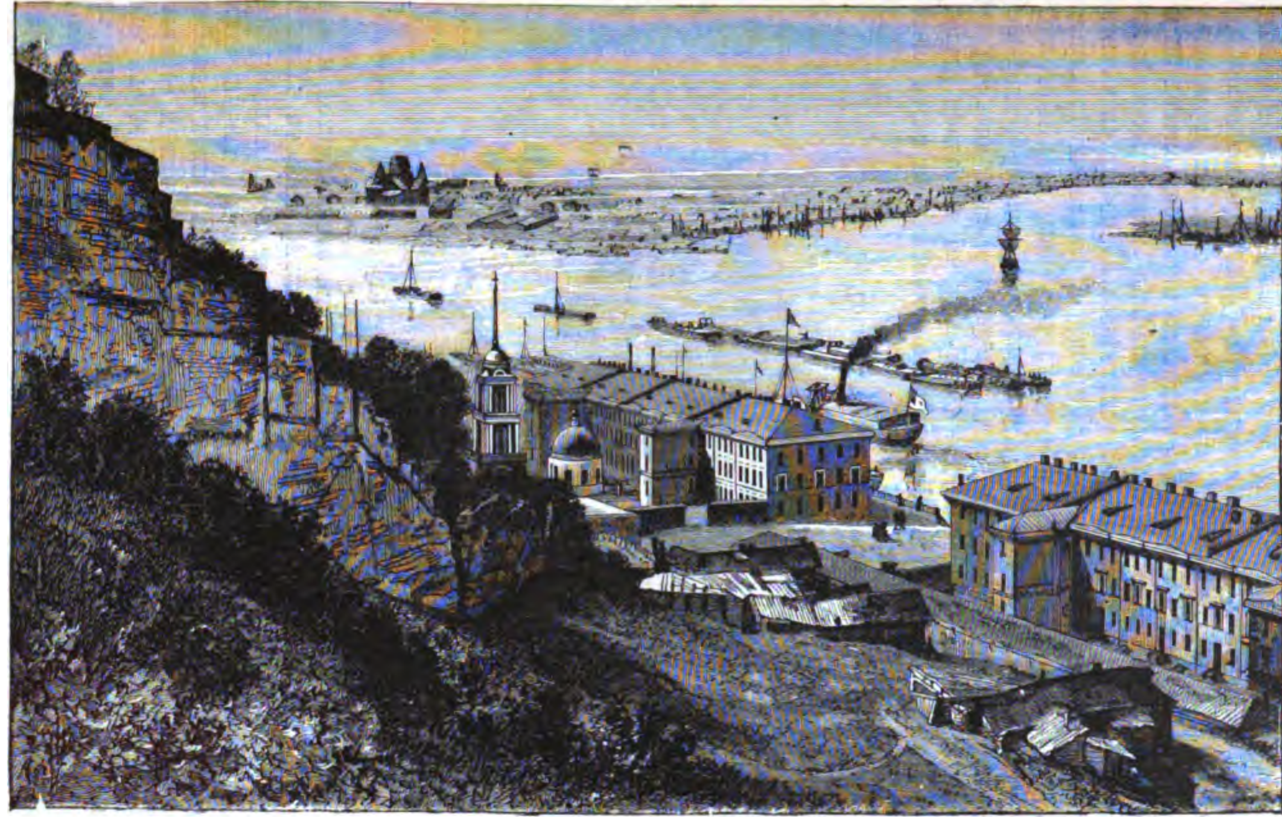
Въ особенности одно блюдо, съ которымъ намъ пришлось здѣсь познакомиться, привлекало насъ своимъ вкусомъ, — то была, такъ называемая, «окрошка», холодный супъ—кушанье совершенно сибирское. Она состоитъ изъ смѣси мелко нарѣзаннаго холоднаго мяса, четвертинокъ яицъ, сваренныхъ въ крутую, кусочковъ лука и сметаны; къ этому на каждаго подается еще бутылка «квасу», который придаетъ всему этому освѣжающій и очень пикантный вкусъ; маленькіе, прозрачные кусочки льда, плавающіе въ окрошкѣ, производятъ прохлаждающее дѣйствіе. Но что же такое «квасъ»?—слышу я, какъ спрашиваетъ неопытный въ этомъ дѣлѣ читатель. «Квасъ»—это безвинный, нехмѣльный напитокъ, приготовляемый изъ чернаго хлѣба и дрожжей и который такъ сильно бродитъ, что его приходится особенно старательно закупоривать и, кромѣ того, завязывать пробку накрѣпко бечевкою. Къ сожалѣнію, я не могу сообщить здѣсь рецептъ этого драгоцѣннаго напитка, такъ какъ онъ-то и составляетъ главную суть холоднаго супа, а, разсказавъ о его производствѣ, я тѣмъ самымъ выдалъ бы секретъ приготовленія этого высшаго наслажденія и повредилъ бы одному изъ знакомыхъ мнѣ

американцевъ, который только о томъ и думаетъ, какъ бы устроить лѣтній кафе въ Нью-Іоркѣ, въ которомъ ничего инаго подавать не будутъ, кромѣ этихъ двухъ русскихъ измышленій и чернаго хлѣба. Онъ мечтаетъ составить себѣ этимъ предпріятіемъ состояніе, и я съ нимъ одинаково убѣжденъ, что стоитъ только ввести у насъ это, чтобы обезпечить себя протекціей и сочувствіемъ всякаго голоднаго и жаждущаго дѣловаго человѣка; кто разъ попробуетъ эти вкусныя вещи, тотъ увидитъ, что для нихъ не требуется никакихъ иныхъ рекомендацій. Дѣвушки въ легкихъ, красивыхъ малороссійскихъ костюмахъ будутъ прислуживать гостямъ, и одинъ взглядъ на нихъ будетъ производить на всякаго такое благотворное и услаждающее впечатлѣніе, что всякій съ радостью вложитъ

Томскій городской голова.

свою часть въ ожидаемое состояніе предпріимчиваго человѣка, который принесетъ въ Нью-Іоркъ эту манну небесную.

Въ день нашего прибытія, нѣсколько попозднѣе, возвратился генералъ-губернаторъ Восточной Сибири генералъ Анучинъ изъ долгаго путешествія. Онъ сдѣлалъ объѣздъ порученной его управленію страны вплоть до Японіи, потомъ отправился черезъ Суэцкій каналъ въ Европу и возвратился теперь изъ Россіи по почтовому сибирскому тракту; супруга его и дочь сопровождали его все время и не только перенесли счастливо неудобства такого огромнаго путешествія, но даже совершили его съ удовольствіемъ. Все наше американское общество отправилось in corpore выразить свое почтеніе генералъ-губернатору; мы были приняты очень любезно, представлены семейству, а потомъ и приглашены къ обѣду. Какъ и слѣдовало ожидать, все семейство говорило бѣгло пофранцузски,



Нижній Новгородъ.

а M-lle Анучина ко всѣмъ своимъ остальнымъ совершенствамъ знала еще и англійскій языкъ. Не смотря на свои сѣдые волосы, генералъ Анучинъ еще молодой сравнительно человѣкъ и притомъ человѣкъ замѣчательной силы характера; обладая тонкими манерами и замѣчательною любезностью, онъ всѣми любимъ и всѣми уважаемъ. На второй вечеръ нашего пребыванія въ Иркутскѣ мы посѣтили городской садъ и были порадованы прекраснымъ концертомъ, даннымъ небольшимъ оркестромъ изъ струнныхъ и духовыхъ инструментовъ. Элегантно одѣтые дамы и кавалеры, прогуливавшіеся въ освѣщенныхъ китайскими фонарями аллеяхъ и слушающіе знакомые и намъ звуки Вагнеровской и Страусовской музыки, были для насъ неожиданнымъ и веселымъ зрѣлищемъ. Въ паркѣ же находится лѣтнее помѣщеніе для клуба, куда мы были введены однимъ изъ членовъ и гдѣ мы, уплачивая каждый вечеръ по 50 коп. съ персоны, могли проводить время самымъ пріятнымъ образомъ. Въ здѣшнемъ клубѣ имѣется хорошій ресторанъ, а въ немъ лучшіе вина и ликеры, какіе можно только достать въ городѣ; самыя разнообразныя карточныя игры по маленькой составляютъ обычное времяпровожденіе членовъ клуба. Собранія бываютъ всегда чрезвычайно блестящи, что̀ слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что въ Россіи и во всѣхъ русскихъ владѣніяхъ всѣ офицеры должны ходить постоянно въ мундирахъ, а такъ какъ здѣсь, за исключеніемъ купцовъ, всякій почти житель всенепремѣнно офицеръ, то поэтому только и видишь повсюду блестящіе мундиры. Всѣ члены, казалось, были, впрочемъ, особенно рады принять у себя американскихъ гостей и дружественно угостить ихъ, а эти послѣдніе, съ своей стороны, долго еще будутъ съ благодарностью и удовольствіемъ вспоминать о пребываніи своемъ въ Иркутскѣ.

Такъ какъ мнѣ казалось, что нельзя быть въ Иркутскѣ и не повидать Байкальскаго озера, то я и предпринялъ поѣздку туда и наслаждался живописною и въ то же время величественною прелестью его береговъ. Собственно путешествіе мое окончилось въ Иркутскѣ; теперь мнѣ не оставалось болѣе ничего дѣлать, какъ ѣхать по кратчайшей и лучшей дорогѣ на родину; но дорога эта вела сначала, по почтовой дорогѣ, въ Томскъ, очень приличный городъ съ 40 тысячами жителей, отстоящій отъ Иркутска на 1,500 верстъ. Здѣсь познакомился я съ томскимъ градскимъ головою, г. Цибульскимъ, который, бывши въ юности превосходнымъ охотникомъ и звѣроловомъ, мало-по-малу достигъ того, что могъ пріобрѣсти пай въ золотыхъ пріискахъ, и вслѣдствіе этого является однимъ изъ богатѣйшихъ людей Сибири.

Изъ Томска я ѣхалъ въ обществѣ моего стараго пріятеля, капитана Джона О. Списера изъ Гротона, въ Коннектикутѣ, на ма-

ленькомъ пароходѣ вплоть до Тюмени. Затѣмъ снова двое сутокъ на почтовыхъ до Екатеринбурга, откуда идетъ желѣзная дорога черезъ Уралъ и путешественникъ прибываетъ въ Пермь. Здѣсь снова сѣли мы на пароходъ и послѣ четырехдневнаго плаванія достигли Нижняго Новгорода, стариннаго русскаго города съ большою ярмаркою на южномъ берегу Волги, куда ежегодно съѣзжаются купцы изъ всевозможныхъ мѣстностей Европы и Сибири.

Такимъ-то образомъ непроѣзжія дороги остались позади меня, а предо мною развернулись длинные и оживленные пути современной культуры и цивилизаціи. Миссія моя въ качествѣ курьера была окончена.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВЫ:		СТР.
I.	Въ морѣ	3
II.	Въ широтахъ Камчатки	9
III.	Петропавловскъ	16
IV.	Фортъ св. Михаила	30
V.	Въ бухѣ св Лаврентія	42
VI.	Островъ Врангеля	46
VII.	Вокругъ острова	61
VIII.	Среди ледяныхъ полей	70
IX.	Идиллія	77
X.	Гибель «Роджерса»	91
XI.	Надежды на освобожденіе	101
XII.	Судьба Путнэма	109
XIII.	По Сибири	119
XIV.	По дорогѣ	128
XV.	Среднеколымскъ	138
XVI.	По дорогѣ на Лену	147
XVII.	Записная книжка Делонга	159
XVIII.	Отысканіе труповъ	173
XIX.	Плаваніе «Жаннетты»	180
XX.	Обратный путь	189
XXI.	Островъ Беннетта	205
XXII.	Ниндерманнъ и Норосъ	219
XXIII.	Среди якутовъ	237
XXIV.	Застигнутый потокомъ	250
XXV.	Конецъ путешествія	261

РИСУНКИ.

Члены экспедиціи для отысканія «Жаннетты», въ Якутскѣ. (На отдѣльномъ листѣ).	
Санная ѣзда на собакахъ. (На отдѣльномъ листѣ).	
Видъ Петропавловска	19
Фортъ св. Михаила. (Съ эскимосскаго рисунка)	31
Охотничья сцена. (Съ эскимосскаго рисунка)	37
Ловецъ. (Съ эскимосскаго рисунка)	39
Чайки съ попугаевиднымъ клювомъ. (Съ эскимосскаго рисунка)	41
Молодой чукча	45
Чукчи, подъѣзжающіе на лодкѣ къ «Роджерсу»	51

	стр.
Чукотская женщина за шитьемъ	54
Островъ Гаральдъ	56
Оставленіе документовъ на островѣ Гаральдъ	57
Моржи на льду	59
На границѣ вѣчнаго льда	73
Наша изба на Идлидлѣ	79
Постройка чукчами хижины	81
Чукотская хижина	83
Чукчи, ловящіе рыбу	85
Путь среди льдовъ	93
Гибель «Роджерса»	99
Одноглазый Рилей	100
Чукотскія дѣти: Пихъ-латъ и Сунъ-нэ	125
Среднеколымскъ	135
Казацкій острожокъ	140
Якуты-рыбаки	141
Перевозка ссыльныхъ	143
Внутренность дома старосты	145
Внутренность поварни	149
Сѣверный олень	151
Домъ Николая Чагры	152
Николай Чагра	153
Верхоянскъ	155
Спасенные изъ экипажа «Жаннетты» въ Якутскѣ	157
Находка покойниковъ	163
Открытіе трупа Делонга	165
Крестъ на общей могилѣ	175
Разрѣзъ могилы	—
Крестъ съ надписью	177
Могильный утесъ	179
Положеніе «Жаннетты» во время катастрофы	183
Планъ лагеря экипажа «Жаннетты»	185
Островъ Беннетта	211
Ниндерманнъ и Норосъ	223
Тунгусы	233
Кузьма	235
Якутскъ	239
Якутская лошадь	241
Буряты	243
Видъ на верхней Ленѣ	253
Бивуакъ въ лагунахъ Алдана	255
Сибирскій ландшафтъ	259
Золотые пріиски въ Витимскѣ	263
Генералъ Анучинъ	265
Байкальское озеро	267
Томскъ	270
Томскій городской голова	271
Нижній Новгородъ	272

ВАСИЛІЙ ПЕТРОВИЧЪ ПЕТРОВЪ.

Съ портрета, принадлежащаго Академіи Наукъ.

Дозв. ценз. Спб., 26 октября 1885 г.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"
въ 1886 году.
(СЕДЬМОЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться **въ 1886 году** на тѣхъ же условіяхъ и по той же программѣ какъ и въ предшествовавшіе шесть лѣтъ (1880—1885).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Съ январской книжки **«Историческаго Вѣстника»** начнется печатаніе историко-бытовой повѣсти **графа Е. А. Саліаса**, подъ заглавіемъ **«Свадебный бунтъ».**

Кромѣ того, изъ обширнаго собранія матерьяловъ, находящихся въ распоряженіи редакціи, въ первыхъ книжкахъ **«Историческаго Вѣстника» 1886 года**, будутъ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Отрывокъ изъ семейной хроники. **К. А. Бороздина.** — Алазанская долина. Изъ кавказскихъ воспоминаній. **Его-же.** — Прошлое и настоящее «свободныхъ художествъ» въ Россіи. **Ѳ. И. Булгакова.** — Воспоминанія артиста объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. **Ѳ. А. Бурдина.** — Нашъ солдатъ въ пѣсняхъ, поговоркахъ и сказаніяхъ. **И. Д. Бѣлова.** — Русскій казакъ въ Лондонѣ. **Н. А. Бѣлозерской.** — Баронъ Исай Петровичъ Шафировъ. **Ѳ. А. Бычкова.** — Шевченко въ Оренбургѣ. (По новымъ документамъ). **Е. М. Гаршина.** — Тамбовская украина въ XVII столѣтіи. **И. И. Дубасова.** — Амазонская рота при Екатеринѣ II. **Г. В. Есипова.** — Записки **Раф. Мих. Зотова.** — Представитель русскаго романтизма. **В. Р. Зотова.** — Общественная жизнь въ Англіи въ концѣ прошлаго столѣтія. **Его-же.** — Бѣлая дама. Историческій разсказъ. **Е. П. Карновича.** —

Кургановъ и его письмовникъ. **А. И. Кирпичникова.** — Княгиня Н. В. Долгорукая. **Д. А. Корсакова.** — Н. А. Кудрявцевъ и его потомство. **Его-же.** — Отрывокъ изъ воспоминаній. **Н. В. Кукольника.** — Архіерейское нареченіе и хиротонія. **Н. С. Лѣскова.** — Эпизодъ изъ жизни И. И. Введенскаго. **А. П. Милюкова.** — Дѣдъ Пушкина. **В. О. Михневича.** — Плѣнные англичане въ Россіи. **А. Н. Молчанова.** — Вѣчевой колоколъ. **Д. Л. Мордовцева.** — Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. **А. И. Незеленова.** — А. Ѳ. Писемскій по его собственнымъ автобіографическимъ замѣткамъ. **П. Н. Полеваго.** — Полубарскія затѣи. (Театры и крѣпостные актеры). **М. И. Пыляева.** — Е. И. Семенова. Очеркъ изъ исторіи русскаго театра. **А. Н. Сиротинина.** — Городъ Гродно и Гродненская губернія во время послѣдняго польскаго мятежа. **С. Т. Славутинскаго.** — Воспоминанія **графа В. А. Соллогуба.** — Въ горахъ и долинахъ русскаго Тянь-Шаня. **Н. В. Сорокина.** — Природа и человѣкъ въ Средней Азіи. **Его-же.** — Воспоминанія стараго литератора. **А. В. Старчевскаго.** — Среди скитницъ. **П. С. Усова.**

Большая часть названныхъ статей будетъ иллюстрирована рисунками, объясняющими текстъ и воспроизведенными съ наиболѣе достовѣрныхъ оригиналовъ.

Въ приложеніи къ первымъ тремъ книжкамъ **«Историческаго Вѣстника»** 1886 года будетъ напечатана оригинальная драма изъ древне-римской жизни **В. П. Буренина**, подъ заглавіемъ **«Смерть Агриппины»**. Обѣщанное для приложенія въ 1885 году, но не помѣщенное по недостатку мѣста, сочиненіе Сильвіо Пелико **«Мои темницы»** въ новомъ переводѣ **А. Н. Дьяконова и съ иллюстраціями**, будетъ непремѣнно напечатано въ 1886 году. Кромѣ того, для приложенія приготовленъ переводъ живыхъ и талантливыхъ очерковъ **Перваноглу** подъ заглавіемъ **«Историческія картины Византійскаго государства»**.

Главная контора **«Историческаго Вѣстника»**, въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **«Новаго Времени»**, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленіе конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ книжномъ магазинѣ **«Новаго Времени»**, Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

СЛУЖЕБНЫЕ, ДОЛЖНОСТНЫЕ И СОСЛОВНЫЕ ЗНАКИ ОТЛИЧІЙ ВЪ РОССІИ.

I.

РИ ВИДѢ какого нибудь краснокожаго дикаря, обвѣшаннаго побрякушками, съ пучкомъ перьевъ на головѣ, съ продѣтымъ сквозь губу кольцемъ, европейски-образованный человѣкъ подсмѣивается и удивляется такимъ выдумкамъ, которыя среди дикарей бываютъ очень часто не только суетными украшеніями, но и почетными знаками отличій. Несомнѣнно, впрочемъ, что и дикарь, въ свою очередь, посмѣется надъ многими такими же знаками, употребляемыми среди европейцевъ и имѣющими тождественный смыслъ. Въ сущности, однако, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ они имѣютъ свою не только общественную, но и государственную важность и бываютъ предметами честолюбивыхъ стремленій и разнородныхъ исканій. Желаніе чѣмъ либо преимуществовать передъ прочими свойственно каждому человѣку, такъ что лента черезъ плечо у европейскаго сановника, лишній шарикъ на шапкѣ китайскаго мандарина, какая нибудь раковина на шеѣ папуаса сохраняютъ одинъ и тотъ же смыслъ, т. е. всѣ они служатъ знакомъ отличія и того особаго почета, какимъ пользуется въ своей средѣ каждый, кто имѣетъ безспорное право носить ихъ.

Кромѣ особыхъ добавочныхъ украшеній, у европейцевъ покрой и цвѣтъ одежды, эполеты, петлицы, кантики, головные уборы и т. д. нерѣдко также бываютъ знаками отличій сана, званія, чина, должности и сословія, а также и какихъ нибудь особыхъ подвиговъ. Все это повелось искони. Такими знаками были, напримѣръ, у римлянъ императорскій пурпуръ и бѣлая тога сенаторовъ, зеленая чалма у магометанъ, желтые сапоги у славянскихъ князей и т. д. Къ такому разряду отличій слѣдуетъ отнести не только церковное облаченіе, но и обыкновенную одежду духовныхъ лицъ различныхъ исповѣданій; рыцарскіе шлемы, на которыхъ опущенное или поднятое забрало, а также число обручей, означало общественное положеніе рыцаря.

Иногда различія въ одеждѣ установлялись въ нѣкоторыхъ странахъ — а, между прочимъ, и у насъ въ Россіи — и въ отношеніи лицъ женскаго пола, для означенія ихъ общественнаго положенія по званію ихъ мужей или отцовъ. Мы, впрочемъ, не имѣемъ въ виду описывать такія различія собственно по одеждѣ, но намѣрены разсказать объ особыхъ знакахъ отличія, подразумѣвая здѣсь не только такъ называемые ордена, но и другіе предметы, которыми правительство старалось выдѣлить отличавшихся передъ нимъ лицъ изъ среды людей заурядныхъ.

Особенными и, какъ относительно общей обстановки и господствующихъ понятій, наиболѣе пышными знаками своего достоинства пользуются всюду представители верховной монархической власти, тогда какъ въ странахъ республиканскихъ знаки эти вообще употреблялись весьма рѣдко, а нынѣ и вовсе не употребляются. Такъ въ прежнее время дожъ, глава Венеціанской республики, носилъ особую шапку; нынѣ президентъ Французской республики носитъ только въ силу своего званія ленту Почетнаго Легіона, а президентъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ никакими знаками не выдѣляется изъ толпы. Знаками власти у европейскихъ государей служатъ: корона, порфира, скипетръ, держава и другіе предметы, носящіе общее названіе государственныхъ регалій, но рѣчь о нихъ не относится къ настоящей статьѣ.

Преимущественно же знаками отличія для частныхъ людей во всѣхъ европейскихъ государствахъ считаются, кромѣ одежды или мундировъ, ордена, т. е. кресты, звѣзды и ленты, медали, разные знаки за участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ особыхъ занятіяхъ по гражданской и общественной службѣ и благотворительной дѣятельности. Такіе знаки раздаются также въ память войнъ и для означенія лицъ, получившихъ какое либо высшее спеціальное образованіе. Нѣкоторые изъ такихъ знаковъ отличій бываютъ установлены для лицъ обоего пола, другіе только для мужчинъ, третьи — исключительно для женщинъ. Иные знаки отличія присвояются

или лицамъ свѣтскаго званія, или только лицамъ духовнаго исключительно, или же и тѣмъ и другимъ безразлично.

Всѣ такіе разнообразные знаки отличія, какъ равно въ нѣкоторыхъ случаяхъ и знаки для опредѣленія сословнаго или общественнаго положенія, въ достаточномъ изобиліи существуютъ и у насъ, въ Россіи. Едва ли даже въ какомъ либо другомъ современномъ государствѣ имѣется столько знаковъ отличія, сколько у насъ, въ особенности, если бы соблюдалась постепенность при ихъ раздачѣ. Такъ начиная съ младшаго ордена св. Станислава III степени и кончая орденомъ св. Андрея Первозваннаго, у насъ на одно и то же лицо впродолженіе службы можетъ приходиться: три пожалованія станиславскимъ орденомъ, четыре—анненскимъ; четыре—владимірскимъ, пять—георгіевскимъ, одно—орденомъ Бѣлаго Орла, два—орденомъ св. Александра Невскаго и два—св. Андрея Первозваннаго, такъ какъ два послѣднихъ ордена могутъ быть пожалованы или безъ украшеній, или съ алмазными украшеніями. Такимъ образомъ оказывается, что на долю одного лица можетъ приходиться до 21 орденскаго пожалованія. Въ дѣйствительности, однако, этого не бываетъ, такъ какъ ордена, большею частью, даются не въ порядкѣ ихъ старшинства и не при строгомъ соблюденіи въ степеняхъ каждаго ордена, но съ обходомъ этихъ условій, примѣнительно къ заслугамъ, чинамъ и должностямъ лицъ, ими награждаемыхъ. Тѣмъ не менѣе, въ теоріи такой случай возможенъ. Къ этому нужно прибавить знакъ отличія безпорочной службы, медали, вензеля, жалованные военные мундиры, «золотое оружіе»: шпаги, сабли, палаши съ анненскими и георгіевскими темляками, разные знаки въ память особенной службы или особыхъ событій, добавленіе ко всѣмъ орденамъ, кромѣ Георгія, мечей, бантовъ и бывшая въ недавнее время прибавка къ нѣкоторымъ орденамъ императорской короны. Мы не упоминаемъ здѣсь о званіяхъ флигель-адъютантскомъ, генералъ-адъютантскомъ, статсъ-секретарскомъ и камергерскомъ, хотя лица, получившія эти званія, получаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и право на особые знаки отличія, какъ-то: аксельбанты съ высочайшими вензелями, особые статсъ-секретарскіе знаки и золотые ключи. Если ко всему этому прибавить пенсіи на ордена, пенсіи за извѣстный срокъ службы, пенсіи особенныя и усиленныя, пенсіи за участіе въ какихъ нибудь правительственныхъ реформахъ; увеличеніе окладовъ содержанія; назначеніе денегъ: столовыхъ, квартирныхъ, добавочныхъ, прибавочныхъ, на воспитаніе дѣтей; подарки въ видѣ часовъ, перстней, табатерокъ и даже домовъ, единовременныя пособія и денежныя выдачи въ размѣрѣ годоваго, полугодоваго и третнаго оклада,—бываютъ также случаи денежныхъ выдачъ на поѣздки за границу, на леченіе, при переѣздѣ на новую квартиру, на роскошную отдѣлку казен-

ной квартиры и т. п. Мы не говоримъ уже здѣсь о чинахъ и почетныхъ титулахъ: баронскихъ, графскихъ и княжескихъ, о прибавкѣ какихъ нибудь изображеній въ дворянскіе гербы, о высочайшихъ милостивыхъ рескриптахъ и объявленіяхъ благоволенія, благодарностей и признательности какъ со стороны верховной власти, такъ и со стороны подлежащихъ начальствъ. Въ виду всего этого нельзя не убѣдиться, что едва ли гдѣ нибудь правительство имѣетъ столько, сколько у насъ, разнообразныхъ способовъ для вознагражденія служащихъ ему лицъ.

Въ прежнее время всякаго рода знаки отличія, въ особенности ордена, пользовались гораздо бо̀льшимъ почетомъ, чѣмъ нынѣ. Въ былую пору, напримѣръ, въ Россіи звѣзды носили даже на шубахъ и на шлафрокахъ, а кресты надѣвались при всякомъ хоть сколько нибудь подходящемъ случаѣ. Теперь же они надѣваются только при болѣе или менѣе торжественныхъ оказіяхъ или только для выраженія уваженія къ начальству и вообще почетнымъ лицамъ. Такой обычай обыкновенно объясняется равнодушіемъ къ суетнымъ отличіямъ, но это объясненіе не всегда бываетъ вѣрно, такъ какъ многіе честолюбивые люди только притворяются равнодушными, гоняясь въ душѣ за тѣмъ, къ чему они на словахъ относятся не только безразлично, но, повидимому, даже съ пренебреженіемъ. Можно сказать, что если въ нашъ положительный вѣкъ, подъ вліяніемъ разныхъ понятій, знаки отличія и очень упали въ цѣнѣ, то все же они не отжили окончательно своего времени не только у насъ, но и въ другихъ государствахъ, а въ отдаленныхъ отъ Европы странахъ, напримѣръ, въ Китаѣ и Японіи, только недавно появились по европейскому образцу ордена: въ первой—Дракона, а во второй—Восходящаго Солнца.

Нельзя не признать, что знаки отличія имѣли, да и въ настоящее время имѣютъ свое нравственное вліяніе, побуждая многихъ къ такому образу дѣйствій, какой по тѣмъ или другимъ соображеніямъ одобряло и одобритъ при извѣстныхъ условіяхъ высшее начальство или даже какое нибудь начальство. Несомнѣнно, что немало военныхъ подвиговъ было совершено у насъ изъ-за желанія получить георгіевскій крестъ, и немало было исполнено усидчивыхъ трудовъ по совѣщательной и по письменной и распорядительной части, а также и по части общественной благотворительности изъ-за желанія украситься какимъ либо знакомъ отличія.

Смотря съ этой точки зрѣнія на существующіе у насъ знаки отличія, любопытно будетъ прослѣдить историческіе поводы къ ихъ возникновенію, опредѣлить тотъ смыслъ, какой придавался имъ при ихъ учрежденіи, въ какомъ видѣ они появлялись и при какихъ условіяхъ они были раздаваемы иной разъ въ видѣ исключительной, а иногда болѣе или менѣе общей награды. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что знакомство со всѣмъ этимъ опредѣ-

ляетъ до извѣстной степени настроеніе высшаго правительства и обрисовываетъ нѣкоторые черты обычаевъ и нравовъ, господствовавшихъ въ ту или другую пору, какъ подъ вліяніемъ или умственнаго развитія общества, или подъ вліяніемъ историческихъ событій и, наконецъ, подъ вліяніемъ склада общественной жизни.

II.

Первое историческое извѣстіе о пожалованіи у насъ знаковъ отличія и притомъ, — какъ и слѣдовало ожидать,—за военные подвиги, а не за мирную гражданскую дѣятельность, относится къ 1460 году. Въ этомъ году, во время похода московской великокняжеской рати противъ Казани, устюжане, подъ предводительствомъ князя Даніила Ярославскаго и князя Василія Ухтомскаго, встрѣтили татарскія силы на берегахъ Волги и, послѣ упорной и кровопролитной сѣчи, пробились сквозь толпы непріятелей. Въ награду за это великій князь Иванъ III прислалъ «двѣ золотыя деньги» и нѣсколько шубъ и однорядокъ «лунскихъ», т. е. лондонскихъ. Надобно, однако, полагать, что золотыя деньги не понимались еще тогда, какъ знаки отличія, потому что устюжане отдали ихъ священнику за то, что онъ отслужилъ молебенъ за государя и православное воинство. Что же касается шубъ и однорядокъ, то онѣ могли служить не только пригодною одеждою, но и почетнымъ отличіемъ, тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи пожалованіе шубами сдѣлалось у насъ однимъ изъ весьма употребительныхъ знаковъ отличій.

Далѣе, подъ годомъ 1514 упоминается, что великій князь Василій II Ивановичъ, по взятіи Смоленска, пожаловалъ ратныхъ людей соболями, камками и «златыми деньгами». Золотыми и серебряными деньгами,—а по словамъ Карамзина, медалями,—были пожалованы въ 1553 году ратные люди, состоявшіе подъ предводительствомъ бывшаго казанскаго царя Шигъ-Алея, а также находившіеся подъ его начальствомъ мурзы и сотники за успѣшный походъ противъ Казани. Къ этимъ наградамъ была прибавлена раздача шубъ, тканей, доспѣховъ, коней и денегъ. Золотая деньга для ношенія на груди и богатая шуба въ 1552 году пожалована царемъ Иваномъ IV возвратившемуся изъ тридцатилѣтняго плѣна изъ Польши князю Булгакову-Голицѣ.

Въ 1557 году, дѣйствовавшіе успѣшно при усмиреніи мятежей, поднятыхъ татарами и черемисами въ казанскихъ предѣлахъ, ратные люди получили отъ царя «золотыя деньги»,—«лестную для того времени награду,—объясняетъ Карамзинъ,—ими украшали витязи свою грудь, вмѣсто нынѣшнихъ крестовъ орденскихъ». Оказывается, однако, что знаменитый историкъ основывался въ настоящемъ случаѣ не на положительныхъ свѣдѣніяхъ, а только на догадкѣ, такъ

какъ пожалованныя золотыя и серебряныя деньги русскіе служилые люди носили не на груди, а на шапкахъ или на правомъ рукавѣ, выше локтя. Въ 1558 году, золотыя деньги были посланы отъ государя воеводамъ князю Ѳеодору Троекурову и Данилѣ Адашеву за взятіе, во время войны съ Ливонскимъ орденомъ, Нейшлоса, Адежа и Нейгаузена. Тотъ же Адашевъ и нѣкоторые изъ его со товарищей-воеводъ получили золотыя деньги и въ 1559 году за отраженіе шедшаго на Москву крымскаго хана Девлетъ-Гирея. Розданы были также «золотыя» и въ 1564, и 1566 годахъ тѣмъ воеводамъ, которые одержали побѣды въ Ливоніи.

Подъ годомъ 1577 упоминается о пожалованіи Богдану Бѣльскому «золотаго португальскаго на чепь золоту»; Черемисову «золотаго угорскаго», а дворянамъ по «золотой ноугородкѣ», инымъ по «московкѣ золотой», а инымъ по «золоченой».

Около этого времени раздаваемые воеводамъ «золотые» нѣкоторые изъ награждаемыхъ стали носить на золотыхъ цѣпяхъ, или цѣпочкахъ, смотря по величинѣ «золотыхъ», которые были чаще всего золотыя монеты иностраннаго чекана, почему онѣ и назывались въ старину то «деньгами», то просто «золотыми». Иногда такія деньги съ пояснымъ на нихъ изображеніемъ государя были биты нарочно въ Москвѣ и назывались «московками». Нѣсколько ихъ образцовъ разнаго размѣра сохранялись въ извѣстномъ нѣкогда собраніи древностей, принадлежавшемъ графу А. И. Мусину-Пушкину, но они исчезли во время взятія Москвы французами.

«Золотые», какъ сообщаетъ князь Курбскій, бывали — хотя и очень рѣдко — жалованы также и дьякамъ, состоявшимъ при награждаемомъ воеводѣ.

При преемникѣ Ивана Грознаго, царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, награда «деньгами» была также въ употребленіи. Такъ, въ 1591 году, царь отправилъ стольника Романова-Юрьева спросить высылаемое противъ крымцевъ войско «о здравіи» и приказалъ «подать» Мстиславскому и Годунову «золотые португальскіе», а инымъ «корабельники» и «червонцы венгерскіе». Въ то же время на Бориса Годунова онъ надѣлъ съ своего плеча «шубу русскую» съ золотыми пуговицами въ тысячу тогдашнихъ рублей, а также золотую цѣпь, которую онъ снялъ съ себя. Такъ какъ цари носили цѣпь съ крестомъ, то, вѣроятно, и Годуновъ получилъ въ награду уже не деньгу, а крестъ.

По разсказу одного иностранца, въ Московскомъ государствѣ за славнѣйшій подвигъ давалась только маленькая золотая монета съ изображеніемъ св. Георгія.

При бракосочетаніи мнимаго Димитрія съ Мариною Мнишекъ упоминается о медаляхъ съ двуглавымъ орломъ, которыя бросалъ въ народъ князь Мстиславскій при выходѣ обвѣнчанной четы изъ

Благовѣщенскаго собора, но, какъ надобно полагать, медали эти не назначались для ношенія въ видѣ знака отличія.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій отправилъ въ 1609 году золотыя деньги воеводамъ, дѣйствовавшимъ противъ приверженцевъ втораго самозванца, но, прежде чѣмъ успѣли дойдти эти знаки по ихъ назначенію, воеводы разбѣжались изъ-подъ царскихъ знаменъ, и сановникъ, везшій награды, не могъ никому раздать ихъ.

Награды «деньгàми» записывались въ «Разрядѣ». Награды шубами и одеждою постепенно учащались и замѣнили награду деньгами. Запасъ шубъ, а также парчевыхъ и атласныхъ кафтановъ у великихъ князей московскихъ былъ большой, и въ торжественныхъ случаяхъ ихъ давали надѣвать царедворцамъ, а потомъ прятали снова въ сундуки. Для храненія царской одежды были устроены особыя кладовыя, занимавшія въ Москвѣ цѣлую улицу. Тѣ изъ царедворцевъ, которые пользовались особымъ благоволеніемъ государя, получали изъ этого запаса одежду въ полную собственность, причемъ особенно цѣнилась одежда съ царскаго плеча, т. е. уже ношенная государемъ.

Шубы были пожалованы: возвратившемуся изъ литовскаго плѣна князю Булгакову-Голицѣ. Въ 1552 году, царь пожаловалъ князя Владиміра Андреевича нѣсколькими шубами, а бояръ, воеводъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ наградилъ одеждою съ своего плеча, бархатами и соболями. Жалованы были шубы за ливонскую войну въ 1558 году. Въ 1563 году, Иванъ IV, по взятіи Полоцка, жаловалъ иноземцамъ, состоявшимъ въ королевской службѣ и взятымъ въ плѣнъ, нарядныя шубы; ихъ оказалось болѣе 500 человѣкъ, шубы были «собольи подъ златомъ».

Свѣдѣній о пожалованіи «деньгами» золотыми и серебряными въ послѣдующее за тѣмъ время не встрѣчается, но въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны знаменитый въ ту пору князь Василій Васильевичъ Голицынъ былъ награжденъ золотою медалью, за крымскій походъ, хотя и неудачный. Пожалованіе шубами и одеждами прекратилось со временъ Петра I.

III.

Петръ I хотя и учредилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, но по тому важному значенію, какое получилъ неизвѣстный до того времени въ Россіи новый видъ награды, андреевскій орденъ былъ доступенъ только высшимъ лицамъ, низшихъ же лицъ Петръ началъ жаловать медалями. Такъ, 20-го іюня 1719 года, онъ далъ президенту монетной канцеляріи слѣдующій указъ:

«Господинъ президентъ! По полученіи сего, отпишите въ Москву, дабы на монетномъ дворѣ немедленно сдѣлали монетъ зо-

лотыхъ для раздачи морскимъ офицерамъ, которые взяли три шведскіе военные корабля, мая въ 24-й день сего 1719 года, а именно числомъ всѣхъ 67 разныхъ сортовъ, и велите у всѣхъ сдѣлать на одной сторонѣ баталію морскую, а на другой обыкновенную нашу персону».

Неизвѣстно, даны ли были эти монеты только въ видѣ денежнаго подарка, или же въ видѣ знака отличія для ношенія на груди или на шеѣ. Слѣдуетъ, однако, предполагать, судя по старинному русскому обычаю, что онѣ имѣли послѣднее назначеніе, т. е., что получившіе эти монеты могли ихъ носить на шапкѣ или на рукавѣ.

Послѣ того никакихъ извѣстій о раздачѣ медалей не встрѣчается до 1760 года. Въ этомъ году императрица Елисавета приказала выбить медали для раздачи ихъ воинскимъ чинамъ въ память побѣды, одержанной надъ королемъ прусскимъ подъ Франкфуртомъ, 1-го августа 1759 года.

Императрица Екатерина II нѣсколько разъ награждала свои войска медалями. Такъ, въ 1770 году, были пожалованы медали всѣмъ нижнимъ воинскимъ чинамъ, бывшимъ въ сраженіи при озерѣ Кагулѣ, а вскорѣ послѣ того, въ томъ же году розданы были серебряныя медали всѣмъ нижнимъ морскимъ чинамъ за истребленіе турецкаго флота при Чесмѣ. Въ 1787 году, нижнимъ чинамъ, выслужившимъ въ легкой кавалеріи свыше пятнадцати лѣтъ, розданы были золотыя и серебряныя медали. Въ 1789 году, золотыя медали даны были всѣмъ офицерамъ, участвовавшимъ въ штурмѣ Очакова. Въ 1790 году, розданы были медали сухопутному и морскому войскамъ за войну со шведами. Особые золотые знаки установлены были за Измаильскій штурмъ, а въ силу изданнаго въ 1793 году милостиваго манифеста награждены были нижніе воинскіе чины серебряными медалями для ношенія въ петлицѣ на голубой лентѣ, участвовавшіе въ войнѣ съ турками, прекращенной Кайнарджійскимъ миромъ. За штурмъ Праги розданы были штабъ и оберъ-офицерамъ золотыя, а нижнимъ чинамъ серебряныя медали.

Императоръ Павелъ, столь щедрый на награды всякаго рода не установилъ никакихъ медалей, даже походъ русскихъ въ Италію и Швейцарію остался для войска безъ всякой общей награды. Вѣроятно, онъ поступилъ такъ изъ нежеланія совпадать въ этомъ случаѣ съ распоряженіями своей матери, ознаменовавшей свое царствованіе рядомъ такихъ наградъ.

Преемникъ его Александръ I также не учреждалъ до 1813 года никакихъ медалей, но въ замѣнъ ихъ жаловалъ особые знаки въ видѣ крестовъ. Такой золотой знакъ былъ установленъ имъ для офицеровъ, отличившихся въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, и за

Базарджійскій штурмъ, за что нижнимъ чинамъ были розданы золотыя медали.

Затѣмъ въ упомянутомъ году для воинскихъ чиновъ, дворянъ и купечества, были учреждены въ память войны 1812 года темно-бронзовыя медали, а для духовенства особые наперстные кресты, тоже темно-бронзовые. При этомъ дозволено было медали эти носить и лицамъ женскаго пола, старѣйшимъ въ дворянскихъ семействахъ. Ленты при медаляхъ были различны: для дворянъ была назначена владимірская, а для купцовъ—анненская лента. Духовныя лица должны были носить полученные ими, взамѣнъ медалей, кресты на владимірской лентѣ. Относительно медалей за войну 1812 года возбуждался вопросъ о наслѣдственномъ ихъ ношеніи, но это было неосновательно, такъ какъ въ томъ указѣ, при которомъ онѣ были препровождены, говорится только «о сохраненіи ихъ въ родѣ», т. е. что ихъ по смерти получившаго не слѣдуетъ возвращать въ казну.

Въ царствованіе императора Николая Павловича было учреждено много медалей, а именно: за персидскую войну, за Наваринское сраженіе, за турецкую войну 1828 — 1829 годовъ, за взятіе Варшавы, за усмиреніе польскаго мятежа, за усмиреніи Венгріи и нѣсколько медалей въ память особенно блестящихъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. Кромѣ того, были раздаваемы медали и по особымъ еще случаямъ: за участіе при сооруженіи памятника Александру I, за перестройку Зимняго дворца послѣ пожара.

При императорѣ Александрѣ II Николаевичѣ учреждены были медали бронзовыя въ память войны въ 1853—1856 года, серебряныя за защиту Севастополя, за труды по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, за усмиреніе польскаго мятежа 1863 года и въ память войны 1877—1878 годовъ.

При коронаціи нынѣ царствующаго государя-императора была установлена темно-бронзовая медаль на андреевской лентѣ.

Независимо отъ этого, у насъ раздаются медали: «за усердіе», «за полезное» и за «спасеніе погибавшихъ» какъ серебряныя, такъ и золотыя на орденскихъ лентахъ, опредѣляемыхъ каждый разъ при пожалованіи медали. Установлены также медали и за успѣшное оспоприviваніе, на зеленой лентѣ. Медали, хотя бы и золотыя и на андреевской лентѣ, раздаются безъ всякихъ украшеній, но былъ одинъ случай, когда императоръ Николай Павловичъ, по просьбѣ одного купца, помнится, Овсянникова, дозволилъ пожалованную ему золотую медаль украсить, на его собственный счетъ, бриліантами. Были также примѣры пожалованія медалей, украшенныхъ бриліантами, иностраннымъ артистамъ. Въ 1800 году были учреждены особыя медали для награжденія ими исключительно фабрикантовъ, поставлявшимъ въ казну сукна выше того количества, которое было обязательно для каждаго изъ нихъ.

Сверхъ медалей, существуютъ у насъ еще особые знаки отличія, какъ бы занимающіе мѣсто между ними и орденами. Къ числу такихъ знаковъ принадлежали милиціонные кресты 1806 года и ополченскіе кресты 1854 года. Въ первомъ случаѣ кресты для офицеровъ и генераловъ были замѣнены золотыми медалями, а въ послѣдующемъ они обращены были въ знаки для ношенія на груди. Учреждены были серебряныя знаки, въ видѣ крестовъ, одинаковыхъ по размѣру и по виду, но съ различными надписями, за участіе въ трудахъ по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Наиболѣе приближающійся знакъ къ ордену, столь излюбленный нашимъ купечествомъ,—крестъ св. Нины; онъ, какъ знакъ ревнителей по возстановленію на Кавказѣ православія, носится въ видѣ ордена, на лентѣ лиловаго цвѣта и имѣетъ нѣсколько степеней. Учрежденъ также знакъ Краснаго Креста, на который получали право лица обоего пола, участвовавшіе въ дѣятельности общества, носящаго это названіе. Былъ въ 1883 году учрежденъ особый коронаціонный знакъ. Существуютъ особые знаки для означенія флигель-адъютантскаго, генералъ-адъютантскаго, статсъ-секретарскаго и камергерскаго званія. Первые знаки состоятъ изъ изображенія вензеля государя, а послѣдній представляетъ золотой ключъ на бантѣ изъ андреевской ленты, пришпиливаемомъ къ поясницѣ. Особые знаки присвоены окончившимъ курсъ въ академіяхъ: военной, инженерной, юридической и военно-медицинской, морской и художествъ и въ институтѣ путей сообщенія и т. д.

Наибольшею извѣстностію изъ всѣхъ знаковъ отличія пользовался нѣкогда, такъ называемый, знакъ отличія безпорочной службы, въ просторѣчіи называвшійся «пряжкою». Въ настоящее время знакъ этотъ сдѣлался рѣдкостью. Императоръ Николай Павловичъ учредилъ его въ день своей коронаціи 26-го августа 1826 года и предназначилъ раздать на первый разъ тѣмъ военнымъ и гражданскимъ чинамъ, которые къ этому дню безпорочно прослужили пятнадцать лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ, и затѣмъ за каждое вновь выслуженное пятилѣтіе измѣнялась римская цифра, помѣщаемая въ вѣнкѣ изъ лавра и дуба. Полученіе пряжки было предоставлено и тѣмъ лицамъ, которые и послѣ учрежденія упомянутаго знака выслуживали безпорочно пятнадцать лѣтъ. Въ 1856 году, императоръ Александръ Николаевичъ, не отмѣнивъ вовсе этого знака отличія, повелѣлъ давать его только за безпорочную выслугу сорока лѣтъ, такъ что теперь этотъ знакъ поставленъ выше ордена св. Владиміра, даваемаго за безпорочную выслугу только тридцати пяти лѣтъ.

Въ ближайшее къ намъ время, именно съ 1861 года, были установлены особые золотые и серебряные, не бывшіе прежде у насъ въ употребленіи, знаки на такихъ же цѣпяхъ и цѣпочкахъ. Такой знакъ прежде всего былъ примѣненъ къ должности мировыхъ су-

дей, а также къ лицамъ, занимающимъ нѣкоторыя мѣста по городскому общественному управленію. Одно время у насъ предполагалось снабдить лицъ, занимающихъ нѣкоторыя исполнительныя должности, шарфами государственныхъ цвѣтовъ по французскому образцу.

Въ дополненіе ко всему этому у насъ съ 1856 года введены были на фуражки кокарды сперва для военныхъ офицеровъ, потомъ для гражданскихъ чиновниковъ и, наконецъ, для нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Что касается женскаго пола, то и принадлежащія къ нему лица могутъ получать различные знаки отличія, кромѣ собственно для нихъ установленныхъ, какъ-то: крестовъ, жалуемыхъ монашествующимъ лицамъ, и маріинскаго знака, установленнаго за службу при нѣкоторыхъ учрежденіяхъ,—знаки Краснаго Креста, медали на орденскихъ лентахъ, раздаваемыхъ лицамъ женскаго пола за благотворительную ихъ службу при дѣйствующихъ войскахъ, а одна дѣвица, Дурова, писавшая подъ именемъ Александрова, получила за участіе въ войнѣ 1812 года знакъ отличія военнаго ордена.

IV.

Среди православнаго духовеиства какъ вообще, такъ и въ Россіи не существовало въ прежнее время знаковъ отличій, и духовные отличались отъ міранъ только одеждою вообще, а въ своей средѣ по степени, занимаемой ими въ церковной іерархіи, покроемъ облаченія и нѣкоторыми его принадлежностями. Такъ, до Петра I только патріархи носили саккосы, а всѣ архіереи—обыкновенныя священническія ризы. Петръ I, назначивъ Яворскаго блюстителемъ патріаршаго престола, предоставилъ ему право носить саккосъ. Впослѣдствіи Екатерина II стала жаловать такое право митрополитамъ и другимъ архіереямъ, а къ концу XVIII столѣтія такое облаченіе сдѣлалось общимъ достояніемъ всѣхъ архіереевъ. Точно также и бѣлый клобукъ, бывшій нѣкогда головнымъ уборомъ только нѣкоторыхъ митрополитовъ, сдѣлался теперь общею принадлежностью всѣхъ митрополитовъ, какъ панагіи сдѣлались знакомъ епископскаго сана вообще. При церковномъ богослуженіи знаками этого сана служатъ: митры, лиловая мантія, рипиды, дикиріи, трикиріи и изображенія орловъ на круглыхъ коврикахъ, постилаемыхъ на пути архіерею, совершающему литургію. Митра и дикиріи предоставляются, впрочемъ, какъ почетный знакъ отличія, не только архіереямъ, но и протопресвитерамъ и даже протоіереямъ, въ видѣ особой награды. Въ прежнее время крестъ на верху митры былъ исключительно знакомъ патріаршаго сана, но потомъ знакъ этотъ, хотя и рѣдко, предоставлялся нѣкоторымъ рус-

скимъ іерархамъ. Знакомъ архіерейскаго сана служитъ также архіерейскій посохъ, который, впрочемъ, съ надлежащаго разрѣшенія употребляютъ и архимандриты, и игумены. Среди монашества отличительнымъ знакомъ архіерейскаго сана внѣ церковной службы бываетъ свѣтлая ряса. Хотя у насъ архіереи до сихъ поръ поставляются только изъ чернаго духовенства, но такъ какъ по церковнымъ уставамъ необязательно, чтобы епископъ былъ непремѣнно изъ этой среды, но онъ можетъ быть и изъ бѣлаго духовенства, то въ ознаменованіе этого архіерей, нося монашескій клобукъ, имѣетъ право не носить монашескаго чернаго одѣянія, но можетъ надѣвать свѣтлую рясу.

Особыми знаками отличій за личныя заслуги лицъ духовнаго званія у насъ служатъ: жалуемые на монашескіе клобуки алмазные кресты, панагіи, осыпанныя брилліантами и драгоцѣнными камнями, наперсные кресты, установленные исключительно для духовенства: скуфьи, камилавки, палицы, набедренники и общіе мірскіе знаки отличія: ленты, звѣзды, кресты и медали. Еще въ 1880 году, въ одной изъ нашихъ статей подъ заглавіемъ: «О свободѣ богослуженія по старообрядческому чину», намъ приходилось указывать на несовмѣстность сочетанія свѣтскихъ знаковъ отличій съ церковнымъ облаченіемъ. При этомъ мы замѣчали, что появленіе священно-служителей съ крестами измышленнаго образца и съ добавкою къ нимъ неподходящихъ украшеній неизбѣжно должно отдалять нашихъ старовѣровъ отъ обрядовъ православной церкви. Въ нынѣшнемъ же году постановлено, чтобы духовныя лица при отправленіи богослуженія слагали съ себя мірскіе знаки отличія, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ.

До царствованія императора Павла духовенство въ Россіи, какъ православное, такъ равно и иновѣрное, не получало никакихъ знаковъ отличій не только свѣтскихъ, но и такихъ, которые по своему внутреннему смыслу могли считаться подходящими къ епископскому или священно-служительскому сану.

Павелъ I впервые пожаловалъ знакъ высшаго свѣтскаго отличія--орденъ св. Андрея Первозваннаго митрополиту Платону (Левшину), который съ своей стороны отказывался принять такое пожалованіе и уступилъ императору послѣ сильныхъ и даже, какъ говоритъ одинъ современникъ, послѣ запальчивыхъ съ нимъ пререканій:—«Съ вами, ваше преосвященство, не сговоришься!»—заключилъ свой разговоръ императоръ, сердито топая ногою.

Возложивъ орденскій знакъ на упрямаго владыку, Павелъ Петровичъ пошелъ далѣе въ раздачѣ такихъ знаковъ отличій и бѣлому, и черному духовенству. Онъ, какъ извѣстно, увлекшись исторіею мальтійскихъ рыцарей, усвоилъ себѣ самыя свѣтлыя понятія о рыцарствѣ и признавалъ это учрежденіе исполненнымъ высокимъ христіанскимъ духомъ. Поэтому съ его точки зрѣнія не

представлялось нисколько страннымъ, если духовное лицо вступало въ среду такого общества, обѣтомъ котораго было: твердая вѣра въ Бога, защита угнетенныхъ, помощь бѣднымъ и страждущимъ, воздержаніе и другія христіанскія добродѣтели. Тѣмъ болѣе все это могло примѣниться къ ордену, учрежденному въ честь св. Андрея Первозваннаго, считающагося первымъ христіанскимъ просвѣтителемъ православной Руси.

Кромѣ того, Павелъ I установилъ особые знаки отличія для бѣлаго духовенства.

Но если такими соображеніями можно доказать умѣстность пожалованія духовныхъ лицъ русскими орденами, то все же нельзя не видѣть странности въ другихъ пожалованіяхъ. Такъ, при учрежденіи въ Россіи командорства Мальтійскаго ордена, въ основѣ котораго была положена при его учрежденіи покорность папскому престолу, императоръ Павелъ сталъ жаловать этотъ орденъ и монашествующимъ лицамъ православнаго исповѣданія. Въ его время сдѣлано было обязательнымъ ношеніе кавалерскихъ или рыцарскихъ епанчей, или мантій. Поэтому православные архіереи являлись въ надѣтыхъ, поверхъ ихъ рясъ, черныхъ рыцарскихъ мантіяхъ, съ бѣлымъ восьми-угольнымъ крестомъ на лѣвой сторонѣ, и исполняли, наравнѣ съ другими кавалерами этого ордена, нѣкоторые религіозно-рыцарскіе католическіе обряды, какъ, напримѣръ, зажиганіе костровъ наканунѣ дня Іоанна Крестителя.

Архіереи изображали себя на портретахъ въ кавалерскихъ мантіяхъ, и одинъ изъ такихъ портретовъ — портретъ епископа Иринея Клементьевскаго — подалъ поводъ думать, что шнуры къ мантіи ордена Александра Невскаго изображаютъ аксельбантъ, и породилъ разсказъ, будто Павелъ пожаловалъ этого іерарха въ званіе своего генералъ-адъютанта.

Сохранилось извѣстіе, что императоръ Николай Павловичъ хотѣлъ пожаловать бывшему митрополиту новгородскому и с.-петербургскому, Серафиму, особый, не бывшій еще у насъ вовсе знакъ отличія не только для духовныхъ, но и для свѣтскихъ сановниковъ, а именно онъ намѣревался, взамѣнъ обыкновенной архіерейской мантіи, пожаловать ему бархатную княжескую мантію пурпуроваго цвѣта, подбитую горностаемъ.

Очень многіе изъ монашествующихъ лицъ, занимавшихъ у насъ митрополичьи и архіепископскія каѳедры, достигали высшей степени отличія — знаковъ ордена св. Андрея Первозваннаго, украшенныхъ бриліантами. Изъ бѣлаго же духовенства достигъ наиболѣе высокой награды, ордена св. Владиміра 1-й степени, бывшій духовникъ покойнаго императора Александра II Николаевича, протопресвитеръ Бажановъ. Какъ говорятъ, ему, ко дню пятидесятилѣтняго юбилея его священства, предназначался орденъ св. Ан-

дрея Первозваннаго, но онъ не дожилъ нѣсколькихъ дней до полученія этой награды.

Изъ іерарховъ русско-католической церкви андреевскій орденъ имѣлъ давно уже умершій архіепископъ могилевскій, митрополитъ всѣхъ католическихъ церквей въ Россіи, Сестренцевичъ. Здѣсь кстати будетъ замѣтить и объ особомъ почетномъ отличіи для лицъ, занимающихъ эту каѳедру. Императоръ Павелъ желалъ, чтобы, по примѣру нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ, Россія имѣла въ лицѣ первенствующаго въ ней архіепископа могилевскаго, или митрополита, особу съ званіемъ кардинала, и онъ вошелъ съ папою въ переписку по этому предмету. Не смотря на взаимныя, самыя пріязненныя въ ту пору отношенія русскаго императора съ папою, римскій дворъ никакъ не рѣшался удовлетворить желаніе Павла, опасаясь, что въ Россіи кардиналъ не будетъ пользоваться тѣмъ чрезвычайнымъ почетомъ, какой присвоенъ въ католическихъ государствахъ князьямъ римской церкви, т. е. кардиналамъ. Тогда императоръ приказалъ прямо отъ себя митрополиту Сестренцевичу облечься въ кардинальскій пурпуръ, а съ своей стороны папа, желая остаться въ дружественныхъ отношеніяхъ къ русскому государю, утвердилъ, хотя и неохотно, такое одѣяніе за католическимъ митрополитомъ въ Россіи и его преемниками, не предоставляя, однако, имъ званія кардинала.

Въ прежнее время принятіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, и ношеніе иностранныхъ орденовъ лицами духовнаго чина православнаго исповѣданія вовсе не допускалось. Первое въ этомъ случаѣ исключеніе сдѣлано было для греческаго ордена Спасителя, но въ настоящее время такое разрѣшеніе распространено на всѣ иностранные ордена и, вѣроятно, теперь оно не могло бы встрѣтить препятствія и въ отношеніи орденовъ, жалуемыхъ магометанскими государями, въ виду того, что православные восточные патріархи украшаются ими.

V.

Высшимъ знакомъ отличія какъ для военныхъ, такъ равно и гражданскихъ сановниковъ считается нынѣ портретъ государя императора, носимый въ петлицѣ или на груди, на бантѣ изъ андреевской ленты. Лишь очень немногіе сановники удостоиваются полученія такой награды, свидѣтельствующей какъ о государственныхъ заслугахъ получающаго ее, такъ и объ отмѣнномъ личномъ расположеніи государя. Такой портретъ, рамка котораго бываетъ украшена брилліантами съ императорскою короною, даруется обыкновенно только послѣ полученія андреевскаго ордена съ брилліантами. Въ текущемъ столѣтіи только одинъ разъ не была соблюдена такая послѣдовательность, а именно послѣ отказа графа Арак-

чеева отъ андреевской ленты, онъ получилъ портретъ императора Александра I. Портретъ этотъ въ простой золотой рамкѣ онъ носилъ на шеѣ, не надѣвая никакихъ другихъ имѣвшихся у него знаковъ отличій.

Ношеніе государскихъ портретовъ было извѣстно въ Москвѣ еще въ исходѣ XVII столѣтія. Посланный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Венецію, выѣхавшій изъ Константинополя въ Москву, греческій монахъ Іоанникій Лихуда для переговоровъ съ Венеціанскою республикою о союзѣ противъ турокъ, въ бытность свою въ Вѣнѣ, пріобрѣлъ особенное расположеніе римско-нѣмецкаго императора Леопольда I, который, въ знакъ своего благоволенія къ Лихудѣ, пожаловалъ ему свой портретъ, осыпанный бриліантами на золотой цѣпи для ношенія на шеѣ. Портретъ этотъ, или такъ называвшаяся въ тогдашней Москвѣ «парсуна», т. е. персона, сдѣлался тамъ предметомъ общаго уваженія; такая награда осталась безъ подражанія, по всей вѣроятности, вслѣдствіе того, что въ Москвѣ не было искусныхъ живописцевъ. Собственно только Петръ I началъ жаловать свои «портреты». Ихъ имѣли нѣкоторые близкіе къ государю сановники, какъ, напримѣръ, князь Димитрій Кантеміръ, князь Меньшиковъ и графъ Головкинъ. Пожалованъ былъ «царскій портретъ» и царскому коммиссару Никитѣ Демидову, но, вѣроятно, портретъ этотъ былъ не нарисованный, а выбитый на медали. Петръ I пожаловалъ также свой портретъ для ношенія на золотой цѣпи храброму коменданту Келину, защищавшему Полтаву отъ шведовъ.

Послѣ Петра I наступило время царствованія особъ женскаго пола, и въ эту пору пожалованіе портретами было весьма подходящею наградою, особенно въ отношеніи нѣкоторыхъ лицъ. Императоръ Павелъ и Александръ I также жаловали свои портреты, но всего болѣе было такихъ наградъ въ царствованіе императора Николая Павловича. Императоръ Александръ II Николаевичъ пожаловалъ нѣсколько портретовъ съ своимъ изображеніемъ и съ изображеніемъ своего покойнаго родителя тѣмъ, которые еще въ царствованіе этого послѣдняго занимали высокія должности.

Для лицъ женскаго пола также со времени Петра I были установлены портреты съ изображеніемъ на нихъ императрицы Екатерины I. Впрочемъ, портреты эти для ношенія на лѣвомъ плечѣ на андреевской лентѣ выдавались и выдаются собственно не въ видѣ награды, но для означенія почетнаго званія — званія статсъ-дамы. Въ прежнихъ записяхъ дамы, украшенныя такимъ знакомъ отличія, назывались обыкновенно «портретными» дамами. Названіе это заимствовано было отъ французскаго выраженія — «la dame à portrait».

Что касается собственно ордена святой великомученицы Екатерины, учрежденнаго исключительно для лицъ женскаго пола, то

орденъ этотъ жалуется по двумъ поводамъ: или во вниманіе къ личнымъ достоинствамъ жалуемой, какъ, напримѣръ, гофмейстеринамъ, игуменьямъ монастырей или начальницамъ высшихъ учебныхъ заведеній, или — что̀ бываетъ чаще — во вниманіе къ заслугамъ мужа. Не смотря на установленіе екатерининскаго ордена собственно только для лицъ женскаго пола, его со времени учрежденія имѣлъ однажды и мужчина, а именно князь Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ, любимецъ императора Петра II. Но, при ссылкѣ въ Сибирь, онъ былъ лишенъ этого знака. Собственно «кавалеровъ» этого ордена быть не можетъ, но, тѣмъ не менѣе, въ царствованіе Екатерины II знаменитую княгиню Екатерину Романовну Дашкову именовали въ дѣловыхъ бумагахъ, да и сама она подписывалась—«кавалеръ ордена св. великомученицы Екатерины».

Екатерининскій орденъ, или орденъ Освобожденія, имѣетъ двѣ степени; большаго и малаго креста. При большомъ крестѣ носится черезъ правое плечо красная лента съ серебряною каймою и серебряная звѣзда. Самые же знаки ордена представляютъ большой бѣлый финифтяный крестъ, въ центрѣ котораго находится меньшій крестъ, украшенный золотыми лучами, между спицами котораго изображены четыре латинскія буквы: D. S. F. R., означающія начала 19 псалма на латинскомъ языкѣ: «Domine, salvum fac regem», т. е. «Боже, спаси царя»! Крестъ этотъ носится на лѣвомъ плечѣ на бантѣ изъ орденской ленты, на которомъ изображенъ серебряными буквами орденскій девизъ: «за любовь и отечество». Въ срединѣ звѣзды въ кругломъ щитѣ краснаго цвѣта помѣщенъ серебряный крестъ въ такомъ же полукружіи, и въ окружности изображенъ золотыми буквами приведенный выше орденскій девизъ.

Орденскій знакъ обѣихъ степеней совершенно одинаковъ по виду, и разница заключается только въ размѣрѣ крестовъ. Крестъ же начальницы ордена, или «орденмейстера», отличается отъ всѣхъ какъ величиною, такъ и богатствомъ украшеній. Кресты первой степени украшаются бриллiантами, а кресты второй — алмазами.

Одѣяніе кавалерственныхъ дамъ дѣлается изъ бѣлаго глазета, по мѣстамъ оно вышивается золотомъ и украшается золотыми шнурами и кистями; шлейфъ зеленый, бархатный, а шлейфы какъ у великихъ княгинь и у великихъ княженъ, такъ и у принцессъ «верховныхъ домовъ» должны быть длиннѣе прочихъ, а у ея императорскаго величества и ихъ длиннѣе. Шляпы у всѣхъ дамъ полагаются изъ зеленаго бархата, на нихъ полукружіе: у императрицы алмазное съ яхонтами и болѣе другихъ, у великихъ княгинь и великихъ княженъ и у принцессъ королевскихъ домовъ съ алмазами, а у прочихъ вышитое серебромъ. При орденскомъ одѣяніи императрица имѣетъ на плечахъ мантію изъ зеленаго бархата, подбитую горностаемъ.

Со времени учрежденія ордена кавалерственными дамами могутъ быть только особы «дворянскаго достоинства», подразумѣвая, конечно, что такое достоинство онѣ имѣютъ не только по браку, но и по рожденію.

Съ пожалованіемъ этого ордена можетъ быть соединена и особая выгода, такъ какъ шесть старѣйшихъ по времени пожалованія дамъ имѣютъ до 2,320 рублей серебромъ ежегодной пенсіи.

Обязанности всѣхъ дамъ большаго креста и кавалерственныхъ состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Благодарить Бога во вся дни за милостивыя освобожденія, дарованныя императору Петру Великому. 2) Молить ежедневно Бога о соблюденія священныя особы государя императора, о здравіи его и многолѣтствѣ всей императорской фамиліи. 3) Въ томъ же намѣреніи въ каждый воскресный день прочитывать трижды молитву: «Отче нашъ» въ честь святой Троицы. 4) Трудиться, сколько возможно, о обращеніи нѣсколькихъ невѣрныхъ къ благочестивой православной вѣрѣ добродушными способами и увѣщаніями, но отнюдь не какимъ либо угроженіемъ или побужденіемъ. 5) Освобождать одного христіанина изъ порабощенія варварскаго на свои собственныя деньги.

Каждая дама, при пожалованіи ея орденомъ св. Екатерины, должна учинить торжественное обѣщаніе — пребыть вѣрною императорскому величеству и никогда не сообщаться въ умыслѣ противъ его особы, ниже противъ власти его самодержавной. Такое обѣщаніе произносится съ присягою надъ евангеліемъ въ присутствіи начальницы ордена и наличныхъ при дворѣ дамъ большаго креста или кавалерственныхъ съ призваніемъ для духовной при томъ церемоніи одной изъ начальственныхъ духовныхъ особъ.

Не смотря на запоздалое у насъ, только при Петрѣ I начавшееся, усвоеніе многихъ западно-европейскихъ учрежденій, установленіе у насъ ордена для лицъ женскаго пола было, сравнительно съ другими европейскими государствами, довольно рановременно. По времени своего учрежденія орденъ св. Екатерины занимаетъ третье мѣсто, среди знаковъ отличій такого рода. Впервые принятіе лицъ женскаго пола въ составъ рыцарскаго ордена было допущено въ орденѣ св. Іоанна Іерусалимскаго. Послѣ того только въ 1668 году былъ учрежденъ для лицъ женскаго пола особый орденъ «Звѣзднаго Креста» вдовою римско-нѣмецкаго императора Фердинанда II, Елеонорою Гонзаго. Затѣмъ всѣ прочіе дамскіе ордена были установлены позднѣе русскаго. Такъ, курфюрстина баварская Елисавета-Августа учредила орденъ св. Елисаветы, въ 1766 году; а въ 1784 году, другая курфюрстина баварская Анна-Марія-Софья —.орденъ св. Анны. Подъ тѣмъ же названіемъ былъ учрежденъ въ Баваріи и другой орденъ въ 1803 году, а въ 1827 году тамъ же былъ установленъ орденъ Терезы.

Кромѣ того, въ Баваріи дамы могутъ получать и орденъ «Креста за достоинство», который жалуется и мужчинамъ.

Въ Англіи учрежденъ былъ только въ 1818 году орденъ, назначенный исключительно для дамъ, подъ названіемъ «Индійская Корона», а въ 1883 году другой — подъ названіемъ «Краснаго Креста», имѣющій то же значеніе, какъ и нашъ соименный ему знакъ.

Существуютъ также дамскіе ордена въ обоихъ герцогствахъ Мекленбургскихъ, въ Португаліи, два ордена учреждены въ Пруссіи, одинъ въ Швеціи и одинъ въ Виртембергѣ. Этотъ послѣдній носитъ названіе ордена Ольги въ честь нынѣшней королевы. Такимъ образомъ начало всѣхъ этихъ орденовъ относится лишь къ нынѣшнему столѣтію.

VI.

Существующіе въ Россіи ордена имѣютъ тѣсную, хотя только и искусственную, связь съ рыцарскими орденами, издавна учреждавшимися въ европейскихъ государствахъ и, что особенно замѣчательно, самый старѣйшій изъ этихъ орденовъ въ тяжкую для него пору, наканунѣ своего паденія, нашелъ себѣ покровительство не со стороны какой либо католической державы, но со стороны православной Россіи, хотя этотъ орденъ, какъ и всѣ другіе рыцарскіе ордена, былъ собственно католическимъ духовнымъ орденомъ, признававшимъ надъ собою главенство римскаго первосвященника.

Мы говоримъ о знаменитомъ нѣкогда орденѣ св. Іоанна Іерусалимскаго, обыкновенно называемомъ Мальтійскимъ. Въ 1048 году, неаполитанскіе купцы изъ города Амальфи получили отъ египетскаго султана позволеніе построить въ Іерусалимѣ церковь во имя св. Маріи, и при ней они основали монастырь, который поручили попеченію монаховъ Бернардинскаго ордена, и при которомъ устроили пріютъ для странствующихъ богомольцевъ, а также и госпиталь, посвященный имени Іоанна Крестителя.

Когда, въ 1099 году, крестоносцы овладѣли Іерусалимомъ, нѣкто Жераръ-де-Мартигъ, родомъ провансалецъ, задумалъ со своими земляками, изъ той монашеской братіи, которая посвятила себя исключительно служенію на пользу больныхъ при госпиталѣ св. Іоанна Крестителя, образовать военный орденъ. Жераръ далъ передъ католическимъ патріархомъ іерусалимскимъ обѣтъ бѣдности, цѣломудрія и человѣколюбія. Онъ обязался принимать подъ свою защиту странствующихъ пилигримовъ и усвоилъ основанному имъ братству правила монашескаго ордена св. Августина. Впослѣдствіи въ этомъ орденѣ установилось три разряда причисленныхъ къ нему лицъ: рыцари, поступившіе исключительно изъ числа дворянъ, духовныя особы и братья-послушники, которые, не будучи дворяне, имѣли

право носить оружіе и были обязаны вмѣстѣ съ рыцарями ходить войною противъ невѣрныхъ. Изъ рыцарей и братьевъ-послушниковъ образовалось то военно-духовное братство, которое явилось въ видѣ самостоятельнаго государства. Ему было присвоено названіе «Державный», въ смыслѣ полной его независимости отъ какого либо монарха. Орденъ этотъ вскорѣ сдѣлался грозою мусульманъ и пользовался громкою воинскою славою.

Мы, конечно, не будемъ здѣсь излагать исторію этого знаменитаго ордена, вынужденнаго перебраться изъ Іерусалима на островъ Родосъ, а съ Родоса—на островъ Мальту, и если мы остановились теперь на нѣкоторыхъ частностяхъ, то сдѣлали это единственно въ виду того значенія, какое имѣлъ Мальтійскій орденъ въ концѣ XVIII столѣтія въ Россіи, а также потому, что устройство его послужило образцомъ для устройства другихъ рыцарскихъ орденовъ, къ которымъ, въ свою очередь, приближаются по основнымъ понятіямъ и учрежденные у насъ кавалерскіе ордена.

При учрежденіи перваго рыцарскаго ордена, т. е. ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, знакомъ рыцарскаго званія былъ избранъ вырѣзанный изъ бѣлаго полотна крестъ, который рыцари нашивали на свои черныя мантіи. Такому примѣру, относительно позаимствованія знаковъ, послѣдовали и всѣ вновь учреждавшіеся впослѣдствіи рыцарскіе ордена, такъ что крестъ вообще, не смотря на его цвѣтъ и форму, сдѣлался знакомъ отличія французскаго «шевалье», или рыцаря, и нѣмецкаго «риттера», или рыцаря, почему и у насъ лица, носящія крестъ, какъ знакъ отличія, именуются все болѣе и болѣе выходящимъ изъ употребленія словомъ «кавалеръ», т. е. собственно рыцарь. Въ простонародьѣ каждаго солдата въ уважительномъ смыслѣ называютъ «кавалеромъ». Какъ понималась у насъ связь западнаго рыцарства съ учреждаемыми у насъ кавалерскими орденами,—объ этомъ мы будемъ имѣть случай говорить далѣе.

Когда рыцарство стало утрачивать свое первоначальное значеніе, какъ военно-монашескія братства, то прежній знакъ отличія рыцарскаго сословія, крестъ, сталъ все болѣе принимать различныя очертанія, и, сверхъ того, къ этому основному знаку христіане стали дѣлать различныя дополнительныя украшенія, нерѣдко безъ того символическаго религіознаго смысла, какой имѣлъ первоначально восьми-угольный мальтійскій крестъ, восемь оконечностей котораго должны были знаменовать восемь христіанскихъ добродѣтелей.

Съ упадкомъ рыцарства, какъ монашескихъ общинъ, представителями его сдѣлались на западѣ Европы государи, которые стали учреждать на свой ладъ рыцарскіе или кавалерскіе ордена уже не на монашескихъ, а на свѣтскихъ началахъ и дѣлались ихъ начальниками съ титуломъ гросмейстеровъ. Употребляемые кавалерскіе знаки отличія начали утрачивать свой прежній видъ. Вмѣсто кре-

стовъ не только стали появляться звѣзды, но этимъ послѣднимъ знакамъ начали оказывать болѣе уваженія, нежели главной эмблемѣ христіанства, такъ какъ въ современныхъ орденскихъ знакахъ звѣзды занимаютъ вообще высшую степень отличія, нежели кресты при тѣхъ орденахъ, при которыхъ имѣются и тѣ и другіе.

Западные государи собственно учреждали уже не дѣйствительные, но только почетные рыцарскіе ордена, безъ всякихъ обѣтовъ, приближавшихъ новѣйшихъ кавалеровъ къ монашеству. Введеніе церковной реформаціи, упорно враждовавшей съ иночествомъ, должно было само по себѣ уничтожить въ значительной части Западной Европы тѣ условія, среди которыхъ возникло истинное рыцарство. Воинственное настроеніе рыцарства должно было также исчезнуть, такъ какъ не представлялось уже случая бороться съ невѣрными и обращать язычниковъ въ христіанство. При такихъ измѣненіяхъ рыцарства, утратился въ немъ и прежній аристократическій его духъ. Въ былое время для полученія права носить отличія рыцарскаго сана поставлялось непремѣннымъ условіемъ благородное происхожденіе, и для вступленія въ нѣкоторые ордена требовалось непремѣнно доказать, что получающій рыцарскій крестъ происходилъ, по крайней мѣрѣ, въ четырехъ дворянскихъ поколѣніяхъ «по мечу и по прялкѣ», т. е. по мужской и по женской линіи.

До какой степени послѣ упадка рыцарства измѣнилось прежнее религіозное значеніе орденовъ, можно лучше всего видѣть изъ поводовъ къ учрежденію двухъ доселѣ первенствующихъ, по своей важности, орденовъ: англійскаго «Подвязки» и испанско-австрійскаго «Золотаго Руна».

Въ 1349 году, на придворномъ балу у молодой графини Сальсбюри, любимой дамы короля англійскаго Эдуарда III, упала съ ноги подвязка. Король кинулся поднять подвязку, но, подумавъ, что такая его услужливость можетъ подать поводъ къ пересудамъ среди придворныхъ, и желая заявить, что тутъ не было никакого соблазна, сказалъ во всеуслышаніе, на употреблявшемся тогда при англійскомъ дворѣ французскомъ языкѣ: «Honny soit qui mal y pense», т. е. «да будетъ стыдно тому, кто подумаетъ объ этомъ дурно», и добавилъ, что тотъ, кто теперь посмѣется надъ этой подвязкой, будетъ впослѣдствіи гордиться тѣмъ, что получитъ право носить ее.

Заявленіе короля сдѣлалось девизомъ ордена, и подвязка хорошенькой графини обратилась въ орденскій знакъ. Сбылось также и предвѣщаніе Эдуарда III, такъ какъ самыя выдававшіяся въ свое время знаменитости желали носить «Подвязку», а впослѣдствіи между ними былъ и нашъ славный Суворовъ. Онъ являлся ко двору Екатерины со спущеннымъ чулкомъ, ссылаясь на то, что чулокъ спадаетъ съ ноги потому, что у него, Суворова, нѣтъ подвязки, и тѣмъ намекалъ императрицѣ, чтобы она постаралась о пожалованіи ему этого ордена. Но получить этотъ орденъ какъ

прежде, такъ и нынѣ весьма трудно, уже потому, что число его кавалеровъ оставалось то же самое, какое было установлено при самомъ его учрежденіи, т. е. всего ихъ полагается только двадцать пять. «Подвязка» носится на лѣвой ногѣ, но такъ какъ для королевы такой способъ ношенія подвязки, какъ видимаго знака отличія, безъ трико невозможенъ, но она надѣваетъ «Подвязку» на лѣвую руку.

Но если на учрежденіи ордена «Подвязки» легъ рыцарскій оттѣнокъ — защита чести любимой дамы, то поводъ къ учрежденію другаго, тоже знаменитаго во всей Европѣ, ордена подъ названіемъ «Золотаго Руна» представляется слишкомъ страннымъ.

Въ 1429 году, герцогъ бургундскій Филиппъ Добрый отправился на охоту. Ему сопутствовала небезгрѣшно любимая имъ дама. Лошадь ея помчалась, и золотисто-рыженькая красавица упала съ сѣдла не совсѣмъ удачно. Спутники герцога стали подсмѣиваться надъ этимъ «инцидентомъ», а герцогъ, руководствуясь, вѣроятно, смекалкою Эдуарда III и съ цѣлію обратить насмѣшку въ почетъ, учредилъ орденъ «Золотаго Руна», знакомъ котораго сдѣлалась золотистая шкурка барашка, а названіе этого ордена было примѣнено къ извѣстному опасному и дальнѣйшему походу аргонавтовъ въ Колхиду за золотымъ руномъ. Хотя случайные свидѣтели паденія рыженькой наѣздницы и не совершили никакого доблестнаго подвига, но, тѣмъ не менѣе, удостоились получить новоучрежденный орденъ. Изображеніе барашка, или собственно его руна, шкурки съ шерстью, носится на золотой цѣпи на шеѣ. Орденъ этотъ не имѣетъ ни ленты, ни звѣзды. Отъ герцоговъ бургундскихъ право жаловать этимъ орденомъ перешло къ австрійскимъ эрцгерцогамъ, а со вступленіемъ одного изъ этихъ эрцгерцоговъ, Карла, на испанскій престолъ, а потомъ, вслѣдствіе избранія его римско-нѣмецкимъ императоромъ, перешло къ нему и къ его преемникамъ какъ по королевству, такъ и по имперіи. Поэтому въ настоящее время орденъ Золотаго Руна жалуютъ и король испанскій, и императоръ австрійскій; но орденъ, пожалованный первымъ изъ нихъ, пользуется бо́льшимъ почетомъ. Наполеонъ I учредилъ было въ 1809 году орденъ подъ названіемъ «Три Золотыя Руна», но на этотъ орденъ никто не обратилъ вниманія, и вскорѣ онъ пересталъ существовать.

Такимъ образомъ, начиная съ половины XIV вѣка, въ Западной Европѣ прежнее религіозное значеніе рыцарскихъ орденовъ исчезло, и хотя кресты и сохранились, какъ главная эмблема ордена, но они уже стали замѣняться другими знаками, заимствованными изъ классическо-языческихъ преданій, и поводомъ къ учрежденію орденовъ были случайности, очень часто повторяющіяся въ обыденной жизни, какъ, напримѣръ, баня.

Впослѣдствіи стали являться ордена съ названіемъ, заимствованнымъ отъ имени ихъ учредителей, душевныхъ качествъ человѣка, разныхъ предметовъ, царства животныхъ, пернатыхъ и растеній. Появились, напримѣръ, ордена: Альберта, Вѣрности, Храбрости, Заслуги, Данеброга, Льва, Меча, Бани, Разноперыхъ Лебедей, Орловъ, Соколовъ, Рѣпейника и даже Нѣмецкой Честности.

Съ нѣкоторыми изъ старинныхъ рыцарскихъ, а потомъ кавалерскихъ орденовъ соединены были легенды. Такъ учрежденіе ордена св. Михаила, — ордена, существовавшаго въ королевской Франціи, приписывали Архангелу Михаилу. Датскій орденъ Данеброга былъ, по сказанію, учрежденъ въ память чудесной побѣды христіанъ-датчанъ подъ Данеброгомъ надъ язычниками-эстами, въ память того, что для воодушевленія первыхъ въ рѣшительную минуту битвы ихъ осѣнило, спустившееся на нихъ съ неба, знамя. Сказанія о рыцаряхъ Мальтійскаго ордена были наполнены чудесами, которыя творились нѣкогда въ ознаменованіе пребывавшей надъ ними благодати Божіей.

Въ ту пору, когда учрежденіе орденовъ на Западѣ стало зависѣть отъ государей, и разныя общества, но уже не съ религіозными направленіями, а нерѣдко совершенно противоположными, — стали учреждать свои ордена. Такъ, въ 1380 году, въ герцогствѣ Клевскомъ былъ основанъ орденъ «Дураковъ»; здѣсь проявилась явная насмѣшка надъ рыцарскими орденами, отжившими свое время. Кавалеры ордена «Дураковъ», принадлежавшіе къ высшей мѣстной знати, имѣли своего гроссмейстера, свой капитулъ и собирались ежегодно, торжественно объявляя, что сами не знаютъ, для чего собрались. Являлись еще и другіе общественные ордена съ какими нибудь особыми политическими цѣлями, но самымъ извѣстнымъ изъ общественныхъ орденовъ былъ орденъ франкъ-массоновъ, усвоившій опредѣленные знаки разныхъ степеней изъ строительныхъ принадлежностей и установившій посвященіе въ массоны, на подобіе посвященія въ рыцари. Орденъ этотъ существуетъ и донынѣ, и поддержаніе его приписывается ревнителямъ іудейства, не сознающимъ тайной цѣли этого полутаинственнаго ордена, цѣль котораго состоитъ въ возстановленіи храма Соломонова, т. е. въ возстановленіи іудейства. Въ исходѣ прошлаго столѣтія, орденъ массоновъ былъ заведенъ въ Россіи. Упадокъ понятій о религіозномъ значеніи рыцарскихъ орденовъ дошолъ въ XVIII столѣтіи до того, что въ 1703 году во Франціи составился орденъ «Пьяницъ», совершенно по образцу древнихъ рыцарскихъ орденовъ. Каждый членъ этого ордена носилъ названіе «брата»: съ какимъ нибудь шутливымъ прозваніемъ, вмѣсто имени, даннаго при крещеніи.

Нѣчто подобное ордену «Пьяницъ» можно видѣть и у насъ въ заведеніи Петромъ Великимъ «Всепьянѣйшаго Собора», хотя со-

боръ этотъ и не назывался орденомъ и члены его не носили никакихъ особыхъ знаковъ отличій, кромѣ развѣ слѣдовъ неумѣренной выпивки, остававшихся на ихъ роспухшихъ лицахъ, да еще боевыхъ знаковъ, полученныхъ ими иной разъ во время шумныхъ засѣданій перепившагося капитула.

Е. Карновичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

АВАНТЮРИСТЫ[1].

Историческая повѣсть.

VIII.

На мѣстѣ храма Ифигеніи въ Тавридѣ.

РОШЛО около четырехъ лѣтъ.

Зоричъ продолжалъ праздно жить въ своемъ Шкловѣ и съ грустью вспоминать о томъ времени, когда онъ былъ наверху славы и могущества, когда Милліонная, противъ его дворца, была запружена каретами его хвалителей и льстецовъ, съ утра до ночи толпившихся въ его пріемной и ждавшихъ его милостиваго взгляда... Давно все прошло...

Теперь на его мѣстѣ другой счастливецъ, гдѣ другой! — третій или четвертый... Ланской скоропостижно умеръ, и какъ объ немъ горько, безутѣшно плакали!.. Но, всетаки, утѣшились съ Ермоловымъ...

Но и его скоро сбыли... Теперь тамъ уже Мамоновъ... А объ Зоричѣ и не вспомнили...

И вотъ онъ тоскуетъ въ своемъ Шкловѣ. Зановичи продолжаютъ сидѣть въ Нейшлотскихъ казематахъ, Салморанъ—изнывать въ далекой, холодной Сибири. Нeранчичъ нашелъ себѣ дѣло—молодече-

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXII, стр. 5.

ствуетъ въ гусарахъ, шибко идетъ въ-гору и попрежнему не выпускаетъ изо рта трубки, а изъ рукъ—картъ. У Иванъ-бея умеръ старшій братъ, и султанъ, узнавъ о существованіи Иванъ-бея, повелѣлъ ему возвратиться въ Константинополь и даже приблизилъ его къ своей особѣ: Иванъ-бею поручена была одна изъ высшихъ и почетнѣйшихъ придворныхъ должностей—подавать султану умываться.

Гдѣ же баронъ фонъ-Вульфъ?..

Перенесемся мысленно на югъ, подъ ясное, бирюзовое небо только что пріобрѣтеннаго отъ Турціи Крыма, къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ Севастополь, Георгіевскій монастырь и Херсонесъ, бывшій Корсунь.

Роскошный майскій вечеръ. Жаркое солнце, которое немилосердно жгло днемъ, съ самаго утра, подбившись далеко къ западу, уже не палитъ, а только нѣжитъ теплотою юга. Спокойное, какъ зеркало, бирюзовое море дышетъ только у берега, неустанно набѣгая на острые зубья прибрежныхъ скалъ и на отшлифованные вѣчнымъ треніемъ приливовъ и отливовъ валуны и гальки. Отъ этого спокойнаго дыханія великана вѣетъ на берегъ тихимъ, ласкающимъ вѣтеркомъ. Надъ моремъ вьются чайки, оглашая тихій воздухъ жалобнымъ крикомъ. Дальше, изъ бирюзы моря бѣлѣются кое-гдѣ небольшіе паруса, словно поднятыя крылья тѣхъ же бѣлыхъ чаекъ. На небѣ хоть бы облачко. На дальнемъ востокѣ высится гигантскою спиною, какъ бы подпирающею небо, исполинскихъ размѣровъ продолговатая скала: это Чатырдагъ — земной тронъ Аллаха.

На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ надъ исполинскимъ обрывомъ къ морю ютится Георгіевскій монастырь, въ концѣ прошлаго столѣтія еще ничего не было. Валялись кое-гдѣ обломки каменныхъ плитъ, проросшихъ колючею травою, да кусочки мрамора, какъ бы осколки отъ какихъ либо зданій, невѣдомо когда здѣсь стоявшихъ и невѣдомо когда разрушившихся и сравнявшихся съ землею. Нѣкоторые русскіе академики, посѣтившіе тогда въ первый разъ Крымъ, утверждали, что на этомъ самомъ мѣстѣ, когда еще Крымъ населяли полудикіе листригоны-разбойники, о которыхъ говоритъ Гомеръ въ одной изъ рапсодій своей «Одиссеи», и тавроскиѳы,—на этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ храмъ Діаны, тотъ именно храмъ, главною жрицею въ которомъ была Ифигенія.

Въ описываемый нами вечеръ, 22-го мая 1787 года, на мѣстѣ развалинъ этого храма, надъ глубочайшимъ обрывомъ, на скалистое подножіе котораго тихо, гармонически набѣгали волны бирюзоваго моря и такъ же тихо, гармонически, съ шопотомъ трущихся одна о другую галекъ и съ бѣлоснѣжною пѣною снова уходили въ это спокойное бирюзовое море, сидѣли какіе-то двое мужчинъ, повидимому военные, и, казалось, предавались мечтательному созерцанію разстилавшейся передъ ними картины, прислушиваясь къ

тихому плеску моря у подножія обрыва и къ жалобнымъ крикамъ чаекъ.

— Такъ бы, кажись, и не сошелъ съ этого мѣста, вѣкъ бы глядѣлъ на это синее море, на скалы, на эти лиловыя горы, вѣкъ бы слушалъ, какъ шепчется о чемъ-то море у берега, никому не повѣдая своихъ тайнъ, и все думалъ бы, думалъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ, задумчиво глядя вдаль.

— А о чемъ думалъ бы? — спросилъ другой, чертя палкой по обломкамъ камней.

— О чемъ? я и самъ, братъ, не знаю: о томъ, что шепчетъ это море, о чемъ плачутъ эти чайки.

— Эка выдумалъ! Да море ничего не шепчетъ, такъ зря плещется. А о чемъ плачутъ чайки, да просто рыбки захотѣли: они вить жадныя — все имъ жратвы мало.

— А все же думается, — возражалъ первый.

— Чудакъ ты, посмотрю я на тебя, — качалъ головой его собесѣдникъ: — мечтатель ты!

— А развѣ тебѣ ни о чемъ не думается?

— Ни о чемъ... ну, конечно, поѣсть это хорошенько, выпить, переглянуться съ пригоженькой.

— Ну, да я не о томъ... я вотъ сижу тутъ съ тобой, а мнѣ и думается многое, многое: какъ когда-то смотрѣла на это же синее море Ифигенія, какъ присталъ къ берегу ея братъ, какъ Одиссея прибило къ этимъ берегамъ.

— Да, можетъ, этого никогда и не было, а ты свои мозги бередишь.

— Нѣтъ, было... Вотъ и чайки всегда такъ кричали... Да и чего не видѣлъ этотъ берегъ! — и генуэзскіе, и венеціанскіе корабли, что̀ пріѣзжали въ Крымъ за невольниками, и чубатыхъ казаковъ на ихъ лодочкахъ, и Одиссея...

— А ты все со своимъ Одисеемъ! Ты скажи лучше, что̀ теперь эти татарскіе берега видятъ: великую русскую царицу, цесарскаго императора, разныхъ посланниковъ, весь генералитетъ! Вонъ посмотри, какъ въ Севастопольской бухтѣ расцвѣчены всякими флагами корабли... А то Одиссей, Ифигенія! да эти полуголые грекосы ничего подобнаго и не видывали.

Вдругъ внизу, значительно правѣе того мѣста, гдѣ сидѣли собесѣдники, за обрывомъ крутой скалы послышался отчаянный женскій крикъ.

— Спасите! спасите! — доносились откуда-то вопли невидимой женщины.

Собесѣдники вскочили на ноги и стремительно бросились къ тому мѣсту обрыва, откуда неслись крики. Когда они обогнули одинъ выступъ скалы, то за нимъ, у края бездны, неровными зубьями и отвѣсною потомъ стѣною спускавшейся прямо въ море,

увидѣли мечущагося въ отчаяніи пожилаго толстаго мужчину, который заглядывалъ внизъ, въ бездну, и въ ужасѣ кричалъ невѣдомо кому:

— Батюшки, помогите! батюшки, погибла! кто въ Бога вѣруетъ, — спасите!

— Что? гдѣ? кто упалъ?—спрашивали прибѣжавшіе на помощь.

— Голубчики! родимые! жена моя оборвалась, Маша моя! — вопилъ толстякъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и падая на колѣни передъ прибѣжавшими: — спасите, спасите!

Тотъ изъ прибѣжавшихъ, котораго собесѣдникъ его называлъ «чудакомъ» и «фантазеромъ», высокій, стройный и плечистый блондинъ, съ смѣлымъ, даже дерзкимъ взглядомъ голубыхъ глазъ, схватилъ толстяка за плечи и сталъ трясти.

— Гдѣ? гдѣ она? куда упала?

— Спасите! спасите!—вновь послышался женскій, но уже болѣе слабый крикъ, и, казалось, очень близко, почти подъ ногами.

«Чудакъ», бросивъ толстяка, повернулся на крикъ и глянулъ съ крутизны внизъ; но за торчащими надъ обрывомъ камнями ничего не увидѣлъ. Тогда онъ легъ на землю и поползъ къ краю обрыва.

— Милашевичъ! — крикнулъ онъ: — держи меня за ноги, оба держите!

Тотъ, кого онъ назвалъ Милашевичемъ, и толстякъ исполнили его приказаніе: они уперлись колѣнями въ землю и стали держать того, который ползъ къ обрыву.

— Отпустите немного!.. Такъ... будетъ... держите крѣпче!

Онъ вытянулся во весь ростъ, придерживаясь за край обрыва, и глянулъ въ бездну.

— Вижу, вижу, — проговорилъ онъ радостно: — сударыня, держитесь! поддержитесь нѣсколько секундъ, только не оглядывайтесь въ пропасть и не шевелитесь.

Ему представилось страшное зрѣлище, отъ котораго леденѣла кровь. Молодая, красивая женщина, смертельно блѣдная, упершись ногами въ край отвѣснаго обрыва, нависшаго надъ моремъ, и прижавшись къ такой же отвѣсной стѣнѣ, отчаянно держалась руками за выдающійся изъ скалы камень. И надъ нею и подъ нею изрытыя бороздами стѣны скалъ. Малѣйшее движеніе, слабость въ рукахъ или ногахъ, головокруженіе, и она неминуемо должна была низринуться въ бездну, съ страшной высоты. Изъ-подъ ногъ ея выскользали камни и скатывались въ море. Но ей подняться на скалу не было никакой возможности, хотя до уступа, съ котораго она упала, скорѣе сползла, на этотъ ужасный карнизъ, руки ея не доставали на нѣсколько вершковъ. Но и тамъ уцѣпиться было не за что, кромѣ скатывающихся внизъ камней.

Бѣлокурый смѣльчакъ во мгновеніе ока сообразилъ, какъ ему начать дѣйствовать.

— Держитесь! — крикнулъ онъ снова: — я сейчасъ къ вамъ... Потяните меня!

Его потянули за ноги. Съ вздувшимися на лбу жилами, съ налившимися кровью глазами, поднялся онъ на ноги и торопливо пошелъ вправо, въ обходъ остраго выступа. Тамъ вела влѣво, внизъ, узенькая покатость въ родѣ карниза. Онъ пошелъ по этому карнизу, обрушивая камни, которые скатывались съ кручи, прыгали по острымъ выступамъ скалъ и съ гуломъ низвергались въ море. Нѣсколько ниже онъ уже долженъ былъ ползти, чтобы приблизиться къ краю обрыва, къ тому самому мѣсту, гдѣ нѣсколькими четвертями ниже онъ уже видѣлъ оцѣпенѣвшіе на камнѣ пальцы молодой женщины, а еще ниже—ея мертвенно блѣдное лицо и глаза, въ которыхъ виднѣлся невыразимый ужасъ. Черные волосы ея въ безпорядкѣ падали на бѣлое платье, а соломенная шляпа, съ голубыми лентами, глубоко—глубоко внизу, колыхалась на гладкой синевѣ моря.

Смѣльчакъ былъ у цѣли. Онъ опустился на колѣни, уперся этими колѣнями въ выдавшійся передъ нимъ камень, и нагнулся.

Въ одно мгновеніе жилистыя руки его вцѣпились въ прикипѣвшія къ камню руки молодой женщины, словно тисками сжали кисти ихъ, и потянули...

Но опора для смѣльчака, колѣни, была слишкомъ слаба въ наклонномъ положеніи, а тяжесть повисшаго на его рукахъ тѣла слишкомъ велика... Онъ собралъ всѣ свои силы; лицо его побагровѣло отъ натуги... Еще мгновеніе, и двѣ жертвы разомъ, стремглавъ полетятъ въ море...

Но онъ осилилъ!—женщина была поднята на уступъ; только она была уже безъ сознанія.

— Она спасена! молитесь Богу! — огласилъ скалы и море радостный крикъ.

— Маша моя! Маша моя!—рыдалъ отъ счастья мужъ; но выступъ скалы мѣшалъ ему видѣть, что дѣлалось внизу. — Маша! голубка! иди скорѣй!

— Она въ обморокѣ! погодите! — отвѣчали снизу.

Обморокъ продолжался, впрочемъ, недолго. Она открыла глаза. Надъ нею, стоя на колѣняхъ, склонился кто-то незнакомый и держалъ ее за руку. Надъ нею, выше нависли скалы, а тамъ, глубоко внизу, синѣло ужасное море. Сознаніе вернулось къ ней, она все поняла и все вспомнила. Она вспомнила эти голубые глаза, которые глядѣли на нее въ самую страшную минуту жизни.

— Вы спасли меня... Кто вы, добрый ангелъ? — слабо спросила она.

— Я, сударыня, странствующій воинъ-иностранецъ.

— Ваше имя, государь мой?

— Баронъ фонъ-Вульфъ, къ вашимъ услугамъ.

Она притянула его руку къ губамъ и поцѣловала.

— Что вы, сударыня! — вырвалъ онъ руку.

— Я должна ноги ваши цѣловать... Я такъ хочу жить!

Поддерживаемая своимъ спасителемъ, она поднялась.

— Да, я здѣсь было погибла... тутъ камни осунулись...

— Дайте руку, вотъ такъ... держитесь... сюда ступайте... не глядите внизъ...

— Съ вами я не боюсь.

— Ступите ногой вотъ сюда, такъ... Придержитесь за этотъ уступъ...

— Благодарю, вы — мой спаситель!

— Вотъ мы и выбрались!—радостно сказалъ, наконецъ, фонъ-Вульфъ. — Вотъ ваша супруга, государь мой! Берегите ее...

Толстякъ бросился на колѣни, плакалъ и не зналъ, чьи ноги обнимать — женины ли отъ радости, или ея спасителя...

— Машурочка моя! голубушка!.. Государь мой! спаситель! милостивецъ!

— Поздравляю! — обнималъ своего друга Малашевичъ: — ты герой!

Толстякъ не скоро пришелъ въ себя. Онъ порывисто обнималъ и жену, и ея спасителя.

— Государь мой! кому я обязанъ спасеніемъ моего сокровища?— бормоталъ онъ. — Кого я долженъ благодарить, за кого молиться?

— Имѣю честь рекомендоваться: маіоръ прусской службы, баронъ фонъ-Вульфъ, а это мой другъ—корнетъ Милашевичъ,—отвѣчалъ блондинъ.

— Очень радъ, очень радъ!—службы ея императорскаго величества генералъ-маіоръ Ляпуновъ, Ляпуновъ-съ... сочту за честь... жена моя, Марія Дмитріевна-съ... Ахъ ты, ласточка моя!—да какъ ты туда угодила?—я и опомниться не могу... вдругъ слышу—крикъ... Ахъ ты, Господи!—ахъ вы, благодѣтели мои!

— У меня до сихъ поръ руки и ноги дрожатъ,—сказала молодая генеральша:—я сяду.

— Садись, садись, Маша!—ишь бѣдная!—И какъ это тебя угораздило?

— Въ самомъ дѣлѣ, сударыня, — вѣжливо обратился къ ней фонъ-Вульфъ: — разскажите, какъ вы тамъ очутились?

— Стыдно и признаться, — отвѣчала молодая женщина, краснѣя:—просто по глупости, по капризу... Въ Крыму я первый разъ теперь — къ мужу вотъ изъ Москвы пріѣхала.

— А я, государи мои, — пояснилъ генералъ: — командированъ былъ сюда по подводной части, на счетъ поставки лошадей подъ государынинъ вояжъ, а жена въ Москвѣ оставалась.

— Такъ вотъ я и пріѣхала сюда надняхъ, а сегодня мы съ мужемъ променадъ учинили сюда — хотѣлось мнѣ всѣ эти мѣста видѣть. Мы и пріѣхали сюда, вышли изъ коляски и подошли вотъ къ этому мѣсту. Мы и сѣли здѣсь полюбоваться моремъ и этой бездной. Все это мнѣ такъ понравилось, такъ понравилось, что я, кажется, не ушла бы отсюда.

Милашевичъ украдкой, но многознаменательно взглянулъ на своего друга.

— Сижу я и любуюсь, — продолжала генеральша: — а онъ и вздремнулъ...

— Да, государи мои, согрѣшилъ, — перебилъ ее мужъ: — задумался это, заглядѣлся на сіи красоты—и заснулъ грѣшнымъ дѣломъ.

— А я сижу и слушаю, какъ чайки кричатъ,—снова продолжала генеральша:—и вижу я, что вонъ тамъ, у того обрыва, одна чайка все садится: я и догадалась, что тамъ у нея гнѣздо и дѣти—я видѣла, какъ она ихъ кормила. А я молодыхъ чаекъ никогда не видала, и захотѣлось мнѣ взглянуть на гнѣздо. Я же въ дѣвушкахъ ужасная была шалунья—въ деревнѣ у себя и по горамъ, и по оврагамъ, и по деревьямъ лазила, и вообще лазить мастерица.—Вотъ я и спустилась туда вонъ, откуда вы меня встаскивали наверхъ,—обратилась она къ фонъ-Вульфу, вся вспыхнувъ:—хотѣла я шагнуть туда дальше, на ту сторону, чтобъ добраться до чайкина гнѣзда, а подо мной камни и обсыпались, — я и покатилась внизъ, да, слава Богу, зацѣпилась за выступъ, гдѣ вы меня и спасли... Замедли вы минуту — и меня не было бы въ живыхъ: я ужъ и такъ отдавала душу свою Богу.

— А я-то, представьте себѣ, вдругъ слышу—крикъ! — просыпаюсь — нѣтъ Маши!—это она кричитъ, а гдѣ—не вижу! Я чуть съ ума не сошелъ, хотѣлъ съ кручи броситься прямо въ море: думалъ—она тамъ... А тутъ вы прибѣжали... А я-то съ моей тучностью — да гдѣ бы мнѣ!

Генералъ только руками развелъ.

Между тѣмъ вечерѣло. Солнце все ниже и ниже опускалось къ бирюзовому морю, которое принимало теперь другую окраску—лиловую. Тѣнь отъ небольшаго скалистаго островка, торчавшаго изъ моря въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ берега, становилась гигантскою и широкой полосой всползала на обрывистые утесы. Чайки, отлетая на ночлегъ, какъ бы прощались съ заходящимъ солнцемъ жалобными криками. Скалистая вершина Чатырдага ярко горѣла отраженнымъ свѣтомъ опускавшагося въ море огненнаго шара. Вотъ уже часть его диска погрузилась въ воду. Остальная его часть, постоянно утопая въ далекой безднѣ, все болѣе и болѣе багровѣла. Вотъ—вотъ остается только небольшой окраекъ багроваго шара, изъ котораго, казалось, брызгали огненные лучи, зажигавшіе цѣлую треть опрокинувшагося надъ моремъ голубаго, все болѣе и

болѣе темнѣвшаго неба. Вотъ и послѣдній окраекъ багроваго диска все таетъ, таетъ, все глубже утопаетъ въ далекой пучинѣ — свѣтится лишь одна огненная точка, брызжущая огненными лучами. Наконецъ, и она утонула, брызнувъ въ послѣдній разъ золотыми нитями.

— Что же мы? — какъ бы спохватилась генеральша: — что мы не просимъ нашихъ дорогихъ... знакомыхъ... къ намъ... на чашку чаю?

Генералъ встрепенулся.

— Да, да, душа моя! Милости просимъ, осчастливьте, господинъ баронъ...

— Благодарю... я...

— Нѣтъ, нѣтъ! — и вы, молодой человѣкъ.

— Merci... Я очень радъ...

— Да, да! — суетился генералъ: — мы ваши вѣчные должники и не отпустимъ васъ...

— Но мы въ такомъ костюмѣ...

— Въ охотничьемъ? — Что жъ! — не на балъ ѣдемъ.

— Мы и ружья тамъ оставили въ суматохѣ.

— Что жъ! — и ружья заберемъ.

— Только ужъ мнѣ не взять своей шляпки, — слабо улыбнулась генеральша: — бѣдненькая!

— Да, ужъ шляпочка твоя тю-тю! — поминай какъ звали... Слава Богу, что уцѣлѣло то, на что шляпочку надѣваютъ, — съострилъ генералъ. — Ну, съ Богомъ, господа, — коляска недалеко: кстати же, она и четвероместная — хватитъ на всѣхъ.

Стали собираться. Милашевичъ побѣжалъ за ружьями.

— А вы меня, баронъ, ужъ и до коляски доведите, — обратилась генеральша къ фонъ-Вульфу.

— Съ удовольствіемъ, — и онъ подалъ ей руку.

— У меня и теперь руки и ноги дрожатъ... Вонъ я какая... Вамъ тяжело?

— Нисколько, увѣряю васъ.

— Ужъ если господинъ баронъ вытащилъ тебя изъ могилы, — радостно болталъ генералъ: — такъ до коляски довести — плевое дѣло.

IX.

Роковая минута.

Черезъ нѣсколько дней, изъ Севастополя, по направленію къ тому мѣсту, гдѣ были развалины храма, въ которомъ жрицей была Ифигенія, ѣхалъ всадникъ рядомъ съ амазонкой.

Въ высокомъ, бѣлокуромъ всадникѣ можно было узнать барона фонъ-Вульфа. Красивая посадка, умѣнье обращаться съ лошадью

и безпечный видъ, съ которымъ онъ управлялъ горячимъ скакуномъ, сразу изобличали въ немъ хорошаго кавалериста. Въ амазонкѣ, красиво перетянутой чернымъ кушакомъ, и съ розою на пышной груди, также нетрудно было узнать молоденькую генеральшу Ляпунову.

Она весело болтала о послѣднихъ событіяхъ, которыми былъ взволнованъ весь полуостровъ и весь югъ Россіи — о посѣщеніи Крыма и Севастополя императрицею въ сопровожденіи австрійскаго императора Іосифа II, скрывавшаго, ради этикетныхъ мелочей, свой императорскій санъ подъ инкогнито графа Фалькенштейна, и съ блестящею свитою, состоявшею изъ посланниковъ, министровъ и придворной знати.

Ляпунова была полненькая брюнетка, съ большими, черными глазами и смуглою, немножко цыгановатаго цвѣта кожею кругленькаго личика, съ крупными какъ у египетскихъ сфинксовъ губами и нѣсколько вздернутымъ носикомъ. Черная коса, полуприкрытая полями шляпки, отливала вороновымъ крыломъ.

— Мамонова, говорятъ, она не отпускаетъ отъ себя ни на шагъ, — болтала молоденькая генеральша, играя хлыстикомъ.

— Да... говорятъ, она очень ревнива: мнѣ Зоричъ разсказывалъ, а ему говорилъ Гарновскій, близкое лицо къ Потемкину, — какъ за Мамонова досталось однажды великой княгинѣ, цесаревнѣ, — отвѣчалъ фонъ-Вульфъ.

— За что же ей-то?

— За то, что цесаревна позвала къ себѣ зачѣмъ-то Мамонова, а онъ и попросился у самой. Такъ такая буря вышла, что страхъ!— и Мамонову досталось, и цесаревнѣ: цесаревнѣ послано было сказать — какъ она смѣла звать къ себѣ Мамонова! зачѣмъ? и чтобъ этого впредь не было [1])!

— Однако! строгонько! А Зорича ужъ совсѣмъ забыли?

— Что Зорича! Послѣ Зорича сколько было — и тѣхъ уже перезабыли.

— Къ одному Потемкину, кажется, неизмѣнны.

— Да,—потому что онъ нуженъ и умнѣй ихъ всѣхъ... А вотъ мы и пріѣхали къ тому мѣсту, гдѣ вы...

— Не я, а вы!—засмѣялась генеральша.

— Что я?—улыбнулся фонъ-Вульфъ.

— Гдѣ вы показали себя героемъ.

— Помилуйте! какое это геройство! А хотите, сударыня, удовлетворить ваше любопытство? — спросилъ фонъ-Вульфъ.

— Какое любопытство? — спросила амазонка.

— Да взглянуть на молоденькихъ чаекъ? Слышите, какъ онѣ опять кричатъ? — Хотите?

---

[1]) Записки Гарновскаго, стр. 15—17 (въ «Русской Старинѣ»).

— Ай, нѣтъ! нѣтъ!—будетъ и одного разу.

— Я ихъ покажу вамъ?

— Какъ покажете, баронъ?

— Достану изъ гнѣзда.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! ни за что! Я умру со страху.

— Помилуйте, Марья Дмитріевна, — это совсѣмъ не опасно.

Они остановились поодаль отъ обрыва. Фонъ-Вульфъ сошелъ съ сѣдла и помогъ спрыгнуть на землю своей хорошенькой спутницѣ.

— Ахъ, какъ я рада!—мы здѣсь посидимъ, поглядимъ на море, помечтаемъ... Я такъ люблю мечтать,—болтала она.

— О чемъ же вы мечтаете?

— Ахъ, да развѣ можно все припомнить!.. Вы говорили, что здѣсь когда-то былъ храмъ Діаны: гдѣ же это мѣсто?

— Да вотъ тутъ, гдѣ мы стоимъ.

— Такъ тутъ была жрицей Ифигенія?

— Да, ученые утверждаютъ, что тутъ именно.

Амазонка разсмѣялась.

— Чему вы смѣетесь? — спросилъ фонъ-Вульфъ.

— Такъ... Мнѣ пришло въ голову... Вѣдь Ифигенія любила купаться въ морѣ.

— Полагаю, что любила: вѣдь она была гречанка, а для грека море — его стихія.

— Какъ же она тутъ сходила къ морю, съ такой крутизны — развѣ это можно?

— Значитъ, она была только храбрѣе васъ,—улыбнулся фонъ-Вульфъ.

— А можетъ быть, у нея былъ свой баронъ, какой нибудь Ахиллесъ, который помогалъ ей взбираться сюда по скаламъ, — засмѣялась амазонка.

Вульфъ отвелъ лошадей въ сторону, и такъ какъ привязать ихъ было не къ чему, то онъ къ концамъ поводьевъ привалилъ по тяжелому камню и, возвратившись къ своей спутницѣ, сказалъ:

— Ну, теперь я готовъ удовлетворить ваше любопытство, — и смѣло сталъ спускаться по обрыву.

— Ай-ай! Куда вы, баронъ?—испуганно вскрикнула Ляпунова.

— Къ Ифигеніи, сударыня, — отвѣчалъ тотъ, продолжая спускаться.

— Ахъ, Боже мой! что̀ вы дѣлаете! вернитесь, вернитесь!

Но фонъ-Вульфъ спускался все ниже. У одного выступа онъ повернулъ нѣсколько вправо и сталъ взбираться на отдѣльно выдавшійся утесъ съ уступами. Ляпунова съ испугомъ слѣдила за его движеніями; она даже поблѣднѣла.

— Ради Бога, баронъ!—умоляла она:—не рискуйте вашей жизнью!

— Моя жизнь пустая — не стоитъ объ ней жалѣть, — отвѣчалъ тотъ, продолжая карабкаться.

— Но ваша жизнь... понимаете... я...

Она не договорила. Фонъ-Вульфъ былъ уже на верхушкѣ скалы. Съ отчаяннымъ крикомъ чайки кружились надъ нимъ, чуть-чуть не задѣвая крыльями его головы.

— Нашелъ! нашелъ!—кричалъ онъ оттуда.

— Что нашли?

— Гнѣздо молодыхъ чаекъ... Ахъ, какія онѣ смѣшныя.

Онъ вынулъ изъ кармана платокъ, положилъ въ него одного птенца, привязалъ концы платка къ пуговицѣ камзола и сталъ спускаться съ утеса. Чайки продолжали метаться надъ нимъ и кричать. Сойдя съ отдѣльнаго утеса, онъ сталъ подниматься вверхъ, къ тому мѣсту, гдѣ, все еще въ страхѣ, ожидала его Ляпунова.

— Какъ вамъ не стыдно! какъ вамъ не грѣхъ пугать меня!— укоряла она.

Но онъ скоро взобрался на вершину.

— Вотъ она—извольте любоваться Ифигеніей.

И отцѣпивъ отъ камзола платокъ, онъ положилъ его около Ляпуновой и расправилъ. Испуганная чайка, еще не оперившаяся, сидѣла неподвижно, сжавшись въ комочекъ.

— Ахъ, бѣдненькая! да какая она жалкая... И зачѣмъ вы ее отняли у матери?

— Чтобъ вамъ показать.

— Но мнѣ ее жаль, баронъ.

— Я ее опять отнесу въ гнѣздо.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! мнѣ страшно за васъ.

— Да вы же видѣли, какъ я легко взобрался туда.

— А все же мнѣ страшно.

Она была взволнована. Лицо горѣло. Вульфъ, ничего не замѣчая, снова свернулъ платокъ вмѣстѣ съ чайкой, привѣсилъ его къ пуговицѣ и сталъ спускаться.

Онъ скоро опять воротился наверхъ. Утомленный двукратнымъ подъемомъ, онъ тяжело дышалъ и опустился на землю около своей спутницы, которая полулежала и любовалась разстилавшеюся передъ нею морскою далью.

— Какъ хорошо здѣсь,—тихо сказала она.

— Да... жаль будетъ уѣзжать отсюда.

— Но вѣдь вы еще поживете здѣсь.

— Нѣтъ, добрая Марья Дмитріевна,—я завтра ѣду.

— Какъ завтра?—испуганно спросила она.

— Къ сожалѣнію—да.

— Кто же васъ гонитъ отсюда?

Фонъ-Вульфъ, глядя вдаль, не замѣтилъ, какъ она поблѣднѣла, и продолжалъ тѣмъ же равнодушнымъ тономъ, нѣсколько задумчиво:

— Я вѣдь бродяга, Марья Дмитріевна, мнѣ не сидится на мѣ-

стѣ... Я говорилъ вамъ, что родился въ Голландіи, но меня не тянетъ туда, можетъ быть—потому, что дѣтство и раннюю молодость я провелъ въ Цесаріи. Потомъ служилъ въ Пруссіи. Служба надоѣла, и я сталъ скитаться, какъ цыганъ. Вояжировалъ я по Франціи, по Гишпаніи, по Италіи. Соскучился и тамъ. Дай, думаю, проберусь въ Россію—страна невѣдомая, обычаи мнѣ незнакомые. И вотъ я уже пять лѣтъ въ Россіи. Русскій языкъ, хоть и труденъ онъ, но мнѣ дался скоро, и видите, что я говорю, какъ русскій. Много за это время я успѣлъ перечитать порусски, многое изъ Державина наизусть знаю... Но сталъ я и въ Россіи скучать... Не знаю, гдѣ и дѣваться. И надумалъ я закатиться въ Турцію, только не знаю, какимъ путемъ. Хотѣлось бы вотъ такъ, по этому синему морю, да боюсь, что опять Россія начнетъ войну съ Турціей, и тогда я не знаю, какъ и быть.

Онъ замолчалъ. Далеко въ морѣ бѣлѣлись паруса.

— Вонъ подъ тѣми бы парусами и улетѣть далеко-далеко, — продолжалъ онъ задумчиво: — не даромъ Милашевичъ называетъ меня мечтателемъ... Можетъ быть, это и правда... Но меня всегда тянетъ къ чему-то невѣдомому...

— И вамъ никогда не жаль разставаться? — тихо спросила молодая женщина.

— Съ кѣмъ?

— Ну... съ знакомыми... съ родными...

— У меня нѣтъ родныхъ—одинъ отецъ, да и съ тѣмъ я чуть ли не съ дѣтства не видался.

— А друзья? — спросили еще тише.

— Какіе у бродяги друзья!

— Ну... хоть бы Милашевичъ.

— Милашевичъ—добрый малый, только... да что объ этомъ говорить! — я вѣдь отпѣтый.

Занятый своими собственными думами, онъ ничего не замѣчалъ. Между тѣмъ, Ляпунова, нервно теребя свой платокъ, съ трудомъ удерживалась, чтобъ не заплакать.

— А развѣ вы никого не любили?—спросила она чуть слышно.

— Э! добрая Марья Дмитріевна, эта роскошь не для бродягъ.

Онъ машинально поднималъ съ земли камни и сбрасывалъ ихъ съ обрыва. Брошенные камни, стремительно низвергаясь по отвѣсу, срывали на пути другіе камни, и все это съ грохотомъ падало въ море.

Вдругъ ему показалось, что около него кто-то тихо всхлипываетъ. Поднявъ голову, онъ увидѣлъ, что Ляпунова, припавъ лицомъ къ платку, беззвучно рыдала.

— Марья Дмитріевна, что съ вами?—испуганно спросилъ онъ.

Молодая женщина не отвѣчала. Только голова ея и плечи вздрагивали.

— Ради Бога! Марья Дмитріевна! вамъ не здоровится?

Онъ хотѣлъ было отнять ея руки отъ лица, но она еще съ большей силой припала къ нимъ и продолжала плакать.

— Дорогая! Марья Дмитріевна!

— Оставьте меня! вамъ никого не жаль...

— Милая! добрая моя!—я не зналъ, я не смѣлъ...

— Поѣзжайте въ Турцію!... тамъ найдете себѣ турчанку...

Блѣдный, съ дрожащими губами, онъ вскочилъ на ноги, въ одно мгновеніе поднялъ съ земли рыдающую женщину и понесъ ее, самъ не зная куда, осыпая поцѣлуями ея плечи и щоки...

— Милый! милый!... Развѣ ты не видѣлъ...

Море продолжало съ ровнымъ, гармоническимъ рокотомъ набѣгать на скалистый берегъ, чайки кричали, бѣлые паруса убѣгали все дальше-дальше...

X.

«Я червь, я рабъ»...

Фонъ-Вульфъ не уѣхалъ въ Турцію.

Напротивъ... Ровно черезъ годъ послѣ описанной нами сцены на мѣстѣ бывшаго храма Ифигеніи въ Тавридѣ, мы встрѣчаемъ этого барона въ странной, неожиданной обстановкѣ, и притомъ въ странномъ видѣ... Баронъ въ Москвѣ, подъ арестомъ...

Онъ пьянъ и бушуетъ въ арестантскомъ помѣщеніи московскаго нижняго надворнаго суда. Одѣтъ онъ въ гусарскую форму. Вмѣстѣ съ нимъ бушуетъ другой офицеръ.

— Какова сторонка!—кричитъ фонъ-Вульфъ, шагая изъ угла въ уголъ довольно просторной комнаты, «офицерской», и ероша свои пепельные волосы:—меня, барона фонъ-Вульфа, капитана австрійской службы, маіора прусской службы, ротмистра русскаго венгерскаго гусарскаго полка, кавалера ордена «de la Providence»,—меня ни за что, ни про что схватить и держать пять дней подъ арестомъ!

— Какъ ни за что, ни про что!—приступалъ къ нему товарищъ по заключенію:—а просрочилъ отпускъ.

— Плевалъ я, братъ Алеша, на просрочку,—отстранялъ его Вульфъ, продолжая шагать.

— Ну, нѣтъ, Ѳедя, не плюй!—это, можетъ, у васъ, въ Цесаріи, либо въ Голландіи—наплевать; а у насъ, братъ, шалишь!

— Толкуй!

— Да, толкую... У насъ на этотъ счетъ, братъ, строго: у насъ ежели бы вашъ цесарскій императоръ просрочилъ,—такъ и его, раба Божія, въ кутузку.

— Хороша сторонка!—И чортъ меня дернулъ остаться въ ней... А все баба...

— Какая, Өедя, баба?—заинтересовался Алеша, подпоручикъ Дорожинскій.

— Генеральша одна.

— Тьфу!—старуха?

— Врешь, подлецъ,—молодая.

— Постой, Өедя,—я поиграю на гусляхъ, а ты попляши.

— Убирайся ты къ чорту съ твоими гуслями!

Но пьяненькій Алеша не унывалъ. Онъ подсѣлъ къ стоявшимъ въ комнатѣ гуслямъ и сталъ играть. Гусли поставлены были въ офицерской для развлеченія арестованныхъ господъ офицеровъ.

— Өедя! а Өедя!—переставъ играть, заговорилъ онъ.

— Что? какого тебѣ еще чорта?—сердито спросилъ фонъ-Вульфъ.

— Какъ зовутъ твою генеральшу?—не Катенькой?

— Отвяжись!—Машенькой.

Дорожинскій заигралъ модный тогда гусарскій романсъ на стихи Державина «Пѣсенка», которая напечатана была въ августовской книжкѣ «Санктъ-Петербургскаго Вѣстника» за 1780 годъ, и запѣлъ довольно пріятнымъ теноромъ:

Цари! вы свѣтомъ обладайте,
Мнѣ не завидна ваша часть,
Стократъ мнѣ лѣстнѣе, вы знайте,
Надъ нѣжнымъ сердцемъ сладка власть;
Деритесь, славьтесь, устрашайте,
А я подъ тѣнью миртъ стою
И — Машеньку мою пою.

Пѣніе вызвало въ фонъ-Вульфѣ нѣжныя чувства, и онъ бросился обнимать своего друга.

— Алеша! голубчикъ! вотъ удружилъ—никогда не забуду!— Знаешь что?

— А что?

— Поѣдемъ ко мнѣ.

— Куда?

— Да въ мой домъ... Вѣдь у меня въ Москвѣ, братъ, свой домъ, барскій.

— Да насъ, Өедя, отсюда не выпустятъ.

— Кто смѣетъ не пустить!—закричалъ фонъ-Вульфъ.—Эй, вахмистръ!—крикнулъ онъ, отворивъ дверь.

На зовъ явился старикъ солдатъ и остановился у притолоки.

— Чего изволите, ваше благородіе?—спросилъ онъ.

— Кликнуть сейчасъ карету!

— Какую карету, ваше благородіе?

— Мы вотъ съ Алешей поѣдемъ ко мнѣ.

— Этого, ваше благородіе, нельзя-съ.

— Какъ нельзя! Пошелъ вонъ!—покликать карету.

— Я вамъ съ учтивствомъ, ваше благородіе, докладываю: я васъ не пущу—не приказано.

— А! не пустишь!—не пустишь, гарнизонная крыса!

Фонъ-Вульфъ схватилъ старика за шиворотъ и «трясъ какъ грушу». На выручку старика вбѣжалъ капралъ.

— Что здѣсь за шумство!—крикнулъ онъ:—я солдатъ позову.

— А! солдатъ позовешь!—накинулся на него Алеша.

— Безпремѣнно позову, здѣсь не кабакъ.

— Вонъ! видишь, гнилая крупа!

И Алеша вынулъ изъ-за пояса пистолетъ. Другой торчалъ у него тамъ же.

— Вонъ! а не то... Ты знаешь, каналья, что мы офицеры! — кричалъ онъ.

— Вонъ!—повторилъ и Вульфъ, бросивъ трепать вахтера:—налѣво кругомъ, — арршъ!

И вахтеръ, и капралъ должны были удалиться, потому что они справедливо опасались, какъ бы арестованные офицеры не пустили въ дѣло пистолетовъ.

Оставшись вдвоемъ, буяны успокоились. Дорожинскій опять присѣлъ къ гуслямъ и запѣлъ:

Цари! вы свѣтомъ обладайте...

А фонъ-Вульфъ опять сталъ шагать изъ угла въ уголъ и разговаривать самъ съ собою.

— Это онъ изъ ревности, старый башмакъ... Онъ давно догадывался, что Маша ему рога приставила... Еще бы, старый тюфякъ! ein plumter Kerl!.. А холуямъ его отъ меня еще достанется—не доноси!.. Нѣтъ, уѣду опять въ Цесарію, а оттуда въ Турцію... Въ этой варварской странѣ жить нельзя, за всякій пустякъ арестуютъ, Donner-Wetter!.. И Маша уйдетъ со мной, теперь онъ ее, plumte Kerl, поѣдомъ ѣстъ, — à belles dents... Домъ продамъ, и уѣдемъ...

— Эй, господинъ баронъ! вы что меня не слушаете? — переставъ играть, заговорилъ Дорожинскій.

— А ты что пѣлъ? — спросилъ фонъ-Вульфъ.

— Что? а развѣ ты не слыхалъ?

— Не слыхалъ, Алеша.

— Я... я Машеньку твою пою.

Въ это время въ комнату вошелъ дежурный офицеръ съ секретаремъ надворнаго суда и съ шестью стоявшими въ караулѣ солдатами.

— Здравствуйте, господа, — сказалъ офицеръ.

— Здравствуйте, — отвѣчалъ фонъ-Вульфъ: — что вамъ угодно!

— Мнѣ приказано отобрать у васъ оружіе.

— Со мной нѣтъ оружія.

— Но у господина Дорожинскаго за поясомъ пистолеты.

— Да-съ! — отвѣчалъ Дорожинскій запальчиво: — есть! только я ихъ не отдамъ вамъ, господинъ офицеръ. Они мнѣ нужны для защиты.

— На васъ никто не нападаетъ.

— Сейчасъ нападали.

— Кто же?

— Нахалъ капралъ и вахмистръ.

Не успѣлъ онъ это выговорить, какъ солдаты бросились на него и схватили за руки. Началась борьба. Дорожинскій успѣлъ повалить двухъ солдатъ, но другіе держали его за руки.

— Баронъ! Ѳедя! другъ! на выручку! — кричалъ арестуемый.

— Пустите его,—вмѣшался было фонъ-Вульфъ; но офицеръ съ секретаремъ и двумя солдатами заступили ему дорогу.

— Подлецы! канальи! разбойники! — кричалъ Дорожинскій.

Но его повалили на полъ и отняли пистолеты. Пистолеты оказались заряженными. Дорожинскій продолжалъ наступать на солдатъ.

— Перестаньте буйствовать!—закричалъ на него секретарь: — а то я велю васъ обоихъ связать.

— Связать! меня! — подступилъ къ нему фонъ-Вульфъ.

— Да, и тебя, не посмотрю, что ты баронъ, можетъ быть, ты бродяга!

— Я бродяга!

— Да, праздношатающійся, можетъ быть, самозванецъ.

— Такъ вотъ же тебѣ, н-на!

Звонкая пощечина огласила комнату, и секретарь, схватившись за щеку, стремительно убѣжалъ въ «судейскую камеру».

Офицеръ старался успокоить расходившагося барона, говорилъ, что секретарь самъ виноватъ въ полученіи удара по щекѣ, что онъ не смѣлъ говорить такъ дерзко офицеру и что онъ за это будетъ наказанъ; но что и господину барону не слѣдовало прибѣгать къ самоуправству. Пистолеты же ни въ какомъ случаѣ нельзя было оставить у господина подпоручика, что это строго воспрещено закономъ.

Буяны опять успокоились, и офицеръ увелъ съ собою солдатъ.

— А чортъ съ ними! — махнулъ рукой Дорожинскій: — давай лучше пѣть, Ѳедя.

— Я не хочу пѣть, мнѣ не до пѣнія,—отвѣчалъ фонъ-Вульфъ.

— Что такъ? Ты все по своей Машенькѣ убиваешься, Ѳедя? Эхъ, плюнь на все! Вѣдь когда нибудь помремъ... Помнишь?

Глаголъ временъ! металла звонъ!

— Такъ-то, Өедя... И не такіе были, какъ мы, да помирали...

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?..
Сей день, иль завтра умереть,
Перфильевъ, должно намъ, конечно...

— Вотъ что, Өедя, голубчикъ... Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ, а я что!—я подпоручикъ... Ты вотъ баронъ, и маіоръ, и ротмистръ, и кавалеръ ордена «de la Providence»; а я что?—подпоручикъ! Вонъ говорятъ: курица не птица, подпоручикъ — не офицеръ... А ты птица, орелъ!

— А онъ смѣлъ меня бродягой назвать!

— Плюнь на это, Өедя... Помни это, голубчикъ:

Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ и къ гробу приближаетъ.

Но фонъ-Вульфъ не могъ успокоиться. Онъ быстро всталъ и направился въ судейскую камеру. Тамъ, кромѣ секретаря, никого не было. Смирновъ сидѣлъ, пригнувшись къ столу, и что-то писалъ, не оборачивая головы. Фонъ-Вульфъ подошелъ къ нему и, схвативъ за воротъ, приподнялъ со стула.

— Что ты! что ты! — испуганно вскрикнулъ тотъ.

— А! знаешь, кто я? — трясъ его Вульфъ.

— Какъ же... ой! знаю, Өедоръ Ивановичъ Вульфъ...

— А! теперь Өедоръ Ивановичъ!

— Ой, пустите!

— То-то, пустите... У меня чины, баронскій титулъ, а ты назвалъ меня бродягой!

— Караулъ!

— Меня императоръ Іосифъ II лично зналъ...

— Батюшка! Өедоръ Ивановичъ! простите!

Фонъ-Вульфъ выпустилъ свою жертву изъ рукъ и ушелъ въ свою комнату.

— Вотъ что, Өедя, — обратился къ нему Дорожинскій: — ты тамъ, я слышалъ, тово? Нѣтъ, Өедя, ты помягче будь къ народуто... Вить они, приказные, что!—чернь, народъ... А Державинъ что говоритъ?

Пускай въ подсолнечную трубитъ
Тиранъ своимъ богатствомъ страхъ:
Когда кого народъ не любитъ,
Полки его и деньги — прахъ!

— Вотъ что, братъ Өедя... Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ... А мы что!

Я червь, я рабъ...

— А я! — ударилъ себя въ грудь фонъ-Вульфъ:

Я царь! я Богъ!

— И вдругъ какой нибудь секретаришка нижняго надворнаго суда! да я его, тррръ! Donner-Wetter!

XI.

Въ тайной экспедиціи.

Утромъ слѣдующаго дня передъ крыльцомъ нижняго надворнаго суда стояла страннаго вида карета, въ видѣ глухой звѣриной клѣтки. По бокамъ у нея оконъ не было, равно не было и дверецъ, и только позади кузова темнѣло небольшое квадратное окошечко съ желѣзною рѣшеткою. Карета была запряжена въ одну лошадь, а на козлахъ сидѣла черная фигура, какія ходятъ только рядомъ съ катафалками.

Въ церквахъ звонили медленно, глухо, какъ звонятъ обыкновенно въ великій постъ, потому что это была пятница вербной недѣли.

Прохожіе, завидя странную карету, останавливались; но ходившій у крыльца съ алебардою часовой отгонялъ ихъ, сурово приговаривая:

— Проходите, пртходите,—не ваше дѣло.

Вскорѣ на крыльцѣ показался солдатъ съ ружьемъ и съ кожаной сумкой черезъ плечо. За нимъ шелъ Вульфъ. За Вульфомъ еще солдатъ съ ружьемъ, но безъ сумки. Сойдя съ крыльца, первый солдатъ отворилъ дверцу въ задней части короба мрачной кареты, пропустилъ въ нее фонъ-Вульфа, захлопнулъ и засунулъ наружнымъ желѣзнымъ засовомъ.

— Въ тайную! — скомандовалъ онъ, и карета двинулась.

Солдаты шли за каретою. Въ рѣшетчатое окошечко виднѣлось блѣдное лицо Вульфа. Онъ глядѣлъ задумчиво, сосредоточенно, какъ бы не видя того, что дѣлалось на улицахъ, по которымъ его провозили. А на улицахъ было большое оживленіе. Москва готовилась встрѣчать Лазареву субботу. Одни шли къ часамъ, другіе на рынки. Бабы и мальчишки тащили вороха вербъ съ бумажными цвѣтами и херувимами. Сбитеньщики выкрикивали сбитень горячій. Какой-то старикъ тащился за каретой, позади солдатъ, и протяжно, нараспѣвъ выкрикивалъ:

Макъ медовый,
Для сна бѣдовый.

Вульфъ, казалось, внимательно прислушивался къ тому, что кричалъ старикъ; но мысль его была далеко отсюда... Думалъ ли онъ, загадывая о Россіи, что его съ такимъ позоромъ повезутъ по улицамъ Москвы? И того ли онъ ожидалъ, когда тамъ, на далекомъ югѣ, на мѣстѣ храма Ифигеніи, онъ, охваченный порывомъ неудержимой страсти, рѣшился остаться въ Россіи?

— Въ тайную экспедицію,—тихо шепталъ онъ себѣ: — за что? въ чемъ мое преступленіе?

Нѣкоторые изъ прохожихъ съ любопытствомъ и со страхомъ заглядывали къ нему въ окошечко и долго провожали глазами; но никто, повидимому, не осмѣливался спросить, кого везутъ, хотя многіе догадывались, что везутъ «въ тайную», «въ бѣдность».

Колокола продолжали звонить медленно, протяжно, и Вульфу представлялось, что это звонятъ по мертвому... Кто же мертвый?..

Иногда онъ взглядывалъ на лица конвоировавшихъ его солдатъ, желая прочитать, что̀ написано на этихъ лицахъ, и не могъ... Думаютъ ли они о немъ и что думаютъ?

При поворотѣ черной кареты съ улицы въ переулокъ, онъ видѣлъ, какъ по улицѣ проѣхала коляска, въ которой сидѣла дама съ дѣвочкой. Дама была въ траурѣ и очень грустная. Онъ зналъ ее: это была Ляпунова съ Дуней Бубновой, ея воспитанницей. Онъ хотѣлъ крикнуть имъ, но у него не достало голосу — горло сдавило... Коляска остановилась около церкви...

— Молиться пріѣхала... обо мнѣ... А знаетъ ли она, что̀ со мной?

Черная карета снова поворотила въ людную улицу и остановилась.

— Тайная... пріѣхали...

Онъ хорошо помнилъ ощущенія тоскливой боли передъ боемъ, когда ожидается атака или когда просвистятъ первыя пули. Но здѣсь не то, здѣсь больше мучительной неизвѣстности, чѣмъ тамъ.

Заскрипѣлъ ржавый засовъ, дверца отворилась и солдаты вытянулись. Онъ вышелъ. Казалось, онъ ничего не видѣлъ вокругъ себя. Только по странному капризу памяти онъ хорошо запомнилъ, что, когда онъ выходилъ изъ кареты, то глаза его упали на бѣдненькую вывѣску на углу переулка, на которой бѣлымъ по синему было написано: «кислощейное»; но что̀—онъ дальше не могъ разобрать.

Солдатъ, что̀ былъ съ кожаной сумкой черезъ плечо, сдѣлавъ налѣво кругомъ, сталъ подниматься на крыльцо. Фонъ-Вульфъ послѣдовалъ за нимъ... Разъ-два, разъ-два—даже по лѣстницѣ солдаты отбивали тактъ.

Вотъ они на площадкѣ лѣстницы, передъ дверью. Дверь отворяется, и они вступаютъ въ прихожую, въ которой тоже сидятъ солдаты на конникѣ. Дверь въ слѣдующую комнату растворена, и тамъ виднѣются столы, за которыми сидятъ приказные и пишутъ.

Конвойные ввели фонъ-Вульфа въ эту комнату. Тотъ солдатъ, что̀ былъ съ сумкой, снялъ съ себя эту сумку, досталъ изъ нея засаленную книжку и подалъ сидѣвшему за первымъ столомъ приказному. Приказный, взявъ со стола табакерку, стукнулъ пальцемъ по ея крышкѣ, досталъ щепоть табаку и, медленно втягивая эту канцелярскую амврозію въ обѣ ноздри, пристально посмотрѣлъ на Вульфа, а потомъ уже развернулъ книжку, досталъ изъ нея па-

кетъ, вскрылъ его, медленно пробѣжалъ бумагу, снова взглянулъ на Вульфа и вѣжливо сказалъ:

— Не угодно ли, государь мой, присѣсть вонъ тамъ.

И показалъ на стулъ, стоявшій у стѣны. Вульфъ сѣлъ. Приказные перестали писать и взглядывали на него, какъ бы желая угадать, что онъ за человѣкъ.

— Квитокъ, ваше благородіе, пожалуйте,—выпалилъ вдругъ солдатъ, что былъ съ сумкой.

— Квитокъ?—спросилъ приказный, вынимая перо изъ-за уха.

— Такъ точно-съ, ваше благородіе.

— Сейчасъ, братецъ.

И, расписавшись въ книжкѣ, подалъ ее солдату.

— Вотъ тебѣ и квитокъ.

— Счастливо оставаться, ваше благородіе.

Оба солдата сдѣлали налѣво кругомъ и, стуча въ тактъ сапогами, вышли.

Приказный, расписавшійся въ полученіи пакета отъ солдата, взялъ вынутую изъ пакета бумагу, всталъ изъ-за стола и, оправивъ фалды камзола, на цыпочкахъ подошелъ къ двери, которая вела въ судейскую и предсѣдательскую камеры. У этой двери стояли часовые съ ружьями. Часовые пропустили приказнаго, и онъ скрылся за дверью.

— Тамъ, съ тревогой думалъ про себя Вульфъ:—тамъ оно...

Но онъ самъ себѣ не могъ представить, что такое это оно... Приказный снова появился, но уже безъ бумаги.

— Пожалуйте, господинъ баронъ.

Фонъ-Вульфъ машинально всталъ со стула и какъ автоматъ пошелъ туда, куда ему указывали. Вступивъ въ большую свѣтлую комнату, онъ увидѣлъ длинный столъ, покрытый чернымъ сукномъ, и нѣсколько человѣкъ, сидѣвшихъ за этимъ столомъ. На стѣнѣ — два большихъ портрета во весь ростъ: Екатерины II и Петра I.

На предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ мужчина лѣтъ за пятьдесятъ, съ живыми, блестящими, нѣсколько холодными глазами. Нѣсколько взбитый, сильно напудренный парикъ придавалъ его свѣжему лицу почти юношескую моложавость.

Это былъ московскій главнокомандующій, Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, усмиритель московскаго мятежа во время чумы.

Онъ окинулъ Вульфа бѣглымъ взглядомъ и спросилъ:

— Кто вы такой?

— Ротмистръ венгерскаго гусарскаго полка, баронъ фонъ-Вульфъ, ваше превосходительство.

— Господинъ секретарь! снимите съ подсудимаго допросъ по пунктамъ—по содержанію рапорта московскаго губернатора и согласно показаніямъ доносителя,—сказалъ Еропкинъ черезъ столъ

господину, сидѣвшему на другомъ концѣ этого стола передъ кипами бумагъ.

Секретарь, сухой старикъ, словно сова глядѣвшій черезъ огромныя круглыя очки, поклонился и вскинулъ свои совиные глаза на Вульфа.

— Гдѣ и когда вы родились?—спросилъ.

— Родился я въ Голландіи, въ городѣ Амстердамѣ, въ 1753 году,—отвѣчалъ допрашиваемый.

— Скажите, кто былъ вашъ родитель и когда и какія обстоятельства привели васъ въ Россію?

— Отецъ мой—экипажъ-мейстеръ и вице-адмиралъ голландской службы, баронъ Іоганнъ фонъ-Вульфъ, и нынѣ живъ. Въ малолѣтствѣ моемъ онъ послалъ меня въ Цесарію для наукъ, и жилъ я въ Вѣнѣ, и записанъ былъ кадетомъ, гдѣ и дослужился до капитана. Въ 1777 году, я, по прошенію, отставленъ былъ отъ службы, а въ 1778 году, поѣхалъ въ Пруссію и записался въ службу. Черезъ годъ, по прошенію же, отставленъ отъ службы, съ чиномъ маіора.

— А патенты на эти чины имѣете?

— Имѣю; они находятся при дѣлѣ въ нижнемъ надворномъ судѣ.

— Чѣмъ вы занимались послѣ отставки?

— Вояжировалъ по разнымъ странамъ.

— А потомъ?

— А потомъ пріѣхалъ въ Россію.

— Въ которомъ году?

— Въ 1782 году.

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ Россію?

— Чтобъ опредѣлиться въ военную службу.

— И опредѣлились?—когда?

— Сперва я жилъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, чтобъ поучиться русскому языку. Жилъ и въ другихъ городахъ. Въ Херсонѣ, потомъ чрезъ двухъ знакомыхъ венгерскаго гусарскаго полка офицеровъ, Данилова и Милашевича, опредѣлился въ тотъ венгерскій полкъ ротмистромъ. Спустя же двѣ недѣли, командиръ полка, князь Любомирской, отпустилъ меня, для моихъ нуждъ, въ Москву на шесть мѣсяцевъ. За неокончаніемъ своихъ дѣлъ въ срокъ, я отпускъ просрочилъ, а въ это время на меня подалъ жалобу генералъ-маіоръ Ляпуновъ въ томъ, что я побилъ его людей. Губернаторъ, генералъ-маіоръ Архаровъ, потребовалъ мой паспортъ и, найдя оный просроченнымъ, приказалъ задержать меня и какъ праздношатающагося отослалъ подъ карауломъ въ военную контору, въ которой я и числился подъ стражею четыре мѣсяца, и въ это время производилось обо мнѣ слѣдствіе, а жилъ я дома подъ присмотромъ. Потомъ изъ-подъ присмотра уѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ получить изъ военной коллегіи отставку. Въ Петер-

бургѣ навѣдался я въ канцеляріи князя Потемкина, что по спискамъ я, невѣдомо почему, въ службѣ не числюсь. Поживя въ Петербургѣ нѣсколько недѣль, пріѣхалъ обратно въ Москву, явился въ военную контору, изъ которой меня отослали въ губернское правленіе къ слѣдствію, что я будто бы самозванно именую себя ротмистромъ венгерскаго гусарскаго полка. Слѣдствіе это и нынѣ производится въ нижнемъ надворномъ судѣ, который меня тогда же освободилъ на росписку, и я жилъ все время въ Москвѣ.

— А какой это на васъ орденъ?—заинтересовался Еропкинъ.

— Орденъ «de la Providence», ваше высокопревосходительство.

— А кто его вамъ пожаловалъ?

— Владѣтельный графъ резиденціи Нассау-Саарбрикъ, Мондфортъ, съ которымъ я былъ лично знакомъ. Орденъ мнѣ былъ присланъ уже сюда съ нарочнымъ курьеромъ.

— А дипломъ на оный имѣете?

— Имѣю, ваше высокопревосходительство; онъ находится при дѣлѣ въ надворномъ судѣ.

— Хорошо, государь мой... Господинъ секретарь! продолжайте вашъ допросъ по пунктамъ.

Совиные глаза секретаря перенеслись съ Еропкина опять на Вульфа.

— На какія средства вы проживали въ Россіи?—спросилъ онъ.

— На собственныя: я привезъ съ собою до ста восьмидесяти тысячъ рублей; но большую часть изъ нихъ прожилъ раздачею разнымъ людямъ на вексели за указные проценты и неполученіемъ обратно; нѣкоторую сумму проигралъ въ карты, притомъ купилъ себѣ домъ здѣсь, въ Москвѣ. Нынѣ же осталось у меня тысячъ съ пятнадцать, изъ коихъ долженъ мнѣ иностранный купецъ Карлъ Штремъ тринадцать тысячъ, а прочіе по мелочамъ.

— А какой это 5-го апрѣля былъ у васъ случай въ надворномъ судѣ?

Вульфъ подумалъ нѣсколько, посмотрѣлъ на Еропкина и отвѣчалъ.

— Назадъ тому дней съ пять пріѣхалъ я въ надворный судъ за своимъ дѣломъ, и въ ономъ судѣ былъ задержанъ.

Онъ остановился, какъ бы не рѣшаясь продолжать, но потомъ вдругъ сказалъ:

— Я полагаю, что меня задержали затѣмъ, чтобъ вынудить съ меня взятку...

— Ну!—не то съ удивленіемъ, не то съ угрозой спросилъ Еропкинъ:—взятку?

— Да, ваше высокопревоеходительство... Дѣло было такъ: по выходѣ изъ суда 5-го числа, присутствующіе пришли ко мнѣ, по знакомству, для навѣщанія; пришелъ ассесоръ уголовной палаты Стоговъ, втораго департамента судьи—Писаревъ, Дубовицкой и Еси-

повъ и секретарь перваго департамента Смирновъ. Были также иностранцы Штремъ, Штаадъ и мой управляющій, поручикъ Штокъ.

— Управляющій чего?—спросилъ Еропкинъ.

— Моего дома, ваше высокопревосходительство... И принесли они съ собою три штофа полпива, для угощенія, и закуски. Всѣ мы пили, и я нѣсколько опьянѣлъ, и въ разговорѣ говорилъ о своей службѣ, когда былъ въ Цесаріи и въ Пруссіи, какъ я въ бывшую у прусскаго короля съ цесаремъ войну на баталіи былъ раненъ, и говорилъ, что ежели меня здѣсь не примутъ въ службу, то я пойду служить къ императору Іосифу Второму. Потомъ они всѣ ушли, а меня оставили подъ карауломъ: я сталъ шумѣть и побилъ секретаря Смирнова за то, что онъ назвалъ меня бродягой.— Вотъ и все.

— А не называли вы себя не принадлежащимъ вамъ именемъ?

— Какимъ?

— Императоромъ Іосифомъ.

Вульфъ съ изумленіемъ смотрѣлъ то на секретаря, то на Еропкина, то на остальныхъ, безгласныхъ членовъ судилища.

— Какъ! императоромъ!—я?

— Да, вы.

— Никогда!—я и въ помышленіи не имѣлъ, чтобъ такія рѣчи говорить—я не безумецъ: только такой дуракъ какъ Пугачевъ могъ думать или показывать, что онъ императоръ.

Судьи переглянулись.

— Привести на очную ставку доносителя,—сказалъ Еропкинъ секретарю.

Тотъ всталъ и вышелъ. Фонъ-Вульфъ стоялъ блѣдный и злой... «Вотъ до чего дошло... Это ужъ моей головы ищутъ за то только, что мало далъ... О, чумная, постыдная страна!..».

Черезъ нѣсколько минутъ ввели «доносителя». Это и былъ Смирновъ. Вся фигура его, весь обликъ, бѣгающіе главки—все обличало въ немъ самую низменную, подлую и трусливую продажность. На Вульфа, однако, онъ взглянулъ съ тупымъ нахальствомъ.

— Разскажи, какъ было дѣло,—съ нескрываемымъ презрѣніемъ глянулъ на него Еропкинъ.

«Доноситель» кашлянулъ куда-то въ сторону, заёрзалъ на мѣстѣ и началъ:

— Дѣло было такъ, ваше высокопревосходительство: когда ушли господа судьи отъ Вульфа, а я сидѣлъ въ судейской камерѣ на своемъ мѣстѣ, въ это время въ камеру взошелъ Вульфъ и схватилъ меня за воротъ.—Что ты это дѣлаешь?—говорю я.—А знаешь ли, кто я?—отвѣчаетъ онъ.—А я говорю: знаю, что ты Ѳедоръ Ивановичъ Вульфъ.—Нѣтъ,—говоритъ:—я Іосифъ Второй императоръ и царской крови! я великой человѣкъ!—Что вы,—я говорю,—говорите? О своемъ ли вы умѣ?—Право такъ, говоритъ...

— Онъ лжетъ!—не вытерпѣлъ подсудимый.

— Не перебивайте,—остановилъ его Еропкинъ:—продолжай ты!

— Право такъ, говоритъ, и вынувъ изъ-за пазухи свернутую ассигнацію, предлагалъ ее мнѣ. — На что это?—говорю я: — я не возьму, а скажу.—Одначе Вульфъ положилъ мнѣ ассигнацію, а я вышелъ изъ судейской камеры въ сѣни, показалъ ассигнацію случившемуся такъ канцеляристу и объявилъ обо всемъ члену, князю Енгалычеву.

«Доноситель» замолчалъ и опять заёрзалъ на мѣстѣ, какъ бы желая забиться въ щель.

— Что вы на это скажете?—повернулся Еропкинъ къ Вульфу.

— Повторяю, ваше высокопревосходительство!—сказалъ тотъ съ силой: — во всемъ этомъ наглая ложь! Кто свидѣтель?

«Доноситель» заметался, но ничего не сказалъ.

— Я одно долженъ добавить,—заключилъ Вульфъ:—что въ ту же ночь у меня тамъ украли золотые часы, ассигнацію въ двадцать пять рублей... Не ее ли вы показывали въ сѣняхъ господину канцеляристу?—съ злою ироніею обратился онъ къ «доносителю»: — и не показывали ли ему моихъ часовъ да тогда же пропавшій полуимперіалъ?

«Доноситель» молчалъ какъ убитый.

— Вы кончили? — спросилъ Еропкинъ, вставая.

— Кончилъ, ваше высокопревосходительство.

— А вы, господинъ секретарь, все записали?

— Все-съ, ваше высокопревосходительство.

— Такъ пускай господинъ Вульфъ подпишетъ допросъ, а вы (онъ глянулъ на одного изъ членовъ) объявите ему о тайности сего мѣста и изготовьте донесеніе государынѣ императрицѣ.

И, не взглянувъ ни на кого, московскій главнокомандующій вышелъ.

— Можете идти,—сказалъ секретарь Смирнову, и тотъ на цыпочкахъ вышелъ. — А вы, — сказалъ онъ Вульфу: — садитесь здѣсь и подпишите допросъ.

Вульфъ сѣлъ, внимательно прочелъ свои показанія и хорошимъ, крупнымъ почеркомъ, порусски подписалъ допросъ по листамъ.

Онъ всталъ. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ разбитымъ. Встали и члены тайнаго судилища, и старшій изъ нихъ, указывая на зерцало, торжественно произнесъ:

— Обвиняемый! въ присутствіи сего священнаго символа высочайшей ея императорскаго величества особы, въ священномъ семъ мѣстѣ милостиваго и праваго суда ея, клянитесь, что о чемъ вы здѣсь спрашиваны были и что въ допросѣ показали, того вы во всю свою жизнь никому, никогда и ни подъ какимъ видомъ не объявите и не разгласите, подъ опасеніемъ, ежели кому объявите,

не только тягчайшаго по законамъ наказанія, но и лишенія живота. — Клянитесь!

— Клянусь,—былъ глухой отвѣтъ.

— Отвести его подъ стражу впредь до полученія высочайшаго повелѣнія[1]).

XII.

Красное яичко.

Пасха въ 1788 году приходилась 16-го апрѣля. Это подтверждаетъ и Храповицкій. Въ его «Дневникѣ» подъ 16-мъ апрѣля записано:

«День свѣтлаго Христова воскресенія. Подносилъ, вмѣсто генералъ-прокурора, вазы съ фарфоровыми яйцами»[2]).

Фарфоровыя яйца, которыя поднесъ Храповицкій императрицѣ,— это для христосованья ея съ придворными.

Государынѣ съ вечера нѣсколько нездоровилось, и потому большой выходъ въ свѣтлое воскресенье назначенъ былъ попозже—въ 12 часовъ. До выхода же государыня оставалась въ кабинетѣ и занималась дѣлами.

— Это мое лекарство,—сказала она Храповицкому, съ помощью Захара разставлявшему вазы съ яйцами, указывая на кипу пакетовъ, лежавшихъ на ея письменномъ столѣ.

— Хорошо лекарство,—проворчалъ про себя Захаръ.

— Ты что, старый воркунъ?—улыбнулась императрица.

— Не бережете вы себя—вотъ что!

— Какъ не берегу?

— А такъ—все бумаги да бумаги: и день, и ночь читаете и пишете... Иной бы хоть для свѣтлаго Христова воскресенья постыдился съ бумагами-то возжаться, а у тебя вонъ что наложено на столѣ!

Императрица улыбнулась: она знала привычки стараго слуги— постоянно ворчать, для ея же пользы.

— Какъ же быть-то, Захарушка?—оправдывалась она:—всякій хозяинъ долженъ свое хозяйство блюсти. А у меня хозяйство, самъ знаешь, не маленько.

— А слуги на что?—Слугъ у тебя немало: вонъ князь Григорій Александровичъ, Вяземскій князь, Александръ Алексѣевичъ, Безбородко графъ, Александръ Андреичъ, вотъ ихъ милость Але-

---

[1]) Весь этотъ допросъ, какъ и вся послѣдующая исторія злоключеній Вульфа и генеральши Ляпуновой протокольно взяты мною изъ сообщенныхъ мнѣ редакторомъ «Историческаго Вѣстника» С. Н. Шубинскимъ выписокъ изъ подлиннаго дѣла тайной канцеляріи архива министерства юстиціи (связка 389). Авт.

[2]) Дневникъ Храповицкаго, стр. 75.

ксандръ Васильевичъ (онъ указалъ на Храповицкаго)—слуги все хорошіе.

— Такъ-то такъ, Захаръ,—отвѣчала императрица:—да у каждаго изъ нихъ свое дѣло есть.

— Что жъ, и пущай—только бъ не тебѣ самой все писать да читать.

— А что?

— Тяжелое это дѣло – читать: у меня заразъ голова заболитъ.

— У меня не болитъ.

— Сказывай! Пущай бы они, министры, читали да писали, а вы бы, матушка, только приказывали: на то вы и царица. Вонъ блаженныя памяти государыня Елисавета Петровна — та ничего не читала и не писала, а вонъ же царствовала.

Императрица не нашлась, что̀ отвѣчать на это, и постаралась перемѣнить разговоръ.

— Что это Марья Савишна долго нейдетъ, — сказала она, о чемъ-то задумавшись.

— У нея, матушка государыня, дѣло есть,—отвѣчалъ Захаръ.

— Какое дѣло?

— Она тамъ Александру Матвѣичу голову мылитъ.

— За что?

— Не знаю... Слышалъ только, проходя мимо, что бранитъ его за плащаницу.

— Какъ за плащаницу?

— Да говоритъ, что, стоя вчера у плащаницы, въ церкви, съ кѣмъ-то перемигивался, да и́ къ плащаницѣ, говоритъ, вмѣстѣ прикладывались: это, говоритъ, только безстыдники дѣлаютъ такъ во храмѣ Божьемъ.

Слова Захара видимо произвели на императрицу тяжелое впечатлѣніе. Ей самой вчера въ церкви показалось, что Мамоновъ часто переглядывался съ молоденькою фрейлиною, съ княжною Дарьею Щербатовой, и дѣйствительно, они вмѣстѣ прикладывались къ плащаницѣ, и очень близко другъ къ дружкѣ, а когда они, приложившись къ плащаницѣ, поднялись, то онъ былъ очень блѣденъ и взволнованъ, избѣгалъ взглядовъ императрицы, а княжна поднялась вся пунцовая: молодое, хорошенькое личико пожаромъ пылало. Вечеромъ же онъ сказался больнымъ и совсѣмъ не приходилъ.

Такъ не отъ дѣлъ нездоровилось государынѣ, какъ думалъ Захаръ, а отчего-то другаго.

«Можетъ, это и неправда... такъ—пошутилъ... Впрочемъ—молодость... Лучше примусь за свои лекарства — вонъ ихъ сколько на столѣ»...

И императрица взяла верхній пакетъ.

— Въ собственныя руки,—тихо прочла она:—отъ московскаго главнокомандующаго.

Она торопливо вскрыла пакетъ и пробѣжала бумагу. На лицѣ ея показалась улыбка.

— Въ Москвѣ австрійскій императоръ,—сказала она Храповицкому.

У того на лицѣ выразилось почтительное изумленіе, почти столбнякъ.

— Іосифъ Второй въ Москвѣ,—съ улыбкой повторила императрица.

То же тупое изумленіе на лицѣ Храповицкаго. Одного Захара это не удивило.

— Понравилось, значитъ, матушка, у насъ,—сказалъ онъ, еще разъ обтирая полотенцемъ вазы съ яйцами.

— Ну, теперь ужъ не понравится больше.

— Отчего, государыя?

— Тамъ его Еропкинъ подъ арестъ засадилъ.

Теперь пришла очередь и Захару удивляться.

— Какъ же такъ, государыня?—Онъ намъ за это войну объявитъ.

— Не бойся, Захарушка: это такой же императоръ, какъ у насъ былъ Емелька Пугачовъ.

— Такъ стало самозванецъ, матушка?

— Самозванецъ—какой-то баронъ фонъ-Вульфъ спьяну назвалъ себя австрійскимъ императоромъ, и его за это и заарестовали.

— И по дѣломъ.

Въ это время въ кабинетъ вошелъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, въ полной парадной формѣ, а за нимъ четыре камеръ-лакея несли на носилкахъ исполинское красное яйцо, аршина въ два длиной и полтора въ округлости.

— Что это, Лёвушка?—улыбнулась императрица.

— Красное яичко вамъ, матушка государыня,—отвѣчалъ серьёзно Нарышкинъ:—пришелъ похристосоваться съ вами.

— Очень рада... Только и яйцо ужъ у тебя...

— Большое яйцо—великое, какъ и сама ты, матушка, великая.

— Охъ, льстишь ты мнѣ, разбойникъ,—смѣялась Екатерина.

— Не льщу, матушка, а правду говорю.

Камеръ-лакеи бережно положили яйцо на столъ и удалились

— Ну, похристосуемся же,—сказала Екатерина:—Христосъ воскресе!

— Воистину воскресе!

— А вотъ тебѣ яичко.

— А вотъ тебѣ, матушка.

Всѣ подошли къ чудовищному яйцу. Вдругъ верхняя половина его сама собой открылась, и оттуда выглянуло прелестное розовое личико бѣлокураго мальчика лѣтъ десяти.

— Баба!—радостно закричалъ мальчикъ, выскакивая изъ яйца и бросаясь со стола прямо на шею императрицѣ: — баба милая!

— Саша! голубчикъ мой!—воскликнула со слезами государыня.

Это былъ великій князь Александръ Павловичъ, любимый внучекъ Екатерины. Ему шелъ теперь одиннадцатый годъ, и онъ былъ очень живой, очаровательный ребенокъ. Сама императрица говорила однажды Храповицкому:

— Александръ сколько ростомъ, столько же душевными качествами и остротою превосходитъ Константина, который и въ ростѣ, и въ ученіи отъ него отстаетъ [1]).

Повиснувъ у бабушки на шеѣ, онъ твердилъ:

— Ахъ, баба милая, какъ я радъ, какъ радъ, что раньше всѣхъ похристосовался съ тобой.

Императрица гладила и цѣловала его.

— И точно—ужъ лучшаго яичка мнѣ никто не дастъ,—говорила она. — Спасибо, Левъ Александровичъ.

— Не за что, государыня:—я зналъ, что порадую васъ этимъ.

Захаръ стоялъ и только головою качалъ.

— Ужъ и затѣйникъ же у насъ Левъ Александровичъ, — разсуждалъ онъ:—коли не Левъ Александровичъ, — у насъ во дворцѣ помирать надо со скуки да отъ дѣловъ: одинъ Левъ Александровичъ, спасибо ему, развлекаетъ государыню.

— Правда, правда, Захаръ, — подтвердила императрица. — А какъ это ты, Левъ Александровичъ, надумалъ этотъ сюрпризъ?

— Да сами его высочество подали мысль; хвалятся какъ-то надняхъ: я, — говорятъ: — раньше всѣхъ поздравилъ бабу съ принятіемъ святыхъ таинъ, потому что въ церкви близко стоялъ, да и говорятъ: ахъ, еслибъ мнѣ и похристосоваться удалось съ бабушкой раньше всѣхъ! — Мнѣ и приди въ голову заказать яйцо.

Въ кабинетъ является еще одно лицо — высокій мужчина съ крупными чертами лица южнаго типа, съ нѣсколько угловатыми, бурсацкими манерами и очень умными, подкупляющими глазами. Это — вице-канцлеръ, графъ Безбородко, бывшій дѣйствительно когда-то бурсакомъ Кіевской академіи. Въ рукахъ у него папка съ бумагами. На ходу онъ неловко кланяется.

— А! Александръ Андреевичъ! съ праздникомъ, — привѣтствуетъ его императрица. — Что у тебя тамъ? — вѣрно, депеши?

— Депеши, государыня, французскія — сейчасъ курьеръ пригналъ.

— Ну, что пишутъ?

— Франція ожидаетъ отъ насъ обстоятельнаго изъясненія о связи съ нею...

— Какого еще ей обстоятельнаго! — вспылила императрица.

---

[1]) Дневникъ Храповицкаго, стр. 355.

— Она, государыня, недовольна...

— Недовольна! — Я знаю, это все продѣлки прусскаго двора! Она встала и подошла къ самому лицу докладчика.

— Ну, чѣмъ она недовольна?

— Она недовольна, ваше величество, краткимъ отзывомъ на ея предложеніе и требуетъ...

— Она требуетъ! — ну?

— Она проситъ, для медіаціи съ Портою — на чемъ рѣшимся мы остановиться въ войнѣ турецкой, подозрѣвая des vues d'agrandissements, по случаю отправленія флота нашего въ Архипелагъ.

Екатерина задумалась. Великій князь, воспользовавшись дѣловымъ разговоромъ бабушки, ускользнулъ вмѣстѣ съ Нарышкинымъ и Захаромъ въ другіе апартаменты.

Екатерина прошлась по кабинету и опять остановилась противъ вице-канцлера.

— Я увѣрена, — сказала она: — такія мысли вперяетъ ей прусскій дворъ, который желаетъ взять кусокъ изъ Польши [1]).

Безбородко молчалъ. Онъ боялся перебивать размышленія своей повелительницы, хорошо изучивъ ея женскую находчивость.

— Только же не удастся прусскому двору поймать окуня въ мутной водѣ,—сказала, наконецъ, Екатерина весело. — Кстати, — улыбаясь, продолжала она: — тебѣ, какъ вице-канцлеру, предстоитъ немало хлопотъ съ Австріею.

Безбородко опять молчалъ: какъ истый хохолъ, онъ не былъ разговорчивъ — онъ охотнѣе слушалъ другихъ.

— Императоръ Іосифъ въ плѣну, — сказала она весело.

— У кого, государыня? — спросилъ ошеломленный хохолъ.

— У Еропкина... На — прочти бумагу.

И она подала ему рапортъ Еропкина о нашемъ злополучномъ героѣ — о баронѣ фонъ-Вульфѣ. Затѣмъ подошла къ своему столу, взглянула на исполинское яйцо, справилась тутъ же, который часъ, и сказала, обращаясь къ Храповицкому, который давно сидѣлъ за своимъ столикомъ и усердно перлюстрировалъ почту:

— Что — ничего не нашелъ?

— Ничего, ваше величество.

— Такъ возьми перо и бумагу, а я тебѣ продиктую объ этомъ Вульфѣ: надо его выслать изъ Россіи... Онъ уже былъ разъ замѣшанъ по дѣлу Зановичей и Зорича.

Храповицкій приготовился писать.

— Пиши: — Петръ Дмитріевичъ! На донесеніе ваше о случившемся происшествіи у содержащагося подъ стражею иностранца Вульфа съ секретаремъ нижняго надворнаго суда Смирновымъ... Написалъ?

---

[1]) Дневникъ Храповицкаго, стр. 75—76.

— Написалъ, государыня.

— Пиши дальше: не можемъ мы инаго сказать, кромѣ одобренія резолюціи, вами данной, примѣчая, что ежели бы лучшій былъ присмотръ за подстражными, то не могло бы и того случиться. Готово?

— Готово, ваше величество.

— Подай.

Храповицкій подалъ написанное. Императрица прочла, обмакнула перо въ чернильницу и крупно подписалась: Екатерина.

Въ дверяхъ показалась полная и красная физіономія Марьи Савишны.

— Что, Савишны.

— Пора чесаться, государыня.

— Иду.

XIII.

Изгнанникъ.

Морознымъ зимнимъ утромъ 1790 года, изъ Москвы по смоленской дорогѣ ѣхали, одинъ за другимъ, два крытыхъ дорожныхъ возка, и тотъ и другой запряженные тройкою почтовыхъ.

Неприглядна зимняя ѣзда на лошадяхъ. Неприглядны, однообразны, скучны до тоски открывающіяся глазамъ путника картины. Куда ни обратится взоръ, — вездѣ бѣлыя, слѣпящія глазъ, равнины. Овражки, бугорки, горки, жалкій кустарникъ, оголенный лѣсъ — на всемъ этомъ снѣгъ, какъ саванъ мертвеца. Вѣчно мертвая ель чернѣетъ изъ-за хлопьевъ снѣгу, какъ болѣзненные струпья на бѣломъ тѣлѣ. Однообразная, тоскливая равнина тянется до самаго горизонта, до края неба, которое тоже смотритъ какою-то тускло-снѣжною пеленою, изъ которой при порывахъ вѣтра сыплется все тотъ же снѣгъ и снѣгъ. Изрѣдка, грубо, какъ-то удушливо каркая, въ холодномъ воздухѣ пронесется ворона, словно и она ищетъ улетѣть куда нибудь изъ этого снѣжнаго царства. Стебли засохшаго бурьяна, торчащіе изъ снѣгу, кажутся такими жалкими, покинутыми.

Однообразно, тоскливо позвякиваютъ колокольчики подъ дугами коренныхъ. Визгъ полозьевъ отдается въ сердцѣ, словно бы и тѣмъ стало снѣжно и холодно.

Плотно закутавшись въ медвѣжью шубу и надвинувъ почти до глазъ бобровую шапку, скучающими глазами глядитъ на бѣлую равнину изъ передняго возка бѣлокурый мужчина, и въ глазахъ этихъ какъ бы отражается воспоминаніе о другихъ мѣстахъ, о другихъ картинахъ. Рядомъ съ нимъ сидитъ молодая женщина въ богатой куньей шубкѣ, съ головою, плотно укутанною бѣлымъ пуховымъ платкомъ. Красивые, черные глаза ея видимо заплаканы.

— А ты весной упроси мужа за границу, на воды, — говоритъ мужчина, украдкой взглядывая на свою спутницу.

— Нѣтъ, мужъ не поѣдетъ — онъ догадается, — грустно отвѣчаетъ женщина.

— Почему же ты думаешь?

— Я его знаю: онъ и то упрекалъ меня этимъ.

— Какъ упрекалъ?

— Онъ говорилъ: ты бы навѣрное, говоритъ, ускакала за своимъ любовникомъ, да только никто тебѣ, говоритъ, паспорта не дастъ.

Читатель догадался, конечно, что это былъ фонъ-Вульфъ и Ляпунова.

По опредѣленію сената, утвержденному императрицею, фонъ-Вульфъ высылался изъ Россіи, съ тѣмъ, чтобъ впредь никогда въ нее не въѣзжать. Ляпунова была въ отчаяніи. Болѣе года она не осушала глазъ, пока ея возлюбленный судился и сидѣлъ подъ арестомъ. Но тогда она хоть надѣялась, что рано ли, поздно ли, а увидитъ его. Теперь же она разставалась съ нимъ навѣки. Ей казалось, что она не перенесетъ этой потери. Какъ ни бдительно слѣдилъ за нею старый, ревнивый мужъ, однако, ей удалось усыпить его подозрительность, и теперь она вырвалась, чтобъ проводить своего идола, чтобъ хоть лишній часокъ побыть съ нимъ, видѣть его, слышать его голосъ. Вотъ почему она теперь и ѣхала съ нимъ въ одномъ возкѣ. Но дальнія проводы — лишнія слезы: почти всю дорогу она проплакала.

Въ другомъ возкѣ тоже сидѣли двое—мужчина и женщина, скорѣе дѣвочка, очень молоденькая дѣвушка. Мужчина былъ полицейскій офицеръ, командированный Еропкинымъ для сопровожденія Вульфа до границы, а дѣвушка—это Дуня Бубнова, воспитанница Ляпуновой.

— А помнишь Крымъ?—снова заговорилъ фонъ-Вульфъ, желая развлечь свою спутницу.

— Да, — отвѣчала она: — развѣ можно это забыть?

— Правда... А здѣсь-то, куда ни глянешь — куда какъ непригоже! Тамъ и теперь поди тепло.

— А помнишь, какъ ты доставалъ мнѣ молоденькую чайку?

— Какъ не помнить!

— А я какъ боялась за тебя... И какъ это давно было!—скоро три года.

Она опять заплакала. Теперь особенно острою показалась ей горечь воспоминаній.

— Не плачь, Машечка,—утѣшалъ онъ ее: — мы не навѣкъ разлучаемся.

— Какъ не навѣкъ?

— А такъ: — что̀ бы тамъ ни было, а я побываю у тебя.

— Ахъ, милый, нельзя этого сдѣлать.

— А я сдѣлаю. Развѣ долго купить у кого нибудь паспортъ, и съ этимъ паспортомъ, подъ чужимъ именемъ, пріѣхать? — Все можно. А до того времени мы будемъ переписываться... А тамъ умретъ твой тиранъ...

— Нѣтъ, не бывать тому — онъ двужильный.

— Нѣтъ, Маша, что̀ ни говори, а ему подъ семьдесятъ.

— Ахъ, Ѳедя! — глотая слезы, воскликнула она: — пойми — мнѣ и на мѣсяцъ тошно разлучаться съ тобой.

Въ заднемъ возкѣ шелъ разговоръ другаго рода.

— А мужъ не узнаетъ, что она ѣздила провожать его? — спрашивалъ полицейскій Дуню.

— Нѣтъ, генералъ уѣхалъ въ Знаменки, — отвѣчала дѣвушка: — въ свое имѣніе.

— А люди не скажутъ?

— Нѣтъ, — Марья Дмитріевна закупила ихъ.

— То-то... А то и мнѣ достанется.

Оба помолчали. Подъ однообразное позвякиванье колокольчика и скрипъ полозьевъ дѣвушка начала было задремывать.

— Что жъ, генералъ-то знаетъ все? — снова заговорилъ полицейскій.

— Что такое? — очнулась дѣвушка.

— Генералъ, говорю, знаетъ, что генеральша съ господиномъ барономъ-то?..

— Онъ давно узналъ, — отвѣчала нехотя Дуня.

— И что жъ — поди досталось ей?

— Очень досталось — поплакала таки.

— А барону?

— Барона въ судъ взяли, а теперь вотъ ссылаютъ.

Разговоръ плохо вязался и, наконецъ, порвался совсѣмъ. По сторонамъ — все тѣ же однообразныя, скучныя картины зимней природы. Мысль, не отвлекаемая ничѣмъ внѣшнимъ, прячется куда-то внутрь, въ прошлое, въ воспоминанія, въ то, что̀ пережито, что̀ потеряно. Вульфъ чувствовалъ, что и у него на сердцѣ какая-то ссадина, тупая, щемящая боль. Эту тупую боль вызываетъ не разлука, а что-то другое, какія-то болѣе сложныя причины, болѣе глубокія: со дна души поднимается вся муть, вся тина цѣлой жизни. Онъ радъ былъ бы, еслибъ это чувство, чувство внутренней боли, было такое опредѣленное, какъ у его спутницы: у нея острое, но опредѣленное страданіе — она любитъ его и боится потерять; у нея одно жгучее желаніе—удержать его. А у него и этого нѣтъ. Онъ опять глубоко чувствовалъ, какъ тогда, въ Крыму, что онъ—бродяга; что вся жизнь его была безцѣльнымъ скитаньемъ по свѣту. Зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Россію? Искать дѣла, карьеры, славы... А что нашелъ онъ? — Одинъ позоръ... На время страсть отуманила его голову; въ порывѣ этой страсти ему казалось, что

горизонтъ его жизни расширяется до безконечности, что тамъ, гдѣ-то впереди, онъ найдетъ и великое дѣло, и карьеру, и славу. И вдругъ—горизонтъ этотъ съузился до размѣровъ «офицерской» камеры въ надворномъ судѣ, а борьба, которой искали его дремлющія силы, нашла свой постыдный исходъ въ борьбѣ съ трусливымъ приказнымъ, съ секретаремъ Смирновымъ!...

И вотъ теперь его выталкиваютъ въ Европу, какъ безполезнаго, праздношатающагося...

Что онъ будетъ дѣлать тамъ, откуда самъ же онъ бѣжалъ восемь лѣтъ тому назадъ? Тогда онъ былъ богачъ, — теперь почти нищій...

Это бѣлесоватое, мутное небо давило его. На душѣ было холодно. Куда теперь нести тоску одиночества, безцѣльности жизни?—Къ отцу, на родину?—Да онъ почти и не помнитъ этой родины. И какъ ему показаться на глаза отцу въ роли блуднаго сына? А когда-то отецъ возлагалъ на него большія надежды, посылая его учиться въ Вѣну. А какъ оправдалъ онъ эти надежды?—Его выметаютъ изъ Россіи, какъ негодный и вредный соръ. Куда жъ ему кинуться?—гдѣ приклонить одинокую, уже сѣдѣющую голову?—Въ Австрію?—но онъ давно порвалъ съ нею связи, и воспоминанія о школьныхъ годахъ, проведенныхъ тамъ, не вносятъ въ его душу ничего, кромѣ горечи... Пуститься въ совершенно невѣдомый океанъ—на Востокъ, въ Турцію, въ Египетъ?—попытать счастья подъ тропическимъ солнцемъ Африки?—Это онъ могъ сдѣлать прежде, но не теперь...

Не вдалекѣ, вдоль плоскаго косогорья раскинулось село. Небольшія черныя избы издали казались накрытыми огромными, бѣлыми шапками. Надъ шапками этими вился кое-гдѣ бѣлый дымокъ.

При видѣ села ямщикъ тронулъ возжами, дико вскрикнулъ, и лошади рванулись, чуя близкій отдыхъ.

— Соколики, грабютъ!

Лошади узнали привычный окрикъ ямщиковъ того времени, когда на большихъ дорогахъ дѣйствительно грабили,—и понеслись какъ бѣшеныя.

— Не выдай, соколики! рѣжутъ! унесите душеньку!

Спутники поняли, что близко была станція — разстанный ихъ пунктъ, и у обоихъ сжалось сердце.

— Вотъ ужъ скоро намъ и прощаться,—нерѣшительно проговорилъ Вульфъ: — не будемъ думать о томъ, что мы разстаемся, милая, а будемъ о томъ загадывать, какъ мы опять свидимся.

Ляпунова молчала, только по щекамъ ея тихо текли слезы.

— Не плачь, Маша, — уговаривалъ онъ ее: — а то мнѣ горько будетъ о тебѣ вспоминать... Не плачь, милая! — мнѣ бы хотѣлось, когда ужъ я не буду видѣть тебя, думать, что моя Marie ждетъ

своего Теодора веселенькая, радостная... Помни и помяни мое слово, что мы еще возьмемъ свое...

Она принужденно улыбнулась и утерла слезы.

— Да и неловко плакать при чужихъ,—прибавилъ онъ.

— Хорошо, хорошо, мой дорогой.

Они говорили вообще такъ тихо, что ямщикъ ничего не могъ понять; да онъ и не интересовался тѣмъ, о чемъ господа говорятъ, тѣмъ больше, что почти весь разговоръ ихъ перемѣшанъ былъ французскимъ языкомъ, которымъ и Вульфъ, и Ляпунова владѣли отлично. Ямщика гораздо болѣе занимала мысль, сколько ему дадутъ на водку, а потому, при видѣ станціи, онъ изъ кожи лѣзъ, чтобъ угодить господамъ.

— Эй, соколики, живѣй, чтобы баринъ былъ добрѣй, чтобъ на водку не жалѣлъ—ямщикъ-де соколомъ летѣлъ... Эхъ вы!

Лошади рванули еще и еще — и возокъ быстро подлетѣлъ къ станціонному двору.

Фонъ-Вульфъ и Ляпунова вышли изъ экипажа и направились на крыльцо станціоннаго дома. Къ нимъ подошелъ сопровождавшій ихъ квартальный.

— Долго, господинъ баронъ, вы намѣрены остаться здѣсь на станціи? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, — только пока заложатъ лошадей.

— Такъ приказывать запрягать?

— Прикажите, пожалуйста... Только въ задній возокъ — обратныхъ до Москвы.

— А ихъ превосходительство не поѣдутъ дальше?

— Нѣтъ.

— Слушаю-съ.

Ляпунова и не замѣтила, какъ заложили лошадей. Она слишкомъ поглощена была своимъ горемъ, чтобы думать объ этомъ. Но когда прописана была подорожная фонъ-Вульфа и когда она услыхала, какъ зловѣще на дворѣ зазвякали колокольчики, встряхиваемые нетерпѣливыми конями, сердце ея упало. Она бросилась на шею своему возлюбленному, да такъ и застыла. Съ трудомъ удалось ему вновь одѣть и закутать ее.

Когда Вульфъ направился къ дверямъ, она порывисто перекрестила его и вышла съ нимъ вмѣстѣ. У крыльца стояли двѣ тройки, изъ которыхъ головы одной были обращены къ Москвѣ, другой— по направленію къ Смоленску.

Видъ этотъ заставилъ поблѣднѣть Ляпунову, и она чуть не упала въ обморокъ; но фонъ-Вульфъ поддержалъ ее, бережно довелъ, почти донесъ до ея возка и усадилъ, тщательно закутавъ ей ноги.

У воротъ столпились ямщики и посторонніе зрители и въ недоумѣніи смотрѣли на эти невиданныя проводы.

Вульфъ поцѣловалъ въ послѣдній разъ свою печальную подругу,

тихонько что-то шепнулъ ей, поцѣловалъ Дуню, и быстро усѣлся въ свой возокъ, но уже рядомъ съ квартальнымъ.

— Трогай, съ Богомъ! — крикнулъ этотъ послѣдній, и тройка рванулась впередъ.

Вульфъ оглянулся назадъ — ему махали платкомъ. Онъ также вынулъ платокъ и сталъ махать.

Но тройка скоро повернула въ сторону — и того маленькаго, мелькавшаго въ воздухѣ бѣленькаго платка не стало видно.

Д. Мордовцевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ ЛАЗУТЧИКА РУССКОЙ АРМІИ ВЪ ВОЙНУ 1877—1878 ГОДОВЪ [1].

IV.

Новое порученіе. — Старые знакомые. — Пріобрѣтеніе турецкаго паспорта. — Отъ Виддина до Плевны. — Плевненскія новости. — Рахатъ-лукумъ. — По дорогѣ въ Софію. — Сулейманъ-паша. — Шумла. — Варна. — На желѣзной дорогѣ. — Адріанополь. — Комиты. — Филиппополь. — Главная квартира русской арміи.

СОГЛАСНО съ данной мнѣ инструкціей, я долженъ былъ снова побывать въ Виддинѣ и Плевнѣ, а оттуда отправиться на юго-востокъ и развѣдать о силахъ, сосредоточенныхъ въ Румеліи, и крѣпостяхъ Шумлѣ и Варнѣ. Мнѣ предстояло переправиться черезъ Дунай у города Турно-Северина, такъ какъ пробраться изъ Систова къ Виддину, непосредственно по болгарской территоріи, въ виду разъѣздовъ непріятеля на линіи сообщеній съ Сербіею, не представлялось возможнымъ.

Успѣхъ первой моей переправы вынудилъ меня держаться первоначальнаго пути и обращаться къ содѣйствію людей, уже однажды бывшихъ мнѣ полезными, а потому изъ Систова я переѣхалъ Дунай по устроенному русскими послѣ переправы мосту и черезъ Зимницу, Журжево, Бухарештъ и Краіово добрался въ Турно. Тутъ я остановился на нѣсколько часовъ и, отдохнувъ, поѣхалъ на знакомую рыболовлю Морареля.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXII, стр. 66.

Этотъ добрый человѣкъ не узналъ меня съ перваго раза, такъ неожиданъ былъ мой пріѣздъ; онъ считалъ меня давно мертвымъ и теперь, видя живымъ, не зналъ, какъ выразить свою радость. Съ первыхъ же словъ, рыбакъ охотно согласился переправить меня на ту сторону и даже, къ великому моему удивленію, заранѣе заявилъ, что удовольствуется самой незначительной платой.

Не менѣе радушный пріемъ я встрѣтилъ и у старыхъ знакомцевъ сербскихъ пастуховъ, которыхъ розыскалъ безъ особеннаго труда. Удачная переправа русскихъ войскъ у Систова дала имъ надежду на лучшую будущность. Убѣжденіе въ могуществѣ турокъ, возстаніе противъ которыхъ, за годъ передъ тѣмъ, такъ неудачно кончилось для Сербіи, поколебалось при первомъ успѣхѣ русскихъ.

У пастуховъ я снова купилъ 15 барановъ, снова съ ихъ помощью преобразился въ чабана и по знакомой уже дорогѣ погналъ мое стадо въ Виддинъ.

Въ мое отсутствіе въ Виддинѣ произошли большія перемѣны. Османъ-паша съ 50-тысячною арміею направился на Бѣлградчикъ, а оттуда намѣренъ былъ двинуться въ Плевну и тамъ укрѣпиться. Свѣдѣнія эти были на столько важны, что я рѣшился немедленно послать донесеніе. Въ Виддинѣ я снова купилъ себѣ турецкій костюмъ и хорошую лошадь, а изъ полиціи, благодаря порядочному «бакшишу» (взяткѣ), добылъ турецкій паспортъ (емътескереси) на имя турка Хассана-Демержи-оглу. Хотя въ первое мое путешествіе никто не спрашивалъ у меня вида, тѣмъ не менѣе пріобрѣтеніе хорошаго паспорта было весьма желательно, въ особенности теперь, когда русскіе находились уже въ Болгаріи и турки сдѣлались гораздо осторожнѣе.

Всю дорогу отъ Виддина до Плевны мнѣ приходилось обгонять сильные турецкіе отряды. Уже около села Горнота-Магала я перегналъ штабъ-квартиру Османа, дѣлавшую дневку въ этомъ селеніи. На своемъ «рахванѣ» (иноходецъ) я скоро миновалъ черкесскую деревню Дечиранъ-Кіой, с. Рыбинъ, Биволаръ и прибылъ въ Плевну. Авангардъ арміи Османъ-паши уже занялъ городъ, бывшій за нѣсколько дней передъ тѣмъ, втеченіе двухъ-трехъ часовъ, во власти русскаго разъѣзда. Тысячи болгаръ, подъ руководствомъ англійскихъ инженеровъ, сооружали цѣлую сѣть траншей и редутовъ по окружающимъ городъ высотамъ. Упанецъ, Буковликъ, Ахчаръ, Бали-боиръ, Детковица, Гривица, Дюлумеуца, Брестовецъ, Радишово, Тростникъ и прочія мѣстности въ окрестностяхъ Плевны сильно укрѣплялись.

Моя обязанность заставляла меня возможно лучше осмотрѣть всѣ работы и, чтобы не подавать поводовъ къ подозрѣніямъ, я обратился въ продавца рахатъ-лукума и другихъ сладостей, любимыхъ турками. Купивъ себѣ необходимые припасы, я наготовилъ

товару и, уложивъ все на лотокъ, съ утра сталъ посѣщать работы. Турки шутили со мною, покупали мой рахатъ-лукумъ, а я исподволь высматривалъ, разспрашивалъ и узнавалъ все нужное. Вездѣ я пробирался безпрепятственно, никому не приходило въ голову въ скромномъ, простоватомъ торговцѣ подозрѣвать русскаго лазутчика. Въ одномъ только мѣстѣ, называемомъ Долюмъ-сусъ, рыжебородый англичанинъ прогналъ меня и, полагаю, только потому, что своими прибаутками я развлекалъ работавшихъ солдатъ.

Городъ Плевна, какъ я уже говорилъ, лежитъ въ долинѣ рѣки Вида и почти со всѣхъ сторонъ, а въ особенности съ сѣверной, окруженъ возвышенностями, которыя представляютъ много удобствъ для защиты и дѣлаютъ этотъ городокъ весьма важнымъ стратегическимъ пунктомъ. Если бы русскіе заняли Плевну тотчасъ по взятіи Систова и Тырнова, то обезпечили бы себѣ тылъ и свободно могли бы двигаться внутрь страны, такъ какъ вся дорога дальше до Балканъ нигдѣ не была укрѣплена.

Я засталъ въ Плевнѣ массу рабочихъ болгаръ, согнанныхъ отовсюду изъ близъ лежащихъ селеній; работа кипѣла, и укрѣпленія росли не по днямъ, а по часамъ. Англійскіе офицеры, въ европейскомъ платьѣ, нѣкоторые даже въ своихъ военныхъ англійскихъ мундирахъ, были неутомимы. Нѣсколько дней, проведенныхъ въ Плевнѣ, напомнили мнѣ живо Севастополь. Пробывъ въ Плевнѣ дней 5 или 6, я направился дальше по софійскому шоссе.

Около селенія Горній Дубнякъ, принадлежащаго помѣщику турку Нурри-бею, возводили солидныя укрѣпленія на окрестныхъ холмахъ; тутъ расположенъ былъ лагеремъ тридцатипятитысячный корпусъ подъ начальствомъ Деутъ-паши, Джамалъ-паши и мирдита Чалмикъ-оглу, извѣстнаго своими разбойническими подвигами при усмиреніи возстанія въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи.

Верстахъ въ пяти отъ Горняго Дубняка расположилась кавалерія зейбековъ, подъ начальствомъ Дели-Неджибъ-паши. По полученнымъ мною свѣдѣніямъ, этотъ отрядъ состоялъ изъ четырехъ тысячъ всадниковъ.

Въ слѣдующемъ по дорогѣ селеніи Телишѣ находился небольшой отрядъ, подъ начальствомъ Халиль-бея, составленный преимущественно изъ помаковъ, т. е. болгаръ, принявшихъ магометанство. Большинство изъ нихъ придерживается обычаевъ своихъ христіанскихъ единоплеменниковъ и обыкновенно говоритъ на своемъ родномъ языкѣ. Почти всѣ они были новобранцы; имъ только что роздали ружья системы Пибоди, и они обучались обращенію съ новымъ для нихъ оружіемъ.

Впослѣдствіи, когда я узналъ о дѣлахъ при Горнемъ Дубнякѣ и подъ Телишемъ, я удивлялся, какъ могли новобранцы и всякій сбродъ мусульманъ нанести такой вредъ русской гвардіи, особенно при такомъ незначительномъ количествѣ орудій, которыя

я видѣлъ приготовленными для вооруженія возводимыхъ при Горнемъ Дубнякѣ и Телишѣ укрѣпленій.

Проѣхавъ Телишъ, я черезъ часъ пути въѣхалъ въ такъ называемый Туфарновъ лѣсъ; дорога шла все въ гору извилинами; проѣхавъ немного лѣсомъ, я вдругъ замѣтилъ, что моя лошадь чего-то боится; я ударилъ ее нагайкой, но этимъ только заставилъ подняться на дыбы и сдѣлать скачекъ въ сторону; недоумѣвая, что это значитъ, я слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ дереву, а самъ свернулъ съ дороги и пошелъ впередъ по узкой тропинкѣ; пройдя немного и выйдя на небольшую полянку, я былъ пораженъ представившейся мнѣ страшной картиной, объяснившей причину испуга лошади. На небольшой дикой грушѣ висѣли два болгарина, они еще качались и конвульсивно вздрагивали ногами, лица ихъ были ужасны; первою моею мыслью было спасти несчастныхъ, обрѣзавъ веревки, но благоразуміе взяло верхъ; въ самомъ дѣлѣ, играя роль турка и спасая наказанныхъ собакъ гяуровъ, я легко могъ выдать и погубить себя, такъ какъ ничто не ручалось, что палачи не скрываются гдѣ нибудь въ кустахъ и зорко слѣдятъ за мною. Принявъ равнодушный видъ, я вынулъ табакъ, закурилъ папиросу и, взглянувъ еще разъ на повѣшенныхъ, вернулся къ моей лошади и полной рысью продолжалъ путь. Проѣхавъ не болѣе версты, я нагналъ четырехъ черкесовъ, поздоровался съ ними, освѣдомился, откуда они, и спросилъ:

— Не вы ли повѣсили двухъ поганыхъ гяуровъ.

— Да! — отвѣчали они: — это мы; эти собаки воровали нашъ скотъ, мы поймали ихъ вчера и нашъ сельскій сходъ приговорилъ повѣсить мошенниковъ около большой дорогой, для примѣра другимъ.

Затѣмъ, я навелъ разговоръ на войну, разспросилъ ихъ объ укрѣпленіяхъ Телиша и о собранныхъ въ окрестностяхъ отрядахъ, ихъ численности и боевой силѣ, разсказалъ имъ объ укрѣпленіяхъ Плевны и Никополя, высказавъ мнѣніе, что скоро правовѣрные прогонятъ москововъ-гяуровъ, которымъ, конечно, никогда не взять Никополя, а тѣмъ болѣе Плевны, которую защищаетъ такой знаменитый герой, какъ Османъ-паша. Черкесы видимо были заинтересованы моимъ разсказомъ, а невыгодные отзывы мои о русскихъ расположили ихъ въ мою пользу и заставили высказаться откровенно объ извѣстныхъ имъ силахъ турокъ въ окрестностяхъ Телиша.

Объяснивъ на ихъ вопросъ, что я торговецъ и спѣшу по торговымъ дѣламъ, я ласково распростился съ моими случайными знакомцами, напутствуемый ихъ хорошими пожеланіями. Продолжая путь далѣе, я постоянно встрѣчалъ арбы болгаръ, наполненныя инструментами для земляныхъ работъ и матеріалами для фашинъ; массы рабочихъ двигались къ Рущуку, Виддину, Плевнѣ,

Горнему Дубняку, Орханіе и т. п.; во всемъ видна была система и всѣ приготовленія показывали, что дѣло обороны и укрѣпленіе мѣстности ведется подъ руководствомъ знатоковъ военнаго дѣла и опытныхъ инженеровъ, которыми, конечно, не были флегматичные турки.

Вторую ночь по отъѣздѣ изъ Плевны мнѣ пришлось провести въ деревнѣ Луковитъ. Я пріѣхалъ туда засвѣтло. Около деревенской мечети столпилось множество народа. Оказалось, что это жители сосѣднихъ турецкихъ деревень, пожелавшіе поступить въ башибузуки и явившіеся сюда принять присягу. Тутъ былъ всякій сбродъ, начиная отъ 70-тилѣтнихъ старцевъ до 15-тилѣтнихъ мальчишекъ. Между оборваннымъ сбродомъ, идущимъ подъ знамя Аллаха съ единственною цѣлью пограбить, попадались и довольно почтенные землевладѣльцы, рѣшившіеся подвергнуться превратностямъ войны, только вслѣдствіе безграничнаго фанатизма и ненависти «къ проклятымъ московамъ».

По окончаніи присяги, новобранцевъ угощали обѣдомъ на счетъ жителей. Обѣдъ происходилъ тутъ же на лужайкѣ передъ мечетью и состоялъ изъ жареныхъ на «шишѣ» барановъ, которыхъ разрывали на куски грязными руками старѣйшіе изъ добровольцевъ.

Мѣстности, которыя мнѣ приходилось теперь проѣзжать, ознаменованы невѣроятными звѣрствами турокъ при усмиреніи ими возстанія, вспыхнувшаго было здѣсь въ 1876 году.

Нѣкоторыя деревни, славившіяся богатствомъ жителей, разрушены до тла. Такъ, напримѣръ, Клиссура, въ которой мнѣ пришлось ночевать, представляла и до сей поры груду развалинъ. Между тѣмъ, до возстанія это огромное село, скорѣе мѣстечко, было средоточіемъ выдѣлки розоваго масла, доставлявшаго жителямъ хорошіе доходы.

Толпа башибузуковъ, которымъ было поручено усмиреніе возстанія, сожгла промышленныя заведенія, расхитила мѣдныя реторты и вырѣзала болѣе 200 человѣкъ жителей.

Въ Клиссурѣ я встрѣтился съ дивизіею египетскаго паши Кель-Хассана, слѣдовавшаго съ 32-мя горными орудіями на выручку Никополя.

Изъ Клиссуры дорога идетъ гористою, дикою мѣстностью. Балканы поросли прекраснымъ лѣсомъ, ростущимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ чисто-дѣвственною прелестью. На пути мнѣ встрѣчались небольшіе отряды войскъ, выдѣленныхъ изъ арміи Сулейманъ-паши на подмогу Плевнѣ.

Самого Сулеймана я засталъ въ Софіи съ 45-титысячною арміею хорошо обученныхъ и обстрѣленныхъ въ Черногоріи солдатъ. Онъ направился для защиты проходовъ въ Большихъ Балканахъ, отдѣляющихъ сѣверную Болгарію отъ Ѳракіи.

Софія, одинъ изъ торговыхъ городовъ Болгаріи, расположена въ центрѣ обширной долины. Здѣсь проходитъ главный почтовый трактъ изъ Бѣлграда въ Константинополь, въ Адріанополь, чрезъ Берковицу въ Ломъ, въ Орханіе, и нѣсколько путей на югъ и юго-западъ. Прежде въ Софіи насчитывали до 50,000 жителей, но благодаря турецкимъ порядкамъ, теперь осталось не болѣе 19,000, изъ которыхъ болгаръ всего только одна треть, а остальныя двѣ трети состояли изъ турокъ, евреевъ и небольшаго числа цыганъ.

Софія широко раскинулась по равнинѣ и открыта со всѣхъ сторонъ. Валы и рвы, служившіе укрѣпленіемъ, обвалились; небольшіе форты, находящіеся на восточной сторонѣ, не имѣютъ никакого значенія, да къ тому же о хорошемъ вооруженіи ихъ никто и не думалъ.

Отъ Софіи до Татаръ-Базарджика было проектировано устройство желѣзной дороги для связи съ Константинополемъ, полотно уже было готово, но дальнѣйшія работы остановлены еще до войны за недостаткомъ денежныхъ средствъ.

Изъ Софіи, по пути въ городъ Джума, я встрѣтилъ партію черкесовъ въ 2,000 всадниковъ, шедшую въ Плевну. Путь ихъ ознаменовался разграбленіемъ болгарскихъ селъ, уводомъ скота и насиліями.

Въ Джумѣ стояло нѣсколько таборовъ низама подъ командою Кейсерлибея. Этотъ отрядъ долженъ былъ черезъ нѣсколько дней двинуться къ Эскизагрѣ.

Отъ Джумы до Шумлы, если миновать желѣзную дорогу, считаютъ отъ 10 до 12 дней пути. Благодаря превосходнымъ качествамъ моего коня, я употребилъ на этотъ переѣздъ всего четверо сутокъ, останавливаясь въ селеніяхъ лишь на столько времени, сколько необходимо для отдыха и корма лошади. По дорогѣ въ Шумлу я проѣхалъ монастырь Рила, который находится въ центрѣ Балканъ; монастырь замѣчателенъ тѣмъ, что всѣ его обитатели послѣ 14-тилѣтняго возроста пріобрѣтаютъ зобы. Причина этой болѣзни, какъ мнѣ говорили, заключается въ свойствѣ листа волошскаго орѣха, который падаетъ и заражаетъ воду. Выѣхавъ изъ монастыря, я вступилъ въ огромный лѣсъ и, къ несчастію моему, сбился съ дороги при наступленіи ночи; окружавшая меня мгла отняла всякую возможность на попытку выбраться на настоящій путь, и я рѣшился провести ночь въ лѣсу. Привязавъ лошадь къ дереву, я взлѣзъ на него и помѣстился на толстомъ суку. Чтобы охранить мою лошадь отъ нападенія дикихъ звѣрей, особенно шакаловъ, я дѣлалъ довольно часто выстрѣлы; ночь показалась мнѣ нескончаемо длинной, но, наконецъ, я дождался разсвѣта и, закусивъ остававшимся у меня сыромъ и хлѣбомъ, поѣхалъ далѣе и скоро нашелъ настоящую дорогу.

По прибытіи въ Шумлу, я нашелъ вѣрнаго человѣка, грека Николая Шикаржи, и послалъ съ нимъ подробное донесеніе полковнику Артамонову въ Горный Студень. Въ этомъ же донесеніи я позволилъ себѣ высказать мнѣніе относительно направленія могущей быть аттаки нашихъ войскъ на укрѣпленный лагерь Горняго Дубняка.

Шумла принадлежитъ къ числу сильнѣйшихъ турецкихъ крѣпостей и гордится тѣмъ, что до сей поры ни разу не была взята русскими. Она лежитъ на восточной подошвѣ отдѣльнаго отрога горъ, совершенно отрѣзаннаго отъ главнаго Балканскаго хребта, и со всѣхъ сторонъ окаймлена почти отвѣсными скалами съ весьма трудными подступами. Самый городъ построенъ въ узкой долинѣ, прорѣзанной глубокими оврагами. Высоты къ востоку отъ города спускаются къ нему отвѣсно, но къ сторонѣ равнины оканчиваются отлогостью, похожею на гласисъ. Линія такихъ же холмовъ тянется вправо до Чингели и влѣво до Стражи, на протяженіи 8,000 шаговъ. Всѣ возвышенности увѣнчаны фортами или заняты укрѣпленнымъ лагеремъ. Мѣстность вокругъ лѣсистая и пересѣченная, дозволяющая непріятелю легко устраивать засады и нападать на отдѣльныя части съ превосходными силами. Подъ руководствомъ англійскихъ инженеровъ, укрѣпленія исправлялись и усиливались новыми рядами траншей.

Въ Шумлѣ я игралъ роль цирульника, но, будучи незнакомъ съ этимъ ремесломъ, страшно терзалъ моихъ паціентовъ, такъ что одинъ заптій, которому я брилъ голову, долго терпѣлъ производимыя мною мученія, но когда я принялся за его бороду, то онъ не выдержалъ, вскочилъ и закричалъ: «аманъ! аманъ!», какъ будто боясь, что я его зарѣжу. Случай этотъ повредилъ моей репутаціи, и я уже находилъ мало дураковъ, рѣшавшихся ввѣрять мнѣ бритье ихъ головы. Я, конечно, не печалился, имѣя болѣе свободнаго времени для своихъ наблюденій. Пробывъ въ Шумлѣ два дня, я отправился черезъ большое селеніе Праводы въ Варну, гдѣ не могъ собрать много свѣдѣній и узналъ только, что войсками командовалъ Мухаремъ-паша, отрядъ котораго состоялъ всего изъ 6,000 человѣкъ; но, въ случаѣ осады, войска легко могли быть доставлены изъ Константинополя.

Изъ Варны путь мой лежалъ на Ямболь; здѣсь сѣлъ я на желѣзную дорогу и, проѣхавъ станціи Сухумъ-Кале, Караманли, Іенизагру, Канмагалеси и Карабунаръ, прибылъ въ Малый Тырновъ, гдѣ дорога раздѣляется: одна вѣтвь идетъ въ Филиппополь, а другая въ Адріанополь. Я свернулъ по послѣднему направленію. Двѣ изъ промежуточныхъ станцій между Малымъ Тырновомъ и Адріанополемъ, именно Дгмиръ-Дечь и Карагачъ, были укрѣплены и здѣсь расположились довольно сильные отряды войскъ. Разговорившись съ попутчиками-офицерами, я узналъ отъ нихъ много

интересныхъ вещей, между прочимъ, относительно доставки продовольственныхъ запасовъ и военныхъ снарядовъ.

Въ Адріанополѣ я пробылъ два дня, т. е. столько, сколько мнѣ понадобилось для пріисканія посланца въ нашу главную квартиру. Болгаринъ, Николо Буяджи, родомъ изъ города Джамы, взялся за это порученіе и выполнилъ его, какъ я потомъ узналъ, весьма добросовѣстно.

Описывать Адріанополь я не стану, такъ какъ онъ ничѣмъ не отличается отъ большинства болгарскихъ городовъ съ смѣшаннымъ населеніемъ и превосходитъ ихъ только размѣрами. Достопримѣчательность города, безспорно,—мечеть Султана-Селима. Она господствуетъ надъ Адріанополемъ и могла бы занять не послѣднее мѣсто между лучшими «джевами» Стамбула. Мечеть эта перестроена изъ древняго христіанскаго храма св. Ѳеодоры.

Въ Адріанополѣ мнѣ пришлось присутствовать при казни четырехъ братьевъ, болгаръ изъ Іенизагры, обвиненныхъ въ возстаніи противъ правительства, — комитовъ, какъ называютъ турки болгаръ, осмѣливающихся протестовать противъ ихъ невыносимаго гнета и своеволія. Иногда этотъ протестъ выражается въ самой невинной формѣ. Достаточно молодому болгарину надѣть барашковую шапку съ крестомъ или европейскій костюмъ, чтобы прослыть за комита и ежеминутно дрожать за свою жизнь.

Казнь была назначена въ 11 часовъ утра въ Ченгенэ-магалесси, т. е. въ цыганскомъ кварталѣ. Съ утра еще заптіи гнали туда болгаръ, чтобы тѣ присутствовали при исполненіи «важнаго акта правосудія правительства». Турки шли по своей охотѣ полюбоваться интереснымъ зрѣлищемъ, какъ будутъ вѣшать гуяровъ; толпы народа окружали къ назначенному времени висѣлицу. Эта послѣдняя представляла длинную перекладину, уложенную на двухъ довольно высокихъ столбахъ. Четыре веревки, закрѣпленныя одними концами у перекладины, въ нижнихъ концахъ образовывали петли, болтавшіяся на высотѣ четырехъ аршинъ отъ земли.

Вотъ окруженные заптіями показались преступники... Это были совсѣмъ еще молодые люди; старшему изъ нихъ едва ли можно было дать 26 лѣтъ. На истомленныхъ лицахъ трудно было уловить какое нибудь выраженіе. Они какъ будто не замѣчали висѣлицы; взоры ихъ были устремлены куда-то вдаль, и только толпа фанатиковъ, съ криками и проклятіями встрѣтившая осужденныхъ, на минуту привлекла ихъ вниманіе. Они оглядывали эту толпу не то съ удивленіемъ, не то съ жалостью.

Наконецъ, осужденные подведены къ мѣсту казни. Заптій, добровольно принявшій на себя роль палача, подошелъ къ младшему изъ мучениковъ, хорошенькому и нѣжному какъ дѣвушка, грубо сорвалъ съ него куртку и потащилъ къ петлѣ. Другой изувѣръ подставилъ подъ петлю скамейку и помогъ жертвѣ взобраться на

нее... Еще моментъ и трупъ повисъ въ пространствѣ... Заптій хорошо сдѣлалъ свое дѣло.

Одного за другимъ повѣсили комитовъ... Страшно и тяжело было смотрѣть на ихъ изуродованныя мученіями, совсѣмъ почернѣвшія отъ прилива крови лица.

Тѣла несчастныхъ, можетъ быть, даже ни въ чемъ не повинныхъ людей оставались на висѣлицѣ впродолженіе 36 часовъ, и турки посылали туда болгаръ любоваться на дѣло рукъ своихъ.

29-го іюля, я выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Филиппополь.

Филиппополь, или, какъ называютъ его болгары, Пловдивъ, — большой городъ, почти такой же, какъ и Адріанополь. Мѣстоположеніе его очень красиво. Среди обширной равнины высится семь холмовъ, соединенныхъ между собою кряжами. На этихъ-то холмахъ и выстроенъ городъ.

Отъ станціи желѣзной дороги къ городу ведетъ прекрасное шоссе, по обѣимъ сторонамъ котораго тянутся огороды и фруктовые сады. Шоссе это при въѣздѣ въ городъ переходитъ въ булыжную мостовую, сложенную весьма неправильно изъ большихъ камней. Улицею, составляющею какъ бы продолженіе шоссе, вы въѣзжаете на базаръ, расположенный на небольшой площадкѣ у главной мечети Филиппополя. Налѣво, при спускѣ къ рѣкѣ Марицѣ, начинается крытая улица съ магазинами и кофейнями по обѣимъ сторонамъ. Это самая торговая часть Филиппополя. Съ утра до вечера здѣсь кишитъ разнохарактерная толпа евреевъ, грековъ, армянъ, персовъ, турокъ и болгаръ, обдѣлывающихъ свои коммерческія дѣлишки. Тутъ же на небольшихъ жаровняхъ, прямо на воздухѣ, приготовляютъ на шкарѣ или на шишѣ баранину и прожариваютъ «суджукъ», что-то въ родѣ нашей, такъ называемой, охотничьей колбасы. За піастръ (пять коп.) можно утолить голодъ, но неряшливость приготовленія и грязныя руки поваровъ отнимаютъ всякій аппетитъ; нужно быть уроженцемъ востока, чтобы рѣшиться ѣсть эту стряпню. На этой же улицѣ находится и Куршумъ-ле-Ханъ, филиппопольскій гостиный дворъ, громадное четыреугольное зданіе съ большимъ мощенымъ дворомъ по серединѣ. Въ Куршумъ-ле-Ханъ помѣщаются главные мануфактурные склады и коммерческія конторы. Посреди двора, въ отдѣльномъ флигелѣ, находится кофейня, въ которой собирается весь торговый людъ потолковать о дѣлахъ, установить цѣны и заключить сдѣлки.

Базаръ оканчиваетси у моста на Марицѣ, около канала, большаго зданія, заключающаго всѣ присутственныя мѣста филиппопольскаго вилайета. Направо отъ моста, по Марицѣ, тянутся дома турецкаго квартала. Верхнюю часть города занимаютъ греческій и армянскій кварталы. Тутъ находится много очень хорошихъ домовъ, выстроенныхъ въ восточномъ вкусѣ, съ вымощенными мраморными плитами, дворами и хорошенькими, скорѣе игрушечными са-

диками. На горѣ же, неподалеку отъ греческой церкви, стоитъ домъ русскаго консула, на воротахъ котораго въ мирное время красовался двуглавый орелъ. Марица съ многочисленными островами, поросшими роскошными вязами, придаетъ много прелести общему ландшафту; у Филиппополя она достигаетъ болѣе 100 саженъ ширины. Со всѣхъ сторонъ, куда только хватитъ глазъ, городъ окруженъ рисовыми плантаціями, половину лѣта залитыми водой; поэтому климатъ Филиппополя нельзя назвать здоровымъ. Здѣсь свирѣпствуютъ сильныя лихорадки, начинающіяся съ половины іюня, когда отцвѣтетъ рисъ. Отъ этихъ лихорадокъ страдаютъ не только пріѣзжіе, но и старожилы, мѣстные уроженцы. Филиппополь не имѣетъ укрѣпленій, но возвышенное положеніе надъ окружающею мѣстностью весьма способствуетъ преобразованію его, въ случаѣ нужды, въ сильную крѣпость.

Въ Филиппополѣ мнѣ пришлось купить лошадь и нѣсколько видоизмѣнить костюмъ. Изъ торговца я преобразился въ башибузука и въ этомъ нарядѣ перебрался въ Сербію. Отсюда, переправившись черезъ Дунай попрежнему противъ Турно-Северина, я проѣхалъ почти всю южную Молдавію по желѣзной дорогѣ и, наконецъ, добрался до Систова. Наша главная квартира перебралась между тѣмъ отсюда верстъ за сорокъ, въ болгарское село Горный Студень.

Жалкая деревушка была переполнена военными, но физіономіи вообще военнаго люда какъ-то измѣнились. Событія послѣдняго времени: отступленіе передоваго отряда изъ-за Балканъ и «двѣ Плевны» дали себя знать... Куда дѣвался тотъ вызывающій видъ, тѣ одушевленныя успѣхомъ лица, какія мнѣ пришлось наблюдать въ іюлѣ, послѣ перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай? Госпитали переполнились ранеными. Болгарскіе бѣглецы, оставившіе «долину розъ» вмѣстѣ съ войсками передоваго отряда генерала Гурко, наполняли села и города Придунайской Болгаріи и положеніемъ своимъ еще болѣе усиливали общее уныніе. Солдатамъ и офицерамъ было какъ будто не по себѣ при встрѣчѣ съ этими несчастными, изъ которыхъ многіе во время бѣгства растеряли дѣтей, разлучились съ отцами и матерьми, не зная, какая участь постигла ихъ.

Картины войны, болѣе вѣрное названіе которыхъ «хаосъ» и «разрушеніе», предстали во всей своей наготѣ и нисколько не походили на тѣ красивые этюды съ стройными рядами солдатъ и блестящими пушками, какіе рисуютъ заурядные баталисты. Одни только штабные франты также чистенько одѣвались и блистали бѣлыми фуражками, чистыми перчатками и лакированными большими сапогами.

Въ Горнемъ Студенѣ я явился къ полковнику Артамонову и представилъ ему самое подробное донесеніе о всемъ видѣнномъ мною на пути.

Путешествіе крайне утомило меня и, по совѣсти говоря, я страшился новаго порученія. Мнѣ казалось почему-то, что служба моя не приноситъ особенной пользы общему дѣлу, а каждый трудъ пріятенъ лишь тогда, когда видишь благопріятные результаты принесенныхъ жертвъ и затраченныхъ усилій, а этихъ-то результатовъ я и не замѣчалъ. Повидимому, моимъ сообщеніямъ или мало вѣрили, или не придавали той важности, какой они въ дѣйствительности заслуживали; иначе чѣмъ объяснить тѣ аттаки плевненскихъ позицій противъ искуснаго непріятеля, о превосходныхъ силахъ котораго я своевременно доносилъ штабу.

Сомнѣнія свои я высказалъ г. Артамонову. Онъ утѣшилъ меня увѣреніемъ, что начальство признательно за мои важныя услуги, но что «война — не красносельскіе маневры, гдѣ все предугадано и разсчитано заранѣе; часто случайность и военная необходимость вынуждаютъ къ рискованнымъ предпріятіямъ, кажущимся на первый разъ просто безумными».

— Ваши поѣздки были, такъ сказать, пробнымъ камнемъ,—добавилъ полковникъ:—теперь мы узнали и оцѣнили васъ, и поэтому, какъ ни желательно бы было дать вамъ возможность отдохнуть, но обстоятельства вынуждаютъ меня потребовать у васъ всей силы и энергіи, которыя понадобятся вамъ очень и очень скоро, можетъ быть, даже завтра.

Я удивленно взглянулъ на него.

— Но, полковникъ, вѣдь я только сейчасъ пріѣхалъ... Я сильно утомленъ...

— Что же дѣлать. Теперь время горячее... Идите, отдохните; надѣюсь, завтра вы будете свѣжѣе и лучше настроены и соберетесь съ силами на столько, что сможете объѣхать полъ-свѣта. Къ тому же этотъ разъ вамъ не придется ѣхать далеко. Съ этого времени вамъ назначается спеціальная обязанность слѣдить за Османъ-пашею и доносить намъ о всемъ, что̀ дѣлается въ Плевнѣ.

Истративъ уже на свои поѣздки довольно много наполеоновъ изъ собственнаго кармана, я представилъ полковнику счетъ издержкамъ и просилъ его покрыть хотя мои расходы, если невозможно еще благодарить меня за мои услуги болѣе существеннымъ образомъ, на что̀ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

— Теперь не до того, обождите, я васъ увѣряю, что не будете въ накладѣ; видите, какое теперь время, не до денегъ и не до разсчетовъ, дайте успокоиться, и вы увидите, что все потраченное вами вознаградится сторицею.

V.

Незавидное положеніе. — Какъ я пробрался въ Плевну.— Дидо-Василь.— Опять рахатъ-лукумъ. — Положеніе плевненскихъ болгаръ и отношенія ихъ къ турецкимъ жителямъ.—Миртовые вѣнки. — «Рѣжьте гяуровъ»! — На сколько виноватъ Османъ-паша въ турецкихъ звѣрствахъ.

Новое порученіе, которое давалъ мнѣ г. Артамоновъ, ставило меня въ весьма неопредѣленное и далеко незавидное положеніе. Если мои пробныя, какъ выразился онъ, поѣздки оказались удовлетворительными, то слѣдовательно я долженъ былъ считать себя, такъ сказать, принятымъ на службу; а съ понятіемъ о послѣдней непремѣнно связано какое нибудь вознагражденіе.

Я человѣкъ не богатый и семейный; пробныя поѣздки мнѣ обошлись въ порядочную сумму, и естественно слѣдовало подумать о будущемъ. Служба лазутчика тѣмъ и не хороша, что она не оффиціальная. Вы не числитесь ни въ какихъ спискахъ и, въ случаѣ смерти, о васъ сейчасъ же забываютъ.

Странно, думалъ я, отчего полковникъ ни однимъ словомъ не намекнулъ на вознагражденіе. Зачѣмъ такая неопредѣленность?!.. Почему не сказать человѣку прямо: «вотъ за твой трудъ тебѣ будетъ заплачено столько-то, въ случаѣ же смерти твое семейство будетъ обезпечено такимъ-то пенсіономъ»... Моя роль достаточно увлекла меня, чтобы я ее бросилъ безъ всякаго сожалѣнія, но во всякомъ случаѣ я не долженъ былъ забывать семьи, которой я оставилъ, уѣзжая, весьма небольшія средства.

Кромѣ того, будущая моя служба была сопряжена съ несравненно бо̀льшими трудностями и опасностію. Отправляться въ Плевну за свѣдѣніями попрежнему въ объѣздъ—значило бы терять слишкомъ много времени. Нужно, значитъ, пробираться туда непосредственно черезъ турецкіе аванпосты и возвращаться тѣмъ же путемъ. Это не такъ легко; въ особенности послѣ нашихъ попытокъ 8-го и 18-го іюля, турки хорошо караулили Плевну и имѣли возможность, по численности войскъ, ставить густые секреты.

Всѣ эти соображенія я высказалъ г. Артамонову, явясь къ нему на другой день за приказаніями.

— Мы ясно сознаемъ всю трудность вашей задачи, г. Фаврикодоровъ, и повѣрьте, съумѣемъ вознаградить васъ,—отвѣтилъ мнѣ полковникъ на мои доводы:—въ случаѣ же, чего не дай Богъ, если вы попадете къ туркамъ, умирайте съ мыслію, что семья ваша будетъ совершенно обезпечена.

Съ такимъ увѣреніемъ я, не колеблясь далѣе, отправился исполнять данное мнѣ порученіе.

Прибывъ въ селеніе Рыбинъ, я предъявилъ начальнику расположеннаго тамъ отряда пропускъ, данный мнѣ начальникомъ вожатыхъ, и остающееся до вечера время употребилъ на знакомство съ мѣстностію.

Крутые, почти отвѣсные берега Вида подали мнѣ мысль пробраться въ раіонъ расположенія турецкихъ войскъ, слѣдуя по теченію этой рѣки. Непріятельскіе секреты расположены были по хребту прибрежной возвышенности, и ночью подъ навѣсомъ скалъ я могъ пройдти не замѣченнымъ.

Лишь только смерклось, мнѣ дали проводника до русской цѣпи и, миновавъ ее, я направился къ Виду. Было уже совсѣмъ темно, когда я пробрался къ рѣкѣ. Влѣво отъ меня рисовался силуетъ какого-то зданія, часть котораго совершенно повисла надъ водою, почему я заключилъ, что это должна быть мельница. Предполагая, что она оставлена хозяевами, я пошелъ къ ней, чтобы переодѣться во взятый съ собою турецкій костюмъ, а свое платье спрятать тамъ до возвращенія.

Однако, на мельницѣ кто-то хозяйничалъ. Черезъ щели раздавшихся досокъ виднѣлся свѣтъ... Нужно быть осторожнѣе. Быть можетъ, туда забрались турецкіе солдаты. Ползкомъ я подкрался къ самой стѣнѣ и заглянулъ въ расщелину. Кто-то сидитъ, поджавши подъ себя ноги около очага, на которомъ догораетъ нѣсколько сучьевъ. По одеждѣ—болгаринъ, на головѣ шапка; турки шапокъ не носятъ. Должно быть, это хозяинъ, тоскующій за бездѣльемъ.

Убѣдившись, что никого другаго на мельницѣ нѣтъ, я постучался.

— Кто тамъ? — спрашиваетъ меня поболгарски старческій голосъ.

— Свой человѣкъ.

— Что хочешь?

— Выйди на минутку, есть дѣло.

Скрипитъ дверь на заржавленныхъ петляхъ, и ко мнѣ выходитъ высокая, нѣсколько согнувшаяся фигура...—«Добрый вечеръ!» —привѣтствую я ее поболгарски.

Сѣдой какъ лунь, но бодрый еще старикъ удивленно разглядываетъ меня. Повидимому, мой костюмъ смущаетъ его.

— Что ищешь?—допрашиваетъ онъ меня.

— Нѣтъ здѣсь турокъ?

— Есть,—отвѣчаетъ старикъ, сопровождая свой отвѣтъ обычнымъ киваньемъ головы, скорѣе похожимъ на отрицаніе.

— Гдѣ? — испуганно спрашиваю я.

— Тамъ, наверху,—и старикъ указываетъ рукою по направленію къ Упанцу...

— А, тамъ! Ну, это ничего... А здѣсь нѣтъ?

— Тука нема, — и опять кивокъ, какъ будто бы въ дѣйствительности турокъ здѣсь цѣлый таборъ.

Болгаринъ, да еще старикъ, и съ такою добродушною, почтенною наружностью, измѣнникомъ быть не можетъ. И дидо-Василь, такъ звали мельника, дѣйствительно, измѣнникомъ не былъ.

Мы входимъ на мельницу, и я въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ, съ какою цѣлью сюда пожаловалъ.

Старикъ слушалъ меня и сомнительно покачивалъ головою, вѣроятно считая меня за безумнаго.

— Момче мое! не вырви тамъ, ке те изъядатъ турски те кучи [1]), — отговаривалъ онъ меня отъ рискованнаго предпріятія, и, конечно, безъ успѣха.

Я переодѣлся туркомъ; при мнѣ былъ и паспортъ на имя Хассана-Демержи-оглу, пріобрѣтенный въ Виддинѣ. Я отдалъ болгарину на сохраненіе свое платье, посовѣтовавъ припрятать его подальше, и вышелъ изъ мельницы. На дворѣ мы распрощались. Добрый старикъ обнялъ меня, благословилъ, еще разъ напомнилъ о собакахъ-туркахъ, и мы разстались.

Трудная мнѣ предстояла дорога. Въ иныхъ мѣстахъ рѣка касалась самыхъ скалъ, и мнѣ пришлось брести по грудь въ водѣ, стараясь производить возможно меньше шуму. Въ другихъ — турецкіе пикеты расположились такъ близко отъ берега, что мнѣ приходилось ползкомъ пробираться мимо часовыхъ, слыша часто отрывочныя фразы, которыми они переговаривались между собою. Наконецъ, я добрался до мѣста, гдѣ впадаетъ въ Видъ ручеекъ Баръ, протекающій посреди Плевны. Тутъ я былъ уже въ центрѣ расположенія турецкихъ войскъ. Вдали передо мною мелькали огни Плевны. Я поднялся на гору, вышелъ на дорогу, идущую по берегу Бара и направился къ городу. Безъ труда я розыскалъ «ханъ», гдѣ останавливался въ первый мой пріѣздъ въ Плевну, и расположился здѣсь на ночлегъ. Хозяевамъ моимъ я объявилъ, что пріѣхалъ съ подводою изъ Софіи и намѣренъ снова заняться прежнимъ ремесломъ, т. е. продажею рахатъ-лукума. Описывать изо дня въ день пребываніе мое въ Плевнѣ я не стану, такъ какъ эти дни «плевненскаго сидѣнія» были очень похожи одинъ на другой. Я буду касаться лишь тѣхъ эпизодовъ, которые выдавались своимъ интересомъ и могутъ въ общемъ дать нѣкоторое понятіе о жизни осажденнаго города и запертой въ немъ арміи.

Всѣ разсказы о минувшей войнѣ сходятся относительно того факта, что Османъ-паша былъ чуть ли не единственнымъ турецкимъ генераломъ, который строго запрещалъ своимъ солдатамъ обижать болгаръ. Такъ было и въ дѣйствительности. Онъ безъ особенно строгихъ мѣръ умѣлъ сдерживать въ извѣстныхъ грани-

---

[1]) Дитя мое, оттуда не вырвешься назадъ, уничтожатъ тебя турки.

цахъ звѣрскіе инстинкты своихъ фанатическихъ подчиненныхъ и установить довольно сносныя отношенія между болгарскимъ и турецкимъ кварталами.

Мнѣ памятенъ одинъ случай, чуть было не окончившійся весьма трагически для христіанскаго населенія обложеннаго города, если бы не энергическое вмѣшательство этого почтеннаго генерала.

Это было вскорѣ послѣ штурма 30-го августа. Турецкіе солдаты, выбитые изъ Гривицкаго редута и съ Зеленыхъ горъ, бѣжали въ Плевну и распространили въ ней панику. По словамъ этихъ трусовъ, дѣло было совершенно проиграно, и «московы» должны съ минуты на минуту ворваться въ городъ.

Подобная новость въ обоихъ лагеряхъ была встрѣчена, конечно, совершенно различно. Перепуганные обыватели-турки стали укладывать имущество, чтобы выбраться изъ города, а болгары пріободрились и вылѣзли изъ своихъ подваловъ, гдѣ они сидѣли уже нѣсколько сутокъ во время предшествовавшей штурму сильной канонады, и нѣкоторые, болѣе легкомысленные, поспѣшили даже украсить крестами свои шапки и повѣсить миртовые вѣнки надъ воротами домовъ, чтобы достойно встрѣтить давно желанныхъ русскихъ.

Суматоха вскорѣ утихла. Нѣсколько адъютантовъ и заптіевъ, разъѣзжая по городу, успѣли успокоить правовѣрныхъ и увѣрить ихъ въ полнѣйшей безопасности. Болгары, не видя долго русскихъ солдатъ, также поспѣшили скорѣе припрятать свои слишкомъ преждевременные символы овацій и превратиться въ покорнѣйшихъ слугъ султана.

Но съ какою поспѣшностью ни срывались съ шапокъ кресты и миртовые вѣнки съ домовъ, турки, однако же, замѣтили эти запрещенные предметы, и въ душѣ у нихъ шевельнулось чувство злобы противъ лицемѣрныхъ гяуровъ. Ихъ муфтіи воспользовались случаемъ, чтобы еще болѣе раздуть эту злобу, и сдѣлали изъ него тему для проповѣдей. «Видите, правовѣрные,—разглагольствовали они передъ распростершимися слушателями,—какъ велика мудрость Магомета, повелѣвшаго не довѣрять невѣрнымъ и истреблять ихъ безъ всякой жалости. Нашъ славный паша, да ниспошлетъ ему Аллахъ побѣду, явилъ свою милость и даровалъ жизнь райямъ. Чѣмъ же они платятъ за такое благодѣяніе?!. Чуть только счастье на минуту измѣнило (на все воля Аллаха!) нашимъ храбрымъ войскамъ, и эти подлые рабы готовы уже поднять руку на насъ, ихъ законныхъ господъ и благодѣтелей!..».

Результаты подобныхъ рѣчей не замедлили вскорѣ обнаружиться. Однажды, утромъ, все болгарское населеніе было въ страшномъ волненіи. Мужчины, женщины, дѣти, однимъ словомъ, все живое металось по улицамъ, какъ сумасшедшее, и спѣшило къ конаку. Плачъ, вой, рыданія — просто раздирали душу. Сначала

трудно было даже разобрать, въ чемъ дѣло. Явились власти, прибылъ городской голова и насилу добились толку.

Правда, было отъ чего переполошиться несчастнымъ болгарамъ. Съ утра «телялы» (глашатаи), расхаживая по улицамъ турецкаго квартала, приглашали всѣхъ правовѣрныхъ мужескаго пола, отъ семи до семидесяти лѣтъ, взяться за оружіе и истребить всѣхъ гяуровъ.

Собралась депутація и съ Златаномъ Чербаджею во главѣ отправилась въ лагерь просить заступничества Османъ-паши. Тотъ немедленно пріѣхалъ въ городъ и велѣлъ позвать турокъ. «Вотъ вамъ врагъ,—указывалъ онъ собравшимся туркамъ на русскія батареи: — если хотите крови, я велю дать вамъ оружіе — ступайте драться на позиціи. Если же кто тронетъ беззащитныхъ болгаръ, то будетъ строго наказанъ... Не забывайте, что они подданные нашего великаго падишаха». Слова Османъ-паши подѣйствовали, и рѣзня на этотъ разъ была предупреждена.

Если турецкіе солдаты позволяли себѣ звѣрства надъ ранеными русскими, то это происходило никакъ уже не глазахъ главнокомандующаго. Плевненская армія состояла сначала изъ отборныхъ войскъ, но подъ конецъ пополнялась разнымъ сбродомъ изъ отрядовъ Шевкетъ-паши, и Османъ-пашу нельзя дѣлать отвѣтственнымъ за поступки этихъ негодяевъ.

Мнѣ памятенъ еще другой эпизодъ, свидѣтельствующій о способахъ, къ какимъ прибѣгали плевненскіе турки, чтобы держать въ страхѣ болгаръ, къ которымъ, послѣ описаннаго случая съ миртовыми вѣнками, они относились крайне недовѣрчиво.

Какой-то башибузукъ привезъ въ городъ голову русскаго. Турки водрузили ее на колъ и гнали болгаръ смотрѣть на эту отвратительную картину.—«Такъ и съ вами будетъ поступлено, если вы не бросите глупыхъ мыслей о свободѣ»,—говорили они болгарамъ, и «братушкамъ» ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ прославлять падишаха и бранить «москововъ». Нѣкоторые, чтобы высказать съ лучшей стороны свои вѣрноподданническія чувства, даже плевали на «голову» гяура и заслужили за это благосклонную похвалу своихъ благодѣтелей.

Я, кажется, уже говорилъ, что плевненскіе болгары еще задолго до обложенія города припрятали свои запасы въ своихъ дворахъ; они рыли ямы, обкладывали ихъ цыновками и ссыпали туда зерно. Предусмотрительность эта спасла ихъ отъ голодной смерти, такъ какъ подъ конецъ осады трудно было достать муки даже за большія деньги.

Менѣе заботливые турки, полагающіеся во всемъ на «кисметъ» (предопредѣленіе), страдали отъ недостатка провіанта гораздо болѣе, и военное начальство вынуждено было приходить къ нимъ на помощь и выдавать съѣстные припасы изъ казенныхъ складовъ.

Поэтому Османъ-паша всѣми силами поощрялъ эмиграцію и очень нуждавшихся просто выгонялъ изъ города.

Осень принесла съ собою тифъ, отъ котораго перемерло немало людей. Лишенные медицинской помощи (военнымъ докторамъ и безъ нихъ было много дѣло), больные болгары переносили страшныя страданія и заражали другихъ. Случалось, что жертвами тифа становилась вся семья. Хоронили несчастныхъ безъ гробовъ, а просто какъ собакъ наваливали на повозку и отвозили за городъ. Бывали смертные случаи и отъ снарядовъ, залетавшихъ въ городъ. На моихъ глазахъ, 22-го августа, у церкви св. Параскевы граната убила двухъ молодыхъ, хорошенькихъ болгарскихъ дѣвушекъ, несшихъ работу—онѣ занимались шитьемъ. Однажды, снарядъ разорвало во дворѣ болгарина Ильи Червенкоглу. Громадный осколокъ пробилъ стѣну, нѣсколько перегородокъ и упалъ у самыхъ ногъ спящаго ребенка, не причинивъ ему, однако же, никакого вреда. Не такъ счастливо отдѣлалась семья другаго болгарина, Ходжи Станко, если не ошибаюсь. Граната пробила крышу и упала какъ разъ въ миску, кругомъ которой сидѣло за обѣдомъ человѣкъ шесть или семь взрослыхъ и дѣтей. Двумъ, мокавшимъ въ эту миску хлѣбъ, оторвало руки, кромѣ того, обрушившимися балками и черепицей и остальнымъ были нанесены болѣе или менѣе серьёзные ушибы.

Вообще всѣмъ, какъ болгарамъ, такъ и туркамъ, несладко жилось въ Плевнѣ въ эту памятную осень.

VI.

Въ осажденной Плевнѣ.—Сношенія мои съ русской главной квартирой—Положеніе турецкой арміи.—Награда Османъ-пашѣ.—Военный совѣтъ 13-го ноября.—Ночь въ могилѣ. — Неудачная попытка. — Встрѣча русскихъ войскъ.

Въ Плевнѣ, какъ уже извѣстно, я занимался приготовленіемъ и продажей рахатъ-лукума. Бывало, съ утра—лотокъ на голову, и пойду себѣ шататься по позиціямъ. Торговля шла, конечно, плохо. Турецкій солдатъ не могъ похвастаться изобиліемъ монеты, да, наконецъ, не до сладостей въ ложементахъ. Покупали мой товаръ преимущественно офицеры, и скоро во всѣхъ лагеряхъ знали Хассана и принимали его любезно. Не разъ мнѣ приходилось продавать лукумъ даже ординарцамъ Османа, а съ его прислугой, камердинеромъ и «чубукджи», я скоро сдѣлался большимъ пріятелемъ. Я прикидывался простакомъ, совершеннымъ простофилею въ военномъ дѣлѣ, всему удивлялся, и часто офицеры разсказывали мнѣ такія вещи, которыя вообще принято считать военною тайною.

Замѣчательно, что о нѣкоторыхъ движеніяхъ и намѣреніяхъ русскихъ войскъ турки часто знали заранѣе. Такъ, напримѣръ, о штурмѣ 30-го августа здѣсь говорили за недѣлю, и при такихъ условіяхъ немудрено было приготовиться и встрѣтить непріятеля какъ слѣдуетъ. Шатаясь въ Дулюмъ-сусъ, гдѣ была ставка Османъ-паши и его начальника штаба, я не разъ видѣлъ, какъ туда входили какія-то темныя личности — не то братушки, не то цыгане. На мой наивный вопросъ, какое дѣло могутъ имѣть эти люди къ пашѣ и зачѣмъ де ему знаться съ такою сволочью, спрашиваемый солдатикъ или офицеръ только ухмылялись: «Паша любитъ гяуровъ»...

— Какъ! чтобы паша любилъ этихъ собакъ, да это быть не можетъ? — удивлялся я.

— Ну, такъ пойди, спроси его, о чемъ онъ съ ними разговариваетъ.

Конечно, я не требовалъ отчета у Османа, зная отлично, кто эти люди.

Какой-то русскій писатель разсказываетъ въ своей исторіи послѣдней турецкой войны, что турки заставляли шпіонить болгаръ, употребляя слѣдующую уловку: они, молъ, оставляли въ лагерѣ заложниками жену и дѣтей болгарина, а самого его посылали къ русскимъ... Въ этомъ мало вѣроятія. Турки не такъ просты, чтобы довѣрять такимъ шпіонамъ, такъ какъ врядъ ли свѣдѣнія, доставляемыя ими, могли отличаться особенною достовѣрностью. Памятуя о женѣ и дѣтяхъ, такой подневольный лазутчикъ навѣрное привиралъ бы, чтобы угодить туркамъ. Нѣтъ, турецкая армія имѣла шпіоновъ; этими шпіонами были болгары, и шпіонили они не потому, что паша забралъ у нихъ женъ и дѣтей, а просто шли за вознагражденіе, или потому, что были давнишніе друзья туркамъ и вовсе не желали ихъ паденія.

Относительно болгаръ, я считаю себя обязаннымъ высказать нѣсколько словъ, которыя дадутъ читателю понятіе объ ихъ образѣ мыслей. Прежде всего необходимо замѣтить, что они очень легковѣрны, легко поддаются первому впечатлѣнію, а если еще можно произвести на нихъ какое нибудь фактическое давленіе, то они живо подчиняются той идеѣ, которую между ними проводятъ, напримѣръ: еще задолго до войны, по Болгаріи начали шнырять католическіе миссіонеры, проповѣдывавшіе превосходство католицизма передъ греческой религіею. Болгары были такъ довѣрчивы, что вскорѣ нѣсколько селеній приняли католицизмъ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока константинопольскій патріархъ, до котораго дошла эта новость, не принялъ энергическихъ мѣръ, разославъ по всей Болгаріи умныхъ проповѣдниковъ православія; они съ трудомъ образумили болгаръ и успокоили броженіе умовъ въ пользу католицизма.

Относительно благодарности и сочувствія болгаръ къ русскимъ, я могу сказать только одно, что такой неблагодарности я никогда не могъ предполагать. Послѣ взятія Плевны, я сильно заболѣлъ и пролежалъ всю зиму въ болгарскомъ домѣ; въ это время я имѣлъ достаточно способовъ ознакомиться съ мѣстными жителями освобожденной Плевны, и вотъ какіе разговоры пришлось мнѣ выслушать. Однажды я завелъ рѣчь о величіи Россіи, о славѣ русскаго оружія, о силѣ русскаго царя и т. п.; на все это я получилъ отвѣтъ такой: «Да, Россія сильна и велика, только дай Богъ, чтобы русскіе скорѣе оставили нашу Болгарію, они намъ очень надоѣли».

— Почему же вы ихъ не взлюбили, они васъ освободили, дадутъ вамъ новый образъ правленія, да если они и навѣкъ останутся въ Болгаріи, то это, я полагаю, должно быть для васъ пріятнѣе, чѣмъ жить подъ тяжкимъ игомъ турокъ и бояться за всякій часъ вашей жизни, за ваше имущество, за честь вашихъ женъ и дочерей; неужели вы желали бы, чтобы турки снова сдѣлались вашими властителями?—Отвѣтъ болгаръ былъ слѣдующій: «Лучше пусть останутся у насъ турки, нежели русскіе». Я не берусь объяснять, почему болгáры не любятъ русскихъ; я выставилъ одинъ голый фактъ; будущность, быть можетъ, выяснитъ намъ эту тайну. Я могу сказать только одно, что такихъ болгаръ, которымъ во времена турецкаго владычества жилось недурно и которые вовсе не желали перемѣны, предвидя свое собственное матеріальное паденіе, въ Болгаріи было немало. Они есть и теперь, и остальное населеніе считаетъ ихъ за болѣе опасныхъ враговъ для развивающагося государства, чѣмъ самихъ турокъ. Это — міроѣды, для которыхъ рѣшительно все равно, кто правитъ Болгаріей — турокъ ли, или русскій, мадьяръ, или грекъ — лишь бы въ странѣ господствовалъ произволъ, при которомъ такъ удобно «ловить рыбу въ мутной водѣ». Эти-то господа и были доброхотными шпіонами.

О томъ, что дѣлается въ другихъ отрядахъ своихъ собственныхъ войскъ, турки имѣли иногда самыя превратныя свѣдѣнія. Командиры отдѣльныхъ корпусовъ не считали себя обязанными извѣщать другъ друга о своемъ положеніи и дѣлали исключенія лишь въ томъ случаѣ, если имъ удавалось одерживать верхъ надъ русскими. Тогда они раздували въ громадное сраженіе, въ сущности, пустую, не имѣющую особенныхъ результатовъ, перестрѣлку и телеграфировали о ней своимъ товарищамъ. «Пускай, молъ, побѣсятся отъ зависти».

Если Плевна такъ долго держалась противъ русскихъ, то это случилось, главнымъ образомъ, благодаря единству власти въ плевненской арміи. Османъ-паша сдѣлалъ изъ другихъ пашей покорнѣйшихъ своихъ слугъ, которыхъ если онъ и приглашалъ въ воен-

ные совѣты, то уже никакъ не ради совѣщаній, а просто за полученіемъ дизлокацій и распоряженій.

— Трудность моей службы въ Плевнѣ заключалась еще въ рискѣ, сопряженномъ съ передачею собираемыхъ свѣдѣній въ нашу главную квартиру.

Однажды, не помню числа, но въ началѣ августа, мнѣ необходимо было добраться изъ Плевны въ русскій лагерь; я счастливо прошелъ ночью почти всю мою постоянную дорогу, какъ вдругъ почти на разсвѣтѣ передо мной словно выросла фигура черкеса. Онъ бросился ко мнѣ съ вопросомъ, кто я и зачѣмъ шляюсь здѣсь такъ рано? Вопросъ этотъ огорошилъ бы всякаго; надо было въ ту же секунду найдтись, что̀ ему отвѣтить. Къ счастію, я предвидѣлъ такія неожиданности и всегда бралъ съ собою на всякій случай уздечку.

— Васъ мерзавцевъ, воровъ черкесовъ я ищу, — отвѣтилъ я ему, схвативъ его за грудь:—вы меня ограбили, подлецы; въ эту ночь у меня украли моего жеребца, стоющаго 3 тысячи піястровъ; вотъ ты у меня попляшешь, какъ я потяну тебя къ Османъ-пашѣ, развѣ онъ позволилъ вамъ грабить людей мирныхъ, да еще будь я болгаринъ, а то вы и правовѣрному мусульманину спуску не даете, пойдемъ къ сераскиру сейчасъ, я тебя не выпущу. Черкесъ былъ такъ испуганъ моими криками, что обѣщалъ мнѣ самъ способствовать къ отысканію моего жеребца, разспросилъ его примѣты и былъ очень доволенъ, когда я ушелъ своей дорогой.

Выбраться изъ Плевны было также трудно, какъ и пробраться туда. Однако, что же дѣлать — не посвятить же себя исключительно наблюденію за жизнью осажденнаго города, чтобы впослѣдствіи написать разсказъ. Въ арміи поговаривали, будто бы Османъ желаетъ перейдти въ наступленіе. Назначали даже день, кажется, 22-го августа. Такую важную новость, хотя она и дошла до меня въ видѣ слуха, всетаки, слѣдовало передать г. Артамонову. Поэтому 14-го или 15-го августа, хорошенько не помню, я снова рискнулъ выбраться изъ Плевны. Выбравъ для этого прежнюю дорогу по теченію Вида, я благополучно дошелъ до мельницы дѣдушки Василія. Отсюда мнѣ предстояло пробраться черезъ русскіе секреты возможно осторожнѣе, чтобы какой нибудь солдатикъ съ перепугу не порѣшилъ меня выстрѣломъ. Ночь была темная, погода пресквернѣйшая, и мнѣ стоило большихъ усилій добраться до селенія Рыбина. Первый попавшійся солдатикъ провелъ меня къ ротному командиру, который, убѣдившись по бывшей у меня бумагѣ, что я посланный главной квартирой, угостилъ меня доброю чаркой водки и далъ лошаденку съѣздить въ Горный Студень.

Въ третій разъ я отправился изъ Плевны 7-го сентября и застаалъ въ Рыбинѣ уже румынскія войска, съ которыми имѣлъ не-

мало хлопотъ, пока меня поняли и рѣшились отпустить къ Артамонову, давъ мнѣ, впрочемъ, въ провожатые двухъ каларашей.

Въ обѣ эти поѣздки я пробылъ въ Горномъ Студнѣ всего по нѣсколько часовъ и далъ обстоятельный отчетъ о всѣхъ плевненскихъ укрѣпленіяхъ, а также и относительно продовольствія. Кромѣ того, по требованію полковника, я нарисовалъ расположеніе городскихъ площадей и улицъ съ обозначеніемъ главнѣйшихъ зданій.

Въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца, въ Плевнѣ ходилъ упорный слухъ о прибытіи подкрѣпленій съ боевыми снарядами и зимнею одеждою, которая въ особенности нужна была оборвавшимся на позиціи солдатамъ.

Начальникомъ вспомогательныхъ войскъ отряда называли Шевкета-пашу и ждали его съ единственной дороги, остававшейся пока въ распоряженіи турокъ, — изъ Софіи. Передать эти свѣдѣнія начальнику вожатыхъ я поручилъ болгарину, который помогалъ мнѣ приготовлять сладости и съ которымъ я очень скоро сошелся на столько, что рѣшился повѣрить ему свой секретъ. Онъ отправился въ главную квартиру тою же дорогою, которою и я пользовался.

Малочисленность русскихъ войскъ была причиною, что попытки Шевкета не встрѣтили серьёзнаго отпора, и онъ успѣлъ пробиться въ Плевну. Впрочемъ, помощь его была весьма ограниченна. Болѣе всего плевненская армія нуждалась въ снарядахъ, а ихъ-то и прислали менѣе всего, такъ что съ этой поры турецкія батареи должны были беречь заряды и отвѣчали русскимъ только въ случаяхъ крайней необходимости. Около того же времени Османъ-паша за удачное отбитіе штурма 30 августа и вообще за удачную оборону Плевны противъ русскихъ получилъ отъ султана въ награду золотую саблю, украшенную драгоцѣнными каменьями. Эта милость падишаха была отпразднована парадомъ, на которомъ присутствовали всѣ свободныя войска. Главнокомандующій, объявляя о полученной наградѣ, между прочимъ, сказалъ поздравлявшимъ его офицерамъ и пашамъ: «Отъ души желаю всѣмъ вамъ такую же награду, причемъ я считаю себя обязаннымъ объявить всѣмъ моимъ сослуживцамъ, что я не возложу на себя награды нашего падишаха до тѣхъ поръ, пока я при помощи вашей не изгоню врага изъ предѣловъ нашего отечества. Я не удовольствуюсь побѣдами, которые даровалъ намъ Аллахъ досегодня и успокоюсь только тогда и тогда только возложу на себя дарованное мнѣ оружіе, когда гяуры будутъ опрокинуты за Дунай». Рѣчь эта произвела сильное впечатлѣніе, раздались громкіе крики, которые повторили всѣ собранныя для парада войска. Вся армія праздновала этотъ день, памятный и для меня, потому что я тогда очень успѣшно продалъ всѣ мои сладости. Какъ послѣдствія доказали, Османъ не сдержалъ

своего слова, что не мѣшаетъ ему, однако, красоваться теперь съ этой саблей на султанскихъ смотрахъ и парадныхъ пріемахъ въ Дольма-Бахче.

Удачная поѣздка моего «братушки» въ главную квартиру, изъ которой онъ возвратился здравъ и невредимъ, внушила мнѣ мысль отправить его туда вторично,—тѣмъ болѣе, что въ положеніи турецкой арміи произошли кое-какія перемѣны, и, главное, блокада возымѣла уже настоящее дѣйствіе. Порціи войскамъ были уменьшены, доктора жаловались на недостатокъ медикаментовъ, тифъ развивался все сильнѣе и сильнѣе. Плевна была уже совершенно обложена, и для нея наступили послѣдніе дни.

Пославъ «братушку» въ русскій лагерь 27-го октября, я тщетно ожидалъ его цѣлыхъ три дня. Онъ какъ въ воду канулъ. Нечего дѣлать, приходилось отправляться самому.

На этотъ разъ путешествіе чуть было не окончилось катастрофою. Около Биволяра, въ сильномъ туманѣ, я заблудился. Темень была такая, что въ двухъ шагахъ передъ собою ничего не видно. Шелъ не то дождь, не то снѣгъ, какія-то липкія холодныя капли. Грязь—непроходимая. Вытащишь одну ногу, а другая уже по колѣно ушла въ болото. Гдѣ почва идетъ по спуску, тамъ просто приходилось съѣзжать сидя, такъ было скользко.

Къ довершенію всего, я оборвался съ какого-то обрыва и упалъ съ довольно порядочной высоты, сильно стукнувшись затылкомъ. Ушибъ былъ такъ силенъ, что я лишился чувствъ. Пролежавъ безъ сознанія, должно быть, часа два, я очнулся, когда уже начало свѣтать. Туманъ окончательно мѣшалъ мнѣ оріентироваться. Весь мокрый, въ грязи и дрожа отъ холода, я побрелъ на удачу. Въ эту минуту мнѣ было рѣшительно все равно, попаду ли я къ туркамъ, или къ русскимъ, лишь бы добраться до людей. Вся моя энергія какъ бы замерла.

Судьба, однако же, сжалилась надо мною и привела меня въ село Рыбинъ. Оттуда только къ вечеру я добрался до Богота, куда перешла главная квартира. На этотъ разъ мнѣ дали отдохнуть цѣлый день, и я отправился назадъ въ Плевну уже 2-го ноября. Это было мое послѣднее путешествіе. О «братушкѣ», моемъ помощникѣ, я узналъ только, что письмо имъ доставлено, а потомъ куда онъ дѣлся, никто объяснить мнѣ не могъ: «мало ли ихъ тутъ шляется»,—отвѣчали мнѣ на мои разспросы.

Не могу не замѣтить, что положеніе русскихъ солдатъ подъ Плевною было ужасно. Размѣщались они по жалкимъ лачугамъ и землянкамъ, выстроеннымъ изъ рукъ вонъ плохо и неряшливо, хотя подъ руками не было недостатка въ матеріалѣ. Ложементы, гдѣ приходилось имъ проводить иногда по нѣсколько сутокъ, были просто ямы, въ которыхъ стояла грязь по колѣно. Я не преувеличу, если скажу, что русская осадная армія прожила всю осень

прямо подъ открытымъ небомъ. Не то было у турокъ. Какимъ образомъ они ухитрялись—не знаю, но даже въ траншеяхъ у нихъ было сравнительно сухо. Вездѣ были устроены маленькіе навѣсы изъ вѣтвей, гдѣ могъ бы укрыться отъ дождя солдатъ. О лагерныхъ помѣщеніяхъ и говорить нечего. Свои прекрасныя, не пропускающія дождя палатки они огораживали валиками, чтобы подъ палатку не пробиралась вода, и въ такихъ палаткахъ было всегда сухо. Въ другихъ мѣстахъ низамы устроивали землянки съ прочными крышами, просторныя и нерѣдко съ очагомъ. Офицерскія землянки были похожи скорѣе на домики и, сколько мнѣ приходилось видѣть, обогрѣвались желѣзными печками. Какъ офицеръ, такъ и солдатъ въ турецкой арміи, послѣ службы на позиціи, въ резервахъ могъ весьма удобно отдохнуть, обсушиться и обогрѣться.

Моя торговля шла себѣ помаленьку. Правда, многіе начали забирать въ долгъ, но это не особенно меня печалило. Съ прислугою Османъ-паши я сошелся прекрасно и часто мѣнялъ у нихъ свой рахатъ-лукумъ на хорошій хлѣбъ, ставшій въ послѣднее время рѣдкостью, доступною только главнымъ офицерамъ.

Солдатамъ выдача галетъ была сокращена до 50-ти драхмъ въ сутки, но послѣ 13-го ноября вновь начала выдаваться обыкновенная, даже нѣсколько усиленная, порція.

Причиною такой перемѣны было неприбытіе транспортовъ (о нихъ перестали думать, такъ какъ желѣзное кольцо охватило Плевну уже со всѣхъ сторонъ и становилось все ўже и ўже) и предположеніе Османъ-паши прорваться сквозь могучіе уже ряды русской арміи. 13-го ноября, былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено: съ 25-го ноября, вывозить всѣ горныя орудія въ къ Сыръ-Базару, туда же свозить всѣ оставшіеся военные запасы и знамена, а 28-го или 29-го, подготовившись артиллерійскимъ огнемъ, обрушиться на русскія войска. На другой же день я послалъ это важное свѣдѣніе въ главную квартиру съ новымъ моимъ помощникомъ, грекомъ Николаемъ Крумувалійцемъ, а самъ остался ожидать конца этой кровавой эпопеи.

23-го ноября, въ городѣ прошелъ слухъ, что войска уже оставляютъ Плевну. Я сидѣлъ въ кофейной, когда нѣсколько турокъ разсказывали, что орудія изъ Упанца и Бали-Баира вывезены и поставлены у моста черезъ рѣку Видъ на Софійской дорогѣ. Полагая, что Османъ-паша началъ приводить въ исполненіе рѣшеніе военнаго совѣта ранѣе назначеннаго числа, я поспѣшилъ лично удостовѣриться и отправился къ мѣсту. Тамъ дѣйствительно стояло восемь орудій, но съ поврежденными станками. Множество солдатъ и болгаръ работали надъ расчисткою шоссе, но другихъ признаковъ оставленія Плевны не было, и я пошелъ обратно въ городъ. Со мною былъ пустой лотокъ; рахатъ-лукумъ разобрали

солдаты безъ денегъ, обѣщая заплатить въ Софіи, если я поѣду туда за ними.

Отъ моста до города не болѣе четырехъ верстъ. Было уже темно, когда я возвращался домой, и, чтобы не свалиться гдѣ нибудь съ обрыва, нарочно придерживался правой стороны дороги.

Впереди уже мелькнули огоньки города, какъ вдругъ я почувствовалъ, что падаю въ какую-то яму, довольно глубокую и обширную, съ совершенно отвѣсными краями. Я свалился на какіе-то мягкіе предметы, распознать которые сразу никакъ не могъ. Къ счастію, у меня были съ собою спички. Зажигаю одну, присматриваюсь... Боже мой! какая ужасная картина! Я стою на человѣческихъ трупахъ, которыми завалено дно ямы. Признаюсь, у меня просто волосы стали дыбомъ. Какъ сумасшедшій, я бросаюсь во всѣ стороны, пробую выбраться изъ этого страшнаго мѣста, но, къ несчастію, края ямы слишкомъ отвѣсны и высоки, чтобъ по нимъ вскарабкаться. Я кричу, зову на помощь, меня никто не слышитъ. Приходится ждать; можетъ быть, кто нибудь пройдетъ или проѣдетъ около и поможетъ выбраться изъ этой могилы.

Трудно описать, что̀ я пережилъ въ эти ужасныя минуты. Такія минуты никогда не забываются въ жизни. И теперь, когда я вспоминаю объ этомъ страшномъ эпизодѣ, морозъ подираетъ по кожѣ. Могильные черви ползали по мнѣ.

Въ особенности мракъ, окружавшій меня, производилъ подавляющее впечатлѣніе. Я сознавалъ, что если лишусь чувствъ и упаду, то уже не приду въ себя. Газы, освобождавшіеся отъ мертвецовъ, задушили бы меня. Яма была очень глубока; она, какъ оказалось впослѣдствіи, ожидала много новыхъ труповъ. Стѣны, размоченныя недавнимъ дождемъ, представляли скользкую плоскость. Положеніе было дѣйствительно безвыходное, въ буквальномъ смыслѣ слова. Попадись на моемъ мѣстѣ человѣкъ суевѣрный или легко подвергающійся галлюцинаціямъ, то его участь была бы рѣшена, и еще одинъ новый трупъ прибавился бы къ общей могилѣ.

Спички, бывшія при мнѣ, сохранили свою силу; я попробовалъ курить, но это мнѣ не помогало. Газъ, освобождавшійся отъ сильно раздувшихся труповъ, смѣшиваясь съ табачнымъ дымомъ, дѣлался замѣчательно удушливъ.

Цѣлую ночь мнѣ пришлось ожидать спасителей. Разъ какой-то всадникъ проѣзжалъ довольно близко, но на мой крикъ онъ только шибче погналъ коня, принимая, должно быть, этотъ выходящій изъ-подъ земли голосъ за дьявольское наважденіе.

Вонь въ ямѣ была невыносимая. Чтобы нѣсколько облегчить дыханіе, я набралъ въ платокъ земли со стѣнъ и заложилъ ею носъ и ротъ. Этому средству я, можетъ быть, и обязанъ тѣмъ, что не задохся отъ ужаснаго смрада гніющихъ тѣлъ. До самаго утра я простоялъ на трупахъ, не рѣшаясь садиться.

Когда разсвѣло, картина, которую я до того видѣлъ при слабомъ мерцаніи спички, предстала моимъ глазамъ во всѣхъ своихъ ужасныхъ подробностяхъ. Трупы были навалены въ нѣсколько рядовъ. Повидимому, ихъ сюда не укладывали, а просто бросали сверху. Нѣкоторые почти совсѣмъ разложились, и въ нихъ копошились милліоны червей... И теперь, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда я вспоминаю эту ужасную ночь, то прихожу въ трепетъ.

Часовъ около восьми утра, къ ямѣ подъѣхали подводы съ новыми трупами. Я кое-какъ объяснилъ подводчикамъ мое паденіе, и при ихъ помощи едва живой выбрался изъ этой могилы. Видя валяющійся на трупахъ лотокъ, у господъ могильщиковъ хватило еще присутствія духа острить на мой счетъ, говоря, что, должно быть, я жалѣлъ для покойниковъ, при ихъ жизни, своего рахатъ-лукума, потому меня и угораздило попасть въ ихъ послѣднее жилище. Случай этотъ сдѣлался извѣстенъ въ городѣ, и съ тѣхъ поръ народъ иначе не называлъ злополучнаго мѣста, какъ «Хассанъ-демерджіоглу-лукумъ-мезари» [1]).

Одежда моя до того пропиталась трупнымъ запахомъ, что около меня не было возможности стоять. Пришлось купить себѣ новое платье и нѣсколько разъ сходить въ баню.

Наконецъ, насталъ и памятный день 28 ноября. Съ половины ночи вся армія и почти всё мусульманское населеніе двинулись къ рѣкѣ Виду, по Софійскому шоссе. На рѣкѣ существовалъ только одинъ каменный мостъ, поэтому турки устроили еще переправу, погрузивъ арбы, т. е. повозки, на дно рѣчки, и пользуясь неособенно глубокимъ мѣстомъ, набросали кое-какую настилку, чтò и составило подобіе моста. Вся толпа бросилась къ переправѣ. Какъ только регулярныя войска очутились на той сторонѣ Вида, то встрѣтили сильный отпоръ, подались снова назадъ, а толпы всякаго сброда очутились припертыми къ рѣкѣ. Русскіе снаряды бороздили землю, шипѣли въ рѣкѣ и производили страшное опустошеніе. Въ этихъ огромныхъ толпахъ скоро воцарился полный безпорядокъ, солдаты бѣжали назадъ, обозы и всѣ тяжести мѣшали проходить по мосту обратно; шумъ, стоны раненыхъ, ревъ снарядовъ и мелкая трескотня ружей производили такую сумятицу, что невозможно было что либо разобрать въ этомъ хаосѣ.

Я выбралъ для своего наблюденія возвышенное мѣсто и издали любовался этимъ избіеніемъ магометанъ. Прошло нѣсколько часовъ въ этой бойнѣ, наконецъ, разнесся слухъ, что Османъ-паша раненъ; прошло еще нѣсколько времени, и я замѣтилъ, что перестрѣлка стала утихать. Сначала я не понималъ, чтò это значитъ; но вотъ все умолкло, слышны только стоны и проклятія раненыхъ и отдѣльные выстрѣлы, и вдругъ какъ громъ раскатилось и словно повисло надъ всей окрестностью русское ура! Тогда только я по-

[1]) Хассанова яма.

нялъ, что Османъ-паша и вся армія сдались въ плѣнъ. Восторгу моему не было конца: я и плакалъ, и смѣялся, и обнимался съ братушками, которые, видя меня постоянно приверженцемъ турокъ, не могли понять моей радости и съ удивленіемъ смотрѣли на меня. Въ 6 часовъ вечера, въ Плевнѣ на мѣстѣ луны водрузился животворный крестъ и развѣвалось русское знамя.

Не могу не вспомнить при этомъ объ одномъ смѣшномъ обстоятельствѣ: румынскія войска занимали правый флангъ русской позиціи, къ сторонѣ Никополя; въ ночь на 28-е ноября, турки въ полной тишинѣ очистили всѣ укрѣпленія съ этой стороны, и войска втеченіе ночи, какъ я уже сказалъ, сосредоточились въ долинѣ между Плевной и рѣкою Видомъ, т. е. собрались къ противоположной сторонѣ, по дорогѣ на Софію. Румыны же, не замѣтивъ ночью движенія турокъ и полагая, что укрѣпленія, бывшія противъ нихъ, также сильны, оставались въ полномъ спокойствіи до самаго разсвѣта, т. е. до того времени, когда турки всей своей массой обратились на русскія войска, стоявшія по дорогѣ на Софію; тогда только, услышавъ страшную канонаду на лѣвомъ флангѣ позиціи, по ту сторону Плевны, румыны открыли огонь съ своей стороны; но, увидѣвъ, что имъ не отвѣчаютъ, румыны двинулись впередъ и, конечно, свободно пройдя всѣ брошенныя турками укрѣпленія, безпрепятственно вступили въ Плевну, оставленную турками. Конечно, они вошли туда раньше русскихъ, такъ какъ въ то время еще шло сраженіе съ другой стороны Плевны; вотъ почему румыны приписываютъ себѣ взятіе Плевны. Разумѣется, они съ своей точки зрѣнія правы, — они первые вошли въ городъ, но дѣло въ томъ, что они вошли какъ бы въ заднюю дверь того пустаго помѣщенія, изъ котораго хозяинъ вышелъ еще ночью въ переднюю дверь. Войдя въ Плевну съ большимъ парадомъ, до которыхъ они вообще большіе охотники, эти вояки сейчасъ же бросились грабить городъ. Безпорядокъ этотъ и грабежъ былъ прекращенъ только вступленіемъ въ Плевну русскихъ войскъ, вошедшихъ туда по окровавленной Софійской дорогѣ.

Нужно было видѣть, съ какимъ восторгомъ встрѣтили болгары доблестныхъ русскихъ солдатъ. Все ликовало и обнималось.

30-го ноября, Плевна встрѣчала государя императора. Путь Царя-Освободителя былъ буквально усыпанъ цвѣтами. Восторгъ народонаселенія описать трудно.

Съ паденіемъ Плевны кончились и мои похожденія. Усиленные труды, постоянная тревога, наконецъ, послѣдній ночлегъ въ могилѣ подорвали мои силы, я заболѣлъ и пролежалъ въ Плевнѣ всю зиму до мая мѣсяца.

Оправившись, я поѣхалъ въ С.-Стефано, но война была уже окончена, и въ услугахъ моихъ болѣе не нуждались.

К. Фаврикодоровъ.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Состоящій въ распоряженіи штабъ-офицера надъ вожатыми въ дѣйствующей арміи, уволенный въ 1856 году изъ волонтеровъ Греческаго легіона императора Николая I, кавалеръ ордена св. Георгія 4-го класса и серебряной медали, за защиту Севастополя, Константинъ Николаевъ Фаврикодоровъ, по приказанію его превосходительства начальника штаба журжевскаго отряда, генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го, былъ посланъ, 31-го мая 1877 года, черезъ Сербію въ Рущукъ для развѣдованія о укрѣпленіяхъ, позиціяхъ и числѣ войскъ; по возвращеніи имъ сообщены были свѣдѣнія: 1) о количествѣ пороха, привезеннаго изъ Салоникъ въ Рущукъ; 2) о количествѣ запасовъ и продовольствія, приготовленнаго для турецкихъ войскъ; 3) о числѣ арабовъ, ожидаемыхъ въ Рущукъ; 4) о составѣ арміи отправленнаго въ Черногорію Али-паши и числѣ лошадей, закупленныхъ имъ для своей арміи; 5) о прибытіи турецкаго главнокомандующаго Абдулъ-Керима въ Рущукъ и его свитѣ, объ отбытіи его въ Силистрію и, наконецъ, 6) подробная таблица батарей, траншей и свѣдѣній о количествѣ таборовъ низама, зейбековъ, башибузуковъ и черкесовъ въ крѣпостяхъ и укрѣпленіяхъ: Виддинѣ, Ломъ-Паланкѣ, Раховѣ, Никополѣ, Систовѣ, Рущукѣ, Сумонлѣ, Ловчѣ, Плевнѣ, Вращѣ, Клиссурѣ, Берковцахъ, Бѣлградчикѣ. 26-го іюня 1877 года, Фаврикодоровъ, посланный мною изъ города Систова для развѣдованія о положеніи непріятеля, сообщилъ о предполагаемомъ движеніи изъ Виддина Османъ-паши въ мѣсто, находящееся ниже Бѣлградчика, съ 50-тысячною арміей, о встрѣчѣ съ египетскимъ Хассанъ-пашею, шедшимъ въ городъ Никополь во главѣ 15,000 войска съ 32 пушками маленькаго калибра, о встрѣчахъ въ Этрополѣ 2,000 черкесовъ и среди поля, гдѣ онъ ночевалъ, съ 10,000 башибузуковъ, шедшихъ въ Плевну; наконецъ, пробравшись въ Плевну, для распознанія состава непріятеля, слышалъ англійскія и иностранныя, не турецкія слова; пытался проникнуть въ лагерь подъ видомъ продавца рахатъ-лукума, но его туда не пустили; затѣмъ, сообщивъ о войскахъ, стоявшихъ въ мѣстностяхъ Сельви-Оглу и Жемаса, добрался до города Шумлы, освѣдомился объ укрѣпленіяхъ, воздвигаемыхъ англичанами, о запасахъ сухарей, заготовляемыхъ въ Проводахъ, и о движеніяхъ войскъ, сосредоточенныхъ въ Варнѣ; оттуда отправился въ Адріанополь, сообщилъ объ укрѣпленіяхъ близь Адріанополя двухъ селеній, Карагачѣ и Демирдечѣ, о маршрутѣ, коимъ доставляется провизія моремъ и сухимъ путемъ, и движеніи транспортовъ. По возвращеніи 3-го августа въ Горный Студень, Фаврикодоровъ былъ вновь посланъ мною въ Плевну 6-го августа, первый разъ, и 16-го августа, второй разъ, куда и пробрался съ большими трудностями чрезъ три дня, въ ночное время, черезъ берегъ Вида; переодѣтый на мельницѣ въ турецкій костюмъ и обойдя турецкія позиціи, выходилъ на общую дорогу Сыръ-Базаръ и оттуда вмѣстѣ съ турками входилъ въ Плевну. Изъ Плевны сообщены въ первое и второе его проникновеніе въ укрѣпленную позицію свѣдѣнія имъ лично, по возвращеніи, подробно. Посланный вновь изъ селенія Горный Студень въ Плевну 8-го сентября, Фаврикодоровъ 24-го сентября прислалъ увѣдомленіе, сообщавшее о положеніи арміи Османъ-паши, о продовольственномъ состояніи его войскъ, подробное свѣдѣніе о помощи, поданной имъ Шефетъ-пашой, о количествѣ людей, лошадей, пушекъ и провіанта, привезеннаго съ нимъ въ Плевну 14-го сентября, о количествѣ запаса хлѣба и фуража, заготовляемаго ими и реквизи

руемаго изъ семи селъ, указанныхъ имъ; въ своемъ донесеніи подробно и обстоятельно сообщилъ о количествѣ вновь устроенныхъ батарей, съ подробнымъ обозначеніемъ ихъ мѣстоположенія и названій, извѣстилъ штабъ объ устройствѣ къ батареямъ сообщающихъ ихъ между собою глубококопанныхъ дорогъ для маскированія движенія по направленію къ онымъ и безъ опасенія подвоза матеріала отъ обстрѣливанія, о результатахъ бомбардированія съ нашихъ позицій, 21-го сентября объ ожиданіи изъ Константинополя вспомогательнаго отряда и зимняго одѣянія; затѣмъ, Фавриводоровъ, оставаясь въ Плевнѣ, 27-го октября вновь увѣдомилъ меня письменно о положеніи плевненской арміи, о количествѣ уже уменьшившагося гарнизона, о нуждахъ, претерпѣваемыхъ имъ, потеряхъ отъ перестрѣлокъ, о порціонахъ, о дезертирахъ, о распоряженіяхъ Османъ-паши относительно жителей, о перемѣнахъ въ расположеніи лагеремъ турецкихъ войскъ съ подробнымъ обозначеніемъ магалъ, о количествѣ годныхъ къ употребленію полевыхъ и осадныхъ орудій, о расположеніи пороховыхъ складовъ, о числѣ батарей съ указаніемъ сильныхъ и слабыхъ позицій, наиболѣе удобныхъ для бомбардированія; и, пробравшись съ рискомъ чрезъ усиленные турецкіе форпосты, 30-го октября, послѣдній разъ былъ отправленъ 2-го ноября въ Плевно и оттуда извѣстилъ штабъ 14-го ноября о томъ, что Османъ-паша рѣшился прорваться на Софійскую дорогу.

Во все время служенія Константинъ Фавриводоровъ исполнялъ честно и добросовѣстно, по мѣрѣ силъ и возможности, возложенныя на него важныя порученія, рисковалъ жизнію, подвергался лишеніямъ при исполненіи своихъ обязанностей и оказалъ русской арміи услуги, въ особенности имѣвшія большое значеніе во время осады и взятія плевненскихъ укрѣпленій.

Означенный въ семъ свидѣтельствѣ Константинъ Николаевъ Фавриводоровъ дѣйствительно доставлялъ мнѣ тѣ свѣдѣнія, о которыхъ онъ упоминаетъ въ этомъ свидѣтельствѣ во время войны 1877 — 1878 годовъ. Удостовѣряю моей подписью съ приложеніемъ моей печати, 2-го мая 1879 года; подлинное подписалъ:

Генеральнаго штаба полковникъ А[illegible]

ВЪ КАЗАНИ И ВЪ КІЕВѢ.

(1867—1877).

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

I.

Предисловіе.—Отъѣздъ изъ Одессы въ Казань и дорожныя приключенія. — Казань какъ городъ.—Казанскій университетъ. — Мое положеніе въ немъ. — Дѣло объ одномъ представленіи въ почетные члены.—Заключеніе о Казанскомъ университетѣ.—Переѣздъ въ Кіевъ.—Внѣшній видъ города и внутреннее неустройство.—Мое первоначальное настроеніе и вступительная лекція.—Борьба этнографическихъ элементовъ въ Кіевѣ.—Несогласія въ университетѣ и трудное положеніе историко-филологическаго факультета.—Партіи въ университетѣ.—Столкновеніе историко-филологическаго факультета съ совѣтомъ по дѣлу Иконникова.

РИСТУПАЯ къ продолженію [1]) своихъ воспоминаній изъ времени моего университетскаго преподаванія, считаю нужнымъ оговориться. Я не вдругъ рѣшился на это продолженіе, имѣя противъ него два основанія: во-первыхъ, то, что время, котораго теперь приходится касаться, стоитъ слишкомъ близко къ настоящей минутѣ; во-вторыхъ, то, что, говоря о другихъ, мнѣ на этотъ разъ приходится много говорить о себѣ, и говорить не только какъ о наблюдателѣ совершающихся явленій, но и какъ о лицѣ, дѣйствующемъ среди этихъ явленій, а это имѣетъ свою непріятную, или, по крайней мѣрѣ, весьма щекотливую сторону. Но, съ

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», ноябрь, 1884 года.

другой стороны, мнѣ приходили въ голову и соображенія, немало ослаблявшія силу основаній, которыя говорили въ пользу воздержанія отъ этого шага. Мнѣ казалось, что близость къ настоящему моменту здѣсь описываемаго времени не можетъ быть сильнымъ возраженіемъ противъ обнародованія моихъ воспоминаній, къ нему относящихся, уже потому, что для меня лично это время представляется уже вполнѣ заключившимся періодомъ моей жизни, къ которому я могу относиться съ большой объективностью: почти восемь лѣтъ, протекшихъ со времени окончательнаго оставленія мною университетской каѳедры, въ самомъ дѣлѣ значительный періодъ въ нашей, быстро текущей, жизни, по крайней мѣрѣ, достаточный для того, чтобы относиться къ тому, что̀ стоитъ позади его, какъ къ прошлому, а не какъ къ настоящему. Да и для самихъ университетовъ недавно насталъ уже новый періодъ, такъ что къ прежнему, котораго только и касаются эти страницы, я, какъ и всякій другой, имѣю уже право относиться съ исторической точки зрѣнія. Далѣе, если твердо держаться правила говорить о живыхъ лицахъ съ подобающей сдержанностью, даже въ случаяхъ рѣшительнаго неодобренія ихъ дѣйствій или стремленій, то можно легко избѣгнуть оскорбленія личныхъ самолюбій и тѣмъ устранить важнѣйшее препятствіе, какое обыкновенно стоитъ на дорогѣ у всякаго, имѣющаго дѣло съ современной исторіей. Гораздо болѣе щекотливо положеніе, когда приходится говорить о себѣ, о своихъ столкновеніяхъ съ другими; но дѣло очень облегчается, когда авторъ воспоминаній говоритъ о себѣ лишь фактами, не имѣя и не обнаруживая притязанія выставлять себя въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ какъ его личность возстаетъ изъ этихъ фактовъ сама собою и какою она рисуется въ глазахъ даже очень скептическаго читателя. Въ подобныхъ случаяхъ малѣйшая фальшь или натяжка тотчасъ же чувствуется, и потому уже простой разсчетъ благоразумія требуетъ, чтобы авторъ воспоминаній, сообщая автобіографическія данныя, былъ строгъ къ себѣ и отличался полнымъ безпристрастіемъ. Только та автобіографія и имѣетъ цѣну, которая возбуждаетъ къ себѣ полное довѣріе читателя. Я бы, конечно, не рѣшился выступать съ этими данными, если бы могъ хотя на минуту сомнѣваться, что строки мои будутъ приняты съ довѣріемъ къ ихъ полной искренности и правдивости. Наконецъ, въ оправданіе своей смѣлости я могу сказать и то, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ моя личность входитъ въ столкновеніе съ другими, я опираюсь на данныя, провѣрка которыхъ всякому доступна и которыя содержатся въ оффиціальныхъ документахъ, большею частью обнародованныхъ въ оффиціальныхъ изданіяхъ. Для того, чтобы облегчить эту провѣрку, я въ описаніи кіевской университетской жизни, которою главнымъ образомъ здѣсь занимаюсь, обыкновенно выставляю не только годъ, но мѣсяцъ и день, когда произошло событіе, мною описанное или упо-

мянутое, такъ что стоитъ только развернуть «Университетскія Извѣстія» извѣстнаго года и мѣсяца, чтобы тамъ въ отдѣлѣ протоколовъ совѣтскихъ засѣданій найдти всѣ нужныя данныя.

...Я оставилъ Одессу 5-го ноября 1867 года. Не вдругъ я рѣшился оставить берега Чернаго моря, чтобы ѣхать въ Казань, въ этотъ далекій городъ, представлявшійся мнѣ тогда какъ бы ultima Thule образованнаго міра. На первое предложеніе перейдти въ Казань, шедшее черезъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, П. Дм. Шестакова, я, не колеблясь, отвѣтилъ отказомъ. Можно было, разсуждалъ я, покинуть Одессу и ея новый университетъ для Петербурга, но ѣхать безъ всякой настоятельной надобности въ Казань, въ суровый климатъ, въ страшную даль, въ провинціальную глушь, мнѣ представлялось дѣломъ, не стоющимъ того, чтобъ надъ нимъ много задумываться. Я благодарилъ за честь, но отказался. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, однако, дѣло ѝ моемъ переходѣ въ Казань началось съизнова. Я получилъ вторичное приглашеніе, и это приглашеніе было мною принято безъ особеннаго колебанія, не смотря на то, что министерство народнаго просвѣщенія не согласилось удовлетворить ходатайство университета и попечителя объ утвержденіи меня, не получившаго ещё докторскаго диплома, исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора. Я согласился ѣхать въ Казань потому, что измѣнились мои семейныя обстоятельства, и предложенная мнѣ Казанскимъ университетомъ прибавка въ 800 рублей къ моему доцентскому жалованью сдѣлалась для меня драгоцѣнною. Такимъ-то образомъ, поздней осенью 1867 года, я оставилъ Одессу, но оставилъ ее уже не одинъ, какъ туда пріѣхалъ, а вдвоемъ, на десятый день послѣ своей свадьбы.

Ѣхали мы въ Казань безъ малаго цѣлый мѣсяцъ, хотя ѣхали безъ всякихъ долгихъ остановокъ. Теперь страшно себѣ даже и представить, чтѝ мы испытали въ дорогѣ при тогдашнихъ путяхъ сообщенія. Сколько разъ ломалась ось въ нашемъ колоссальныхъ размѣровъ тарантасѣ, среди пустынной дороги, сколько разъ приходилось по цѣлымъ днямъ сидѣть на столь же пустынной станціи, въ ожиданіи исправленія поломаннаго экипажа! Путь до Днѣпра совершился почти при одной температурѣ, при какой мы выѣхали изъ Одессы (+ 8° Р. днемъ); отъ Кременчуга до Харькова нашему колесному экипажу, запрягавшемуся обыкновенно въ пять лошадей, пришлось двигаться по легкому снѣгу; отъ Харькова до Тулы, мы уже утопали въ снѣжныхъ сугробахъ. Мы вздохнули только тогда, когда въ Тулѣ сѣли въ вагонъ желѣзной дороги, которая въ то время дальше Тулы къ югу не простиралась, или, по крайней мѣрѣ, не была открыта. Самымъ печальнымъ эпизодомъ въ нашемъ путешествіи былъ случай, когда на половинѣ второй станціи отъ

Харькова къ Москвѣ, среди страшнѣйшей метели сломалась ось въ экипажѣ, повидимому, радикально исправленномъ въ Харьковѣ, и когда мы, оставивъ свой тарантасъ съ пожитками на попеченіе ямщика, должны были ночью, по сугробамъ снѣга, при одуряющей метели, возвращаться пѣшкомъ на прежнюю станцію, чтобъ оповѣстить тамъ о нашемъ приключеніи и послать людей въ помощь ямщику для доставленія туда же нашего несчастнаго ковчега. Даже и теперь дрожь пробѣгаетъ по кожѣ, когда вспомнишь, сколько мы настрадались въ этомъ тяжеломъ и продолжительномъ путешествіи съ юга на сѣверовостокъ Россіи въ такую неудобную пору. Для меня лично, всѣ прелести передвиженія по отечественнымъ дорогамъ были дѣло знакомое, но для жены моей, которая отъ роду никуда не выѣзжала изъ Одессы, эти внезапныя остановки среди дороги въ сугробахъ снѣга, это невольное пребываніе по цѣлымъ суткамъ на почтовыхъ станціяхъ, лишенныхъ всякаго подобія привычнаго житейскаго комфорта, при постоянномъ появленіи (и отъѣздѣ) новыхъ лицъ, изъ которыхъ почти каждое было не прочь отнять у васъ на время и то ничтожное удобство, какое вы себѣ устроили,—вся эта полная лишеній и безпокойствъ ѣзда на почтовыхъ, въ суровое время года, была черезчуръ непосильнымъ испытаніемъ. Особенно для нея ужасно было костоломное путешествіе на почтовыхъ саняхъ изъ Нижняго до Казани по гористому берегу Волги, гдѣ сани то и дѣло ныряли въ ямы и быстро поднимались изъ нихъ, чтобы снова нырнуть, встряхивая сѣдоковъ такъ сильно, что можно было только удивляться выносливости человѣческой натуры, по крайней мѣрѣ, сравнительно съ многими неодушевленными предметами, которые при этомъ одинъ за другимъ въ нашихъ сундукахъ и ящикахъ разбивались въ дребезги. Такимъ-то образомъ мы 1-го декабря, т. е. черезъ двадцать семь дней по выѣздѣ изъ Одессы, добрались до Казани, переѣхавъ Волгу частію на саняхъ, а частію на широкихъ татарскихъ плечахъ (не испытанный нами до тѣхъ поръ способъ путешествія), по причинѣ распустившагося отъ оттепели снѣга и огромной полыньи у казанскаго берега.

Казань, при въѣздѣ въ нее, показалась мнѣ хорошимъ провинціальнымъ русскимъ городомъ московскаго типа. Этому впечатлѣнію не мѣшала ея татарская часть, которая составляетъ лишь предмѣстье города и можетъ быть разсматриваема, какъ отдѣльное цѣлое. Впослѣдствіи городъ, говорятъ, очень украсился и много выигралъ въ благоустройствѣ отъ улучшенія мостовыхъ, проведенія водопровода и другихъ мѣръ, возникшихъ по введеніи городскаго самоуправленія; но и тогда, въ 1867 году, Казань казалась городомъ богатымъ и на столько благоустроеннымъ, на сколько могутъ быть благоустроенными русскіе города, берущіе за образецъ своего устройства Москву, т. е. городъ, далеко не благоустроенный,

съ европейской точки зрѣнія. Центръ Казани, именно длинныя улицы Проломная и Воскресенская, давно уже состоялъ изъ сплошныхъ каменныхъ построекъ, хотя и довольно безформенной архитектуры; къ услугамъ пріѣзжихъ были очень сносныя гостиницы; въ разныхъ мѣстахъ видны были богатые внутреннимъ содержаніемъ магазины и лавки, между которыми особенно выдавались чайные магазины. Тутъ я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ такіе чайные магазины, въ которыхъ продавался одинъ чай, безъ сахару и кофе, и даже такіе, гдѣ продавался только одинъ кантонскій чай или только одинъ кяхтинскій. Эта спеціализація въ торговлѣ явно свидѣтельствовала о силѣ ея и большихъ оборотахъ. Обиліе мебельныхъ лавокъ, какого не встрѣтишь въ другихъ провинціальныхъ русскихъ городахъ, также говорило о томъ, что Казань есть важный торговый пунктъ, приготовляющій товары для большаго раіона, въ которомъ она является своего рода столицей. Еще болѣе о важности этого пункта, его торговой и промышленной жизни говорили весьма значительные фабрики и заводы: свѣчные, салотопенные, мыловарные, кожевенные и друг. Между ними особенно выдавался свѣчной заводъ братьевъ Крестовниковыхъ, который распространялъ свои издѣлія на гораздо большемъ пространствѣ Россіи, чѣмъ какимъ пользовались, по крайней мѣрѣ, въ то время, сдѣлавшіяся теперь совсѣмъ плохими свѣчи Невскаго завода. Живя въ Одессѣ, я не зналъ другихъ свѣчъ, кромѣ казанскихъ. Теперь многое какъ въ жизни, такъ и въ значеніи Казани измѣнилось, и городъ, до сихъ поръ напрасно ожидающій проведенія къ себѣ желѣзной дороги, говорятъ, приходитъ въ упадокъ; но тогда, т. е. около восемнадцати лѣтъ назадъ, это былъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ сильныхъ городовъ русской провинціи и, въ качествѣ таковаго, онъ, не смотря на свой русско-провинціальный обликъ, котораго я вообще не могу переносить равнодушно, производилъ на меня довольно благопріятное впечатлѣніе. И я радъ былъ этому впечатлѣнію.

Гораздо важнѣе для моего внутренняго міра было то, что мнѣ очень понравился университетъ. Тутъ я съ перваго взгляда понялъ, что̀ значитъ старый университетъ, и какъ велико его преимущество передъ новымъ, каковъ былъ Одесскій. Я не могу ясно выразить того, какое чувство охватило меня при первомъ посѣщеніи Казанскаго университета, гдѣ мнѣ, какъ единственному преподавателю по своей каѳедрѣ, и притомъ такой, которая много лѣтъ оставалась вакантною, предстояла масса труда, но помню хорошо, что, понюхавъ университетской атмосферы въ профессорской лекторіи, въ библіотекѣ, на квартирахъ профессоровъ, наконецъ въ своей аудиторіи, я сказалъ себѣ, что это—настоящій университетъ (въ сравненіи съ Одесскимъ), что тутъ есть та, уже вполнѣ сплотившаяся, академическая жизнь, какую я находилъ въ провин-

ціальныхъ германскихъ университетахъ, но до которой еще далеко было Одессѣ. Тутъ (въ Казани) все какъ-то было въ своей колеѣ и шло по заведенному порядку; тутъ чувствовались преданія и связь настоящаго съ прошлымъ; тутъ университетскіе интересы, большіе, и малые, поглощали всѣ остальные (о службѣ въ городской управѣ, о дѣятельности въ думѣ тогда никто еще не думалъ). Взятый въ своей совокупности, Казанскій университетъ не находился тогда въ періодѣ процвѣтанія,—особенно были чувствительны пробѣлы на историко-филологическомъ факультетѣ и слабость юридическаго,—но въ немъ было, особенно на физико-математическомъ и медицинскомъ факультетахъ, всетаки, немало весьма замѣтныхъ и даровитыхъ силъ, которыя составили бы честь любаго русскаго университета. Около людей съ именемъ группировались молодыя силы, стоявшія къ своимъ руководителямъ въ совершенно правильныхъ отношеніяхъ, какія не часто встрѣчаются въ русскихъ университетахъ, гдѣ старшій иногда гонитъ младшаго, вмѣсто того, чтобы оказывать ему поддержку, а младшій освобождаетъ себя отъ необходимаго уваженія и признательности къ своему бывшему наставнику. Можно было также съ перваго раза замѣтить, что студенты обнаруживаютъ подготовку и расположеніе къ научнымъ занятіямъ значительно въ большей степени, чѣмъ какія я нашелъ у молодыхъ людей, вышедшихъ изъ гимназій Одесскаго учебнаго округа, и чѣмъ какія я потомъ встрѣтилъ у студентовъ Кіевскаго университета.

Хорошее впечатлѣніе, произведенное на меня на самыхъ первыхъ порахъ Казанскимъ университетомъ, мнѣ было чрезвычайно дорого. Я ѣхалъ въ городъ, мнѣ совершенно невѣдомый, съ которымъ у меня не было никакихъ связей и въ которомъ внѣ университета у меня не было и не могло быть никакихъ живыхъ интересовъ. Слѣдовательно, для меня было необыкновенно важно чувствовать нравственную связь съ учрежденіемъ, въ которомъ мнѣ приходилось дѣйствовать, для того, чтобы моя дѣятельность имѣла необходимые нравственные стимулы и поддержку и была плодотворною. И связь эту я скоро почувствовалъ. Университетъ съ своей стороны дѣлалъ все, что̀ могло и должно было меня привязать къ нему, и если я, всетаки, скоро оставилъ его, то вина въ этомъ случаѣ лежитъ на обстоятельствахъ, которыя часто бываютъ сильнѣе насъ.

Наиболѣе научной силы сосредоточивалось тогда въ Казани на физико-математическомъ факультетѣ. Я засталъ еще тамъ извѣстнаго химика А. М. Бутлерова съ цѣлой свитой его учениковъ, изъ которыхъ каждый пріобрѣлъ себѣ бо́льшую или меньшую извѣстность въ наукѣ (Марковниковъ, Поповъ, Зайцевъ); тамъ же были въ то время зоологи: Н. П. Вагнеръ и А. О. Ковалевскій, геологъ Н. А. Головкинскій, физикъ Больцани, астрономъ Ковальскій, ма-

тематикъ Импенецкій — все люди очень извѣстные, совокупная дѣятельность которыхъ придавала факультету большое значеніе. Нашъ историко-филологическій факультетъ, разумѣется, не могъ выдерживать съ этимъ факультетомъ сравненія; но нельзя сказать, чтобъ онъ стоялъ въ то время ниже историко-филологическихъ факультетовъ въ другихъ провинціальныхъ университетахъ. Русскую словесность въ немъ преподавалъ (какъ и теперь) Н. Н. Буличъ, нынѣшній ректоръ университета, человѣкъ съ широкимъ и философскимъ образованіемъ; русскую исторію—Н. Я. Ѳирсовъ, извѣстный своими спеціальными изслѣдованіями по исторіи сѣверо-восточной Россіи; славянскія нарѣчія—М. П. Петровскій, одинъ изъ лучшихъ учениковъ покойнаго Григоровича; всеобщую исторію сталъ читать вскорѣ послѣ моего пріѣзда начинавшій тогда свою ученую дѣятельность, а потомъ довольно извѣстный и во всякомъ случаѣ очень талантливый историкъ Н. А. Осокинъ, философію преподавалъ пріѣхавшій въ одно время со мной, нынѣшній московскій профессоръ М. М. Троицкій. Хуже всѣхъ предметовъ была поставлена греческая словесность, бывшая тогда въ рукахъ покойнаго теперь А. О. Угянскаго, человѣка, не лишеннаго познаній, но большаго чудака и во всякомъ случаѣ человѣка не совсѣмъ нормальнаго. Для характеристики его личности и дѣятельности можно привести слѣдующіе факты. Онъ раздѣлялъ греческихъ писателей на бѣлыхъ пантеистовъ и черныхъ пантеистовъ и ко многимъ изъ нихъ относился какъ къ своимъ личнымъ врагамъ, прилагая къ нимъ ругательные эпитеты. При этомъ онъ забавлялъ своихъ слушателей самыми невозможными разсказами, къ области его науки не имѣвшими никакого отношенія. На его лекціи часто стекалась масса слушателей со всѣхъ факультетовъ, такъ что многіе за недостаткомъ мѣстъ на скамьяхъ сидѣли на окнахъ, на ступенькахъ каѳедры, или просто стояли. Проходя въ это время по корридору, можно было слышать далеко раздающееся гоготанье въ аудиторіи отъ разсказовъ и шутокъ причудливаго профессора. Онъ былъ литвинъ по происхожденію, своимъ мохнатымъ видомъ сильно смахивалъ на обезьяну, ходилъ до крайности грязно, говорилъ всѣмъ ты, любилъ начинать лекцію разсказомъ о своихъ похожденіяхъ по судебнымъ мѣстамъ, гдѣ онъ добивался возвращенія купленнаго имъ и дерзко присвоеннаго себѣ однимъ его землякомъ имѣнія, и нерѣдко ссылался ради примѣра на свои семейныя отношенія. Если этого чудака, доживавшаго свой срокъ и затѣмъ скоро умершаго, не брать во вниманіе при оцѣнкѣ состава историко-филологическаго факультета въ Казани въ мое время, то составъ этотъ, повторяю, былъ далеко не такъ дуренъ, чтобъ мнѣ можно было тяготиться своими товарищами. Преподаваніе по каѳедрамъ нашего факультета, хотя въ первое время моего пребыванія въ Казани и замѣщеннымъ, большею частію, доцентами и приватъ-доцентами, а не

полными профессорами, шло, какъ мнѣ кажется, въ данный моментъ не только не хуже, но даже лучше, чѣмъ оно шло, напр., въ Одессѣ или въ Кіевѣ, гдѣ историко-филологическій факультетъ, состоявшій изъ старыхъ профессоровъ, былъ вскорѣ почти совершенно уничтоженъ на нѣкоторое время забаллотировками въ совѣтѣ.

Университетскія отношенія въ Казани въ то время, говоря вообще, были довольно удовлетворительны. Единогласія или полнаго мира между профессорами, разумѣется, не было, но партіи, на которыя раздѣлялся составъ университетскихъ преподавателей, были самыя законныя. Была группа людей либеральныхъ, энергически отстаивавшихъ интересы университетскаго самоуправленія; была другая группа, которая къ интересамъ самоуправленія относилась равнодушно и обыкновенно стояла на сторонѣ предложеній или желаній попечителя. Это была, такъ сказать, консервативная партія. Были, наконецъ, люди, стоявшіе въ сторонѣ отъ той или другой группы и не принимавшіе никакого дѣятельнаго участія въ борьбѣ университетскихъ интересовъ. Къ этой послѣдней принадлежатъ поляки, между которыми наиболѣе выдающимся лицомъ былъ профессоръ астрономіи Ковальскій. Къ либераламъ принадлежала наиболѣе талантливая и дѣятельная часть университетской корпораціи; между консерваторами, за исключеніемъ Больцани, дѣятельныхъ въ наукѣ и выдающихся способностями людей совсѣмъ не было. Но всѣ эти либералы, консерваторы и нейтральные легко уживались между собой, и рѣзкихъ столкновеній, подобныхъ тѣмъ, какія въ Кіевскомъ университетѣ были постояннымъ явленіемъ, или тѣмъ, какія проявились впослѣдствіи въ самой Казани и вызвали единовременный выходъ восьми лучшихъ профессоровъ университета, въ мое время совсѣмъ не было.

Мои личныя отношенія къ членамъ своего факультета были очень хороши, и я не могу припомнить ни одного обстоятельства, которое бы могло теперь вызвать во мнѣ досаду или сожалѣніе. Стоитъ мнѣ только вспомнить, какъ факультетъ былъ ко мнѣ любезенъ въ пріемѣ и одобреніи моей докторской диссертаціи, которая встрѣтила себѣ камень преткновенія въ моихъ личныхъ отношеніяхъ въ Петербургѣ, какъ онъ немедленно послѣ докторскаго диспута вошелъ съ представленіемъ объ утвержденіи меня экстраординарнымъ профессоромъ, а черезъ три мѣсяца ординарнымъ, чтобы не оставалось у меня никакого сомнѣнія въ существованіи дѣйствительнаго расположенія ко мнѣ своего факультета. Я указываю на этотъ пунктъ тѣмъ съ бо́льшимъ удареніемъ, что были и теперь есть люди, которые любятъ приписывать мой переходъ изъ одного университета въ другой какой-то моей особенной неуживчивости. Нѣтъ ни малѣйшихъ основаній для объясненія этимъ свойствомъ моего оставленія какъ Одесскаго, такъ и Казанскаго университета. Если подъ неуживчивостію нужно разумѣть неумѣнье

примиряться со всевозможными обстоятельствами, какъ бы они ни были унизительны, то, дѣйствительно, это неумѣнье вполнѣ присуще моему характеру, и я отнюдь не скорблю о томъ, что не обладаю противоположнымъ качествомъ; но въ Казани для меня не было никакихъ такихъ обстоятельствъ, съ которыми было бы трудно примиряться. Напротивъ, университетскія обстоятельства для меня были какъ нельзя болѣе благопріятны. Были у меня хорошіе, прилежные и талантливые слушатели, которыхъ, уходя изъ университета, я оставилъ съ глубокимъ сожалѣніемъ; факультетъ для меня сдѣлалъ все, что могъ; совѣтъ не противодѣйствовалъ факультету и принялъ меня въ свою среду очень охотно; наконецъ, попечитель П. Дм. Шестаковъ, строгій и даже иногда суровый въ отношеніи къ нѣкоторымъ другимъ, относился ко мнѣ, какъ къ своему собрату по наукѣ (онъ былъ также филологъ), съ видимымъ расположеніемъ. Гдѣ же тѣ обстоятельства, которыя могли бы служить въ Казани пробой моей уживчивости? Ихъ совсѣмъ не было.

Я жилъ въ Казани въ той средѣ профессоровъ, къ которой относилась большая часть дѣятельныхъ силъ университета: новое обстоятельство, которое дѣлало мою жизнь въ Казани довольно пріятною. Наиболѣе близкія, семейныя отношенія у меня были съ профессорами физико-математическаго факультета Н. П. Вагнеромъ, Э. П. Янишевскимъ, Н. А. Головкинскимъ; изъ преподавателей историко-филологическаго факультета наиболѣе частнымъ посѣтителемъ нашего дома былъ Н. А. Осокинъ. Вагнеръ не былъ тогда спиритомъ и имѣлъ міросозерцаніе, совершенно противоположное, какъ мнѣ кажется, теперешнему. Обладая слабымъ здоровьемъ, онъ дѣятельно и плодотворно занимался своей наукой (зоологіей), находя себѣ достаточное признаніе не только среди отечественныхъ ученыхъ, но и въ Европѣ. Онъ тогда готовилъ сочиненіе на конкурсъ, объявленный Парижской академіей, и получилъ за него премію. Янишевскій тогда не былъ головой и былъ человѣкомъ вполнѣ безупречной репутаціи. Головкинскій и Осокинъ подавали тогда очень большія надежды и, кажется, въ значительной степени ихъ исполнили. Въ кругу этихъ людей можно было себя чувствовать хорошо, и, кромѣ нихъ, я пользовался расположеніемъ многихъ другихъ, съ которыми чувствовалъ себя солидарнымъ во всѣхъ вопросахъ, касавшихся университета. Только въ самое послѣднее время, когда шло дѣло о моемъ переходѣ въ Кіевъ, гдѣ я уже былъ выбранъ совѣтомъ, эта солидарность нѣсколько поколебалась отъ одного обстоятельства, въ которомъ я не могу не признать за собой нѣкоторой вины, хотя, быть можетъ, и заслуживающей снисхожденія.

Былъ поднятъ вопросъ о возведеніи въ почетные члены университета одного государственнаго дѣятеля. Я былъ въ числѣ тѣхъ,

которые горячо принялись за эту мысль, во-первыхъ, потому, что чувствовалъ уваженіе къ этому дѣятелю, а во-вторыхъ, потому, что считалъ себя даже лично ему обязаннымъ. Но противъ этой мысли были не только многіе члены совѣта, но и попечитель. Сначала мы, тѣмъ не менѣе, стояли твердо на своемъ и думали повести дѣло, не смотря ни на оппозицію въ совѣтѣ, ни на неудовольствіе попечителя. Но вскорѣ стало выясняться, что дѣло наше можетъ не выгорѣть, препятствія къ проведенію его стали оказываться очень сильными. Наконецъ, пріѣзжаетъ въ университетъ попечитель и выражаетъ одному, другому свое неудовольствіе по поводу затѣяннаго нами представленія въ почетные члены лица, не пользовавшагося сочувствіемъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Встрѣтившись со мной, попечитель спрашиваетъ меня, — правда ли, что и я принимаю участіе въ этой агитаціи. Я отвѣчалъ, что принимаю, и даже очень живое, причемъ указалъ на резоны, заставляющіе меня такъ дѣйствовать. Попечитель, повидимому, соглашался съ ихъ основательностью, но, тѣмъ не менѣе, по своимъ соображеніямъ довольно вѣскаго свойства совѣтовалъ мнѣ и самому бросить это дѣло и убѣждать другихъ прекратить его. Взаключеніе онъ прибавилъ, что во всякомъ случаѣ онъ не утвердитъ совѣтскаго выбора, если онъ и состоится. Я обѣщался переговорить съ другими и указать своимъ коллегамъ на выставленные имъ доводы противъ нашей агитаціи. Результатомъ моихъ переговоровъ было то, что часть подписавшихся подъ представленіемъ въ совѣтѣ о возведеніи означеннаго лица въ почетные члены университета, имѣя въ виду, что дѣло можетъ принять скандальный оборотъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть пріятенъ лицу, которое мы хотимъ почтить своимъ избраніемъ, высказалась за прекращеніе этого дѣла. Я также сталъ на эту сторону. Но были коллеги, которые никакъ не хотѣли помириться съ такимъ исходомъ агитаціи. Они утверждали, что попечитель не осмѣлится не утвердить, коль скоро лицо будетъ выбрано, и что во всякомъ случаѣ уступать ему не слѣдуетъ. Въ числѣ этихъ коллегъ были люди, мнѣ близкіе, съ которыми расходиться въ мнѣніяхъ по вопросамъ такого рода мнѣ было непріятно; но мы разошлись, и это охладило наши отношенія. Быть можетъ, люди, не желавшіе прекращать начатаго дѣла, были болѣе правы и мнѣ слѣдовало бы оставаться съ ними, хотя уже немногими, до конца, ради принципа, что̀ въ сущности и болѣе отвѣчало бы моимъ обыкновеннымъ правиламъ и характеру; но въ увлеченіи спора случилось иначе. Что я поступилъ въ данномъ случаѣ не вполнѣ какъ слѣдовало бы, на это мнѣ впослѣдствіи долго указывало раскаяніе въ своемъ поступкѣ. Тѣ, которые не хотѣли бросать разъ начатаго дѣла, хотя и безнадежнаго, поступали, быть можетъ, неблагоразумно, но за то они оказались болѣе

выдержанными. Мнѣ было жалко, что я оставался позади ихъ, и это чувство сожалѣнія и раскаянія послужило мнѣ большимъ урокомъ на будущее время. Въ послѣдующемъ теченіи моей жизни уже не было случая къ подобному укору моей совѣсти.

Если бы не было этого случая, гдѣ я разошелся съ двумя-тремя университетскими коллегами, то, не смотря на свою репутацію неуживчиваго человѣка, созданную мнѣ нѣкоторыми друзьями (не врагами), я имѣлъ бы право сказать, что у меня не было рѣшительно никакого сколько нибудь серьёзнаго столкновенія въ Казани. Этимъ я обязанъ, быть можетъ, главнымъ образомъ тому, что во все время моего пребыванія въ тамошнемъ университетѣ, тонъ давали порядочные люди, не допускавшіе въ университетскихъ дѣлахъ никакихъ крупныхъ несправедливостей. И въ факультетѣ, и въ совѣтѣ дѣла шли на столько правильно, что могли быть между членами ихъ только пренія, разногласія, но не рѣзкія столкновенія, бывшія (кстати сказать) обыкновеннымъ явленіемъ въ Кіевѣ. Въ Казанскомъ университетѣ, какъ и въ Петербургскомъ, совѣтомъ постоянно уважалась компетентность факультета въ дѣлахъ, до него касающихся, чего, какъ мы увидимъ, совсѣмъ не было въ Кіевѣ. А это обстоятельство чрезвычайно важно въ дѣлѣ сохраненія мира въ университетской корпораціи. Представьте себѣ, что какой либо членъ факультета дѣлаетъ представленіе о замѣщеніи вакантной каѳедры тѣмъ или другимъ ученымъ. Въ представленіи этомъ онъ указываетъ на ученые труды, принадлежащіе его кандидату, дѣлаетъ имъ добросовѣстную оцѣнку, опредѣляетъ ихъ значеніе въ наукѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ характеризируетъ съ хорошей стороны нравственную личность лица, представляемаго имъ для замѣщенія каѳедры. Факультетъ, единственный компетентный судья въ оцѣнкѣ сдѣланнаго ему представленія о замѣщеніи каѳедры, одобряетъ его единогласно. Но вдругъ это представленіе, хорошо мотивированное и получившее санкцію факультета, проваливается въ совѣтѣ и проваливается не почему либо другому, какъ потому, что авторъ представленія принадлежитъ къ меньшинству, а не къ большинству совѣтской корпораціи. И вотъ вамъ разомъ кровно оскорбленъ профессоръ, хлопотавшій о замѣщеніи каѳедры, оскорбленъ факультетъ, которому замѣщеніе каѳедры также дорого, и, вдобавокъ ко всему, нанесенъ ущербъ интересамъ преподаванія. Возможенъ ли миръ въ такомъ университетѣ? Возможно ли для сколько нибудь преданныхъ дѣлу людей избѣжаніе столкновеній? Въ Кіевѣ подобныя явленія были обыкновенны; въ Казани они, по крайней мѣрѣ, въ мое время были неизвѣстны. Этимъ былъ пресѣченъ главный источникъ самыхъ пагубныхъ непріятностей и самыхъ рѣзкихъ столкновеній.

Вообще я долженъ сказать теплое слово въ похвалу Казанскому университету. Университетъ этотъ, находящійся, такъ сказать, на

границахъ Европы съ Азіей, во всякомъ случаѣ, самый восточный университетъ въ Старомъ свѣтѣ, представляетъ собою не только любопытное, но и весьма, весьма почтенное явленіе. Не смотря на тяжелые удары, какіе ему пришлось перенести на своемъ еще короткомъ вѣку, не смотря на подвиги Магницкаго, хлопотавшаго о его закрытіи, а когда это не удалось, удалившаго изъ него лучшихъ профессоровъ и сдѣлавшаго невозможнымъ научное преподаваніе даже римскаго права и русской словесности, не смотря даже на то, что онъ былъ постоянно обираемъ другими университетами, перетягивавшими къ себѣ его лучшія силы, онъ до самаго послѣдняго времени занималъ очень видное мѣсто въ средѣ другихъ русскихъ университетовъ. У него была своя школа математиковъ, воспитанная знаменитымъ Лобачевскимъ, у него была и до сихъ поръ существуетъ школа химиковъ, созданная Зининымъ и Бутлеровымъ и распространившаяся по другимъ русскимъ университетамъ; въ немъ процвѣтало преподаваніе славянскихъ нарѣчій въ лицѣ Григоровича, посвятившаго этому университету лучшую пору своей плодотворной жизни; онъ всегда имѣлъ крупныхъ людей также и на медицинскомъ факультетѣ и иногда на юридическомъ (напр., Мейеръ). Отъ удара, понесеннаго имъ лѣтъ десять тому назадъ, когда вслѣдствіе внутреннихъ несогласій, его разомъ оставили семь или восемь человѣкъ и въ числѣ ихъ такіе ученые и даровитые люди, какъ Вагнеръ, Якоби, Головкинскій, Лесгафтъ, Имшенецкій,—отъ этого удара, говорю я, онъ, кажется, и до сихъ поръ не поправился. Да и гдѣ жъ отъ него поправиться при совершенномъ безлюдьѣ? Но учрежденія цѣнятся не по одному моменту ихъ дѣятельности, а по всей ея совокупности. Если приложить къ Казанскому университету такую именно мѣрку, то смѣло можно сказать, что ни одинъ изъ русскихъ провинціальныхъ университетовъ не выдержитъ съ нимъ сравненія.

Я совсѣмъ не зналъ Кіева, когда черезъ годъ по прибытіи въ Казань, писалъ покойному теперь профессору А. Ѳ. Кистяковскому, что не прочь былъ бы занять вакантную каѳедру римской словесности въ университетѣ св. Владиміра. Я не зналъ, что тамъ живутъ другіе люди, господствуютъ другіе нравы, не зналъ, что тамъ уроженецъ сѣверной или средней Россіи не можетъ чувствовать себя вполнѣ дома, что тамъ мнѣ придется серьёзно считаться съ совсѣмъ особыми точками зрѣніями на университетскую дѣятельность. Еслибъ кто меня заблаговременно познакомилъ съ ожидавшими меня тамъ условіями жизни, я не поколебался бы ни на минуту отказаться отъ переѣзда съ береговъ Волги и Казанки, гдѣ климатъ такъ суровъ и жизнь такъ скучна, на берега Днѣпра, гдѣ природа мягче и жизнь не имѣетъ удушливаго однообразія

провинціальнаго города московскаго типа. Но дѣйствительныя условія жизни въ Кіевѣ и особенно въ университетѣ мнѣ были совершенно неизвѣстны, и я безъ особенной борьбы уступилъ настойчивымъ просьбамъ своей жены, не переносившей Казани, особенно ея отдаленности отъ Одессы, и заявилъ въ письмѣ къ старому пріятелю о желаніи переселиться въ Кіевъ. 12-го апрѣля 1869 года, я былъ въ совѣтѣ университета св. Владиміра выбранъ ординарнымъ профессоромъ (за два дня до того состоялся мой выборъ въ ординарные профессоры въ Казанскомъ университетѣ) и въ концѣ іюля простился съ Казанью.

Переѣздъ нашъ изъ Казани въ Кіевъ совершился несравненно легче и удобнѣе, чѣмъ переѣздъ изъ Одессы въ Казань. Прекрасный пароходъ «Волжскаго Общества», нагруженный всевозможнымъ азіатскимъ людомъ (любопытнѣйшая картина!), ѣхавшимъ на нижегородскую ярмарку, быстро довезъ насъ до Нижняго, а оттуда шла желѣзная дорога почти уже до самаго Кіева. За полтора года нашего пребыванія въ Казани въ средствахъ сообщенія Москвы съ юго-западной Россіей успѣлъ произойдти огромный переворотъ. Только послѣднюю станцію передъ Кіевомъ, по случаю недостройки желѣзнодорожнаго моста черезъ Днѣпръ, мы протащились въ какомъ-то допотопномъ дилижансѣ.

Видъ разбросаннаго на большомъ пространствѣ по горамъ древняго и новаго Кіева производитъ на всякаго вновь пріѣзжаго человѣка сильное впечатлѣніе, сразу подкупающее въ пользу города. Я былъ очарованъ, смотря на глубоко историческій городъ не только издали, но и при въѣздѣ въ него, когда мы поднимались по Александровской горѣ въ виду господствующаго надъ ней памятника св. Владиміра. Древность на меня, кровнаго новгородца, всегда производила обаятельное дѣйствіе. Естественное расположеніе къ ней было усилено и развито впослѣдствіи спеціальными занятіями по древне-классической исторіи и личнымъ знакомствомъ съ древними памятниками Рима и многихъ другихъ городовъ Италіи. Поэтому, смотря на Кіевъ, на эти господствующія надъ Днѣпромъ горы, на эти церкви, пережившія многіе періоды русской исторіи, на эти мѣста, освященныя преданіемъ и соединенныя съ воспоминаніемъ о самыхъ первыхъ временахъ исторіи нашего народа, я совершенно забылъ про дорожную усталость и буквально упивался новыми и крайне пріятными для меня впечатлѣніями. Я говорилъ себѣ: вотъ городъ, въ которомъ стòитъ жить! Но въ мірѣ человѣческомъ такъ устроено, что полнаго наслажденія намъ нигдѣ получить нельзя и что тѣмъ или другимъ способомъ пріятное чувство непремѣнно отравляется, смѣняясь другимъ, противоположнымъ. Въ гостиницѣ, въ которую привезъ насъ допотопный дилижансъ, не было помѣщенія. Надо было ѣхать въ другую,—въ другой тоже не было свободнаго мѣста. Поѣхали въ третью и тамъ

ничего нельзя было найдти ни за какую цѣну. Обаятельныя впечатлѣнія мигомъ исчезли, приходилось кричать караулъ. Ничего отвратительнѣе въ эту минуту представить себѣ было невозможно. Ѣздимъ мы съ сундуками и чемоданами изъ одного конца Крещатика въ другой, рѣшительно не зная, что̀ предпринять въ этомъ отчаянномъ положеніи,—и все напрасно. Наконецъ, изъ одного нумера отвратительнѣйшей въ то время гостиницы «L'Univers» кто-то выѣхалъ; намъ дали знать, и мы были рады-радехоньки ухватиться хоть за это пристанище, отъ котораго при другихъ обстоятельствахъ отвернулись бы съ омерзеніемъ. Оказывается, что красивыхъ видовъ и обильныхъ историческихъ воспоминаній мало для украшенія человѣческаго существованія.

Кіевъ въ то время находился въ переходномъ состояніи. Онъ былъ застигнутъ врасплохъ подступившими къ нему желѣзными дорогами и не успѣлъ приготовиться къ роли большаго города. Нужно было мириться съ неудобствами такого положенія. Но мириться было трудно. Непріятно было оставаться впродолженіе полуторыхъ часовъ безъ пристанища по пріѣздѣ въ городъ; но не весело также было затѣмъ цѣлые дни проводить въ отыскиваніи квартиры и безъ всякаго результата. Въ городѣ былъ не только недостатокъ въ гостиницахъ, но и, казалось, совсѣмъ не было квартиръ. Если же что въ этомъ родѣ и попадалось на глаза, то было до того неудобно, что нельзя было и подумать поселиться въ такихъ помѣщеніяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ до того дорого, что приводило въ изумленіе. Въ этомъ отношеніи, какъ и вообще въ удобствахъ жизни, Казань могла показаться столицей передъ Кіевомъ. Выбившись въ напрасныхъ поискахъ квартиры изъ силъ, мы поѣхали доживать лѣто въ Одессу, предоставивъ отельному коммиссіонеру отыскать намъ квартиру за приличное вознагражденіе ко времени нашего возвращенія. Только этимъ путемъ была найдена квартира, хотя вдвое дороже, чѣмъ сколько мы платили въ Казани, и вчетверо неудобнѣе, хотя и въ довольно богатомъ польскомъ домѣ, — квартира сырая, темная и не имѣвшая даже прихожей. Но и такая квартира была находкой.

Не смотря на всѣ эти неудобства, я въ концѣ концовъ былъ доволенъ переѣздомъ въ Кіевъ. Городъ не имѣлъ того провинціальнаго вида губернскихъ русскихъ городовъ, который мнѣ, въ полномъ смыслѣ слова, ненавистенъ; въ немъ было больше жизни, движенія. Жизнь эта уже съ перваго раза казалась гораздо болѣе сложною, чѣмъ жизнь въ Казани. Кіевъ являлся не только административнымъ центромъ, но и политическимъ. Въ немъ шла хотя глухая, но замѣтная для внимательнаго наблюдателя политическая борьба національностей, въ которой для меня было много новаго и неожиданнаго. Въ немъ живѣе проявлялось и умственное движеніе: чувствовалось въ городѣ присутствіе не только универси-

тета, но и духовной академіи, высшаго учебнаго заведенія съ богатымъ прошлымъ и умственными силами далеко не послѣдняго разбора; замѣтна была также умственная дѣятельность и внѣ академіи и университета—между учителями гимназій, кадетскаго корпуса и семинаріи, въ археографической коммиссіи; видно было, что въ городѣ есть и неоффиціальные ученые, есть любители мѣстной исторіи, археологіи, и притомъ люди, для которыхъ наука была важна не только сама по себѣ, но и какъ орудіе борьбы за свою народность, за сохраненіе ея особенностей. Я чувствовалъ, что попалъ въ новую атмосферу, до тѣхъ поръ нигдѣ мнѣ въ Россіи не встрѣчавшуюся. Это меня интриговало, занимало, подстрекало къ болѣе живой дѣятельности.

Нѣсколько возбужденное настроеніе отразилось и въ моей вступительной лекціи, которую я прочелъ 18-го сентября 1869 года въ биткомъ набитой аудиторіи, въ присутствіи помощника попечителя, покойнаго теперь М. А. Тулова (попечителя, также покойнаго, Пл. А. Антоновича, не было въ это время въ городѣ), ректора и многихъ профессоровъ всѣхъ факультетовъ. Лекція эта была моимъ своего рода profession de foi, сдѣлать которое было необходимо въ такомъ краѣ, гдѣ на всякаго вновь являющагося человѣка смотрятъ въ оба глаза, желая разглядѣть въ немъ друга или недруга. Горделивость кіевлянъ историческимъ значеніемъ своего города разомъ пробудила во мнѣ новгородское сознаніе, до тѣхъ поръ совершенно дремавшее. Тутъ мнѣ въ первый разъ въ жизни показалось, что въ моемъ новгородскомъ происхожденіи есть нѣчто, такъ сказать, привиллегированное, нѣчто такое, чего нѣтъ, напримѣръ, у симбирца, самарца, калужанина и даже, пожалуй, москвича, что кіевляне могутъ импонировать своими преданіями кому нибудь другому, а не мнѣ, кровному сыну земли Великаго Новагорода, и что основывающійся на особенномъ ходѣ исторіи югозападной Руси нѣкотораго рода малороссійскій сепаратизмъ можетъ заявлять о себѣ съ безцеремонностью передъ уроженцами центральной или восточной Россіи, чуждой автономическихъ преданій, а не передъ тѣми, чья родина имѣла исторію, которая постоитъ за себя не только передъ исторіей Малороссіи, но и передъ всякой другой областной исторіей въ Европѣ. Мнѣ хотѣлось эти мысли выразить въ той или другой формѣ въ первой публичной бесѣдѣ, и я далъ имъ выраженіе, конечно, вполнѣ академическое, въ самомъ началѣ своей вступительной лекціи, которая въ то же время свидѣтельствуетъ о бодромъ настроеніи, съ какимъ я начиналъ свою профессорскую дѣятельность въ Кіевѣ. Вотъ какими словами начиналась эта лекція:

«Мм. гг.! Съ чувствомъ благоговѣнія становлюсь я на университетскую каѳедру въ городѣ, который своимъ священнымъ именемъ съ дѣтскихъ лѣтъ манилъ къ себѣ мое воображеніе и который

святостію мѣста, величіемъ прошедшаго и памятниками глубокой старины такъ много говоритъ сердцу каждаго русскаго. Благодарю судьбу за то, что она, послѣ преподаванія моего въ двухъ русскихъ университетахъ, привела, наконецъ, меня, уроженца земли Великаго Новгорода, въ городъ не менѣе славный и древній, чѣмъ и моя дорогая родина, униженная безчувствіемъ къ ней позднѣйшей исторіи, но ничѣмъ не уступающая въ славѣ своего имени названной матери городовъ русскихъ, Кіеву. Я счастливъ тѣмъ, что мнѣ приходится преподавать науку древности слушателямъ, воспитаннымъ такъ же, какъ и я, самимъ мѣстомъ рожденія въ уваженіи древности и не могущимъ, среди этой грандіозной обстановки памятниковъ прошлаго, относиться безчувственно къ памятникамъ (другой) древности, хотя и не родной намъ по преданіямъ, но столь почтенной и величественной въ памяти исторіи, что люди, способные понимать великое въ прошедшемъ, къ какому бы народу они ни принадлежали, привязываются къ преданіямъ этой древности, какъ бы къ своимъ отечественнымъ. Съ чувствомъ понятной гордости я склоненъ думать, что между вами, знакомыми съ обаяніемъ преданій и памятниковъ далекой старины, и мной, получившимъ воспитаніе въ городѣ, гдѣ все говоритъ о величіи временъ минувшихъ, и посвятившимъ свои лучшіе годы на изученіе величавой древности римскаго народа, есть связь, какую трудно установить въ другихъ русскихъ университетахъ между слушателями и преподавателемъ науки, которую я благосклонностью совѣта университета призванъ излагать передъ вами. Вотъ почему, мм. гг., ни въ Одессѣ, ни въ Казани не овладѣвало мной при вступленіи на каѳедру то чувство радости, съ какимъ я обращаюсь къ вамъ въ настоящую минуту» [1]).

Таково было вступленіе къ лекціи, которою я долженъ былъ поставить себя въ тѣ или другія отношенія въ кіевскомъ университетскомъ мірѣ. Ядро ея содержанія составлялъ мой взглядъ на классическое образованіе, тотъ взглядъ, который я впослѣдствіи упорно проводилъ въ русской журналистикѣ, далѣе — взглядъ на классическую филологію, какъ на науку, которой я являлся въ Кіевскомъ университетѣ главнымъ представителемъ и которая, какъ я заявлялъ, требуетъ особой постановки въ Россіи, чѣмъ какую она имѣетъ въ другихъ странахъ. Лекція была принята очень хорошо въ университетѣ, но совсѣмъ нехорошо внѣ его, именно въ административныхъ сферахъ, въ Петербургѣ. Мой взглядъ на классическое образованіе въ Россіи показался страшной ересью. Inde irae... Но этимъ я не смущался. Какъ ученый, какъ спеціалистъ въ своей области, я не былъ обязать принимать во вниманіе мнѣніе

[1]) Лекція эта была напечатана въ ноябрской книжкѣ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій» 1869 года.

административныхъ сферъ въ вопросѣ, касающемся теоріи и исторіи моей науки и мнѣ ближе извѣстномъ, чѣмъ любому изъ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія. Съ другой стороны, университетская автономія достаточно обезпечивала мою неприкосновенность и давала мнѣ право имѣть на свою науку взгляды, вытекающіе изъ ея изученія, а не изъ знакомства съ атмосферой петербургскихъ канцелярій. Канцелярія, разумѣется, мстила мнѣ бывшими въ ея распоряженіи средствами и, между прочимъ, усиленной пропагандой идеи, что я—ученый плохой и дѣла своего не знаю. И этимъ я не смущался, будучи убѣжденъ, что всякій въ наукѣ значитъ столько, сколько онъ сдѣлалъ, и что, какъ нельзя никого ни на одинъ миллиметръ повысить несправедливыми похвалами, такъ точно нельзя никого и унизить несправедливыми порицаніями. Канцелярія можетъ трубить сколько угодно въ своемъ духѣ, а ученые и публика всегда останутся при своемъ мнѣніи. Во всякомъ случаѣ нравственная независимость—такое благо, котораго, при малѣйшемъ философскомъ пониманіи вещей, нельзя промѣнять ни на какія ленты и звѣзды, по крайней мѣрѣ, ученому.

Когда я ѣхалъ въ Кіевъ, то всего больше молилъ боговъ о томъ, чтобы быть какъ можно дальше отъ борьбы университетскихъ партій. Но мои мольбы не были услышаны. Я былъ вовлеченъ въ эту борьбу силой вещей съ первыхъ мѣсяцевъ своего пребыванія въ Кіевѣ и не могъ избавиться отъ нея до окончательнаго выѣзда изъ этого города. Сколько тутъ потрачено было спокойствія, силъ и здоровья, мнѣ страшно и подумать. Борьба, это—стихія каждаго кіевскаго жителя, имѣющаго какую либо физіономію, а тамошняя университетская атмосфера до такой степени накалена ею, что нѣтъ и не можетъ быть лица, принадлежащаго къ университету, которое бы такъ или иначе не становилось дѣятелемъ борьбы или ея жертвою. Борьба неизбѣжна вездѣ, гдѣ сталкиваются элементы, не имѣющіе внутренняго родства между собою и враждебные другъ другу по природѣ или по положенію. Кіевъ—городъ, гдѣ сталкиваются различныя этнографическія особенности, но такъ, что ни одна изъ нихъ не можетъ получить преобладающаго значенія. Если одна изъ нихъ сильнѣе численно, то другая сильнѣе культурой, третья поддержкой администраціи, четвертая капиталомъ и т. д. Поэтому ни одна изъ этихъ этнографическихъ разновидностей не считаетъ себя окончательно побѣжденною и продолжаетъ стремиться къ борьбѣ за преобладаніе. Съ малыхъ лѣтъ здѣсь человѣкъ, окруженный чуждыми элементами, пріучается ко враждѣ, ненависти и интригѣ. Малороссъ ненавидитъ поляка, полякъ ненавидитъ малоросса, оба ненавидятъ нѣмца и еврея и чувствуютъ нерасположеніе къ москалю, или кацапу. Вообще въ подобныхъ городахъ, стоящихъ на границѣ разныхъ національностей, населеніе не отличается миролюбивымъ характеромъ и всегда бываетъ значительно

деморализовано. Съ врагами, какъ извѣстно, люди не церемонятся, а житейскіе пріемы, выработанные для борьбы съ враждебными элементами, легко переносятся и во всякую другую сферу дѣятельности. Вліяніе этой житейской школы мѣстнаго населенія не могло не отразиться и на университетѣ, значительное большинство членовъ котораго воспиталось въ этихъ нездоровыхъ условіяхъ общественной жизни. Но такъ какъ университетское сословіе состоитъ не изъ толпы, а изъ личностей, изъ которыхъ каждая не только имѣетъ свою особую физіономію, но и старается заявить ее по возможности во всей полнотѣ, то понятно, что враждебныя столкновенія тутъ могутъ быть глубже и проявляться систематичнѣе, чѣмъ въ обыкновенномъ обществѣ, гдѣ безличные люди преобладаютъ. До какой ожесточенности могутъ доходить университетскія столкновенія, это ни одинъ университетъ не показалъ въ такой степени, какъ Кіевскій, что̀ въ послѣднее время сдѣлалось извѣстнымъ уже всему русскому обществу. Рядъ этихъ болѣе или менѣе ожесточенныхъ столкновеній въ университетѣ и составляетъ главный предметъ моихъ воспоминаній о кіевской жизни.

Раньше я говорилъ, что еслибъ я имѣлъ сколько нибудь ясное понятіе о положеніи вещей въ Кіевскомъ университетѣ, я никогда бы не рѣшился сдѣлаться профессоромъ университета св. Владиміра. Но, чтобы получить это понятіе, необходимо было самому видѣть и испытать на себѣ особенности кіевской университетской жизни. Для этого, впрочемъ, не потребовалось много времени. Уже въ первомъ засѣданіи совѣта, въ которомъ я присутствовалъ, 12-го сентября (1869), я былъ въ высокой степени пораженъ видѣннымъ и слышаннымъ. Тутъ все было для меня ново, начиная съ обращенія ректора къ профессорамъ, при собираніи голосовъ, не по имени и отчеству, а по фамиліямъ. Тонъ преній по разнымъ, по-видимому, даже незначительнымъ, вопросамъ принималъ характеръ шумный и рѣзкій, какой мнѣ былъ совсѣмъ незнакомъ по Казанскому университету, гдѣ извѣстная вѣжливость считалась обязательною. Но еще болѣе изумленными глазами я смотрѣлъ на проявленіе рѣзкаго вмѣшательства членовъ другихъ факультетовъ въ дѣла историко-филологическаго факультета по такимъ вопросамъ, гдѣ компетентность факультета всюду признается неоспоримою и независимость неприкосновенною. Поднялись шумныя и продолжительныя пренія по вопросу объ отмѣткѣ по латинскому языку, поставленной на пріемномъ экзаменѣ доцентомъ Скворцовымъ. (Меня не было въ Кіевѣ во время экзаменовъ). Тутъ же высказались ненормальныя отношенія и въ самомъ факультетѣ. Доцентъ Скворцовъ поставилъ неудовлетворительную отмѣтку какому-то студенту. Экзаменаціонная коммиссія, предсѣдателемъ который былъ профессоръ Гогоцкій, кассировала эту отмѣтку и поставила другую. Одно уже это обстоятельство меня до крайности озадачило и

представлялось необычайнымъ въ лѣтописяхъ университетскихъ. Недовольный такимъ шагомъ коммиссіи, доцентъ обращается съ жалобой въ совѣтъ: совѣтъ вмѣсто того, чтобъ предоставить разборъ этого факультетскаго дѣла факультету, самъ начинаетъ разбирать фактическія основанія, по которымъ экзаменаторъ поставилъ отмѣтку, а коммиссія кассировала ее, причемъ выступили на сцену латинскія спряженія, и медики оспаривали вѣрность толкованія филологовъ. Смотря на все это, я едва вѣрилъ глазамъ своимъ, что вижу и слышу нѣчто дѣйствительное, а не воображаемое. Какъ новому лицу, мнѣ неловко было принимать участіе въ этихъ преніяхъ, и я не проронилъ ни слова; но я вышелъ изъ засѣданія съ весьма неутѣшительными мыслями. Вмѣстѣ со мной присутствовалъ также въ первой разъ въ засѣданіи перешедшій изъ Москвы въ Кіевъ профессоръ астрономіи Б. — Что это такое здѣсь дѣлается?—обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ, который вертѣлся и у меня на языкѣ. Онъ на другой же или на третій день уѣхалъ обратно въ Москву и уже больше не возвращался въ Кіевъ.

Всего болѣе меня тревожили ненормальныя отношенія совѣта къ тому факультету, на которомъ я былъ призванъ дѣйствовать. И дѣйствительно, вскорѣ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ того, какъ самымъ законнымъ представленіямъ историко-филологическаго факультета не давалось хода, и они возвращались даже съ насмѣшками, какъ предлагаемые факультетомъ для замѣщенія преподавательскихъ вакансій кандидаты безжалостно забаллотировывались или устранялись отъ баллотировки подъ разными предлогами. Причины такого прискорбнаго нерасположенія совѣта къ историко-филологическому факультету, въ высшей степени болѣзненно отзывавшагося на дѣлахъ этого послѣдняго, коренились не только въ томъ, что деканъ факультета профессоръ Селинъ (ум. въ 1877 г.), равно какъ и двое другихъ ординарныхъ профессоровъ, Гогоцкій и Вильбасовъ, забаллотированные совѣтомъ, были назначены министромъ, а больше всего въ томъ, что за нѣсколько лѣтъ до моего перехода въ Кіевъ историко-филологическій факультетъ велъ ожесточенную борьбу съ совѣтомъ по поводу возведенія послѣднимъ, помимо согласія факультета (incredibile dictu!), бывшаго профессора Шульгина въ почетные доктора всеобщей исторіи (1864 г.). Какъ это ни странно, но по отношенію къ Кіевскому университету вполнѣ характеристично: представленіе въ почетные доктора по всеобщей исторіи сдѣлано было профессоромъ акушерства и женскихъ болѣзней, А. П. Матвѣевымъ (умеръ въ 1882 году). Достоинство факультета не позволяло ему оставить столь вызывающаго шага безъ протеста; но оппозиція, какую оказалъ факультетъ незаконнымъ дѣйствіямъ совѣта, повела почти къ полному его уничтоженію, вызвавъ (1866—1868 г.) повальное забаллотированіе всѣхъ про-

фессоровъ, выслужившихъ двадцатипятилѣтній срокъ службы—Ставровскаго (ум. 1882 г.), Дёллена (ум. 1882 г.), Гогоцкаго, Селина, неизбраніе въ экстраординарные профессора доцента Вильбасова и добровольное удаленіе профессора Нейкирха (ум. 1870 года)[1]). Дошло до того, что факультетъ, въ которомъ остался лишь одинъ профессоръ, да и то не настоящій, а исправляющій должность экстраординарнаго профессора (В. Я. Яроцкій), да два или три доцента, перестала существовать, какъ правильное учрежденіе, и для завѣдованія его дѣлами была назначена коммиссія изъ членовъ другихъ факультетовъ. При такомъ положеніи дѣла, министерство народнаго просвѣщенія рѣшило возстановить въ правахъ нѣкоторыхъ изъ забаллотированныхъ совѣтомъ профессоровъ, именно: Селина, Гогоцкаго и Бильбасова (въ началѣ 1869 года). Этихъ вторженій въ университетъ помимо совѣта большинство членовъ послѣдняго не могло перенести равнодушно и мстило въ лицѣ назначенныхъ министерствомъ профессоровъ цѣлому факультету. Принужденный такимъ образомъ испытывать въ чужомъ пиру похмѣлье, я сталъ искать средствъ къ выходу изъ такого скервнаго положенія. Средства эти представлялись мнѣ прежде всего въ пополненіи факультета новыми членами, не несущими на себѣ никакой отвѣтственности за факультетское столкновеніе съ совѣтомъ въ прежніе годы, и въ отстаиваніи всѣми силами интересовъ факультета, которые одни имѣли въ моихъ глазахъ полное значеніе. Это и вовлекло меня на первыхъ же порахъ въ борьбу съ совѣтомъ, которая не осталась безплодною для интересовъ факультета, но вмѣстѣ съ тѣмъ легла большою тяжестью на мое здоровье и въ концѣ концовъ заставила меня навсегда оставить университетъ послѣ болѣе чѣмъ восьмилѣтняго въ немъ пребыванія.

Но, прежде чѣмъ приступить къ описанію хода дѣлъ и выставить на видъ выдающіеся моменты совѣтской борьбы, переплетающей собою университетскую исторію этого времени, необходимо очертить хотя нѣсколькими словами кіевскія университетскія партіи, которыя имѣютъ здѣсь свой особенный характеръ и обнаруживали втеченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ рѣшительное вліяніе на весь ходъ дѣлъ въ университетѣ.

Въ Кіевскомъ университетѣ издавна сложились двѣ партіи, почти ничего общаго не имѣющія съ партіями, какія въ томъ или другомъ видѣ существуютъ во всѣхъ русскихъ и не-русскихъ уни-

---

[1]) У меня сохранилась интереснѣйшая брошюра, принадлежащая покойному Селину и составленная изъ его статей въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1869 года, которыя онъ писалъ въ отвѣтъ профессору Матвѣеву, подъ заглавіемъ: «Опроверженіе обвиненій, взводимыхъ на историко-филологическій факультетъ университета св. Владиміра». Тутъ въ очень живыхъ краскахъ описана вся эта печальнѣйшая университетская исторія.

верситетахъ: нѣмецкая и мѣстная (иначе малороссійская, или украйнофильская). Названія эти не точны, ибо, съ одной стороны, къ нѣмецкой партіи всегда принадлежало немалое количество русскихъ, а съ другой—мѣстная партія далеко не включаетъ въ себя всѣхъ членовъ мѣстнаго происхожденія, такъ какъ многіе изъ сыновъ Украйны стоятъ по разнымъ, болѣе, впрочемъ, корыстнымъ, чѣмъ безкорыстнымъ, соображеніямъ на сторонѣ ея противниковъ. Нѣмецкая партія обязана своимъ началомъ значительному количеству профессоровъ нѣмецкаго происхожденія, назначенныхъ въ университетъ еще въ періодъ его основанія, а развитіемъ—такту, ловкости и общественному значенію въ городѣ своихъ предводителей, единодушію и дисциплинѣ своихъ членовъ. Мѣстная, или малороссійская, партія обыкновенно небогатая ни умственными силами, ни дисциплиной своихъ членовъ, партія, принимающая по временамъ рѣзко украйнофильскій характеръ, нерѣдко въ значительной степени поддерживается людьми, не имѣющими никакой особенной связи съ Кіевомъ и ничего общаго съ украйнофильствомъ, но считающими необходимымъ пользоваться ея услугами, чтобы сдерживать вліяніе нѣмецкой партіи. Эта третья категорія кіевскихъ профессоровъ, не составляющая никакой партіи, и представляющая изъ себя нѣчто въ родѣ праваго и лѣваго центровъ представительныхъ политическихъ собраній, состоитъ изъ пришлаго элемента, изъ бывшихъ воспитанниковъ другихъ русскихъ университетовъ, главнымъ образомъ Петербургскаго и Московскаго: это — люди, одинаково чуждые интересовъ обѣихъ партій, но дающіе перевѣсъ то одной, то другой, смотря по обстоятельствамъ.

Осенью 1869 года, когда я поселился въ Кіевѣ, двѣ поименованныя университетскія партіи были почти равны силою. Перевѣсъ замѣтенъ былъ скорѣе на сторонѣ малороссійской, чѣмъ нѣмецкой партіи. Эта послѣдняя, главныя силы которой принадлежали медицинскому факультету, гдѣ не задолго до того времени въ засѣданіяхъ нерѣдко говорили понѣмецки, обнаруживала въ этотъ моментъ нѣкоторый упадокъ, какъ можно было видѣть изъ того, что она принуждена была уступить мѣсто декана медицинскаго факультета человѣку не изъ своего лагеря и допустить выборъ на другіе факультеты нѣсколькихъ профессоровъ, на приверженность которыхъ ея интересамъ трудно было разсчитывать. Мой выборъ въ Кіевскій университетъ также состоялся вопреки интригамъ нѣмецкой партіи. Послѣдовавшее, однако, вскорѣ по моемъ прибытіи въ Кіевъ избраніе (24-го декабря 1869 года) профессора Мацона на пятилѣтіе по выслугѣ имъ двадцатипятилѣтняго срока вопреки противодѣйствію малороссовъ показало (онъ получилъ 24 голоса противъ 17), что партія эта рѣшилась не уступать своей почвы долѣе и что она имѣетъ силу бороться съ противниками. Были пункты, на которыхъ обѣ партіи сходились и дѣйствовали сообща,

какъ члены одной корпораціи. Сюда относится, во-первыхъ, борьба съ попечителемъ или съ министерствомъ, которой университеты и были тогда же обязаны измѣненіемъ двухъ параграфовъ новаго устава: § 78, относительно требованія двухъ третей голосовъ для выбора профессоровъ, по выслугѣ 25-тилѣтняго срока, на новое пятилѣтіе, замѣненнаго требованіемъ простаго большинства голосовъ (высочайшее повелѣніе 31-го марта 1869 года), и § 46 относительно закрытой подачи голосовъ, которая теперь отмѣнялась при выборѣ приватъ-доцентовъ (высочайшее повелѣніе 22-го февраля 1869 года); во-вторыхъ, борьба съ историко-филологическимъ факультетомъ, повидимому, только въ лицѣ его членовъ, назначенныхъ министерствомъ, а въ сущности, такъ какъ одинъ изъ этихъ членовъ былъ деканъ, и съ цѣлымъ факультетомъ.

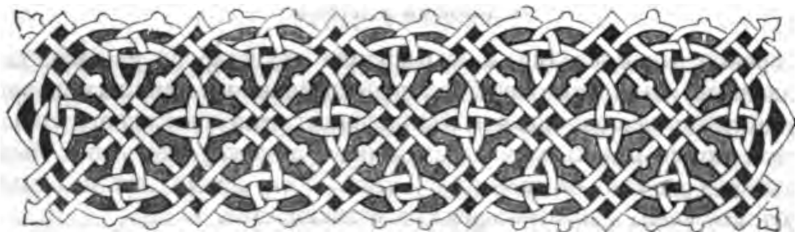
Первый случай серьёзнаго столкновенія совѣта съ факультетомъ разыгрался на моихъ глазахъ по поводу представленія (отъ 1-го декабря 1869 года) въ экстраординарные профессорà доцента по каѳедрѣ русской исторіи Иконникова. Вл. Ст. Иконниковъ, въ настоящее время ординарный профессоръ и деканъ историко-филологическаго факультета, пятнадцать лѣтъ тому назадъ далеко не былъ въ Кіевскомъ университетѣ той persona grata, какою онъ сдѣлался впослѣдствіи, и избраніе его въ экстраординарные профессоры было одинаково нежелательно какъ нѣмецкой, такъ и малороссійской партіи. Та и другая имѣла для этого свои причины. Но входить въ разборъ ихъ я не буду, такъ какъ въ этомъ вопросѣ, затрогивающемъ нѣсколько живыхъ личностей, есть немало щекотливаго. Скажу только, что, не смотря на сильнѣйшую оппозицію въ совѣтѣ, я принялъ дѣятельное участіе въ отстаиваніи факультетскаго представленія, тѣмъ болѣе, что каѳедра русской исторіи въ университетѣ уже десять лѣтъ оставалась вакантною. Г. Иконниковъ былъ забаллотированъ 19-ю голосами противъ 17-ти (19-го декабря 1869 года). При этомъ произошло явленіе, нерѣдко повторявшееся въ Кіевскомъ университетѣ и впослѣдствіи, но другимъ университетамъ незнакомое, именно подбрасываніе лишнихъ шаровъ въ баллотировочный ящикъ для того, чтобы испортить баллотировку и повторить ее уже при знакомствѣ съ относительнымъ количествомъ голосовъ, брошенныхъ на правую и на лѣвую стороны. Шары эти въ такихъ случаяхъ обыкновенно подбрасывались противниками кандидата, но не на лѣвую, а на правую сторону, за тѣмъ, чтобы odium за такой поступокъ бросить на голову его защитниковъ. Происходили же подобныя явленія въ Кіевскомъ университетѣ, сколько я могъ наблюдать, обыкновенно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда исходъ баллотировки былъ сомнителенъ и когда дѣло должно было, по разсчету университетскихъ дѣльцовъ, всегда болѣе или менѣе вѣрному, рѣшиться большинствомъ одного или нѣсколькихъ голосовъ, которые послѣ испорченной бал-

лотировки обыкновенно и переходили на сторону противниковъ кандидата. Лица, занимавшіяся подбрасываніемъ лишнихъ шаровъ, были извѣстны; по крайней мѣрѣ, нравственное убѣжденіе членовъ совѣта прямо подсказывало ихъ имена, а между тѣмъ они безнаказанно продолжали свое дѣло, какъ будто этимъ они исполняли одну изъ своихъ профессорскихъ обязанностей.

Поддержка, какую я основательно или неосновательно оказывалъ представленію факультета о возведеніи г. Иконникова въ экстраординарные профессоры въ декабрѣ 1869 года, не обошлась мнѣ даромъ. Она разомъ поставила меня во враждебныя отношенія къ нѣмецкой партіи и охладила мои отношенія къ партіи малороссійской. Вскорѣ затѣмъ происшедшій магистерскій диспутъ г. Драгоманова едва не создалъ мнѣ открытой непріязни и съ этой послѣдней стороны, и тогда мнѣ, вѣроятно, пришлось бы восемью годами раньше убраться изъ Кіева. Дѣло обошлось довольно благополучно, но оно, всетаки, оставило глубокій слѣдъ въ моихъ воспоминаніяхъ и стоитъ того, чтобъ разсказать его.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

В. Модестовъ.



ДУХОВНАЯ КАРЬЕРА.

По ОДНОМУ уголовному дѣлу мнѣ пришлось прожить въ маленькомъ селѣ Александровскаго уѣзда нѣсколько сутокъ. Дѣло было зимой, — на всѣ мои требованія, обращенныя къ сельскому старостѣ, отвести мнѣ совершенно отдѣльную квартиру, получился отвѣтъ, что отдѣльной избы ни у кого въ селѣ нѣтъ, что въ избахъ стоятъ телята, и что «складнѣе было бы ночевать у батюшки». Какъ я ни горячился, а, всетаки пришелъ къ тому заключенію, что мнѣ «складнѣе» ночевать въ домѣ батюшки, нежели въ крестьянской хатѣ, обитаемой не только людьми, но и телятами. Посылаю старосту съ просьбою къ батюшкѣ дать мнѣ пріютъ, и чрезъ нѣсколько времени за мной пришелъ маленькій сгорбленный старичекъ въ духовномъ одѣяніи, — это и былъ «батюшка», къ которому я только что послалъ старосту.

— Пожалуйте, милости просимъ, — обратился ко мнѣ старичекъ священникъ, приглашая къ себѣ на ночлегъ: — у меня тоже хоромы не богаты, да, по крайней мѣрѣ поудобнѣе вамъ будетъ.

Я пожалъ старческую руку батюшки и направился съ нимъ вмѣстѣ въ его небольшой, въ три оконца, домикъ, окруженный палисадникомъ. Войдя въ маленькую горенку деревенскаго священника, я какъ-то невольно, или, по крайней мѣрѣ, не намѣренно, обратилъ вниманіе на то, что рядомъ съ кіотомъ, наполненнымъ иконами въ ризахъ, прибитъ портретъ архіерея съ подписью внизу: «Парѳеній, епископъ владимірскій».

Объ епископѣ Парѳеніи между многочисленнымъ духовенствомъ Владимірской епархіи сохранилась масса характерныхъ разсказовъ,

эпизодовъ, разнаго рода воспоминаній; Парееній — это гордость духовенства Владимірской епархіи. Пожилые и престарѣлые священники, учившіеся при Пареенія и рукоположенные имъ, гордятся тѣмъ, что служеніе свои начали при Пареенія. Какъ старые Николаевскіе солдаты хвалятся передъ солдатами молодыми, такъ и духовные отцы Владимірской епархіи, свой вѣкъ отживающіе, начавшіе служить при Пареенія, хвалятся подчасъ предъ молодымъ духовенствомъ, дѣйствительно далеко разнящимся отъ духовенства пожилаго, по крайней мѣрѣ, отсутствіемъ степенности, дисциплины и смиренія, столь симпатичныхъ въ пожиломъ духовенствѣ [1]).

Въ свободное отъ дѣла время, я бесѣдовалъ съ радушнымъ старикомъ-священникомъ о многомъ: и о временахъ прошедшихъ, и времени текущемъ, и о злобѣ вѣка сего, и о «curriculum vitae» батюшки, и объ его «alta mater» семинаріи. Изъ этого разговора остался у меня въ памяти разсказъ старца о началѣ его духовнаго служенія. Разсказъ этотъ характеризуетъ и личность епископа Пареенія, и modus vivendi духовенства сороковыхъ годовъ.

---

[1]) Преосвященный Парееній, въ мірѣ Павелъ Васильевичъ Чертковъ, родился въ Москвѣ, въ 1782 году. Отецъ его былъ въ то время діакономъ на Лубянкѣ, при церкви Іоанна Предтечи. Съ 1790 года, Павелъ Чертковъ обучался въ московской славяно-греко-латинской академіи, подъ наблюденіемъ и руководствомъ студента богословія Петра Васильевича Побѣдоносцева, кажется, отца нынѣшняго г. оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Московская славяно-греко-латинская академія въ данный моментъ переживала апогей своей славы, ибо высшимъ начальникомъ ея былъ знаменитѣйшій митрополитъ Платонъ. По окончаніи академическаго курса, Чертковъ оставленъ былъ преподавателемъ академіи. Между духовенствомъ Владимірской епархія о Пареенія изъ его учительской поры сохранился слѣдующій эпизодъ. Однажды Чертковъ былъ у Нарышкиной, въ домѣ которой воспитывался и былъ своимъ человѣкомъ. Къ Нарышкиной пріѣхалъ полковникъ Шепелевъ, только-что получившій полкъ. Въ разговорѣ Шепелевъ сказалъ Нарышкиной, что у него нѣтъ хорошаго адъютанта.

— Да вотъ тебѣ адъютантъ! — отвѣтила Нарышкина, указывая на молодаго человѣка, Черткова.

— Помилуй, матушка, онъ совсѣмъ архіереемъ смотритъ.

Надо думать, эти слова косвенно подѣйствовали на Черткова къ принятію монашества. 10-го октября 1810 года, онъ былъ постриженъ съ имененъ Пареенія.

Прошедши всѣ инстанціи духовной іерархіи: іеродіакона, іеромонаха, архимандрита, — 1821 года, августа 20-го дня, Пареенін былъ назначенъ на епископскую каеедру во Владиміръ и былъ хиротонисанъ въ большомъ Успѣнскомъ московскомъ соборѣ. Преосвященный Парееній, воспитавшійся въ княжьемъ богатомъ домѣ, поставилъ себѣ задачею «облагородить духовенство» и частію достигъ этой цѣли, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ внѣшняго благообразія духовныхъ лицъ. Парееній былъ истиннымъ благодѣтелемъ до сиротъ бѣднаго духовенства и всячески старался облегчить участь несчастныхъ — то устройствомъ къ мѣсту, то пожертвованіями, и, прослуживъ 28 лѣтъ въ одной Владимірской епархіи, оставилъ по себѣ по истинѣ «вѣчную память» между многочисленнымъ духовенствомъ этой епархіи.

Съ дозволенія почтеннаго батюшки разсказъ его я передаю на страницахъ «Историческаго Вѣстника».

I.

Въ наше время, — такъ началъ свое повѣствованіе батюшка, — то есть въ тридцатыхъ годахъ, до полнаго окончанія семинарскаго курса доходили почти одни священническіе сыновья, причетническіе же, оканчивавшіе полный курсъ семинаріи, составляли рѣдкое, счастливое исключеніе; большинство изъ нихъ заканчивали свое образованіе училищемъ, или, многое-многое, реторикою, соотвѣтствующею нынѣшнему первому классу семинаріи. Оттого въ наше время причетническіе сыновья почти всегда попадали въ причетники, подобно тому, какъ священническіе сыновья—въ священники, діаконскіе — въ дьяконы. Я происходилъ отъ бѣднаго сельскаго причетника и еще до школьнаго возраста лишился его; но Господу благоугодно было вложить въ меня такую непреодолимую жажду и любовь къ просвѣщенію, что я, не взирая ни на какія препятствія и лишенія, представляемыя сиротствомъ, съ успѣхомъ прошелъ и училищныя, и семинарскія науки и, по окончаніи полнаго семинарскаго курса ученія, удостоенъ былъ званія студента, что̀ и обозначено было въ моемъ аттестатѣ.

Трудно мнѣ было заслужить въ семинаріи званіе студента, но не легко приходилось и по выходѣ изъ нея; теперь нужно было подумать, куда дѣваться, куда приклонить свою студенческую голову. Піонеровъ науки свѣтской въ наше время почти не было, учительскихъ мѣстъ, какъ нынѣ, видомъ не видано. Оставалось одно — ожидать священническаго мѣста. Ждать, разумѣется, отчего не пождать; но вѣдь дѣло въ томъ, что, при ожиданіи, требовалось питаніе и прочее для жизни необходимое обзаведеніе, въ родѣ одежды и жилища. На помощь родныхъ нельзя было разсчитывать, потому что они сами были бѣдные, ничего не имѣющіе причетники. И вотъ, послѣ грустнаго раздумья, я пришелъ къ сознанію необходимости какъ можно скорѣе просить лично у милостиваго владыки Парѳенія какого либо священническаго мѣста, зная, что преосвященный всегда близко принимаетъ къ сердцу нужды наши, въ особенности нужды безпріютныхъ сиротъ.

Образомъ пѣшаго хожденія прибылъ я въ свой губернскій городъ Владиміръ, въ началѣ сентября 1842 года, отдохнувъ послѣ семинарскихъ трудовъ лишь одну вакацію. Временемъ своего прибытія во Владиміръ я избралъ начало сентября потому именно, что тогда городъ бывалъ переполненъ лицами духовнаго званія, привозившими каждогодно въ одно время и отчеты въ консисторію, и дѣтей въ бурсу (какъ въ наше время величали и училище, и семинарію), и потому легко было провѣдать о какомъ либо

сдаваемомъ мѣстѣ или предоставленномъ какой нибудь сиротѣ, если у владыки не оказывалось вольныхъ праздныхъ мѣстъ. На сдаваемыя и утверждаемыя за невѣстами-сиротами мѣста мы не слишкомъ охотились, потому что поступленіе на нихъ обусловливаемо было обязательствомъ содержать тещу со всѣмъ ея семействомъ, а иногда и тестя; поэтому и я предпочелъ сначала просить у архіерея вольнаго священническаго мѣста. Для этого, на другой же день по своемъ приходѣ во Владиміръ, въ девять часовъ утра, я направился изъ своей квартиры въ Христорождественскій монастырь, въ которомъ было постоянное мѣстожительство архіерея. Вступивъ въ ограду монастыря, я увидалъ тамъ столпившихся близь архіерейскаго дома десятка съ два просителей духовнаго вѣдомства съ непокрытыми головами, потому что во времена преосвященнаго Парѳенія никто, даже и изъ свѣтскихъ, не надѣвалъ на себя шапки или шляпы въ оградѣ архіерейскаго монастыря. Всѣ просители, по обыкновенію, были крайне озабочены исходомъ предстоящаго свиданія съ владыкою, и одни громко вздыхали, другіе, можетъ быть, въ десятый разъ прочитывали свои прошенія, чтобы достойнымъ образомъ приготовиться къ должнымъ отвѣтамъ на вопросы скораго на рѣшенія архипастыря. Не одни дьячки робѣли представиться владыкѣ,—съ замираніемъ сердца шли къ нему и священники, и это оттого, что онъ, постоянно стремясь къ поднятію и поддержанію въ духовенствѣ высокой нравственности, сильное вниманіе обращалъ на поведеніе духовныхъ лицъ, пользуясь въ этомъ случаѣ не однѣми отмѣтками отцовъ благочинныхъ, но и личными своими впечатлѣніями, выносимыми имъ отъ осмотра, при свиданіяхъ, всего наружнаго вида духовныхъ особъ. Замѣченная имъ въ просителѣ неаккуратность или неряшливость по содержанію лица, волосъ или одѣянія бывала иногда причиною того, что тотъ удалялся изъ передней владыки, не получивъ никакого рѣшенія на свою просьбу. Около часу пришлось мнѣ простоять съ прочими просителями. Вдругъ все смолкло, всѣ осторожно начали приводить себя въ благообразный видъ, и для этого всѣ, какъ будто сговорившись, начали сперва поправлять и приглаживать свои волосы, потомъ стали поправлять свое одѣяніе, особенно батюшки — свои рясы, къ которымъ они, видимо, не привыкли и которыя надѣли на себя, можетъ быть, всего второй разъ въ жизни, и то—единственно изъ желанія угодить преосвященному, требовавшему отъ священниковъ, вопреки прежде укоренившемуся обычаю — всюду ходить въ одномъ полукафтаньѣ, чтобы при богослуженіи и при представленіи ему, архіерею, непремѣнно были въ рясахъ. Я инстинктивно сдѣлалъ то же самое, что и другіе, съ нетерпѣніемъ чающіе предстать предъ строгимъ владыкою. Всполошились всѣ, потому что къ подъѣзду архіерейскаго дома шелъ гордо и важно столоначаль-

никъ консисторіи, любимецъ преосвященнаго Пареенія, Цереринъ. Просители низко поклонились «нужному человѣку», а сей послѣдній обвелъ ихъ своимъ гордымъ взглядомъ и направился въ покои святителя. Часовъ въ десять, двери архіерейскаго дома отворились, и мы вошли въ переднюю и пріемную владыки. Владыка Пареній къ просителямъ выходилъ очень рѣдко, а обыкновенно прошенія у нихъ отбиралъ дежурный столоначальникъ консисторіи и тотчасъ же докладывалъ ихъ ему. Прослушавъ или прочитавъ прошеніе, преосвященный немедленно налагалъ на немъ свою резолюцію, за исключеніемъ прошеній, требующихъ особаго разрѣшенія или распоряженія, и столоначальникъ же раздавалъ просьбы съ резолюціями просителямъ. Владыка писалъ мелкимъ почеркомъ, и немалаго труда стоило, не только дьячку, пономарю, но и священнику прочитать архипастырскую резолюцію. Хотя во всѣхъ своихъ просьбахъ пишущіе обращались къ владыкѣ учинить милостивую архипастырскую резолюцію, но преосвященный Пареній, какъ само собой разумѣется, не всегда чинилъ милостивыя резолюціи; напримѣръ, на прошеніи молодаго священника, ищущаго перевода въ лучшій приходъ, владыка писалъ: «не стоишь, мало служилъ, еще не заслужилъ». Бывало и такъ: если просьба владыкѣ не понравится, то онъ безъ всякой резолюціи разорветъ ее съ нижняго края до верхняго, то есть вплоть до своего титула, который оставлялъ неприкосновеннымъ. Такія архипастырскія резолюціи мы, семинаристы, называли «Пиѳагоровыми штанами», что̀ извѣстно было, между прочимъ, и самому владыкѣ. Когда я въ числѣ другихъ просителей ожидалъ въ архіерейской пріемной появленія столоначальника, чтобы вручить ему свое прошеніе, вдругъ отворяются предъ нами изъ слѣдующей комнаты обѣ створчатыя двери, и величавый владыка идетъ самъ лицомъ къ лицу къ просителямъ. Ёкнуло ретивое просителей, ёкнуло и мое сердечко. Мы, разумѣется, всѣ низко поклонились архипастырю, который, благодаря дурной осенней погодѣ и болѣзненнымъ припадкамъ, мучившимъ его, былъ не въ духѣ.

— Ты что? — обращается святитель къ священнику.

— Не соблагоизволите ли, преосвященнѣйшій владыка, оказать архипастырскую милость... жена, семейство...

— Да что, глупая голова, «жена, семейство», — что̀ тебѣ надо-то?

— Мѣстечко получше.

— Гдѣ же я возьму для тебя хорошее мѣстечко-то?

— Годъ былъ холерный, — можетъ быть, съ весны-то кого Господь и упокоилъ...

— Поди вонъ, дуракъ!

— Ты что? — обращается владыка къ другому священнику.

— Утруждаю ваше преосвященство покорнѣйшею просьбою о разрѣшеніи выдать мнѣ святаго мѵра.

Преосвященному отвѣтъ понравился, онъ окинулъ просителя быстрымъ взглядомъ и милостиво спросилъ:—Давно служишь въ Суздальскомъ уѣздѣ?

— Десять лѣтъ, ваше преосвященство.

— Просись на лучшее мѣсто.

Священникъ поклонился архипастырю въ ноги, а преосвященный его благословилъ.

Вдругъ владыка и всѣ мы, просители, заслышали довольно нескромный топотъ сапоговъ. Преосвященный нахмурилъ брови и вскользь бросилъ взглядъ въ ту сторону, откуда исходилъ шумъ. Взору святителя и нашему представилась слѣдующая картина: путаясь въ длинной, широкой рясѣ, дико озираясь, утирая потъ на лбу рукавомъ, суетливо вошелъ въ пріемную человѣкъ съ просьбою въ рукахъ и прямо, ни на кого въ особенности не обращая вниманія, обратился съ вопросомъ ко всѣмъ:

— А который тутъ самъ-то?

Мы такъ и замерли.

— Кто ты такой? — строго обратился преосвященный Пароеній къ вошедшему.

— Я-то?

— Ну, да, — ты-то.

— Села Фантырева староста церковный.

— Какъ староста?! Зачѣмъ же ты, глупая голова, рясу-то надѣлъ?

— Рясу-то? Да вонъ тутъ ребятенки сказали, что къ тебѣ безъ рясы нельзя. Полтину отдалъ за одну надѣвку!

Преосвященный разсмѣялся, онъ сейчасъ же догадался, что это продѣлка пѣвчихъ, его любимцевъ.

— Цереринъ! — обратился владыка къ стоящему близь него столоначальнику: — отыщи мнѣ шалуновъ, — я имъ задамъ!

Для поясненія, у кого крестьянинъ—староста могъ достать себѣ рясу за полтину, чтобы въ ней одинъ только разъ явиться къ архіерею, я долженъ сказать, что въ наше время напротивъ архіерейскаго монастыря жилъ спеціально-духовный портной, который по заказамъ шилъ рясы и подрясники и промышлялъ таковыми, отдавая ихъ за извѣстную плату на прокатъ бѣднымъ «ставленникамъ» и пріѣзжавшимъ къ владыкѣ сельскимъ священникамъ, которые или вовсе не имѣли своихъ рясъ, или только забывали ихъ привезти съ собою.

Выслушавъ просьбы нѣсколькихъ лицъ, владыка обратился ко мнѣ: — ты что?

— Ваше преосвященство! не знаю, куда дѣваться; я—круглый сирота, родные — все бѣдные, ничего неимущіе причетники. Не оставьте меня архипастырскою милостью.

— Какой же ты, братецъ, студентъ, что куска хлѣба не добудешь себѣ! Вѣдь священническія мѣста — не грибы: не ростутъ.

— Ваше преосвященство! что же мнѣ дѣлать?

— Какъ что? Найди себѣ на время «кондицію», а откроется подходящее мѣсто, тогда и проси.

II.

Согласно архипастырскому совѣту, я принялъ всѣ мѣры къ отысканію «кондиціи», или уроковъ: ходилъ почти изъ дома въ домъ по всему Владиміру, но — увы! — поиски мои оказались тщетными. Въ карманѣ у меня не было ни гроша, ночевалъ я у извѣстнаго въ наше время Еграшки, на постояломъ дворѣ, а потомъ у Игошки, тоже весьма извѣстнаго въ наше время, въ харчевнѣ. Разумѣется, и житье, и питаніе было незавидное, но зато Игошка и Еграшка были тѣмъ хороши для насъ, что давали нашему брату кредитоваться у нихъ. Потерявъ всякую надежду пристроиться къ кому нибудь на уроки, я началъ ужъ подумывать о пріисканіи какого нибудь священническаго мѣста, хотя бы даже и не вольнаго. Съ этою цѣлію каждодневно я сталъ посѣщать архіерейскій монастырь, надѣясь за оградою его, близь архіерейскаго дома, встрѣтить въ числѣ ежедневныхъ многочисленныхъ просителей владыки такого престарѣлаго батюшку-священника, который желалъ бы передать свое мѣсто зятю, или вдовую матушку-попадью, пріѣхавшую просить утвердить мѣсто своего мужа за дочкой-невѣстой, и не было дня, чтобы я не сходилъ къ архіерейскому дому. Здѣсь, между прочимъ, каждое утро встрѣчалъ я человѣкъ до десятка «кончалыхъ», усердно домогающихся того же, чего и я. Здѣсь было своего рода свиданіе друзей. Часто мы, «кончалые», входили и въ пріемную преосвященнаго, и, не смотря на критическое положеніе, молодость брала свое: бывало, на что или на кого нибудь разсмѣешься, пошутишь. Владыка, заслышавъ шумъ, вышлетъ столоначальника приказать намъ не мѣшать заниматься дѣлами. Минутъ на пять — на десять притихнемъ, а потомъ снова зашумимъ. Тогда поднимается съ мѣста ужъ самъ владыка и направляется къ двери пріемной. Столоначальникъ, чтобы предупредить насъ, стукаетъ пальцемъ въ дверь, отворяя оную преосвященному, а насъ, заслышавшихъ условный сигналъ, и слѣдъ простылъ! Знаетъ владыка, что мы отъ него скрылись, но терпѣливо переноситъ нашу шалость, — до того сильна была у него любовь къ духовнымъ питомцамъ!

Наконецъ, мнѣ уже наскучило безъ дѣла толкаться въ пріемной архіерея, и я около недѣли совсѣмъ не навѣдовался въ архіерейскій монастырь. Упала во мнѣ энергія въ преслѣдованіи завѣтной

цѣли, розовыя мои мечты смѣнились тяжелымъ мрачнымъ настроеніемъ, разогнать которое я уже чувствовалъ себя не въ состояніи; въ отчаяніи, я предавался ежедневно апатичному лежанію на лавкѣ, внизу Евграфова постоялаго двора.

Вдругъ, однажды, входитъ ко мнѣ посолъ изъ консисторіи съ извѣстіемъ, что меня требуетъ къ себѣ владыка. Наскоро одѣлся, привелъ себя въ большій или меньшій порядокъ и поспѣшилъ въ архіерейскій монастырь, гдѣ убѣдился, что меня, дѣйствительно, требуетъ владыка. Отъ радости перекрестился я, вхожу въ пріемную, дежурный столоначальникъ уже обираетъ прошенія у просителей. Я сейчасъ къ нему: такъ и такъ, молъ, владыка требовалъ меня.

— Сейчасъ доложу, обождите.

Жду — что-то будетъ. Минутъ черезъ десять самъ преосвященный вышелъ въ пріемную. Я, разумѣется, сейчасъ — подъ благословеніе къ нему.

— Вотъ что,— обратился ко мнѣ владыка: — за тебя все Цереринъ проситъ да хвалитъ тебя. Есть у меня свободное мѣсто въ селѣ N Юрьевскаго уѣзда, мѣсто праздное — вольное. Я тебя могу назначить, только съ однимъ условіемъ: возьми дочь у благочиннаго N въ Переяславскомъ уѣздѣ. Благочинный — прекрасный человѣкъ, и семья у него хорошая, — я лично знаю. Денегъ на обзаведеніе онъ тебѣ дастъ, что слѣдуетъ.

III.

Поклонившись святителю за милостивое его предложеніе, я вышелъ отъ него ликующимъ отъ восторга и немедленно отправился въ Переяславскій уѣздъ, въ качествѣ жениха, для розысковъ отца благочиннаго, имѣвшаго дочку-невѣсту, которой никогда и во снѣ-то не снилось, что къ ней скоро явится женихъ. Немало времени пришлось мнѣ прожить во Владимірѣ, въ ожиданіи архипастырской милости, уже октябрь былъ на исходѣ, когда я выбрался изъ города, чтобы направиться къ указанной владыкою невѣстѣ.

Не смотря на холодное, дождливое и крайне неудобное для пѣшаго передвиженія осеннее время, я, облеченный лишь въ одинъ, значительно поношенный, жолтаго цвѣта, нанковый халатъ, съ котомкой за плечами, въ которой тщательно уложенъ былъ имѣющійся у меня для экстраординарныхъ случаевъ и хранимый паче зѣницы ока суконный сюртукъ, съ толстою палкою въ рукѣ, безъ гроша въ карманѣ, питаясь въ дорогѣ Христовымъ именемъ, весь путь съ его болотами и дремучими лѣсами прошелъ своими привычными стопами совершенно благополучно. Въ село, въ которомъ жительствовалъ искомый мною отецъ благочинный, мнѣ довелось войдти вечеромъ. Скромное, въ три комнатки, обиталище отца

благочиннаго уже было заперто. На мой стукъ въ дверь крыльца вышелъ онъ самъ и, не отпирая двери, спросилъ: кто и зачѣмъ?

— Изъ Владиміра, отъ преосвященнаго владыки, — важно отвѣчалъ я ему.

Быстро отворилась тогда предо мною дверь крыльца, и я введенъ былъ почтеннымъ, убѣленнымъ сѣдинами, отцомъ благочиннымъ въ его горницу, гдѣ скоро и произошло между нами объясненіе въ томъ смыслѣ, что я «студентъ — женихъ». Степенный отецъ благочинный, выслушавъ меня, набожно перекрестился за здоровье попечительнаго и справедливаго къ честнымъ заслугамъ преосвященнаго Парѳенія. Я халатъ свой скинулъ и убралъ его въ сумку и облекся въ сюртукъ. Эта метаморфоза произвела на отца благочиннаго очень пріятное впечатлѣніе и въ то же время немало удивила.

— Вотъ какъ, вотъ какъ нынѣ—посвѣтскому, а въ наше время сюртуковъ еще не было. Что же, дай Богъ! За все благодареніе Господу! — сказалъ отецъ благочинный, завидѣвъ меня въ сюртукѣ.

Между тѣмъ, въ кухнѣ, раздѣленной отъ «горницы» сѣнями, началась суета, бѣганье, хлопоты... Еще бы — женихъ пріѣхалъ! то есть не то, чтобы пріѣхалъ, — пѣшкомъ пришелъ, но, всетаки, женихъ, а главное—изъ «студентовъ». О, это великое слово было во времена наши! Познакомившись съ невѣстою, на сколько позволяли короткій вечеръ, крайне стѣснявшая меня наблюдательная бдительность батюшки и матушки и ихъ неугомонная говорливость, я послѣ сытнаго ужина, безъ всякаго стѣсненія остался, какъ это тогда водилось у насъ, ночевать въ домѣ отца благочиннаго, подъ одной кровлей съ невѣстою, уже въ качествѣ настоящаго ея жениха, окончательно рѣшившагося въ недалекомъ будущемъ имѣть ее своей женою. А на другой день утромъ, послѣ блиновъ, я уже вмѣстѣ съ отцемъ благочиннымъ, котораго, ради принятаго обычая, я называлъ ужъ «тятинькой», отправился на его парѣ сытыхъ лошадей въ губернскій городъ Владиміръ къ архіерею, причемъ возницею у насъ былъ дьячекъ Анисимъ Алексѣевичъ.

IV.

Здѣсь я долженъ сказать о томъ, какъ во времена наши чинилось производство на вакантныя мѣста священниковъ. Мѣстъ свободныхъ, совершенно вольныхъ, для семинаристовъ было очень мало. Мѣста сдавали: отецъ сыну или дочери, а если у престарѣлаго священника не имѣлось — ни сыновей, ни дочерей, кому бы можно сдать мѣсто, то оное сдавалось племяннику, племянницѣ, внукѣ, а то и просто-на-просто мѣсто продавалось за извѣстную плату священнику, имѣющему дочь, которую продающій мѣсто

переименовывалъ въ свою двоюродную племянницу и преотлично уступалъ ей свое мѣсто. Если у престарѣлаго священника, живущаго на хорошемъ приходѣ, не было дочерей, а имѣлся сынъ, «студентъ», то владыка, обыкновенно, говорилъ: «сынъ твой стòитъ, и я его опредѣлю на твое мѣсто, но съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ дочь благочиннаго N». Протесты были очень рѣдки; обыкновенно кандидатъ священства соглашался на сватовство преосвященнаго. Но случалось и такъ, — иной скажетъ:

— Помилуйте, ваше преосвященство, вѣдь я соглашаюсь поступить на мѣсто родителя по его просьбѣ, — иначе, со взятіемъ невѣсты, я получилъ бы лучшее мѣсто.

— Ну, ну, что съ тобой дѣлать, пріискивай себѣ вольную невѣсту, — отвѣчаетъ преосвященный: — только за это внеси двѣсти рублей въ «Попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія».

Скажу по чистой совѣсти, владыка Пароеній предоставлялъ вакантныя мѣста въ порядкѣ строгой заслуженности и достоинства. Случалось, на иное мѣсто просится человѣкъ двадцать, и всегда можно было безошибочно сказать напередъ, кому владыка предоставитъ праздное мѣсто. Когда на вакантное мѣсто просится нѣсколько человѣкъ, окончившихъ семинарскій курсъ, то онъ, предоставляя мѣсто тому или другому просителю, строго наблюдалъ даже нумеръ, подъ которымъ тотъ окончилъ курсъ. Кончившій выше, изъ числа подавшихъ прошеніе, всегда имѣлъ преимущество предъ кончившими курсъ ниже его. Отъ этого порядка, впрочемъ, очень рѣдко, преосвященный отступалъ въ томъ случаѣ, если заслуженный священникъ сдавалъ мѣсто сыну своему: если послѣдній окончилъ курсъ во второмъ разрядѣ, а сдаваемое ему мѣсто, по мнѣнію владыки, требовало студента, то въ этомъ случаѣ, предоставляя мѣсто второразрядному, преосвященный обязывалъ его взять невѣсту изъ сиротъ духовнаго званія.

Когда на вольное священническое мѣсто подавали и священники изъ другихъ приходовъ, и только еще имѣющіе право на священство — студенты, и второразрядные, то приблизительно, такого рода рѣшеніями оканчивался разборъ поданныхъ ими прошеній:

— Вамъ, второразрядные, всѣмъ затылокъ! — шутливо, объявитъ имъ владыка.

Второразрядные уходятъ, студенты еще остаются.

— Вы этого мѣста не стоите, — обращается преосвященный къ студентамъ: — я туда переведу заслуженнаго священника, который состоитъ на службѣ двѣнадцать лѣтъ и вотъ уже пять лѣтъ проходитъ должность депутата, а изъ васъ достойнѣйшаго назначу на его мѣсто.

Такъ непремѣнно и было!

На другой день по пріѣздѣ во Владиміръ, отецъ благочинный

и я явились въ пріемную архіерея, въ которой, по обыкновенію, уже толпилось немало просителей. Въ числѣ ихъ стояли четыре семинариста-студента, всѣ — мои пріятели, товарищи-однокурсники. Хотя я отца благочиннаго и величалъ ужъ «тятинькой», но оказывалось такое мое сыновнее къ нему отношеніе, по меньшей мѣрѣ, преждевременнымъ; ибо четыре студента, мои товарищи, явились къ его преосвященству проситься въ тотъ же самый приходъ Юрьевскаго уѣзда, куда и я предполагалъ поступить, со взятіемъ въ замужество дочери отца благочиннаго. Мои колебанія и опасенія еще болѣе усилились, когда въ числѣ своихъ конкуррентовъ я увидѣлъ одного студента, который окончилъ курсъ выше меня на три нумера...

Но вотъ въ пріемную входитъ владыка. Увидавши отца благочиннаго, онъ обласкалъ его, а затѣмъ, обращаясь къ намъ, пяти студентамъ-товарищамъ, спросилъ?

— Кто изъ васъ выше кончилъ?

Тутъ самоувѣренность окончательно оставила меня, хотя я прежде самимъ владыкою признанъ единственнымъ кандидатомъ на занятіе имъ же самимъ указаннаго мѣста, и потому на вопросъ преосвященнаго долженъ былъ промолчать, — вмѣсто меня отвѣтилъ студентъ, окончившій курсъ выше меня.

— Я! — самодовольно заявилъ онъ вопрошавшему владыкѣ.

— Дай твой аттестатъ!

Студентъ подаетъ, владыка прочитываетъ аттестатъ и затѣмъ говоритъ:

— У тебя поведеніе «очень хорошее», — это что нибудь да не такъ. Посмотрите-ка, что̀ значится въ секретной вѣдомости, — обращается владыка къ столоначальнику.

Столоначальникъ, посмотрѣвши въ вѣдомости, отвѣчаетъ: «замѣченъ въ нетрезвости и склоненъ къ разсѣянности».

— Ну, братъ, — обращается преосвященный къ студенту, «склонному къ разсѣянности»: — у меня для такихъ мѣстъ нѣтъ. Требуютъ вотъ въ Иркутскую епархію кончившихъ курсъ, — тамъ тебя примутъ, поѣзжай туда.

Здѣсь я долженъ пояснить, что преосвященному Парѳенію, кромѣ оффиціальнаго представленія семинарскихъ списковъ, инспекторъ семинаріи передавалъ негласно особый списокъ окончившихъ семинарскій курсъ воспитанниковъ, въ коемъ обозначались тѣ или другія нравственныя особенности воспитанника. Въ наше время студенту, при выпускѣ изъ семинаріи, слѣдовало получить отмѣтку по поведенію: «весьма хорошаго». Кто получалъ меньшую, то есть худшую отмѣтку, за тѣмъ водилась какая нибудь каверза, что̀ и значилось въ секретномъ спискѣ инспектора, представляемомъ преосвященному.

Отлегло у меня отъ сердца, когда устраненъ былъ главный и

опасный мой конкуррентъ за «склонность его къ разсѣянности», я остался первымъ кандидатомъ на вакантное мѣсто. Обращаясь къ другимъ конкуррентамъ, стоящимъ со мною, владыка спрашиваетъ: «вы ниже его кончили курсъ?» — Тѣ отвѣчаютъ: «такъ точно».

— Ну, значитъ, быть ему! Съ этими словами владыка повернулся въ свои комнаты и минутъ черезъ пять высылаетъ резолюцію: «къ испытанію». Тятинька мой, то есть благочинный, сотворилъ крестное знаменіе, а у меня еще не совсѣмъ легко было на сердцѣ, ибо предстояло сдать довольно серьёзный экзаменъ, чтобы окончательно упрочить за собой просимое мѣсто.

Ищущій должности священника, будь то — хоть магистръ богословія, хоть ученикъ семинаріи, одинаково долженъ былъ выдержать установленный преосвященнымъ Пареѳніемъ экзаменъ по тремъ предметамъ: богословію, церковно-славянскому чтенію и нотному пѣнію. Богословская система была написана самимъ владыкою, — система не обширная, но обильная цитатами изъ священнаго писанія. Эту систему кандидаты священства должны были знать, какъ «Помилуй мя, Боже»...

Владыка Пареѳній экзаменовалъ сразу пять, шесть человѣкъ и испытаніе всегда производилъ по вечерамъ отъ семи до девяти часовъ. Кандидатъ священства являлся къ преосвященному, по меньшей мѣрѣ, раза четыре, а иногда и цѣлую недѣлю приходилось экзаменоваться, если экзаменовавшійся имѣлъ слабыя познанія по богословію. Богословіе — это былъ самый трудный предметъ для нашего брата. Впрочемъ, нерѣдко случалось и такъ: иной прекрасно сдастъ экзаменъ по богословію, но плохо по чтенію; такимъ кандидатамъ священства владыка дѣлалъ слѣдующія отмѣтки: «Богословіе знаетъ, а читаетъ плохо».

По церковному пѣнію владыка любилъ давать замысловатые напѣвы, въ родѣ: «пой «Къ Богородицѣ прилежно нынѣ притецемъ»... на второй гласъ», или «пой «Правило вѣры»... на восьмой гласъ». Экзаменъ по пѣнію почти всегда заканчивался пѣніемъ по церковному обиходу антифоновъ.

Доколѣ я сдавалъ экзаменъ, мой будущій тесть все время жилъ во Владимірѣ. Экзаменъ сдалъ я удовлетворительно, и не знаю, кто болѣе изъ насъ былъ радъ, когда владыка на моемъ прошеніи написалъ: «въ знаніи богословскихъ наукъ свѣдущъ, пѣть умѣетъ,—чинить производство». Безъ сомнѣнія, я очень радъ былъ благополучной сдачѣ экзамена, но не менѣе меня радовался и отецъ благочинный, заинтересованный въ благополучномъ исходѣ дѣла.

Наложенную владыкою резолюцію, вечеромъ, по окончаніи мною экзамена, я узналъ отъ келейника его преосвященства; на утро я долженъ былъ явиться къ владыкѣ и лично отъ него выслушать его рѣшеніе. Являюсь.

— Ты экзаменъ сдалъ хорошо, — говоритъ мнѣ владыка. — Я уже написалъ на твоемъ прошеніи: «чинить производство». Что же, ты видѣлъ дочь благочиннаго N, — понравилась ли она тебѣ?

— Невѣста понравилась, преосвященнѣйшій владыка, но я еще не условился съ отцемъ благочиннымъ относительно приданаго, — говорю преосвященному, а самъ думаю: «какъ бы тятенька не услыхалъ моихъ рѣчей»!

— Ну, что же, я поговорю съ благочиннымъ относительно приданаго и слажу васъ. Позвать благочиннаго N!

Отецъ благочинный точно изъ земли выросъ, моментально явившись на зовъ владыки.

— Вотъ что, отецъ благочинный, — началъ владыка, указывая на меня; — я тебѣ сосваталъ степеннаго жениха, но ты его не обижай, — онъ бѣднякъ. Заплати за всѣ подводы и проѣзды его, купи ему домъ, на обзаведеніе хозяйствомъ дай двѣсти рублей, купи лошадь, корову, сшей рясу и подрясникъ суконные, шубу и тулупъ дубленые, дай еще сто рублей «на проторы и убытки» при производствѣ.

Отецъ благочинный безпрекословно принялъ совѣтъ преосвященнаго, а равнымъ образомъ и мною были приняты всѣ условія, представленныя его преосвященствомъ. Здѣсь кстати замѣчу, что въ тѣ времена, о которыхъ идетъ рѣчь, всякіе разсчеты производились на ассигнаціи.

V.

Послѣ свадьбы, которая отпразднована была въ домѣ невѣсты, по первому зимнему пути я отправился во Владиміръ вмѣстѣ съ молодою женою, чтобы принять рукоположеніе во священники. Мой батюшка—тесть, отправляя насъ во Владиміръ, далъ мнѣ совѣтъ явиться къ преосвященному вмѣстѣ съ женою, каковымъ совѣтомъ я и воспользовался. Преосвященный Парееній принялъ насъ очень ласково. Жена моя поднесла ему въ даръ бѣлое полотно. Владыка, принявъ это ничтожное приношеніе, спросилъ мою жену, сама ли она пряла, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, похвалилъ ее и сказалъ: «ну, это полотно слишкомъ тонко для меня, я его отдамъ въ приданое какой нибудь невѣстѣ-сиротѣ». Затѣмъ, благословивши, владыка отпустилъ насъ, приказавъ мнѣ сходить въ консисторію, чтобы изъ нея поспѣшили представить ему «дѣло» о моемъ рукоположеніи.

Отъ владыки иду въ консисторію. Чиновники такіе ласковые: руку жмутъ, поздравляютъ, благожелаютъ... Обращаюсь кротко и робко къ столоначальнику и говорю: «потрудитесь, пожалуйста, дѣло о моемъ производствѣ сего же дня представить владыкѣ». Получаю отвѣтъ, соединенный съ мимическимъ тѣлодвиженіемъ, въ простонародьѣ именуемымъ «кукишемъ».

— Ты очень крутъ, братъ: тише ѣдешь—дальше будешь.

— Помилуйте, мнѣ владыка приказалъ передать въ консисторію, что онъ будетъ служить въ воскресенье и предполагаетъ посвятить меня въ діаконы.

— Ладно, братъ, разсказывай, — воскресеній-то въ году много, успѣетъ еще посвятить-то...

Я просто не зналъ, что дѣлать: идти къ владыкѣ и заявить ему о дѣйствіяхъ столоначальника — неловко, просилъ — просьба не беретъ! На мое счастье пришелъ отъ владыки дежурный столоначальникъ и подтвердилъ мои слова, что преосвященный требуетъ дѣлопроизводства о рукоположеніи меня. Столоначальникъ пожалъ плечами и грустно сказалъ: ладно, сдѣлаемъ, пожалуйте денежки.

— Сколько прикажете?

— На столъ двадцать рублей, столоначальнику — пять рублей, секретарю — тоже пять рублей, присутствующему меньше дать нельзя — тоже пять рублей, въ регистратуру — три рубля, на сторожей — два рубля.

— Позвольте, я каждаго самъ поблагодарю.

— Нѣтъ, этого у насъ не водится, съ своими порядками въ чужой монастырь не суйтесь. Секретарь самъ отъ васъ не возьметъ, присутствующій—тоже. Вы дѣлайте то, что говорятъ, васъ учатъ добру, а не худу.

Дѣлать нечего, отсчитываю сорокъ рубликовъ, счетъ на ассигнаціи, отдалъ. Столоначальникъ сталъ значительно любезнѣе. Обѣщаетъ все дѣло обдѣлать живой рукой, а вечеромъ, безъ всякаго со стороны моей приглашенія, предложилъ мнѣ явиться въ «Лукьянову пустынь»,—такъ назывался во дни наши Лукьяновскій трактиръ,—для учиненія со стороны моей должной поздравки... Обѣщаю явиться, приглашаю. Благодарятъ и изъявляютъ согласіе.

Направляюсь къ консисторскому выходу и думаю: слава тебѣ, Господи, — отдѣлался. Но, увы! у самой двери догоняетъ меня регистраторъ, поздравляетъ; благодарю и объясняю, что съ г. столоначальникомъ раздѣлался за все...

— Да это вообще, но въ отдѣльности позвольте поздравить... жена... дѣти...

Ахъ, ты Господи Боже мой! вынимаю рубль, беретъ — не обижается, благодаритъ. Ну, думаю, теперь-то, наконецъ, совсѣмъ! Отворяю дверь, и только хотѣлъ вздохнуть свободно—точно изъ земли выросъ консисторскій кустодія.

— Позвольте принести поздравленіе...

Даю двугривенный и бѣгу безъ оглядки.

Наступаетъ вечеръ, отправляюсь согласно данному обѣщанію въ «Лукьянову пустынь».

Вслѣдъ за мною являются консисторскіе чины: вотъ Иванъ Андреевичъ Тихонравовъ, любитель философскихъ вопросовъ, а вотъ

надменный Цецеринъ, а вотъ и еще столоначальникъ, вотъ и регистраторъ... Любезничаю, говорю: очень радъ и очень благодаренъ за вниманіе, а у самого сердце болитъ, при мысли о разсчетѣ. Мои гости оказались очень любезными и откровенными, предоставили дѣло поздравки вести Ивану Андреевичу. Требуютъ графинчикъ водки, доколѣ что,—подали. Требуютъ холоднаго на закуску—поросеночка подъ смѣтаной и ветчинки съ хрѣномъ, закуска хороша,—еще графинчикъ. Требуютъ солянку изъ осетрины, подаютъ,—еще графинчикъ. Требуютъ по бутылочкѣ пива,—готово. Языки у всѣхъ развязались, начали толковать о строгихъ порядкахъ преосвященнаго Парѳенія и о благодатныхъ временахъ владыки Ксенофонта. Но вотъ пирушка кончилась, по счету я отдалъ за буфетъ красненькую и, распростившись съ гостями, направился къ себѣ на квартиру. На дорогѣ меня снова догналъ регистраторъ и выпросилъ на дѣтей рубль, не въ счетъ абонемента.

Такъ кончилось преддверіе къ посвященію; теперь предстояло самое посвященіе.

VI.

Раннимъ утромъ во едину отъ субботъ является ко мнѣ посланный отъ архіерейскаго ризничаго, отца Аѳанасія Кохомскаго, и приглашаетъ немедленно явиться къ послѣднему.

Одѣваюсь, являюсь.

— А, поздравляю васъ съ законнымъ бракомъ, — привѣтствовалъ меня отецъ ризничій:—завтра преосвященный назначилъ служеніе и васъ намѣренъ посвятить во діакона; а потому являйтесь сегодня къ всенощной въ домовую церковь владыки и непремѣнно въ полукафтаньѣ.

Такъ и было сдѣлано. Въ первый разъ облекшись въ духовное одѣяніе, явился я въ домовую церковь владыки, гдѣ, по установленному преосвященнымъ правилу, долженъ былъ все положенное на всенощной читать вмѣсто монастырскаго чтеца. Всенощная сошла благополучно, безъ замѣчаній. На утро исповѣдь, присяга, а затѣмъ продолжительное служеніе архіерейское и рукоположеніе во діакона. Великое таинство и божественная литургія окончены, я надѣваю рясу, которую въ церковь принесъ въ узелкѣ—въ платочкѣ... Всѣ поздравляютъ, но никто ничего не требуетъ. Что за диковина!—думаю... Однако, гляжу и вижу: пѣвчіе, діаконы и иподіаконы обступили другаго «ставленика», рукоположеннаго за однимъ со мной служеніемъ во священники. Бѣдняга и тому въ руку сунетъ, и другому, и третьему, а все просятъ, да за рукавъ рясы теребятъ. Тутъ я догадался, что и мнѣ не миновать такой же участи въ день рукоположенія во священники, и въ своихъ догадкахъ не ошибся. По заведенному обычаю, я долженъ былъ про-

Преосвященному отвѣтъ понравился, онъ окинулъ просителя быстрымъ взглядомъ и милостиво спросилъ:—Давно служишь въ Суздальскомъ уѣздѣ?

— Десять лѣтъ, ваше преосвященство.

— Просись на лучшее мѣсто.

Священникъ поклонился архипастырю въ ноги, а преосвященный его благословилъ.

Вдругъ владыка и всѣ мы, просители, заслышали довольно нескромный топотъ сапоговъ. Преосвященный нахмурилъ брови и вскользь бросилъ взглядъ въ ту сторону, откуда исходилъ шумъ. Взору святителя и нашему представилась слѣдующая картина: путаясь въ длинной, широкой рясѣ, дико озираясь, утирая потъ на лбу рукавомъ, суетливо вошелъ въ пріемную человѣкъ съ просьбою въ рукахъ и прямо, ни на кого въ особенности не обращая вниманія, обратился съ вопросомъ ко всѣмъ:

— А который тутъ самъ-то?

Мы такъ и замерли.

— Кто ты такой?—строго обратился преосвященный Пароеній къ вошедшему.

— Я-то?

— Ну, да, — ты-то.

— Села Фантырева староста церковный.

— Какъ староста?! Зачѣмъ же ты, глупая голова, рясу-то надѣлъ?

— Рясу-то? Да вонъ тутъ ребятенки сказали, что къ тебѣ безъ рясы нельзя. Полтину отдалъ за одну надѣвку!

Преосвященный разсмѣялся, онъ сейчасъ же догадался, что это продѣлка пѣвчихъ, его любимцевъ.

— Цереринъ!—обратился владыка къ стоящему близь него столоначальнику: — отыщи мнѣ шалуновъ, — я имъ задамъ!

Для поясненія, у кого крестьянинъ—староста могъ достать себѣ рясу за полтину, чтобы въ ней одинъ только разъ явиться къ архіерею, я долженъ сказать, что въ наше время напротивъ архіерейскаго монастыря жилъ спеціально-духовный портной, который по заказамъ шилъ рясы и подрясники и промышлялъ таковыми, отдавая ихъ за извѣстную плату на прокатъ бѣднымъ «ставленникамъ» и пріѣзжавшимъ къ владыкѣ сельскимъ священникамъ, которые или вовсе не имѣли своихъ рясъ, или только забывали ихъ привезти съ собою.

Выслушавъ просьбы нѣсколькихъ лицъ, владыка обратился ко мнѣ: — ты что?

— Ваше преосвященство! не знаю, куда дѣваться; я—круглый сирота, родные — все бѣдные, ничего неимущіе причетники. Не оставьте меня архипастырскою милостью.

щій, но и какъ отецъ, чадъ своихъ любящій. Выходя изъ дома владыки съ «ставленою грамотою» въ рукахъ, я думалъ: все совершилось!.. Мнѣ предстояло отправиться на мѣсто служенія въ неизвѣстную для меня мѣстность.

VII.

Маленькое, бѣдненькое, плохонькое, сѣренькое сельцо N, Юрьевскаго уѣзда, въ которое мнѣ предлежалъ путь и въ которомъ волею судебъ пришлось начать духовную службу, находится на самой окраинѣ уѣзда, въ разстояніи восьмидесяти верстъ отъ губернскаго города. Двадцать пять рубликовъ съ насъ взяли довезти изъ Владиміра до мѣста! За всѣми расходами, у меня и рубля не оставалось въ карманѣ; а вѣдь нужно было начать семейное житье, обставиться, обзавестись хозяйствомъ. Пріѣхалъ я въ свою незатѣйливую резиденцію ночью. Остановился у отца дьякона, поразспросилъ о приходѣ, о доходахъ,—получилъ вѣсти неутѣшительныя!... На утро поѣхалъ съ отцемъ діакономъ къ благочинному — явить грамоту. Явился и, для перваго раза, далъ три цѣлковыхъ, занятые мною у жены. Въ первое воскресенье служилъ обѣдню въ своемъ приходѣ совмѣстно съ отцемъ благочиннымъ, который, по окончаніи литургіи, предъявилъ мою грамоту прихожанамъ. Такъ было положено начало моему пастырскому служенію въ приходѣ, состоящемъ изъ двухъ сотъ душъ.

Домъ, послѣ бывшаго священника, мнѣ купилъ, согласно условію, батюшка-тесть, онъ же сшилъ и рясу съ полукафтаньемъ—суконныя, тулупъ съ полушубкомъ—дубленые; но въ домѣ и на дворѣ царила пустота. Оставаясь длинные зимніе вечера вдвоемъ съ женою, самъ я даже приходилъ въ ужасъ, но представляю ея скуку, ея тоску по родной семьѣ. Скука и тоска хотя сами по себѣ непріятны, но у насъ, помимо ихъ, былъ еще болѣе насущный вопросъ—о пищѣ и питіи.

На первое время мѣшокъ муки привезла намъ матушка теща; но нужны были и ложки, и горшечки, чашечки, криночки. Въ базарный день отправился съ мужичкомъ въ городъ, кое-чего понакупилъ, занявши опять послѣднія деньги у жены. Привезъ, поразставили покупки по стѣнамъ, да угламъ,—опять пустота. Денегъ нѣтъ, время глухое — Рождественскій постъ, да и вообще доходы незначительны. Вотъ обычныя цѣны за требоисправленіе: праздничный молебенъ въ домѣ — три копѣйки серебромъ, за крещеніе младенца—двугривенный и за погребеніе младенца—тоже, за упокойную литургію, выносъ покойника и отпѣваніе — цѣлковый, за бракъ — три рубля, а браковъ-то въ году много — много два!

О покупкѣ лошадки и коровы намъ и думать было нечего! Мѣшокъ муки изошелъ, а съ міру хлѣбнаго сбора не полагалось. День проходитъ — хлѣба нѣтъ, другой наступаетъ — сидимъ, не ѣвши; жена плачетъ, посылаетъ попросить въ заемъ муки у кого нибудь изъ мужиковъ. Иду, но прошелъ по селу разъ, а зайдти въ домъ къ кому нибудь не смѣю; иду другой разъ, и вижу — мужичекъ зажиточный насыпаетъ въ мѣшки рожь, подхожу къ житницѣ мужичка и привѣтствую: «Богъ на помощь!»; мужичекъ подходитъ подъ благословеніе да и спрашиваетъ: «у тебя, батюшка — кормилецъ, есть ли хлѣбецъ-то?»

— То-то нѣтъ, дядюшка Андрей; вотъ теперь сидимъ съ женой двое сутокъ, не ѣвши,— не знаю, что и дѣлать! Говорю, а у самого слезы такъ и льютъ ручьемъ изъ глазъ.

— Чтой-то, кормилецъ, ужели мы тебѣ голодать дадимъ! Ей, Гришуха! — крикнулъ своему сыну добрый мужичекъ,— свези сейчасъ же, какъ только смелешь рожь, два мѣшка батюшкѣ.

О, съ какою радостію я бѣжалъ возвѣстить эту новость женѣ! Съ грѣхомъ да голодомъ пополамъ зиму прокоротали. Насталъ Великій постъ; пошли, хоть незначительные, доходцы, можно было биться, я даже купилъ чаю съ сахаромъ, и по праздникамъ стали мы пить чай, а самоваръ данъ былъ женѣ въ приданое. Наступила Пасха Христова, а съ нею и доходецъ порядочный. Послѣ Пасхи купили мы коровушку, благо, кормъ-то былъ подножный. Пасхальный доходъ разошелся очень скоро, доходы опять пріостановились, а тутъ, на бѣду, 8-е іюля — храмовой праздникъ. Къ празднику ожидали гостей. Поѣхалъ въ городъ закупать на праздникъ, въ лавкахъ меня уже узнали и охотно отпускали все въ долгъ. Гостей было много, праздникъ прошелъ благополучно. Насталъ покосъ, затѣмъ уборка хлѣба. Годъ былъ, на мое счастье, урожайный. Мужички охотно убрали всѣ мои полевыя работы. На зиму я купилъ еще корову, двѣ овцы, да и лошадкой обзавелся. Завелся хозяйствомъ, нужно было трудиться, и мнѣ приходилось вмѣстѣ съ женою носить ушаты воды, лохани помой, давать кормъ скоту, ѣздить въ лѣсъ за дровами, на мельницу съ хлѣбомъ. Но своя ноша — не тяжела. Мало-по-малу и мы дожили до того, что стали каждый день пить чай, да еще по два раза. Такъ и пошло житье-бытье изо дня въ день, пошли дѣти, — новыя заботы!

Н. Соловьевъ.

АХИЛЛЕСОВА ПЯТА ТУРГЕНЕВА.

...«What is Tourguéneffish? — she demanded.

— «The quality of the great russian novelist Tourguéneff»,—said Colville, perceiving that she had not heard of him.—You ought to read him. Read Lisa if You want your heart really broken».

(Изъ современной американской повѣсти).

ОССІЯ, какъ государство, какъ страна, заселенная обширнѣйшимъ изъ славянскихъ племенъ, какъ область, мало имѣющая общаго съ остальной Европой по нравамъ, обычаямъ и образу жизни своего населенія,—представляетъ въ настоящее время для всей западно-европейской интеллигенціи обширнѣйшее поприще для наблюденій, изслѣдованій и всесторонняго изученія. Насъ, скромныхъ русскихъ людей, не привыкшихъ къ справедливой оцѣнкѣ нашихъ достоинствъ и добродѣтелей, особенно поражаетъ тотъ знаменательный фактъ, что первоклассные представители изучающей насъ западно-европейской интеллигенціи, какъ бы наперекоръ и на смѣхъ нашему вѣчному преклоненію передъ всѣмъ иноземнымъ, приходятъ въ изумлепіе и въ восторгъ отъ нашихъ писателей, отъ нашихъ художниковъ, отъ нашей природы, отъ простоты и безъискусственности нашей домашней, семейственной жизни... Особенно посчастливилось нашей литературѣ, которая все болѣе и болѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе всѣхъ образованныхъ людей и въ Европѣ, и въ Америкѣ. Сочиненія Тургенева, Л. Толстаго и Достоевскаго не только переведены уже на всѣ важнѣйшіе европейскіе языки, но даже

и усвоены литературами этихъ языковъ на столько, что разборомъ ихъ чаще и чаще, больше и больше начинаетъ заниматься иноземная критика, и, вѣроятно, не далекъ уже тотъ день, когда критически вѣрная оцѣнка нашихъ лучшихъ авторовъ будетъ общимъ достояніемъ англійской, французской и нѣмецкой литературы, войдетъ въ составъ учебниковъ, сдѣлается общимъ мѣстомъ въ бесѣдѣ образованныхъ людей по ту сторону Ла-Манша или даже Атлантическаго океана. Отчасти на близость такого будущаго указываетъ тотъ отрывокъ новѣйшей американской повѣсти, который избранъ нами эпиграфомъ для нашей статьи. Герой этой повѣсти въ видѣ обычнаго термина употребляетъ въ разговорѣ такое выраженіе, какъ «Тургеневскій эффектъ», и когда его собесѣдница задаетъ ему вопросъ, что̀ значитъ слово «тургеневскій?»—онъ, замѣчая «съ изумленіемъ», что она о Тургеневѣ не слыхала, объясняетъ ей: «что Тургеневъ—это великій русскій романистъ», и совѣтуетъ своей собесѣдницѣ прочесть тургеневскую «Лизу» (т. е. Дворянское гнѣздо), если она желаетъ испытать «истинную сердечную боль».

Въ виду значенія, которое первоклассные русскіе писатели начинаютъ пріобрѣтать въ иностранныхъ литературахъ, весьма естественно было бы намъ оглянуться на то, что нами сдѣлано для ихъ изученія, для ихъ сознательнаго пониманія и вѣрной оцѣнки. Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что сдѣлано понынѣ еще очень немногое и что иностранные критики при свойственной имъ усидчивости и умѣньѣ внимательно отнестись къ изучаемому предмету успѣютъ, и въ этомъ отношеніи, очень скоро опередить нашу мелкую, одностороннюю и близорукую критику. Для строгой и вѣрной оцѣнки писателя нужны не фразы, не запутанные философскіе трактаты, испещренные невозможными иностранными терминами, никому не нужными и ничего не поясняющими,—нужно подробное, внимательное изученіе произведеній писателя не только въ ихъ внутренней связи, въ ихъ соотношеніи съ личностью и характеромъ автора, но и въ самомъ внѣшнемъ проявленіи его творческихъ способностей, въ постройкѣ отдѣльныхъ произведеній, въ отношеніяхъ общаго къ частному, въ слогѣ и языкѣ, въ способахъ выраженія мысли и ея оттѣнковъ. Для такой полной и многосторонней оцѣнки произведеній автора недостаточно было бы указать на важнѣйшія достоинства его таланта, на красоты его произведеній:—необходимо обратить вниманіе на самые его недостатки, изучить его слабыя стороны, уяснить себѣ его промахи и ошибки, указать причины и поводы ихъ въ самомъ развитіи его таланта, въ самомъ способѣ отношенія писателя къ творчеству.

Само собою разумѣется, что только произведенія первоклассныхъ писателей заслуживаютъ такого подробнаго и многосторонняго изученія, — произведенія писателей, которые даже и своими недостат-

ками, своими слабыми сторонами, своими несовершенствами могутъ принести пользу изучающему ихъ. Изученіе несовершенствъ и слабыхъ сторонъ крупнаго, талантливаго писателя всегда служитъ къ пополненію его характеристики какими нибудь новыми, еще не подмѣченными чертами и, въ большей части случаевъ, ярко и рельефно дополняетъ намъ типъ литературнаго дѣятеля, котораго мы представляемъ себѣ слишкомъ отвлеченно, рисуемъ себѣ слишкомъ идеально, подъ вліяніемъ общаго, сплошнаго впечатлѣнія его произведеній. Намъ кажется, что крупная личность Тургенева, какъ писателя первокласснаго не только по достоинствамъ своего таланта, но и по общественному значенію для извѣстной эпохи русской литературы, вполнѣ заслуживаетъ именно такого многосторонняго и подробнаго изученія, и что для подобнаго изученія теперь уже настало время. Настоящую статью нашу мы предполагаемъ посвятить разбору одной весьма любопытной стороны произведеній Тургенева, предполагаемъ обратить вниманіе на такой недостатокъ въ его творчествѣ, который до сихъ поръ, если мы не ошибаемся, ускользалъ отъ вниманія критики, хотя онъ вполнѣ этого вниманія заслуживаетъ, какъ весьма характерное проявленіе нѣкоторыхъ сторонъ, присущихъ нравственному типу Тургенева. Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ выполненію нашей маленькой критической задачи, мы предполагаемъ, что неизлишнимъ будетъ набросать, хотя бы и въ самыхъ общихъ чертахъ, планъ тѣхъ критическихъ нападокъ которымъ, рано или поздно, должны будутъ подвергнуться произведенія Тургенева. Не слѣдуетъ забывать, что, только путемъ этихъ нападокъ, мы, въ концѣ концовъ, можемъ прійдти къ точному опредѣленію того мѣста, которое надлежитъ Тургеневу занимать въ кругу русскихъ классическихъ писателей.

Этотъ вопросъ о мѣстѣ, принадлежащемъ по праву и заслугамъ писателю въ литературѣ, выясняется, однако же, не столько путемъ критической оцѣнки достоинствъ и недостатковъ писателя, сколько путемъ сравненія его съ другими писателями; а тѣ выводы, къ которымъ приводитъ сравненіе, въ свою очередь, оказываются немаловажными по отношенію къ критической оцѣнкѣ, потому, что исключаютъ предвзятыя и нерѣдко весьма преждевременныя воззрѣнія на писателя.

Если мы бросимъ общій взглядъ на любую литературу, то убѣдимся, что она, въ большинствѣ, состоитъ изъ произведеній цѣлой массы писателей, болѣе или менѣе приближающихся къ среднему уровню таланта. Изъ среды этихъ писателей отъ времени до времени, въ эпохи болѣе благопріятныя для развитія литературныхъ талантовъ — выдѣляется небольшой кружокъ писателей первоклассныхъ, выдающихся по глубинѣ, силѣ и плодовитости твор-

чества, по изяществу и красотѣ внѣшней формы своихъ произведеній. Наконецъ, во главѣ писателей первоклассныхъ, становятся немногіе, одинокіе писатели, открывающіе литературѣ новые пути, измѣняющіе ея направленіе, создающіе новую эпоху въ литературѣ своими произведеніями. Эти немногіе писатели получаютъ въ потомствѣ названіе **великихъ, геніальныхъ**..

Не смотря на то, что смѣшать эти три разряда писателей — невозможно, пристрастіе современной критики очень часто принижаетъ и геніальныхъ писателей до уровня общей массы пишущихъ и, наоборотъ, прославляетъ, до небесъ превозноситъ, писателей посредственныхъ, не выдерживающихъ серьёзной критики. Только суровое время и неизбѣжный историческій ходъ развитія каждаго народа приводятъ къ тому, что потомство, «безъ зависти и гнѣва» относящееся къ минувшему, увѣнчиваетъ безсмертіемъ и славой однѣ истинныя достоинства и заслуги. Севременники часто играютъ такими громкими словами, какъ «великій», «геніальный» писатель, примѣняя ихъ ко многимъ, — а потомство оказывается очень скупымъ на эти титулы... Любопытный примѣръ такой строгости приговоровъ потомства видимъ и въ нашей русской литературѣ. Не далѣе, какъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, русскій Олимпъ, если бы вѣрить современнымъ критикамъ и словяникамъ, былъ переполненъ великими, геніальными писателями; но минуло полвѣка, и въ памяти потомства сознательно выдѣляются только два геніальныхъ писателя — Пушкинъ и Гоголь.

То же самое, на нашихъ глазахъ, повторяется теперь и по отношенію къ писателямъ нашего времени: — современная намъ критика безразлично называетъ «великими», «геніальными», писателями то Достоевскаго и Гончарова, то Тургенева и Л. Толстаго, повидимому, не полагая между ними никакого различія. Не беремся предугадывать приговоръ потомства, но думаемъ, что мы, современники ихъ, въ значительной степени можемъ способствовать правильности этого приговора, такъ какъ и въ настоящее время уже есть нѣкоторая возможность установить извѣстнаго рода градацію между этими четырьмя первоклассными русскими писателями.

Въ этомъ отношеніи нѣкоторую помощь можетъ намъ оказать, самъ Тургеневъ. Тургеневъ очень сурово отзывался о большинствѣ современныхъ писателей (не принадлежавшихъ къ небольшому кружку его друзей), былъ весьма чутокъ и ревнивъ къ своей литературной извѣстности и славѣ, но сознавалъ, что **не ему** принадлежитъ первое мѣсто въ современной русской литературѣ, а графу Л. Н. Толстому.

Кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что Тургеневъ вполнѣ искренно уступалъ Льву Толстому первое мѣсто въ русской литературѣ, не изъ деликатности, а по внутреннему убѣжденію... На

Л. Толстаго Тургеневъ втеченіе всей своей жизни смотрѣлъ не только съ уваженіемъ, но даже съ какимъ-то опасеніемъ и страхомъ, и преклонялся съ нѣкоторымъ подобострастіемъ передъ этимъ могучимъ талантомъ. Не даромъ, наканунѣ смерти, Тургеневъ писалъ Л. Толстому:

...«Пишу я вамъ собственно, чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ, и чтобы выразить вамъ мою послѣднюю, искреннюю просьбу. Другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности. Вѣдь этотъ даръ вамъ оттуда, откуда все другое. Ахъ, какъ я былъ бы счастливъ, если-бъ могъ подумать, что просьба моя такъ на васъ подѣйствуетъ!!... Другъ мой, великій писатель русской земли,—внемлите моей просьбѣ!»

Для насъ въ этомъ личномъ воззрѣніи Тургенева на Л. Толстаго важно то, что онъ самъ признавалъ себя не первымъ русскимъ писателемъ, и сознательно уступалъ первенство другому писателю, котораго самъ рѣшается назвать «великимъ». Въ сущности же, если мы безпристрастно станемъ сравнивать Тургенева съ наиболѣе выдающимися изъ современныхъ ему писателей — Л. Толстымъ, Достоевскимъ и Гончаровымъ, то, ни одного изъ нихъ не рѣшаясь назвать «великимъ» и вполнѣ предоставляя это потомству,—мы, все-же, прійдемъ къ тому выводу, что Тургеневъ, по силѣ таланта, по глубинѣ творчества и по самому свойству своей наблюдательности, долженъ несомнѣнно уступить первое мѣсто не только Л. Толстому, но и Достоевскому, котораго онъ не понималъ и даже не признавалъ писателемъ талантливымъ, и Гончарову, съ которымъ не сходился при жизни [1]). Если мы допустимъ этотъ выводъ, къ которому должно привести сравненіе произведеній Тургенева съ произведеніями Гончарова, Достоевскаго и Л. Толстаго, и онъ кому бы то ни было покажется слишкомъ смѣлымъ или даже несправедливымъ, то подтвержденіе ему не трудно будетъ найдти въ строгой и безпристрастной оцѣнкѣ литературной дѣятельности Тургенева. Критика должна будетъ прійдти къ тому же выводу, убѣдившись, что въ сочиненіяхъ Тургенева нѣтъ ни строго выработаннаго плана, ни широко набросанныхъ картинъ извѣстной эпохи, ни тщательно изученныхъ характеровъ, ни глубокаго психологическаго анализа русской дѣйствительности. Критика будетъ вынуждена сознаться, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Тургеневъ далеко уступаетъ и Гончарову, и Достоевскому, и Л. Толстому. И если бы критикѣ пришлось дать краткую характеристику выдающихся сторонъ Тургеневскаго таланта, ей бы пришлось сказать:

---

[1]) Для характеристики воззрѣній Тургенева на Достоевскаго стоитъ припомнить его отзывъ о Подросткѣ: «Я заглянулъ было въ этотъ хаосъ; Боже, что за кислятина, и больничная вонь, и никому ненужное безлютанье и психологическое ковырянье!» (См. «Письма»—стр. 272).

«Тургеневъ — превосходный, неподражаемый разсказчикъ. Онъ обладаетъ умѣньемъ создать разсказъ изъ ничего, слѣпить его изъ двухъ-трехъ эпизодовъ и вправить въ такую изящную рамку, что читатель, прочитавъ разсказъ, остается подъ невольнымъ и полнымъ обояніемъ той прелестной внѣшней формы, въ которую облечено весьма неглубокое и незатѣйливое содержаніе».

Но такимъ необыкновеннымъ умѣньемъ, такою виртуозностью творчества Тургеневъ обладаетъ несомнѣнно только по отношенію къ одной литературной формѣ — къ разсказу. Какъ только онъ отъ разсказа переходитъ къ повѣсти, тѣмъ болѣе — къ роману, ограниченность его творчества высказывается тотчасъ же и весьма осязательно. Фабула всѣхъ его повѣстей чрезвычайно бѣдна содержаніемъ и въ большей части случаевъ состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ эпизодовъ, слабо связанныхъ между собою.

При этомъ наблюдательность Тургенева чисто-внѣшняя, постоянно скользящая по поверхности, а потому и характеры лицъ, выводимыхъ имъ на сцену, не отличаются ни глубиною, ни достаточною опредѣленностью. Въ большей части случаевъ, Тургеневъ, знакомя насъ со своими героями, ограничивается тѣмъ, что излагаетъ вкратцѣ ихъ біографію, иногда даже подробно пересказываетъ ихъ родословную, а затѣмъ нанизываетъ сценку за сценкой, въ которыхъ выказываетъ своего героя съ разныхъ сторонъ, нимало не затрудняя себя анализомъ его дѣяній и побужденій къ этимъ дѣяніямъ, предоставляя этотъ анализъ на благоусмотрѣніе читателя. Вслѣдствіе такого литературнаго пріема, многія изъ крупныхъ произведеній Тургенева обращаются въ обширную галлерею портретовъ, въ непрерывный рядъ біографическихъ очерковъ, запутывающихъ основное содержаніе повѣсти и нимало не способствующихъ уясненію главныхъ, выведенныхъ авторомъ, характеровъ. Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Тургенева (несомнѣнно, лучшихъ изъ всего написаннаго имъ) эти біографіи и родословія лицъ просто одолѣваютъ читателя. Для примѣра, припомнимъ «Дворянское Гнѣздо», въ которомъ добрая треть повѣсти занята біографическими подробностями о лицахъ не только второстепенныхъ и третьестепенныхъ [1]) по отношенію къ главному содержанію произведенія, но даже біографіями лицъ, вовсе не участвующихъ въ дѣйствіи повѣсти и умершихъ задолго до начала разсказа.

Тургеневъ, повидимому, и самъ сознаетъ слабость и несовершенство разработки выводимыхъ имъ характеровъ, и потому старается

---

[1]) Припомнимъ біографію Петра Андреича Лаврецкаго (дѣда) и Ивана Петровича Лаврецкаго (отца) — подробныя до излишества, а также біографіи Глафиры Петровны (умершей задолго до этого разсказа), Агафьи Власьевны (Лизиной няни), вовсе не появляющейся въ разсказѣ, и, наконецъ, біографію Лемма — лица совершенно второстепеннаго — занимающую въ поэмѣ цѣлыхъ три страницы.

главныя дѣйствующія лица обставить цѣлымъ рядомъ лицъ второстепенныхъ, очерченныхъ только на половину или даже едва намѣченныхъ, но, тѣмъ не менѣе, наполняющихъ сцену и отвлекающихъ вниманіе читателя отъ главныхъ характеровъ. Это стремленіе прикрывать недостаточность разработки главныхъ характеровъ пестротою и разнообразіемъ обстановки и ловкою mise en scène приводитъ иногда Тургенева къ тому, что онъ выдвигаетъ второстепенныя лица на первый планъ, а главныя оставляетъ втеченіе всей повѣсти на заднемъ планѣ, какъ будто вовсе не о нихъ идетъ рѣчь и не около нихъ вращается главный интересъ всего произведенія. Въ подтвержденіе этого стоитъ, напримѣръ, припомнить характеры Берсенева и Шубина въ «Наканунѣ» или характеръ Потугина въ «Дымѣ», вставленные исключительно для того, чтобы служить олицетвореніями извѣстныхъ направленій и взглядовъ, и положительно затемняющіе собою основную канву повѣсти. И если мы даже остановимся на двухъ, наиболѣе обработанныхъ Тургеневымъ характерахъ Рудина и Базарова—единственныхъ, новыхъ типахъ, созданныхъ имъ — то, при сравненіи ихъ съ типомъ Обломова, и съ характерами героевъ Достоевскаго, мы сразу убѣдимся въ томъ, что серьёзная разработка характеровъ была не по плечу Тургеневу.

Но всѣ недостатки въ составленіи плана произведеній и самое однообразіе въ способѣ обработки характеровъ въ значительной степени скрадываются у Тургенева необычайною прелестью изложенія. Въ изложеніи сюжета Тургеневъ выказывается великимъ мастеромъ и проявляетъ замѣчательный талантъ, тонкое пониманіе красоты и изящества въ создаваемыхъ имъ образахъ и удивительное чутье къ красотамъ природы. Если, къ этимъ неотъемлемымъ достоинствамъ Тургенева, мы добавимъ еще большое знаніе женщины, умѣнье ловко, эффектно набрасывать красивые, легкіе очерки женскихъ характеровъ (при большой сдержанности въ изображеніи страстныхъ сценъ), умѣнье обойдти молчаніемъ всѣ тѣ явленія жизни, которыя способны возмутить или даже встревожить читателя,— то мы поймемъ, почему Тургеневъ такъ долго и такъ непрерывно пользовался громаднымъ успѣхомъ въ средѣ нашей читающей молодежи, и въ особенности женской ея половины.

Мы, конечно, не ошибемся, если скажемъ, что самымъ важнымъ достоинствомъ и самою большою заслугою Тургенева, какъ писателя, является тотъ превосходный языкъ, которымъ написаны всѣ его произведенія, начиная отъ первыхъ разсказовъ, вошедшихъ въ составъ «Записокъ охотника», до послѣднихъ повѣстей и «Стихотвореній въ прозѣ». Тургеневъ, дѣйствительно, имѣлъ полное право обратиться къ концѣ своей литературной карьеры къ товарищамъ-писателямъ и сказать имъ: «берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ—этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ

нашими предшественниками!.. Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ: въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи совершить чудеса!»

Тургеневъ доказалъ это на дѣлѣ; онъ умѣлъ не только беречь этотъ кладъ, но и вносить въ него новыя и новыя сокровища, и въ рукахъ его это могущественное орудіе дѣйствительно творило чудеса! Мягкій, красивый, гармоническій языкъ Тургенева такъ и просится въ душу, такъ и обдаетъ свѣжестью и ароматомъ русскаго лѣса и степи, и чаруетъ невыразимой прелестью звуковъ и формъ... Превосходно зная языкъ, искусно владѣя имъ, тщательно вырабатывая и отдѣлывая каждую строку своихъ произведеній, Тургеневъ является въ то же время отличнѣйшимъ стилистомъ: его слогъ можно смѣло поставить въ образецъ всѣмъ русскимъ писателямъ, между которыми, съ этой стороны, мы не знаемъ соперниковъ Тургеневу. Для насъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію то, что языкъ и слогъ Тургенева вполнѣ заслуживаютъ серьёзнаго изученія и могутъ даже доставить богатый матеріалъ для научнаго изслѣдованія.

Но, набросавъ планъ будущихъ нападокъ безпристрастной критики мы предоставляемъ другимъ критическій разборъ произведеній Тургенева какъ со стороны ихъ внутренняго содержанія, такъ и со стороны ихъ внѣшней формы и думаемъ остановиться подробно только на одной сторонѣ тургеневскаго творчества—на различныхъ проявленіяхъ его юмора, который съ полнѣйшимъ основаніемъ можетъ быть названъ Ахиллесовою пятою Тургенева.

Есть люди, нисколько не одаренные отъ природы способностью что бы то ни было изображать въ смѣшномъ, забавномъ видѣ; есть и такіе, которые, задавшись цѣлью развеселить, разсмѣшить своихъ собесѣдниковъ, приводятъ ихъ совершенно неожиданно къ результату противоположному — къ досадѣ, къ раздраженію или къ скукѣ. Смѣшитъ и увеселяетъ насъ удачная сатира, во всѣхъ ея градаціяхъ и проявленіяхъ; улыбку на уста вызываетъ иногда иронія, если она не слишкомъ проникнута желчью и озлобленіемъ противъ людей; но самымъ естественнымъ стимуломъ къ смѣху несомнѣнно бываетъ только юморъ, который, не останавливаясь на мелочахъ и частностяхъ, одинаково придаетъ особое, своеобразное освѣщеніе всѣмъ проявленіямъ жизни, радостнымъ и печальнымъ, важнымъ и незначительнымъ. Достоевскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ, чрезвычайно вѣрно замѣтилъ, что «возбужденіе сострадания къ осмѣянному и не знающему себѣ цѣны прекрасному—и есть тайна юмора». Этою тайною, въ высочайшей степени развитія, обладалъ великій юмористъ Диккенсъ, и понималъ ее нашъ Гоголь, въ произведеніяхъ котораго, дѣйствительно,

«невидимыя слезы слышатся иногда сквозь видимый смѣхъ». Но эта мудреная тайна дается не всѣмъ, и крайне жалкими оказываются юмористическія попытки тѣхъ, кому отъ природы не дано глубокое пониманіе юмора въ его настоящемъ, высокомъ значеніи: при этомъ не спасаетъ человѣка ни умъ, ни талантъ, ни умѣнье владѣть красивою фразой, и юморъ вырождается въ остроуміе весьма сомнительнаго достоинства. Вотъ почему ошибочнымъ представляется намъ тотъ взглядъ нѣкоторыхъ писателей новѣйшей школы, которые смотрятъ на проявленія юмора не какъ на проявленіе особой, свыше даруемой писателю способности, а какъ на простое стилистическое украшеніе, какъ на пряную приправу, которая необходима для того, чтобы все содержаніе произведенія не представлялось читателю монотоннымъ, скучнымъ, однообразнымъ. Къ сожалѣнію, у Тургенева мы замѣчаемъ именно этотъ совершенно невѣрный взглядъ на проявленіе юмора, и, благодаря ему, во многихъ произведеніяхъ нашего любимаго писателя, встрѣчаемся съ такими диковинками, какихъ отъ него нельзя было бы и ожидать, при его изящномъ вкусѣ и тонко развитомъ пониманіи достоинствъ литературнаго произведенія. Задавшись невѣрнымъ взглядомъ, на основаніи котораго элементъ юмористическій долженъ являться одною изъ необходимыхъ прикрасъ каждаго литературнаго произведенія, Тургеневъ, не одаренный отъ природы никакою, даже и малѣйшею долею юмора, искусственно, съ натяжками и усиліемъ вводитъ эту прикрасу во всѣ свои произведенія, то въ видѣ цѣлыхъ характеровъ, въ родѣ Пигасова въ «Рудинѣ» или Лупихина въ «Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда», то въ видѣ эпизодическихъ вставокъ, не имѣющихъ никакой связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ, то въ видѣ рѣзкихъ эпитетовъ и комическихъ сравненій, то въ видѣ краткихъ характеристикъ, основанныхъ на сопоставленіи двухъ-трехъ случайныхъ признаковъ, то въ видѣ такого подбора противоположностей, которыя, по мнѣнію автора, должны казаться смѣшными уже самой своей несообразностью. И надо отдать полную справедливость Тургеневу въ томъ, что всѣ эти пріемы, въ которыхъ проявляется его юморъ, ничего не прибавляютъ къ достоинствамъ его произведеній, а главное — не достигаютъ той цѣли, которой добивается авторъ. Не довольствуясь одними общими указаніями, разберемъ каждый изъ пріемовъ въ отдѣльности и прослѣдимъ эти пріемы въ большей части произведеній Тургенева.

Начнемъ съ краткихъ характеристикъ, которыми особенно щедро награждаетъ Тургеневъ второстепенныхъ лицъ своихъ разсказовъ.

Описывая въ «Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда» провинціальную публику, собравшуюся на обѣдѣ у провинціальнаго туза, Тургеневъ указываетъ намъ среди этой публики:

...«Нѣсколько штатскихъ особъ, въ плотныхъ высокихъ галстухахъ и съ висячими крашенными усами, какіе только бываютъ у людей рѣшительныхъ, но благонамѣренныхъ»... Рядомъ съ ними упоминаются:

...«чиновники, съ круглыми брюшками, пухлыми и потными ручками и скромно-неподвижными ножками»... Далѣе помѣщались—«господа въ круглыхъ фракахъ и клѣтчатыхъ панталонахъ работы московскаго портнаго, вѣчно-цѣховаго мастера Ѳирса Клюхина»... Въ томъ же разсказѣ видимъ и губернскаго предводителя—«человѣка съ свободнымъ и достойнымъ выраженіемъ лица, совершенно соотвѣтствовавшимъ его накрахмаленной манишкѣ, необъятному жилету и круглой табакеркѣ, съ французскимъ табакомъ».

Отецъ Гамлета характеризуется такъ: «недалекій былъ человѣкъ; съ большимъ носомъ и веснушками, рыжій и въ одну ноздрю табакъ нюхалъ»; а о профессорѣ, обучавшемъ Гамлета, говорится только:—«онъ былъ не то, что глупъ, а словно ушибенъ; съ каѳедры говорилъ довольно связно, а дома картавилъ и очки все на лбу держалъ; при томъ ученѣйшій былъ человѣкъ».

На ту же стать характеризуется общество города О., посѣщавшее домъ Ожогиныхъ (въ «Дневникѣ лишняго человѣка»):—«сюда ѣздилъ и городничій, на широкихъ рыжихъ дрожкахъ парой, необыкновенно крупный, словно изъ залежалаго матеріала скроенный человѣкъ; стряпчій—желтенькое и злобненькое существо; острякъ-землемѣръ—нѣмецкаго происхожденія съ татарскимъ лицомъ; офицеръ путей сообщенія—нѣжная душа, пѣвецъ, но сплетникъ; бывшій уѣздный предводитель—господинъ съ крашеными волосами, взбитой манишкой, панталонами въ обтяжку и тѣмъ благороднѣйшимъ выраженіемъ лица, которое такъ свойственно людямъ, побывавшимъ подъ судомъ» и т. д..

На балъ къ предводителю, данный по поводу пріѣзда князя, были приглашены всѣ чины и власти города О., «начиная съ городничаго и кончая аптекаремъ, необыкновенно чирымъ нѣмцемъ съ жестокими притязаніями на умѣнье говорить чисто порусски, вслѣдствіе чего онъ безпрестанно и вовсе не кстати употреблялъ сильныя выраженія, какъ, напр., «я, чортъ меня завзѣмъ побери, сиводнэ молодецъ завзѣмъ»...

О женѣ Ожогина Тургеневъ находитъ возможнымъ сказать только то, что она «сбивалась на застарѣлаго цыпленка». Въ «Затишьѣ» находимъ такую характеристику предводителя:

«Единственно скромность г. Акилина была причиною тому, что на дворянскихъ съѣздахъ въ предводители избирался не онъ, а отставной маіоръ Подпекинъ, человѣкъ тоже весьма почтенный и достойный, хотя онъ и зачесывалъ себѣ волосы на правый високъ изъ-за лѣваго уха, красилъ усы въ лиловую краску

и страдая одышкой, въ послѣ-обѣденное время впадалъ въ меланхолію».

Къ тому же роду характеристикъ слѣдуетъ отнести и то, что Тургеневъ говоритъ въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» о матери Варвары Павловны:

«О женѣ П. П. Коробьина почти сказать нечего: звали ее Калліопой Карловной; изъ лѣваго ея глаза сочилась слезинка, въ силу чего Калліопа Карловна (притомъ же она была нѣмецкаго происхожденія) сама считала себя за чувствительную женщину; она постоянно чего-то все боялась, словно не доѣла, и носила узкія бархатныя платья, токъ и тусклые дутые браслеты».

Не желая утомлять читателя однородными выписками, — ихъ у насъ еще немало впереди! — мы полагаемъ, что приведеннаго нами матеріала болѣе чѣмъ достаточно для поясненія нашего взгляда. Всѣ юмористическія характеристики Тургенева чрезвычайно мелки, основаны на ничего не значащихъ внѣшнихъ признакахъ и могутъ служить только доказательствомъ наблюдательности самаго непосредственнаго свойства. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли характеризовать человѣка тѣмъ, что онъ носитъ фракъ, сшитый Ѳирсомъ Клюхинымъ, или краситъ волосы? Какое соотношеніе можетъ быть установлено между нравственною личностью человѣка и «взбитой манишкой», «панталонами въ обтяжку» и «табакеркой съ французскимъ табакомъ»? Отвѣтъ ясенъ самъ по себѣ.

Не менѣе ясно и то, что этотъ пріемъ краткихъ юмористическихъ характеристикъ заимствованъ Тургеневымъ у Гоголя, несамостоятеленъ, не свойственъ Тургеневу. Онъ не можетъ тягаться въ этомъ отношеніи съ Гоголемъ, который въ одномъ какомъ нибудь словѣ—въ родѣ «чинимые мосты»—умѣетъ вложить цѣлую картину русскихъ дорожныхъ безобразій и развертываетъ передъ читателемъ цѣлую эпопею отжившаго русскаго правосудія, упомянувъ только мимоходомъ, что одинъ изъ героевъ его «потиралъ руки, какъ потираетъ ихъ неподкупный земскій судъ, выѣхавшій на слѣдствіе и подходящій къ закускѣ».

Сознавалъ ли Тургеневъ всю слабость своихъ попытокъ подражать Гоголю, или нѣтъ—сказать трудно; но несомнѣнность этихъ попытокъ отрицать невозможно. Нѣкоторыя попытки такъ очевидны, что даже непріятно поражаютъ читателя, напоминая ему опредѣленныя, хорошо извѣстныя страницы Гоголя. Возьмемъ для примѣра описаніе города О. въ «Дневникѣ лишняго человѣка»: «Городъ О. весь выстроенъ на косогорѣ и очень неудобно выстроенъ. Жителей въ немъ считается около восьми сотъ, бѣдности необыкновенной, домишки совершенно ни на что не похожи; на главной улицѣ подъ предлогомъ мостовой, изрѣдка бѣлѣютъ грозныя плиты неотесаннаго известняка, вслѣдствіе чего ее объѣзжаютъ даже телѣги; на самой серединѣ изумительно неопрятной площади возвы-

шается крошечное желтоватое строеніе съ темными дирами, а въ дирахъ сидятъ люди въ большихъ картузахъ и притворяются, будто торгуютъ; тутъ же торчитъ необыкновенно высокій пестрый шестъ, а возлѣ шеста, для порядка по приказу начальства, держится возъ жолтаго сѣна и ходитъ одна казенная курица. Словомъ въ городѣ О. житье хоть-куда».

Кто не узнаетъ въ этомъ описаніи подобныхъ же гоголевскихъ описаній уѣздныхъ городовъ (въ «Мертвыхъ душахъ», въ «Коляскѣ»)? Оно и составлено по тому же шаблону, и въ подробностяхъ своихъ носитъ тотъ же отпечатокъ натяжки и преувеличенія, которыя, въ сущности, даютъ очень неопредѣленное понятіе о дѣйствительной непривлекательности нашихъ уѣздныхъ городовъ.

Кстати отмѣтимъ и другой юмористическій пріемъ, также не оригинальный у Тургенева, а неудачно заимствованный имъ отъ Гоголя: гиперболическія описанія впечатлѣній, производимыхъ въ извѣстной средѣ появленіемъ того или другаго лица, или наступленіемъ извѣстнаго событія. Такъ, напр., въ «Пѣвцахъ» упоминается, что приходъ охотника въ сельцо, гдѣ находился Притынный кабакъ,

...«возбуждалъ, какъ водится, въ ребятишкахъ изумленіе, доходившее до напряженно-безсмысленнаго созерцанія, въ собакахъ негодованіе, выражавшееся лаемъ до того хриплымъ и злобнымъ, что, казалось, у нихъ отрывались всѣ внутренности, и онѣ сами потомъ кашляли и задыхались»...

Точно также и пріѣздъ барина въ дальнее помѣстье (въ Бурмистрѣ) производитъ переполохъ не только въ людяхъ, въ собакахъ, но даже и въ домашней птицѣ;

...«Даже курицы (пишетъ Тургеневъ) стремились ускоренной рысью въ подворотню; одинъ бойкій пѣтухъ съ чорной грудью, похожей на атласный жилетъ, и краснымъ хвостомъ, закрученнымъ на самый гребень, остался было на дорогѣ и уже совсѣмъ собрался кричать, да вдругъ сконфузился и тоже побѣжалъ»...

Или при описаніи приготовленій къ предводительскому балу (въ «Дневникѣ лишняго человѣка»):

«Поднялись, какъ водится, страшныя приготовленія. Одинъ косметикъ-лавочникъ продалъ шестнадцать темносинихъ банокъ помады съ надписью «à la jesmin'ъ», съ еромъ на концѣ. Барышни сооружали себѣ тугія платья съ мучительнымъ перехватомъ и мысомъ на желудкѣ; матушки воздвигали на своихъ собственныхъ головахъ какія-то грозныя укрѣпленія подъ предлогомъ чепцовъ; захлопотавшіеся отцы лежали, какъ говорится, безъ заднихъ ногъ»...

Гипербола, въ качествѣ юмористическаго пріема, доводится иногда Тургеневымъ до абсурда, въ которомъ, собственно, онъ и предполагаетъ элементъ «смѣшнаго». Напримѣръ, объ одномъ помѣщикѣ онъ разсказываетъ, что тотъ такъ неловко раскланивался,

какъ будто у него отваливался животъ (?)... («Гамлетъ Щигровскаго уѣзда»); а въ другомъ мѣстѣ, называя комфортъ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ домовъ «отвратительнымъ», замѣчаетъ, что если бы, вмѣсто блѣдной и сухопарой фигуры камердинера,

...«внезапно предстали передъ вами изумительно широкія скулы и невѣроятно тупой носъ молодаго дюжаго парня, только что взятаго бариномъ отъ сохи, но уже успѣвшаго въ десяти мѣстахъ распороть по швамъ недавно пожалованный нанковый кафтанъ,— вы бы обрадовались несказанно и охотно бы подверглись опасности лишиться вмѣстѣ съ сапогомъ и собственной вашей ноги, вплоть до самаго вертлюга» («Бурмистръ»).

Весьма обычнымъ пріемомъ тургеневскаго юмора являются эпизодическія вставки въ самую средину разсказа такихъ отрывковъ, которые не имѣютъ ни малѣйшей связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ. Единственная цѣль подобныхъ вставокъ — насмѣшить, повеселить читателя, подбавить лишнюю щепотку соли, въ разсказъ, который кажется самому автору недостаточно занимательнымъ. Но подобныя, эпизодическія вставки имѣютъ иногда у Тургенева и совсѣмъ иное назначеніе: вводя ихъ въ свой разсказъ, онъ старается имъ придать смыслъ диссонанса, нарушающаго общее теченіе мысли въ извѣстномъ направленіи и, по тому самому, ослабляющаго печальное или торжественное настроеніе, вызванное содержаніемъ разсказа. Нужно ли говорить о томъ, что всѣ подобныя вставки всюду являются неумѣстными и совершенно несогласными ни съ духомъ, ни съ характеромъ Тургеневскихъ произведеній, и нимало не достигающими цѣли, для которой онѣ предназначены авторомъ; а эта цѣль—странно даже сказать! — ни болѣе, ни менѣе какъ ложная стыдливость автора, который боится, чтобы его не заподозрѣли въ излишней чувствительности, въ излишней воспріимчивости къ лучшимъ, прекраснѣйшимъ впечатлѣніямъ жизни.

Такою вставкою является, напримѣръ, въ превосходномъ разсказѣ «Смерть» совершенно излишнее описаніе больницы въ селѣ Красногорьѣ. Помѣщенная послѣ разсказа о смерти подрядчика, раздавленнаго деревомъ, и мужика, обгорѣвшаго въ овинѣ, между прекрасно написанными, высоко поэтическими страницами, — эта вставка о больницѣ нисколько не ослабляетъ впечатлѣнія приводимыхъ Тургеневымъ разсказовъ о различныхъ случаяхъ смерти, но за то ужасно больно рѣжетъ глазъ своимъ безвкусіемъ и неумѣстностью. Вотъ они дословно:

«Помнится, завернулъ я однажды въ больницу села Красногорья, къ знакомому мнѣ фельдшеру. Больница эта состояла изъ большаго господскаго флигеля; устроила ее сама помѣщица, т. е. велѣла прибить надъ дверью голубую доску съ надписью большими буквами: «Красногорская больница», и сама вручила Капи-

тону красивый альбомъ для записыванья именъ больныхъ. На первомъ листкѣ этого альбома одинъ изъ лизоблюдовъ и прислужниковъ благодѣтельной помѣщицы начерталъ слѣдующіе стишки:

«Dans ces beaux lieux, où règne l'allégresse,
Ce temple fut ouvert par la Beauté;
De vos seigneurs admirez la tendresse,
Bons habitants de Krasnogorié!»

«А другой господинъ внизу написалъ:

«Et moi aussi j'aime la Nature!»
«Jeann Kobyliatnikoff».

«Фельдшеръ купилъ на свои деньги шесть кроватей и пустился, благословясь, лечить народъ божій».

Странно, что Тургеневу показалось еще недостаточно этого эпизода, чтобы испортить прекрасный разсказъ и, послѣ глубоко прочувствованнаго описанія своего свиданія съ умирающимъ университетскимъ товарищемъ Авениромъ Сорокоумовымъ, онъ счелъ нужнымъ помѣстить еще одну такую же неумѣстную вставку, въ видѣ письма помѣщика Крупяникова!

Иногда подобныя вставки являются не въ срединѣ, а въ концѣ разсказовъ и повѣстей Тургенева, съ тою же очевидною цѣлью — ослабить впечатлѣніе разсказа, сбавить тонъ высокаго настроенія, подъ которымъ разсказъ создался и вылился у автора... Такими заплатами особенно непріятно поражаетъ разсказъ «Пѣвцы», въ которомъ художественное содержаніе нѣсколько разъ некстати перерывается вставкой разговоровъ и характеристиками лицъ, вовсе не нужныхъ для разсказа (въ родѣ Моргача, Обалдуя и мужиченки въ прорванной свиткѣ). Еще болѣе странно и непріятно поражаетъ насъ подобное же эпизодическое заключеніе «Дневника лишняго человѣка»,—повѣсти, при всѣхъ ея недостаткахъ, сильной и горячей. Повѣсть заканчивается прекрасными, истинно поэтическими нотами:

«Мнѣ тяжело писать... бросаю перо... Пора! смерть уже не приближается съ возрастающимъ громомъ, какъ карета ночью по мостовой: она здѣсь, она порхаетъ вокругъ меня, какъ то легкое дуновеніе, отъ котораго поднялись дыбомъ волосы у пророка... Я умираю... Живите живые!

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять»!

Казалось бы, что нельзя придумать ничего лучше этого конца! Но нѣтъ, Тургеневу это показалось слишкомъ нѣжно, и онъ почему-то нашелъ нужнымъ закончить иначе. Онъ для этого прибѣгнулъ къ тому же эпизодизму и придумалъ слѣдующее примѣчаніе издателя, будто бы добавленное къ рукописи Чулкатурина.

«Примѣчаніе издателя. Подъ этой послѣдней строкой находится профиль головы съ большимъ хохломъ и усами, съ глазомъ en face и лучеобразными рѣсницами; а подъ головой кто-то написалъ слѣдующія слова:

Сѣю рукопись. Читалъ
И содѣржаніе онной нѣ одобрилъ
Пѣтрѣ Зудотѣшинъ
М М М М
Милостивый Государь
Пѣтръ Зудотѣшинъ.
Милостивый государь мой.

«Но такъ какъ почеркъ этихъ строкъ нисколько не походилъ на почеркъ, которымъ написана остальная часть тетради, то издатель и почитаетъ себя въ правѣ заключить, что вышепомянутыя строки прибавлены были впослѣдствіи другимъ лицомъ, тѣмъ болѣе, что до свѣдѣнія его (издателя) дошло, что г-нъ Чулкотуринъ дѣйствительно умеръ въ ночь съ 1-го на 2-е апрѣля 18... года, въ родномъ своемъ помѣстьѣ «Овечьи Воды».

Предоставляемъ самимъ читателямъ судить, въ какой степени это заключеніе вяжется съ повѣстью или оказывается для нея пригоднымъ?

Въ числѣ юмористическихъ пріемовъ Тургенева отмѣтимъ еще одинъ,—особаго рода игру словами, которую мы назовемъ игрою въ противоположности или въ контрасты.

Такъ въ «Радиловѣ», по словамъ Тургенева, нельзя было открыть страсти «ни къ голубямъ, страдающимъ падучею болѣзнью, ни къ русской литературѣ, ни къ иноходцамъ, ни къ чаю, ни къ доведеннымъ до разврата пристяжнымъ, ни даже къ толстымъ кучерамъ, у которыхъ Богъ знаетъ почему отъ каждаго движенія шеи глаза косятся и лѣзутъ вонъ»...

Или въ «Андреѣ Колосовѣ»:

«Кстати, господа, сказать правду: не случалось ли вамъ сидѣть и курить трубку съ такимъ уныло величественнымъ видомъ, какъ будто вы только что рѣшились на великій подвигъ; а вы просто размышляете о томъ, какого цвѣта сшить себѣ панталоны?»

Или въ разсказѣ «Смерть»:

(Чаплыгинскій баринъ) «кликнулъ собачку, подаренную ему кузиной, старой дѣвицей, съ отличнымъ сердцемъ, но безъ волосъ».

Или въ «Отцахъ и дѣтяхъ»:

(При отъѣздѣ Базарова и Аркадія изъ дома стариковъ Базаровыхъ) «съ утра уже все пріуныло въ домѣ; у Анфисушки (ключницы) посуда изъ рукъ валилась; даже Ѳедька недоумѣвалъ и кончилъ тѣмъ, что снялъ сапоги».

Не болѣе удачными являются у Тургенева и тѣ юмористическіе эпитеты и сравненія, которыми онъ также не прочь бы-

ваетъ уснастить свою прозу. Тутъ являются на сцену и кислыя фортепьяно, и недоумѣвающіе кулаки старосты, и пестрый ребенокъ, и сѣдые панталоны, и придавленный купецъ... и волосы, имѣющіе заспанный видъ, и шершавый докторъ...

Еще болѣе непріятно поражаютъ сравненія, съ нескрываемой претензіей на оригинальность, не менѣе эпитетовъ страдающія неточностью, въ смыслѣ слога, и неудобопонятностью вызвавшаго ихъ остроумія. Къ числу такихъ юмористическихъ сравненій слѣдуетъ, конечно, отнести сравненіе мелкаго и холоднаго дождя «со старой дѣвкой» или мученія человѣка, оскорбленнаго въ лучшихъ своихъ чувствахъ, «съ страданіями собаки, которой заднюю часть тѣла переѣхали колесомъ [1])».

Иногда, минуя остальные, чаще употребляемые юмористическіе пріемы, Тургеневъ прибѣгаетъ къ одной изъ наименѣе удающихся ему прикрасъ своего изложенія—къ остротѣ или къ каламбуру; и, Боже мой! какъ тяжеловѣсны оказываются эти каламбуры! За примѣрами недалеко ходить...

Приводя въ «Однодворцѣ Овсянниковѣ» разсказъ о томъ, какъ мужики, собираясь топить плѣннаго француза, уроженца города Орлеана, привели его къ проруби, Тургеневъ, передаетъ этотъ эпизодъ такъ:

«Мужички, вѣроятно, по незнанію географическаго положенія города Орлеана, продолжали предлагать ему (французу) подводное путешествіе внизъ по теченію извилистой рѣчки Гнилотерки, и уже стали поощрять его легкими толчками въ шейные и спинные позвонки, какъ вдругъ (явился его избавитель-помѣщикъ)...».

Въ «Бурмистрѣ», озадаченныя пріѣздомъ барина, бабы стали выносить изъ избы «всякую дрянь—пустые жбаны, одеревенѣлые тулупы, масляные горшки, люльку съ кучей тряпокъ и пестрымъ ребенкомъ».

Въ «Лебедяни»:

«Нашъ братъ охотникъ можетъ въ одно прекрасное утро выѣхать изъ своего болѣе или менѣе родоваго помѣстья съ намѣреніемъ вернуться на другой день вечеромъ и... достигнуть, наконецъ, благословенныхъ береговъ Печоры».

Немного далѣе, тамъ же:

«Послѣ обѣда, который я описывать не берусь (уже Эней зналъ, какъ непріятно припоминать минувшее горе), я отправился и т. д.».

Въ Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда: «На самомъ днѣ ея души (если только у души есть дно) таилась рана»...

Въ томъ же разсказѣ, острякъ Лупихинъ такъ язвитъ съѣхав-

---

[1]) Первое—въ разсказѣ «Контора»; второе—въ «Дневникѣ лишняго человѣка».

шуюся на обѣдъ провинціальную публику. Объ одномъ высокомъ мужчинѣ Лупихинъ говоритъ: «Онъ и самъ иногда остритъ, даромъ что проѣздомъ здѣсь живетъ». Немного далѣе онъ же даетъ такой отзывъ о штатскомъ генералѣ: «А вотъ генералъ идетъ — штатскій генералъ, раззоренный генералъ. У него дочь изъ свекловичнаго сахара и заводъ въ золотухѣ... Виноватъ, не такъ сказалъ?» Онъ же говоритъ объ архитекторѣ:

«...На что ему и знать свое дѣло-то?—лишь бы взятки бралъ, да колоннъ, столбовъ то-есть, побольше ставилъ для нашихъ столбовыхъ дворянъ»...

Въ «Рудинѣ» находимъ слѣдующее юмористическое замѣчаніе относительно русскихъ почтовыхъ станцій:

«Одинъ мой знакомый, много покатавшійся на своемъ вѣку по Россіи, сдѣлалъ замѣчаніе, что если въ станціонной комнатѣ на стѣнахъ висятъ картинки, изображающія сцены изъ Кавказскаго плѣнника или русскихъ генераловъ, то лошадей скоро достать можно; но если на картинахъ представлена жизнь извѣстнаго игрока Жоржа-де-Жермани, то путешественнику нечего надѣяться на быстрый отъѣздъ: успѣетъ онъ налюбоваться на закрученный кокъ, бѣлый раскидной жилетъ и чрезвычайно узкіе и короткіе панталоны игрока въ молодости (sic), на его изступленную физіономію, когда онъ, будучи уже старцемъ, убиваетъ, высоко взмахнувъ стуломъ, въ хижинѣ съ крутою крышею (sic), своего сына».

Въ «Отцахъ и дѣтяхъ» встрѣчаемъ вскользь брошенное упоминаніе о бестолковомъ губернаторѣ, который «не доѣдалъ и не допивалъ — все распоряжался. Его въ губерніи прозвали Бурдалу, намекая тѣмъ не на извѣстнаго французскаго проповѣдника, а на бурду».

Но, пора кончить! Наша маленькая замѣтка, вслѣдствіе обилія выписокъ, обратилась въ объемистую статью, въ заключеніе которой мы считаемъ своею обязанностью сдѣлать нѣкоторые выводы, не лишенные интереса для всѣхъ, кто дорожитъ серьёзной и сознательной критикой произведеній такого первокласснаго писателя, какъ Тургеневъ.

Прежде всего, настоятельно, даже назойливо напрашивается на разрѣшеніе вопросъ: неужели такой умный, такой талантливый, такой изящный писатель, такой европейски-образованный человѣкъ, какъ Тургеневъ—не сознавалъ своей полнѣйшей неспособности къ юмору? Не сознавалъ того, что всѣ юмористическія выходки и прикрасы — неумѣстны, безвкусны, лишены всякаго значенія по отношенію къ его прекраснымъ произведеніямъ?

На этотъ вопросъ мы можемъ съ полною увѣренностью отвѣтить: да, Тургеневъ не сознавалъ, не видѣлъ и не понималъ этого, и такому ослѣпленію его въ значительной степени способствовало

все его воспитаніе съ дѣтства, весь ходъ развитія его таланта. Европеецъ до конца ногтей и свѣтскій человѣкъ попреимуществу, Тургеневъ чрезвычайно дорожилъ отзывами о своей литературной дѣятельности и былъ къ нимъ чутокъ и воспріимчивъ до болѣзненности... Выступивъ на литературную сцену въ такой періодъ, когда натуральная школа, созданная Гоголемъ, овладѣла всей нашей литературой до крайняго излишества, Тургеневъ, по складу своему ничего не имѣвшій общаго съ нашимъ великимъ юмористомъ, болѣе всего опасался, однако же, того, чтобы современные ему критики не обвинили его въ сентиментальности, въ приверженности къ литературнымъ преданіямъ добраго стараго времени, когда наши авторы, не смущаясь, говорили о нѣжныхъ чувствахъ и наивно высказывали свою вѣру въ благородные инстинкты и стремленія человѣка. И вотъ именно, подъ вліяніемъ этого опасенія, Тургеневъ старался внести въ свои повѣсти и разсказы какъ можно болѣе «гоголевскаго» юмористическаго элемента, и къ очень многимъ изъ своихъ высокопоэтическихъ образовъ считалъ долгомъ совершенно искусственно приладить такой противовѣсъ, который ослабляетъ впечатлѣніе образа, и какъ будто служитъ извиненіемъ автору: «Не подумайте; молъ, пожалуйста, что я ужъ такой нѣжный, чувствительный, вѣрующій человѣкъ—я, напротивъ, большой матеріалистъ и даже скептикъ».

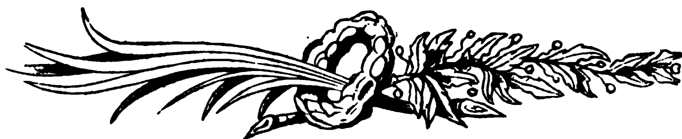
Свѣтскость Тургенева тутъ тоже играетъ роль, и даже весьма значительную: свѣтскимъ человѣкомъ и аристократомъ оставался онъ во всю жизнь и постоянно проявлялся въ своей дѣятельности, а потому и задавался желаніемъ разнообразить, пестрить, украшать свои разсказы элементомъ смѣшнаго, забавнаго—цвѣтами остроумія, блестками юмора. Пусть даже этотъ юморъ будетъ и не Богъ вѣсть какой высокой пробы—но лишь бы написанное не показалось скучно или однообразно. Tous les genres sont bons, excepté l'ennuyeux!

Если бы мы, слѣдуя намѣченному нами пути, пошли далѣе въ разборѣ той же юмористической стороны произведеній Тургенева, то намъ нетрудно было бы доказать, что тотъ же ложный взглядъ на юмористическій элементъ привелъ Тургенева въ дальнѣйшемъ его развитіи къ тому, что онъ сталъ вводить въ свои произведенія цѣлый рядъ ненужныхъ лицъ, представляющихъ собою только воплощеніе того же юмористическаго элемента, предназначенныхъ исключительно на то, чтобы повеселить, потѣшить читателя, и, въ концѣ концовъ, выродившихся въ совершенно уродливые, каррикатурные характеры въ родѣ Ситниковыхъ и Кукшиныхъ («Отцы и дѣти»), Суханчиковыхъ (въ «Дымѣ»), Уваръ Ивановичей (въ «Наканунѣ») или старичковъ-периклитовъ (въ «Нови»). Но это не входитъ въ предѣлы нашей небольшой задачи, и мы закончимъ нашу статью еще однимъ общимъ замѣчаніемъ.

Чрезвычайно любопытно то, что юмористическій элементъ, столь несвойственный Тургеневу, гораздо обильнѣе и рѣзче проявляется въ наиболѣе слабыхъ произведеніяхъ нашего любимаго писателя; чѣмъ цѣльнѣе создается его произведеніе, чѣмъ выше оказывается оно по своимъ литературнымъ достоинствамъ и по своему художественному значенію, тѣмъ менѣе проявляется въ немъ Ахиллесова пята Тургенева; и наоборотъ: чѣмъ слабѣе произведеніе Тургенева по своимъ достоинствамъ внѣшнимъ и внутреннимъ, чѣмъ менѣе въ немъ цѣльности и художественности, тѣмъ болѣе бросается въ глаза читателю желаніе автора быть забавнымъ, остроумнымъ—развязнымъ въ изложеніи своего произведенія. Не менѣе любопытно и то, что во всѣхъ проявленіяхъ своего юмора Тургеневъ какъ бы утрачиваетъ разомъ всю свою обычную литературную физіономію: онъ говоритъ какимъ-то особымъ, не свойственнымъ ему языкомъ, путается въ подборѣ словъ, изобрѣтаетъ невозможныя сопоставленія понятій, расплывается въ безконечныхъ вводныхъ предложеніяхъ, даетъ поясненія своего остроумія въ скобкахъ и т. п. Однимъ словомъ и языкъ, и слогъ, которымъ выражается юморъ Тургенева, яснѣе всего указываетъ на то, что «палица Геркулеса только Геркулесу по плечу».

Въ заключеніе всего, высказаннаго нами и отчасти во избѣжаніе нареканій, которыя наша замѣтка можетъ вызвать со стороны слѣпыхъ поклонниковъ Тургенева, мы, съ своей стороны, добавимъ только одно: жалки будутъ тѣ близорукіе люди, которые захотятъ видѣть въ нашемъ небольшомъ критическомъ очеркѣ попытку ослабить значеніе Тургенева, какъ писателя, или хоть сколько нибудь поколебать его вполнѣ заслуженную славу! Такимъ судьямъ, не въ оправданіе себя, а въ подтвержденіе правильности намѣченнаго нами критическаго пути, мы позволимъ себѣ напомнить, что только подробное и всестороннее изученіе пятенъ солнца привело астрономовъ къ ясному представленію о силѣ солнечнаго свѣта...

П. Полевой.



ВАСИЛІЙ ПЕТРОВИЧЪ ПЕТРОВЪ,

«карманный» стихотворецъ Екатерины II.

(1736—1799).

(По новымъ даннымъ).

УШКИНЪ начинаетъ свое шутливое посланіе графу Хвостову слѣдующими словами: —

«Султанъ ярится. Кровь Эллады
По камнямъ скачетъ и кипитъ»—

и внизу въ видѣ примѣчанія иронически прибавляетъ: «выраженіе нашего знаменитаго лирика В. П. Петрова». Это мало извѣстное имя принадлежало видному въ свое время дѣятелю екатерининской литературы. Онъ забытъ и забытъ, быть можетъ, не вполнѣ справедливо, хотя нельзя не сознаться, что невольная улыбка является при чтеніи стиховъ въ родѣ слѣдующихъ:

Смѣсившись съ кровью, Понтъ густѣетъ
И вержетъ на брега срацинъ,
Стамбулъ отъ страха цѣпенѣетъ,
Ярится въ злобѣ солнцевъ сынъ.

При этомъ русскіе разятъ турокъ, какъ

Бурный вѣтеръ, дохнувшій хладомъ,
Въ полетѣ гнусныхъ мухъ разитъ [1]).

Объ этомъ-то «лирикѣ» и намѣреваюсь я сообщить кое-какія новыя свѣдѣнія, не лишнія для характеристики второстепенныхъ дѣятелей блестящаго по внѣшности вѣка Екатерины [2]).

---

[1]) Ода на взятіе Хотина, 1769 года.

[2]) Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ собственноручныхъ неизданныхъ писемъ Петрова, мнѣ принадлежащихъ. За сообщеніе библіографическихъ указаній

Дѣтство и юность поэта были тяжелыми для него временами. Василій Петровичъ Петровъ родился въ Москвѣ, въ 1736 году. Фамилія отца его, бѣднаго священника, была Поспѣловъ, но дядя, для различія трехъ Васильевъ Поспѣловыхъ, велѣлъ имъ прозываться по фамиліямъ отцовъ, отчего и поэтъ нашъ получилъ фамилію Петрова. Отца нашъ поэтъ потерялъ въ раннемъ дѣтствѣ, мать тяжелою работою добывала хлѣбъ насущный. Жилъ онъ съ матерью и сестрою въ избенкѣ, и тутъ при одинокой свѣчѣ занимался самообученіемъ такъ усердно, что мать нарочно тушила свѣчу, чтобъ прекратить занятія сына. По смерти матери Петровъ отдалъ все имущество сестрѣ, выпросилъ себѣ старый войлокъ для постели и переселился въ Заиконоспасскій монастырь, въ помѣщавшуюся тамъ духовную академію. Занимался онъ хорошо, но, благодаря своей смѣлости и веселому нраву, нашелъ себѣ противника въ главномъ своемъ наставникѣ, кажется, префектѣ Константинѣ Бродскомъ (1749—1753). Префектъ, не обращая вниманіе на семнадцатилѣтній возростъ Петрова, жестоко его отпоролъ. Петровъ не выдержалъ и убѣжалъ изъ монастыря въ Петербургъ. Здѣсь онъ пріютился у какого-то родственника и изучалъ «творенія Виргилія и Гомера». Между тѣмъ, въ академію былъ назначенъ новый ректоръ. Петровъ воротился и, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, снова былъ принятъ. Зависть товарищей, между прочимъ, и будущаго митрополита Платона, изобрѣтателя единовѣрія, указывала на его бѣгство, какъ на ужасное преступленіе, но ректоръ держалъ его сторону. Петровъ шелъ отлично, особенно по риторикѣ и новымъ языкамъ, и благополучно кончилъ курсъ въ 1760 году. Въ слѣдующемъ году, онъ былъ опредѣленъ учителемъ синтаксимы, въ 1763 пoэзіи, въ 1767 риторики. Педагогическія обязанности Петрова сводились, впрочемъ, не на одну синтаксиму или риторику: учителя этихъ предметовъ, кромѣ экзерциціевъ по своей спеціальности, читали начала ариѳметики, Целляріеву географію, Голбергову университетскую исторію и пр. Еще во время своего студенчества, по словамъ М. А. Дмитріева [1]), Петровъ познакомился съ Г. А. Потемкинымъ, вѣроятно, въ бытность послѣдняго студентомъ Московскаго университета (до 1760 г.).

приношу благодарность уважаемому П. А. Ефремову и С. Н. Шубинскому. Главными источниками для нашей статьи послужили: біографія В. П., написанная его сыномъ въ «Соревнователѣ Просвѣщенія», 1818, I, «Собраніе сочиненій В. П.», Москва, 1811 г., въ 3-хъ частяхъ, и отдѣльныя изданія одъ и другихъ сочиненій, «Исторія литературы», Галахова и Греча, «Русское чтеніе» Глинки, ч. I, письма, напечатанныя въ «Русскомъ Архивѣ», въ 1866—1868 году, «Библіографическихъ Запискахъ», 1859, № 19, «Москвитянинѣ, 1841, № 6; отдѣльныя наброски и замѣтки Аѳанасьева, Плетнева, М. А. Дмитріева, кн. Вяземскаго, Хемницера, Новикова, Муравьева и мн. др. Письма, у насъ находящіяся, вошли въ эту статью цѣликомъ безъ всякихъ измѣненій.

[1]) «Мелочи изъ запаса моей памяти», 23—25, 120.

Въ свободное время нашъ писатель самостоятельно изучалъ еврейскій языкъ и классиковъ и, въ силу духовнаго регламента, приказывавшаго «дѣлать нѣкія акціи, диспуты, риторскія экзерциціи, что зѣло полезно къ наставленію и резолюціи, сіе есть честной смѣлости», — говорилъ по воскреснымъ днямъ проповѣди, между прочимъ, и противъ раскольниковъ. Проповѣди эти произносились публично въ ветхой церкви Заиконоспасскаго монастыря, гдѣ обыкновенно учитель пѣнія со своими учениками пѣлъ духовныя канты. Рѣчи Петрова, говорившаго величаво, при его видной наружности, имѣли большой успѣхъ. Учитель пѣнія интриговалъ противъ него, но ректоръ поддерживалъ Петрова и самъ приходилъ его слушать. Какая-то рѣчь ему такъ понравилась, что онъ просилъ у поэта ея списокъ, но оказалось, что всѣ рѣчи импровизировались на мѣстѣ.

Въ 1766 году, въ Москвѣ, по случаю коронаціи, была устроена карусель. Карусель состояла изъ четырехъ костюмированныхъ «кадрилій: славянской, римской, индійской и турецкой». Вотъ какъ описывается это торжество въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1766 года: «Кавалеры старались показать искусство и доспѣхъ свой ристаніемъ на конѣ, метаніемъ жавелотовъ и дѣйствіемъ прочихъ кавалерскихъ въ набѣгахъ военныхъ орудій съ необычайными адресами». При раздачѣ «прейсовъ» за грацію, «всѣ зрители вошли нечувствительно въ разборъ подробный прямыхъ дѣйствій, а потому и находили истинную пользу, которую симъ нечувствительнымъ образомъ премудрые государи вводятъ въ народахъ своихъ чрезъ посредство пріятности и увеселенія».

Князь Н. В. Репнинъ хотѣлъ, чтобъ это увеселеніе было «воспѣто, какъ слѣдуетъ». Н. Н. Бантышъ-Каменскій, бывшій товарищъ Петрова по академіи, пригласилъ Петрова: «Что ты, братко, все сидишь, а ничего не высиживаешь? Напиши-тко стихи на карусель, князь Репнинъ тебѣ за это будетъ благодаренъ». Петровъ написалъ оду въ 28 строфъ, по всѣмъ правиламъ піитики. Изъ этой оды, давно забытой, помнятся обыкновенно два стиха:

«Я слышу странной шумъ музыки:
То слухъ мой нѣжитъ и живитъ»

Ода, какъ и всѣ тогдашнія оды, льстива, напыщенна и скучна, но Екатеринѣ она понравилась. Она пожаловала Петрову золотую табакерку съ 200 червонныхъ и право носить шпагу. Еще важнѣе были слова императрицы: «я не забуду Петрова». Вѣроятно, дѣло не обошлось безъ вліянія Потемкина.

«Въ святилище добра я провожденъ тобой,
Питомецъ счастливый Минервы сталъ самой», —

говоритъ самъ Петровъ.

Впрочемъ біографъ, сынъ поэта, разсказываетъ иначе: камергеръ князь Потемкинъ прочелъ стихи, пожелалъ лично узнать сочинителя

и заказалъ оду на случай сочиненія проекта Новаго Уложенія (1767 г.). Петровъ, имѣвшій, по выраженію профессора А. Ѳ. Мерзлякова, «особое искусство хвалить», поднесъ эту оду императрицѣ. Стихи были напечатаны in 4°, на любской золотообрѣзной бумагѣ, и носили слѣдующее затѣйливое заглавіе: «Ода всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, самодержицѣ всероссійской, премудрой законодательницѣ, истинной отечества матери, которую во изъявленіе чувствительнѣйшія сыновъ россійскихъ радости и искреннѣйшаго благодаренія возбужденнаго въ сердцахъ ихъ всевожделѣннымъ манифестомъ, въ пятое лѣто благополучнаго ея величества государствованія изданнымъ, о избраніи депутатовъ къ сочиненію проекта Новаго Уложенія, приноситъ всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ В. П.». Поэтъ благодаритъ Екатерину за то, что она,

Щадя, какъ мать, своихъ людей,
Во основаніе закона
Любовь съ высоты шлетъ трона,
Любовно начинаетъ судъ,
Даруетъ своему народу
Писать, что чувствуютъ, свободу
Да сами облегчатъ свой трудъ?

Судьба коммиссіи Новаго Уложенія достаточно показываетъ, на сколько эти строфы оправдываются исторіей. Для нашего времени трудно перечитать эту оду изъ 28 строфъ, по 10 строкъ каждая, наполненную изысканною лестью. Впрочемъ, оды эти вызвали протесты противъ себя еще въ XVIII столѣтіи. Не говоря уже о «Каибѣ» Крылова (1792) и «Чужомъ толкѣ» Дмитріева (1795), приведемъ слова Княжнина изъ посланія къ Дашковой (1783):

Я вѣдаю, что дерзки оды,
Которы вышли ужъ изъ моды,
Весьма способны докучать:
Онѣ всегда Екатерину,
За рифмой безъ ума гонясь,
Уподобляли райску крину!

Нельзя не замѣтить въ послѣднихъ словахъ намека на Петрова, у котораго цвѣтутъ прекрасные крины, гдѣ блещутъ свѣтлые лучи Екатерины (Сочин. В. П., III, 339), оливы цвѣтутъ и благовонные крины, гдѣ скиптръ и тронъ Екатерины (III, 37), и Богъ насаждаетъ въ людяхъ крины законами Екатерины (I, 20) и пр. Пока дворъ былъ въ Москвѣ, Потемкинъ часто посѣщалъ Петрова и проводилъ цѣлыя ночи въ разговорахъ съ нимъ. Петровъ самъ упоминаетъ объ этомъ въ одной изъ посвященныхъ Потемкину одъ:

Ты пренья велъ со мной о промыслѣ и рокѣ,
О смерти, бытіи и цѣломъ міра токѣ!

Мать будущаго князя пеняла Петрову, что онъ совсѣмъ завладѣлъ ея сыномъ. Такъ было до отъѣзда двора въ Петербургъ. Петровъ снова остался одинъ. Имъ овладѣла мысль о путешествіи за границу. Знакомые купцы, дѣтямъ которыхъ онъ давалъ уроки, предложили ему по тысячѣ рублей для поѣздки. Онъ уже собрался ѣхать, какъ вдругъ митрополитъ объявилъ нашему поэту о вызовѣ его ко двору. Какъ онъ былъ принятъ, видно изъ его позднѣйшаго письма объ отставкѣ. «Я тотъ маленькій подданный»,—писалъ онъ:—«котораго монархиня за 30 лѣтъ предъ симъ взяла изъ убогой хижины и посадила подлѣ себя; какъ матерь, исправляя недостатки моего воспитанія, содѣлала меня удобнымъ къ служенію ея». Въ томъ же 1768 году, Петровъ былъ сдѣланъ переводчикомъ при кабинетѣ ея величества и исполнялъ должность чтеца при императрицѣ. Тогда же онъ началъ сотрудничать и въ журналахъ: «Ни то ни сіо», «Парнасскомъ Щепетильникѣ» и друг. Начались и журнальныя аттаки на нашего поэта. «Смѣсь», журналъ, несправедливо приписываемый Новикову, помѣстилъ у себя разборъ оды на карусель и, по тогдашнему обычаю, коснулся и самого автора. «Онъ (Петровъ) столько гордъ, что и разсудокъ презираетъ, ему нѣтъ до него нужды, а надобны только стопы и риѳмы, ибо въ его стихахъ музыки ревъ бодритъ и нѣжитъ духъ; въ предсердіи кипитъ кровь; герои всѣ локтьми сверкаютъ, челомъ махаютъ и духъ его героямъ плещетъ... превознесенный хвалами думаетъ о себѣ, что онъ превосходитъ Пиндара, затѣмъ что обучалъ риторикѣ не знаю въ какомъ монастырѣ и вытвердилъ наизустъ всего Виргилія... Нѣкоторый господинъ (Потемкинъ) пуще всего избаловалъ извѣстнаго намъ умника, сказавъ, что онъ больше имѣетъ способностей, нежели славный нашъ лирикъ (Ломоносовъ). По-моему, сходнѣе сказать, что муха равна со слономъ, нежели сравнять нескладныя и наудачу писанныя его сочиненія съ одами нашего славнаго стихотворца». Надо замѣтить, что въ это время, въ 1769 году, журналы вели самую отчаянную полемику между собою по вопросу о сатирической литературѣ, причемъ позволяли себѣ массу личныхъ намековъ—явленіе, какъ извѣстно прогрессивно идущее и въ наше время. Петровъ не остался въ долгу. У насъ сохранился черновой списокъ посланія его къ Екатеринѣ. Многія стихи изъ него вошли въ другія его произведенія (особенно въ посланіе къ Потемкину и къ N. N. изъ Лондона), но само оно до сихъ поръ было неизвѣстно.

Пріявъ, монархиня, писать къ тебѣ отвагу,
Я долго мыслилъ, чѣмъ наполнить мнѣ бумагу.
Духъ влекъ меня писать, но страхъ смущалъ вельми,
Что смѣлость безъ ума опасна предъ царьми!
Я многократъ перо брать въ руки покушался,
И многократъ въ словахъ и въ риѳмахъ я мѣшался—
Знать, болѣе служить не хочетъ мой Пегасъ,

Знать, музы шлютъ, вообразилъ, съ Парнасса мнѣ отказъ.
Вздохнулъ, какъ предъ меня богиня вдругъ предстала
И очи мысленны мнѣ свѣтомъ облистала;
Безхитростна краса въ лицѣ ея цвѣла,
Не знаю, Муза ль то, иль Грація была.
Воззрѣвши на меня, сколь помню я, умильно:
«Что риѳмы ты,—рекла,—влечешь въ стихи насильно?
Не вымыслъ, не восторгъ, любезна простота—
Прямая вашихъ есть сложеній красота.
Въ піитахъ мало сей поклонниковъ богинѣ,
Ты кличь ее всегда, пиша къ Екатеринѣ:
Я знаю нравъ ея, та мной воздоена
И тѣми жъ мыслями, какъ я, напоена!».
То рекши, божество невидимо вдругъ стало.
Въ восторгѣ, радостно мнѣ сердце трепетало:
Любимецъ я судебъ!—опомнясь, я сказалъ,—
Во свѣтѣ риѳмословъ толь щастливъ не бывалъ;
Я современныхъ честь, я зависть у потомства,
Что можетъ выше быть съ богинями знакомства?
Одна въ явленіяхъ мнѣ смыслъ толчетъ въ главу;
Другая деньги шлетъ и щедритъ на яву.
Благодарю небесъ, что я не ратоборецъ,
Не стряпчій, не судья, не пахарь, не князь, но—стихотворецъ;
Славнѣе нѣтъ сего и краше мастерства—
Не царска милость то, даръ щедра естества.
То вѣстно на Руси и вѣстно за морями—
Піитъ родится въ свѣтъ бесѣдовать съ царями;
И какъ, монархиня, я дѣло разсужу,
Я сходство близкое—въ насъ съ вами нахожу:
Всевышнему цари подобятся во многомъ—
Такъ, обща рѣчь гласитъ, піиты полны богомъ;
Народныхъ долженъ царь владѣтель быть сердецъ,
Не то же ль всякой есть, иль хочетъ быть пѣвецъ?
Велѣнію царей всѣ подданны послушны—
Намъ весь покоренъ свѣтъ словесный и бездушный.
Монархи межъ собой не рѣдко брань творятъ—
Военныхъ духомъ всѣ писатели горятъ;
Есть ратники межъ нихъ, и воинства ихъ тьмами!
Не въ давнѣ жарко былъ я встрѣченъ самъ умами:
На стихотворный я лишь выступилъ театръ,
Завылъ на воздухъ градъ литыхъ сатирой ядръ,
Трещали надо мной чинены бомбы лжами,
Рѣкою желчь лилась, густѣлъ эфиръ пыжами—
Казалось, меркнетъ свѣтъ отъ хмуренья и грозъ;
Тутъ былъ я отъ стиховъ, тамъ осажденъ отъ прозъ;
Соперники мои во браняхъ застарѣлы
Со всѣхъ сторонъ въ мой станъ спускали мѣтки стрѣлы;
Былъ каждый Аристархъ и каждый Боало;
Зналъ каждый, что сѣро, черно, бѣло, ало.

Напавъ на нѣкія въ стихахъ моихъ идеи,
Влекли ихъ въ узахъ въ плѣнъ, при звукѣ трубъ, злодѣи,
Чтобъ выманить меня молчанья изъ окопъ,
Куда они своихъ не заносили стопъ!
Я тяжесть сей дотоль выдерживалъ осады,
Пока противники надорвались съ надсады:
Военный, обветшавъ, издергался снарядъ,
Ихъ выстрѣлъ рѣдокъ былъ и больно тощъ зарядъ.
Отъ копоти мою освободивши лиру,
Склонились, наконецъ, къ торжественному миру.
Былъ сеймъ и въ той едва условились статьѣ—
Чтобъ въ морѣ риѳмъ моей былъ вольный ходъ ладьѣ;
Дѣлъ нашихъ дневники положены въ архивахъ,—
И вѣстна наша брань въ Америкѣ и въ Хивахъ.
По царству мирному молва, однако жъ, шла,
Глубока будто тутъ политика была;
Чтобъ я число чтецовъ имъ въ тягость не умножилъ,
Проклята зависть ихъ и сильной страхъ тревожилъ,
Чего для мнѣ во вредъ составили союзъ:
Взвели, что я пишу противъ хотѣнья музъ,
Мнѣ не далъ Аполлонъ ни жару, ни разсудка,
Не лира у меня орудіе, но дудка;
Но какъ, къ несчастью имъ, свѣтъ былъ не вовсе глухъ
И прю сію по мнѣ рѣшилъ немногихъ слухъ—
Сердцами распыхавъ, ударили тревогу
И неповинному брань объявили слогу;
Текли разбить его чело, крылѣ и тылъ,
Чтобъ жаръ писать стихи скорѣй во мнѣ простылъ!
Коль такъ, піиты суть—тѣ жъ власти остроумны,
Что для такихъ причинъ войны заводятъ шумны!
Въ послѣдокъ о царяхъ даютъ потомки судъ,
Ту жъ съ ними честь пѣвцы и жеребій несутъ:
Не всякой славу царь могъ въ вѣчность распростерти,—
Не всякой и піитъ былъ славенъ съ годъ по смерти;
Хоть въ жизни принималъ отъ многихъ плески рукъ,
Какъ царь привѣтства въ знакъ изъ многихъ пушекъ звукъ;
Хвалъ нашихъ въ жизнь труба, знакомыхъ намъ ватага
Реветъ, что мы уже безсмертія у прага,
Руками что уже касаемся верей!
Мы пишемъ; умерли—верстъ со сто отъ дверей!
Кто какъ ни умничай, то выдетъ напослѣдокъ:
Великій такъ піитъ, какъ царь великій рѣдокъ!

Такъ писать могъ только человѣкъ близкій къ Екатеринѣ, и дѣйствительно изъ слѣдующаго можно догадаться, что Петровъ былъ очень близокъ къ императрицѣ. Въ томъ же 1769 году, открылась первая турецкая война, доставившая случай удалить Потемкина отъ двора подъ видомъ почетнаго начальства надъ отдѣльнымъ корпусомъ; по другимъ источникамъ, онъ самъ уѣхалъ въ

армію волонтеромъ. Петровъ провожалъ его искренними стихами, а не тѣмъ торжественнымъ тономъ, «который ставитъ», по выраженію М. А. Дмитріева, «поэта передъ вельможей и полководцемъ на разстояніи восторга и славы».

Превыше чаяній вознесися, мой орелъ,
Ты въ поле изъ моихъ объятій полетѣлъ!

Потемкинъ уѣхалъ, но переписывался съ Екатериной чрезъ И. П. Елагина и нашего поэта. Императрица, взявшаяся впослѣдствіи сама за перо, вначалѣ давала чрезъ нихъ словесные отвѣты. Близость къ Потемкину видна и изъ слѣдующаго письма великолѣпнаго князя, находящагося въ нашихъ же бумагахъ:

«Другъ мой Василей Петровичъ!

«Третій дѣнь какъ всіо пишу и такъ усталъ что нѣтъ мочи къ тебѣ много писать, затѣмъ простижъ меня, да спасибо, ты и таво не пишешъ.

«вѣрный вашъ слуга
«Потемкинъ.

30 марта. Краіовъ.

(сбоку) «Кланяйся Василію Иличу, Алекс.: Ильичу (Бибиковымъ) Льву Александровичу (Нарышкину) и всемъ, кто меня любитъ, отчево шея у тебя не забалитъ потому, что ихъ немного».

(Адресъ: Государю моему Василію Петровичу Его Благородію Петрову).

Потемкинъ не забывалъ Петрова и въ матеріальномъ отношеніи. Доказательствомъ служитъ слѣдующее письмо нашего поэта, безцеремонно величающаго себя Гомеромъ, къ Потемкину.

«Милостивый Государь

«Вчера въ вечеру имѣлъ я щастіе получить отъ Васъ писаніе— не оцѣненный залогъ вашей къ наукамъ любви и покровительства. Та рука, коя Турковъ поразила, дружелюбными строками меня утѣшаетъ! Признаю Великаго Александра среди звука оружій и побѣдъ, помняща о Гомерѣ. Такъ въ образцѣ моемъ есть однооко́нчательный стихъ: умѣя поправлять строи солдатъ, — Вы оной поправьте. Переводъ сей больше будетъ вашъ, нежели мой. Вы дарите мнѣ домъ: Вы тѣмъ опять сходны съ Александромъ Великимъ. При разореніи Ѳивъ онъ велѣлъ пощадить домъ Пиндаровъ: вы мнѣ въ цвѣтущемъ, гдѣ я родился, городѣ, на превеселомъ мѣстѣ дарите собственный домъ вашъ. Въ томъ только разница, что я не Пиндаръ и что не могу васъ такъ воспѣть, какъ онъ Діагора, щасливаго борца, бойца и ристателя; не могу воспѣть Васъ, Турковъ перуна на земли и на морѣ и неслыханнаго градоборца. Но я недостатокъ Пиндарова пыла награждаю усердіемъ

къ Вамъ и какъ пчела около благовоннаго цвѣта жужжу, увиваясь около Васъ. За безсмертія лавръ почту я, ежели угожу хотя одной мыслію вашему просвѣщенію, и простотою слога гдѣ либо двигну вашу великую душу. Я послалъ къ вашей свѣтлости мою оду, и думаю, вы ее уже прочитать изволили. Теперь смѣю послать Вамъ бездѣлку, для забавы прочтите только начало и конецъ. Къ Государынѣ я не смѣлъ ее послать, какъ тово нестоющую. Она у меня напечатана давно, и ваша свѣтлость ее первые видите. Вашей свѣтлости милостиваго государя нижайшій слуга В. П.».

Восхваляя Потемкина, Петровъ восхвалялъ и его соперниковъ— Орлова, Румянцова и другихъ и имъ подносилъ свои долгія оды. Любопытно, что впослѣдствіи онъ не включилъ ихъ въ собраніе своихъ сочиненій (1781 г.). Такъ остались пропущены ода Г. Г. Орлову 1769 г. и письма ему же (1769 г.). Всѣ эти оды изображаютъ: колеблющееся море, ревущія волны, бурные вѣтры, сокрушеніе кораблей, страхъ плавателей, неприступныя горы, непроходимыя стремнины, поля, багрѣющія кровію, трескъ оружія, радостныя восклицанія, жалостный вопль, плескъ и рыданіе, разрушеніе городовъ, крикъ побѣдителей, стонъ побѣжденныхъ, свирѣпство и наглость воиновъ, робость и ярость плѣнныхъ или стремящіеся съ горъ источники, зеленѣющіе луга, пріятныя рощи, прохладную тѣнь, пѣніе птицъ, положеніе холмовъ и долинъ, шумъ ручьевъ, голосъ свирѣли, благоуханные крины и прочее, причемъ дѣйствующими лицами являются чуть ли не всѣ боги и богини густо населеннаго Олимпа. Конечно, эти оды увеличивали число покровителей нашего поэта, но, не смотря на эти успѣхи, Петрова тянуло за границу. Онъ постоянно надоѣдалъ своими просьбами императрицѣ, которая не хотѣла отпустить отъ себя умнаго и красиваго чтеца. Наконецъ, въ 1772 году, отправляя въ Англію Г. И. Силова, она отправила и Петрова, оставивъ ему его жалованье. Нѣкоторые полагаютъ, что Петровъ уѣхалъ въ угоду Потемкину, поступивъ, конечно, съ большимъ тактомъ, но врядъ ли это вѣрно. Свѣдѣнія о Г. И. Силовѣ, съ которымъ нашъ поэтъ близко сошелся и которому писалъ свои посланія, очень скудны. Изъ письма Силова, напечатаннаго въ «Библіографическихъ Запискахъ», т. I, стр. 329, мы узнаемъ, что онъ былъ сирота, пользовался покровительствомъ Екатерины и былъ посланъ въ Англію для изученія математики. Мы можемъ сообщить еще одно письмо Галактіона Ивановича къ императрицѣ, небезъинтересное для обрисовки тогдашнихъ понятій и для пополненія свѣдѣній о другѣ Василія Петровича.

«Читая Ваше всемилостивѣйшее письмо, какую радость долженъ вашъ щенокъ ощущать? Всякое слово въ ономъ являетъ Вашу милость и проницаетъ его благодарностью. Чувствуя ея ве-

ликость, съ прискорбіемъ плачу, что не вижу возможности заслужить оную. Чемъ долженъ я за оную воздать? наичувствительнѣйшою благодарностью и готовностью жертвовать Всемилостивѣйшей матерѣ (sic) моею живнію. Какая слава для варварскаго школьника, что Екатерина Великая, той же десницей, коей Она лишаетъ у Турковъ областей Крима и Чернаго Моря, снисходительствуетъ писать къ нему! Ваше Величество изволили слышать о моей женидьбѣ; сіе извѣстіе справедливо; я сочетался бракомъ; Ваше Величество теперь говорите: «смотри пожалуй, екой щенокъ»; но, по моему нещастію, супруга моя очень неугомонна и сильно ломаетъ мою голову; зовутъ ее математикой, и уповаю получить въ приданое Вашу похвалу, которая превосходнее для меня тысячныхъ годовыхъ доходовъ. Я не помышляю еще о прямой женидьбѣ, хотя уже и наставленъ правиламъ Вашего Величества о воспитаніи дѣтей, извѣдавъ ихъ своимъ собственнымъ опытомъ. Лишь только мой сынъ станетъ мучить муху, тогда я у него спрошу: «будетъ ли онъ доволенъ, ежели кто его такъ же будетъ теребить»? а между тѣмъ буду удивляться и обожать Ваше великое милосердіе даже до скотовъ. Хотя Ваше Величество, я и не выросъ съ гранодера, однако всегда буду съ ними въ переди; духъ мой, восхищенный благодарностію, устремитъ меня всегда перваго къ пролитію крови за Ваше Величество. Наполненъ симъ желаніемъ, приготовляю потому себя къ военной службѣ. Искренно желаю Вашему Величеству благополучное путешествіе въ Москву: тамъ всѣ съ возхищеніемъ падутъ къ ногамъ Вашимъ, въ томъ числѣ и мои варварскіе братья; Всемилостивѣйшая Государыня, воззрите на нихъ матерними глазами; они теперь сироты, можетъ статься, когда возрастутъ, будутъ защита Государства. Еще осмѣливаюсь одобрить нашего здѣшняго священника, которому я имѣю великія обязательства, и которой своею добродетѣлью и ревностію къ Россіи всеми любимъ и почитаемъ; и ежели бы я имѣлъ то приданое, кое Ваше Величество изволили упоминать въ Вашемъ и для меня предорогомъ письмѣ, то бы вѣрно половину онаго ему далъ; понеже онъ очень мало жалованье получаетъ, имѣвши великую семью. Поручая» и проч.

Едва ли Силовъ не происходилъ изъ простолюдиновъ. Въ посланіи къ нему Петровъ, указывая на тщету гордости, говоритъ, обращаясь къ дворянину

Иль мнишь — за душу паръ вложенъ въ простолюдина,
Во мѣсто крови деготь и въ мѣсто сердца льдина?

Впрочемъ, эти взгляды не мѣшали Петрову сѣчь своихъ крестьянъ.

Петровъ скоро изучилъ англійскій языкъ и близко сошелся съ многими знатными англичанами, которые за его наружность называли его «вывѣской здоровья», хотя самъ Петровъ постоянно жаловался на свои недуги. Въ Англіи онъ переводилъ «Потерянный

рай» Мильтона, «О должностяхъ» Томаса, изучалъ Аддисона и писалъ оды. Англійское вліяніе сильно отразилось на нашемъ поэтѣ. М. Н. Муравьевъ, полузабытый писатель прошлаго вѣка, такъ говоритъ о нашемъ поэтѣ: «В. П. Петровъ, сколько я знаю, не говоритъ никогда о стихахъ, но можно ль, дѣлая ихъ такое множество выразительныхъ и мастерскихъ, объ нихъ не мыслить? Труднѣе гораздо имѣть къ нему доступъ, чѣмъ къ двумъ первымъ (Хераскову и Майкову). Онъ учтивъ по благопристойности, но сердце его хотѣло бы имѣть свободу сказать: я не хочу съ вами знаться. Разговоръ его свободенъ безъ разборчивости. Кажется, что онъ жертвуетъ разуму чувствительностью. Лѣтъ 12 назадъ толковалъ онъ катехизисъ; нынѣ, кажется, онъ способнѣе толковать Лукреція. Это тотъ изъ нашихъ стихотворцевъ, который знаетъ наибольшее число языковъ, ибо онъ читаетъ въ подлинникахъ Гомера, Виргилія, Мильтона, Вольтера, безъ сомнѣнія, Тасса и, помнится мнѣ, Клопштока. Во время пребыванія его въ московской академіи училъ онъ еврейскому языку. Замѣтно по его образу мыслить и чувствовать, что онъ жилъ въ Англіи». Въ Лондонѣ написаны Петровымъ его лучшія сатирическія вещи. Сатирическій талантъ, хотя и не особенно глубокій, и составляетъ наиболѣе интересную сторону произведеній Петрова. Высокопарный лиризмъ и рѣзкая сатира какъ-то совмѣщались въ писателяхъ прошлаго вѣка. Тотъ же самый писатель, который писалъ оды на облицовку набережной, фейерверкъ, спускъ корабля, восхвалялъ мызу Лагово и карася гатчинскаго пруда,—тотъ же писатель такъ выражался о равенствѣ людей:

Какая въ обществѣ не выпала намъ доля,
Нашъ разумъ съ прочими равняетъ насъ и воля...
Такъ подданны, цари, рабы и исполины
Первоначально всѣ сотворены изъ глины.

Человѣкъ, возносившій въ трескучихъ строфахъ придворныхъ фаворитовъ, въ то же время пишетъ:

Таковъ сей свѣтъ: герой чуть дышетъ въ лазаретѣ.
А трутень за стекломъ кобенится въ каретѣ...
Коль сила есть, хоть глупъ, наймися въ батраки
И при большихъ мѣстахъ есть люди дураки.
Въ тѣ, кои строгая премудрость пишетъ святцы,
Хоть въ лентахъ и звѣздахъ — не входятъ тунеядцы!

Но все это только блестящая внѣшность, фразы, либеральная комильфотность, при полной внутренней несостоятельности. Это отличительное явленіе вѣка сѣверной Семирамиды, умѣвшей писать наказы и раздаривать тысячи крестьянъ любимцамъ, переписываться съ Вольтеромъ и заточать Новикова и Радищева.

Между тѣмъ литературные враги Петрова не дремали. Въ 1772 году, вышелъ въ Петербургѣ опытъ историческаго словаря о рус-

скихъ писателяхъ Новикова, гдѣ о Петровѣ находится слѣдующій отзывъ: «Его стихи нѣкоторыми много похваляются... вообще онъ напрягается идти по слѣдамъ россійскаго лирика и хотя нѣкоторые и называютъ его уже вторымъ Ломоносовымъ, но для сего сравненія надлежитъ ожидать важнаго какого нибудь сочиненія и послѣ того заключительно сказать, будетъ ли онъ вторый Ломоносовъ, или останется только Петровымъ и будетъ имѣть честь слыть подражателемъ Ломоносова». Петровъ не остался въ долгу: въ своемъ посланіи къ (императрицѣ?) изъ Лондона, онъ, между прочимъ, говоритъ про словарь:

Въ немъ монастырскіе запечны лежебоки
Пожалованы всѣ въ искусники глубоки:
Такой-то въ эдакомъ писатель жилъ году —
Ни строчки на своемъ не издалъ онъ роду!
Сей надпись начерталъ, а этотъ патерикъ,
Въ томъ разума былъ пудъ, а въ этомъ четверикъ.
Словарникъ знаетъ все, въ комъ умъ глубокъ, въ комъ мелокъ,
Разсудковъ и добротъ онъ вѣрный есть оселокъ.
Кто съ нимъ ватажился, былъ другъ ему и братъ,
Во святцахъ тотъ его не меньше какъ Сократъ!
О други, что своимъ дивитеся работамъ —
Сію вы памятцу читайте по субботамъ!

Надо думать, что въ тогдашней литературѣ понимали положеніе Петрова, не смотря на обширную «льстивость» ложно-классическаго періода.

Въ 1774 году, Петровъ вновь «распалился пермесскимъ огнемъ». «Припомня,—говоритъ онъ въ письмѣ къ Екатеринѣ,—что имѣлъ честь нѣкогда слыть карманнымъ Вашего Величества стихотворцемъ, за долгъ почелъ поздравить В. В. одою... но отложилъ предпріятіе до другаго времени, довольствуясь на сей случай похвалить избраннаго вашей славы сосуда Румянцева». Восхваленіе совершено въ 800 стихахъ, въ которыхъ поэтъ «осаждаетъ турковъ въ разныхъ городахъ однимъ пріемомъ»; что это за осада, можно видѣть изъ слѣдующаго.

Визиря извѣщаютъ о возмущеніи черни вслѣдствіе голода такими стихами:

Голодну чернь держать въ порядкѣ невозможно —
Прости пшено и кофь, жаркое и пирожно!
Обѣими ушьми визирь внявъ вѣсть сію,
«Скорѣй, сказалъ, скорѣй перо и хартію».
Съ приборомъ тутъ бахчи изъ всей метнулся силы
И пролилъ въ торопяхъ на визиря чернилы.

Такой страхъ нагнали русскіе герои, что визирь, макая перо въ чернильницу,—«восемь разъ въ нее отъ страха не попалъ». Въ другой одѣ описаны и сами герои:

«Любимовъ тамъ, Толстовъ, тамъ жаждущій трофеевъ
Кольбакинъ, Робиндеръ и храбрый Аплечеевъ
Бросаются въ огни, перескакиваютъ рвы;
Гагаринъ, Аршеневскъ тамъ мечутся какъ львы.

«Я хвалилъ Румянцева,—продолжаетъ Петровъ,—какъ вдругъ среди теченія многихъ мыслей посланникъ нашъ объявилъ намъ В. В. повелѣніе ѣхать намъ обратно въ Россію. Благоволите В. В. дать мнѣ дозволеніе держать руку мою съ перомъ къ столу пригвожденну, пока я дѣло не окончу». Тогда же и Силовъ писалъ къ императрицѣ, прося ее позволить ѣхать имъ чрезъ Францію. Въ своемъ письмѣ онъ говоритъ о Петровѣ, какъ о человѣкѣ, «ободряющемъ къ ученію своимъ примѣромъ». Отвѣта не знаемъ, но Петровъ отправился изъ Англіи вмѣстѣ съ «дюшессою» Кингстонскою во Францію, а оттуда чрезъ Италію и Германію въ Россію, куда и прибылъ въ томъ же 1774 году «изъ дальняго похода не раненъ и не браненъ». Тотчасъ же написалъ онъ оду по случаю Кучукъ-Кайнарджійскаго мира и препроводилъ ее къ Екатеринѣ съ слѣдующимъ письмомъ:

«Всемилостивѣйшая Государыня!

«Слабость здоровья помѣшала мнѣ поздравить Ваше Величество благовременно (съ) миромъ. Но я позднее сочиненіе сопровождая раннимъ усердіемъ, льщусь, что ваше императорское величество удостоите воззрѣть на строки,—искреннюю жертву души, вашими побѣдами восторгаемой, ваши добродѣтели обожающей В. И. В.

«Всемилостивѣйшей Государыни
«всеподданнѣйшій Петровъ».

Императрица назначила его своимъ библіотекаремъ съ жалованьемъ въ 1,200 рублей и даже хотѣла сдѣлать его докладчикомъ, но Петровъ отказался, ссылаясь на научныя занятія. Въ это время онъ захворалъ, императрица тотчасъ прислала ему своихъ медиковъ. Собрался консиліумъ, и одинъ врачъ объявилъ, что положеніе Петрова безнадежно; какъ только услышалъ онъ такую рѣчь, тотчасъ велѣлъ везти себя въ Москву. Здѣсь онъ выздоровѣлъ и чрезъ два мѣсяца вернулся въ Петербургъ.

Къ этому времени относится особенное сближеніе его съ Потемкинымъ. Съ нимъ Петровъ читалъ Гомера:

Читать пѣвца Троянской брани
Былъ, пишутъ, Александра вкусъ,
Какъ сотъ—Потемкина гортани
Пріятенъ стихъ любимца музъ! [1])

[1]) Вотъ ненапечатанное очень любопытное письмо Потемкина, свидѣтель-

Но Потемкинъ не брезговалъ и родньмъ языкомъ:

Въ ослабу утверженья духа
И средь пріятнѣйшихъ музыкъ,
Онъ судитъ тонкостію слуха,
Чѣмъ сладокъ нашъ родной языкъ!

Потемкинъ и самъ былъ литераторомъ: еще въ университетѣ отличался онъ своими колкими эпиграммами и даже сочинилъ трагедію [1]. «Люди—все, а деньги—соръ»,—говорилъ Потемкинъ и дѣйствительно сношенія его съ Петровымъ были чисто дружескія. Потемкинъ не разъ звалъ Петрова къ себѣ (въ Царское?), Петровъ благодарилъ его и отказывался отъ поѣздокъ по болѣзни. «Желаю, чтобъ ангелъ, который васъ хранитъ, напоминалъ вамъ о томъ человѣкѣ, которово вы нѣкогда столь много любили, и,—я боюсь сумнѣваться,—любите»,—пишетъ онъ свѣтлѣйшему («Москвитянинъ», 1841, I). О близости Петрова къ Потемкину можно судить по слѣдующему шутливому письму, написанному въ видѣ челобитной:

«1776 года 4 іюня. Спб.

«1) В. Петровъ жалуется Ево Свѣтлости Генеральсъ-Адъютанту господину Ефимовичу на курьера, которой разбудилъ ево въ третьемъ

ствующее, что онъ зналъ греческій языкъ и не былъ чуждъ мысли Аѳинамъ возвратить Аѳину, градъ Константиновъ Константину:

«Сіятельнѣйшій Графъ!

«Милостивый Государь.

«Почтеннѣйшее Вашего Сіятельства письмо имѣлъ честь получить. О племянникѣ госп.: Ступишина еще Васъ осмѣливаюся утруждать. Пришли ко мнѣ чебаны, бывшіе съ скотомъ въ Царѣградѣ, какія же вѣсти принесли, при семъ прилагаю. Милости и любовь ваша ко мнѣ обязываютъ меня отъ чистаго сердца желать вамъ всякаго блага, а обстоятельства неумѣренныя мои желанія учиняютъ возможными. Естли сіе правда что графъ Алексѣй Григорьевичъ разбилъ паки турѣцкой флотъ у Ема. Онъ блиско Царяграда. Многіе пророчества уже збылись: дай Боже видить исполненіе и сихъ словъ:

καὶ φωνή βοήσει τρῖτον στῆτε, στῆτε μετα φόβης σπέυσατε πολλὰ σπουδάιως εἰς τά δεξιά τά μέρη. ἄνδρα εἰύρητε γενναῖον θαρμαστόν καὶ ῥωμελαιον τοῦτον ἕξετε δεσπότην καὶ αὐτου παραλαβόντες θέλημα εμόυ πληρεῖτε. Богъ вамъ дастъ всіо, а я только могу себя препоручить въ вашу волю и милость и сіе правда неоспоримая, такъ какъ и то что чистосердечно

«вашего сіятельства
«милостиваго государя
«покорнѣйшій слуга
«Г.: Потемкинъ».

30 марта
Краіовъ.

(Внизу другой рукой — переводъ).

(И) гласъ возопіетъ третицею: станьте, станьте со страхомъ, поспѣшите вельми тщательно въ десную страну. Обрящете мужа благородна, чудна и крѣпка. Сего будете имѣть владыку. И сего пріявше волю (м)ою исполняйте.

[1]) Глинка, «Русское чтеніе», I, 79.

часу по полуночи, послѣ которой пробуды онъ не могъ заснуть, и здѣлался не въ состояніи ѣхать къ Его Свѣтлости. Будучи слабъ здоровьемъ, и по причинѣ задумчивости, подверженъ частой безсонницѣ, онъ почитаетъ драгоцѣнными тѣ минуты, въ которыя ему случится забыть себя и всѣ суеты сего міра. Какое жь нещастіе когда и тѣхъ ево лишаютъ?

«2) Ежели больше собственная, какъ г. Ефимовичъ пишетъ, В. Петрова нужда требуетъ ево присудствія въ Царскомъ Селѣ, ето мала причина тронуть ево съ мѣста. Онъ бросаетъ себя за нометъ и скоро такъ всѣ укорòтитъ нужды, что ему до свѣта вовсе дѣла не будетъ, а свѣту до нево. Онъ забьется въ такую часть свѣта, гдѣ ево ни какія курьеры не токмо разбудить, но и найти не могутъ.

«3) Что до нужды Его Свѣтлости, В. Петровъ крайнѣ сожалѣетъ, что онъ не снабдѣнъ крылами. Онъ неоднократно покушался садится въ кареты, но за трясеньемъ оныхъ назадъ возвращался. Павла Сергѣнча (Потемкина?) корета, которая ево толь часто въ Царское Село возила, къ великому нещастію изломалась. Отъ придворнаго екипажу, которой ево таскалъ по Пбургу, онъ отказался, изъ усердія къ своему брюху и кишкамъ. Купить корету не дозволяетъ мошна. Онъ ходитъ пѣшкомъ, пока ноги носятъ, и есть ли г. Ефимовичъ даетъ ему знать, что ево присудство въ Царское Село по причинѣ нужды Ево Свѣтлости необходимо, то онъ завтре по утру, отстоявъ заутреню, пойдетъ туда пѣшкомъ, взявъ корку хлѣба въ карманъ, чтобъ не отощать на дорогѣ, и, подпираясь клюкою, докажетъ, что онъ изъ дружбы радъ пѣшешествовать (на) край свѣта. Василій Петровъ проситъ нижайше г. Ефимовича донести о всемъ вышеписанномъ Ево свѣтлости и имѣетъ честь быть ево усерднѣйшимъ слугою».

(Ивану Николаевичу Еѳимовичу).

Видимо, Петровъ пользовался большими связями при дворѣ. Въ одномъ письмѣ Ив. Ив. Комовъ [1]), воспитанникъ московской духовной академіи, просилъ (изъ Лондона) Петрова похлопотать о протоіереѣ Самборскомъ.

Въ другомъ письмѣ (съ ошибочной датой 1760 г. вм. 1780 г.) нѣкто Леванидовъ проситъ доставить мѣсто вице-губернатора А. Ѳ. Шапкину и чрезъ то «дать чувствовать правдѣ, что она не совсѣмъ удалена въ сей просвѣщенной вѣкъ».

Въ 1780 году, Петровъ, вслѣдствіе болѣзненныхъ припадковъ, вышелъ въ отставку, сохранивъ жалованье въ видѣ пенсіи [2]). Съ

[1]) Ив. Ив. Комовъ († 1790 г., въ Москвѣ) въ 1776 году отправленъ для изученія земледѣлія въ Англію. Послѣ былъ профессоромъ земледѣлія въ Москвѣ и издалъ двѣ книги о земледѣліи (Плавильщиковъ, № 783 и 784).

[2]) Н. П. Барсуковъ. Дневникъ Храповицкаго, 308.

тѣхъ поръ Петровъ поселился въ своей деревнѣ, на берегу р. Чернавы въ Орловской губерніи. Ежегодно зимой онъ ѣздилъ въ Москву и занимался въ библіотекѣ Заиконоспасскаго монастыря. Въ деревнѣ онъ велъ тяжбы съ сосѣдями (Ростопчинымъ и Шереметевымъ), слѣдилъ за сельскимъ хозяйствомъ, выписывалъ инструменты изъ Англіи, училъ крестьянскихъ ребятъ и воспитывалъ своихъ дѣтей, угощая ихъ за проступки лозою, которую называлъ «расплатою».

Вотъ письмо, относящееся къ этому періоду и заключающее въ себѣ кое-какія бытовыя черты изъ жизни русскаго средняго дворянина конца XVIII вѣка:

«Разставшись съ вами, мои милыя, перьвую ночь ночевали мы въ Молоцахъ, вторую въ Липицахъ за Серьпуховымъ, третью въ Тулѣ, четвертую въ Богородскѣ, пятую въ Ефремовѣ, шестую дома, на нашемъ миломъ пепелищѣ. Такъ-то скоро меня Чигиревцы мчали, за то я ужь дома и поподчивалъ. Въ дорогѣ, слава Богу, мы оба были здоровы. Петруши, кажется, получшало. Вася чтобъ не забывалъ писать. Егорка долженъ его учить и тѣмъ платить мнѣ благодарность. Наняли ль вы учителя? Старикъ, кажется, хорошъ былъ. Охъ, время упускать не должно: оно дорого. Домъ я приготовлю. Я еще никово не высѣкъ; а многихъ пересѣчь надобно, поберегу до васъ.

«Что книги въ Питерѣ; идутъ ли на ладъ? Что ближе къ смерти, то больше читать хочется: было бъ съ чѣмъ на тотъ свѣтъ явиться — съ добрыми, дескать, дѣлами. Ну такъ мы, занявшись книгами, худова дѣлать не будемъ — и то выгода. Корета наша въ едакую погоду неоцѣненна: мы какъ куры въ кромнѣ въ ней были теплехоньки: ни вино, ни селцерская вода не замерзли. Намъ очень хорошо, только одно худо, что васъ съ нами нѣтъ. Да коли достало въ насъ великодушія на столько времени разстаться, быть терпѣть. Телята вамъ Кристинины кланяются, ихъ очень много, и они въ избенкѣ не вмѣщаются. Полна ими и ее хата — въ добрый часъ молвить, очень приплодны: есть что кушать. Телятина ваша жареная съ нами въ Троицкое въѣхала и теперь нашъ столъ украшаетъ; еще больше половины осталось, развѣ за нѣсколько дней передъ вашимъ пріѣздомъ вся истратится: а теперь, право, здравствуетъ и вамъ кланяется. Послали къ вамъ съ сто яицъ; вотъ все что нанесли троицкіе куры: еще холодно, а за ними извощикамъ не стоять стать. Не погнѣвайтесь, что я къ вамъ чрезъ почту письма не посылаю: оно къ вамъ не скорѣе бы пришло етово, а писать тоже все; здоровъ ли Николинька, куколка моя, Лизанька, рѣзвая мошка, и Соня? Егорка со мной не простился, какъ зломышленной воръ ушолъ въ буфетъ и выглядывалъ оттуду изъ подлобья, думая — я ево позову и остановлюсь здѣлать съ нимъ торжественное разставанье. Мнѣ не предвидится пути въ етомъ парнѣ,

и горе ему, когда отпадетъ отъ него мое сердце. Не дай сего, Боже! Но ежели онъ екой проступокъ передо мной здѣлаетъ, будучи годкомъ или двумя постарѣ—actum est (=кончено). Сколько я ласковъ, пока они молоды, столько строгъ и взыскателенъ, когда выростать станутъ. Бѣда раздражить меня: наихуждшія слѣдствія для непокоривцовъ выдутъ; увидите со временемъ, какъ я мои милости распредѣлять имъ буду. Не всякій пришедъ, да и хапъ! Невѣжа очень далеко станетъ. Теперь они мнѣ всѣ равны. Но для ково я употребилъ старанія больше, съ тово и взыщется больше. Новостей я отъ васъ жду: вить вы писать ихъ умѣете. Впрочемъ, коечѣмъ буду доволенъ, важное побережемъ до свиданья. Бумаги осталось, писать не смогу. Поручая васъ святой Божьей волѣ, пребываю вашъ весь Петровъ».

Но и среди деревенской жизни нервные припадки усиливались. Задумываясь надъ своими сочиненіями, онъ ничего не видѣлъ, и по три дня (?) расхаживалъ по комнатѣ. Сочиняя что либо печальное, онъ плакалъ и обратно при веселомъ самъ хохоталъ. Не смотря на нездоровье, въ 1781 — 1786 годахъ, онъ издалъ въ свѣтъ переводъ Энеиды Виргилія александрійскими стихами и посвятилъ его великому князю Павлу Петровичу. Первая пѣснь была переведена еще въ 1770 году по предложенію самой императрицы. Екатерина и сама принимала участія въ этомъ переводѣ. Петровъ писалъ императрицѣ при посылкѣ своего перевода:

Водрившая меня въ теченіи Минерва
О поприщѣ конца должна ты знати перва...
Верховный судія Россіи и владыка,
Снисходишь судіей ты быти и языка,
И рѣчію славянъ, коль видѣнъ въ слогѣ духъ,
Не оскорбляется разсудливый твой слухъ:
Ты матерскія мнѣ съ пріятностью улыбки
Казала нѣкогда въ строкахъ моихъ ошибки.

Россійская академія, избравшая Василія Петровича по предложенію княгини Дашковой въ свои члены въ 1783 году [1]), дала устами своего вице-президента Домашнева такой отзывъ о переводѣ Энеиды (собственно первой пѣсни, такъ какъ отзывъ написанъ въ 1779 году): «Виргилій нашелъ въ господинѣ совѣтникѣ Петровѣ страшнаго соперника, и красоты сего избраннѣйшаго римскаго стихотворца сдѣлались нашимъ стяжаніемъ посредствомъ прекраснаго сего преложенія; желательно, чтобъ и образецъ Виргиліевъ (т. е. Гомеръ) былъ подаренъ россійскимъ письменамъ симъ выразительнымъ прелагателемъ и чтобъ онъ въ семъ случаѣ склонился на общее желаніе, коего одинъ знаменитѣйшій наукъ покровитель есть пбужденіемъ своимъ въ ономъ ему истолкователемъ» [2]). Какъ

---

[1]) М. И. Сухомлиновъ, «Исторія росс. академіи», I, 17 и VII, 39.

[2]) Матеріалы, изд. П. А. Ефремовымъ, 197.

самоувѣренно смотрѣлъ самъ Петровъ на свой трудъ, видно изъ его отвѣта на предложеніе Академіи принять участіе въ составленіи словаря: «Кто знаетъ, можетъ быть, сочинять словарь многіе умѣютъ, а перевесть Виргилія стихами, съ нѣкоторою исправностью, я одинъ удобенъ». И. И. Хемницеръ [1]) выразился иначе: «Переводъ стиховъ въ стихи есть то же самое какъ бы подлинникъ совершенной уже картины возвратить въ брульйонъ, да и то не въ точный — смотри Энеиду несноснаго педанта Петрова». Радищевъ назвалъ переводъ «древнимъ треухомъ, надѣтымъ на Виргилія Ломоносовскимъ покроемъ» [2]). В. И. Майковъ, авторъ шутливой и нѣсколько скабрезной поэмы «Елисей или раздраженный Вакхъ», привѣтствовалъ переводъ Энеиды эпиграммой:

«Сколь сила велика Россійскаго языка! —
Петровъ лишь захотѣлъ — Виргилій сталъ заика!

Петровъ, который и на самомъ дѣлѣ заикался, такъ отозвался о Майковѣ:

«Что ты гласишь, пѣвецъ, парнасской полонъ спѣси,
Кричишь такъ, пьянаго во образѣ Елеси?
Ты за нескладную пяти страницъ работу
Желаешь, чтобъ тебѣ поставили кіоту?
Нѣтъ! эта пѣсня, другъ, чрезмѣрно далеко!

Классики какъ-то не прививались на Руси, и переводъ Петрова, какъ и многочисленные переводы (преимущественно Новиковскихъ изданій) екатериненскаго времени другихъ классиковъ, забытъ и уже во времена Сопикова (№ 2,506) составлялъ библіографическую рѣдкость. Переводъ близокъ къ подлиннику, но языкъ его чрезвычайно дикій съ славянизмами, оборотами и словами собственнаго изобрѣтенія, въ родѣ: «въ немъ сопреди исторженный отъ пламъ ушлецъ несетъ заблудительные стоны и отрыгиваетъ словеса, мочь, несмотря на предзнаки, въ безпечьи рѣется впередъ чтобы умреть, а разумъ врозь растекся». Недаромъ митрополитъ Евгеній замѣтилъ, что «Петровъ оглядывался на Тредьяковскаго и не брезговалъ иногда самовымышляемыми выраженіями, на него похожими». Оды писались прежнимъ порядкомъ. Разъ онъ только разразился мадригаломъ какой-то актрисѣ. Заключительныя строчки его помнятся доселѣ:

Три граціи считалось въ древнемъ мірѣ;
Родились вы — и стало ихъ четыре!

А. Ѳ. Малиновскій разсказывалъ, что «Петровъ писалъ оды, ходя по Кремлю, для чего за нимъ носилъ кто-то чернильницу и бумагу. При видѣ Кремля онъ наполнялся восторгомъ, останавливался и писалъ».

---

[1]) Сочиненія, изд. Грота, 367.
[2]) Путешествіе изъ Спб. въ Москву, Тверь.

Въ 1788 году, Густавъ III, король шведскій, Донъ-Кихотъ своего времени, началъ войну съ Россіей, придравшись къ ссорѣ изъ-за моста на пограничной рѣкѣ Кюмени. При о. Гохландѣ, 6 іюля 1788 года, шведы были разбиты русскими, и Густавъ поспѣшилъ заключить перемиріе. Война, впрочемъ, продолжалась до 1790 года.

Екатерина написала на подвиги Густава комическую оперу «Горе-богатырь», а Петровъ сатиру — «Приключенія Густава III». Въ виду рѣдкости этой сатиры (даже въ перепечаткѣ П. А. Ефремова), мы сообщимъ вкратцѣ ея содержаніе. Поэтъ доказываетъ, что для шведовъ

Тщетны всѣ труды:
Густаву въ дракѣ носъ разбили до руды (крови).

Разбитому на морѣ Густаву является тѣнь Карла XII и спрашиваетъ:

Какой на морѣ звукъ
Надѣлалъ ты, мой внукъ,
Ажно я въ гробѣ пробудился?

Густавъ отвѣчаетъ, что онъ воюетъ за-одно съ турками:

Веру ихъ къ сердцу честь...
Палилъ за тѣмъ, что порохъ есть.
Какъ я къ тебѣ приближенъ,
Великій дѣдъ, родствомъ, —
Хочу быть близокъ удальствомъ;
Затѣмъ-то я, взгляни, по твоему остриженъ!

Карлъ

Неволей усмѣхнулся,
Подумавши, никакъ ума Густавъ рехнулся,

и отвѣчалъ:

Я вижу — ты себя подѣдовски остригъ,
Да волосовъ въ царѣ важна ли, внучекъ, стрижка,
Когда чрезъ то добротъ въ душѣ твоей нѣтъ лишка?
Все въ мѣру твоего ты дѣда не достигъ!

Густавъ, обидѣвшись, напоминаетъ дѣду Полтавскую битву:

Когда, навѣкъ разставшись съ славой,
Изъ боевой стѣны
Ты первый на утекъ всѣмъ макомъ побѣжалъ
И чуть штаны
На мѣстѣ, гдѣ сидѣть имъ должно, удержалъ!
Дѣдъ три раза кулакомъ на внука замахнулся,
Три раза отъ него внукъ съ нуждой увернулся.

оканчиваетъ поэму грознымъ предсказаньемъ:

Карлъ: Въ послѣдокъ довершить несчастье
И съ ногъ до головы чтобъ въ студъ тебя облечь,
Судьба изъ рукъ твоихъ исторгнетъ самовластье,
Служившее тебѣ, какъ бѣшеному, мечь.
Представь, что будешь ты тогда,

Когда
Златая вольность вновь возникнетъ
И весь народъ ура! ей въ радости воскликнетъ,
Кляня тиранскихъ вслухъ насиліе когтей?
Итакъ ты былъ великъ не слишкомъ,
Военныхъ послѣ бѣдъ,
Презрѣннымъ будешь ты въ Европѣ королишкомъ,
Иль какъ ненадобный для царства дармоѣдъ!»

Эта восхваляемая «златая вольность» не помѣшала Петрову такъ выразиться о близости Густава къ народу:

Чернь, разиня рты,
Дивится, смѣючись, что ты
Снисходишь безъ чиновъ такъ къ публикѣ калякать.

Въ 1789 году, случайно вспомнили о Петровѣ. Приказано было въ честь Г. А. Потемкина иллюминовать мраморныя ворота въ Царскомъ Селѣ и, украся ихъ морскими и военными арматурами, написать въ транспарантѣ стихи. «Екатерина сама выбрать изволила, — разсказываетъ Храповицкій, — изъ оды на Очаковъ Петрова:

Ты въ плескахъ внидешь въ храмъ Софіи.

«Ничего сказать не могутъ, ибо въ Софіи есть Софійскій храмъ».

Въ 1791 году, умеръ Потемкинъ: смерть его сильно поразила Петрова. Онъ долго плакалъ о своемъ покровителѣ. «Это былъ тотъ орелъ, — писалъ онъ, — на плечахъ коего сидя, я пѣлъ, не боясь молній и громовъ, будучи увѣренъ, что онъ меня не уронитъ, и онъ не уронилъ меня, но крѣпко берегъ».

На гравюру, изображавшую смерть Потемкина, Петровъ написалъ слѣдующіе стихи:

О видъ плачевный! смерть жестока!
Кого отъемлешь ты отъ насъ?
Какъ искра, во мгновенье ока,
Герой, твой славный вѣкъ погасъ [1])!

Потемкинъ, дѣйствительно, былъ покровителемъ литературы:

Не тяжекъ праздныхъ словъ примѣсомъ,
Красотъ во слогѣ онъ примѣръ:
Когда бъ онъ не былъ Ахиллесомъ,
Всемѣрно былъ бы онъ Гомеръ!

Впрочемъ Екатерина продолжала покровительствовать Петрову, состоявшему по оффиціальнымъ спискамъ при особо порученныхъ отъ ея величества дѣлахъ.

Въ 1793 году, Петровъ напечаталъ оду на торжество мира, гдѣ онъ возноситъ Екатерину такими стихами:

Уста ея — уста суть сладость,
И рѣчи — пренебесный слогъ;

[1]) «Русская Старина», 1875 г., т. X, стр. 252.

Ея воззрѣнье — смертнымъ радость:
Улыбка — жизнь; она вся — Богъ.

Ода эта была отправлена къ императрицѣ при слѣдующемъ письмѣ:

«Всемилостивѣйшая государыня! Съ достодолжнымъ благоговѣніемъ приношу в. и. в. напечатанную мною оду на торжество Мира, которую и имѣлъ, можетъ быть, непростительную смѣлость послать предъ симъ къ в. и. в. чрезъ чужія руки. Какъ всѣ смертные, отъ нихже перьвый есьмь азъ, подвержены разнымъ погрѣшеніямъ, признаюсь съ сожалѣніемъ, что я не къ стати поручилъ въ опеку миръ Громодержцу. Рѣзвые подданные в. и. в., которые противу моего чаянія въ домѣ моемъ умножились и коихъ по нещастію я такъ горячо люблю, что кажется не отказался бы для нихъ поднять Етну гору на плечи мои, завели меня въ сію погрѣшность. О! сіи розы, милыя дѣти, коими родители столько веселятся, — сіи розы имѣютъ свои тернія. Повидимому, надлежитъ радостію восхищаться. Дѣти суть даръ Божій (sic), даръ природы: но при всей моей радости, я принужденъ буду припасть съ горькими слезами ко стопамъ земнаго Бога (sic!), дабы благоволилъ поправить надо мной милости Небеснаго, которыя безъ того могутъ подавить меня, и я, увы! лягу погребенъ подъ собственнымъ моимъ щастіемъ. Къ кому же я воззову, какъ не къ Той, на Кого языки уповаютъ; Коя есть Мать отцовъ и сыновъ, матерей и дщерей. Хотя заутра мнѣ выйдетъ череда умереть, я умру съ Богомъ и съ надеждой на Ню. В. и. в. всемилостивѣйшей государыни всеподданнѣйшій «В. Петровъ».

Письмо отправлено 5-го, получено 11-го декабря, и на немъ находится отмѣтка: «по сему писано къ Василью Петровичу Петрову 20-го декабря 1793 году»; значитъ, Петрова не забыли, и онъ еще не сдѣлался, по его собственному выраженію, «закарманнымъ» стихотворцемъ.

Въ томъ же году, императрица сама исправила нѣкоторыя мѣста въ одѣ Петрова на присоединеніе польскихъ областей, вновь напечатала ее вмѣстѣ съ посланіемъ его же и отослала Василію Петровичу въ Москву при милостивомъ письмѣ. Въ посланіи Петровъ пишетъ: «хотя о семъ происшествіи молебенъ пѣтъ, но изъ пушекъ не палили и мной овладѣло сомнѣніе пристоитъ ли мнѣ заряжать стихотворнымъ громомъ идеи въ описаніи дѣла, кое кончилось безшумно. Но появленіе бога рѣки Днѣпра, который принялъ на свой «отчотъ» всю худобу или изрядность пѣсни успокоило поэта и вотъ онъ теперь уже на яву бесѣдуетъ съ истинною богинею» [1]). Въ этой одѣ наиболѣе любопытны тѣ строфы, гдѣ Петровъ говоритъ о славянскомъ единствѣ:

---

[1]) «Москвитянинъ», 1849, V, 3, 7.

Къ ружью! о храбрые славяне...
Родоначальникъ вашъ единъ...
Пріидетъ нѣкогда то время,
Въ которо все Славянско племя
Въ честь Норда препояшетъ мечъ,
Россъ будетъ тѣлеси главою,
Тронувъ свой родъ побѣдъ молвою,
Онъ, каждый въ расточеньи членъ
Собравъ, въ едино совокупитъ
И, твердъ родствами, гордо ступитъ
Межъ всѣхъ въ подсолнечной колѣнъ!

Въ 1796 году, скончалась Екатерина. При извѣстіи о ея смерти съ Петровымъ сдѣлался ударъ, но это не помѣшало ему написать въ декабрѣ 1796 года: «Плачъ и утѣшеніе Россіи къ е. и. в. Павлу Первому». Лучъ отъ Бога, упрясь въ Павловъ ликъ, остановился, и

Въ той же часъ
Услышанъ свыше гласъ:
«Чтобъ свѣтъ узрѣлъ, кто Ты, во грудь Твою едину
Съ Великимъ я Петромъ вмѣщу Екатерину!

Въ 1797 году, во время коронаціи Петровъ написалъ еще двѣ оды Павлу и хлопоталъ о ихъ поднесеніи. Вотъ что писалъ онъ неизвѣстному намъ, питомцу музъ, приближенному Павла I.

«М. Г.

«Какъ питомцу Музъ смѣю я при семъ сопроводить въ ваши руки нѣсколько строкъ моего сложенія, посвященныхъ Его И. В. Стыжуся назвать ихъ стихами, ибо въ нихъ не наблюдена мѣра стопъ; а только видно, что писана ямбами. Его В., сказываютъ, стиховъ читать не изволитъ. Правда, передъ нимъ лежитъ превеликая съ широкими листами книга—Россія; безъ нашихъ стиховъ есть что Его В. перебирать руками, пересматривать очами; при всемъ томъ я льщусь надеждою, что изъ вашихъ рукъ Его В., можетъ быть, и мое приношеніе удостоитъ милостиваго воззрѣнія: сего одного преимущества я и желаю, въ томъ состоитъ весь мой Парнасской лавръ. Его В. въ Москвѣ благоволилъ принимать милостиво разныя ему въ даръ приносимыя вещи, цвѣтки, узорочно вышитыя штучки: и я ему подношу мое рукодѣлье. Первой трудъ, за тритцать безъ мала лѣтъ предъ (симъ) посвятилъ я престола Россійскаго Наслѣднику, теперь послѣдней, ибо старость и дряхлость не дозволяютъ мнѣ болѣе помышлять о стихотворныхъ подвигахъ, посвящаю ему, Всероссійскому Самодержцу—поздо, правда, но то люди, молодые, а я старикъ шестидесятилѣтній и подверженной частымъ болѣзнямъ. Дѣти, кто чѣмъ умѣетъ тѣшутъ своего отца. Въ Нѣмецкихъ вѣдомостяхъ читалъ я, что ѣдутъ изъ чужихъ странъ живописцы представлять на картины наше тор-

жество; такъ я подумалъ, что сіе будетъ не неугодно Его Им. В. и всѣмъ, кто его любитъ, ежели россіянинъ опишетъ ту радость каковымъ ни есть перомъ, которую чужестранные усерствуютъ изобразить кистію. Здѣсь нѣтъ оказанія ума или искусства, а изъявляется одно только чувствованіе сердца и приносится жертва чистой души, не ищущей ни корысти, ни славы. Я старъ и болѣзненъ: мнѣ надобенъ только покой и ежели представительствомъ вашимъ, подъ сильною десницею Его Импер. Вел., возмогу я провести остатокъ дней моихъ въ томъ же самомъ состояніи, какимъ я донынѣ пользовался, я сіе сочту за особливое Неба ко мнѣ благоволеніе. Поручая вашей добротѣ жребій моего сочиненія и мой, съ должнымъ къ вашей особѣ почтеніемъ имѣю честь быть

«Вашего высокородія
«милостиваго государя
«преданнѣйшій слуга П.»

Но время Петрова прошло. Положеніе его превосходно очерчено имъ самимъ въ слѣдующемъ замѣчательномъ для характеристики и самого Петрова да и всѣхъ тогдашнихъ литераторовъ вообще письмѣ къ роднымъ:

«На прошедшей почтѣ послалъ я вамъ привѣтство къ Императору хоть поздо, да ранѣ нельзя было. Я бъ доволенъ былъ, кабы вы ихъ напечатали по послѣднему моему письму, а не по первому. Перьвой замыселъ мой плохъ и бросалъ въ грязь меня лицомъ. Ежели дворъ въ Москвѣ, можетъ быть, какой нибудь вельможа мой слогъ или лучше мою искренность и похвалитъ; а коли нѣтъ, пусть православные читаютъ, а я будто Москвѣ и Царю должную заплатилъ подать. Станется и мнѣ чтобъ нибудь, кабы я тамъ былъ, а станется бъ и ничего. Многіе подарены, кои и въ Москвѣ не были, а многіе чай обойдены, между коими бъ можетъ былъ и я. Да и кто можетъ всю Москву обдарить? Вить, душенька, пусть представляютъ любимцы своихъ любимцевъ, знакомцы знакомцевъ, да такъ-то и получаютъ добренькое-то. Но за твоего супруга мало предстателей; да кому я что пишу, такъ мнѣ и отвѣту нѣтъ. А стишки-то наши, душенька, человѣкъ пять—шесть почитаютъ; да у нихъ вотчинъ нѣтъ наградить насъ за едакую безделушку. Еще, можетъ быть, въ доступленіи до Императора мнѣ бъ кишки выдавили; а трудно бъ мнѣ найти было предстателя, развѣ бъ гдѣ ему подать на дорогѣ. Да я думаю, что ты меня и безъ вотчины любить станешь, такъ я, повѣрь мнѣ, душа моя, окончу мой вѣкъ безъ роптанія. Правда, таково милостиваго Государя не видать я почитаю за несчастіе, да какъ быть: пролитое уже не схватишь. Я бы радъ его встрѣтить на дорогѣ и не облѣнился бъ поѣхать даже въ Курскъ или въ Мценскъ, да кто знаетъ его путь, да у меня жь и платья нѣтъ. Коли ты меня снаб-

дишь всѣмъ, я дѣйствительно поѣду искать Императора: я скажу ему рѣчь, которая уже у меня и готова, и клянусь тебѣ Богомъ, я бъ ласковымъ его словцемъ столько былъ доволенъ, сколько Самборской [1]) пятисотною вотчиною. Тутъ бы можетъ бы свиты съ нимъ было поменьше, такъ бы, можетъ быть, предстать предъ нево удалося; а то, что ты думаешь,—и пріѣдешь да не пустятъ; да я жь и тово не знаю, въ веселыхъ платьяхъ ходятъ или въ трaурѣ. Да вотъ вить! чай и Карамзинъ пролезъ къ Императору, да что то ево между вотчинниками въ спискѣ не стоитъ, а дѣтина-то, дѣтина-то—какой умникъ! Такъ вотъ моя участь была бъ, можетъ быть, съ нимъ равна. Паршивыя лирики! суемся же получать вотчины дешевенько, не потерять бы что нажито, а на чужое нече зубы скалить. Долгъ мой воистинну велитъ мнѣ самодержцевъ славить; да что когда они ету грамату не любятъ: вить силой милъ не будешь. Ты думаешь пишешь къ Императору и льстишься быть прочтенъ; анъ читаетъ тебя хохоча Ево Величества секретарь, и скажетъ ему про тебя что изволитъ, а коли разсудитъ, вовсе промолчитъ. Мудреное для музы моей время. Но, можетъ быть, я въ пользу свою растворю Императора, сподобясь ево увидѣть: не лучше ли подѣйствуетъ Цицеронщина, когда не помчитъ Виргиліевщина: вить муженіокъ твой удалъ и на то. Цабы мнѣ волю дали, я бъ, кажется, смогъ прослыть царскимъ витіемъ, такъ какъ я нѣкогда слывалъ карманнымъ Екатерининымъ стихотворцемъ. Ну, полно шутить, станемъ дѣло говорить. Въ слѣдующую почту напишу я еще тебѣ письмо, да оно чай вмѣстѣ съ етимъ пріѣдетъ, а больше писать не буду. Жду васъ съ нетерпѣніемъ, какъ Богу радъ. Привози все нужное для меня съ собою: чулки, шляпу, кафтанъ бѣлой, чорной, да коли безъ траура ходятъ, нельзя ль достать пряжечекъ, а коли трауръ носятъ, и тѣ хороши, правда они облезли, да сталь подходитъ подъ трауръ. Коли напечатала стихи мои, пришли мнѣ нѣсколько экземпляровъ 5—6, да привезите съ собою и прежняго сочиненія нѣсколько. Будьте здоровы и веселы; не тужи, матка, о вотчинѣ, еще дни впереди; накопимъ економіею. Не очень щеголевато поступилъ Селивановскій [2]); не умѣлъ же онъ меня одолжить, а, можетъ быть, и не могъ».

---

[1]) Протоіерей А. Самборскій († 1815), настоятель церкви въ Лондонѣ, потомъ наставникъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей, уже не разъ упоминался нами. Кажется, что подъ его начальствомъ, какъ главнаго надзирателя школы земледѣлія въ Царскомъ Селѣ, служилъ и вышеупомянутый И. И. Комовъ, писавшій о семейномъ положеніи Самборскаго императрицѣ изъ Лондона.

[2]) С. Селивановскій—извѣстный типографщикъ. Вотъ что пишетъ о Петровѣ Н. С. Селивановскій: «Будучи еще у дяди (содержателя типографіи Пономарева) наборщикомъ, отецъ мой хаживалъ съ корректурой къ извѣстному писателю Петрову, который полюбилъ проворнаго мальчика и всегда ему покровительствовалъ, называя Сенюшей. Петровъ былъ пріятель Н. С. Мордвинову,

Литературная дѣятельность Петрова кончилась съ двумя одами на рожденіе в. к. Михаила Павловича (1798 г.) и путешествіе в. к. Константина Павловича. Онъ погрузился вполнѣ въ домашнюю жизнь и научныя занятія и, между прочимъ, на 60 году жизни выучился новогреческому языку. Здоровье его дѣлалось все слабѣе и слабѣе, но онъ не измѣнилъ строгаго образа жизни, спалъ только часъ и не принималъ лекарствъ.

Когда предъ смертью хотѣли измѣнить порядокъ дня, онъ, призвавъ сына, сказалъ, «чтобъ все шло своей чередой, которою и его плоть умираетъ».

Умеръ онъ въ 1799 году декабря 4-го (по другимъ 1800), исполнивъ христіанскій долгъ и завѣщая дѣтямъ хранить любовь и согласіе и почитать добродѣтель.

Петровъ имѣетъ право на мѣсто въ исторіи русской литературы. Онъ не былъ поэтомъ: ни цѣлостности міровоззрѣнія, ни періодовъ развитія, ничего выдающагося въ его литературной дѣятельности не видно. Но нельзя отрицать его таланта и нѣкоторой оригинальности мыслей, особенно въ сатирахъ. Фактура его стиха, его языкъ — невозможенъ. Митрополитъ Евгеній [1]) вѣрно замѣтилъ, что «Петровъ стихотворецъ, но не на русскомъ языкѣ. Пусть его переведутъ на другой языкъ, тогда будутъ имъ восхищаться такъ точно, какъ Кантемиромъ на французскомъ языкѣ». Съ послѣднимъ нельзя согласиться. Оды Петрова надуты и холодны, а сатиры неглубоки, хотя и заслуживаютъ бо̀льшаго вниманія: въ нихъ онъ, къ сожалѣнію, отдѣлывается, большею частью, общими мѣстами: о равенствѣ людей по уму, о тщетѣ знаковъ отличія, любви къ отечеству и обманчивости свѣта. Въ Петровѣ, какъ въ человѣкѣ, такъ и въ писателѣ, не было ничего особенно выдающагося. Онъ былъ человѣкъ прежде всего себѣ на умѣ, умный, образованный, съ большимъ запасомъ мыслей, даже талантливый, но таланты его ушли на малыя дѣла, другихъ интересовъ, кромѣ эгоистическихъ, у него почти не было и онъ исчезъ

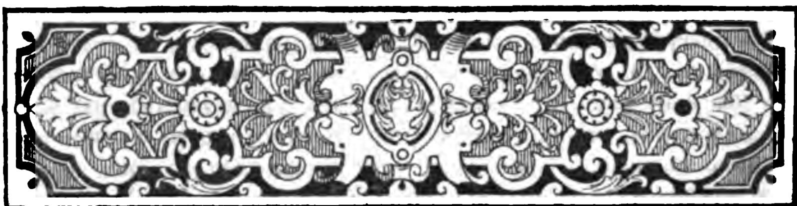
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» портретъ Петрова сдѣланъ съ подлинника, находящагося въ Академіи Наукъ. Другой портретъ въ Импер. Пуб. Библіотекѣ въ нижней ротондѣ (ср. отчетъ 1875 года, стр. 108).

И. Шляпкинъ.

тогда адмиралу черноморскаго флота, и опредѣлилъ Селивановскаго въ Николаевскую типографію. Этому Мордвинову Петровъ написалъ оду, можетъ быть, единственную по искренности изъ всѣхъ его одъ».

[1]) Сборникъ II отдѣленія Академіи Наукъ, V, стр. 140, 150, 173.



ИСТОРІЯ КРАСНАГО КАБАЧКА.

РАСНЫЙ Кабачекъ, небольшой двухъ-этажный, деревянный трактирчикъ, по Петергофской дорогѣ, въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія былъ любимымъ загороднымъ мѣстомъ гулянья петербургской публики и лѣтомъ, и зимою; особенно же на масляницѣ молодежь, а подчасъ и люди почтенные, на лихихъ тройкахъ, съ поддужными колокольчиками и бубенчиками, мчались изъ Петербурга къ Кабачку, славившемуся блинами и хорошими винами, покутить «потогдашнему» скромно и весело, безъ скандаловъ, безъ кокотокъ и француженокъ, о которыхъ въ то время и помину не было.

Въ 1703 году, когда наши войска, съ Петромъ Великимъ во главѣ, на берегахъ Невы почти ежедневно сражались съ шведами, къ Петру явился рыбакъ, одинъ изъ жителей лачужекъ, разбросанныхъ по взморью, и предложилъ свои услуги доставлять свѣдѣнія о непріятелѣ и служить переводчикомъ при сношеніяхъ съ туземцами. Сверхъ того, этотъ вожакъ и «толмачъ» указалъ Петру «корабельный ходъ», гдѣ потомъ и построенъ былъ Кроншлотъ. Обласканный и ободренный Петромъ, «толмачъ» крестился въ православную вѣру и находился постоянно при нашихъ войскахъ во всѣхъ сраженіяхъ и на морѣ, и на сушѣ; былъ нѣсколько разъ раненъ, попалъ даже въ плѣнъ, а въ 1706 году бѣжалъ отъ шведовъ и возвратился въ Петербургъ. Услуги, оказанныя толмачемъ, были награждены пожалованіемъ ему «Краснаго Кабачка» при слѣдующемъ указѣ петербургскому коменданту:

«С.-петербургскому толмачу Семену Иванову за его многія службы, и что онъ въ прошлыхъ годахъ былъ во многихъ походахъ въ вожакахъ и толмачахъ, и что указывалъ корабельному ходу гдѣ быть, гдѣ нынѣ обрѣтается Кроншлотъ, и за бытіе его въ выборгскомъ походѣ при взятіи непріятельскихъ шкунъ, за полонное терпѣніе и за уходъ изъ плѣна и за раны, владѣть ему вмѣсто жалованья Кабачкомъ въ Капорскомъ уѣздѣ у сосновой рощи, съ пашнею и съ сѣнными покосами и со всѣми угодьями вѣчно, и ему, Семену, не продавать и у него не покупать и въ закладъ никому не брать, и владѣть потомственно, а питья на томъ кабачкѣ пиво и медъ держать, продавать свое, а вино и табакъ брать для продажи изъ Капорья и за вино и табакъ деньги отвозить по вся мѣсяцы въ Капорье, а корчемнаго вина и табаку, опричь государева, не держать. Также и своего вина и табаку, кромѣ государева, отнюдь не держать, опасая себя отъ каторги, и о сей запретительной продажѣ нынѣ же повсюду подтвердить. Петръ. Ноября 16-го 1706 года».

Семенъ водворился въ Кабачкѣ, женился и началъ торговать пивомъ, медомъ и харчевыми припасами. Постоялый дворъ на самомъ бойкомъ мѣстѣ проѣзда изъ Петербурга въ Петергофъ былъ всегда полонъ проѣзжими и солдатами, а рядомъ съ Кабачкомъ устроилась слобода переводцевъ, вологодскихъ ямщиковъ. Тутъ же былъ построенъ домъ и для пріѣзда Петра и военныхъ чиновъ, но сосѣдство этого проѣзжаго царскаго дома не приносило Семену выгоды, а скорѣе убытокъ; проѣзжіе чины и солдаты часто требовали попить даромъ, а отказывать не приходилось; все бы ничего, если бы не дальняя поѣздка въ Капорье за виномъ и табакомъ, для которой немало тратилось денегъ, а Петербургъ уже подстраивался, учреждались въ немъ и кружечные дворы, откуда ближе и выгоднѣе можно было бы Семену получать и вино и табакъ; ко всему этому и пошлины за продажу значительно уменьшили доходы Семена отъ торговли на Красномъ Кабачкѣ.

Долго Семенъ не рѣшался просить о разныхъ льготахъ, да и время къ тому было не подручное; наконецъ, только въ 1713 году онъ рѣшился просить Петра освободить его отъ пошлинъ и отдать ему домъ при Кабачкѣ, чтобы въ немъ держать вольный домъ (трактиръ) по нѣмецкому обычаю, какъ водится въ Нарвѣ. Петръ подписалъ на прошеніи Семена:

«Свободенъ толмачъ и земля, данная ему, отъ всѣхъ нарядовъ, а вино, отпускаемое изъ казны, гдѣ бы ни было, тотъ же доходъ; построенный домъ держать для пріѣздовъ; вмѣсто прибавки жалованья, отпускать въ каждый годъ изъ оставшаго отъ продажи табаку по десяти пудъ; держать продавать ему не запрещать и денегъ въ казну не брать, кромѣ вина. Г. полковнику Декулону отмежевать землю въ гору тоже что отъ проложенной дороги теперь

въ межень до воды морской. Петръ. Въ Кроншлотѣ, іюня 7-го 1713 года».

Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1714 году, Семену отмежевано отъ дороги къ морю 1,040 саженъ, отъ той же дороги въ гору 1,000 саженъ, а поперегъ 100 саженъ.

Семенъ Ивановъ занялся хозяйствомъ усердно; насильственный пригонъ въ Петербургъ изъ всѣхъ концовъ Россіи переведенцевъ—каменьщиковъ, плотниковъ и рабочихъ для постройки города и устройства Петергофа, Стрѣльны и Ораніенбаума, увеличивалъ съ каждымъ днемъ число проѣзжающихъ по Петергофской дорогѣ; доходы отъ постоялаго двора, трактира, продажи пива, вина и табаку, постепенно возростали, и толмачъ Семенъ Ивановъ умеръ, оставивъ своимъ дѣтямъ, двумъ сыновьямъ и двумъ дочерямъ, порядочный капиталецъ на черный день.

Кратковременныя царствованія Екатерины I и Петра II прошли для семейства Семена благополучно, но въ первые же годы царствованія Анны Іоанновны для наслѣдниковъ наступили черные дни. Близкому родственнику императрицы, генералъ-полицеймейстеру Василію Ѳедоровичу Салтыкову, понравился почему-то особенно Красный Кабачекъ, и онъ предложилъ сыновьямъ толмача, Антону и Петру, продать ему всю дачу. Они отвѣчали отказомъ, ссылаясь на указъ Петра Великаго, которымъ запрещено было продавать Кабачекъ.

— А я вамъ покажу этотъ указъ!—отвѣчалъ Салтыковъ и началъ систематически притѣснять владѣтелей Кабачка.

Полиція безпрестанно являлась въ Кабачекъ съ разными убыточными и несправедливыми требованіями. Просьбы и взятки не помогали. Подчиненнымъ Салтыкова было извѣстно желаніе его завладѣть Кабачкомъ и, наконецъ, въ 1733 году, подъ предлогомъ ослушанія и неисполненія требованій полиціи, Антона и Петра посадили подъ караулъ и объявили имъ отъ имени Салтыкова: или въ ссылку, или продавай Кабачекъ. Бѣднымъ сыновьямъ толмача было не подъ силу бороться съ генералъ-полицеймейстеромъ, дядею императрицы. Антонъ и Петръ продали Салтыкову Кабачекъ за 600 рублей и совершили купчую въ полицеймейстерской канцеляріи.

Воля Петра о пожалованіи толмачу Краснаго Кабачка въ потомственное владѣніе безъ права продажи и заклада была забыта, а бѣдныя дѣти толмача лишились состоянія, заслуженнаго ихъ отцомъ.

Антонъ и Петръ вскорѣ послѣ этого съ горя умерли, не оставивъ дѣтей, а двѣ дочери толмача вышли замужъ: Дарья за придворнаго конюшеннаго служителя Казанцева, и Марѳа за петергофскаго священника Долбилова.

Съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы Петровны, Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ исчезъ съ придворной сцены, и дочери тол-

мача рѣшились хлопотать о возвратѣ имъ незаконно отнятаго у нихъ состоянія.

Мужъ Дарьи имѣлъ друзей среди низшихъ придворныхъ и различными путями довелъ до свѣдѣнія императрицы Елисаветы Петровны о продѣлкѣ Салтыкова съ Краснымъ Кабачкомъ. Императрица обѣщала возстановить волю Петра Великаго и возвратить потомству толмача Кабачекъ съ ограниченіемъ права продажи и заклада, но, на несчастіе будущаго поколѣнія наслѣдниковъ толмача, въ то же время Дарьѣ сдѣлалъ предложеніе о покупкѣ у нея Кабачка старый слуга Петра Великаго и любимецъ Елисаветы Петровны, Никита Андреевъ Возжинскій. Императрица, снисходя къ просьбѣ Возжинскаго, указомъ сенату 3-го октября 1748 года, повелѣла приморское мѣсто Красный Кабачекъ отъ генерала Салтыкова взять и возвратить Дарьѣ и дать ей о владѣніи того мѣста и Кабачка данную, въ которой написать, что «она то приморское мѣсто Красный Кабачекъ ежели кому хочетъ добровольно продать, въ томъ ей запрещенія не чинить и въ письмѣ купчей позволить». Воля Петра Великаго, запрещавшая продажу и закладъ Кабачка, была опять забыта, а судьба какъ будто покровительствовала этой волѣ, потому что продажа Кабачка Возжинскому почему-то не состоялась.

Но Дарья и Мароа были счастливы — они получили законное ихъ наслѣдство, поселились въ отцовскомъ имѣніи и мирно дѣлили между собою доходы, не смотря на то, что, по послѣднему указу, Кабачекъ былъ отданъ только одной Дарьѣ; въ 1772 году, обѣ сестры умерли. Наслѣдницею Кабачка осталась дочь Дарьи, Прасковья, вышедшая замужъ за гренадера лейбъ-компаніи Локтева; дѣтей у нихъ не было, и Прасковья попрежнему дѣлилась доходами съ дочерьми и сыновьями тетки своей Мароы. Все шло дружелюбно и спокойно только не надолго. Гренадеръ лейбъ-компаніи, мужъ Прасковьи, съ своими товарищами, велъ жизнь разгульную— жена передавала ему всѣ доходы, приходившіеся на ея часть, и, наконецъ, ихъ не достало. Пришлось занимать деньги, а потомъ Прасковья рѣшилась заложить Кабачекъ, помимо другихъ наслѣдниковъ. Они скоро узнали объ этомъ и въ 1775 году возбудили противъ тетки спорное дѣло въ вотчинной конторѣ, указывая, что при подачѣ прошенія императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ Дарья утаила показаніе о сестрѣ своей Мароѣ, имѣвшей равныя съ нею права, на наслѣдство послѣ «толмача». Вотчинная контора рѣшила дѣло въ ихъ пользу; дѣло перешло въ сенатъ, который, съ своей стороны, представилъ докладъ императрицѣ о считаніи внуковъ Мароы также наслѣдниками Кабачка въ равной части съ Прасковьею.

Въ промежутокъ времени перехода дѣла изъ вотчинной конторы въ сенатъ и доклада отъ сената императрицѣ «дѣльцы-чиновники» научили Прасковью, какъ исправить все дѣло.

Вотчинная контора представила на разрѣшеніе сената вопросъ о правахъ спорящихся наслѣдниковъ, 23 марта 1775 года; сенатъ представилъ свое мнѣніе на высочайшее утвержденіе, 24 апрѣля. Племянники и племянницы имѣли полную надежду на успѣхъ въ своемъ домогательствѣ, но не такъ вышло. Откупщикъ, дававшій деньги Прасковьѣ подъ закладъ Кабачка, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ оберъ-прокуроромъ сената Самойловымъ, женатымъ на сестрѣ всемогущаго Потемкина. Откупщикъ понялъ, что при утвержденіи императрицею доклада сената въ пользу внуковъ Марѳы, — его деньги пропали. Какъ помочь? Онъ посовѣтывалъ Самойлову, чрезъ свои связи при дворѣ, пріостановить разрѣшеніе доклада сенатскаго и купить Кабачекъ у Прасковьи. При покровительствѣ Потемкина, докладъ сената придержали, а Самойловъ черезъ повѣреннаго купилъ у Прасковьи Кабачекъ и купчую представилъ въ вотчинную контору. Контора, соблюдая законный порядокъ, вызвала Прасковью, допросила ее, дѣйствительно ли она продала Самойлову Кабачекъ; она подтвердила продажу, но не ввела во владѣніе Самойлова, ожидая отвѣта отъ сената. Полученіе этого отвѣта не замедлилось.

Сенатъ увѣдомилъ 27 сентября высочайшимъ повелѣніемъ, что указъ Елисаветы Петровны 1748 года, по которому Дарья, дочь толмача, мать Прасковьи, признана единственною наслѣдницею, долженъ оставаться въ своей силѣ.

Вотчинная контора, на другой же день по полученіи сенатомъ указа, по совершенной купчей ввела Самойлова во владѣніе Краснымъ Кабачкомъ. Самойловъ заплатилъ откупщику деньги, данныя имъ Прасковьѣ; она не получила ничего, и вскорѣ сошла съ ума.

Въ 1785 году, сынъ Самойлова, племянникъ Потемкина, по довѣренности отъ отца, продалъ Красный Кабачекъ знаменитой герцогинѣ Кингстонъ.

Послѣ смерти герцогини, Красный Кабачекъ перешолъ во владѣніе полковника Гарновскаго.

Несчастные наслѣдники не переставали, однако же, хлопотать о своихъ правахъ, но во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ получали постоянно отказы; наконецъ, въ 1791 году они подали прошеніе въ совѣстный судъ, доказывая безденежность закладной, выданной Прасковьею откупщику Филиппову. Послѣдній объявилъ, что не желаетъ разбираться совѣстнымъ судомъ. Совѣстный судъ за его отказомъ прекратилъ дѣло. Наслѣдники подали прошеніе императрицѣ.

По заведенному тогда порядку, прошеніе это передано было на разсмотрѣніе генералъ-рекетмейстера, но и тутъ не посчастливилось наслѣдникамъ толмача. Генералъ-рекетмейстеръ рѣшилъ, что Прасковья одна наслѣдница и имѣла право продать.

Въ это время, въ Петербургѣ было извѣстно, что императрица нерѣдко передавала Державину пересматривать сомнительныя и сложныя дѣла, производившiяся въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ и даже въ сенатѣ, и что мнѣнiе Державина было всегда справедливо и законно.

Наслѣдникамъ толмача оставалась еще надежда—только идти этою дорогою, и въ мартѣ 1792 года они подали прошенiе императрицѣ о передачѣ ихъ дѣла на разсмотрѣнiе Державина.

Дѣло оказалось очень щекотливое; наслѣдники въ послѣднемъ своемъ прошенiи ходатайствовали объ изслѣдованiи фальшиваго составленiя купчей Самойловымъ съ Прасковьею. Приходилось Державину выяснять обстоятельства неблаговидныя для памяти отца любимаго племянника Потемкина. Державинъ началъ съ того, что сообщилъ частнымъ образомъ всѣ бумаги Александру Николаевичу Самойлову, предоставляя ему такимъ образомъ быть первымъ защитникомъ честнаго имени своего отца. Самойловъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

«Изъ всего видно, что отецъ мой, покупая Красный Кабачекъ, не зналъ, что у продавицы есть еще сестра, которая имѣла равное съ нею участiе; сiе подтверждается и тѣмъ самымъ, что и вотчинная контора никакого свѣдѣнiя о томъ не имѣла, да и въ представленной прежде родословной имени ея совсѣмъ не было, а напослѣдокъ, около 15 лѣтъ спустя послѣ покупки отцомъ моимъ Краснаго Кабачка, не только просьбы, но и отзыву никакого и ни отъ кого до прошедшаго года не оказалось. Ежелибъ отецъ мой вѣдалъ впродолженiе всего времени о вышесказанной сестрѣ, конечно, не оставилъ бы въ собственную свою предосторожность удовлетворить ее такимъ образомъ, чтобы могъ быть спокойнымъ отъ ея стороны. Я пишу сiе не для чего инаго, какъ только чтобъ память отца моего отъ нареканiя сохранить; касательно же до меня собственно, я никакъ не могу быть тутъ примѣшенъ: до нынѣшняго времени не имѣлъ я ни малѣйшаго свѣдѣнiя, отъ кого и какимъ образомъ достался отцу моему сей Красный Кабачекъ, и что по оному могутъ выйдти споры, я же продалъ его съ позволенiя отца моего для заплаты долговъ, и покойный князь способствовалъ сей продажѣ; какъ во время оныя, такъ и послѣ до прошедшаго года никто не вызвался ко мнѣ изъ имѣющихъ нѣкоторое право на Красный Кабачекъ, и я не вѣдалъ и о томъ самомъ, что прошлаго года къ ея императорскому величеству просьба состояла; словомъ однимъ заключить, что недѣлю тому назадъ былъ я въ совершенномъ невѣдѣнiи обо всемъ, что до матерiи сей касается, и никакъ не предвидѣлъ и не предчувствовалъ, что дѣло сiе до сего времени еще не окончилось. Но какъ то ни есть, желая сохранить память отца моего, да и совѣсть моя велитъ мнѣ думать, что нынѣшнiе просители по единой, можетъ быть, бѣдности ихъ

оставались до сего времени въ молчаніи и просьбы не зачинали. Я хочу отъ всего сердца моего удовлетворить имъ и для того прошу васъ, милостивый государь мой, подать мнѣ въ семъ случаѣ помочь вашу: вамъ удобнѣе отыскать ихъ и узнать, чѣмъ они могутъ быть довольны; сдѣлайте мнѣ одолженіе сіе, возьмите все это на себя и окончайте сіе дѣло такимъ образомъ, чтобъ они не трудили уже болѣе просьбами своими ея императорское величество, а чрезъ то и мнѣ прискорбности не причиняли: не имѣвъ до сего времени во всю жизнь мою интереснаго дѣла, самое маловажное наноситъ мнѣ непріятную чувствительность».

Послѣ этого отзыва, Державинъ приступилъ къ собранію справокъ о купчихъ, совершенныхъ на Кабачекъ; оказалось, что, кромѣ купчей на продажу Краснаго Кабачка герцогинѣ Кингстонъ, никакихъ другихъ купчихъ никогда и нигдѣ не совершалось.

О закладной, совершенной Прасковьею на имя Филиппова, послѣдній отвѣчалъ Державину, что закладной у себя не имѣетъ и взыскивать по ней ни онъ, ни наслѣдники его не будутъ.

Самойловъ герцогинѣ Кингстонъ продалъ Красный Кабачекъ за 10,000 рублей.

Державинъ спросилъ наслѣдниковъ, какую бы сумму они пожелали получить не по праву наслѣдства, а по вызову Самойлова помочь имъ.

Наслѣдниковъ толмача оказалось въ это время уже 15 человѣкъ. Они высчитали не полученные ими доходы за все время отнятія у нихъ Кабачка въ суммѣ 45,000 рублей. Самойловъ въ память отца для примиренія предложилъ 5,000 рублей. Наслѣдники не согласились.

Державинъ представилъ императрицѣ, что, по его мнѣнію, право наслѣдства принадлежитъ одной Прасковьѣ и что предлагаемыми 5,000 руб. самопроизвольно Александромъ Николаевичемъ Самойловымъ наслѣдники должны бы быть довольны, ибо, если они, просители, и обратятся къ совѣстному суду, но какъ оный судитъ также по законамъ и посредники иногда ни на какое удовлетвореніе ихъ не согласятся, то легко станется, что и ничего не получатъ. «Впрочемъ сіе есть только мое искреннее мнѣніе,—писалъ Державинъ въ своей докладной запискѣ,—примирить просителей съ противною стороною; но ежели они не согласны на сіе и пожелаютъ продолжать разбирательство дѣла сего въ совѣстномъ судѣ, то въ ихъ то состоитъ волѣ, и могутъ мнѣ о томъ отозваться, что примиреніе мое успѣху не имѣло».

Въ сентябрѣ 1792 года, просителямъ объявлено, что указъ 1748 года остается въ полной силѣ.

Въ 1798 году, наслѣдники снова подавали прошеніе о возвращеніи имъ Краснаго Кабачка, но имъ снова отказано и высочайше притомъ повелѣно прошеній болѣе отъ нихъ не принимать, а возвращать съ надписью.

Г. Есиповъ.

ТРИ ВСТРѢЧИ.

(Изъ старой записной книжки).

I.

Встрѣча А. С. Пушкина съ А. А. Бестужевымъ на Кавказѣ.

УШКИНЪ, какъ извѣстно, совершилъ въ 1829 году путешествіе въ Арзерумъ, гдѣ находились тогда войска кавказскаго корпуса подъ предводительствомъ графа Паскевича. Проѣхавъ Тифлисъ и углубившись, слѣдуя направленію военной дороги, въ горы, онъ встрѣтилъ тамъ совершенно нечаянно Александра Александровича Бестужева (Марлинскаго) и описалъ эту встручу въ своемъ дневникѣ, изданномъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Путешествіе въ Арзерумъ».

Дневникъ этотъ появился въ первой книжкѣ «Современника» за 1836 годъ съ большими измѣненіями, такъ, напримѣръ, страничка о встрѣчѣ Пушкина съ Бестужевымъ и нѣкоторыя другія мѣста были выпущены изъ дневника, по указанію императора Николая Павловича, прочитывавшаго, какъ извѣстно, всѣ сочиненія поэта прежде появленія ихъ въ свѣтъ. Съ измѣненіями дневникъ вошелъ и въ «Собраніе сочиненій А. С. Пушкина».

Затѣмъ, съ теченіемъ времени, нѣкоторыя исключенныя мѣста возстановлены [1]), но страничка о встрѣчѣ Пушкина съ Бестуже-

---

[1]) Послѣднее изданіе сочиненій А. С. Пушкина, т. V, стр. 260, 262, 263, 264.

вымъ до настоящаго времени еще не включена; даже въ послѣднемъ изданіи, вышедшемъ подъ редакціей П. А. Ефремова, ея нѣтъ.

Такъ какъ все, что ни вышло изъ-подъ пера безсмертнаго поэта, имѣетъ для публики особенное значеніе, то мы и возстанавливаемъ эту такъ долго лежавшую подъ спудомъ страничку, подлинность которой несомнѣнна. Копія съ нея снята въ 1835 году поэтомъ Александромъ Дмитріевичемъ Комовскимъ (впослѣдствій сенаторъ и статсъ-секретарь), когда подлинная рукопись Пушкина, по возвращеніи ея отъ императора Николая, съ его помарками, находилась въ канцеляріи шефа жандармовъ графа А. Х. Бенкендорфа. Отъ Комовскаго она и дошла до насъ.

Вотъ какъ описалъ Пушкинъ свою встрѣчу съ А. А. Бестужевымъ.

«Я кочевалъ съ утеса на утесъ, ободряя то шпорами въ бока, то гладя по шеѣ моего борзаго горца. Привыкшій ко всѣмъ ужасамъ кавказскихъ картинъ, конь мой, прядая ушьми и осторожно переступая съ ноги на ногу, морщилъ свои огненныя ноздри. Я завидѣлъ вдали всадника въ чудной одеждѣ, онъ летѣлъ и, казалось издали, падалъ со скалы на скалу. Мы поровнялись—то былъ Бестужевъ! Цѣлованья, обниманья, безотвѣтные вопросы и отвѣты не на вопросы были слѣдствіемъ этой неожиданной и пріятной для насъ обоихъ встрѣчи. Мы еще—и въ сотый разъ обнялись, и пошли дѣльные другъ другу вопросы. Бестужевъ разсказывалъ мнѣ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Я его слушалъ, читая половину его жизни въ этихъ слезахъ, которыя нежданно оросили его огненныя очи. Я понялъ, каково его существованіе, я понялъ, что жизнь ему не дороже полушки. Онъ говорилъ мнѣ, что давно уже ищетъ возможности окончить со славой и честью свое опятненное плаваніе по океану жизни.—«Я жажду вѣтровъ,—говорилъ онъ:—я жажду бурь, гдѣ бы могъ явить себя спасителемъ существъ, счастливыхъ болѣе, чѣмъ я... О, если бъ эта рука когда нибудь могла покрыться кровью враговъ отечества и смыть печать заблудшагося сердца, я съ радостью, съ благословеніемъ тому, кто мнѣ послалъ бы этотъ случай, принесъ на жертву самого себя, а что мнѣ жизнь теперь»!.. Онъ не кончилъ еще разсказа, я не успѣлъ еще стряхнуть слезу ребячества, несносно щекотившую мнѣ глазъ,—какъ всадникъ мой исчезъ. Гляжу, оглядываюсь—нѣтъ его! Въ пять прыжковъ конь вынесъ меня на остріе скалы: внизу, въ ужасной глубинѣ, шумитъ рѣка—и въ волнахъ плещется Бестужевъ! Я обмеръ отъ страха. Онъ рухнулся стремглавъ въ чернѣющую бездну, я испугался, а онъ, шалунъ Бестужевъ, онъ махаетъ шапкой и кричитъ:—«не бойся, Пушкинъ, я не умеръ... я живъ еще, къ несчастью моему... но вотъ, мой другъ, какъ дорого цѣню я жизнь!»

Кто не узнаетъ въ этой сценѣ пера Пушкина, характера Бестужева!..

II.

Встрѣча И. С. Тургенева съ Д. И. Писаревымъ.

Знаменитый романистъ и даровитый представитель такъ называемой «либеральной критики», не смотря на общность многихъ интересовъ, ихъ сближавшихъ, лично не симпатизировали другъ другу и видѣлись только однажды. Самое свиданіе ихъ, отъ котораго Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ ожидалъ такъ много хорошаго, не только не сблизило ихъ, но, къ величайшему огорченію обоихъ, окончательно разъединило и разсорило на всю жизнь. Вотъ какъ это случилось, по разсказу очевидца встрѣчи, Петра Павловича Суворова, пользовавшагося расположеніемъ обоихъ антагонистовъ.

Въ зиму 1866 года, Тургеневъ достигъ зенита своей извѣстности и славы: романъ «Отцы и дѣти» вышелъ въ свѣтъ и произвелъ въ публикѣ сенсацію. Все заговорило о немъ. Не было ни одного журнала, который не посвятилъ бы его разбору нѣсколькихъ печатныхъ листовъ. Лучшая рецензія, по широтѣ взгляда и глубинѣ анализа, принадлежала перу Д. И. Писарева, напечатавшаго ее въ журналѣ «Русское Слово» (нынѣ «Дѣло»). Авторъ романа не могъ не согласиться съ тѣми выводами, къ которымъ пришелъ, разбирая романъ, талантливый критикъ, и въ разговорѣ съ однимъ изъ видныхъ нашихъ литераторовъ отнесся къ этимъ выводамъ сочувственно, и даже выразилъ желаніе познакомиться съ Дмитріемъ Ивановичемъ лично. Между тѣмъ тогдашній редакторъ «Русскаго Слова», Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтловъ, давно хотѣлъ завербовать Ивана Сергѣевича въ число своихъ сотрудниковъ, и теперь, услышавъ о сдѣланномъ имъ отзывѣ о рецензіи Писарева и желая познакомиться съ нимъ, поручилъ Петру Павловичу Суворову написать къ Тургеневу письмо: не пожелаетъ ли онъ помѣстить въ «Русскомъ Словѣ» приготовляемый имъ въ то время къ печати новый романъ («Дымъ»), причемъ, конечно, на похвалы и обѣщанія не скупились. Но знаменитый романистъ не пошелъ на заброшенную ему удочку: въ самыхъ вѣжливыхъ и деликатныхъ выраженіяхъ, онъ отвѣчалъ, что не успѣлъ еще хорошенько ознакомиться съ журналомъ, редактируемымъ Благосвѣтловымъ, но современемъ, когда хорошенько узнаетъ изданіе, не прочь помѣстить въ немъ одно или нѣсколько своихъ произведеній. На этомъ остановились первыя попытки къ сближенію, но редакція «Русскаго Слова» сочла письмо Ивана Сергѣевича за нѣчто для него обязательное.

Прошла зима. Въ февралѣ 1866 года, Тургеневъ пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился у Боткина на Караванной. Въ городѣ распространился слухъ, что онъ привезъ съ собою новый романъ,

что онъ прочелъ уже нѣсколько отрывковъ изъ него въ интимномъ кружкѣ друзей и что всѣ слышавшіе его чтеніе восторгаются романомъ. Редакція «Русскаго Слова» встрепенулась, и П. П. Суворовъ получилъ отъ нея порученіе посѣтить Тургенева, страдавшаго тогда подагрой. На утро онъ сидѣлъ уже въ кабинетѣ больнаго романиста, принятый имъ весьма предупредительно и радушно. Завязался разговоръ объ идеалахъ общественнаго развитія, и Иванъ Сергѣевичъ высказалъ о Писаревѣ самое лестное мнѣніе.

— Въ то время, — говорилъ онъ, между прочимъ: — когда вся критика обрушилась на меня и бичевала нещадно моихъ злополучныхъ «Отцовъ и дѣтей», Дмитрій Ивановичъ одинъ отнесся къ нимъ совершенно безпристрастно. Какъ критикъ, онъ вполнѣ добросовѣстно обрисовалъ характеры выведенныхъ въ романѣ лицъ и чрезвычайно остроумно и мѣтко опредѣлилъ ихъ значеніе съ точки зрѣнія современнаго общественнаго развитія. Скажу болѣе: онъ съумѣлъ оттѣнить и выдвинуть на первый планъ такія черты въ нихъ, которыя я, когда писалъ романъ, сознавалъ какъ бы отвлеченно и смутно, и только, прочитавъ его рецензію, онѣ стали для меня опредѣленны и ясны... Не смотря на то, что онъ еще очень молодъ и не чуждъ увлеченій, я его уважаю и буду очень радъ, если мнѣ представится случай познакомиться съ нимъ лично.

— Это не такъ трудно, — отозвался Суворовъ: — если позволите, я привезу его къ вамъ, и вы съ нимъ навѣрно сойдетесь: вашъ строгій рецензентъ — чрезвычайно симпатичная личность и, что всего важнѣе, убѣжденный честный человѣкъ...

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, — улыбнулся Иванъ Сергѣевичъ, и, подумавъ немного, прибавилъ: — итакъ, рѣшено, вы привезете его ко мнѣ!..

— Съ большимъ удовольствіемъ! — отвѣчалъ Петръ Павловичъ, вставая со стула, чтобы откланяться: — только скажите, когда вы можете принять насъ?

— О, это все равно, когда хотите! — сказалъ Тургеневъ, пожимая Суворову руку: — чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!..

Вечеромъ того же дня, не смотря на отнѣкиванья и явное нежеланіе ѣхать, какъ говорилъ Дмитрій Ивановичъ, на поклонъ къ отцу «Отцовъ и дѣтей», Суворовъ повезъ его къ Тургеневу. Войдя въ кабинетъ, они нашли Ивана Сергѣевича сидящимъ въ креслѣ у письменнаго стола; больная нога его была вытянута и лежала на другомъ креслѣ. На столѣ горѣла лампа подъ темнымъ абажуромъ, такъ что въ кабинетѣ царилъ полумракъ. Въ рукѣ у него находилась рукопись, по всей вѣроятности, привезеннаго имъ романа, онъ читалъ ее, вокругъ сидѣло нѣсколько человѣкъ друзей—

нашъ извѣстный военный историкъ, генералъ Богдановичъ, и два-три литератора.

При входѣ Писарева и Суворова въ кабинетъ, Иванъ Сергѣевичъ прекратилъ чтеніе, положилъ рукопись на столъ и очень любезно поздоровался съ пришедшими. Послѣ обычныхъ привѣтствій и рукопожатій, гости взяли стулья, сѣли и начался разговоръ. Вращавшійся всю жизнь въ лучшемъ обществѣ, изучивши до тонкости свѣтскіе пріемы, Тургеневъ, съ свойственнымъ ему тактомъ, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ заявилъ Дмитрію Ивановичу, что онъ давно искалъ случая обмѣняться съ нимъ мыслями, что признаетъ въ немъ большой критическій талантъ и глубоко его уважаетъ, уважаетъ за то, что онъ безпристрастно и съ такимъ художественнымъ пониманіемъ относится ко всѣмъ выдающимся явленіямъ художественнаго творчества.

Произошла маленькая пауза. Писаревъ сидѣлъ и молчалъ.

Потомъ, вдругъ, съ свойственной ему живостью, повернувшись на стулѣ въ полоборота, онъ спросилъ Тургенева:

— Правда ли, Иванъ Сергѣевичъ, я слышалъ, мнѣ вотъ говорилъ Петръ Павловичъ (и онъ указалъ на Суворова), что вы привезли новый романъ? — и если правда, то нельзя ли мнѣ ознакомиться съ нимъ, прежде чѣмъ онъ будетъ напечатанъ?... Кстати, гдѣ вы думаете его печатать?.. Вы, кажется, обѣщали одно изъ вашихъ произведеній дать «Русскому Слову?».

— Да,—замялся какъ будто въ отвѣтѣ Тургеневъ:—современемъ я исполню мое обѣщаніе... но этотъ романъ я еще изъ-за границы отослалъ въ Москву, Михаилу Никифоровичу Каткову, и теперь вотъ жду отъ него отвѣта.

— Какъ!—вскричалъ Писаревъ и какъ ужаленный вскочилъ со стула:—вы!.. вы—нашъ лучшій писатель, доступный современному движенію молодаго поколѣнія и имъ за то чтимый!.. вы — человѣкъ независимый, имѣющій громадное состояніе, работающій не для заработка, вы отдаете свой романъ Каткову!.. Для чего?.. съ какой цѣлью? Что общаго между вами и этимъ!.. (тутъ слѣдовало нѣсколько жесткихъ эпитетовъ по адресу Михаила Никифоровича). Или вамъ деньги нужны?.. За деньги вы готовы идти на сдѣлку съ совѣстью?.. Кто же вы послѣ того?.. Что я долженъ о васъ думать!.. И какъ вы могли, какъ вы рѣшились, послѣ этого, приглашать меня къ себѣ?.. Нѣтъ, я не только не радъ случаю, который свелъ меня съ вами, но кляну ту минуту, когда я первый разъ подумалъ объ этомъ!.. Кто же вы такой? кто? говорите!.. Петръ Павловичъ, — обратился онъ въ сильномъ раздраженіи къ Суворову:—гдѣ мы находимся?.. Куда вы меня привезли?..

Иванъ Сергѣевичъ, сидѣвшій все это время въ креслѣ прямо, подавшись нѣсколько впередъ, сконфуженный горячими упреками Писарева, не могъ отвѣтить ему ни слова, лицо его было блѣдно,

по мѣрѣ того, какъ ажитація Дмитрія Ивановича увеличивалась и рѣчь его становилась злѣй и безпощаднѣй, онъ блѣднѣлъ все больше и больше и вдругъ, какъ бы изнемогая подъ тяжестью взведенныхъ на него обвиненій, откинулся всѣмъ тѣломъ на спинку кресла; спинка не выдержала, откололась и отлетѣла прочь, и Иванъ Сергѣевичъ рухнулъ съ больной ногой, черезъ голову, на полъ.

Произошла суматоха. Одни бросились подымать Ивана Сергѣевича, другіе обратились къ Писареву съ упреками, поставляя ему на видъ всю неумѣстность его горячности, и просили его удалиться. Дмитрій Ивановичъ ничего не отвѣтилъ, повернулся, взялъ фуражку и уѣхалъ домой.

Спустя нѣсколько времени, на страницахъ «Русскаго Вѣстника» появился новый романъ Тургенева «Дымъ». Писаревъ написалъ рецензію, въ которой не только раскритиковалъ новое произведеніе знаменитаго художника-романиста, но и самого его низвелъ на степень человѣка, который не знаетъ, что творитъ. Рецензія эта была отдана Г. Е. Благосвѣтлову, одобрена, набрана и прочитана въ корректурѣ. Она представляла собою статью болѣе пяти печатныхъ листовъ и, поэтому, въ одномъ нумерѣ журнала появиться не могла. Ее раздѣлили на двѣ половины, и первая приготовлялась уже къ выпуску. Вдругъ, утромъ рано, за нѣсколько дней до выхода книжки, влетаетъ въ редакцію разстроенный и блѣдный Писаревъ. Поздоровавшись съ редакторомъ и сотрудниками, онъ обратился къ Благосвѣтлову съ просьбой возвратить ему рукопись его статьи и всѣ корректуры.

— На что она вамъ?—спрашиваетъ его изумленный редакторъ.

— Я не желаю ее печатать.

— Да вы съума сошли!.. Что съ вами?

— Вотъ посмотрите, что онъ написалъ мнѣ!—и Писаревъ подалъ Благосвѣтлову письмо Тургенева.

Въ письмѣ этомъ Иванъ Сергѣевичъ писалъ Дмитрію Ивановичу, что онъ очень сожалѣетъ о томъ, что, по болѣзни, ему не удалось, при личномъ свиданіи съ нимъ въ февралѣ, объясниться и тѣмъ избѣжать оставшихся неразъясненными недоразумѣній. Воздавъ таланту критика всевозможныя куренія, онъ обращался къ нему съ просьбою не печатать написанной имъ рецензіи на его новый романъ, прежде чѣмъ онъ не сообщитъ этой рецензіи ему для прочтенія. Причемъ обѣщался дать всѣ нужныя разъясненія.

— Ну, что я буду дѣлать, когда онъ такъ пишетъ! — восклицалъ, горячась, Дмитрій Ивановичъ: —я не могу напечатать моей рецензіи... я не такой... и онъ схватилъ письмо Тургенева, изорвалъ его въ мелкіе кусочки и бросилъ на полъ. Потомъ свернулъ въ трубку рукопись рецензіи и корректуры ея, распрощался съ сотрудниками и ушелъ.

Но, взявъ рецензію изъ редакціи, Писаревъ не послалъ ее Тургеневу, какъ послѣдній просилъ его. Онъ послалъ ему только письмо, въ которомъ писалъ, что онъ всего ждалъ отъ него, но только ужъ никакъ не просьбы о непечатаніи критики на его романъ. Убѣжденія свои и взгляды, — писалъ онъ,—вы могли измѣнить, и я, порицая ваши идеалы, могъ бы уважать васъ какъ человѣка. Но теперь, послѣ вашей просьбы, я васъ не уважаю и уважать не могу. Вы пережили себя, вы одряхлѣли, вы не понимаете стремленій молодаго поколѣнія. Вы идете, сами не зная куда. Вы похожи на человѣка, который самъ добровольно садится въ муравейникъ, и поэтому... (слѣдовалъ выводъ, весьма нелестный для Ивана Сергѣевича).

Этимъ, казалось бы, и должны были окончиться пререканія Тургенева съ пылкимъ критикомъ, такъ какъ разрывъ между ними состоялся полный и всякія личныя отношенія прекратились. И дѣйствительно, почти три года пререканій не было. Но вотъ, въ 1869 году, умираетъ Д. И. Писаревъ—и Тургеневъ поспѣшилъ откликнуться. При жизни Дмитрія Ивановича онъ не обмолвился о немъ ни однимъ печатнымъ словомъ, но едва глаза талантливаго его антагониста смежились, Иванъ Сергѣевичъ пожелалъ свести счеты съ нимъ и воздалъ ему, съ свойственнымъ ему талантомъ, сторицею. Въ воспоминаніяхъ своихъ о В. Г. Бѣлинскомъ, напечатанныхъ вскорѣ послѣ смерти Писарева, въ одной изъ книжекъ «Вѣстника Европы», онъ посвятилъ одну—двѣ странички и своему безпощадному рецензенту, вспомнилъ о своемъ свиданіи съ нимъ въ 1866 году и заклеймилъ его позорной кличкой главы петербургскихъ нигилистовъ; по его словамъ, выходило, что Писаревъ—человѣкъ безпокойный, бездушный, и только...

Кто же изъ нихъ правъ?

III.

Встрѣча А. Ѳ. Писемскаго съ «самоуправцами».

Нѣсколько лѣтъ назадъ, проѣзжая чрезъ Москву, я остановился въ ней на нѣсколько дней и поспѣшилъ повидаться съ нѣкоторыми изъ наиболѣе близкихъ знакомыхъ. Сдѣлавъ нѣсколько визитовъ, я заѣхалъ и къ Алексѣю Ѳеофилактовичу Писемскому. Встрѣча давно не видавшихся людей обыкновенна: восклицанья, цѣлованья и разспросы. Поздоровавшись какъ принято, перебросившись замѣчаніями о перемѣнахъ, найденныхъ другъ въ другѣ, поговоривши о дѣлахъ, интересовавшихъ насъ обоихъ, справившись о знакомыхъ и друзьяхъ, мы перешли, по обыкновенію, къ новостямъ.

— Что новаго въ Москвѣ?—спрашиваю я Писемскаго.

— Ничего!.. все постарому!.. такъ же пьемъ, такъ же ѣдимъ и такъ же спимъ,—отвѣчалъ Алексѣй Ѳеофилактовичъ.

— Но вѣдь что нибудь дѣлаетъ же Москва?

— Дѣлаетъ—какъ не дѣлать!..—отвѣчалъ съ добродушной улыбкой Писемскій:—нѣсколько времени тому назадъ исколотили твоего покорнѣйшаго слугу.

— Какъ такъ! за что?

— Ни за что, ни про что, а такъ здорово живешь.

— Нельзя же человѣка бить за «здорово живешь».

— Въ Москвѣ можно!.. въ Москвѣ все можно!..

— Да какъ же такъ?—объясни, пожалуйста.

— Очень просто. Возвращаюсь я однажды домой вечеркомъ, въ сумерки, не совсѣмъ поздно, но было уже темно, вошелъ на дворъ и иду сторонкой къ крыльцу. Вдругъ, откуда ни возьмись, какъ будто выросли изъ-подъ земли, наскакиваютъ нѣсколько здоровенныхъ мужиковъ, въ рубахахъ, фартукахъ и картузахъ, въ родѣ биржевыхъ рабочихъ, бросаются на меня, накидываютъ полы моей хламиды мнѣ на голову, такъ что я кричать уже никакъ не могу, валятъ меня на землю и накладываютъ мнѣ подъ бока, по шеѣ и по зубамъ. Бьютъ и приговариваютъ:—«Не пиши, пакостникъ, про хорошихъ людей мерзостей!.. не клепли!.. не порочь!.. житья отъ тебя никому не стало, перелаялъ ты всѣхъ здѣсь, песъ цѣпной!.. Что, чувствуешь ли, какъ это хорошо!.. Чувствуешь?.. а? не будешь больше? говори!.. да говори же, Николай Ивановъ! не то еще прибавимъ, да такъ, что не скоро и забудешь!»...—«Да я не Николай Ивановъ,—взмолился я подъ кулаками:—я—Алексѣй Ѳеофилактовъ, что вы дѣлаете со мной, душегубы!»—«И впрямь, это не тотъ!»—отозвался одинъ изъ нихъ, вглядываясь мнѣ въ лицо:—«это самъ хозяинъ дома! простите, сударь, мы васъ приняли за Пастухова [1]). Намъ хозяева велѣли потрепать Николая Иваныча, ошибка, сударь, вышла, ужъ вы простите, Бога ради!».—И мужики бросились бѣжать. Конечно, я ихъ не преслѣдовалъ, а поторопился убраться домой да растереться перцовкой, чтобы синяковъ не было... Такимъ-то родомъ вотъ въ чужомъ пиру похмѣлье и принимаешь... Что, хороши наши московскіе порядки?

Я пожалѣлъ отъ души «честнѣйшаго и славнѣйшаго Ѳеофилактыча», какъ звали Писемскаго въ шутку москвичи, и разразился страшной филиппикой по поводу «самоуправства» и «жестокости нашихъ нравовъ»... Смотрю — Писемскій откинулся въ креслѣ и заливается громкимъ смѣхомъ.

— Чему ты радъ?—спрашиваю я его въ недоумѣніи.

— А ты и повѣрилъ моей встрѣчѣ съ «самоуправцами»... Это

---

[1]) Извѣстный газетный репортеръ того времени, не дававшій покою москвичамъ; въ настоящее время издаетъ газету «Московскій Листокъ».

я тебѣ разсказалъ легенду о самоуправцахъ нашей прессы... Набрасываются они изъ-за угла и бьютъ встрѣчнаго и поперечнаго, не разбирая даже, тотъ ли это, кого имъ нужно.

— Ну, это дѣло другаго рода, къ этому бока наши привычны,— засмѣялся и я въ свою очередь.

«Встрѣча съ самоуправцами»—послѣднiй разсказъ, который я слышалъ отъ А. Ѳ. Писемскаго.

П. Мартьяновъ.

ВЫБОРГСКАЯ СТАРИНА.

ЕДАВНО, по поводу намѣренія финляндскаго правительства возстановить, въ качествѣ памятника старины, Выборгскую крѣпость, построенную въ XIII вѣкѣ (по завоеваніи шведами Кареліи—правителемъ Торкелемъ Кнутсономъ), профессоръ Дерптскаго университета П. А. Висковатовъ сообщилъ черезъ газеты лицамъ, заинтересованнымъ въ реставраціи замка, что въ его библіотекѣ находятся детали и планы крѣпости города Выборга, составленные въ 1828 году инженеръ-полковникомъ Брандтомъ. Вскорѣ послѣ прочтенія этого сообщенія, пишущему эти строки пришлось быть въ Выборгѣ и, заинтересовавшись его прошлымъ, собрать свѣдѣнія, которыми въ настоящемъ очеркѣ мы подѣлимся съ читателями, полагая, что они будутъ не безъинтересны для нихъ, тѣмъ болѣе, что врядъ ли многіе знаютъ о Выборгѣ, какъ историческомъ памятникѣ.

Выборгъ основанъ въ 1118 году, при королѣ Эрикѣ Эдуардсонѣ, и былъ важнымъ городомъ въ Кареліи, или Киріаландіи. Въ 1293 году, онъ былъ обращенъ Торкелемъ Кнутсономъ въ крѣпость, что̀ и дало шведамъ возможность утвердиться въ этой части Финляндіи. Мирные финны древней столицы Кареліи, Суоме-Линна, какъ прежде назывался Выборгъ, никогда не видавшіе такихъ твердынь, какова была вновь сооруженная крѣпость съ замкомъ, приписали сверхъестественной силѣ быстрое построеніе его, и въ народѣ существуетъ до сихъ поръ сказаніе, что горный исполинъ, помогавшій зодчему, увлекъ его потомъ, за оказанную услугу, въ преисподнее царство. Впослѣдствіи, Выборгская крѣпость была

исправлена и значительно распространена Эрикомъ-Аксельсономъ Тоттомъ, въ 1477 году, и королемъ Густавомъ Вазою. До взятія же ея Петромъ Великимъ, въ 1710 году, русскіе нѣсколько разъ безъ успѣха осаждали Выборгъ: въ 1322 году, новгородцы вооружились противъ шведовъ, и просили великаго князя Георгія Даниловича принять надъ ними начальство. Георгій приступилъ къ Выборгу, но, съ 12 августа по 9 сентября, осаждалъ его безуспѣшно, хотя имѣлъ съ собою 6 большихъ стѣнобитныхъ орудій. Въ 1339 году, при Іоаннѣ Даниловичѣ Калитѣ «ходиша молодци новгородскіе съ воеводами и воеваша Городецскую (Выборгскую) корелу нѣмецкую и много попустошиша земли ихъ». Въ 1495 году, шестидесятитысячное русское войско три мѣсяца стояло подъ Выборгомъ; окрестная страна была опустошена огнемъ и мечемъ, но Выборгъ не

Видъ замка въ Выборгѣ въ 1708 году.

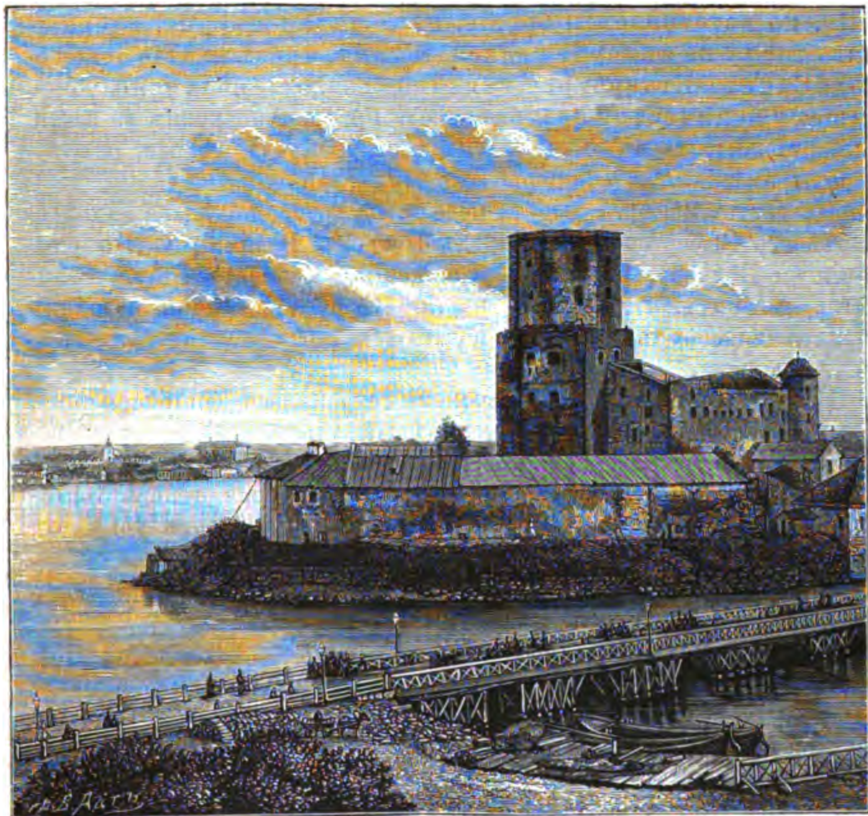
сдался. Сдѣланъ былъ приступъ; воины русскіе были уже на стѣнахъ, какъ вдругъ въ это время славный витязь Кнутъ-Поссе взорвалъ башню съ порохомъ. Множество русскихъ погибло въ развалинахъ, и войско отступило. Происшествіе это долго оставалось въ памяти финновъ, подъ названіемъ «Выборгскаго треска». Впродолженіе войны между Іоанномъ IV и Густавомъ Вазою, русскіе опять, въ 1555 и 1556 годахъ, осаждали Выборгъ и также безъ успѣха, равно какъ въ 1706 году. Не смотря на храбрость русскихъ, бомбардированіе города не имѣло успѣха и съ моря оказалось невозможнымъ взять Выборгъ. Но скоро новая гроза грянула надъ Выборгомъ: 21-го марта 1710 года, восемнадцатитысячное войско, подъ начальствомъ генералъ-адмирала Апраксина двинулось для осады этого города, и въ другой разъ обложило Выборгъ, защищаемый только 4,000 гарнизона. Петръ Великій собственноручными письмами давалъ Апраксину подробныя наставленія, а самъ, между

тѣмъ, заботился о доставленіи арміи орудій, снарядовъ и продовольствія, которые, впрочемъ, за льдомъ, покрывавшимъ заливъ, невозможно было скоро подвезти къ Выборгу. Кромѣ того, глубокіе снѣга причиняли русскимъ величайшія затрудненія; появившаяся язва лишала жизни многихъ солдатъ. Однако, всѣ эти трудности не отнимали духа у осаждающихъ.

Не смотря на все это, 28-го апрѣля, немедленно по вскрытіи Невы, государь отправилъ къ Выборгу флотъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Крюйса, будучи самъ на немъ въ качествѣ контръ-адмирала. Ледъ препятствовалъ подойдти къ Выборгу, и флотъ, подвергаясь большимъ опасностямъ, долженъ былъ стать на якорь у Березовыхъ острововъ. Осадный корпусъ терпѣлъ величайшій недостатокъ въ продовольствіи, и царь по этому случаю писалъ Апраксину: «истинно всѣмъ бы сердцемъ рады, да натуральная невозможность не допускаетъ». Настойчивость Петра и пренебреженіе всѣми опасностями увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ; продовольствіе было доставлено осаждающимъ въ то самое время, какъ послѣдніе припасы истощались.

Петръ самъ осмотрѣлъ крѣпость и 14-го мая далъ Апраксину наставленіе на счетъ осады, которую начали немедленно, устроивъ на высотахъ баттареи для обстрѣливанія крѣпости изъ 98 пушекъ и 28 мортиръ и открывъ траншеи. Содѣйствіе кораблей также входило въ соображеніе Петра, причемъ онъ предполагалъ, если представится возможность подвести ихъ близко къ берегу, то одинъ бастіонъ «брандеромъ сжечь», а другой «машиною инферналисъ подорвать». Самый же приступъ, по волѣ государя, должно было произвести днемъ, «никакъ не ночью, въ чемъ уже давно отвѣдано, что ночные штурмы не удаются, ради многихъ причинъ». Возложивъ дальнѣйшія попеченія объ успѣшнѣйшемъ овладѣніи крѣпостью на Апраксина и на военный совѣтъ и оставивъ контръ-адмирала Боциса съ галерами передъ Выборгомъ, Петръ Великій отправился въ Петербургъ. Одержимый тяжкою болѣзнію, онъ и тутъ не переставалъ посылать наставленія Апраксину, побуждая его употребить особенное стараніе, чтобы не допустить шведовъ доставлять въ Выборгъ продовольствіе. Относительно же самаго приступа Петръ далъ Апраксину подробную инструкцію, назначая его «для лучшей деверсіи непріятеля» одновременно съ сухаго пути и моря, какъ выразился государь въ письмѣ къ генералъ-адмиралу. «Предъ онымъ же штурмомъ, — писалъ далѣе Петръ, — Господа молить подобаетъ всѣмъ о помощи. Другое, добрую диспозицію учинить. Третье, понеже всѣ дѣла человѣческія отъ сердца происходятъ, того ради солдатскія сердца Давидовымъ веселіемъ увеселить». Надѣясь скоро получить облегченіе отъ болѣзни, Петръ Великій хотѣлъ самъ присутствовать на приступѣ.

Между тѣмъ, 1 іюня, съ осадныхъ баттарей открытъ былъ по крѣпости сильный огонь. Къ 6 числу, проломъ былъ уже готовъ. Два баталіона свободно могли чрезъ него взойдти. Приступъ назначенъ былъ на 9 іюня, но комендантъ крѣпости, видя невозможность устоять, предложилъ сдаться на капитуляцію. Начались переговоры съ Апраксинымъ, который, имѣя въ виду повелѣніе щадить кровь людей, готовъ былъ согласиться на весьма



Видъ Выборгской крѣпости въ настоящее время.
Съ фотографіи художника Савельева.

умѣренныя условія, позволяя гарнизону возвратиться въ Швецію. Но прибывшій 11 числа къ Выборгу Петръ, негодуя на шведское правительство за то, что оно, не смотря на переговоры, не облегчало участи нашихъ плѣнныхъ и не исполняло условій о размѣнѣ генераловъ и посланника (резидента) князя Хилкова, тогда какъ шведскій посолъ былъ отпущенъ, объявилъ 12 іюня выборгскій гарнизонъ военно-плѣннымъ. Онъ состоялъ тогда изъ 13 штабъ и 141 оберъ-офицеровъ и 3,726 нижнихъ чиновъ. Сверхъ того, най-

дены въ крѣпости 8 мортиръ, 2 гаубицы, 151 пушка и 5,499 рублей. 13 іюня, Петръ, во главѣ Преображенскаго полка, торжественно вошелъ въ городъ, который считался тогда передовою оградою новой столицы, такъ какъ самъ государь, извѣщая императрицу, писалъ ей, называя Выборгъ «крѣпкою подушкою Санктъ-Петербургу, устроенною чрезъ помощь Божію». А въ донесеніи своемъ, по званію контръ-адмирала, князю Ромодановскому говорилъ: «Извѣствую вашему величеству, что комендантъ выборгскій, по изготовленіи бреши, не дожидая штурма, вчерашняго числа на аккордъ сдался. И такъ, чрезъ взятіе сего города Санктъ-Петербургу, конечно, безопасіе получено, чѣмъ вашему величеству поздравляю». Графъ Апраксинъ за взятіе Выборга награжденъ былъ орденомъ св. апостола Андрея, всѣ генералы имѣніями, а офицеры золотыми медалями.

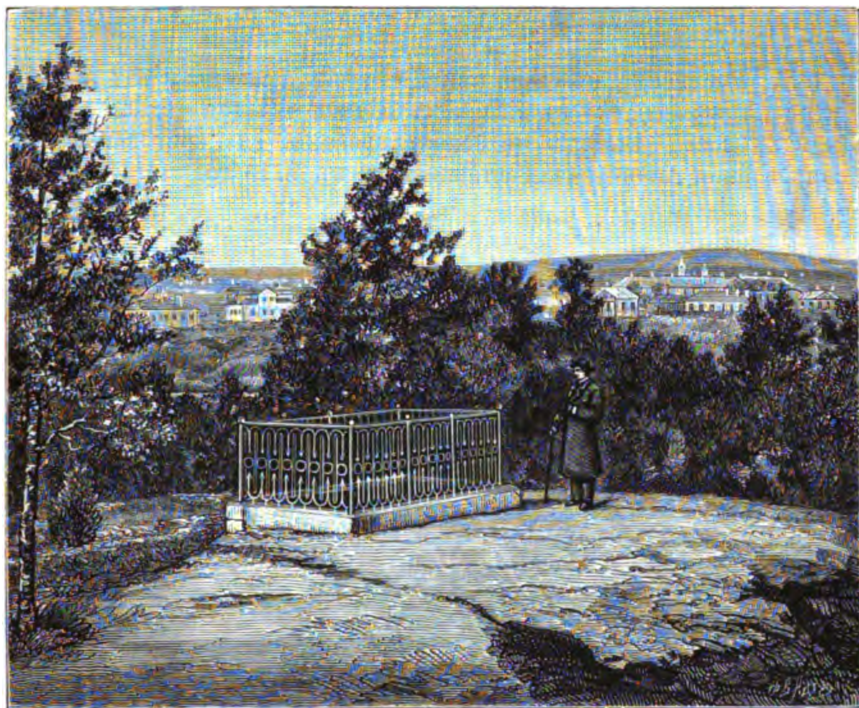
На взятіе Выборга выбита медаль, на которой сдѣлана надпись: «крѣпость Выборгская паде предъ Петромъ Великимъ». Въ описаніи ея Бѣляевъ, въ своемъ сочиненіи «Кабинетъ Петра Великаго», говоритъ, что въ день взятія Выборга государь изволилъ кушать и ночевать въ ставкѣ новаго кавалера ордена св. Андрея— гр. Апраксина.

Мѣсто это до настоящаго времени сохранилось, благодаря тому, что на камнѣ, представляющемъ цѣлый утесъ, къ которому ведутъ ступени, высѣченныя въ гранитѣ, видны вырѣзанный крестъ и вензель Петра I. Вблизи этой ставки находится теперь гостиница Санта—Анна, которая носитъ свое названіе отъ того, что въ царствованіе императрицы Анны, въ 1738 году, на этой скалѣ, гдѣ прежде была слобода Сиганьеми, была устроена небольшая крѣпость, называвшаяся Couronne d'Anne.

Другой памятникъ, относящійся къ эпохѣ взятія Выборга Петромъ, находится близь города, у дороги къ Фридрихсгаму и Вильманстранду. Это Казакъ-камень, на которомъ, по преданію, во время осмотра крѣпости Петромъ Великимъ для бомбардированія, храбрый донецъ, примѣтивъ летящее ядро непріятеля, въ одно мгновеніе отстранилъ царя и палъ за него.

Въ самой крѣпости не сохранилось никакихъ документовъ отъ осадъ ея датчанами и русскими, такъ какъ уцѣлѣвшія письменныя свидѣтельства, хранившіяся въ банкѣ, сгорѣли въ 1834 году. Объ этомъ пожарѣ говоритъ г. В. Михайловъ, въ своемъ путешествіи на Иматру («Библіотека для Чтенія», т. XIII, 1835, стр. 51), слѣдующее: «7 апрѣля, въ великій четвергъ, когда еще заливъ былъ покрытъ льдомъ, вдругъ поднялась страшная буря, и молнія ударила въ деревянное строеніе внутри башни замка. Пламя мгновенно охватило его, а гарнизонъ, при всей своей неустрашимости, не могъ ничего спасти и сдѣлать, такъ какъ въ ней кипѣло, какъ въ жерлѣ».

Изъ достопримѣчательностей Выборга нельзя еще не назвать прекраснаго и обширнаго сада «Mon-Repos», принадлежащаго барону Николаи. Этотъ садъ, разведенный военнымъ губернаторомъ Ступишинымъ, былъ распространенъ и отлично украшенъ генералъ-губернаторомъ старой Финляндіи, принцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ-Карломъ, бывшимъ впослѣдствіи королемъ Виртембергскимъ.



Скала въ Выборгѣ, съ огороженнымъ мѣстомъ, гдѣ по преданію Петръ Великій собственноручно вырубилъ крестъ и первую букву своего имени.

Съ фотографіи художника Савельева.

На вершинѣ скалы, въ саду находится небольшой замокъ съ четырьмя башенками, а влѣво отъ него возвышаются надгробные памятники основателя «Mon-Repos», его супруги и двухъ дѣтей. Мысль владѣльца приготовить себѣ могилу, окруживъ ее прахомъ милыхъ сердцу, на неприступной скалѣ, омываемой съ одной стороны волнами моря, а съ другой — устланной зеленью и цвѣтами, исполнена поэзіи грустной и трогательной. Чрезъ неширокій протокъ, легкій, висячій мостикъ переводитъ васъ къ берегу высокаго холма, на вершинѣ котораго находится небольшой мраморный памятникъ съ надписью:

Auf kurze Zeit,
Ist dieser Hügel mein,
Auf lange Zeit
Bin ich dann sein.

На краткій мигъ,
Прекрасный холмъ, ты мой;
Потомъ навѣкъ
Я буду твой.

Д. А. Ровинскій, въ своей книгѣ «Русскіе граверы и ихъ произведенія», говоритъ, что въ Главномъ Штабѣ имѣется мѣдная доска: «Видъ крѣпости Выборга и бомбардированіе ея», рисованная и гравированная Алексѣемъ Ростовцевымъ въ 1715 году.

И. Божеряновъ.

ПАМЯТЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ СЕСТРОРѢЦКѢ.

ВСКОРѢ послѣ основанія Петербурга и Кронштадта, Петръ Великій, убѣдившись въ затруднительности снабженія создаваемаго имъ балтійскаго флота огнестрѣльнымъ оружіемъ и другими воинскими припасами изъ внутреннихъ губерній Россіи, рѣшилъ построить вблизи столицы обширный оружейный заводъ со всѣми усовершенствованіями, видѣнными имъ за границей. Выборъ мѣста для такого важнаго сооруженія требовалъ особеннаго вниманія, и потому Петръ лично изслѣдовалъ всѣ окрестности, и послѣ долгихъ поисковъ нашелъ подходящую мѣстность въ 26 верстахъ отъ Петербурга къ сѣверо-западу, на береговой, песчаной отлогости, въ двухъ верстахъ отъ впаденія рѣки Сестры въ Финскій заливъ.

Изобиліе воды, необозримые лѣса, близость моря, столицы и Кронштадта, вполнѣ удовлетворяли желаніямъ Петра. Здѣсь, на крутомъ поворотѣ рѣки Сестры, образующемъ какъ бы полуостровъ, онъ заложилъ, въ 1716 году, главную плотину и распланировалъ зданія будущаго завода, названнаго имъ Систербекскимъ, или Сестрорѣцкимъ. Всѣ строительныя работы были возложены на приписныхъ крестьянъ Выборгскаго уѣзда, Кивинованской и Новокирхской деревень. Для руководства же этими крестьянами были переселены на постоянное жительство въ заводъ нѣсколько искуснѣйшихъ олонецкихъ плотниковъ съ семействами.

До заключенія мира съ Швеціей, Петръ, озабоченный гораздо болѣе важными государственными дѣлами, не имѣлъ возможности наблюдать за ходомъ работъ въ Сестрорѣцкѣ, и потому постройки

подвигались впередъ очень медленно. Но въ 1720 году, когда начались мирные переговоры на Аландскомъ конгрессѣ и Петръ пріѣхалъ въ Петербургъ, постройка завода оживилась съ необычайной энергіей, такъ что черезъ годъ главная плотина, всѣ деревянныя фабрики, казармы для помѣщенія рабочихъ были уже совершенно окончены, и къ величайшему удовольствію государя заводъ открылъ свои дѣйствія въ 1722 году изготовленіемъ фузей и другаго оружія.

Остатки дворца Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.
Съ фотографіи художника Савельева.

Въ 1724 году, въ Сестрорѣцкъ были выписаны изъ Пруссіи, Швеціи и Польши искусные мастера для отдѣлки оружія и принадлежностей къ нему по европейскимъ образцамъ, съ условіемъ, чтобы къ окончанію контрактнаго срока оци вполнѣ научили своему ремеслу избранное число сестрорѣцкихъ оружейниковъ, за что, сверхъ условленной цѣны, правительство обязалось наградить ихъ особыми суммами.

При обзорѣ заводскихъ окрестностей, Петру очень понравилось мѣстоположеніе выдавшагося въ Финскій заливъ мыса, и онъ, въ

1720 году, приказалъ выстроить на немъ, по плану имъ самимъ составленному, трехъ-этажный каменный дворецъ, который и былъ совершенно оконченъ на слѣдующій годъ. Во время частыхъ посѣщеній завода, государь останавливался въ этомъ дворцѣ и въ свободные часы занимался разведеніемъ сада съ фруктовыми деревьями. По дорогѣ отъ завода къ дворцу тянулась дубовая аллея, болѣе похожая на рощу; многіе изъ дубовъ, по сохраняющемуся среди сестрорѣцкихъ жителей преданію, были посажены и взле-

Дубовая роща въ Сестрорѣцкѣ, посаженная Петромъ Великимъ.
Съ фотографіи художника Савельева.

лѣяны рукою Петра Великаго. Большая часть ихъ и до сихъ поръ пощажена бурями и всесокрушающимъ временемъ. Дворецъ былъ убранъ очень просто, но со вкусомъ, и заключалъ въ себѣ все необходимое для загородной дачи. Въ церковь, устроенную во дворцѣ, при ея освященіи государь перенесъ изъ Петербургскаго Троицкаго собора образъ св. Николая чудотворца. Садъ и его дубовыя аллеи были окружены рвомъ въ полъ-сажени глубиною, а внутри находились пруды. Хотя они теперь и заросли, но правильность береговъ ихъ видна до сихъ поръ.

Противъ дворца, на юго-востокъ, была устроена небольшая гавань, въ которой помѣщались суда, приходившія изъ Кронштадта за издѣліями завода, или привозившія въ послѣдній съѣстные припасы и матеріалы для работъ. Береговая часть гавани была укрѣплена бревенчатыми сваями въ два ряда, съ значительною насыпью, служившею какъ бы бульваромъ передъ дворцомъ. Отъ гавани въ настоящее время сохранились еще кое-гдѣ остатки свай.

На огромномъ гранитномъ рифѣ, выдавшемся въ заливъ, въ ста саженяхъ отъ берега, противъ дворца, была построена на же-

Мѣсто, гдѣ находилась бесѣдка Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.

Съ фотографіи художника Савельева.

лѣзныхъ рамахъ бесѣдка, гдѣ Петръ любилъ угощать почетныхъ гостей, посѣщавшихъ Сестрорѣцкъ. На этой скалѣ, обнажающейся при убыли воды отъ продолжительнаго сѣверо-восточнаго вѣтра, и теперь еще замѣтны мѣста, залитыя свинцомъ, гдѣ были укрѣплены рамы бесѣдки.

По кончинѣ Петра Великаго, дворецъ Сестрорѣцкій, не посѣщаемый никѣмъ, оставался въ запустѣніи и началъ мало-по-малу разрушаться. Всѣ украшенія его и утварь, какъ-то: зеркала, драпировки, мебель, были взяты обратно въ гофъ-интендантскую контору, а иконостасъ и церковныя принадлежности пожертвованы въ Петропавловскую Сестрорѣцкую церковь, гдѣ хранятся до сего времени. Церковь эта первоначально была деревянная, но въ 1782

году вмѣсто нея стали строить каменную, и императрица Екатерина II разрѣшила разобрать полуразрушенный дворецъ и употребить оставшійся отъ него кирпичъ на церковную постройку.

Недалеко отъ Сестрорѣцка находится селеніе Лахта, памятное тѣмъ, что здѣсь въ октябрѣ 1724 года Петръ Великій, спасая ставшій на мель ботъ съ солдатами, получилъ ту смертельную болѣзнь, которая черезъ два мѣсяца свела его въ могилу. Изъ гранитныхъ глыбъ, окружающихъ берега, близь Лахты, впослѣдствіи взятъ громадный камень, служащій подножіемъ конной статуи великаго царя на Сенатской площади, въ Петербургѣ.

С. Ш.

ЧАСОВНЯ НАДЪ МОГИЛОЙ МУЧЕНИКА.

ВЪ МАРТОВСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за настоящій годъ, помѣщено сообщеніе о забытой могилѣ капитана Никифорова и нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ, замученныхъ въ апрѣлѣ 1863 г. близь города Петрокова польскими повстанцами. Это сообщеніе естественно вызываетъ у всякаго истинно-русскаго человѣка грустныя мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ и подаетъ надежду, что мѣсто упокоенія храбрыхъ и вѣрныхъ защитниковъ отечества будетъ, наконецъ, достойнымъ образомъ отмѣчено на память потомству. Найдутся, безъ сомнѣнія, люди, которые примутъ на себя заботы по устройству памятника, явятся жертвователи на благое дѣло, и могила мучениковъ не останется навсегда забытою. Въ подтвержденіе этого укажу какъ на отрадный фактъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ на примѣръ, достойный подражанія, — на сооруженіе памятника на могилѣ одного изъ мучениковъ 1863 года въ Западномъ краѣ. Въ февралѣ мѣсяцѣ, сего года, по дѣламъ службы, мнѣ пришлось побывать въ с. Котрѣ, Гродненской губерніи, Пружанскаго уѣзда, на границѣ Бѣловѣжской пущи, гдѣ, какъ извѣстно, укрывались въ 1863 году банды польскихъ повстанцевъ. Такъ какъ я уже зналъ, что въ селѣ Котрѣ повстанцами былъ повѣшенъ священникъ Романъ Ропацкій, то пожелалъ видѣть, гдѣ именно совершено это безбожное дѣло и въ какомъ состояніи находится могила священника — мученика. Изъ разспросовъ оказалось, что грушеваго дерева, на которомъ былъ повѣшенъ священникъ Ро-

пацкій, уже нѣтъ и слѣда, и даже никто не могъ съ точностію указать мнѣ мѣсто, гдѣ оно стояло; но за то на могилѣ о. Ропацкаго недавно построена деревянная часовня, въ которой мнѣ пришлось побывать и даже срисовать наружный видъ ея. Какъ можно видѣть на прилагаемомъ рисункѣ, часовня находится на кладбищѣ среди сосенъ, подъ тѣнью коихъ «праотцы села въ гробахъ уеди-

Часовня надъ могилой священника Ропацкаго.

ненныхъ сномъ непробуднымъ спятъ», окружая могилу своего доблестнаго пастыря. Въ часовнѣ пока находится одна икона хорошаго письма, около двухъ аршинъ длиною, на ней во весь ростъ изображены святые мученики — Іоакинѳъ (3-го іюля) и Романъ (18-го ноября). Внизу на иконѣ мною прочитана слѣдующая надпись: «Икона сія сооружена въ память и чествованіе дня ангела и дня кончины въ Бозѣ покоящагося въ сей часовнѣ бывшаго настоятеля Котранской церкви священника Романа Ропацкаго, принявшаго мученическую кончину чрезъ повѣшеніе отъ польскихъ мя-

тежниковъ въ с. Котрѣ. Священнодѣйствовалъ 15-ть лѣтъ. День ангела 18-го ноября, день кончины 3-го іюля 1863 года. Миръ праху твоему и вѣчная память, православный пастырь-мученикъ! Писана по благословенію матушки игуменіи Евстоліи въ иконописной мастерской Воскресенскаго женскаго монастыря въ С.-Петербургѣ».—Могила о. Ропацкаго до послѣдняго времени также была заброшена и, только благодаря заботамъ недавно поступившаго на приходъ въ с. Котру священника, на ней сооружена, при содѣйствіи благочестивыхъ жертвователей, часовня и установленъ крестный ходъ, ежегодно совершаемый отъ церкви къ часовнѣ. Но на этомъ не останавливается дѣятельной пастырь, онъ, какъ я узналъ, хлопочетъ объ иконостасѣ, дабы устроить въ часовнѣ кладбищенскую церковь. Да поможетъ ему Богъ въ семъ святомъ дѣлѣ.

И. М.

ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДІЯ НА АНГЛІЙСКОЙ СЦЕНѢ.

ЕТЫРЕ столѣтія тому назадъ, эпоха Возрожденія разсѣяла мракъ средневѣковаго невѣжества. Съ тѣхъ поръ изученіе классическаго міра не прекращалось въ Европѣ, не смотря на политическія бури, которымъ подвергались державы. Въ романскихъ расахъ, происходящихъ отъ древнихъ римлянъ, вниманіе интеллигенціи было, конечно, болѣе всего обращено на культуру Рима; германскія племена изслѣдовали также и явленія эллинскаго міра. Особенно успѣшно въ этомъ направленіи работала англосаксонская раса, поставившая изученіе греческой жизни однимъ изъ главныхъ предметовъ высшаго образованія. Почти всѣ выдающіеся политическіе и литературные дѣятели Англіи до нашего времени были серьёзными эллинистами. Стоитъ вспомнить только Гладстона, который будетъ дольше жить въ англійской исторіи, какъ комментаторъ Гомера, нежели какъ политическій дѣятель, особенно по отношенію къ внѣшней политикѣ. Въ высшихъ англійскихъ коллегіяхъ и университетахъ эллинизмъ занимаетъ преобладающее мѣсто: ученики ихъ не только основательно знакомятся съ греческимъ языкомъ и его литературою, но съ исторіею и культурою Греціи. Для этой цѣли давно уже вошло въ обычай разучивать греческія трагедіи и давать ихъ въ коллегіяхъ на театрахъ, устроиваемыхъ съ соблюденіемъ всѣхъ археологическихъ особенностей древней сцены. Точность въ исполненіи малѣйшихъ подробностей пьесъ греческихъ трагиковъ доходитъ въ Англіи до того, что трагедія является полнѣйшимъ воспроизведеніемъ спектаклей въ Аѳинахъ

за 5 столѣтій до нашей эры. Два года тому назадъ, въ Оксфордскомъ университетѣ сильное впечатлѣніе произвела постановка «Агамемнона» Эсхила. Объ этомъ представленіи писали всѣ газеты и журналы, разбирая подробно исполненіе трагедіи, декораціи и костюмы. Въ прошломъ году, въ Кембриджѣ дали «Птицъ» Аристофана и «Аякса» Софокла. О комедіи были также помѣщены обширныя рецензіи, но отзывы о трагедіи были очень краткіе, и только недавно учено-литературный иллюстрированный журналъ «The Century» помѣстилъ нѣсколько рисунковъ, изображающихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и хоръ трагедіи. Считаемъ нелишнимъ воспроизвести ихъ для русской публики, еще недавно съ интересомъ смотрѣвшей на представленіе въ Петербургѣ «Анти-

Тевкръ.

Одиссей.

гоны» Софокла, исполнявшейся, впрочемъ, при такой жалкой обстановкѣ, которая не даетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ исполнялись пьесы Софокла при жизни ихъ автора. Нѣкоторыя указанія на то, какъ былъ поставленъ «Аяксъ» въ Кембриджѣ. и на хоры трагедіи напомнятъ читателямъ о значеніи этой пьесы въ частности и вообще греческаго театра по отношенію къ исторіи искусства и литературы.

«Аяксъ» не принадлежитъ къ лучшимъ трагедіямъ Софокла: содержаніе ея слишкомъ несложно, не говоря уже о томъ, что совершенно не отвѣчаетъ современнымъ требованіямъ отъ пьесъ серьёзной фабулы. По смерти Ахилла греки присудили отдать его оружіе Одиссею, а не Аяксу, считавшемуся храбрѣйшимъ воителемъ послѣ сына Пелея. Видя въ этомъ личную обиду, раздраженный Аяксъ клянется отомстить вождямъ эллиновъ, но ихъ покровительница Паллада лишаетъ его разсудка, и онъ въ припадкѣ безумія, отправившись ночью убивать вождей, вмѣсто ихъ ис-

требляетъ барановъ въ стадѣ. Когда къ нему возвращается сознаніе, онъ, чувствуя себя опозореннымъ, не можетъ оставаться подъ Троей, гдѣ надъ нимъ будетъ смѣяться все греческое войско, и не смѣетъ вернуться къ отцу въ Саламинъ, боясь посрамленія. Тогда онъ рѣшается на самоубійство, и никто не можетъ отклонить его отъ этого намѣренія—ни его соотечественники, ни плѣнница его Текмесса. Ему тяжело разстаться съ жизнью, но онъ не считаетъ себя въ правѣ жить и убиваетъ себя. Трагедія оканчивается

Аѳина.

погребальными обрядами, имѣвшими такое важное значеніе въ жизни эллина и безъ исполненія которыхъ духъ его не нашелъ бы покоя въ Аидѣ. Бесѣдами объ этихъ обрядахъ наполнена почти треть пьесы. Незначительность содержанія не мѣшала, однако, геніальному автору придать много жизни и движенія трагедіи, сдѣлать интересными всѣхъ ея дѣйствующихъ лицъ. Труднѣе всего было, конечно, передать разсказъ о томъ, какъ Аяксъ принялъ барановъ за людей, но подробности объ истребленіи стада передаетъ Текмесса, плѣнная троянка, и ея наивное простодушіе скрадываетъ всѣ комическія стороны происшествія. Аяксъ, не смотря на его ослѣпленіе, лицо симпатичное по своему непреклонному желанію смыть свой стыдъ смертью. Онъ даже краснорѣчивъ

и логиченъ, когда защищаетъ свои права на оружіе Ахилла. Въ бѣшенство онъ приходилъ по волѣ богини, и напрасно только сцена избіенія животныхъ усложняется введеннымъ въ трагедію обстоятельствомъ, что онъ приводитъ плѣнными нѣсколько барановъ въ свою палатку съ тѣмъ, чтобы предать ихъ утромъ казни. Этою сценою начинается трагедія, исполненная въ Кембриджѣ при наружной обстановкѣ настоящаго аѳинскаго театра. Авансцена и порталъ — съ іоническими колоннами, поддерживавшими фронтонъ съ барельефами Вакха, вакханокъ, фавновъ и эротовъ, съ аттрибутами всѣхъ принадлежностей праздника въ честь веселаго бога. На каждой сторонѣ сцены бронзовыя двери вели въ оркестръ, расположенный тремя ступенями ниже: въ эти двери входилъ и выходилъ хоръ. Посреди оркестра стоялъ алтарь, убранный цвѣтами, съ зажженнымъ на немъ огнемъ; хоръ становился у этого алтаря, въ точности скопированнаго съ алтаря Діониса въ Аѳинахъ. Барельефы надъ дверями, представляющіе Гермеса, Орфея и Евридику, ребенка Вакха, приносимаго нимфами Низы — также точныя копіи древнихъ оригиналовъ. Архитектура полихроматическая, какъ во всѣхъ эллинскихъ зданіяхъ, но краски мягкія, производящія гармоническое впечатлѣніе. Сцена изображала морской берегъ близь Трои, въ раннее свѣтлое утро. Съ лѣвой стороны — частоколъ, окружающій лагерь съ палаткой Аякса, входъ въ которую закрытъ богатой завѣсой восточнаго рисунка. Направо видны кормы греческихъ кораблей, втянутыхъ на берегъ и укрѣпленныхъ большими камнями. Вдали море, подернутое легкою рябью. Одиссей приходитъ по слѣдамъ крови, пролитой Аяксомъ, къ его палаткѣ, но вдали на скалѣ видитъ фигуру Паллады-Аѳины въ бѣлой туникѣ, въ шлемѣ, съ эгидою на груди, съ копьемъ въ рукѣ, другая опущена на щитъ, лежащій у ногъ ея. Она разсказываетъ своему любимцу о безуміи, въ которое повергла Аякса, и вызываетъ его изъ палатки, хотя это безпокоитъ Одиссея. Аяксъ выбѣгаетъ съ окровавленной плетью въ рукахъ, относится враждебно-иронически къ богинѣ, потомъ опять убѣгаетъ, а она остается бесѣдовать съ Одиссеемъ, которому богиня совѣтуетъ «никогда не произносить надменныхъ словъ противъ боговъ», а Одиссей замѣчаетъ ей, что «всѣ мы, здѣсь живущіе, только призраки, легкоисчезающія тѣни». Этимъ оканчивается первый актъ. Второй актъ начинается лирическимъ гимномъ, исполненнымъ хоромъ. У грековъ хоръ поетъ подъ акомпаниментъ нѣсколькихъ флейтъ, но въ Кембриджѣ для него была написана мелодическая, хотя нѣсколько монотонная музыка профессоромъ Макферреномъ. Хоръ, составленный изъ греческихъ

Аяксъ.

Хоръ, призывающій боговъ.

матросовъ, хочетъ узнать о судьбѣ Аякса, и Текмесса, выйдя изъ его палатки, разсказываетъ, что случилось ночью. Текмесса—въ блѣдно-зеленомъ платьѣ, падающемъ широкими складками до ногъ, съ голыми руками, въ головной золотой повязкѣ, по образцу найденной Шлиманомъ въ Гиссарликѣ. Является Аяксъ и подтверждаетъ свое рѣшеніе умереть, не смотря на возраженія и мольбы хора. Наставникъ приводитъ къ нему его сына Еврисака, чтобы заставить героя перемѣнить свое намѣреніе, но все напрасно. Онъ беретъ сына къ себѣ на колѣни, и простившись съ нимъ въ теплыхъ выраженіяхъ, оставляетъ мальчика на попеченіе Тевкра, своего брата, и своихъ сподвижниковъ. Свой щитъ онъ оставляетъ своему сыну, остальное оружіе приказываетъ зарыть въ гробницу вмѣстѣ съ его прахомъ. Третье дѣйствіе начинается также небольшимъ хоромъ мо-

Текмесса.

Еврисакъ и его наставникъ.

ряковъ, собирающихся возвратиться въ Саламинъ. Аяксъ дѣлаетъ распоряженія относительно погребальныхъ обрядовъ, которые должны быть совершены надъ нимъ; онъ примиряется съ людьми и богами. По уходѣ его, хоръ возноситъ молитву богамъ, Аполлону Делосскому и Пану. Хоръ—въ грубыхъ кожаныхъ или овчинныхъ туникахъ, простыхъ шапкахъ; только предводитель ихъ, хорегъ, одѣтъ нѣсколько лучше. Молитву свою хоръ сопровождаетъ пляскою вокругъ алтаря — и воспроизвести ее на современной сценѣ было не легко, но она, однако, вполнѣ удалась и даже много содѣйствовала успѣху трагедіи. Актъ оканчивается сначала приходомъ вѣстника, посланнаго отъ Калхаса, освѣдомляющагося о судьбѣ Аякса, потомъ появленіемъ Текмессы, предающейся отчаянію въ то время, когда хоръ отправляется искать героя. Въ четвертомъ дѣйствіи, вопреки ложно понятому правилу о единствѣ мѣста древнихъ трагедій, декорація перемѣняется и представляетъ площадку на морскомъ берегу, отдаленную отъ лагеря и окруженную утесами и

кустарникомъ. Туманный вечеръ. Входитъ Аяксъ и прежде, чѣмъ сказать хоть одно слово, утверждаетъ свой мечъ между камнями, вонзивъ его рукояткою въ землю, чтобы, бросившись на него грудью, заколоться. Потомъ онъ прощается съ жизнью, проситъ Гермеса, сопровождающаго души умершихъ въ царство тѣней, дать ему спо-

Хоръ матросовъ Скамандра.

койно умереть, безъ страданій, взываетъ «къ вѣчно живущимъ дѣвамъ, страшнымъ Эринніямъ», чтобы онѣ отомстили Атридамъ и ихъ потомкамъ за его смерть. Затѣмъ онъ обращается къ богу солнца Аполлону и проситъ разсказать о его горькой судьбѣ и смерти — его отцу и несчастной женщинѣ, которая охраняетъ колыбель его дѣтей. Онъ призываетъ смерть, прощается съ свѣтлымъ солнцемъ, съ

священной землей Саламиномъ и Аѳинами, съ троянской равниной. «Внимайте послѣднимъ словамъ Аякса, съ этихъ поръ онъ будетъ говорить только въ Аидѣ со смертью». Монологъ этотъ считается самымъ патетическимъ въ греческой трагедіи. Бросившись на свой мечъ, герой закалывается и умираетъ. Является хоръ, оплакивающій такую ужасную кончину, потомъ Текмесса. Ихъ жалобы и рыданія прерываетъ Тевкръ, сожалѣющій больше всего о томъ, что онъ лишается всего со смертью своего брата и покровителя, а не о самомъ братѣ. Текмесса прикрываетъ своимъ платьемъ тѣло Аякса, чтобы закрыть его страшную рану. Она утѣшаетъ себя тѣмъ, что онъ умеръ по волѣ боговъ, а не своихъ враговъ.

Хорегъ.

Агамемнонъ.

Тевкръ хочетъ унести тѣло для совершенія надъ нимъ погребальнаго обряда, является Менелай и запрещаетъ это, но Тевкръ отстаиваетъ свои права и, поддерживаемый негодующимъ хоромъ, заставляетъ удалиться спартанскаго царя. Послѣ небольшой оды приходитъ Агамемнонъ, подтверждающій приказаніе—не отдавать трупу посмертныхъ почестей. Споръ между нимъ и Тевкромъ достигаетъ высшей степени, когда появившійся Одиссей уговариваетъ Агамемнона уступить. Тогда тѣло Аякса кладутъ на щиты и копья и уносятъ подъ звуки похороннаго марша, и хоръ, въ заключительныхъ стихахъ трагедіи, высказываетъ довольно банальную мысль, что «никто изъ смертныхъ не можетъ знать своей судьбы».

Такова эта трагедія, которую ученымъ англичанамъ вздумалось воскресить на своей землѣ, о которой и понятія не имѣли древніе греки. Безспорно, видѣть ее на сценѣ англійскаго университетскаго города было любопытно, но другаго чувства, кромѣ любопытства, она возбудить не могла, и что бы ни говорили фанатическіе поклонники классицизма, современный человѣкъ можетъ интересоваться «Аяксомъ» только съ исторической и археологической точки зрѣнія.

В. З.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Земскіе соборы древней Руси, ихъ исторія и организація сравнительно съ западно-европейскими представительными учрежденіями. Историко-юридическое изслѣдованіе В. Н. Латкина. Спб. 1885. Изд. Пантелѣева.

ОПРОСЪ о древне-русскомъ представительствѣ не разъ затрогивался въ нашей ученой литературѣ, и ему посвящено немало статей, между которыми встрѣчаются такія обстоятельныя изслѣдованія, какъ В. И. Сергѣевича, Н. П. Латкина, И. И. Дитятина и другихъ, но до сихъ поръ не доставало полной и подробной исторіи земскихъ соборовъ. Пополнить этотъ недостатокъ и имѣлъ въ виду В. Н. Латкинъ, выпуская въ свѣтъ настоящее свое изслѣдованіе. Первая попытка сравненія земскихъ соборовъ съ западно-европейскими представительными учрежденіями принадлежитъ В. И. Сергѣевичу, но онъ ограничился проведеніемъ параллели только между нашими соборами, англійскимъ парламентомъ и французскими генеральными штатами. Г. Латкинъ расширилъ кругъ сравненія, введя въ него представительныя учрежденія другихъ государствъ, Германіи, Швеціи, Испаніи, Венгріи.

Какъ введеніе къ своей исторіи земскихъ соборовъ, г. Латкинъ предпосылаетъ изслѣдованіе первоначальнаго общественнаго государственнаго устройства европейскихъ народовъ. Мы находимъ у нихъ слѣдующіе элементы соціальнаго строя: князя, совѣтъ старѣйшинъ и общее народное собраніе вѣче, на которомъ присутствуютъ всѣ свободные граждане волости. Народное собраніе является центромъ управленія, имѣетъ власть законодатель-

ную, судебную и исполнительную, распоряжается всѣми дѣлами общины; поэтому первоначальный строй европейскихъ народовъ слѣдуетъ признать демократическимъ. Расширяя сравненіе далѣе, найдемъ, что народное собраніе есть одинъ изъ основныхъ элементовъ соціальныхъ, встрѣчающійся у всѣхъ народовъ въ первобытномъ состояніи.

Съ теченіемъ времени вѣча измѣняются по своему составу: они изъ собраній всѣхъ свободныхъ людей превращаются въ собранія только нѣкоторыхъ лицъ, выдающихся по своему положенію, богатству, знатности. Одной изъ главныхъ причинъ такой перемѣны является расширеніе предѣловъ политическаго тѣла, органомъ котораго служитъ народное собраніе. Но надо замѣтить, что народъ не лишается права участія въ управленіи, путь къ нему пресѣкается не юридически, но фактически. Народныя собранія такимъ образомъ теряютъ свой прежній демократическій характеръ, становятся собраніями членовъ высшаго класса общества: таковы были Herrentag-Rittertag въ Германіи, витенагемотъ и magnum consilium въ Англіи, commune consilium во Франціи и т. д. Эту вторую стадію развитія прошли всѣ европейскія государства, даже славянскія, но въ Россіи было иначе, по мнѣнію г. Латкина. Здѣсь вѣчевое устройство существовало гораздо долѣе, чѣмъ на Западѣ, хотя съ теченіемъ времени вѣче лишилось политическаго характера, стало мѣстнымъ административно-хозяйственнымъ органомъ. Замѣна вѣча собраніемъ членовъ высшаго класса, по мнѣнію г. Латкина, не могла состояться, потому что не было высшаго класса, никакихъ корпорацій древнерусская жизнь не знала. Такое положеніе очень странно, недоказано, и самъ г. Латкинъ далѣе противорѣчитъ себѣ, говоря, что политическія функціи народа перешли къ князю и членамъ высшаго служилаго сословія. Сословность въ древней Руси дѣйствительно не получила рѣзкаго развитія, какъ на Западѣ, но отрицать совсѣмъ ея существованіе нѣтъ никакихъ данныхъ. Чѣмъ же была дружина въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи, а въ послѣдующій боярство? Какое же значеніе имѣетъ борьба съ боярствомъ, которую вели московскіе князья? Неужели они боролись съ несуществующимъ высшимъ классомъ? За что въ свою очередь стояли бояре? Вѣдь одной изъ главныхъ прерогативъ, которую они отстаивали, и было право совѣта, и не того совѣта, который завелъ себѣ Василій III, и на который такъ жаловался извѣстный Берсена.

Третьей стадіей въ развитіи народныхъ собраній были представительныя учрежденія, въ которыхъ участвуютъ члены высшихъ сословій поголовно и низшіе классы въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей. Эти собранія возникаютъ на Западѣ одновременно съ появленіемъ новой экономической и политической силы—городовъ. На Западѣ видна связь представительныхъ учрежденій съ первобытными народными собраніями, у насъ этой связи, по мнѣнію г. Латкина, нѣтъ, и предполагать, что земскій соборъ развился прямо изъ вѣча, г. Латкинъ находитъ ошибочнымъ. Но представительство у насъ явилось не по одному капризу верховной власти, а въ силу необходимости. Прямое участіе народа въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ не могло совсѣмъ исчезнуть: во-первыхъ, члены низшихъ классовъ составляли извѣстную силу, ихъ голосъ долженъ былъ приниматься въ разсчетъ; во-вторыхъ, принципъ народной автономіи продолжалъ существовать практически въ формѣ церковныхъ соборовъ, мѣстнаго самоуправленія и подачи челобитныхъ; въ-третьихъ, на мысль о всеобщемъ представительствѣ наводилъ при-

мѣръ сосѣднихъ государствъ, въ особенности Польши. Г. Латкинъ подробно излагаетъ исторію земскихъ соборовъ, причемъ во многомъ дополняетъ и исправляетъ выводы предшествовавшихъ ему изслѣдователей: особенно замѣчательны въ его сочиненіи отдѣлы о соборахъ 1642, 1648, 1649 годовъ. Онъ отстаиваетъ противъ Б. Н. Чичерина, слишкомъ отрицательно смотрящаго на наше древнее представительство, выборныхъ, участвовавшихъ на соборѣ 1642 года объ Азовѣ; г. Чичеринъ обвинилъ ихъ въ отсутствіи политической мысли, въ мелкихъ эгоистическихъ стремленіяхъ, г. Латкинъ по источникамъ доказываетъ неосновательность подобныхъ обвиненій. О соборѣ 1648—1649 года г. Латкинъ даетъ весьма интересныя свѣдѣнія, на основаніи матеріаловъ, изданныхъ имъ этой весной, дополняющія результаты изслѣдованій г.г. Загоскина и Сергѣевича. Въ своемъ изслѣдованіи г. Латкинъ указываетъ на существованіе многихъ соборовъ, обойденныхъ другими изслѣдователями: всѣхъ соборовъ, о которыхъ до насъ дошли свѣдѣнія, онъ насчитываетъ 32, тогда какъ самая высокая цифра ихъ у М. П. Загоскина всего 18. Г. Латкинъ дѣлитъ ихъ по составу на относительно полные, состоявшіе изъ представителей всѣхъ классовъ земли, неполные, состоявшіе изъ представителей какого нибудь одного класса, но по идеѣ признававшіеся представительствомъ всей земли, и фиктивные, бывшіе собственно скопищемъ извѣстной какой либо партіи.

Хотя наши земскіе соборы возникли совсѣмъ инымъ путемъ, чѣмъ западно-европейскія представительныя учрежденія, однако между тѣми и другими во многихъ отношеніяхъ существуетъ поразительное сходство. Соборы, какъ и западныя учрежденія, были собраніями сословными: какъ у насъ, такъ и на Западѣ депутаты были сословными представителями. Составъ русскихъ и западно-европейскихъ собраній во многомъ аналогиченъ: земскіе соборы состояли изъ представителей духовенства, служилыхъ людей и тяглыхъ, западныя собранія—изъ духовенства, дворянства и третьяго сословія, а въ нѣкоторыхъ государствахъ и крестьянъ. Время и мѣсто собраній и у насъ, и на Западѣ, не были установлены, и все зависѣло отъ государя. Въ порядкѣ созыва депутатовъ, ходѣ собраній, замѣчается та же аналогія. Различіе между разными представительными учрежденіями заключается въ компетенціи, функціяхъ и значеніи. Въ этомъ отношеніи земскіе соборы ближе всего подходятъ къ французскимъ генеральнымъ штатамъ: тогда какъ представительныя собранія другихъ странъ обладали извѣстными правами на основаніи различныхъ законодательныхъ актовъ, въ Россіи и Франціи они не имѣли юридической основы, отношенія между ними и государями не были опредѣлены закономъ, строились исключительно на фактической почвѣ. По мнѣнію славянофиловъ, отношеніе собора къ государю опредѣляется извѣстной фразой К. С. Аксакова: «правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія». Н. П. Загоскинъ называетъ эту фразу «классическимъ мѣстомъ литературы русской исторіи», но г. Латкинъ находитъ, что она «есть не что иное, какъ порожденіе того идеализированія явленій древне-русской жизни, на которое такъ падки славянофилы, и ужъ совсѣмъ негодна для занятія «классическаго мѣста» гдѣ бы то ни было». Но, такъ сердито отозвавшись о славянофилахъ, что же даетъ самъ г. Латкинъ? Земскій соборъ, по его словамъ, былъ силой, но не одного только мнѣнія. Сила его заключалась въ тѣхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, во время которыхъ онъ появляется на сцену для оказанія помощи слабому правительству, бывшему безсильнымъ,

чтобы самому совладать съ ними. Ему не были присущи какія бы то ни было политическія права и гарантіи, и онъ всегда возникалъ по иниціативѣ правительства, а сила его заключалась только въ слабости правительства. Точныя юридическія опредѣленія были не въ духѣ людей московской эпохи. Соборъ не былъ совѣщательнымъ учрежденіемъ, но не былъ также и ограничительнымъ. Наши государи нуждались въ содѣйствіи русской земли, они пользовались имъ въ формѣ соборовъ; этимъ все и исчерпывалось. Никто не думалъ закрѣпить это содѣйствіе въ какія либо опредѣленныя нормы закона. Таковъ взглядъ г. Латкина на значеніе земскихъ соборовъ, но въ чемъ же отличіе его отъ славянофильскаго? Разница только въ словахъ: вѣдь, спрашивая «мнѣнія» земли, государи московскіе, по ученію славянофиловъ, не играли какой нибудь комедіи, въ этомъ мнѣніи они искали опоры своего дѣйствія; ни одинъ славянофилъ не отрицалъ реальной важности этого мнѣнія, а главный пунктъ ихъ ученія состоитъ въ томъ, обязанъ ли былъ государь юридически спрашивать этого мнѣнія—такого обязательства не было, въ этомъ и вся суть. Въ основѣ представительства древне-русскаго лежалъ фактъ и даже, по ученію славянофиловъ, нравственная необходимость, а не право. Царь свободно обращался къ землѣ, земля свободно высказывала ему свои думы и желанія.

Не соглашаясь съ г. Латкинымъ въ нѣкоторыхъ его выводахъ, тѣмъ не менѣе, нельзя не признать за нимъ большой научной заслуги: историческій обзоръ соборовъ очень полонъ, составленъ по первоисточникамъ, по архивнымъ матеріаламъ; знакомство съ литературой предмета у г. Латкина очень обширное.

Въ приложеніи къ своему изслѣдованію г. Латкинъ напечаталъ документы касательно московскаго мятежа 1648 года, а также Плещеева и Траханіотова, обязательно сообщенные ему помощникомъ начальника отдѣленія московскаго архива министерства юстиціи, А. Н. Зерцаловымъ, и актъ собора 1651 года, извлеченный самимъ г. Латкинымъ изъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

А. В—инъ.

Разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. Александра Барсукова. Спб. 1885.

Разсказы г. Барсукова, основанные частію на новыхъ архивныхъ документахъ, написаны очень обстоятельно и живо и могутъ быть отнесены, по своей содержательности и свѣжести фактовъ, къ тѣмъ немногимъ книгамъ, которыя называются «вкладами» въ историческую литературу. Всѣхъ разсказовъ въ сборникѣ г. Барсукова шесть: 1) «Іоасафъ Батуринъ» (эпизодъ изъ царствованія Елисаветы Петровны); 2) «Узникъ Спасо-Евфиміева монастыря»; 3) «Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ»; 4) «Гатчинскія преданія объ Орловѣ», 5) «Батюшковъ и Опочининъ» и 6) «Шкловскіе авантюристы».

Въ первомъ разсказѣ описывается со всей полнотою извѣстная попытка дерзкаго и, отчаяннаго искателя приключеній, подпоручика Ширванскаго полка Батурина, произвести придворную революцію съ помощью московскихъ фабричныхъ рабочихъ. Батуринъ хотѣлъ низложить Елисавету Петровну и возвести на престолъ великаго князя Петра Ѳедоровича (позднѣ

императора Петра III). Онъ лично сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ предложеніе великому князю, но послѣдній уклонился отъ опасной услуги. Вскорѣ Батуринъ былъ выданъ сообщниками, осужденъ и посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ спустя четырнадцать лѣтъ, уже въ царствованіе Екатерины, снова изобличился въ «важной продерзости». Онъ, какъ сказано въ сентенціи по его дѣлу, «безстрашно и безъ угрызенія совѣсти увѣрялъ» караульныхъ солдатъ, «что якобы покойный государь (Петръ III) живъ и гуляетъ, а черезъ два года сюда возвратится». Писалъ онъ въ этомъ родѣ и завиральныя «бумажки», самозванно именуясь полковникомъ и оберъ-кабинетъ-курьеромъ, изъ которыхъ видно, что онъ едва ли былъ тогда въ своемъ умѣ. Его сослали въ камчатскій Большерѣцкій острогъ, откуда онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ Беніовскимъ и былъ убитъ на островѣ Формозѣ.

Въ разсказѣ «Узникъ Спасо-Евфиміева монастыря» изображена странная личность, фанатически увѣровавшая въ фиксію, что извѣстный И. И. Шуваловъ — прямой наслѣдникъ на россійскій престолъ, возвести котораго на царство, путемъ переворота, она и предлагала свои услуги. Это былъ баронъ Аншъ; фантазія его была признана безумнымъ враньемъ, и онъ былъ засаженъ въ Динамюндскую крѣпость, откуда спустя девятнадцать лѣтъ уже при Павлѣ былъ препровожденъ въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, какъ сумасшедшій маніакъ.

Самое большое мѣсто въ книгѣ г. Барсукова занимаетъ жизнеописаніе князя Г. Г. Орлова, которое можетъ назваться первымъ полнымъ изслѣдованіемъ объ этомъ выдающемся историческомъ лицѣ и объ его значеніи въ царствованіи и въ личной жизни Екатерины II. Авторъ смотритъ на этого фаворита великой государыни очень благосклонно, считаетъ его героемъ и чуть не геніемъ, «добрая душа котораго постоянно радѣла о благѣ отечества». Оптимистическій взглядъ этотъ грѣшитъ, намъ кажется, односторонностью и нѣкоторымъ пристрастіемъ. Господинъ Барсуковъ подобралъ только такія свидѣтельства о личности и дѣятельности Орлова, которыя говорятъ въ его пользу. Въ числѣ этихъ свидѣтельствъ оказываются даже хвалебные стихи Орлову тогдашней рабολѣпной музы, — источникъ, по нашему мнѣнію, болѣе чѣмъ сомнительный для оцѣнки героевъ «златаго вѣка». Затѣмъ, цитируя, напримѣръ, отзывъ князя Щербатова объ Орловѣ, авторъ пропускаетъ далеко не лестныя для его героя строки и оставляетъ лишь благопріятныя. Такимъ образомъ, статья эта производитъ впечатлѣніе апологіи.

Всего интереснѣе въ книгѣ г. Барсукова мастерски написанный разсказъ о знаменитомъ шкловскомъ сарданапалѣ, эксъ-фаворитѣ императрицы Екатерины II—Зоричѣ, и объ его гостяхъ—извѣстныхъ проходимцахъ, братьяхъ графахъ Зановичахъ, возъимѣвшихъ мысль сбогатить себя и поправить разстроенныя дѣла своего гостепріимнаго хозяина фабрикаціей фальшивыхъ ассигнацій. Скандалёзное дѣло объ этой аферѣ, бросившее тѣнь и на Зорича, впервые описано г. Барсуковымъ во всѣхъ подробностяхъ.

Мих. Н—евичъ.

Сказанія русскаго народа, собранныя И. П. Сахаровымъ. Книга I. Русское народное чернокнижіе. Русскія народныя игры, загадки, присловія и притчи. Книга II. Народный дневникъ. Праздники и обычаи. Спб. 1885.

Чтобы оцѣнить значеніе дѣятельности И. П. Сахарова, надо вспомнить, въ какомъ положеніи было наше народовѣдѣніе въ ту пору, когда начиналъ работать этотъ замѣчательный русскій этнографъ. Среди почтенныхъ представителей русской науки и литературы того времени было немало людей, обладавшихъ широкимъ философскимъ и историческимъ образованіемъ, но ихъ научное вниманіе лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обращалось на вопросы изученія быта родной страны. О самой народности въ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ преобладало чисто-теоретическое представленіе; выводы, обобщенія нисколько не опирались на факты, доставляемые въ наше время этнографическимъ изученіемъ. Между тѣмъ Сахаровъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ, поставилъ на первый планъ именно изученіе русской народности, какова она есть, прежде какихъ либо выводовъ. Если онъ при этомъ ошибался и увлекался, то ему это не только прощалось, но даже и въ вину не ставилось, потому что некому было и провѣрить его, некому было выставить такую же какъ онъ массу матеріала. Онъ впервые дѣлалъ достояніемъ науки, литературы и общественнаго сознанія пѣсни, сказки, обычаи, преданія, заговоры, загадки, игры, гаданья, чародѣйства, народный дневникъ, старинные словари и азбуковники, старинныя путешествія, записки, — черпая все это изъ неизвѣстныхъ до того времени рукописей и старыхъ рѣдкихъ изданій, а также и изъ изустныхъ сокровищъ русскаго народа.

«Сказанія русскаго народа» сдѣлались давно большой библіографической рѣдкостью, и переизданіе этого труда Сахарова давно уже являлось настоятельной потребностью. Напечатанныя теперь «Сказанія о русскомъ чернокнижіи» составляютъ первую статью во второй книгѣ «Сказаній русскаго народа». Помимо тѣхъ положительныхъ данныхъ, которыя заключаются въ этомъ сочиненіи, авторъ вложилъ въ него ту мысль, что «тайныя сказанія» не были созданіемъ русскаго народа, но внесены въ его сознаніе со стороны. Поэтому онъ обращается къ исторіи чернокнижія всѣхъ вѣковъ и народовъ, доказывая при этомъ иноземное происхожденіе всѣхъ видовъ русскаго чернокнижія.

Вслѣдъ за такимъ вступленіемъ (1—36), Сахаровъ переходитъ непосредственно къ фактической сторонѣ своей задачи и прежде всего подъ рубрикой «сказаній о кудесничествѣ» (37 — 76) сообщаетъ коллекцію заговоровъ (числомъ 64), собранныхъ самимъ Сахаровымъ и полученныхъ имъ отъ другихъ лицъ. Затѣмъ подъ заглавіемъ «Сказаній о чародѣйствѣ» (77 — 103) онъ излагаетъ различные пріемы колдовства (чары на вѣтеръ, на слѣдъ, для калѣкъ, на лошадь и т. д.), описываетъ различныя чародѣйныя травы. Далѣе идутъ «Сказанія о знахарствѣ» (104 — 126), гдѣ сообщаются разныя бытовыя суевѣрія и пріемы знахарскаго леченія; «Сказанія о ворожбѣ» (127 — 172), «Сказанія о народныхъ играхъ» (175 — 219), «Загадки и притчи» (223 - 269), «Народныя присловія» (273 — 298) (здѣсь собраны шутливыя и насмѣшливыя прозвища жителей различныхъ мѣстностей).

Всѣ эти рубрики представляютъ до сихъ поръ чрезвычайно богатый этнографическій матеріалъ, даже въ глазахъ самыхъ притязательныхъ судей и знатоковъ.

Не менѣе интересенъ и второй томикъ нынѣ вновь изданныхъ «Сказаній русскаго народа», заключающій въ себѣ народный дневникъ (1 — 160), въ которомъ пересказаны народные обычаи, повѣрья и присловья, пріуроченныя къ каждому дню народнаго календаря, и описаніе народныхъ праздниковъ и обычаевъ (163 — 240), согласно замѣчаніямъ старыхъ людей по днямъ и недѣлямъ; сюда, напримѣръ, вошло описаніе масляницы, хороводовъ, начинавшихся обыкновенно со святой недѣли, семика и т. д.

Желательно, чтобы изданіе сочиненій Сахарова было доведено до конца, что̀, конечно, будетъ зависѣть отъ того, какъ будутъ встрѣчены читающею публикою первые два выпущенные томика. Остаются не переизданными и малодоступными: «Путешествія русскихъ людей», «Пѣсни русскаго народа», «Записки русскихъ людей», сказки, затѣмъ цѣлый рядъ изслѣдованій библіографическихъ и археологическихъ, куда слѣдуетъ отнести замѣчательную для своего времени «Записку для обозрѣнія русскихъ древностей», составленную Сахаровымъ въ 1851 году, по порученію императорскаго археологическаго Общества, для разсылки по всей Россіи съ цѣлью распространенія правильныхъ понятій о задачахъ и пріемахъ археологіи.

Г. Е.

Поэтъ-Намѣстникъ. Графа Саліаса. Спб. 1885.

Екатерининская эпоха близко знакома графу Саліасу. Это вполнѣ подтверждается его историческими романами. Новымъ доказательствомъ можетъ служить и вышеприведенная книжка. Тутъ дѣло идетъ вообще о служебной дѣятельности Державина и въ частности о губернаторствѣ его въ Тамбовѣ. Этотъ эпизодъ чрезвычайно характеренъ. По немъ можно судить не только о Державинѣ, какъ чиновникѣ, но и объ условіяхъ административной службы въ тѣ времена, гордившіяся своей просвѣщенностью и своимъ наружнымъ блескомъ. Что же въ дѣйствительности скрывалось подъ красной внѣшностью?

Начиная съ самаго поступленія Державина на службу и кончая гоненіями на него, все въ карьерѣ нашего поэта рисуетъ въ непригляднomъ свѣтѣ оборотную сторону блестящей медали. Безъ покровителей служба тогда подвигалась туго. Надо было брать назойливостью и неотвязчивой надоѣдливостью, подольщаться къ вліятельнымъ особамъ. Державинъ находился именно въ такомъ положеніи. Онъ выхлопатывалъ себѣ самъ повышенія, причемъ выказывалъ назойливость, доходившую до дерзости. Надоѣвши порядкомъ Потемкину съ неотступными просьбами о наградѣ за отличіе во время Пугачевскаго бунта (между прочимъ, поэтъ ускакалъ изъ Саратова, предвидя взятіе его бунтовщиками), Державинъ за мнимые и военные подвиги назначенъ былъ коллежскимъ совѣтникомъ въ статскую службу. Сдѣлавшись противъ воли статскимъ, поэтъ долженъ былъ добиваться благосклонности всесильнаго генералъ-прокурора Вяземскаго. И онъ съ княземъ Вяземскимъ терпѣливо игралъ втеченіе полгода въ вистъ, любимую игру генералъ-прокурора. Это доставило ему мѣсто экзекутора въ 1-мъ департаментѣ правительствующаго сената.

Съ тѣхъ поръ Державинъ становится твердой ногой на службѣ. Его поэтическое дарованіе вскорѣ помогло ему пріобрѣсти благоволѣніе двора. Извѣстна исторія знаменитой оды къ Фелицѣ. Екатерина II обратила вниманіе на своего панегириста. И ободренный милостью императрицы Державинъ почувствовалъ въ себѣ достаточно вѣса, чтобъ не стушевывать своей личности передъ безпрекословнымъ подчиненіемъ произволу начальства. Тутъ-то и начинается цѣлый рядъ столкновеній Державина съ сильными міра, обличающихъ тогдашніе нравы и черты характера поэта.

Первой пробой показать себя послужило его столкновеніе съ княземъ Вяземскимъ. Она оказалось удачной. Хотя Державинъ долженъ былъ выйдти въ отставку, но Фелица не забыла своего мурзу. Вскорѣ поэта назначили олонецкимъ губернаторомъ. Въ этой должности онъ подчинялся Тутолмину, врагу князя Потемкина, котораго Державинъ также не преминулъ воспѣть (ода къ Рѣшемыслу). Стало быть, враждовать было изъ-за чего. Причина размолвки губернатора съ генералъ-губернаторомъ не выяснена хорошенько, но пререканія кончились тѣмъ, что Державина изъ болотъ и дебрей олонецкихъ перевели въ степи тамбовскія.

Значитъ, курсы поэта-намѣстника держались еще высоко, такъ какъ эта перемѣна мѣста являлась нѣкоторымъ повышеніемъ по службѣ. Графъ Саліасъ, быть можетъ, небезосновательно приписываетъ такую счастливую развязку столкновеніи Державина съ Тутолминымъ рѣчи олонецкаго губернатора при открытіи больницы. Въ этой рѣчи Россія сравнивается съ разслабленнымъ, которому Екатерина говоритъ: — «возми одръ твой и ходи!» Какъ бы тамъ ни было, Державинъ не имѣлъ повода унывать.

Далѣе графъ Саліасъ подробно слѣдитъ за каждымъ служебнымъ шагомъ Державина, по пріѣздѣ въ Тамбовъ (4-го марта 1786 г.). Новый губернаторъ ретиво принялся за благоустройство края и за просвѣщеніе мѣстнаго общества. Задача предстояла нелегкая. Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ оказался полнѣйшій безпорядокъ въ веденіи дѣлъ, взяточничество и пристрастіе царили во всей своей красѣ, не было дѣльныхъ чиновниковъ, не было и печатныхъ законовъ. Отсюда-то и возникали тогда курьёзнѣйшія дѣла, въ родѣ того, гдѣ одинъ вице-губернаторъ разрѣшилъ іеремонаху жениться, подкрѣпивъ свое рѣшеніе статьей закона.

Державинъ выписывалъ въ Тамбовъ и людей, и законы, но честныхъ чиновниковъ не получилъ, а изъ книгъ получилъ изъ Петербурга только регламентъ адмиралтейскій и полковничью инструкцію. При такихъ условіяхъ, когда подчиненные губернатора щеголяли и хвастались другъ передъ другомъ своими познаніями и своею ловкостью въ наукѣ лихоимства и крючкотворства, ретивый губернаторъ, производившій частыя ревизіи, не замедлилъ прослыть за человѣка безпокойнаго, формалиста и педанта. Но покамѣстъ Державину еще не приходилось смущаться. На его сторонѣ было тамбовское общество, расположенное къ губернатору за хлѣбосольство и, главное, за удовольствія, какія придумывалъ онъ для увеселенія и просвѣщенія тамбовцевъ. Губернаторъ завелъ у себя классы для дѣтей и танцклассы для полировки дворянъ въ видѣ баловъ и вечеровъ. На все хватало ретиваго правителя, и онъ самъ былъ доволенъ аборигенами первое время своей кипучей дѣятельности.

Но уже съ 1787 года начались недоразумѣнія, столкновенія, ссоры и съ тамбовскими обывателями, и съ генералъ-губернаторомъ Гудовичемъ, кон-

чившіяся въ 1789 году отрѣшеніемъ Державина отъ должности. При этомъ выказались всѣ непохвальныя черты его характера: мелочность, самолюбіе, упрямство и крутой нравъ, вспыльчивость и деспотизмъ. Державинъ хотѣлъ быть неограниченнымъ повелителемъ тамбовскимъ, но, не имѣя ни связей, ни средствъ, скоро осѣкся. Онъ, между прочимъ, затѣялъ въ Тамбовѣ двѣ исторіи. Одна задѣвала Гудовича, другая — вице-губернатора Ушакова. Въ обѣихъ нашъ поэтъ думалъ защищать казну и интересы правительства, на самомъ же дѣлѣ весь сыръ боръ загорѣлся изъ-за самолюбія Державина. Графъ Саліасъ талантливо изобразилъ эту траги-комедію крючкотворства и ябедничества, въ которой поэтъ-намѣстникъ игралъ не менѣе некрасивую роль, какъ и его враги. По замѣчанію автора, вскрывъ на свѣтъ Божій всѣ административныя злоупотребленія и безобразія провинціальнаго захолустья, Державинъ самъ запутался въ цѣлой сѣти жалобъ, доносовъ, ябедъ и каверзъ, посылавшихся изъ Тамбова въ Петербургъ. И мудрая Фелица была не на сторонѣ поэта, не смотря на всю правоту. При свиданіи съ мурзой она заявила ему прямо: «чинъ чина почитай», что онъ, «должно быть, безпокойный чиновникъ, если въ третьемъ мѣстѣ не ужился».

Все это убѣждаетъ, что Державинъ, при всемъ своемъ умѣ, поэтическомъ дарованіи и при всѣхъ просвѣщенныхъ взглядахъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его заботы объ училищахъ и о защитѣ крѣпостныхъ отъ жестокостей (при столкновеніи съ Загряжскимъ), былъ, какъ говорится, крайне личнымъ и мелочно-запальчивымъ человѣкомъ. Выказывая на первый взглядъ симпатичную прямоту и горячность въ ссорахъ, онъ не пренебрегалъ въ личныхъ видахъ тѣми же самыми средствами, которыя пускались въ ходъ его продажными и ограниченными противниками. Онъ льстилъ сильнымъ міра, пока они были ему нужны, — въ этомъ отношеніи онъ былъ вполнѣ сыномъ своего вѣка. Но онъ же и не гнушался крючкотворской манеры, когда видѣлъ враговъ въ тѣхъ, кому вчера еще пѣлъ похвалы.

Графъ Саліасъ оказалъ услугу исторической критикѣ, сгруппировавъ въ сжатомъ изслѣдованіи данныя, обрисовывающія личность нашего поэта съ этой психологической стороны, въ зависимости отъ условій его времени.

Ѳ. В.

Тяжелая память прошлаго. Разсказы изъ дѣлъ Тайной Канцеляріи и другихъ архивовъ. Г. В. Есипова. Спб. 1885.

Статьи Г. В. Есипова представляютъ двойной интересъ: онѣ написаны всегда живо, вполнѣ доступно для публики и составлены по архивнымъ даннымъ, изъ которыхъ не всѣ, какъ, напримѣръ, дѣла Тайной Канцеляріи и Преображенскаго Приказа, открыты для пользованія ученыхъ изслѣдователей. Въ разсматриваемой книжкѣ собрано нѣсколько статей, напечатанныхъ уже ранѣе въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и въ сборникѣ «Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія». Въ первой половинѣ XVIII столѣтія въ печальной памяти Тайной Канцеляріи шла постоянная, усиленная работа: всякое неосторожно сказанное слово о какомъ нибудь дѣятелѣ, бывшемъ, какъ тогда обыкновенно выражались, «во времени», всякое самое слабое выраженіе недовольства положеніемъ дѣлъ влекло человѣка въ застѣнки Тайной Канцеляріи; былъ цѣлый классъ людей, спеціально предназначенныхъ въ эти застѣнки, — это были раскольники, политическая благонадежность кото-

рыхъ сильно заподозрѣвалась правительствомъ. Изъ раскольниковъ, выведенныхъ въ книгѣ Г. В. Есипова, особенно выдѣляется по своей нравственной высотѣ, по искренности и стойкости въ убѣжденіяхъ, личность старца изъ дворянъ Варлаама Левина. Кромѣ раскольничьихъ дѣлъ, заслуживаютъ вниманія въ книгѣ г. Есипова статьи: «Ссылка Меньшикова», въ которой сообщаются подробныя и важныя свѣдѣнія о жизни Меньшикова и его семьи сперва въ Раненбургѣ, потомъ въ Березовѣ, и «Ванька Каинъ», прекрасно характеризующая состояніе полиціи и бытъ торговыхъ людей и низшихъ слоевъ населенія Москвы въ половинѣ XVIII вѣка.

В. А.

Систематическая роспись содержанія «Русской Старины», изд. 1870—1884 годовъ. Спб. 1885.

Наконецъ-то почтенный издатель «Русской Старины» сжалился надъ изслѣдователями отечественной исторіи и издалъ «Систематическую роспись» содержанія своего журнала за 1870—1884 годы. Втеченіе этого пятнадцатилѣтняго періода существованія «Русской Старины» въ ней обнародована такая масса разнороднаго матеріала и документовъ, съ безчисленными къ нимъ поправками и дополненіями, что разобраться во всемъ этомъ было почти невозможно. Теперь, благодаря «Росписи», пользованіе 44 томами «Старины» значительно облегчено и всякое нужное свѣдѣніе или справка могутъ быть найдены безъ большой потери времени. Весь напечатанный въ журналѣ матеріалъ раздѣленъ въ «Росписи» на десять группъ, или отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ—записки и воспоминанія въ хронологическомъ порядкѣ по времени событій, но при этомъ записки и воспоминанія одного и того же лица, хотя бы онѣ относились и къ разнымъ годамъ, сгруппированы всѣ вмѣстѣ. Во второмъ — изслѣдованія, очерки, разсказы, біографіи и жизнеописанія; въ третьемъ — акты, указы, рескрипты, письма и проч., причемъ статьи втораго и третьяго отдѣловъ расположены въ хронологическомъ порядкѣ и разбиты по царствованіямъ; въ четвертомъ — родословія; въ пятомъ — исторія церкви, духовенство, расколъ, также въ хронологическомъ порядкѣ; въ шестомъ — исторія отечественной литературы; въ седьмомъ — исторія искусствъ; въ восьмомъ — рисунки и портреты, приложенные къ журналу; въ девятомъ — разныя справочныя свѣдѣнія и въ десятомъ — библіографія. «Роспись» снабжена алфавитнымъ указателемъ всѣхъ встрѣчающихся въ ней собственныхъ именъ и нѣсколькими портретами, оставшимися въ редакціи изъ числа помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ».

С. Ш.

Отчетъ о дѣятельности Прибалтійскаго православнаго братства за 1884 годъ. Спб. 1885.

Изъ всѣхъ нашихъ братствъ, дѣйствующихъ въ пользу распространенія православія на окраинахъ Россіи, на долю Прибалтійскаго братства выпала едва ли не самая тяжелая и упорная борьба. Одолѣвать языческую грубость или нехристіанское невѣжество гораздо легче, нежели затаенную, но фанатическую вражду исповѣданія, считающаго себя ортодоксальнымъ непре-

имуществу. Стоитъ припомнить недавній возмутительный фактъ сожженія православнаго храма въ краѣ, издавна гордящемся своею цивилизаціею, чтобы убѣдиться въ печальной истинѣ, что не всегда эта цивилизація уживается съ честностью и справедливостью. Цѣль Прибалтійскаго братства заключается въ устройствѣ новыхъ и поддержаніи старыхъ русскихъ церквей въ краѣ, содержаніи и устройствѣ народныхъ школъ и въ содѣйствіи народному образованію путемъ распространенія полезныхъ изданій и матеріальной поддержкой учащихся. И вотъ отчетъ братства приходится начинать свѣдѣніями о возобновленіи якобштадтскаго храма, существовавшаго два столѣтія и сожженнаго злоумышленникомъ, съ помощью взрывчатыхъ веществъ черезъ два мѣсяца послѣ его возобновленія. Это возобновленіе обошлось братству въ 26½ тысячъ, но изъ нихъ 20 тысячъ были собраны пожертвованіями. Вновь воздвигаемый каменный храмъ будетъ, конечно, стоить дороже. Но будетъ ли онъ болѣе гарантированъ отъ поджога и не подстрекаетъ ли безнаказанность перваго удавшагося преступленія на попытку ко второму?.. На другія церкви братство израсходовало въ отчетномъ году 1,420 рублей. На школы, пособіе бѣднымъ и изданіе книгъ издержано 7,625 рублей. Книги братство издаетъ въ убытокъ себѣ: такъ, каждый экземпляръ эстонскаго перевода отца Поспѣлова «Наставленіе въ православной вѣрѣ» продается почти восемью копѣйками дешевле его стоимости, считая расходы за печать и бумагу. Средства братства состояли въ отчетномъ году изъ 156,750 рублей, но изъ этой суммы только до 6,000 рублей могли быть обращены на текущія потребности; остальная часть составляетъ неприкосновенный капиталъ. Кромѣ того, въ распоряженіи братства имѣлся запасъ матеріальнаго имущества изъ церковныхъ принадлежностей, иконъ, книгъ и т. п. Къ сожалѣнію, и здѣсь, какъ почти во всѣхъ нашихъ обществахъ, членскіе взносы поступаютъ весьма неудовлетворительно. 336 годовыхъ членовъ и соревнователей внесли всего 552 рубля. Къ январю 1885 года весь приходъ братства простирался до 201,442 рублей. Составъ братства весьма многочисленный: въ немъ 42 почетныхъ братчика (въ спискѣ показаны даже девять умершихъ) и 665 братчиковъ пожизненныхъ, а всѣхъ вмѣстѣ 1,044. Канцелярія совѣта братства расходуетъ всего 960 рублей въ годъ.

В. З.

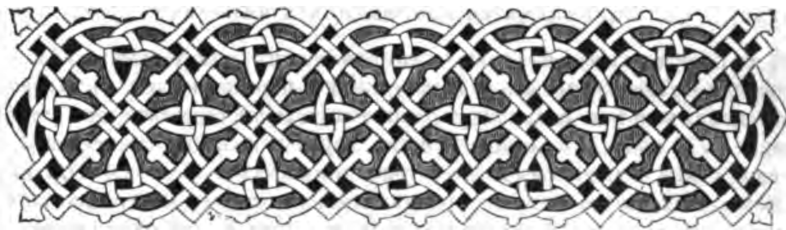
Отчетъ о дѣятельности коммиссіи по возстановленію древнихъ зданій въ кремлѣ Ростова Великаго въ 1885 году. Ярославль. 1885.

Три года тому назадъ начато было возстановленіе древнихъ зданій въ кремлѣ Ростова Великаго. На это возстановленіе израсходовано уже нѣсколько тысячъ рублей, собранныхъ исключительно пожертвованіями частныхъ лицъ, сочувствующихъ сохраненію памятниковъ нашей старины. Дѣло ихъ возстановленія въ Ростовѣ Великомъ идетъ вполнѣ успѣшно. Въ отчетѣ за 1885 годъ сообщается, сверхъ различныхъ дополнительныхъ работъ по Бѣлой палатѣ и княжимъ теремамъ, ходъ возобновленія храма во имя св. Леонтія, открытаго въ ростовскомъ Успенскомъ соборѣ подъ поломъ на глубинѣ трехъ съ половиною аршинъ. Открытіе это произошло совершенно случайно, такъ какъ никому изъ жителей Ростова, даже старожиламъ, не было извѣстно существованіе этого храма. Въ іюнѣ 1884 года, при перестилкѣ пола въ Успенскомъ соборѣ, подняты были старыя чугунныя плиты въ при

дѣлѣ св. Леонтія, причемъ присутствовавшими членами коммиссіи возобновленія усмотрѣны были подъ поломъ, на стѣнахъ придѣла, слѣды древней фресковой живописи. Когда былъ расчищенъ мусоръ, находившійся подъ поломъ и вынуты были наваленные тамъ кирпичи и земля, то на лѣвой сторонѣ, при входѣ въ придѣлъ, на глубинѣ трехъ аршинъ, оказались фрески съ изображеніемъ св. Игнатія. Возлѣ этого изображенія отъ главнаго алтаря спускалась на 3½ аршина каменная лѣстница, ступени которой отъ употребленія оказались избитыми. Произведенныя вслѣдъ затѣмъ серьёзныя раскопки обнаружили сохранившійся каменный престолъ и живопись на стѣнахъ, подъ ракою же св. Леонтія у стѣннаго живописнаго изображенія оказался каменный гробъ этого святителя. Слѣдовательно, при первоначальной постройкѣ Успенскаго собора въ 1230 году, придѣлъ св. Леонтія находился на уровнѣ много ниже соборнаго пола, именно въ томъ видѣ, какъ оказалось основаніе отрытаго пола съ каменнымъ престоломъ. Въ соборныхъ документахъ не сохранилось никакого указанія, когда именно совершилось уничтоженіе придѣла св. Леонтія въ нижней части собора. Можно только полагать, что это уничтоженіе произведено было послѣ пожара 1730 года, именно когда въ 1735 году ростовскій архіепископъ Іоакимъ возобновилъ внутренность собора. Освященіе пещернаго храма св. Леонтія совершено было торжественнымъ образомъ, при съѣздѣ многихъ ученыхъ изъ Петербурга и Москвы, 29-го сентября нынѣшняго года.

Изъ этого же отчета, видно, что лѣтомъ 1885 года, коммиссіею по возстановленію древнихъ зданій въ Ростовѣ открыты были вновь древнія фрески, именно подъ сѣверо-восточною главою Успенскаго собора, подъ сводомъ, половина котораго была закрыта каменнымъ столпомъ, сдѣланнымъ въ позднѣйшее время. На уцѣлѣвшей половинѣ арки оказалось прекрасно сохранившееся изображеніе одного изъ семидесяти апостоловъ. По заявленію художниковъ, эта живопись современна постройкѣ каменнаго собора, слѣдовательно принадлежитъ къ XIII столѣтію. Другія фрески открыты на паперти церкви Іоанна Богослова. Эта живопись, также замѣчательная въ своемъ родѣ, принадлежитъ уже позднѣйшему времени.

П. У.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Луи Леже о болгарскомъ кризисѣ. — Бонвало въ Средней Азіи. — Директорія и египетская экспедиція. — Мексиканская экспедиція. — Европа и французская революція. — Послѣдняя любовь Генриха IV. — Паденіе Венеціанской республики. — Конецъ старой Франціи. — Король и заговорщикъ. — Первыя нашествія на Италію. — Непопулярный король и король-деспотъ въ Англіи. — Поѣздка на Аляску. — Юго-западныя территоріи и преріи Сѣверной Америки. — Первыя книги объ Америкѣ. — Открыватели рая. — Древній Египетъ по Бругшу. — Письма кровожаднаго посланника. — Тургеневъ и Шекспиръ.

ВОЗСОЕДИНЕНІЕ Болгаріи съ Восточной Румеліей послужило предметомъ серьёзнаго изслѣдованія въ «Revue politique et littéraire», написаннаго извѣстнымъ знатокомъ славянскаго міра, профессоромъ славянскихъ литературъ Луи Леже. Статья эта, названная «Болгарскій кризисъ» (La crise bulgare), начинается съ изложенія причинъ филиппопольской революціи. «Для всѣхъ, кто знакомъ съ исторіей Турціи и славянства, — говоритъ авторъ, — переворотъ этотъ былъ неизбѣженъ, и надо радоваться, что онъ произошелъ не среди кровавыхъ конвульсій, не при громѣ пушекъ и пожарѣ селъ, зажженныхъ башибузуками. Fata viam invenient, — говоритъ поэтъ, и судьбы болгарскаго народа нашли свою дорогу. Становясь поперегъ ея, европейская дипломатія готовитъ тяжелую катастрофу, подготовленную, впрочемъ, Берлинскимъ конгрессомъ». Въ прошломъ году, въ книгѣ своей «Сава, Дунай и Балканы» (La Save, le Danube et le Balkan) Луи Леже говорилъ, что противоестественное раздробленіе одного народа на три части: Болгарія, Румелія и Македонія, сочиненное Биконсфильдомъ и Бисмаркомъ, не можетъ долго существовать, и разрозненные члены одной націи соединятся при первомъ удобномъ случаѣ. Дипломатія никакъ не хочетъ вѣрить, что этотъ народъ созрѣлъ для политической жизни, можетъ дѣйствовать самъ

собой, и приписываетъ возстаніе панславистскимъ комитетамъ, какъ при объединеніи Италіи приписывали патріотическіе порывы народа къ освобожденію—какимъ-то революціоннымъ обществамъ. Леже разсказываетъ исторію Болгаріи съ V вѣка. Болгарское царство, павшее подъ ударами турокъ, нашло еще болѣе непримиримыхъ враговъ въ грекахъ, хотя въ XIII вѣкѣ царь болгарскій носилъ титулъ «Imperator Bulgarorum et Blacorum», но эти же влахи, какъ только послѣдній болгарскій патріархъ умеръ въ изгнаніи, наложили руку на болгарскую церковь. Въ то время, когда болгарская аристократія, чтобы спасти свои земли и богатства, принимала мусульманство, греческое духовенство безжалостно истребляло произведенія духовной и свѣтской литературы болгарскаго народа, оставшагося вѣрнымъ религіи и языку своихъ предковъ. Еще нѣтъ сорока лѣтъ, какъ греческіе монахи на Аѳонѣ топили печи въ своихъ монастыряхъ болгарскими и славянскими книгами. Попытки возстанія угнетеннаго племени противъ своихъ притѣснителей продолжались съ XVI вѣка. Въ Балканскихъ и Родопскихъ горахъ бродили шайки гайдуковъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе не признававшія власти султана. Возрожденіе болгаръ началось съ духовныхъ трудовъ монаха Паисія и епископа Софронія. Сама Турція освободила еще въ 1870 году болгарскую церковь отъ невыносимаго гнета греческаго духовенства; наконецъ, въ 1878 году, Россія освободила страну отъ политическаго гнета. Но изъ вражды къ Россіи Европа не допустила существованія Болгаріи между двумя морями и, расчленивъ ее, даже пригласила султана занять турецкими войсками Балканы и укрѣпить ихъ. Падишахъ не рѣшился, однако, на эту мѣру, которая ускорила бы только возсоединеніе Болгаріи, совершившееся черезъ шесть лѣтъ послѣ сочиненія Восточной Румеліи. Въ это время болгары не разъ обращались къ европейской дипломатіи съ просьбою—положить конецъ такому ненормальному порядку вещей, но дипломатія постоянно отвѣчала одно и то же: подождите! Болгарамъ надоѣло, наконецъ, дожидаться неизвѣстно чего. Но и теперь, какъ всегда, врагами ихъ являются тѣ же греки, претендующіе на занятіе Македоніи, гдѣ они составляютъ только пятнадцатую часть населенія (на 816,000 болгаръ 42½ тысячъ грековъ). Правда, Филиппополь основанъ отцомъ Александра Македонскаго, но вѣдь и Македонію, какъ всю сѣверную и западную часть полуострова, еще съ X вѣка заняли славяне. Взаключеніе своей статьи Луи Леже представляетъ характеристику двухъ губернаторовъ Румеліи — Алеко-паши и Крестовича. Авторъ убѣжденъ въ томъ, что болгарскій народъ созрѣлъ для свободы и вполнѣ заслуживаетъ симпатіи Европы, хотя нѣкоторые и недовольны имъ. «Но всякій народъ, получившій независимость, ревниво охраняетъ ее и дѣлается эгоистомъ, какъ Италія по отношенію къ Франціи, какъ Сербія по отношенію къ Россіи. Болгарская революція не нарушитъ мира на Балканскомъ полуостровѣ, но упрочитъ его». Эти заключительныя слова статьи отзываются оптимизмомъ, и Луи Леже не говоритъ ничего о притязаніяхъ Греціи и Сербіи на расширеніе своихъ владѣній, въ виду увеличенія Болгаріи. А эти притязанія, не поддерживаемыя великими державами, неминуемо поведутъ къ столкновенію съ турками.

— Другой французъ Габріель Бонвало представляетъ картину другихъ отдаленныхъ странъ, гдѣ также можетъ возникнуть столкновеніе между двумя могущественными державами. Во второй части своей книги: «Въ центральной Азіи. Отъ Когистана до Каспія» (En Asie Centrale. Du Kohistan à la Caspienne), онъ описываетъ все, что видѣлъ и изслѣдовалъ въ Сред-

ней Азіи, начиная отъ Самарканда, откуда онъ проѣхалъ черезъ «степи голода» къ Когистану, на лѣвый склонъ Зарявшанской долины. Здѣсь онъ собралъ свѣдѣнія о бытѣ и нравахъ горныхъ жителей, дѣлалъ геодезическія измѣренія и этнографическія наблюденія, осмотрѣлъ одинъ изъ притоковъ Сыръ-Дарьи и Бухару, откуда, черезъ Аму-Дарьинскую долину въ Хиву и черезъ Усть-Уртскую степь въ Красноводскъ, и изъ Баку вернулся во Францію. Всѣ эти мѣста описаны имъ какъ въ научномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Оставляя туркменскія степи, авторъ сожалѣетъ, что не могъ проникнуть по нимъ до тѣхъ урочищъ, гдѣ еще недавно гремѣло русское оружіе и готова была вспыхнуть новая война изъ-за обладанія пустынными степями и странно понимаемой необходимости защищать доступы къ Индію на тысячеверстномъ разстояніи отъ ея границъ. Книга Бонвало даетъ полное понятіе о положеніи осмотрѣнной имъ части Средней Азіи.

— Графъ Буле де ла Мёртъ издалъ подъ названіемъ «Директорія и египетская экспедиція» (Le Directoire et l'expedition d'Egypte) любопытный этюдъ о попыткахъ Директоріи войдти въ сношеніе съ Бонапарте, помочь ему и вернуть его во Францію. Египетская экспедиція была задумана, ведена и выполнена генераломъ Бонапарте, но и Директорія играла въ ней также видную роль. Авторъ объясняетъ, почему республика рѣшилась отправить на дальній востокъ своего лучшаго генерала и лучшія войска: она не могла воевать съ Англіею на морѣ, не могла произвести высадку на островъ Великобританіи, хоть и сбиралась сдѣлать это, и потому придумала нанести вредъ своей соперницѣ, повредивъ ея интересамъ на берегахъ Нила. Притомъ, занявъ Мальту и Александрію, французскій флотъ могъ господствовать надъ Средиземнымъ моремъ. Сверхъ того, удаливъ своего внутренняго врага, Директорія избавилась отъ грозившей ей опасности — быть низвергнутой военною революціею. Но въ то же время правительство не осмѣлилось покинуть совершенно генерала на произволъ судьбы. Когда попытки привлечь на свою сторону Турцію оказались напрасны, а французскій флотъ погибъ при Абукирѣ, Бонапарте думалъ воспользоваться флотомъ Испаніи, но этому помѣшали дипломатическія интриги, и пока Директорія соображала: вручить ли ей диктатуру Бонапарте, или лишить его власти, онъ неожиданно вернулся во Францію и прогналъ правительство. Кромѣ подробностей исторіи этихъ событій, книга наполнена перепискою генерала съ Директоріею — и это самая интересная часть труда Буле де ла Мёрта.

— Другая экспедиція, задуманная при другомъ Наполеонѣ и которую льстецы сравнивали съ египетскою, разсказана въ «Перепискѣ Хуареса съ Монтлюкомъ», бывшимъ генеральнымъ консуломъ въ Мексикѣ (Correspondance de Juares et de Montluc). Книга эта, наполненная письмами разныхъ политическихъ лицъ по поводу мексиканской экспедиціи, доказываетъ то, что уже давно знали, а именно, что она была предпринята, не смотря на предостереженія и неодобрительные совѣты компетентныхъ лицъ. Противъ нея былъ и Монтлюкъ, другъ Хуареса, но французскій патріотъ. Книга его — не исторія войны съ Мексикою, а сборникъ относящихся къ ней историческихъ документовъ. Не всѣ они одинаково важны, но всѣ представляютъ матеріалы, безъ которыхъ нельзя обойдтись тому, кто хочетъ изучить или передать эту войну, злополучную для Франціи, постыдную для ея правителя.

— Въ книгѣ «Европа и французская революція» (L'Europe et la révolution française) Альбертъ Сорель, авторъ дипломатической исторіи

франко-прусской войны, представляетъ картину политическихъ нравовъ и преданій. Въ введеніи авторъ говоритъ о войнѣ революціи съ Европой, разсматриваетъ причины успѣха новыхъ идей и неуспѣха коалиціи, говоритъ о правительствахъ враждебныхъ Франціи и о ея вліяніи на цивилизованныя страны. Книга составлена гораздо безпристрастнѣе, чѣмъ сочиненіе Тэна о томъ же предметѣ. Сорель не подбираетъ фактовъ изъ одностороннихъ и тенденціозныхъ книгъ, не умалчиваетъ о книгахъ, написанныхъ въ пользу переворота, а цитируетъ тѣ pro и contra, которыя, по его мнѣнію, ближе подходятъ къ истинѣ. Онъ пользуется для своихъ изслѣдованій не только печатными, но и архивными источниками, приводя массу примѣчаній и цитатъ, доказывающихъ близкое знакомство автора со всѣмъ, что было написано объ этой эпохѣ. Однимъ словомъ, это одно изъ лучшихъ сочиненій по предмету, до сихъ поръ еще не вполнѣ изученному и разъясненному.

— Поль Ганраръ разсказываетъ интимную исторію Генриха IV и принцессы Конде, въ послѣдніе годы его царствованія (Henri IV et la princesse de Condé). Пятидесятилѣтній король увидалъ въ январѣ 1508 года Маргариту Монморанси, которой было только четырнадцать лѣтъ. Онъ влюбился въ нее до безумія, въ медико-патологическомъ смыслѣ этого слова, и выдалъ ее за своего племянника, двадцатилѣтняго принца Конде, извѣстнаго своими грязными пороками. Бракъ былъ заключенъ въ видахъ замѣнить королемъ принца, не любившаго свою жену. Ея родители охотно согласились помогать этому, особенно конетабль Монморанси, храбрый воинъ, не умѣвшій ни читать, ни писать. Но принцъ, надѣявшійся съ помощью протестантовъ отнять тронъ у сына Маріи Медичи, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы возбудить волненія во Франціи, и сталъ требовать къ себѣ свою жену. Арміи готовы были двинуться въ походъ, 12 милліоновъ франковъ были истрачены на военныя приготовленія; шли переговоры съ папой о разводѣ принцессы, которая и замужемъ оставалась дѣвицею. Но эта любовная исторія окончилась трагически. Въ 1510 году, Генрихъ IV палъ подъ ножомъ Равальяка. Конде вернулся во Францію, арміи были распущены. Черезъ шесть лѣтъ принца посадили въ Бастилію, куда за нимъ послѣдовала жена и гдѣ у нихъ родились сынъ, впослѣдствіи великій Конде, и дочь, герцогиня Лонгвиль, героиня Фронды и множества любовныхъ похожденій. Эту странную исторію Ганраръ разсказалъ на основаніи неоспоримыхъ документовъ.

— «Паденіе республики. Венеція по секретнымъ архивамъ республики» (Chute d'une république. Venise d'après les archives secrètes de la république). Авторъ этой книги Бонналь былъ отправленъ французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ Италію для розысканія въ тамошнихъ архивахъ матеріаловъ и документовъ, относящихся къ эпохѣ паденія Венеціанской республики. Исторія давно уже разъяснила, какими неблаговидными и даже неполитическими побужденіями руководился Бонапарте, торопясь подписать въ Леобенѣ прелиминарныя условія мира съ Австріей и уничтожая республику, честно державшуюся союза съ Франціей и послѣ того, какъ агенты французской арміи сами возбуждали народъ къ возстанію въ Бергамо, Брешіи, Кремонѣ, Веронѣ. Бонапарте не послушался приказаній Директоріи и, не желая допустить къ стѣнамъ Вѣны армію Гоша и Моро, изъ зависти къ этимъ генераламъ, поспѣшилъ заключить миръ съ Австріей, уступивъ ей всю венеціанскую территорію. Бонналь опубликовалъ теперь много любопытныхъ документовъ, относящихся къ этому времени.

— Въ живыхъ, интересныхъ очеркахъ г-жа Куанье разсказала исторію Франциска I, царствованіемъ котораго оканчивается старая Франція (François I. Fin de la vieille France). Авторъ не обращаетъ вниманія на серьёзныя стороны XVI вѣка во Франціи, на развитіе наукъ, умственную дѣятельность, статистическое и философское движеніе, на промышленность и торговлю. Въ этой эпохѣ г-жа Куанье видитъ только стремленіе къ славѣ и къ любовнымъ похожденіямъ. Воевать и любить — вотъ двѣ главныя стороны характера короля, посвященнаго въ рыцари Баяромъ. Но вѣдь не изъ одной же страсти къ войнѣ Францискъ I боролся съ Карломъ V: были же, кромѣ любви и славы, другія пружины, заставлявшія волноваться старую Францію. Авторъ совершенно упустилъ изъ виду религіозное движеніе эпохи и другія политическія явленія. Но книга читается, всетаки, какъ интересный романъ, написанный блестящимъ литературнымъ языкомъ.

— «Король и заговорщикъ. Викторъ Эммануилъ и Мадзини. Ихъ тайныя сношенія и политика». (Un roi et un conspirateur. Victor-Emmanuel et Mazzini. Leurs négociations secrètes et leur politique). Объединеніе Италіи представляетъ любопытное зрѣлище: короля, употребляющаго самыми дѣятельными орудіями своей династической политики явныхъ враговъ своей династіи и привязывающаго къ себѣ открытыхъ революціонеровъ и заговорщиковъ. Огюстъ Вулье представляетъ въ своей книгѣ не исторію постепеннаго уничтоженія въ Италіи владычества Бурбоновъ, папы и австрійскихъ эрцгерцоговъ, а закулисную сторону событій, создавшихъ изъ Апеннинскаго полуострова сильное и свободное государство. Авторъ доказываетъ, что этимъ страна обязана преимущественно Виктору Эмануилу, а не республиканцамъ и Мадзини, о которомъ онъ, однако, отзывается съ симпатіею, называя его не солдатомъ, а «пророкомъ, имѣвшимъ даръ привлекать сердца твердою волею, обширнымъ умомъ, энтузіазмомъ, добротою, сильнымъ обаяніемъ». Въ особой главѣ Вулье говоритъ о тайныхъ сношеніяхъ существовавшихъ между Мадзини и Бисмаркомъ, и стараніяхъ германскаго канцлера, съ 1868 года, возстановить Италію противъ Франціи. Въ книгѣ много интересныхъ документовъ, остававшихся до сихъ поръ неизвѣстными.

— Англійскій историкъ Томасъ Годжкинъ въ четырехъ томахъ разсказываетъ исторію Италіи и ея завоевателей (Italy and her invaders), но не современныхъ и даже не средневѣковыхъ, а варваровъ, вторгавшихся въ нее съ V вѣка. Обширный трудъ обнимаетъ собою сравнительно незначительный періодъ времени и начинается отъ нашествія Аларика въ 402 году до 568-го года, когда произошло пятое вторженіе ломбардцевъ, подъ предводительствомъ Альбоина; прошло 160 лѣтъ самыхъ бурныхъ въ исторіи этого, времени. Но въ разсказѣ о появленіи въ Италіи различныхъ варварскихъ племенъ, авторъ говоритъ о первоначальномъ поселеніи ихъ въ другихъ странахъ и о судьбѣ основанныхъ ими государствъ. Такъ онъ разсказываетъ объ уничтоженіи гуннами владычества готовъ въ задунайскихъ провинціяхъ. Авторъ вноситъ новый свѣтъ въ такія событія, какъ нашествіе вестготовъ, вандаловъ, предводителя руговъ Одовакара, троекратную осаду Рима Аларикомъ, занятіе Италіи остготами и тридцатитрехлѣтнее царствованіе ихъ короля Теодорика. Всѣ эти темныя событія подробно изслѣдованы талантливымъ историкомъ.

— Другой историкъ Леджъ изобразилъ жизнь и время непопулярнаго короля Ричарда III (The unpopular king: the life and times of

Richard III). Личность эта, выдающаяся изъ ряда англійскихъ королей, привлекаетъ романистовъ и историковъ: характеристику Ричарда III представилъ Шекспиръ, но исторія не подтверждаетъ обвиненія короля въ убійствѣ тѣхъ лицъ, которыя являются въ трагедіи жертвами его безчеловѣчной политики. Авторъ біографіи Ричарда III во многомъ оправдываетъ короля и говоритъ, что дурныя наклонности въ немъ были перемѣшаны съ хорошими. Такъ, онъ былъ чрезвычайно набоженъ, но набожность уживается нерѣдко съ грязными преступленіями. Грѣхъ совершается легче при увѣренности, что можно замолить его. Передъ сраженіемъ при Босуортѣ, Ричардъ говорилъ своему войску рѣчь, въ которой сознавался, что добылъ корону «гнусньмъ злодѣяніемъ», но не искупилъ этого поступка своимъ раскаяніемъ. И, однако, Леджъ доказываетъ, что Ричардъ не повиненъ въ смерти сыновей Эдуарда, хотя убилъ Риверса, Вогана и Грея. Но это были незначительные вельможи, приверженцы покойнаго короля, и смерть ихъ не открыла дороги къ престолу, и если Ричардъ отдѣлался отъ Гастингса, надзору котораго были поручены молодые принцы, то еще нужнѣе было честолюбцу отдѣлаться отъ двухъ своихъ племянниковъ, прямыхъ наслѣдниковъ Эдуарда. Леджъ отрицаетъ, впрочемъ, участіе Ричарда и въ смерти Гастингса. Но гдѣ же основанія отрицать одно убійство и признавать другое? Съ этой стороны исторія Леджа грѣшитъ пристрастіемъ къ Ричарду.

— Уже нѣсколько лѣтъ продолжается изданіе домашней и заграничной переписки и бумагъ, относящихся къ царствованію Генриха VIII (Letters and papers, foreign and domestic, of the reign of Henry VIII). Два года тому назадъ, мы говорили о седьмомъ томѣ этого сборника. Теперь вышелъ восьмой, заключающій въ себѣ документы всего двухъ съ половиною лѣтъ, отъ 1533 до половины 1535 года. Число бумагъ и писемъ этого періода, съ котораго начинается церковная реформа въ Англіи, особенно велико и едва вмѣщается на 800 страницахъ компактно напечатанной книги. Въ 1535 году, характеръ короля сильно измѣнился: его упрямство, нетерпимость, припадки безумнаго гнѣва при малѣйшемъ противорѣчіи его желаніямъ достигли высшей степени. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, между окружающими короля исчезли всѣ попытки положить какія нибудь преграды королевскому произволу и безразсуднымъ поступкамъ, жестокости, кровожадности и безчеловѣчію Генриха. Когда папа отказался уничтожить его бракъ, король дошелъ до такихъ припадковъ бѣшенства, что ежеминутно проклиналъ этого «римскаго епископа, называемаго папой». Тогда же онъ декретировалъ главенство короля надъ церковью и казнилъ настоятеля Картезіанскаго монастыря, не соглашавшагося признать этотъ догматъ. За это же ослушаніе казненъ духовникъ королевы, а Томасъ Морусъ за неповиновеніе. Офиціальные документы этого печальнаго времени подтверждаютъ тиранство короля и униженіе страны, молча покорявшейся его бѣшенымъ выходкамъ.

— «Поѣздка на Аляску» (A trip to Alaska) представляетъ положеніе этой части сѣверо-американской территоріи, такъ долго и безплодно находившейся въ русскихъ владѣніяхъ. При покупкѣ ея, янки находили, что за нее заплочено слишкомъ дорого. Говорили, что пріобрѣтеніе сдѣлано только изъ уваженія къ государственному секретарю Сюарду. Авторъ, посѣтившій Аляску, утверждаетъ, что значеніе ея для ловли тюленей нисколько не преувеличено, но что климатъ страны дурной и плаваніе къ ней затруднительно. Природа дика, но живописна; народъ стоитъ на слишкомъ низкой ступени цивилизаціи

Эмиграція янки въ Аляску невозможна, такъ какъ на берегахъ ея—вѣчные дожди, туманы и снѣга, а внутренность наполнена болотами, замерзающими зимою на 8, даже на 10 мѣсяцевъ. Эти неудобства не вознаграждаются минеральными богатствами страны. Авторъ подробно описываетъ образъ жизни туземцевъ.

— Подъ изъисканнымъ названіемъ: «Съ завоевателями: проблески свѣта на Юго-Западъ» (With the invaders: glimpses of the South-West), Роберсть описалъ живымъ, но мѣстами слишкомъ вычурнымъ языкомъ свою поѣздку по той части сѣверной Америки, которая принадлежала испанцамъ, по территоріи Новой Мексики, Аризоны и Калифорніи. Завоевателями онъ называетъ поселенцевъ, водворившихся въ этихъ мѣстностяхъ; Прескоту приписываетъ слишкомъ много значенія, говоря, что его разсказы о Мексикѣ, заставили обратить вниманіе на эту страну. Но, помимо искусственныхъ фразъ, разсказъ полонъ интереса. Такъ, очень живо очерченъ Санта-фе, трехсотлѣтнюю годовщину котораго праздновали въ прошломъ году. Когда испанцы открыли его, это была убогая индійская деревушка. Теперь—это великолѣпный городъ, соединенный желѣзными путями съ главными центрами заатлантической республики.

— Роуботамъ издалъ «Поѣздку въ преріи» (Trip to Prairie-Land), въ которой мастерски изображена жизнь эмигрантовъ на дальнемъ Западѣ. Авторъ пріѣхалъ въ Дакоту—искать счастія, на основаніи брошюръ, восхвалявшихъ эту территорію, но вскорѣ же убѣдился, что это—рекламы компаній, скупившихъ огромныя пространства земли и перепродававшихъ ее съ барышемъ довѣрчивымъ переселенцамъ. Тяжелыя испытанія, перенесенныя авторомъ, описаны имъ подробно и могутъ служить весьма полезнымъ урокомъ для европейцевъ, стремящихся въ Америку и видящихъ въ ней обѣтованную страну.

— Перепечатаны «Три первыя англійскія книги объ Америкѣ» (The first three english books on America), сдѣлавшіяся библіографическою рѣдкостью. Онѣ были извѣстны Шекспиру и появились въ свѣтъ при Елисаветѣ. Секретарь лорда Борлейга перевелъ поанглійски первоначальныя извѣстія о новооткрытой странѣ, составленныя Себастіаномъ Каботомъ, Піетро Мартире и Мюнстеромъ. Въ книгѣ не меньше чудесъ, чѣмъ въ «Путешествіи Гулливера»: тутъ и острова, обитаемыя однѣми женщинами, и великаны и канибалы и невиданныя чудовища. Все это описано съ глубокою вѣрою въ правдивость фантастическихъ разсказовъ, которымъ мы, вѣроятно, обязаны созданіемъ шекспировскаго Калибана.

— Вышли одновременно два любопытныя сочиненія, англійское и нѣмецкое, о мѣстѣ, гдѣ былъ рай. Англійская книга носитъ названіе: «Найденный рай: колыбель человѣческаго рода на сѣверномъ полюсѣ; этюдъ изъ доисторическаго міра». (Paradise found: the cradle of the human race at the Northern Pole; a study of the prehistoric World). Земной рай, такъ подробно описанный въ книгѣ Бытія, съ давнихъ поръ занималъ умы не меньше судьбы десяти исчезнувшихъ колѣнъ израилевыхъ. Потомковъ этихъ колѣнъ видѣли въ афганцахъ, въ американскихъ индѣйцахъ, даже въ англичанахъ и ирландцахъ. Точно также и библейскій рай находили на Евфратѣ, въ Мексикѣ, въ экваторіальной Африкѣ. Американскій писатель Уарренъ утверждаетъ, что нашелъ окончательно мѣсто, гдѣ былъ рай. То же утверждаетъ и нѣмецъ Энгель въ своей книгѣ: «Разрѣшеніе райскаго вопроса» (Die Lösung des Paradiesfrage). Только они немножко расходятся въ

своихъ показаніяхъ, хотя оба основываются на библіи, и въ то время, какъ Уарренъ находитъ Эдемскіе сады на полюсѣ, Энгель видитъ ихъ въ оазисѣ Ругбе, въ Гаррайской пустынѣ, къ востоку отъ Гаурана. Чтобы прійдти къ такому выводу, несогласному съ библейскимъ преданіемъ, прямо говорящимъ, что рай лежалъ къ востоку отъ рѣкъ Гиддекеля и Перата, то есть Тигра и Евфрата, оба писателя толкуютъ по-своему выраженіе: къ востоку; у обоихъ очень много лингвистическихъ и географическихъ выводовъ, много эрудиціи, но съ результатами ихъ изслѣдованій врядъ ли кто согласится.

— Извѣстный египтологъ Генрихъ Бругшъ издалъ «Религію и миѳологію древнихъ египтянъ» (Religion und Mythologie der alten Egypten). Изъ всѣхъ сочиненій объ этомъ предметѣ на нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ языкѣ—это самое основательное. О догматахъ и вѣрованіяхъ древняго Египта высказано много противорѣчивыхъ сужденій, но Бругшъ изучилъ самые памятники страны и по нимъ составилъ свои заключенія. Трудъ былъ огромный, особенно если вспомнить, что религія египтянъ не оставалась неподвижною и догматы ея измѣнялись съ теченіемъ вѣковъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ древнѣйшій письменный документъ, заключающій въ себѣ «обряды смерти» и излагающій подробное описаніе церемоній похоронъ. Папирусъ этотъ, найденный Лепсіусомъ въ Туринѣ, отысканъ былъ потомъ въ нѣсколькихъ копіяхъ, гдѣ встрѣчаются значительныя измѣненія противъ первоначальной редакціи. Первоначальный текстъ этой книги прочтенъ Масперо на пирамидахъ Унаса и Теты. Бругшъ приводитъ имена и объясняетъ значеніе боговъ въ Египтѣ, не имѣвшемъ понятія о единомъ Богѣ. Египетское слово — нутаръ — божество означаетъ производительную силу, дающую жизнь предметамъ, способствующую ихъ развитію, а потомъ— увяданію. Это божество, по цитатамъ Бругша, обладаетъ всѣми свойствами еврейскаго Адонаи, но свойство это принадлежитъ въ равной мѣрѣ всѣмъ богамъ Египта. Книга излагаетъ также космогонію египтянъ и еще не окончена, но и теперь уже она документально опровергаетъ показанія многихъ египтологовъ и, между прочимъ, извѣстнаго Ренуфа.

— Интересно изданіе писемъ графа Мерси-Аржанто (Briefe des grafen Mercy-Argenteau), австрійскаго посланника въ Нидерландахъ, къ Лудвигу Старембергу, австрійскому посланнику въ Лондонѣ. Письма обнимаютъ собою время отъ конца декабря 1791 года по 15-ое августа 1794 года. Издатель ихъ, внукъ Мерси-Аржанто, графъ Тюргеймъ, передаетъ сначала біографію обоихъ посланниковъ. Письма Аржанто, бывшаго 24 года посломъ въ Парижѣ, относятся къ событіямъ того времени, политическимъ и военнымъ, и заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній. Выросшій на службѣ у императора, Аржанто не могъ сочувствовать французской революціи и называлъ ее ракомъ, разъѣдающимъ здоровое тѣло Европы и который долженъ быть вырѣзанъ безъ сожалѣнія и немедленно, иначе онъ заразитъ всѣ государства. Если Парижъ требовалъ сорокъ тысячъ головъ, то Аржанто пишетъ, что «укротить эту націю (французовъ) можно не сраженіями, но истребленіемъ (en exterminant) большей части его дѣятелей и почти всѣхъ правящихъ ею лицъ». При этомъ рекомендуется — разрушить Парижъ, довести страну до голода и нищеты, залить революцію кровью, отнять у Франціи часть Альзаса и Лотарингіи, сѣверную территорію до Соммы и Мааса съ Седаномъ, Англіи отдать Дюнкирхенъ и пр. Вообще политическіе планы посланника, отражая настроеніе того времени, очень любопытны.

— Говорятъ, что въ Россіи есть шекспиристы и что даже въ Петербургѣ существуетъ шекспировское общество; извѣстно, что въ Россіи не сходятъ съ репертуара шекспировскія пьесы («Гамлетъ», «Король Лиръ», «Макбетъ», «Отелло» и мн. др.), но сознательнаго интереса къ Шекспиру не замѣчается, и Шекспира у насъ знаютъ плохо.

Предоставляемъ вышесказаннымъ нашимъ шекспиристамъ входить въ разборъ только что вышедшаго двадцатаго «Шекспировскаго ежегодника» (Jahrbuch der deutschen Shakespeare-Gesellschaft), издаваемаго въ Германіи и упомянемъ лишь на всякій случай, что въ этомъ сборникѣ есть, между прочимъ, нѣсколько статей, имѣющихъ безусловный общій интересъ, какъ напр.: «Оцѣнка Шекспира въ Германіи» (W. Oechelhäuser), «Макбетъ Шекспира и Макбетъ Давенанта» (N. Delius), «Герои Шекспира» (J. Thümel), «Образованіе и школа въ Англіи временъ Шекспира» (Th. Vatke), «Съ какой точки зрѣнія надо взглянуть, чтобъ понять сущность характера принца Гамлета» (Th. Gessner), и нѣк. др.

Но особеннаго вниманія, съ нашей, русской точки зрѣнія, заслуживаетъ помѣщенный въ томъ же сборникѣ небольшой некрологъ покойнаго И. С. Тургенева, принадлежащій перу Людвига Пича. Сообщивъ краткія біографическія свѣдѣнія о нашемъ романистѣ, его талантливый поклонникъ входитъ затѣмъ въ разсмотрѣніе тѣхъ пунктовъ, гдѣ, по его мнѣнію, есть почва для сближенія между Шекспиромъ и Тургеневымъ. Съ русской точки зрѣнія,—говоритъ Пичъ,—нужно быть русскимъ и читать произведенія Тургенева на русскомъ языкѣ, чтобъ вполнѣ оцѣнить его, какъ поэта, мастерски изображавшаго русскую жизнь. Но вѣдь это, — замѣчаетъ Пичъ, — справедливо относительно каждаго національнаго поэта и нисколько не мѣшаетъ величайшимъ и геніальнѣйшимъ изъ нихъ имѣть могущественное вліяніе и на весь образованный міръ: Вильямъ Шекспиръ такой же истый англичанинъ, какъ Тургеневъ истый русскій. «И для насъ, нѣмцевъ, — говоритъ Пичъ, — Тургеневъ нисколько не ниже, потому что онъ иностранецъ, и едва ли онъ намъ менѣе дорогъ (unser Eigen), чѣмъ прирожденные герои нѣмецкой литературы».

«Тургеневскія произведенія,— говоритъ нѣмецкій критикъ,—и выступающія въ нихъ лица — не продуктъ рефлексіи. Въ основѣ его повѣствованій всегда лежитъ нѣчто, почерпнутое непосредственно изъ жизни, а герои его отличаются необыкновенной пластичностью; безъ зову непринужденно являются предъ его воображеніемъ и преслѣдуютъ поэта, пока онъ не дастъ имъ художественныхъ образовъ». То же самое Пичъ видитъ и въ персонажахъ шекспировскихъ драмъ, и, по словамъ его, «Тургеневъ смотрѣлъ на Шекспира, какъ на величайшаго учителя драматическаго творчества и глубоко изучалъ его. Его особенно влекло къ Гомеру. Въ своемъ собственномъ *я* и во внутреннемъ мірѣ многихъ изъ своихъ соотечественниковъ, Тургеневъ находилъ характерныя черты этого драматическаго типа. Превосходный характеръ нарисовалъ Тургеневъ въ своемъ «Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда» и не менѣе интересный его опытъ сравнительнаго анализа характеровъ въ этюдѣ Гамлетъ и Донъ-Кихотъ. Тургеневъ смотрѣлъ на Шекспира, какъ на существо, одаренное нечеловѣческими силами, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда сознавалъ, что ему самому судьба отказала въ подобномъ божественномъ огнѣ и никогда не соблазнялся тѣмъ, чтобы подражать Шекспиру во всѣхъ мелочахъ, какъ это многіе дѣлали и дѣлаютъ въ убѣжденіи, что такимъ путемъ они ближе

подойдутъ къ этому единственному въ своемъ родѣ образцу. Впрочемъ, у Тургенева есть одно общее съ великими драматургами: ему былъ также прирожденъ даръ читать въ душахъ людей, какъ въ открытой книгѣ, и въ равной мѣрѣ послѣдовательно, какъ въ драмѣ, такъ и въ романахъ онъ умѣлъ заставлять каждое лицо дѣйствовать и говорить соотвѣтственно его натурѣ и на этой почвѣ представлять истинные душевные конфликты. Въ этомъ отношеніи его не превзошелъ ни одинъ драматургъ ни старыхъ, ни новыхъ временъ. Внутренняя правда всегда была для него высшимъ закономъ его собственнаго творчества и поэзіи вообще. А правду эту онъ всегда вездѣ находилъ у Шекспира, вмѣстѣ съ благоухающимъ великолѣпіемъ языка, съ необузданною страстностью дѣйствія, съ часто фантастической смѣлостью» Въ последнее десятилѣтіе своей жизни, — разсказываетъ Пичъ, — Тургеневъ почти всегда былъ окруженъ молодыми людьми, приносившими на судъ его свои опыты; между ними были и драматурги, которые, къ удивленію Пича, совсѣмъ не знали Шекспира. И вотъ, ихъ талантъ и чувство правды Тургеневъ провѣрялъ слѣдующимъ образомъ: онъ разсказывалъ имъ эпизоды изъ шекспировскихъ драмъ вплоть до какого нибудь рѣшительнаго момента дѣйствія и предлагалъ затѣмъ испытуемымъ авторамъ написать, чтó должно далѣе говорить и дѣлать то или другое лицо драмы. Но... гдѣ у Шекспира его герои почти ничего не говорятъ или же говорятъ самыя обыкновенныя вещи, тамъ имъ молодые авторы влагали въ ихъ уста самыя возвышенныя рѣчи и наоборотъ.

Оставляемъ на отвѣтственности Пича его сообщенія, но во всякомъ случаѣ мы сочли не лишнимъ отмѣтить эти новыя интересныя данныя для біографіи и характеристики Тургенева.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Александръ Даниловичъ Марковъ (Оспенный).

Ъ «РУССКОМЪ АРХИВѢ» 1884 года (кн. 3, стр. 209), въ статьѣ «Генеалогическая замѣтка» сказано нѣсколько словъ объ Александрѣ Даниловичѣ Марковѣ, получившемъ отъ императрицы Екатерины фамилію Оспеннаго. Чтобы пополнить сказанное о немъ авторомъ «Замѣтки» г. Д. К., приводимъ нѣсколько документовъ, заимствованныхъ изъ дѣлъ архива министерства юстиціи и интересныхъ по тѣмъ біографическимъ даннымъ, которыя находимъ въ нихъ объ этомъ питомцѣ Екатерины.

Но прежде скажемъ нѣсколько предварительныхъ словъ.

Введеніе оспопрививанія въ Россіи, безспорно, было однимъ изъ благотворнѣйшихъ дѣлъ, ознаменовавшихъ тридцатичетырехлѣтнее царствованіе императрицы Екатерины II. Поводомъ къ нему была появившаяся въ Петербургѣ лѣтомъ 1768 года оспенная эпидемія, внушившая императрицѣ самыя серьёзныя опасенія какъ за себя, такъ и за наслѣдника престола.

«Я, не имѣвъ оспы, — писала она къ московскому главнокомандующему П. С. Салтыкову, — принуждена была какъ о себѣ самой, такъ и о великомъ князѣ, при всѣхъ употребляемыхъ предосторожностяхъ, быть однакожъ въ безпрерывномъ опасеніи, а особливо нынѣшняго лѣта, какъ она въ Петербургѣ весьма умножилась, почла я себя обязанною удалиться изъ онаго и вмѣстѣ съ великимъ княземъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто. Сіе побудило меня сдѣлать симъ опасеніямъ конецъ и прививаніемъ себѣ оспы избавить какъ себя, такъ и все государство отъ небезопасной неизвѣстности»[1]).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1768 года, было послано въ Лондонъ послу нашему Мусину-Пушкину повелѣніе пригласить въ Петербургъ искуснаго въ оспопри-

---

[1]) «Русск. Арх.», 1880, кн. III, стр. 337.

виванiи врача, вслѣдствiе чего имъ и былъ приглашенъ въ Россiю Томасъ Димсдель (Dimsdale). Въ то время прививанiе предохранительной коровьей оспы не было еще извѣстно; оспу прививали натуральную, перенося ее прямо съ больнаго на здороваго, почему операцiя эта, которая, благодаря открытiю Дженнера (1796 г.), теперь стала столь обыкновенною, тогда казалась на столько серьёзною, что не каждому врачу рѣшались довѣрять ее. «У насъ есть врачи весьма ученые и весьма искусные,—говорилъ графъ Панинъ Димсделю при первомъ съ нимъ свиданiи,—но они не имѣютъ достаточной опытности по этой части» [1]). Да и самъ Димсдель, когда ему объявили о намѣренiи императрицы привить оспу себѣ и великому князю, не иначе рѣшился на операцiю довѣрявшимся его искусству высокимъ пацiентамъ, какъ сдѣлавъ предварительно опытъ сперва надъ двумя, а потомъ еще надъ четырьмя кадетами. Первый опытъ удался, второй остался безъ ожидаемаго результата, такъ какъ оказалось, что послѣднiе четыре кадета имѣли уже натуральную оспу.

Во время этихъ опытовъ Димсделю дали знать, что императрица не желаетъ болѣе откладывать операцiю и чтобы онъ готовился къ ней. Это было осенью 1768 года. «Я выбралъ трехъ дѣтей здороваго тѣлосложенiя, — говоритъ Димсдель,—и привилъ къ нимъ оспу, чтобъ быть готовымъ, по мѣрѣ возможности, къ тому самому сроку, который былъ заблаговременно опредѣленъ». 12 октября, въ 9 часовъ вечера, въ Вольфовскiй домъ, гдѣ былъ устроенъ госпиталь для оспенныхъ, явился изъ дворца посланный съ приказанiемъ прiѣхать немедленно и привезти съ собой больнаго, отъ котораго можно было бы взять матерiю для привитiя оспы. «Ребенокъ, котораго я выбралъ для этого, — разсказываетъ Димсдель, — какъ наиболѣе способнаго и на которомъ оспа начинала уже показываться, въ то время спалъ. Мой сынъ взялъ его на руки, закуталъ въ свою шубу и снесъ въ карету» [2]).

Мальчикъ этотъ и былъ тотъ самый Александръ Даниловичъ Марковъ, имя котораго мы поставили въ началѣ нашей замѣтки. Судьба его довольно любопытна и отчасти не лишена загадочности. Начать съ того, что Марковы, фамилiю которыхъ онъ носилъ, по всей вѣроятности, не были его родителями. Къ такому заключенiю невольнымъ образомъ приводятъ слова Екатерины, сказанныя ею графу Ив. Гр. Чернышеву относительно происхожденiя этого ребенка: «Si vous voulez savoir à qui il appartient, sachez que vorte frère (т. е. З. Г. Чернышевъ) dit qu'avec le temps il le croit destiné à remplir les places de m-r Betzki, et ne m'en demandez pas plus». Конечно, Екатеринѣ не было бы надобности говорить такъ, если бы этотъ мальчикъ былъ сыномъ какихъ-то Марковыхъ.

Но таинственный покровъ, наброшенный Екатериною на происхожденiе Маркова, раскрываетъ Гельбигъ, этотъ любопытный нѣмецъ, который такъ тщательно слѣдилъ за всѣми слухами и новостями своего времени. По его словамъ, Марковъ былъ сыномъ графа Гр. Гр. Орлова; говоритъ это онъ, конечно, по слухамъ, о матери же умалчиваетъ, хотя, по всей вѣроятности, тѣ же слухи, которые называли Орлова отцемъ Маркова, называли и имя матери,—это такъ естественно. На сколько справедливы были эти слухи, — ручаться, конечно, трудно.

---

[1]) «Сборн. Р. Ист. Общ.», т. II, 300.

[2]) Тамъ же, стр. 310—311.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, повторяемъ, судьба Маркова любопытна.

Родился онъ въ 1763 году и, благодаря взятой отъ него для императрицы оспѣ, сталъ ей извѣстенъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ благополучнаго исхода болѣзни, Екатерина, въ день своего тезоименитства, жалуетъ ему дворянское достоинство, приказываетъ принять фамилію Оспеннаго и на содержаніе его опредѣляетъ капиталъ въ 3,000 руб., который до его совершеннолѣтія вносится въ банкъ для приращенія процентами [1])...

Онъ остается въ дворцовыхъ покояхъ или, по крайней мѣрѣ, часто привозится туда и, какъ говоритъ сама Екатерина, составляетъ ея «забаву». Вотъ какъ характеризуетъ она этого мальчика въ письмѣ къ графу И. Г. Чернышеву, отъ 14-го декабря 1768 года. «Отъ роду не видывали повѣсы, подобной Александръ Данилова Оспина: рѣзовъ до бѣшенства, уменъ и хитеръ не по лѣтамъ, смѣлъ до неслыханной дервости, никогда не коротокъ ни въ отвѣтахъ, ни выдумкахъ, ему же шестой годъ, и малъ какъ клопъ. Братъ вашъ Захаръ Григорьевичъ, графъ Григорій Григорьевичъ (т. е. Орловъ) и самый Кирила Григорьевичъ (т. е. Разумовскій) часа по три, такъ какъ и всѣ мы, по землѣ съ нимъ катались и смѣялись до устали. On peut dire qu'il remplit lui seul parfaitement la chambre. Si vous voulez savoir à qui il appartient, sachez que votre frère dit qu'avec le temps il le croit destiné à remplir les places de m-r Betzki, et ne m'en demendez pas plus. Le fait est que je l'ai annobli vu que sa petite verole m'a sauvé du danger de ce mal» [2]).

Повидимому, это былъ недюжинный ребенокъ: при тѣхъ нравственныхъ свойствахъ, какія были подмѣчены въ немъ императрицей, изъ Оспеннаго, казалось, долженъ былъ выйдти или умный, способный и энергическій человѣкъ, или отъявленный сорви-голова. Кажется, однакожъ, изъ него не вышло ни того, ни другаго, или же мы многаго не знаемъ изъ дальнѣйшаго теченія его жизни.

Когда Оспенный вышелъ изъ дѣтскихъ лѣтъ, Екатерина помѣстила его въ пажескій корпусъ, откуда онъ и былъ выпущенъ въ офицеры. Гдѣ и какъ шла его служба — неизвѣстно. Оспенный говоритъ только, что онъ служилъ въ полкахъ; изъ его же словъ узнаемъ, что императрица жаловала его дорогими подарками (см. ниже). Все это показываетъ, что Екатерина продолжала оказывать Оспенному свое благоволеніе и тогда, когда онъ уже перестали забавлять ее своими дѣтскими выходками, но предсказаніе графа Захара Григорьевича Чернышева не исполнилось: Оспенный не только не наслѣдовалъ должностей Бецкаго, но, дослужившись до секундъ-маіора, долженъ былъ по болѣзни выйдти въ отставку и въ послѣдніе годы царствованія Екатерины находился въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Въ 1793 году, въ порѣ самыхъ цвѣтущихъ лѣтъ, онъ, живя въ Петербургѣ и терпя крайнюю нужду, принужденъ былъ обратиться къ прежней своей благодѣтельницѣ съ слѣдующемъ прошеніемъ:

---

[1]) Колотовъ, «Дѣян. Екатерины», II, т. I, 255 («Р. Арх.», 1884, кн. 3, 211).

[2]) Можно сказать, что онъ одинъ совершенно занимаетъ собою всѣхъ. Если хотите знать, кому онъ принадлежитъ, то знайте, что, по словамъ вашего брата, онъ предназначенъ занять современемъ должности Бецкаго, и больше о томъ у меня не спрашивайте. Дѣло въ томъ, что я возвела его въ дворянское достоинство, такъ какъ...

«Всемилостивѣйшая государыня!

«Благодѣтельныя твои, всемилостивѣйшая государыня, о мнѣ попеченія, которыми судьба, всѣми управляющая, дозволила мнѣ пользоваться съ самаго моего младенчества чрезъ прививаніе оспы къ освященной особѣ твоей, даютъ мнѣ неоспоримое право почитать тебя неоспоримо болѣе своей матери (и) заставляютъ надѣяться, что милости твои ко мнѣ никогда не иссякнутъ и въ нынѣшнемъ моемъ положеніи вознаградятъ просьбу, съ коей осмѣливаюсь припасть къ стопамъ твоимъ.

«Прости, всемилостивѣйшая государыня, великодушно дерзновенію того, который, будучи щедротами твоими извлеченъ изъ низости и поставленъ на степень, могущую равнять его съ прочими, утруждаетъ тебя строками, которыхъ единственный предметъ посредственный кусокъ хлѣба, нужный для продолженія дней моихъ, коего я теперь почти лишаюсь и который надѣюсь получить только отъ великодушія твоего.

«Прошло уже, великая государыня, нѣсколько годовъ, какъ я, по воспитаніи моемъ въ кадетскомъ корпусѣ, которое я получилъ единственно посредствомъ материнскихъ твоихъ о мнѣ попеченій, вышелъ изъ онаго офицеромъ, служилъ въ полкахъ и, наконецъ, взялъ отставку и живу теперь въ Петербургѣ безъ мѣста, могущаго доставлять мнѣ пропитаніе. Не надѣяніе на кого либо, не лѣность виною сему: болѣзнь принудила сверхъ желанія моего оставить службу, или, лучше сказать, оставить долгъ, требующій умереть за тебя и отечество, дабы сдѣлаться достойнымъ твоихъ великихъ милостей; надобно быть чувства лишенному, который бы восхотѣлъ, будучи тобою облагодѣтельствованъ, пожалѣлъ жизни своей для тебя, отъ своихъ прихотей, а не по нуждѣ.

«Воззри, великая государыня, милосердымъ окомъ на питомца твоего, который не имѣетъ у себя другихъ благодѣтелей, окромѣ тебя. На тебя едину возлагаю мою надежду, ты единымъ мановеніемъ можешь доставить мнѣ состояніе, сходственное моему чину и дворянству, тобою мнѣ пожалованному; яви мнѣ средство продолжать жизнь мою, которую мнѣ Творецъ даровалъ для прославленія имени твоего, да утѣшу я престарѣлыхъ моихъ родителей, едва уже дышащихъ и ожидающихъ пособія только отъ меня, да потекутъ дни ихъ, равно какъ и мои, въ спокойствіи, котораго безъ помощи твоей имѣть не въ состояніи.

«Вѣрь истинѣ, всещедрая монархиня, что я бы никогда не писалъ, и въ сію минуту желалъ бы окончить жизнь мою, если слова мои возбудятъ въ тебѣ хотя малѣйшее на меня неудовольствіе; сіе содѣлаетъ совершенное мое злополучіе; существованіе мое на свѣтѣ учинится тягчайшимъ бременемъ, которое казалось прежде отрадою, когда находился подъ покровомъ твоего великодушія; еще и по сихъ поръ начертаваются въ умѣ моемъ тѣ сладостнѣйшія минуты, какъ будучи пажемъ и находясь уже въ кадетскомъ корпусѣ, предстоялъ предъ лицомъ твоимъ и зрѣлъ безпредѣльныя твои ко мнѣ благотворенія, за которыя благодарности не истребитъ и самая смерть, но духъ мой всегда тебѣ преданный понесетъ ее въ вѣчность.

«Всемилостивѣйшая государыня,
«вашего императорскаго величества
«вѣрноподданный
«Александръ Оспенный.

«Ноября 29 дня 1793 года».

«1794 года, генваря 9 дня, правительствующему сенату дѣйствительный тайный совѣтникъ генералъ-прокуроръ и кавалеръ А. Н. Самойловъ предложилъ препровожденное къ нему, по высочайшему ея императорскаго величества повелѣнію, прошеніе секундъ-маіора Александра Оспеннаго съ тѣмъ, чтобы сей проситель опредѣленъ былъ отъ герольдіи къ мѣсту, чину и способностямъ его соотвѣтствующему, и во исполненіе сего именнаго ея императорскаго величества высочайшаго указа, правительствующій сенатъ приказали: объявленнаго секундъ-маіора Оспеннаго причислить при герольдіи для опредѣленія во исполненіе высочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія по чину и способностямъ его къ должности и написать въ списокъ, о чемъ ему объявить, а для вѣдома въ московскіе сената департаменты сообщить вѣдѣніе»[1]).

Спустя мѣсяцъ, 7 февраля 1794 года, генералъ-прокуроръ Самойловъ писалъ къ графу П. В. Завадовскому:

«Милостивый государь

«графъ Петръ Васильевичъ!

«Ея императорское величество высочайшимъ указомъ соизволила находящагося не у дѣлъ секундъ-маіора Оспеннаго опредѣлить къ мѣсту; онъ же, Оспенный, желаетъ опредѣленъ быть въ государственный заемный банкъ на открывшуюся тамъ директорскую ваканцію, но какъ удостоеніе къ тому зависитъ по начальству вашему въ заемномъ банкѣ отъ васъ, милостивый государь мой, то имѣю честь сообщить вашему сіятельству, не разсудите ли удовлетворить просьбы сего просителя; впрочемъ пребываю я съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ и проч.»[2]).

Ходатайство осталось безъ успѣха: Оспенный мѣста въ банкѣ не получилъ, «по неимѣнію ваканціи». Прошло еще слишкомъ два года, онъ попрежнему оставался непристроеннымъ, а между тѣмъ положеніе его съ каждымъ днемъ ухудшалось все болѣе и болѣе; онъ началъ уже продавать свое имущество и входить въ долги; тогда онъ рѣшился снова обратиться къ императрицѣ.

«Всемилостивѣйшая государыня!

«Въ другой и послѣдній разъ дерзаю молить тебя, премилосердая матерь! Воззри на горесть и стенаніе Оспеннаго, бывшаго нѣкогда твоимъ питомцемъ, но который теперь не смѣетъ себя назвать таковымъ, ибо есть нищій. Творецъ свидѣтель, что я лишаюсь куска хлѣба и отчаяніе меня сопутствуетъ. Ты благоволила приказать дать мнѣ мѣсто, могущее доставить пропитаніе, но болѣзнь, которая препятствуетъ воспользоваться онымъ, довела меня до той крайности, что я долженъ бѣдное мое имущество распродавать за безцѣнокъ и чрезъ оное имѣть дневное свое пропитаніе. Къ единому жъ удовольствію и отрадѣ остаются драгоцѣнныя для меня вещи, какъ-то: часы, перстень и табакерка, жалованныя тобою, на коихъ единое воззрѣніе составляетъ все мое утѣшеніе. Прости монархиня! чувства бѣдственнаго моего состоянія затмеваютъ мысли; я не въ силахъ изобразить всего, но скажу — признательность моя къ тебѣ вовѣкъ не измѣнится, ибо она во

[1]) «Дѣл. Герольдм. Конт.», кн. № 839, дѣло № 65, листы 203—205.

[2]) «Дѣла генералъ-прокурорскія», кн. 6,692, л. 740.

мнѣ есть душа и сердце, и до чего бы меня несчастная судьба ни довела, но я, по меньшей мѣрѣ, жилъ до конца дней отъ щедротъ твоихъ!

«Всемилостивѣйшая государыня,
«вашего императорскаго величества
«вѣрноподданный
«Александръ Оспенный.

«Іюня 17 дня 1796 года».

Проходитъ еще четыре мѣсяца—ни откуда ни отвѣта, ни распоряженія. Полный отчаянія, Оспенный обращается къ графу Самойлову съ просьбою напомнить о немъ государынѣ:

«Сіятельнѣйшій графъ

«Всемилостивѣйшій государь!

«За слабостію здоровья моего не могу предстать лично, а нашелся принужденнымъ объясниться вашему сіятельству письменно и утруждать всенижайшею моею просьбою. Небезъизвѣстно, всемилостивѣйшій государь, что я былъ призыванъ къ вашему сіятельству для отобранія отъ меня желанія по опредѣленію къ мѣсту, которое мною и объявлено, но какъ мнѣ и понынѣ онымъ воспользоваться не можно, за неимѣніемъ вакансіи, а я уже дошелъ до такой крайней бѣдности, что не имѣю дневнаго пропитанія и задолжалъ около пятисотъ рублей; какъ оный долгъ, такъ и нищета доводятъ меня до отчаянія, то всепокорнѣйше прошу, всемилостивѣйшій государь, взойдти великодушно въ бѣдное мое состояніе и доложить объ оной всемилостивѣйшей моей монархинѣ, за каковую милость по гробъ мой останусь вашему графскому сіятельству благодарнымъ.

«Всемилостивѣйшій государь
«вашего графскаго сіятельства
«всепокорный слуга
«Александръ Оспенный.

«Октября 16 дня 1796 года».

При чтеніи этихъ документовъ невольно останавливаешься на мысли—не было ли въ жизни Оспеннаго какихъ нибудь особенныхъ обстоятельствъ, которыя могли охладить къ нему участіе Екатерины? Онъ въ нищетѣ, онъ боленъ, но причиной бѣдственнаго положенія своего онъ могъ быть самъ, иначе трудно объяснить въ мягкой натурѣ Екатерины ту холодность, какую видимъ въ отношеніяхъ ея къ прежнему питомцу, долгое время пользовавшемуся ея милостями.

Вслѣдствіе приведеннаго письма Оспеннаго къ Самойлову, послѣдній докладывалъ императрицѣ:

«Секундъ-маіоръ Александръ Оспенный просилъ предъ симъ мѣста, которое бъ могло приносить ему пропитаніе, почему и объяснялся я съ главнымъ директоромъ ассигнаціоннаго банка объ опредѣленіи его въ тотъ банкъ въ директоры, но, по неимѣнію вакансіи, не опредѣленъ. А нынѣ представляетъ онъ, Оспенный, о крайней своей бѣдности, такъ что насущный хлѣбъ едва для пропитанія своего имѣетъ и притомъ отзывается, что боленъ; извѣстно жъ мнѣ, что подлинно за болѣзнями, коимъ онъ часто подверженъ бываетъ, и должности, къ которой будетъ опредѣленъ, съ успѣхомъ отправлять не въ

состоянія, то не будетъ ли вашему императорскому величеству благоугодно изъ милосердія вашего пожаловать ему на пропитаніе какую либо пенсію, по мнѣнію моему, считаю я довольнымъ триста рублей въ годъ» [1]).

Получилъ ли Оспенный пенсію и что съ нимъ сталось потомъ — неизвѣстно.

Сообщено А. Н. Корсаковымъ.

Гувернантка императора Петра II.

Въ дополненіе къ находящимся въ статьѣ «Педагоги прошлаго вѣка», помѣщенной въ сентябрской книгѣ «Историческаго Вѣстника» нынѣшняго года, условіямъ, заключавшимся между русскими барами XVIII вѣка и пришлыми педагогами, небезъинтереснымъ считаю напечатать и слѣдующія кондиціи, на которыхъ соглашалась ѣхать въ Россію въ 1717 году для воспитанія дѣтей царевича Алексѣя Петровича, т. е. будущаго императора Петра II и великой княгини Натальи Алексѣевны, нѣкая г-жа Бріандъ, о пребываніи которой въ Россіи болѣе подробныхъ свѣдѣній, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось собрать. Вотъ подлинный текстъ этихъ условій, съ сохраненіемъ ороографіи:

«Кондиционы которые мадамъ Бриандъ по Его Царского Величества изволенныю написала:

«1) Чтобъ она вместо Губернанте околе Его Величества младому Кронъ-Принца для извычайна к воспитанию и обучению Его Высочество Великой Княжеской персоны приемлена была.

«2) И для того она покорно проситъ за труды на всякой годъ жалованья 500 рублевъ, да сверхъ того пропитанные пищи и квартѣру да свободы отъ всякые тягости.

«3) Для проѣзду сухимъ путемъ до Санктъ Петербурхъ съ ее ѳамилиею 10 персоны, именно: она съ мужемъ, шесть младыхъ сыновъ да двухъ домашьнихъ служебниковъ, и для того отъ Его Царского Величества требуетъ денегъ чтобъ имъ возможно было сухимъ путьемъ туды доехать а моремъ свецъкихъ каперовъ опасение імѣемъ.

«4) И чтобъ Его Царское Величество той свою высокую милость іззволилъ учинить за полъ года жалованья выдать въ Гамбурхе приказалъ, чтобъ она могла нужною еквипажию про себя также и про свою ѳамилию купить бесъ которого прибыть невозможно.

«5) И при томъ прошу чтобъ мужъ мой былъ принятъ у Вашего Царского Величества вместо какъ проѳесоръ въ Санктъ Питербурхе въ Академию, понеже онъ множество лѣтъ въ разныхъ академиахъ училъ и знаетъ географию, генеалогию і историы да матексинъ за которые труды требуетъ покорно по 150 рублевъ на годъ жалованья также і квартеру и свободу отъ тягости, чтобъ милосердно пожалованъ былъ для чего онъ обязуетца: граматика и дикъцнонарию зделать, которая русской, латинской, немецкой, ѳранцуской, италианской, галанской да англинской языкамъ знатно будетъ

---

[1]) «Дѣла ген.-прок.», кн. 6,692, листы 741—743.

и тѣхъ языковъ (кромѣ руского которой онъ хочетъ вскорехъ временахъ выучить) тотъ вышепомянутой проѳесоръ ѳундаментально знаетъ, которое дело весма нужно есть понеже многые охотники до руской языкъ выше помянутую науку желаютъ и будетъ вдрукъ русскимъ младенцамъ гораздо въ прибыль потому что они могутъ выше помянутые языки знать, и будутъ себѣ квалиѳицеровать да габитеровать.

«6) Чтобъ дети ихъ волную ексерцицию при Академиі имели бесъ платы ученье.

«7) И для того Ваше Царское Величество покорно просимъ сие кондичьные пункты ежели соизволишъ ихъ аксепътеровать и подписать и мы продаемъ себя въ волю Вашего Величества и ехать во всякой готоьности. При семъ Мадамъ Бриандъ и мужъ мой униженно ожидать будемъ Вашего Царского Величества указу».

Сообщено **Ѳ. А. Бычковымъ.**

СМѢСЬ.

АМЯТНИКЪ императору Александру II въ Петрозаводскѣ открытъ 30-го августа. Въ засѣданіи олонецкаго губернскаго земскаго собранія, 12-го декабря 1881 года, предсѣдатель губернской земской управы, обратился къ собранію съ заявленіемъ о постановкѣ памятника въ Петрозаводскѣ царю-освободителю. Собраніе единогласно приняло это предложеніе и назначило деньги на постановку. Кромѣ того, оно положило увѣковѣчить память государя назначеніемъ 5,000 руб. въ основной фондъ съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала ежегодно употреблялись на уплату податей за бѣднѣйшихъ крестьянъ. До настоящаго времени этотъ капиталъ увеличился пожертвованіями до 8,318 руб. Мраморъ для пьедестала памятника былъ употребленъ, по предложенію предсѣдателя управы, изъ арендуемыхъ имъ тивдійскихъ ломокъ. Проектъ самой статуи принадлежитъ академику Шредеру. Пьедесталъ сдѣланъ по рисунку профессора Томишко. Модель статуи 21-го сентября 1882 года была одобрена государемъ императоромъ. 15-го іюня 1884 года, произошла закладка памятника, причемъ въ закладной камень положены были всѣ монеты чекана 1884 года. Матюковскій мраморъ, изъ котораго сдѣланъ пьедесталъ, представляетъ однородную массу, отличающуюся большой твердостью и вязкостью. По красотѣ мраморъ этотъ не имѣетъ себѣ подобнаго. Цвѣтомъ онъ темнозеленый съ мелкими вкрапленными на немъ свѣтлозелеными пятнами. Соборная площадь, на которой воздвигнутъ памятникъ, возвышается надъ уровнемъ озера на 110 футовъ. Памятникъ поставленъ лицомъ къ мужской гимназіи, правой стороной къ собору, лѣвой — къ дому благотворительнаго общества. Пьедесталъ вышиною 6 аршинъ 12 вершковъ. Высота статуи, отлитой изъ бронзы, 5 аршинъ. Александръ II изображенъ въ общегенеральскомъ мундирѣ, съ орденами, поверхъ мундира порфира; на шеѣ цѣпь св. Андрея Первозваннаго. Голова монарха обнажена. Лѣвой рукой государь поддерживаетъ порфиру, а нѣсколько вытянутой правой рукой держитъ свитокъ съ надписью: «19-го февраля 1861

года». На пьедесталѣ съ лицевой стороны бронзовая доска съ вензелемъ А. на щитѣ и надписью вокругъ щита: «Царю-освободителю олонецкое земство 1881 года». Стоимость памятника простирается до 27,000 руб. Вокругъ него ставятъ рѣшетку на средства, пожертвованныя г. Чекалевымъ. Для торжества открытія памятника составленъ былъ особый церемоніалъ. Городъ былъ украшенъ флагами. По окончаніи литургіи къ памятнику отправился крестный ходъ. Послѣ молебна съ водоосвященіемъ, покрывало съ памятника спустилось, епископъ окропилъ памятникъ святою водою, и затѣмъ къ подножію его положены были массивные, изящные вѣнки отъ мужской и женской гимназій. Въ зданіи благотворительнаго общества, во время торжественнаго завтрака, прочтена была историческая записка о ходѣ сооруженія и сказана рѣчь о значеніи памятника царю-освободителю. Многіе представители мѣстныхъ земствъ нарочно прибыли въ Петрозаводскъ изъ уѣздовъ на торжество.

Памятникъ императору Александру II въ селѣ Бузовкѣ. 26-го августа, въ селѣ Бузовкѣ, Таращанскаго уѣзда, состоялось открытіе памятника императору Александру II, сооруженнаго по иниціативѣ самихъ крестьянъ. Село Бузовка имѣніе генерала Трепова, лежитъ на границѣ двухъ уѣздовъ: Липовецкаго и Таращанскаго. У самаго въѣзда въ село, на обширной площади поставленъ памятникъ. Пунктъ выбранъ весьма удачно: проѣзжающему сразу бросается въ глаза величественный монументъ, и никто не проѣдетъ мимо, не полюбовавшись на дорогой каждому русскому образъ царя-освободителя. Памятникъ представляетъ бронзовую статую покойнаго государя во весь ростъ съ непокрытою головою; въ правой рукѣ фуражка, а лѣвая придерживаетъ саблю. На государѣ гусарская венгерка. Позу художникъ далъ фигурѣ легкую и непринужденную. Лицо задумчивое, даже строгое (модель фигуры была заказана скульптору Забѣлло, а отливалась на заводѣ Шопена въ Петербургѣ). Постаментомъ для статуи служатъ двѣ гранитныя глыбы, положенныя одна на другую; нижняя значительно больше. На верхней красуется простая надпись золотыми буквами: «Царю-освободителю императору Александру II отъ благодарныхъ крестьянъ села Бузовки 1884 года». Къ памятнику ведутъ три каменныя ступеньки. Вокругъ него нѣсколько фонарей. Торжественная церемонія началась съ крестнаго хода къ памятнику изъ мѣстной церкви. По окропленіи памятника святою водою, отслужены панихида по почившемъ императорѣ Александрѣ II и благодарственное молебствіе за нынѣ благополучно царствующаго государя. Во время службы были принесены цвѣты и нѣсколько вѣнковъ, которыми украсили памятникъ. По окончаніи церемоніи произнесено нѣсколько рѣчей.

Пятидесятилѣтіе церкви Митрофаніевскаго кладбища. Въ 1830 году, за Кавказомъ, въ Арменіи, появилась неслыханная до того времени холера. Эта страшная гостья быстро подвигалась на сѣверъ, къ Петербургу, гдѣ стали готовиться къ пріему ея. Медицинскимъ совѣтомъ было отведено мѣсто для погребенія умершихъ отъ холеры. Для этого прихватили земли у деревни Тентелевки, въ количествѣ 645 саженей, и обнесли ее заборомъ. Мѣсто это, по своему положенію гораздо быстрѣе другихъ столичныхъ кладбищъ стало наполняться умершими отъ холеры. Число погребаемыхъ, умершихъ отъ холеры, доходило до 240 тѣлъ въ день. Священниковъ на новомъ кладбищѣ не было, и прахъ умершихъ родныхъ и друзей отвозился на Тентелевское, лишенное храма, кладбище. У многихъ тогда болѣло сердце. Наболѣло оно и у мѣщанки Февроніи Комарской, похоронившей на этомъ же кладбищѣ въ холеру своихъ родныхъ. И долго хлопотала она, долго собирала пожертвованія, пока, наконецъ, въ 1835 году не разрѣшили ей на новооткрытомъ холерномъ Тентелевскомъ кладбищѣ построить деревянный храмъ во имя новоявленнаго воронежскаго святителя Митрофана. Нынѣ праздновали 50-тилѣтіе этого храма, построеннаго на каменномъ фундаментѣ и покрытаго листовымъ желѣзомъ въ 1835 году. Въ храмѣ этомъ два престола: одинъ — главный, во имя Мит-

рофана воронежскаго, освященный 20 октября 1835 года, а другой — придѣльный, въ честь Божьей Матери Неопалимыя Купины, освященный въ 1841 году. Черезъ 16 лѣтъ, по указу консисторіи, деревянный храмъ возобновленъ уже во имя Всемилостиваго Спаса. Въ 1839 году, синодъ разрѣшилъ построить каменный храмъ на кладбищѣ и весною 1841 года приступлено было къ его созданію. Въ августѣ слѣдующаго года, наружная постройка церкви уже подходила къ концу, но тутъ вдругъ обрушились три купола, потому что были возведены въ дождливое время по недостаточно просохшимъ аркамъ и сводамъ. Каменный храмъ оконченъ и освященъ 17-го августа 1847 года. Въ немъ два придѣла: главный — во имя святителя Митрофана и придѣльный — во имя московскихъ святителей Петра, Алексія и Іоны. Изъ замѣчательныхъ иконъ въ этомъ храмѣ находятся: образъ чудотворца Митрофанія, чудотворца Николая и 14 крестообразныхъ, позолоченныхъ кіотъ, гдѣ помѣщены образа въ цѣнныхъ серебряныхъ ризахъ. Мѣстный образъ святителя Митрофана написанъ въ Воронежѣ. Въ 1871 году, въ каменной церкви отъ сильно натопленной печи произошелъ пожаръ. Сгорѣла часть архива и ризница. Стѣны и куполъ почернѣли, такъ что въ слѣдующемъ году церковь подверглась ремонту. Въ 1883 году, новое несчастье, но на этотъ разъ сильнѣйшее, постигло Митрофаніевскую церковь. Отъ топившейся въ алтарѣ печи сдѣлался пожаръ, причемъ сгорѣла крыша и обгорѣла вся внутренность церкви. Случился пожаръ въ маѣ мѣсяцѣ, а къ сентябрю того же года храмъ былъ отремонтированъ заново и освященъ вновь. Въ 1831 году, какъ мы уже сказали выше, подъ кладбище было отведено всего 645 квадратныхъ саженъ. Постоянно прикупалась земля и увеличивалось кладбище, такъ что въ настоящее время подъ нимъ находится земли 77,272 квадратныхъ сажени. Особенной богадѣльни при кладбищѣ нѣтъ, но престарѣлыя вдовы и сироты мѣстнаго причта живутъ въ церковныхъ домахъ и получаютъ содержаніе отъ церкви.

Памятникъ на Самсоніевскомъ кладбищѣ. Открытіе на Самсоніевскомъ кладбищѣ памятника Артемію Волынскому, Еропкину и Хрущову, предполагавшееся еще лѣтомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ годовщину ихъ казни, было отложено по случаю неокончанія барельефныхъ работъ академикомъ Опекушинымъ. Въ настоящее время работы эти уже закончены, памятникъ готовъ и выставленъ въ мастерской бронзовщика Соколова. Памятникъ имѣетъ видъ пирамидальнаго монолита, вышиною пять аршинъ. Къ пьедесталу его примыкаетъ саркофагъ, у подножія котораго помѣщены два меньшіе саркофага, украшенные вѣнками. Такое основаніе памятника должно знаменовать собою три могилы. Въ средней части памятника, съ лѣвой стороны, барельефъ, изображающій женскую фигуру — богиню исторіи, держащую въ рукахъ пальмовую вѣтвь и свитокъ съ начертанными на немъ словами Екатерины II:

«Волынскій былъ добрый и усердный патріотъ и ревнителенъ къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества».

Ниже этихъ строкъ два стиха:

. . . . будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной.

Подъ свиткомъ, къ правому углу барельефа, изображена урна съ числомъ и годомъ казни: «27-го іюня 1740 года», и подъ ней змѣя — эмблема зла. Надъ нею горящій свѣтильникъ — олицетвореніе правды, обвитой оливковымъ деревомъ въ знакъ примиренія съ прошлымъ. По бокамъ памятника — потухающіе факелы огнемъ внизъ.

Памятникъ сооруженъ по подпискѣ и стоилъ всего 1,900 рублей. Тысячу рублей изъ этой суммы пожертвовала г-жа Селифонтова, единственная находящаяся въ живыхъ представительница рода Волынскихъ (по женской линіи). Памятникъ исполненъ по рисунку профессора Щурупова.

Памятникъ войны 1877—1878 года. На чугунно-литейномъ и механическомъ заводѣ Санъ-Галли выставлена совершенно оконченная и собранная колонна для памятника, сооружаемаго передъ соборомъ св. Троицы, на Измайловскомъ проспектѣ, въ память русско-турецкой войны 1877—1878 годовъ. Колонна вылита изъ чугуна, вокругъ нея въ нишахъ помѣщены пушки, отбитыя нашими войсками у турокъ. Колонна на верху увѣнчана капителемъ, сдѣланнымъ въ кориноскомъ стилѣ, на капителѣ поставлена статуя генія войны въ 5½ аршинъ высоты. Весь памятникъ будетъ имѣть въ высоту 13½ саженъ. Кладка пьедестала изъ тесаннаго краснаго и сѣраго сердобольскаго гранита заканчивается. На пьедесталѣ будетъ изложена краткая исторія войны и перечислены всѣ части войскъ, которыя участвовали въ походѣ. Со стороны собора св. Троицы памятникъ будетъ обнесенъ полукруглою изящною рѣшеткою, вдоль которой поставятъ десять орудій, взятыхъ у непріятеля во время сраженія при Горномъ Дубнякѣ. Стоимость работъ, исполняемыхъ заводомъ Санъ-Галли и мастерскими гг. Бруссова и Конона, исчислена въ 150,000 рублей. Работами по сооруженію памятника завѣдуетъ капитанъ Г. М. Житковъ.

Раскопка „Мухиной Горы". По порученію археологическаго Общества, въ нынѣшнемъ году были произведены раскопки «Мухиной горы», находящейся въ Павлоградскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, въ двухверстномъ разстояніи отъ станціи «Краснопавловки», курско-харьково-азовской желѣзной дороги. Этотъ курганъ до раскопки имѣлъ овальную форму, съ небольшою площадкою на вершинѣ; онъ былъ покрытъ дерномъ и состоялъ изъ земляной насыпи, безъ примѣси камней. По точному измѣренію оказалось, что «Мухина гора» имѣетъ въ окружности 115 саженъ, а отъ одного края основанія до другаго, черезъ вершину—25 саженъ. Раскопка производилась послойно, втеченіе восьми дней, при 288 рабочихъ и 30 парахъ воловъ, вывозившихъ снимаемую землю. При раскопкахъ было найдено: нѣсколько горшковъ безъ орнаментики и съ орнаментикою, изъ черной полуобожженной глины, очень грубой работы; нѣсколько конскихъ копытъ; восемь конскихъ головъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ находились на угляхъ и вынуты въ обожженномъ видѣ. По мѣрѣ углубленія въ почву, интересъ раскопки все болѣе возрасталъ. Въ разныхъ слояхъ почвы найдено 9 человѣческихъ скелетовъ; длина нѣкоторыхъ изъ нихъ простирается до 3 аршинъ 4—7 вершковъ. Большинство скелетовъ найдено раздробленными; лишь въ самомъ нижнемъ слоѣ кургана откопанъ полный человѣческій скелетъ, голова котораго отъ подбородка къ концу затылка три четверти аршина («долихоцефалъ»). При человѣческихъ скелетахъ найдено: два скелета хомяка, длиною въ одинъ аршинъ каждый; скелеты лисицы, барана, быка и курицы; нѣсколько рѣчныхъ раковинъ; двое желѣзныхъ удилъ и одна бронзовая пряжка. На значительной глубинѣ кургана оказалась небольшая кучка (не больше одного стакана) проса, довольно крупнаго, но отъ времени совершенно побѣлѣвшаго. Кромѣ того, при раскопкахъ обнаружены по угламъ кургана куски березы, дуба и бересты. Свое названіе курганъ получилъ отъ имени своего прежняго владѣльца, Мухина. Народное преданіе говоритъ, что нѣкогда на этомъ курганѣ находилась «каменная баба», или статуя, памятникъ свидѣтельствующій о пребываніи въ этой мѣстности древнихъ кочевниковъ. Судя по нѣкоторымъ особенностямъ въ положеніи найденныхъ человѣческихъ скелетовъ и по уцѣлѣвшимъ признакамъ похороннаго обычая, можно предположить, что раскопанный курганъ относится ко времени кочевья въ означенной мѣстности половцевъ (народъ тюрко-татарскаго племени) или другихъ родственныхъ имъ племенъ, о которыхъ впервые упоминается въ лѣтописяхъ подъ 898 годомъ. Это препроложеніе отчасти подтверждается найденными въ курганѣ остатками лошадей, лисицы, хомяковъ, быка и другихъ животныхъ, служившихъ, какъ извѣстно, въ древности символами хитрости, силы и другихъ отличительныхъ свойствъ кочевниковъ.

Столѣтіе города Кеми. 22-го августа минуло сто лѣтъ существованія Кеми, какъ города; Кемь существовала и раньше даже XV столѣтія, но историческая извѣстность ея начинается только съ 1530 года, когда грамотой Василія Ивановича «Кемская волость» подчинена была великокняжескому управленію. Впродолженіе XVI вѣка волость не разъ подвергалась нападенію шведовъ, а въ концѣ этого столѣтія жалованной грамотой царя Θедора Ивановича отдана была Соловецкому монастырю; тогда же на счетъ монастырскихъ суммъ построили здѣсь острогъ для защиты отъ набѣговъ «нѣмецкихъ людей». Въ 1764 году, Кемскій городокъ отнятъ былъ отъ Соловецкой обители, а въ 1785 году, переименованъ городомъ. Нарочно для открытія города пріѣзжалъ Державинъ, бывшій тогда олонецкимъ губернаторомъ. Къ Олонецкой губерніи Кемь была причислена до 1802 года, когда ее присоединили къ Архангельской. Въ день столѣтняго юбилея Кемь разукрасилась флагами. Послѣ литургіи и молебствія состоялся обѣдъ для гражданъ, предложенный городскимъ головой.

Костромской музей. Въ музей и историческій архивъ костромской ученой архивной коммиссіи поступили въ послѣднее время слѣдующія вещи: 1) отъ Е. И. Якушкина — каменный топоръ, найденный нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Нерехтскомъ уѣздѣ; 2) отъ ветлужскаго уѣзднаго исправника Ильинскаго — каменный молотокъ, старинный клинокъ, часть аэролита и нѣсколько большихъ костей и окаменѣлостей, найденныхъ въ волостяхъ Ветлужскаго уѣзда, и 3) отъ А. Г. Мягкова — 31 старинная рукопись. Двѣ изъ этихъ рукописей оказались весьма интересными. Первая рукопись — челобитная царю Михаилу Θедоровичу галицкаго помѣщика Елеазара Жароковскаго на галицкаго боярскаго сына Матвѣя Ивановича Скрябина — содержитъ жалобу на Скрябина о кражѣ имъ лошадей у Жароковскаго и у его крестьянъ, и о томъ, что Матвѣй Скрябинъ подалъ царю ложный извѣтъ на его, Жароковскаго. Въ челобитной изложенъ порядокъ разслѣдованія и суда по этому дѣлу, отчего рукопись можетъ имѣть значеніе для характеристики тогдашнихъ нравовъ и судопроизводства. Вторая рукопись заключаетъ списокъ съ указа Петра Великаго объ убавкѣ или совершенномъ лишеніи жалованья нѣкоторыхъ служилыхъ людей по случаю шведской войны, впредь до ея окончанія.

Работы въ Ростовскомъ кремлѣ. Избранная Московскимъ археологическимъ Обществомъ коммиссія, подъ предсѣдательствомъ ярославскаго губернатора, продолжала и въ настоящемъ году возобновленіе древнихъ зданій въ кремлѣ Ростова Великаго. Такъ, 1) въ Успенскомъ соборѣ возстановлена открытая на глубинѣ $3^1/_2$ аршинъ въ землѣ церковь, въ которой покоятся подъ спудомъ мощи св. Леонтія: 2) исправленъ наружный видъ церквей Спаса на Сѣняхъ и Іоанна Богослова, а также исправлены стѣны и переходы вокругъ кремля; 3) возстановлена «Садовая» башня, предназначаемая для народныхъ чтеній, библіотеки, музея древностей и склада книгъ Братства святителя Димитрія. Освященъ пещерный храмъ св. Леонтія, открыта библіотека и собраніе членовъ музея древностей.

Статуя Геркулеса. Въ Римѣ, при кладкѣ фундамента новаго театра на Via Nazionale, откопана бронзовая статуя Геркулеса въ шесть футовъ вышиною. Статуя оказалась прекрасно сохранившеюся за исключеніемъ небольшой трещины на правой ногѣ. Полагаютъ, что этотъ Геркулесъ служилъ украшеніемъ банъ императора Константина или же Адріанова храма солнца, такъ какъ оба эти зданія помѣщались по сосѣдству съ теперешней Via Nazionale, у подножія Квиринальскаго холма. Находкѣ этого Геркулеса придаютъ большое значеніе въ художественномъ отношеніи и главнымъ образомъ потому, что изъ числа бронзовыхъ статуй, въ изобиліи украшавшихъ древній Римъ, только весьма немногія сохранились до нашего времени.

† 23 сентября въ Москвѣ писатель **Василій Ивановичъ Орловъ.** Ему было всего 37 лѣтъ; крѣпкій, выносливый организмъ обѣщалъ долгую жизнь.

Правда, покойный трудился безустанно, до изнуренія, но въ этихъ случаяхъ есть простое лекарство: отдыхъ, дающій новыя силы для полезной общественной работы, но судьба рѣшила иначе. Неумѣренный только въ трудѣ и строго умѣренный во всѣхъ своихъ потребностяхъ, Орловъ скопилъ небольшія деньги, занялъ около пятнадцати тысячъ и на эти средства купилъ имѣньице, чтобы быть ближе къ излюбленной имъ русской деревнѣ. Но въ контрактѣ на покупку оказался какой-то формальный грѣхъ; кулакъ затѣялъ процессъ съ новымъ владѣльцемъ и Василій Ивановичъ проигралъ процессъ, Погибли всѣ его деньги, еще больше денегъ чужихъ, а главное — потрясена была вѣра въ силу правды живой, принесенной въ жертву формализму и казуистикѣ. Покойный былъ глубоко потрясенъ этой житейской неудачей и губительно сказалось это потрясеніе на истомленномъ трудами организмѣ. Орловъ вышелъ изъ семьи деревенскаго священника. Образованіе свое началъ въ духовныхъ заведеніяхъ, но задолго до конца семинарскаго курса оказался уже на столько подготовленъ, что могъ поступить на юридическій факультетъ. Въ университетѣ ему, какъ большинству бѣдныхъ студентовъ, приходилось и учиться, и давать уроки ради средствъ къ жизни. Это не помѣшало ему блестяще кончить курсъ. Оставленный при университетѣ, онъ уже видѣлъ передъ собой профессорскую каѳедру, но ему была не по душѣ чисто ученая карьера: хотѣлось болѣе живой, практической дѣятельности. Эту дѣятельность дало ему занятіе статистикой. Десять лѣтъ тому назадъ московское земство задумало статистическое изслѣдованіе губерніи и поручило это Орлову. Молодой ученый взялся за дѣло горячо и необычнымъ путемъ. Вмѣсто «разсылки» кабинетными статистиками вопросныхъ пунктовъ, онъ рѣшилъ самъ побывать во всѣхъ крестьянскихъ селеніяхъ Московской губерніи и лично опросить мужиковъ. Успѣхъ былъ поразительный. Василій Ивановичъ собралъ массу всевозможныхъ живыхъ свѣдѣній о крестьянской жизни, а черезъ годъ явился первый томъ его извѣстнаго всей Россіи «Сборника». Этотъ замѣчательный трудъ былъ откровеніемъ для русской земской статистики, которую Орловъ вывелъ на новый разумный путь. Въ два года Василій Ивановичъ издалъ три тома, заключавшихъ въ себѣ полное описаніе Московской губерніи. Потомъ онъ занялся подробной разработкой собранныхъ матеріаловъ, и издалъ свое изслѣдованіе о формахъ общиннаго землевладѣнія. Книга эта встрѣтила самые лестные отзывы печати и была удостоена первой преміи имени Юрія Самарина. Кромѣ того, Орловъ издалъ не менѣе десяти томовъ, посвященныхъ изслѣдованію кустарнаго дѣла и иныхъ отраслей сельскаго хозяйства и оказалъ весьма серьёзную помощь многимъ русскимъ земствамъ въ ихъ статистическихъ трудахъ. Все это требовало отъ покойнаго постоянной энергіи и работы, но его дѣятельная натура не боялась труда. Ссудо-сберегательныя товарищества нашли въ немъ изслѣдователя и заступника; кустарный отдѣлъ на промышленной выставкѣ и нынѣшній кустарный музей въ значительной степени обязаны ему своимъ существованіемъ; народно-училищному дѣлу онъ былъ усерднымъ помощникомъ,— словомъ, все «земское» было ему близко къ сердцу, но и въ другихъ сферахъ онъ готовъ былъ приносить посильную пользу. Когда С. В. Лепешкинъ устраивалъ первое студенческое общежитіе, Орловъ явился энергическимъ ему сотрудникомъ и въ первое время взялъ даже на себя должность «экзекутора» общежитія. Трудно перечислить все то, что сдѣлано покойнымъ за десять лѣтъ его общественной работы; онъ и умеръ «на службѣ», въ съѣздѣ земскихъ врачей, къ дѣлу которыхъ относился съ живѣйшимъ интересомъ. Утомленный постояннымъ трудомъ и нервно разстроенный дурнымъ исходомъ процесса, Василій Ивановичъ во время диспута на съѣздѣ упалъ безъ сознанія. Врачи перепугались и ни одинъ изъ нихъ, къ сожалѣнію, не рѣшился на кровопусканіе, которое, какъ говорятъ, спасло бы Орлову жизнь. Бросились за піявками, за докторами, а больной лежалъ на тюфякѣ, на полу,

въ нежилыхъ залахъ политехническаго музея... Не легко было найти ночью доктора-специалиста, да и поздно уже было. До самой смерти больной не приходилъ въ сознаніе и только раза два попросилъ пить. Въ безсознательномъ положеніи застала его и призванная жена. Онъ умеръ отъ удара и кровоизліянія въ мозгу.

† 28 сентября профессоръ Петербургскаго университета **Иванъ Ильичъ Захаровъ**, имя котораго не умретъ въ потомствѣ и останется навсегда въ исторіи русской политики и въ исторіи нашего народнаго образованія. Захаровъ принадлежалъ къ классу людей, которые жертвуютъ всѣмъ для любимаго дѣла, хотя къ несчастію, такія жертвы рѣдко цѣнятся такъ, какъ онѣ того заслуживаютъ. Ив. Ил. Захаровъ имѣлъ громадное вліяніе на пріобрѣтеніе нашимъ отечествомъ отъ Китая Кульджи. Только благодаря Захарову, Россіи отмежевано было отъ Китая 30,000 кв. верстъ. Всѣ знаютъ, какъ мы странно воспользовались этими землями... Въ числѣ трудовъ покойнаго имѣется громадная карта всѣхъ нашихъ владѣній, смежныхъ съ Китаемъ и Манджуріей, удостоенная въ Парижѣ на всемірной выставкѣ почетной медали и патента, и по отчетливости и величинѣ своей требовавшая громаднаго труда. Полученная въ управленіи одного изъ сибирскихъ губернаторовъ, эта карта была отправлена, безъ имени автора, въ Петербургъ, въ депо картъ, напечатана и представлена государю императору, но безъ всякаго упоминанія о ея составителѣ. Наконецъ, И. И. Захаровъ составилъ обширный словарь манджурско-русскаго языка и представилъ его въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ объ немъ совершенно забыли, и составителю оставалось бы считать свое нелегкое дѣло погибшимъ, если бы Географическое Общество не наградило его большою золотою медалью. И остальные труды покойнаго по восточнымъ языкамъ и географіи были вознаграждаемы только Обществомъ. Давно извѣстно, что въ своемъ отечествѣ никто не былъ пророкомъ, но въ виду могилы замѣчательнаго нашего труженика и оріенталиста, тяжело думать, что такое мнѣніе аксіома.

† 24-е сентября, въ имѣніи Г. П. Кондратьева, «Лышенцы» (Варшавская желѣзная дорога, ст. Плюсса), одинъ изъ лучшихъ нашихъ дѣтскихъ писателей и педагоговъ, **Михаилъ Борисовичъ Чистяковъ**. За послѣднее полустолѣтіе не было человѣка изъ образованнаго общества, который бы въ дѣтствѣ не прочелъ хотя бы одного разсказа покойнаго и не вспомнилъ его добрымъ словомъ за тѣ минуты наслажденія, какія даются истиннымъ талантомъ. Михаилъ Борисовичъ былъ любимымъ дѣтскимъ писателемъ и прежде всего потому, что онъ самъ искренно любилъ дѣтей и всею душою былъ преданъ дѣлу воспитанія. Такихъ чистыхъ идеалистовъ, такихъ старыхъ дѣтей въ нашъ практическій вѣкъ становится все меньше, поэтому утрата каждаго изъ подобныхъ Михаилу Борисовичу людей очень тяжела. Тѣло покойнаго привезено въ Петербургъ и похоронено на Волковскомъ кладбищѣ.

† въ Галиціи, близъ г. Тарнова, въ имѣніи своего сына, **Наполеонъ Костеша Жаба**, польскій путешественникъ, два раза объѣхавшій земной шаръ, бывшій въ близкихъ отношеніяхъ съ бразильскимъ императоромъ Донъ-Педро. Долговременное пребываніе его въ Бразиліи дало ему возможность изучить эту страну, о которой онъ неоднократно читалъ лекціи во Львовѣ и Краковѣ. Жаба участвовалъ и въ польской литературѣ, написавъ нѣсколько поэтическихъ произведеній, изъ которыхъ лучшимъ признается поэма «Дяды».

† во Львовѣ издатель **Германъ Альтенбергъ**. Поляки должны сохранить о немъ память, такъ какъ свою издательскую дѣятельность онъ посвятилъ польской литературѣ и притомъ въ такомъ направленіи, которое не можетъ не льстить польскому патріотизму. Издавая роскошнѣйшія и преимущественно иллюстрированныя изданія на польскомъ языкѣ, онъ имѣлъ въ виду вытѣснить ими изъ среды польскаго читающаго міра подобныя же изданія, распространяемыя въ изобиліи на языкѣ нѣмецкомъ.

† **Марія Бартусовна**, талантливая польская поэтесса и новеллистка. Участвуя въ нѣсколькихъ польскихъ періодическихъ изданіяхъ, молодая писательница посвящала свои труды и дѣлу народнаго образованія, но болѣзнь, полученная по наслѣдству, вынудила ее оставить мѣсто учительницы народной школы, а затѣмъ совершенно сломила ея молодыя силы и довела ее до ранней могилы, на 28 весенней порѣ. Изъ произведеній покойной пользуются въ польской литературѣ извѣстностью: поэма «Чародѣйская свирѣль», драма «Ванда», повѣсти «Послѣ смерти», «Духъ руинъ» и др.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу статьи «Эпоха каруселей и маскарадовъ въ Россіи».

Прочитавъ съ величайшимъ интересомъ статью статью г. Пыляева въ № 8 «Историческаго Вѣстника» «Эпоха рыцарскихъ каруселей и аллегорическихъ маскарадовъ въ Россіи», я не могу согласиться съ почтеннымъ авторомъ относительно перваго момента въ развитіи маскарадовъ на Западѣ и у насъ, и смѣю думать, что редакція не откажется напечатать мои краткія по этому поводу соображенія.

Г. Пыляевъ въ упомянутой статьѣ говоритъ: «Первые маскарады въ Россіи введены императоромъ Петромъ Великимъ по случаю мира со шведами въ 1721 году... Въ смыслѣ святочныхъ игръ и переодѣваній маскарады были еще извѣстны при царѣ Іоаннѣ Грозномъ. Маскарады въ Европѣ вошли въ обыкновеніе въ 1540 году; ученикъ Микель Анджело, Граници, устроилъ первый такой торжественный маскарадъ въ честь Павла, Эмилія».

Фактъ заведенія въ Россіи маскарадовъ въ европейскомъ смыслѣ слова, безъ всякаго сомнѣнія, связанъ съ личностью Петра. Объ этомъ говоритъ Бергманъ (Истор. Петра Вел., т. V), описывающій пышный костюмированный кортежъ по случаю Ништатдскаго мира, упоминаетъ и Haigold, передающій, что Петръ наряжалъ Зотова папой, а другихъ любимцевъ кардиналами, дьяконами и церемоніймейстерами и въ сопровожденіи хора пѣвчихъ на святкахъ ходилъ съ ними къ боярамъ по домамъ славить [1]). Рядомъ съ этимъ Карамзинъ (т. IX) отмѣчаетъ маскарадъ Іоанна Грознаго, казнившаго князя Рѣпнина, за то, что тотъ не позволилъ надѣть на себя личины (маски).

Но врядъ ли изслѣдователь судьбы маскарадовъ можетъ успокоиться на этихъ только фактахъ и отнести заведеніе на Руси маскарадовъ ко времени Грознаго. Подобно тому, какъ теперь рядомъ съ общественными переряживаньями существуютъ частныя, рядомъ съ клубными и сценическими маскарадами невзыскательную публику увеселяютъ на святкахъ доморощенные ряженые,—и древняя грамотная Русь, въ лицѣ своихъ пастырей, издавна знала этотъ обычай переряживаться и всѣми силами обрушивалась на него, возставая особенно противъ скомороховъ, какъ главныхъ присяжныхъ кудесниковъ и переряживальниковъ, занимавшихся «москолудствомъ» ex professo. Русская церковь, низводя подобныя потѣхи на степень «эллинскихъ бѣсова-

---

[1]) Снегиревъ, «Русск. Праздн.», т. II.

ній», налагала на этихъ людей постоянные интердикты, приказывая зачастую «волынки, хари и домбры» наломать, медвѣдей, водимыхъ иногда ими, выгнать въ поле, но всѣ эти «памяти» [1]) не производили никакого дѣйствія на доморощенныхъ лицедѣевъ, память о которыхъ сохранилась, напр., въ пѣснѣ о «гостѣ Терентьищѣ». Покойный Бѣляевъ посвятилъ цѣлый этюдъ вопросу о скоморохахъ, и тамъ можно найдти много данныхъ по интересующему насъ и далеко не безъинтересному въ исторіи нашей культуры предмету. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ народныхъ обрядахъ, сохранившихся чуть не до нашихъ дней, мы найдемъ въ полной мѣрѣ развившееся переряживанье, или маскарадъ. Таковое, напримѣръ, употреблялось въ проводахъ масляницы въ Ярославской губерніи [2]). Наконецъ, сама церковь въ иныхъ случаяхъ шла на компромиссъ съ народной массой и, напримѣръ, въ обрядѣ «Пещнаго Дѣйства» допускала переряживанье, дошедшее еще во всей неприкосновенности до Олеарія. Знакомому съ ходомъ общечеловѣческихъ культурныхъ связей и заимствованій, я думаю, не покажется страннымъ мнѣніе, что маскарады, или частныя переряживанья, современны на Руси первому празднованью святокъ, во время которыхъ, по мнѣнію невѣжественной массы, духи тьмы, бѣсы, имѣли большій доступъ къ человѣку и большее на него вліяніе, чѣмъ когда либо. Чтобы отогнать эту нечисть, чтобъ парализовать воздѣйствіе бѣсовъ, древне-русскій человѣкъ старался вырядиться пострашнѣй: медвѣдемъ, козломъ (козой), и отогнать своимъ ужасающимъ видомъ самого чорта. Такимъ образомъ рядомъ съ оффиціальнымъ, заведеннымъ «на верху» маскарадомъ Грознаго изслѣдователь долженъ непремѣнно имѣть въ виду и народный, особливо принявъ во вниманіе почти полную неразработку внутренней жизни народной массы, хотя въ ней живутъ и жили испоконъ вѣку такія точно побужденія, стремленія и идеалы, какъ и у людей высокообразованныхъ [3]). Да, наконецъ, нѣкоторыя утопіи на счетъ нашего отмѣннаго отъ народнаго развитія получили бы при такомъ изученіи извѣстный ударъ. Съ другой стороны, г. Пыляевъ, имѣя въ виду подъ словомъ маскарадъ зрѣлище публичное и нарочито помпёзное, относитъ появленіе маскарадовъ на западѣ къ XVI вѣку, опредѣляя даже съ точностью годъ ихъ 1540-й, и впадаетъ, по моему мнѣнію, опять въ неточность. Уже съ первыхъ вѣковъ христіанства раздаются упреки со стороны церковно-учителей противъ непристойнаго обычая — рядиться на святкахъ, обуявшаго всѣхъ отъ мала до велика и захватившаго даже лицъ духовнаго сана. Въ 16 правилѣ осьмаго собора, не принятаго восточной церковью, мы читаемъ, что были тогда «такіе міряне, которые изъ кощунства одѣвались попами и епископами». Въ римско-католической церкви введено было неприличное торжество въ концѣ декабря подъ именемъ Libertas Decembrica (декабрская вольность), въ которомъ духовные потѣшались на манеръ язычниковъ разными играми и переряживаньемъ (Достопримѣчательности христіанской археологіи, I. Августа. Лейпцигъ. 1822). Папа Иннокентій III (1198—1216) въ такихъ выраженіяхъ писалъ къ гнѣзненскому архіепископу Генриху по поводу рождественскихъ увеселеній: «Въ церквахъ совершаются позорища и

[1]) См., напр., въ Акт. Арх. «Память» верхотурскому воеводѣ Рафу Всеволожскому.

[2]) «Этнографическій Сборникъ», т. II.

[3]) См. «Старинный театръ въ Европѣ», Веселовскаго, и мои статьи «Потребность народа создать свой театръ и данныя для этого», «Смол. Вѣсти.», 1882 г.

не только вводятся для потѣхи чудовищныя личины, но даже при нѣкоторыхъ праздникахъ сами дьяконы, пресвитеры и иподьяконы въ безчинныхъ играхъ участвуютъ». Парижскій богословскій факультетъ приговоромъ 1444 года уничтожилъ нелѣпый обычай во время святокъ, въ силу котораго «во время священнодѣйствія плясали въ чудовищныхъ личинахъ и въ одеждахъ женскихъ или шутовскихъ, въ кожахъ львиныхъ, пѣли срамныя пѣсни, на алтарѣ блины ѣли и бѣгали по всей церкви» [1].

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго приходится сдѣлать заключеніе, что не маскарады Грознаго и Границы легли въ основу современныхъ костюмированныхъ баловъ и процессій, а начало ихъ должно искать въ языческой старинѣ, въ исконныхъ народныхъ вѣрованьяхъ и повѣрьяхъ, пріурочиваемыхъ главнымъ образомъ къ святкамъ, къ Колядѣ,—тѣмъ болѣе, что по опредѣленію одного древне-русскаго церковнаго произведенія «каланди еллинстіи бяху праздницы».

Сергѣй Тимоѳеевъ.

Къ матеріаламъ для полнаго собранія сочиненій графа А. К. Толстаго.

Въ № 3,448 «Новаго Времени» нашъ извѣстный библіографъ П. А. Ефремовъ помѣстилъ слѣдующую замѣтку, которую мы считаемъ необходимымъ перепечатать въ «Историческомъ Вѣстникѣ»:

«Съ удивленіемъ мы останавливались на одномъ видномъ пропускѣ, допущенномъ въ «полномъ» собраніи сочиненій графа А. К. Толстаго, вышедшемъ въ 1884 году подъ редакціей князя Д. Цертелева, увѣряющаго въ «предисловіи», что его изданіе заключаетъ въ себѣ все то, чему самъ авторъ приписывалъ серьёзное значеніе.

«Еще болѣе насъ удивило, что въ обстоятельной статьѣ Д. Языкова, напечатанной въ № 10 «Историческаго Вѣстника» 1885 года, указывающей многія неточности и недосмотры этого довольно-таки безпорядочнаго изданія, названный нами пропускъ, всетаки, оставленъ безъ указанія.

«Дѣло въ томъ, что князь Цертелевъ, перепечатавъ «Проектъ постановки на сцену трагедіи: царь Ѳедоръ Іоанновичъ», пропустилъ подобный же «Проектъ постановки на сцену трагедіи: смерть Іоанна Грознаго». Причина, вѣроятно, та, что этотъ проектъ не явился ни въ «Вѣстникѣ Европы», ни въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а былъ изданъ особою брошюрою: Спб. 1886, Въ типогр. морскаго министерства (въ 8-ку, 50 стр.). Невозможно допустить, чтобы этотъ «проектъ» не принадлежалъ къ числу «всего того», чему самъ авторъ приписывалъ серьёзное значеніе. Онъ имѣетъ полное право на помѣщеніе въ собраніи сочиненій на ряду съ проектомъ постановки трагедіи «Царь Ѳедоръ Іоанновичъ», тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ есть даже ссылки на него, очень существенныя. Такъ, на страницѣ 532, говоря о «Годуновѣ», графъ Толстой замѣчаетъ: «На счетъ его наружности и пріемовъ отсылаю исполнителя къ постановкѣ «Смерти Іоанна», а этой-то постановки въ изданіи не оказывается.

---

[1] Снегиревъ, «Русск. Праздн.», т. II, стр. 13.

«Какъ же это просмотрѣлъ князь Цертелевъ, которому, кромѣ проекта, непремѣнно слѣдовало бы также перепечатать и обширную статью графа: «Смерть Іоанна Грознаго на Веймарской сценѣ» изъ современной лѣтописи «Русскаго Вѣстника», № 5 (18-го февраля 1868 г. болѣе 10 столбцовъ), да слѣдовало бы добавить также: «Письмо къ г. Ростиславу по поводу появленія г. Нильскаго въ роли Іоанна Грознаго» (Голосъ», 4-го мая 1868 г., № 123).

«Не излишне было было бы перепечатать и письмо графа Толстаго въ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (19-го ноября 1866 г., № 308) о томъ, что пьеса Александринскаго театра: «Князь Серебряный» не имѣетъ «ничего общаго» съ его романомъ.

«Полагаю, что эти четыре указанія не будутъ излишними добавками къ статьѣ г. Языкова.

«П. Ефремовъ».

Забытый Севастопольскій памятникъ.

Въ 1854 году, ночью на 24 октября, подъ Севастополемъ, на Инкерманскихъ высотахъ произошла кровопролитная битва, въ которой пало много солдатъ Волынскаго и Селенгинскаго полковъ. Тѣла нѣкоторыхъ офицеровъ и солдатъ были отвезены для погребенія на общее кладбище, на сѣверной сторонѣ, а остальные похоронены на берегу Черной рѣчки, оставшимися въ живыхъ товарищами, между коими былъ унтеръ-офицеръ Никита Андреевъ. По окончаніи войны Андреевъ выпросилъ себѣ у правительства небольшой клочекъ земли, близь погребенныхъ сотоварищей, построилъ на ней небольшой домикъ и занимался ломкой камня. Мѣсто погребенія онъ обнесъ невысокимъ барьеромъ изъ камня, чтобы не ходилъ скотъ, а посрединѣ поставилъ деревянный крестъ.

Въ 1867 году, Никита Андреевъ и другіе его товарищи пожелали соорудить надъ могилою памятникъ-часовню, для чего обратились къ художнику Струкову [1]), который начертилъ проектъ памятника, на сколько возможно недорогаго и соображаясь съ мѣстными условіями.

Послѣ этого Никита Андреевъ съ товарищами образовали подписку между собою. Изъ взносовъ, начиная отъ 5 копѣекъ, составилась сумма въ 37 руб.; означенныя деньги и проектъ памятника Никита Андреевъ представилъ настоятелю Инкерманской киновіи, при письмѣ, въ которомъ выразилъ слѣдующія желанія: когда памятникъ будетъ поставленъ, то чтобы, 24 октября, ежегодно, въ церкви монастыря была совершаема литургія по убіеннымъ воинамъ, затѣмъ крестный ходъ сперва на кладбище, для служенія панихиды, а оттуда въ древній храмъ, находящійся близь кладбища въ скалѣ, на вершинѣ которой погибли Волынцы и Селенгинцы, для молебствія о здравіи сохранившихся въ живыхъ.

Преосвященный епископъ таврическій Алексѣй утвердилъ проектъ и пожеланія, выраженныя въ письмѣ Никиты Андреева, и приказалъ поставить въ Инкерманѣ кружку для сбора на памятникъ. Къ 1872 году, въ

---

[1]) Находившемуся въ то время въ Инкерманѣ для обновленія древняго храма.

кружкѣ было собрано до 400 руб., положенныя въ керченскій банкъ, гдѣ они находятся и донынѣ.

Никита Андреевъ посадилъ надъ могилами деревья, обнесъ кладбище высокою каменною оградою, а въ 1872 году умеръ и похороненъ на томъ же кладбищѣ.

Со смертію Никиты Андреева не осталось заботника о памятникѣ, стоимость котораго исчислена въ проектѣ художника Струкова въ 1,500 руб. Часть денегъ уже есть; недостаетъ нѣсколькихъ сотенъ рублей. Неужели они не найдутся среди севастопольцевъ, еще живущихъ въ настоящее время и, безъ сомнѣнія, не забывшихъ эти тяжелые и славные дни?

Къ словарю псевдонимовъ русскихъ писателей.

Къ печатаемому въ «Историческомъ Вѣстникѣ» словарю псевдонимовъ позволяю себѣ присовокупить псевдонимы моихъ бывшихъ сотрудниковъ въ издававшемся мною впродолженіе семи лѣтъ (1857 — 1863) педагогическомъ журналѣ «Воспитаніе, руководство для родителей и наставниковъ».

Конечно, большая часть именъ принадлежитъ скромнымъ педагогамъ, мало извѣстнымъ въ общей литературѣ, но найдутся между ними и довольно громкія извѣстности. Къ послѣднимъ можно, кажется, не ошибаясь, причислить Веселовскаго, Добролюбова, Помяловскаго, П. Г. Рѣдкина, Паульсона, К. Д. Ушинскаго и Ф. Орбинскаго.

Бывшій издатель и редакторъ педагогическаго журнала **А. А. Чумиковъ.**

Псевдонимы, встрѣчающіеся въ журналѣ «Воспитаніе».

А.

И. А. — Антоновъ.
Н. А. — Авенаріусъ.
С. А — скій — С. И. Гуляевъ.

Б.

В. и П. Б. — П. Е. Басистовъ.
В—скій — Бобровскій.
Н. Б. — Н. Богатиновъ.
В., Ф. В. и Б—мръ — Ф. Бёмеръ.
В. Благовѣщенскій — Копоровъ.

В.

В—скій и Г. В. — Гр. Веселовскій.
Ѳ. В. — Ѳ. Веселовскій.
В. — Величковскій.
Варвинъ — Ростиславлевъ.
Я. В. — Я. Вейнбергъ.

Г.

Д—въ — Н. Добролюбовъ.
Наталія Гр. — Н. Гротъ.

И. Герасимовъ. — Н. Г. Помяловскій.
Д. — Дилигенскій.
Домашній учитель — Дементьевъ.

Ж.

Ж. — И. М. Живаго.
Виссаріонъ Жуковъ — К. Д. Ушинскій.
Алек... и A S. — А. И. Забѣлинъ.
...ій — Завадскій.
Загудайло — Флориксъ.

К.

К. — Купріяновъ.
А. К. — А. Камковъ.
И. К. — И. П. Корниловъ.
Ѳ. К. и У. Н. Я. — Ѳ. Ѳ. Кейзеръ.
Я. Учинъ — Кучинъ.

Л.

Л—въ — Лебедевъ.
А. Л. — Лыткинъ.
Л. — Лисицынъ.
К. Л. — К. Люгебиль.
Д—ръ Л — ичъ — Левковичъ.

М.

Н. М—нъ — Н. Г. Мининъ.
П. М—въ — Мартыновъ.

О.

Ф. О—й — Ф. Орбинскій.
Остзейскій педагогъ — Вадендикъ.

П.

P. N. и П—нъ — І. И. Паульсонъ.
Александръ П—чъ — А. Паскевичъ.
М. П. и М. П—въ — М. Поповъ.
Софья П. — С. Прибыткова.
Я. П. — Я. Позняковъ.
С. П. — С. П. Протопоповъ.

Р.

П. Р. — П. Г. Рѣдкинъ.
П. Р. — Румянцевъ.

С.

Д. С. — Д. Соколовъ.
С. — Смирновъ.

Т.

Тройниковъ — Петровъ.
Т. — Тютчевъ.
Т. — Трусовъ.

У.

Уралецъ — Рыбниковъ.

Ч.

И. Черноморскій — Казанскій.
Cz. — А. А. Чумиковъ.

Х.

А. Х—ва и Э—г—м—т. } А. А. Чумиковъ.

Ф.

Ф. — Фелькель (лекторъ Москов. универ.).
Фениксовъ — Лапушинъ.

Ш.

А. Ш. — Шейковскій.
С. Т. и П. Д. — П. Д. Шестаковъ.

ОБЗОРЪ

ЖИЗНИ И ТРУДОВЪ

ПОКОЙНЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

Д. Д. ЯЗЫКОВА.

Чтò люди? Чтò жизнь и трудъ?
Они прошли, они пройдутъ!
Надежда есть: ждетъ правый судъ...
Лермонтовъ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Русскіе писатели, умершіе въ 1882 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11 — 2

1885

Первый выпускъ нашего труда, напечатанный въ приложеніи къ «Историческому Вѣстнику» (1884 г., кн. 11 и 12), а затѣмъ изданный отдѣльною брошюрою (Спб., 1885 г.), былъ посвященъ «Обзору жизни и трудовъ русскихъ писателей, умершихъ въ 1881 году». По выходѣ въ свѣтъ, онъ встрѣтилъ нѣсколько одобрительныхъ отзывовъ: его назвали «важнымъ» и «интереснымъ» трудомъ [1]). Къ сожалѣнію, мы не замѣтили въ періодическихъ изданіяхъ ни одной обстоятельной статьи, въ которой предлагались бы существенныя дополненія и необходимыя поправки для нашей работы [2]). За отсутствіемъ чужихъ замѣчаній, намъ остается представить рядъ собственныхъ добавокъ и перемѣнъ. Онѣ касаются слѣдующихъ авторовъ, указанныхъ въ первомъ выпускѣ «Обзора».

Алексѣевъ, Н. Н. — Его «Начала интегральнаго исчисленія» вышли въ 1861—1862 годахъ и удостоены половинной Демидовской преміи при XXXII присужденіи (1863 г.).

Антроповъ, Л. Н. — Можемъ добавить, что онъ воспитывался въ Петербургскомъ университетѣ и окончилъ курсъ первымъ кандидатомъ правъ въ 1863 году, а затѣмъ служилъ въ Польскомъ краѣ. О немъ: Историческій Вѣстникъ, 1884 г., кн. 3, стр. 546—548, и Голосъ Москвы, 1885 г., № 50.

Бабстъ, И. К. — О немъ: Газета Гатцука, 1881 г., № 29.

Васильевъ, І. В. — О немъ: Странникъ, 1882 г., кн. 1.

Васильчиковъ, А. И. — Пропущена его статья: «Памяти кн. В. А. Черкасскаго» (Новое Время, 1878 г., № 717). Кромѣ того, о немъ: Газета Гатцука, 1881 г., № 41.

Григорьевъ, В. В. — О немъ: Газета Гатцука, 1881 г., № 52, и Историческій Вѣстникъ, 1884 г., кн. 3, стр. 588—589.

Дебольскій, Г. С. — Нами пропущена его брошюра: «Установленія ветхозавѣтной церкви и христіанскія, для которыхъ первыя служили образами» (Спб., 1861 г., 182 стр.), и статья: «Вліяніе церкви на русскій народъ»

---

[1]) См. «Библіографъ», 1885 г., № 2, стр. 39, и «Голосъ Москвы», 1885 г., № 18.

[2]) Единственную поправку о Достоевскомъ мы встрѣтили въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1885 г., кн. 6, стр. 722) и воспользовались ею.

(Радуга, 1864 г., кн. 2—6). Послѣ же отпечатанія нашего труда вышло третье изданіе книги: «Попеченіе православной церкви о спасеніи міра», съ рисунками (Спб., 1885 г., 536 стр.).

Достоевскій, Ѳ. М. — Онъ писалъ подъ двумя псевдонимами: «М—ій» въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1857 г.) и «Другъ Кузьмы Пруткова» въ «Гражданинѣ» (1878 г.); такъ, первый псевдонимъ виднѣется подъ его разсказомъ: «Маленькій герой, изъ неизвѣстныхъ мемуаровъ» (Отеч. Записки, 1857 г., кн. 8). Затѣмъ намъ приходится исправить два свои указанія: во-первыхъ, переводъ романа Бальзака: «Евгенія Гранде», помѣщенъ не въ «Библіотекѣ для Чтенія», а въ «Репертуарѣ» (1844 г., кн. 3 и 4) и въ послѣднее время перепечатанъ въ журналѣ: «Изящная Литература» (1883 г., кн. 1 и 2); во-вторыхъ, разсказъ «Воробей» принадлежитъ не Ѳ. М., а его брату—М. М. Достоевскому. Послѣ уже отпечатанія нашего перваго выпуска вышли новыя изданія Достоевскаго: «Идіотъ», романъ (Спб., 1885 г., изданіе пятое), «Мужикъ Марей и Столѣтняя» (Спб., 1885 г., 32 стр.), «Мальчикъ у Христа на елкѣ», разсказъ (Спб., 1885 г., 15 стр.) и «Полное собраніе сочиненій», въ шести томахъ (Спб., 1885 г.). Наконецъ, нами найдены еще новыя статьи о Достоевскомъ въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: 1881 г. — Газета Гатцука, № 6; 1882 г. — Голосъ, № 68; 1883 г. - Русская Старина, кн. 9, стр. 645—650; кн. 10, стр. 231—234; кн. 12, 715—716; 1884 г. — Русскій Вѣстникъ, кн. 5, стр. 272—316; кн. 6, стр. 825—885; Вѣстникъ Европы, кн. 1, стр. 322—342; Unsere Zeit, сентябрскій нумеръ; Русская Старина, кн. 9, стр. 677; 1885 г. — Историческій Вѣстникъ, кн. 1, стр. 123—137; Русскій Вѣстникъ, кн. 4, стр. 796—819; Русская Старина, кн. 7, стр. 137—166. Кромѣ того, появились отдѣльно: «Ѳ. М. Достоевскій» публичная лекція профессора И. Тарасова (Харьковъ, 1884 г.); «Достоевскій, какъ психопатологъ», очеркъ В. Чижа (М., 1885 г., 123 стр.); «Историко-критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго», съ портретомъ и біографическими свѣдѣніями, В. Зелинскаго (М., 1885 г., двѣ части).

Заблоцкій-Десятовскій, А. П. — О немъ: Русская Старина, 1884 г., кн. 3, стр. 691—702; 728—732).

Кесслеръ, К. Ѳ. — О немъ: Газета Гатцука, 1881 г., № 13.

Колосовъ, М. А. — Его «Учебникъ старославянскаго языка» вышелъ тринадцатымъ изданіемъ (Варш., 1884 г.).

Костровъ, Н. А. — Пропущены слѣдующія его статьи, напечатанныя въ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»: «Разборъ Статистическаго Временника на 1872 годъ» (1873 г., № 5), «Изъ архива Томскаго Алексѣевскаго монастыря», 1873 г., № 41) и «Матеріалы для исторіи Сибири» (1875 г., № 42—44; 1876 г., № 5).

Котляревскій, А. А. — Не указана его «Рѣчь объ историческомъ значеніи народныхъ поэтическихъ произведеній» (Трудъ, 1881 г., № 8) и не названы свѣдѣнія объ немъ въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: 1881 г. — Sbornik Slowansky Ielinek'a, стр. 173—174; Миръ, № 1; Газета Гатцука, № 41; 1882 г. — Югъ, кн. 1.

Кубаревъ, А. М. — Нами опущены его статьи, помѣщенныя въ «Москвитянинѣ»: «О лѣтописи Сам. Величко, какъ источникѣ малороссійской исто-

ріи» (1849 г., ч. IV), «О народно-южнорусскихъ пѣсняхъ, изданныхъ Метлинскимъ» (1855 г., ч. III—IV), и «Мнѣніе Вольфа о томъ, какъ составились Гомеровы поэмы» (1856 г., ч. II).

Лешковъ, В. Н. — О немъ: Газета Гатцука, 1881 г., № 4.

Мизко, Н. Д. — О немъ: Кіевская Старина, 1882 г., кн. 12, стр. 593—598.

Миллеръ, Ѳ. Б. — О немъ: Газета Гатцука, 1881 г., № 4.

Морозовъ, П. Т. — Нами не упомянуты его труды: «Рѣчь при открытіи Общества сельскаго хозяйства юго-восточной Россіи въ Пензѣ» (Москвитянинъ, 1849 г., ч. V), «Обозрѣніе Пензенской губерніи въ отношеніи къ сельскому хозяйству и промышленности» (Журналъ Сельскаго Хозяйства, 1860 г., кн. 12) и «Опытъ метеорологическаго календаря для средней Россіи» (День, 1864 г., № 35).

Павловскій, И. Д. — Онъ писалъ подъ псевдонимомъ «Юсковскій» въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» и напечаталъ пропущенную нами статью: «Симонія въ украинскомъ духовенствѣ первой четверти XVIII вѣка» (Историческій Вѣстникъ, 1881 г., кн. 3).

Пироговъ, Н. И. — Къ матеріаламъ для его біографіи теперь приходится добавить: Газета Гатцука, 1881 г., № 21 и 22; Русская Старина, 1883 г., кн. 12, стр. 515—521; 1884 г., кн. 9, стр. 455—502; кн. 10, стр. 1—52; кн. 11, стр. 223—274; кн. 12, стр. 445—496; 1885 г., кн. 1, стр. 1—54; 245—258; кн. 2, стр. 259—310; кн. 3, стр. 481—526; кн. 4, стр. 1—52; кн. 5, стр. 229—264; кн. 6, стр. 455—480; 603—616; кн. 8, стр. 289—306; Историческій Вѣстникъ, 1885 г., кн. 4, стр. 156—169.

Писемскій, А. Ѳ. — О немъ: Газета Гатцука, 1881 г., № 5, и брошюра: «Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій», критико-біографическій очеркъ С. Венгерова (Спб., 1884 г.).

Резенеръ, Ѳ. Ѳ. — Его книга: «Новая библіотека для юношества», нами упомянутая, теперь напечатана вторымъ изданіемъ, подъ слѣдующимъ заголовкомъ: «Славныя жизни: десять біографій замѣчательныхъ женщинъ» (Спб., 1885 г., 200 стр.).

Ризниковъ, А. И. — Онъ издалъ «Русскую азбуку для простолюдиновъ» (Спб., 1861 г.).

Романовскій, Д. И. — О немъ теперь появились добавочныя свѣдѣнія въ Русскомъ Архивѣ (1885 г., кн. 2, стр. 285—287; кн. 8, стр. 558—569).

Сѣряковъ, Л. А. — О немъ: Газета Гатцука, 1881 г., № 3; Русская Старина, 1883 г., кн. 11, стр. 428; 1884 г., кн. 11, стр. 390.

Тонъ, К. А. — Свѣдѣнія о немъ см. и въ Газетѣ Гатцука, 1881 г., № 6.

Вотъ какія дополненія и поправки мы присоединяемъ къ первому выпуску нашего «Обзора». Но въ то же время спѣшимъ сознаться и въ нѣсколькихъ важныхъ пробѣлахъ, невольно допущенныхъ нами въ названномъ выпускѣ: нами совсѣмъ не упомянуты слѣдующіе три автора, умершіе въ 1881 году:

Александровичъ, Митрофанъ Николаевичъ, сотрудникъ журнала «Основа», подъ псевдонимомъ: «Митро Олельковичъ»; † въ Кіевѣ. Онъ издалъ книгу: «Остерскій уѣздъ», выпускъ

первый: до окончанія смутъ въ Восточной Украйнѣ (1669 г.), Кіевъ, 1881 г., 109 стр. (Краткія свѣдѣнія объ этомъ авторѣ въ Кіевской Старинѣ, 1882 г., кн. 1, стр. 204—205).

Дервизъ (фонъ), Павелъ Григорьевичъ, служившій сначала въ сенатѣ, затѣмъ крупный желѣзнодорожный дѣятель; † за границей. Онъ напечаталъ двѣ статьи о московско-рязанской желѣзной дорогѣ въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ (1864 г., № 95) и Московскихъ Вѣдомостяхъ (1864 г., № 276); но уже послѣ его кончины обнародована «Одна изъ предсмертныхъ записокъ» (Русская Старина, 1885 г., 1885 г., кн. 6).

Пероговскій, Василій Игнатьевичъ, † въ Житомірѣ. Онъ напечаталъ слѣдующіе знакомые намъ труды:

«Историческія воспоминанія о Волыни» (Волынск. Губ. Вѣд., 1867 г.. № 12).

«Историческое и статистическое описаніе города Новоградволынска» (№ 40).

«Мѣстечко Почаевъ и фундаторъ каменныхъ зданій Почаевской лавры, староста Каневскій, Потоцкій» (Вѣстникъ Западной Россіи, 1867 г., кн. 6).

«Городъ Староконстантиновъ, исторія его и настоящее его состояніе» (Волынск. Губ. Вѣдом., 1867 г., № 105—107, 116—118; 1868 г., № 3—7). Отдѣльной брошюрой: Житом., 1868 г., 155 стр.

«Анна-Алоизія, княжна Острожская» (Волынск. Губ. Вѣдом., 1868 г., № 53—59, 62—63). Отдѣльный оттискъ: Житом., 1868 г.. 110 стр.

«Мѣстечко Берестечко и битва подъ Берестечкомъ 1651 года» (Волынск. Губ. Вѣдом., 1869 г., № 34, 37, 40—41, 44—45). Отдѣльно: Житом., 1869 г., 63 стр.

«Городъ Заславъ, исторія его и теперешнее его состояніе» (№ 81—82, 84—85). Отдѣльно: Житом., 1869 г., 28 стр.

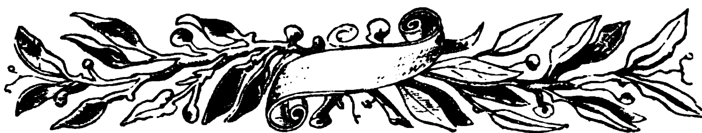
«Городъ Дубно, нѣсколько историческихъ объ немъ свѣдѣній и теперешнее его состояніе» (Волынск. Губ. Вѣдом., 1870 г., № 58, 61, 63, 69—70).

«Мѣстечко Корецъ и князья Корецкіе» (Волынск. Губ. Вѣдом., 1876 г., № 79, 87—89, 94 и 96).

(Объ этомъ авторѣ см. періодическія изданія 1881 года: Кіевлянинъ, № 156; Трудъ, № 46, и Кіевская Старина, 1882 г., кн. 3, стр. 582).

Издавая въ настоящее время второй выпускъ «Обзора жизни и трудовъ русскихъ писателей, умершихъ въ 1882 году», мы не думаемъ видѣть въ немъ безукоризненную библіографическую работу, свободную отъ какихъ нибудь пробѣловъ и поправокъ. Поэтому, какъ и въ предисловіи къ первому выпуску, мы обращаемся ко всѣмъ болѣе свѣдущимъ лицамъ съ покорной просьбой сообщать добавки и исправленія, необходимыя для нашего «Обзора». Чрезъ подобныя замѣчанія, по нашему мнѣнію, не унижается, а, напротивъ, возвышается цѣнность всякаго библіографическаго труда.

Дмитрій Языковъ.



РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ, УМЕРШІЕ ВЪ 1882 ГОДУ.

Алексинскій, Евѳимій Михайловичъ[1]), воспитанникъ Владимірской семинаріи и Московской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ магистромъ богословія (1838 г.); затѣмъ, профессоръ Московской духовной семинаріи (1838—1868 г.) и протоіерей Воскресенской, чтò въ Гончарахъ, церкви (1869—1882 г.); † 11-го іюля въ Москвѣ. Ему принадлежитъ магистерская диссертація: «Св. Амвросій Медіоланскій», напечатанная въ «Православномъ Обозрѣніи» (1861 г., кн. 4 и 5).

Аристовъ, Николай Яковлевичъ[2]), русскій историкъ, родился, въ 1834 году, въ семьѣ сельскаго священника; воспитывался въ тамбовской духовной семинаріи и Казанской академіи; по окончаніи академическаго курса со степенью кандидата богословія (1858 г.) — преподаватель математики и русской словесности въ симбирской семинаріи (1858—1861 г.); затѣмъ, выйдя въ отставку, пріѣхалъ въ Петербургъ и, подъ руководствомъ Н. Г. Устрялова, началъ спеціально изучать русскую исторію (1861—1866 г.); послѣ магистерскаго экзамена и защиты диссертаціи въ въ Петербургскомъ университетѣ назначенъ доцентомъ по каѳедрѣ русской исторіи въ Казани (1867—1869 г.); оттуда переведенъ профессоромъ въ Варшавскій (1869—1873 г.) и Харьковскій (1873—1875 г.) университеты; наконецъ, опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ и инспекторомъ Нѣжинскаго историко-филологическаго института (1875—1882 г.); † 26-го августа въ Нѣжинѣ. Имъ напечатаны слѣдующіе труды:

---

[1]) См. Москоск. Церковн. Вѣдом., 1882 г., № 31, и Православн. Обозрѣніе, 1882 г., кн. 9, стр. 780—788.

[2]) О немъ см. періодическія изданія 1882 года: Московск. Вѣдом., № 245; Историч. Вѣстникъ, кн. 10, стр. 225; Вѣкъ, кн. 11, отд. III, стр. 159—188; кн. 12, отд. III, стр. 189—207; Московск. Вѣдом., 1883 г., № 257; Извѣстія истор.-филолог. института кн. Безбородко, 1883 г., т. VII.

«Взглядъ христіанства на сновидѣнія» (Тамбовск. Епарх. Вѣдом., 1854 г.).

«Взглядъ древнихъ русскихъ лѣтописцевъ на событія міра» (Православн. Собесѣдникъ, 1859 г., кн. 5 и 12).

«Повѣсть о бражникѣ» (Русская Бесѣда, 1859 г., кн. 18).

«Обзоръ русскихъ лѣтописей въ содержаніи и характерѣ ихъ, преимущественно церковно-историческомъ» (Православн. Собесѣдникъ, 1860 г., кн. 4—6).

«Взглядъ на церковно-историческое содержаніе русскихъ лѣтописей» (Духъ Христіанина, 1861 г., кн. 2—3).

«О недостаткѣ вѣры въ русскомъ народѣ» (кн. 4).

«По поводу новыхъ изданій о расколѣ» (Время, 1862 г., кн. 1).

«Очеркъ крестьянской свадьбы» (Волга, 1862 г., № 13, 14 и 16).

«О книгѣ Пекарскаго: Наука и литература при Петрѣ Великомъ» (Библіот. для Чтенія, 1862 г., кн. 4, и Свѣточъ, 1862 г., кн. 6).

«Отживающія воззрѣнія» (Библіот. для Чтенія, 1862 г., кн. 5, подъ псевдонимомъ: «Н. Я. Вѣтвицкій»).

«Слѣдствія паденія общиннаго и выборнаго начала» (кн. 6, подъ тѣмъ же псевдонимомъ).

«Что̀ нужно для русской исторіи въ настоящее время?» (кн. 8, подъ указаннымъ псевдонимомъ).

«Внутреннее обозрѣніе» (кн. 10).

«Чиновничій элементъ въ разработкѣ русской исторіи» (кн. 12, съ подписью: «Н. Вѣтвицкій»).

«О книгѣ Костомарова: Сѣверно-русскія народоправства» (Библіот. для Чтенія, 1863 г., кн. 3).

«О раскольничьихъ дѣлахъ XVIII столѣтія» (кн. 4).

«Русскіе города и ихъ администрація» (кн. 6).

«О книгѣ Есипова: Царица Евдокія Ѳеодоровна» (кн. 6).

«Устройство раскольничьихъ общинъ» (кн. 7).

«О книгѣ Глѣбова: Психологія» (кн. 10).

«Преданія о разбойникахъ» (Сѣверное Сіяніе, 1864 г., № 6).

«Посошковъ и Аврамовъ« (Библіот. для Чтенія, 1864 г., кн. 2).

«О книгѣ Устрялова: Исторія царствованія Петра Великаго» (кн. 6).

«О сельскомъ управленіи» (кн. 8).

«О сочиненіи Костомарова: Кто былъ первый Лжедимитрій?» (кн. 8).

«О книгѣ Добрякова: Русская женщина въ домонгольскій періодъ» (кн. 9).

«Разбойники и бѣглые временъ Петра Великаго» (кн. 10 и 11).

«Промышленность древней Руси» (Библіот. для Чтенія, 1865 г., кн. 6—8). Эти статьи, въ болѣе обширномъ видѣ, вышли отдѣльной книгой подъ тѣмъ же заглавіемъ (Спб., 1866 г., 321 стр.) и составили диссертацію на степень магистра русской исторіи.

«О книгѣ Барсова: Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи» (С.-Петерб. Вѣдом., 1865 г., № 319).

«Н. М. Карамзинъ, какъ русскій историкъ» (Литературная Библіотека, 1866 г., кн. 4).

«О сочиненіи Ѳирсова: Положеніе инородцевъ въ сѣверо-восточной Россіи» (Отечествен. Записки, 1866 г., кн. 11).

«О Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи» (кн. 23).

«Книга Поссельта: Францъ Лефортъ» (Отечествен. Записки, 1867 г., кн. 1).

«Объ Исторіи Россіи Соловьева» (кн. 2).

«О сочиненіи Градовскаго: Высшая администрація Россіи XVIII столѣтія» (кн. 3).
«О Русскомъ Архивѣ Бартенева» (кн. 6).
«О Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи» (кн. 8, 14 и 20).
«Записки по Отдѣленію этнографіи въ импер. географическомъ Обществѣ» (кн. 8).
«Преданія о кладахъ» (Записки импер. географическ. Общества, 1867 г., т. I).
«О книгѣ Дубровина: Закавказье» (Отечествен. Записки, 1867 г., кн. 9).
«По поводу Памятной книжки Таврической губерніи» (кн. 19).
«О книгѣ Лонгинова: Новиковъ и московскіе мартинисты» (кн. 20).
«О сочиненіи Хмырова: Графиня Е. И. Головкина» (кн. 22).
«О современномъ состояніи и значеніи русской исторіи», вступительная лекція (Ученыя Записки Казанск. университ., 1868 г.).
«Описаніе города Тамбова и Верхоценскихъ областей» (Лѣтопись занятій археограф. коммиссіи, 1868 г., вып. IV).
«Объ отличительныхъ чертахъ древнерусской исторической жизни», вступительная лекція (Варшавскія университ. Извѣстія, 1870 г., кн. 1).
«По поводу диспута г. Нильскаго» (Заря, 1870 г., кн. 11).
«Хрестоматія по русской исторіи для изученія древнерусской жизни, письменности и литературы отъ начала письменности до XVI вѣка», Варшава, 1870 г.
«Судьба русской женщины въ до-Петровское время» (Заря, 1871 г., кн. 2).
«О книгѣ Иловайскаго: Гродненскій сеймъ» (кн. 5).
«Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны», диссертація на степень доктора русской исторіи, Варшава, 1871 г., 158 стр.
«Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ», Воронежъ, 1875 г., 165 стр. Этотъ трудъ сначала былъ помѣщенъ въ «Филологическихъ Запискахъ» (1874—1775 гг.).
«Преданія о мѣстныхъ святыняхъ» (Древн. и Нов. Россія, 1875 г., кн. 6).
«О книгѣ Владимірскаго-Буданова: Государство и народное образованіе въ Россіи» (кн. 9).
«Повѣсть о Ѳомѣ и Еремѣ» (Древн. и Нов. Россія, 1876 г., кн. 3).
«О книгѣ Загоровскаго: Историческій очеркъ займа по русскому праву» (кн. 5).
«О симбирскихъ раскольникахъ» (Православн. Собесѣдникъ, 1877 г., кн. 1).
«О землѣ Половецкой» (Извѣстія истор.-филолог. института кн. Безбородко, 1877 г., т. I).
«Состояніе образованія Россіи въ царствованіе Александра I» (т. III).
«Русскія народныя преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ» (Труды третьяго археологическ. съѣзда, 1878 г., т. I).
«Замѣтка о поученіяхъ епископа Серапіона» (т. II).
«Невольное и неохотное постриженіе въ монашество у нашихъ предковъ» (Древн. и Нов. Россія, 1878 г., кн. 5—9).
«Александръ Григорьевичъ Ильинскій» (кн. 5).
«Названіе и гербъ города Ряжска» (Древн. и Нов. Россія, 1879 г., кн. 6).
«Разработка русской исторіи въ послѣднія двадцать пять лѣтъ» (Историч. Вѣстникъ, 1880 г., кн. 4).
«Преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ (кн. 9).
«Симбирскіе юродивые» (кн. 11).
«Къ характеристикѣ Іоанна, бывшаго епископа Смоленскаго» (кн. 12).
«Гоголь, какъ націоналистъ» (Вѣкъ, 1882 г., кн. 2—4).

«Жизнь Аѳанасія Прокофьевича Щапова» (Историч. Вѣстникъ, 1882 г., кн. 10—12). Эти статьи вышли и отдѣльной книгой (Спб., 1883 г., 192 стр.).

«Историческое значеніе сочиненій Гоголя» (Историч. Вѣстникъ, 1883 г., кн. 9).

Кромѣ названныхъ трудовъ, изъ-подъ пера Н. Я Аристова, вышли біографіи: Андрея Іоаннова Журавлева, Андреяна Сергѣева, Ивана Анкиндинова, Арсенія Глухаго, Арсенія Грека, Арсенія Суханова, расколоучителя Евѳимія. Всѣ эти біографическіе очерки напечатаны въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» (Спб., 1861—1863 г., т. IV и V).

Артлебенъ, Николай Андреевичъ, архитекторъ-археологъ и редакторъ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (съ № 43, 1879 г., до половины марта 1882 г.); † 14-го марта во Владимірѣ. Его статьи:

«Кафельная печь въ архіерейскомъ домѣ въ Суздалѣ» (Владимірск. Губ. Вѣдом., 1863 г., № 29, и Извѣстія имп. археолог. Общества, т. IV, вып. 4).

«Древнія фрески, открытыя въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ» (Труды владимірск. губ. статистич. комитета, 1863 г., вып. I).

«Археологическое извѣстіе о Переяславскомъ Спасскомъ соборѣ» (Владимірск. Губ. Вѣдом., 1864 г., № 28).

«Евангеліе 1544 года Боголюбова монастыря» (Древности Московск. археолог. Общества, 1865 г., т. I).

«Храмозданная грамота 1684 года на построеніе деревянной церкви въ селѣ Иговѣ, Меленковскаго уѣзда» (Владимірск. Губ. Вѣдом., 1873 г., № 39).

«О рукописномъ синодикѣ 1672 года» (Древности имп. Московск. археолог. Общества, 1874 г., т. IV).

«Старинные акты» (Владимірск. Губ. Вѣдом., 1876 г., № 1 и 20).

«Къ вопросу о такъ называемой Халдейской пещи» (Древн. и Нов. Россія, 1878 г., кн. 1).

Сверхъ указанныхъ статей, Н. А. Артлебенъ помѣстилъ нѣсколько археологическихъ замѣтокъ въ изданіи Московскаго археологическаго Общества: «Матеріалы для археологическаго словаря».

Баршевъ, Сергѣй Ивановичъ [1]), извѣстный юристъ, родился 17-го сентября 1808 года въ семьѣ московскаго священника; первоначальное образованіе получилъ въ Московскомъ уѣздномъ училищѣ и духовной семинаріи, изъ которой поступилъ въ Московскую духовную академію (1826 г.): но пробылъ въ ней только три года; онъ былъ избранъ для изученія правовѣдѣнія при II-мъ отдѣленіи собственной е. и. в. канцеляріи (1829 г.); тамъ, подъ

---

[1]) О немъ: «Словарь профессоровъ Московск. университ.», М. 1855 г., ч. I, стр. 63—66; Современ. Лѣтопись, 1866 г., № 1; Москва, 1868 г., № 1; Русскій, 1868 г., № 3—4, 7—8; Московск. Вѣдом., 1868 г., № 38, 42 и 53; Русск. Вѣдом., 1868 г., № 45—46, 60—61, 65—68, 71—72 и 164; «Исторія Московск. духовн. академіи», Смирнова, М., 1879 г., стр. 487; Современ. Извѣстія, 1881 г., № 288; Московск. Церковн. Вѣдом., 1882 г., № 11; Московск. Вѣдом., № 69, 70 и 72.

руководствомъ гр. М. М. Сперанскаго началъ изучать русскіе законы и политическую экономію; черезъ два года его отправили въ Берлинъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ; по возвращеніи въ Россію, Сергѣй Ивановичъ былъ причисленъ ко II-му отдѣленію императорской канцеляріи (1834 г.), удостоенъ степени доктора законовѣдѣнія и назначенъ профессоромъ въ Московскій университетъ (1835 г.), гдѣ и занималъ каѳедру уголовнаго права до 14-го февраля 1876 года вмѣстѣ съ должностью ректора (съ 1863 г. до 31-го декабря 1870 г.); по выходѣ изъ университета, онъ, какъ почетный опекунъ, управлялъ императорскимъ техническимъ училищемъ, дѣтскою больницею и домомъ призрѣнія Шереметевыхъ (1876—1882 г.); † 7-го марта въ Москвѣ. Имъ напечатаны:

«О мѣрѣ наказаній», докторская диссертація, М., 1840 г.

«О вмѣненіи въ правѣ», актовая рѣчь, М., 1840 г.

«Общія начала теоріи и законодательствъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ», М., 1841 г.

«Основаніе уголовнаго судопроизводства съ примѣненіемъ къ россійскому уголовному судопроизводству», М., 1841 г.

«Состояніе вопроса о смертной казни въ государствахъ европейскихъ въ наше время» (Юридич. Записки, изд. Рѣдкинымъ, 1841 г., т. I).

«О вліяніи народныхъ предразсудковъ на показаніе». (Тамъ же).

«О превосходствѣ процесса слѣдственнаго предъ обвинительнымъ». (Тамъ же).

«Французскій уголовный процессъ» (Москвитян., 1842 г., кн. 4).

«О тюремныхъ и исправительныхъ заведеніяхъ» (Москвитян., 1844 г., кн. 1).

«О злоупотребленіяхъ формальнаго защищенія» (Московск. Вѣдом., 1854 г., № 27).

«О мѣрѣ наказанія по мѣрѣ умышленности преступленія въ древнемъ русскомъ правѣ» (Москвитян., 1854 г., кн. 9).

«Іонаѳанъ Брадфордъ, жертва уголовнаго правосудія» (Русскій Вѣстникъ, 1856 г., кн. 7).

«О правѣ помилованія» (Московск. Вѣдом., 1856 г., № 119). Этотъ трудъ помѣщенъ еще въ брошюрѣ: «Рѣчи, стихи и изслѣдованія, написанныя ко дню коронаціи» (М., 1856 г.), и также вышелъ отдѣльно: М., 1856 г., 12 стр.

«О судѣ присяжныхъ» (Русск. Вѣстн., 1857 г., кн. 9 и 10).

«Объ устности и гласности уголовнаго судопроизводства» (кн. 14).

«Взглядъ на науку уголовнаго законовѣдѣнія» (Журналъ мин. народн. просв., 1858 г., т. 98).

«О необходимыхъ гарантіяхъ уголовнаго суда»-(Русскій Вѣстникъ, 1859 г., кн. 9).

«Объ апелляціи въ области уголовнаго суда» (Журналъ мин. юстиціи, 1860 г., кн. 2).

«О слѣдствіи» (кн. 3).

«Объ отдѣленіи слѣдствія спеціальнаго отъ предварительнаго» (Юридич. Журналъ, 1861 г., кн. 10).

«О личномъ допросѣ» (Журналъ мин. юстиціи, 1861 г., кн. 10).

«О необходимыхъ условіяхъ плодотворнаго развитія института присяжныхъ» (1862 г., кн. 11).

«Задача присяжныхъ въ дѣлѣ уголовнаго суда» (Русскій Вѣстникъ, 1863 г., кн. 5).
«Спорный юридическій вопросъ» (кн. 8).
«О книгѣ Спасовича: Учебникъ уголовнаго права» (1864 г., кн. 4).
«Къ ученію о покушеніи» (Московск. Университ. Извѣстія, 1865 г., кн. 4).
«Памяти К. Я. Млодзѣевскаго» (Московск. Вѣдом., 1865 г., № 215). Этотъ некрологъ вошелъ въ брошюру: «Рѣчи и отчетъ Московскаго университета», М., 1866 г.
«Рѣчь на Карамзинскомъ юбилеѣ» (Московск. Вѣдом., 1866 г., № 255).
«О подстрекательствѣ» (Журналъ мин. юстиціи, 1868 г., кн. 5).
«Къ вопросу о вмѣняемости» (Русскій Вѣстникъ, 1868 г., кн. 12).
«Объ обманѣ въ юридическомъ отношеніи» (Русскій Вѣстникъ, 1871 г., кн. 5).
«О существѣ власти и обязанности присяжныхъ» (Юридич. Вѣстникъ, 1874 г.).
«Рѣчь въ засѣданіи перваго съѣзда русскихъ юристовъ» (Журналъ мин. народн. просв., 1875 г., кн. 10).

Басистовъ, Павелъ Ефимовичъ [1]), педагогъ, родился среди мѣщанской семьи въ 1823 году и окончательное образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ; тамъ онъ былъ удостоенъ степени перваго кандидата философскаго факультета (1843 г.) и золотой медали за сочиненіе: «Объ историческомъ развитіи риторики у древнихъ народовъ, примѣнительно къ нынѣшнему ея состоянію»; по окончаніи университетскаго курса состоялъ преподавателемъ русскаго языка въ Тверской и первой Московской гимназіи, Александровскомъ и Николаевскомъ институтахъ, второмъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, Мѣщанскомъ и Театральномъ училищахъ (1843—1869 г.); затѣмъ состоялъ чиновникомъ при правленіи одной изъ желѣзныхъ дорогъ, но скоро снова поступилъ на службу въ Николаевскій сиротскій институтъ, гдѣ и оставался учителемъ русскаго языка до 1878 года; наконецъ, выйдя въ отставку, сдѣлался членомъ училищнаго отдѣленія московской городской управы, завѣдующимъ думскими городскими школами, членомъ училищнаго городскаго совѣта и предсѣдателемъ учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній; † 10-го іюня въ Москвѣ.—Кромѣ критическихъ статей въ «Журналѣ для воспитанія» (1857—1860 г.), онъ напечаталъ:

«Система синтаксиса», М.. 1848 г.—2-е изд., М., 1878 г.
«Объ историческомъ значеніи Платона Симпосіона» (Отечествен. Записки, 1850 г., кн. 9).
«Давно ужъ мнѣ казались дики...», стихотвореніе (Пантеонъ, 1851 г., кн. 1).
«Очерки жизни и сочиненій Жуковскаго», чтеніе для юношества, съ литограв. картиной, М., 1854 г.—2-е изд., М. 1883 г.
«Разборъ книги Кулиша: Записки о жизни Гоголя» (Отечествен. Записки, 1856 г., кн. 9 и 11).
«О драмѣ Писемскаго: «Горькая Судьбина» (Современность, 1860 г., кн. 1).

---

[1]) О немъ см. періодическія изданія 1882 года: Современ. Извѣстія, № 161; Московск. Вѣдом., № 162; Русск. Вѣдом., № 175 и 300.

«Толки о томъ, что новаго въ романѣ Тургенева: «Наканунѣ» (Отеч. Записки, 1860 г., кн. 5).

«Регламентаризмъ и рутина въ дѣлѣ воспитанія» (Воспитаніе, 1860 г., кн. 10).

«Христоматія для употребленія при первоначальномъ преподаваніи русскаго языка: курсъ I для чтенія и разсказа». М., шестнадцать изданій (1861, 1862, 1863, 1864, 1866, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1876, 1878, 1881 и 1883 г.); «курсъ II для разборовъ и письменныхъ упражненій», М., одиннадцать изданій (1868, 1870, 1871, 1872, 1874, 1875, 1876, 1878, 1880, 1882 и 1885 г.).

«Замѣтки о практическомъ преподаваніи русскаго языка», М., 1868 г.—2-е изд. М., 1878 г.

«Несторова лѣтопись съ примѣчаніями и словаремъ», М., 1869 г.—2-е изд., М., 1874 г. (вмѣстѣ съ «Поученіемъ Мономаха»).

«Разборъ книги: Анекдоты о Балакиревѣ» (Athenaeum, 1869 г., № 2,179).

«Письмо о перепискѣ I. И. Ростовцева» (Русск. Архивъ, 1873 г.).

«Ифигенія въ Тавридѣ», трагедія Эврипида, перев. съ греческаго (Классная Библіотека, изд. Исаковымъ, Спб., 1876 г., вып. 11).

«Разборъ книги Гаврилова: Темы для сочиненій» (Учебно-воспитат. библіотека, М., 1878 г., т. II).

Богдановичъ, Модестъ Ивановичъ [1]), извѣстный военный писатель, родился въ Сумахъ (1805 г.) и воспитывался въ Дворянскомъ полку; произведенный въ артиллерійскіе офицеры (1823 г.), онъ участвовалъ въ кампаніи противъ польскихъ мятежниковъ (1831 г.), а потомъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба; по окончаніи курса скоро былъ назначенъ преподавателемъ тактики въ Дворянскомъ полку и профессоромъ военной исторіи со стратегіей въ названной академіи (1839 г.); въ послѣдней должности онъ состоялъ до смерти, имѣя чинъ генералъ-лейтенанта и званіе члена военнаго совѣта; † 25-го іюля въ Ораніенбаумѣ. — Его труды:

«Очеркъ стратегіи» (Отечеств. Записки, 1839 г., кн. 9).

«Переходъ Суворова чрезъ Сенъ-Готардъ и Чертовъ мостъ» (Отечествен. Записки, 1843 г., кн. 4).

«Походъ 1796 года Бонапарта въ Италію», Спб., 1845 г.—2-е изд., Спб., 1860 г., 113 стр.

«Походы Суворова въ Италіи и Швейцаріи», Спб., 1846 г.

«Замѣчательные походы Петра Великаго и Суворова», публичныя лекціи военной исторіи, съ шестью картами и планами, Спб., 1846 г.

«О книгѣ Силича: Исторія Италійскихъ кампаній 1813 и 1814 годовъ» (Русск. Инвалидъ, 1846 г., № 206),

«Записки стратегіи, правила веденія войны, извлеченныя изъ сочиненій Наполеона, эрцгерцога Карла, генерала Жомини и другихъ военныхъ писателей», Спб., 1847 г. (удостоено Демидовской награды).

---

[1]) О немъ см. періодическія изданія 1882 года: «Историч. Вѣстн.», кн. 10, стр. 226 — 227; «Русск. Стар.», кн. 12, стр. 715 — 716; «Нива», № 34; «Русск. Вѣдом.», № 206. — Кромѣ того, по случаю его юбилея, см. статьи въ слѣдующихъ изданіяхъ 1873 года: «Голосъ», № 155; «Московск. Вѣдом.», № 141; «Петерб. Листокъ», № 109.

«Алжирія въ новѣйшее время, съ пятью картами и планами», Спб., 1849 г.
«Исторія военнаго искусства и замѣчательныхъ походовъ отъ начала войнъ до настоящаго времени, съ планами и картами», Спб., 1849—1853 г., двѣ части.
«О книгѣ полковника Карцова: Тактика» (Русск. Инвалидъ, 1851 г., № 2).
«Походы Румянцова, Потемкина и Суворова въ Турціи, съ картою и планами», Спб., 1852 г.
«О книгѣ Милютина: Исторія войны 1799 года» (Военн. Журналъ, 1853 г., кн. 1 и 4).
«Описаніе Наполеонова похода 1806 года въ Пруссію» (Военн. Журналъ, 1854 г., кн. 1 и 2).
«О новѣйшихъ усовершенствованіяхъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія» (кн. 3).
«О сраженіяхъ въ стратегическомъ отношеніи», извлеченіе изъ сочиненія генерала Клаузевица: «О войнѣ» (кн. 4).
«О вліяніи на тактику технической части военнаго дѣла» (кн. 6).
«Оборона Азова донскими казаками въ 1641 году» (Сѣверн. Пчела, 1854 г., № 90).
«Описаніе экспедиціи англо-французовъ въ Крымъ 1854—1855 года» (Военн. Журналъ, 1856 г., кн. I—3).—Отдѣльный оттискъ, съ картою и четырьмя планами: Спб., 1856 г., 286 стр.—Кромѣ того, были перепечатки изъ этого труда: въ «Русскомъ Инвалидѣ», 1856 г., № 107 и 143 и въ «Журналѣ военно-учебныхъ заведеній», 1856 г., т. 120—123.
«Сраженіе при Лубинѣ», глава изъ сочиненія: «Исторія Отечественной войны» (Русск. Вѣстн., 1857 г., кн. 24).—Этотъ отрывокъ былъ перепечатанъ въ «Журналѣ военно-учебныхъ заведеній», 1858 г., т. 131.
«Слѣдуетъ ли называть укрѣпленіе, находившееся въ центрѣ Бородинской позиціи, баттареею Раевскаго» (Военн. Сборникъ, 1858 г., т. 1).
«Послѣднее время предъ войною 1812 года» (Библіот. для Чтен., 1858 г., кн. 3).
«Народная война 1812 года» (кн. 11).—Обѣ эти статьи перепечатаны въ «Журналѣ военно-учебныхъ заведеній», 1859 г., т. 136 и 137.
«Матеріалы для исторіи войны 1812 года» (Военн. Журналъ, 1859 г., кн. 1).
«Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ» (Военн. Сборникъ, 1859 г., т. V).
«Исторія Отечественной войны 1812 года, по достовѣрнымъ источникамъ, составлена по высочайшему повелѣнію», съ планами и картами, Спб., 1859—1860 г., три тома (удостоено Демидовской награды) [1].
«Занятіе Вильны русскими войсками въ 1812 году» (Русск. Инвалидъ, 1860 г., № 40).
«О книгѣ Журавскаго: Статистическое обозрѣніе расходовъ на военныя потребности съ 1711 по 1825 годъ» (Военн. Сборникъ, 1860 г., т. XI).
«Народныя вооруженія въ Пруссіи въ 1813 году» (Русск. Вѣстн., 1860 г., кн. 21).
«Дѣло при Рейхенбахѣ» (Русск. Инвалидъ, 1861 г., № 1).
«Воспоминаніе объ Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ» (№ 92).
«Союзные полководцы во вторую кампанію 1813 года» (Русск. Вѣстникъ, 1861 г., кн. 9).—Эта статья перепечатана въ «Журналѣ военно-учебныхъ заведеній», 1862 г., т. 154.
«Критическій разборъ сочиненія сэра Роберта Вильсона: Описаніе нашествія на Россію Наполеона Бонапарте» (Инженерн. Журналъ, 1862 г., кн. 1).

---

[1]) Это сочиненіе переведено на чешкій языкъ подъ названіемъ: «Bogdanovicowy dějny vlastenské vàlky roku 1812». Prag. 1868, и на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: «Geschichte des Feldzuges im Jahre 1812». Leipz. 1863.

«Исторія войны 1813 года за независимость Германіи, по достовѣрнымъ источникамъ составлена по высочайшему повелѣнію», Спб., 1862—1863 г., два тома.—Это сочиненіе удостоено Демидовской награды и переведено на нѣмецкій языкъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Geschichte des Krieges im Jahre 1813 für Deutschlands Unabhängigkeit», St. Petrsb., 1865.

«О средствахъ къ распространенію просвѣщенія въ арміи» (Военн. Сборникъ, 1863 г., т. XXIX).—Эта статья перепечатана въ «Очеркахъ» (1863 г., № 26).

«Положеніе дѣлъ въ политическомъ отношеніи при открытіи похода во Францію 1814 года» (Военн. Сборникъ, 1864 г., т. XXXV).

«По поводу развитія и направленія военно-историческихъ занятій въ Россіи» (Русск. Инвалидъ, 1864 г., № 29).

«Анекдотъ изъ жизни А. П. Ермолова» (№ 54).

«Годовщина 19-го марта 1814 года» (№ 62 и Сынъ Отечества, 1864 г., № 68).

«По поводу пятидесятилѣтняго юбилея барона Н. В. Медема» (Русск. Инвалидъ, 1864 г., № 73).

«Некрологъ: графъ П. П. Фонъ-деръ-Паленъ» (№ 94).

«Графъ Петръ Петровичъ Фонъ-деръ-Паленъ и его время» (Военн. Сборникъ, 1864 г., т. XXXVIII).

«Александръ I въ Парижѣ» (Русск. Вѣстникъ, 1865 г., кн. 1).

«Исторія войны 1814 года во Франціи и низложеніе Наполеона I, по достовѣрнымъ источникамъ составлена по высочайшему повелѣнію», съ картами, Спб., 1865 г., два тома.—Это сочиненіе переведено на нѣмецкій языкъ г. Баумгартеномъ подъ слѣдующимъ заголовкамъ: «Geschichte des Krieges 1814 in Frankreich und des Sturzes Napoleon's I», Leipz. 1866.

«Александръ I: его дѣтство и юность» (Русск. Вѣстникъ, 1866 г., кн. 1).

«Первая эпоха преобразованій императора Александра I-го (Вѣстн. Евр., 1866 г., кн. 1 и 2).

«Автобіографическія замѣтки графа Аракчеева на прокладныхъ листахъ книги св. Евангелія» (Русск. Архивъ, 1866 г.).

«Тильзитскій миръ» (Вѣстн. Евр., 1867 г., кн. 1).

«Паденіе Сперанскаго (Вѣстн. Евр., 1868 г., кн. 12).

«Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время, печатана по высочайшему повелѣнію», Спб., 1869—1871 г., шесть томовъ (удостоено Уваровской награды).

«Безпорядки въ Семеновскомъ полку 1820 года» (Вѣстн. Евр., 1870 г., кн. 11)

«Журналистика графа Аракчеева» (Русск. Инвалидъ, 1870 г., № 29).

«Переговоры князя Меньшикова въ Константинополѣ, по подлиннымъ документамъ» (Вѣстн. Европы, 1873 г., кн. 1).

«Сраженіе при Баядурѣ и Башъ-Кадыкларѣ» (Русск. Вѣстн., 1873 г., кн. 2).

«Русская армія въ вѣкъ императрицы Екатерины II», Спб., 1873 г.

«Два письма военнаго туриста: Севастополь-Константинополь» (Вѣстн. Европы, 1874 г., кн. 10).

«Зима въ Севастополѣ съ ноября 1854 г. по февраль 1855 года» (Русск. Вѣстникъ, 1875 г., кн. 2).

«Первое бомбардированіе Севастополя 13-го октября 1854 года» (Русск. Старина, 1875 г., кн. 6),

«Вѣнскія совѣщанія и парижскій трактатъ», изъ сочиненія: «Восточная война» (Русск. Старина, 1876 г., кн. 10).

«Восточная война 1853—1856 годовъ», Спб., 1877 г., четыре тома.

«Военная политика и военныя учрежденія въ современномъ ихъ состояніи» (Русск. Старина, 1878 г., кн. 1).

«Дневникъ осады Карса въ 1855 году доктора Сандвита» (Военн. Сборникъ, 1878 г., кн. 2).

«Дѣло при Денбе-Вельке, 19 марта 1831 г.» (Истор. Вѣст., 1881, кн. 6).

«Князь Курбскій», драма. Спб., 1882 г., 77 стр.

Кромѣ названныхъ трудовъ, подъ редакціей М. И. Богдановича вышли: «Военно-энциклопедическій лексиконъ» (Спб., 1852—1858 г., четырнадцать томовъ) и «Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи въ первое двадцатипятилѣтіе благополучнаго царствованія государя императора Александра Николаевича» (Спб., 1879—1880 г., шесть томовъ).

Буренинъ, Константинъ Петровичъ [1]), преподаватель математики IV-й московской гимназіи; † 8-го сентября въ Ялтѣ. — Онъ, вмѣстѣ съ А. Ѳ. Малининымъ, издалъ:

«Собраніе ариѳметическихъ задачъ», М., семнадцать изданій (1867, 1868, 1869, 1870, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1879, 1880, 1882 и 1885 г.).

«Руководство къ ариѳметикѣ», М., пятнадцать изданій (1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878 1879, 1882 и 1884 г.).

«Руководство космографіи и физической географіи», М., шесть изданій (1867, 1868, 1870, 1873, 1878 и 1880 г.).

«Руководство къ физикѣ и собраніе физическихъ задачъ», М., шесть изданій (1868, 1870, 1873, 1876, 1878 и 1880 г.).

«Руководство алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ», М., семь изданій (1870, 1872, 1873, 1876, 1879, 1881 и 1885 г.).

«Рѣшенія ариѳметическихъ задачъ», М., 1877 г.

Бутаковъ, Григорій Ивановичъ [2]), извѣстный герой-морякъ, родился въ 1820 году и воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ; по окончаніи курса, произведенный въ мичманы (1837 г.), онъ началъ службу на Черномъ морѣ подъ руководствомъ адмирала М. П. Лазарева; послѣдній, между прочимъ, поручилъ ему и И. А. Шестакову собрать матеріалы для составленія подробной лоціи Чернаго моря, что̀ и было выполнено основательно двумя молодыми моряками; затѣмъ Г. И. былъ командированъ въ Англію для наблюденія за постройкой парохода «Дунай», на которомъ возвратился въ Черное море и тотчасъ же получилъ въ командованіе пароходо-фрегатъ «Владиміръ»; на немъ ему пришлось одержать блистательную побѣду надъ турецкимъ пароходомъ «Первасъ Бахри» (5-го ноября 1853 года) и принимать участіе во всѣхъ главныхъ военныхъ дѣйствіяхъ при Севастопольской бухтѣ; по окончаніи Крымской кампаніи, произведенный въ контръ-адмирала съ наз-

---

[1]) О немъ: «Газета Гатцука», 1882 г., № 38.

[2]) О немъ «Газета Гатцука», 1882 г., № 24; «Московск. Вѣдом.», 1882 г., №№ 154 и 158; «Кронштадск. Вѣстникъ», 1867 г., № 20.

наченіемъ въ свиту е. и. в., онъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ Николаевскаго порта, черезъ четыре года (1860 г.), его отозвали изъ Чернаго моря и опредѣлили сначала флагманомъ отряда винтовыхъ кораблей въ чинѣ вице-адмирала, а потомъ (1868 г.) — старшимъ флагманомъ Балтійскаго флота, командиромъ отряда мониторовъ въ Балтійскомъ морѣ (1877 г.) и начальникомъ морской защиты Свеаборга (1878 г.), съ производствомъ въ адмиралы; послѣ того онъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ С.-Петербургскаго порта (1881 г.), а за упраздненіемъ этого поста (въ мартѣ 1882 г.) — членомъ государственнаго совѣта; † 31-го мая въ Петербургѣ. — Кромѣ статей, помѣщенныхъ съ 1849 года въ «Морскомъ Сборникѣ», имъ напечатаны:

«Свойство торсовъ и цѣпей», перев. съ англійск., Никол., 1852 г.

«Новыя основанія пароходной тактики», Спб., 1863 г. — Это изслѣдованіе, удостоенное Демидовской награды, было переведено г. Де-ля-Планше на французскій языкъ подъ такимъ заглавіемъ: «Nouvelles bases de tactique navale», Paris, 1864.

«Шлюпочная сигнальная книжка для взаимныхъ переговоровъ между военными и частными кораблями, шлюпками и береговыми сигнальными станціями», Спб., 1875 г.

«Проектъ систематическаго собранія морскихъ эволюцій», Спб., 1868 г. — 2-е изд., Спб., 1881 г., 199 стр.

Бѣлецкій, Николай Өедоровичъ [1]), доцентъ Харьковскаго университета по каөедрѣ зоологіи; † 6-го (18) февраля въ Софіи. — Его магистерская диссертація: «Механизмъ дыханія птицъ», Спб., 1877 г.

Викторинъ, въ мірѣ Викторъ Любимовъ [2]), родился въ Калужской епархіи (1823 г.) и воспитывался въ тамошней духовной семинаріи; по окончаніи курса посвященъ во священники той же епархіи (1843 г.); черезъ шесть лѣтъ (1849 г.), за смертію жены, поступилъ въ Петербургскую духовную академію, изъ которой вышелъ со степенью магистра богословія (1853 г.); затѣмъ — архимандритъ и инспекторъ названной академіи, ректоръ костромской и тифлисской семинарій (1853 — 1868 г.), епископъ чебоксарскій и викарій Казанской епархіи (1868 — 1874 г.), епископъ полоцкій и витебскій (1874 — 1882 г.); наконецъ, съ 6-го марта 1882 года — епископъ подольскій и бряцлавскій; † 21-го августа въ Каменецъ-Подольскѣ. — Онъ напечаталъ слѣдующіе труды:

«Истинный другъ духовнаго юноши, практическія наставленія воспитанникамъ духовныхъ училищъ», Спб., 1858 г. (сначала въ «Христіанскомъ Чтеніи», 1858 г., т. 1).

---

[1]) См. «Русск. Вѣдом.», 1882 г., № 43.

[2]) О немъ «Исторія Петерб. академіи», Чистовича, Спб., 1857 г., стр. 456; «Списки іерарховъ», Строева, стр. 291, 498, и Московск. Вѣдом., 1882 г., № 238.

«Темы для поученій къ простому народу», Спб., 1858 г.

«Къ вопросу объ улучшеніи быта православнаго духовенства въ Россіи» (Христіанск. Чтеніе, 1864 г., кн. 3 и 4).

«Азбука по новому способу обучать дѣтей грамотѣ», Спб., 1867 г. — 2-е изд., Каз., 1871 г. — 3-е изд., Спб., 1871 г. — 4-е изд., Спб., 1881 г.

«Соображенія о способахъ къ успѣшнѣйшему привлеченію некрещеныхъ инородцевъ къ вѣрѣ Христовой» (Православн. Собесѣдникъ, 1871 г., ч. 1).

«Слово о пособіи голодающимъ самарцамъ» (1874 г., ч. 1).

«О превосходствѣ христіанства предъ мухаммеданствомъ» (ч. III).

«Понятія о женщинѣ и бытъ ея у мухаммеданъ и у христіанъ» (1875 г., ч. 1). — Отдѣльный оттискъ: Каз., 1875 г., 20 стр.

Воронцовъ, Семенъ Михайловичъ [1]), свѣтлѣйшій князь, служилъ сначала въ гражданскомъ вѣдомствѣ, потомъ началъ военную службу штабсъ-капитаномъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ е. и. в. (1847 г.); находясь на службѣ въ рядахъ кавказскихъ войскъ, командовалъ Куринскимъ полкомъ (1849—1852 г.); затѣмъ одно время былъ городскимъ головою въ Одессѣ, а во время войны 1877—1878 годовъ — командиромъ войскъ, расположенныхъ на Крымскомъ полуостровѣ; † 6-го мая въ Петербургѣ. — Онъ сообщилъ для напечатанія въ «Русскомъ Архивѣ» нѣсколько документовъ изъ своей библіотеки и главнымъ образомъ — на собственныя средства, подъ редакціей П. И. Бартенева, издалъ «Архивъ князя Воронцова» (М., 1870—1884 г., тридцать книгъ).

Воскобойниковъ, Николай Николаевичъ [2]), родился въ 1838 году, воспитывался въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, гдѣ и окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ; затѣмъ, не увлекаясь выгодами инженерной службы, отправился съ графомъ М. Н. Муравьевымъ въ царство Польское (1863 г.) и служилъ тамъ до окончанія польскаго возстанія; потомъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ; здѣсь, какъ замѣчательный инженеръ, онъ выстроилъ каменный мостъ черезъ Москву-рѣку, послѣ чего всецѣло посвятилъ себя «Московскимъ Вѣдомостямъ», прежде какъ постоянный сотрудникъ, а послѣ смерти П. М. Леонтьева (1875 г.), какъ помощникъ редактора М. Н. Каткова; † 1-го февраля въ Москвѣ. — Онъ, кромѣ многочисленныхъ корреспонденцій изъ Польши и нѣсколькихъ неподписанныхъ статей, помѣщенныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», напечаталъ слѣдующіе труды:

«Ладожскій каналъ» (Русск. Вѣст., 1858 г., кн. 7 и 8).

«Замѣтка объ отношеніяхъ правленія главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ къ акціонерамъ» (1859 г., кн. 17 и 18).

«Отвѣтъ инженеру главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ» (С.-Петербугск. Вѣдом., 1860 г., № 58).

---

[1]) О немъ Московск. Вѣдом., 1882 г., № 128.

[2]) См. періодическія изданія 1882 года: Московск. Вѣдом., № 33; Московск. Листокъ, № 35 и Голосъ Москвы, 1885 г., № 33 и 50.

«По поводу отчета главнаго Общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ за 1860 годъ» (Русск. Инвалидъ, 1861 г., № 164—165).

«Главное Общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ» (№ 166—169, 172, 176, 186—188).

«О положеніи фабричныхъ преимущественно на петербургскихъ фабрикахъ», (Библіот. для Чтенія, 1862 г., кн. 5 и 6).

✓Гагаринъ, Иванъ Сергѣевичъ[1]), князь, родился 20-го іюля 1814 года и получилъ блестящее воспитаніе; послѣ короткой дипломатической службы, онъ, въ 1843 году, оставилъ Россію, перешелъ въ католицизмъ и присоединился къ іезуитскому ордену; † 8-го (20-го) іюля въ Парижѣ. Онъ, кромѣ устройства въ Парижѣ «Славянской библіотеки» съ русскимъ отдѣленіемъ, подъ общимъ названіемъ: «Musée Slave», извѣстенъ, какъ авторъ нѣсколькихъ богословскихъ, историческихъ и археологическихъ брошюръ, написанныхъ пофранцузски; напримѣръ, имъ напечатано сочиненіе: «Les hymnes de l'église grecque» (Paris, 1868). Кромѣ того, на русскомъ языкѣ появились его «Полемическія письма» (День, 1866 г.) и «Оправданіе по поводу смерти Пушкина» (Русскій Архивъ, 1865 г., кн. 8; Голосъ, 1865 г., № 197; Биржевыя Вѣдомости, 1865 г., № 154, и Современный Листокъ, 1866 г., № 18).

Глаголевскій, Александръ Николаевичъ[2]), воспитанникъ Виѳанской семинаріи и Московской академіи (1866 г.); затѣмъ — священникъ и законоучитель московскаго Маріинскаго училища; † 15-го марта въ Москвѣ. Онъ издалъ книгу: «Законъ Божій, ученіе вѣры, изложенное въ связи съ нравственными уроками, библейскою исторіею и богослуженіемъ», М., 1876 г., 140 стр.

Головщиковъ, Николай Михайловичъ[3]), сынъ священника, родился въ Ярославлѣ (1829 г.), воспитывался въ тамошней семинаріи и Московской духовной академіи, откуда вышелъ со степенью магистра богословія (1852 г.); по окончаніи академическаго курса былъ учителемъ ярославской семинаріи (1852—1858 г.), чиновникомъ особыхъ порученій при ярославскомъ губернаторѣ (1858—1860 г.) и углицкимъ окружнымъ начальникомъ государственныхъ имуществъ (1860 г.); оставленный за штатомъ въ послѣдней должности, онъ уѣхалъ за границу, гдѣ состоялъ корреспондентомъ двухъ заграничныхъ русскихъ газетъ; по возвращеніи въ Россію причислился къ министерству внутреннихъ дѣлъ, сдѣлался помощникомъ исправника въ Пошехоньѣ и Ярославлѣ, исправникомъ въ Угличѣ до 1868 года, когда снова получилъ отставку и опять уѣхалъ за границу; воротившись оттуда, нѣкоторое время

---

[1]) О немъ: Современн. Извѣстія, 1882 г., № 262; Историч. Вѣстникъ, 1882 г., кн. 9, стр. 679.

[2]) О немъ: Современн. Извѣстія, 1882 г., № 75.

[3]) См. Современн. Извѣстія, 1882 г., № 303.

жилъ въ Москвѣ, а потомъ поступилъ учителемъ въ олонецкую семинарію; изъ послѣдней онъ перешелъ въ рыбинскую прогимназію (1880 г.), но незадолго до кончины вышелъ въ отставку и занимался частными уроками; † 4-го октября въ Рыбинскѣ. Онъ, съ семидесятыхъ годовъ, работалъ для «Современныхъ Извѣстій» и «Грамотея»; ему же принадлежитъ статья: «Замѣтка о поѣздкѣ С. Маслова по Волгѣ» (Московск. Вѣдом., 1859 г., № 246).

Григорьевъ, Петръ Николаевичъ [1]), сотрудникъ «Голоса» въ шестидесятыхъ годахъ; † 10-го ноября въ Ярославлѣ. Имъ, кромѣ статей въ «Голосѣ», напечатаны «Этюды о русской литературѣ» (Библіотека дешевая и общедоступная, 1875 г., кн. 4).

Гурій, въ мірѣ Григорій Карповъ [2]), воспитывался въ саратовской семинаріи и Петербургской духовной академіи; выпущенный изъ послѣдней кандидатомъ богословія (1839 г.), онъ былъ отправленъ въ Китай, гдѣ дѣйствовалъ сначала какъ простой миссіонеръ, а потомъ, съ полученіемъ степени магистра (1855 г.), какъ архимандритъ—начальникъ духовной миссіи (1839—1864 г.); послѣ того, настоятель московскаго ставропигіальнаго Симонова монастыря и русской посольской церкви въ Римѣ (1864—1866 г.), епископъ чебоксарскій и викарій Казанской епархіи (1866—1867 г.); наконецъ, епископъ таврическій и симферопольскій (1867—1882 г.), пожалованный во архіепископы (съ 15-го апрѣля 1881 г.); † 17-го марта въ Симферополѣ. Кромѣ перевода св. Евангелія на китайскій языкъ, ему принадлежатъ:

«Письма изъ Пекина объ успѣхахъ православія въ Китаѣ» (Прибавленія къ Иркутск. Епарх. Вѣдом., 1863 г., № 9, 11, 13, 17 и 19).

«Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Пекинской миссіи втеченіе 1859—1862 годовъ» (Христіанск. Чтеніе, 1864 г., кн. 4). Отрывки изъ этого «Отчета» перепечатаны: въ Виленск. Вѣстн., 1864 г., № 56; Московск. Вѣдом., 1864 г., № 106, и Прибавленіяхъ къ Херсонск. Епарх. Вѣдом., 1864 г., № 11.

«Русскіе и греко-россійская церковь въ Китаѣ въ XVII—XIX вѣкахъ» (Русская Старина, 1884 г., кн. 9).

Кромѣ того, одно изъ сочиненій покойнаго о китайскомъ буддизмѣ помѣщено въ «Трудахъ членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ» (Спб., 1852—1865 г.).

Делленъ, Александръ Карловичъ [3]), родился въ Курляндіи, воспитывался въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ

---

[1]) О немъ: Русскія Вѣдомости, 1882 г., № 326.

[2]) См. «Исторію Петерб. академіи», Чистовича, Спб., 1857 г., стр. 383—385, и періодическія изданія 1882 года: Моск. Церк. Вѣд., № 14 и 23; Всемірн. Иллюстр., № 17; Моск. Вѣд., № 79 и 82; Прав. Обозр., кн. 4, стр. 787—789.

[3]) О немъ: «Album Academicum», «Dorpat», 1853 г., стр. 131; Московск. Вѣдом., 1882 г., № 86; «Исторія импер. университета св. Владиміра», Владимірскаго-Буданова (Кіевъ, 1884 г., стр. 121, 224—225, 239, 375—377); «Біографическій словарь профессоровъ Кіевскаго университета» (Кіевъ, 1884 г.).

курсъ съ золотою медалью (1837 г.); по выходѣ изъ университета — учитель рижской гимназіи, а послѣ полученія магистерской и докторской степени — профессоръ греческой и римской словесности въ университетѣ св. Владиміра (съ 29-го сентября 1838 г. до 30-го декабря 1867 г.) и Харьковскомъ университетѣ (1868—1882 г.); † 22-го марта въ Харьковѣ. Онъ напечаталъ слѣдующіе труды:

«Beitrage zur Kritik und Erklärung der Satiren des D. Jun. Juvenalis», Kiew, 1846. (Докторская диссертація).

«Краткій историческій очеркъ древней греческой литературы», Кіевъ, 1851 г.

«Разборъ диссертаціи Ешевскаго: «Аполинарій Сидоній» (Двадцать пятое присужденіе Демидовскихъ наградъ, Спб., 1856 г.).

«Юбилейный гимнъ Горація», Кіевъ, 1865 г.

«Cornelii Taciti Germania: Германія Корнелія Тацита», съ подробнымъ комментаріемъ и введеніемъ (Кіевск. Университ. Извѣстія, 1867 г., кн. 1—12; 1868 г., кн. 1 и 2). Отдѣльно: Кіевъ, 1868 г.

«Самъ себя наказывающій», комедія Публія Теренція, Харьковъ, 1879 г.

«Письмо о диссертаціи г. Опацкаго: «Плиній Младшій» (Московск. Вѣдом., 1879 г., № 326).

«О такъ называемыхъ casus absoluti въ главныхъ языкахъ индо-европейскаго племени», Харьковъ, 1881 г., 76 стр.

Дерибасъ, М.........[1]), бывшій редакторъ газеты «Journal d'Odessa» (съ 1854 года) и въ послѣднее время библіотекарь въ Одесской публичной библіотекѣ; † въ началѣ апрѣля въ Одессѣ, на 76-мъ году отъ рожденія.

Дмитріевъ, Өедоръ Михайловичъ[2]), родился въ Москвѣ (1828 г.) и, послѣ первоначальнаго образованія, поступилъ въ Петербургскій технологическій институтъ; тамъ онъ окончилъ курсъ съ званіемъ инженеръ-технолога перваго разряда и золотою медалью (1850 г.); почти тотчасъ же по выпускѣ изъ института поступилъ на бумагопрядильную фабрику братьевъ Малютиныхъ, которая находится въ селѣ Раменскомъ; здѣсь ему пришлось служить ночнымъ смотрителемъ за работами, механикомъ и директоромъ (1850—1882 г.); съ 1869 года, его пригласили въ императорское техническое училище на каѳедру механической обработки волокнистыхъ веществъ; эту каѳедру, какъ и званіе вице-президента политехническаго Общества, покойный занималъ до дня кончины (1869—1882 г.); † 30-го сентября въ селѣ Быки, близь Курска. Онъ напечаталъ:

«О бумагопряденіи», М., 1861 г.

«Объ устройствѣ жилыхъ помѣщеній для рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ» (Отчетъ и рѣчи въ импер. техническ. училищѣ, М., 1876 г.).

«Бумагопрядильное производство, часть первая: трепаніе и чесаніе хлопка», съ атласомъ чертежей, М., 1876 г., 267 стр.

---

[1]) О немъ: Современ. Извѣстія, 1882 г., № 94.

[2]) См. періодическія изданія 1882 года: Русск. Вѣдом., № 274; Современныя Извѣстія, № 277 и 310; Московск. Вѣдом., № 277 и 301.

Дубровскій, Петръ Павловичъ[1]), родился 14-го іюня 1812 года въ Черниговѣ и учился въ кіевской гимназіи; по окончаніи курса—учитель русскаго языка въ одной изъ привислинскихъ губерній (1837—1845); затѣмъ занималъ должность цензора (1845—1851 г.) и преподавателя польскаго языка въ педагогическомъ институтѣ (1851—1858 г.); за свои ученые труды былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ (1853 г.), адъюнктомъ (1855 г.) и экстраординарнымъ академикомъ (1858 г.) по отдѣленію русскаго языка и словесности въ императорской академіи наукъ; съ закрытіемъ педагогическаго института (1858 г.) онъ покинулъ Петербургъ, промѣнялъ мѣсто академика на званіе члена-корреспондента академіи (1862 г.) и проживалъ въ Варшавѣ или Скерневицахъ; † въ началѣ октября въ Скерневицахъ. Покойный, кромѣ изданія на польскомъ и русскомъ языкахъ журнала «Iutrzenka» (1842—1843 г.), сверхъ постояннаго сотрудничества въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за подписью: «П. Д.» (1863—1882 г.), напечаталъ слѣдующіе труды:

«Новыя изданія въ Варшавѣ» (Москвитян., 1843 г., ч. I).

«Письмо изъ Варшавы о литературныхъ извѣстіяхъ въ Богеміи, Сербіи, Галиціи и Польшѣ» (Москвит., 1845 г., ч. V).

«Областныя великорусскія слова, сходныя съ польскими» (Матеріалы для словаря сравнительн. и объяснительн., издан. имп. академіей наукъ, Спб., 1852 г., тетр. 1).

«Замѣчательныя слова изъ Псалтыря королевы Маргариты». (Тамъ же).

«Обозрѣніе русской географической, этнографической и статистической литературы за 1853 годъ» (Вѣстникъ импер. русск. географ. Общества, 1854 г., кн. 6; 1855 г., кн. 1, 2 и 5). Въ этомъ трудѣ принималъ участіе и Г. Н. Геннади.

«Нѣсколько замѣчаній о русскомъ глаголѣ въ сравненіи съ польскимъ» (Извѣстія импер. академіи наукъ, 1855 г., т. IV, вып. 3).

«Замѣчанія о польскомъ языкѣ». (Тамъ же, вып. 8).

«Гуцулы, обитатели Восточной отрасли Карпатскихъ горъ», перев. съ чешскаго (Пантеонъ, 1855 г., кн. 5).

«Свѣдѣнія г. Подчашинскаго о польской повѣсти о царѣ Соломонѣ» (Извѣстія импер. академіи наукъ, 1856 г., т. V, вып. 2).

«Мнѣніе г. Цегельскаго о разрядахъ глаголовъ въ польскомъ языкѣ». (Тамъ же).

«Миллеровы записки о царствованіи Стефана Баторія» (Журналъ мин. нар. просв., 1856 г., т. 91).

«Новости польской литературы» (Русскій Вѣстникъ, 1856 г., кн. 22; 1857 г., кн. 1—24).

«Разборъ книги Бессонова: «Болгарскія пѣсни» (Двадцать пятое присужденіе Демидовск. наградъ, Спб., 1856 г.).

«Воспоминанія о М. И. Глинкѣ» (Русскій Вѣстникъ, 1857 г., кн. 8).

«Адамъ Мицкевичъ» (Отеч. Записки, 1858 г., кн. 9—12). Отдѣльное изданіе: Спб., 1859 г., съ портретомъ.

---

[1]) О немъ: Отеч. Записки, 1842 г., т. XX, кн. 1, отд. VI, стр. 38—40; Соврем. Извѣстія, 1882 г., № 306, и Московск. Вѣдом., 1882 г., № 307.

«О новомъ изслѣдованіи грамматическихъ формъ польскаго языка» (Журналъ мин. нар. просвѣщенія, 1858 г., кн. 11). Отдѣльный оттискъ: Спб., 1859 г., 28 стр.

«Іоакимъ Лелевель и его ученая дѣятельность» (Отечествен. Записки, 1859 г., кн. 2).

«Новые матеріалы для біографіи Мицкевича» (кн. 4). Отдѣльное изданіе этой статьи: Спб., 1859 г.

«Замѣчаніе по поводу предъидущей статьи о Мицкевичѣ» (Петербургск. Вѣдом., 1859 г., № 168).

«Замѣтка о трехъ народныхъ польскихъ пѣсняхъ» (Петербургск. Вѣдом., 1861 г., № 2).

«Воспоминаніе о В. В. Ганкѣ» (Отечеств. Записки, 1861 г., кн. 2). Отдѣльный оттискъ: Спб., 1861 г., 23 стр.

«Петръ Скарга, іезуитъ и проповѣдникъ польскаго короля Сигизмунда III-го» (Записки импер. академіи, 1862 г., т. I, кн. 2).

«Панъ староста Закржевскій», черты старинныхъ польскихъ нравовъ (Отечеств. Записки, 1861 г., кн. 7).

«Сосѣди славянъ», перев. съ чешскаго (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1874 г., кн. 1). Отдѣльно: М., 1874 г., 123 стр.

«Полный словарь польскаго и русскаго языка», Варшава, 1876—1878 г.

Кромѣ перечисленныхъ трудовъ, Дубровскій издалъ въ переводѣ съ польскаго языка «Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славянскихъ народовъ до XVI вѣка», Мацѣевскаго (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1846 г., кн. 2) и, по порученію академіи наукъ, перепечаталъ съ перваго изданія «Грамматику Ломоносова» (Спб., 1856 г.).

Заблоцкій-Десятовскій, Павелъ Пароеньевичъ[1]), родился въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи (1815 г.), воспитывался въ тамошней гимназіи и Московскомъ университетѣ сначала на математическомъ, а потомъ на медицинскомъ факультетѣ, причемъ удостоился получить похвальный отзывъ за сочиненіе по хирургіи: «De laesionibus, quae amputationem requirunt, nec non de varia perficiendi illam ratione» (1834 г.); по окончаніи курса лѣкаремъ перваго отдѣленія (1836 г.) отправился на два года врачемъ ученой экспедиціи для изслѣдованія восточной стороны Каспійскаго моря; послѣ того — докторъ медицины (1839 г.) и профессоръ императорской медико-хирургической академіи въ Петербургѣ (1841—1870 г.); наконецъ, членъ медицинскаго совѣта и военно-медицинскаго ученаго комитета (1870—1882 г.); † 2-го іюля, въ селѣ Крымкахъ, Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи. Имъ напечатаны слѣдующіе труды:

«Врачебно-полицейскія и судебно-медицинскія изысканія объ утопленникахъ», Спб., 1845 г., съ четырьмя рисунками.

«Отчетъ Общества русскихъ врачей», Спб., 1845 г.

---

[1]) О немъ: Русск. Вѣдом., 1882 г., № 184.

«Ученіе о болѣзняхъ яичка, сѣменнаго канатика и мошонки», съ атласомъ рисунковъ, Спб., 1848 г. (удостоено Демидовской награды).
«Разборъ сочиненія Пушкарева: «О душевныхъ болѣзняхъ». (Восемнадцатое присужденіе Демидовск. наградъ, Спб., 1849 г.).
«О вліяніи климата на здоровье человѣка», Спб., 1851 г.
«О болѣзняхъ челюстной пазухи» (Военно-медицинск. Журналъ, 1854 г., ч. LXIV, кн. 2).
«Гигрома или серозное выпотѣніе въ синовіальныя сумки». (Тамъ же).
«Описаніе грыжъ», съ 55 рисунками, Спб., 1855 г.
«О болѣзняхъ рта и сосѣднихъ ему частей», Спб., 1856 г.
«Руководство къ изученію и лѣченію сифилитическихъ болѣзней», съ 18 рисунками, Спб., 1857 г. (удостоено Демидовской награды).

Зайцевъ, Варѳоломей Александровичъ [1]), дѣятельный сотрудникъ русскихъ журналовъ, сначала жилъ въ Россіи, потомъ уѣхалъ за границу, добывая тамъ скудное пропитаніе уроками и переводами; † въ началѣ января, въ швейцарскомъ городѣ Клярансѣ. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды:

«Естествознаніе и юстиція» (Русское Слово, 1863 г., кн. 7).
«О стихотвореніяхъ Фета» (кн. 8).
«О книгѣ Циммермана: «Міръ до сотворенія человѣка». (Тамъ же).
«Рецензія на Исторію литературы древняго и новаго міра, подъ редакціей Милюкова». (Тамъ же).
«О сказкахъ Гримма и Эрленвейна» (Русское Слово, 1863 г., кн. 9).
«О поѣздкѣ на Востокъ г. Дохтурова». (Тамъ же).
«Разборъ Очерка греческой литературы, составленнаго г. Марковымъ-Виноградскимъ». (Тамъ же).
«Гейне и Берне». (Тамъ же).
«О журналѣ: «Вокругъ свѣта». (Тамъ же).
«О книгѣ Россмеслера: «Вода». (Тамъ же).
«Взбаламученный романистъ — по поводу романа Писемскаго: «Взбаламученное море» (Русское Слово, 1863 г., кн. 10).
«О сочиненіи Дмитріева: «Князь И. М. Долгорукій» (Русское Слово, 1863 г., кн. 11—12).
«Разборъ «Полнаго собранія сочиненій Гейне въ русскомъ переводѣ г. Берга». (Тамъ же).
«Бѣлинскій и Добролюбовъ» (Русское Слово, 1864 г., кн. 1).
«О стихотвореніяхъ Гейне въ переводѣ А. Сомова». (Тамъ же).
«Глуповцы, попавшіе въ «Современникъ» (кн. 2).
«О трагедіи: «Лжедимитрій I» (Русское Слово, 1864 г., кн. 8).
«Разборъ изслѣдованія Костомарова: «Кто былъ первый Лжедимитрій» (Русское Слово, 1864 г., кн. 9).
«Рецензія на книгу Максимова: «На востокѣ». (Тамъ же).
«О разсказѣ М. Вовчка: «Невольница». (Тамъ же).
«О книгѣ Добрякова: «Русская женщина въ домонгольскій періодъ» (Русское Слово, 1864 г., кн. 10).

---

[1]) О немъ: Современ. Извѣстія, 1882 г., № 18; Дѣло, 1882 г., кн. 2, отд. 2, стр. 154.

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

въ 1886 году.

(СЕДЬМОЙ ГОДЪ).

«**Историческій Вѣстникъ**» будетъ издаваться **въ 1886 году** на тѣхъ же условіяхъ и по той же программѣ какъ и въ предшествовавшія шесть лѣтъ (1880—1885).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Съ январской книжки «**Историческаго Вѣстника**» начнется печатаніе историко-бытовой повѣсти **графа Е. А. Саліаса**, подъ заглавіемъ «**Свадебный бунтъ**».

Кромѣ того, изъ обширнаго собранія матеріаловъ, находящихся въ распоряженіи редакціи, въ первыхъ книжкахъ «**Историческаго Вѣстника» 1886 года**, будутъ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Отрывокъ изъ семейной хроники. **К. А. Бороздина.** — Алазанская долина. Изъ кавказскихъ воспоминаній. **Его же.** — Прошлое и настоящее «свободныхъ художествъ» въ Россіи. **Ѳ. И. Булгакова.** — Воспоминанія артиста объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. **Ѳ. А. Бурдина.** — Нашъ солдатъ въ пѣсняхъ, поговоркахъ и сказаніяхъ. **И. Д. Бѣлова.** — Русскій казакъ въ Лондонѣ. **Н. А. Бѣлозерской.** — Баронъ Исай Петровичъ Шафировъ. **Ѳ. А. Бычкова.** — Шевченко въ Оренбургѣ. (По новымъ документамъ). **Е. М. Гаршина.** — Тамбовская украина въ XVII столѣтіи. **И. И. Дубасова.** — Амазонская рота при Екатеринѣ II. **Г. В. Есипова.** — Записки **Раф. Мих. Зотова.** — Представитель русскаго романтизма. **В. Р. Зотова.** — Общественная жизнь въ Англіи въ концѣ прошлаго столѣтія. **Его же.** — Свѣтлыя минуты императора Павла. **П. П. Каратыгина.** —

Бѣлая дама. Историческій разсказъ. **Е. П. Карновича.** — Кургановъ и его письмовникъ. **А. И. Кирпичникова.** — Княгиня Н. Б. Долгорукая. **Д. А. Корсакова.** — Н. А. Кудрявцевъ и его потомство. **Его же.** — Отрывокъ изъ воспоминаній. **Н. В. Кукольника.** — Архіерейское нареченіе и хиротонія. **Н. С. Лѣскова.** — Эпизодъ изъ жизни И. И. Введенскаго. **А. П. Милюкова.** — Генералъ-губернаторство графа Н. Н. Муравьева въ Сибири въ 1859 и 1860 годахъ. **Б. А. Милютина.** — Дѣдъ Пушкина. **В. О. Михневича.** — Плѣнные англичане въ Россіи. **А. Н. Молчанова.** — Вѣчевой колоколъ. **Д. Л. Мордовцева.** — Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. **А. И. Незеленова.** — А. Ѳ. Писемскій по его собственнымъ автобіографическимъ замѣткамъ. **П. Н. Полеваго.** — Полубарскія затѣи. (Театры и крѣпостные актеры). **М. И. Пыляева.** — Е. И. Семенова. Очеркъ изъ исторіи русскаго театра. **А. Н. Сиротинина.** — Городъ Гродно и Гродненская губернія во время послѣдняго польскаго мятежа. **С. Т. Славутинскаго.** — Воспоминанія **графа В. А. Соллогуба.** — Въ горахъ и долинахъ русскаго Тянь-Шаня. **Н. В. Сорокина.** — Природа и человѣкъ въ Средней Азіи. **Его же.** — Воспоминанія стараго литератора. **А. В. Старчевскаго.** — Горицкій монастырь въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ и два іерарха русской церкви XVIII столѣтія. **А. А. Титова.** — Среди скитницъ. **П. С. Усова,** и др.

Большая часть названныхъ статей будетъ иллюстрирована рисунками, объясняющими текстъ и воспроизведенными съ наиболѣе достовѣрныхъ оригиналовъ.

Въ приложеніи къ первымъ тремъ книжкамъ **«Историческаго Вѣстника»** 1886 года будетъ напечатана оригинальная драма изъ древне-римской жизни **В. П. Буренина,** подъ заглавіемъ **«Смерть Агриппины».** Обѣщанное для приложенія въ 1885 году, но не помѣщенное по недостатку мѣста, сочиненіе Сильвіо Пелико **«Мои темницы»** въ новомъ переводѣ **А. Н. Дьяконова и съ иллюстраціями,** будетъ непремѣнно напечатано въ 1886 году. Кромѣ того, для приложенія приготовленъ переводъ живыхъ и талантливыхъ очерковъ **Перваноглу** подъ заглавіемъ **«Историческія картины Византійскаго государства».**

Главная контора **«Историческаго Вѣстника»,** въ **Петербургѣ,** при книжномъ магазинѣ **«Новаго Времени»,** Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленіе конторы въ **Москвѣ,** при московскомъ книжномъ магазинѣ **«Новаго Времени»,** Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

ЕВГЕНІЙ ПЕТРОВИЧЪ КАРНОВИЧЪ.

Съ фотографіи Досса, 1878 года.

дозв. ценз. спб., 20 ноября 1885 г.

ЕВГЕНІЙ ПЕТРОВИЧЪ КАРНОВИЧЪ.

(Некрологъ).

«Историческій Вѣстникъ» лишился одного изъ самыхъ дѣятельныхъ, полезныхъ и достойныхъ глубокаго уваженія сотрудниковъ своихъ, — Евгенія Петровича Карновича, скончавшагося отъ паралича мозга 25-го октября, въ седьмомъ часу вечера, 62-хъ лѣтъ отъ рожденія.

Покойный происходилъ изъ старинной, русской, дворянской фамиліи, родоначальникомъ которой былъ Антонъ Васильевичъ Карновичъ, знатный войсковой товарищъ войска Запорожскаго, награжденный, въ 1674 году, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ за свои военныя заслуги нѣсколькими вотчинами. Евгеній Петровичъ родился 28-го октября 1823 года въ Ярославлѣ, гдѣ отецъ его, очень богатый помѣщикъ, жилъ постоянно. Получивъ отличное домашнее воспитаніе, на которое не жалѣлось никакихъ средствъ, Карновичъ закончилъ свое образованіе въ Петербургскомъ Педагогическомъ институтѣ, откуда былъ выпущенъ въ 1844 году. Между тѣмъ, обстоятельства Евгенія Петровича внезапно измѣнились: отецъ его умеръ въ 1841 году, оставивъ дѣла свои до такой степени разстроенными, что Карновичу приходилось заботиться о средствахъ къ жизни, и онъ былъ вынужденъ принять предложенную ему должность учителя греческаго языка въ калужской гимназіи. Переведенный затѣмъ въ Виленскій учебный

округъ, Карновичъ былъ назначенъ правителемъ канцеляріи попечителя округа и, занимая эту должность нѣсколько лѣтъ, пользовался общимъ уваженіемъ и любовью за неуклонно-честное исполненіе своихъ обязанностей, доступность и готовность оказать услугу и помощь каждому, въ немъ нуждавшемуся.

Въ 1859 году, Карновичъ женился на Адели Іосифовнѣ Ямонтъ-Сидоровичъ, вышелъ по семейнымъ обстоятельствамъ въ отставку и переселился изъ Вильны въ Петербургъ, гдѣ всецѣло посвятилъ себя литературѣ, составлявшей для него до самой смерти единственный источникъ къ существованію. Еще находясь на службѣ, Карновичъ напечаталъ свой переводъ съ греческаго «Облаковъ» Аристофана и нѣсколько статей, преимущественно по бытовой исторіи Польши; но, съ 1860 года, въ разныхъ журналахъ и газетахъ начали появляться, одно за другимъ, его произведенія публицистическія, юридическія, критическія, историческія и беллетристическія, скоро сдѣлавшія имя ихъ автора извѣстнымъ читающей публикѣ, а его самого—желаннымъ сотрудникомъ лучшихъ тогдашнихъ періодическихъ изданій. Энциклопедически образованный, свободно владѣя языками: латинскимъ, греческимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, польскимъ, итальянскимъ и испанскимъ, и притомъ обладая способностью необыкновенно быстро работать, Карновичъ легко справлялся со всякой темой, его интересовавшей. Втеченіе почти тридцатилѣтней литературной дѣятельности имъ написано такое множество статей самаго разнообразнаго содержанія, что подробное перечисленіе ихъ заняло бы нѣсколько страницъ. Мы поневолѣ должны ограничиться здѣсь лишь указаніемъ на тѣ его сочиненія, которыя были изданы отдѣльно, а именно: «О разработкѣ статистики народнаго просвѣщенія въ Россіи», Спб., 1857; «Петербургъ въ статистическомъ отношеніи», Спб., 1861; «Еврейскій вопросъ въ Россіи», Спб., 1864; «О развитіи женскаго труда въ Петербургѣ» (Публичныя чтенія въ пользу литературнаго фонда), Спб., 1865; «Пособіе для занятій по судебно-гражданской части. Сводъ законовъ гражданскихъ и сборникъ подлинныхъ узаконеній, на которыхъ основаны статьи свода законовъ; книги 1 и 2», Спб., 1872; «Очерки нашихъ

порядковъ административныхъ, судебныхъ и общественныхъ», Спб., 1873; «Очерки и разсказы изъ стариннаго быта Польши», Спб., 1873; «Собраніе узаконеній Русскаго государства. Томъ I. Царствованіе царя Алексѣя Михайловича, съ 1649 по 1676 годъ», Спб., 1874; «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи», Спб., 1874 и 1885 (два изданія); «Любовь и корона. Историческій романъ», Спб., 1878 и 1880 (два изданія); «Мальтійскіе рыцари въ Россіи. Историческій романъ», Спб., 1879; «Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій», Спб., 1884; «Историческіе разсказы и бытовые очерки», Спб., 1884; «Придворное кружево. Историческій романъ», Спб., 1885; «Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе русскихъ съ иноземцами», Спб., 1886 (еще не окончено печатаніемъ).

Въ 1861 и 1862 годахъ, Карновичъ издавалъ еженедѣльный журналъ, подъ названіемъ «Мировой Посредникъ», а съ 1865 по 1875 годъ былъ постояннымъ сотрудникомъ газеты «Голосъ», гдѣ писалъ преимущественно передовыя статьи по внутреннимъ вопросамъ. Въ 1875 и 1876 годахъ, онъ редактировалъ «Биржевыя Вѣдомости», издававшіяся г. Полетикой, и, наконецъ, въ 1881 и 1882 годахъ, предпринятый книгопродавцемъ Ретгеромъ журналъ «Отголоски», не имѣвшій, однако, успѣха. Въ послѣднее время, Карновичъ отдался почти исключительно исторической литературѣ и печаталъ свои историческія статьи, повѣсти и романы въ «Историческомъ Вѣстникѣ», «Недѣлѣ», «Русской Мысли», «Народной Школѣ» и «Нови». Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ членомъ Виленской Археологической коммиссіи (съ 1856 г.), Петербургскаго Статистическаго комитета (съ 1861 г.), Общества для распространенія просвѣщенія между евреями (съ 1863 г.), Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (съ 1864 г.), Императорскаго Географическаго Общества (съ 1864 г.), Общества для пособія бѣднымъ женщинамъ (съ 1870 г.), и долгое время несъ безвозмездно благотворительную должность директора Тюремнаго Комитета, за службу въ которомъ былъ произведенъ, въ 1885 году, въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Изъ сдѣланнаго нами бѣглаго обзора литературной дѣятельности Карновича можно видѣть, до какой степени она была разнообразна и на сколько были обширны его знанія. Во всѣхъ его трудахъ виденъ ясный умъ, громадная начитанность и твердо опредѣленный, безпристрастный взглядъ, вытекавшій изъ добросовѣстнаго, тщательнаго изученія источниковъ. Одинъ литераторъ весьма вѣрно охарактеризовалъ работы Карновича, сказавъ у его гроба, что онъ всю жизнь расходовалъ не проценты съ своего умственнаго капитала, а самый капиталъ. Неутомимый труженикъ, Карновичъ проводилъ цѣлые дни за своей конторкой и умеръ, можно сказать, съ перомъ въ рукѣ, потому что еще за часъ до поразившаго его мозговаго удара писалъ срочную статью. Отдыхъ его заключался въ чтеніи; онъ внимательно слѣдилъ за русской и иностранной литературой и изъ каждой прочитанной имъ книги дѣлалъ обширныя выписки, которыя замѣняли ему библіотеку и служили для справокъ. При такихъ усидчивыхъ занятіяхъ, требовавшихъ постояннаго напряженія умственныхъ силъ, здоровье Карновича, не смотря на его крѣпкое сложеніе, неизбѣжно должно было пошатнуться. Въ послѣднее время онъ началъ видимо слабѣть, и весной съ нимъ сдѣлался легкій, нервный ударъ. Просьбы жены и друзей обратиться къ медицинской помощи остались напрасными. Евгеній Петровичъ постоянно и упорно отрицалъ значеніе медицины, не вѣрилъ въ нее и никогда ни за что не хотѣлъ лечиться. Однако, сознавая потребность въ отдыхѣ, онъ рѣшился поѣхать за границу и прожилъ лѣто въ Швейцаріи и Франціи. Въ началѣ октября, онъ вернулся съ нѣсколько освѣженными силами, но безъ копѣйки денегъ, такъ что приходилось снова и усиленно взяться за спѣшную работу, которая и надломила его окончательно. Утромъ 25-го октября, онъ писалъ до 12-ти часовъ, потомъ завтракалъ и, по обыкновенію, вмѣсто отдыха сѣлъ въ кресло читать; черезъ полчаса, жена, случайно войдя къ нему въ кабинетъ, увидѣла его лежащимъ на полу; онъ едва могъ проговорить, что чувствуетъ сильную боль въ головѣ и впалъ въ безсознательное состояніе. Всѣ мѣры, принятыя немедленно приглашенными врачами, не повели ни къ чему, и въ семь часовъ вечера онъ испустилъ послѣдній вздохъ. Послѣ него нашлось всего шесть рублей, и похороны совершились

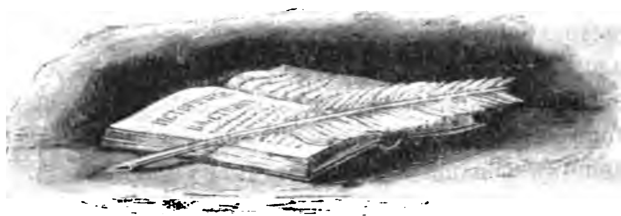
при пособіи литературнаго фонда, а вдова его поставлена въ необходимость обращаться къ чужой помощи. Тяжелое чувство сжимаетъ сердце отъ такого итога неустанной дѣятельности одного изъ достойнѣйшихъ нашихъ писателей, тридцать лѣтъ честно и плодотворно служившаго русской наукѣ и русскому обществу!

Въ частной жизни, Карновичъ былъ человѣкомъ въ высшей степени симпатичнымъ. Всегда ровный, привѣтливый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, искренній и прямодушный, онъ невольно привлекалъ къ себѣ всѣхъ, кто имѣлъ случай его узнать. У него не было ни литературныхъ, ни другихъ враговъ; ко всѣмъ человѣческимъ слабостямъ онъ относился съ необычайной снисходительностью и старался отыскивать оправданіе поступкамъ даже такихъ людей, которые сознательно причиняли ему непріятности. Его рѣдкая доброта, теплое участіе ко всему, что трогало его прекрасное, благородное сердце, доставляли ему часто много заботъ и хлопотъ; но онъ ими нисколько не тяготился. Оказать кому нибудь услугу, сдѣлать добро—было для него величайшимъ удовольствіемъ. Умилительная сцена произошла на его похоронахъ: въ церкви, вниманіе присутствовавшихъ обращали на себя двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, сирота, пристроенная имъ въ пріютъ, горько рыдавшая все время отпѣванія, и престарѣлый еврей, вспомнившій сдѣланное ему Карновичемъ благодѣяніе и пришедшій проститься съ нимъ; когда гробъ опустили въ могилу, старый еврей протѣснился къ ней и со слезами на глазахъ прочиталъ еврейскую молитву [1]).

---

[1]) Здѣсь будетъ кстати упомянуть еще объ одномъ фактѣ благороднаго отношенія къ памяти Карновича, доказывающемъ, какимъ уваженіемъ и расположеніемъ онъ пользовался. Покойный жилъ нѣсколько лѣтъ на одной квартирѣ, на углу Бассейной и Знаменской улицъ, въ домѣ Дм. Ал. Дурдина. Всегда аккуратный въ своихъ денежныхъ дѣлахъ, боявшійся и не знавшій долговъ, Е. П., собираясь за границу и стараясь скопить побольше денегъ, отложилъ, съ согласія домохозяина, плату за квартиру до своего возвращенія, разсчитывая внести её разомъ изъ перваго заработка. Смерть отняла у него эту возможность, и такимъ образомъ явился первый въ его жизни долгъ, около 500 руб., который приходилось покрывать продажей движимаго имущества; но г. Дурдинъ, въ самой деликатной формѣ, поспѣшилъ отказаться отъ своихъ правъ на эти деньги, и, кромѣ того, предложилъ вдовѣ Е. П. оставаться на квартирѣ до окончательнаго выясненія ея обстоятельствъ.

Карновичъ былъ «человѣкъ» въ лучшемъ значеніи этого слова, и кончина его составляетъ дѣйствительно достойную глубокаго сожалѣнія утрату. Для «Историческаго Вѣстника» она не замѣнима; постоянные читатели нашего журнала имѣли возможность оцѣнить достоинство историческихъ работъ Карновича по многочисленнымъ статьямъ и рецензіямъ его (иногда съ подписью К. Н. В.), напечатаннымъ втеченіе шестилѣтняго существованія нашего изданія, и потому имъ будетъ понятна скорбь, причиняемая намъ потерей такого сотрудника, котораго притомъ же нельзя было не любить искренно за его прекрасныя душевныя качества.



ПОѢЗДКА ВЪ ПЕРЕЯСЛАВЪ[1].

РОВОДЯ лѣто 1884 года въ Полтавской губерніи, я счелъ нелишнимъ посѣтить городъ Переяславъ (въ старину Переяславль), который передъ многими старыми русскими городами можетъ похвалиться и болѣе глубокою древностію, и важнымъ своимъ значеніемъ въ прошломъ. Переяславъ принадлежитъ къ немногочисленной плеядѣ городовъ, которыхъ начало скрывается въ сумракѣ сѣдой древности, предшествовавшей той эпохѣ, съ какой обыкновенно начинается лѣтописное повѣствованіе о судьбахъ нашей Руси.

О городѣ Переяславѣ въ одной и той же нашей первоначальной лѣтописи встрѣчаются противорѣчивыя извѣстія, взаимно сами себя уничтожающія, если ихъ оставлять безъ объясненій и предположеній. По одному извѣстію, основаніе Переяслава отнесено къ эпохѣ равноапостольнаго князя Владиміра и самое названіе города толкуется разсказомъ о единоборствѣ русскаго богатыря Яна Усмошвеца съ богатыремъ печенѣжаниномъ. Русскій богатырь, одолѣвши инородца, «переялъ у него славу», и оттого заложенный на мѣстѣ ихъ единоборства городъ названъ Переяславлемъ. Но въ той же лѣтописи въ разсказѣ о болѣе раннемъ событіи, о походѣ Олега на грековъ, говорится, что Олегъ, побѣдивши грековъ, взялъ отъ

---

[1]) Статья эта была передана въ редакцію «Историческаго Вѣстника» Н. И. Костомаровымъ еще при его жизни, въ началѣ нынѣшняго года. Но, такъ какъ покойному и незабвенному историку хотѣлось, чтобы къ статьѣ были приложены виды двухъ переяславскихъ церквей и каплицы, то снятіе этихъ видовъ съ натуры и затѣмъ изготовленіе гравюръ замедлило печатаніе рукописи.

Ред.

нихъ «уклады» на свои русскіе города, и въ числѣ существовавшихъ тогда русскихъ городовъ именуется Переяславль. Мы думаемъ найдти возможность согласить такое противорѣчіе, допустивши, что въ то время, когда составлялась первоначальная наша лѣтопись, эпоха равноапостольнаго князя Владиміра, происходившая назадъ тому столѣтіе, жила въ народныхъ воспоминаніяхъ уже разукрашенною миѳическими образами и въ такихъ образахъ дошла до составителя первоначальной лѣтописи. Единоборство русскаго богатыря съ печенѣжаниномъ есть ни болѣе ни менѣе какъ локализація существовавшаго у многихъ извѣстныхъ намъ племенъ языческаго миѳа о борьбѣ свѣтлой и доброй стороны съ темною и злою,—миѳа, у русскихъ пригнаннаго къ эпохѣ Владиміра князя Краснаго Солнышка, такъ какъ эта эпоха осталась дорогою въ народной памяти. Этотъ Янъ Усмошвецъ въ народныхъ южнорусскихъ легендахъ является въ образѣ Кирилла Кожемяки, который вступаетъ въ единоборство съ чудовищемъ зміемъ и побѣждаетъ его въ виду всего Кіева. Мы никакъ не думаемъ, чтобъ Кириллъ Кожемяка выражалъ собою память о лѣтописномъ Янѣ Усмошвецѣ, но полагаемъ, что оба эти образа выражаютъ собою одинъ и тотъ же миѳъ, который въ наше время локализируется въ народной легендѣ о Кожемякѣ, а въ XI вѣкѣ локализовался въ образѣ богатыря временъ Владиміра и въ такомъ видѣ вошелъ въ лѣтописный разсказъ. Допуская возможность такой локализаціи миѳа, ничто не препятствуетъ признавать за Переяславлемъ такую отдаленную древность, въ которой эпоха основанія этого города совершенно теряется.

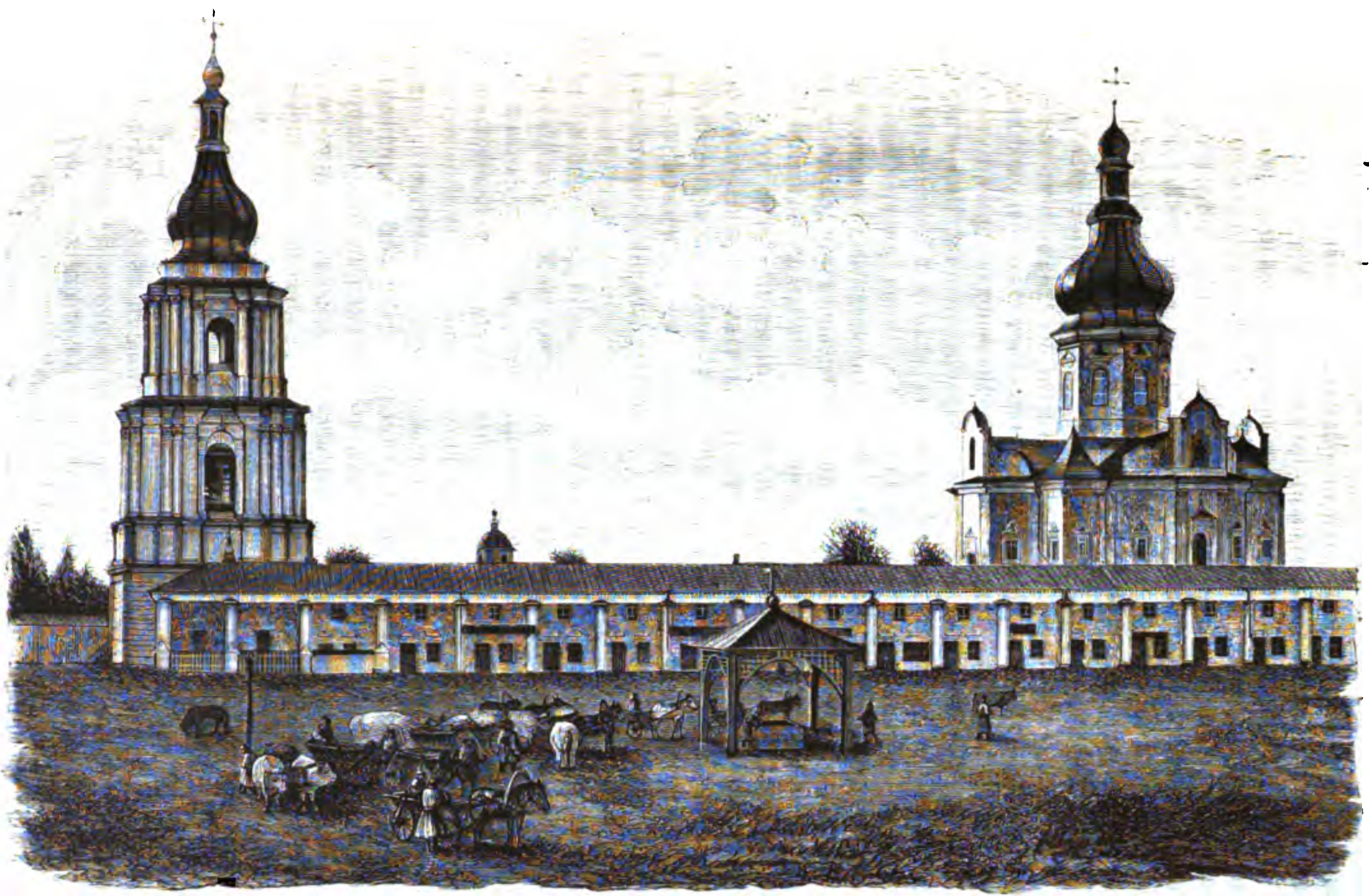
Переяславъ всегда входилъ въ область Русской земли; принимаемъ здѣсь слово «Русская земля» въ его узкомъ старинномъ смыслѣ территоріи, тянувшей, какъ къ своему средоточію, къ Кіеву; поэтому Переяславъ впродолженіе многихъ вѣковъ носилъ названіе Переяславля Русскаго, и тѣмъ отличали его отъ другихъ Переяславлей—Залѣсскаго и Рязанскаго. Извѣстно, что названіе Русской земли, прежде чѣмъ доросло до настоящаго смысла, употреблялось долго въ смыслѣ узкомъ, о которомъ мы только что сказали. Границы этой Русской земли на правой сторонѣ Днѣпра окаймлялись съ юга извилистыми берегами рѣки Роси, а на сѣверъ шли по Днѣпру до Рогачева и далѣе сливались съ территоріею кривичей, тянувшею къ двумъ средоточіямъ: къ Смоленску на Днѣпрѣ и къ Полоцку на Двинѣ; на западѣ же границы Русской земли сливались съ территоріями волынскою и галицкою, которыя сами скоро и во всякомъ случаѣ ранѣе другихъ земель стали называться русскими; на востокѣ же отъ Кіева эти границы переходили за Днѣпръ и, быть можетъ, шли по земляному валу, котораго остатки существуютъ восточнѣе Переяслава; но вообще лѣвая сторона Днѣпра, распускаясь безпредѣльною степью, служила дол-

гое время ареною борьбы русскихъ славянъ съ кочевыми инородцами, смѣнявшими одинъ другаго подъ разными названіями: угровъ, печенѣговъ, торковъ, берендѣевъ, половцевъ, а позже татарско-монгольскихъ ордъ. По мѣрѣ того, какъ русскіе, подвигаясь далѣе къ востоку на лѣвой сторонѣ Днѣпра, удерживали за собою почву, они созидали городки, и подъ защитою этихъ городковъ возникало осѣдлое поколѣніе. Переяславъ былъ одно изъ самыхъ древнѣйшихъ поселеній. Въ XI и XII вѣкахъ существовали уже многіе городки съ тѣми названіями, какія до сихъ поръ остались за нѣкоторыми уѣздными городами, мѣстечками и селами нынѣшней Полтавской губерніи, какъ-то: Роменъ, Лубны, Снятинъ, Горошинъ на Сулѣ, Прилуки и Переволочня на Удаѣ, Вороница на рѣкѣ Крапивнѣ, Литва (нынѣшняя Полтава?) на рѣкѣ Ворсклѣ, и нѣсколько такихъ, которыхъ мѣстоположеніе и отношеніе къ нынѣ существующимъ жилымъ мѣстностямъ еще не опредѣлены въ точности наукою: таковы, напримѣръ, Баручъ, Нѣжитинъ, Малотинъ, Русотинъ, Серебреный, Деменецъ, Карань и другіе. Движеніе русско-славянской колонизаціи по равнинамъ на востокъ отъ Днѣпра продолжалось прогрессивно до монгольскаго погрома, потомъ прервалось; но въ XVI вѣкѣ опять стало возобновляться: еще въ XVI вѣкѣ, лѣвая сторона Днѣпра представляла негустое населеніе, и чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ оно было рѣже. Важнѣйшею эпохою заселенія этихъ пространствъ была такъ называемая руина, когда жители правобережной южной Руси, убѣгая отъ потрясеній, произведенныхъ въ ихъ краѣ долговременными междоусобіями и потомъ страшнымъ турецкимъ нашествіемъ, сыпнули многими тысячами за Днѣпръ искать новаго отечества и дали населеніе Слободской украинѣ, съ незапамятнаго времени бывшей ареною кочевыхъ племенъ.

Въ домонгольскій періодъ нашей исторіи Переяславъ былъ значительнымъ городомъ. Хотя онъ не переставалъ считаться въ Русской землѣ, но у него постоянно былъ свой особый князь и территорія, тянувшая къ нему. Во времена удѣльныхъ споровъ князей за великокняжескій кіевскій столъ, Переяславъ не разъ становился предварительною ступенью для князя, домогавшагося овладѣть Кіевомъ, потому что удобнѣе было овладѣть послѣднимъ, захвативши Переяславъ. Великій князь Ярославъ, сынъ равноапостольнаго Владиміра, раздѣлилъ русскія владѣнія между сыновьями, и Переяславъ назначилъ любимѣйшему сыну Всеволоду. Когда этотъ Всеволодъ сталъ великимъ княземъ, въ Переяславѣ началъ княжить сынъ его Владиміръ, знаменитый Мономахъ. Впослѣдствіи, ставши, въ свою очередь, великимъ княземъ, онъ отдавалъ Переяславъ сыновьямъ своимъ — Мстиславу, потомъ, когда Мстиславъ сталъ княземъ новгородскимъ, Ярополку. Послѣ смерти получившаго великокняжескій столъ Мстислава († 1132), братъ его Ярополкъ, пе-

реяславскій князь, сталъ великимъ княземъ, а Переяславъ отдавалъ своимъ племянникамъ Мстиславичамъ—Всеволоду, а потомъ Изяславу. Но тутъ въ южной Руси поднялась буря—борьба Кіева съ Черниговомъ и съ Суздалемъ. Изяславъ Мстиславичъ, княжившій въ Переяславѣ, приглашенъ былъ кіевлянами на кіевскій столъ. Онъ низвергнулъ усѣвшагося въ Кіевѣ сѣверскаго князя Игоря Ольговича. Послѣдняго заточили въ Переяславѣ, въ Ивановскомъ монастырѣ, въ тюрьмѣ, но потомъ дозволили ему постричься и перейдти въ Кіево-Печерскій монастырь, откуда вскорѣ онъ былъ вытащенъ мятежною толпою народа и убитъ. Распря Изяслава Мстиславича, начатая съ черниговскими и сѣверскими князьями, перешла въ распрю съ дядею своимъ Юріемъ Долгорукимъ. Переяславъ, какъ и Кіевъ, нѣсколько разъ переходилъ изъ-подъ власти одного изъ споривших между собою князей подъ власть другаго.

Борьба въ южной Руси противъ Суждаля, возникшая между князьями Изяславомъ Мстиславичемъ и Юріемъ Долгорукимъ, не переставала и тогда, когда оба соперничествовавшіе князя сошли въ могилу. Сынъ Юрія, суждальскій князь Андрей Боголюбскій, уже не гонялся, какъ его родитель, за великокняжескимъ столомъ въ Кіевѣ, а, оставаясь въ своемъ Суждалѣ, умѣлъ пріобрѣсти господство надъ многими князьями, которые стали какъ бы его подручниками; по его иниціативѣ, предпринятъ былъ роковой походъ въ 1168 году на Кіевъ, гдѣ княжилъ сынъ Изяслава Мстиславича Мстиславъ. Тогда Кіевъ подвергся раззоренію; Мстиславъ Изяславичъ былъ прогнанъ, и на кіевскій столъ посаженъ былъ братъ суждальскаго князя Андрея, Глѣбъ Юрьевичъ. Этотъ князь, установившись въ Кіевѣ, въ Переяславъ послалъ княжить своего двѣнадцатилѣтняго сына Владиміра. По кончинѣ Глѣба († 1172) Кіевъ подвергался наѣздамъ разныхъ князей, которые только на короткое время успѣвали тамъ утверждаться. Въ Переяславѣ же до 1189 года княжилъ Владиміръ Глѣбовичъ. Это былъ одинъ изъ энергическихъ князей удѣльно-вѣчеваго періода. Половцы безпрерывно опустошали территорію Переяславскаго княжества, не щадили русскихъ жителей и свои русскіе князья въ междоусобіяхъ. Сохранилось въ южныхъ лѣтописяхъ любопытное раскаяніе сѣверскаго князя Игоря, который попался въ плѣнъ къ половцамъ: онъ признаетъ постигшій его плѣнъ карою божескою за свою жестокость надъ переяславцами, державшими сторону кіевскаго князя Глѣба, съ которымъ тогда Игорь былъ во враждѣ. Игорь сознается, какъ онъ творилъ кровопролитіе въ землѣ христіанской, какъ, взявши приступомъ (на щитъ) Переяславскій городокъ, признававшій Глѣба, онъ отдавалъ безвинныхъ людей на плѣнъ и на скорбь, онъ теперь вспоминаетъ, какъ тогда разлучали дѣтей съ родителями, женъ съ мужьями, мужчинъ пополамъ разсѣкали, женщинъ



Церковь Вознесенія въ Переяславѣ, построенная въ 1700 году гетманомъ Мазепою.

оскверняли. Переяславскій князь, Владиміръ Глѣбовичъ, геройски защищалъ свой Переяславъ отъ половцевъ, нѣсколько разъ предпринималъ походы противъ нихъ въ степи и даже умеръ, заболѣвши въ походѣ. Послѣ него, Переяславъ на время подпадаетъ подъ господство суждальскаго князя Всеволода Юрьевича. Онъ поставляетъ тамъ своихъ братьевъ и сыновей въ качествѣ хотя особыхъ князей, но своихъ подручниковъ; однако, у него не хватало силы, чтобъ утвердить надолго свою власть. Такъ, онъ поставилъ въ Переяславѣ княземъ своего сына Ярослава, но князь черниговскій, Всеволодъ Черный, овладѣвшій Кіевомъ, выгналъ изъ Переяслава, въ 1206 году, Ярослава Всеволодовича и посадилъ тамъ своего сына, но въ тотъ же годъ князь Рюрикъ Ростиславичъ овладѣлъ Кіевомъ, выгналъ изъ Переяслава сына Всеволода Чермнаго и посадилъ тамъ своего сына; тотъ также не усидѣлъ тамъ. Переяславъ переходилъ подъ власть князей, которые дѣлали на него наѣзды съ своими дружинами и водворялись тамъ, пока другіе ихъ не сгоняли. Въ 1213 году, Переяславъ подпалъ опять подъ господство Суждаля; князь суждальскій, Юрій Всеволодовичъ, послалъ туда княжить брата своего Владиміра, бывшаго передъ тѣмъ на княженіи въ Москвѣ, а въ 1227 году, мы встрѣчаемъ извѣстіе, что тотъ же суждальскій князь послалъ въ Переяславъ княжить племянника своего, Всеволода Константиновича, который, кажется, былъ тамъ недолго, потому что черезъ нѣсколько лѣтъ встрѣчается на сѣверѣ съ своими родственниками, а въ Переяславѣ — братъ его Святославъ.

Если въ Переяславѣ былъ постоянно свой особый князь, то были тамъ и свои особые епископы. Первые два въ XI вѣкѣ, Петръ и Николай, извѣстны только по именамъ, третій, Ефремъ, оставилъ по себѣ громкую и добрую память. Онъ построилъ въ Переяславѣ церковь во имя Михаила Архангела, очень просторную и богатую, и основалъ монастырь. При ней онъ построилъ, кромѣ того, церковь св. Ѳеодора, на Воротахъ, и церковь св. Андрея; окружилъ ихъ всѣ каменною стѣною и устроилъ крестильницы (банное строеніе), чего не было еще на Руси. Ефремъ причисленъ къ лику святыхъ, и мощи его почиваютъ въ кіевскихъ пещерахъ. Изъ преемниковъ его извѣстны: Лазарь (поставленный въ 1105 году, умершій въ 1118), Сильвестръ († 1129), Никита († 1126), Маркелъ († 1134), Евфимій († 1146), Павелъ, присланный на епископство княземъ суждальскимъ, и Симеонъ († 1239).

Городъ Переяславъ былъ раззоренъ монголами въ 1239 году: всѣ обыватели его были истреблены, разрушена церковь Михаила, считавшаяся долго одною изъ красивѣйшихъ и богатѣйшихъ на Руси: побѣдители набрали тамъ много золота, серебра и драгоцѣннаго каменья. Епископъ Симеонъ былъ убитъ, и съ той поры до 1700 г. въ Переяславлѣ не было епископа. О князѣ тогдашнемъ свѣдѣній нѣтъ.

Разомъ съ Кіевомъ Переяславъ въ XIV вѣкѣ достается въ образовавшуюся тогда великокняжескую Литовскую державу, а въ XVI вѣкѣ, вслѣдствіе соединенія великаго княжества Литовскаго съ польскою короною, дѣлается польскимъ владѣніемъ. Но тогда сформировалось казачество, съ самаго своего появленія показавшее, что его историческая задача будетъ исторгнуть южнорусскія земли и русскихъ обывателей отъ польской власти. Переяславъ уже въ XVI вѣкѣ становится казацкимъ полковымъ городомъ. Съ этой поры наступаетъ для него новая исторія — періодъ казацкій; онъ ближе къ нашему времени, чѣмъ былъ удѣльно-вѣчевой, но, въ свою очередь, въ жизни давно уже смѣнился другимъ, и живость воспоминаній о немъ годъ отъ году все болѣе теряется въ народѣ.

Въ настоящее время напрасно было бы искать здѣсь вещественныхъ памятниковъ удѣльно-вѣчевой старины. Такова, впрочемъ, судьба всѣхъ нашихъ древнихъ городовъ. Всѣ зданія, за исключеніемъ церквей, да и то не всѣхъ и не повсюду, строились деревянныя, а потому исчезали съ лица земли при каждомъ непріятельскомъ вторженіи, а такихъ вторженій было безчисленное множество. Теперь для посѣщающаго Переяславъ ничто не напомнитъ, что на этой мѣстности черезъ рядъ столѣтій проживали людскія поколѣнія, смѣняя одно другое. Съ виду Переяславъ такъ себѣ уѣздный городишко и притомъ изъ плохихъ, въ сравненіи не только съ русскими городами вообще, но даже — съ уѣздными городками Полтавской губерніи. Не говоря уже о губернскомъ городѣ Полтавѣ, городки: Ромны, Кременчугъ, Лубны, Прилуки,— отстроены лучше Переяслава и отличаются бо́льшими удобствами для жизни. Въ Переяславѣ нѣтъ ни мостовой, ни приличнаго освѣщенія улицъ, ни извозчиковъ, ни даже бубликовъ, которые можно найдти вездѣ въ уѣздныхъ городкахъ и даже въ Миргородѣ, какъ свидѣтельствуетъ Гоголь. При такой мизерности современной жизни Переяслава, казалось бы, этотъ городокъ могъ представить интересъ археологическій. Но здѣсь никто не занимается этимъ, и даже немногимъ извѣстно, что Переяславъ существуетъ уже болѣе тысячи лѣтъ: здѣсь нѣтъ ни гимназій, ни другихъ какихъ либо учебныхъ заведеній средняго разряда, которыя замѣтно дѣйствуютъ на расширеніе умственнаго кругозора обывателей того города, гдѣ находятся. Городокъ Переяславъ не представляетъ для путешественника ничего привлекательнаго и по природѣ своей мѣстности. Трудно найдти мѣстоположеніе болѣе прозаическое. Городъ стоитъ на ровномъ и болотистомъ пространствѣ; рѣченки, Трубежъ и Альта, при которыхъ расположеннымъ значится Переяславъ во всѣхъ географіяхъ, заросли камышемъ и осокою, особенно Альта. Отъ Днѣпра отстоитъ Переяславъ слишкомъ на семь верстъ. Вѣроятно, въ отдаленныя времена, онъ находился ближе къ Днѣпру: на это указываетъ песчаная отмель между городомъ и днѣпровскими бере-

гами: должно думать, втеченіе долгаго времени Днѣпръ мало-помалу измѣнилъ направленіе своего теченія. И въ хозяйственномъ отношеніи здѣсь мало замѣчательнаго: здѣсь нѣтъ садовъ, которыми такъ богата вся Полтавская губернія, да и для хлѣбнаго производства окрестности Переяслава мало удобны. Климатъ сырой и нездоровый. Пути сообщенія города съ остальнымъ міромъ не представляютъ удобствъ. Когда мы приближались къ Переяславу по Пирятинской дорогѣ, то на послѣднихъ двухъ станціяхъ пришлось къ четверкѣ лошадей припрягать еще двѣ, потому что дорога идетъ по зыбучимъ пескамъ.

Удѣльно-вѣчевая древность Переяслава, какъ сказано выше, совершенно испарилась. Но воспоминаніе о старинѣ казацкаго періода возбуждается остаткомъ церкви, въ которой въ 1654 году гетманъ Богданъ Хмельницкій съ старшинами войска Запорожскаго произносилъ присягу на вѣрность московскому государю.

Этого важнаго въ русской исторіи событія нѣмымъ свидѣтелемъ въ Переяславѣ остается храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы. хотя уже не въ томъ видѣ, какъ былъ онъ при Богданѣ Хмельницкомъ. Объ этой церкви мы уже писали замѣтку и напечатали ее въ «Русской Старинѣ». Тогда мы самой церкви не видали, а писали по наслышкѣ отъ другихъ лицъ. Намъ было извѣстно, что церковь эта въ 1874 году признана за ветхостію неудобною къ отправленію богослуженія и вмѣсто нея предположено строить каменную. Но противъ такой постройки подала голосъ Академія Художествъ, руководствуясь докладомъ Турвона Венедиктовича Кибальчича, который, посѣтивши Переяславъ и осмотрѣвши это зданіе, находилъ, что надлежало бы не созидать новое каменное, которое ничего, кромѣ мѣста, не будетъ имѣть общаго съ прежнимъ, а по возможности поддержать прежнее. Имѣвши эти свѣдѣнія, я по пріѣздѣ въ Переяславъ, обратился къ завѣдывающему этою церковью, о. протоіерею Терлецкому, и узналъ отъ него, что церковь, въ которой совершалась присяга Хмельницкаго съ казаками, сгорѣла до основанія въ 1761 году, а вмѣсто нея на томъ же мѣстѣ выстроена другая, которая начата была въ 1767, а окончена въ 1770 году. Но это вторичное зданіе, въ свою очередь, также сгорѣло въ 1824 году, послѣ чего построена третья деревянная церковь на томъ же мѣстѣ и нынѣ находится въ обветшаломъ положеніи. Въ подтвержденіе того, что прежняя церковь, гдѣ происходила присяга, сгорѣла до основанія, о. протоіерей показалъ мнѣ письменный документъ: это — указъ переяславскаго епископа Гервасія, отъ 30-го мая 1767 года, гдѣ сообщается, что въ 1761 году, священникъ переяславской Успенской церкви Берло и прихожане означенной церкви извѣстили преосвященнаго, что церковь Успенская сгорѣла до основанія, а потому преосвященный Гервасій разрѣшаетъ постройку новой деревянной церкви изъ хоромнаго строе-

нія. Г. Кибальчичъ увѣрялъ, что въ церкви не все старое истреблено, но сохранилась часть прежней стѣны въ двухъ мѣстахъ въ алтарѣ вышиною около трехъ аршинъ и представляетъ замѣтныя разновидности отъ прочей стѣны. По мнѣнію о. протоіерея Терлецкаго, разновидности въ стѣнѣ, замѣченныя г. Кибальчичемъ, произошли оттого, что, при возобновленіи стѣнъ храма употреблены въ стѣну остатки куполовъ, и при томъ это скорѣе могло быть

Деревянная каплица, устроенная на р. Альтѣ, близь Переяслава.

послѣ пожара 1824 года, а не послѣ пожара 1761, такъ какъ о послѣднемъ пожарѣ достовѣрно извѣстно, что церковь тогда сгорѣла вся до основанія. Церковь, гдѣ присягалъ Богданъ Хмельницкій съ казацкими старшинами, была построена въ 1586 году княземъ Константиномъ Острожскимъ. Въ ней было четырнадцать престоловъ. Послѣ ея разрушенія въ 1761 году, возобновленная въ 1767—1770 годахъ была въ меньшемъ размѣрѣ: въ ней было только три престола и семь куполовъ, а та, которая построена была послѣ пожара 1824 г., только о трехъ престолахъ и о трехъ куполахъ, слѣдовательно нынѣ существующая мало представляетъ сходства съ тою, въ которой происходило важное историческое событіе.

Въ этой церкви въ качествѣ вещественныхъ памятниковъ этого важнаго событія сохранялись двѣ вещи: евангеліе, на которомъ присягалъ Хмельницкій со старшинами и полковниками, и, кромѣ него, крестъ, который цѣловали казаки въ знаменіе своей будущей вѣрности государю. Крестъ это — воздвизальный, какой ставится обыкновенно за престоломъ въ храмѣ и предносится во время крестныхъ ходовъ. Теперь двѣ эти вещи находятся въ кладбищенской церкви, и тамъ ихъ мнѣ показывали; евангеліе — московской печати, обито зеленымъ бархатомъ съ серебряными бляхами; крестъ, повидимому, серебряный, позолоченый, а, можетъ быть, и мѣдный, сначала посеребреный, потомъ позолоченый.

Получивши необходимыя свѣдѣнія отъ отца протоіерея Терлецкаго, я отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Успенскую церковь. Она воздвигнута на искуственно-насыпанномъ холмѣ или курганѣ. Подъ ея четырьмя углами положено по громадному камню, на подобіе мельничныхъ жернововъ. Когда о. протоіерей отперъ западныя двери, мы очутились въ обширномъ и замѣчательно высокомъ зданіи. Оно ни внутри, ни снаружи не оштукатурено и даже не бѣлѣно, а бревна, составляющія его стѣны, закрыты сверху шелевками. По срединѣ внутри виситъ громадная люстра, или паникадило. Я измѣрилъ пространство церкви внутри. Оно составляетъ квадратъ въ тридцать шаговъ во всѣ стороны, включая и алтарь. Въ алтарѣ на правой и на лѣвой сторонѣ показали мнѣ разновидности въ стѣнѣ, побудившія г. Кибальчича полагать, что это остатки старой стѣны.

Разновидности эти выражаются тѣмъ, что въ двухъ мѣстахъ алтарныхъ стѣнъ на три аршина вверхъ отъ земли нѣтъ шелевокъ, которыми по всему зданію закрыты бревна, здѣсь же эти бревна выходятъ наружу. Мѣсто это было заставлено шкафами съ богослужебными принадлежностями; послѣ прекращенія здѣсь богослуженія, шкафы эти были отвезены въ кладбищенскую церковь, гдѣ я ихъ видѣлъ. Кругомъ холма, на которомъ возвышается Успенская церковь, все застроено; видны, между прочимъ, слѣды землянаго вала, окаймлявшаго прежній замокъ, или городъ, то, что въ нашихъ старыхъ городахъ напоминало древній греческій акрополисъ. Обозрѣвая окрестности Успенской церкви, я старался отгадать, гдѣ именно происходила та знаменитая рада, на которой казаки закричали: «волимъ подъ царя православнаго»! Такъ какъ послѣ этой рады всѣ старшины двинулись въ церковь, то, казалось бы, этой радѣ приличнѣе всего было происходить на западной сторонѣ отъ церкви, прямо противъ главнаго входа въ храмъ. Но тамъ мѣста очень мало; и это побуждаетъ предположить, что рада эта собиралась на южной сторонѣ отъ церкви; хотя и тамъ теперь застроено, но постройки, очевидно, позднѣй-

шаго времени, а свойство почвы заставляетъ полагать, что тамъ прежде было открытое мѣсто, или майданъ.

Изъ Успенской церкви отправились мы въ Михайловскую. Это та церковь, которая была построена епископомъ Ефремомъ въ XI вѣкѣ и приводила многихъ въ удивленіе своею красотою. Она много разъ перестраивалась, передѣлывалась, и отъ древней Ефремовой церкви едва ли осталось въ ней теперь что нибудь. Впрочемъ, она обширна, высока, свѣтла и нарядна. Послѣ возобновленія епископской каѳедры въ Переяславѣ она была каѳедральнымъ соборомъ.

Изъ этой церкви прошли мы въ Покровскую, которая съ 1874 года, послѣ упраздненія богослуженія въ Успенской церкви, стала городскою соборною. Она была построена въ концѣ XVII вѣка переяславскимъ полковникомъ Иваномъ Мировичемъ, во время шведской войны потерпѣвшимъ пораженіе въ Ляховичахъ, взятымъ въ плѣнъ и умершимъ въ плѣну, въ Швеціи. Въ этой церкви вниманіе посѣтителя останавливаетъ мѣстная храмовая икона Покрова Пресвятыя Богородицы. На древнихъ греческихъ иконахъ, изображающихъ Покровъ Богородицы, дѣлались изображенія византійскихъ императоровъ съ ихъ женами и семействами, молящихся передъ Богородицею. Зная этотъ обычай старыхъ греческихъ иконописцевъ, художникъ, написавшій мѣстную икону для переяславской Покровской церкви, изобразилъ на иконѣ царя Петра Перваго въ рыцарскомъ вооруженіи, а обокъ его жену, Екатерину; около нихъ придворные обоего пола, а изъ-за нихъ выглядываетъ казацкая физіономія съ подбритою головою и съ большими усами. И Петръ, и Екатерина изображены очень похожими на извѣстные намъ портреты этихъ царственныхъ особъ. Что касается до казацкой физіогноміи, то, безъ сомнѣнія, художникъ думалъ изобразить гетмана, какъ главу Малороссійскаго края и, по важности своего сана, удостоиваемаго чести молиться вмѣстѣ съ царями; кто же могъ быть этотъ гетманъ? Показывавшій мнѣ эту икону протоіерей думаетъ, что это Полуботокъ: онъ свою догадку основываетъ на сходствѣ съ портретомъ Полуботка, помѣщеннымъ въ «Исторіи Малой Россіи» Бантышъ-Каменскаго. Но тотъ же протоіерей сообщилъ, что нѣкоторые, разсматривавшіе эту икону, думали, что художникъ хотѣлъ изобразить гетмана Мазепу. Послѣднее предположеніе опровергается тѣмъ, что изображенная на иконѣ жена Петра Екатерина объявлена его женою только въ 1711 году, когда Мазепы уже не было. Едва ли можно допустить въ изображенномъ на иконѣ гетманѣ—Полуботка. Павелъ Полуботокъ гетманомъ не былъ, а былъ только черниговскимъ полковникомъ. Правда, онъ временно носилъ званіе наказнаго гетмана, но въ Малороссіи наказный гетманъ не былъ въ постоянномъ санѣ. Наказными гетманами дѣлались, по назначенію отъ настоящаго гетмана

войска Запорожскаго, полковники, когда имъ повѣряли какое нибудь порученіе и посылали съ отрядомъ казаковъ. При каждомъ гетманствѣ можно отыскать такихъ гетмановъ. Значеніе наказнаго атамана уничтожалось съ окончаніемъ возложеннаго на него порученія. Съ большею достовѣрностію нѣкоторые предполагали въ нарисованномъ на иконѣ гетманѣ—Скоропадскаго, но съ извѣстными намъ портретами Скоропадскаго изображеніе на иконѣ не показываетъ сходства.

Изъ Покровской церкви отправились мы въ церковь Вознесенскую. Недавно, предъ переводомъ архіерейской каѳедры изъ Переяслава въ Полтаву, здѣсь была каѳедральная архіерейская церковь. Прежде здѣсь былъ монастырь. Храмъ былъ построенъ гетманомъ Мазепою въ 1700 году. Внутренность храма въ длину 14, въ ширину 12 саженъ, толщина стѣнъ въ два аршина три четверти, въ вышину церковь въ 20 саженъ. Ея архитектура напоминаетъ кіевскую Софійскую церковь съ пристройками, которыя сдѣланы были приблизительно около этого же времени, въ особенности колокольня въ Вознесенскомъ монастырѣ кажется копіею съ кіево-софійской. Въ Вознесенской церкви три престола: средній Вознесенія Господня, на правой сторонѣ — Рождества Богородицы, а на лѣвой Мазепа устроилъ было придѣлъ въ честь своего ангела—Рождества Іоанна Предтечи, но послѣ Мазепы его измѣнили и нарекли во имя преподобно-мученика Макарія, котораго нетлѣнныя мощи тамъ же почиваютъ. Иконостасъ Вознесенской церкви былъ рѣзной, позолоченный и очень затѣйливый, но въ текущемъ столѣтіи онъ безъ нужды замѣненъ другимъ. Это произошло оттого, что одному изъ переяславскихъ архіереевъ прежній иконостасъ показался потускнѣвшимъ. Оно такъ и было въ самомъ дѣлѣ, только этотъ иконостасъ стоило почистить, какъ и было поступлено съ иконостасомъ въ Лубенскомъ Міарскомъ монастырѣ, который былъ поставленъ одновременно съ иконостасомъ переяславскимъ однимъ и тѣмъ же мастеромъ, иждивеніемъ одного и того же гетмана Мазепы.

Памятникомъ усердія этого гетмана къ храму и къ его благолѣпію осталось въ Вознесенскомъ монастырѣ евангеліе московской печати въ серебряной оправѣ, вѣсомъ въ двѣнадцать фунтовъ, пожертвованное въ 1701 году. Посрединѣ его передней стороны — финиетяное изображеніе Страстей Христовыхъ: оно окружено меньшими финиетяными выпуклостями, на которыхъ изображены разныя событія изъ св. писанія, а на продолговатыхъ защипкахъ — фигуры апостоловъ Петра и Павла. Это евангеліе длиною въ аршинъ и такъ массивно, что его съ трудомъ можетъ поднять одинъ человѣкъ. На задней сторонѣ оправы вычеканенъ гербъ Мазепы, а по окраинѣ вырѣзана надпись: «сіе евангеліе справлялось коштомъ и накладомъ его царскаго пресвѣтлаго величества Войска

Запорожскаго гетмана и славнаго чина св. апостола Андрея кавалера Іоанна Мазепы, року 1701, іюня въ 1 день. Дѣлалъ мастеръ Ѳрибугъ, серебра 12 фунтовъ, пробы 11-й».

Здѣсь принято пробное дѣленіе польское: фунтъ дѣлился на 16 частей. Высшая проба заключала 12 частей чистаго серебра,

Борисоглѣбская церковь (въ 3-хъ верстахъ отъ Переяслава), стоящая на мѣстѣ убіенія св. князя Бориса.

каждая часть въ 6 золотниковъ и равнялась по нашему счету 72-ой; 11-я проба была ниже и заключала въ себѣ 66 золотниковъ.

Съ этимъ даромъ гетмана Мазепы въ ризницѣ той же Вознесенской церкви хранится даръ матери Мазепы, инокини Магдалины, бывшей игуменіею въ Кіево-Печерскомъ женскомъ монастырѣ. Это—красная бархатная эпитрахиль съ шестью священ-

ными изображеніями, данная въ монастырь въ 1700 году, какъ гласитъ надпись, вышитая на ней серебромъ пополамъ съ золотомъ.

Въ той же ризницѣ Вознесенской церкви хранятся богослужебныя вещи болѣе стараго времени. Есть тамъ плащаница, шитая на холстѣ серебромъ пополамъ съ золотомъ. Вокругъ лика лежащаго Спатителя — изображенія девяти ангеловъ, Пресвятой Дѣвы Маріи, Іоанна Богослова, Іосифа Аримаѳейскаго, Никодима и двухъ женъ мѵроносицъ; всѣ эти изображенія вышиты серебромъ, а по угламъ плащаницы вышиты разноцвѣтными шелками четыре евангелиста. Длина этой плащаницы — два аршина съ половиною, а ширина два аршина. Вокругъ нея по окраинѣ вышита золотомъ слѣдующая надпись: «Изволеніемъ Отца и споспѣшеніемъ Сына и совершеніемъ Духа произволись добрымъ промысломъ благочестивый Іоаннъ Александръ воевода Божіею милостію, господарь земли Молдованской, и госпожа его Роксанда и отъ богоданными чада Богданъ и Петръ сътворися аеръ сей во имя Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа въ заздравzе дѣломъ и въ спасеніе душамъ и въ задушамъ родителей ихъ Г. П. В. А. М. И. Да будетъ вѣчная имъ память. Въ лѣто azsѳ (1569) мѣсяца марта ке дня»; эту плащаницу въ богослуженіи не употребляютъ никогда, хотя въ ней ветхости не замѣтно нимало.

Есть въ той же Вознесенской ризницѣ вещь, которой приписывается болѣе глубокая древность: это фелонь, перенесенная сюда изъ Михайловской церкви. Она сдѣлана изъ золотой матеріи, обложена по краямъ золотою каймою съ крестомъ, вышитымъ по картѣ серебромъ, золотомъ и канителью. По преданіямъ, въ этой фелони священнодѣйствовалъ епископъ св. Ефремъ, жившій въ XI вѣкѣ и, кромѣ основанныхъ имъ вышепоказанныхъ храмовъ, оставившій по себѣ тотъ приснопамятный слѣдъ въ русской церкви, что первый заимствовалъ отъ западной церкви праздникъ перенесенія мощей св. Николая Чудотворца изъ Мѵръ Ликійскихъ въ Баръ градъ, совершаемый 9-го мая.

Важнѣйшею святынею, привлекающею сюда богомольцевъ, должно признать мощи св. Макарія преподобно-мученика, почивающія въ кипарисной рамкѣ, обитой малиновымъ бархатомъ и оправленной серебромъ. Она поставлена на лѣвой сторонѣ храма у иконостаса.

Этого преподобно-мученика Макарія можно посправедливости назвать типическимъ святымъ эпохи Хмельнищины. Родомъ былъ онъ изъ города Овруча, фамильное прозвище его было — Токаревскій. Онъ былъ сынъ православныхъ родителей, неизвѣстно какого сословія. Съ дѣтства онъ удалялся отъ забавъ, показывалъ склонность къ уединенію и молитвѣ, а по достиженіи юношескаго возроста, съ соизволенія родителей, постригся въ иноческій чинъ, неизвѣстно въ какомъ монастырѣ. Въ житіи св. Макарія, составлен-

номъ полтавскимъ епископомъ Гедеономъ, этотъ монастырь названъ Овручскимъ, находящимся въ городѣ Владимірѣ Волынскомъ. Но въ городѣ Владимірѣ Волынскомъ нѣтъ и, сколько извѣстно, и прежде не было монастыря съ такимъ названіемъ, а носилъ именно это названіе монастырь въ городѣ Каневѣ, гдѣ впослѣдствіи, сообразно извѣстію того же житія, составленнаго преосвященнымъ Гедеономъ, Макарій былъ архимандритомъ. Неизвѣстно: либо Макарій постригся въ городѣ Владимірѣ, но не въ Овручскомъ монастырѣ, либо въ Овручскомъ монастырѣ—только въ городѣ Каневѣ, а не во Владимірѣ, либо, наконецъ, въ иномъ какомъ-то монастырѣ, неправильно названномъ Овручскимъ. Какъ бы то ни было, только настоятель монастыря, гдѣ находился Макарій, сообщилъ митрополиту кіевскому (по разсчету времени, должно быть, Іову Борецкому) о примѣрно-благочестивой жизни молодаго инока и о его любви къ чтенію сочиненій св. Іоанна Златоуста. Митрополитъ вытребовалъ его въ Кіевъ. Тамъ въ Кіево-Печерской лаврѣ Макарій принялъ посвященіе сначала въ санъ іеродіакона, потомъ іеромонаха и былъ, по желанію братіи, отправленъ настоятелемъ въ тотъ монастырь, гдѣ находился прежде. Сообразно извѣстіямъ житія онъ пробылъ тамъ въ этомъ санѣ шестнадцать лѣтъ и терпѣлъ, вмѣстѣ съ братіею, озлобленія отъ изувѣрныхъ папистовъ, преслѣдовавшихъ всякими способами православную вѣру. Они разогнали всю братію изъ монастыря, гдѣ настоятельствовалъ Макарій. Тогда Макарій убѣжалъ снова въ Кіевъ, въ Кіево-Печерскую лавру, но вскорѣ былъ отправленъ митрополитомъ (вѣроятно, Петромъ Могилою) въ каневскій Овручскій монастырь, въ санѣ архимандрита. Быть можетъ, изъ этого самаго монастыря, онъ пришелъ въ Кіевъ и туда же возвращался съ лучшими надеждами, такъ какъ со вступленіемъ Петра Могилы въ санъ митрополита кіевскаго были изданы въ Польшѣ нѣкоторыя законоположенія, ограждавшія свободу и безопасность православной религіи. Но въ земляхъ Рѣчи Посполитой мало значили законоположенія, при всеобщей необузданности шляхетства. Паписты не переставали безпокоить православныхъ. Но тутъ вспыхнула страшная для поляковъ Хмельницщина. Макарій не остался безъ участія въ общенародномъ дѣлѣ: онъ посылалъ Хмельницкому убѣжденія крѣпко стоять за святую вѣру и за гробы отцовъ своихъ.

Наступилъ Зборовскій миръ, если не совершенно возстановлявшій православіе во всемъ его древнемъ господствѣ на всемъ пространствѣ южно-русской земли, по крайней мѣрѣ, возбуждавшій блистательныя надежды на развитіе въ будущемъ основъ свободы совѣсти, намѣченныхъ этимъ миромъ. Къ сожалѣнію, очень скоро оказались призрачными эти надежды, и Макарій былъ одинъ изъ первыхъ, угадавшихъ ихъ призрачность. Осталось о немъ такое преданіе: вскорѣ послѣ Зборовскаго мира, надъ Овручскимъ мона-

стыремъ въ Каневѣ нависла густая туча; въ монастырѣ случилось тогда много народа изъ богомольцевъ, и архимандритъ, указывая монахамъ и богомольцамъ на небо, сказалъ: недоброе предзнаменованіе! Будетъ лютая скорбь на насъ! Предсказаніе его сбылось. Вспыхнула вторая война Хмельницкаго съ поляками. Въ монастырь пришла страшная вѣсть: казаки потерпѣли ужасное пораженіе подъ Берестечкомъ. Вслѣдъ за этой вѣстью пришла другая не менѣе страшная и горестная: Радзивиллъ съ литовскимъ войскомъ взялъ Кіевъ, и литовцы сожгли его. И было тогда всечестному старцу архимандриту Макарію откровеніе: онъ объявлялъ всѣмъ, что скоро монастырь совсѣмъ раззорится, самъ онъ архимандритъ претерпитъ мученическую кончину, и многіе разомъ съ нимъ испіютъ смертную чашу. Макарій наложилъ на братію строгій постъ, убѣждалъ всѣхъ и каждаго, какъ иноковъ, такъ и мірянъ, покаяніемъ и причащеніемъ св. Таинъ готовиться къ подвигу мученичества. Явились поляки, которые вслѣдъ за разбитыми козаками силами ворвались въ Украину. Они напали на Каневъ, раззорили городъ, умертвили многихъ обывателей; другіе избѣжали смерти, скрываясь въ монастырѣ въ кладовыхъ и погребахъ. Всѣ думали, что враги не уйдутъ, не раздѣлавшись съ монастыремъ. Но поляки удовольствовались раззореніемъ города, не стали добывать монастыря и ушли. Русскіе думали, что монастырь спасенъ, но архимандритъ сталъ пророчить, что бѣда не совсѣмъ миновала, что впереди монастырь ожидаетъ новое нашествіе враговъ и окончательное опустошеніе. Страшное пророчество исполнилось черезъ два года, въ 1653 году, и притомъ исполнилось не такъ, какъ многіе боялись. На каневскій Овручскій монастырь напали уже не паписты, не поляки, а татары, являвшіеся въ Украину союзниками казаковъ, но коварно измѣнявшіе имъ и раззорявшіе южно-русскій край не менѣе поляковъ. Братія разбѣжалась, куда кто успѣвалъ. Архимандритъ никуда не убѣгалъ, а оставался въ храмѣ съ крестами на груди и на рукахъ. Невѣрные выволокли его изъ храма и стали допрашивать, гдѣ у него спрятаны сокровища монастырскія.—«Мое злато на небеси, а не на землѣ!»—говорилъ архимандритъ. Его приковали къ двумъ столбамъ и стали вертѣть ему голени. Мучимый святой мужъ только призывалъ имя Іисуса Христа, а православные стояли вдали небольшою толпою, смотрѣли на истязанія и сами плакали. Татары надругались надъ Макаріемъ, били его по щекамъ, задавали ему удары кулаками въ грудь, угрожали даже сдирать съ него кожу, но, замѣтивши, что стоявшая вдали толпа русскихъ стала увеличиваться, съ своей стороны начали опасаться, чтобъ русскихъ не набралось болѣе, до возможности помѣряться съ татарами, а потому поспѣшили покончить съ своею жертвою: они отрубили Макарію голову и поспѣшно удалились. Тогда православные подошли, подняли трупъ замучен-

наго архимандрита и внесли въ церковь, чтобы тамъ отдать ему послѣдній долгъ. Вдругъ неожиданно появились татары, удалившіеся было отъ монастыря. Они не пытались проникнуть въ церковь, но, зная, что тамъ накопилось много христіанскаго народа, подложили снаружи къ стѣнамъ церкви огня и ушли.

Когда оставшіеся въ живыхъ обыватели Канева стали искать своихъ сродниковъ и близкихъ подъ развалинами сгорѣвшаго храма, узнали замученнаго архимандрита по крестамъ на груди и на рукахъ, съ которыми онъ въ церкви встрѣчалъ враговъ креста Іисусова. Это было единственное человѣческое тѣло оставшееся въ цѣлости, трупы другихъ найдены были обгорѣлыми и до такой степени обезображенными, что трудно было распознать въ нихъ прежній образъ. Архимандрита похоронили на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ жертвенникъ сожженнаго храма, а когда церковь Овручскаго монастыря возобновили, то перенесли на другое мѣсто, и прахъ архимандрита Макарія сталъ предметомъ чествованія. Но, такъ какъ городъ Каневъ въ бурную эпоху Руины подвергался частымъ нападеніямъ татаръ и разzореніямъ отъ свирѣпствовавшихъ въ Малороссіи междоусобій, то мощи преподобно-мученика Макарія были перевезены въ Переяславъ и тамъ были поставлены въ Воскресенской церкви. Переяславскій епископъ, преосвященный Захарія Корниловичъ, перенесъ ихъ въ Михайловскій монастырь и поставилъ въ большой церкви. Это происходило въ 1713 году. Въ 1734 году, большая Михайловская церковь подверглась пожару, мощи преподобно-мученика Макарія временно поставлены были въ трапезной церкви того же монастыря, а послѣ возобновленія большой Михайловской церкви перенесены были 13 мая 1750 года опять на прежнее мѣсто. Съ тѣхъ поръ годовщина перенесенія мощей преподобно-мученика Макарія изъ трапезной церкви въ большую Михайловскую составляла мѣстный праздникъ въ Переяславѣ.

Послѣ упраздненія Михайловскаго монастыря въ 1786 году, мощи преподобно-мученика Макарія перенесены въ монастырь Вознесенскій и поставлены въ большой церкви у лѣваго придѣла, гдѣ пребываютъ и донынѣ. Тамъ же хранится и книга, ему принадлежавшая: печатная, кіевской печати 1623 года, «Бесѣды св. Іоанна Златоуста на четырнадцать посланій св. апостола Павла». На оборотѣ седьмой страницы въ этой книгѣ читается собственноручная надпись преподобно-мученика Макарія: «Макарій Токаревскій, архимандритъ овручскій, игуменъ пинскій». Послѣднее титулованіе себя игуменомъ пинскимъ побуждаетъ догадываться: не проходилъ ли Макарій первое свое иноческое поприще въ Пинскѣ, а въ житіи его, писанномъ преосвященнымъ Гедеономъ, монастырь, гдѣ онъ былъ постриженъ и куда послѣ былъ посланъ настоятелемъ по ошибкѣ названъ Овручскимъ и помѣщенъ во Владимірѣ Волынскимъ.

Въ житіи преподобно-мученика Макарія есть нѣкоторые случаи, любопытные по чертамъ нравовъ прошедшаго времени. Такъ, между прочимъ, разсказывается, что у одной вдовы былъ единственный сынъ, который велъ молодецкую, разсѣянную жизнь и порывался къ казацкой удали. Мать хотѣла его удержать отъ такихъ порывовъ и пріучить къ домоводству, подобно тому, какъ въ извѣстной малорусской думѣ старуха Коновчиха своего сына Ивана Коновченка. Но мать нашего молодца тѣмъ отличалась отъ Коновчихи, что хотѣла еще сына своего сдѣлать богомоломъ. Наскучивъ слушать материнскія наставленія, молодецъ хотѣлъ убѣжать въ Крымъ или въ Польшу. Мать обратилась къ архимандриту Макарію съ просьбою остепенить ея сына.—Меня принуждаютъ долго молиться,—говорилъ архимандриту молодецъ:—я не хочу быть монахомъ!—Никто тебя не вправѣ заставлять долго молиться,—сказалъ архимандритъ:—продолжительныя молитвы установлены для монаховъ и обязательны только для тѣхъ, которые добровольно налагаютъ на себя молитвенный подвигъ! Тебѣ непріятно долго молиться: читай Отче нашъ, и довольно. Молитва эта намъ дана самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ. Она коротка, но жизнь, ею намъ доставляемая, вѣчна. Въ ней ты найдешь и всѣ прошенія, и всѣ исполненія прошеній.—Молодецъ послушался, читалъ постоянно молитву Господню и научился провождать время въ трудѣ на пользу ближнихъ и убѣгалъ отъ искушеній.

Говорили, что Богъ при жизни Макарія удостоилъ его дара исцѣлять недужныхъ своими молитвами. Одному жителю города Канева Макарій возвратилъ потерянное зрѣніе, приказавши умыться водою, освященною въ навечеріе Богоявленія Господня. Передъ мощами его совершались чудотворныя исцѣленія.

Монастыря Вознесенскаго уже нѣтъ. Въ описаніи печатномъ, которое продается при церкви Вознесенія, говорится, что въ 1816 году монастырь этотъ переведенъ былъ въ Саратовъ. Мнѣ извѣстно, что въ Саратовѣ нѣтъ инаго монастыря, кромѣ Преображенскаго, основаннаго еще въ концѣ XVII вѣка и ничего общаго неимѣющаго съ переяславскимъ. Поэтому извѣстіе о переводѣ Вознесенскаго монастыря изъ Переяслава въ Саратовъ остается непонятнымъ. По упраздненіи монастыря Вознесенскаго, церковь его сдѣлана была каѳедральною архіерейскою и оставалась въ этомъ званіи до 1847 года, когда епископская каѳедра переведена была въ Полтаву. Съ тѣхъ поръ переяславская Вознесенская церковь остается приписною къ полтавскому архіерейскому дому. Въ обширномъ дворѣ, принадлежащемъ къ Вознесенской церкви, есть длинное, но не высокое каменное зданіе: здѣсь прежде помѣщалась духовная семинарія, а теперь тамъ—духовное училище. На внѣшней сторонѣ кирпичной побѣленной ограды, окружающей Вознесенскую церковь со всѣми при ней строеніями, въ числѣ которыхъ—и ста-

рый архіерейскій домъ, устроены лавки, отдаваемыя съ торговъ купцамъ въ пользу церкви.

Кромѣ упомянутыхъ церквей, въ Переяславѣ есть еще нѣсколько деревянныхъ церквей, не представляющихъ никакихъ историческихъ достопримѣчательностей, кромѣ Воскресенской церкви, старѣе прочихъ, бывшей нѣкоторое время мѣстопребываніемъ мощей св. Макарія.

Въ трехъ верстахъ отъ Переяслава есть деревня Кондоидовка, иначе Борисовка. Тамъ на лѣвомъ берегу рѣки Альты совершилось убіеніе св. мученика князя Бориса, и тамъ же черезъ четыре года послѣ того князь Ярославъ Владиміровичъ одержалъ побѣду надъ убійцею Бориса княземъ Святополкомъ, оставшимся въ исторіи съ позорнымъ прозваніемъ Окаяннаго. Владѣвшій Переяславомъ сынъ Ярослава князь Всеволодъ, послѣ учрежденнаго въ Вышгородѣ празднества въ честь Бориса и Глѣба въ память перенесенія мощей ихъ, учредилъ 2 мая такое же празднество на мѣстѣ убіенія Бориса близъ Переяслава. Сынъ Всеволода Владиміръ Мономахъ построилъ тамъ церковь, очень любилъ это мѣсто и даже тамъ скончался. (Лавр. Спис. Лѣтоп., стр. 280).

Церкви давно уже не существуетъ, а крестный ходъ на Альту, установленный княземъ Всеволодомъ, каждогодно совершается до сихъ поръ, 2 мая, послѣ литургіи изъ Вознесенской церкви торжественною процессіею; при звонѣ колоколовъ со всѣхъ колоколенъ переяславскихъ храмовъ, несутъ икону пресвятыя Богородицы, предшествуемую крестами и хоругвями. На берегу Альты, подъ балдахиномъ совершается водоосвященіе; послѣ чего народъ бросается купаться въ рѣкѣ, которая для вѣрующихъ въ этотъ день дѣлается цѣлебною. Въ 1684 году, здѣсь водруженъ былъ протоіереемъ Успенской церкви Григоріемъ Бутовичемъ каменный крестъ. Близъ этого креста построена была деревянная часовня, существовавшая до 1839 года.

Межигорскій монастырь въ 1660 году получилъ отъ царя Алексѣя Михайловича грамоту на построеніе монастыря на крови святаго страстотерпца Бориса, но это почему-то не состоялось. Послѣ упраздненія Межигорскаго монастыря, часовня, именовавшаяся по мѣстному нарѣчію капличкою, вмѣстѣ съ прилежащею къ ней полосою земли, передана была священнику Демянской церкви, въ приходѣ котораго находилась. По какому-то неизвѣстному для насъ поводу земля эта досталась помѣщикамъ Кондратьевымъ, и теперь находится у нихъ во владѣніи. Въ собственности церкви состоитъ клочекъ земли не болѣе одной десятины. Тамъ устроено монастырское подворье, состоящее изъ домика съ небольшимъ дворомъ. Тамъ проживаетъ въ двухъ комнатахъ монахъ въ качествѣ наблюдателя надъ мѣстомъ, назначеннымъ издавна для совершенія водоосвященія 2 мая. Монахъ проживаетъ тамъ совершеннымъ

пустынникомъ: онъ показался намъ съ перваго взгляда очень симпатичнымъ какъ по своей добродушной наружности, такъ и по способу своего обращенія. Онъ сообщилъ, что церковное вѣдомство предлагало г. Кондратьеву продать землю, примыкающую къ мѣсту водоосвященія, но владѣлецъ ни за что не хочетъ. Итакъ церкви приходится тѣсниться съ историческою святынею. Прямо противъ крыльца домика, гдѣ живетъ этотъ монахъ, на двухъ налояхъ поставлены образы св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, а подлѣ нихъ кружки съ отверстіями, куда богомольцы опускаютъ свои приношенія.

Вотъ и все, что въ Переяславѣ напоминаетъ о былой старинѣ его.

Н. Костомаровъ.

АВАНТЮРИСТЫ[1].

Историческая повѣсть.

XIV.

Въ Петербургѣ «стряпаютъ».

РОШЛО два года.

Фонъ-Вульфъ продолжалъ оставаться за границей, Ляпунова же за это время успѣла сдѣлаться вдовой. Толстякъ «тиранъ» ея умеръ еще въ 1791 году, черезъ годъ послѣ высылки Вульфа изъ Россіи, и теперь Марья Дмитріевна предалась радужнымъ мечтамъ: она надѣялась скоро стать супругою своего обожаемаго барона.

Но какъ это сдѣлать? Ему возвратъ въ Россію запрещенъ; ей же ѣхать къ нему и неудобно, и страшно. Неудобство представляется въ видѣ маленькаго сына Пети, который принадлежалъ — она сама не знала кому: «тирану» ли мужу, или очаровательному барону. Прислуга и всѣ въ домѣ называли маленькаго барина Петромъ Николаевичемъ, ибо законный мужъ мамаши маленькаго Пети былъ Николай Ѳедоровичъ Ляпуновъ, толстый, съ картофельнымъ носомъ генералъ-маіоръ; самой мамашѣ казалось, да и всѣмъ это бросалось въ глаза, что маленькій Петя не похожъ ни на папашу, ни на мамашу: «ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца»; впрочемъ, мамаша очень хорошо знала,

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXII, стр. 258.

на кого похожъ ея Петя, и знала, почему именно. Только три человѣка на свѣтѣ знали это или догадывались: знала, конечно, одна мамаша, и знала навѣрняка; догадывались же — покойный «тиранъ» и фонъ-Вульфъ. Послѣдній потому и засаженъ былъ «тираномъ» въ арестантскую при нижнемъ надворномъ судѣ и обвиненъ въ самозванствѣ.

Какъ же бросить Петю и ѣхать за границу? Оставить его? — Но не на кого: въ домѣ у нея только двѣ молоденькихъ дѣвушки — Маша Лебедева и Дуня Бубнова, да цѣлая орава дворни, которая по смерти «тирана» совсѣмъ отъ рукъ отбилась. А ѣхать съ Петей за границу — совершенно невозможно, хоть фонъ-Вульфъ и звалъ ее туда настоятельно. Получивъ извѣстіе о смерти старика Ляпунова и о томъ, что его возлюбленная осталась владѣтельницей имѣнія съ 370 ревизскими душами и капитала въ 170,000 рублей, кромѣ бриллiантовъ и серебра, и о томъ, что его возлюбленная страстно желаетъ соединиться съ нимъ бракомъ, онъ, не имѣя права въѣзда въ Россію, тотчасъ же прислалъ за ней изъ Силезіи свой экипажъ и своихъ людей съ тѣмъ, чтобъ, покончивъ съ дѣлами, она ѣхала немедленно къ нему, а онъ встрѣтитъ ее въ Митавѣ. Мало того, ожидая ее къ себѣ, онъ тогда же ходатайствовалъ у прусскаго короля о пожалованіи ему «инконата», то есть дозволенія покупать въ Пруссіи имѣнія, — и «инконатъ» вскорѣ же былъ полученъ.

Но Марья Дмитріевна не знала, на что рѣшиться: голова ея шла кругомъ; она и мечтала о блаженствѣ, и плакала, боясь, сама не зная чего, и посовѣтоваться было не съ кѣмъ. Модное французское воспитаніе сдѣлало изъ нея на всю жизнь ребенка. Такова была женщина XVIII вѣка — кукла, а въ то же время и раба въ семьѣ, или тиранка, потому что споконъ-вѣка существуетъ аксіома, добытая исторіей, что всякій рабъ есть тиранъ, а всякій тиранъ — есть рабъ.

При всемъ томъ Марья Дмитріевна додумалась, какъ ей поступить.

Она написала императрицѣ самое краснорѣчивое, вѣрноподданнически чувствительное письмо о томъ, чтобы она помиловала фонъ-Вульфа и дозволила ему возвратиться въ Россію, вступить въ русскую службу и жениться на ней, на Марьѣ Дмитріевнѣ.

Довести этотъ вопль любящаго сердца до самой императрицы вызвался одинъ бѣдный офицеръ, облагодѣтельствованный Ляпуновою и уже ѣздившій отъ нея съ порученіемъ за границу къ Вульфу, — нѣкто Красовскій, оказавшійся впослѣдствіи негодяемъ самаго низкаго разбора, какимъ онъ, впрочемъ, былъ всегда, хотя Марья Дмитріевна, по своему добродушію, чтобы не сказать просто по глупости, считала его отличнѣйшимъ человѣкомъ.

Красовскій этотъ, по имени и отчеству Андрей Петровичъ,

былъ, какъ онъ себя называлъ, «уроженецъ бѣлорусскій»; служилъ прежде въ Тенгинскомъ пѣхотномъ полку, дослужился до прапорщика; потомъ служилъ въ Тобольскомъ полку, гдѣ дослужился до подпоручиковъ, и поступилъ затѣмъ экзекуторомъ въ московскій почтамтъ. Тамъ, кажется, проворовался и со службы выгнанъ. По изгнаніи, жилъ въ Москвѣ, «профитуясь помощію родственниковъ своихъ» и обманами такихъ особъ, какъ мечтательная Марья Дмитріевна.

До чего наивна была Марья Дмитріевна, видно хотя бы изъ слѣдующаго. Когда умеръ ея «тиранъ», то, желая хоть чѣмъ нибудь угодить своему возлюбленному, она послала къ нему Красовскаго въ Силезію съ письмомъ и презентомъ—500 червонцевъ и богатый куній мѣхъ. Красовскій положилъ червонцы себѣ въ карманъ, и фонъ-Вульфу вручилъ только письмо и куній мѣхъ; о червонцахъ же сказалъ, что ихъ у него украли, и еще у Вульфа выпросилъ себѣ на обратный путь 70 червонцевъ.

И Марья Дмитріевна объ немъ же, бѣдномъ, пожалѣла!

— Ахъ, бѣдняжка! каково же тебѣ было въ чужой землѣ безъ денегъ!

Этотъ-то молодецъ и увѣрилъ Марью Дмитріевну, что почтъ-директоръ Пестель въ немъ, Красовскомъ, души не чаетъ, что онъ познакомитъ его съ графомъ Безбородкою, а тамъ до самой императрицы—рукой подать.

И вотъ Марья Дмитріевна отсыпала ему тысячъ около двадцати и отправила его въ Петербургъ «стряпать» и «подмазывать», какъ онъ самъ выражался.

Прошло недѣли двѣ, какъ онъ уѣхалъ, и Марья Дмитріевна лихорадочно ожидаетъ или его самого, или письма отъ него.

— Нѣтъ, онъ обѣщалъ писать о дѣлѣ,—разсуждала сама съ собой Марья Дмитріевна: — надо, значитъ, ждать письма...

Она подходила къ окну и глядѣла, нейдетъ ли почталіонъ по улицѣ. А домъ ихъ наискосокъ отъ почтамта, такъ оно и видно, когда проходятъ почталіоны. Домъ Ляпуновыхъ—богатый, барскій, старинный домъ. Комнатъ много, мебель хорошая—вездѣ свѣтло, чисто, красиво. А Марьѣ Дмитріевнѣ, въ ея вдовьемъ одиночествѣ, этотъ богатый домъ кажется монастыремъ.

— Нѣтъ, не видно почталіона.

Она отошла отъ окна, сѣла на софу и стала раскладывать карты на кругломъ столѣ, покрытомъ шитою шелками скатертью.

— Ахъ, вотъ сюда бы бубноваго туза... Такъ и есть!

Въ это время изъ передней, а потомъ изъ залы донеслись веселые голоса.

— Марья Дмитріевна! радость! — кричалъ одинъ голосъ.

— Письмо, Марья Дмитріевна! — кричалъ другой.

Не успѣла Марья Дмитріевна выскочить изъ-за стола, какъ

въ комнату влетѣли двѣ молоденькія дѣвушки. Это были ея воспитанницы—бѣдныя дворяночки, считавшія Марью Дмитріевну своею благодѣтельницею—Дуня Бубнова и Маша Лебедева. Дуня была высокенькая, стройненькая, шестнадцатилѣтняя брюнеточка, съ живыми сѣрыми глазами и капризно вздернутымъ носикомъ. Маша же, рыженькая, съ необыкновенно бѣлымъ веснущатымъ лицомъ, была некрасива и смотрѣла болѣе возмужалой.

— Вотъ вамъ письмо!—радостно, чуть не захлебываясь словами, говорила Дуня, показывая письмо.

— Мы все утро ждали почталіона,—перебила ее Маша:—и я первая увидѣла его.

— А я перегнала тебя!—торжествовала Дуня.

— Да! почти изъ рукъ вырвала письмо, безсовѣстная!—дулась на нее Маша.

Но Марья Дмитріевна, не слушая ихъ препирательствъ, а торопливо распечатавъ письмо, вся пунцовая отъ волненія, жадно читала его.

«Порадуйтесь, матушка!—писалъ Красовскій.—Дѣло мое, слава вышнему Богу, хотя съ трудностію, но уже началось, и весьма успѣшно стряпается, по причинѣ вамъ извѣстнаго, розданнаго по рукамъ старательства[1]), и навѣрное въ послѣднихъ дняхъ этого мѣсяца совершенно съ пользою окончится, почему и буду обратно въ Москву скоро. Дѣло мое отъ бумажекъ пуще загорѣлось, нежели отъ березовыхъ дровъ, только по требованію необходимо еще 600 рублей, которые ради самого Бога пришлите на первой почтѣ мнѣ; не сдѣлайте мнѣ остановки и разстройки и не испортите мнѣ дѣла; для того не замедлите, что въ двѣнадцать дней все будетъ готово и мнѣ нечего будетъ дожидаться, какъ этихъ денегъ, которыхъ я не имѣя при себѣ, обѣщалъ чрезъ 12 дней имъ доставить. Обо всемъ обстоятельно я сей же день писалъ къ моему другу: пускай онъ порадуется и утѣшится своимъ благополучіемъ»..!

Марья Дмитріевна еще болѣе вспыхнула.

— Это онъ къ Ѳедѣ, къ моему Теодору писалъ,—радостно подумала она:—нарочито эти слова подчеркнулъ, чтобъ я знала.

Она продолжала читать:

«Я думалъ въ Москвѣ иначе, а пріѣхавши, здѣсь нашелъ самые вѣрнѣйшіе способы къ полученію желаемаго чрезъ трехъ особъ, которые всѣ сильны и между собою пріятели и всѣ денежки требуютъ. Вы пришлите чрезъ почту, только отдайте вѣрному человѣку на почту отнести. А я стою въ Большой Мѣщанской, во 2-й части, у купца Ильина. До полученія денегъ обѣщаются, чтобъ

---

[1]) Письмо Красовскаго передается съ дипломатическою точностью; подчеркнуты нѣкоторыя слова самимъ Красовскимъ.

все было готово, а я, получа деньги, изъ рукъ въ руки перемѣняемся. До скораго свиданія, благодѣтельница. Вашъ усердный и вѣрный слуга Андрей Красовскій. Санктпетербургъ, 13 мая 1792 года».

— Слава Богу! — радостно перекрестилась Марья Дмитріевна.

— Слава Богу! слава Богу!—подхватили въ одинъ голосъ барышни.

— Такъ хорошее письмо, милая Марья Дмитріевна?—спросила Маша.

— Хорошее, хорошее, душечка.

— Ахъ, какъ я рада!—теперь ужъ я слѣдующее письмо перехвачу раньше,—сказала Маша, обращаясь къ Дунѣ.

— Посмотримъ! старуха на двое сказала,—засмѣялась эта воструха.—А когда, душечка мамочка, вы ждете втораго письма?—спросила она свою благодѣтельницу.

— Не знаю, милая... Надо бы ожидать надняхъ,—отвѣчала послѣдняя, что-то соображая.—Да, деньги, деньги надо завтра же послать.

Съ этого дня молоденькія воспитанницы генеральши Ляпуновой всякое утро поджидали почталіона у воротъ: каждой хотѣлось первой порадовать свою благодѣтельницу. Воструха Дуня пустилась даже на такую хитрость. Завидѣвъ на второй или на третій день почталіона, возвращавшагося въ почтамтъ, слѣдовательно въ такой часъ, когда ея соперницы, Маши, не было у воротъ, она подбѣжала къ нему и, сверкая своими жемчужными зубами, смѣло заговорила:

— Вы носите письма къ генеральшѣ Ляпуновой?

— Я, барышня,—развѣ вы не знаете?

— Нѣтъ, знаю... Только вы не отдавайте ихъ Машѣ.

— Какой Машѣ, красавица?

— Нашей—Лебедевой, что̀ третьёводни хотѣла перехватить у васъ письмо къ Марьѣ Дмитріевнѣ.

— Зачѣмъ вамъ это, красавица?

— А я хочу первая обрадовать ее.

— Хорошо, милая... А что же вы мнѣ дадите за это?—улыбался почталіонъ, любуясь дѣвушкой.

— Что?—у меня ничего нѣтъ... У Марьи Дмитріевны...

— Что мнѣ Марья Дмитріевна!—вы дайте...

— У меня ничего нѣтъ,—совсѣмъ вспыхнула дѣвушка.

— А поцѣловать дадите?

Дуня засмѣялась и убѣжала... Почталіонъ былъ не дуренъ собой, а все же—ахъ, какъ стыдно!

Черезъ нѣсколько дней почталіонъ, дѣйствительно, показалъ ей письмо тихонько отъ Маши, которую за чѣмъ-то позвала ключ-

ница Θекла Китовна. Увидавъ письмо, Дуня вся вспыхнула. Но почталіонъ не отдавалъ пакета, лукаво улыбаясь.

— Отдайте,—просила дѣвушка.

— Поцѣлуйте прежде,—шепталъ почталіонъ Меркурій.

— Нѣтъ, прежде отдайте,—настаивала дѣвушка.

— А потомъ поцѣлуете?

— Поцѣлую.

— Честное слово?

— Честное слово.

Но едва хитрячка коснулась пакета своими ловкими, поколотыми иголкой пальчиками, какъ письмо мигомъ очутилось въ ея рукахъ, и она стрѣлой, съ звонкимъ хохотомъ, убѣжала.

— Добро же, воструха!—проворчалъ обманутый донъ-жуанъ:—не увернешься отъ меня.

Вся запыхавшаяся, толкая Θеклу Китовну и Машу, попавшихся въ дверяхъ будуара навстрѣчу летѣвшей шалуньѣ, Дуня съ крикомъ радости вбѣжала въ будуаръ генеральши.

— Еще письмо! еще письмо!

У Марьи Дмитріевны даже руки задрожали и строчки письма наскакивали одна на другую...

«Дѣло, къ счастію, течетъ весьма порядочно, какъ лучше требовать нельзя»...

Она взглянула на конецъ письма, и только тутъ сообразила:

— А! восемнадцатагó мая... Онъ еще не получилъ денегъ... Ну, что дальше?

«Только боюсь, чтобъ за деньгами, о которыхъ я писалъ, не сдѣлалось остановки... Умоляю прислать поскорѣе»...

— Послала ужъ.

— Ну, что, душечка Марья Дмитріевна,—это письмо лучше того?—спросила Дуня, видя волненіе на лицѣ генеральши.

Съ нынѣшняго дня Дуня сама начала понимать, что̀ такое есть «волненіе»...

— Нѣтъ, не лучше,—отвѣчала генеральша:—а ужъ слѣдующее должно быть самое хорошее.

— А когда вы его получите?—спросила вдругъ Маша, входя въ это время въ будуаръ.

— Да не раньше недѣли, думаю,—отвѣчала взволнованная вдовушка.

Дуня лукаво улыбнулась, украдкой взглянувъ на свою подругу... «Не видать тебѣ, умница, письма, какъ своихъ ушей»,—сказала она про себя, а у самой сердце точно росло и пухло отъ сладкаго «волненья»...

Раньше недѣли дѣвушки и не ждали письма, а потому и не караулили почталіона.

Но, къ вящему изумленію и огорченію ихъ, черезъ день, когда

онѣ обѣ помогали Марьѣ Дмитріевнѣ расчесывать роскошныя ея косы, въ будуаръ, смѣясь и отбиваясь отъ барченка, отъ Пети, хорошенькаго бѣлокураго мальчика лѣтъ трехъ или четырехъ, ввалилась Китовна и торжественно подала барынѣ письмо. Барыня поблѣднѣла отъ неожиданности, а Дуня, вспыхнувъ до слезъ, уронила на полъ гребенку и разсыпала всѣ шпильки... «Пропустила—ахъ!»—сжалось ея сердчишко...

— Проворонила, — коварно шепнула ей Маша.

Марья Дмитріевна почти не понимала, что̀ она читала.

«Дѣло къ окончанію приходитъ. Пожалуйте, не замедлите прислать означенныя деньги на додачу, за которыми теперь только вся остановка: получу жъ отъ васъ деньги, немедленно совершу конецъ»...

— Ахъ, все еще не получилъ денегъ!—досадовала Марья Дмитріевна.

— Теперь ужъ навѣрно получилъ,—успокоивала ее Маша,—и скоро, скоро будетъ самое лучшее письмо.

Она опять украдкой взглянула на Дуню. Та казалась огорченною, но уже не за Марью Дмитріевну, а за себя... «Такъ и не видала его... Какой дерзкій!»...

Съ этого момента Маша задумала во что бы то ни стало перехитрить проворную Дуню и посмѣяться надъ ней. Каждое утро она уходила подъ какимъ нибудь предлогомъ изъ дому: то зайдти въ лавочку за шелкомъ для шитья, то въ сосѣдній магазинъ за гарусомъ для подушки, и непремѣнно раньше того часу, когда Дуня выходила встрѣчать почталіона. Вмѣсто магазина она всякій разъ заходила на почту, какъ разъ въ то время, когда почту разсортировывали и раздавали приходящимъ получателямъ.

— Нѣтъ ли письма къ генеральшѣ Ляпуновой?—всякій разъ спрашивала она.

— Нѣтъ-съ.

Но черезъ нѣсколько дней ей письмо, дѣйствительно, подали. Схвативъ его, она стремглавъ бросилась бѣжать домой. У воротъ уже стояла ея соперница и ждала больше почталіона, чѣмъ письма.

Маша издали показала ей свой трофей. Дуня вся покраснѣла.

— Откуда ты?

— Изъ магазина—за шелкомъ да за гарусомъ ходила.

— А письмо гдѣ взяла?

— Почталіонъ далъ.

— Гдѣ?—Въ голосѣ и на рѣсницахъ Дуни дрожали слезы.

— Тамъ на улицѣ, около магазейна.

— Самъ отдалъ?

— Самъ—знамо, самъ.

Дуня совсѣмъ растерялась, готовая расплакаться.

— И онъ ничего не говорилъ?—со слезами въ голосѣ спросила она.—Не спрашивалъ обо мнѣ?

— Съ какой это стати!—насмѣшливо отвѣчала обманщица:—про здоровье Марьи Дмитріевны спрашивалъ и про мое, а объ тебѣ и не подумалъ.

Сказавъ это, она шмыгнула въ ворота, оставивъ Дуню въ глубокомъ смущеніи и въ горѣ... «Это за то, что я обманула его—обѣщала поцѣловать, и не далась... Противный!...».

На этотъ разъ, увидавъ письмо, Марья Дмитріевна была вполнѣ увѣрена, что дѣло ея, наконецъ, кончилось, что скоро надо будетъ готовиться подъ вѣнецъ, шить платье, заказывать цвѣты... Въ смущеніи она разломала сургучъ...

«Матушка! ожидаю отъ васъ присылки для пользы кровопійцевъ, которую, отъ васъ получа, долженъ имъ вручить...».

— Господи! да когда жъ онъ ихъ получитъ! — въ отчаяніи проговорила она:—почти двѣ недѣли какъ послала... Ужъ не пропали ли?

— Зачѣмъ пропадать, матушка,—успокоивала ее случившаяся тутъ Китовна:—вить деньги не то что письмо—онѣ не скоро ходютъ... А пропàсть имъ гдѣ же?—на то есть росписка.

Ляпунова продолжала читать письмо, но ужъ съ меньшимъ интересомъ, съ разочарованіемъ.

«Да, матушка, они напросились два раза ко мнѣ обѣдать. Что жъ бы, вы думали, эти обѣды съ напитками стоили?—девяносто два рубля»...

— Владычица!—и ихъ не рòзорвало!—воскликнула Китовна, услыхавъ эту сумму.—На троихъ-то!

— Да это съ шампанскимъ, Китовна,—оправдывала Марья Дмитріевна своего адвоката,

— Что жъ! и я шампанское дàвывала вашимъ господамъ, да не по бочкѣ же,—волновалась старая ключница.

«Отговориться никакъ не могъ,—продолжала читать генеральша,—и отъ того я вошелъ въ долгъ. Денегъ у мени почти не осталось расходныхъ. Для того, матушка, прошу прислать, кромѣ 600 рублей, которые обѣщаны въ жертву, еще 200 рублей для заплаты этихъ великолѣпныхъ питерскихъ обѣдовъ и для прогоновъ мнѣ возвратиться въ Москву».

— Бочки бездонныя!—ворчала Китовна.

Марья Дмитріевна продолжала читать про себя:

«Дѣло идетъ исправно и хорошо, лишь только не дѣлаютъ конца для того, пока не получатъ 600 рублей,—думаютъ, что я ихъ обману; получа же оные, изъ рукъ въ руки размѣняемся; да получу же отъ васъ на первой почтѣ 200 рублей и, расплатясь, пріѣду въ Москву. Къ другу своему я вторично и обстоятельно обо всемъ писалъ и увѣдомилъ его».

Дуня пришла, когда письмо было прочитано. Хорошенькіе сѣрые глазки ея казались заплаканными.

XV.

Напрасное ожиданіе.

Время шло, и Марья Дмитріевна со дня на день все ожидала изъ Петербурга рѣшительнаго письма. Но оно не приходило. По разсчету времени Красовскій долженъ былъ получить деньги, какъ тѣ, которыя предназначены для «кровопійцевъ», для «сильныхъ» людей, такъ и тѣ, которыя посланы ему были на прогоны. Марья Дмитріевна не знала, что̀ и подумать объ этомъ.

И ея воспитанницы поджидали письма. Хитрая Маша продолжала каждое утро бѣгать въ почтамтъ къ разбору петербургской почты, и Дуня то-и-дѣло выбѣгала за ворота... Ей такъ хотѣлось отмстить чѣмъ нибудь обманщику...

Между дѣвушками, бывшими до того въ дружбѣ, поселилась маленькая холодность: Дуня въ чемъ-то подозрѣвала Машу и къ чему-то ревновала.

Черезъ нѣсколько дней послѣ роковаго утра, когда ловкая Маша провела свою подругу, заполучивъ письмо на почтѣ, Дуня выглянула за ворота и столкнулась лицомъ къ лицу съ почталіономъ. Дѣвушка очень обрадовалась, но еще болѣе сконфузилась.

— Здравствуйте, Авдотья Никитишна,— ласково сказалъ почталіонъ.

Дѣвушка удивилась, что онъ назвалъ ее по имени. Ей было пріятно узнать, что онъ интересуется ея именемъ, и она еще болѣе покраснѣла.

— Здравствуйте,—отвѣчала она.—Вы къ намъ съ письмомъ?

— Да,—отвѣчалъ почтамтскій донъ-жуанъ, улыбаясь:—только я его вамъ не дамъ.

— Отчего же?

— Оттого, что вы обманщица.

— А зачѣмъ вы прошлое письмо не мнѣ отдали?

— Какъ не вамъ?

— Конечно не мнѣ, а Машѣ.

Почталіонъ догадался, что какое-то письмо прошло помимо рукъ, и тотчасъ же сообразилъ, какъ ему дѣйствовать.

— Да, правда, — сказалъ онъ: — я отдалъ его Машѣ, потому что она не обманщица.

Эти слова кольнули дѣвушку въ сердце. Она сама не догадывалась, что въ ней заговорила ревность. Хорошенькое личико ея разомъ затуманилось.

— Ну, такъ и отдавайте ей всѣ ваши письма,—быстро проговорила она и убѣжала. Но на сердцѣ у нея было смутно. Она вошла въ домъ и ждала, что вотъ-вотъ принесутъ письмо. Но во-

шла откуда-то Маша, а письма не было. Не приходилъ и почталіонъ. Дуня догадалась, что письма не было совсѣмъ, и нѣсколько успокоилась.

Изъ словъ дѣвушки почталіонъ понялъ, что ея подруга сама заходила на почту и взяла письмо, которое потому и не попало въ его сумку. А такъ какъ письма къ Ляпуновой, благодаря ея хорошенькой воспитанницѣ, очень стали интересовать его, то онъ сталъ являться къ сортировщику въ самый разборъ петербургской почты. чтобы письма къ Ляпуновой не проходили мимо его рукъ.

Вскорѣ дѣйствительно оказалось письмо на ея имя. Почталіонъ взялъ его въ свою суму вмѣстѣ съ другими и направился къ дому Ляпуновой. Но у воротъ никого не было. Онъ постоялъ — никто не выходилъ. Разочарованный, онъ пошелъ прямо въ домъ. Въ передней его встрѣтилъ лакей и взялъ письмо. Ни Дуни, ни Маши не было. Дуня сидѣла у себя и вышивала, а Марья Дмитріевна опять гадала на картахъ. Маша же опять отлучилась за какими-то иголками.

Когда вошелъ лакей и подалъ письмо, Марья Дмитріевна уже не обрадовалась, а испугалась. Щеки же Дуни вспыхнули пожаромъ, а въ глазахъ засвѣтилась радость... «Не отдалъ противной Машкѣ».

Вошла и Маша, но, увидѣвъ въ рукахъ у генеральши письмо, остолбенѣла. Это замѣтила Дуня и убѣдилась, что почталіонъ не хотѣлъ отдать письмо «противной Машкѣ», а припасалъ его для нея; но она, къ сожалѣнію, не вышла за ворота... «Дура я, дура»!..

— Что же вы не читаете, душечка наша? — подошла она къ генеральшѣ.

— Да, боюсь, милая.

— Ну, дайте, я прочитаю.

— Нѣтъ, я сама.

«Дѣло все порядочно устроено и дѣла, — писалъ адвокатъ, — лишь только съ минуты на минуту дожидаюсь рѣшительнаго конца, который непремѣнно долженъ быть скоро. Только дожидаюсь одного человѣка, мнѣ нужнаго, который изъ Петербурга на нѣкоторое время отлучился. Я къ своему другу два раза писалъ».

Генеральша съ досадой бросила письмо на полъ.

— Кровопійцы! — des hommes sauguinaires! — волновалась она: — деньги взяли, а дѣла не дѣлаютъ... Низкіе люди!

Но она все еще не подозрѣвала, что тутъ кроются штуки ея повѣреннаго.

Она опять ждала. Потянулись дни за днями. Повѣренный ея выѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ мая, а теперь уже вторая половина іюня. Она хотѣла ѣхать въ деревню, чтобы туда ждать своего жениха и тамъ съ нимъ обвѣнчаться; но лѣто проходило, а дѣло ея не двигалось впередъ. Она забросила всѣ знакомства,

ни къ кому не ѣздила. Домъ ея дѣйствительно казался теперь совсѣмъ монастыремъ, и еслибъ его молчаливость не оживлялась голосами двухъ молоденькихъ дѣвушекъ, то это была бы совершенная пустыня: вѣчно спящій въ передней лакей, постоянно молчаливая горничная Аннушка—только Маша да Дуня казались живыми существами.

Теперь между дѣвушками шла скрытая, глухая борьба изъ-за ожидаемаго послѣдняго, радостнаго письма. Кто-то обрадуетъ имъ Марью Дмитріевну?—Дуня рѣшилась пожертвовать, наконецъ, своей недоступностью и дать поцѣлуй почталіону, тѣмъ болѣе, что онъ ей нравился, лишь бы письмо прошло черезъ ея руки.

— Пускай же тихоня останется съ носомъ,—часто думала она:— а то вонъ какая — съ почталіономъ цѣлуется, а еще говоритъ, что терпѣть не любитъ мужчинъ, притворщица!

И она опять начала выбѣгать за ворота — все же развлеченіе для живой рѣзвушки, которой не сидѣлось на мѣстѣ. И почти всякій разъ она ловила возвращающуюся съ почты свою пріятельницу, теперь же — воображаемую ею соперницу.

— Изъ магазейна, Марья Семеновна?—спрашивала она ехидно.

— Изъ магазейна.

— Все шелки да гаруса подбираете къ подушкѣ?

— Нѣтъ, за канвовой иголкой ходила — вотъ она, — отвѣчаетъ не менѣе ехидная Маша.

А сама думаетъ съ лукавой усмѣшкой: «дожидайся... получишь послѣ дождика въ четвергъ.... я ужъ была на почтѣ».

Разъ какъ-то Дуня опять столкнулась съ почталіономъ.

— Есть письмо?

— Зачѣмъ вамъ, Авдотья Никитишна?—Вить вы не хотите отъ меня брать ихъ.

— Нѣтъ, пожалуйста.

— А обѣщаніе исполните?

— Исполню.

— Побожитесь.

— Ей Богу, исполню... Только не отдавайте Машѣ.

— А задатка не дадите?

Дуня со смѣхомъ убѣжала. Въ душѣ она была довольна своею смѣлостью... «Вотъ какая я храбрая... Что жъ! если тихоня цѣлуется, отчего жъ и мнѣ не поцѣловаться?—вить это все для благодѣтельницы, для Марьи Дмитріевны».

Наконецъ, какъ разъ на Іоанна Предтечу, утромъ, не дождавшись письма, она собралась идти къ обѣднѣ, и только вышла въ сѣни — почталіонъ въ дверяхъ!—Она такъ и обмерла и отъ неожиданности, и отъ тайной радости, и отъ страху.

— Авдотья Никитишна! вотъ вамъ письмо, — сказалъ почталіонъ тихо и нерѣшительно подалъ письмо.

— Спасибо вамъ... merci...

Не успѣла она опомниться, какъ кто-то обнялъ ее...

Въ какомъ-то туманѣ, вся пылающая, она вырвалась и убѣжала въ комнату. Щеки ея пылали, сердце колотилось...

Она наткнулась на генеральшу и чуть не сбила ее съ ногъ.

— Что ты! что ты! ополоумѣла?

— Марья Дмитріевна! — письмо! — сказала дѣвушка, задыхаясь: — вотъ оно... теперь все...

Думая, что въ самомъ дѣлѣ уже все сдѣлано, Марья Дмитріевна также растерялась отъ радости.

— Давай, Дунюшка, скорѣй! — охъ, и обрадовала, и напугала...

Письмо вскрыто. У Дуни подкосились ноги, и она сѣла. Марья Дмитріевна съ жадностію стала читать.

«Матушка! Дѣло мое по сю пору шло весьма хорошо и съ отмѣннымъ успѣхомъ; но теперь остановилось»...

Марья Дмитріевна сѣла. И ея ноги подкосились. Краска, покрывшая было ея щеки, стала уступать мѣсто смертельной блѣдности.

.....«Но теперь остановилось, — машинально читала она, — однакожъ на хорошемъ пути, и это потому, что проявились опять требованія, на которыя я не смѣлъ дать обѣщанія безъ воли вашей, зная, сколь много уже стоитъ. Итакъ, теперь мнѣ нечего здѣсь будетъ дѣлать; до времени я рѣшился въ Москву отправиться, и если вы согласитесь на ихъ требованія, то, такъ какъ дѣло уже не токмо зачато, но почти уже совершено, лишь только на волоску виситъ, то буде согласитесь еще на потерю, въ мигъ кончится; но объ этомъ надобно весьма вамъ пораздуматься, рѣшиться или нѣтъ; къ тому жъ предстали новыя препятствія... я здѣсь размучился, имѣя дѣло съ людьми весьма... Итакъ я послѣ этого письма, которое есть послѣднее, самъ чрезъ два дня выѣду изъ Петербурга въ Москву и подробно обо всемъ васъ увѣдомлю и изъясню. Я къ дѣлу прилагалъ всѣ свои силы, въ чемъ васъ послѣдствія дѣла могутъ увѣрить».

Марья Дмитріевна въ раздумьѣ опустила голову.

— Горько. Однако, ничто еще, кажется, не потеряно. Нужны только деньги. Что жъ! Двадцать тысячъ уже пожертвовано—можно и еще: счастье дороже денегъ.

— Только надо его подождать: пишетъ, что уѣзжаетъ. Можетъ, скоро и здѣсь будетъ. Тогда узнаю все, да и денегъ сколько нужно — скажетъ. Нечего дѣлать — надо ждать.

А Дуня, казалось, дохнуть не смѣла. Она чувствовала, что на лицѣ у нея огненные слѣды, что слѣды эти всѣ узнаютъ...

— Ну, Дунюшка, пойдемъ къ обѣднѣ, помолимся, — грустно и задумчиво сказала Марья Дмитріевна.

Дуня встала и машинально пошла за своей благодѣтельницей. Куда дѣвалась ея рѣзвость, озорничество!

И снова потекли дни за днями. Ждали Красовскаго; но онъ не пріѣхалъ. Ляпунова все чаще и чаще стала плакать, особенно, когда къ ней приводили ея Петю... «Вылитый онъ»!..

Она уже стала сомнѣваться въ вѣрности Красовскаго. Дуня боялась уже выбѣгать за ворота, но вся ея мысль была тамъ, а чаще всего — въ сѣняхъ... Она какъ-то сразу, казалось, возмужала и похорошѣла. Чаще и чаще стала она задумываться, и стала какою-то разсѣянною, путала счетъ въ узорахъ, мѣшала цвѣта въ гарусахъ...

— Добрая Дунюшка! — говорила, глядя на нее Марья Дмитріевна: — она за моимъ горемъ убивается.

— Я такъ... ничего...

И Дуня бросилась цѣловать свою благодѣтельницу, плакала.

— Письмо! письмо! — торжественно провозгласила рыженькая Маша.

Всѣ встрепенулись. Марья Дмитріевна поблѣднѣла, но, повидимому, обрадовалась. Дуня подбѣжала къ Машѣ.

— Гдѣ взяла письмо? — торопливо спросила она.

— У почталіона... Вотъ еще ломака! — не хотѣлъ мнѣ отдать.

Дуня свободно вздохнула, и сѣрые глаза ея вспыхнули: въ нихъ засвѣтилась радость.

Ляпунова читала: «Долго не писалъ вамъ, матушка, потому что двѣ недѣли былъ боленъ горячкою, которую прервали кровопусканіемъ».

— Такъ вотъ отчего онъ не писалъ.

«Объ обстоятельствахъ прежняго дѣла моего, за которымъ я сюда пріѣхалъ, доношу вамъ, что тѣ люди, которые прежде заумничали кожу содрать по своей привычкѣ, но теперь усовѣстились нѣсколько, хотя немногимъ, стали поблагосклоннѣе; но лишь военныя обстоятельства и прочія, которыя послѣ начатія сего дѣла случились, препятствуютъ, и ихъ ничѣмъ какъ терпѣніемъ возможно превозмочь. Если вы захотите потерпѣть нѣсколько мѣсяцовъ, да и должно, для того, что перемѣнить нельзя. Теперь я поздоровѣе и скоро буду и, пріѣхавши, обо многомъ вамъ имѣю что говорить, того всего на бумагѣ описать невозможно» [1]).

— Что дѣлать! надо ждать, — сказала несчастная вдова со вздохомъ.

Но ни конца дѣла, ни своего адвоката она не дождалась: послѣдняго она больше въ глаза не видала.

---

[1]) Всѣ письма Красовскаго приведены дословно.

XVI.

Возвращеніе изгнанника.

Прошло еще два года.

Въ началѣ сентября 1794 года, съ митавскаго тракта переѣхалъ черезъ русскую границу какой-то путешественникъ въ небольшой дорожной коляскѣ, запряженной тройкой сытыхъ рослыхъ коней.

При пропискѣ вида въ пограничной таможенной конторѣ оказалось, что ѣхалъ въ Москву по торговымъ дѣламъ митавскій купецъ Эвальдъ Эрнестъ Юргенсонъ, видный, бѣлокурый мужчина, лѣтъ за сорокъ. На таможнѣ онъ говорилъ порусски, повидимому, хорошо владѣя этимъ языкомъ. Съ ямщикомъ также говорилъ порусски.

Видно было, что это богатый купецъ. Когда дорогой, въ какомъ нибудь селѣ, онъ останавливался на постояломъ дворѣ, чтобъ покормить лошадей, или переночевать, то изъ его дорожнаго сундучка появлялись на столъ не простые серебряные ножъ, ложка и вилка, но позолоченные; когда онъ писалъ что либо на ночлегѣ, то вынималъ изъ того же сундучка хрустальную чернильницу и песочницу въ золотой оправѣ и богатомъ футлярѣ; а когда брился — вынималъ бритвы съ дорогими черенками.

Когда они доѣхали уже до Московской губерніи, то въ Звенигородской округѣ Юргенсонъ завелъ съ своимъ ямщикомъ такой разговоръ:

— Карпъ, à Карпъ! — ты дремлешь?

— А? что такое?

— Дремлешь, говорю.

— Нѣту, господинъ купецъ, — съ чево мнѣ дремать?

— Ну, ладно, Карпъ... А ты вотъ что мнѣ скажи: есть у тебя тутъ по дорогѣ, поближе къ Москвѣ, знакомые мужики?

— Есть — какъ не быть? — второй десятокъ ѣзжу.

— Гдѣ же? въ какомъ селѣ?

— Да хуть бы въ селѣ Перхушкинѣ — Сирота Степанъ.

— А знаетъ онъ Москву?

— Какъ не знать! — что свою ладонь знаетъ: десять лѣтъ ванькой на Москвѣ былъ.

— Славно — зэръ гутъ! — такъ вотъ что, Карпъ: хочетъ онъ заработать лишній рубль?

— Какъ не хотѣть! — и я хочу.

— Вотъ что, Карпъ: я хочу его послать въ Москву съ грамоткой впередъ, чтобъ мнѣ навстрѣчу выслали хорошую карету четверней. А то въ Москвѣ меня знаютъ богатые купцы, такъ мнѣ стыдно, не годится такъ-то просто въѣзжать — попышнѣе надо, для кредиту.

— Ладно, господинъ,—понимаю-ста.

— Ну, такъ вези меня въ это Перхушкино, къ Сиротѣ.

Пріѣхали въ Перхушкино. На счастье, и Сирота былъ дома. Купецъ началъ говорить съ Сиротой.

— Вотъ что, любезный другъ:—можешь ты съѣздить въ Москву?

— Для-че не съѣздить баринъ?—живой рукой.

— Знаешь ты тамъ церковь Николы Столпа?

— Знаю, баринъ,—частенько стаивалъ у колоды.

Разговоръ шелъ въ избѣ у Сироты. Юргенсонъ вынулъ изъ дорожнаго сундучка перо и чернильницу, досталъ бумаги и что-то написалъ на ней.

— Такъ малость,—говорилъ послѣ Сирота знакомымъ мужикамъ:—словно мачкомъ посыпалъ.

Потомъ вынулъ изъ того же сундучка восковую свѣчку въ серебряной коробочкѣ, зажегъ эту свѣчку, досталъ палочку сургуча и запечаталъ письмецо своимъ перстнемъ.

— На̀,—говоритъ,—любезный другъ,—катай съ этимъ въ Москву, къ Николѣ Столпу, и отдай тамъ дьячку Алексѣю.

— Ладно, найдемъ.

— Тотъ дьячекъ дастъ тебѣ отписку ко мнѣ, такъ ты ее и привези ко мнѣ въ Сетунь—знаешь?

— Для-че не знать?—Сетунь-ту—знаю.

— Въ Сетуни я буду ночевать: спроси тамъ митавскаго купца Юргенсона. Понялъ.

Сирота почесался въ затылкѣ.

— Ну, ужъ это, баринъ, запамятую.

— Такъ спроси тамъ: гдѣ тутъ остановился господинъ тройкой съ ямщикомъ Карпомъ?

— Ну, это будетъ поспособнѣе.

На томъ и порѣшили. Сирота поѣхалъ въ Москву, а Юргенсонъ въ Сетунь.

Въ Сетуни они остановились на ночлегъ. Юргенсону отвели на постояломъ дворѣ особую комнату. Такъ какъ скоро наступилъ вечеръ, то пріѣзжій попросилъ себѣ на ужинъ молока, а послѣ ужина, какъ выражался впослѣдствіи хозяинъ постоялаго двора, «все читалъ въ книжку».

Скоро подъ окномъ, выходившимъ на улицу, послышался стукъ.

— Кто тамъ?—спросилъ проѣзжій.

— Изъ Москвы,—отвѣчали подъ окномъ.

— А кого вамъ надо?

— Здѣся остановился господинъ тройкой?

— Здѣсь. А ты кто?

— Я Сирота буду.

— Такъ иди въ избу.

Это былъ дѣйствительно Сирота. Войдя въ избу, онъ перекре-

стился, шибко тряхнулъ волосами, поклонился и полѣзъ за пазуху.

— Вотъ, сударь, дьячекъ прислалъ грамотку.

— Спасибо, любезный.

Прочитавъ записку, проѣзжій сказалъ Сиротѣ:

— Вотъ что, любезный: завтра пораньше поѣзжай ты опять въ Москву, къ дьячку Алексѣю. Онъ тебя проводитъ къ моей сестрѣ, а ты ужъ съ нею пріѣзжай сюда: она хочетъ встрѣтить меня въ каретѣ четверней.

— Ладно, баринъ, все будетъ какъ по-писанному.

— Хорошо, ступай.

— А не будетъ ли, ваша милость, на водочку? — Страхъ какъ умаялся.

Проѣзжій далъ ему серебряную монету.

На другой день, часу въ двѣнадцатомъ утра, къ постоялому двору дѣйствительно подъѣхала богатая карета четверней. На козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, сидѣлъ Сирота. Изъ кареты выпрыгнула хорошо одѣтая—не то барынька, не то барышня.

— Прахъ ее знаетъ,—толковали мужики, собравшіеся вокругъ кареты: —должно, барыня.

— Евоная сестра, — пояснялъ Сирота.

Пріѣхавшую провели прямо въ ту половину, гдѣ остановился Юргенсонъ.

— А, милая барышня! — обрадовался этотъ послѣдній: — здравствуйте.

— Здравствуйте, — смущенно отвѣчала пріѣхавшая, доставая изъ ридикюля записку.

— Вы отъ Марьи Дмитріевны?

— Да.

— Какъ я радъ! позвольте васъ поцѣловать.

Онъ поцѣловалъ смущенную дѣвушку и пробѣжалъ записку.

— Чудесно! наконецъ-то я опять буду въ Москвѣ. Что Марья Дмитріевна?

— Онѣ здоровы, слава Богу.

— А Петя?

— И Петя здоровъ.

— И Дуня, и Китовна? — А васъ нечего спрашивать: вы и выросли, и похорошѣли. Ѣдемте же.

Онъ расплатился съ хозяиномъ, съ Сиротою, велѣлъ своему ямщику ѣхать въ Москву, а самъ съ барышней сѣлъ въ карету и помчался къ Дорогомиловской заставѣ.

— И чудно все это, паря, —толковали оставшіеся мужики: — ни онъ купецъ, ни онъ баринъ.

— Нѣмецкой купецъ, сказываютъ.

— Нѣтъ, паря,—тутъ что-то неладно.

— А намъ што?—не пачпортъ спрашивать: въ Москвѣ разберутъ.

— Знамо, разберутъ... Вонъ кака̀ каретина царска.

— Што и говорить! онъ може, прынецъ какой, а мы—па̀чпортъ!

Карета, въѣхавъ въ Москву и исколесивъ верстъ пять по шумной столицѣ, въѣхала во дворъ дома генеральши Ляпуновой.

На крыльцо выбѣжала Дуня, радостная, сіяющая. Вышла и Китовна.

— Батюшка баринъ! Ѳедоръ Иванычъ! заждались мы васъ.

Фонъ-Вульфъ,—это былъ онъ,—со всѣми расцѣловался. Въ этомъ домѣ всѣ его знали, тѣмъ болѣе, что онъ былъ прежде другомъ покойнаго генерала.

Марья Дмитріевна встрѣтила его въ залѣ, да такъ и повисла у него на шеѣ.

— Ѳедя! Теодоръ! другъ мой! наконецъ-то.

— Да, больше четырехъ лѣтъ не видались.

— Какое время! какое ужасное время я пережила!

— А давно государыня соизволила на нашъ бракъ?

Этотъ вопросъ засталъ Марью Дмитріевну врасплохъ. Она смѣшалась, покраснѣла. Но ее выручилъ маленькій Петя. Онъ влетѣлъ въ комнату, таща за собой деревянную лошадь. Увидавъ незнакомаго мужчину, онъ остановился въ недоумѣніи.

— Петичка! Пьеръ! иди поздоровайся съ дядей,—заговорила Марья Дмитріевна:—не правда ли, какой милый мальчикъ?

Что-то неуловимое пробѣжало по лицу Вульфа, когда онъ увидѣлъ этого ребенка.

Почему-то моментально память его перенеслась въ далекое дѣтство. Въ Амстердамѣ, въ домѣ своего отца, онъ часто, каждый день, видѣлъ въ трюмо отраженіе вотъ такого же точно мальчика: мягкіе льняные волосы, необыкновенно бѣлое, нѣжное личико и точно такіе же свѣтлоголубые глаза. И какъ молнія пронеслась передъ нимъ вся его кочующая жизнь съ ея треволненіями и несбывшимися надеждами.

Онъ всталъ и приблизился къ мальчику. Онъ хотѣлъ улыбнуться и не могъ. Ребенокъ попятился назадъ, глядя съ боязнью на незнакомца.

— Ахъ, Петичка! чего ты боишься?— Дядя добрый.

Мальчикъ, заворотивъ своего коня, бѣгомъ пустился въ другія комнаты.

— У насъ никто не бываетъ изъ мужчинъ, оттого онъ и дикій такой,—пояснила Марья Дмитріевна:—а не правда ли (она оглянулась кругомъ, въ комнатѣ, кромѣ нихъ, никого не было), не правда ли,—сказала она тихо:—какъ онъ на тебя похожъ?—вылитой!

— Да,—отвѣчалъ фонъ-Вульфъ, задумчиво:—я какъ увидалъ его, такъ сейчасъ же вспомнилъ, что я такого же точно мальчика постоянно видѣлъ въ трюмо въ домѣ моего отца.

— Это ты, конечно, себя видѣлъ?

— Да... Однако, ты мнѣ, всетаки, еще не сказала, получила ли ты отъ государыни позволеніе возвратиться мнѣ въ Россію?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, милый, — перебила его хозяйка: — я не хочу говорить теперь о дѣлѣ, я такъ рада видѣть тебя.

— Кушать готово, пожалуйте,—заспаннымъ голосомъ проговорилъ лакей Макаръ, появившись на порогѣ.

XVII.

Поиски священника.

На другой день, утромъ, въ переднюю генеральши Ляпуновой вошелъ стройненькій, высокенькій юноша въ мундирѣ сержанта. Мундиръ былъ съ иголочки. Юный сержантъ смотрѣлъ совершеннымъ красавцемъ: сѣрые, веселые, смѣющіеся глаза, густыя, черныя брови дугой, чуть пробивающійся пушекъ надъ верхней губою, капризно вздернутый носикъ—все такъ и сверкало молодостью, свѣжестью.

— Генералъ у себя?—смѣло спросилъ сержантикъ полусоннаго Макара, который, какъ говорится, пòходя спалъ.

— Какой генералъ?—спросилъ онъ, показывая видъ, что стряхиваетъ пыль съ висѣвшаго въ передней платья.

— Генералъ-маіоръ Николай Ѳедоровичъ Ляпуновъ,—пояснилъ хорошенькій сержантикъ.

— Баринъ давно умерши, — отвѣчалъ лакей.

— А генеральша?

— Генеральша у себя.

— Можно ее видѣть?

— А какъ объ васъ доложить прикажете?

— Сержантъ Никитинъ.

— А по какому дѣлу-съ?

— А вотъ по какому: есть у нея лакей, Макаромъ зовутъ — такой лѣнтяй, что пòходя спитъ. Такъ его велѣно сослать туда, куда онъ телятъ не гоняетъ.

И сержантикъ звонко расхохотался. Ошеломленный Макаръ и руками развелъ.

— Ахъ, барышня! — вотъ шутница! — а я и въ самомъ дѣлѣ думалъ, что сержантъ... Вотъ озорница!

Дуня продолжала заливаться. Это была она, наряженная сержантомъ. Ей сшили надняхъ хорошенькое сержантское платье; а когда портной, снимавшій съ нея мѣрку, спрашивалъ, зачѣмъ это барышню наряжаютъ сержантомъ, то Марья Дмитріевна сказала ему, что скоро въ дворянскомъ собраніи будетъ костюмированный

балъ, и потому она хочетъ одѣть Дуню сержантомъ. Теперь она нарядилась въ этотъ костюмъ, подвела себѣ сажей брови, нѣсколько начернила усики, и подшутила надъ соннымъ Макаромъ.

— А что, испугался? — радовалась она.

— Испужаться, барышня, не испужался, а такъ — сразу-то — и опѣшилъ малость.

— То-то, собирайся же — сейчасъ ѣдемъ.

— Да я, барышня, готовъ-съ: мнѣ еще вчера въ вечеру крѣпко Китовна наказывала.

Между тѣмъ, у крыльца уже ждали готовые въ путь экипажи — карета четверней и рессорная коляска тройкой, та самая, въ которой фонъ-Вульфъ пріѣхалъ изъ-за границы. Вскорѣ на крыльцо вышли Ляпунова съ Вульфомъ, Дуня въ костюмѣ сержанта, Маша и Макаръ въ ливреѣ. Марья Дмитріевна и фонъ-Вульфъ сѣли въ карету, Макаръ всталъ на запятки, а Дуня и Маша помѣстились въ коляскѣ. Китовна съ Петей стояли на крыльцѣ и смѣялись, глядя на переряженную Дуню, которая дѣлала имъ честь повоенному.

Экипажи двинулись. Вульфъ сидѣлъ молчаливо, съ пасмурнымъ видомъ, а Марья Дмитріевна казалась смущенною.

— Всетаки, лучше бы намъ ѣхать въ Шкловъ, къ Зоричу,—говорилъ Вульфъ, глядя въ окно кареты.

— Ахъ, милый, я незнакома съ Зоричемъ,— возражала Марья Дмитріевна: — да мнѣ и совѣстно.

— Чего жъ тутъ совѣститься? — я васъ познакомлю.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за что!

— Но пойми, мой другъ, тамъ всего безопаснѣе вѣнчаться: Зоричъ прикажетъ попу — и насъ въ мигъ повѣнчаютъ.

— Да и въ деревнѣ у меня повѣнчаютъ — священникъ свой.

— А люди донесутъ?

— Не донесутъ.

— Да, легко это говорить! — разъ ужъ я посидѣлъ подъ карауломъ, да и высланъ изъ Россіи; а какъ теперь попадусь, такъ и въ Сибирь, пожалуй, угожу.

— Что ты! что ты! — Когда я буду твоею женой, тогда мнѣ легче будетъ испросить у государыни помилованіе тебѣ, какъ моему мужу.

— Не знаю, Мари, но все лучше было бы подъ крылышкомъ у Зорича: къ нему полиція не смѣетъ носу показать.

— А какъ же, Теодѳръ, — ты самъ же говорилъ, что при тебѣ арестовали у Зорича графовъ Зановичей, ихъ любовницу итальянку и Зоричевыхъ карловъ.

— А! то другое дѣло, душа моя: — то за фальшивыя ассигнаціи.

— Нѣтъ, какъ хочешь, Теодѳръ, а у меня въ деревнѣ не въ примѣръ безопаснѣе.

День былъ прекрасный. «Бабье лѣто» въ тотъ годъ стояло великолѣпное. Широкія полосы сжатаго хлѣба золотились подъ теплыми, яркими лучами солнца. Желтѣющій и краснѣющій лѣсъ поражалъ особенною цвѣтностью: листъ всѣхъ цвѣтовъ, начиная отъ темно-зеленаго и блѣдно-желтаго и кончая багрянымъ, придавалъ рощамъ видъ яркихъ цвѣтниковъ. Одуванчики выглядывали изъ зелени словно по первовесенью. Всходы озимей представляли изъ себя длинныя полосы зеленаго бархату. Въ воздухѣ, на деревьяхъ и по травѣ тянулись и тихо плыли серебряныя нити:—это были тонкія нити паутины, предвѣщавшія продолжительную, теплую и ясную осень. Высоко, высоко въ небѣ звонко перекликались хороводы перелетныхъ птицъ: то съ крикомъ тянулись къ югу на зимовку длинныя нити дикихъ гусей и журавлей—словно серебряныя выблескивали на солнцѣ ихъ вытянутыя шеи, широко распластанныя и медленно машущія въ воздухѣ крылья. Гладко укатанная послѣ дождей, совсѣмъ не пыльная дорога гулко отдавала ударами копытъ и шинованныхъ колесъ.

Проѣхавъ верстъ сорокъ, наши путешественники остановились покормить лошадей. Они не заѣхали въ село, а остановились въ одномъ живописномъ перелѣскѣ, на берегу небольшой рѣчки, чтобъ избѣжать непріятности быть предметомъ любопытства деревенскихъ зѣвакъ, а овса съ ними было достаточно, чтобы покормить лошадей.

Макаръ разостлалъ подъ старой развѣсистой сосной большой коверъ, вынулъ изъ экипажей подушки, притащилъ кульки съ провизіей и винами, и маленькая кампанія усѣлась пировать. Щедрая Китовна насовала въ кульки всего вдоволь: «кокурокъ» съ запеченными въ нихъ яйцами, сыру, колбасъ, коробку сардинокъ, жареную индѣйку, грушъ, яблокъ, нѣсколько бутылокъ вина, въ томъ числѣ и шампанскаго; не забыла и небольшой складной дорожный самоваръ со всѣмъ къ нему необходимымъ.

Вынувъ все это, Макаръ, который ожилъ на воздухѣ, началъ ставить самоваръ, а барышня готовить трапезу. Молодой сержантъ болталъ неумолкаемо.

— Я вынулъ ножи, я нарѣзалъ колбасы...

— Смотри же, Дуня, не осрамись въ церкви,—смѣялась Марья Дмитріевна, картинно развалившись на коврѣ.

— Здѣсь, сударыня, нѣтъ Дуни.

— Ахъ, забыла... сержантъ Никитинъ.

— Чево изволите, ваше превосходительство?—стрункой вытягивалась озорница Дуня.

— Не осрамись, говорю, въ церкви.

— Чѣмъ, ваше превосходительство?

— Не подпишись подъ обыскомъ—сержантъ Иванъ Никитинъ руку приложила.

— Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, этого никогда не будетъ.

Фонъ-Вульфъ не могъ не любоваться миловидностью этой бойкой дѣвушки. Какъ охотно онъ промѣнялъ бы на нее свою невѣсту! Послѣ того, что она надъ нимъ продѣлала, въ душу его засѣло чувство недовѣрія къ этой особѣ: онъ не могъ не возмущаться тѣмъ, что она ложью, обманомъ заманила его въ Россію, точно въ западню. Правда, это она сдѣлала изъ любви къ нему; но этимъ она заставила потускнѣть, какъ тускнѣетъ поверхность зеркала отъ дыханія, его дружеское, довѣрчивое чувство къ ней.

Какъ бы то ни было, пиръ вышелъ на славу. Особенное оживленіе трапезѣ придавали неугомонная Дуня и Макаръ. Послѣдній, по своей мѣшковатости и тупости, никакъ не могъ войдти въ роль заговорщика и, говоря съ Дуней, постоянно называлъ ее «барышней».

— Какъ ты смѣешь, олухъ, называть меня барышней!—озадачивала она его:—я сержантъ!

— Виноватъ, барышня... то бишь — сержантъ, — поправлялся Макаръ.

Всѣ смѣялись, и Макаръ приходилъ еще въ большее смущеніе.

Наконецъ, лошади были готовы, и наши путешественники снова двинулись въ путь.

Солнце было еще довольно высоко, когда они пріѣхали въ село Знаменки, имѣніе Ляпуновой. Марья Дмитріевна тотчасъ же послала за священникомъ, небольшой, но чистенькій домикъ котораго стоялъ въ зелени какъ разъ противъ барскаго дома, недалеко отъ церкви. Къ священнику послана была Дуня, которой наказано было, чтобы батюшка захватилъ съ собою обыскныя церковныя книги, такъ какъ генеральша де пріѣхала въ свою вотчину вѣнчаться.

Отецъ Иринархъ, сухой, съ живыми сѣрыми глазками старичокъ, явился вмѣстѣ съ Дуней, которая очень забавно изображала изъ себя мужчину, бравируя и голосомъ, и движеніями.

Подойдя подъ благословеніе и познакомивъ отца Иринарха съ женихомъ, Марья Дмитріевна сказала о цѣли своего пріѣзда въ вотчину.

— Благое дѣло, матушка, ваше превосходительство, — сказалъ отецъ Иринархъ:—сказано бо не добро быти человѣку едину.

— Да, да, батюшка, у меня же хозяйство,—какъ бы оправдывалась генеральша:—а я женщина, сами знаете.

— Какъ же, какъ же, матушка. Ваше же дѣло молодое, и Господь благословитъ ваше благоначинаніе... Такъ угодно будетъ приступить къ обыску?

— Да, батюшка, сдѣлайте милость. Вонъ на столѣ и чернильница.

Отецъ Иринархъ подошолъ къ столу, разложилъ на немъ обыскную книгу, вынулъ изъ кармана футляръ съ очками, досталъ оттуда нѣчто вродѣ двухъ огромныхъ стеколъ телескопа и возложилъ

эти орудія смотрѣнія на свой сухой носъ, который отъ этого сталъ такимъ жалкимъ, точно онъ попалъ подъ колеса. Умостившись около книги и испробовавъ перо на особой бумажкѣ, начертавъ неизбѣжную въ этомъ случаѣ фразу:

Проба пера и чернила,
Какая въ нихъ сила,—

батюшка сталъ что-то писать въ книгѣ, выставивъ номеръ, мѣсяцъ и число.

— Какъ прикажете ваше сіятельство записать?—обратился онъ къ Вульфу.

— Баронъ Өедоръ Ивановичъ фонъ-Вульфъ.

— Холосты или вдовствуете?

— Холостъ.

— Сколько имѣете лѣтъ отъ роду?

— Сорокъ одинъ.

— Въ какомъ чинѣ изволите обрѣтаться и какого вѣроисповѣданія?

— Римско-католическаго.

— Такъ-съ... А чинъ вашего сіятельства?

— Изъ прусской службы я вышелъ маіоромъ.

— Такъ вы изволите быть иностранцемъ—не россійскимъ подданнымъ?

— Да, я иностранецъ.

Отецъ Иринархъ положилъ перо. Онъ былъ въ недоумѣніи и не зналъ, что̀ ему дѣлать.

— Простите, ваше превосходительство,—обратился онъ къ хозяйкѣ:—я въ затрудненіи.

— Почему же, отецъ Иринархъ?—спросила Марья Дмитріевна дрогнувшимъ голосомъ.

— Не дерзаю-съ, матушка.

— Что же?—вѣдь у насъ свидѣтели.

— Не дерзаю-съ преступить консисторскіе указы, законы-съ... Конечно, я не смѣю полагать, чтобы ихъ сіятельство, такъ сказать, сокрыли...

— Что сокрыли?

— Вступленіе въ бракъ... такъ сказать, въ ихней землѣ... потому ежели... Паче же, матушка, воизбѣжаніе сумлѣнія, не благоволятъ ли ихъ сіятельство предъявить свой па̀чпортъ.

И Марья Дмитріевна и фонъ-Вульфъ замялись.

— Паспортъ, вы говорите?... Да... Но, къ сожалѣнію, я забылъ его въ Москвѣ,—видимо сбивался послѣдній.

— Но помилуйте, отецъ Иринархъ,—вступилась Марья Дмитріевна:—развѣ вы меня не знаете?

— Какъ не знать, матушка?—Вы моя госпожа... А только воля ваша... За это меня разстригутъ—въ монастырь на смиреніе со-

шлютъ, а то и горшее бремя наказанія возложутъ на меня власти, а вы знаете, матушка,—у меня дѣти, самъ—сёмъ колочусь..

Онъ всталъ и, закрывъ книгу, дрожащими руками всовывалъ свои телескопы въ огромный футляръ.

— Ну, какъ хотите,—холодно сказала Марья Дмитріевна:—мы найдемъ другаго священника.

— Дай Богъ вамъ, дай Богъ, матушка, —бормоталъ растерявшійся отецъ Иринархъ:—а я, видитъ Богъ, не могу, не дерзну... указы святѣйшаго правительствующаго синода... не взыщите...

И, робко поклонившись, онъ незамѣтно скрылся за дверью.

XVIII.

Опять въ тайной экспедиціи.

Увы!—Вмѣсто свадебнаго пира нашихъ героевъ ожидала тайная экспедиція.

Мягкій свѣтъ осенняго солнца ярко освѣщаетъ обширную залу присутствія, играетъ на позолотѣ зеркалъ съ золотымъ двуглавымъ орломъ и на золотой оправѣ очковъ секретаря съ совинымъ взглядомъ, отливаясь серебромъ на сѣдыхъ головахъ трехъ судей тайнаго судилища. Всѣ они въ молчаніи ждутъ ввода подсудимаго. Тихо въ обширномъ судилищѣ. Слышенъ только шорохъ бумаги, производимый секретаремъ, да жужжитъ гдѣ въ углу муха, попавшая въ паутину.

Отворяется дверь, за которою сверкаютъ два штыка, и въ залу входитъ Вульфъ. Онъ держитъ себя съ достоинствомъ, но блѣдность и сѣдина, сверкнувшая на солнцѣ, изобличаютъ, что за послѣдніе дни онъ много пережилъ.

— Подсудимый! утверждаетесь ли вы на показаніи, данномъ вами на допросѣ у оберъ-полицеймейстера Козлова?—равнодушнымъ тономъ спросилъ первоприсутствующій, словно бы онъ говорилъ: «прошу садиться».

— Утверждаюсь,—былъ такой же равнодушный отвѣтъ.

— Повторите оное здѣсь вкратцѣ.

Вульфъ вздохнулъ. Видно было, что все это надоѣло ему, перемучило, и онъ началъ усталымъ голосомъ, монотонно, изрѣдка останавливаясь, чтобы что-то припомнить.

— Въ мартѣ 1790 года, вывезенъ я былъ изъ Россіи, подъ стражею, чрезъ польскую границу, чрезъ форпостъ Толочинской. Генеральша Ляпунова тайно отъ мужа провожала меня до первой станціи. Въ Толочинѣ прожилъ я мѣсяца съ три. Оттуда писалъ къ Ляпуновой о присылкѣ денегъ черезъ почту. Адресовалъ письма на имя живущаго на Срѣтенкѣ портнаго, иностранца Еремія. Ля-

пунова прислала мнѣ сто четыре червонца, лошадей моихъ и нѣкоторыя вещи, чрезъ иностраннаго купца Карла Штрема, и притомъ писала, чтобъ чрезъ портнаго Еремія не посылать ей писемъ, а чрезъ камердинера графа Ѳедора Андреевича Остермана-Шмита. Ляпунова должна была мнѣ до сорока тысячъ по векселямъ, которые я возвратилъ ея мужу безденежно, за что Ляпуновъ подарилъ мнѣ пару лошадей, а жена его выдала мнѣ въ той суммѣ росписку. Росписку эту я оставилъ въ прусской Силезіи у капитана Котолонскаго, который мнѣ пріятель, опасаясь, дабы въ случаѣ, когда захватятъ меня здѣсь со всѣми бумагами, оная не утратилась.

Онъ остановился, какъ бы что припоминая. Въ залѣ царствовала мертвая тишина; только слышно было, какъ въ паутинѣ билась муха, а за окномъ гугнявоворковали голуби.

— Получа отъ Ляпуновой деньги,—продолжалъ онъ:—поѣхалъ я въ Силезію и явился тамъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, графу Гойму, и жаловался на шефа вольнаго корпуса и моего командира, барона Шлихтена, въ томъ, что онъ не доставилъ свѣдѣній о моей службѣ къ московскому главнокомандующему, когда меня обвиняли здѣсь въ самозванствѣ.

— Свѣдѣніе было доставлено,—поправилъ его секретарь, вскинувъ на него и на судей свой совиный взглядъ.

— Да, точно,—подтвердилъ и Вульфъ:—баронъ Шлихтенъ оправдался, представя копіи съ своихъ писемъ въ Россію и отвѣты на нихъ.

— Послѣ того,—продолжалъ онъ:—графъ Гоймъ приказалъ мнѣ остаться въ прусскомъ мѣстечкѣ Гарау и испросилъ у короля позволеніе жить мнѣ въ Пруссіи. Когда я жилъ въ Гарау, то пріѣзжалъ ко мнѣ отъ Ляпуновой офицеръ Красовскій съ письмомъ. Ляпунова писала, что мужъ ея умеръ, и она послѣ него получила въ наслѣдство болѣе трехсотъ душъ, 170,000 рублей денегъ, кромѣ бриліантовъ и серебра, и что она, въ благодарность за возвращенные ей векселя и за претерпѣнное мною, хочетъ выйдти за меня замужъ, и что когда получитъ отъ меня отвѣтъ, то, по раздѣлѣ имѣній съ малолѣтнимъ сыномъ своимъ, пріѣдетъ ко мнѣ, въ Силезію. При этомъ писала, что посылаетъ мнѣ пятьсотъ червонцевъ и куній мѣхъ. Мѣхъ я получилъ, а объ червонцахъ Красовскій сказалъ, что у него ихъ на дорогѣ украли. Красовскій сообщилъ мнѣ, что ни писемъ, ни портрета моего, которые я къ ней послалъ чрезъ камердинера Шмита, она не получала, и предложилъ мнѣ вести переписку съ Ляпуновой чрезъ брата его, Андрея Красовскаго, секретаря въ витебскомъ городовомъ магистратѣ, но чтобъ я не подписывалъ своего имени, потому что на почтѣ письма распечатываютъ. Красовскаго я отправилъ въ Москву, далъ ему на дорогу семьдесятъ червонцевъ и письмо къ Ляпуновой, въ

которомъ писалъ, что если она хочетъ за меня замужъ, то пріѣзжала бы ко мнѣ въ Пруссію, и что я, въ ожиданіи ея, на другой не женюсь. Вскорѣ получилъ я отъ нея письмо, что раздѣлъ ея съ сыномъ конченъ и ничто не препятствуетъ ей пріѣхать ко мнѣ, и чтобы я приблизился къ границѣ для встрѣчи ея. Поэтому и выѣхалъ я въ Митаву 11-го іюля 1793 года, а въ августѣ послалъ въ Москву своихъ людей и камердинера Карла Гензеля съ кучеромъ Юстомъ на своихъ лошадяхъ, съ паспортомъ изъ Риги, для препровожденія ко мнѣ Ляпуновой....

Въ это время за стѣной послышался стонъ, потомъ женскій хохотъ. Фонъ-Вульфъ остановился. Хохотъ продолжалъ звучать дикими тонами. Секретарь всталъ изъ-за стола и вышелъ, но вскорѣ воротился.

— Съ госпожей Ляпуновой истерика,—сказалъ онъ спокойно.

— Ничего, пройдетъ, —равнодушно замѣтилъ первоприсутствующій: — продолжайте.

Вульфъ, стараясь не слышать хохота и рыданій, продолжалъ.

— Люди мои прожили у Ляпуновой въ домѣ дня три, послѣ чего она отправила ихъ обратно ко мнѣ съ письмомъ, извѣщая, что осталась въ Москвѣ для собранія своихъ денегъ по векселямъ и закладнымъ, и пріѣдетъ ко мнѣ непремѣнно въ январѣ. По полученіи этого письма я писалъ къ королю прусскому, объясняя, что намѣренъ жениться на русской генеральшѣ, вдовѣ, и просилъ о пожалованіи мнѣ инколата, то есть диплома на право покупать въ Пруссіи деревни, и притомъ просилъ дозволенія носить мундиръ арміи прусской. Король прислалъ мнѣ дозволеніе на все, что̀ я просилъ. Но въ январѣ нынѣшняго года Ляпунова ко мнѣ не пріѣхала, и я послалъ къ ней камердинера своего съ оригинальнымъ отвѣтомъ короля, для удостовѣренія ея въ королевскомъ благоволеніи, и притомъ писалъ, что если она ко мнѣ не пріѣдетъ, то сдѣлаетъ меня передъ королемъ обманщикомъ, и требовалъ отъ нея рѣшительнаго отвѣта.

Онъ остановился и прислушался. За стѣной было тихо, только съ улицы доносилось знакомое протяжное выкрикиванье:

Макъ медо̀вый,
Для сна бѣдо̀вый.

Вульфъ вспомнилъ, что это самое выкрикиванье слышалъ онъ шесть лѣтъ назадъ, когда его первый разъ везли въ тайную экспедицію.

— Въ мартѣ, — продолжалъ онъ, вздохнувъ: — возвратился камердинеръ изъ Москвы и разсказалъ, что вмѣстѣ съ купцомъ Шоу, съ которымъ онъ пріѣхалъ изъ Митавы, онъ стоялъ три дня въ трактирѣ «Царьградъ», гдѣ ихъ обокрали и нѣсколько разъ представляли губернатору. Гензель показывалъ Ляпуновой отвѣтное письмо короля прусскаго, но она не умѣла читать понѣмецки, а

читалъ ей какой-то лекарь. Гензель привезъ мнѣ обратно королевское письмо и письмо отъ Ляпуновой. Она отвѣчала, что намъ въ королевскомъ жалованьѣ нужды нѣтъ, потому что она старается исходатайствовать у императрицы милость, чтобъ позволено мнѣ жить въ Москвѣ. Потомъ писала, что я могу самъ пріѣхать, потомъ, что она выпросила мнѣ высочайшее соизволеніе возвратиться въ Москву и на ней жениться. Она просила меня пріѣхать и остановиться въ Сетуни, въ десяти верстахъ отъ Москвы.

— Хорошо, — остановилъ его первоприсутствующій: — дальше мы знаемъ. А какъ взяли васъ послѣ того, какъ священникъ не согласился на вѣнчаніе?

— Послѣ отказа священника, — отвѣчалъ Вульфъ: — мы переночевали въ Знаменкахъ, и Ляпунова хотѣла, чтобъ я ѣхалъ съ нею обратно въ Москву, но я не соглашался, а хотѣлъ ѣхать обратно за границу. Но какъ у нея былъ одинъ экипажъ, а другой принадлежалъ мнѣ, съ нею же были двѣ дѣвушки, лакей и кучеръ, и всѣмъ имъ въ одномъ экипажѣ помѣститься было невозможно...

— Ну, возможно, — перебилъ его первоприсутствующій: — карета была четвероместная .. Ну-съ?

— Такъ Ляпунова рѣшилась ѣхать со мною далѣе по Петербургской же дорогѣ въ домъ извозчика, который съ нами ѣхалъ — за Клиномъ, въ 35 верстахъ, а въ какомъ селеніи — не упомню.

— Въ Городищѣ, — подсказалъ секретарь.

— Да, точно. Мы намѣревались, чтобъ мнѣ тамъ остаться, а ей ѣхать съ своими людьми въ обоихъ экипажахъ въ Москву, мнѣ же дожидаться возвращенія моей коляски и потомъ слѣдовать за границу. 12-го сентября, пріѣхали мы въ домъ къ извозчику вечеромъ, гдѣ и ночевали; а на другой день извозчикъ имѣлъ надобность остаться дома, а въ проводники давалъ намъ своего сына, который въ то время былъ на работѣ. Я остался еще день у извозчика. Между тѣмъ, Ляпунова потихоньку отъ меня посылала извозчика. искать священника, который обвѣнчалъ бы насъ, — и нашелъ такого въ деревнѣ Шошѣ, но онъ не могъ пріѣхать по случаю праздника. Тогда я, не желая больше тамъ жить, упросилъ Ляпунову ѣхать въ Москву. 14-го числа, она уѣхала, и разстались съ тѣмъ, чтобъ она выхлопотала мнѣ дозволеніе служить и быть русскимъ подданнымъ, а въ случаѣ неудачи — чтобы она пріѣхала ко мнѣ, въ Митаву. Но на другой день пріѣхалъ въ то селеніе вѣдомства московской управы благочинія частный приставъ и, взявъ меня, за стражею привезъ въ Москву, представилъ оберъ-полицеймейстеру, а отъ него представленъ къ губернатору, а отъ губернатора я препровожденъ сюда.

Вульфъ кончилъ. Его видимо утомило продолжительное показаніе. Солнце довольно поднялось къ полудню и измѣнило картину освѣщенія залы, длиннаго судейскаго стола съ зерцаломъ,

которое бросало теперь тѣнь на худое лицо секретаря и ярко горѣло позолотою рамъ и двуглаваго орла.

— Ну, а относительно политическихъ обстоятельствъ?—спросилъ первоприсутствующій, медленно нюхая табакъ изъ дорогой «пожалованной» табакерки.

Вульфъ тряхнулъ головой — онъ чувствовалъ, какъ она отяжелѣла.

— Въ бытность мою сей разъ за границею, — началъ онъ усталымъ голосомъ: — во все время нигдѣ я, кромѣ Пруссіи, не жилъ, ни съ кѣмъ никакихъ относящихся до нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ связей, ни переписокъ не имѣлъ, ниже когда либо мысленно занимался чѣмъ нибудь на вредъ какой либо націи; въ Россію же осмѣлился въѣхать, по увѣренію госпожи Ляпуновой, что пребываніе мнѣ здѣсь позволено, въ чемъ я нимало не сомнѣвался и считалъ себѣ за долгъ вѣрить такой особѣ, которая совсѣмъ мнѣ предана и готовилась быть мнѣ супругою.

— Довольно; можете идти.

Вульфъ вышелъ, шатаясь. Въ дверяхъ опять блеснули штыки.

— Ввести генеральшу Ляпунову.

Секретарь вышелъ, а присутствующіе съ улыбкой переглянулись.

— Видно, какъ кошка влюблена, — бросилъ словцо первоприсутствующій.

— Не мудрено — мужикъ рожій.

— А второй разъ влопался, — замѣтили другіе члены.

— Что жъ! — и баба сытная...

Дверь отворилась, сверкнули штыки, и въ залу вошла Ляпунова подъ густою, чорною вуалью.

— Возьмите мѣсто, сударыня,— любезно сказалъ первоприсутствующій, указавъ на стоящее въ сторонѣ кресло: — и потрудитесь приподнять вуаль.

Ляпунова повиновалась. Красивое лицо ея было заплакано.

— Извините, сударыня, долгъ службы, — еще ласковѣе заговорилъ главный судья: — мы васъ долго не задержимъ. Скажите, пожалуйста, вы утверждаетесь на томъ, что изволили показать оберъ-полицеймейстеру?

— Да, — былъ чуть слышный отвѣтъ.

— Прекрасно-съ... Потрудитесь же теперь сказать ваше послѣднее слово.

Не глядя ни на кого, Марья Дмитріевна сказала:

— Я введена въ обманъ... Мнѣ обѣщали высочайшую милость, и я вызвала сюда барона... Когда же онъ узналъ здѣсь, что милость еще не вышла, то изъ страха быть пойманнымъ хотѣлъ возвратиться за границу... Но моя любовь и убѣжденіе къ нему, кое я почитаю пуще самой смерти, отъ того его удержало, ибо я отпу-

стить его никакъ не соглашалась... Впрочемъ, я совершенно теперь чувствую тотъ сдѣланный мною дерзновенный поступокъ, который я отважилась сдѣлать противъ высочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія, что свела непозволенную переписку съ изгнаннымъ изъ Россіи человѣкомъ...

— Точно, точно, сударыня.

— Но вся наша переписка состояла въ единственномъ увѣреніи съ обѣихъ сторонъ въ любви.

— Прекрасно, сударыня, это вполнѣ должно облегчить вашу участь.

— Я надѣюсь, господа судьи... Все это я дѣлала единственно изъ непосредственной къ Вульфу приверженности и любви, и для того прошу всемилостивѣйшаго отъ ея величества въ томъ помилованія, ибо ей самой сіе нѣжное чувство свѣдомо...

Первоприсутствующій крякнулъ и нетерпѣливо завертѣлся въ креслѣ, а секретарь усиленно зашуршалъ бумагами...

— Я осмѣливаюсь утруждать государыню,— продолжала Ляпунова, ничего не замѣтивъ:—дабы мнѣ дозволено было съ Вульфомъ вѣнчаться, ибо я увѣрена, что если онъ удостоенъ будетъ высочайшаго прощенія и будетъ принятъ въ службу, то совершенно самъ ту свою вину заслужить можетъ.

Марья Дмитріевна окончательно пріободрилась отъ любезнаго обращенія съ ней страшнаго судьи, котораго она воображала себѣ въ видѣ заплечнаго мастера, съ орудіями пытки, вздергивающаго ее на дыбу, и послѣднюю свою рѣчь говорила не безъ кокетства: «о, да тайная совсѣмъ не страшна»,—сквозило въ ея повеселѣвшихъ глазахъ: — «а я-то, дура, боялась».

— Да, да, сударыня,—ободрялъ ее первоприсутствующій:—надѣйтесь на матернее милосердіе ея императорскаго величества... Мы васъ больше не смѣемъ задерживать.

И Марья Дмитріевна, торжествующая и гордая, кокетливо поклонившись «милымъ старичкамъ» и опустивъ на лицо вуаль, вышла изъ залы суда королевой.

— А глупёшенька таки барынька, — улыбнулся страшный судья: — ухъ, какъ глупа!

— А смазливая бабенка, — замѣтилъ другой судья.

— У нѣмца-то губа не дура—зналъ, кого слопать.

— Чай, и на тебя доведись, такъ не въ-промахъ бы ударилъ.

— Да, да... Ввести Красовскаго!— скомандовалъ главный «милый старичекъ».

Опять тихо въ тайномъ судилищѣ. Только муха продолжала биться.

— Ишь жужжитъ, окаянная, — замѣтилъ кто-то.

— Да, къ намъ, въ тайную попалась.

Дверь отворилась, и у порога показалась робкая фигура субъ-

екта, повидимому, скромнаго и вкрадчиваго, но по натурѣ хищнаго, способнаго заползать въ чужой карманъ. Это было что-то развинченное или безпозвоночное — такъ легко гнулась его спина.

— Ты Красовскій? — спросилъ первоприсутствующій.

— Красовскій-съ, ваше высокопревосходительство.

— Тебѣ извѣстно, что̀ показываетъ на тебя генеральша Ляпунова?

— Извѣстно-съ, только это поклепъ-съ... Дѣло было такъ-съ, ваше сіятельство: въ 1792 году, вознамѣрился я ѣхать въ Польшу для свиданія съ своими родственниками и получилъ-съ па̀спортъ. Генеральша Ляпунова, которая крестила у меня дочь, узнавъ объ этомъ, просила меня развѣдать объ иностранцѣ Вульфѣ — живъ ли онъ, гдѣ находится, и въ какомъ состояніи, и дала мнѣ для доставленія къ нему письмо и денегъ ассигнаціями тысячу сто рублей и куній мѣхъ. Деньги я обмѣнялъ въ Москвѣ на червонные и выѣхалъ 10-го января. Проѣзжая городъ Венгровъ, на постояломъ дворѣ у меня украли деньги изъ-подъ подушки. Вульфа я нашелъ въ польскомъ мѣстечкѣ Сховѣ, гдѣ онъ проживалъ. У него я прожилъ-съ съ недѣлю. Потомъ, повидавшись съ своими родственниками, возвратился я въ Москву въ апрѣлѣ-съ. Вскорѣ, когда я вознамѣрился ѣхать въ Петербургъ хлопотать о мѣстѣ-съ, госпожа Ляпунова объявила мнѣ, что она намѣрена просить государыню о дозволеніи ей для поправленія своего здоровья, а̀ тѣмъ паче-съ отъ притѣсненія ея родственниковъ, выѣхать изъ Россіи въ чужіе края, и просила меня написать такого содержанія письмо-съ, которое я тогда же и написалъ-съ. Госпожа Ляпунова просила меня исполнить эту коммиссію чрезъ петербургскихъ моихъ пріятелей-съ, о которыхъ я ей пересказалъ, увѣривъ ее, что я очень хорошо рекомендованъ отъ почтъ-директора Пестеля графу Безбородкѣ-съ и совершенно надѣюсь всѐ то ея желаніе исполнить-съ. Поэтому она какъ на проѣздъ мой, такъ равно и на изъисканіе случая къ подачѣ того письма передавала мнѣ въ разныя времена до четырехъ тысячъ рублей-съ, а не тридцать тысячъ, какъ она показываетъ, ибо я совершенно могъ бы и большею суммою воспользоваться по хорошему ея ко мнѣ расположенію, но я толикой суммы отъ нея не получалъ. Письмо же къ государынѣ я подать не осмѣлился, и, не показывая никому, оное оставилъ у себя, которое и нынѣ у меня находится.

Онъ полѣзъ въ карманъ и досталъ измятый пакетъ, который и положилъ на столъ около секретаря.

— Вотъ оно-съ, — сказалъ онъ, застегиваясь.

— Все? — спросилъ первоприсутствующій.

— Все-съ.

— Можешь идти.

Пріятель Пестеля юркнулъ въ дверь, словно мышь въ нору.

— Жуликъ отъявленный,—замѣтилъ первоприсутствующій:— теперь остаются дѣвочки... Введите Лебедеву, господинъ секретарь... Вѣдь это совсѣмъ дѣти.

Секретарь вышелъ, и тотчасъ же въ дверяхъ показалось смущенное, веснущатое личико Маши. Она остановилась и потупилась.

— Подойдите, милая, поближе, — ласково сказалъ первоприсутствующій: — не бойтесь, говорите смѣло все, что знаете.

Маша сдѣлала нѣсколько шаговъ и заплакала: слезы такъ и закапали сквозь пальцы, которыми она закрыла раскраснѣвшееся лицо.

— Объ чемъ же вы плачете, милая? Скажите только все, что знаете о намѣреніи генеральши Ляпуновой тайно обвѣнчаться съ иностранцемъ Вульфомъ.

— Я ничего не знаю, — всхлипывала дѣвушка: — меня Марья Дмитріевна посылала въ Сетунь для встрѣчи Вульфа... я и ѣздила, не посмѣла не поѣхать... она мнѣ какъ мать... А потомъ мы всѣ поѣхали въ Знаменки вѣнчаться, а батюшка не согласился... Тогда мы поѣхали въ Городище и тамъ распрощались, мы съ Марьею Дмитріевною и съ Дунею Бубновою уѣхали въ Москву, а онъ, Вульфъ, остался тамъ. Разговоровъ ихъ я не понимала, потому что они говорили пофранцузски... Потомъ насъ взяли...

За слезами она не могла больше говорить.

— Перестаньте же плакать,—уговаривалъ ее предсѣдатель: — вѣдь все ужъ... Сейчасъ васъ освободятъ, вы тутъ не причемъ...

— Какъ не причемъ!—продолжала рыдать дѣвушка: —я потерпѣла поносное заключеніе... двѣ недѣли... въ тюремномъ замкѣ... не вѣдая за собою никакого... криминальнаго дѣла... Я дѣвушка благороднорожденная... я чувствую всю тягость причиненнаго мнѣ безчестія...

— Полно же, полно, милая! — подошелъ къ ней первоприсутствующій: —идите себѣ съ Богомъ, вы свободны... Господинъ секретарь! прикажите ее вмѣстѣ съ подругою отправить домой въ каретѣ, съ должною честію... Идите же, милая.

Маша вышла вмѣстѣ съ секретаремъ.

— Ну, посмотримъ теперь на сержанта,—улыбнулся первоприсутствующій, нюхая табакъ.

У порога показалась зардѣвшаяся рожица юнаго сержантика. Дуня была все въ томъ же маскарадномъ уборѣ и такая же, какъ и была, хорошенькая.

— А! здравствуйте, господинъ сержантъ!—невольно разсмѣялся первоприсутствующій: —какъ поживаете? какого полка?

Дуня окинула всѣхъ своими большими сѣрыми глазами и, видя добродушныя лица старичковъ, съ любовью, какъ на шалуна ребенка, глядящихъ на нее, невольно улыбнулась, сверкнувъ своими

перламутровыми зубами, и эта улыбка какъ бы говорила: «да какіе же они всѣ смѣшные!»

— Ну, господинъ сержантъ, что̀ вы намъ хорошенькаго скажете? а? — допрашивалъ ее «старикашка съ табачнымъ носомъ», какъ послѣ называла его Дуня: — а?

— Поѣхала я съ Марьей Дмитріевной вѣнчаться, — начала подсудимая храбро.

— Вотъ какъ! — озадачилъ ее «старикашка съ табачнымъ носомъ»: — а намъ облыжно донесли, что она якобы хотѣла вѣнчаться съ Вульфомъ, та за него хотѣла выйдти замужъ, а не за васъ... Вотъ такъ новость!

Дуня не выдержала и разсмѣялась совсѣмъ подѣтски. Засмѣялись и строгіе судьи.

— Ну-съ, это любопытно, — продолжалъ «табачный носъ»: — поѣхали вы вѣнчаться...

— Не я, а Марья Дмитріевна... а меня нарядили сержантомъ, — оправдывалась Дуня.

— Для чего же-съ? ради машкараду?

— Нѣтъ... чтобы быть мнѣ при брачномъ обыскѣ росписчикомъ.

— И вы были-съ?

— Нѣтъ, батюшка не захотѣлъ.

— И хорошо сдѣлалъ. Ну-съ?

— А насъ взяли въ тюрьму понапрасну... Это для меня поношеніе и безчестіе...

— Ничего, милая дѣвочка, до свадьбы заживетъ... Все-съ?

— Все...

— Немного же... И то правда: хорошенькаго понемножку... Идите же, милая дѣвочка, съ Богомъ: васъ съ подругой отвезутъ домой въ каретѣ... Прощайте!

— Прощайте-съ... — и юный сержантъ скрылся за дверь.

— Сущіе ребята, — улыбнулся первоприсутствующій: — попались какъ куръ во̀ щи... Въ такомъ духѣ объ нихъ и донесеніе слѣдуетъ изготовить государынѣ императрицѣ. А всему причиной эта баба, Ляпуниха, глупа, какъ карандашъ, что ни вели, то и нацарапаетъ, а какую кашу заварила! А объ государынѣ-то что̀ ляпнула, замѣтили?

— Какъ не замѣтить! еще бы?

— Охъ, глупость, глупость! — не на китахъ, а на ней земля стоитъ...

XIX.

Въ кабинетѣ императрицы.

Угрюмый осенній день нависъ надъ Петербургомъ. Тяжелыя, сплошныя облака обложили все небо. Безпрерывный дождь вотъ уже второй день хлещетъ, а западный вѣтеръ, свистя и завывая

гонитъ со взморья тучу за тучей, словно бы земля срывалась съ основанія, а опрокинувшееся море разверзало всѣ свои водныя хляби и заливало бѣдную землю. Съ крѣпости то-и-дѣло слышались пушечные выстрѣлы. Нева поднялась, вздулась и катила свои свинцовыя воды назадъ, вспять отъ моря. По этой вспухшей поверхности рѣки безпомощно трепались суда, лодки, барки съ дровами и сѣномъ, разбиваемыя одна о другую и выбрасываемыя на набережную. Выбившіеся изъ силъ люди, мокрые, иззябшіе, метались по палубамъ, мостамъ и набережнымъ, не зная, за что ухватиться, что̀ спасать, гдѣ прятаться. Подвалы залиты водой, торцовыя мостовыя вспучились,—а вѣтеръ и дождь не унимаются, огромные валы по Невѣ такъ и ходятъ.

Императрица стояла у окна и задумчиво смотрѣла на бушующую Неву, на быстро несущіяся отъ взморья тучи, на безпощадно мечущихся людей. Она была одна въ своемъ кабинетѣ.

— Не легко бѣднымъ людямъ жить на свѣтѣ... А мы вотъ здѣсь въ теплѣ, въ холѣ и волѣ...

Она отошла отъ окна и приблизилась къ столу, чтобы работать; но потомъ снова задумалась.

Почему-то въ это угрюмое осеннее утро у нея изъ головы не выходилъ образъ того человѣка, котораго за то только, что онъ написалъ не понравившуюся ей книгу, ея сенатъ присудилъ къ смертной казни.

— Къ смерти!—Неужели сенатъ сдѣлалъ это изъ угодливости мнѣ?.. Да, это несомнѣнно—это чтобъ мнѣ угодить...

Она почувствовала, какъ краска разомъ залила ея щеки.

— Какъ же господа сенаторы дурно обо мнѣ думаютъ!

И краска все сильнѣе и сильнѣе заливала ея полное, старчески уже обвисавшее лицо.

— Хорошо, что я замѣнила смертную казнь ссылкою въ Сибирь... И то жестоко... Стара стала—оттого...

Она снова подошла къ окну. Вѣтеръ продолжалъ завывать порывами и дождь хлесталъ косыми полосами въ стекла.

— Нѣтъ!—Она улыбнулась.—Это сенаторы испугались за свою шкуру—вотъ что!.. Не даромъ эпиграфомъ своей вредной книги онъ поставилъ:

Чудище обло, озорно, стозѣвно и лаяй.

Тихій шорохъ толстой портьеры заставилъ ее обернуться.

— А!—это ты, Платонъ.

Въ кабинетъ, неслышно ступая по мягкимъ коврамъ, вошелъ молодой человѣкъ въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ—красивый, ловкій, широкоплечій, съ прекрасными чорными, женственно мягкими глазами. Это былъ Платонъ Зубовъ.

— Что, приняты мѣры для безопасности столицы?—спросила она съ прояснившимся лицомъ.

— Приняты, государыня.—Сейчасъ пріѣзжалъ Архаровъ доложить, что вѣтеръ падаетъ и Нева пошла на убыль.

— Ну, слава Богу... А то у меня все сердце переболѣло за бѣдныхъ людей — шутка ли!

Она подошла къ своему любимцу и, положивъ руку на плечо, взглянула ему въ глаза.

— Скажи, Платонъ, откровенно: не слишкомъ ли я жестоко поступила, сославъ автора этой книги въ Сибирь? — спросила она, указывая на лежавшую на столѣ книгу.

— Нѣтъ, государыня, совсѣмъ не жестоко, а больше чѣмъ милостиво,—отвѣчалъ Зубовъ:—вѣдь сенатъ присудилъ его къ смертной казни.

— Такъ-то, такъ, мой другъ,—ласково сказала императрица:— а знаешь, что̀ писалъ по этому поводу графъ Воронцовъ, Семенъ?

— Не слыхалъ, государыня.

— А то, что «если де за книгу такое наказаніе, то что же должно быть за явный бунтъ?»

— Его, государыня, лорды тамъ въ Лондонѣ избаловали—Питты да Гранвили, оттого онъ и вольнодумничаетъ,—улыбнулся Зубовъ.

— Ты правъ, Платонъ: легко ему оттуда такъ писать... За явный бунтъ!—Да Радищевъ хуже бунтовщика, хуже Пугачова! Онъ хвалитъ Франклина, какъ начинщика, и себя такимъ же представляетъ [1])!

— Я помню, государыня,—я читалъ его книгу: превредная!

Имератрица положила руку на книгу.

— Тутъ разсѣваніе заразы французской! отвращеніе отъ начальства!.. Авторъ-мартинистъ! [2]).

— Да, государыня, онъ дѣйствительно стоилъ казни.

— А не забудь, мой другъ!—волновалась императрица:—когда я приказывала разсмотрѣть его дѣло въ совѣтѣ, чтобъ не быть пристрастною, я велѣла объявить, дабы не уважали до меня касающееся, понеже я то презираю!—Но, мой другъ, j'aime à dire avec Racine:

Celui qui met un frein à la fureur des flots,
Sait aussi des méchans arrêter les complots.
Soumis avec respect à la volonté sainte,
Je crains Dieu—et n'ai point d'autre crainte [3]).

Зубовъ молчалъ. Онъ видѣлъ, что государыня взволнована, и не зналъ, какъ отвлечь ее отъ мрачныхъ мыслей, которымъ она въ послѣднее время все чаще и чаще предавалась. Поэтому онъ обрадовался, когда за портьерой услыхалъ голосъ Льва Нарышкина, который говорилъ:

---

[1]) Дневникъ Храповицкаго, 340 (подлинныя слова Екатерины).
[2]) Тамъ же, 338.
[3]) Тамъ же, 344.

— Ну, Захарушка, говори: слава Богу!

— Что, батюшка, Левъ Александровичъ, — слышался голосъ Захара: — али вода убываетъ?

— Убываетъ, Захарушка, убываетъ.

— Да вы, батюшка, мокрехоньки!

— Еще бы! вить поросятъ своихъ спасалъ.

Екатерина улыбнулась. Она ужъ догадалась, что «Лёвушка» выдумалъ какую нибудь проказу, чтобъ отвлечь ее отъ хандры, чаще и чаще посѣщавшей старѣющую императрицу.

Изъ-за портьеры показался Нарышкинъ. Онъ былъ дѣйствительно промоченъ дождемъ. Съ парика его скатывались капли.

— Ну, матушка государыня, — заговорилъ онъ, вступая въ кабинетъ: — и не чаялъ живу быть.

— Что такъ? — спросила государыня.

— Да поросятъ своихъ спасалъ, матушка.

— Отъ наводненія?

— Что, матушка, наводненіе! — отъ княгини Дашковой спасалъ.

— Какъ! — и у тебя съ ней ссора изъ-за свиней?

— Нѣту, матушка, какая ссора! — то она у брата моего побила свиней — это старая исторія... И стала она съ той поры сущимъ Емелькой Пугачовымъ: чьихъ бы свиней ни встрѣтила — сейчасъ рубитъ!.. Вотъ какъ сегодня случилось наводненіе, у меня подвальный этажъ и залило водой. А въ подвальномъ этажѣ у меня выкармливались молочкомъ прехорошенькіе голандскіе поросятки, потомки тѣхъ, что̀ зарубила ея сіятельство, двора вашего императорскаго величества штатсъ-дама, академіи наукъ директоръ, императорской россійской академіи президентъ и кавалеръ, княгиня Екатерина Романовна Дашкова... Охъ, матушка! дай передохнуть — такой титулъ большой!

— Ну, передохни — никто тебя не гонитъ, — смѣялась императрица.

— Такъ вотъ, государыня, — продолжалъ Нарышкинъ, передохнувъ: — когда это залило у меня подвальный этажъ, мои людишки, спасаючи поросятокъ, возьми да и выпусти на дворъ... А сіи глупые и неистовые мартинисты, завизжавъ и поднявъ хвосты, подобно Родищеву, возьми да и убѣги со двора, да прямо къ академіи наукъ... И на счастье, матушка, случись мнѣ въ сей самый моментъ проѣзжать мимо академіи, коли смотрю — бѣгутъ мои поросятки, словно Густавъ III отъ нашего Грейга, а за ними гонятся съ топорами — кто бы, ты думала, матушка?

— Княгиня Дашкова?

— Да, матушка, точно, да съ андреевской лентой черезъ плечо, а рядомъ съ нею, съ топоромъ же — Державинъ, Гаврило Романовичъ, коммерцъ-коллегіи президентъ, да такъ страшно оретъ:

Почто меня отъ Аполлона,
Меркурій, ты ведешь съ собой?
Средь пышнаго торговли трона
Мнѣ кажешь ворохъ золотой!

Императрица и Зубовъ смѣялись.

— Какъ увидалъ я это, матушка государыня,—продолжалъ Нарышкинъ все съ тою же серьёзною миною: — у меня и духъ заняло отъ страха... Велю кучеру остановиться; выскакиваю изъ кареты — поросятки бѣгутъ прямо на меня — я разставилъ руки, чтобы ловить ихъ; а они узнали меня — я ихъ самъ часто молочкомъ пою—да ко мнѣ; я ихъ сейчасъ же къ себѣ въ карету, и былъ таковъ! — Вотъ меня и замочило.

— Не вѣрьте ему, матушка,—послышался изъ-за портьеры женскій голосъ, и вслѣдъ за тѣмъ показалось улыбающееся лицо Марьи Савишны Перекусихиной: — самъ на себя клеплетъ... Это онъ сейчасъ выставлялъ подъ дождь вашу любимую камелію, что̀ въ Эрмитажѣ, — его и замочило... И хоть бы камеръ-лакеевъ позвалъ — нѣтъ, самъ все это продѣлалъ.

— Ахъ, Лёвушка, другъ мой!—съ сердечностью сказала императрица: — ты меня всегда балуешь.

— Вретъ она, старая вѣдьма! — оправдывался Нарышкинъ.

Но въ этотъ моментъ изъ-за Марьи Савишны выставилось серьёзное лицо генералъ-прокурора, и всѣ разомъ примолкли: Перекусихина юркнула за портьеру, а Нарышкинъ отошелъ въ сторону, ворча:

— Ну, эти крючки вракъ не жалуютъ—сейчасъ Шешковскому въ пасть отдадутъ... Душегубы!

Не смотря на всю свою серьёзность, Вяземскій при послѣднихъ словахъ улыбнулся.

— Съ докладомъ, Александръ Андреевичъ?—спросила императрица.

— Съ докладомъ, ваше величество.

— А вода убываетъ?

— Убываетъ, государыня,—автоматически отвѣчалъ генералъ-прокуроръ, вынимая изъ портфейля папку съ бумагами.

— Сегодня немного?

— Только одно дѣло изволили приказать доложить сегодня: объ иностранцѣ Вульфѣ и генеральшѣ Ляпуновой, государыня.

— А! — это тотъ Вульфъ,—обратилась Екатерина къ Зубову,— что̀ у Зорича съ Зановичами на фальшивыхъ ассигнаціяхъ банкъ метали... Третій разъ молодецъ попадается.

Вяземскій, вынувъ опредѣленіе сената, подошелъ къ столу, за которымъ уже сидѣла императрица.

— Что присудилъ сенатъ? — спросила она.

— Слушали — приказали,—безстрастнымъ голосомъ началъ до-

кладчикъ:—первое: иностранца Вульфа за продерзость его въ пріѣздѣ въ имперію нашу, откуда по именному указу нашему былъ высланъ съ запрещеніемъ впредь входить въ границы Россійской державы, держать шесть недѣль въ смирительномъ домѣ и потомъ выслать за предѣлы имперіи, подтвердя, что въ случаѣ подобнаго его дерзновенія подвергнетъ онъ себя строжайшему наказанію.

Императрица наклонила голову. Вяземскій ждалъ.

— Быть по сему... Что дальше?

— Второе,—продолжалъ Вяземскій: — вдовѣ Ляпуновой опредѣлить пребываніе въ монастырѣ женскомъ, покуда она исправится, препоруча имѣть за поведеніемъ ея пристойное наблюденіе.

— Строгонько, — взглянувъ на Зубова, сказала императрица.

Потомъ она глянула на Вяземскаго съ какимъ-то двойственнымъ свѣтомъ въ глазахъ. Онъ очень хорошо зналъ этотъ лукавый свѣтъ, и сразу догадался, какая мысль прошла по душѣ его повелительницы. Свѣтъ этотъ являлся въ ея умныхъ глазахъ, когда она хитрила, лукавила. И Вяземскій нашелся, чтò отвѣчать, особенно же въ присутствіи Зубова.

— Сіе наказаніе, ваше величество, налагается на нее не за влеченіе ея сердца,—сказалъ онъ: — а за то, что она продерзостію воспользовалась именемъ вашего величества.

— Совершенно правда, — согласилась императрица.

— А Нелидова-то,—слышали, государыня? — отозвался изъ угла Нарышкинъ: — опять просится въ монастырь...

— Вотъ какъ! — туда ей и дорога,—брезгливо сказала императрица.

— Опять, матушка, хочетъ тамъ жить — dans la maison de demoiselles nobles où elle rapportera son coeur aussi pur, qu'il a été à sa sortie du couvent [1]),—съ гримасой Нелидовой произнесъ Нарышкинъ.

— Будто бы aussi pur! — пожала плечами императрица: — да оно у нея никогда не было pur... Еще дѣвчонкой, въ Смольномъ, она была ужъ кокеткой... Продолжайте, Александръ Андреевичъ.

— Третье,—читалъ Вяземскій:—дворянской опекѣ взять имѣніе Ляпуновой въ надлежащій присмотръ и управленіе на основаніи учрежденій нашихъ и съ тѣмъ, чтобъ изъ онаго, во-первыхъ, получала она приличное и достаточное содержаніе, и за тѣмъ бы то имѣніе предохранено было отъ раззоренія.

— Быть по сему, — подтвердила Екатерина.

— Четвертое, — читалъ Вяземскій: — подпоручика Красовскаго, яко празднаго человѣка и подозрительнаго въ обманѣ ея, Ляпуновой, обѣщаніемъ стряпать о Вульфѣ, получивъ отъ нея и деньги,

---

[1]) Подлинныя слова Нелидовой (Дневникъ Храповицкаго, 402).

выслать изъ столицы въ Полоцкую губернію, гдѣ братъ его жительствуетъ, запретя ему выѣзжать въ обѣ столицы.

— И въ Шкловъ, — сошкольничалъ «Лёвушка».

— Почему? — спросила императрица.

— А то и Зорича оберетъ.

Императрица на это ничего не сказала, а только улыбнулась.

— А объ дѣвочкахъ никакой резолюціи не положено?—спросила она Вяземскаго.

— Дѣвицы Лебедева и Бубнова тогда же освобождены отъ суда и слѣдствія, ваше величество,—отвѣчалъ онъ и подалъ изготовленное по этому дѣлу высочайшее повелѣніе къ московскому главнокомандующему, князю Прозоровскому.

Екатерина подписала. Вяземскій взялъ бумаги и откланялся. Въ кабинетѣ стало тихо, и Екатерина опять что-то задумалась Зубовъ, незамѣтно толкнувъ Нарышкина, показалъ на нее глазами.

— Матушка! — заговорилъ Лёвушка: — а ты скучаешь?

— По комъ? — спросила она.

— По Храповицкомъ, матушка.

Она улыбнулась.

— Право же, матушка, ты по немъ тоскуешь: какъ прогнала его отъ себя, такъ и стала задумываться... Да и въ кабинетѣ у тебя безъ Храповицкаго скучнѣе стало: то ли дѣло бывало при немъ! — сидитъ тутъ да перлюстраціею забавляется...

— Нѣтъ, — серьёзно сказала императрица: — я была несправедлива къ Радищеву, а теперь — къ Ляпуновой... Да, тяжело одному быть судьею милліоновъ.

Она встала и подошла къ окну. Нева еще бушевала, но вода пошла на убыль, и пушка стрѣляла все рѣже и рѣже.

ЭПИЛОГЪ.

Подъ пирамидами.

Въ 1799 году, въ Египтѣ, въ разгаръ битвы подъ пирамидами, когда Бонапарте сказалъ свою знаменитую фразу о томъ, что на него и на его войско «съ высоты пирамидъ смотрятъ сорокъ вѣковъ», — въ одну изъ палатокъ, на перевязочномъ пунктѣ внесли одного раненаго офицера и положили на свободную койку. Ему только что перевязали смертельную рану, нанесенную въ бокъ копьемъ мамелюка.

На другой койкѣ, рядомъ съ этой, лежалъ другой раненый въ забытьѣ. Около него сидѣлъ другой офицеръ, съ подвязанной рукой, и печально смотрѣлъ въ лицо забывшагося товарища.

— Шведы близко... заходятъ съ той стороны Нейшлота... къ оружію! — заговорилъ вдругъ порусски, въ бреду, тотъ, что̀ лежалъ въ забытьѣ.

Вновь принесенный раненый слабо повернулъ голову къ тому, который бредилъ, и простоналъ:

— Господи! какъ занесло сюда русскаго?

Тотъ, у котораго подвязана была рука, въ изумленіи повернулся къ вновь принесенному.

— Баронъ! — это вы? — баронъ фонъ-Вульфъ?

— Графъ Зановичъ! — слабо простоналъ только что принесенный: — какими судьбами?

— Мы съ братомъ въ арміи Бонапарта... Насъ освободили изъ Нейшлота давно — и вотъ...

— Что же братъ?

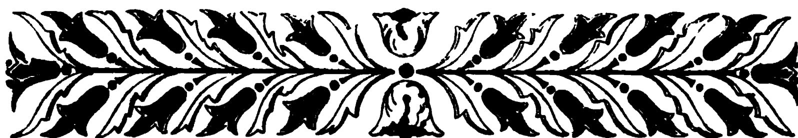
— Умираетъ... онъ безнадеженъ... бредитъ Россіей... А вы, баронъ?

Фонъ-Вульфъ не отвѣчалъ — онъ потерялъ сознаніе.

— Зоричъ — Вульфъ — Нейшлотъ — пирамиды — Россія... и эта смерть! — схватившись свободной отъ перевязки рукой за голову, тихо застоналъ старшій Зановичъ и упалъ на колѣни около умирающаго брата.

Въ эту ночь ни барона фонъ-Вульфа, ни графа Аннибала Зановича не стало: нашли, наконецъ, гдѣ сложить свои буйныя головы — подъ пирамидами!

Д. Мордовцевъ.



СЛУЖЕБНЫЕ, ДОЛЖНОСТНЫЕ И СОСЛОВНЫЕ ЗНАКИ ОТЛИЧІЙ ВЪ РОССИИ[1].

VII.

СЛИ НОШЕНІЕ въ видѣ знаковъ отличія «золотыхъ» денегъ, «московокъ», «новгородокъ» можно считать или обычаемъ, занесеннымъ къ намъ изъ Византіи, или даже собственно русскимъ измышленіемъ, и если награда въ видѣ знака отличія была несомнѣнно заимствована отъ татаръ, то мысль о пожалованіи орденовъ была усвоена прямо съ Запада.

На Руси вообще и въ частности въ государствѣ Московскомъ, совершенно чуждомъ не только рыцарскихъ обычаевъ, но и рыцарскихъ понятій и духа, конечно, никакъ не могли возникнуть ни рыцарство, ни выродившіеся изъ него кавалерскіе ордена. Для такихъ русско-самобытныхъ учрежденій не было никакихъ основаній и не существовало вовсе понятій объ орденахъ, какъ понятій о слѣдахъ отжившаго на Западѣ рыцарства. Петръ заимствовалъ ихъ изъ-чужа.

Позаимствованіе орденовъ было сдѣлано у насъ въ ту пору, когда въ Европѣ съ упадкомъ рыцарства они утратили свое прежнее значеніе, какъ военно-монашескія общины, а этимъ, конечно, объясняется то обстоятельство, что не только при самомъ учрежденіи нашихъ орденовъ, но даже и послѣ того, втеченіе столѣтія, лица духовнаго званія не были принимаемы въ число кавалеровъ, такъ какъ ордена у насъ явились чисто-свѣтскими, государственными установленіями.

---

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXII, стр. 235.

Не смотря, однако, на это, нѣкоторый рыцарско-духовный оттѣнокъ былъ наброшенъ и на русскіе ордена. Такъ, всѣ собственно-русскіе ордена посвящены исключительно именамъ святыхъ; при пожалованіи кавалеромъ установленъ обрядъ, напоминающій посвященіе въ рыцарскій орденъ,—обрядъ, впрочемъ, нынѣ не исполняемый; наложены на кавалеровъ, хотя и весьма легкія, а нынѣ и совершенно не соблюдаемыя, обязанности, и присвоены кавалерамъ, нынѣ не употребляемыя, одѣянія, приноровленныя къ одѣянію средневѣковыхъ западныхъ рыцарей. Наконецъ, главнымъ знакомъ отличія кавалерскаго достоинства установленъ крестъ, хотя передъ нимъ отдано,—какъ это повелось и на Западѣ,—предпочтеніе звѣздѣ и лентѣ, и хотя орденскіе кресты по ихъ виду и по ихъ украшеніямъ очень отдалились отъ того понятія, какое издревле русскій народъ составилъ себѣ подъ словомъ крестъ.

Въ нашихъ орденскихъ знакахъ, какъ, напримѣръ, въ знакахъ ордена св. Андрея Первозваннаго, главнымъ изображеніемъ является не андреевскій крестъ, а двуглавый государственный орелъ. Крестъ ордена св. Александра Невскаго украшенъ по крыльямъ двуглавыми золотыми орлами, такъ что русскій человѣкъ, незнакомый со знаками отличій, не признаетъ подъ такими вымышленными украшеніями истиннаго знаменія креста. Ближе всѣхъ къ понятіямъ русскаго человѣка о крестѣ подходятъ знаки орденовъ: владимірскаго и георгіевскаго, въ особенности этого послѣдняго, такъ какъ онъ ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ добавочныхъ знаковъ—мечей.

Съ понятіемъ объ орденахъ, какъ о знакахъ отличія, принятымъ съ Запада, было установлено у насъ, впрочемъ, не съ перваго раза и понятіе объ ихъ постепенной важности и о раздѣленіи каждаго ордена на высшія и низшія степени. Хотя орденскій знакъ самъ по себѣ долженъ составлять и почетный знакъ вообще, но, не смотря на это, и красивость ордена обусловливаетъ желаніе имѣть его. Такъ, напримѣръ, французамъ изъ нашихъ орденовъ, носимыхъ на шеѣ, болѣе всѣхъ приходится по вкусу станиславскій крестъ, не смотря на то, что владимірскій крестъ на шеѣ считается гораздо выше его. При обсужденіи самостоятельнаго значенія орденовъ, приходится признать и силу привычки къ ихъ внутреннему значенію и къ ихъ щеголеватости. Такъ, съ виду у насъ самый простой орденъ—бѣлый георгіевскій крестъ, но, такъ какъ онъ вообще рѣдко бываетъ жалуемъ, то появленіе въ обществѣ георгіевскаго кавалера очень часто обращаетъ на него вниманіе присутствующихъ, чего не бываетъ въ отношеніи кавалеровъ другихъ орденовъ, хотя бы и звѣздоносцевъ. Обстоятельство это наводитъ на мысль, что рѣдкое пожалованіе какимъ либо орденскимъ знакомъ, и притомъ за какіе либо опредѣленные исключительные подвиги или заслуги, можетъ придать ордену бóльшій почетъ, нежели тотъ, ко-

торымъ онъ обыкновенно пользуется. Такъ, если бы, напримѣръ, у насъ ордена жалqвались въ обратной постепенности противъ той, въ какой жалуются нынѣ, то несомнѣнно, что и звѣзды, и ленты должны были бы утратить свою приманку, и мало-по-малу скромно висящій въ петлицѣ, нынѣ самый младшій у насъ орденъ, Станиславъ третьей степени, сдѣлался бы первенствующимъ и самымъ желаннымъ знакомъ отличія. Едва ли, впрочемъ, кто-нибудь былъ бы доволенъ самымъ желаннымъ отличіемъ. Человѣческой природѣ свойственно, однако, гоняться за блескомъ и пестротой, да и, кромѣ того, и тотъ и другая нужны для представительности при разныхъ торжественныхъ случаяхъ, хотя, судя по тому возросту, въ какомъ обыкновенно достигаются высшіе знаки отличія, скромность орденскаго знака, казалось бы, болѣе соотвѣтствовала, чѣмъ его красивость и пышность.

VIII.

Въ настоящее время у насъ существуетъ семь орденовъ въ слѣдующей нисходящей постепенности: святаго апостола Андрея Первозваннаго, благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, военный орденъ великомученика Георгія Побѣдоносца, святаго равноапостольнаго князя Владиміра, святой Анны и святаго Станислава. Мы исчислили эти ордена въ томъ порядкѣ, въ какомъ они размѣщены въ Сводѣ Законовъ. Здѣсь, впрочемъ, не соблюдена строгая постепенность орденовъ по ихъ значенію, да такое перечисленіе и невозможно сдѣлать, такъ какъ важность, преимущество нѣкоторыхъ младшихъ орденовъ обусловлена, между прочимъ, степенью, или классомъ, почему въ иныхъ случаяхъ и младшій, по общему перечню, орденъ можетъ имѣть по своей степени предпочтеніе передъ старшимъ, но за то низшей степени. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ три ордена, имѣющіе только одну высшую, первую степень—Бѣлаго Орла, Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго. Орденъ св. Георгія жалуется, такъ сказать, особнякомъ, что̀ дѣлается очень часто и въ отношеніи—св. Владиміра.

Чтобы ознакомить нашихъ читателей съ исторіею возникновенія россійскихъ орденовъ, мы считаемъ наиболѣе удобнымъ обратиться къ «Установленію о россійскихъ императорскихъ орденахъ», утвержденному императоромъ Павломъ въ день его коронованія, 5-го апрѣля 1797 года.

«Вскорѣ послѣ того времени,—излагается въ упомянутомъ «Установленіи»,—когда свѣтъ Евангельскаго ученія озарилъ вселенную, и когда истинная вѣра побѣдила заблужденія, основались общества рыцарскія въ защиту благочестія и охраненія невинности и въ

распространеніе дѣлъ, Богу угодныхъ и роду человѣческому полезныхъ, которыя по временамъ и обстоятельствамъ, бывъ верховною властью покровительствуемы, далѣе и далѣе умножалися.

«Не станемъ мы тутъ приводить,—говорится далѣе,—отъ странъ и народовъ чуждыхъ заимствуемыя, но воспріимемъ начало отъ собственныхъ нашихъ событій. Прадѣдъ нашъ, безсмертныя памяти императоръ Петръ Великій, полагая основаніе просвѣщенію въ Россіи и устройству различныхъ частей ея управленія, въ 1698 году, установилъ чинъ кавалерскій во имя святаго апостола Андрея Первозваннаго, крещеніемъ первоначально предѣлы наши просвѣтившаго, и надписью, сему кавалерскому ордену присвоенною, ознаменилъ, что вѣра къ Богу и вѣрность къ государю суть главныя свойства и заслуги къ достиженію такого знака отличія».

Относительно учрежденія ордена св. Александра Невскаго «Установленіе» сообщаетъ: «Тотъ же безсмертно славный монархъ, пріуготовляяся къ походу въ Персію, въ награду подвиговъ предопредѣлилъ орденъ кавалерскій св. великаго князя Алексадра Невскаго, благочестіемъ и мужествомъ знаменитаго. Смерть, вскорѣ его постигшая, не допустила произвести въ дѣйство такое установленіе, но супруга и преемница его исполнила сіе намѣреніе въ 1725 году установленіемъ помянутаго кавалерскаго чина въ возданіе трудовъ, за отечество подъемлемыхъ».

«Наконецъ,—говорится далѣе въ «Установленіи»,—блаженной памяти прародитель нашъ, владѣтельный герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій Карлъ-Фридрихъ, въ 1736 году, установилъ кавалерскій орденъ святыя Анны, тезоименитыя супругѣ его, а нашей любезной прародительницѣ, дщери государя императора Петра Великаго, въ бозѣ почившей цесаревнѣ и великой княгинѣ Аннѣ Петровнѣ, въ которомъ, заимствовавъ надпись отъ первоначальныхъ буквъ и породы супруги своей, присвоилъ оный любящимъ правду, благочестіе и вѣрность. Когда же блаженныя памяти родителю нашему и потомству его были обнадежены права его на всероссійскій императорскій престолъ, то съ сего времени помянутый кавалерскій орденъ по главѣ дома, верховному начальнику того ордена, учинился присвоеннымъ имперіи Всероссійской».

Въ «Установленіи» этомъ не упоминается про ордена св. Георгія и св. Владиміра, учрежденные Екатериною II, потому что Павелъ какъ бы не признавалъ ихъ существованія и во все свое царствованіе никому не жаловалъ ихъ, замѣнивъ ихъ Мальтійскимъ крестомъ, о чемъ будетъ упомянуто далѣе.

Что же касается польскихъ орденовъ, нынѣ причисленныхъ къ россійскимъ, то понятно, что о нихъ въ ту пору не могло быть и рѣчи.

IX.

Въ силу историческихъ событій и установившихся наслѣдственныхъ правъ русскихъ императоровъ на бывшее королевство или царство Польское, бывшіе королевско-польскіе ордена перешли въ верховное распоряженіе русскихъ государей, почему существующіе нынѣ у насъ ордена въ общей ихъ совокупности и именуются императорскими и царскими или королевскими орденами.

Въ Польшу учрежденіе рыцарскихъ или кавалерскихъ орденовъ перешло, какъ и въ Россію, съ Запада, и тамъ ордена были встрѣчены шляхтою крайне непріязненно, какъ знаки, нарушившіе поголовное ея равенство. Первымъ учредителемъ кавалерскаго ордена въ Польшѣ былъ избранный нѣкогда на русскій престолъ польскій королевичъ, а потомъ король польскій, Владиславъ IV. Онъ установилъ орденъ въ память «Непорочнаго зачатія пресвятой Дѣвы Маріи». Число кавалеровъ этого ордена полагалось до 72, всѣ они должны быть шляхтичами и не могли принадлежать къ составу какого либо другаго кавалерскаго ордена. Знакомъ ордена былъ установленъ красный крестъ съ изображеніемъ посреди его Богоматери. Этотъ знакъ кавалеры носили на золотой цѣпи, составленной изъ лилій и пучковъ золотыхъ лучей. Кавалеры ордена носили обыкновенную польскую одежду того времени, но поверхъ ея надѣвался плащъ бѣлаго сукна, на подкладкѣ изъ шелковой матеріи пурпуроваго цвѣта. Каждый изъ кавалеровъ обязанъ былъ по смерти кого либо изъ собратій по ордену отслужить по немъ тридцать заупокойныхъ обѣденъ и столько же разъ прочитать: «Богородице, Дѣво, радуйся!». Кавалеры при неизмѣнной вѣрности папѣ и королю обязаны были охранять права и вольности своихъ соотечественниковъ, а въ случаѣ войны съ невѣрными выступать въ поле, не допускать грабежей и насилій въ непріятельской странѣ и не дозволять, хотя бы и съ опасностію жизни, произносить хулу на Бога и Пресвятую Дѣву и, наконецъ, собирать деньги для выкупа плѣнныхъ и для помощи недугующимъ.

Орденъ этотъ не перешелъ, однако, къ русскимъ государямъ, такъ какъ вскорѣ послѣ его учрежденія существованіе его въ Польшѣ прекратилось вслѣдствіе той непріязни, какая господствовала противъ него среди шляхетства при его учрежденіи.

Другой польскій орденъ подъ названіемъ Бѣлаго Орла, какъ знакъ герба королевства Польскаго, былъ въ 1705 году учрежденъ въ мѣстечкѣ Тыкоцинѣ королемъ польскимъ Августомъ II, курфюрстомъ саксонскимъ, другомъ и собутыльникомъ Петра I. Раздачею этого ордена Августъ II хотѣлъ привлечь къ себѣ польскихъ магнатовъ, державшихъ сторону его противника Станислава Лещинскаго. Знаками этого ордена была голубая лента и золотая

восьми-угольная звѣзда; креста не было, онъ былъ замѣненъ изображеніемъ Бѣлаго Орла, привѣшеннымъ на сходившихся у бедра концахъ ленты, которую кавалеры носили съ праваго плеча. Нынѣ прежніе знаки этого ордена нѣсколько измѣнились, такъ какъ главнымъ въ немъ изображеніемъ сдѣланъ не одноглавый бѣлый польскій, но двуглавый черный русскій орелъ, а прежній бѣлый орелъ занимаетъ теперь только второе мѣсто. Кромѣ того, въ отличіе отъ голубой андреевской ленты, цвѣтъ ленты Бѣлаго Орла установленъ темно-синій. Первое время своего существованія орденъ этотъ пользовался въ Польшѣ чрезвычайнымъ почетомъ; кавалеры его были только знатные и богатые люди, которые въ тѣхъ случаяхъ, когда они имѣли на себѣ орденскіе знаки, ѣздили не иначе какъ въ каретѣ шестерней и въ сопровожденіи множества верншниковъ.

Другой орденъ, перешедшій отъ Польши къ Россіи, орденъ св. Станислава, былъ учрежденъ 7-го мая 1765 года королемъ Станиславомъ-Августомъ Понятовскимъ во имя его патрона. Орденъ этотъ и нынѣ сохранилъ свой основной видъ, съ тою разницею, что на немъ польскіе одноглавые, прежде серебряные, орлы замѣнены были при императорѣ Николаѣ двуглавыми золотыми орлами. Добавочнымъ украшеніемъ этого ордена была нѣсколько лѣтъ тому назадъ императорская корона. При прежнемъ раздѣленіи этого ордена на четыре степени, при второй степени полагалась звѣзда, но безъ ленты. Нынѣ эта степень, хотя и считается упраздненною, но, тѣмъ не менѣе, знаки ея даются иностраннымъ подданнымъ. Орденъ св. Станислава считается самымъ младшимъ изъ всѣхъ императорскихъ и царскихъ орденовъ.

По статуту, утвержденному королемъ Станиславомъ, жалуемый орденъ могли получить только тѣ лица, которыя представляли доказательства о благородномъ своемъ происхожденіи въ четырехъ восходящихъ поколѣніяхъ по отцу и по матери. Статутъ ордена св. Станислава обязывалъ кавалеровъ оказывать вѣрность и доброжелательство королю и республикѣ и помогать убогимъ.

Въ 1794 году, во время борьбы Польши за свою политическую независимость, былъ учрежденъ военный орденъ подъ названіемъ «virtuti militari». Онъ раздѣлялся на четыре класса, и судьба этого ордена вышла очень странною. По усмиреніи польскаго возстанія 1831 года, императоръ Николай Павловичъ роздалъ его тѣмъ нижнимъ чинамъ, оберъ и штабъ-офицерамъ и генераламъ русскаго войска, которые участвовали въ усмиреніи поляковъ. Вслѣдствіе этого упомянутый орденъ послужилъ знакомъ отличія не за заслуги Польшѣ, а за заслуги Россіи.

Былъ еще въ Польшѣ одинъ орденъ, учрежденный Барскою конфедераціею. Впрочемъ, онъ не имѣлъ никакого значенія и вовсе не былъ причисленъ къ русскимъ знакамъ отличія. Онъ исчезъ

вмѣстѣ съ распавшейся конфедераціею, состоявшейся въ городѣ Барѣ.

Кромѣ голштинскаго ордена св. Анны и упомянутыхъ выше трехъ польскихъ орденовъ, принадлежалъ Русскому государству нѣкоторое время еще одинъ «международный» орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго.

Въ прочихъ присоединенныхъ къ Россіи областяхъ, хотя и носившихъ названіе царствъ, великихъ княжествъ, герцогствъ и княжествъ, никакихъ орденовъ не существовало, какъ не существовало и не существуетъ ихъ въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ.

X.

Въ современномъ нашемъ законодательствѣ значеніе русскихъ орденовъ опредѣляется слѣдующими общими о нихъ положеніями.

«Ордены установлены въ честь и награду истинныхъ заслугъ на поприщѣ гражданскомъ и военныхъ доблестей и подвиговъ и въ поощреніе ревности ко благу и пользѣ отечества.

«Верховный начальникъ, или гроссмейстеръ, всѣхъ россійскихъ орденовъ есть императоръ и самодержецъ всероссійскій. Никто иной не можетъ онымъ быть или именоваться симъ названіемъ, которое со всѣми его правами нераздѣльно связано съ императорскимъ саномъ.

«Милость, правосудіе и воля государя самодержавнаго, верховнаго начальника россійскихъ орденовъ, рѣшаетъ и опредѣляетъ раздачу сихъ почестей, заслуги же и достоинства, при незазорномъ поведеніи, открываютъ путь къ ихъ достиженію: 1) всѣмъ духовнымъ, военнымъ, гражданскимъ и придворнымъ чинамъ; 2) чужестранныхъ государей и владѣтельныхъ князей фамиліямъ; 3) служащимъ по выборамъ дворянамъ, имѣющимъ и не имѣющимъ чиновъ, равно и служащимъ безчиновнымъ, если они окажутъ отличныя заслуги; 4) частнымъ лицамъ изъ иностранныхъ, когда, на дѣлѣ доказавъ усердіе и доброхотство къ государству Россійскому, тѣмъ самымъ они обратятъ на себя вниманіе и признательность Главы онаго, и 5) купцамъ и лицамъ другихъ званій, когда особенными заслугами содѣлаются достойными сей награды».

Такое изложеніе правилъ объ орденахъ составилось изъ разновременно изданныхъ по этой части узаконеній, въ основу которыхъ было положено упомянутое выше «Установленіе» императора Павла. Подъ лицами другихъ званій, имѣющихъ право на полученіе ордена, въ Сводѣ Законовъ разумѣются: ученые, писатели, художники, композиторы, музыканты и актеры. Конечно, представляется какъ-то страннымъ, что, напримѣръ, актеру—иногда, пожалуй и комическому—можетъ быть данъ «крестъ», но дѣло въ томъ, что, на-

примѣръ, у насъ нѣтъ особаго почетнаго знака отличія за подобныя заслуги. Въ нѣкоторыхъ государствахъ установлены съ этою цѣлію особые знаки, но и тамъ они имѣютъ подобіе креста, напримѣръ, учрежденный въ Пруссіи «Pour le mérite». Онъ раздается за военныя или гражданскія заслуги, а также писателямъ, живописцамъ и художникамъ, но въ послѣднемъ случаѣ отличается нѣсколько отъ соименнаго ему общаго орденскаго знака, и въ Берлинѣ, въ замкѣ Монбижу, отведена особая комната для такихъ кавалеровъ, среди которыхъ, впрочемъ, нѣтъ до сихъ поръ еще ни одного русскаго.

По всей вѣроятности, учрежденіе у насъ какого либо знака особаго въ воздаяніе заслугъ, не имѣющихъ связи съ служебною дѣятельностію, не было бы большою приманкою, такъ какъ у насъ цѣнятъ тѣ знаки отличія, которые носящему ихъ придаютъ видъ если и не важнаго сановника, то, по крайней мѣрѣ, хоть заслуженнаго чиновника. Такъ медали, которыя были въ прежнюю пору вождѣленнымъ желаніемъ купцовъ самыхъ богатыхъ, не имѣютъ уже нынѣ никакой заманчивости, и купецъ, получившій медаль избѣгаетъ даже ее надѣвать, чтобъ не намекнуть этимъ знакомъ почета о своемъ прежнемъ или настоящемъ званіи, а хочетъ выставить себя въ видѣ чиновника. Поэтому онъ старается скрыть его, замѣняя медаль ленточкою въ петлицѣ.

Литературныя и ученыя отличія вознаграждались и вознаграждаются иногда и нынѣ общими кавалерскими знаками. Такъ, напримѣръ, Карамзинъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, получилъ анненскую звѣзду и ленту, а въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя покойнаго члена государственнаго совѣта, статсъ-секретаря графа М. А. Корфа, поставлялись, между прочимъ, какъ одинъ изъ поводовъ къ награжденію его высшимъ орденомъ, и его литературные труды по исторической части. Въ послѣднее время и нѣкоторые сценическіе артисты удостоились наградъ орденомъ. Такъ, напримѣръ, извѣстный московскій артистъ Самаринъ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени; при этомъ, впрочемъ, имѣлись въ виду труды его, какъ наставника по драматическому искусству, а не успѣхи его на сценѣ сами по себѣ. Къ этому роду наградъ подходятъ и другія подобныя награды, данныя музыкантамъ, пѣвцамъ и живописцамъ.

Награда орденами полагается также за личную дѣятельность какъ въ правительственныхъ, такъ въ общественныхъ и частныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ и за значительныя пожертвованія на пользу и тѣхъ и другихъ, но при этомъ, по закону, постановлено, что «пожертвованія для пониженія цѣнъ, на подрядахъ или торгахъ сдѣланныя, не даютъ права на награду чинами и орденами».

По одной изъ статей «Установленія» императора Павла, со-

хранившей и донынѣ свою силу, «все кавалерское общество почитается однимъ россійскимъ кавалерскимъ чиномъ, или орденомъ; различныя же наименованія онаго суть токмо классы». Каждый орденъ имѣетъ свои опредѣленные знаки, и никому не дозволяется украшать ихъ драгоцѣнными камнями, кромѣ тѣхъ, коимъ таковые украшенные знаки отъ его императорскаго величества пожалованы будутъ. Въ настоящее время съ такими украшеніями бываютъ жалуемы, въ видѣ особой награды, знаки двухъ высшихъ орденовъ — св. Андрея Первозваннаго и св. Александра Невскаго. Въ прежнюю же пору, до императора Николая Павловича были даваемы знаки ордена св. Анны второй степени съ брилліантами. Впослѣдствіи такое украшеніе замѣнено было императорскою короною надъ орденомъ св. Анны второй и первой степени, и такое же украшеніе, въ видѣ особой награды, было присвоено и ордену Станислава второй степени. Нынѣ такое украшеніе отмѣнено. Впрочемъ, знакъ ордена св. Анны 2-й степени и въ настоящее время дается украшенный брилліантами, но исключительно только иностранцамъ.

Съ 1855 года, августа 5-го, къ знакамъ всѣхъ орденовъ, жалуемыхъ за военные противъ непріятеля подвиги, для отличія ихъ отъ жалуемыхъ за другія заслуги, присоединяются два меча по правиламъ, изложеннымъ въ статутахъ. Отличіе это сохраняется и при пожалованіи высшихъ степеней того же ордена за другія заслуги, если низшая степень была пожалована за военный противъ непріятеля подвигъ. Кромѣ мечей, прибавляется еще и жалуемый къ нѣкоторымъ орденамъ бантъ.

Каждый изъ русскихъ орденовъ имѣетъ свой праздникъ въ день того святаго, въ память котораго онъ учрежденъ, и общій праздникъ всѣхъ россійскихъ орденовъ установленъ былъ Павломъ I въ день Архангела Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ, т. е. 8-го ноября. Каждый изъ орденовъ имѣетъ назначенную ему въ Петербургѣ церковь, въ которой и должно совершаться ежегодное орденское празднество.

Нѣкоторые русскіе ордена, подобно иностраннымъ орденамъ, имѣютъ присвоенное имъ особое одѣяніе, напоминающее своимъ покроемъ средневѣковую одежду. Такое одѣяніе носится въ тѣ дни, когда высочайше повелѣно будетъ, но орденскіе наряды давно уже вышли у насъ изъ употребленія, какъ и всюду нынѣ въ Европѣ, кромѣ Пруссіи, Австріи и Испаніи; въ первой, т. е. въ Пруссіи, кавалеры, составляющіе орденскую думу, собираются въ красныхъ плащахъ для совѣщаній по орденскимъ дѣламъ.

Въ Сводѣ Законовъ подробно изложенъ порядокъ представленія и награжденія орденами. При этомъ предусматривается и случай возложенія ордена на жалуемаго кавалера самимъ государемъ. Жалуемый кавалеръ вводится въ комнату, гдѣ будетъ происхо-

дить этотъ обрядъ, орденскимъ оберъ-цемонійместеромъ того ордена, знаковъ котораго онъ удостоивается, и двумя герольдами. Если же жалуемый принадлежитъ къ особамъ императорскаго дома, то канцлеромъ орденовъ. Жалуемый орденомъ становится на колѣни передъ государемъ, который троекратно прикасается къ нему обнаженною шпагою. При пожалованіяхъ духовныхъ лицъ и дамъ обрядъ прикосновенія шпагою отмѣняется, и орденъ возлагается государемъ съ соблюденіемъ всѣхъ прочихъ обрядовъ.

Относительно орденскихъ праздниковъ и при разныхъ торжествахъ, относящихся къ орденамъ, установленъ еще со временъ Павла Петровича такой порядокъ: послѣ императорской фамиліи и коронованныхъ главъ и дѣтей ихъ, всѣ прочіе кавалеры идутъ и мѣсто занимаютъ по старшинству пожалованія ихъ, а духовныя особы шествуютъ по срединѣ двухъ старшихъ кавалеровъ третьимъ, каждый по своему ордену. При публичныхъ же для кавалеровъ столахъ опредѣляются имъ мѣста «по обѣимъ сторонамъ форшнейдера, противъ креселъ гроссмейстерскихъ стоящаго».

Въ день общаго кавалерскаго праздника установленъ нѣсколько иной церемоніалъ, въ которомъ принимаютъ участіе дамы большаго креста ордена св. Екатерины и кавалерственныя дамы того же ордена. Въ процессіи, положенной быть въ этотъ день, кавалеры всѣхъ орденовъ, младшіе по орденамъ и степенямъ идутъ впередъ, предшествуемые своими офиціалами, потомъ вслѣдъ за императоромъ шествуетъ императрица, послѣдуемая намѣстницею или діакониссою ордена св. Екатерины, а за нею дамы большаго и малаго креста. Шествіе это замыкаютъ орденскіе офиціалы. За обѣдомъ кавалеры садятся по правую сторону государя, а по лѣвую сторону государыни — дамы, а подлѣ нихъ — кавалеры св. Анны по старшинству. При этой процессіи должно быть, въ силу постановленій 1798 и 1845 годовъ, носимо государственное знамя.

Въ настоящее время кавалерскіе праздники вышли у насъ изъ обычая. Теперь празднуютъ при дворѣ только день 26-го ноября, какъ праздникъ военнаго ордена, да и это торжество возобновлено было въ царствованіе императора Александра II Николаевича. Въ прошломъ же столѣтіи орденскіе праздники бывали при дворѣ постоянно. На этихъ торжествахъ кавалеры были въ одѣяніяхъ, присвоенныхъ ихъ ордену. Справлялись праздники не только въ честь русскихъ орденовъ, но, напримѣръ, при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ и при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ которыя имѣли польскій орденъ Бѣлаго Орла, — справлялся при дворѣ и этотъ праздникъ 23-го іюля. На орденскіе праздники приглашались ко двору не только кавалеры и высшіе сановники, но и дипломатическій корпусъ. Во время обѣда, при играніи на трубахъ и при битіи въ литавры и при исполненіи «преизрядныхъ концертовъ», провозглашались тосты за здоровье какъ присутствую-

щихъ, такъ и отсутствующихъ кавалеровъ. При этомъ происходила пушечная пальба съ Петропавловской крѣпости, съ валовъ Адмиралтейства и съ яхтъ, стоявшихъ на Невѣ, а также производился бѣглый ружейный огонь отъ войскъ, разставленныхъ передъ дворцомъ, при троекратныхъ возгласахъ: «виватъ»! Послѣ обѣда начинался балъ, продолжавшійся до поздней ночи.

Особенною торжественностью отличался орденскій праздникъ св. Андрея Первозваннаго въ 1741 году. Приготовленія къ нему при дворѣ начались почти за мѣсяцъ передъ этимъ днемъ. Для правительницы къ этому дню было сшито новое великолѣпное «кавалерское платье св. Андрея Первозваннаго». Оно состояло изъ орденской мантіи, подбитой горностаемъ и крытой зеленымъ бархатомъ съ золотыми кистями. Такое же одѣяніе носила и императрица Екатерина II въ день орденскаго праздника.

XI.

Съ предоставленіемъ кавалерамъ почетныхъ знаковъ отличій, законъ возлагаетъ на нихъ и нѣкоторыя особыя обязанности. Законъ, на основаніи орденскихъ статутовъ 1797 и 1845 годовъ, говоритъ, «что долгъ всѣхъ вообще и каждаго особо члена кавалерскаго общества — хранить и исполнять обязанности вѣры христіанской», и затѣмъ продолжаетъ: «какъ любовь къ ближнему есть одна изъ верховнѣйшихъ сихъ обязанностей, то на кавалеровъ возлагается попеченіе о разныхъ благотворительныхъ и обществу полезныхъ заведеніяхъ, исключая военныхъ, сухопутныхъ и морскихъ госпиталей. Они должны имѣть: 1) надзоръ и попеченіе за воспитательными домами въ Москвѣ и Петербургѣ; 2) вѣдѣніе призрѣнія московскаго инвалиднаго дома и Екатерининской больницы въ Москвѣ; 3) завѣдованіе въ обѣихъ столицахъ пристанищами для бѣдныхъ обоего пола особъ; 4) попеченіе и надзираніе въ обѣихъ столицахъ за всѣми полезными заведеніями для призрѣнія немощныхъ и неимущихъ».

Такія благотворительныя занятія распредѣляются между членами кавалерскаго общества. Неизвѣстно, однако, какимъ образомъ предписанія эти исполняются на дѣлѣ и съ какимъ именно успѣхомъ.

Законъ же относительно этого постановляетъ такое правило: «Общество кавалерское ввѣренныя ему заведенія причисляетъ къ церквамъ для орденскихъ наименованій, выставивъ на каждомъ въ приличномъ мѣстѣ написанные красками знаки того ордена, къ которому оно принадлежитъ для надзиранія и состоитъ приписаннымъ».

Въ Петербургѣ находятся церкви, опредѣленныя для всѣхъ орденовъ, за исключеніемъ, кажется, георгіевскаго, но какое участіе

принимаютъ кавалеры ордена въ учрежденіяхъ, соотвѣтствующихъ этимъ церквахъ, напримѣръ, въ приходскихъ попечительствахъ открываемыхъ для немощныхъ и неимущихъ,—неизвѣстно. Что же касается орденскихъ знаковъ, написанныхъ красками, то такихъ знаковъ по благотворительнымъ заведеніямъ что-то не видно. Есть правда, на Каменномъ острову, надъ военною богадѣльнею знакъ мальтійскаго креста, но существованіе этого ордена въ Россіи давно уже прекратилось, всѣ бывшіе его кавалеры перевелись, а потому они весьма естественно не могутъ имѣть ни попеченія, ни надзиранія надъ учрежденіемъ, ознаменованнымъ ихъ знакомъ отличія.

Далѣе, кавалерское общество и по дѣйствующимъ въ настоящее время узаконеніямъ должно устраивать пристанище съ постелями и со столомъ, и съ этою цѣлью собираются съ новопожалованныхъ кавалеровъ деньги при пожалованіи и при поступленіи на пенсію добровольныя пожертвованія.

Обязанности исполненія уставовъ христіанской вообще, а въ частности православной вѣры, заимствованы изъ древнихъ рыцарскихъ уставовъ, перешедшихъ въ позднѣйшіе орденскіе статуты. Въ былое время такое внушеніе могло имѣть если не силу, то подлежащій смыслъ, такъ какъ кавалерами могли быть только христіане. Совсѣмъ иное приходится сказать въ настоящее время, когда членами россійскаго кавалерскаго общества могутъ быть и состоять въ дѣйствительности не только христіане-иновѣрцы, но и магометане и евреи. При такомъ составѣ россійскаго кавалерскаго общества упоминаніе объ исполненіи обязанностей христіанской вѣры кавалерами представляется очень несовмѣстимымъ съ ихъ вѣроисповѣданіемъ. Притомъ вообще представляется страннымъ жаловать не-христіанамъ знаки отличія въ видѣ крестовъ, особенно евреямъ, со стороны которыхъ этотъ символъ, чтимый всѣми христіанами, не можетъ пользоваться ни малѣйшимъ уваженіемъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что съ 1846 года установлены особые орденскіе знаки для не-христіанъ, но сущность ихъ символа отъ этого нисколько не измѣняется, такъ какъ, всетаки, имъ дается крестъ, а не какое либо другое изображеніе. При этомъ все различіе заключается только въ томъ, что помѣщаемый среди креста рисунокъ замѣняется знакомъ орла. Въ сущности здѣсь не только сохраняется та же неумѣстность, какая вызвала такое различіе въ орденскихъ знакахъ, но еще нагляднѣе подтверждается она. Особенно не можетъ не показаться страннымъ висящій на бедрѣ израильтянина орденскій крестъ, предназначенный собственно для того, чтобы осѣнять мечъ, который долженъ быть обнаженъ во всякое время на защиту христіанства.

Слѣды позаимствованія русскихъ орденовъ отъ иностранныхъ рыцарскихъ братствъ видны и изъ нѣкоторыхъ состоящихъ учрежденій. Такъ, капитулъ, официалы и герольды ближайшимъ образомъ

напоминаютъ времена рыцарства. Главнымъ начальникомъ нашего капитула состоитъ канцлеръ императорскихъ и царскихъ орденовъ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ по закону считается и кавалеромъ высшаго ордена, т. е. апостола Андрея Первозваннаго. Въ личный составъ капитула входитъ оберъ-церемоніймейстеръ, который носитъ знаки этого ордена на шеѣ, а если бываетъ еще и другой оберъ-церемоніймейстеръ, то у него андреевскій орденъ замѣняется знакомъ ордена св. Екатерины. Герольды и секретари носятъ въ петлицѣ нѣсколько измѣненные знаки того ордена, при которомъ они состоятъ.

Лица какъ чернаго, такъ и бѣлаго духовенства также принимаются въ составъ россійскаго кавалерскаго общества со временъ императора Павла Петровича, и прежде во всѣхъ актахъ и бумагахъ именовались они кавалерами, но съ 1820 года они именуются сопричисленными къ жалуемому имъ ордену. Такой порядокъ соблюдается какъ въ отношеніи духовенства православнаго, такъ и прочихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

XII.

Общее «Установленіе» о россійскихъ орденахъ было, какъ замѣчено выше, издано императоромъ Павломъ въ день его коронаціи 5-го апрѣля 1797 года, и оно послужило впослѣдствіи главнымъ основаніемъ и для дальнѣйшихъ узаконеній по этой части. Говоря объ упомянутомъ «Установленіи», мы замѣтили, между прочимъ, что въ немъ не было ничего сказано о двухъ орденахъ, учрежденныхъ императрицею Екатериною II, а именно объ орденахъ св. Георгія и св. Владиміра, какъ бы не признанныхъ Павломъ.

Онъ не отмѣнилъ ихъ положительнымъ указомъ, но уничтожилъ ихъ косвенно, приказавъ прекратить зачисленіе кандидатовъ на командорства, или пенсіи, по этимъ двумъ орденамъ, а деньги, которыя шли на пенсію умершихъ кавалеровъ, не препровождать въ орденскую казну, а причислять къ общимъ государственнымъ доходамъ.

Объ учрежденіи ордена св. Георгія Екатерина объявила въ манифестѣ, изданномъ 27-го ноября 1769 года. Упомянувъ въ этомъ манифестѣ, что «слава Россійской имперіи наипаче распространилась и возвысилась вѣрностію и благоразумнымъ поведеніемъ воинскаго чина, и что государыня изъ особливой милости къ служащимъ за ревность и службу, а также для поощренія въ военномъ искусствѣ, восхотѣла учредить новый военный орденъ»,—далѣе было сказано, «что она возложила его на себя и приняла санъ гроссмейстера». Въ «Статутѣ» этого ордена постановлено было праздновать день его учрежденія, 26-го ноября, какъ при дворѣ, такъ и въ томъ мѣстѣ,

гдѣ случается кавалеръ большаго креста этого ордена. Учреждены были существующіе доселѣ 4 класса; пятая степень, или такъ называемый «знакъ военнаго отличія», или попросту «георгіевскій крестъ» для нижнихъ чиновъ былъ прибавленъ только впослѣдствіи и имѣлъ сперва одну только степень. При императорѣ Александрѣ Николаевичѣ къ этой степени была прибавлена высшая степень, для означенія которой употребляется не прежній серебряный крестъ, но золотой, и, кромѣ того, къ обоимъ упомянутымъ степенямъ, въ видѣ добавочнаго отличія, присоединенъ былъ бантъ изъ орденской ленты.

Въ 1782 году 22-го сентября, въ годовщину своей коронаціи, императрица Екатерина II учредила еще другой орденъ, подъ именемъ святаго равноапостольнаго князя Владиміра. Объ учрежденіи этого ордена было также объявлено манифестомъ, который начинался такъ: «Въ двадцатилѣтнее благополучное царствованіе наше самыми опытами познали мы, колико нужно непрерывное прилежаніе, безпорочное отправленіе всякаго рода должности и трудовъ, кои составляютъ то полезное служеніе имперіи, которое совокупно съ ревностію и усердіемъ къ намъ и отечеству увѣнчавается единственно успѣхомъ, приносящимъ общую пользу, честь и славу. Для подъемлющихъ такіе труды, — говорилось далѣе въ манифестѣ, — и въ наивящее поощреніе службы нашей, военной и гражданской, учреждаемъ и установляемъ мы новый орденъ святаго равноапостольнаго князя Владиміра». Знаки этого ордена должны были, по употреблявшемуся въ то время выраженію, являть заслуги кавалера передъ «всѣмъ свѣтомъ».

При учрежденіи этого ордена, онъ былъ раздѣленъ на четыре степени, изъ которыхъ двѣ первыя получили названіе «Большаго креста». Въ статутахъ какъ георгіевскаго, такъ и владимірскаго орденовъ исчислены тѣ особые подвиги и заслуги, которые даютъ право на полученіе этихъ орденовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду того, что не каждому можетъ представиться случай оказать какія либо особыя отличія, награжденіе орденомъ было допущено и за продолжительную службу. Къ ордену этому первоначально была приписана церковь св. Софіи близь Царскаго Села, а потомъ взамѣнъ этой церкви, въ 1845 году, церковь св. Владиміра на Петербургской сторонѣ. Девизъ ордена — «польза, честь и слава».

Въ настоящее время кавалеры орденовъ св. Георгія I-й степени и св. Владиміра той же степени появляются въ лентахъ этихъ орденовъ весьма рѣдко, только въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Обыкновенно же ленты эти бываютъ не видны, такъ какъ ихъ носятъ подъ мундиромъ, выставляя только ихъ концы изъ прорѣза надъ шпагою, такъ какъ по статутамъ обоихъ орденовъ знаки ихъ никогда не снимаются. По тѣмъ же статутамъ, ленты обоихъ орденовъ считаются собственно ниже лентъ андреевской и александров-

ской, и такое ихъ значеніе опредѣляется тѣмъ, что ленты этихъ орденовъ носятся черезъ правое плечо «на кафтанѣ, буде инаго россійскаго ордена нѣтъ, при ономъ же россійскомъ орденѣ уступаютъ мѣсто старшему и носятся по камзолу». Въ такихъ выраженіяхъ повторено это правило и въ позднѣйшихъ «Статутахъ». Надобно, однако, замѣтить, что въ то время, когда были учреждены оба эти ордена, кафтаны какъ у военныхъ, такъ и у гражданскихъ чиновъ не застегивались наглухо, а потому и ленты какъ георгіевская, такъ и владимірская, уступая на кафтанѣ мѣсто старшей лентѣ, тѣмъ не менѣе, постоянно оставались на виду, будучи наложены по камзолу, при разстегнутомъ кафтанѣ. Сама императрица носила одновременно три ленты: андреевскую, георгіевскую и владимірскую, какъ гроссмейстеръ всѣхъ этихъ орденовъ.

Вводя герцогскій голштинскій орденъ св. Анны въ число россійскихъ орденовъ, Павелъ учредилъ еще особый знакъ этого ордена для нижнихъ чиновъ, прослужившихъ безпорочно двадцать лѣтъ. Знакъ этотъ состоялъ изъ вызолоченной серебряной медали съ изображеніемъ орденскаго креста и привѣшивался на темлякъ, сдѣланный изъ орденской ленты. Полученіе такого знака избавляло, даже въ ту пору, нижняго чина отъ тѣлеснаго наказанія. Въ бытность свою великимъ магистромъ Мальтійскаго ордена, Павелъ прекратилъ раздачу нижнимъ чинамъ учрежденныхъ для нихъ анненскихъ знаковъ отличія и въ 1800 году замѣнилъ ихъ «донатами» державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, но какой видъ долженъ былъ имѣть этотъ новый знакъ отличія, о томъ въ указѣ упомянуто не было.

Къ особенностямъ ордена св. Анны относится, между прочимъ, слѣдующій разсказъ одного изъ современниковъ Павла Петровича, графа Комаровскаго.

Екатерина, желая покончить тѣ столкновенія, какія могли происходить между Россіей и Даніею изъ-за герцогства Шлезвигъ-Голштинскаго, постановила передать его, на извѣстныхъ условіяхъ, королю датскому. Между тѣмъ, Павелъ Петровичъ, будучи наслѣдникомъ русскаго престола, былъ въ то же время и владѣтельнымъ герцогомъ шлезвигъ-голштинскимъ, а въ этомъ послѣднемъ качествѣ могъ пользоваться державными правами, которыя, между прочимъ, выражались въ раздачѣ имъ ордена св. Анны, какъ ордена голштинскаго. Императрицѣ не нравился такой образъ дѣйствій, придававшій ея сыну видъ государя самостоятельнаго, и она выразила свое неудовольствіе противъ анненскихъ кавалеровъ, жалуемыхъ Павломъ. Тогда гроссмейстеръ этого ордена, а также и кавалеры, будучи передъ императрицею людьми не слишкомъ храбраго десятка, придумали такой способъ ношенія герцогскаго ордена: они стали привинчивать его на ефесъ шпаги, дабы въ присутствіи государыни прикрывать отъ нея этотъ знакъ рукою или

шляпою, а въ случаѣ необходимости и отвинчивать его украдкой. При вступленіи Павла Петровича на престолъ, онъ, причисливъ орденъ св. Анны къ россійскимъ орденамъ, сохранилъ, однако, и такой способъ его ношенія, повелѣвъ знаки низшей степени этого ордена носить «на чашкѣ инфантерійской или кавалерійской шпаги или сабли».

XIII.

Въ исторіи нашихъ орденовъ весьма замѣтнымъ явленіемъ какъ въ политическомъ, такъ и въ вѣроисповѣдальномъ отношеніяхъ было учрежденіе въ Россіи древнѣйшаго рыцарскаго, такъ называвшагося Мальтійскаго ордена, о происхожденіи котораго было упомянуто выше.

Императоръ Павелъ, увлеченный еще въ дѣтствѣ исторіею этого знаменитаго ордена, написанною ученымъ аббатомъ Верто, почувствовалъ чрезвычайную любовь къ рыцарямъ этого ордена. Когда при Екатеринѣ II въ составъ Русской имперіи вошли бывшія польскія области, то тамъ было уже учреждено великое пріорство этого ордена, и существовали въ пользу его орденаціи, т. е. такія помѣстья, доходы съ которыхъ, въ силу завѣщанія ихъ владѣльцевъ, должны были поступать въ орденскую казну. Польское правительство крайне неисправно вносило въ эту казну доходы, слѣдовавшіе съ имѣній, предоставленныхъ ордену князьями Острожскими. На польскомъ правительствѣ все болѣе и болѣе накоплялось недоимокъ, и орденъ тщетно требовалъ ихъ уплаты. Когда верховныя права королей польскихъ и сейма надъ тѣми областями Польской республики, въ которыхъ были орденаціи, перешли къ русскимъ государямъ, то орденскія власти обратились съ просьбою объ удовлетвореніи ордена причитавшимися ордену деньгами и объ устройствѣ управленія принадлежавшими ему въ Литвѣ и на Волыни имѣніями на болѣе удобныхъ для него основаніяхъ. При Екатеринѣ II вопросъ этотъ пошолъ очень вяло, но Павелъ горячо принялся за него и повелѣлъ удовлетворить денежныя претензіи рыцарей изъ государственной казны.

Такое великодушіе Павла побудило орденскій капитулъ отправить въ Петербургъ благодарственную депутацію. Во главѣ этой депутаціи былъ великій бальи, графъ Литта, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, было поручено уладить вообще дѣла ордена въ Петербургѣ. Между тѣмъ, Павелъ, желая выразить свое уваженіе къ такому «древнему заведенію», какимъ былъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, заключилъ, въ 1797 году, конвенцію съ великимъ магистромъ ордена, барономъ Гомпешемъ, объ учрежденіи въ Россіи двухъ великихъ пріорствъ—«россійскаго», т. е. собственно православнаго, и римско-католическаго. Пріорства эти состояли изъ коман-

дорствъ, которыхъ считалось въ первомъ пріорствѣ 10 и во второмъ 20. Въ манифестѣ своемъ, отъ 29-го ноября 1798 года, Павелъ объявилъ, что онъ, «императорскою властію установивъ новое заведеніе ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, повелѣлъ отпускать ежегодно на великое пріорство россійское по 216,000 рублей въ годъ, съ учрежденіемъ въ немъ 98 командорствъ». Такимъ образомъ, рыцарями Мальтійскаго ордена могли быть и послѣдователи православной церкви, хотя орденъ былъ учрежденъ собственно для католиковъ. На содержаніе командорствъ были, согласно тогдашнимъ порядкамъ, назначены крестьяне въ числѣ 50,000 душъ. Командорства эти могли быть раздаваемы по личному усмотрѣнію императора, помимо всякаго участія со стороны великаго магистра. Такъ какъ въ число мальтійскихъ рыцарей на западѣ Европы могли поступать только представители дворянскихъ фамилій, то примѣнительно къ этому и въ отношеніи русскихъ дворянъ было постановлено, что только тѣ изъ нихъ могутъ быть кавалерами «по праву» (di gusticia), которые докажутъ древность своего рода, по крайней мѣрѣ, за сто пятьдесятъ лѣтъ. Кромѣ того, у насъ былъ допущенъ также и другой существовавшій еще и прежде разрядъ кавалеровъ «изъ милости» (di grazia). Въ этотъ рядъ, впрочемъ, совершенно равноправный съ предъидущимъ, могли поступать дворяне, пожалованные императоромъ знакомъ Мальтійскаго ордена, хотя бы они, по своему происхожденію, и не имѣли на то права. Членами ордена, тоже въ силу прежнихъ уставовъ, могли быть и дамы.

Въ это время Мальтійскому ордену, какъ обветшалому и притомъ религіозному учрежденію, грозило близкое паденіе. Наполеонъ Бонапарте, отправившійся для завоеванія Египта, явился неожиданно передъ Мальтою и овладѣлъ островомъ во имя Французской республики. Павелъ, ненавидившій революціонныя движенія и, какъ замѣчено выше, чрезвычайно сочувствовавшій мальтійскому рыцарству, объявилъ себя еще и прежде протекторомъ этого ордена, и потому взятіе Мальты французами счелъ за личное для себя оскорбленіе. Съ своей стороны, рыцари обвинили великаго магистра барона Гомпеша, за сдачу Мальты французамъ безъ упорнаго боя, въ измѣнѣ ордену и, принудивъ его сложить съ себя свой санъ, обратились съ просьбою къ императору Павлу быть ихъ главою. Онъ принялъ это предложеніе, объявилъ себя великимъ магистромъ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, торжественно возложивъ на себя знаки этого сана: рыцарскую мантію, корону, мечъ и крестъ, принадлежавшій нѣкогда славному великому магистру Лавалету. Орденъ этотъ не имѣлъ ни звѣзды, ни ленты, носимой черезъ плечо. Знаки его были двухъ степеней: бѣлый восьми-угольный финифтяный крестъ, носимый на лѣвой сторонѣ, какъ звѣзда безъ ленты, и командорскій такой же крестъ, но большаго размѣра, украшенный золотою короною и носимый на шеѣ, на золотой цѣпочкѣ. Въ

торжественныхъ случаяхъ кавалеры Мальтійскаго ордена надѣвали поверхъ рыцарской одежды черныя суконныя мантіи съ нашитымъ на боку бѣлымъ крестомъ. Такой же крестъ былъ, по повелѣнію Павла, помѣщенъ въ русскій государственный гербъ, на груди орла, и уже въ срединѣ этого креста былъ изображенъ гербъ московскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ полный императорскій титулъ былъ внесенъ и титулъ великаго магистра державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.

Павелъ придавалъ этому ордену чрезвычайно важное значеніе. Мальтійскіе кресты были возложены на императрицу Марію Θеодоровну, на великихъ князей и великихъ княженъ. Самъ императоръ возложилъ знаки этого ордена на своихъ старшихъ сыновей съ соблюденіемъ установленныхъ на такой случай рыцарскихъ обрядовъ, которые онъ исполнялъ и при пожалованіи ордена другимъ лицамъ, и которые онъ распространилъ и на случаи пожалованія имъ русскихъ орденовъ. Такъ какъ Павелъ Петровичъ не жаловалъ впродолженіе своего царствованія орденовъ св. Георгія и св. Владиміра, то мальтійскій какъ командорскій, такъ и кавалерскій кресты сдѣлались высшими знаками отличія какъ за военные подвиги, такъ и за гражданскія заслуги, а пожалованіе командорства считалось знакомъ отличія, превосходящимъ даже орденъ св. Андрея Первозваннаго, такъ какъ въ такомъ пожалованіи выражалось личное наивысшее благорасположеніе государя. Онъ сталъ жаловать мальтійскіе кресты и духовнымъ особамъ православнаго исповѣданія, а для орденскаго капитула былъ назначенъ особый домъ, нынѣ зданіе пажескаго корпуса, при которомъ была устроена и донынѣ существующая католическая церковь во имя Іоанна Крестителя.

Не смотря на все это, русскіе люди, не имѣя яснаго понятія о Мальтійскомъ орденѣ, а примѣняя его названіе къ извѣстному у насъ прежде ордену св. Анны, называли новый орденъ орденомъ святой Мальты, принимая названіе острова за собственніе имя какой-то святой.

Учреждаемые въ Россіи, съ разрѣшенія императора и великаго магистра, родовыя или фамильныя командорства, за которыя слѣдовало платить въ орденскую казну ежегодно извѣстную сумму, такъ называвшуюся «резпонзію», были сдѣланы наслѣдственными. Такъ какъ на учрежденіе командорства, учредитель его обязанъ былъ выдѣлить изъ своего имѣнія извѣстное число ревизскихъ душъ, то вмѣстѣ съ правомъ владѣть родовымъ командорствомъ переходило къ наслѣднику учредителя и право носить командорскій крестъ, и еще въ самое недавнее время нынѣ царствующимъ государемъ императоромъ было признано такое право за вице-адмираломъ Кроуномъ, хотя русскихъ командорствъ давно уже не существуетъ.

Вдобавокъ къ упомянутымъ выше знакамъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго были учреждены еще такъ называвшіеся «донаты», о которыхъ сказано было выше, и которые могли получать не только нижніе воинскіе чины, но и вообще лица всѣхъ сословій.

Чрезвычайный почетъ, оказанный императоромъ Павломъ Мальтійскому ордену, не былъ, однако, продолжителенъ. Англичане, отнявшіе у французовъ Мальту, окончательно упрочились на ней. Рыцари должны были покинуть ихъ прежнее мѣстопребываніе и избрали для пребыванія великаго магистра, вмѣсто Петербурга, Римъ, гдѣ этотъ орденъ существуетъ донынѣ, не имѣя уже никакого значенія ни религіознаго, ни политическаго, хотя и продолжаетъ носить названіе державнаго.

Императоръ Александръ Павловичъ, не желая приходить въ столкновенія съ Англіею изъ-за острова Мальты и признавая вовсе неподходящимъ соединять санъ императора всероссійскаго съ званіемъ великаго магистра, сложилъ съ себя этотъ послѣдній и, 16-го марта 1801 года объявивъ себя только протекторомъ ордена,— если мы не ошибаемся, — пересталъ носить мальтійскій крестъ; а въ 1817 году, состоялось запрещеніе носить полученные съ означеннаго времени знаки ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.

XIV.

До Петра I на Руси, за исключеніемъ тѣхъ ея областей, которыя подпали подъ вліяніе Польши, и той части, которая находилась подъ властію тевтонскихъ рыцарей Даніи и Швеціи, никакихъ сословій никогда не существовало. Поэтому весьма понятно, что въ государствѣ Московскомъ не могло появиться никакихъ знаковъ сословныхъ отличій. Если во времена царей московскихъ бояре носили высокія, такъ называвшіяся «горлатныя» шапки изъ бобра или соболя, а всѣ прочіе служилые люди носили шапки изъ недорогихъ мѣховъ съ бархатной или суконной верхушкой, и если великокняжскіе, а потомъ царскіе рынды въ торжественныхъ случаяхъ держали на плечахъ серебряные топорики, то какъ эти послѣдніе, такъ равно и горлатныя шапки не были знаками сословныхъ отличій, а были только должностными знаками.

Въ Московіи, въ мирное время, нельзя было даже отличить военно-служащаго человѣка отъ приказнаго и отъ простолюдина, такъ какъ никто внѣ службы не носилъ при себѣ оружія. Его не имѣли на себѣ и государи, и только Петръ I началъ носить постоянно кортикъ. Даже во время походовъ русскіе ратные люди ходили безъ оружія и безъ доспѣховъ, которые везли на возахъ, слѣдовавшихъ за царскою ратью, и наши воины хватались за принадлежности своего вооруженія только при приближеніи, а иногда

въ виду непріятеля, почему они нерѣдко терпѣли пораженія, такъ какъ непріятель сплошь и рядомъ заставалъ ихъ врасплохъ.

Впослѣдствіи оружіе, собственно шпаги, сдѣлались знакомъ и даже необходимою принадлежностію, хотя бы и въ мирное время, не только людей военныхъ, но и чиновника и дворянина, а при Екатеринѣ II ношеніе ихъ было предоставлено и знатному купечеству и, въ видѣ отличія, лицамъ разныхъ сословій. Около того времени оружіе, украшенное бриллiантами и съ надписями, обратилось въ царскую награду за военныя доблести. Собственно такое оружіе давалось только въ видѣ подарка немногимъ прославившимся полководцамъ. Такъ, напримѣръ, его получили Румянцовъ и Суворовъ. При Александрѣ Павловичѣ такъ называемое «золотое оружіе» было сдѣлано, въ 1807 году, знакомъ отличія, постановленнымъ на степень награжденія орденомъ, и съ этой поры государи стали жаловать шпаги, сабли, палаши, а наконецъ, и шашки съ надписями: за храбрость, за покореніе такого-то города, за такую-то битву, за взятіе такой-то крѣпости, или за такой-то подвигъ. Подобнаго рода награды, т. е. надписи, были распространены и вообще на все войско, такъ какъ надписи на головномъ уборѣ предоставлялись иногда всему полку и сохранялись постоянно, не смотря на безпрестанное измѣненіе его личнаго состава. На полковыхъ знаменахъ дѣлаются также надписи, напоминающія о подвигахъ полка, и въ иныхъ случаяхъ знамя украшается георгіевскими лентами, съ привязаннымъ крестомъ военнаго ордена. Такими же лентами бываютъ украшены въ знакъ отличія музыкальныя трубы въ полкахъ.

Знàкомъ высшаго военнаго чина, т. е. званія генералъ-фельдмаршала, служатъ такъ называемые «повелительные» жезлы; они введены у насъ по примѣру европейскихъ армій при Петрѣ I и жаловались иногда осыпанные бриллiантами. Были также жалуемы со временъ Екатерины II эполеты, собственно одинъ нынѣшній погонъ для ленты, осыпанный бриллiантами. Такой знакъ отличія давался и военнымъ, и гражданскимъ сановникамъ. Точно также и тѣмъ и другимъ лицамъ были жалуемы для ношенія на шляпѣ бриллiантовыя «петлицы», или вѣтви, и эти послѣднія дѣлались для военныхъ чиновъ обыкновенно въ видѣ лавровой вѣтви и были весьма цѣнною наградою, какъ, напримѣръ, перья, которыя были пожалованы Потемкину и Безбородко, стоили до 100,000 рублей.

Особенные знаки чиновныхъ отличій, пожалованные малороссійскимъ козакамъ еще королемъ польскимъ Стефаномъ Баторіемъ, носили при себѣ до уничтоженія въ Малороссіи гетманскаго правленія старшины тамошняго войска. Такъ, знàкомъ гетманской власти была булава, а полковниковъ войска малороссійскаго — такъ называвшійся перначъ, — короткій жезлъ съ большой прорѣзной макушкой. Эти знаки отличія заведены были и у донцевъ, почему

и донынѣ наказной атаманъ Донскаго войска носитъ въ рукахъ булаву при торжественныхъ случаяхъ.

Заговоривъ о должностныхъ знакахъ отличія, мы отвлеклись нѣсколько отъ знаковъ отличій сословныхъ, къ которымъ и слѣдуетъ возвратиться.

На западѣ Европы главнымъ знакомъ дворянскаго достоинства были фамильные гербы. Изображенія ихъ носили рыцари на груди, на латахъ, на шлемахъ, на щитахъ, на перевязяхъ, украшали ими свои жилища и снаружи, и внутри и изображали ихъ на предметахъ домашняго обихода. При устройствѣ нашихъ служилыхъ людей, въ видѣ высшаго дворянскаго или шляхетскаго сословій, при Петрѣ I появились гербы и у насъ. Разсмотрѣніе ихъ введенія въ Россіи, способы ихъ составленія и случаи употребленія ихъ относятся уже къ области геральдики, которая имѣетъ свое самостоятельное историческое значеніе въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ дворянство какъ феодальное, такъ и служебное, и мы въ особой статьѣ поговоримъ о русской геральдикѣ, а теперь замѣтимъ только объ употребленіи у насъ нѣкоторыхъ геральдическихъ знаковъ, какъ знаковъ сословныхъ отличій.

Не только произвольное употребленіе, но и какое либо малѣйшее измѣненіе высочайше утвержденнаго герба у насъ не допускается, а по закону и то и другое должно быть наказуемо какъ уголовный поступокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пожалованіе герба лицу или роду считается неопровержимымъ доказательствомъ на дворянство. Не смотря, однако, на такую важность, признаваемую у насъ по закону за гербами, ими пользуются совершенно безнаказанно тѣ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго права на гербъ вообще, не будучи дворянами. Между тѣмъ, сплошь и рядомъ и личные дворяне, и почетные граждане, и купцы, и разночинцы, изображаютъ гербъ и короны на печатяхъ, а если имѣютъ экипажи, то и на нихъ. За такое самовольное употребленіе гербовъ, они должны были бы подлежать не только денежному штрафу, довольно значительному, но даже при повтореніи такой тщеславной выставки опубликованію и аресту. Точно также безъ законныхъ на то правъ лица эти выставляютъ на своихъ домахъ вымышленные гербы или свои вензеля подъ дворянскими коронами. Такія украшенія также не допускаются по закону и въ случаѣ ихъ появленія они подлежатъ уничтоженію, а виновные въ выставкѣ ихъ — наказанію по приговору суда.

Въ Западной Европѣ, гдѣ существовало феодальное дворянство, преслѣдованія такихъ произвольныхъ знаковъ сословнаго отличія бываютъ, или, по крайней мѣрѣ, бывали, очень часто, но у насъ въ Россіи среди служебнаго дворянства подобныхъ преслѣдованій, сколько мы знаемъ, никогда не возбуждалось. Предъявлялись правда — да и то очень рѣдко — требованія со стороны однофамиль-

цевъ, имѣвшихъ гербы, чтобы тѣ лица, которыя не были одного съ ними рода, не употребляли тѣхъ гербовъ, на которые они не имѣютъ права, и которые они присвоили себѣ только вслѣдствіе тождественности фамильнаго прозванія.

Какъ употребленіе гербовъ вообще, такъ равно и употребленіе въ отдѣльности геральдическихъ коронъ, безъ дѣйствительнаго на то права, у насъ также не допускается. Между тѣмъ нынѣ всякій, кто хочетъ, употребляетъ ихъ вытѣсненные, напримѣръ, на бумагѣ для писемъ, на визитныхъ карточкахъ, на экипажахъ. Разумѣется, что такое незаконное употребленіе геральдическихъ знаковъ объясняется очень просто: незнаніемъ придаваемаго имъ значенія, а иногда и суетностію. Очень часто случается видѣть домъ, принадлежащій не-дворянину, и на этомъ домѣ причудливыя лѣпныя украшенія составляютъ какъ будто корону подъ гербовымъ щитомъ, въ которомъ помѣщается или какое нибудь изображеніе, или инициалы имени и прозванія домоваго владѣльца. Точно также совершенно произвольно употребляютъ у насъ гербы и короны при похоронныхъ процессіяхъ.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что и употребляемые у насъ законно нѣкоторые геральдическіе знаки, какъ, напримѣръ, княжескія короны или шапки и княжескія, подбитыя горностаемъ, мантіи изъ пурпуроваго бархата никогда у насъ въ дѣйствительности не существовали. Эти знаки заимствованы съ Запада и перешли къ намъ посредствомъ живописи, какъ иконописной, такъ и портретной. Въ прошломъ столѣтіи фамильные у насъ портреты князей, княгинь и княженъ рисовались очень часто съ накинутыми на плечи мантіями, что̀ было только игрою воображенія, а не историческою дѣйствительностію.

Въ ряду разныхъ знаковъ чиновныхъ отличій законодательство наше установило, между прочимъ, отличія въ отношеніи экипажей и одежды прислуги, или ливрей. Еще въ 1757 году, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ были установлены касательно этого подробныя правила. Впослѣдствіи они отмѣняемы не были и нынѣ остаются въ III томѣ «Свода Законовъ», а потому не утратили и въ настоящее время своей обязательной силы.

При дѣйствіи этихъ узаконеній безчиновные дворяне могутъ ѣздить въ экипажѣ, запряженномъ только въ одну лошадь. Оберъ-офицеры какъ воинскаго, такъ и гражданскаго вѣдомства — на парѣ, лица — штабъ-офицерскаго чина — четверней, и затѣмъ высшіе чины — шестерней, причемъ особы втораго класса могутъ имѣть при своемъ экипажѣ одного, а перваго — двухъ вершниковъ. Изданіе этого закона сильно возмущало малочиновныхъ дворянъ и Екатерина II, въ видѣ милости, оказанной дворянамъ, дозволила тѣмъ изъ нихъ, которые достигли пятидесятилѣтняго возроста,

ѣздить въ каретѣ парою, а также и женамъ ихъ, не смотря на возрость этихъ послѣднихъ, такъ что малочиновные мужья разъѣзжали въ каретахъ только подъ прикрытіемъ своихъ супругъ. При изданіи упомянутаго закона императрицы Елисаветы весьма многіе дворяне, лишенные права разъѣжать не только шестерней, но даже и четверней, поспѣшили поскорѣе выѣхать изъ Москвы, какъ униженные и скорбленные въ деревенское приволье, гдѣ они могли разъѣзжать хотя бы восьмерикомъ. Поэтому въ прежнее время чинъ бригадира или чинъ статскаго совѣтника былъ предметомъ сильнаго вожделѣнія. Съ полученіемъ этихъ чиновъ можно было и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ разъѣзжать шестерней. Впослѣдствіи на такое распредѣленіе знаковъ сословныхъ отличій стали смотрѣть все съ большею снисходительностію, и въ то время ѣзда шестерикомъ съ вершниками вышла изъ обычая, и закладка шестерикомъ совершалась нынѣ только въ придворныхъ церемоніалахъ, да иногда въ торжественные дни выѣзжаютъ шестеркою архіереи. Ѣзда же четверней нынѣ вышла изъ обычая. Упомянутое чиновное отличіе по числу запрягаемыхъ въ карету лошадей было примѣняемо и къ похороннымъ процессіямъ, такъ что на тотъ свѣтъ оберъ-офицеръ могъ отправляться только на парѣ, тогда какъ особы, состоявшія въ генеральскихъ рангахъ, имѣли право отъѣзжать туда шестернею.

Понятно, что въ настоящее время такіе ограничительные законы должны были бы подлежать если не положительной отмѣнѣ, то простому ихъ исключенію при новомъ изданіи третьяго тома «Свода Законовъ».

Что касается одежды прислуги, то и относительно этого, въ силу упомянутаго закона императрицы Елисаветы, установлены были отличія для означенія чиновности господъ. Такъ, оберъ-офицеры не имѣли права, да и нынѣ не имѣютъ вовсе,—«выкладывать» ливреи у своихъ служителей, т. е. нашивать на ихъ одежду басоны, галуны и позументы; штабъ-офицерамъ предоставлено право—дѣлать такую выкладку только на воротникѣ и на обшлагахъ. Въ генеральскихъ чинахъ разрѣшено выкладывать ливреи не только по воротнику и обшлагамъ, но и по бортамъ, а особамъ первыхъ двухъ классовъ — и по всѣмъ швамъ. Вдовы въ этомъ случаѣ пользуются правомъ, предоставленнымъ ихъ мужьямъ, а незамужнія дочери — ихъ отцамъ.

Какъ эти правила чиновныхъ отличій сохраняются и нынѣ въ Сводѣ Законовъ, такъ точно сохраняются еще и другія правила относительно одежды выѣздной и домашней, а именно: прислуга можетъ носить кокарды на шляпѣ и аксельбанты только при высокихъ чинахъ ихъ господъ, т. е. если эти послѣдніе имѣютъ чинъ перваго или втораго класса по военной или по гражданской службѣ,

причемъ цвѣтъ этихъ украшеній, равно какъ и ливреи вообще, долженъ быть примѣненъ къ тѣмъ цвѣтамъ, которые находятся въ пожалованномъ кому либо лично или въ наслѣдственномъ гербѣ. Въ былое время, даже еще въ началѣ царствованія Николая, эти предписанные законы соблюдали, особенно въ провинціи, довольно исправно. Въ настоящее время цвѣтныя кокарды на шляпахъ носятъ въ противность закону лакеи у негоціантовъ и купцовъ и всякихъ разночинцевъ, за что допускающіе это должны были бы быть привлекаемы къ уголовной отвѣтственности.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить о томъ отличіи, какое предоставлено у насъ лицамъ, состоящимъ при иностранныхъ посольствахъ. Они могутъ имѣть при себѣ такъ называемыхъ егерей, которые носятъ при себѣ оружіе и на шляпахъ султаны изъ пѣтушиныхъ перьевъ. По слышанному нами разсказу, такое отличіе было установлено по слѣдующему случаю.

Передъ такъ называемою Отечественною войною при дворѣ императора Александра Павловича французскимъ посломъ былъ Коленкуръ, герцогъ Винченскій, который, полагаясь на могущество своего повелителя Наполеона I, позволялъ себѣ разныя дерзости и выходки, и никто не рѣшался обуздать его. Въ это время въ Петербургѣ частнымъ приставомъ московской части былъ маіоръ Скобелевъ, впослѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи и комендантъ Петропавловской крѣпости, дѣдъ недавно умершаго знаменитаго генерала. Иванъ Никитичъ рѣшился проучить Коленкура и подъ предлогомъ, что Коленкуръ слишкомъ шибко ѣздитъ, задержалъ его въ экипажѣ на улицѣ. Случай этотъ въ Петербургѣ и Парижѣ возбудилъ большой шумъ, и Скобелевъ выдвинулся въ общественномъ мнѣніи, такъ какъ все петербургское общество было противъ нахальнаго посла. Распоряженіемъ Скобелева остался доволенъ и самъ государь, хотя ему было неудобно выразить это. Съ тѣхъ поръ, для предотвращенія подобныхъ случаевъ, предоставлены егерямъ и кучерамъ лицъ дипломатическаго корпуса особыя отличія въ одеждѣ, такъ какъ послы и вообще члены посольства не подлежатъ ни въ какомъ случаѣ задержанію. Разсказъ о расправѣ Скобелева съ Коленкуромъ пишущему эти строки пришлось слышать въ молодости отъ самого Ивана Никитича, но печатнаго о томъ подтвержденія встрѣтить не случалось. Старикъ генералъ вспоминалъ объ этомъ не безъ горделиваго удовольствія.

На ряду со всѣми указанными нами знаками отличія—служебными, чиновными и сословными, въ противоположность тому существуетъ въ подобныхъ случаяхъ и полное равенство. Такъ, еще по «Воинскому Уставу» Петра I было установлено воздавать воинскія почести погребальнымъ процессіямъ, не различая ни ихъ пышности, ни ихъ убожества, такъ что при этомъ все равно—везутъ ли

покойника на колесницѣ, подъ пышнымъ балдахиномъ, въ парчевомъ гробу, или на дровняхъ, въ простомъ досчатомъ гробѣ. Поэтому каждый можетъ надѣяться на оказаніе ему рано или поздно особыхъ почестей, хотя бы онъ въ жизни и не имѣлъ никакихъ знаковъ отличій, а потому за предѣлами земной жизни не можетъ быть о нихъ ни печали, ни воздыханій, и всѣ они оказываются только суетою.

Е. Карновичъ.

ВЪ КАЗАНИ И ВЪ КІЕВѢ[1]).

(1867—1877).

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

II.

Диссертація Драгоманова и диспутъ. — Дѣло о приглашеніи Водуэна де-Куртенэ. — Смѣна ректора. — Забаллотировка Лучицкаго. — Университетскій актъ 9-го ноября 1871 года и небольшой скандалъ на немъ.—Пріобрѣтеніе Игн. Косовичемъ степени магистра. — Выборъ Матвѣева въ проректоры и безпорядки между студентами.—Бурная сцена въ совѣтѣ.—Несогласія въ историко-филологическомъ факультетѣ.—Дѣло Линниченко, выборъ Лучицкаго. — Украйнофильская агитація.—Дѣло Павлова и моя роль въ немъ.—Новое ректорство Матвѣева и усиленіе безпорядковъ въ дѣлахъ университета.—Дѣло о замѣщеніи каѳедры хирургіи.—Мой отъѣздъ за границу и нежеланіе возвращаться въ Кіевъ.—Деканскіе выборы на историко-филологическомъ факультетѣ и произвольныя дѣйствія совѣтскаго большинства. — Мое возвращеніе въ Кіевъ и переходъ въ Петербургъ.

РАГОМАНОВЪ, въ то время еще не игравшій роли вождя, такъ сказать, крайней фракціи украйнофильской партіи, считался, однако, одною изъ самыхъ цвѣтущихъ надеждъ мѣстной интеллигенціи. Не задолго до моего переѣзда въ Кіевъ онъ сталъ печатать магистерскую диссертацію подъ заглавіемъ: «Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи и Тацитъ». Трудъ этотъ, обличавшій крайнюю ученую несостоятельность автора, почти совсѣмъ незнакомаго ни съ латинскимъ языкомъ, ни съ греческимъ, ни съ исторіей римской литературы, ни съ главнѣйшими

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXII, стр. 321.

памятниками лапидарной письменности, къ дѣлу относящимися, но, тѣмъ не менѣе, выступавшій съ самыми широкими претензіями, запутанный въ расположеніи содержанія и сбивчивый въ изложеніи, производилъ при чтеніи его самое тяжелое впечатлѣніе. На меня онъ производилъ тяжелое впечатлѣніе еще болѣе, чѣмъ на другихъ, такъ какъ Тацитъ всегда былъ самымъ близкимъ моему сердцу латинскимъ писателемъ и служилъ въ свое время предметомъ моего спеціальнаго изученія (см. мою книгу «Тацитъ и его сочиненія», Спб., 1864). Ученая несостоятельность диссертаціи г. Драгоманова была очевидна, и долгъ факультета былъ отвергнуть ее. Но это было дѣло не легкое. Только что пережившему передрягу по дѣлу г. Иконникова, факультету надобно было десять разъ подумать, прежде чѣмъ вступить въ новую борьбу съ совѣтскою коалиціей.

Составленіе отзыва о диссертаціи поручено было г. Бильбасову, какъ профессору всеобщей исторіи, по предмету которой была подана диссертація, но значительная доля отвѣтственности за пріемъ или отверженіе диссертаціи, должна была лечь на меня, какъ спеціалиста по предмету, которымъ г. Драгомановъ занимался въ своей диссертаціи. Мы оба были согласны въ томъ, что диссертація, какъ ученый трудъ, никуда не годится, но въ то же время чувствовали, что положеніе дѣла заставляетъ насъ пропустить ее, тѣмъ болѣе, что друзья г. Драгоманова выставляли на видъ, что онъ несъ на себѣ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ трудъ единственнаго преподавателя всеобщей исторіи въ Кіевскомъ университетѣ, каковое де обстоятельство, сокращая время его кабинетныхъ занятій, естественно не могло не отозваться вредно на его диссертаціи. Наиболѣе бросающееся въ глаза явленіе въ диссертаціи г. Драгоманова, разсуждали мы, есть то, что она не обличаетъ въ себѣ слѣда какой нибудь школы, что въ ней все безпорядочно и произвольно, все обличаетъ самое легкое обращеніе съ источниками и полное безсиліе автора стать на дорогу, на которой его выводы и заключенія могли бы имѣть какое либо значеніе. Но, съ другой стороны, говорили мы между собой, гдѣ же г. Драгомановъ, воспитанникъ Кіевскаго университета, не выѣзжавшій никогда изъ провинціи, могъ пройдти какую либо школу? Ни Шульгинъ, ни Ставровскій, ни тѣмъ менѣе Павловъ, кіевскіе историки, не могли дать своимъ слушателямъ такого историческаго образованія, какое требуется для того, чтобъ быть современемъ ученымъ историкомъ. Итакъ, мы рѣшились пропустить диссертацію, но съ тѣмъ, чтобы показать ему на диспутѣ, какъ мало его трудъ удовлетворяетъ серьёзнымъ требованіямъ, а послѣ ходатайствовать о командированіи его на два года съ ученою цѣлью за границу, гдѣ онъ, знакомясь съ учеными, съ ихъ трудами, равно какъ и съ основными источниками своей науки, могъ бы до нѣкоторой степени восполнить пробѣлъ своего научнаго образованія. Я лично не считалъ себя въ правѣ умолчать въ фа-

культетѣ о томъ, что въ диссертаціи г. Драгоманова, не состоятельной во всемъ ея объемѣ, находятся промахи невѣроятные, но въ то же время прибавилъ, что не стану противиться ея принятію, если факультетъ по своимъ соображеніямъ найдетъ то нужнымъ. Диссертація была принята.

11-го февраля 1870 года, въ актовой залѣ университета къ полудню собралась многочисленная публика, преимущественно изъ студентовъ. Было извѣстно, что будетъ происходить диспутъ г. Драгоманова, одного изъ свѣтилъ мѣстной учености и дѣятельнаго бойца украйнофильской партіи. Диспуту предшествовали крайне недобросовѣстныя замѣтки и рецензіи въ одномъ большомъ журналѣ и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ твореніе кіевскаго ученаго прославлялось чуть ли не какъ новое откровеніе исторической науки. Время появленія этихъ печатныхъ отзывовъ совпадало съ путешествіемъ г. Драгоманова въ Петербургъ, откуда онъ только что возвратился. Первый возражалъ В. А. Бильбасовъ. Съ учебникомъ Вебера въ рукахъ, онъ указывалъ диспутанту на постоянныя фактическія ошибки его въ средневѣковой исторіи. Г. Драгомановъ презрительно улыбался, не понимая, зачѣмъ люди останавливаются на такихъ мелочахъ, и гримасами своими нерѣдко вызывалъ смѣхъ въ сочувствовавшей ему публикѣ. Иногда эта публика забывалась до того, что производила шумъ и дѣятельное вмѣшательство въ ходъ диспута криками и замѣчаніями. Профессоръ Бильбасовъ возражалъ болѣе часа. Затѣмъ наступила моя очередь. Видя враждебное факультету настроеніе толпы, я рѣшился ограничиться пятью—шестью возраженіями, но такими, которыя, какъ я полагалъ, будучи не оспоримы, въ состояніи выставить ненаучность труда г. Драгоманова, въ особенно яркомъ свѣтѣ. Такъ я указывалъ ему на то, что онъ въ своихъ странныхъ выводахъ основывается на документахъ, которые уже двѣсти—триста лѣтъ считаются подложными, что, впрочемъ, ему оставалось неизвѣстнымъ; указывалъ на то, что онъ, уснащая свою книгу цитатами на всѣхъ языкахъ, изъ литературы всѣхъ временъ и народовъ, иногда не знаетъ даже того, на какомъ языкѣ писана та или другая приводимая имъ книга; указывалъ и на то, что онъ, цитуя всякую никуда не годную дрянь, не подозрѣвалъ даже о существованіи источниковъ, которые должны имѣть для его предмета капитальное значеніе, каковы нѣкоторыя надписи и, между прочимъ, такъ называемый Monumentum Ancyranum, политическая исповѣдь Августа, какъ я обыкновенно называю этотъ документъ въ своихъ сочиненіяхъ. Послѣ еще нѣсколькихъ подобныхъ возраженій, я взаключеніе замѣтилъ, что диссертація, такъ написанная и съ такимъ отношеніемъ къ источникамъ, не можетъ быть названа ученымъ сочиненіемъ. Диспутантъ на мои возраженія отвѣчалъ замѣчаніями, что одного ему не нужно, другаго онъ

не успѣлъ сдѣлать, а третьяго не зналъ, съ надписями же познакомится, когда будетъ въ Италіи (!). Вслѣдъ за мной сталъ возражать г. Лучицкій, въ то время только магистрантъ по всеобщей исторіи, а теперь извѣстный ученый. Но послѣ какого-то довольно дерзкаго въ отвѣтъ ему замѣчанія г. Драгоманова поднялся среди студентовъ такой гамъ и ревъ на несчастнаго оппонента, что я для прекращенія этого безобразія и предотвращенія какого нибудь крупнаго скандала сталъ просить Селина закрыть диспутъ, что̀ покойный теперь деканъ историко-филологическаго факультета, стоявшій въ то время со мной въ очень хорошихъ отношеніяхъ, и поспѣшилъ исполнить. Рѣшеніе факультета о признаніи или непризнаніи г. Драгоманова магистромъ было отложено, но состоялось въ пользу признанія, въ чемъ я лично несу значительную долю отвѣтственности. Оказанное факультетомъ г. Драгоманову снисхожденіе, какъ извѣстно, не принесло въ будущемъ никакихъ хорошихъ результатовъ, а въ то время не избавило насъ отъ площадной брани, которою насъ осыпали кіевскіе корреспонденты нѣкоторыхъ газетъ за слишкомъ будто бы придирчивое отношеніе къ труду г. Драгоманова.

Такъ какъ первая обязанность нашего факультета, въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находился въ то время, была усиленіе состава преподавателей, то мы не могли не обратить вниманія на возможность замѣщенія каѳедры сравнительнаго языкознанія въ лицѣ молодаго ученаго, пріобрѣвшаго тогда уже нѣкоторую извѣстность въ наукѣ и подававшаго большія надежды, г. Бодуэна-де-Куртенэ, бывшаго потомъ профессоромъ въ Казани, а въ настоящее время состоящаго профессоромъ въ Дерптѣ. Его намъ рекомендовали люди компетентные и солидные, покойные теперь профессора Петербургскаго университета: К. А. Кояловичъ и И. И. Срезневскій. Дѣло это началось еще въ концѣ 1870 года, но оффиціальный ходъ получило лишь въ началѣ слѣдующаго года. Такъ какъ иниціатива его шла отъ Селина, то одного этого было достаточно, чтобъ оно получило жгучій характеръ и породило агитацію въ нѣмецкой партіи. Стали говорить, что, хотя г. Бодуэнъ и носитъ французскую фамилію, но въ сущности онъ полякъ, ибо родился въ Польшѣ, и потому весьма возможно, что настроенъ въ польскомъ духѣ. Хотя этотъ аргументъ противниковъ историко-филологическаго факультета и не былъ основанъ на какихъ нибудь положительныхъ данныхъ и былъ лишь стратегическимъ пріемомъ, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ имѣть рѣшающее вліяніе на исходъ дѣла, начатаго факультетомъ. Странно было, однако, то, что пугало полонизма и католицизма выдвигали въ данномъ случаѣ не коренные жители Юго-Западнаго края, которые, если не сами, то въ лицѣ своихъ отцовъ и дѣдовъ, вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы съ полонизмомъ и католи-

цизмомъ, и не мы, уроженцы Великой Россіи, представители и защитники государственнаго начала въ этомъ краѣ: нѣтъ, выставляли это пугало противъ г. Бодуэна нѣмцы, изъ которыхъ нѣкоторые, при случаѣ, не стѣснялись заявлять, что они лишь русскіе подданные, но не русскіе. Я смотрѣлъ на это дѣло иначе. Мнѣ казалось, что нашъ государственный интересъ совсѣмъ не требуетъ отстраненія того или другаго ученаго на томъ основаніи, что онъ исповѣдуетъ римско-католическую вѣру, что, напротивъ, въ нашемъ государственномъ интересѣ привлекать на свою сторону благоразумныхъ людей, принадлежащихъ къ польской національности, что въ этихъ людяхъ мы должны искать точки опоры, если хотимъ имѣть на своей сторонѣ не только военную, но и нравственную побѣду надъ народностью, враждующей съ нами цѣлыя столѣтія, что, наконецъ, это гоненіе во имя религіи въ особенности непримѣнимо къ человѣку, хотя и родившемуся въ Польшѣ, но, всетаки, французу по происхожденію и человѣку, искренно желающему, какъ въ этомъ насъ увѣряли лица, заслуживающія довѣрія, служить нашему отечеству. Разсуждая такимъ образомъ, я рѣшился поддерживать кандидатуру г. Бодуэна всѣми зависѣвшими отъ меня средствами. Поэтому, когда въ засѣданіи совѣта, 15-го января 1871 года, одинъ профессоръ, нѣмецъ, лютеранскаго исповѣданія, заявилъ, что будетъ протестовать противъ выборовъ, если г. Бодуэнъ окажется католикомъ, и тѣмъ остановилъ дальнѣйшій ходъ дѣла, я счелъ нужнымъ поднять этотъ вопросъ въ печати. Въ передовой статьѣ, въ № 23 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (1871 г.) я развилъ только что высказанныя мысли о требованіяхъ государственнаго интереса. Статья эта вызвала ожесточенную реплику въ «Кіевлянинѣ», на которую я отвѣчалъ двумя новыми статьями, и произвела взрывъ ярости въ средѣ моихъ противниковъ, но дѣлу избранія г. Бодуэна къ намъ на каѳедру сравнительнаго языкознанія не помогла. Дѣло не дошло даже и до баллотированія его въ совѣтѣ. Побѣда осталась за протестантами, и каѳедра сравнительнаго языкознанія, при современномъ состояніи филологической науки, каѳедра первой важности, кажется, и до сихъ поръ остается въ Кіевѣ безъ представителя.

Едва успѣло улечься въ университетѣ волненіе изъ-за представленія г. Бодуэна и вызванной этимъ дѣломъ газетной полемики, какъ началась агитація по поводу предстоявшаго избранія ректора. Безурядица въ засѣданіяхъ совѣта, разстройство въ дѣлахъ всякаго рода, господство канцеляріи, принимавшей, благодаря слабости и бездѣятельности ректора, несвойственный ей тонъ и замашки, все заставляло желать, чтобы Матвѣевъ не былъ избранъ на новое четырехлѣтіе. Но при господствовавшей въ Кіевскомъ университетѣ теоріи, что самый лучшій ректоръ — тотъ, кто при слабости своего характера всего менѣе склоненъ въ совѣтскихъ дѣлахъ про-

являть свою волю и служить только игрушкою въ рукахъ заправилъ той или другой партіи, можно было опасаться, что Матвѣевъ, въ ректорство котораго совершился полный разгромъ историко-филологическаго факультета, будетъ снова почтенъ избраніемъ. Однако, опасенія на этотъ счетъ скоро разсѣялись. При существовавшемъ въ то время почти равенствѣ силъ въ обѣихъ партіяхъ, на которыя распадался главный контингентъ профессоровъ въ университетѣ св. Владиміра, та изъ нихъ, изъ среды которой будетъ выбранъ ректоръ, должна была получить очевидное преобладаніе. Хотя покойный Матвѣевъ и считался принадлежащимъ къ нѣмецкой партіи, но при данномъ положеніи дѣла въ ея интересахъ было имѣть болѣе энергическаго и искуснаго представителя. Она выставила своимъ кандидатомъ Н. Хр. Бунге. Малороссы выдвинули ему навстрѣчу Гр. М. Цѣхановецкаго. Нерасположеніе къ преобладанію нѣмцевъ, весьма естественное не только среди малороссовъ, но и среди великороссовъ, составлявшихъ тогда значительный контингентъ профессоровъ на физико-математическомъ и на историко-филологическомъ факультетахъ, заставляло опасаться, что бразды правленія въ университетѣ перейдутъ въ руки людей, превыше всего ставящихъ интересы малороссійской народности, а не интересы науки и преподаванія. Я считалъ такой исходъ дѣла зломъ непоправимымъ и по мѣрѣ силъ своихъ ему противодѣйствовалъ, не смотря на то, что многіе изъ близкихъ мнѣ людей думали и дѣйствовали иначе. Лично противъ г. Цѣхановецкаго ни я, ни другіе, не могли имѣть ничего особеннаго. Онъ пользовался репутаціей человѣка мягкаго, гуманнаго, любезнаго, хорошо образованнаго; но, такъ какъ онъ былъ (въ то время) представителемъ идеи слишкомъ узкой, исключительной, не серьёзной и въ практическомъ приложеніи оказывающейся вредною, то борьба противъ его избранія въ ректоры, какъ я былъ убѣжденъ, становилась для всѣхъ тѣхъ, кто не принадлежалъ къ малороссійской партіи, обязанностью. Если ужъ нельзя было надѣяться на выборъ лица, стоящаго внѣ связи съ той или другой партіей, то г. Бунге, человѣкъ дѣла и испытанной разсудительности, былъ предпочтительнѣе всякаго малороссійскаго кандидата. Избравши его ректоромъ, университетъ пріобрѣталъ во всякомъ случаѣ одну несомнѣнную выгоду: водвореніе порядка въ дѣлахъ, дошедшихъ до большой запущенности. Можно было надѣяться, что совѣтскія засѣданія примутъ болѣе или менѣе благопристойный видъ, что не будетъ въ нихъ шума и неблагочинія, надоѣвшаго большей части членовъ совѣта до крайности. Можно было смѣло разсчитывать, что онъ каждый день будетъ заглядывать въ университетъ, самъ будетъ принимать бумаги и прошенія, самъ будетъ вникать въ законы и распоряженія, а не принимать на вѣру то, что ему подскажетъ секретарь или какой нибудь интриганъ изъ лицъ профессорскаго званія. Такъ разсуждалъ не одинъ я;

такъ думали всѣ тѣ, кому дорогъ былъ порядокъ, обезпечивающій правильное исполненіе обязанностей. 6-го апрѣля (1871) произошли выборы, и ректоромъ былъ избранъ Н. Хр. Бунге большинствомъ 22-хъ голосовъ противъ 18-ти. Менѣе счастливому его сопернику пришлось удовольствоваться мѣстомъ проректора, на которое онъ былъ избранъ въ концѣ слѣдующаго мѣсяца.

Со времени вступленія въ должность новаго ректора администрація университета дѣйствительно приняла болѣе правильный видъ, и даже совѣтская анархія должна была войдти въ нѣкоторые предѣлы. Новый ректоръ въ первомъ же засѣданіи совѣта (17-го августа 1871 г.) сдѣлалъ заявленіе, показавшееся, правда, и мнѣ и многимъ другимъ нѣсколько высокомѣрнымъ, что онъ не допуститъ нарушенія порядка въ засѣданіяхъ и будетъ объявлять засѣданіе не состоявшимся, если по прошествіи четверти часа, сверхъ назначеннаго къ сбору времени, не окажется на лицо законнаго числа членовъ. Но возстановленный на время нѣкоторый внѣшній порядокъ въ совѣтскихъ засѣданіяхъ нимало не содѣйствовалъ возстановленію духа уваженія существенныхъ университетскихъ интересовъ. Это обнаружилось во всей силѣ по поводу баллотировки И. В. Лучицкаго въ доценты всеобщей исторіи. Г. Лучицкій (теперь экстраординарный профессоръ), воспитанникъ Кіевскаго университета, осенью 1871 года защищалъ въ Казани магистерскую диссертацію подъ заглавіемъ: «Феодальная аристократія и кальвинисты во Франціи», обратившую на себя вскорѣ вниманіе среди спеціалистовъ и подвергнутую подробному разбору въ «Journal des Savants» извѣстнымъ французскимъ ученымъ, академикомъ А. Мори (Maury). Такъ какъ каѳедра всеобщей исторіи, по выходѣ въ отставку профессора Бильбасова, сдѣлалась вакантною и, по отъѣздѣ г. Драгоманова за границу, не имѣла никакого представителя, то факультетъ считалъ своею обязанностію предложить г. Лучицкому доцентуру по этой каѳедрѣ, тѣмъ болѣе, что этотъ молодой ученый, по окончаніи университетскаго курса, былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Не было ни малѣйшихъ основаній противодѣйствовать вступленію его въ должность штатнаго доцента, особенно въ виду того, что каѳедра исторіи была вакантна и ждала какого бы то ни было преподавателя. Оставлять ее безъ всякаго преподавателя на неопредѣленное время было всего менѣе благоразумно въ Кіевскомъ университетѣ, гдѣ существовало тогда уже съ перваго курса особое историческое отдѣленіе, привлекавшее къ себѣ обыкновенно наибольшее количество студентовъ историко-филологическаго факультета. Но противъ г. Лучицкаго было важное обвиненіе: онъ возражалъ г. Драгоманову на описанномъ выше диспутѣ. И вотъ совѣтъ университета, послѣ долгихъ споровъ и пререканій, въ засѣданіи 17-го декабря (1871) забаллотировалъ его 17-ю

голосами противъ 15-ти, оставивъ такимъ образомъ каѳедру безъ всякаго преподавателя.

Забаллотировка г. Лучицкаго въ доценты всеобщей исторіи безъ малѣйшаго къ тому основанія, вопреки всякой справедливости, а прямо въ ущербъ интересамъ университета, произвела на меня очень удручающее дѣйствіе. Я особенно много хлопоталъ о введеніи въ составъ преподавателей этого даровитаго ученаго и чувствовалъ себя какъ бы лично оскорбленнымъ такимъ рѣшеніемъ совѣта. Во всякомъ случаѣ, я видѣлъ здѣсь новое доказательство, что въ университетѣ св. Владиміра въ рѣшеніяхъ большинства профессоровъ интересы науки и преподаванія играютъ наименьшую роль, а все, напротивъ, отдается на жертву интригѣ, не останавливающейся ни предъ какою несправедливостью. Мнѣ казалось тогда, что эта баллотировка есть высшая степень несправедливости, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я думалъ, что такое явленіе едва ли можетъ повториться. Въ такомъ разсужденіи я искалъ для себя утѣшенія, но утѣшеніе это было иллюзіею.

Послѣдніе мѣсяцы 1871 года вообще были временемъ, оставившимъ во мнѣ живыя, хотя и не совсѣмъ радостныя, воспоминанія. Нѣкоторыя изъ происшедшихъ въ это время событій довольно сильно затрогивали даже мое личное существованіе. Сюда относится, во-первыхъ, рѣчь моя на торжественномъ актѣ университета, съ нѣкоторымъ инцидентомъ совершенно неожиданнаго свойства, и во-вторыхъ, магистерскій диспутъ Игнатія Коссовича и сопровождавшая его исторія.

9-го ноября 1871 года, падала на меня очередь произнести на актѣ университета рѣчь, согласно существующему обычаю. Темой для этой рѣчи я избралъ философа Сенеку и озаглавилъ ее такъ: «Философъ Сенека и его письма къ Луцилію». Рѣчь была написана въ академическомъ тонѣ, прочтена въ назначенной совѣтомъ университета коммиссіи и вполнѣ ею одобрена. Оставалось только произнести ее. Но вотъ наканунѣ акта вечеромъ является ко мнѣ одинъ студентъ старшаго курса, спеціально и усердно занимавшійся преподаваемой мною наукой, и проситъ меня не говорить рѣчи.

— Почему такъ?

— Да потому, что на диспутѣ будетъ сдѣлана демонстрація противъ классицизма.

— Кѣмъ будетъ сдѣлана?

— Студентами медиками и отчасти юристами.

— Почему же мнѣ не слѣдуетъ произносить рѣчи?

— Да потому, что тема ея, мало, по мнѣнію скандалистовъ, имѣющая связи съ жизнію, можетъ служить для этого поводомъ?

— Это тема, по моему мнѣнію, очень живая и интересная.

— Но вопросъ въ томъ, что скандалъ сдѣлать рѣшено, какъ

8*

во время чтенія вашей рѣчи, такъ и во время чтенія отчета о состояніи университета.

— Много лицъ затѣваютъ скандалъ?

— Немного, но нѣтъ никакихъ средствъ уговорить ихъ. У насъ нѣсколько дней въ лекторіи происходятъ ожесточенныя пренія. Мы доказываемъ медикамъ и юристамъ, что они не имѣютъ права дѣлать скандалъ профессору нашего факультета, съ которымъ у нихъ нѣтъ никакихъ сношеній, и что пусть они избираютъ для своего скандала другой случай и другое мѣсто; но есть человѣкъ пять, которые не поддаются увѣщанію.

—Я кое-что слышалъ объ этомъ дня три назадъ, но не придалъ значенія. Если же нѣкоторые господа дѣйствительно избрали мою личность предметомъ скандала, то скажите имъ, что они подлецы, и что они достойны презрѣнія. Рѣчь я читать буду.

— Бога ради, откажитесь, профессоръ (студентъ былъ полякъ и потому не имѣлъ привычки называть меня по имени и отчеству, какъ это принято между русскими)!

— Ни подъ какимъ видомъ!

Студентъ ушелъ въ нѣкоторомъ смущеніи. Сообщеніе его во всякомъ случаѣ было не изъ очень пріятныхъ. Для меня не подлежало сомнѣнію, что нѣсколько негодяевъ, изъ которыхъ нѣкоторые, быть можетъ, не знали меня даже въ лицо, дѣйствовали по тайному приказанію и потому не хотѣли отступиться отъ своего дѣла ни въ какомъ случаѣ. Студентскіе скандалы съ извѣстной политической, или, лучше, партійной окраской не рѣдкія явленія въ Кіевскомъ университетѣ; но то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ скандалъ направленъ былъ, между прочимъ, и противъ моей личности, свидѣтельствовало, что мнѣ мститъ лѣвый флангъ украйнофильской партіи, какъ за драгомановскій диспутъ, такъ и вообще за нелюбовь къ украйнофильскимъ стремленіямъ, которую я открыто высказывалъ. Скандалъ, однако, грозилъ нарушить тишину и торжественность акта. Это встревожило администрацію университета. Рано утромъ пріѣзжаетъ ко мнѣ ректоръ Н. Хр. Бунге и спрашиваетъ, извѣстно ли мнѣ что либо о готовящейся демонстраціи. Я отвѣчалъ, что хорошо извѣстно, но что это меня не пугаетъ, и рѣчь я произнесу. Ректоръ одобрилъ мое рѣшеніе и отправился къ попечителю для донесенія о положеніи дѣла.

На актѣ присутствовали покойный митрополитъ Арсеній, генералъ-губернаторъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ и попечитель учебнаго округа, покойный Пл. А. Антоновичъ. Огромная зала была набита биткомъ. Вскорѣ послѣ того, какъ пріѣхалъ митрополитъ, я вступилъ на каѳедру и началъ свою рѣчь, что̀ и было открытіемъ акта. Чтеніе ея продолжалось три четверти часа, ничѣмъ не смущаемое. По окончаніи ея, раздались оглушительныя рукоплесканія, но среди нихъ можно было явственно разслышать шиканье

нѣсколькихъ человѣкъ (7—8, какъ мнѣ передавали впослѣдствіи); шиканье это вызвало новыя, еще болѣе усиленныя рукоплесканія, на которыя слѣдовалъ тотъ же отвѣтъ со стороны небольшой кучки, расположившейся у одного окна. Это повторилось нѣсколько разъ, наконецъ, все успокоилось. Митрополитъ, попечитель и генералъ-губернаторъ выразили мнѣ живѣйшую благодарность. Особенно хотѣлъ показать мнѣ свое сочувствіе князь Дондуковъ-Корсаковъ, который, по окончаніи акта, отведя меня въ сторону, сталъ разговаривать со мной о стоической философіи. Любезность эту я принялъ за своего рода контръ-демонстрацію со стороны главнаго представителя государственной власти въ краѣ. Но были люди, которымъ было видимо пріятно участіе шикающей кучки скандалистовъ. Однимъ изъ такихъ былъ корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», издававшихся г. Трубниковымъ. Онъ нашелъ что выборъ темы для рѣчи вполнѣ заслуживаетъ шиканья. Надо думать, что онъ въ стоявшей у окна кучкѣ свистуновъ игралъ не послѣднюю роль. Не безъ удовольствія узнали о демонстраціи противъ классицизма, избравшей меня своей жертвой, и нѣкоторые профессора, хотя и высказывавшіе въ глаза мнѣ свое негодованіе противъ скандалистовъ.

Другимъ случаемъ, надѣлавшимъ мнѣ хлопотъ, былъ пріѣздъ Игнатія Коссовича изъ Варшавы съ магистерской диссертаціей. Это было уже сущее наказаніе Божіе. Трудно найдти въ университетскомъ мірѣ человѣка, менѣе симпатичнаго, чѣмъ какимъ былъ И. А. Коссовичъ, родной братъ почтеннѣйшаго и всѣми уважаемаго Каэтана Коссовича, извѣстнаго оріенталиста и (упомянутаго раньше) профессора Петербургскаго университета. Я до тѣхъ поръ никогда ни видалъ Игнатія Коссовича, но все, что слышалъ о немъ, было далеко не въ его пользу. Вдругъ, въ ноябрѣ 1871 года, вскорѣ послѣ дня акта, вваливается ко мнѣ въ кабинетъ фигура, напоминающая стараго ксендза, любящаго ежедневно приносить жертву Вакху (Бахусу, какъ у насъ говорятъ обыкновенно) обильнымъ возліяніемъ. Громкимъ и непріятнымъ голосомъ вошедшій рекомендуется Коссовичемъ, исполняющимъ въ какомъ-то званіи преподавательскія обязанности по латинскому языку въ Варшавскомъ университетѣ, и вручаетъ мнѣ латинскую книгу въ переплетѣ, подъ заглавіемъ: «De Horatio lyrico poeta» etc. Въ книгѣ этой, хотя печатной, множество словъ и въ особенности окончаній было выскоблено и на мѣсто ихъ было написано перомъ нѣчто другое. Это — диссертація на степень магистра. Диссертація эта, какъ говорили, побывала сначала на разсмотрѣніи въ Петербургскомъ университетѣ, затѣмъ въ Харьковскомъ и, наконецъ, пріѣхала въ Кіевъ. Плоха она была во всѣхъ отношеніяхъ и потому вездѣ была отвергаема. По настоящему, и для меня не могло быть вопроса о томъ, принимать ли ее, или нѣтъ.

Но тутъ явились нѣкоторыя усложненія. Коссовичъ насѣлъ на меня не одинъ, а въ сообществѣ Селина, который былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ его братомъ, просившимъ его сдѣлать все возможное для принятія диссертаціи. Подъ этимъ давленіемъ я рѣшился допустить диссертацію къ диспуту въ надеждѣ, что на диспутѣ негодность ея сдѣлается всѣмъ очевидною.

Но Коссовичъ пустилъ въ ходъ манёвръ, который долженъ былъ парализовать мой планъ почти совершенно. На диспутѣ, происходившемъ 7 декабря, онъ сказалъ свою вступительную рѣчь на латинскомъ языкѣ и съ храбростью необыкновенною, которая не понимающимъ его языка лицамъ могла внушить очень выгодное понятіе о его познаніяхъ. Селинъ требовалъ, чтобъ я дѣлалъ возраженія порусски. Но я сообразилъ, что неудобно въ данномъ случаѣ нарушать академическія традиціи и что, если диспутантъ заговорилъ полатыни, мнѣ слѣдуетъ возражать также полатыни; возражать же порусски значило бы нѣкоторымъ образомъ признать свое неумѣнье объясняться на языкѣ, мною преподаваемомъ. Я рѣшилъ возражать полатыни. Но Коссовичъ, соображая, что за нимъ слѣдить могутъ лишь очень немногіе, старался поразить слушателей, вмѣсто отвѣтовъ на вопросы, декламаціей латинскихъ и греческихъ стиховъ, которые онъ зналъ наизусть въ достаточномъ количествѣ. Многіе дѣйствительно принимали это за прямой отвѣтъ на возраженія, и отвѣтъ очень бойкій. Безъ малѣйшаго преувеличенія могу сказать, что онъ не отвѣтилъ мнѣ ни на одно возраженіе сколько нибудь удовлетворительнымъ образомъ, но за то много гримасничалъ и приводилъ публику въ самое веселое настроеніе. Послѣ меня возражали ему также полатыни проф. Гогоцкій, отставной учитель Ивановъ и студентъ 3-го курса Радлинскій. Коссовичъ много смѣшилъ, но отвѣты его не имѣли никакого значенія. Когда Селинъ сталъ собирать голоса, я сказалъ, что не могу признать диспута удовлетворительнымъ. Другіе члены факультета почти всѣ готовы были сказать то же самое. Чтобъ какъ нибудь спасти Коссовича, Селинъ не сталъ продолжать сбора голосовъ по существу дѣла, а сталъ спрашивать, не отложить ли рѣшенія. На это согласились. Отправившись съ диспута прямо ко мнѣ, Коссовичъ, впродолженіе нѣсколькихъ часовъ, въ присутствіи учителя Иванова слезно умолялъ меня подать голосъ за признаніе его магистромъ. Я былъ буквально измученъ его просьбами, но не сдавался, пока не пріѣхалъ Селинъ и не сталъ убѣждать меня «не обижать старика». Нервы мои не выдержали, и я далъ согласіе. Коссовичъ былъ признанъ магистромъ, къ великому неудовольствію профессоровъ Варшавскаго университета. Въ благодарность мнѣ онъ распространялъ слухи, что разбилъ меня наповалъ на диспутѣ. Корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» г. Трубникова и на этотъ разъ отдѣлалъ меня наилучшимъ образомъ.

Обстоятельства, о которыхъ не мѣсто разсказывать, побудили проректора университета, профессора Цѣхановецкаго, отправиться весной 1872 года на продолжительное время за границу и тогда же сложить съ себя проректорскую должность. Произведенные 8-го мая выборы въ эту должность оказались сначала въ пользу профессора В. Л. Незабитовскаго (ум. 1884); но, такъ какъ онъ на этотъ разъ не пожелалъ взять на себя обузу возни со студентами, то выбранъ былъ Матвѣевъ, за годъ до того не получившій должности ректора на новое четырехлѣтіе. Выборъ Матвѣева на эту должность я считалъ истиннымъ несчастіемъ для университета. Всѣмъ было извѣстно, что Матвѣевъ будетъ очень рѣдко удостоивать университетъ (кромѣ акушерской клиники) своимъ посѣщеніемъ, что, занятый акушерской практикой, онъ даже и въ ректорскомъ званіи принужденъ бываетъ много разъ въ году оставлять Кіевъ для экскурсій въ раіонѣ, доходящемъ къ югу до Одессы, къ востоку до Курска и къ западу до Варшавы. Между тѣмъ студенты, избалованные недостаточнымъ за ними присмотромъ въ бытность проректоромъ Митюкова (ум. 1885), а затѣмъ г. Цѣхановецкаго и затѣвавшіе то ту, то другую исторію съ профессорами, не всегда влекшую за собой наказаніе виновныхъ, нуждались въ проректорѣ болѣе дѣятельномъ и болѣе авторитетномъ, чѣмъ какимъ для нихъ могъ быть Матвѣевъ, не пожелавшій, къ тому же, по семейнымъ обстоятельствамъ, жить, какъ это слѣдуетъ, въ зданіи университета

И дѣйствительно, вскорѣ по вступленіи въ должность новаго проректора, стали обнаруживаться безпорядки и между ними были такіе, которые требовали энергическаго преслѣдованія. Таково было куреніе табаку въ аудиторіяхъ. Начало этой вольности было положено въ медицинскихъ аудиторіяхъ и лабораторіяхъ; оттуда она перешла къ юристамъ, натуралистамъ и математикамъ, а затѣмъ и къ филологамъ. Помощники проректора, расхаживающіе по корридорамъ въ часы, назначенные для лекцій, пытались было положить этому безобразію границы, но, не поддерживаемые проректоромъ, скоро махнули рукой, заявляя профессорамъ, требовавшимъ ихъ вмѣшательства, что они безсильны что либо сдѣлать противъ куренія табаку въ аудиторіяхъ, коль скоро на это не обращаютъ вниманія люди, гораздо болѣе, чѣмъ они, облеченные властію. Большая часть профессоровъ скоро стала смотрѣть на это, какъ на необходимое зло. Я не раздѣлялъ такого взгляда. Нѣсколько разъ пытался я говорить съ каѳедры о неприличіи наполнять дымомъ аудиторію въ ожиданіи профессора, указывалъ на то, что подобнаго безобразія нельзя встрѣтить не только въ другихъ русскихъ университетахъ, но и нигдѣ въ мірѣ, что въ Берлинскомъ университетѣ вывѣшено объявленіе, не позволяющее курить даже въ прилегающемъ къ университетскому зданію садикѣ, что въ Сорбоннѣ, въ Парижѣ, запрещено курить даже на дворѣ, выставлялъ на видъ,

что у меня отъ табачнаго дыма дѣлается головокруженіе: ничто не помогало. Проходилъ день, другой, и аудиторія снова наполнялась табачнымъ дымомъ, для изгнанія котораго студенты стали отворять въ окнѣ форточку, что̀ подвергало входившаго въ аудиторію профессора опасности простудиться (зимою). Такимъ образомъ куреніе табаку въ аудиторіяхъ продолжалось во все время проректорства Матвѣева и прекратилось—да и то не совсѣмъ—лишь при слѣдующемъ проректорѣ, И. И. Рахманиновѣ, озаботившемся для устраненія зла, между прочимъ, вслѣдствіе моихъ постоянныхъ настаиваній объ его пресѣченіи, открыть для куренія табаку студентамъ какую-то комнату.

Но къ такимъ безпорядкамъ между студентами, развивавшимся въ проректорство Матвѣева, какъ куреніе табаку въ аудиторіяхъ, шумъ въ корридорахъ и сосѣднихъ комнатахъ, мѣшавшій чтенію лекцій, стали присоединяться и безпорядки болѣе крупнаго свойства. Къ нимъ относится случившійся 19-го декабря 1872 года, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія Матвѣева въ проректорскую должность, скандалъ на диспутѣ искавшаго степени доктора медицины, г. Проценко. Студенты, громко высказывавшіеся на диспутѣ въ пользу диспутанта, были удалены изъ залы. Но когда профессора, по окончаніи диспута, заключившагося непризнаніемъ диспутанта въ искомой степени, стали расходиться, студенты забылись до того, что одинъ изъ нихъ позволилъ себѣ даже оскорбить профессора Томсу дѣйствіемъ, что̀ было поводомъ къ экстренному созванію совѣта въ засѣданіе 23-го декабря (1872), на которомъ было рѣшено исключить двухъ буяновъ изъ университета.

Впрочемъ, этотъ студентскій скандалъ былъ ничто въ сравненіи съ бывшимъ не задолго до него, именно 10-го ноября (1872), совѣтскимъ скандаломъ, подобнаго которому я никогда не былъ свидѣтелемъ даже и въ Кіевскомъ университетѣ. Дѣло было такъ. Въ самомъ началѣ учебнаго (1872—1873) года было получено изъ министерства предложеніе совѣту, разосланное и въ другіе университеты, заявить, какія перемѣны желательно произвести въ университетскомъ уставѣ 1863 года, на основаніи десятилѣтняго пользованія этимъ уставомъ. Предложеніе это было прочтено въ засѣданіи совѣта 7-го сентября, и тогда же была назначена коммиссія для составленія отвѣта министерству. Коммиссія, составленная подъ предсѣдательствомъ ректора, г. Бунге, изъ профессоровъ Гогоцкаго, Яроцкаго (по историко-филологическому факультету), Рахманинова, Ромера (по физико-математическому), Незабитовскаго, Сидоренко (по юридическому), Шефера и Покровскаго (по медицинскому), прочла свой докладъ въ засѣданіи совѣта 20-го октября въ томъ смыслѣ, что никакихъ измѣненій въ уставѣ 1863 года не требуется, кромѣ увеличенія жалованья или усиленія пенсіи университетскимъ преподавателямъ. Совѣтъ университета принялъ

предложенную коммиссіей редакцію отвѣта безпрекословно, не входя ни въ какіе дебаты. Несогласіе съ ней заявили только три члена: профессоръ Вальтеръ (медицинскаго факультета), профессоръ А. О. Ковалевскій (физико-математическаго) и я (историко-филологическаго). Первые двое заявили свое несогласіе съ совѣтскимъ отвѣтомъ министерству въ его сущности, я же лишь по поводу того, что въ немъ была высказана странная и совершенно неосновательная мысль, будто совѣтъ университета такъ же компетентенъ въ выборѣ профессоровъ, какъ и факультеты. Каждый изъ насъ заявилъ, что онъ войдетъ въ совѣтъ съ особымъ мнѣніемъ. Мнѣнія наши были представлены къ засѣданію 10-го ноября. Ни противъ мнѣнія г. Вальтера, ни противъ моего не было высказано въ совѣтѣ никакихъ возраженій. Когда же сталъ читать свое мнѣніе г. Ковалевскій, указывавшій, между прочимъ, на несостоятельность дѣйствовавшей тогда системы избранія профессоровъ и переизбранія по окончаніи ими двадцатипятилѣтнаго срока службы и бравшій примѣры въ подтвержденіе своей мысли, какъ изъ практики другихъ университетовъ, такъ и университета св. Владиміра, что поднялся гвалтъ, превосходящій всякое вѣроятіе. Десятки голосовъ кричали во все горло, съ употребленіемъ нѣкоторыми даже площадныхъ словъ, на несчастнаго коллегу, осмѣлившагося указать на слабыя стороны жизни въ своемъ университетѣ. До конца жизни я не забуду этой возмутительной сцены, когда люди въ оффиціальномъ засѣданіи забылись до послѣднихъ предѣловъ и не удерживались ни отъ какихъ оскорбленій по отношенію къ человѣку, отличавшемуся передъ всѣми кротостью и безобидностью. Я пытался было защитить оскорбляемаго товарища отъ этихъ яростныхъ криковъ и безчисленныхъ оскорбленій, но мои усилія были безполезны. Меня душили слезы; не знаю, что̀ испытывали другіе, которые также не могли раздѣлять этого безчинства разъяренной толпы, способной на послѣднія крайности. Я прошу извиненія у почтеннѣйшаго Александра Онуфріевича въ томъ, что предаю этотъ, впрочемъ, уже давнившій эпизодъ его жизни печати, не спросивъ на то его согласія. Эпизодъ этотъ принадлежитъ уже не ему, а исторіи университета, не давно праздновавшаго (всѣ живо помнятъ, какъ) свое пятидесятилѣтіе. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что оскорбившій Ковалевскаго университетъ загладилъ черезъ двѣнадцать лѣтъ свою вину избраніемъ его ко дню юбилея почетнымъ своимъ членомъ. Но университетъ не могъ вознаградить той потери, которую онъ понесъ въ переходѣ профессора Ковалевскаго въ Одессу, вскорѣ послѣ хорошо памятнаго ему засѣданія 10-го ноября (1872).

Въ то время, когда происходили такія исторіи внѣ факультета, къ которому я принадлежалъ, въ немъ самомъ стали обнаруживаться несогласія, которыя продолжались до самой смерти Селина мартъ 1877 года) и не прекратились вполнѣ, быть можетъ, и го-

раздо позже. Для меня лично эти факультетскіе раздоры, начавшіеся съ весны 1872 года, были зломъ, переносить которое мнѣ было всего труднѣе, такъ какъ на мысли о процвѣтаніи факультета сосредоточивалось все, что̀ давало смыслъ моей жизни въ Кіевѣ. Приговоръ о моей дѣятельности, конечно, принадлежитъ другимъ. Но вотъ что я могу сказать самъ, не нарушая скромности и не боясь ничьего опроверженія: главною моей заботой было увеличеніе состава факультета свѣжими силами и главною заслугой—если, конечно, вообще можно признать за моей дѣятельностью какую нибудь заслугу предъ университетомъ св. Владиміра—привлеченіе къ факультету цѣлой половины состава преподавателей, дѣйствовавшихъ въ послѣднее время моего тамъ пребыванія. Это обогащеніе факультета новыми силами и было той почвой, на которой происходила наиболѣе плачевная борьба между старыми и молодыми профессорами или въ частности между покойнымъ Селинымъ, деканомъ факультета, и мною. Сообщать подробности этой борьбы еще, быть можетъ, не наступило время, но коснуться нѣкоторыхъ ея фазисовъ я считаю нелишнимъ уже потому, что въ нихъ факты жизни историко-филологическаго факультета восходятъ на степень обще-университетскихъ событій, приводившихъ въ движеніе партіи и разнообразные интересы цѣлаго университета.

Первое крупное столкновеніе въ факультетѣ произошло по поводу оставленія на второе пятилѣтіе сверхъ двадцатипятилѣтняго срока службы доцента по каѳедрѣ всеобщей литературы, г. Линниченко, 17-го ноября 1873 года. Директоръ женской фундуклеевской гимназіи, А. И. Линниченко, долгое время состоя при каѳедрѣ русской словесности, со введенія новаго устава взялъ на себя чтеніе предметовъ, относящихся къ каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы. Что онъ къ чтенію этихъ предметовъ былъ очень мало подготовленъ, это было столь же хорошо извѣстно профессорамъ, какъ и студентамъ. Всѣ члены факультета, раздѣлявшіе со мною мысль о необходимости обновленія преподавательскаго состава по большей части каѳедръ факультета, считали оставленіе г. Линниченко преподавателемъ сверхъ тридцати лѣтъ положительнымъ подрывомъ идеѣ процвѣтанія факультета. Не такъ смотрѣлъ на дѣло, или, лучше, не такъ считалъ нужнымъ относиться къ нему покойный Селинъ съ группою профессоровъ, переваливших за двадцатипятилѣтіе профессорской службы. Поэтому, когда г. Линниченко, понимая, что большинство факультета стоитъ не на его сторонѣ, хотѣлъ войдти въ факультетъ съ письменнымъ заявленіемъ о нежеланіи подвергаться баллотировкѣ, Селинъ рѣзко заявилъ, что факультетъ долженъ просить его остаться на новое пятилѣтіе. Я счелъ тогда своею обязанностью замѣтить, что честь, которой профессоръ Селинъ требуетъ отъ факультета для г. Линниченко, слишкомъ велика для того, чтобы факультету можно было

согласиться на оказаніе ея своему члену на основаніи лишь голословнаго требованія декана, и что желательно было бы въ такомъ случаѣ выслушать мотивированное предложеніе, гдѣ были бы указаны ученыя и преподавательскія заслуги г. Линниченко. Факультетъ не счелъ нужнымъ просить г. Линниченко остаться въ университетѣ, а предложилъ ему, если онъ того желаетъ, баллотироваться на общемъ основаніи. Произошла баллотировка, въ которой большинство голосовъ факультета (4 противъ 3) высказалось противъ оставленія г. Линниченко на службѣ въ университетѣ. Получить противъ себя большинство голосовъ въ самомъ факультетѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ случай не бывалый, и всякій другой, въ особенности человѣкъ, такъ хорошо въ матеріальномъ отношеніи обставленный, какъ г. Линниченко, не подумалъ бы добиваться чести остаться при университетѣ помимо воли факультета. Но у г. Линниченко было много друзей въ совѣтѣ (всѣ банковые дѣльцы были за него), и совѣтской баллотировкой онъ былъ грубо навязанъ факультету, получивъ 24 голоса противъ 16-ти. Это печальное для факультета событіе, въ которомъ такъ ясно сказалась слабая сторона устава 1863 года, произошло 14-го декабря 1873 года.

5-го ноября (1873) я сдѣлалъ въ факультетѣ заявленіе о томъ, что пришло время снова озаботиться привлеченіемъ къ факультету, въ качествѣ доцента всеобщей исторіи, И. В. Лучицкаго, который въ то время разыскиваніемъ и изданіемъ архивныхъ документовъ, относящихся къ кальвинистскому движенію, обратилъ на себя немалое вниманіе среди французскихъ ученыхъ. Факультетъ въ отсутствіе Селина, котораго тяжкая болѣзнь, сведшая его затѣмъ черезъ три года въ могилу, удерживала въ постели, принялъ мое заявленіе съ сочувствіемъ и поручилъ доценту Фортинскому составить мнѣніе о трудахъ г. Лучицкаго. Мнѣніе свое г. Фортинскому удалось прочесть лишь передъ своимъ отъѣздомъ за границу въ засѣданіи 29-го января 1874 года. Рѣшено было баллотировать г. Лучицкаго въ слѣдующемъ засѣданіи. Но это слѣдующее засѣданіе выздоровѣвшимъ деканомъ все отсрачивалось. Для меня эта отсрочка была тѣмъ непріятнѣе, что къ этому же засѣданію я имѣлъ въ виду войдти съ представленіемъ въ доценты греческой словесности г. Аландскаго, бывшаго тогда приватъ-доцентомъ въ Петербургскомъ университетѣ. Состоявшись, наконецъ, лишь 21-го февраля, оно было самымъ бурнымъ засѣданіемъ, когда либо происходившимъ на моихъ глазахъ въ историко-филологическомъ факультетѣ. Селинъ не хотѣлъ исполнить постановленія факультета о баллотированіи г. Лучицкаго и, чтобъ имѣть къ тому предлогъ, обратился къ возвратившемуся изъ-за границы доценту Драгоманову, недружелюбныя отношенія котораго къ г. Лучицкому были всѣмъ извѣстны, съ предложеніемъ сдѣлать свой отзывъ

о трудахъ г. Лучицкаго. Такого рода дѣйствіемъ, съ одной стороны, нарушалось постановленіе факультета о баллотировкѣ въ этомъ засѣданіи г. Лучицкаго, съ другой — наносилось нѣкоторое оскорбленіе г. Фортинскому, мнѣніе котораго, какъ спеціалиста, принятое факультетомъ, приносилось въ жертву мнѣнію г. Драгоманова, который ни по своему ученому значенію, ни по своей спеціальности (онъ былъ доцентомъ по древней исторіи) не могъ быть болѣе компетентнымъ судьей, чѣмъ г. Фортинскій, извѣстный тогда своимъ трудомъ о Титмарѣ Мерзебургскомъ. Для того, чтобы свое мнѣніе подкрѣпить рѣшеніемъ факультета, Селинъ, при собираніи голосовъ обратился за ними не только къ доцентамъ, не имѣвшимъ еще права голоса въ факультетѣ, но и къ одному приватъ-доценту, который имѣлъ право подавать свой голосъ еще того менѣе. Цѣлый рядъ противозаконныхъ дѣйствій заставилъ меня обратиться къ ректору университета съ просьбой принять зависящія отъ него мѣры къ возстановленію законности въ дѣлахъ историко-филологическаго факультета. Этотъ шагъ мой, будучи поддержанъ подобною же просьбой професс. Иконникова, обращенною къ совѣту (впрочемъ, до него не дошедшею), привелъ къ тому, что въ факультетѣ была получена отъ ректора бумага, въ которой дѣйствія Селина были признаны какъ самимъ ректоромъ, такъ и попечителемъ неправильными. Это, впрочемъ, не помѣшало Селину откладывать баллотировку г. Лучицкаго отъ одного засѣданія до другаго, вплоть до 9-го апрѣля, когда онъ былъ избранъ большинствомъ пяти голосовъ противъ одного. Когда дѣло дошло до баллотировки въ совѣтѣ, то на этотъ разъ мои хлопоты увѣнчались полнымъ успѣхомъ: г. Лучицкій былъ выбранъ 17-го мая (1874) большинствомъ 26-ти голосовъ противъ 10-ти. По отношенію къ лицу, не ладившему въ то время съ украйнофилами, такой исходъ дѣла былъ блистательнымъ. Двумя мѣсяцами раньше былъ выбранъ представленный мной въ доценты по каѳедрѣ греческой словесности П. И. Аландскій (ум. 1883). Такимъ образомъ весной 1874 года нашъ факультетъ обогатился двумя молодыми преподавателями.

Съ возвращеніемъ г. Драгоманова изъ-за границы осенью 1873 г., стало замѣтно въ Кіевѣ необычайное украйнофильское движеніе. Посланный университетомъ, по моему представленію, для изученія древней исторіи въ Германію и Италію, г. Драгомановъ значительную часть времени провелъ въ Галиціи съ цѣлями, нимало изученію древней исторіи не способствующими. Цѣли эти, раскрытыя имъ частію въ статьяхъ «Вѣстника Европы», писанныхъ имъ во время пребыванія за границей, обнаружились яснѣе по возвращеніи его въ Кіевъ. Украйнофильское движеніе, проявившееся въ Кіевѣ съ возвращеніемъ г. Драгоманова, было энергически поддержано украйнофильскими органами въ Галиціи, въ

особенности газетой «Правда», въ которой постоянно помѣщались статьи о Россіи, присылавшіяся изъ Кіева, и которая нашла здѣсь немалочисленныхъ читателей. Недолго думая, зашевелившаяся партія украйнофильскихъ дѣятелей обзавелась газетой, средства для которой дала жена одного изъ профессоровъ, не разъ и прежде, и послѣ этого времени, печатавшаго статьи противъ украйнофильства. Стали затѣмъ появляться брошюры для народа, переводы съ великорусскаго и другихъ языковъ на языкъ, подходившій къ малороссійскому говору, но въ сущности составлявшійся тутъ же, на вечернихъ собраніяхъ, у того или другаго дѣятеля изъ преподавателей университета или гимназіи, гражданской или военной. Главнымъ же средоточіемъ силъ молодой украинской партіи было открытое въ то время отдѣленіе географическаго общества, куда выбирались членами исключительно люди, преданные малороссійскому дѣлу, и гдѣ безжалостно забаллотировывались всѣ тѣ, кто такъ или иначе заявлялъ когда нибудь недовѣріе къ самостоятельному существованію малороссійской литературы или не увлекался прелестями казацкаго быта. Такъ было поступлено, между прочимъ, съ однимъ профессоромъ университета, принадлежавшимъ къ нѣмецкой національности, и съ однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ преподавателей гимназіи. Подоспѣвшій къ этому времени археологическій съѣздъ (лѣтомъ 1874 года) далъ возможность расходившимся украйнофиламъ показать себя во всеоружіи своей напряженной дѣятельности ученымъ представителямъ всей Россіи и даже вступить въ сношенія съ нѣкоторыми иностранными учеными. Стали появляться то тамъ, то сямъ, въ какомъ нибудь англійскомъ, французскомъ или итальянскомъ журналѣ статьи о малороссійской литературѣ и современныхъ дѣятеляхъ по части возбужденія этого движенія. Само собою разумѣется, что означенное движеніе не могло обойдти университетъ и дало значительную пищу броженію въ головахъ учащагося юношества. На лекціи г. Драгоманова собиралась многочисленная толпа слушателей изъ разныхъ факультетовъ, жаждавшая услышать слово возбужденія, на которое лекторъ не скупился. Въ средѣ профессоровъ начались препирательства относительно пользы и основательности начавшагося движенія. Я не скрывалъ своего взгляда на всю эту игру въ малороссійскіе геніи и ихъ грошовую литературу, смѣялся надъ политическими, иногда очень далеко хватавшими, мечтаніями и прямо говорилъ своимъ пріятелямъ изъ этого лагеря, что нелѣпѣе поднятаго украйнофилами движенія не знаетъ всемірная исторія. Понятно, что мнѣ такое вольнодумство не проходило даромъ.

Въ это безпокойное въ Кіевѣ время, именно весной 1874 года, въ средѣ малороссійской партіи въ университетѣ появилась мысль о приглашеніи въ Кіевъ на каѳедру теоріи и исторіи искусствъ

Ил. В. Павлова, бывшаго во время оно въ Кіевскомъ университетѣ профессоромъ русской исторіи, затѣмъ мелькнувшаго на нѣкоторое время въ Петербургѣ, потерпѣвшаго тамъ нѣкоторое несчастіе по поводу одной своей рѣчи въ 1862 году и, наконецъ, гдѣ-то со-совершенно затерявшагося. Я считалъ долгомъ противодѣйствовать этой кандидатурѣ, возникшей внѣ иниціативы факультета и нимало не отвѣчавшей его требованіямъ и вообще интересамъ университета. Въ то время какъ всѣ наши усилія были направлены къ тому, чтобы восполнить составъ преподавателей серьёзными и по возможности свѣжими учеными силами, вступленіе въ нашъ факультетъ г. Павлова, давнымъ давно оставившаго университетскую дѣятельность, и притомъ на такую каѳедру, для занятія которой онъ не имѣлъ ровно никакихъ ученыхъ правъ, съ перваго взгляда казалось дѣломъ, подрывающимъ надежды на ожидаемое нами процвѣтаніе факультета и вообще ничѣмъ не оправдываемымъ. Я зналъ г. Павлова лично въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ, цѣнилъ въ немъ человѣка гуманнаго и либеральнаго, присутствовалъ на его вступительной лекціи въ залѣ нѣмецкаго петропавловскаго училища, былъ даже слушателемъ его знаменитой рѣчи о тысячелѣтіи Россіи, но считать его ученымъ по какому бы то ни было предмету я не имѣлъ ни малѣйшаго основанія. Да и вообще въ ученыхъ кружкахъ Петербурга на него смотрѣли въ то время какъ на диллетанта («Павловъ менѣе, чѣмъ диллетантъ»,—заявилъ тогда одинъ извѣстный ученый при мнѣ въ большомъ обществѣ), который, впрочемъ, и самъ никогда не выдавалъ себя за ученаго, предпочитая находиться въ роли политическаго мученика и даже просто Божьяго человѣка. Были причины и не-факультетскаго свойства, которыя дѣлали пріобрѣтеніе г. Павлова университетомъ совсѣмъ нежелательнымъ.

Чтобы помочь дѣлу своей кандидатуры, г. Павловъ былъ приглашенъ пріѣхать въ Кіевъ ко времени археологическаго съѣзда, на которомъ и долженъ былъ заявить свои права на новую для него каѳедру. Какъ онъ себя заявилъ, этого я не буду теперь касаться; но дѣло въ томъ, что покровителями его кандидатуры, все-таки, было рѣшено немедленно по окончаніи вакаціоннаго времени, внести объ немъ въ факультетъ представленіе. Остановка произошла лишь отъ того, что исправляющимъ должность декана, за отсутствіемъ Селина, лѣчившагося въ то время за границей, былъ я, и потому было сочтено за лучшее отложить представленіе до прибытія настоящаго декана. И вотъ, едва возвратился Селинъ, какъ въ первомъ же факультетскомъ засѣданіи (25-го сентября 1874) было прочтено представленіе о баллотированіи г. Павлова въ ординарные профессоры по каѳедрѣ теоріи и исторіи искусствъ. Оно было подписано профессорами: Иконниковымъ и Яроцкимъ и доцентомъ Антоновичемъ, а послѣ прочтенія къ нему подписался

и деканъ Селинъ. Дѣло было поставлено такимъ образомъ на самую лучшую ногу, и г. Павловъ, увѣренный въ успѣхѣ, какъ говорили, нанялъ было уже квартиру въ Кіевѣ, но оно было разстроено моимъ заявленіемъ, что до 1-го марта продолжается время объявленнаго совѣтомъ на означенную каѳедру конкурса, что г. Павловъ можетъ теперь явиться только въ качествѣ конкуррента и что поэтому баллотировки его до окончанія времени конкурса быть не можетъ. Дѣло было отложено до марта. Попытка неугомоннаго Селина хлопотать объ избраніи г. Павлова помимо конкурса, на который ему явиться было не съ чѣмъ, была оставлена по совѣту одного профессора юриста, который, не смотря на старинныя дружескія связи со мной, энергически поддерживалъ кандидатуру Павлова [1]).

Исхода Павловскаго дѣла въ то время никто не могъ предвидѣть навѣрное. Многочисленная группа людей, состоявшая изъ прежнихъ товарищей и учениковъ г. Павлова и желавшая его вторичнаго водворенія въ Кіевѣ, встрѣтила сильную оппозицію не только со стороны всѣхъ тѣхъ, въ чьихъ глазахъ наука и интересы университета имѣли серьёзную цѣнность, именно со стороны значительной части профессоровъ физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ, уроженцевъ великорусскихъ губерній, воспитанниковъ Петербургскаго и Московскаго университетовъ, но и со стороны нѣкоторыхъ представителей нѣмецкой партіи, въ разсчетъ которой не входило усиленіе приглашеніемъ г. Павлова своихъ противниковъ, особенно хлопотавшихъ объ его избраніи. Но по мѣрѣ приближенія срока новаго представленія опасность избранія г. Павлова увеличивалась. Стали говорить о какомъ-то соглашеніи между нѣмцами и малороссами. Между тѣмъ, выборъ г. Павлова разбивалъ всѣ мои мечты объ увеличивающемся процвѣтаніи факультета, въ которомъ уже началась довольно оживленная ученая дѣятельность, но которому грозила опасность распаденія вслѣдствіе рѣзкаго раздѣленія мнѣній, непрерывныхъ несогласій и волненій. Мнѣ казалось, что съ этимъ выборомъ несовмѣстимо мое дальнѣйшее пребываніе въ университетѣ, что мнѣ иначе пришлось бы выдерживать постоянную борьбу съ многочисленною партіей, которая никогда не забудетъ того рѣшительнаго сопротивленія, какое я оказывалъ выбору г. Павлова. Выходъ въ отставку и удаленіе изъ Кіева казались мнѣ неизбѣжными.

Но вотъ подоспѣлъ мартъ (1875), и вмѣстѣ съ нимъ явилось на сцену и новое представленіе о г. Павловѣ, подписанное на этотъ

---

[1]) Смерть А. О. Кистяковскаго (о немъ идетъ рѣчь), которую я никогда не перестану оплакивать, позволяетъ мнѣ заявить, что покойный теперь другъ мой горько впослѣдствіи раскаявался въ этомъ шагѣ и не разъ заявлялъ мнѣ словесно и письменно, какою съ его стороны крупною ошибкою была поддержка кандидатуры г. Павлова.

разъ профессорами Селинымъ, Гогоцкимъ, Иконниковымъ и доцентомъ Линниченко. Оно было внесено въ первое же засѣданіе факультета по окончаніи срока конкурса, 4-го марта, и гласило вслѣдъ за вступленіемъ буквально слѣдующее: «Г. Павловъ, какъ докторъ историческихъ наукъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ способенъ быть преподавателемъ теоріи и исторіи искусства не потому только, что послѣдняя наука тѣсно связана съ историческими науками, но и по спеціальнымъ своимъ занятіямъ. Въ 1857 и 1858 годахъ, г. Павловъ былъ командированъ за границу для изученія археологіи (въ смыслѣ исторіи искусствъ) и, по возвращеніи изъ-за границы въ 1859 году, съ разрѣшенія совѣта онъ читалъ курсъ исторіи искусствъ въ связи съ исторіей культуры съ теоретическими выводами. И по выходѣ изъ университета, г. Павловъ не прекращалъ заниматься науками и въ частности исторіей искусствъ. Въ 1874 году, на археологическомъ съѣздѣ были съ интересомъ выслушаны его три реферата, которые, безъ сомнѣнія, будутъ напечатаны съ прочими рефератами съѣзда. Всѣ эти три реферата относятся къ исторіи искусствъ: въ первомъ предлагается ученое опредѣленіе науки археологіи; во второмъ представленъ планъ археологическаго музея; въ третьемъ дано возможно удовлетворительное объясненіе фресковъ кіево-софійскаго собора. Кромѣ того, г. Павловъ въ томъ же 1874 году началъ печатаніе замѣчательной своей статьи: «Критическій обзоръ историческихъ теорій, какъ введеніе въ исторію». Наконецъ, г. Павловъ извѣщаетъ декана факультета въ письмѣ отъ 21-го февраля, что не только не перестаетъ работать, но и приготовилъ цѣлый курсъ теоріи и исторіи искусствъ для чтенія въ университетѣ. Мы не упоминаемъ о прежнихъ сочиненіяхъ г. Павлова по русской исторіи и статистикѣ. Въ виду всего изложеннаго, возобновляя представленіе объ избраніи г. Павлова въ ординарные профессоры по каѳедрѣ теоріи и исторіи искусствъ, мы, нижеподписавшіеся, честь имѣемъ просить факультетъ подвергнуть г. Павлова баллотированію на основаніи § 70 устава».

Я нарочно выписалъ подлинныя слова представленія, чтобы показать, до какой степени легковѣсныя и неосновательныя представленія могутъ исходить изъ факультета, когда онъ не руководится интересами науки и собственнаго процвѣтанія. Одно въ немъ произвольно, другое невѣрно, третье легкомысленно, а все вообще носитъ казуистическій характеръ, напоминая даже и по слогу отношенія уѣздныхъ судовъ или тому подобныхъ канцелярій. Я заявилъ, что въ отвѣтъ на это представленіе войду съ отдѣльнымъ мнѣніемъ. Въ мнѣніи этомъ, которое я представилъ къ засѣданію 17-го марта и которое Селинъ допустилъ къ чтенію только по рѣшенію большинства голосовъ, я выставилъ

на видъ, что мысль, будто докторъ историческихъ наукъ «вполнѣ способенъ быть преподавателемъ теоріи и исторіи искусствъ», предметовъ, требующихъ многолѣтняго спеціальнаго изученія, недостойна серьёзнаго опроверженія, что спеціальныя занятія г. Павлова этими предметами никому неизвѣстны, что если онъ читалъ въ 1859 году «курсъ исторіи искусствъ въ связи съ исторіей культуры съ теоретическими выводами», то для того, чтобы это заявленіе было серьёзно, требовалось объяснить, какую роль въ этомъ курсѣ играла исторія искусствъ, что̀ это за теоретическіе выводы, на чемъ они основывались, какимъ методомъ они были достигнуты, какіе компетентные люди были цѣнителями этого курса. Далѣе я объяснялъ, что со времени этого курса, въ которомъ, по разсказамъ его слушателей, не было ничего похожаго на исторію искусствъ, прошло болѣе 15-ти лѣтъ и что во всемъ томъ, что̀ г. Павловъ затѣмъ писалъ, нѣтъ и отдаленнаго намека на исторію или теорію искусствъ. Что же касается до его рефератовъ, читанныхъ на археологическомъ сдѣздѣ и выслушанныхъ, по заявленію представленія, будто бы «съ интересомъ», то заявленіе это тѣмъ болѣе странно, что изъ трехъ лицъ, подписавшихся подъ представленіемъ, никто не былъ ихъ слушателемъ, а профессоръ Селинъ, писавшій представленіе, даже отсутствовалъ изъ Кіева, что, напротивъ, рефераты эти произвели впечатлѣніе совсѣмъ другаго рода, что, наконецъ, не всѣ три реферата относятся къ исторіи искусствъ, а только одинъ, да и этотъ одинъ касался вопроса о фрескахъ кіево-софійскаго собора, имѣющихъ къ исторіи искусствъ очень слабое отношеніе. Представленіе указываетъ на статью въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1874 года, подъ заглавіемъ: «Опытъ введенія въ исторію» (представленіе почему-то сочло нужнымъ измѣнить ея настоящее заглавіе), и называетъ эту статью замѣчательною: что̀, спрашивалъ я, въ этой элементарнѣйшей и не вездѣ фактически вѣрной статьѣ замѣчательнаго? И какое же она даетъ ручательство въ томъ, что авторъ ея въ состояніи читать предметы каѳедры, на которую онъ представляется? Далѣе представленіе заявляетъ, что г. Павловъ будто бы «приготовилъ цѣлый курсъ теоріи и исторіи искусствъ для чтенія въ университетѣ». Я спрашивалъ: почему, въ виду отсутствія даже одной печатной строки, написанной г. Павловымъ по означенному предмету, лица, подписавшія представленіе, не попросили его показать факультету хоть часть этого курса? Не есть ли этотъ курсъ такой же миѳъ, какъ и замѣчательность статьи «Отечественныхъ Записокъ» и три реферата, выслушанные на археологическомъ съѣздѣ съ «интересомъ»? Какимъ образомъ, — спрашиваю я далѣе, — лица, которыя обнаружили такую необыкновенную требовательность по поводу представленія на каѳедры гг. Котляревскаго и Лучицкаго, доказавшихъ цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ трудовъ

свою годность къ занятію искомыхъ каѳедръ, какимъ образомъ тѣ же самыя лица представляютъ г. Павлова, не потрудившись показать ни одной строчки его сочиненій, изъ которой бы можно было заключить, что онъ имѣетъ хоть какую нибудь подготовку къ чтенію означеннаго предмета? Обращаясь къ печатнымъ трудамъ г. Павлова и его занятіямъ, я выставлялъ на видъ, что лицо это никогда не имѣло никакой спеціальности, что г. Павловъ, по окончаніи курса въ главномъ педагогическомъ институтѣ, оставленъ былъ при заведеніи для изученіи русской словесности, что онъ, какъ говоритъ имѣющійся у меня одинъ оффиціальный документъ, вскорѣ перемѣнилъ предметъ этотъ на другой и предался изученію классической литературы, а впослѣдствіи мы видимъ его на каѳедрѣ русской исторіи (въ Кіевѣ), затѣмъ на каѳедрѣ всеобщей исторіи (въ Петербургѣ), въ послѣднее время онъ напечаталъ книжку по статистикѣ и вдругъ теперь хочетъ читать курсъ исторіи и теоріи искусствъ, что лекціи такого преподавателя могутъ имѣть только резонерскій характеръ и должны идти въ разрѣзъ со всѣмъ строемъ преподаванія на факультетѣ въ настоящее время. Взаключеніе я указалъ на то, что шагъ, на который рѣшились лица, подписавшія представленіе, легко можетъ повести къ новому распаденію факультета, только что образовавшагося, и напомнилъ, что разрушить факультетъ легко, но не такъ легко возстановить его.

Положено было потребовать отъ г. Павлова составленнаго имъ курса и до полученія его отложить баллотировку. Но, когда г. Павловъ извѣстилъ г. Селина телеграммой, что у него курса нѣтъ, то послѣдній, не смотря ни на какія возраженія, въ засѣданіи 1-го апрѣля, всетаки, назначилъ баллотировку, и г. Павловъ, котораго положено было баллотировать только по полученіи отъ него заявленнаго имъ курса, оказался избраннымъ. Я вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ о незаконности произведенной въ факультетѣ баллотировки. Оно было прочтено въ засѣданіи 4-го апрѣля. Совѣтъ рѣшилъ потребовать отъ г. Павлова, по крайней мѣрѣ, конспекта лекцій, чтобъ имѣть о способности его читать ихъ хоть какое нибудь сужденіе. Когда этотъ конспектъ, въ которомъ о китайскомъ искусствѣ говорилось больше, чѣмъ объ искусствѣ эпохи Возрожденія въ Италіи, былъ полученъ, онъ поразилъ всѣхъ, кто мало-мальски понималъ дѣло, своей несостоятельностью; но, такъ какъ были охотники защищать его, то я въ засѣданіи совѣта 19-го апрѣля предложилъ послать это произведеніе, за отсутствіемъ у насъ спеціалистовъ, въ Петербургскій или Московскій университетъ для разсмотрѣнія. Меня не послушали. Въ засѣданіи 2-го мая была произведена баллотировка, и г. Павловъ былъ избранъ большинствомъ 23-хъ голосовъ противъ 14-ти. На другой день я подалъ въ отставку. Такъ кончилась эта злополуч-

ная исторія, надѣлавшая въ свое время немало шума въ университетѣ и имѣвшая немаловажныя для него послѣдствія. Я пользуюсь здѣсь случаемъ разъяснить ее, такъ какъ она давно нуждалась въ разъясненіи. Въ дополненіе ко всему сказанному о ней могу только прибавить, что, когда страсти, дѣйствовавшія въ этой исторіи, улеглись и пришлось считаться съ дѣйствительностью, то никто такъ не жалѣлъ объ исторіи приглашенія г. Павлова, какъ тѣ, кто поднялъ ее и дѣйствовалъ противъ меня съ особенной ревностью.

Хотя по просьбѣ совѣта, заявленной въ засѣданіи 16-го мая (1875) и на другой день переданной мнѣ явившимся ко мнѣ на квартиру оффиціально ректоромъ (Матвѣевымъ, снова избраннымъ и только что вступившимъ въ должность), я и согласился взять назадъ прошеніе объ отставкѣ, но я тогда же чувствовалъ, что это было съ моей стороны шагомъ ложнымъ, который придется послѣ исправлять. Исторія Павловскаго дѣла (такъ мы ее называли между собой) была печальна въ томъ отношеніи, что она раздвоила силы лучшей и наиболѣе преданной дѣлу части членовъ университета. А это повело, въ свою очередь, къ тому, что въ совѣтѣ не замедлили пріобрѣсти значеніе элементы, никогда не церемонившіеся ни съ законами, ни съ приличіемъ, ни съ очевидными интересами университета. Этому какъ нельзя болѣе помогло вступленіе въ должность, черезъ нѣсколько дней послѣ выбора г. Павлова, новаго ректора, Матвѣева, выбраннаго еще 14-го марта. Неблагопріятный поворотъ дѣлъ вскорѣ обнаружился разными безпорядками, — куда относится и шумное дѣло о мнимомъ или дѣйствительномъ изнасилованіи акушерки, обсуждавшееся въ совѣтѣ 28-го ноября (1875), забаллотировка нѣсколькихъ достойнѣйшихъ кандидатовъ на профессорскія должности (С. П. Коломнина на каѳедру хирургіи, 29-го октября, г. Бобрецкаго на каѳедру зоологіи, 26-го марта 1876), — и всякаго рода печальными событіями, заставившими нѣсколькихъ лицъ (профессора П. П. Сущинскаго, доцента И. Вл. Цвѣтаева и меня) оставить университетъ. Нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ эпизодахъ университетской жизни этого времени.

Къ печальнѣйшимъ явленіямъ, разыгравшимся въ началѣ втораго ректорства Матвѣева, принадлежитъ исторія замѣщенія каѳедры теоретической хирургіи съ госпитальной клиникой. На каѳедру, сдѣлавшуюся вакантною послѣ перехода профессора Склифасовскаго въ медико-хирургическую академію лѣтомъ 1872 года, былъ представленъ, два года спустя, профессорами Караваевымъ и Покровскимъ, доцентъ Коломнинъ, уже заявившій себя университету прекрасными преподавательскими способностями. Нѣмецкая партія въ медицинскомъ факультетѣ, составлявшая большинство, противопоставила ему нѣсколькихъ кандидатовъ съ

нѣмецкими фамиліями. Назначена была коммиссія для разсмотрѣнія ученыхъ трудовъ всѣхъ кандидатовъ; коммисеія, которая, какъ это было заявлено впослѣдствіи въ совѣтѣ, разсматривала сочиненія Коломнина впродолженіе 13-ти мѣсяцевъ. Спорамъ, интригамъ на медицинскомъ факультетѣ не было конца. Дѣло дошло до того, что профессоръ Караваевъ, отзывавшійся прежде оффиціально о г. Коломнинѣ съ наилучшей стороны и подписавшійся подъ представленіемъ его въ экстраординарные профессоры, заявилъ, что онъ не находитъ въ г. Коломнинѣ никакихъ данныхъ для занятія означенной каѳедры, и вошелъ осенью 1875 года съ представленіемъ на нее нѣкоего г. Яценко, о которомъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ не было и рѣчи. Такъ какъ нѣмецкіе кандидаты почему-то исчезли изъ списка искателей каѳедры теоретической хирургіи, то большинство медицинскаго факультета оказалось на сторонѣ г. Яценко. Члены меньшинства выступили тогда съ отдѣльными мнѣніями, указывая какъ на ученую неизвѣстность г. Яценко, такъ и на странность внезапной перемѣны профессоромъ Караваевымъ мнѣнія о г. Коломнинѣ. Но, не смотря на цѣлый рядъ отдѣльныхъ мнѣній, выяснившихъ по меньшей мѣрѣ то, что тутъ въ дѣло замѣшана какая-то крупная интрига, въ засѣданіи совѣта 29-го октября (1875) большинствомъ голосовъ былъ выбранъ г. Яценко. Тяжелое впечатлѣніе этого выбора было усилено тѣмъ обстоятельствомъ, что въ тотъ же день былъ избранъ деканомъ медицинскаго факультета профессоръ Эргардтъ, отличавшійся наибольшею смѣлостью сторонникъ партіи, подъ вліяніемъ которой былъ забаллотированъ г. Коломнинъ и выбранъ г. Яценко. Вслѣдъ за тѣмъ произошли событія, ясно свидѣтельствовавшія, что въ ходѣ университетскихъ дѣлъ самые, повидимому, невозможные безпорядки сдѣлались возможными, и что въ будущемъ предстоитъ все большее и большее нарушеніе не только справедливости, но и формальной законности. Представленіе о г. Яценко было отправлено канцеляріей университета къ попечителю вопреки закону, безъ отдѣльныхъ мнѣній, читанныхъ въ факультетѣ и совѣтѣ. Относительно этого обстоятельства мнѣ удалось запастись четырьмя интересными документами, проливающими довольно яркій свѣтъ на то, какъ сильно Кіевскій университетъ подрывалъ идею университетскаго самоуправленія и какъ онъ болѣе, чѣмъ всякій другой университетъ, проложилъ дорогу къ уничтоженію устава 1863 года. Первый изъ этихъ документовъ есть оффиціальное письмо правителя канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, г. Забугина, къ секретарю совѣта университета, г. Виндингу, отъ 15-го ноября 1875 года, за № 11,706. Вотъ оно въ его цѣлости.

«М. г. Валеріанъ Викторовичъ! Къ представленію совѣта университета св. Владиміра отъ 13-го ноября за № 1,244 не приложены

особыя мнѣнія нѣкоторыхъ г.г. профессоровъ по дѣлу о баллотировкѣ представленныхъ медицинскимъ факультетомъ кандидатовъ на должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ хирургіи. Такъ какъ о мнѣніяхъ этихъ упоминается въ заголовкѣ къ ст. 19-й протоколовъ засѣданія совѣта 17-го октября, то посему и согласно порученію г. попечителя округа имѣю честь покорнѣйше просить васъ, м. г., о доставленіи вышеозначенныхъ мнѣній для доклада его превосходительству въ канцелярію управленія округа. Покорнѣйше прошу принять и пр. Николай Забугинъ».

Прошло около двухъ мѣсяцевъ послѣ этого письма, и попечитель округа пишетъ ректору университета, Матвѣеву, отъ 10-го января 1876 г. за № 147 слѣдующее: «Г. ректору университета св. Владиміра. Въ дополненіе къ представленію отъ 18-го декабря за № 1,401, покорнѣйше прошу ваше превосходительство доставить мнѣ всю переписку по предмету баллотировки доцентовъ университета св. Владиміра, Сергѣя Коломнина и Алексѣя Яценко, на должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ тереотической хирургіи съ госпитальною клиникою, а также въ подлинникахъ отдѣльныя мнѣнія гг. профессоровъ университета, поданныя ими по тому же предмету, какъ въ медицинскій факультетъ, такъ и въ совѣтъ университета. Попечитель Антоновичъ. Правитель канцеляріи Н. Забугинъ».

Послѣ такой бумаги естественно было ожидать, что мнѣнія, требуемыя на этотъ разъ самимъ попечителемъ, будутъ безотлагательно препровождены въ его канцелярію. Однако, ничуть не бывало. Университетская канцелярія посылаетъ попечителю самое дѣло о замѣщеніи каѳедры хирургіи, прибавляя, что въ этомъ «дѣлѣ имѣются требуемыя особыя мнѣнія нѣкоторыхъ гг. профессоровъ». Но изъ слѣдующаго письма правителя канцеляріи попечителя къ секретарю совѣта университета, отъ 12-го января 1876 г., за № 168, съ надписью «очень нужное» оказывается, что, и посылая это «дѣло», канцелярія совѣта университета не думала объ удовлетвореніи законныхъ требованій попечителя.

«М. г. Валеріанъ Викторовичъ! Изъ протокола совѣта университета св. Владиміра 19-го ноября объ избраніи экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ хирургіи видно, что по этому предмету остались при особыхъ мнѣніяхъ гг. профессоры: Авенаріусъ, Кистяковскій, Хронщевскій, Шкляревскій и Сущинскій. Между тѣмъ мнѣній этихъ въ присоединенномъ сегодня г. ректоромъ университета дѣлѣ о замѣщеніи каѳедры хирургіи не оказалось. Вслѣдствіе чего, согласно порученію г. попечителя округа, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, если помянутыми профессорами поданы въ совѣтъ письменныя мнѣнія, доставить таковыя въ канцелярію попечителя для доклада его превосходительству. Покорнѣйше прошу принять и пр. Николай Забугинъ».

Черезъ два дня, попечитель снова пишетъ по тому же дѣлу ректору университета. Вотъ его отношеніе отъ 14-го января 1876 г., за № 230.

«Г. ректору университета св. Владиміра. Отъ 10-го января за № 147 я имѣлъ честь просить ваше превосходительство о доставленіи мнѣ особыхъ мнѣній гг. профессоровъ университета св. Владиміра по предмету баллотированія доцентовъ Коломнина и Яценко на должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ хирургіи. Вмѣсто того, препровождая ко мнѣ дѣло по означенному предмету, въ представленіи своемъ отъ 12-го января, за № 33, вы указали только на то, что требуемыя мною мнѣнія находятся въ этомъ дѣлѣ. Вслѣдствіе того, возвращая при семъ помянутое дѣло, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство приказать вашей канцеляріи списать для дѣла копіи тѣхъ мнѣній, которыя въ немъ находятся, а подлинныя прошу васъ доставить мнѣ въ самомъ непродолжительномъ времени вмѣстѣ съ мнѣніями гг. профессоровъ: Авенаріуса, Кистяковскаго, Хронщевскаго и Сущинскаго, которыхъ въ дѣлѣ не имѣется, для представленія г. министру народнаго просвѣщенія. Попечитель Антоновичъ. За правителя канцеляріи Романкевичъ».

Изъ приведенныхъ документовъ явствуетъ, что совѣтская канцелярія въ ректорство Матвѣева позволяла себѣ дѣйствія, характеризовать которыя я отказываюсь, и что только благодаря энергическому требованію попечителя, нѣсколько разъ повторенному, отдѣльныя мнѣнія членовъ меньшинства какъ медицинскаго факультета, такъ и совѣта дошли до министерства народнаго просвѣщенія. Какъ же она поступала въ тѣхъ случаяхъ, когда подобное энергическое вмѣшательство высшаго начальства не предвидѣлось? Ниже приводимая исторія деканскихъ выборовъ на историко-филологическомъ факультетѣ можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ и на этотъ вопросъ.

Дѣла въ университетѣ принимали все болѣе и болѣе мрачный видъ. Партія, устроившая забаллотировку г. Коломнина, торжествовала на каждомъ шагу и почти всегда къ явному вреду для университета. Въ засѣданіи совѣта 26-го марта (1876), одномъ изъ самыхъ бурныхъ, былъ забаллотированъ молодой зоологъ Бобрецкій, аттестованный факультетомъ съ самой лучшей стороны (онъ былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ черезъ годъ, послѣ вторичнаго представленія). Въ томъ же засѣданіи едва не былъ забаллотированъ представленный мною въ доценты по каѳедрѣ римской словесности, бывшій доцентъ Варшавскаго университета, И. Вл. Цвѣтаевъ (теперь профессоръ въ Московскомъ университетѣ), избранный нашимъ факультетомъ единогласно. Не замѣшанный ни въ какія дрязги Кіевскаго университета, по меньшей мѣрѣ, двумъ третямъ членовъ совѣта неизвѣстный въ то время

даже по имени, онъ едва прошолъ большинствомъ 21 голоса противъ 17-ти. Чего было ждать при такомъ положеніи дѣла? Я сталъ проситься въ заграничную командировку, чтобы сколько нибудь прійдти въ себя отъ этого чада интригъ и непролазной грязи провинціальной жизни и предаться своимъ научнымъ занятіямъ въ болѣе благопріятной обстановкѣ. Командировка была мнѣ дана, и я въ сентябрѣ 1876 года выѣхалъ изъ Кіева съ пламеннымъ желаніемъ никогда болѣе туда не возвращаться.

Мысль объ оставленіи Кіевскаго университета не давала мнѣ съ этого времени покоя. Необходимость этого шага представлялась мнѣ съ такой неопровержимой ясностью, что требовался еще одинъ, затрогивающій незаконностью или несправедливостью за живое, случай университетской жизни, чтобъ ужъ не колебаться долѣе ни минуты. Случай этотъ не замедлилъ представиться.

Въ концѣ моего пребыванія за границей, когда приближающаяся война, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сильное паденіе курса нашихъ бумажныхъ денегъ, торопили меня возвратиться въ Россію, именно 8-го апрѣля 1877 года по русскому стилю, я получилъ въ Венеціи изъ Кіева отъ профессора Лучицкаго депешу о томъ, что на произведенныхъ въ этотъ же день деканскихъ выборахъ я избранъ большинствомъ 4-хъ голосовъ противъ 3-хъ деканомъ факультета. Извѣстіе это поразило меня неожиданностью. Зная, какой агитаціей сопровождаются въ Кіевскомъ университетѣ всякіе выборы, я никогда не могъ разсчитывать, чтобъ выборъ этотъ палъ на меня, да еще отсутствующаго. Какъ ни пріятно намъ всякое выраженіе вниманія со стороны сослуживцевъ и товарищей, но на этотъ разъ извѣстіе такого рода мнѣ, знакомому съ прелестями совѣтской жизни въ Кіевѣ, участіе въ которой со стороны декана неизбѣжно, не доставило чувства удовольствія. Но то, что произошло вслѣдъ за этимъ, превосходило всякія ожиданія. Едва я успѣлъ пріѣхать въ Петербургъ и извѣстить телеграммой о своемъ пріѣздѣ одного изъ своихъ кіевскихъ корреспондентовъ, какъ получаю новую депешу, которая извѣщала, что 19-го апрѣля была произведена перебаллотировка, и деканомъ избранъ профессоръ Иконниковъ. Какъ ни мало вѣроятно было это извѣстіе, но оно было вѣрно. Слѣдовавшія за депешей письма сообщили мнѣ, что въ новомъ совѣтскомъ засѣданіи, при чтеніи протокола, профессоромъ юридическаго факультета Демченко было заявлено, что существуетъ законъ о дворянскихъ выборахъ, въ силу котораго лицо, находящееся въ отсутствіи и получившее большинство одного голоса, не считается выбраннымъ; далѣе, что совѣтъ университета, не смотря на энергическіе протесты меньшинства, счелъ себя въ правѣ уничтожить результатъ выборовъ, произведенныхъ правильно и признанныхъ таковыми, и назначить новые выборы, повѣстка о которыхъ не была разослана всѣмъ членамъ факультета,

и взаключеніе сообщалось, что подаются многочисленные и разнообразные письменные протесты противъ произвольныхъ и ничѣмъ не оправдываемыхъ дѣйствій большинства, поддерживаемаго ректоромъ. Между тѣмъ, я узнаю, что представленіе совѣта объ избраніи въ деканы г. Иконникова пришло въ министерство, но къ нему не только не пріобщены какіе бы то ни было протесты, но даже и не упоминается о кассаціи первыхъ выборовъ. Что же касается судьбы отдѣльныхъ мнѣній, то мнѣ сообщалось изъ Кіева, что ректоръ (Матвѣевъ) не допустилъ даже и чтенія ихъ въ совѣтѣ: пріемъ, къ которому онъ въ послѣдніе годы прибѣгалъ всякій разъ, какъ отдѣльныя мнѣнія шли совсѣмъ наперекоръ цѣлямъ его партіи. Въ виду подобныхъ фактовъ, отзывавшихся насмѣшками надъ всякимъ правомъ и его формами, я счелъ себя обязаннымъ довести о нихъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія, выставляя на видъ, что послѣ того, что̀ случилось, мнѣ трудно было бы оставаться въ Кіевѣ. Министерство вытребовало относящіеся къ дѣлу документы (протоколы, отдѣльныя мнѣнія) и на основаніи ихъ не утвердило выбора г. Иконникова, а сдѣлало распоряженіе о назначеніи новыхъ выборовъ.

Между тѣмъ приближалось начало учебнаго года, и мнѣ нужно было возвращаться въ Кіевъ, хотя вопросъ объ оставленіи мной службы въ Кіевскомъ университетѣ былъ для меня рѣшенъ въ принципѣ безповоротно. Какъ ни тяжело было для меня хоть временно снова вступать въ знакомый мнѣ міръ интригъ и всяческаго безпорядка, но я никакъ не могъ предвидѣть всего того, что̀ меня тамъ ожидаетъ. Пересматривая по пріѣздѣ печатные протоколы, относящіеся къ дѣлу о деканскихъ выборахъ, я съ изумленіемъ увидѣлъ, что протоколы эти представляютъ дѣло въ значительно искаженномъ видѣ: кассація совѣтомъ моего избранія и назначеніе новыхъ выборовъ, происшедшія въ слѣдовавшемъ за первыми выборами совѣтскомъ засѣданіи (15-го апрѣля), были отнесены въ протоколахъ къ тому же самому засѣданію, въ которомъ произошло мое избраніе (8-го апрѣля). Это было сдѣлано ректоромъ съ цѣлію устранить фактъ признанія правильнымъ моего выбора, состоявшійся непосредственно за самыми выборами въ засѣданіи 8-го апрѣля, и скрыть отъ высшаго начальства то обстоятельство, что законъ о дворянскихъ выборахъ былъ выдвинутъ на сцену уже тогда, когда,— если бы дѣло шло принятымъ относительно ректорскихъ и деканскихъ выборовъ въ Кіевскомъ университетѣ порядкомъ,—представленіе обо мнѣ должно было бы быть уже отправлено черезъ попечителя въ министерство. Въ первомъ же засѣданіи совѣта я счелъ своимъ долгомъ указать ему на это искаженіе и просить его принять мѣры къ тому, чтобы подобныя явленія, несогласныя съ достоинствомъ университета и подрывающія начало самоуправленія, не повторялись на будущее время. Такъ какъ желае-

мыхъ мною мѣръ не было принято, то я вошелъ съ письменнымъ протестомъ противъ замѣченнаго мною искаженія протоколовъ. Протеста этого, какъ и слѣдовало ожидать, Матвѣевъ не допустилъ до прочтенія, и я, согласно уставу, передалъ его на усмотрѣніе попечителя. Это было 8-го октября (1877), а черезъ десять дней я получилъ изъ Петербурга двѣ телеграммы съ извѣщеніемъ о томъ, что совѣтъ С.-Петербургской духовной академіи почтилъ меня избраніемъ на вакантную каѳедру римской словесности въ академіи. Къ началу 1878 года я былъ уже въ Петербургѣ. Тутъ начался для меня совсѣмъ иной періодъ дѣятельности...

В. Модестовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О КНЯЗѢ А. И. БАРЯТИНСКОМЪ.

ВЪ АВГУСТѢ 1856 года, въ Москвѣ, за нѣсколько дней до коронованія покойнаго императора Александра II, въ Кремлѣ, происходилъ разводъ. Въ виду присутствія множества почетныхъ гостей и иностранцевъ, въ караулы были назначены самые красивые люди, на ординарцы подъѣзжали самые лучшіе наѣздники; все блестѣло и радовало взоръ. Толпились севастопольскіе и закавказскіе герои съ георгіевскими крестами и перевязками, мѣшаясь съ стариками-ветеранами Прейсишъ-Эйлау и Тарутина, въ ихъ отставныхъ своеобразныхъ мундирахъ; кое-гдѣ мелькали немногіе уцѣлѣвшіе моряки черноморскаго флота, простодушно улыбавшіеся на расточаемые имъ комплименты, точно недоумѣвая, за что ихъ такъ восхваляютъ: — «что это, молъ, мы сдѣлали такого особеннаго; да развѣ иначе-то можно было?!». Пестрая, сверкающая, гвардейская молодежь, бряцая шпорами и саблями, собиралась въ живописныя группы, откуда слышались шутки и остроты на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ. Поминутно пріѣзжали иностранцы, великолѣпные экипажи которыхъ привлекали всеобщее вниманіе; въ особенности выдѣлялись карета турецкаго посла съ двумя напудренными гайдуками, въ красныхъ фракахъ, на запяткахъ, и карета австрійскаго посла съ гусаромъ, залитымъ золотомъ, на козлахъ, котораго мужички и принимали за самого посла. Весело играло солнце на квадратномъ плацу, изображавшемъ въ этотъ моментъ какой-то калейдоскопъ разноцвѣтныхъ мундировъ, головныхъ уборовъ, перьевъ, чалмъ, папахъ, тюрбановъ, разнообразнаго оружія, звѣздъ и орденскихъ лентъ; и все это блестѣло,

сверкало и почти ослѣпляло искрами бриллiантовъ, рубиновъ и бирюзы, а дальше, вокругъ этого волшебнаго и какъ бы вырваннаго изъ восточной сказки квадрата, стояла безграничная, сплошная толпа народа, и лучъ солнца, пробѣгая по этой однородной массѣ, не искрился, не сверкалъ какъ на плацу, а производилъ впечатлѣніе въ родѣ морской ряби или степнаго миража.

— Смотрите, смотрите, господа, новый намѣстникъ пріѣхалъ,— послышалось вокругъ меня; я поднялъ глаза и увидѣлъ идущаго князя Барятинскаго въ кавказской формѣ и бѣлой папахѣ.

Давно я не встрѣчался съ нимъ,—лѣтъ семь, и нашелъ его пополнѣвшимъ и подурнѣвшимъ; гладко обстриженные усы и бакенбарды совсѣмъ измѣнили его лице.

— Тебя, тебя спрашиваетъ!—раздались снова голоса.

Къ моему великому изумленію, новый намѣстникъ подошелъ ко мнѣ, ласково протянулъ руку и сказалъ, чтобы я пріѣхалъ къ нему завтра. Въ этотъ моментъ сотни любопытныхъ глазъ изъ-подъ разныхъ султановъ и плюмажей устремились на меня; а черезъ день обо мнѣ уже стали говорить. Я совершенно неожиданно былъ назначенъ адъютантомъ къ князю, и моя жизнь преобразилась: изъ скромной сферы казачьяго офицера, я сразу былъ перенесенъ въ блестящую свиту.

Князь Барятинскій жилъ на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ Вырубова. Едва ли помѣщеніе англійскаго вице-короля Индіи или даже дворецъ самого Типпо-Саиба могли быть великолѣпнѣе; собственно говоря, самое помѣщеніе не представляло ничего особеннаго,—это былъ большой барскій домъ, высокія комнаты, хорошая мебель, и больше ничего. Правда, что въ этихъ комнатахъ какъ бы волшебствомъ, вслѣдъ за назначеніемъ князя Александра Ивановича намѣстникомъ кавказскимъ, появились коллекціи дорогаго оружія и дорогихъ азіатскихъ кубковъ по стѣнамъ, вышитыя золотомъ подушки по диванамъ, громадные дорогіе ковры и масса экзотическихъ растеній, но поражала не эта обстановка, а люди, вращавшіеся въ домѣ и пріѣзжавшіе къ князю Барятинскому.

Какъ изъ-подъ земли выросли какіе-то постоянные тѣлохранители съ загорѣлыми лицами, увѣшанные орденами и сверкавшіе различными костюмами Закавказья; то были старые подчиненные князя, пріѣхавшіе въ Москву съ депутаціями и переселившіеся къ нему въ домъ, и среди нихъ, начиная съ 10-ти часовъ утра до 7-ми вечера, все, что было знатнаго и почетнаго въ Москвѣ, толпилось въ комнатахъ дома Вырубова. Тамъ видѣли и митрополита Филарета, и фельдмаршала князя Воронцова, и лорда Гренвиля, и князя Де-Линь, и шамхала Тарковскаго, и владѣтеля Абхазіи, и владѣтельницу Мингреліи, и множество разныхъ азіатскихъ по-

четныхъ лицъ въ ихъ дорогихъ одѣяніяхъ, съ ихъ азіатскимъ привѣтомъ, похожимъ на поклоненіе божеству. Для человѣка, любящаго блескъ аттрибутовъ власти, хотя и пустой, но заманчивый, трудно было найдти положеніе болѣе пріятное, чѣмъ то, въ которомъ находился князь Барятинскій въ описываемую эпоху: онъ былъ молодъ, красивъ, носилъ громкое имя, надъ нимъ сіялъ ореолъ героя Кюрюкъ-Дара, у ногъ его съ азіатскимъ раболѣпствомъ пресмыкалась пестрая, раззолоченная толпа, изъ приближенныхъ царя; выше себя онъ не видѣлъ никого, сверстники ему завидовали, а всѣ ниже стоящіе наперерывъ искали случая поступить къ нему подъ команду. Да и прекрасная половина рода человѣческаго не совсѣмъ равнодушно глядѣла на молодаго намѣстника, потому уже, что никогда не могла и не можетъ оставаться равнодушной ко всякому блеску и побрякушкамъ.

А между тѣмъ, на другой же день послѣ коронаціи, мой новый начальникъ надѣлъ красные чулки, объявилъ, что у него припадокъ подагры, не выѣзжалъ ни на какія торжества и послѣ утренняго пріема осаждавшей его толпы садился въ 7 часовъ обѣдать въ небольшомъ кругу адъютантовъ, гдѣ являлся простымъ смертнымъ и радушнымъ хозяиномъ, невольно внушавшимъ къ себѣ симпатію.

Наступила половина сентября, празднества окончились, и Москва опустѣла.

Князь Барятинскій поѣхалъ черезъ Астрахань въ Закавказскій край, я же отправился на два мѣсяца домой и явился на новую службу, въ Тифлисъ, въ началѣ декабря.

Широко и шумно текла жизнь въ Тифлисѣ; привлеченные богатыми потребителями, цѣликомъ переносились туда изъ Парижа роскошные магазины. Тифлисскій театръ былъ положительно идеаломъ вкуса и изящества; по своей оригинальности и красотѣ, онъ не имѣлъ себѣ подобнаго въ Европѣ. Безжалостное пламя стерло его съ лица земли, подобно тому, какъ безжалостное время тоже стерло съ лица земли большинство его посѣтителей. Тифлисъ былъ переполненъ громкими именами, прелестными женщинами и иностранцами всѣхъ національностей. Традиціонное барство представителей туземной аристократіи, ихъ типичныя лица, чуть не вчера вырвавшіяся изъ облаковъ пороховаго дыма, покрытыя золотомъ и брилліантами женщины — все это, окруженное зеленью тропическихъ растеній, подъ тропическимъ синимъ небомъ, невольно кружило голову и казалось нескончаемымъ, опьяняющимъ сномъ. Правда, у этого сна была и своя оборотная сторона: въ блестящей толпѣ щеголеватыхъ мужчинъ и даже женщинъ интрига играла весьма выдающуюся роль, а доброе, храброе, туземное дворянство,

по собственному его показанію, добивало послѣдніе гроши изъ заложеннаго и перезаложеннаго имущества; но пылъ молодости, боевыя опасности и черные прелестные глаза туземокъ застилали все это радужнымъ покрываломъ и не давали времени додумываться до прозаическихъ подробностей. Хороши и своеобразны бывали туземные обѣды и праздники въ садахъ на мягкой травѣ, хотя и въ этой поэтической обстановкѣ проглядывали иногда явленія смѣшныя для европейца. Часто на нихъ, напримѣръ, присутствовалъ гостившій тогда въ Тифлисѣ персидскій пѣвецъ Сатаръ, которымъ туземцы страшно дорожили; пѣніе его, для музыкальнаго уха дикое и заунывное, скорѣе могло на непривычнаго человѣка нагнать тоску, чѣмъ доставить ему удовольствіе. Сатару давали не только громадныя деньги и подарки, но и слушать его приглашали съ какою-то гордостію, какъ если бы кто нибудь изъ насъ просилъ къ себѣ гостей послушать Аделину Патти. На одной богатой, армянской свадьбѣ, куда случайно попалъ я, былъ и Сатаръ; онъ сидѣлъ въ углу, передъ нимъ помѣщался небольшой туземный оркестръ, состоявшій изъ-странныхъ, рѣзко звучавшихъ инструментовъ, носившихъ не менѣе странно звучащія названія: зурны, димплипито, дудука и т. п. Закрывъ лицо рукою, мѣстный Орфей выводилъ такія фіоритуры, что дѣйствительно приходилось удивляться устройству его голосовыхъ органовъ; все общество благоговѣйно слушало, а три или четыре старика горько плакали.

— Очень задушевно поетъ, не правда ли?—спросилъ меня одинъ изъ нихъ, отирая рукавомъ чухи крупныя слезы.

— Да, очень трогательно,—отвѣчалъ я.—Только скажите, зачѣмъ это онъ лицо закрываетъ во время пѣнія?

— Это, видите, оттого,—объяснилъ почтенный меломанъ:—что во время пѣнія онъ такъ искажаетъ лицо, что смотрѣть страшно, въ обществѣ же иногда случаются беременныя женщины, вотъ онъ и закрывается на всякій случай.

Про туземокъ же разсказывали, что именно во время пѣнія-то многія изъ нихъ и влюблялись въ Сатара.

— Вы не понимаете этой музыки,—говорилъ мнѣ одинъ образованный туземецъ:—а между тѣмъ, она-то и есть настоящая, ваши мотивы не полны, не совершенны, у васъ дѣленіе доходитъ только до полутоновъ, въ нашихъ же не только четверти, но и восьмые тоновъ есть, оттого вы и не можете постигнуть прелести нашихъ мелодій.

У князя Барятинскаго бывали по четвергамъ вечера, которые хотя и оканчивались въ одиннадцать часовъ, но проводились чрезвычайно весело и пріятно. Графъ Соллогубъ прилагалъ всѣ силы своей неистощимой фантазіи, чтобы разнообразить ихъ, и надо отдать справедливость его мастерству въ этомъ дѣлѣ; почти не было двухъ четверговъ сходныхъ между собою: то составлялся концертъ

любителей, то ставились живыя картины, и въ особенности эти послѣднія производили художественное впечатлѣніе; до сихъ поръ мнѣ часто вспоминается одна изъ нихъ подъ названіемъ «les Astres»; она состояла изъ шестнадцати самыхъ красивыхъ женщинъ, къ головѣ каждой изъ нихъ, на тонкой проволокѣ, незримой для глаза, была прикрѣплена звѣзда, издали эффектъ выходилъ поразительный: казалось, будто на ночномъ небѣ эти звѣзды парятъ надъ головами красавицъ. Да, эти вечера были восхитительны. Обыкновенно не танцующій и не ухаживающій людъ собирался въ курительную комнату, въ которой постоянно раздавались споры, остроты и смѣхъ. Однажды, совершенно неожиданно вошелъ сюда князь Георгій Евсеевичъ Эристовъ, старѣйшій изъ кавказскихъ генераловъ, ему насчитывали болѣе ста лѣтъ; съ добродушной, привѣтливой улыбкою старикъ закурилъ папиросу и, усѣвшись на креслѣ, началъ болтать съ нами.

— Давно вы получили георгіевскій крестъ?—спросилъ кто-то.

— Давно, голубчикъ, болѣе пятидесяти лѣтъ; получилъ я его за взятіе Тавриса.

— А жаркое было дѣло, князь?

— Очень жаркое, теперь ужъ такихъ не бываетъ. Войска у меня было совсѣмъ мало, начали насъ отбивать... огонь убійственный... резервы всѣ выпущены. Стою на холмѣ и вижу—дѣло плохо; вдругъ ко мнѣ подскакиваетъ офицеръ изъ штурмующей колоны: «ваше сіятельство»,—говоритъ онъ:—«полковникъ проситъ подкрѣпленія, иначе насъ прогонятъ».. Я подозвалъ нукера и, опустивъ руку въ переметныя сумы, досталъ оттуда послѣднюю оставшуюся въ нихъ бутылку кахетинскаго, отдалъ ее офицеру: «свезите,—говорю:—вашему полковнику и скажите, что я ему посылаю послѣднее, оставшееся у меня подкрѣпленіе». Ну, и взяли Таврисъ; такъ-то голубчикъ,—сказавъ это, столѣтній старецъ, привѣтливо кивнулъ намъ головою, и вышелъ.

Въ этой комнатѣ былъ постоянный гвалтъ, въ ней рѣшались вопросы не только Европы, но и всего міра, и предсѣдателемъ бурныхъ преній можно было по справедливости назвать моего покойнаго друга, Ростислава Андреевича Фадеева. Онъ говорилъ очень хорошо и своеобразно, поэтому около него постоянно тѣснился кружекъ слушателей. Фадеевъ пользовался слишкомъ большою извѣстностью для того, чтобы мнѣ говорить о немъ; но вся семья его была такъ примѣчательна, что не могу удержаться, чтобы нѣсколько не остановиться въ своихъ воспоминаніяхъ съ любовью на томъ времени, когда я былъ съ нею знакомъ.

Старикъ Андрей Михайловичъ Фадеевъ (отецъ Ростислава), не смотря на свой преклонный возростъ, сохранялъ полнѣйшую свѣжесть умственныхъ способностей, и его разсказы изъ послѣднихъ годовъ царствованія императора Павла и всего царствованія Алек-

сандра I часто заставляли насъ переноситься въ тѣ отдаленные годы.

Супруга его, Елена Павловна, урожденная княжна Долгорукова, была одною изъ замѣчательныхъ личностей, по своимъ обширнымъ знаніямъ въ области естествовѣдѣнія.

Мужъ второй дочери Фадеева, Екатерины Андреевны, покойный Ю. Ф. Витте, окончившій курсъ въ двухъ заграничныхъ университетахъ и видный дѣятель въ управленіи князя Барятинскаго, былъ, безспорно, однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей Тифлиса.

Старшая сестра Ростислава, г-жа Ганъ,—давно уже покойница,—писавшая подъ псевдонимомъ Зинаиды Р., была одною изъ любимѣйшихъ писательницъ своей эпохи.

Другія двѣ сестры, Е. А. Витте и Н. А. Фадеева, своими свѣдѣніями и начитанностію вполнѣ гармонировали со всѣми выдающимися членами этой семьи; а если ко всему сказанному прибавить широкое, старинное радушіе и хлѣбосольство, которымъ отличались Фадеевы, то всякому станетъ понятно, отчего знакомство съ ними оставляло по себѣ самое пріятное воспоминаніе. Жили они въ старинномъ домѣ князя Чавчавадзе; самый этотъ домъ носилъ на себѣ печать чего-то особеннаго, чего-то вѣявшаго Екатерининскою эпохою. Длинная мрачная зала, увѣшанная фамильными портретами Фадеевыхъ и кн. Долгорукихъ, затѣмъ гостинная, оклеенная гобеленами, подаренными Екатериною II князю Чавчавадзе, слѣдующая затѣмъ комната Н. А. Фадеевой, представлявшая собою одинъ изъ самыхъ примѣчательныхъ частныхъ музеевъ,—такова была обстановка этого дома. Коллекція музея отличалась своимъ разнообразіемъ: оружіе всѣхъ странъ міра, кубки, блюда, древняя домашняя утварь, китайскіе и японскіе идолы, мозаики, образа временъ Византіи, персидскія и турецкія ткани, вышитыя шелками и золотомъ, статуи, картины, окаменѣлости и, наконецъ, весьма рѣдкая и цѣнная библіотека. Освобожденіе крестьянъ не измѣнило жизни Фадеевыхъ, вся громадная крѣпостная ихъ дворня осталась у нихъ по найму, и все шло попрежнему привольно и широко. Я любилъ у нихъ проводить вечера; въ одиннадцать безъ четверти часовъ, шаркая теплыми сапогами, старикъ уходилъ. Неслышно приносился ужинъ въ гостинную, двери запирались плотно, и начиналась оживленная бесѣда: то разбиралась современная литература или современные вопросы русской жизни, то слушался разсказъ какого нибудь путешественника или только что возвратившагося съ боеваго поля загорѣлаго офицера; иногда являлся старикъ испанецъ-массонъ, Квартано, съ разсказами о Наполеоновскихъ войнахъ, или Радда-Бай (Елена Петровна Блаватская, внучка А. М. Фадеева) вызывала изъ прошлаго бурные эпизоды своей жизни въ Америкѣ; порою разговоръ принималъ мистическое направленіе, и Радда-Бай вызывала духовъ. Догорѣвшія свѣчи чуть мерцали, фигуры на гоб-

беленахъ какъ бы шевелились, невольно становилось жутко, а востокъ начиналъ уже блѣднѣть на черномъ фонѣ южной ночи. Немалаго стоило труда прогонять съ этихъ вечеровъ спать двухъ шалуновъ дѣтей Витте, Сергѣя и Бориса.

Какъ-то сразу, съ ужасающею быстротою, судьба смела съ лица земли эту семью; за немногими исключеніями, она вся лежитъ въ могилѣ, а когда-то шалуны Сергѣй и Борисъ давно уже взрослые люди, успѣвшіе отмѣтить свои имена серьёзнымъ характеромъ своей дѣятельности..

Около князя Барятинскаго сгруппировалось много прекрасной молодежи, и она какъ-то сразу сошлась между собою, не смотря на различіе національностей и уровня умственнаго развитія. Одно общее условіе сближало всѣхъ—военное боевое товарищество, объединявшее черкеску, чуху, мундиръ и фракъ. Чиновники тогдашняго Кавказа были тѣ же военные люди, не разъ проводившіе ночи въ отрядѣ у костра и не разъ слышавшіе свистъ пуль; но изъ числа состоящихъ при князѣ Барятинскомъ особенно выдѣлялся дѣйств. ст. сов. В. А. Инсарскій; прослуживъ вѣкъ свой въ Петербургѣ, онъ такъ усвоилъ себѣ типъ тамошняго чиновника, что даже послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія на Кавказѣ остался такимъ же, и только одинъ разъ, въ 1859 году, въ отрядѣ на Андійскомъ Койсу, о чемъ разскажу дальше, онъ измѣнилъ себѣ; онъ былъ очень любезный человѣкъ, хотя, пристально вглядываясь въ его маленькіе, пронырливые глаза, едва ли можно было бы найдти особенное въ нихъ добродушіе. Мы часто собирались у него по вечерамъ, болтали, играли въ ералашъ, ужинали, пѣли хоровыя пѣсни, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ, и среди шумныхъ и веселыхъ сборищъ, среди разсказовъ о томъ, напр., какъ такой-то чудомъ спасся отъ смерти, или какъ такой-то подъ татарскими пулями скручивалъ папиросу, Инсарскій нерѣдко перебивалъ рѣчь такими словами: «Нѣтъ, безцѣнные друзья (онъ имѣлъ обыкновеніе называть своихъ пріятелей безцѣнными друзьями, отъ чего мы и его самого прозвали безцѣннымъ другомъ),—нѣтъ, я вамъ разскажу интересное случай: вообразите, у насъ, въ департаментѣ, одинъ чиновникъ забылъ однажды занести дѣло въ настольный реестръ»... и затѣмъ шелъ цѣлый рядъ смѣшныхъ, по мнѣнію Инсарскаго, перипетій съ настольнымъ реестромъ и входящимъ журналомъ; разсказъ пестрился цифрами номеровъ разныхъ отношеній и предписаній и въ сущности не представлялъ собою ни малѣйшаго интереса. Любилъ Василій Антоновичъ хоровое пѣніе, въ особенности духовное, такъ что часто, оставаясь на единѣ съ самимъ собою, въ минуту раздумья, мурлыкалъ: «Господи помилуй» или «подай Господи». Разъ, на одномъ изъ своихъ вечеровъ, за ужиномъ, послѣ цѣлаго ряда пѣсенъ крайне эротическаго содержанія, онъ вдругъ обратился къ намъ съ слѣдующимъ предложеніемъ:

— Безцѣнные друзья, не спѣть ли намъ теперь «Отче Нашъ»?

Въ другой разъ, посреди всеобщаго веселья Инсарскій оставался молчаливъ и, какъ будто не слыша ничего происходящаго кругомъ, ласково гладилъ себя рукою по подбородку:

— О чемъ это вы задумались такъ, безцѣнный хозяинъ?— спросилъ кто-то.

— Я все думаю, безцѣнные друзья,—отвѣчалъ онъ:—какой у меня подбородокъ гладкій, и посмотрите, онъ совершенно круглый.

Съ тѣхъ поръ дали ему прозвище Чичикова,—по сходству подбородковъ ихъ обоихъ.

Инсарскій былъ человѣкъ постоянно себѣ на умѣ и очень близкій къ князю Барятинскому; судьба какъ-то случайно свела ихъ въ ранней молодости, и затѣмъ онъ постоянно пользовался покровительствомъ князя.

Что князь А. И. Барятинскій былъ положительно выдающейся личностію, всякій, кто близко зналъ его, согласится со мною. Поражало въ немъ это умѣнье угадывать людей, чутьемъ какимъ-то; бывало, ни съ того, ни съ сего, начнетъ выдвигать какого нибудь капитана, никому неизвѣстнаго, доведетъ до надлежащаго чина и вдругъ дастъ ему такое назначеніе, для котораго тотъ какъ будто нарочно былъ рожденъ. Иногда самой малѣйшей черты было довольно, чтобъ онъ составилъ себѣ понятіе о человѣкѣ, и оно почти всегда было безошибочно. Память его изумляла всѣхъ; будучи главнокомандующимъ, онъ зналъ имена большинства ротныхъ командировъ и съ мельчайшими подробностями разсказывалъ, при какихъ именно условіяхъ встрѣтился съ тѣмъ или другимъ; у него были прекрасные, голубые глаза, и взглядъ этихъ глазъ положительно проникалъ внутрь того человѣка, съ которымъ онъ говорилъ; мнѣ кажется, что самому опытному лжецу было крайне затруднительно лгать передъ нимъ. Не разъ мнѣ случалось присутствовать при его разговорахъ съ людьми, пользовавшимися не совсѣмъ чистою репутаціею; князь въ этихъ случаяхъ бывалъ вѣжливъ, любезенъ, но глаза его выражали такое холодное презрѣніе и такую безпощадную иронію, что даже мнѣ со стороны дѣлалось неловко. Въ жизни своей я другихъ такихъ глазъ не видалъ. Не смотря ни на какую погоду, онъ каждый день катался верхомъ и лѣпился по такимъ трущобамъ, что часто приказывалъ сопровождавшему его конвою объѣзжать кругомъ. На рѣкѣ Верѣ стояла старая, каменная арка, провалившаяся по срединѣ, она была такъ узка, что лошадь едва могла пройдти по ней и, дойдя до середины, должна была сдѣлать довольно рискованный скачокъ; можно себѣ представить, какъ этотъ путь усложнялся послѣ дождя или при гололедицѣ, и эта-то арка была любимымъ мѣстомъ прогулки князя.

На первомъ смотру стрѣльбы въ цѣль изъ только что вышедшихъ тогда для пѣхоты винтовокъ, князь со свитою сталъ не болѣе какъ въ пятидесяти шагахъ отъ мишени и стоялъ все время, пока четыре баталіона стрѣляли съ разныхъ дистанцій,— онъ положительно презиралъ и любилъ опасность.

Въ отношеніяхъ съ своими подчиненными князь Барятинскій былъ болѣе чѣмъ любезенъ; въ обращеніи его проглядывало что-то дружеское, товарищеское, чисто кавказское; но горе тому, кто, увлекаясь этимъ товарищескимъ тономъ, забывался хоть на минуту, мгновенно князь останавливалъ на немъ тотъ одному ему присущій взглядъ, который мы всѣ хорошо знали, или начиналъ язвить провинившагося такими тонкими и такъ ловко замаскированными насмѣшками, что къ нимъ придраться не было возможности. Отъ этого при разговорѣ съ нимъ всякій чувствовалъ нѣчто въ родѣ страха, у нѣкоторыхъ это чувство было меньше, у другихъ больше, какъ, напримѣръ, у моего товарища, маіора Д., который не иначе брался за ручку двери кабинета князя, какъ предварительно три раза перекрестившись. Впрочемъ, надо правду сказать, что во время припадковъ подагры князь дѣлался почти невыносимымъ.

Иногда выходили очень курьёзныя штуки; былъ, напримѣръ, такой случай. Начальникомъ горныхъ инженеровъ на Кавказѣ былъ тогда полковникъ А. Б. Иваницкій, человѣкъ, безспорно, съ большими свѣдѣніями, рьяный славянофилъ, безобразный какъ Квазимодо, большой руки спорщикъ и вообще парень до крайности бойкій. Князь Барятинскій былъ очень расположенъ къ нему и часто цѣлыми часами бесѣдовалъ съ нимъ по утрамъ. Какъ-то они, вѣроятно, не поладили между собою. Иваницкій цѣлую недѣлю не являлся на собранія къ князю; собранія же эти были обязательны для всѣхъ служащихъ два раза въ недѣлю—въ дни пріема прошеній, затѣмъ, почти обязательно, въ четвергъ вечеромъ и въ воскресенье у обѣдни; такимъ образомъ каждому приходилось являться къ главнокомандующему четыре раза въ недѣлю. Иваницкій не приходилъ, и князь, вѣроятно, замѣтилъ его отсутствіе, но о причинѣ его никогда никого не спрашивалъ. Наконецъ, Иваницкій не вытерпѣлъ и явился, князь и виду не показалъ, что замѣтилъ его; явился Иваницкій второй, пятый, десятый разъ — то же самое. Князь привѣтливо разговаривалъ со всѣми присутствующими, улыбался; но когда подходилъ къ Иваницкому, глаза его принимали такое выраженіе, въ которомъ не было ни гнѣва, ни радости, ни недоумѣнія, ни равнодушія, а, такъ сказать, ровно ничего не было, какъ будто бы вмѣсто Иваницкаго бѣлѣла пустая стѣна. Такое выраженіе глазамъ умѣлъ придать только князь Барятинскій; но вотъ однажды на пріемѣ, когда Иваницкій уже серьёзно началъ подумывать о томъ, чтобы уйдти съ Кавказа,

князь Барятинскій остановился передъ нимъ и, протягивая руку съ непритворнымъ или очень искусно поддѣланнымъ радушіемъ, сказалъ:

— Здравствуйте, Александръ Борисовичъ, какъ мы давно съ вами не видѣлись, какъ поживаете?

Стоя за спиною князя, я чуть не покатился со смѣху.

Въ другой разъ, дѣло вышло еще курьёзнѣе: генералъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ (въ настоящее время графъ) былъ назначенъ, если не ошибаюсь, начальникомъ праваго фланга Лезгинской линіи и наканунѣ отъѣзда откланялся князю Барятинскому, повидимому, весьма довольный этимъ назначеніемъ. На другой день, когда въ половинѣ девятаго, я, по обыкновенію, пришелъ на дежурство, мнѣ сказали, что главнокомандующій уже два раза спрашивалъ обо мнѣ и приказалъ немедленно по приходѣ явиться къ нему. Удивленный такимъ раннимъ зовомъ, я вошелъ въ кабинетъ.

— Вы знаете, гдѣ живетъ генералъ Лорисъ-Меликовъ? — спросилъ меня князь.

— Знаю, ваше сіятельство.

— Поѣзжайте сейчасъ къ нему и попросите его ко мнѣ.

Я молча поклонился.

— Да, вотъ что,—генералъ сегодня хотѣлъ уѣхать, а можетъ быть, и уѣхалъ уже; такъ если онъ уѣхалъ, возьмите казачью лошадь и догоните его. Теперь еще рано, онъ далеко не можетъ быть, а самое лучшее, ежели вы, на всякій случай, поѣдете отсюда верхомъ; только такъ или иначе, вы непремѣнно найдите генерала и скажите, что я его жду немедленно, какъ онъ есть—въ дорожномъ платьѣ.

Я вышелъ, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ квартирѣ генерала.

У подъѣзда стоялъ дорожный экипажъ, запряженный почтовыми лошадьми, но ни бѣготни, никакой суеты вокругъ него не видѣлось, очевидно, все было уложено и готово къ отъѣзду; въ комнатахъ я засталъ моментъ прощанія. Пріѣзжай я одной минутой позже,—пришлось бы на смерть загнать казачью клячу по тридцати пяти градусному солнопеку. Генералъ былъ очень удивленъ моимъ порученіемъ, онъ быстро переодѣлся, и мы вмѣстѣ съ нимъ поѣхали къ главнокомандующему. Дорогою онъ спросилъ:

— Вы не знаете, для чего меня зовутъ?

— Не знаю, генералъ.

— Ну, да это все равно,—черезъ минуту я и самъ узнаю; только я вамъ скажу, мнѣ сдается, что со мною случится что-то непріятное, и что вы мой черный воронъ.

По пріѣздѣ, онъ прошелъ прямо въ кабинетъ князя Барятинскаго и минутъ черезъ десять вышелъ оттуда блѣдный и, очевидно, недовольный.

— Я вамъ сказалъ, что вы мой черный воронъ, — обратился онъ ко мнѣ: — и не ошибся. Вы знаете, зачѣмъ звали меня?

Я отрицательно покачалъ головою.

— Меня назначаютъ въ Абхазію.

— Ну, такъ что же?

— Какъ что? И безъ того я и семья моя не можемъ отдѣлаться отъ лихорадки; я радовался, что поѣду на Лезгинскую линію, тамъ прекрасный климатъ, а вмѣсто того вдругъ въ Абхазію, въ самый-то разсадникъ лихорадки, да и потомъ... вообще скверно.

Онъ нетерпѣливо махнулъ рукою.

— Отчего же, генералъ, вы не объяснили всего этого?—вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, больнаго человѣка посылать въ Абхазію.

— Я и хотѣлъ, да времени не было, главнокомандующій уѣзжаетъ куда-то, онъ меня встрѣтилъ при шашкѣ и съ папахой въ рукахъ и извинился, что не можетъ удѣлить болѣе ни минуты, что жъ дѣлать, видно, такова судьба; прощайте, мой черный воронъ.

Генералъ ушелъ.

— Уѣзжаетъ и спѣшно,—недоумѣвалъ я,—а я ничего не знаю, надо поскорѣе пойдти въ дежурную комнату.

Въ эту минуту раздался нетерпѣливый электрическій звонокъ, которымъ князь Барятинскій обыкновенно звалъ насъ къ себѣ въ кабинетъ. Я вошелъ. Обѣ двери кабинета были отворены настежъ, за дверями журчали фонтаны, а за ними алѣли розы; князь Барятинскій, въ легкомъ домашнемъ сюртукѣ, сидѣлъ на диванѣ и весело улыбался; онъ отдалъ мнѣ не помню какое-то приказаніе. Вышедши изъ кабинета, я отыскалъ его камердинера и спросилъ:

— Ѣдетъ ли князь куда нибудь?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ:—собирался куда-то, потому что одѣлся, но ни сѣдлать, ни закладывать не приказывалъ, должно быть, хотѣлъ идти пѣшкомъ, а теперь остается дома.

Что это значитъ,—задалъ я себѣ вопросъ:—идти пѣшкомъ въ такой жаръ? Да онъ и пѣшкомъ-то никуда не ходитъ. И вдругъ мнѣ припомнились слова, сказанныя Робеспьеромъ Сенъ-Жюсту передъ судомъ надъ Дантономъ: «Если мы ему дадимъ говорить — онъ спасенъ».

Такимъ образомъ графу Михаилу Таріеловичу не дали говорить, и онъ уѣхалъ въ Абхазію.

Князь Барятинскій былъ прекрасный разсказчикъ, съ большимъ юморомъ подмѣчавшій разныя человѣческія слабости, и если бы онъ въ этомъ отношеніи имѣлъ болѣе серьёзную подготовку, то, мнѣ кажется, могъ бы сдѣлаться примѣчательнымъ писателемъ, что̀ ему очень бы пригодилось впослѣдствіи, когда онъ оставилъ служебное поприще и когда тоска положительно съѣдала его. Я сказалъ уже, что онъ былъ очень добрый человѣкъ; помню—однажды

какіе-то негодяи армяне совершили кражу, сопровождавшуюся звѣрскимъ убійствомъ; ихъ судили полевымъ уголовнымъ судомъ, приговорили къ повѣшенію, и князь конфирмовалъ этотъ приговоръ. Насталъ день казни. Князь съ утра сказалъ Фадееву, который былъ дежурнымъ, чтобы онъ съ балкона смотрѣлъ въ зрительную трубу и, когда все кончится, пришелъ бы ему доложить, а чтобы до тѣхъ поръ ни подъ какимъ видомъ къ нему въ кабинетъ не входилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ ему какую-то письменную работу. Фадеевъ расположился въ тѣнистой сторонѣ балкона и началъ свою работу, поглядывая время отъ времени въ телескопъ за Татарскій кварталъ, гдѣ должна была совершаться казнь; вдругъ ему понадобилась какая-то справка, и онъ отправился за нею въ кабинетъ.

— Что кончили уже?—спросилъ князь.

— Нѣтъ еще, ваше сіятельство.

— Зачѣмъ же вы пришли сюда?

Фадеевъ объяснилъ свое дѣло.

Князь ужасно разсердился и началъ распекать его, говоря очень нервно и даже возвысивъ голосъ, что̀ съ нимъ почти никогда не случалось, но вдругъ опомнился, вздохнулъ и тихо сказалъ:

— Зачѣмъ вы меня мучите? Вѣдь за справкой можно было прійдти послѣ,—вы своимъ появленіемъ напомнили мнѣ, что еще есть время, и я бы могъ подарить жизнь этимъ несчастнымъ, вѣдь они тоже люди, вотъ почему я васъ просилъ прійдти, когда все будетъ окончено. Ступайте и до двѣнадцати часовъ не пускайте ко мнѣ никого.

И во весь остатокъ этого дня онъ былъ въ убійственномъ настроеніи духа.

Мы, молодежь, положительно блаженствовали; во-первыхъ, начальствомъ являлась рыцарская, грандіозная фигура князя Барятинскаго, а затѣмъ и самая жизнь наша была такъ оригинальна, такъ мало походила на строй жизни въ какой бы то ни было странѣ, что подъ этимъ южнымъ небомъ, посреди чудной природы, душа постоянно находилась въ восторженномъ состояніи. Я помню одинъ парадъ; по какому случаю произошло это необыкновенное на Кавказѣ зрѣлище, сказать теперь не съумѣю—давно дѣло было. Очень эффектно были подобраны всѣ части этого парада, но болѣе всѣхъ щегольнулъ баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго полка, въ строю не было ни одного не кавалера, не было ни одного не раненаго офицера: у кого рука на перевязи, у кого завязана голова, кто опирался на палочку, и строемъ этимъ командовалъ полковникъ князь Орбельяни, которому ядро оторвало ногу и ее замѣняла деревяшка; но, переходя отъ подчиненныхъ къ группѣ

начальниковъ, всякій изъ насъ ощущалъ что-то странное, неуловимое—чего словами передать нельзя: какое-то удивленіе, смѣшанное почти съ благоговѣніемъ. Впереди стоялъ князь Барятинскій; онъ, какъ извѣстно, былъ два раза раненъ—одинъ разъ тяжело, другой разъ смертельно; пуля, пробивъ лѣвый бокъ, засѣла въ кости; какъ онъ остался живъ, положительно непонятно; за нимъ стояли три генерала: графъ Евдокимовъ, израненный какъ рѣшето, съ прострѣленнымъ лицомъ, получившій, между прочимъ, однажды глубокую рану кинжаломъ въ животъ, вслѣдствіе которой даже татарскіе медики опредѣлили ему умереть; въ немъ опять-таки явилось непонятное возвращеніе къ жизни; возлѣ стоялъ баронъ А. Е. Врангель, раненый подъ Ахульго въ животъ навылетъ и тоже непонятнымъ чудомъ, къ изумленію всѣхъ, оставшійся въ живыхъ; рядомъ съ нимъ князь Д. И. Святополкъ-Мирскій: ему двѣ пули, татарская и англійская, пронизали грудь крестъ на крестъ, и онъ тоже былъ два раза вычеркнутъ изъ списка живыхъ. Глубоко, восторженно видъ этихъ мучениковъ воиновъ поражалъ молодое воображеніе.

Да, тогдашняя кавказская жизнь дышала особенною своеобразною прелестью; эпизоды ея походятъ на главы какого-то фантастическаго романа, отъ котораго нельзя оторваться. На Кавказѣ попадались типы поразительные. Беру на выдержку одинъ.

Есть за Кавказомъ, въ самой глуши Лезгинскихъ горъ, страна, называемая Горная Тушетія. Добраться до нея можно только на лошади, родившейся въ горахъ; нечего и думать по пути сойдти съ этой лошади—поскользнется непривычная нога, или закружится непривычная голова, и тогда несчастный путникъ гибнетъ на острыхъ зубцахъ скалъ, или летитъ въ пропасть въ три тысячи футовъ глубиною. Въ Горной Тушетіи въ то время, какъ увѣряли жители, никакія болѣзни не были извѣстны, а умирали люди только отъ пули, или отъ старости; страхъ тамъ тоже не былъ знакомъ ни мужчинамъ, ни женщинамъ, и эти добродушные и гостепріимные тушины дѣлались страшнѣе дикаго звѣря въ бою. Существовалъ у нихъ странный обычай—рѣзать правыя руки убитыхъ враговъ, коптить на огнѣ очага и, возвратясь домой, прибивать на наружной сторонѣ дома. Рѣзали они и головы, но это только для начальства, чтобы показать боевой трофей, послѣ чего онѣ безцеремонно сбрасывались съ шестовъ въ пропасть.

Сколько шутокъ бывало вызывало это копченіе рукъ у нашихъ солдатъ; я самъ слышалъ однажды, когда войска уже третій день питались одними сухарями, какъ усачъ эриванецъ, размачивая въ водѣ эти камнеобразные сухари, балагурилъ:

— Вотъ, братцы, тушинамъ добро, имъ и мяса не нужно, своя вядчина имѣется, да еще всякій день свѣжая; имъ бы, милый человѣкъ, паекъ самодёромъ отпущать слѣдовало.

Прозаическимъ именемъ самодёра солдаты окрестили корень рододендрона, служившій иногда въ отрядахъ топливомъ, и при этомъ испускавшій такой ѣдкій дымъ, что даже и привычные глаза туземцевъ не могли переносить его безъ слезъ. Вотъ въ этомъ-то воинственномъ племени былъ нѣкто, по имени Шете, передъ храбростью и подвигами котораго все племя благоговѣйно преклонялось, а тушинъ удивить храбростью не легко. Когда лезгины дѣлали нападеніе и убивали кого нибудь, то у родственниковъ убитаго тушина обязательно появлялось кровомщеніе; врага розыскивали, и если розыски долго оставались безъ успѣха, то эту обязанность бралъ на себя Шете, исполнялъ ее крайне добросовѣстно и приносилъ въ мѣшкѣ двѣ или три отрѣзанныя кисти рукъ, которыя и прибивалъ къ наружной стѣнѣ своего дома. Съ изумительною отвагою, въ одиночку, уходилъ онъ въ самую глубь снѣговаго хребта, а если надобность указывала, то и переходилъ за него. Имя Шете было далеко извѣстно и наводило ужасъ на лезгинъ. Разсказывали, что какъ-то въ темную бурную ночь какая-то лезгинка въ саклѣ убаюкивала ребенка, который капризничалъ и не хотѣлъ засыпать.

— Вотъ погоди, я позову Шете, — прикрикнула мать.

Ребенокъ не унимался.

— Спи, а то я тебѣ говорю—позову Шете.

Ребенокъ продолжалъ капризничать.

— Шете, Шете, поди сюда, возьми его.

Въ это время отворилась дверь сакли, и на порогѣ показалась длинная фигура Шете съ неизмѣнною винтовкою въ рукахъ.

— Я здѣсь, — сказалъ онъ: — спи, а то возьму тебя съ собою.

Испуганная мать подняла крикъ, выбѣжала на улицу, весь аулъ проснулся, бросились искать, но Шете и слѣдъ простылъ. Много было подобныхъ о немъ разсказовъ. Шете такъ уважали, что даже непримиримые враги тушинъ, лезгины, безоружные приходили къ нему, прося разрѣшить какой нибудь домашній запутанный споръ. Однажды судьба свела меня съ этимъ человѣкомъ, ему было лѣтъ семьдесятъ, что̀ тогда называлось въ Горной Тушетіи среднимъ возростомъ; онъ былъ высокаго роста, сухощавъ и чрезвычайно хорошо сложенъ; маленькіе, выразительные глаза смотрѣли какъ-то задумчиво, въ головѣ и коротко остриженныхъ усахъ не было и тѣни сѣдины (бороды тамъ нѐ носятъ), короткій кожаный кафтанъ облегалъ его мускулистый торсъ, опоясанный ремнемъ съ большимъ кинжаломъ, длинная винтовка была постоянно у него въ рукахъ.

На правой щекѣ Шете краснѣла большая шишка или наростъ; думая, что это слѣды раны, я спросилъ, гдѣ онъ раненъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ: — раненъ я никогда не былъ, а это винтовкой набило.

— Какъ винтовкой?

— Она отдаетъ очень при выстрѣлѣ, вотъ и набило.

— Отчего же вы ее не перемѣните?

— Привыкъ.

— А давно вы изъ нея стрѣляете?

— Я думаю—лѣтъ шестьдесятъ.

Шете, не смотря на свой возростъ, лазилъ по горамъ, какъ кошка, не зналъ усталости, въ жизни не дѣлалъ промаха изъ винтовки, а зрѣніе его, вѣроятно, поспорило бы съ зрѣніемъ любаго горнаго орла. Впослѣдствіи я былъ у него въ гостяхъ. Его аулъ Олмало стоитъ въ мрачной трущобѣ, окруженный голыми, неприступными скалами всевозможныхъ цвѣтовъ; домъ Шете расположенъ на самомъ видномъ мѣстѣ; когда я подъѣзжалъ къ нему, то невольно остановился передъ невиданнымъ дотолѣ зрѣлищемъ: вся наружная стѣна сверху до низу была увѣшана кистями человѣческихъ рукъ; отъ верхнихъ оставались только бѣлыя кости, далѣе онѣ мѣняли цвѣтъ, начиная отъ чернаго, переходили въ коричневый, темно-красный и доходили въ нижнемъ ряду до яркопунсоваго, очевидно, недавняго копченія.

Я сосчиталъ руки—ихъ было восемьдесятъ три.

— А это вотъ изъ нашего отряда,—сказалъ Шете, небрежно тыкая носкомъ сапога въ послѣднія пять.

Подобный типъ, конечно, поспоритъ съ любымъ героемъ Купера или Майнъ-Рида.

Заговоривъ о тушинахъ, я не могу удержаться, чтобъ не припомнить одного довольно характернаго эпизода.

Однажды было приказано взять какой-то небольшой аулъ. Тушины, не ожидая команды, понеслись на него съ горы; впереди мчался на сѣрой лошади священникъ въ рясѣ, мѣховой шапкѣ и съ винтовкой за плечами; когда мы подошли съ пѣхотою, то дѣлать нечего не оставалось, аулъ былъ взятъ, жители спасались бѣгствомъ, а тушины, разсыпавшись, шарили по саклямъ, посреди пылала мечеть, изъ которой слышалось протяжное мусульманское пѣніе. Двери мечети были завалены огромнымъ камнемъ, а передъ нимъ стоялъ тушинскій священникъ, оперпись на винтовку.

— Что онъ тутъ дѣлаетъ?—спросилъ я пѣхотнаго офицера.

— А видите ли, въ мечети остался мулла и все призывалъ правовѣрныхъ къ оружію, но, видя, что они бѣгутъ, подошелъ къ дверямъ, выстрѣлилъ изъ двухъ пистолетовъ и, опустившись на колѣни, началъ пѣть свои молитвы. Тушинскій попъ, заглянувъ въ мечеть и вскрикнувъ: «А это ты, подлецъ, погоди-же!»—завалилъ камнемъ дверь и приказалъ своимъ зажечь со всѣхъ сторонъ зданіе; вотъ уже скоро оно и обрушится.

— Послушайте,—сказалъ я офицеру:—вы знаете погрузински,

уговорите его, развѣ можно такъ жарить живыхъ людей, вѣдь это все же не шашлыкъ.

Офицеръ подошелъ къ попу; они нѣсколько времени говорили очень громко, причемъ попъ два раза указалъ на винтовку.

— Нѣтъ,— сказалъ офицеръ, подходя ко мнѣ:— тутъ ничего не подѣлаешь; онъ говоритъ, что не позволитъ спасать муллу и въ случаѣ надобности будетъ стрѣлять по тому, кто покусится на это.

Чернѣе и чернѣе подымались клубы дыма, длиннѣе взвивались пламенные языки, а дикое пѣніе страшно и зловѣще раздавалось внутри мечети; руки холодѣли и волосъ становился дыбомъ при этихъ почти нечеловѣческихъ звукахъ. Я нѣсколько разъ слышалъ тотъ гимнъ, который татары поютъ передъ смертью, когда рѣшаются въ бою не сдаваться и умереть до послѣдняго человѣка, впечатлѣніе его тоже потрясающее, но пѣніе того муллы я долго забыть не могъ, оно было рѣзко, пронзительно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, торжественно и вполнѣ удовлетворяло своему назначенію, это было послѣднее обращеніе дикаго человѣка къ божеству, которое, быть можетъ, онъ въ ту минуту видѣлъ галлюцинаціей своего воспаленнаго мозга. Вдругъ мечеть рухнула, осыпавъ насъ дождемъ искръ и головней, съ земли поднялся густой столбъ пыли, и затѣмъ все смолкло, только маленькіе огоньки тихо вспыхивали и трещали на землѣ.

Когда дымъ разсѣялся, священникъ снялъ свою шапку, перекрестился и затѣмъ, сѣвъ на камень, закурилъ трубку.

— Скажите, батюшка,— сказалъ я, подходя къ нему:— зачѣмъ вы муллу сожгли?

Онъ понялъ мой вопросъ и скороговоркою отвѣтилъ:

— Мулла третій годъ моя братъ жгла,— и затѣмъ онъ кротко улыбнулся и возвелъ глаза къ небу.

Потомъ мнѣ сказали, что дѣйствительно года три тому назадъ лезгины подъ предводительствомъ этого муллы сдѣлали нападеніе на тушинъ и живьемъ сожгли брата священника.

Не менѣе Шете былъ легендаренъ и нашъ Я. П. Баклановъ; о его подвигахъ и боевой славѣ говорить нечего — о нихъ когда-то кричала вся Россія; скажу только, что эта слава была такъ велика, что всякій пріѣзжавшій въ Тифлисъ считалъ за особенную честь быть ему представленнымъ. Яковъ Петровичъ былъ замѣчательно умный человѣкъ и не лишенъ свѣдѣній, онъ кое-что читалъ, много видѣлъ и слышалъ, побывалъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Римѣ, а главное природною смѣткою доходилъ до весьма многаго; онъ, такъ сказать, представлялъ собою послѣдній обломокъ стараго казачества, въ которомъ постоянная опасность развивала осторожность и пребываніе себѣ на умѣ. Часто, сидя на балконѣ въ кругу близкихъ людей, онъ очень здраво разсуждалъ о современныхъ дѣлахъ и подчасъ поражалъ тонкостью и быстротою соображе-

нія, но стоило только явиться постороннему лицу, какъ Яковъ Петровичъ уходилъ въ свою скорлупу, а подчасъ и любилъ разыграть простодушнаго дурачка, особенно любилъ онъ эту штуку продѣлывать передъ проѣзжими аристократами.

Одинъ разъ ко мнѣ зашелъ князь Д., только что назначенный адъютантомъ къ князю Барятинскому, и просилъ представить его Я. П. Бакланову. Князь Д., теперь уже давно покойникъ, прекрасный товарищъ, былъ всецѣло воспитанъ на великосвѣтскомъ паркетѣ, любилъ порой и кутнуть, и глупостей поврать, но привыкъ, чтобы все это было обставлено какъ слѣдуетъ, и чтобы глупости эти были разсказаны на французскомъ языкѣ; а о такихъ дѣтяхъ бивуачнаго костра, какъ Яковъ Петровичъ, онъ сроду и понятія не имѣлъ.

Мы пріѣхали въ одиннадцать часовъ дня и, узнавъ отъ ординарца, что атаманъ дома, вошли въ комнату. Во всемъ домѣ царствовала абсолютная пустота и тишина, всѣ окна и двери были отворены настежъ, а изъ гостиной долеталъ чей-то мощный храпъ. Д. съ изумленіемъ взглянулъ на меня. Я указалъ ему рукою на крайнюю дверь, и мы вошли въ гостиную, убранную довольно хорошо; передъ голубымъ диваномъ стоялъ круглый столъ, а у стола на коврѣ, положивъ голову на кожаную подушку, спалъ Баклановъ, вытянувши почти во всю комнату свою громадную фигуру; онъ былъ безъ чекменя, въ желтой шелковой рубахѣ, на которой, растрепавшись, чернѣла его огромная борода.

— Allons nous en, — прошепталъ мнѣ Д., поднявшись на цыпочки и собираясь осторожно выйдти изъ комнаты. Но въ эту минуту Яковъ Петровичъ проснулся, зѣвнулъ на весь домъ и, увидя насъ, поднялся съ полу.

— А, дорогіе гости, милости просимъ, — произнесъ онъ, протягивая намъ обѣ обнаженныя и косматыя, какъ лапы медвѣдя, руки: — а я вотъ немножко заснулъ послѣ обѣда.

Я представилъ Д.; Яковъ Петровичъ надѣлъ чекмень, и мы всѣ трое чинно разсѣлись.

Разговоръ вертѣлся на самыхъ обыкновенныхъ предметахъ. Д. разсказалъ намъ со всѣми подробностями, какъ нѣчто для насъ новое, свое путешествіе по военно-грузинской дорогѣ, причемъ Баклановъ раза два незамѣтно бросилъ на него очень пристальный взглядъ; затѣмъ разговоръ перешелъ къ военному дѣлу, и Д. любезно заявилъ, что онъ еще въ Петербургѣ радовался, что увидитъ героя, извѣстнаго всей Россіи.

— Скажите, ваше пр—ство, — вдругъ спросилъ онъ: — какъ это вы такъ дѣлаете, чтобъ воодушевлять войско?

— Все надо умѣть, безъ умѣнья ничего не подѣлаешь, — отвѣчалъ Яковъ Петровичъ.

— Да, я понимаю, когда васъ солдаты знаютъ лично, или по

репутаціи, тогда ихъ легко вести куда угодно, но вѣдь было же время, когда вы только что начали вашу боевую карьеру, какъ же тогда?

— За мною ходили всегда безпрекословно, такъ ужъ я умѣю воодушевлять ихъ.

— Это ужасно интересно, разскажите, ваше п—ство, если возможно, какъ вы повели въ первый разъ въ бой казаковъ вашихъ?

— Извольте, тутъ интереснаго немного: когда меня произвели, то назначили командиромъ только что пришедшаго съ Дону полка; пришелъ онъ примѣрно вчера, а сегодня надо было гнаться за Шамилемъ,—вотъ я вывелъ его за укрѣпленіе, остановилъ и далъ наставленіе.

— Что же вы имъ сказали, ваше п—ство?

— Я имъ сказалъ, смотрите вы у меня....—генералъ ввернулъ тутъ крѣпкое словцо.

Д. поморщился.

— А потомъ что же, ваше п—ство?

— Потомъ пошли, послышалась перестрѣлка, пули стали посвистывать, я остановилъ ихъ, да и говорю: смотрите вы у меня...— и генералъ опять ввернулъ то же словцо.

Д. всего передернуло.

— А потомъ, ваше п—ство?

— Потомъ, вижу, скачетъ адъютантъ отряднаго, говоритъ — чтобы вести полкъ въ атаку.

— А потомъ, ваше п—ство?

— Развернулъ фронтъ, построилъ лаву, да и говорю имъ: смотрите вы у меня...—генералъ скороговоркой ввернулъ слово:— а передъ тѣмъ, чтобы скомандовать маршъ-маршъ, я, знаете, князь, чтобъ совсѣмъ воодушевить ихъ, проскакалъ вдоль фронта, да какъ гаркну имъ...

Тутъ генералъ такъ гаркнулъ, что окна задрожали. Ужъ очень было крѣпкое слово.

Д. даже привскочилъ на стулѣ.

Посидѣвъ еще немного, мы уѣхали; дорогой я спросилъ его:

— А что ты теперь постигъ секретъ, какъ воодушевлять войска къ бою?

— Фу, quelle horreur! — брезгливо проворчалъ Д.

Часто любилъ такъ Яковъ Петровичъ дурачить на свой счетъ вновь пріѣзжаго человѣка.

Если въ то время на Кавказѣ встрѣтить мужчину героя было не рѣдкость, то, въ свою очередь, и женщины не отставали отъ нихъ.

Одинъ разъ я пробирался въ отрядъ, это было на правомъ флангѣ. Я выѣхалъ одинъ, но, начиная съ пункта, откуда пришлось

телѣгу промѣнять на верховую лошадь, ко мнѣ присоединилось еще нѣсколько человѣкъ такихъ же, какъ я, потомъ еще, такъ что, подъѣзжая къ послѣдней передовой станицѣ, насъ набралось человѣкъ десять. Было восемь часовъ утра, отъ станицы до отряда верстъ 16-ть, и мы разсчитывали застать колонну и пріѣхать на мѣсто къ полудню, т. е. къ обѣду,—обстоятельство чрезвычайно важное въ походной жизни.

Станица (собственно говоря, станичнаго въ ней было только названіе да въѣздныя ворота, по обѣимъ сторонамъ которыхъ чернѣлъ глубокій ровъ) была завалена грудами бревенъ и камней; кое-гдѣ дымились костры, у которыхъ тѣснились группы весьма странно одѣтыхъ людей: люди эти, большею частью, носили статское платье, кое-гдѣ виднѣлись даже цилиндры, но у каждаго болталась шашка или болтался кинжалъ; женщины въ шляпкахъ и подъ зонтиками весело щебетали и любезничали съ мужчинами; все это было такъ странно, что, по выраженію одного изъ моихъ спутниковъ, скорѣе напоминало этапъ американскихъ піонеровъ, чѣмъ казачью станицу. На воображаемой площади стояла рота пѣхоты, конные казаки и воловые возы съ поклажей.

— Слава Богу, не опоздали, колонна только что собирается; остается перемѣнить лошадей да просить, чтобы насъ пропустили,— сказалъ я.

Къ намъ подошелъ офицеръ и, раскланявшись, заявилъ, что онъ адъютантъ баталіоннаго командира, который вмѣстѣ съ тѣмъ и воинскій начальникъ, и поинтересовался узнать, что̀ намъ нужно.

— А кто здѣсь воинскій начальникъ?—спросилъ я.

— Полковникъ Кишинскій.

— Будьте такъ добры, доложите, что мы ѣдемъ въ отрядъ, и просимъ позволенія присоединиться къ колоннѣ.

Офицеръ ушелъ и, скоро возвратившись, сказалъ, что полковникъ выйдетъ къ намъ самъ.

Солнце страшно пекло; дѣваться было некуда, такъ какъ всѣхъ строеній оказалось только наскоро сколоченный домишка безъ оконъ, гдѣ помѣщался полковникъ, да огромный турлучный (плетневый) сарай.

Мы сѣли на груду бревенъ, въ ожиданіи разрѣшенія на отъѣздъ, и безпечно болтали, какъ вдругъ увидѣли, что казаки тронулись, а за ними пѣхота и возы потянулись по направленію къ воротамъ; въ ужасѣ бросились мы къ дому полковника, но ординарецъ заявилъ намъ, что онъ занятъ, и никого не принимаетъ. Злобѣ нашей не было границъ при видѣ колонны, которая черной змѣей извивалась уже за станицей; значитъ, нашъ отъѣздъ отложенъ дозавтра; куда же дѣваться, кругомъ ни малѣйшаго помѣщенія, да и съ голоду пропадешь.

Черезъ полчаса Кишинскій вышелъ къ намъ: это былъ чело-

вѣкъ плотный, приземистый, лѣтъ пятидесяти, съ чисто выбритымъ и краснымъ лицомъ, на которомъ чернѣли коротко подстриженные усы.

— Здравствуйте, господа, — сказалъ онъ: — въ отрядъ сегодня не поѣдете,—опоздали, нужно было бы раньше пріѣзжать.

— Помилуйте, полковникъ, да мы почти часъ ждемъ здѣсь, — возразилъ я.

— Вы заставили насъ опоздать.

— Вамъ давно доложили объ насъ.

— Дайте намъ отдѣльный конвой.

Такъ волновались мои спутники.

Красное лицо Кишинскаго побагровѣло, и глаза налились кровью.

— Прежде всего, здѣсь начальникъ я, — заревѣлъ онъ: — и знаю, что̀ дѣлаю. Вы, — обратился онъ ко мнѣ: — можете отправляться, если хотите, вы адъютантъ главнокомандующаго, я васъ держать не стану, только ни конвоя, ни лошади не дамъ. А вамъ, господа, запрещаю не только выѣзжать за станицу, но даже подходить къ станичнымъ воротамъ. Слышите?

— Но, позвольте, полковникъ, какъ же это я отправлюсь безъ конвоя и лошади, пѣшкомъ что ли прикажете идти?

— Это, милостивый государь, не мое дѣло; прощайте.

Онъ взялся подъ козырекъ и ушелъ.

Первою заботою нашею было достать чего нибудь поѣсть, но, кромѣ хлѣба, достать ничего нельзя было, скудный обѣдъ переселенцевъ еще кипѣлъ въ котлахъ, и потому, разсѣвшись опять на бревнахъ, мы начали бранить все и вся; Кишинскому тоже доставалось немало.

Барабанщикъ забилъ на обѣдъ, по станицѣ пошла суета; мы же утомленные безплодными поисками и бранью, апатично сидѣли подъ солнопекомъ, когда къ намъ подошелъ ординарецъ и заявилъ, что полковникъ проситъ обѣдать. Сперва, вмѣсто отвѣта, его послали къ чорту вмѣстѣ съ полковникомъ, но черезъ нѣсколько минутъ, сообразивъ, что не умирать же въ самомъ дѣлѣ съ голоду, мы поднялись и пошли.

Кишинскій, гладко причесанный, въ новомъ сюртукѣ, встрѣтилъ насъ съ распростертыми объятіями, перецѣловался со всѣми и сейчасъ же просилъ садиться за столъ, помѣстивъ меня рядомъ съ своею женою. Скоро обѣдъ сдѣлался очень оживленнымъ, заговорили чуть ли не всѣ разомъ, и впечатлѣніе нашей утренней встрѣчи съ хозяиномъ быстро разсѣялось.

— Бога вы не боитесь, полковникъ, — сказалъ кто-то: — за что вы насъ сегодня не хотѣли пустить въ отрядъ, вѣдь не хотѣли, признайтесь?

— Не хотѣлъ, господа, воистину не хотѣлъ и недурно сдѣлалъ:

во-первыхъ, отобѣдаемъ вмѣстѣ, сыграемъ въ преферансъ, а потомъ я васъ приглашаю—отгадайте куда?

Мы недоумѣвали.

— Въ домашній спектакль, а потомъ у насъ поужинаемъ, а ужинъ-то будетъ такой, что и самъ князь Барятинскій похвалилъ бы.

— Спектакль, да какъ же это вы устроили?

— Слушайте, вы видѣли этихъ разночинцевъ, что тамъ шляются по улицамъ въ цилиндрахъ подъ зонтиками; ну-съ, между ними всякіе артисты водятся: и повара, и парикмахеры, и швеи; кромѣ того, нашелся мастеръ декораціи писать, одна скрипка и гобой; у насъ въ баталіонѣ двѣ дамы, да въ батареѣ одна, роли давно разучены, а турлучный сарай видѣли?—вотъ тамъ-то сегодня и будетъ спектакль, а завтра ужъ у него будемъ складывать что слѣдуетъ; за ужиномъ подадутъ: заливную дрофу и пирожное въ видѣ египетской пирамиды, а прислуживать будутъ лакеи во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ. Да чтобы передъ этакимъ торжествомъ-то васъ отпустить, что я дуракъ, что ли? Успокойтесь, господа, отрядъ безъ васъ не пропадетъ,—вѣдь вы изъ фазановъ?

Покойникъ Гейманъ очень ловко окрестилъ всѣхъ пріѣзжающихъ безъ особаго дѣла въ отряды названіемъ фазановъ, и выраженіе это быстро распространилось по Кавказу.

— Населеніе этой станицы,—продолжалъ Кишинскій:—все поголовно состоитъ изъ дворовыхъ вашего войска Донскаго, вотъ вамъ и разгадка.

— Когда вы пріѣхали сюда?—спрашивалъ я на другомъ концѣ стола г-жу Кишинскую.

— Вчера. И захлопоталась страшно, все устроивала, вѣдь ничего, даже оконъ въ домѣ нѣтъ, а тутъ еще надобно роль къ вечеру повторять.

— Вы, должно быть, очень устали? Дорога-то по ущелью убійственная.

— Нѣтъ, ничего, лошади у насъ привычныя, а вотъ только maman немного испугалась.

— Чего?

— Да какъ вамъ сказать, она испугалась болѣе того, что была съ просонья.

— Что же случилось?

— Да видите, проѣзжая по ущелью, мы всѣ дремали, и вдругъ изъ лѣсу залпъ.

— Ну, и что же?

— Ничего, слава Богу, всѣ остались цѣлы, только двѣ пули пробили каретную дверцу и застряли въ подушкѣ, на которой спала maman.

Господи, подумалъ я, это почти невѣроятно: путешествіе по

этому бездорожному ущелью, домъ безъ оконъ, татарскій залпъ, двѣ пули въ подушку и вечеромъ спектакль.

Но не одна г-жа Кишинская была такова; я зналъ жену одного полковаго командира, очень хорошенькую женщину, которая, во время нападенія горцевъ на укрѣпленіе, цѣлую ночь на валу подъ градомъ пуль перевязывала раненыхъ; я зналъ жену одного артиллерійскаго офицера, которая, возвращаясь съ молодымъ мужемъ, послѣ обряда бракосочетанія изъ сосѣдней станичной церкви, подверглась нападенію татаръ и, только благодаря случайно проходившей командѣ, избѣгла звѣрскихъ истязаній, а, можетъ быть, и мученической смерти; я зналъ въ Наурской станицѣ двухъ бабъ старухъ, которыя получили георгіевскіе кресты за то, что отразили нападеніе горцевъ, случившееся въ отсутствіе мужскаго населенія станицы, и отразили его предводительствуя только бабами, которыя отстрѣливались и бросались въ шашки не хуже мужчинъ. Но если перечислять всѣ подвиги кавказскихъ героинь, то, пожалуй, пришлось бы написать нѣсколько томовъ. Всѣ онѣ были просты, милы, безъ тѣни фатовства, всѣ онѣ являлись привѣтливыми и заботливыми хозяйками для путешественниковъ, которыхъ видѣли сегодня въ первый разъ, съ тѣмъ, чтобы проститься завтра и уже болѣе никогда не встрѣчаться въ жизни; а сколькимъ раненымъ случалось находить пріютъ у нихъ и иногда больше года бороться со смертью, и эти хозяйки неусыпно ухаживали за ними какъ за близкими родственниками, проводя половину безсонной ночи у колыбели больнаго ребенка, а другую у изголовья раненаго незнакомца, при этомъ иногда даже не будучи увѣрены, живы ли ихъ мужья и братья, ушедшіе въ отрядъ.

Глубокаго благоговѣнія заслуживаютъ эти кавказскія женщины, типъ которыхъ въ настоящее время остался только въ благодарномъ воспоминаніи немногихъ стариковъ.

Въ іюлѣ 1859 года, я видѣлъ князя Барятинскаго на высшей ступени его блеска. Возвратясь изъ отпуска, я явился къ нему прямо на Андійское Койсу, гдѣ была главная квартира. На краю командующей мѣстностью скалы стояла его великолѣпная ставка, вся окруженная множествомъ пестрыхъ непріятельскихъ значковъ, около нея расположена была батарея, а по передней площадкѣ поминутно сновали одѣтые съ иголочки командиры разныхъ частей; все было вычищено, выполировано, все блестѣло какъ въ красносельскомъ лагерѣ; къ ставкѣ поминутно подъѣзжали курьеры и нарочные, и подходили депутаціи отъ разныхъ племенъ съ изъявленіемъ покорности. Всякій день главнокомандующій выѣзжалъ для осмотра какой нибудь мѣстности, и эти выѣзды были въ высшей степени великолѣпны. Онъ ѣздилъ на бѣлой лошади, у кото-

рой на шеѣ была надѣта массивная золотая цѣпь, оканчивавшаяся на груди чѣмъ-то въ родѣ амулета, сзади за нимъ везли его хоругвь, богато шитую золотомъ, съ фамильнымъ гербомъ, тутъ же ѣхалъ чиновникъ Булатовъ съ кожаными кабурами, наполненными серебряною и золотою монетою, которую князь раздавалъ по дорогѣ туземцамъ за разную татарскую дрянь, приносимую ему въ даръ; далѣе версты на двѣ, растягивалась свита, состоявшая изъ всевозможныхъ элементовъ: тутъ были и мѣстные кавказцы, и гвардейскіе офицеры, и турки, и персіяне, и живописцы, и ученые, и иностранные агенты, и туристы, и все это переливалось разными цвѣтами, поражая глазъ пестротою.

Князь Барятинскій въ отрядѣ совсѣмъ измѣнился; онъ сдѣлался очень серьёзенъ, больше не шутилъ, не смѣялся и вообще держалъ себя очень гордо; обѣдалъ постоянно въ своей ставкѣ или одинъ, или приглашалъ двухъ-трехъ самыхъ значительныхъ лицъ отряда. Вслѣдствіе этого, даже у насъ въ свитской столовой, куда за обѣдъ собиралось болѣе сорока человѣкъ, царствовала относительная тишина. Однако жъ, одинъ разъ эта торжественность нарушилась, за что̀, впрочемъ, намъ очень крѣпко досталось. Дѣло происходило такъ: нашъ безцѣнный другъ, В. А. Инсарскій, задумалъ стать боевымъ кавказцемъ; онъ справилъ себѣ пальто съ краснымъ подбоемъ и, чтобы скрыть отсутствіе погоновъ, носилъ постоянно башлыкъ, повѣсилъ черезъ пальто турецкую саблю, а иногда даже опоясывалъ его ременнымъ поясомъ съ револьверомъ; кромѣ того, запустилъ усы и перезнакомился почти со всѣми офицерами, выпивая съ каждымъ на ты, вслѣдствіе чего къ нему начали относиться не иначе какъ «твое п—ство»; послѣ обѣда на площадкѣ, за палатками, собиралась молодежь и разнообразила время чѣмъ попало: тутъ и пѣли, и шутили, и играли въ свайку; одинъ разъ выдумали, садясь поочередно другъ другу на плечи, подъѣзжать на ординарцы къ Инсарскому; впослѣдствіи оказалось, что князь Барятинскій смотрѣлъ на все это изъ боковаго окна своей ставки и отъ души смѣялся, но вдругъ онъ увидѣлъ, что какой-то шалунъ сѣлъ верхомъ на самого Инсарскаго и хотѣлъ прокинуть на немъ ординарческую ѣзду. Это ужасно разсердило князя, онъ послалъ намъ сказать, что мы слишкомъ шумимъ, и послѣ очень распекъ насъ за этотъ шумъ.

Великолѣпенъ былъ и въѣздъ князя Барятинскаго въ Тифлисъ послѣ этого похода; надо сказать, что въ Тифлисѣ всѣ торжества были такъ красивы, какъ нигдѣ, при изобиліи цвѣтовъ, ковровъ, пестрыхъ нарядовъ, золота, серебра и солнечныхъ лучей.

Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ; иллюминаціи тоже очень красивы въ Тифлисѣ,— но теперь это было что-то волшебное; кому-то, и чуть ли не старому артиллерійскому полковнику Сигунову, пришло въ голову, на горахъ, окружающихъ городъ, распо-

ложить плошки въ видѣ исполинскихъ звѣздъ: эффектъ вышелъ поразительный. Въ этотъ вечеръ былъ парадный спектакль. Великолѣпный тифлисскій театръ, освѣщенный до невозможности, сверкалъ, какъ одинъ громадный брилліантъ: его изящныя, рѣзныя украшенія, ложи, отдѣланныя голубымъ бархатомъ съ золотомъ, масса красавицъ, яркія одежды туземцевъ и красивые мундиры военныхъ положительно ослѣпляли съ перваго разу; но вотъ говоръ замолкъ, и одно мгновеніе мы не знали, куда смотрѣть? Массивная, алая, бархатная, съ золотой бахрамой, занавѣсь раздвинулась, и на задней кулисѣ представилась картина, изображавшая славу въ видѣ женщины съ огненнымъ вѣнкомъ на головѣ; по бокамъ ея были вензеля князя Барятинскаго; въ то же время онъ самъ вошелъ въ ложу, и оркестръ грянулъ гунибскій маршъ, сочиненный въ честь его капельмейстеромъ Шейнингомъ, но маршъ этотъ едва ли кто нибудь слышалъ: мгновенно раздалось ура, которое не умолкало минутъ десять, превратясь въ одинъ восторженный гулъ.

Да, эта минута, должно быть, была для него пріятна; мнѣ остается досказать немного: князь Барятинскій уѣхалъ въ Петербургъ, откуда возвратился генералъ-фельдмаршаломъ, но скоро по пріѣздѣ заболѣлъ, и впродолженіе цѣлаго года его здоровье не поправлялось, онъ заперся у себя въ кабинетѣ и принималъ только должностныхъ лицъ, такъ что мы его почти не видѣли. 30-го августа 1860 года, у него былъ балъ въ павильонѣ, выстроенномъ нарочно для этого дня на пруду; ему только что былъ пожалованъ лейбъ-гусарскій мундиръ. Къ павильону вела широкая аллея, ярко иллюминованная, а на пересѣкавшихъ ее поперечныхъ аллеяхъ, также ярко иллюминованныхъ, было приготовлено угощеніе для простаго народа, помѣстившагося на землѣ. Прелестна была картина, когда этотъ красивый, статный гусаръ, шелъ къ павильону, а гости поперечныхъ аллей, при его приближеніи, вставали съ кубками въ рукахъ, и ихъ громкое ура перемѣшивалось съ звуками трехъ оркестровъ и нѣсколькими хорами пѣсенниковъ.

Это была послѣдняя вспышка величія князя Барятинскаго на Кавказѣ; онъ крѣпко разболѣлся и скоро уѣхалъ за границу.

Въ концѣ мая 1861 года, только что возвратившись съ какой-то продолжительной прогулки, я лежалъ, растянувшись на мягкой кушеткѣ въ «Hôtel de Saxe», въ Дрезденѣ, какъ вдругъ дверь, безъ всякаго предварительнаго стука, съ шумомъ растворилась, и раздался знакомый мнѣ голосъ мингрельца Гватуа, офицера изъ конвоя князя Барятинскаго.

— Пожалуйте къ фельдмаршалу.

Первое чувство, охватившее мою душу, была радость, смѣшан-

ная съ удивленіемъ, но затѣмъ я не могъ удержаться, чтобы не покатиться со смѣху: до такой степени былъ комиченъ этотъ удалый, красивый, съ простреленной грудью наѣздникъ, въ широкомъ бюргерскомъ сюртукѣ и цилиндрѣ.

Я побѣжалъ къ князю Барятинскому, и засталъ его лежащимъ на диванѣ въ щегольскомъ статскомъ платьѣ; фельдмаршальское пальто покрывало ему ноги, а у стѣны стоялъ костыль. Князь похудѣлъ и поблѣднѣлъ, что̀ дѣлало его чрезвычайно красивымъ; онъ попрежнему былъ любезенъ, шутилъ, но, не смотря на это, видно было, что его что-то заботило. Я просидѣлъ у него около часу, и въ ту же ночь уѣхалъ изъ Дрездена.

Въ 1873 году, пріѣхавъ въ Петербургъ на нѣсколько дней, мнѣ случилось еще разъ увидѣться съ княземъ. Онъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ и принялъ меня рано утромъ въ постели; въ комнатѣ было почти совсѣмъ темно, горѣла только лампа подъ абажуромъ, такъ что мнѣ невозможно было разсмотрѣть его, я могъ только замѣтить, что онъ пополнѣлъ и, повидимому, былъ въ хорошемъ расположеніи духа.

Прошло четыре года. По дорогѣ въ Кіевъ, я узналъ, что князь Барятинскій живетъ въ своемъ имѣніи Деревенькѣ, около Льгова, и свернулъ къ нему. Это было въ началѣ августа. Въ Деревенькѣ мнѣ сказали, что фельдмаршалъ уѣхалъ на охоту и возвратится часа черезъ три. Приготовивъ мундиръ и строевой рапортъ, я, въ ожиданіи возвращенія съ охоты, началъ что-то писать; время летѣло незамѣтно.

Вдругъ гдѣ-то раздался мягкій стукъ колесъ по усыпанной пескомъ аллеѣ, и вслѣдъ затѣмъ я услышалъ веселый голосъ князя Барятинскаго.

— Гдѣ же онъ? Здѣсь, вы говорите?—вслѣдъ за тѣмъ онъ самъ вошелъ въ комнату и крѣпко обнялъ меня.

Прекрасное впечатлѣніе произвела тогда его наружность: въ широкой синей блузѣ и высокой шляпѣ, загорѣлый, онъ имѣлъ видъ бодраго и здороваго старика, но вечеромъ за обѣдомъ впечатлѣнію этому суждено было разлетѣться въ прахъ. Генералъ-адъютантскій сюртукъ уже не скрывалъ сгорбленнаго стана, какъ блуза, отсутствіе шляпы обнаружило большую лысину и вообще было замѣтно, что онъ какъ-то осунулся, обрюзгъ; далѣе впечатлѣніе это сдѣлалось еще тягостнѣе: я замѣтилъ, что князь и нравственно осунулся, въ немъ явилась какая-то старческая безпомощность. Онъ пристрастился къ игрѣ въ пикетъ,—онъ, который постоянно смѣялся надъ картами. Въ тѣ минуты, когда онъ не игралъ, онъ разсказывалъ разныя побасенки и добродушно смѣялся, однако иногда онъ подолгу задумывался, и видно было, что его что-то заботило, но это не была та прежняя умственная работа, во время которой глаза его смотрѣли серьёзно и быстро, точно желая про-

никнуть сквозь завѣсу будущаго; теперь тусклые глаза смотрѣли какъ-то неопредѣленно и грустно, а порою онъ печально вздыхалъ.

Да, князь Барятинскій положительно опустился, и, кромѣ того, его что-то заботило.

Когда я сообщилъ это мое замѣчаніе В. А. Кузнецову, бывшему тогда адъютанту князя, то онъ мнѣ возразилъ, что я ошибаюсь.

— Это онъ здѣсь въ Деревенькахъ такой, а вотъ тамъ, въ Скерневицѣ—совсѣмъ другое дѣло,—говорилъ онъ.

Но это была неправда, и добрый В. А. Кузнецовъ или хотѣлъ разубѣдить меня, или, инстинктивно сознавая, что его любимый начальникъ теперь уже далеко не тотъ кавказскій орелъ, какимъ онъ всю жизнь свою привыкъ его видѣть, боялся самъ себѣ сознаться въ этомъ.

Князя Александра Ивановича просто грызла душевная тоска, происходившая отъ пустоты въ жизни,—пустоты, которой ему наполнить было нечѣмъ.

Въ старости человѣкъ живетъ, по бо̀льшей части, въ дѣтяхъ—ихъ у него не было; честолюбію добиваться было больше нечего, и разъ, что не стало служебнаго дѣла, могучей энергіи этого человѣка дѣваться было некуда, и она, не имѣя исхода и оставаясь въ немъ, разрушала его самого, слѣдствіемъ чего появилась душевная тоска; такъ, по крайней мѣрѣ, всегда бываетъ.

Ни ревматизмъ, ни подагра, ни самая изнурительная лихорадка, не дѣйствуютъ такъ губительно на организмъ, какъ эта тоска, происходящая отъ образовавшейся пустоты въ жизни.

Въ молодости если она и появляется, то не надолго; молодость—это такой мощный ключъ, который своею широкою струею способенъ забить всякую пустоту, въ старости же дѣло иное.

Я пробылъ въ Деревенькахъ трое сутокъ и разстался съ фельдмаршаломъ на этотъ разъ уже навсегда.

Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, какъ я сказалъ уже, по своимъ способностямъ былъ выдающійся человѣкъ, и человѣкъ добрый и хорошій; я могу говорить это прямо, безъ боязни быть заподозрѣннымъ въ пристрастіи, такъ какъ не принадлежу къ числу людей, сдѣлавшихъ блестящую карьеру подъ его начальствомъ. Много въ свое время праздные языки болтали о немъ всякаго вздору, но едва ли тысячная доля этого вздору была справедлива; такъ міръ уже устроенъ: каждый человѣкъ больше любитъ бранить, чѣмъ хвалить ближняго, и бранитъ онъ подчасъ людей, о которыхъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, съ страннымъ наслажденіемъ удесятеряя слышанную отъ другихъ и безъ того преувеличенную брань, точно будто онъ инстинктивно желаетъ этимъ путемъ уменьшить передъ самимъ собою свои собственные недостатки,

а если и похвалитъ какую нибудь выдающуюся личность, то тутъ же прикинетъ ее къ именамъ, стоящимъ въ области идеаловъ: «да, молодецъ, нечего сказать, но куда ему до Суворова», или: «пишетъ недурно, слова нѣтъ, а все не Тургеневъ», — указывая только на тѣ немногія имена, которыя стоятъ выше разбираемой личности, и не обращая вниманія на миріады людей, которые копошатся ниже ея.

Настоящій Кавказъ утратилъ свой прежній характеръ, и я смѣло могу сказать, что время, проведенное мною на немъ, было хорошее время.

П. Николаевъ.

ПЛАТОКЪ И ПЕРЧАТКА ЦЕСАРЕВНЫ.

I.

Ъ СОРОКОВЫХЪ годахъ, въ Петербургѣ, были два знаменитые слѣдственные пристава, Шерстобитовъ и Орловъ. О нихъ ходили легендарные разсказы. Раскрыть самыя темныя дѣла, распутать самые запутанные узлы, отыскать чуть не на днѣ морскомъ пропавшія драгоцѣнности — все это было имъ ни почемъ; появлялись они въ различныхъ костюмахъ, въ мужскихъ и женскихъ, гримировались безподобно, и потому очень немногіе знали ихъ въ лицо, а это еще болѣе придавало имъ загадочности. Много говорили о нихъ въ сороковыхъ годахъ, они были въ модѣ; но какъ мода на все проходитъ, рано или поздно, и объ нихъ перестали говорить и вскорѣ позабыли.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, мнѣ случилось быть въ Петербургѣ по дѣламъ. Остановился я у одного пріятеля, стараго холостяка, съ которымъ видались мы два раза въ сутки: утромъ и вечеромъ; одна зоря насъ выгоняла, а другая вгоняла, каждый бѣгалъ по своимъ дѣламъ, и мы другъ другу не мѣшали. Но вотъ однажды, утромъ, когда я уже собирался уйдти, пріятель, еще прохлаждавшійся въ халатѣ, остановилъ меня:

— А знаешь, что? — сказалъ онъ мнѣ: — если хочешь видѣть и познакомиться съ очень интересною личностью, приходи сегодня пораньше домой. У меня будетъ Алексѣй Павловичъ Орловъ... помнишь, тотъ знаменитый слѣдственный приставъ...

— Какъ не помнить... а что же онъ теперь собой изображаетъ? О немъ какъ-то перестали говорить.

— Давно уже въ отставкѣ, въ страшной нуждѣ и занимается, что называется, маклачествомъ;—самъ же иронически зоветъ себя адвокатомъ.

— Хорошо, непремѣнно приду.

Въ девять часовъ я вернулся и нашелъ уже Орлова. Хозяинъ насъ познакомилъ. Алексѣй Павловичъ былъ лѣтъ пятидесяти, небольшаго роста, кругленькій, живой, еще очень бодрый; волосы съ просѣдью, черты лица неправильныя, но нельзя сказать, чтобы уродливыя, очки, и изъ-подъ нихъ глядѣли чрезвычайно умные, черные глаза. Разговоръ завязался очень легко. Орловъ говорилъ мастерски, умѣлъ смѣшить, зналъ массу самыхъ разнообразныхъ анекдотовъ и могъ увлечь хоть кого. Заболтались мы чуть не до третьяго часу ночи.

Знакомство это чрезвычайно меня заинтересовало. Видно было изъ разсказовъ Орлова, что онъ зналъ ужасно много, изъ хроникъ нашихъ, такихъ вещей, которыя были извѣстны немногимъ. Началъ онъ свою службу мальчишкой еще, при знаменитомъ когда-то вельможѣ Александровскихъ и начала Николаевскихъ временъ, Александрѣ Львовичѣ Нарышкинѣ; былъ его домашнимъ секретаремъ, потомъ служилъ при театрѣ, затѣмъ перешелъ въ полицейскую службу и лѣтъ 10 состоялъ слѣдственныхъ дѣлъ приставомъ. Какія-то крупныя непріятности заставили его бросить службу. Въ моментъ начала нашего знакомства, онъ съ многочисленной и очень хорошо воспитанной семьей, состоявшей изъ трехъ дочерей красавицъ, сына и жены, переживалъ самую трудную полосу нужды.

Зайдя къ нему какъ-то одинъ разъ вечеромъ и проболтавъ опять до пѣтуховъ, а болѣе всего слушая его разсказы, черезъ нѣсколько дней я повторилъ снова свой визитъ, затѣмъ, что называется, повадился ходить зачастую. По вечерамъ онъ всегда былъ дома. И вотъ теперь пришелъ мнѣ на память одинъ его разсказъ, который считаю не безъинтереснымъ передать читателямъ.

II.

Зимой 184... года, — разсказывалъ Орловъ, — призвалъ меня однажды къ себѣ въ кабинетъ тогдашній оберъ-полицеймейстеръ Александръ Михайловичъ Галаховъ. По лицу его замѣтно было, что онъ встревоженъ. Когда я вошелъ, онъ плотно приперъ дверь и, вынувъ изъ бюро измятый батистовый платокъ, поднесъ мнѣ его къ самому носу, прибавивъ:

— Глядите хорошенько!

Я ничего не понялъ. Тогда онъ ткнулъ пальцемъ въ вензель платка. Всмотрѣвшись, я опять ничего не понялъ.

— Вензель цесаревны... платокъ найденъ вчера ночью въ театральномъ маскарадѣ... теперь поняли?—надо разузнать во что бы то ни стало, кто его обронилъ. Само собою разумѣется, не сама же цесаревна изволила быть въ маскарадѣ... дѣло рукъ какой нибудь женской личности изъ штата прислуги ея высочества. Это ясно, какъ божій день, а потому-то и надо непремѣнно выслѣдить эту личность. Черезъ часъ повезу платокъ въ Аничковскій дворецъ, доложу его высочеству цесаревичу, а вы зайдите ко мнѣ вечеромъ.

Ушелъ я отъ Галахова совсѣмъ озадаченный. Какъ тутъ слѣдить и какъ узнать что либо? Дворцы были недосягаемою для меня областію, кто тамъ эти женскія личности при гардеробѣ цесаревны? Все это было для меня потемками.

Вечеромъ Галаховъ сообщилъ мнѣ, что, когда онъ представилъ его высочеству платокъ и доложилъ, гдѣ онъ былъ найденъ, цесаревичъ вспылилъ и изволилъ при этомъ сказать: «все это происходитъ отъ чрезмѣрной доброты цесаревны къ своей прислугѣ; но я этого не потерплю». Съ этими словами цесаревичъ быстро вышелъ съ платкомъ на половину ея высочества, приказавъ Галахову ожидать его возвращенія въ кабинетъ. Прошло добрыхъ полчаса ожиданія; цесаревичъ вернулся, хотя и успокоившійся, но на лицѣ его замѣтны были слѣды неудовольствія.

— Хотя дворецъ мой,—изволилъ сказать цесаревичъ Галахову:— долженъ подавать примѣръ строгости законнаго преслѣдованія всякаго внутри его совершаемаго преступленія; но на этотъ разъ я ограничусь покуда домашними мѣрами. Прислуга цесаревны обѣщалась мнѣ сама, безъ всякой огласки, розыскать виновницу. Во всякомъ же случаѣ прошу васъ слѣдить и узнавать изъ-подъ руки.

Поблагодаривъ Галахова, онъ отпустилъ его.

Случилось это о святкахъ. Затѣмъ все смолкло; понятно, что никто ничего не зналъ, кромѣ Галахова да меня, а я секретъ умѣю держать. Думалъ, что все такъ и канетъ въ воду. Прошла зима, Святая, дворъ собирался переѣхать въ Царское. На Ѳоминой недѣлѣ, утромъ пришли ко мнѣ отъ Александра Михайловича Галахова: «просятъ пожаловать немедленно». У меня тогда было на рукахъ очень сложное дѣло на Пескахъ, зарѣзали старуху, богатую, прикидывавшуюся нищей и жившую въ какой-то лачугѣ. Преступленіе было совершено чрезвычайно искусно, нѣсколько подозрѣваемыхъ личностей заарестовано; но на настоящій слѣдъ мнѣ еще не удавалось попасть. Всѣ говорили объ этомъ загадочномъ убійствѣ, самъ государь живо интересовался, а потому Галаховъ не давалъ мнѣ покою, то самъ пріѣзжалъ ко мнѣ, а то звалъ къ себѣ. Я сталъ уже, наконецъ, огрызаться, такъ что, получивъ опять приглашеніе «немедленно пожаловать», пожаловалъ очень не въ духѣ, а, войдя въ кабинетъ генерала, первый сталъ говорить:

— Помилуйте, ваше превосходительство, вѣдь этакъ я ничего не могу сдѣлать... по нѣскольку часовъ въ день...

Но генералъ не далъ мнѣ докончить, припёръ опять дверь, схватилъ меня за руку, таинственно притянулъ къ бюро и, вынувъ оттуда черную лайковую перчатку, сунулъ ее мнѣ къ носу:

— Смотрите, перчатка опять цесаревны... и опять обронена вчера вечеромъ въ театральномъ маскарадѣ.

Мы долго стояли какъ ошеломленные. Бриллiантовая пуговка и вензель ясно говорили объ особѣ, которой принадлежала эта перчатка.

— Прежде чѣмъ везти ее во дворецъ, я призвалъ васъ посовѣтоваться. Везти мнѣ ее, или нѣтъ? Безъ особенной грусти я не могу вспомнить, на сколько огорчилъ я тогда платкомъ этого обожаемаго мною, самаго добрѣйшаго сердцемъ государя цесаревича. Видѣть его гнѣвъ было положительнымъ для меня несчастiемъ, а теперь опять... какъ вы думаете, не бросить ли... въ каминъ?

Генералъ сталъ ходить сильно взволнованный по кабинету. Прошло съ четверть часа, пока онъ успокоился. Мнѣнiе мое было непремѣнно везти. Онъ и самъ сознавалъ правильность его; но непрiятность такой обязанности на этотъ разъ его сильно угнетала. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уѣхалъ въ Аничковскiй дворецъ и приказалъ мнѣ ждать его возвращенiя въ кабинетѣ.

Прошло два часа. Дверь кабинета отворилась, вошелъ генералъ съ видомъ крайняго утомленiя.

— Ну, батюшка, Алексѣй Павловичъ, теперь не въ состоянiи ничего вамъ разсказывать. Одно только скажу, что цесаревичъ поручилъ мнѣ производить дознанiе въ своемъ дворцѣ, какъ въ частномъ домѣ. Сегодня же послѣ обѣда дворъ переѣзжаетъ въ Царское Село, а поэтому къ дознанiю можно приступить лишь послѣзавтра... Сюда, въ кабинетъ, будетъ ко мнѣ послѣзавтра, въ 6 часовъ вечера, камеръ-фрау цесаревны, Аграфена Степановна О....на. Отъ нея мы получимъ всѣ предварительныя, необходимыя свѣдѣнiя по этому загадочному дѣлу... прелестная дѣвушка... любимица цесаревны... смолянка, она при ней съ самаго замужества. Такъ потрудитесь пожаловать ко мнѣ сюда послѣзавтра, до шести часовъ...

Генералъ дружески пожалъ мнѣ руку, и мы разстались.

Въ назначенный день и часъ, я сидѣлъ въ кабинетѣ Галахова. Генералъ былъ сангвиникъ и потому постоянно волновался; теперь работала его мысль, какой планъ слѣдуетъ дать переговорамъ съ ожидаемой имъ особой; положенiе ея какъ камеръ-фрау, на которой лежала отвѣтственность въ сохранности всѣхъ вещей цесаревны, становилось чрезвычайно щекотливо; она была круглою сиротою, прекрасно училась, и государь самъ ее назначилъ къ цесаревнѣ. Соучастiе ея въ такомъ скандальномъ дѣлѣ казалось невѣроятнымъ. Генералъ былъ убѣжденъ, что эта штука — подвохъ, интрига

противъ нея. Его безпокоила мысль, какъ бы не оскорбить такую прекрасную дѣвушку какими нибудь неловкими вопросами.

— Нѣтъ, да ужъ лучше займитесь вы этими разспросами. Я чувствую, что не съумѣю...

Въ это время дежурный доложилъ о какой-то дамѣ, желающей видѣть генерала, то была О...на.

Вошла особа вся въ черномъ, съ густымъ вуалемъ. Когда она его приподняла, то я увидѣлъ очень миловидныя черты брюнетки лѣтъ 25. Галаховъ схватилъ обѣими руками ея маленькую ручку, усадилъ въ кресло и представилъ меня.

— Вотъ-съ, и я пріѣхала къ вамъ, ваше превосходительство,— начала она: — прямо изъ Царскаго... помогите мнѣ въ этомъ непріятномъ для меня дѣлѣ. Вы не можете себѣ представить, какіе два дня провела я по милости его... Тутъ выступили у нея слезы, и она поднесла къ лицу платокъ...

При этомъ приступѣ я замѣтилъ, что мой генералъ уже совершенно раскисъ. Слезъ женскихъ онъ не могъ видѣть, сталъ что-то говорить, утѣшать, обѣщать, и окончательно запутался... Чтобы привести его въ себя, я нарочно раскашлялся и заставилъ на себя взглянуть. Этотъ маневръ удался, и, промямливъ еще что-то, онъ далъ такое направленіе разговору:

— Вотъ, извольте видѣть, Аграфена Степановна, позвольте мнѣ имѣть честь представить вамъ Алексѣя Павловича; это ближайшій ко мнѣ человѣкъ, у меня отъ него секретовъ нѣтъ... Самъ отецъ семейства... три дочери... такого-же возроста, какъ и вы... онъ знаетъ, что такое честь дѣвушки и притомъ сироты... она... т. е. эта честь, для него дороже всего. Довѣрьтесь ему вполнѣ, я поручаю ему ваше дѣло. Знаете моя обязанность такъ многосложна, хлопотлива, что нѣтъ времени на все... Онъ особенно займется вашимъ дѣломъ. А теперь вы меня извините, что я оставлю васъ съ Алексѣемъ Павловичемъ... Мнѣ необходимо ѣхать.

Тутъ пошло раскланиванье, прощаніе, дружеское рукопожатіе, опять слезы, успокоеніе генераломъ, обѣщаніе все уладить, раскрыть... и, наконецъ-то, генералъ убрался.

Когда мы остались вдвоемъ съ Аграфеной Степановной, разстроенная происходившимъ сейчасъ прощаніемъ, она не на шутку расплакалась. Я предложилъ ей воды, она очень благодарила; въ кабинетѣ воды не оказалось, я самъ за нею вышелъ, спросилъ въ буфетѣ графинъ, стаканъ и флёръ д'оранжу, а въ то же время и сдѣлалъ на всякій случай распоряженіе, о которомъ скажу послѣ. Вода и флёръ д'оранжъ ее успокоили, я уговорилъ ее снять шляпку и увидѣлъ сидящею передъ собою очень красивую женщину. Разговоръ повелъ очень осторожно, мягко; говорили мы часа полтора, и вотъ что я узналъ.

Когда цесаревна Марія Александровна изволила прибыть въ

Петербургъ изъ Дармштадта, къ ней тотчасъ же была назначена камеръ-фрау Аграфена Степановна О...на, въ этомъ же году выпущенная изъ Смольнаго монастыря. Цесаревна вскорѣ осчастливила ее своимъ милостивымъ расположеніемъ и поручила ей всѣ свои вещи, привезенныя изъ Дармштадта. Съ годами привязанность великой княгини только упрочивалась къ Аграфенѣ Степановнѣ, и вотъ уже почти 6 лѣтъ, какъ она пользуется неограниченнымъ довѣріемъ ея высочества. Отношенія ея къ лицамъ, состоящимъ въ штатѣ двора цесаревны, всегда были очень далекія. Со всѣми всегда вѣжливая, ко всѣмъ доброжелательная, она ни съ кѣмъ не сближалась и въ этомъ предполагаетъ тайную причину недоброжелательства всѣхъ этихъ лицъ къ ней. Имъ завидна особенная къ ней милость цесаревны; люди такъ не добры, что они готовы на все, чтобы повредить изъ зависти. Когда зимой найденъ былъ платокъ въ маскарадѣ и эта первая исторія надѣлала ей страшную тревогу и огорченіе,—она переискала и пересмотрѣла всѣ вещи и, къ ужасу своему, увидѣла, что, между пропавшими нѣкоторыми вещами, исчезло и жемчужное колье, привезенное цесаревною изъ Дармштадта. Она все разсказала великой княгинѣ, и ея высочество, ни на минуту не усумнившись въ ея невинности, приказала предать все это забвенію: «колье ли, платокъ ли,—мнѣ все равно,—изволила прибавить ея высочество:—но объ этой исторіи больше ни полслова». Цесаревна велѣла перебрать внимательно всѣ вещи, сдѣлать имъ опись и хранить ихъ особенно тщательно. Все это было выполнено свято О...ной; прошло нѣсколько мѣсяцевъ, ея высочество снова возвратила ей свою милость, о пропажѣ не вспоминала, и она одна лишь постоянно о ней думала, увѣренная глубоко, что похититель рано или поздно откроется. Богъ не попуститъ такого злаго дѣла! И вдругъ теперь снова повтореніе съ перчаткою. Ясно, что она была вытащена въ то время, какъ цесаревна изволила одѣваться... комодъ былъ открытъ... ее похитили, чтобы подбросить въ маскарадѣ, и опять подвести камеръ-фрау.

Выслушавъ это длинное повѣствованіе, я просилъ Аграфену Степановну формулировать, всетаки, свои предположенія, подозрѣнія, если они у ней есть, указать на лицо подозрѣваемое; но она рѣшительно отъ этого отказалась и повторяла одно только:

— Да я никого изъ этихъ лицъ близко не знаю, вижу въ глазахъ ихъ постоянную на себя злобу, не слѣжу за ними и не хочу брать грѣха на душу. Я ни на кого изъ нихъ не могу вамъ указать.

— Въ такомъ случаѣ потрудитесь поименовать мнѣ всѣхъ состоящихъ въ женскомъ штатѣ цесаревны.

Аграфена Степановна это исполнила.

— Теперь могу сказать вамъ, Аграфена Степановна, что весьма благодарный за подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія, вами сообщенныя, постараюсь воспользоваться ими, на сколько хватитъ у меня

силъ и умѣнья, а вы покуда успокойтесь,—я поглядѣлъ на часы, было уже 9 часовъ:—вы, вѣроятно, поѣдете съ десятичасовымъ поѣздомъ?

— Нѣтъ, я останусь ночевать здѣсь, во дворцѣ, цесаревна мнѣ позволила, и вернусь завтра съ утреннимъ поѣздомъ.

— Въ такомъ случаѣ, я васъ не буду болѣе безпокоить и попрошу на всякій случай пожаловать завтра сюда же и въ тѣ же часы, т. е. такъ... около шести.

Я ее проводилъ до лѣстницы, она закрылась снова густымъ вуалемъ, и мы разстались.

Отъ самаго порога дома оберъ-полицеймейстера у меня установлено было наблюденіе затѣмъ, куда направится отсюда г-жа О...на. Это и было то самое распоряженіе, которое я сдѣлалъ, принося воду и флёръ д'оранжъ изъ буфета. Наблюденіе было поручено двумъ молодымъ людямъ, щегольски одѣтымъ, не внушающимъ ни малѣйшаго подозрѣнія на счетъ обязанности, ими выполняемой.

На другой день, въ половинѣ десятаго утра, одинъ изъ этихъ молодыхъ людей пришелъ ко мнѣ съ слѣдующимъ докладомъ.

— Выйдя изъ дома оберъ-полицеймейстера, О...на (которой фамиліи онъ, между прочимъ, не зналъ) прошла по Морской и повернула по Невскому. Тутъ оба агента, чередуясь стали приставать къ ней въ качествѣ ловеласовъ, она, конечно, ничего не отвѣчая уходила отъ нихъ, они ее оставляли на нѣкоторое время въ покоѣ и потомъ опять настигали. Дойдя до Аничкина моста, она повернула налѣво, по Фонтанкѣ дошла до Симеоновскаго моста, перешла его, направилась по Симеоновской улицѣ и тутъ вошла въ подъѣздъ третьяго отъ угла дома. Агентъ оставилъ ее на площадкѣ 3-го этажа, противъ дверей, въ которыя она позвонила. Самъ онъ показалъ видъ, что идетъ въ четвертый этажъ, и когда услышалъ, что дверь за ней захлопнулась, спустился на площадку и прочиталъ на двери: Марья Ивановна Шульцъ, акушерка. Затѣмъ, онъ внизу сталъ ожидать выслѣживаемую имъ особу. Но ожидать пришлось ее долго, всю ночь напролетъ; не чувствуя подъ собой ногъ отъ ходьбы, лишь въ половинѣ девятаго утра, увидѣлъ онъ ее вышедшею съ подъѣзда. Она взяла извозчика, онъ также, и прослѣдилъ ее до Царскосельскаго вокзала.

Это сообщеніе подняло меня на ноги съ постели, на которой я еще лежалъ, слушая агента.

Первымъ дѣломъ моимъ было направиться въ сыскную экспедицію и собрать тамъ свѣдѣнія о Марьѣ Ивановнѣ Шульцъ. Оказалась она отмѣченною, какъ принимающая тайныхъ рожениць, и какъ коммиссіонерша по займамъ у ростовщиковъ. Я почувствовалъ тогда подъ собою почву.

Черезъ полчаса былъ я у Марьи Ивановны. Приняла она меня очень величественно; но величіе разомъ исчезло, когда я ей на-

звалъ себя и объяснилъ, чего мнѣ отъ нея нужно. Рѣчи ея полились, какъ по маслу. «Почти годъ тому назадъ пріѣхалъ къ ней давно знакомый съ нею по практикѣ, гофъ-медикъ, акушеръ, Виткофъ. Онъ сообщилъ ей въ дружеской бесѣдѣ, что вскорѣ располагаетъ жениться и уже обрученъ съ камеръ-фрау цесаревны, Аграфеной Степановной О...ной; но какъ она сирота, то ему чрезвычайно трудно находить возможность имѣть съ нею свиданія. Родныхъ у ней близкихъ никого нѣтъ въ Петербургѣ, и потому онъ пріѣхалъ къ ней, Марьѣ Ивановнѣ, съ просьбою позволить ему имѣть свиданіе съ невѣстой у ней въ квартирѣ. Въ такой просьбѣ она не сочла возможнымъ отказать доктору, зная его за хорошаго человѣка, но, къ сожалѣнію, зная также, что у него есть и большой недостатокъ,—онъ былъ игрокъ. Съ ея разрѣшенія, въ сентябрѣ прошлаго года, у нея въ квартирѣ было первое свиданіе жениха съ невѣстой. Докторъ познакомилъ О...ну съ Марьей Ивановной. Съ тѣхъ поръ стали повторяться свиданія довольно часто. Мадамъ Шульцъ замѣтила, что невѣста была болѣе влюблена, чѣмъ женихъ; онъ подъ разными предлогами оттягивалъ свадьбу, ссылаясь на недостаточность средствъ для устройства обстановки, какой бы онъ желалъ. Деньги откуда-то ожидалъ, а покуда бывалъ постоянно безъ денегъ. Дошло это до того, что ихъ стала приносить къ нему г-жа О...на. Случилось одинъ разъ, что онъ не пришелъ на назначенное свиданіе; невѣста долго ожидала и очень грустная ушла, поручивъ сказать жениху, что будетъ черезъ три дня. Чрезъ три дня они свидѣлись, докторъ ей что-то очень много шепталъ; разставаясь, они сказали г-жѣ Шульцъ, что будутъ завтра же, опять. При этомъ новомъ свиданіи О...на принесла съ собой какой-то футляръ, они позвали г-жу Шульцъ къ себѣ въ комнату и показали ей жемчужное колье, очень дорогое. Докторъ просилъ указать ему какого нибудь надежнаго человѣка, который бы далъ подъ залогъ этой вещи пять тысячъ; оно стоитъ, по крайней мѣрѣ, 30 тысячъ. Марья Ивановна указала на одного голландца, къ нему поѣхалъ вмѣстѣ съ нею докторъ, голландецъ безъ возраженій ссудилъ требующуюся сумму, выдалъ квитанцію, и они вернулись. Залогъ дѣлался на одинъ мѣсяцъ; докторъ обѣщалъ вернуть деньги гораздо раньше. Потомъ свиданія участились, и женихъ съ невѣстой ѣздили отъ мадамъ Шульцъ въ театръ и въ маскарадъ».

Показаніе Марьи Ивановны были драгоцѣнно, оно выложило на столъ все дѣло. Ясно было, что влюбленная до безумія, немолодая уже дѣвушка, дала себя опутать негодяю и даже пошла на преступленіе.

Марья Ивановна повезла меня къ голландцу; у него взято было ожерелье подъ мою квитанцію, самъ онъ приглашенъ въ домъ оберъ-полицеймейстера, куда направлена была и Марья Ивановна,

а особый полицейскій чиновникъ командированъ къ гофъ-медику Виткофу съ вызовомъ туда же.

Во второмъ часу, я вошелъ въ кабинетъ генерала и сообщилъ ему все добытое. Не могу передать всего его изумленія, вызваннаго моимъ разсказомъ. Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ невиновности дѣвушки, и тутъ приходилось разочаровываться. Впрочемъ, какъ ни была она виновна, но дѣйствительно вызывала къ себѣ искреннее сожалѣніе.

— Ну, такъ что же намъ теперь дѣлать?—началъ онъ, послѣ нѣкоторой паузы.

— А подождемте ея пріѣзда. Виткофъ, г-жа Шульцъ и голландецъ — всѣ тутъ и разсажены по разнымъ кабинетамъ. Вопросъ состоитъ теперь лишь въ ея сознаніи,—подтвердитъ она всѣ несомнѣнные, собранные факты, и тогда надо будетъ ее задержать, а вамъ ѣхать въ Царское съ докладомъ къ цесаревичу. Боюсь, однако, чтобы она не заперлась, тогда скверно... начнется возня.. очныя ставки... бррр...

— Да, вы такой молодецъ, Алексѣй Павловичъ, что придумаете какой нибудь фортель, чтобы вызвать сознаніе.

— А вотъ думаю и все не могу придумать... развѣ вотъ что: когда она пріѣдетъ и я стану съ ней говорить,—будьте, ваше превосходительство, въ сосѣдней комнатѣ и слушайте все. Въ извѣстный моментъ, въ какой именно—теперь не могу сказать, вы мнѣ понадобитесь... и должны будете появиться въ кабинетѣ... Сигналъ я вамъ дамъ, кашлянувъ три раза. Тогда входите... тихо, плавно, не торопясь... ну, вотъ и все покуда. А теперь отпустите меня.

Въ шесть часовъ и нѣсколько минутъ, доложили мнѣ, что пожаловала вчерашняя дама. Я приказалъ просить. Вошла О...на. Послѣ обычныхъ привѣтствій, мы сидѣли на вчерашнихъ же мѣстахъ.

— Вы рано изволите уѣхать сегодня въ Царское?—началъ я.

— Съ первымъ, девятичасовымъ поѣздомъ.

— А ночь, вѣроятно, провели не совсѣмъ покойно?

— Отчего же?

— Знаете — пустота, большой дворецъ.

— Да, вы говорите правду: я долго не могла заснуть отъ этой тишины и пустоты. Притомъ же и это дѣло... не скажете ли вы мнѣ чего нибудь утѣшительнаго?...

— Покуда ничего особеннаго. Впрочемъ... знаете, Аграфена Степановна... я вѣдь сказалъ вамъ вчера, у меня такія же, какъ вы, три дочери... а вы не хотите мнѣ вполнѣ довѣриться.

Она съ удивленіемъ взглянула на меня, большими глазами.

— Вы не хотите быть со мною вполнѣ откровенной...

— Я васъ не понимаю...

— Да, вотъ, напримѣръ... вы говорите, что ночевали во дворцѣ... а между тѣмъ... вы ночевали не тамъ.

— Какъ вы смѣете мнѣ это говорить! — она вся вспыхнула и быстро встала.

— Ахъ, Боже мой! Аграфена Степановна, — сказалъ я ей, схвативъ ее за обѣ руки... — не портите себѣ... я вѣдь все знаю, — началъ я шепотомъ... — вы ночевали у Марьи Ивановны Шульцъ.

Она вырвалась изъ моихъ рукъ и стала въ величественную позу, вся блѣдная.

— Какая низость, оскорблять женщину! Кто могъ вамъ сказать такую подлую ложь?

Сама Рашель не могла произнести съ бо̀льшимъ эффектомъ этихъ словъ. Бѣда, право, съ женщинами; онѣ часто могутъ огорошить всякаго изъ насъ, и я чуть не выскочилъ изъ своей патетически—сладенькой роли.

— Аграфена Степановна, — началъ я опять слезливо: — вы губите себя, повторяю вамъ. Этотъ человѣкъ не стоитъ васъ, онъ надъ вами все время издѣвался...

— Это еще что?... какой человѣкъ... кто издѣвается?

Глаза у нея блестѣли.

— Вы меня заставляете говорить... не знаете, какъ это мнѣ больно... Но извольте... я говорю о докторѣ Виткофѣ. Мнѣ вѣдь все извѣстно, онъ васъ погубилъ.

Она вся дрожала, держась руками за кресло, и съ жадностію меня слушала; я вдругъ зачастилъ.

— Онъ склонилъ васъ на взятіе ожерелья цесаревны, увѣривъ васъ, что вернетъ вамъ черезъ нѣсколько дней; оно осталось у голландца... онъ не могъ выкупить... вы запутались. Теперь все это въ моихъ рукахъ; вотъ ожерелье, — при этихъ словахъ я вынулъ его изъ кармана...

Она вскрикнула и упала въ обморокъ. Я успѣлъ поддержать ее и положилъ на диванъ. Въ кабинетѣ у меня все было припасено на этотъ случай: соли, капли, вода, флеръ д'оранжъ, даже мускусъ... Я никого не хотѣлъ звать и справился одинъ. Разстегнулъ ей платье, снялъ шляпку, наконецъ, привелъ въ чувство. Возился съ нею уже съ полчаса, и тогда только она стала плакать и говорить отрывисто: «Боже мой! за что Ты меня такъ наказалъ».

— Аграфена Степановна, ради священной памяти вашихъ родителей, ради привязанности вашей къ цесаревнѣ... смягчите свое сердце и довѣрьтесь людямъ, желающимъ вамъ искренно одного лишь добра. — Тутъ я три раза кашлянулъ. Галаховъ показался въ дверяхъ. — Довѣрьтесь этому человѣку, скажите ему, что вы виноваты, снимите съ души своей грѣхъ... Посмотрите, сколько доброты на этомъ благородномъ лицѣ.

Она не выдержала и съ рыданіемъ бросилась въ объятія генерала. — «Виновата... да, я виновата», — были ея слова, и съ ней сдѣлался вторично обморокъ.

Не стану вамъ говорить о дальнѣйшихъ подробностяхъ.

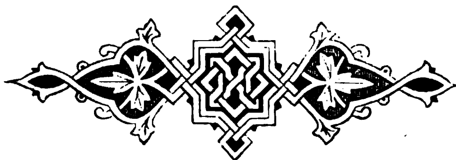
Кончилось все тѣмъ, что какая-то неизвѣстная мнѣ монашеская обитель приняла въ лоно свое несчастную Аграфену Степановну; гофъ-медикъ Виткофъ былъ выключенъ изъ службы и высланъ; Марьѣ Ивановнѣ и голландцу сдѣлано было строжайшее внушеніе.

— А что, небось, интересная исторія, — заключилъ Алексѣй Павловичъ. — Да, другой разъ разскажу вамъ и еще поинтереснѣе...

— Чтò же вы получили за такое быстрое раскрытіе?..

— Цесаревичу угодно было видѣть меня самого. Повезъ меня Галаховъ въ Царское.. Получилъ я перстень, а цесаревна женѣ пожаловала фермуаръ... да вотъ въ прошломъ году они оба пропали... въ ломбардѣ...

К. Вороздинъ.



СТЕПАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШЕШКОВСКІЙ

(1727—1794).

Біографическій очеркъ.

НАЧЕНІЕ Шешковскаго во внутренней политикѣ прославленнаго «золотаго» вѣка Екатерины II представляется фактомъ на столько выдающимся, что на немъ нельзя не остановиться.

Либеральная, гуманная Екатерина, поклонница и другъ философовъ, Екатерина, написавшая Наказъ, и—Шешковскій... Какой рѣзкій, поражающій диссонансъ слышится въ сопоставленіи этихъ двухъ именъ, а между тѣмъ оказывается, что по силѣ причинъ, направлявшихъ событія, они столь же неразрывны, какъ неразрывны съ именемъ Екатерины и имена главныхъ ея сподвижниковъ: Паниныхъ, Орловыхъ, Потемкина, Румянцова, Безбородка, Суворова и проч. Если дѣянія послѣднихъ способствовали императрицѣ заслужить у современниковъ и потомства названіе «Великой», то Шешковскій оберегалъ ее отъ всего того, что могло повредить въ обществѣ этой репутаціи, отъ всего, что могло бросить тѣнь на это величіе и, такъ сказать, дискредитировать его въ общественномъ мнѣніи. Такова, по крайней мѣрѣ, была служебная миссія, возложенная на него Екатериной. Была ли цѣль достигнута, или, напротивъ, самый фактъ созданія роли Шешковскаго послужилъ къ умаленію славы государыни,—это вопросъ другой.

Личность Шешковскаго еще недостаточно ясно очерчена въ нашей исторической литературѣ: причина тому, конечно, недоста-

токъ фактическаго матеріала. Мы знаемъ о немъ лишь нѣсколько анекдотовъ, дошедшихъ по преданію, и нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній о служебной его дѣятельности и—только; даже не отысканъ еще до сихъ поръ послужной его списокъ. А между тѣмъ время идетъ... 12 мая 1884 года исполнилось уже девяносто лѣтъ со дня смерти Шешковскаго. Едва ли теперь найдутся современники его, которые могли бы что нибудь передать о немъ; остается ожидать (слабая надежда!)—не появится ли типичная фигура его въ чьихъ нибудь мемуарахъ, но до сихъ поръ и эти ожиданія остаются тщетными.

Въ виду такого скуднаго запаса данныхъ для полной біографіи Шешковскаго, намъ кажется, что всякое новое свѣдѣніе о немъ не можетъ не возбуждать интереса въ любителяхъ историческаго чтенія. Нѣсколько такихъ свѣдѣній, относящихся къ семьѣ Шешковскаго и годамъ первой его молодости — періода наименѣе извѣстнаго—намъ удалось отыскать въ архивѣ министерства юстиціи. Пользуясь ими и приводя ихъ въ связь съ тѣми извѣстіями, которыя находимъ разбросанными въ различныхъ изданіяхъ, мы въ предлагаемомъ очеркѣ дѣлаемъ попытку воспроизвести нравственный образъ этого усерднѣйшаго слуги императрицы Екатерины, стяжавшаго у современниковъ своихъ такую извѣстность, что имя его было знакомо и старому, и малому...

I.

Происхожденіе Шешковскихъ.—Дѣдъ, отецъ и братья Степана Шешковскаго.—Его дѣтство и воспитаніе.—Поступленіе на службу.—Назначеніе его въ московскую контору тайныхъ розыскныхъ дѣлъ.

Предки Шешковскаго были поляки; они жили и кончали вѣкъ свой въ Гроднѣ. Дѣдъ его жилъ тамъ же, но, служа въ войскѣ, онъ въ одну изъ нашихъ войнъ съ Польшею былъ взятъ въ плѣнъ и, оставшись въ Россіи, попалъ какъ-то въ число дворцовой прислуги Петра Великаго.

Такъ разсказывалъ о своемъ родѣ отецъ Степана Шешковскаго, Иванъ Емельяновъ, давая о себѣ въ 1752 году «сказку» въ герольдмейстерской конторѣ.—«Слыхалъ я,—говорилъ онъ:—отъ отца своего Емельяна Семенова сына Шешковскаго, что прадѣдъ и дѣдъ его были природные польской націи города Гродна, а какъ прадѣда и дѣда его звали, того сказать не знаю, и тамъ померли, а оный отецъ мой въ прошлыхъ годахъ во время происходившей между Россіей и польскою короною войны взятъ въ полонъ и былъ

въ службѣ при домѣ блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго комнатнымъ постельнымъ сторожемъ и въ прошлыхъ годѣхъ помре»...[1]).

Къ какому сословію принадлежали Шешковскіе въ Польшѣ—къ мелкой ли шляхтѣ, или просто къ мѣщанамъ, когда именно Емельянъ Семеновъ попалъ въ плѣнъ, въ какомъ году умеръ и оставался ли онъ въ Россіи католикомъ, или принялъ православіе,—ничего этого неизвѣстно, но сынъ его и внуки были уже православнаго исповѣданія,—Степанъ былъ даже очень набоженъ, какъ увидимъ потомъ...

Такъ водворилась въ нашемъ отечествѣ фамилія Шешковскихъ, возвысившаяся до степени дворянства. Виновникомъ этого возвышенія былъ Степанъ Шешковскій, второй сынъ подканцеляриста Ивана Емельянова и Мавры Лукиной.

Мы должны прежде сказать о старикѣ Шешковскомъ, такъ какъ не можемъ допустить мысли, чтобы такой опытный человѣкъ, прошедшій, какъ говорится, огонь и воду, могъ оставаться безъ вліянія и особеннаго руководительства въ служебной карьерѣ своихъ сыновей.

О немъ мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія: «Обрѣтался онъ при дѣлахъ въ разныхъ мѣстахъ, а именно: съ 1709 по 1713 годъ въ ижорской канцеляріи копіистомъ; съ 1713 по 1714 въ судномъ приказѣ купеческихъ дѣлъ, а изъ того приказа взятъ въ московскую губернскую канцелярію для посылокъ съ денежною казною на дачу лейбъ-гвардіи на Семеновскій полкъ, съ которою и былъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ Абовѣ и Нейнштадтѣ по 1716 годъ и, по отдачѣ той казны, съ данною ему въ пріемѣ той роспискою, явился въ московской губернской канцеляріи и въ томъ же 1716 году былъ при дѣлахъ въ земскомъ приказѣ по 1719 годъ, а изъ онаго приказа съ прочими приказными служителями въ томъ 1719 году, по присланному изъ Сенктъ-Петербурга указу, высланъ былъ въ юстицъ—коллегію къ дѣламъ и того жъ году, по прошенію его, отъ оной коллегіи отпущенъ попрежнему въ земскій приказъ при указѣ жъ, въ которомъ при дѣлахъ и былъ по 1722 годъ, а въ томъ году взятъ изъ того приказа въ правительствующій сенатъ, гдѣ и былъ по 1724 годъ копіистомъ же, а въ томъ году, по прошенію его, отосланъ въ московскій магистратъ при указѣ подканцеляристомъ и былъ въ томъ магистратѣ по 1727 годъ и изъ того магистрата взятъ въ высокій сенатъ, а изъ онаго посланъ былъ въ Нижній Новгородъ для слѣдствія той губерніи о вице-губернаторѣ Ржевскомъ, въ которомъ и находился при дѣлахъ по 1731 годъ и отъ того слѣдственнаго дѣла уволенъ въ Москву и явился въ правительствующемъ сенатѣ, изъ котораго съ награжденіемъ ранга,

[1]) Дѣла Герольдмейстерской конторы, кн. № 892, листъ 593.

по желанію его, отосланъ въ судный приказъ канцеляристомъ [1]), а изъ того посланъ въ Санктъ-Петербургъ и былъ при переписи Ингерманландіи душъ по 1733 годъ въ Санктпетербургскомъ и Шлютенбургскомъ уѣздахъ, а по окончаніи той переписи, отъ главной переписной канцеляріи при доношеніи отосланъ въ правительствующій сенатъ, а изъ онаго отпущенъ въ Москву и былъ при дѣлахъ въ московскомъ магистратѣ по 1735 годъ, а изъ того взятъ въ генеральную счетную коммиссію, а потомъ былъ при дѣлахъ въ канцеляріи коннаго набора и, по окончаніи того, отосланъ въ правительствующій сенатъ, въ 1739 году; изъ онаго сената отосланъ къ дѣламъ въ ямскую контору, гдѣ и былъ по 1744, а того году въ мартѣ мѣсяцѣ, по желанію его, отосланъ при указѣ изъ каморъ-коллегіи въ московскую помѣрную таможню» [2]).

Въ помѣрной таможнѣ Иванъ Шешковскій оставался болѣе 7 лѣтъ. Ему шелъ уже седьмой десятокъ [3]), и болѣе сорока лѣтъ провелъ онъ на службѣ. Въ 1751 году, «за старостію и маловидѣніемъ», сталъ онъ проситься въ отставку и былъ уволенъ съ награжденіемъ ранга коллежскаго регистратора. Въ выданномъ ему аттестатѣ сказано, что онъ, «Шешковскій, находился въ той таможнѣ добропорядочно и въ штрафахъ, и въ наказаніяхъ, и въ подозрѣніяхъ не бывалъ и никакихъ дѣлъ до него не касается... и за многолѣтнюю его безпорочную службу, по силѣ генеральнаго регламента, награжденъ рангомъ коллежскаго регистратора»...

Награда эта почему-то не удовлетворяла Ивана Шешковскаго. Въ январѣ 1752 года, онъ подалъ на высочайшее имя челобитную, въ которой упоминается о службѣ отца «при домѣ предковъ ея величества» и что самъ онъ еще въ 1709 году «по желанію своему былъ опредѣленъ въ приказный чинъ и имѣлся при дѣлахъ ея императорскаго величества въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ по 1751 годъ безпорочно», просилъ «за долговременную его черезъ сороколѣтнюю при дѣлахъ ея императорскаго величества безпороч-

---

[1]) Опредѣленіе это состоялось вслѣдствіе челобитной, поданной Шешковскимъ въ августѣ 1731 года на высочайшее имя, въ которой, объясняя крайнюю свою бѣдность, просилъ: «Съ прошлаго 1715 года, службу я нижайшій в. и. в—ству въ разныхъ канцеляріяхъ по 1728 (отправлялъ), а съ 1728 года по опредѣленію высокаго сената посланъ я былъ въ Нижегородскую губернію при господинѣ подполковникѣ князѣ Семенѣ Гагаринѣ для слѣдствія по дѣламъ той губерніи, и нынѣ тѣ слѣдственныя дѣла кончились, и для того изъ нижегородской губернской канцеляріи отпущенъ я былъ въ Москву, а къ дѣламъ никуда не опредѣленъ, отчего имѣю всеконечную скудость, что и дневной пищи не имѣю. Всемилостивѣйшая государыня императрица! прошу в. и. в—ство, да повелитъ державство ваше опредѣлить меня нижайшаго въ судный приказъ за многія мои службы канцеляристомъ» (Д. Г. К., кн. № 128, л. 110).

[2]) Д. Г. К., кн. № 392, л. 594—595.

[3]) Въ 1752 году, онъ показывалъ въ герольдм. конторѣ, что ему отъ роду 63 годъ.

ную службу всемилостивѣйше пожаловать—наградить его рангомъ армейскаго поручика».

Скучалъ ли Шешковскій въ отставкѣ безъ привычной ему дѣятельности, или по другимъ какимъ соображеніямъ, но только онъ опять сталъ проситься на службу, хотя еще и 10 мѣсяцевъ не прошло, какъ за старостію и маловидѣніемъ просилъ онъ увольненія отъ дѣлъ. Провѣдавъ, что бухгалтеры большой таможни Сергѣй Козьминъ и Никита Дубенскій за различныя злоупотребленія отрѣшены отъ должностей и отданы подъ слѣдствіе, онъ, въ апрѣлѣ 1752 году, подалъ челобитную на высочайшее имя. «Въ прошломъ 1751 году,—писалъ онъ,—по прошенію моему и по опредѣленію государственной каморъ-коллегіи за очною моею болѣзнію отъ дѣлъ московской помѣрной таможни (я) уволенъ, и о увольненіи меня правительствующаго сената въ герольдмейстерскую контору изъ вышеписанной каморъ-коллегіи прислана промеморія, а нынѣ я, именованный, отъ той своей болѣзни имѣю свободу и желаю быть при дѣлахъ вашего императорскаго величества въ московской большой таможнѣ бухгалтеромъ»...

Дѣло, однако же, съ бухгалтерами Козьминымъ и Дубенскимъ какъ-то уладилось, и Шешковскій въ большую таможню опредѣленъ не былъ.

Но старикъ, какъ видно, былъ не изъ тѣхъ, которые при неудачѣ складываютъ руки и ждутъ у моря погоды. Недаромъ же онъ втеченіе 40 лѣтъ терся по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ и Москвы, и Петербурга: его способности, дѣловитость и усердіе, какъ можно заключить изъ вышеприведенныхъ свѣдѣній о его службѣ, не разъ обращали на него вниманіе начальства, выражавшееся въ различныхъ командировкахъ и назначеніяхъ то къ тѣмъ, то къ другимъ дѣламъ. Статочное ли дѣло, чтобы, вращаясь, при такихъ условіяхъ, въ кипучемъ водоворотѣ службы, онъ не искалъ и не находилъ участія къ себѣ «милостивцевъ», и они несомнѣнно у него были. Давая въ герольдмейстерской конторѣ сказку, на вопросъ о мѣстожительствѣ Шешковскій отвѣчалъ, что «въ Санктъ-Петербургѣ живетъ онъ въ домѣ его графскаго сіятельства Александра Ивановича Шувалова, близь Синяго моста».

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ Шешковскій подавалъ челобитную объ опредѣленіи его бухгалтеромъ, изъ главной полицмейстерской канцеляріи вышло распоряженіе о назначеніи его полицеймейстеромъ въ городъ Владиміръ, но какъ въ то же время въ сенатѣ было получено представленіе коломенскаго магистрата о непорядочныхъ поступкахъ и продерзостяхъ коломенской полицейской конторы полицеймейстера Звѣркова, то распоряженіе это было отмѣнено, и въ герольдмейстерскую контору изъ главной полицмейстерской канцеляріи была послана промеморія слѣдующаго содержанія: «Понеже по опредѣленію главной полицмейстерской

канцеляріи велѣно обрѣтающагося нынѣ при оной конторѣ не у дѣлъ регистратора Ивана Шешковскаго, о которомъ изъ оной конторы справкою показано, что онъ просилъ въ той конторѣ о награжденіи его за службу рангомъ, отправить въ городъ Коломну для слѣдствія по представленію коломенскаго магистрата о непорядочныхъ коломенской полицейской конторы полицмейстера капитана Звѣркова поступкахъ и продерзостяхъ и, по пріѣздѣ его туда, онаго Звѣркова затѣмъ подозрѣніемъ отъ правленія полицейскихъ дѣлъ отрѣшить, а исправленіе во время того слѣдствія имѣть, что до полицейской должности принадлежитъ по указамъ и инструкціи, означенному Шешковскому и о томъ его, Шешковскаго, опредѣленіи въ оную герольдмейстерскую контору во извѣстіе послать промеморію, и правительствующаго сената герольдмейстерская контора да благоволитъ быть о томъ извѣстна»[1]).

И вотъ Иванъ Шешковскій опять «у дѣлъ»...

Въ вѣдомости о лицахъ, служившихъ въ вѣдѣніи главной полицмейстерской канцеляріи, присланнной изъ нея въ 1754 году, въ герольдмейстерскую контору, о немъ сказано: «...опредѣленъ для исправленія дѣлъ въ городъ Коломну тѣмъ же рангомъ, въ которомъ при коломенской полицмейстерской конторѣ, въ должности полицмейстера обрѣтается и понынѣ безъ жалованья». Дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ нѣтъ; видно только, что сынъ его, Степанъ Ивановъ Шешковскій, представляя, въ 1767 году, въ вотчинную коллегію купчія, выданныя на имя отца его, полицеймейстера города Коломны Ивана Емельянова Шешковскаго, просилъ по тѣмъ купчимъ имѣнія за нимъ записать и отказать. Слѣдовательно, старикъ Шешковскій умеръ въ шестидесятыхъ годахъ.

Перечитывая длинную вереницу различныхъ учрежденій и присутственныхъ мѣстъ, въ которыхъ болѣе полувѣка подвизался Иванъ Шешковскій, въ воображеніи легко создается представленіе той житейской, практической опытности, какую онъ долженъ былъ пріобрѣсти на службѣ и при помощи которой въ преклонныхъ уже годахъ могъ еще тянуть полицейскую лямку, не получая никакого вознагражденія отъ правительства. Въ 1742 году, когда онъ служилъ канцеляристомъ въ ямской конторѣ, у него въ Москвѣ, на Кисловкѣ, въ приходѣ церкви Ризъ-Положенія, былъ собственный домъ и трое дворовыхъ людей[2]). Здѣсь трудолюбиваго и усерднаго къ службѣ Ивана Емельянова окружала многочисленная семья его, состоявшая изъ жены, трехъ сыновей, дочери, находившейся въ замужествѣ за сенатскимъ подканцеляристомъ Аѳанасіемъ Ларіоновымъ Некрасовымъ, и трехъ дѣтей послѣдняго[3]).

---

[1]) Д. Г. К., кн. № 392, л. 606.

[2]) Кромѣ того, онъ имѣлъ въ Тверскомъ уѣздѣ помѣстной земли 36 четвертей, полученныхъ имъ въ приданое за женой Маврой Лукиной.

[3]) Изъ исповѣдныхъ вѣдомостей Ризположенской церкви (арх. моск. духовн.

Младшій сынъ его, Михаилъ умеръ на 16 году возроста; старшій, Тимоѳей, съ малолѣтства былъ боленъ. Будучи въ 1737 году 11 лѣтъ отъ роду представленъ на смотръ, онъ «за очною болѣзнію» получилъ по указу сената паспортъ и «отставленъ на свое пропитаніе», послѣ чего долгое время оставался безъ службы, и только съ назначеніемъ отца его полицеймейстеромъ въ Коломну, тамъ же видимъ и Тимоѳея Шешковскаго въ должности коммиссара тамошней воеводской канцеляріи. Въ 1760 году, онъ подавалъ на высочайшее имя челобитную, въ которой прописывалъ: «Въ прошломъ 1755 году марта 29-го дня, по указу в. и. в—ства правительствующаго сената, за понесенные мною будучи при коломенской воеводской канцеляріи въ должности коммиссара труды и безпорочную службу произведенъ я, именованный, въ коллежскіе регистраторы и опредѣленъ попрежнему къ той же должности, гдѣ и понынѣ нахожусь безъ всякаго пороку и положенныя на меня разныя дѣла исправляю со всякимъ усердіемъ безъ полученія в. и. в—ства жалованья, чего ради о добропорядочной моей и безпорочной службѣ отъ той коломенской воеводской канцеляріи и аттестатъ имѣю». Тимоѳей Шешковскій просилъ: «за долговременную, безъ полученія жалованья, и безпорочную службу, рангомъ наградить». Въ выданномъ изъ воеводской канцеляріи аттестатѣ сказано, что Тимоѳей Шешковскій при добропорядочномъ отправленіи своей должности «бывалъ въ разныхъ отъ канцеляріи посылкахъ для исправленія по большимъ столбовымъ дорогамъ дорôгъ и на нихъ мостовъ и гатей и верстовыхъ столбовъ и сыску и искорененія въ Коломенскомъ уѣздѣ воровъ и разбойниковъ и неуказныхъ винныхъ куреней и корчемствъ и имѣлъ смотрѣніе надъ отписными на ея имп. в—ства разныхъ вотчинъ и въ сборѣ съ нихъ казенныхъ доходовъ и для осмотру и описи оброчныхъ пустыхъ по канцелярскому сбору статей и для препровожденія марширующихъ чрезъ Коломну и уѣздъ Коломенскій полковъ и разныхъ командъ и слѣдующихъ драгунскихъ и кирасирскихъ полковъ лошадей, на своемъ собственномъ коштѣ, безъ жалованья; въ преступленіяхъ и штрафахъ не бывалъ и за показанные его добропорядочные поступки награжденъ быть достоинъ». Тимоѳей Шешковскій, указомъ сената, былъ награжденъ рангомъ армейскаго подпоручика [1]). Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

конс.) видно, что семья Шешковскаго состояла изъ слѣдующихъ лицъ: жена его Мавра Лукина; сыновья: Тимоѳей, Степанъ и Михаилъ; дочь Пелагея въ замужествѣ за подканцеляристомъ Некрасовымъ и дѣти послѣдняго Михаилъ, Екатерина и Елена.

[1]) Д. Г. К., кн. № 489, л. 360—364. Такимъ образомъ оказывается, что въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія полицейская власть въ Коломнѣ и ея уѣздѣ находилась въ рукахъ Шешковскихъ — отца и сына, служившихъ безъ жалованья.

Удачнѣе пошла служба третьяго сына—Степана. Начавъ ее, какъ и отецъ, съ самой низшей степени приказныхъ должностей, онъ «прослужилъ отечеству 56 лѣтъ»[1]) и умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника, кавалеромъ ордена св. Владиміра 2 ст., съ такими матеріальными средствами, о кототорыхъ отцу его, конечно, и не грезилось.

Степанъ Шешковскій родился въ 1727 году[2]). Когда онъ началъ подростать, его стали обучать грамотѣ съ единственною, конечно, цѣлью проложить ему дорогу въ какое нибудь присутственное мѣсто. Между тѣмъ, въ маѣ 1736 года, былъ объявленъ именной указъ, чтобы «офицерскимъ, дворянскимъ и противъ всякаго званія служилымъ и подьяческимъ дѣтямъ отъ 7 лѣтъ и выше, явиться въ С.-Петербургѣ у герольдмейстера и малолѣтнихъ записывать въ школы и обучать грамотѣ и прочимъ наукамъ, кто къ чему охоту возъимѣетъ»[3]). Указъ этотъ публиковался и прежде, но по общей безурядицѣ не исполнялся... Теперь онъ снова былъ объявленъ съ строгимъ требованіемъ непремѣннаго исполненія. Вслѣдствіе этого въ герольдмейстерскую контору и другія указанныя мѣста стали стекаться заявленія родителей о запискѣ дѣтей ихъ въ ученье, «кто къ чему охоту имѣетъ».

Большинство родителей того сословія, къ которому принадлежалъ отецъ Шешковскаго, заявило о желаніи обучать сыновей ихъ «письменной наукѣ», «приказнымъ дѣламъ», почему и просили: одни—оставить сыновей при нихъ дома, пока они «къ приказнымъ дѣламъ способны будутъ», другіе—чтобы «для обученія приказныхъ дѣлъ опредѣлить ихъ въ какую коллегію или канцелярію»[4]).

---

[1]) Надпись на могильномъ памятникѣ Шешковскаго въ Александро-Невской лаврѣ.

[2]) Въ надписи на могильномъ памятникѣ сказано: «Житія его было 74 года, 4 мѣсяца, 22 дня». По разсчету выходитъ, что Шешковскій родился 20 ноября 1720 года. Между тѣмъ, по показанію отца его, поданному въ герольдмейстерскую контору въ 1736 году, сыну его, Степану, было тогда 9 лѣтъ; по исповѣдной вѣдомости за 1742 года, Степану Шешковскому показано 15 лѣтъ; въ 1752 годъ, Иванъ Шешковскій въ герольдмейстерской конторѣ показывалъ: «дѣтей у меня: Тимоѳей 27 лѣтъ, Степанъ 25». Во всѣхъ трехъ показаніяхъ годомъ рожденія Степана выходитъ 1727, почему и признаемъ его болѣе вѣрнымъ.

[3]) «Полн. Собр. Зак.», № 6,949. Лицамъ, проживавшимъ въ Москвѣ, велѣно представлять въ сенатскую контору, въ Петербургѣ—въ герольдмейстерскую, находившимся при арміи—командующему генералитету, въ губерніяхъ же и городахъ—губернаторамъ и воеводамъ, гдѣ кто пожелаетъ и случай допуститъ. Послѣднимъ срокомъ для записки дѣтей было положено 1-е января; изъ нихъ годныхъ въ службу опредѣлять въ армейскіе и гарнизонные полки по ихъ желаніямъ, а малолѣтнихъ записывать въ школы и обучать грамотѣ и прочимъ наукамъ, кто къ чему охоту возъимѣетъ.

[4]) Такъ, въ прошломъ столѣтіи, укоренился обычай зачислять въ присутственныя мѣста и несовершеннолѣтнихъ. Въ спискахъ приказныхъ они числи-

Но изъ того же приказнаго міра заявлялись просьбы и иного рода. Такъ, вдова копіиста, Прасковья Михайлова, подала въ герольдмейстерскую контору доношеніе, что она, «нижайшая, имѣетъ у себя сына Василья, которому отъ роду 7 лѣтъ, и оный славено-россійской грамотѣ обученъ и быть въ наукѣ желаетъ нѣмецкаго и латинскаго языковъ въ десіансъ-академіи», почему и просила, «дабы повелѣно было, сына ея для наученія въ науку отослать изъ герольдмейстерской конторы въ десіансъ-академію». Подобно вдовѣ Прасковьѣ Михайловой, канцеляристъ коммерцъ-коллегіи, Семенъ Зыковъ, просилъ обучавшагося русской грамотѣ 7-милѣтняго сына его Прохора опредѣлить также въ десіансъ-академію, а регистраторъ петербургской конторы, Савва Артемьевъ, просилъ племянника его Петра Иванова, которому отъ роду 10 лѣтъ и который обученъ россійской грамотѣ и писать, записать для обученія ариѳметикѣ и прочему въ артиллерійскую школу, прибавляя, что, до совершеннаго возроста племянника, онъ будетъ содержать его на своемъ коштѣ.

Представилъ своего сына и Иванъ Шешковскій. Къ сожалѣнію, въ дѣлахъ не находимъ при этомъ отъ отца заявленія, чему онъ хотѣлъ обучать сына. О послѣднемъ сдѣлана только отмѣтка: «Степанъ Ивановъ Шешковскій, подьяческій сынъ, писать обученъ, 9 лѣтъ». Въ числѣ другихъ 354 недорослей его отправили въ коллегію экономіи для опредѣленія въ греко-латинскую школу [1]), а «справкою изъ той коллегіи показано, что тѣ присланные недоросли, не умѣющіе грамотѣ, обучаются словесному и писать въ русской школѣ, а умѣющіе русской грамотѣ и писать обучаются латинскому языку».

Шешковскій, какъ знавшій русскую грамоту, былъ въ числѣ послѣднихъ, т. е. тѣхъ, которые должны были обучаться латинскому языку, но въ школѣ онъ оставался недолго: послѣ большаго пожара, въ 1737 году, истребившаго строенія греко-латинской школы, ученіе было на время прекращено. Этимъ, вѣроятно, случаемъ воспользовался отецъ его, чтобы развязаться съ училищемъ. Будучи убѣжденъ, что для предназначенной имъ сыну карьеры достаточно и одной русской грамоты, онъ поспѣшилъ опредѣлить его на службу, хотя ему было только 11 лѣтъ. Школу замѣнилъ ему домъ отца, гдѣ онъ росъ среди приказныхъ и подьячихъ, интересы которыхъ, при необезпеченности ихъ со стороны правительства, сосредоточи-

---

лись недорослями. Приказъ, коллегія, канцелярія—были для нихъ практическою основою, въ которой навыкали они къ приказнымъ дѣламъ, а по достиженіи извѣстнаго возроста, зачислялись на дѣйствительную службу. Этимъ объясняется то обстоятельство, что въ дѣлахъ герольдмейстерской конторы нерѣдко встрѣчается, что временемъ вступленія на службѣ какого нибудь лица показываются два различныхъ года.

[1]) Д. Г. К., кн. № 184, л. 130.

вались исключительно на служебныхъ дѣлахъ и казусахъ, дававшихъ кусокъ хлѣба. Приказные жалованья тогда не получали, но кормились отъ вершившихся въ присутственныхъ мѣстахъ дѣлъ. Съ просителей за каждое дѣло взимали нѣчто въ родѣ пошлины и образовавшуюся изъ этихъ взносовъ сумму дѣлили потомъ между приказными. Кромѣ того, было въ обычаѣ принимать отъ просителей въ видѣ благодарности, «кто что дастъ». Понятно, что обычай этотъ надолго сталъ источникомъ всякаго рода вымогательствъ и взяточничества, не прекратившихся и тогда, когда приказные стали получать жалованье.

Ежедневные разговоры на эту тему и бесѣды доки-отца, искусившагося въ дѣлахъ самыхъ разнообразныхъ вѣдомствъ, были настоящей школой воспитанія и образованія молодаго Шешковскаго. Въ этой сферѣ узкихъ, но насущныхъ интересовъ устанавливались въ немъ понятія объ окружавшемъ, незримо созидалось его міросоверцаніе и развивались способности. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту же пору жизни было положено въ Шешковскомъ и начало той набожности, какою онъ такъ отличался впослѣдствіи, но эта набожность, не имѣвъ чистаго источника, не вносила въ сердце нравственнаго чувства, а ограничивалась лишь строгимъ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ и обрядности. Дальнѣйшая судьба мальчика предоставлялась опыту жизни и служебной практикѣ въ присутственныхъ мѣстахъ, принявшихъ его въ свое лоно, какъ мы сказали, на 12 году возроста.

Служба его началась въ 1738 году, въ Сибирскомъ приказѣ, гдѣ съ 1740 года онъ состоялъ, кажется, въ числѣ приказныхъ недорослей [1]). Въ вѣдомости о приказныхъ Сибирскаго приказа за 1740 годъ противъ фамиліи Шешковскаго находимъ отмѣтку: «при дѣлахъ въ тайной канцеляріи находится» [2]). Вѣроятно, это была временная командировка, потому что въ 1742 году онъ опять значится копіистомъ Сибирскаго приказа «въ канцеляріи набора драгунскихъ лошадей» [3]). Но не по сердцу, должно быть, была ему служба въ Сибирскомъ приказѣ.

Наступилъ 1743 годъ, и вдругъ, въ началѣ февраля, Шешковскій скрылся... Встревоженное начальство стало дѣлать розыски и, узнавъ, что онъ самовольно уѣхалъ въ Петербургъ, послало въ герольдмейстерскую контору увѣдомленіе, что «копіистъ Шешковскій изъ Сибирскаго приказа бѣжалъ». «Обрѣтающійся при Сибирскомъ приказѣ копіистъ Степанъ Шешковскій въ Сибирскій приказъ многое время не является»,—сказано въ промеморіи, посланной въ герольдмейстерскую контору,—«а отецъ его, Ямской канцеляріи кан-

---

[1]) См. выше въ примѣчаніи.
[2]) Д. Г. К. кн. № 460, л. 318.
[3]) Тоже, кн. № 140, л. 463.

целяристъ, Иванъ Шешковскій, посланному для сыску онаго солдату Лаврентьеву сказалъ, что де оный его сынъ февраля 10-го дня сего 1743 году изъ Москвы уѣхалъ въ Санктпетербургъ, и по указу ея императорскаго величества и по опредѣленію Сибирскаго приказа велѣно въ санктпетербургскую полицмейстерскую канцелярію послать промеморію и требовать, дабы о сыску онаго Шешковскаго въ Санктпетербургѣ учинить публикацію и, какъ сысканъ будетъ, прислать въ Сибирскій приказъ съ прилучившеюся оказіею, подъ карауломъ, на его коштѣ, а правительствующаго сената въ герольдмейстерскую контору послать промеморію жъ за извѣстіе, что оный копіистъ Шешковскій изъ Сибирскаго приказа бѣжалъ, и правительствующаго сената герольдмейстерская контора да благоволитъ быть о томъ извѣстна» [1].

Шешковскій бѣжалъ, Степана Шешковскаго хотятъ отправить изъ Петербурга подъ карауломъ!

Но не таковъ былъ парень копіистъ Шешковскій, чтобы подвергнуться афронту. И онъ, и отецъ его, вѣроятно, знали, что дѣлали, такъ какъ поѣздка въ Петербургъ состоялась, по всей вѣроятности, не безъ участія родителя.

Какъ Шешковскій вернулся въ Москву,—не знаемъ, но только въ томъ же самомъ году онъ изъ Сибирскаго приказа «по указу сената былъ взятъ въ контору тайныхъ розыскныхъ дѣлъ», въ Москвѣ. Это уже не было командировкой, а прямымъ назначеніемъ въ вѣдомство тайной канцеляріи, съ которой онъ уже ознакомился два года тому назадъ и куда, какъ кажется, влекли его симпатіи; въ ней онъ и оставался до конца своей жизни.

Таковы были первые служебные шаги будущаго Степана Ивановича.

Чѣмъ меньше развиты въ человѣкѣ интеллектуальныя способности, тѣмъ онъ способнѣе подчиняться дурнымъ вліяніямъ своего времени и окружающей среды. Время, когда росъ и становился на ноги юноша Шешковскій, когда всѣ впечатлѣнія окружающаго глубоко залегаютъ въ душу и оставляютъ неизгладимый слѣдъ въ нравственной природѣ человѣка,—время это было самой безотрадной эпохой въ жизни нашего народа. Казалось, законъ потерялъ свою силу и всюду замѣнился произволомъ властей не только высшихъ, но и низшихъ; водворилось безправіе, изъ котораго исходъ былъ одинъ—подкупъ, взятка; тайная канцелярія наводила общій ужасъ, породившій во всѣхъ слояхъ общества глубокую приниженность и раболѣпіе; въ народѣ развились шпіонство, доносы, оговоры; всѣ стонали отъ пытокъ и казней, но не смѣли роптать и повиновались. Одинъ только Ванька Каинъ, эта безшабашная голова, не унывалъ и своими воровскими, мошенни-

[1]) Д. Г. К., кн. № 138, л. 356.

ческими продѣлками издѣвался надъ властями, надъ полиціей и нагло дурачилъ ихъ. Деморализація была полная. И вотъ, въ такое-то время вступаетъ въ жизнь и начинаетъ свою службу Степанъ Шешковскій. Войдя въ темное царство тайной канцеляріи, онъ съ 16-тилѣтняго возроста наслушивается о ея дѣйствіяхъ, освоивается съ ея порядками и становится, такъ сказать, лицомъ къ лицу ко всѣмъ ужасамъ этого позорнаго учрежденія. Такова была обстановка первыхъ служебныхъ лѣтъ Шешковскаго, воспитавшагося въ традиціяхъ приказнаго міра и не вынесшаго изъ дома отца никакой нравственной опоры,—чѣмъ же и какъ могла она отразиться на складѣ молодой и неразвитой натуры копіиста, какъ не прививкой той безсердечности, какую проявилъ онъ потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, въ качествѣ государственнаго инквизитора и привиллегированнаго кнутобойца? Что могли значить для него тѣ гуманныя начала, которыя старалась проводить въ общественное сознаніе возвысившая его императрица Екатерина?

Успѣло зло укорениться
Въ его душѣ съ давнишнихъ дней...

Шешковскій былъ продуктомъ Бироновщины и ближайшей къ ней эпохи, когда на виду у всѣхъ стояла грозная и неумолимая фигура генералъ-аншефа Андрея Ивановича Ушакова.

II.

Назначеніе въ тайную канцелярію графа А. И. Шувалова. — Переводъ Шешковскаго изъ московской конторы тайныхъ розыскныхъ дѣлъ въ тайную канцелярію. — Ходатайства о немъ графа Шувалова. — Уничтоженіе тайной канцеляріи. — Назначеніе Шешковскаго въ сенатъ. — Учрежденіе тайной экспедиціи. — Причины ея учрежденія. — Шешковскій въ первые годы царствованія Екатерины. — Отзывъ о немъ Екатерины. — Участіе Шешковскаго въ допросѣ Пугачева.

Въ 1744 году, въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, находившейся подъ управленіемъ генералъ-аншефа Андрея Ивановича Ушакова, появилось новое лицо — графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ. Годъ тому назадъ (1743), когда въ Петербургѣ производился розыскъ по дѣлу Лопухиныхъ, императрица Елисавета поручила Шувалову, находившемумя тогда въ Москвѣ, арестовать генералъ-лейтенанта Степана Лопухина и прислать въ Петербургъ. Теперь она назначила его въ помощь одряхлѣвшему, 74-хъ-лѣтнему и въ тотъ же годъ возведенному въ графское достоинство, старцу Ушакову. Черезъ три года послѣдній умеръ, и графъ Шуваловъ сталъ главнымъ начальникомъ тайной канцеляріи. Онъ былъ пер-

вый, который обратилъ вниманіе на служебныя способности Шешковскаго и помогъ ему выйдти на торную дорогу.

Какъ долго оставался Шешковскій въ московской конторѣ тайныхъ розыскныхъ дѣлъ,—неизвѣстно. Въ 1748 году, онъ служилъ еще въ Москвѣ и былъ уже подканцеляристомъ, но въ 1752 году, т. е. въ томъ самомъ году, когда отецъ его былъ въ Петербургѣ и, состоя не у дѣлъ при герольдмейстерской конторѣ, проживалъ въ «домѣ его графскаго сіятельства Александра Ивановича Шувалова», тамъ же, въ Петербургѣ, находимъ и сына его Степана въ должности архиваріуса тайной канцеляріи. Въ февралѣ 1754 года, графъ Шуваловъ доносилъ сенату, что «въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ имѣется архиваріусъ Степанъ Шешковскій, безпорочно и состоянія добраго и во исправленіи важныхъ дѣлъ поступаетъ добропорядочно и ревностно, почему и достоинъ быть онъ, Шешковскій, протоколистомъ» [1]. Сенатъ утвердилъ его въ этой должности. Черезъ три года, объ усердной службѣ Шешковскаго Шуваловъ докладывалъ лично уже самой императрицѣ, вслѣдствіе чего она «всемилостивѣйше пожаловать соизволила тайной канцеляріи протоколиста Степана Шешковскаго за добропорядочные его при важныхъ дѣлахъ поступки и примѣрные труды въ тайную канцелярію секретаремъ» [2].

Шешковскому было тогда 27 лѣтъ.

Въ должности секретаря его застала кончина императрицы (24 декабря 1761 года) и вступленіе на престолъ новаго императора.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій Петра III было уничтоженіе тайной канцеляріи. 7 февраля 1762 года, явясь въ присутствіе сената, онъ объявилъ, что отнынѣ тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцеляріи быть не имѣетъ, о чемъ черезъ двѣ недѣли былъ объявленъ и манифестъ [3].

Это событіе для Шешковскаго не могло имѣть невыгодныхъ послѣдствій; онъ уже на столько зарекомендовалъ себя и усердіемъ, и «добропорядочностію», что оставлять безъ службы такого чиновника не приходилось: онъ былъ зачисленъ въ число секретарей сената.

Между тѣмъ, 28 іюня 1762 года, произошло извѣстное «дѣйство», вслѣдствіе котораго на престолъ вступила Екатерина. Именнымъ указомъ 19 октября она подтвердила распоряженіе бывшаго императора относительно тайной канцеляріи, но вслѣдъ затѣмъ, безъ всякаго указа, при сенатѣ была учреждена тайная экспедиція.

Чѣмъ вызывалось это новое учрежденіе, названіемъ своимъ напоминавшее ненавистное имя только что уничтоженной тайной кан-

---

[1]) Д. Г. К., кн. № 411, л. 83—85.

[2]) Д. Г. К., кн. № 461, л. 770.

[3]) Соловьевъ: Ист. Рос., т. XXV, 15. Манифестъ въ П. С. З. № 11,445.

целяріи? Для выясненія этого вопроса, мы должны обратиться къ личности новой императрицы.

Съ умомъ великимъ, геніальнымъ, Екатерина соединяла непомѣрное славолюбіе и самолюбіе. Эти качества выдаются въ ней, какъ главныя характеристическія черты ея личности, они же были и главными пружинами славныхъ дѣлъ ея царствованія. Но умъ и славолюбіе не всегда ведутъ на путь правды, чаще случается противное: правда, справедливость приносятся въ жертву честолюбію. Умъ въ подобныхъ случаяхъ, изощряясь въ различныхъ измышленіяхъ и изворотахъ, становится дѣятельнымъ союзникомъ страстей и, дѣйствуя за одно съ ними, приходитъ къ извѣстному положенію—цѣль оправдываетъ средства.

То же случилось и съ Екатериной.

Оказавъ Россіи услугу устраненіемъ отъ престола своего мужа, она не могла устоять противъ искушенія давнишней мечты своей, лелѣянной ею съ 15-тилѣтняго возроста—быть самодержавной русской императрицей [1]), и, захвативъ власть, оставляетъ ее въ своихъ рукахъ, вопреки правамъ сына. Чѣмъ же оправдывался подобный поступокъ — неспособностью Павла? Но ему въ годъ ея воцаренія шелъ только восьмой годъ, и мы не видимъ, чтобы онъ уже въ этомъ возростѣ оказывалъ неспособность къ будущему своему призванію. Онъ имѣлъ и умъ, и доброе сердце, поэтому потомство вправѣ сомнѣваться — былъ ли бы Павелъ такимъ, какимъ онъ показалъ себя императоромъ, если бы съ юныхъ лѣтъ не былъ устраненъ отъ дѣлъ, а занимался подъ управленіемъ умной своей матери, и если бы затѣмъ во все ея царствованіе не былъ ожесточаемъ ея любимцами.

Павелъ, а съ нимъ и вся Россія, въ періодъ его царствованія (1796—1801), были принесены Екатериною въ жертву ея эгоизма.

Но не могла же она не понимать, не могла не чувствовать, что поступокъ ея несправедливъ, что онъ способенъ былъ породить сомнѣніе въ правахъ ея на корону, возбудить противъ нея толки, что̀ и случилось не только на первыхъ же порахъ ея царствованія [2]), но нерѣдко повторялось и потомъ, когда она была уже окружена ореоломъ славы. И она дѣйствительно не была въ заблужденіи относительно поступка своего съ сыномъ. «Si c'est un crime d'être à la place où je suis (car j'avoue que je n'y avais ni le droit de naissance, ni d'autres), et bien ce crime vous le partagez avec moi» [3]), — сказала она однажды княгинѣ Дашковой. Напрасно

[1]) Зап. Екатерины. Лондонъ, 1859, ч. I, 33.

[2]) Какъ шатко было положеніе Екатерины въ первые два года по ея воцареніи, можно судить по донесеніямъ голландскаго резидента Мейнерцгагена. См. «Ист. Вѣстн.», 1884, октябрь.

[3]) «Если быть на томъ мѣстѣ, которое я занимаю, — преступленіе (я сознаюсь, что у меня не было на престолъ ни права по рожденію, ни другихъ

думаютъ, что Екатерина стала подозрительною только подъ старость; подозрительность овладѣла ею съ той минуты, какъ она возложила на себя корону. Увѣряя княгиню Дашкову, что «она равнодушно можетъ переносить все, что будутъ говорить о ней», она просто бравировала; напротивъ, «вранье», какъ называла она ненавистные для нея толки, было настоящимъ кошмаромъ, пугаломъ во все время ея царствованія, и вотъ, удержавъ незаконно власть, она ищетъ себѣ опоры въ ласкательствѣ дворянъ и въ тайной экспедиціи. Никакіе государственные виды не вызывали и не оправдывали возстановленія этого учрежденія—вѣдь было же оно признано ненужнымъ при Петрѣ III, также какъ и послѣ нея при Александрѣ, — но оно нужно было лично для Екатерины, для ея спокойствія. О времени Павла не говоримъ: русское общество вкушало плоды, посѣянные рукой матери этого несчастнаго государя.

Создавъ тайную экспедицію, Екатерина была, какъ видно, на столько озабочена наполненіемъ ея людьми способными, что даже сама руководила образованіемъ ихъ въ извѣстномъ направленіи. Такъ, рекомендуя П. С. Потемкину для препровожденія нѣкоторыхъ сообщниковъ Пугачева взять секретаря тайной экспедиціи Зряхова, она говоритъ, что онъ привыкъ къ дѣламъ подъ ея глазами втеченіе многихъ лѣтъ [1]).

Возвращаемся къ Шешковскому.

По разсказамъ стариковъ, онъ, будучи еще мелкимъ чиновникомъ, успѣлъ уже пріобрѣсти извѣстность человѣка, способнаго къ тайнымъ дознаніямъ и розыскамъ. Что Шешковскій дѣйствительно пользовался такой репутаціей, это мы видѣли изъ отзывовъ о немъ графа Шувалова. Понятно, что такой человѣкъ не могъ затеряться въ новое царствованіе, первые годы котораго были обильны дѣлами, требовавшими услугъ ловкаго и смѣтливаго развѣдчика. Несомнѣнно, что Шешковскій скоро сталъ извѣстенъ Екатеринѣ и былъ употребленъ ею въ этихъ дѣлахъ сообразно его способностямъ. Такъ говорятъ, что когда Арсеній Мацѣевичъ былъ привезенъ изъ Ростова въ Москву, то при первомъ его допросѣ во дворцѣ (1763), въ присутствіи Екатерины, графа Орлова и генералъ-прокурора Глѣбова, находился и Шешковскій [2]). Далѣе видимъ, что въ перепискѣ, возникшей между сенаторомъ И. И. Неплюевымъ и графомъ Н. И. Панинымъ по дѣлу Мировича (1764), одно изъ писемъ Неплюева было писано рукою Шешковскаго [3]). Въ 1764 году, онъ былъ произведенъ въ надворные совѣтники, —

правъ), то вѣдь и вы раздѣляете со мной это преступленіе». Арх. кн. Воронцова, т. V, 223.

[1]) Объ этомъ Зряховѣ см. ниже.

[2]) «Русск. Ст.», 1879, іюнь, стр. 301.

[3]) «Русс. Ст.», 1870, III изд., т. II, 512.

очень можетъ быть, что это повышеніе было наградой за участіе его въ дѣлахъ Арсенія и Мировича.

Что Шешковскій съ первыхъ же лѣтъ царствованія Екатерины въ служебномъ отношеніи былъ поставленъ на прежнюю дорогу, по которой шелъ онъ до уничтоженія тайной канцеляріи,—это подтверждается и современными извѣстіями: по адресъ-календарямъ 1765, 1766 и 1767 годовъ видно, что онъ состоялъ въ 1 департаментѣ сената при тайной экспедиціи[1]). Такимъ образомъ таланты Шешковскаго не только нашли поддержку, но постояннымъ упражненіемъ ихъ въ тайной экспедиціи была дана имъ возможность совершенствоваться и получать соотвѣтствующее поощреніе. Въ 1767 году, онъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники и занималъ уже должность оберъ-секретаря.

Изъ дѣлъ архива министерства юстиціи видно, что въ это же время онъ сталъ пріобрѣтать и поземельную собственность, въ въ чемъ, по всей вѣроятности, немало содѣйствовалъ ему и отецъ, бывшій въ то время, какъ мы видѣли, полицеймейстеромъ города Коломны. «1764 года сентября 1 дня, надворный совѣтникъ Степанъ Ивановъ сынъ Шешковскій по купчей крѣпости купилъ у Петра Васильева сына Дурова недвижимое имѣніе въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Змѣевѣ и въ пустошѣ Дашковѣ 20 четвертей и лугу на рѣкѣ Окѣ десятину. 1767 года 16-го марта, оберъ-секретарь сената Степанъ Ивановъ Шешковскій при прошеніи въ вотчинную коллегію представилъ вышеозначенную купчую съ другими купчими, выданными на имя его отца, полицеймейстера города Коломны Ивана Емельянова Шешковскаго, и просилъ по тѣмъ купчамъ имѣнія за нимъ отписать и отказать. 1772 года, Степанъ Ивановъ сынъ Шешковскій по купчей крѣпости купилъ у Василья Михайлова сына Лодыгина недвижимое имѣніе Коломенскаго уѣзда въ селѣ Пановѣ, и 1780 года означенная купчая имъ, Шешковскимъ, при прошеніи въ вотчинной коллегіи явлена».

Такъ «потихоньку да помаленьку» бывшій копіистъ Сибирскаго приказа приходилъ «въ возростъ мужа совершенна» и преобразовывался въ Степана Ивановича Шешковскаго. Втеченіе десяти лѣтъ царствованія Екатерины онъ уже коротко сталъ ей извѣстенъ; она отзывается о немъ, какъ о чиновникѣ, имѣющемъ «особливый даръ производить слѣдственныя дѣла», чтò и заставило ее употребить его при допросѣ Пугачева. Вотъ что писала она въ Симбирскъ къ генералъ-маіору П. С. Потемкину по поимкѣ самозванца: «Повелѣваю вамъ, по полученіи сего, перенести пребываніе ваше къ Москвѣ и тамо, подъ дирекціею князя Михаила Никитича Волконскаго, продолжать разбирательство дѣла сего важнаго колодника. Для лучшаго же узнанія начала и всѣхъ концевъ сего злодѣйскаго

---

[1]) «Русск. Ст.», 1879, сентябрь, стр. 18.

дѣла совѣтую вамъ Чику изъ Казани перевести въ Москву, также изъ Оренбурга Почиталина съ товарищи, если еще въ живыхъ, какъ я и думаю, находятся. Прочихъ колодниковъ, дѣлъ менѣе важности имѣющихъ и ихъ самихъ, можете поручить человѣкамъ двумъ гвардіи офицерамъ и придайте имъ тайной экспедиціи секретаря Зряхова, который въ Оренбургѣ, и весьма къ симъ дѣламъ привыкшаго и то подъ моими глазами многіе годы [1]), а въ Москву теперь я отправляю Шешковскаго въ тайную экспедицію, который особливый даръ имѣетъ съ простыми людьми и всегда весьма удачно разбиралъ и до точности доводилъ труднѣйшія разбирательства» [2]).

Мятежъ Пугачева былъ для Екатерины самымъ критическимъ моментомъ ея царствованія. Затѣя Мировича въ глазахъ ея не имѣла и сотой доли той важности, какую она видѣла въ дерзкомъ предпріятіи Пугачева. Больше всего ее тревожила мысль: откуда родился замыселъ его—самъ ли собой задумалъ онъ самозванство, или кто нибудь подбилъ его, и какъ къ нему попало голстинское знамя? Послѣднему обстоятельству, какъ видно, придавала она особенное значеніе и важность.

Пугачеву, по поимкѣ его, уже были дѣланы допросы: одинъ капитанъ-поручикомъ Мавринымъ и другой графомъ Панинымъ вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ Потемкинымъ. О разспросныхъ пунктахъ двухъ послѣднихъ Екатерина отозвалась въ письмѣ къ графу Панину, что «сколь оные ни подробны и ни дополняютъ первый допросъ, учиненный въ Яицкомъ городкѣ капитанъ-поручикомъ Мавринымъ, все еще начало выдумки закрыто» [3]). Поэтому Екатерина, еще до извѣщенія графа Панина о неудовлетворительности присланныхъ имъ разспросныхъ пунктовъ, рѣшилась послать въ Москву Шешковскаго.

Въ тотъ же день, какъ было послано Потемкину вышеприведенное повелѣніе перебраться съ колодниками въ Москву, Екатерина писала къ князю Волконскому: «Съ послѣдними курьерами отъ графа Петра Ивановича Панина изъ Пензы получила я вѣсть, что яицкіе казаки Пугачева связали и везутъ его въ Яицкій городокъ, а какъ мною давно уже отправленъ извѣстный вамъ ка-

---

[1]) Илья Зиновьевъ Зряховъ, изъ офицерскихъ дѣтей, въ службу вступилъ въ 1750 году въ тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію. Въ 1794 году, по представленію графа П. С. Потемкина, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, былъ предсѣдателемъ кавказской палаты гражданскаго суда. Въ послужномъ спискѣ его, въ извѣстной графѣ о походахъ, сказано: «Въ походахъ и въ дѣлѣ противъ непріятеля хотя и не былъ, однако, по всевысочайшей ея императорскаго величества волѣ находился во многихъ извѣстныхъ ея императорскому величеству коммиссіяхъ и посылкахъ, составляющихъ переѣздовъ до 30,000 верстъ». (Д. Г. К., кн. № 429, л. 623—624).

[2]) «Русск. Стар.», 1875 г., т. XIII, 124.

[3]) «Чт. въ Общ. ист. и древн.», 1858, кн. II, 54.

питанъ Галаховъ и ему велѣно сего колодника везти къ вамъ, то и не сумнѣваюсь, что сіе теперь съ точностію исполнено будетъ. Но какъ вамъ самимъ въ семъ случаѣ и для сего дѣла нужно имѣть кого ни на есть, кто бы всѣ конекціи сего дѣла зналъ и былъ бы при васъ и подъ дирекціи вапи, и для того приказала я генералъ-маіору Павлу Сергѣевичу Потемкину, который имѣлъ подъ свою дирекціи оренбургскую и казанскую секретныя коммиссіи, перенестись и самыхъ важнѣйшихъ по сему дѣлу колодниковъ перевезти къ Москвѣ, куда сверхъ того отправляю вамъ отселѣ тайной экспедиціи оберъ-секретаря Шешковскаго, дабы вы въ состояніи нашлись дѣло сего злодѣя привести въ ясность и доскональльно узнать всѣ кроющіяся плутни, отъ кого родились и кѣмъ производимы и вымышлены были, дабы тѣмъ наипаче узнать нужное къ утвержденію впредь народной тишины и безопасности, въ чемъ да поможетъ вамъ Богъ. Что происходить будетъ, вы не оставьте мнѣ увѣдомить почаще, дабы я васъ снабдить могла иногда нужными наставленіями» [1]).

За двѣнадцать дней до этого письма (15-го сентября) Екатерина послала къ князю Волконскому голстинское знамя и писала: «При семъ посылаю къ вамъ голстинское знамя Дельвигова драгунскаго полка, которое отбито Михельсономъ у Пугачева подъ Царицынымъ. Кой часъ оно было привезено сюда, я послала въ ораніенбаумской арсеналъ осматривать книгъ и вещей, не оттудова ли оно было выкрадено; но тамо, что было, все въ цѣлости находится; а тамошній генералъ-маіоръ Ферстеръ узналъ, что сіе знамя, какъ выше написано, зятя его, Дельвигова полка, и какъ Ферстеръ съ Мерлинымъ были у разбора голстинскихъ дѣлъ, то они утверждаютъ, что ими въ коммиссаріатъ отдано по приложенной запискѣ знаменъ и штандартъ. Итакъ, теперь поручаю вамъ требовать отъ Глѣбова [2]) извѣстіе, гдѣ сіи вещи находятся, и естли ихъ нѣтъ, гдѣ, какъ и когда онѣ изъ его вѣдомства выбыли. И естли вы найдете каналъ, какимъ образомъ сіе знамя до Пугачева дошло, то весьма хорошо будетъ, ибо плутни бы наружи выведетъ» [3]).

Князь Волконскій, донося императрицѣ о полученіи знамени, отвѣчалъ: «Весьма меня, всемилостивѣйшая государыня, удивило, какимъ образомъ это знамя къ вору Пугачеву зашло. Глѣбовъ два дни до полученія мною высочайшаго повелѣнія поѣхалъ въ С.-Петербургъ, слѣдственно здѣсь справиться не съ кѣмъ, а пришло мнѣ, всемилостивѣйшая государыня, на мысль, не зашло ли сіе знамя къ злодѣю слѣдующимъ образомъ. По тайной экспедиціи здѣсь слѣдуется теперь (но за нѣкоторыми справками еще не окон-

---

[1]) «Восемн. Вѣкъ», кн. I, 148.

[2]) Александръ Ивановичъ Глѣбовъ управлялъ въ Москвѣ коммиссаріатомъ.

[3]) «Восемн. Вѣкъ», кн. I, 147—148.

чено) надъ однимъ, отъ воронежскаго губернатора присланнымъ къ графу Панину, а отъ него ко мнѣ симбирскаго гарнизона солдатомъ, который былъ въ шайкѣ злодѣйской и, между прочимъ, показываетъ, что въ толпѣ Пугачева находится одинъ Чоглоковъ, описывая его, что онъ человѣкъ молодой, свѣтлорусые волосы имѣетъ, собою бѣлъ; но ежели это правда, то знатно, что Чоглоковъ изъ Сибири ушелъ и присталъ къ шайкѣ Пугачевской; почему заключаю, можетъ быть, что Чоглоковъ, ещé до ссылки своей, будучи пасынокъ Глѣбова, не получилъ ли какимъ нибудь образомъ изъ коммиссаріата то знамя, только тогда для одной курьезности имѣлъ всегда то знамя у себя, а какъ ушелъ изъ Сибири, то съ собою къ Пугачеву принесъ» [1]).

Само собой разумѣется, что объясненіе это, основанное на догадкѣ, Екатерину не удовлетворило, и она въ письмѣ отъ 3-го октября напоминаетъ князю Волконскому: «Не забудьте спросить о голштинское знамя...».

Между тѣмъ, Шешковскій, получивъ необходимыя для допроса дѣла и бумаги, выѣхалъ изъ Петербурга. Въ первыхъ числахъ октября онъ прибылъ въ Москву, явился къ князю Волконскому и получилъ отъ него еще новыя свѣдѣнія, высланныя императрицею къ князю вслѣдъ за отъѣздомъ Шешковскаго изъ Петербурга. При одномъ изъ писемъ Екатерины находимъ приписку: «Отдайте приложенное письмецо Шешковскому». Въ этомъ интимномъ письмецѣ заключалось, вѣроятно, наставленіе, на чтò Шешковскій долженъ былъ обратить особенное вниманіе.

Екатерина была очень озабочена предстоявшимъ слѣдствіемъ. Она желала, чтобы Пугачевъ былъ разспрошенъ «отъ дня рожденія его».

Наконецъ, 5-го ноября, въ 9 часовъ утра, Емельку привезли въ Москву и тотчасъ же посадили въ «уготованное для его весьма надежное мѣсто на Монетномъ дворѣ», прикованнаго къ стѣнѣ цѣпями.

Черезъ часъ явился къ нему князь Волконскій въ сопровожденіи Шешковскаго. Послѣ первыхъ разспросовъ, продолжавшихся до 2 часовъ по полудни, князь Волконскій уѣхалъ, оставивъ съ Пугачевымъ одного Шешковскаго, приказавъ, чтобы онъ все «отъ начала его мерзскаго рожденія со всѣми обстоятельствами до того часа, какъ онъ связанъ, записалъ». Шешковскій тотчасъ же приступилъ къ дѣлу. Онъ думалъ, что кончитъ допросъ, употребивъ на него часовъ 60 или 70, но оказалось, что времени этого было недостаточно.

Черезъ три дня (8 ноября) князь Волконскій доносилъ Екатеринѣ: «Злодѣю Пугачеву допроса окончать, по пространству его гнусной исторіи и скаредныхъ его злыхъ дѣяній, было и до сего дня невозможно; но сколько у него [2]) записано, оное для высочайшаго вашему

---

[1]) «Восемн. Вѣкъ», кн. I, 149—150.

[2]) Т. е. у Шешковскаго.

величеству свѣдѣнія (оставя здѣсь копію) при семъ всеподданнѣйше прилагаю, окончать же оной совсѣмъ надѣюсь дня черезъ два. О знамѣ злодѣй спрашиванъ и сказалъ, что это знамя нигдѣ не полонено, а найдены Перфильевымъ въ двухъ сундучкахъ два знамя—одно съ чернымъ гербомъ, а другое это, когда его злодѣйскою шайкою разбита была легкая полевая команда подъ Дубовкою». Въ концѣ донесенія князь Волконскій, знавшій, съ какимъ нетерпѣніемъ Екатерина ждетъ окончанія допроса, какъ бы въ оправданіе медленности, прибавляетъ: «Шешковскій, всемилостивѣйшая государыня, пишетъ день и ночь злодѣевъ гисторію, но окончить еще не могъ».

Но и двухъ назначенныхъ дней оказалось мало. Дѣло затянулось еще на мѣсяцъ. 6-го декабря, Екатерина писала князю Волконскому: «Дополнительные допросы я получила, но изо всего еще не вижу, чтобъ объяснилось, кто выдумалъ самозванчество—самъ ли злодѣй, или иной кто... Я весьма желаю, чтобъ дѣло это скорѣя къ окончанія приведено было, и жду теперь обѣщанные отъ васъ допросы, по полученіи которыхъ отправлю отселѣ генералъ-прокурора съ моими повелѣніями о образѣ суда, какъ въ подобныхъ случаяхъ съ государственными преступниками въ обычаѣ есть».

Наконецъ, слѣдствіе было закончено Шешковскимъ съ такою полнотою, что императрица осталась вполнѣ довольна, что̀ она и выразила въ письмѣ къ князю Волконскому: «Публиковавъ сегодня приложенный при семъ манифестъ по дѣлу бунта Пугачевскаго, отправляю я обратно къ Москвѣ Павла Сергѣевича Потемкина сегодня[1]), а завтра самъ генералъ-прокуроръ къ вамъ ѣдетъ для устроенія въ манифестѣ предписаннаго окончательнаго суда. Ваше письмо отъ 16-го декабря я сего утра получила, и теперь уже къ свѣдѣнію моему ничего не достаетъ[2]).

10-го января 1775 года, совершилась казнь Пугачева. Его привезли къ эшафоту подъ сильнымъ конвоемъ въ большихъ саняхъ; противъ него сидѣли священникъ и чиновникъ тайной экспедиціи. Народъ говорилъ, что это былъ Шешковскій[3]).

Въ концѣ 1775 года (8-го декабря), Шешковскій былъ произведенъ въ статскіе совѣтники.

---

[1]) По окончаніи слѣдственнаго дѣла, оно было отправлено къ императрицѣ съ Потемкинымъ.

[2]) «Восемн. Вѣкъ», кн. I, стр. 150—158, 160—161.

[3]) Взглядъ на мою жизнь, И. И. Дмитріева, стр. 28, прим. 45.

III.

Дѣятельность Шешковскаго и повышенія его по службѣ. — Мѣры Екатерины противъ «вранья». — Разсказы о Шешковскомъ, дошедшіе по преданію. — Ненависть къ нему современниковъ. — Отношенія Шешковскаго къ лицамъ двора и высшему обществу. — Столкновеніе съ Державинымъ. — Смерть Шешковскаго. — Вниманіе Екатерины къ его семейству. — Сынъ и дочь его. — Прекращеніе его рода.

Въ случаяхъ, доставлявшихъ практику Шешковскому, недостатка не было. Онъ былъ въ безпрестанной работѣ, неутомимо и энергично дѣйствуя то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, снискивая усердіемъ своимъ благоволеніе императрицы. Такъ, въ семидесятыхъ годахъ, онъ производилъ розыскъ въ Петербургѣ по поводу появившихся каррикатуръ и пасквилей, выпущенныхъ нѣкоторыми придворными дамами; въ 1784 году, ѣздилъ въ Москву для допроса Натальи Пассекъ, просившей Екатерину выслушать отъ нея очень важное дѣло; въ 1788 году, производилъ слѣдствіе по доносу на иркутскаго намѣстника Якобія; въ 1790 году, допрашивалъ Радищева, въ 1791 году—надворнаго совѣтника Вальца [1]), въ 1792 году, Новикова и студентовъ Невзорова и Колокольникова,—это все дѣла, наиболѣе извѣстныя, а сколько еще остается другихъ, доселѣ неизвѣстныхъ, но сохраняющихся въ бумагахъ тайной экспедиціи. Получая при каждомъ удобномъ случаѣ награды деньгами и подарками, Шешковскій возвышался и въ чинахъ. Въ 1781 году, онъ былъ уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, потомъ награжденъ орденомъ Владиміра 2-й степени; въ 1791 году, произведенъ въ тайные совѣтники и, наконецъ, въ 1793 году, получилъ пенсію въ 2,000 р. Въ особенную силу и извѣстность онъ вошелъ въ восмидесятыхъ годахъ, когда, не смотря на зависимость и подчиненность генералъ-прокурору, сталъ какъ бы главнымъ хозяиномъ и распорядителемъ въ тайной экспедиціи.

Хотя характеръ этого учрежденія, сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда оно носило названіе Преображенскаго приказа и канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, измѣнился; хотя не раздавалось болѣе безсмысленное «слово и дѣло» и уничтожены были пытки временъ Анны и Елисаветы, однако же, «пристрастіе» батогами, плетьми и розгами осталось. Екатерина, не смотря на свою гуманность и либеральный образъ мыслей, по обстоятельствамъ времени и по исключительности своего положенія, не только не находила возможнымъ отмѣнить тѣлесное наказаніе, но даже настойчиво требовала его въ тѣхъ случаяхъ, когда народная молва ка-

[1]) Секретарь государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, обвинявшійся въ сношеніяхъ съ иностранными министрами.

залась ей опасною—или лично для нея самой, или для спокойствія государства. Такъ, въ ноябрѣ 1771 года, она писала въ Москву князю Волконскому: «Въ разсужденіи секретнаго указа [1]), который къ вамъ отправленъ о врученіи вамъ тайную экспедицію [2]), прошу васъ, чтобы вы держались моему въ подобныхъ дѣлахъ правилу, то есть не пропускать вракъ безъ изслѣдованій, но не давая вракамъ и вралямъ бо́льшаго уваженія, нежели по разбору и существу вещь сама заслуживаетъ. Но какъ нынѣ на Москвѣ вранья было безъ конца и счету, того дня если вы усмотрите, что сіи врали не унимаются, прикажите враля другаго, по изслѣдованіи что врали, высѣчь плетьми публично черезъ полицію, сказавъ въ сентенціи, что то дѣлается для воздержанія вралей отъ вранья. Я чаю, сіе довольно будетъ, чтобъ безобузданныхъ унять надолго во всемъ городѣ, а вамъ дастъ покой для дѣлъ, нужнѣе сихъ»... Черезъ два мѣсяца (25-го января 1772 года) она опять пишетъ: «Здѣсь слышно, что на Москвѣ опять враки есть. Пожалуй, не пропустите оныхъ мимо ушей, такъ какъ я уже вамъ писала, но прикажите, отъ человѣка до человѣка и кто отъ кого слыша́лъ, добраться до выдумщика, и того уже, по мѣрѣ его вины, велите наказать его публично. Ей-ей, въ томъ нужда въ теперешнемъ положеніи. Заставьте себя уважать и бояться и по дѣламъ давайте заплату, уймите буянство» [3]).

Какого рода были враки, возникавшія то тамъ, то сямъ,—приводимъ образчикъ. Черезъ три года послѣ казни Пугачева, пьяный солдатъ Яковъ Дмитріевъ въ банѣ болталъ своимъ товарищамъ, что «въ Крымскихъ степяхъ находится съ арміей бывшій третій императоръ Петръ Өедоровичъ, который прежде содержался въ Царицынѣ подъ карауломъ, откуда и выкраденъ донскими казаками; при немъ предводительствуетъ тою арміею Желѣзный Лобъ, противъ котораго уже и сраженіе съ нашей стороны было, гдѣ и побито двѣ дивизіи, и мы его какъ отца ждемъ, а на границѣ стоитъ съ войскомъ Петръ Александровичъ Румянцовъ и противъ его не обороняетъ, а сказываетъ, что онъ ни съ которой стороны защищать не хочетъ». Генералъ-прокуроръ князь Вяземскій замѣчаетъ, что «солдату Дмитріеву былъ пристрастный допросъ, но не попрежнему, не пытка, а битье батогами». Оказалось, что «всѣ слова говорены были солдатомъ Дмитріевымъ по самому его

---

[1]) Указъ кн. Волконскому о порученіи ему дѣлъ, касавшихся вѣдѣнія тайной экспедиціи.

[2]) Собственно тайная экспедиція находилась въ Петербургѣ, въ Петропавловской крѣпости, и была подчинена генералъ-прокурору; въ Москвѣ же была контора ея, помѣщавшаяся на Лубянкѣ, въ домѣ нынѣшней духовной консисторіи. Московская контора тайной экспедиціи находилась «въ командѣ» московскихъ главнокомандующихъ.

[3]) «Восемн. Вѣкъ», кн. I, 90, 94.

невѣжеству, купно и въ пьянствѣ, и самыя говоренныя имъ слова, какъ они суть пустыя и вымышленныя, достойны полнаго презрѣнія» [1]).

Мѣры, рекомендованныя князю Волконскому противъ вралей, Екатерина принимала и противъ лицъ привиллегированныхъ классовъ, и даже противъ женщинъ. Такъ, генералъ-маіорша Марья Дмитріевна Кожина легкомысленной болтовней въ обществѣ навлекла на себя гнѣвъ Екатерины, и она приказала Шешковскому наказать ее за невоздержность языка, сказавъ: «она всякое воскресенье бываетъ въ публичномъ маскерадѣ, поѣзжайте сами и, взявъ ее оттуда въ тайную экспедицію, слегка тѣлесно накажите и обратно туда же доставьте со всею благопристойностію» [2]).

Разсказываютъ также, что во время слѣдствія по дѣлу о каррикатурахъ и пасквиляхъ, о которыхъ мы упомянули выше, въ рукахъ Шешковскаго перебывали нѣсколько дамъ изъ высшаго круга, причемъ какъ на особенно пострадавшихъ указываютъ на Елизавету Петровну Дивову (рожд. гр. Бутурлину) и Анну Алексѣевну Турчанинову (урожд. гр. Эльмптъ) [3]).

Но если уже въ практику тайной экспедиціи было допущено «пристрастіе»,—то какихъ насилій нельзя было ожидать отъ такого человѣка, каковъ былъ Шешковскій, человѣка грубаго по чувствамъ, съ молоду напитавшагося духомъ прежней тайной канцеляріи. Будучи всѣмъ обязанъ Екатеринѣ, онъ пламенѣлъ усердіемъ къ ней, благоговѣлъ передъ нею и въ порывахъ вѣрноподданническаго энтузіазма являлъ «ревность не по разуму». Его изъявленія благодарныхъ чувствъ къ своей благодѣтельницѣ дорого обходились соотечественникамъ.

Англійскій путешественникъ, Уильмъ Коксъ, бывшій въ Россіи въ царствованіе Екатерины (1778 г.), говоритъ: «Я пріѣхалъ въ Россію съ полнымъ убѣжденіемъ, что въ этой странѣ никого не наказываютъ смертью, и былъ впервые разочарованъ въ этомъ однимъ иностранцемъ, къ которому обратился съ вопросомъ: существуетъ ли смертная казнь въ Россіи? — Пожалуй, что не существуетъ,— возразилъ онъ: — преступниковъ не обезглавливаютъ и не вѣшаютъ, но ихъ нерѣдко засѣкаютъ до смерти». Коксъ имѣлъ случай увидѣть на дѣлѣ справедливость этихъ словъ: въ бытность его въ Россіи въ одну зиму три человѣка умерли въ Петербургѣ отъ кнута.—«Правда,—говоритъ онъ,—русскіе уголовные законы буквально не присуждаютъ преступниковъ къ казни, но въ дѣйствительности ведутъ къ тому же результату».—«Если вспомнить, что многіе преступники умираютъ подъ кнутомъ или отъ послѣд-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1878, кн. II, 472.
[2]) «Русская Старина», 1872 года, т. V, 138.
[3]) «Библіогр. Записки», т. I (1858), 734.

ствій его... то поневолѣ должны считать судьбу этихъ несчастныхъ своего рода смертною казнью, только медленною...» [1]).

Любопытенъ также именной указъ, данный императоромъ Павломъ генералъ-прокурору 21-го ноября 1796 года, слѣдовательно, черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Екатерины: «По неимѣнію доктора при сенатѣ нашемъ, а также при экспедиціяхъ о государственныхъ доходахъ и особливо при тайной экспедиціи, въ которой по существу ея оный надобенъ, повелѣваемъ опредѣлить на сіе мѣсто находящагося въ вѣдомствѣ медицинской коллегіи доктора Сутгофа...» и проч. [2]).

Изъ этихъ свидѣтельствъ легко заключить, что, не смотря на всю гуманность Екатерины, не смотря на всѣ ея заботы объ ограниченіи и смягченіи пытки, созданная ею тайная экспедиція для приглашенныхъ въ нее Степаномъ Ивановичемъ далеко не представляла прелести тѣхъ невинныхъ удовольствій и развлеченій, какія находили посѣтители интимныхъ собраній Эрмитажа. Благодаря присутствію въ ней Шешковскаго, она, въ понятіяхъ современниковъ, была такимъ же инквизиціоннымъ учрежденіемъ, какъ и прежняя тайная канцелярія. Всѣ знали и вѣрили, что «премилосердая мать отечества» не хотѣла истязаній, но развѣ отъ этого было легче?

Въ самомъ дѣлѣ, трудно вѣрить тому, что разсказываютъ о дѣйствіяхъ Шешковскаго, этого богобоязненнаго мужа, усердно посѣщавшаго церковь Божію и во всякую обѣдню подававшаго вынимать по три просфоры. Разсказываютъ, напримѣръ, что комната тайной экспедиціи, гдѣ производилась у него расправа, сплошь была заставлена иконами, въ рѣчахъ его безпрестанно слышались тексты св. писанія; когда же раздавались стоны и мольбы истязуемыхъ, онъ съ умиленіемъ читалъ акаѳистъ Сладчайшему Іисусу [3]) или Божіей Матери. При входѣ въ комнату присутствія тайной экспедиціи бросался въ глаза большой портретъ императрицы Екатерины въ золоченой рамѣ, съ надписью:

Сей портретъ величества
Есть вкладъ вѣрнаго ея пса
Степана Шешковскаго [4]).

Такъ самъ Шешковскій понималъ службу свою Екатеринѣ. Дѣйствительно, по сыскной части онъ отличался всѣми качествами доброй ищейки. Ни одно многолюдное сборище не обходилось безъ присутствія его шпіоновъ, чутко прислушивавшихся къ народной молвѣ, ловившихъ неосторожныя рѣчи и доносившихъ о нихъ своему пат-

---

[1]) «Русская Старина», 1877 г., май, 38.
[2]) «Полн. Собр. Зак.», № 17,574.
[3]) Не отсюда ли ведетъ начало поговорка: «притянуть къ Іисусу»?
[4]) Разсказъ «Старожила» въ «Русск. Вѣд.», 1882 г., № 23.

рону. Самъ Шешковскій казался вездѣсущимъ: часто его видѣли тамъ, гдѣ вовсе не ожидали. При такомъ усердномъ наблюденіи не возможны были ни преступные замыслы, ни вольныя рѣчи, а если гдѣ и проскакивали послѣднія, то виновные немедленно приглашались къ Шешковскому для объясненій, подчасъ на столько внушительныхъ, что нескоро выходили изъ памяти. Старики говорятъ, что въ домѣ Шешковскаго было какое-то кресло, которое посредствомъ особо приспособленнаго механизма опускалось подъ полъ, гдѣ всегда готовые на подобный случай сторожа обнажали сидѣвшаго и наказывали розгами. Преданіе вѣроятное: кто изъ насъ не слыхалъ когда-то, что будто бы подобная же механика практиковалась и въ покойномъ III-мъ Отдѣленіи, чего, однако же, никогда не было; ясно, что на послѣднее учрежденіе, напоминавшее собою тайныя присутствія прежнихъ временъ, переносилось по старой памяти то, что продѣлывалось у Шешковскаго.

Какъ великъ былъ ужасъ, наводимый однимъ именемъ этого инквизитора, показываетъ случай, бывшій съ Радищевымъ.

Екатерина, принявъ сочиненіе его «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» за личное оскорбленіе, велѣла посадить его въ крѣпость и произвести слѣдствіе. Полицейскій офицеръ беретъ его подъ арестъ и отправляется съ нимъ къ главнокомандующему въ Петербургѣ графу Я. А. Брюсу. Лишь только вошли они въ переднюю, какъ туда же является какой-то человѣкъ. На вопросъ: отъ кого онъ? — посланный отвѣчалъ: «отъ Шешковскаго». Радищевъ, услыхавъ ужасное имя, упалъ въ обморокъ [1]).

Намъ извѣстны нѣкоторые допросы Шешковскаго [2]), но это документы оффиціальные; по нимъ нельзя судить, какими устрашеніями сопровождались они въ стѣнахъ крѣпости. Доказательствомъ тому можетъ служить дѣло Невзорова. Въ «Докладной запискѣ» о немъ, поданной императрицѣ, сказано: «Студентъ Невзоровъ тайному совѣтнику Шешковскому ни о чемъ отвѣтствовать не хотѣлъ, говоря, что де по правиламъ университета, безъ присутствія университетскаго члена или командира Ивана Ивановича Шувалова, ни передъ какимъ судомъ отвѣтствовать не долженъ, и хотя ему, Невзорову, неоднократно было говорено, что спрашивается по высочайшему соизволенію ея императорскаго величества, но онъ на это говорилъ: я де этому не вѣрю. Наконецъ, сказано ему, Невзорову, было, что если онъ отвѣтствовать не будетъ, то онъ, яко ослушникъ власти, по повелѣнію ея императорскаго величества будетъ сѣченъ, на что онъ съ азартомъ говорилъ: я де теперь въ

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ», 1858 г., № 23, 407.

[2]) Напр., Радищева («Арх. кн. Воронцова», т. V), Новикова, Котельникова и Невзорова («Сборн. русск. ист. Общ.», т. II).

вашихъ рукахъ, дѣлайте, что хотите, выведите меня на эшафотъ и отрубите голову»[1]).

То, да не то читаемъ о допросѣ Невзорова въ «Запискахъ» Лопухина, который сцену въ Петропавловской крѣпости воспроизвелъ, по всей вѣроятности, со словъ самого Невзорова.

«Невзоровъ,—говоритъ Лопухинъ,—былъ боленъ и не могъ отвѣчать, да и нечего было отвѣчать, а Шешковскій думалъ, что онъ упрямится и таитъ нѣчто важное.

— «Знаешь ли, гдѣ ты?—спрашиваетъ его Шешковскій.

— «Не знаю,—отвѣчаетъ Невзоровъ.

— «Какъ не знаешь,—ты въ тайной.

— «Не знаю, что такое тайная. Пожалуй, захватя и въ лѣсъ завезутъ, въ какой нибудь станъ, да скажутъ, что это тайная, и допрашивать станутъ.

— «Государыня приказала тебя бить четвертнымъ полѣномъ, коли не будешь отвѣчать.

— «Не вѣрю, чтобъ это приказала государыня, которая написала Наказъ коммиссіи о сочиненіи Уложенія.

«Шешковскій вышелъ съ досадою и послѣ принесъ записку руки государыни, коею повелѣвала она Невзорову отвѣчать.

— «Я не знаю,—говоритъ Невзоровъ:—руки ея величества; можетъ быть, вы заставили написать жену свою, да кажете мнѣ ея руку вмѣсто государыниной.

— «Да знаешь ли, кто я?

— «И того не знаю.

— «Я Шешковскій.

— «Слыхалъ я про Шешковскаго, а вы ли онъ, не знаю; да, впрочемъ, у меня съ Шешковскимъ никакого и дѣла быть не можетъ. Я принадлежу университету и по его уставу долженъ отвѣчать не иначе, какъ при депутатѣ университетскомъ...

«Принуждены были отвести Невзорова для допроса къ самому первому куратору, Ивану Ивановичу Шувалову. Допросъ былъ не важный, потому что нечего было отвѣчать, какъ не о чемъ было спрашивать»[2]).

Читая этотъ разсказъ, невольно вѣришь тому, будто Шешковскій самъ хвалился, что знаетъ средство вынуждать признаніе, именно, начиналъ онъ тѣмъ, что допрашиваемое лицо ударялъ палкой подъ самый подбородокъ съ такой силой, что зубы трещали, а иногда и выскакивали. Четвертное полѣно какъ разъ годилось для такой операціи, но Невзорову онъ только пригрозилъ, не исполнивъ угрозы, такъ какъ арестантъ былъ, всетаки, на виду у императрицы, да и вслѣдствіе отношеній его къ Шу-

---

[1]) «Сборн. русск. ист. Общ.», т. II, 141.

[2]) Записки И. В. Лопухина, Москва, 1860 г., 51.

валову, какъ къ куратору университета, могло открыться истязаніе, но съ другими, не столь замѣтными арестантами, а тѣмъ более съ людьми простыми, Шешковскій, конечно, не чинился. Съ такими онъ давалъ полную волю и палкѣ, и розгамъ, и кнуту, причемъ, говорятъ, доходилъ до такой степени увлеченія, что самъ брался за кнутъ или плеть и исполнялъ обязанность палача.

Пусть читатель не удивляется, встрѣчая въ нашемъ очеркѣ слова: «говорятъ», «разсказываютъ». Иначе и быть не можетъ: свѣдѣнія объ инквизиторскихъ дѣйствіяхъ Шешковскаго дошли къ потомству по преданію, въ оффиціальныхъ же документахъ о нихъ, конечно, нѣтъ и слѣда. Очень можетъ быть, что въ дошедшихъ до насъ разсказахъ иное преувеличено, другое создано взволнованнымъ воображеніемъ или ненавистью, но уже одно то, что въ свое время были возможны подобные слухи, служитъ доказательствомъ, что дѣйствія Шешковскаго выходили изъ ряду вонъ и еще при жизни его придавали ему характеръ какого-то легендарнаго лица.

Имя Шешковскаго было всѣмъ извѣстно и всѣми ненавидимо; даже дѣти и юноши знали его и питали къ нему отвращеніе. Такъ, Селивановъ въ разсказѣ своемъ «Изъ давнихъ воспоминаній» [1]) приводитъ бесѣду двухъ стариковъ—своего отца и его сосѣда, бывшихъ при Екатеринѣ кадетами,— одинъ перваго кадетскаго корпуса, а другой пажескаго. Старикъ Селивановъ разсказывалъ своему собесѣднику, что кадеты сговорились высѣчь Шешковскаго и чуть было не исполнили экзекуціи. «Не помню, по какому случаю, было ли у насъ гулянье, — разсказывалъ Селивановъ,—но только Шешковскій появился у насъ въ саду; какъ теперь помню его небольшую, мозглявую фигурку, одѣтую въ сѣрый сюртучекъ, скромно застегнутый на всѣ пуговицы и съ заложенными въ карманы руками. Человѣкъ 40 кадетовъ нарѣзали жидкихъ хлыстовъ, заткнули ихъ подъ спинки мундировъ и стали слѣдить Шешковскаго въ аллеяхъ сада. Вѣроятно, онъ замѣтилъ что нибудь недоброе, сталъ торопливо пробираться къ воротамъ и уѣхалъ. Когда онъ вышелъ изъ воротъ, кадеты, видя свою неудачу, выхватили хлысты и, махая въ воздухѣ, кричали ему въ догонку: «счастливъ твой богъ, что ушелъ». — «А у насъ, —перебилъ собесѣдникъ Селиванова, Андрей Николаевичъ Соковнинъ:— въ пажескомъ корпусѣ, такъ и высѣкли, какъ слѣдуетъ высѣкли: поймали, растянули и высѣкли розгами. Государыня была очень недовольна. Нѣсколько пажей наказали жестоко и исключили изъ корпуса».

Дѣйствительно ли былъ такой случай съ Степаномъ Ивановичемъ, или старички черезчуръ ужъ разговорились, вспоминая прошлое,—не знаемъ, но замѣчательно то, что подобные разсказы

[1]) «Русскій Архивъ», 1869, 164—165.

повторялись и другими. Такъ разсказываютъ, что какой-то молодой человѣкъ, бывшій уже однажды въ домы Шешковскаго и испытавшій сидѣнье на его креслѣ, провинился въ другой разъ и, будучи приглашенъ къ нему, не только не хотѣлъ сѣсть въ кресло, но пользуясь свиданіемъ съ гостепріимнымъ хозяиномъ съ глазу на глазъ, будто бы самого его усадилъ въ него и заставилъ его опуститься въ подполье, самъ же поспѣшно скрылся [1]).

Среди царедворцевъ, наполнявшихъ дворецъ Екатерины, куда по обязанности докладчика своихъ дѣлъ являлся и Шешковскій [2]), онъ по грубой натурѣ своей и необразованію, выдававшимъ плебейское его происхожденіе, долженъ былъ казаться какимъ-то безобразнымъ наростомъ на этомъ блестящемъ обществѣ, съ которымъ, по всей вѣроятности, внѣ круга служебныхъ отношеній не имѣлъ ничего общаго. Извѣстно, что князь Потемкинъ третировалъ его какъ какого нибудь кучера, который по господскому приказанію обязанъ былъ пороть на конюшнѣ своего брата крѣпостнаго. Встрѣчаясь съ Шешковскимъ, Потемкинъ не могъ утерпѣть, чтобъ не сдѣлать ему вопроса:—«Каково кнутобойничаешь, Степанъ Ивановичъ?» — «Помаленьку, ваша свѣтлость»,—отвѣчалъ Шешковскій, подобострастно кланяясь.

Любопытенъ разсказъ Державина о столкновеніи его съ Шешковскимъ по дѣлу Якобія, которое тотъ, изъ угожденія патрону своему князю Вяземскому, хотѣлъ направить сообразно видамъ послѣдняго. Дѣло это разсматривалось во 2 департаментѣ сената, причемъ «блюстителемъ» при слушаніи его, по именному указу, былъ назначенъ Шешковскій. По разномыслію сенаторовъ оно, однако же, не было окончено ни во 2 департаментѣ, ни въ общемъ собраніи, почему императрица велѣла Державину пересмотрѣть производство его и сдѣлать ей докладъ. Державину же поручено было написать и проектъ указа по дѣлу Якобія. Когда онъ былъ написанъ, Екатерина велѣла просмотрѣть его графу Безбородкѣ, а затѣмъ, передать для просмотра же Терскому [3]) и Шешковскому — не найдутъ ли они въ немъ чего несправедливаго. «Безбородко, — разсказываетъ Державинъ, — низкимъ почелъ для себѣ просмотрѣнный имъ указъ представлять яко бы на аппробацію Терскому и Шешковскому, которые сами никогда указовъ не писали и по дѣламъ, ими докла-

---

[1]) «Русская Старина», 1874, августъ, 784—785.

[2]) Мы слышали, что въ Зимнемъ дворцѣ, именно въ той части его, которая обращена на Англійскую набережную, ему была отведена особая комната, называвшаяся «кабинетомъ Шешковскаго». Передававшій намъ это свѣдѣніе говорилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ самъ былъ въ этой комнатѣ и что она, по преданію, сохраняла прежнее свое названіе. Можетъ быть, такъ какъ экстренные случаи могли требовать продолжительнаго присутствія Шешковскаго для работъ «подъ глазами императрицы».

[3]) Аркадій Ивановичъ Терскій—генералъ-рекетмейстеръ.

дываемымъ, а всегда относились о томъ къ Безбородкѣ, почему и не исполнилъ самъ сего императрицына приказанія, а поручилъ Державину. Державинъ, разсудя, что честолюбивые перекоры въ такомъ случаѣ не только неумѣстны, но и погрѣшительны, когда должно оправдать невиннаго, показалъ указъ Терскому и Шешковскому и объявилъ имъ высочайшее повелѣніе, чтобъ они, узнавъ дѣло, особливо Шешковскій, который по особенному именному указу былъ блюстителемъ при слушаніи его во 2 сената департаментѣ, сказали свое мнѣніе на указъ. Шешковскій былъ въ отличной довѣренности у императрицы и у князя Вяземскаго по дѣламъ тайной канцеляріи, какъ и сіе дѣло слѣдовано было прежде сената въ страшномъ ономъ судилищѣ, то онъ, взявъ на себя важный и присвоенный имъ, какъ всѣмъ извѣстно, таинственный, грозный тонъ, зачалъ придираться къ мелочамъ и толковать, яко бы въ указѣ не соблюдена должная справедливость.—«Слушай, Степанъ Ивановичъ,—сказалъ ему неустрашимо Державинъ:—ты меня не собьешь съ пути мнимою тобою чрезвычайною довѣренностію къ тебѣ императрицы и будто она желаетъ, по извѣстнымъ одному тебѣ причинамъ, осудить невиннаго. Нѣтъ, ты лучше мнѣ скажи — какую ты и отъ кого имѣлъ власть выставлять своею рукою примѣчанія, которыя на дѣлѣ видны, осуждающія строжае, нежели существо дѣла и законы обвиняемаго, и тѣмъ, совращая сенаторовъ съ стези истинной, замѣшалъ такъ дѣло, что нѣсколько лѣтъ имъ занимались и поднесли къ императрицѣ нерѣшеннымъ». Шешковскій затрясся, поблѣднѣлъ и замолчалъ, а Терскій, будучи хитрѣе, увидя таковое неробкое противорѣчіе, сказалъ, что онъ въ указѣ ничего не находитъ справедливости противнаго, съ чѣмъ и Шешковскій согласился, просилъ донести императрицѣ, что они предъ правосудіемъ и милосердіемъ ея благоговѣютъ...»[1]).

Замѣчаніе Державина, что Шешковскій, как ъ всѣмъ извѣстно, принималъ важный, грозный и таинственный тонъ, опираясь на чрезвычайную къ нему довѣренность императрицы, весьма характеристично. Какъ видно, въ сферѣ служебной, въ дѣлахъ, относившихся къ спеціальности Шешковскаго, онъ, не смотря на свою отчужденность отъ интеллигентнаго общества, смотрѣвшаго на него свысока, не прочь былъ, въ свою очередь, и самъ поважничать передъ лицами этого общества, стараясь выказать передъ ними свое значеніе и привиллегированное положеніе, въ чемъ, можетъ быть, и успѣвалъ иногда. Различныя побужденія, а, между прочимъ, и такія мудрыя житейскія изрѣченія, какъ, напримѣръ, «всѣ подъ Богомъ ходимъ», «не плюй въ колодезь»,—могли создать и Шешковскому ласкателей, конечно, не въ средѣ людей самостоятельныхъ. Такъ, читая письма московскаго главнокомандующаго князя

---

[1]) Записки Державина, 323—324.

Прозоровскаго, писанныя къ Шешковскому, по поводу производившагося слѣдствія надъ Новиковымъ, видимъ въ нихъ поразительное подобострастіе и что-то заискивающее со стороны недалекаго умомъ и слабохарактернаго князя. Въ этихъ письмахъ встрѣчаемъ, напримѣръ, такія выраженія: «Признателенъ искренно вамъ, м. г. мой, за доброе ваше о мнѣ заключеніе... Любите меня и не оставляйте, дѣло нѣжное — такъ въ случаѣ остерегите, чѣмъ много одолжите истинно почитающаго васъ... (6-го мая 1792 г.).

«...Благодарю васъ за ваше доброе о мнѣ заключеніе. Продолжайте оное на удовольствіе истинно васъ почитающаго... (13-го мая 1792 г.).

«...Письмо в. п—ства получилъ исправно и за все въ немъ изъясненное приношу вамъ, м. г. мой, наисовершеннѣйшую благодарность и сердечно радъ, что вы мной довольны...» (17-го мая 1792 г.).

Князь Прозоровскій «надѣется на дружбу» Шешковскаго, напоминаетъ ему «о нелицемѣрномъ» своемъ къ нему почитаніи и проч. [1]). Повторяемъ, что, можетъ быть, и не одинъ князь Прозоровскій заискивалъ въ Шешковскомъ, но отношенія къ нему придворнаго круга еще не довольно извѣстны.

Какъ бы то ни было, но въ концѣ царствованія Екатерины, Шешковскій пользовался такимъ положеніемъ, какого, конечно, никто еще изъ его братьи приказныхъ до того времени не достигалъ. Къ нему благоволила императрица, онъ былъ въ чинахъ и звѣздахъ, у него былъ свой домъ и имѣнія въ четырехъ губерніяхъ [2]). Нечего и говорить, что не однѣми монаршими щедротами составилъ онъ себѣ состояніе: Шешковскій бралъ взятки, но ставить это въ особенную вину ему было бы несправедливо — кто же не бралъ тогда? Это былъ порокъ времени.

Въ 1793 году, Екатерина назначила Шешковскому ежегодную пенсію въ 2,000 рублей, но этой милостію онъ пользовался недолго. 12-го мая онъ умеръ.

Смерть его произвела въ обществѣ нѣкоторую сенсацію: пошли толки и догадки, кѣмъ будетъ замѣненъ Шешковскій? Н. Н. Бантышъ-Каменскій, сообщавшій жившему въ деревнѣ князю А. Б. Куракину о столичныхъ новостяхъ, увѣдомлялъ его и о смерти Шешковскаго, прибавляя: «преемниковъ ему разныхъ славятъ: Полѣнова, сенатскаго оберъ-секретаря, Ермолова, что при генералъ-прокурорѣ [3]), Льва Вас. Елагина, или петербургскаго полицмейстера Чулкова» [4]).

---

[1]) «Сборн. русск. ист. Общ.», т. II, стр. 103 и далѣе.

[2]) См. ниже.

[3]) Петръ Алексѣевичъ (отецъ Алексѣя Петровича) былъ правителемъ дѣлъ въ канцеляріи генералъ-прокурора А. Н. Самойлова.

[4]) «Русск. Арх.», 1876, т. III, стр. 384.

Черезъ два мѣсяца послѣ смерти Шешковскаго, генералъ-прокуроръ Самойловъ увѣдомилъ вдову его, что «ея императорское величество, помня ревностную службу покойнаго супруга ея, высочайшую свою милость продлить соизволила, и на оставшее (sic) его семейство всемилостивѣйше повелѣла выдать ей съ дѣтьми десять тысячъ рублей» [1]).

Послѣ Шешковскаго остались сынъ и дочь; сынъ — Иванъ Степановичъ, по словамъ Гельбига, отличался познаніями, добрымъ нравомъ и кроткимъ обращеніемъ [2]). Умеръ онъ въ чинѣ бригадира въ октябрѣ 1818 года [3]); о службѣ его намъ ничего неизвѣстно. Дочь Шешковскаго, Марья Степановна, вышла замужъ за сенатора, тайнаго совѣтника Петра Петровича Митусова.

Шешковскій погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ; на могильномъ памятникѣ его надпись: «Подъ симъ камнемъ погребенъ тайный совѣтникъ и св. равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени кавалеръ Степанъ Ивановичъ Шешковскій. Житія его было 74 года, 4 мѣсяца и 22 дня. Служилъ отечеству 56 лѣтъ». Рядомъ съ его могилою памятникъ жены его съ надписью: «Здѣсь лежитъ въ бозѣ почивающая тайнаго совѣтника Степана Ивановича Шешковскаго супруга Аліона Петровна, преставившаяся 1805 года, августа 7-го числа. Сей памятникъ сооруженъ дочерью ея, тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Митусова супругою Марьей Степановною».

---

[1]) «Русск. Арх.», 1866, стр. 263.

[2]) Тамъ же, стр. 264.

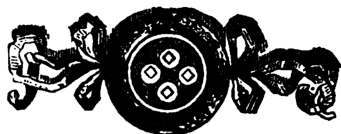
[3]) Въ «Русск. Арх.», 1866 г., стр. 263—264, помѣщено свѣдѣніе объ оставшихся послѣ Шешковскаго недвижимомъ имѣніи и дачахъ, извлеченное изъ генералъ-прокурорскихъ дѣлъ («арх. минист. юст.») и сообщенное редакціи Н. В. Калачевымъ. Въ свѣдѣніи этомъ значится: «У покойнаго тайнаго совѣтника Шешковскаго имѣется деревня Нижегородскаго намѣстничества, въ Княгининской округѣ, село Бакалды, въ коемъ по послѣдней ревизіи считается 780 душъ. Мелкихъ деревень около 100 душъ, которыми, однако жъ, владѣетъ вдовствующая невѣстка Степана Ивановича». Изъ этого надо заключать, что у Шешковскаго былъ еще и другой сынъ, который умеръ при жизни отца. «Вдовствующая невѣстка» не могла быть женою Ивана Шешковскаго, такъ какъ въ журналѣ с.-петербургскаго уѣзднаго суда во 2-мъ департаментѣ, отъ 5-го декабря 1818 года, значится записаннымъ: «Прошеніе г. тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Петра Петровича Митусова, жены его Марьи Степановой дочери, коимъ проситъ оставшееся по смерти роднаго ея брата бригадира Ивана Степанова Шешкова (sic), скончавшагося минувшаго октября 31-го дня, имѣніе заключающееся въ домѣ, состоящемъ Нарвской части, во 2 кварталѣ, подъ № 868 и 869 и находящемся въ ономъ движимостію и крестьянахъ въ губерніяхъ: Нижегородской — Княгининскаго уѣзда, въ селѣ Бакалдахъ, Московской — Коломенскаго уѣзда, въ селѣ Пановѣ, Тульской — Веневскаго уѣзда, въ деревнѣ Степановкѣ и Тверской — Кашинскаго уѣзда, въ деревнѣ Волковой, за нею, яко единственною послѣ него наслѣдницею, утвердить и о томъ куда слѣдуетъ представить и отнестись, а ей выдать съ постановленія копію».

Со смертію бригадира Ивана Степановича Шешковскаго, фамилія эта прекратилась. Въ царствованіе императора Павла родъ Шешковскихъ, какъ получившій дворянство по «заслуженнымъ чинамъ», былъ внесенъ въ III отдѣленіе общаго о дворянскихъ родахъ гербовника[1]).

Вотъ все, что до сихъ поръ извѣстно о Шешковскомъ. Очевидно, что для полной, всесторонней характеристики его не достаетъ еще многаго. Такъ, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы судить о немъ, какъ объ отцѣ семейства и какъ помѣщикѣ; намъ ничего неизвѣстно объ его общественныхъ связяхъ и знакомствахъ; наконецъ, любопытно было бы знать, какое положеніе занималъ онъ на своемъ наблюдательномъ посту по отношенію къ малому двору, на который, надо сказать правду, нерѣдко императрица обращала подозрительный взоръ свой. Поэтому, нельзя не пожелать, чтобы настоящій, далеко неполный, біографическій очеркъ вызвалъ со стороны лицъ, имѣющихъ какія либо свѣдѣнія о Шешковскомъ, новыя подробности, дополненія и разъясненія.

Говорятъ, что послѣ Шешковскаго остались «Записки». Едва ли. Сомнѣваемся, чтобы въ немъ могла когда нибудь родиться мысль и потребность къ такому занятію, но если не записки, то должны же были остаться семейныя бумаги, служебная переписка и т. п.,— это несомнѣнно, но гдѣ же онѣ? Или и имъ суждено также исчезнуть, какъ исчезла самая фамилія Шешковскихъ?

А. Корсаковъ.



---

[1]) «Русск. Арх.», 1866, стр. 264.

СОВРЕМЕННАЯ ЗНАМЕНИТОСТЬ АНГЛІЙСКОЙ СЦЕНЫ.

ТРАНА, не имѣющая съ XVI столѣтія оригинальнаго сценическаго репертуара, производитъ, все-таки, по временамъ замѣчательныхъ исполнителей художественныхъ произведеній. Въ настоящее время имя Ирвинга гремитъ на театрахъ Англіи и Сѣверной Америки. На континентѣ Европы оно мало извѣстно, да и на родинѣ у него много противниковъ, хотя самое озлобленіе, съ которымъ преслѣдуютъ его нѣкоторые критики, уже доказываетъ, что онъ выходитъ изъ ряда посредственностей, о которыхъ никто не споритъ. Наконецъ, въ честь его воздвигаютъ статуи,— а этой чести не удостоиваются и многіе уже умершіе дѣятели на болѣе важномъ поприщѣ, чѣмъ сцена. Все это заставляетъ обратить вниманіе на артиста, прославившагося въ особенности воспроизведеніемъ шекспировскихъ типовъ.

Джонъ Генри Бродриббъ, взявшій фамилію Ирвингъ, родился въ маленькомъ мѣстечкѣ Кэнтонъ, но получилъ воспитаніе въ лондонской школѣ. На сцену онъ вышелъ въ 1856 году, 18-ти лѣтъ, но долго не могъ добиться извѣстности, втеченіе десяти лѣтъ перебывавъ на 8-ми театрахъ: Сондерландскомъ, Эдинбургскомъ, театрѣ Принцессы, въ Гласгоу, Манчестерѣ, Ливерпулѣ, на театрѣ принца Уэльскаго, наконецъ, на лондонскомъ Сент-Джемскомъ театрѣ. Здѣсь онъ создалъ себѣ репертуаръ въ роляхъ злодѣевъ и мошенниковъ. Въ 1867 году, онъ перешелъ на театръ Королевы, а въ 1870 году въ Водевиль, гдѣ съигралъ 300 разъ въ комедіи

Альбери «Двѣ розы». Еще больше успѣха имѣлъ онъ въ слѣдующемъ году на театрѣ Лицея, въ драмѣ, передѣланной изъ «Польскаго жида» Эркмана-Шатріана. Затѣмъ лучшими ролями его были Карлъ I, Евгеній Арамъ и Ришелье. Наконецъ, въ 1874 году, онъ явился въ роли Гамлета и съигралъ ее 200 разъ. Мнѣніе публики объ исполненіи этой роли раздѣлилось: одни восхищались ею безусловно, другіе утверждали, что, привыкнувъ играть въ мелодрамахъ, Ирвингъ и шекспировскія роли исполняетъ, какъ актеръ мелодраматическій. Соперникъ его по исполненію этихъ ролей, сѣверо-американскій трагикъ, Бутъ, идетъ еще дальше, утверждая, что англійскую публику только и можетъ увлечь мелодрама, что публика эта не сочувствуетъ Шекспиру, не проникается силою его стиховъ, что между нею и актеромъ нѣтъ симпатіи, возникающей, когда пьеса имъ одинаково дорога и понятна. Бутъ не говоритъ, чтобы англичане не любили или не цѣнили своего поэта: они только не привыкли слышать его со сцены. Имъ необходимы декораціи, блестящая обстановка, безъ этого они не понимаютъ пьесы. Противъ этой, въ сущности справедливой оцѣнки, возсталъ поклонникъ Ирвинга, Фредерикъ Дели, въ своемъ сочиненіи «Henry Irving in England and America», вышедшемъ въ 1884 году. Онъ доказываетъ прямо, что Шекспиръ обязанъ Ирвингу своимъ возрожденіемъ (revival). Дѣйствительно, послѣ Гамлета, трагикъ явился въ Макбетѣ, Отелло и Ричардѣ III, и въ то же время въ мелодрамѣ «Ліонскій курьеръ» (Ограбленная почта). Объ исполненіи этихъ ролей были также высказаны противорѣчивыя сужденія. Безпристрастнѣе всего его оцѣнили въ Нью-Іоркѣ, и въ журналѣ «The Century» Ранкенъ Тоузе представилъ подробный разборъ игры артиста въ его главныхъ роляхъ. Мы сдѣлаемъ выводы изъ этой оцѣнки, дающей вѣрное понятіе объ особенностяхъ дарованія Ирвинга.

Въ первый разъ Ирвингъ вышелъ передъ нью-іоркской публикою въ роли Матвѣя, въ «Польскомъ жидѣ». Некрасивая фигура, глухой голосъ, излишняя жестикуляція при появленіи артиста, произвели непріятное впечатлѣніе, но послѣдующія сцены доказали, что онъ обладаетъ драматическимъ талантомъ и знаніемъ сцены. Всѣ особенности характера Матвѣя: угрызенія совѣсти, подозрительность, страхъ, жадность, хитрость, были переданы въ совершенствѣ, но пьеса эта, всетаки, мелодрама, въ которую введены для большаго эффекта даже месмеризмъ и магнетическіе пассы. Судить о степени дарованія актера по этой пьесѣ нельзя. Второю ролью его—былъ Карлъ I, и здѣсь Ирвингъ выказалъ всю гибкость своего таланта: характеръ короля, каковъ онъ въ пьесѣ, а не въ исторіи—аристократическое достоинство, придворная вѣжливость въ соединеніи съ задумчивостью и съ гуманностью безконечной, любящей, благородной натуры. Но, передавая всѣ эти

оттѣнки, актеръ въ то же время поражалъ изъисканною манерностью въ сценахъ при дворѣ, въ разсказѣ о Лирѣ. Въ сценахъ съ Кромвелемъ не доставало величія, спокойствія; въ сценѣ съ королевой, послѣ потери сраженія, было мало задушевности, искренности чувства. Людовикъ XI былъ олицетворенъ гораздо лучше, чѣмъ король Англіи. Гримировка, вѣрность историческому типу были изумительны. Третья роль актера привела къ убѣжденію, что онъ превосходенъ въ эксцентрическихъ характерахъ, но что ему не достаетъ драматической энергіи; въ игрѣ его преобладаетъ умъ, изученіе, а не истинное чувство, не вдохновеніе. Это лучше всего доказало исполненіе имъ роли Шейлока. Наружность его была безукоризненная, но ему не доставало внутренняго воодушевленія.

Послѣ Шекспира Ирвингъ опять перешелъ къ мелодрамѣ и въ «Ліонскомъ курьерѣ» съигралъ двойную роль злодѣя Дюбоска и невиннаго Лесюрка, осужденнаго на смерть по сходству съ убійцей курьера. Здѣсь актеру измѣнялъ голосъ, свидѣтельствующій о физической слабости Ирвинга, и черты лица его нисколько не подходили къ типу кровожаднаго злодѣя. Онъ съигралъ также роль блестящаго дворянина стараго времени въ комедіи «The Belle's stratagem» и Ричардъ III. Въ этой послѣдней роли онъ пытался создать нѣчто среднее между умнымъ честолюбцемъ, не останавливающимся ни передъ чѣмъ для достиженія своей цѣли, и циническимъ тираномъ, какъ его изображалъ Бутъ на театрахъ Соединенныхъ Штатовъ. Но для того, чтобы изобразить по своему типъ, созданный поэтомъ, надо быть сценическимъ Шекспиромъ, а такой могучій талантъ еще не появлялся ни на одной сценѣ. Ирвингъ и Гамлета съигралъ по-своему, но здѣсь представлялось болѣе простора для его сценическаго творчества, потому что типъ датскаго принца понимается и исполняется не всѣми одинаково. Американскій критикъ не видитъ, однако же, оригинальнаго созданія всей роли Гамлета въ исполненіи Ирвинга, хорошо отдѣлавшаго только мелкія подробности. Даже эксперты по части душевныхъ болѣзней затруднились бы опредѣлить положительно: Гамлетъ, изображаемый Ирвингомъ, — помѣшанный или нѣтъ? Въ общей концепціи роли онъ кажется нормальнымъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, его сумасшествіе явно притворное, но въ другихъ, какъ въ сценѣ съ Офеліею и во время спектакля во дворцѣ—положительно помѣшанный. Глубокаго драматическаго чувства онъ не высказалъ въ этой роли въ сценахъ съ тѣнью отца, съ матерью; въ послѣдней сценѣ было мало увлеченія. Трагизмъ положенія исчезъ совершенно въ реальныхъ, часто даже комическихъ частностяхъ. Ирвингъ олицетворилъ типъ Гамлета въ духѣ современнаго реализма, и вотъ почему у него такъ много приверженцевъ и противниковъ. Легендарный герой старинной скандинавской саги, сынъ ютланд-

Ирвингъ въ «Гамлетѣ», статуя Онслоу Форда.

скаго короля Горвендилля, убитаго своимъ братомъ Фенго, жившій, по словамъ Саксона — Грамматика, во II вѣкѣ до Р. Х., является у Ирвинга не древнимъ норманскимъ конунгомъ, какъ у Эленшлегера, даже не «германскимъ студентомъ, разсуждающимъ, какъ виттембергскій докторъ богословія, о жизни и смерти», а апатическимъ, разслабленнымъ субъектомъ нашего вѣка. Взгляните на эту угрюмую физіономію, художественно переданную скульпторомъ. Въ какомъ-то широкомъ кафтанѣ, похожемъ на халатъ и подбитомъ мѣхомъ, въ башмакахъ съ распустившимися завязками, въ неграціозной позѣ, датскій принцъ, сидя въ креслѣ, на ручку котораго онъ опирается одной рукою, опустивъ другую на колѣни, размышляетъ: быть или не быть. Похожа ли сколько нибудь эта почти старческая и мало симпатичная фигура на Гамлета, какимъ мы себѣ обыкновенно его представляемъ, какимъ изображали его такіе живописцы, какъ Ретчъ, Делакруа, Леманъ, Бонъ, Гамильтонъ, Фюзели и др.? Развѣ это тотъ шекспировскій типъ, надъ объясненіемъ, надъ оцѣнкою котораго трудилось столько писателей?..

Слабый тѣломъ, нерѣшительнаго характера, поставленный судьбою въ трагическое положеніе — отмстить за убійство своего отца и не чувствующій въ себѣ достаточно силы воли, чтобы совершить эту месть, неизбѣжную по суровымъ законамъ суровой эпохи, Гамлетъ, и по природѣ склонный къ меланхоліи, принимается играть при дворѣ своего дяди роль помѣшаннаго, чтобы лучше обдумать планъ мщенія. Сначала онъ хочетъ удостовѣриться въ преступленіи, сомнѣвается даже въ словахъ явившагося ему духа, говоря, что бываютъ и духи-обманщики. Но, когда сцена убійства, представленная въ присутствіи короля, доказываетъ ему несомнѣнную виновность дяди, онъ все еще продолжаетъ бороться съ мыслью о необходимости кроваваго возмездія и ничего не предпринимаетъ для ея осуществленія. Финальная катастрофа трагедіи происходитъ помимо его воли. Только видя смерть матери отъ яда и узнавъ, что самъ онъ раненъ на смерть отравленной шпагой, онъ неожиданно бросается на короля и закалываетъ его. Представлять Гамлета помѣшаннымъ—значитъ искажать мысль Шекспира. Даже въ сценѣ съ Офеліей, если бы эта датская барышня, «вкусившая нектаръ клятвы» своего возлюбленнаго, была,—выражаясь реальнымъ языкомъ,—немножко поумнѣе, она не могла бы кричать, что все погибло: «и благородный духъ, и языкъ ученаго, и мощь высокаго ума», а поняла бы, что въ словахъ Гамлета, только повидимому непослѣдовательныхъ, столько же, какъ и прежде, и ума, и благородства. Но видя необходимость убѣдить въ своемъ помѣшательствѣ даже дочь Полонія, которую, конечно, прежде всего сталъ бы допрашивать король, Гамлетъ даже не далъ себѣ труда разыграть передъ Офеліей роль настоящаго сумасшедшаго, а удовольствовался только тѣмъ, что высказалъ ей, въ отрывистыхъ фразахъ, нѣсколько

умныхъ, глубокихъ мыслей, которыя она, въ сердечной простотѣ, не могла не принять за бредъ помѣшаннаго. Но изображать дѣйствительно помѣшаннаго въ этой сценѣ—значитъ впадать въ тонъ такихъ критиковъ, какъ Гизо или Шатобріанъ, назвавшій эту пьесу «трагедіей сумасшедшихъ, Бедламомъ, гдѣ дѣйствуютъ одни умалишенные», или подражать Вольтеру, назвавшему Шекспира пьянымъ дикаремъ, и Фридриху II, обозвавшему огуломъ гнусными (abominables) всѣ пьесы англійскаго писателя, которыми гордится человѣчество.

И между тѣмъ, не смотря на различное пониманіе гамлетовскаго типа, обаяніе этой «трагедіи мысли» такъ велико, что она, всетаки, привлекаетъ всякаго, какъ бы ни была сыграна главная роль. Ирвингъ, по словамъ очевидцевъ, былъ превосходенъ во всѣхъ сценахъ, гдѣ не требовалась глубина чувства: въ сценахъ съ Гораціо, Полоніемъ, актерами, могильщиками, Розенкранцемъ и Гильденштерномъ, тогда какъ въ сценѣ спектакля онъ больше игралъ вѣеромъ Офеліи, чѣмъ слѣдилъ за королемъ. У насъ, въ Александринскомъ театрѣ, Каратыгинъ даже ползалъ по сценѣ, не сводя глазъ съ короля, подмѣчая каждое его движеніе. И это было ближе къ правдѣ, и самъ онъ былъ лучшимъ Гамлетомъ, не смотря на его фельдфебельскій ростъ и манерность игры, вдвое лучшимъ, чѣмъ его преемникъ, явившійся въ Гамлетѣ тѣмъ же Кречинскимъ. Не подходила къ типу датскаго принца и невидная фигура Ирвинга, лишенная драматической выразительности. Гаррикъ и Эдмундъ Кинъ были также малы ростомъ, но голосъ ихъ, передавая борьбу и страданія Гамлета, проникалъ въ сердце, если и не потрясалъ, какъ голосъ Макреди, достигавшаго въ сценѣ съ матерью высшей степени сценическаго искусства. Голосъ Ирвинга слабъ и глухъ, хотя выработанъ, и черты лица мало подвижны и не въ состояніи выражать сильныхъ страстей. Поклонники этого актера видятъ въ немъ не только талантъ, но и геній. Этого нельзя признать, если не держаться реальнаго толкованія роли Гамлета. Геній, если и не высказывается сразу, не остается пятнадцать лѣтъ на провинціальныхъ сценахъ, играя комическія роли и мелодраматическихъ злодѣевъ. Ирвингъ—несомнѣнный талантъ, выработанный долгимъ трудомъ, изученіемъ, наблюденіемъ. Актеръ умный, опытный, находчивый, при изображеніи типическихъ личностей, онъ поражаетъ новизною замысла и исполненія, но всего болѣе внѣшними эффектами, а не внутреннимъ чувствомъ. У него все заранѣе обдумано, подготовлено, взвѣшено до послѣдней мелочи. Онъ дѣйствуетъ на нервы зрителя, поражаетъ неожиданными выходками, которыя не всегда удаются, но всегда производятъ впечатлѣніе. Вся обстановка пьесъ, въ которыхъ онъ исполняетъ главныя роли, направлена къ тому, чтобы рельефнѣе выставить особенность его игры. Пріобрѣтя извѣстность и вмѣстѣ съ тѣмъ состояніе, онъ пріѣхалъ въ Америку съ набран-

ною имъ труппою, какъ директоръ своего театра, и въ этомъ званіи заслуживаетъ еще болѣе вниманія, ставя пьесы не только съ величайшею роскошью, но съ глубокимъ знаніемъ дѣла и любовью къ искусству, со всѣми историческими, археологическими и декоративными аксесуарами. Въ «Карлѣ I» Вейтталль и Гамптон-Кортъ—самыя вѣрныя фотографіи мѣстностей; въ «Людовикѣ XI» массивныя зданія стараго Парижа изображены съ малѣйшими деталями. Декораціи «Гамлета», «Ричарда III», «Венеціанскаго купца» поражаютъ художественностью и антикварною правдою, и въ этомъ отношеніи высоко-образованный директоръ оказываетъ болѣе услугъ сценическому искусству, нежели высоко-талантливый актеръ. Имя Генри Ирвинга, во всякомъ случаѣ, не умретъ въ исторіи англійской сцены.

В. З.

ГОРОДЪ АНГЕЛОВЪ.

СТРѢТИВЪ между городами Калифорніи это странное названіе, никто, конечно, не подумаетъ, что его носитъ мѣстность, населенная существами, имѣющими болѣе или менѣе правъ считать себя созданіями выше обыкновенныхъ смертныхъ, но каждый можетъ вполнѣ основательно заключить, что городъ названъ такъ въ честь этихъ безплотныхъ обитателей христіанскаго рая. Между тѣмъ, и это заключеніе будетъ совершенно ошибочно, такъ какъ, давая названіе городу, рѣчь шла вовсе не объ ангелахъ. Оффиціальное названіе его: «Городъ нашей владычицы, царицы ангеловъ» (Nuestra Senora Reina de los Angeles). Очевидно, что такое длинное названіе неудобно въ ежедневной бесѣдѣ; народъ удержалъ изъ него только окончаніе и, вмѣсто того, чтобы говорить «городъ Богородицы», сталъ называть его «городомъ ангеловъ» (Los Angeles). Въ настоящее время эта сокращенная форма такъ утвердилась, что прежній длинный титулъ не употребляется даже самимъ начальствомъ, забывшимъ для ангеловъ ихъ царицу. Это обстоятельство, должно быть, сильно непріятно основателямъ города, питавшимъ, какъ и всѣ испанцы, особенное уваженіе къ культу Дѣвы-Маріи, но, такъ какъ лица, положившія основаніе этому, сравнительно, молодому городу, — ему теперь немногимъ больше ста лѣтъ, — давно уже спятъ въ могилахъ, то современное поколѣніе можетъ и не обращать вниманія на недовольство своихъ предковъ.

Основаніе города будетъ, вѣроятно, современемъ воспѣто въ народной балладѣ или легендѣ,—теперь еще рано придавать ему ле-

Духовная процессія въ городѣ Ангеловъ.

гендарную обстановку, хотя она не лишена извѣстной доли романтичности. Сто лѣтъ назадъ безлѣсные холмы и глубокія долины, по которымъ течетъ, прихотливо извиваясь, къ морю мелководная «рѣка Ангеловъ», были покрыты густымъ лѣсомъ и маленькими озерами. Испанскій король подарилъ эту мѣстность двѣнадцати, уже не молодымъ, воинамъ, проливавшимъ за него свою кровь въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ. Они основали здѣсь маленькую колонію, и провели въ ней спокойно конецъ жизни. Къ нимъ скоро присоединилось много желающихъ поселиться въ этой живописной и здоровой мѣстности. Основанію города предшествовала, конечно, духовная процессія, въ которой приняли участіе монахи сосѣдней миссіи св. Гавріила и индійцы-неофиты. Въ центрѣ будущаго города были утверждены два знамени: одно съ государственнымъ гербомъ Испаніи, другое съ изображеніемъ Богородицы. Если тѣ лица и тѣ мѣстности, о которыхъ не говоритъ исторія, считаются счастливыми, то счастіе новаго города было полное: о первомъ полустолѣтіи его существованія не осталось никакихъ письменныхъ документальныхъ слѣдовъ. Земли было достаточно для всѣхъ новыхъ поселенцевъ, она раздавалась всякому, и за нее вносилась ничтожная плата. Но въ то же время въ новомъ городѣ существовало странное постановленіе: кто оставлялъ свой земельный участокъ невоздѣланнымъ два года сряду, у того онъ отбирался и отдавался тому сосѣду, который замѣтилъ это и объявилъ начальству. Даже и это не ссорило жителей, потому что ни о какихъ спорахъ и тяжбахъ не осталось слѣдовъ. Сосѣди жили мирно въ своихъ низенькихъ глиняныхъ хижинахъ, съ плоскими кровлями изъ тростника, залитаго смолою. Ихъ поля, виноградники, фруктовые сады, доставляли имъ все необходимое для безбѣднаго существованія. Чего не доставало—можно было получить изъ миссіи св. Гавріила, лежавшей въ 12-ти миляхъ отъ города. Въ климатѣ, гдѣ все цвѣтетъ круглый годъ, люди могутъ, сколько имъ угодно, лѣниться подъ лучами вѣчно яркаго солнца. И жители «города Ангеловъ» лѣнились самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Понятно, что, не находя нужды въ физическомъ трудѣ, они нисколько не заботились о своемъ умственномъ развитіи: ихъ невѣжество и предразсудки были изумительны; за то всѣ они были самые ревностные католики и вѣрили безусловно всему, что бы ни вздумалъ сообщить имъ такой же невѣжественный патеръ. Еще въ 1830 году, существовалъ въ городѣ обычай: въ каждомъ домѣ, глава его, проснувшись поутру, затягивалъ гимнъ Богородицѣ, и всѣ домашніе, услышавъ его, обязаны были не только вставать съ постели, но и подтягивать гимну. Можно представить себѣ, какой пріятный концертъ поднимался по городу. Обычай этотъ существовалъ, впрочемъ, во многихъ городахъ Мексики и Калифорніи. Передъ смертію каждый житель требовалъ, чтобы на него надѣли старую священ-

Похороны въ городѣ Ангеловъ.

ническую рясу, и если не успѣвалъ умереть въ ней, то ее надѣвали на трупъ, и непокрытымъ относили его на кладбище. Покойника могли провожать только одни мужчины; точно также, если умирала женщина, за нею могли идти только однѣ женщины. Надо было долго бороться съ самою упорною оппозиціею, чтобы мало-по-малу ввести въ городѣ обрядъ погребенія, принятый всюду.

Старая мексиканка.

Сначала ввели въ употребленіе дроги, но и ихъ везли не лошади, а люди: женщины—женщинъ, мужчины—мужчинъ. Потомъ стали употреблять катафалкъ, на который клали тѣло въ домѣ до погребенія, вмѣсто того, чтобы выставлять трупъ у входа въ домъ. Еще въ 1838 году, весь городъ собирался проститься со столѣтней старухой, трупъ которой былъ положенъ на землѣ, у порога ея

дома, съ камнемъ подъ головою. Покойницу охраняли 14 старыхъ женщинъ, между которыми одной было не меньше лѣтъ, чѣмъ умершей. Цѣлую ночь эти женщины молились надъ тѣломъ, куря сигары.

Съ наступленіемъ эпохи смутъ и революцій, городъ испыталъ также всѣ ужасы междоусобныхъ войнъ: былъ нѣсколько разъ взятъ, разграбленъ и опустошенъ, переходя изъ-подъ власти испанскихъ вице-королей къ мексиканскимъ алькадамъ, наконецъ, къ губернаторамъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Но и въ самое печальное время жители предавались одному изъ любимыхъ своихъ удовольствій—танцамъ. И въ этомъ упражненіи у жителей были свои особенности: танцы никогда не производились въ дому, и

Индійское стремя.

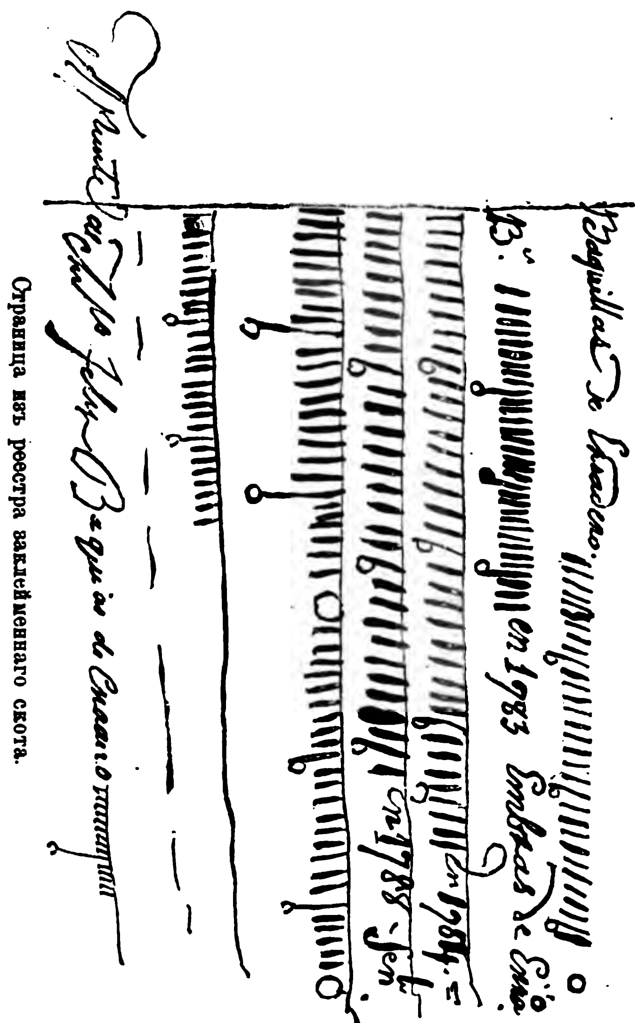
всегда на открытомъ воздухѣ или въ садовой бесѣдкѣ. Бóльшею частью, плясали однѣ женщины, а мужчины смотрѣли на это занятіе, сидя верхомъ на лошади. Если же въ плясъ пускался мужчина, онъ долженъ былъ надѣть короткіе штаны. Костюмы танцорокъ и танцоровъ отличались, вообще, роскошью и картинностью. Но духовенство косо смотрѣло на это увеселеніе, и въ 1821 году, когда въ моду вошелъ вальсъ, издало даже эдиктъ противъ этого «скандальнѣйшаго» (escandalosissima) танца, подвергнувъ отлученію отъ церкви вальсеровъ. Какъ и во всѣхъ случаяхъ нелѣпаго запрещенія невинныхъ удовольствій, мѣра эта послужила только къ тому, что вальсировать начали еще усерднѣе. Но, когда въ городѣ открылся первый публичный балъ, въ нарочно для того устроенномъ павильонѣ, приверженцы старыхъ порядковъ разбили окна и выломали двери въ зданіи. Еще долго послѣ того, объявляя объ открытіи танцовальныхъ вечеровъ, приходилось прибѣгать къ защитѣ полиціи, окружавшей кордономъ своихъ агентовъ мѣсто публичнаго бала.

Теперь городъ Ангеловъ находится въ цвѣтущемъ состояніи. Въ немъ высокіе каменные дома, множество магазиновъ, банковъ, увеселительныхъ заведеній, и онъ расширяется съ каждымъ годомъ. Окрестности его и предмѣстья изобилуютъ садами, вино-

Улица въ городѣ Ангеловъ.

градниками, огородами. На улицахъ попрежнему чаще всего встрѣчаются мексиканки, съ головою, окутанною бѣлымъ покрываломъ; эти покрывала носятъ молодыя и старыя; послѣднія, кромѣ того, у себя на квартирѣ, какъ бы она ни была мала, устроиваютъ ал-

тари передъ иконою Богородицы, окружая ее цвѣтами, лентами, кружевами, обвѣшивая разнаго рода приношеніями, амулетами, ex-voto, зажигая передъ нею свѣчи. Между женщинами снуютъ бритые патеры, въ своихъ долгополыхъ сутанахъ; вездѣ слышна гортанная испанская рѣчь; скачутъ въ красивыхъ курткахъ и ши-



Страница изъ реестра заклейменнаго скота.

рокихъ сомбреро потомки гидальго, вложивъ ноги въ широкія стремена, причудливой формы, заимствованныя у туземныхъ индійцевъ; колокола звонятъ чуть не цѣлый день въ честь Богородицы и разныхъ святыхъ; телѣги, до верха нагруженныя апельсинами, предлагаютъ за ничтожную цѣну свой вкусный товаръ; другія телѣги— съ дровами, плодами, всякими растеніями. На главной, пыльной,

маленькой площади города крошечный фонтанъ, обсаженный кипарисами; въ трехъ-угольной тѣни постоянно валяются любители far niente. Передъ домами ростутъ перечныя деревья, геліотропы, гераній, плющъ. Вдали поднимаются снѣжныя вершины пиковъ Сан-Бернардино и Сан-Хасинто на югѣ и востокѣ; на западѣ, за фруктовыми садами и цвѣтущими полями, видна полоса океана. Улицы, расположенныя на холмахъ, мѣстами поднимаются въ гору,

Запись въ кассовой книгѣ.

и на верхъ нельзя иначе добраться, какъ по ступенямъ. Все это представляетъ живописную, привлекательную картину.

Память прошлаго свято сохраняется бывшими мексиканцами, теперешними гражданами Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Но представители романской расы недружелюбно относятся къ своимъ новымъ согражданамъ англо-саксонскаго происхожденія. Дома католиковъ, гостепріимно открытые единовѣрцамъ, никогда не открываются для безпокойныхъ, дѣятельныхъ янки. Въ каждомъ такомъ домѣ непремѣнно найдешь, кромѣ образа Богородицы, святаго Фран-

Пушка, взятая въ Калифорніи.

циска де-Паула или деревянную статуетку младенца-Іисуса, копію со статуи, которой поклоняются въ церкви Аточа, въ Мексикѣ. Вся обстановка многихъ старинныхъ домовъ такова, что переноситъ посѣтителя за сто лѣтъ назадъ: комнаты убраны перьями, раковинами, опахалами, образами святыхъ, восковыми цвѣтами, старыми матеріями и позументами въ мексиканскомъ вкусѣ прошлаго столѣтія. Всѣ эти старые испанцы живутъ необыкновенно долго въ удивительномъ воздухѣ Калифорніи. Немногіе изъ нихъ сознаютъ необходимость нынѣшняго порядка вещей, преобладанія сѣверо-американской расы, прогресса, развитія промышленности. Но

какъ мало эти дѣти природы знакомы съ самыми элементарными знаніями, доказываетъ, напримѣръ, ихъ способъ вести счетоводство, мало чѣмъ отличающійся отъ первобытнаго счисленія ихъ предковъ, ацтековъ, изображавшихъ цифры и суммы узлами, завязы-

Веранда въ городѣ Ангеловъ.

ваемыми на веревкахъ. Когда Калифорнія перешла подъ власть Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, въ архивахъ города Ангеловъ и многихъ другихъ, вмѣсто всякихъ двойныхъ и тройныхъ бухгалтерій, нашли прилагаемые здѣсь гіероглифы, воспроизводимые нами съ ма-

Увѣнчанная избранница народа.

тематическою точностью. Первый рисунокъ—копія одной страницы изъ реестра, въ который записывался мѣстный рогатый скотъ, лошади, овцы, ослы и другія животныя. По наложеніи на нихъ клейма, они вносились въ списокъ, по мѣрѣ прибыли, а такъ какъ, по каноническимъ правиламъ, каждый десятый приплодъ принадлежитъ церкви, то въ реестрѣ онъ отмѣчался не простой черточкой, а съ кружкомъ на концѣ. Второй списокъ взятъ изъ кассовой книги и изображаетъ число полученныхъ серебряныхъ долларовъ; нуль означалъ здѣсь долларъ, полнуля—полдоллара, черта—четыре доллара. Конечно, подобныя странныя записи дѣлались сто лѣтъ назадъ, но въ Старомъ свѣтѣ и тысячу лѣтъ назадъ употреблялась уже болѣе совершенная система счетоводства. Кромѣ этихъ ариометическихъ памятниковъ прошлаго столѣтія, въ городѣ мало другихъ остатковъ старины. Сохранилась, между прочимъ, первая пушка, привезенная въ Калифорнію патеромъ Юниперо Серра. Отлита она въ 1717 году, а въ 1769-мъ явилась въ Сан-Діего, откуда передана въ миссію св. Гавріила. Это—крошечное орудіе двухъ футовъ длины, съ зарядомъ въ восемь унцій пороха, на неподвижномъ станкѣ. Перевозили ее на мулахъ, и стрѣляли изъ нея только въ честь святыхъ и губернаторовъ.

Но въ то время, когда высшее сословіе въ городѣ Ангеловъ, какъ и вообще въ Калифорніи, принимаетъ съ каждымъ годомъ космополитическій характеръ, а молодежь заимствуетъ манеры и нравы чистыхъ янки, народная масса остается вѣрна испанскимъ обычаямъ. И теперь, какъ въ дни, когда Калифорнія принадлежала Мексикѣ, звуки гитары раздаются, съ закатомъ солнца, на всѣхъ верандахъ города, и смуглыя горожанки жадно слушаютъ знакомые напѣвы незатѣйливой мелодіи, исполняемой загорѣлыми, плотными поклонниками. Слова этихъ народныхъ пѣсенъ не отличаются особенными поэтическими достоинствами, но всегда дороги женщинамъ, потому что говорятъ о любви, о нѣжномъ чувствѣ, о свиданіяхъ и поцѣлуяхъ. Сохранился также въ народѣ, отъ древнихъ временъ, обычай, напоминающій увѣнчаніе розьеры во Франціи. Дѣвушку, отличающуюся красотой, относительно, семейными добродѣтелями, трудолюбіемъ, искусствомъ танцовать и невинностью—народъ провозглашаетъ своею избранницею, по приговору большинства, во время праздника. Послѣ танцевъ всѣ снимаютъ передъ нею шляпы, лучшій изъ танцоровъ надѣваетъ на нее на нѣсколько минутъ свою шляпу, и послѣ такого увѣнчанія дѣвушка раскланивается съ толпой. Тутъ присутствуютъ, обыкновенно, и всадники: въ живописномъ нарядѣ, верхомъ на красивыхъ скакунахъ, они ждутъ минуты, когда избранница народа выберетъ кого нибудь изъ нихъ, кто отвезетъ ее домой, усадивъ вмѣстѣ съ собою на широкомъ, мавританскомъ сѣдлѣ. И такія сцены, проис-

ходящія подъ благословеннымъ небомъ Калифорніи, такъ рѣзко противорѣчатъ обыденному быту покорителей страны, что они смотрятъ съ удивленіемъ на эти проявленія обычаевъ чуждой имъ южной расы, уступившей первое мѣсто въ сферѣ политической жизни болѣе сѣверному германскому племени, но сохранившей первенство въ сферѣ искусства, въ области поэзіи и чувства.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Исторія первобытной христіанской проповѣди (до IV вѣка). Сочиненіе Николая Барсова, профессора С.-Петербургской духовной академіи. Спб. 1885.

НАСТОЯЩЕЕ сочиненіе профессора Н. И. Барсова составляетъ часть его лекцій по исторіи христіанской проповѣди, читанныхъ имъ въ С.-Петербургской духовной академіи, и предназначено быть руководствомъ для изучающихъ предметъ и книгой для чтенія въ обществѣ, въ которомъ еще въ недавнее время былъ значительно возбужденъ интересъ къ первобытному христіанству. Во введеніи къ своему труду, профессоръ Барсовъ опредѣляетъ понятіе о проповѣди и то положеніе, которое занимаетъ наука о христіанскомъ проповѣдничествѣ въ исторіи человѣческой цивилизаціи и культуры. Онъ справедливо указываетъ, что до сихъ поръ еще нѣтъ настоящей вполнѣ правдивой и безпристрастной исторіи христіанской цивилизаціи, исторіи воздѣйствія христіанскаго ученія на жизнь человѣчества, которая указала бы въ современной жизни человѣчества все то, что дано ей христіанствомъ, что возникало подъ его вліяніемъ въ области идей теоретическихъ, внѣшняго быта, установленій общественныхъ, государственныхъ и т. д. Въ наукѣ слишкомъ рано появилось отрицательное отношеніе къ христіанству; западные изслѣдователи, видя передъ собой уродливости римскаго католицизма и перенося ихъ на все христіанство вообще, игнорировали, извращали смыслъ весьма крупныхъ фактовъ исторіи христіанскаго ученія. Это мы видимъ у французскихъ энциклопедистовъ, англійскихъ скептиковъ и эмпириковъ прошлаго столѣтія, въ сочиненіяхъ Гиббона, Бокля, Дрепера, Лекки и другихъ. Прекрасно изучена исторія цивилизацій древне-арійской, семитской, класси-

ческой, магометанской, но христіанская цивилизація еще ждетъ своего историка. Изъ исторіи всеобщей литературы (замѣтимъ, что только въ нашихъ русскихъ курсахъ) исключены творенія отцовъ церкви на томъ основаніи, будто они имѣютъ одно богословское значеніе, а между тѣмъ изучаются усердно литературные памятники индусовъ, иранцевъ, китайцевъ, заключающіе въ себѣ дѣйствительно самое чистое, безпримѣсное богословіе. Такое отношеніе къ христіанству вполнѣ антинаучно, толчокъ къ болѣе правильному его изученію долженъ быть данъ со стороны церковныхъ историковъ. Часть такой желательной исторіи христіанской цивилизаціи составляетъ исторія проповѣди, генетическаго развитія ея типовъ по формѣ и содержанію и ея вліянія на жизнь человѣчества.

Выяснивъ основныя, внутреннія, субъективныя и методическія черты и частныя формы учительства Іисуса Христа, г. Барсовъ подробно останавливается на проповѣди апостоловъ, разбираетъ три главные ея типа: глоссолалію, хвалебную благодарственную рѣчь къ Богу, произносимую въ моментъ экстаза, такъ называемое говореніе языками; профитію — проповѣдь, соединенную съ пророчествомъ, и дидаскалію, наиболѣе спокойный видъ проповѣди, чистое учительство, раціональное изъясненіе основъ нравственныхъ и догматическихъ. Съ теченіемъ времени къ концу втораго вѣка, въ началѣ третьяго, когда остылъ первоначальный религіозный пылъ и явилась потребность въ сознательномъ, осмысленномъ усвоеніи системы христіанскаго ученія, два первые типа проповѣди почти окончательно вытѣсняются дидаскаліей. Говоря объ апостольскомъ періодѣ, г. Барсовъ касается вопроса о вліяніи на проповѣдь христіанскую образцовъ классическихъ и еврейскихъ: греко-римскіе ораторскіе пріемы не могли быть усвоены первыми христіанскими проповѣдниками по своей чрезмѣрной искусственности, новое ученіе проповѣдовалось словами простыми; иначе было съ вліяніемъ еврейскимъ, оно было несомнѣнно очень сильно, какъ это выяснилъ, напримѣръ, Ренанъ, который, однако, его нѣсколько преувеличилъ, но г. Барсовъ даетъ слишкомъ мало мѣста еврейскому элементу, его аргументація въ этомъ пунктѣ нѣсколько слаба, апріорна, не имѣетъ историческаго характера. Излагая исторію проповѣди въ вѣкъ такъ называемыхъ мужей апостольскихъ, г. Барсовъ подробно разбираетъ содержаніе недавно открытаго митрополитомъ Филоѳеемъ Вріенніемъ памятника «Ученіе двѣнадцати апостоловъ»; затѣмъ прекрасно характеризуетъ дѣятельность Климента Александрійскаго, стремившагося объединить вѣру и знаніе, чтобы «знаніе было вѣрующимъ и вѣра была знаніемъ», и въ этомъ отношеніе бывшаго родоначальникомъ не только одного александрійскаго, но и вообще восточнаго христіанскаго богословія, — Тертулліана, обладавшаго блестящимъ талантомъ, умомъ глубокимъ, оригинальнымъ и острымъ, громадною эрудиціей какъ въ наукѣ и литературѣ классической, такъ и въ священномъ писаніи и твореніяхъ христіанскихъ учителей, ему предшествовавшихъ. Характеристики Климента Александрійскаго и Тертулліана положительно художественны и представляютъ собою лучшія мѣста книги г. Барсова. Такъ же хорошъ обзоръ жизни и дѣятельности одного изъ величайшихъ геніевъ и ученыхъ церковныхъ, Оригена, о которомъ его ученикъ, Григорій Чудотворецъ, говорилъ, что «онъ, повидимому, человѣкъ и такимъ является, но могущимъ видѣть величіе его природы представляется вполнѣ приготовленнымъ къ переселенію въ божественный міръ». Оригенъ далъ новый экзегетическій методъ, онъ видѣлъ въ свя-

щенномъ писаніи тройной смыслъ: буквальный, нравственный и духовный, мистическій, аллегорическій. Допущеніе аллегорическаго толкованія писанія влекло очень часто къ сильнымъ натяжкамъ, и въ этомъ великій недостатокъ оригеновскаго метода, но всѣ погрѣшности Оригена искупаются, какъ говоритъ профессоръ Барсовъ, «его непререкаемымъ, громаднымъ и благотворнымъ вліяніемъ на судьбы христіанства», онъ далъ сильный толчекъ возбужденію и обновленію христіанской мысли и жизни. Изъ другихъ проповѣдниковъ III вѣка, г. Барсовъ останавливается на Григоріи Чудотворцѣ, Ипполитѣ, Діонисіи Александрійскомъ, Піеріи, Меѳодіи Тирскомъ, Кипріанѣ Карѳагенскомъ, Арнобіи, Лактанціи. Кромѣ довольно подробной характеристики каждаго проповѣдника, г. Барсовъ часто приводитъ для примѣра цѣликомъ нѣкоторыя ихъ слова, въ русскомъ переводѣ. Ученый аппаратъ въ книгѣ весьма полный, дается хорошая библіографія по каждому вопросу. Вообще, трудъ этотъ очень полезный, доступный всякому образованному человѣку, и нельзя не пожелать скорѣйшаго появленія въ свѣтъ слѣдующаго тома, въ которомъ будетъ заключаться исторія проповѣди въ IV вѣкѣ, въ наиболѣе интересный періодъ исторіи церкви.

А. В—нъ.

В. Потто. Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. Томъ I. Выпуски 2-й, 3-й и 4-й. Спб. 1885.

По выходѣ перваго выпуска труда г. Потто, мы успѣли уже въ короткихъ словахъ указать на его хорошія и дурныя стороны [1]). Въ исторію завоеванія Кавказа трудъ автора этого сочиненія, по плану и характеру своему, совершенно компилятивный, ничего не вноситъ новаго. Но какъ сборникъ фактовъ, подвиговъ и легендъ, связанныхъ со славною эпопеею завоеванія Кавказа, онъ имѣетъ громадную цѣнность для каждаго обыкновеннаго читателя, которому нѣтъ ни времени, ни охоты знакомиться съ этими же событіями и фактами изъ первыхъ источниковъ.

Въ настоящее время, когда, съ выходомъ еще трехъ выпусковъ, законченъ первый томъ сочиненія г. Потто, мы можемъ только подтвердить сказанное раньше. Второй выпускъ посвященъ исторіи Грузіи до князя Циціанова. Третій захватываетъ эпоху плѣненія царицы Марьи, смерти Лазарева и всѣ походы князя Циціанова до его трагической кончины подъ стѣнами Баку. Въ этомъ же выпускѣ находится и біографія Котляревскаго. Наконецъ, четвертый выпускъ посвященъ организаціи черноморскаго войска, первымъ дѣламъ и подвигамъ переселенныхъ на Кавказъ запорожцевъ съ черкесами, абхазцами и шапсугами. Послѣдній выпускъ полонъ самаго захватывающаго интереса, картинно и подробно описывая намъ такія рѣзкія и цѣльныя фигуры запорожцевъ, какъ атаманъ Чепѣга, войсковой писарь Головатый, атаманъ Бурсакъ и многіе ихъ сподвижники. Большею частью, всѣ эти описанія заимствованы у И. Д. Попки, истиннаго поэта черноморскаго казачества, и потому вся картина получаетъ теплый, сильно героическій характеръ.

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», 1885 г., № 6.

Съ окончаніемъ перваго тома, «Кавказская война» В. Потто подошла къ времени А. П. Ермолова, о которомъ на Кавказѣ сохранилось такое множество разсказовъ и легендъ, и потому автору сборника никакъ нельзя будетъ жаловаться на недостатокъ матеріала. Но, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и по мѣрѣ приближенія къ новѣйшимъ временамъ и къ дѣятельности живыхъ еще героевъ, легендарному характеру и поэзіи въ трудѣ г. Потто будетъ все труднѣе и труднѣе спорить съ исторической правдой, у которой найдутся еще живые свидѣтели, можетъ быть, и несогласные съ мнѣніемъ, что

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Какъ бы то ни было, но до сихъ поръ вышедшая часть труда г. Потто заслуживаетъ полнаго интереса и вниманія читателей не-историковъ, а въ остальныхъ — да поможетъ ему Богъ выпутаться изъ ожидающихъ его затрудненій.

В. П.

Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать первая. Бумаги графа А. Р. Воронцова. Москва. 1885.

Тридцать первая книга «Архива князя Воронцова» заключаетъ въ себѣ: 60 писемъ графа Романа Ларіоновича Воронцова къ старшему сыну его, графу Александру Романовичу Воронцову, обнимающихъ періодъ времени съ 1758 по 1783; 252 письма государственнаго канцлера графа Михаила Ларіоновича Воронцова къ тому же графу А. Р. Воронцову, за время отъ 1758 до 1767; 12 писемъ графа А. Р. Воронцова къ отцу его графу Р. Л. Воронцову (1767 г.) и 35 писемъ того же А. Р. Воронцова къ его брату Семену Романовичу; есть въ книгѣ еще нѣкоторые документы, какъ, напр., письма графа Никиты Ивановича Панина (1758, 1765) и др.

Весь этотъ богатый матеріалъ проливаетъ много свѣта на пріемы и взгляды нашихъ дипломатовъ и государственныхъ людей прошлаго столѣтія, сказывавшіеся въ ихъ полу-интимной перепискѣ, хотя надо замѣтить, что часто даже личная переписка дяди-канцлера съ племянникомъ-посломъ (Михаилъ Лар. и Александръ Ром. Воронцовы), по причинамъ весьма понятнымъ, нигдѣ не отличается особою откровенностью, и многое въ ней остается недосказаннымъ и едва отмѣченнымъ. Вслѣдствіе этого, разбираемые документы не даютъ, такъ сказать, нагляднаго обогащенія запасовъ нашихъ свѣдѣній о XVIII вѣкѣ въ Россіи, и съ запросами удовлетворенія любопытства диллетанта въ исторіи (съ тѣми запросами, которые такъ богато удовлетворяются иными томами «Архива», какъ, напр., XXI книга, заключающая въ себѣ записки княгини Дашковой), конечно, къ подобной книгѣ нечего и подходить. Но детальное изученіе того же матеріала, при сравненіи съ тѣмъ, что уже сдѣлано у насъ историческимъ обобщеніемъ, оставляетъ инаго рода впечатлѣніе. Достаточно сказать, что Соловьевъ въ 24—26 томахъ своей «Исторіи Россіи» (изд. 1875 г.), обнимающихъ конецъ царствованія императрицы Елисаветы и начало царствованія Екатерины II, въ своихъ ссылкахъ на «Архивъ князя Воронцова», не восходитъ дальше VIII тома этой богатой коллекціи историческихъ документовъ, между тѣмъ какъ XXXI книга «Архива» отражаетъ

въ себѣ событія именно этой эпохи и, не прибавляя новыхъ фактовъ, дастъ новое освѣщеніе фактамъ уже извѣстнымъ. Равнымъ образомъ, съ точки зрѣнія исторической важны встрѣчающіяся въ перепискѣ ссылки на иностранныя газеты, толковавшія о томъ или другомъ происшествіи въ русской дѣйствительности того времени. Такъ, напр., въ письмѣ канцлера Воронцова къ его племяннику-послу, отъ 8 октября 1764 года, мы находимъ слѣдующее: «На послѣдней почтѣ я послалъ къ вице-канцлеру переводъ съ англійской газеты, въ которой злостно критикованъ нашъ манифестъ, и чтобы онъ, прочтя, оный истребилъ и ея императорскому величеству не показывалъ для непричиненія прискорбія, упомянувъ при этомъ, что и сенатское рѣшеніе о злодѣѣ Мировичѣ, конечно, симъ авторомъ пощажено не будетъ. Я хотѣлъ къ нему печатную газету послать, только хотя оную въ Гамбурхѣ и видѣлъ, не могъ, однако жъ, себѣ получить, и я списалъ заглавіе, нумеръ и страницу оныя газеты ему сообщилъ» (312). По такимъ даннымъ, въ значительной степени возможно отыскать матеріалъ если и не высокой цѣны въ смыслѣ исторической достовѣрности, то во всякомъ случаѣ не безъинтересный для характеристики того, какъ относились въ Европѣ къ первымъ шагамъ Великой Екатерины. Въ другомъ мѣстѣ, тотъ же графъ-канцлеръ пишетъ (10 августа 1765 г.): «Я опасаюсь, чтобы не подлинно съ графомъ Бутурлинымъ сбылась та вѣдомость, о которой уже и въ нѣмецкихъ газетахъ напечатано. Сожалѣтельно, что онъ, по молодости лѣтъ своихъ, по сему дѣлу вѣчной порокъ имѣть будетъ» (364). Здѣсь, конечно, идетъ рѣчь не о фактахъ политическихъ, но, очевидно, за этимъ сообщеніемъ скрывается эпизодъ изъ жизни нашей знати прошлаго вѣка, интересный въ бытовомъ отношеніи. Съ этой послѣдней стороны, разсматривая XXXI-ю книгу «Архива», во всемъ ея цѣломъ, мы рекомендуемъ ее особенному вниманію гг. беллетристовъ, столь охотно посягающихъ на историческія темы изъ эпохи XVIII в. попреимуществу. Только изъ такого рода документовъ можно усвоить себѣ настоящій языкъ русскихъ образованныхъ людей того времени, ознакомиться съ степенью ихъ развитія и образованія, съ ихъ политическими и общественными интересами и, наконецъ, съ ихъ взаимными отношеніями. Эти же взаимныя отношенія, по своей интимности, ведутъ къ упоминаніямъ въ перепискѣ о лицахъ, не игравшихъ въ исторіи никакой роли, но интересныхъ, особенно для художника, по своимъ характерамъ, стремленіямъ, житейскимъ задачамъ и личной судьбѣ. Къ такимъ лицамъ мы относимъ Дубровскаго, впослѣдствіи переводчика при нашей академіи наукъ (26). Ни переписка, ни вообще скудные къ ней редакціонные комментаріи, не сообщаютъ никакихъ свѣдѣній о личности этого русскаго человѣка, который точно такъ же, какъ и французъ Лаферміеръ, пользовался покровительствомъ и довѣріемъ графовъ Воронцовыхъ. Изъ одного письма мы видимъ, что онъ посылаетъ изъ Гаги на судъ графа-канцлера свою комедію «Лицемѣръ» (414); въ другомъ мѣстѣ Р. Л. Воронцовъ пишетъ сыну: «Рекомендуй Андреяну Ларіоновичу (Дубровскому), чтобы онъ потрудился въ переводѣ сочиненія Монтескіева о Законахъ, или о Разумѣ Законовъ, и какую часть сего сочиненія переводить, о томъ я писалъ къ нему въ приложенномъ при семъ письмѣ. Я надѣюсь на его знаніе въ россійскомъ языкѣ и на искусство въ переводахъ и уповаю, что, если онъ приметъ на себя сей трудъ, то и окончитъ съ успѣхомъ» (55). Не менѣе интересенъ, съ вышеуказанной точки зрѣнія, Иванъ Романовичъ Ронцовъ, побочный сынъ графа Р. Л. Воронцова,

пользовавшійся любовью не только отца, но и братьевъ своихъ, особенно графа Ал. Р. Воронцова, подъ руководствомъ котораго, во время пребыванія его посломъ въ Гагѣ, Ронцовъ получилъ очень хорошее, вполнѣ европейское воспитаніе. Замѣчательно, что впослѣдствіи этотъ Ронцовъ «долго жилъ въ Англіи, принималъ участіе въ тамошнихъ безпорядкахъ и имѣлъ политическія похожденія и въ Россіи» (см. примѣчаніе редактора, стр. 420). Какого рода были эти «политическія похожденія», можно отчасти заключить изъ письма А. Р. Воронцова къ его брату, гдѣ, говоря о злоупотребленіяхъ, открывшихся въ губерніяхъ Владимірской и Костромской, которыя находились подъ управленіемъ отца ихъ графа Р. Л. Воронцова, онъ пишетъ (6 декабря 1784 г.): «Le comte Iwan Soltikow est parti ou part aujourd'hui pour le gouvernement de Wolodimer: il y a beaucoup de слѣдствій dans le gouvernement, ainsi que dans celui de Kostroma; tous les auteurs de mon père y sont mêlés и даже до Ивана Романовича Ронцова» [1]).

Едва намѣтивши кое-что, обращающее на себя вниманіе при чтеніи XXXI книги «Архива», мы, конечно, далеко не исчерпываемъ ея содержанія, и вообще подробная оцѣнка и эксплоатація подобнаго матеріала возможна лишь для историка, захватывающаго эпоху во всю ея глубь и ширь, особенно, если это дѣлается съ цѣлью изученія культуры данной эпохи.

Е. Г.

О московскомъ соборѣ 1681—1682 года. Опытъ историческаго изслѣдованія Григорія Воробьева. Спб. 1885.

Церковный московскій соборъ 1681—1682 годовъ имѣетъ довольно важное значеніе въ нашей исторіи: его опредѣленія касались самыхъ разнообразныхъ сторонъ церковной жизни и по своему характеру представляютъ значительный интересъ. Не смотря, однако, на важность собора, о немъ имѣются самыя скудныя свѣдѣнія: напечатаны его «Дѣянія» въ V томѣ «Актовъ историческихъ» да двѣ относящіяся къ нему грамоты въ «Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ», т. IV; у Соловьева въ XIII томѣ его «Исторіи Россіи» находимъ только переводъ нѣкоторыхъ изъ соборныхъ статей. Г. Воробьевъ взялся пополнить этотъ пробѣлъ въ нашей ученой литературѣ, онъ поставилъ себѣ цѣлью «указать причины, которыми было обусловлено созваніе собора, изложить его опредѣленія, показать, были ли они проведены въ жизнь, и если были, то когда и какъ». Постановленія собора г. Воробьевъ распредѣляетъ на три группы. Въ первой онъ разсматриваетъ постановленія, направленныя къ огражденію православія отъ его противниковъ, въ особенности раскольниковъ, и къ распространенію христіанства между язычниками. Въ краткихъ чертахъ г. Воробьевъ излагаетъ исторію возникновенія раскола и тутъ впадаетъ въ старую ошибку: винитъ во всемъ буквализмъ приверженцевъ старины, забывая, что «преобразовательный духъ» ихъ противниковъ обращенъ былъ также исключительно на букву, и что реформаторы, пожалуй, болѣе

---

[1]) «Графъ Иванъ Салтыковъ уѣхалъ или сегодня уѣзжаетъ во Владимірскую губернію: тамъ идетъ много слѣдствій, точно также и въ Костромской губерніи; тутъ замѣшаны всѣ батюшкины авторы, и даже до Ив. Ром. Ронцова».

виновны, такъ какъ прибѣгли къ силѣ, стали гнать за букву. Далѣе г. Воробьевъ, опять же по старой доктринѣ, объявляетъ расколъ дѣломъ немногихъ лицъ, ссылаясь на слова раскольническаго исторіографа Семена Денисова, что противъ Никона при его первыхъ попыткахъ исправленія книгъ и обрядовъ «никто не обрѣтеся противостоящъ», кромѣ Павла, епископа коломенскаго, и протопопа Аввакума. Но на это свидѣтельство нельзя полагаться: Денисовъ выразился такъ единственно по своему риторизму, чтобы болѣе превознести Павла и Аввакума, которыхъ біографіи онъ разсказываетъ, а на самомъ дѣлѣ протестовали почти всѣ такъ называемые справщики іосифовскіе, и за ними съ самаго начала стояла партія. Будь протестующихъ только двое, съ ними скоро съумѣли бы справиться, и изъ ихъ личнаго дѣла не могло бы вырости такое громадное движеніе, какъ расколъ. Приписывая все дѣло отдѣльнымъ личностямъ, г. Воробьевъ, понятно, приходитъ въ недоумѣніе, почему масса народа и духовенство не подчинились исправителямъ; онъ старается это объяснить недовольствомъ народа противъ правительства, особенно противъ мѣстныхъ властей, и раздраженіемъ низшаго духовенства противъ высшаго, но это старая теорія Щапова, не выдерживающая серьёзной критики; — причины раскола были поглубже: происходило столкновеніе двухъ цивилизацій: древне-русской и надвигавшейся къ намъ западноевропейской; противники Никона въ глазахъ народа были защитниками своего, національнаго, и поэтому-то протестъ ихъ оказался столь популярнымъ. При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ расколъ былъ сильно распространенъ: въ Москвѣ открыто производилась торговля разными раскольничьими «тетрадями, листами, столбцами», многія московскія часовни обратились въ мѣста публичной старовѣрческой проповѣди. Соборъ 1681—1682 годовъ учредилъ особыхъ выборныхъ для наблюденія за тѣмъ, чтобы никто не продавалъ раскольничьихъ произведеній, закрылъ часовни, наиболѣе упорныхъ раскольниковъ повелѣлъ предавать свѣтскому суду. Очень можетъ быть, какъ предполагаетъ г. Воробьевъ, сожженіе Аввакума, Ѳеодора, Лазаря и Епифанія было слѣдствіемъ соборныхъ распоряженій. Для большаго противодѣйствія расколу и вмѣстѣ съ тѣмъ для распространенія христіанства между инородцами, соборъ рѣшилъ учредить 11 новыхъ епископскихъ каѳедръ, но было открыто только четыре Холмогорская, Устюжская, Воронежская и Тамбовская. Къ числу постановленій собора, ограждающихъ православіе, относится назначеніе священниковъ въ зарубежныя церкви, въ нѣкоторыя русскія области, отошедшія къ Швеціи и Польшѣ.

Во второй группѣ г. Воробьевъ разсматриваетъ опредѣленія собора, направленныя къ поднятію церковной дисциплины: тутъ на первомъ планѣ стоятъ вопросы о поднятіи нравственности въ монастыряхъ, объ устройствѣ при нихъ больницъ и управленіи ихъ вотчинами. Затѣмъ рѣшенъ былъ вопросъ о вдовыхъ попахъ, имъ запрещено было священнодѣйствовать. Интересно постановленіе собора о нищенствѣ, сильно процвѣтавшемъ въ древней Руси: приказано было нищихъ разобрать, больныхъ и странныхъ держать въ особомъ мѣстѣ со всякимъ довольствомъ, а здоровыхъ и лѣнивыхъ приставить къ работѣ. Въ третьей группѣ заключаются постановленія собора о нѣкоторыхъ обрядовыхъ вопросахъ.

Взаключеніе надо указать одинъ недостатокъ изслѣдованія г. Воробьева: онъ всюду начинаетъ съ Адама: говоря, напримѣръ, о нищенствѣ, онъ разсказываетъ его исторію со введенія христіанства Владиміромъ и т. п. По-

нятно, что при такомъ способѣ изслѣдованія, ему часто приходится писать по пособіямъ, не справляясь съ первоисточниками, отъ этого терпитъ научное достоинство работы. Есть и грубая ошибка: авторъ «Винограда Россійскаго» не Андрей, а Семенъ Денисовъ.

А. В—инъ.

„Поморскіе отвѣты". Напечатаны въ Мануиловскомъ Никольскомъ монастырѣ. 1884.

«Поморскіе отвѣты», составленные настоятелемъ Выгорѣцкаго скита Андреемъ Денисовымъ въ отвѣтъ на запросы іеромонаха Неофита, посланнаго въ Петрозаводскъ святѣйшимъ синодомъ по указу императора Петра I, были и остаются донынѣ капитальнымъ произведеніемъ старообрядческой литературы. Донынѣ «Поморскіе отвѣты» не были еще напечатаны и извѣстны были только въ рукописяхъ, писанныхъ разновременно даже съ многими безсмысленными искаженіями. Братство Мануиловскаго Никольскаго монастыря (находящагося въ Румыніи, въ 200 верстахъ отъ границы Россіи), какъ сказано въ предисловіи, предприняло изданіе «Поморскихъ отвѣтовъ» и исполнило эту задачу вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ. Братство, или, по слухамъ, особый комитетъ, составленный изъ трехъ лицъ австрійскаго священства, къ которымъ присоединился и бывшій единовѣрческій протоіерей Верховскій, избрало для своего изданія «Поморскихъ отвѣтовъ» первоначальную ихъ редакцію, взявъ для того списокъ ихъ изъ библіотеки Бѣлокриницкой митрополіи, современной самому ихъ сочиненію. Этотъ старый списокъ, въ которомъ не доставало, однако, нѣкоторыхъ листовъ, издатели пополнили по спискамъ библіотеки Мануиловскаго монастыря и Успенской церкви въ Яссахъ. Издатели имѣли также въ своемъ распоряженіи подобные же списки изъ библіотеки Хлудова (поступившей послѣ его смерти на Рогожское кладбище) и другихъ частныхъ лицъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги «Поморскіе отвѣты» издатели сдѣлали отъ себя подстрочныя примѣчанія, для предупрежденія всякаго рода недоразумѣній. Въ книгѣ приложены и самые указы, относящіеся къ составленію «Поморскихъ отвѣтовъ».

Изданіе ихъ дѣлаетъ честь братству Мануиловскаго монастыря, особенно въ виду стремленій его представить наиболѣе точную редакцію этого классическаго сочиненія. Дѣло въ томъ, что старообрядцы, по поводу разныхъ случаевъ, съ Петра Великаго до Александра I, неоднократно подносили списки съ «Поморскихъ отвѣтовъ» какъ государямъ, такъ и государственнымъ людямъ, измѣняя редакціи соотвѣтственно надобности того момента, который возбуждалъ необходимость ходатайства со стороны старообрядцевъ и раскольниковъ. По этой причинѣ и оказалось въ народѣ много списковъ, искаженныхъ до неузнаваемости. По словамъ нашего извѣстнаго ученаго Э. В. Барсова, въ Москвѣ имѣется въ частныхъ рукахъ рукопись «Поморскихъ отвѣтовъ», писанная собственноручно авторомъ ихъ, Андреемъ Денисовымъ; можетъ быть, и эта рукопись была въ виду у братства Никольскаго монастыря, при изданіи имъ «Поморскихъ отвѣтовъ?»

П. У.

Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Дм. Цвѣтаева. М. 1885.

Новое изслѣдованіе г. Цвѣтаева, спеціально изучающаго отношенія русскихъ къ иноземцамъ въ XVI и XVII вв., касается интереснаго пункта, въ которомъ, казалось бы, всего скорѣе могли непріязненно сталкиваться люди древне-русской культуры съ представителями западной, именно отношеній вѣроисповѣдныхъ. Древней Руси первой принадлежитъ честь удовлетворительнаго рѣшенія на практикѣ вопроса о правахъ иностранцевъ. Когда на западѣ иноземецъ считался еще врагомъ (Feind), личность и имущество котораго составляли собственность новаго государства (Strandrecht, Wildfangsrecht), или, по крайней мѣрѣ, лишеннымъ свободы личнаго вѣроисповѣданія, права завѣщанія, занятія высшихъ должностей и т. п., Русь уже не знала ничего подобнаго. Уже съ самаго возникновенія сношеній съ иноземцами, московское правительство гарантируетъ свободу ихъ въ религіозномъ отношеніи; взглядъ его на этотъ предметъ прекрасно былъ выраженъ въ отвѣтѣ, данномъ въ 1587 году казначеемъ Траханіотовымъ и дьякомъ Щелкаловымъ англійскому послу Флетчеру: «Государю нашему нѣтъ дѣла до вѣры англійскихъ купцовъ; многихъ вѣръ люди живутъ у него въ государствѣ, кромѣ англійскихъ, пріѣзжаютъ сюда гости турецкіе, цесаревой области, французскіе, испанскіе и иныхъ государствъ, и всѣ они живутъ по своей вѣрѣ, кто какъ хочетъ, и отъ нея никто ихъ не отводитъ». Допуская полную свободу личнаго вѣроисповѣданія, правительство московское, тѣмъ не менѣе, отказывало иноземцамъ въ разрѣшеніи строить церкви: такъ, при Годуновѣ отказано было въ этомъ любекскимъ купцамъ, въ Столбовскій договоръ со Швеціей было внесено условіе, что торговымъ людямъ обѣихъ сторонъ вѣру свою вольно держать, но «церквей русскимъ людямъ въ шведскихъ городахъ, а шведскимъ людямъ въ русскихъ не ставить». Быть можетъ, причиною такого запрещенія протестантамъ ставить церкви было опасеніе за православіе въ виду обнаруживавшихся время отъ времени пропагандистскихъ стремленій протестантовъ. Страхомъ за православіе объясняется и то предпочтеніе, которое оказывалось московскимъ правительствомъ протестантамъ передъ католиками; латиновъ совсѣмъ иногда не хотѣли пускать въ Россію: въ 1631 году, полковнику Лесли приказано было набрать за границей въ солдаты всякихъ людей, «опричь французянъ и иныхъ, которые римской вѣры»; въ договорѣ съ Голштиніей 1634 году однимъ изъ условій было, чтобы «римскія вѣры поповъ и учителей и никакихъ латинской вѣры людей голштинскимъ купцамъ въ Московское государство не привозить и тайно у себя не держать»; нарушители этого условія наказывались смертью.

Вотъ въ краткихъ чертахъ содержаніе книжки г. Цвѣтаева, составленной преимущественно на основаніи документовъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Задача, поставленная себѣ авторомъ, выполнена удовлетворительно, но нельзя не пожалѣть, что онъ слишкомъ ограничилъ объемъ изслѣдованія, разсматривая исключительно правительственныя отношенія къ иноземцамъ; въ вопросѣ вѣроисповѣдномъ было бы очень интересно выяснить взгляды духовенства и народа, опредѣлить, на сколько они сходились съ политикой правительства. О формѣ изложенія слѣдуетъ замѣтить,

что г. Цвѣтаевъ иногда совершенно напрасно вставляетъ въ свой разсказъ совсѣмъ сырой матеріалъ; нѣсколько странно находить въ текстѣ буквальныя выписки изъ документовъ, печатаемыхъ въ приложеніи.

В. А.

В. Гиппіусъ. Осады и штурмъ крѣпости Карса въ 1877 году. Спб. 1885.

Историческій очеркъ г. Гиппіуса, захватывающій въ исторіи послѣдней русско-турецкой войны одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ, по цѣли своей обѣщаетъ много интереснаго. Къ несчастію, неопытность автора въ историческихъ работахъ, которыя главнымъ образомъ требуютъ критическаго отношенія къ имѣющимся подъ руками матеріаламъ, сдѣлала его описаніе военныхъ дѣйствій подъ стѣнами Карса въ 1877 году весьма сбивчивымъ и недостовѣрнымъ. Пользуясь личными воспоминаніями очевидцевъ, описаніями подвиговъ начальниковъ, еще живыхъ, ихъ подчиненными, также еще живыми, наравнѣ съ чисто-оффиціальными свѣдѣніями, г. Гиппіусъ и самъ иногда сознается въ невозможности въ противорѣчивыхъ указаніяхъ добиться правды. Желая быть, однако, по возможности безпристрастнымъ, въ такихъ затруднительныхъ случаяхъ, молодой историкъ не находитъ ничего лучшаго, какъ помѣщать рядомъ разныя версіи подобныхъ разсказовъ. Неровный, мѣстами не совсѣмъ даже русскій языкъ составляетъ также немалый недостатокъ его книги. За всѣмъ тѣмъ, въ книгѣ г. Гиппіуса попадаются эпизоды, хорошо освѣщенные, особенно тѣ, которые касаются до дѣйствія осадной артиллеріи и затрудненій, возникающихъ при мобилизаціи этого войска, въ мирное время не имѣющаго даже кадровъ, и потому какъ бы вовсе не существующаго. Наконецъ, хотя книга «Осады и штурмъ крѣпости Карса» много бы выиграла, если бы была на половину меньше, для чего изъ нея можно было бы выбросить всю первую главу, невразумительно толкующую о никому неизвѣстной доподлинно исторіи Арменіи и Грузіи, и множество теоретическихъ разсужденій автора о военной наукѣ, вообще сильно отзывающихся школьной скамейкой, но въ ней, во всякомъ случаѣ, резюмированъ весьма большой историческій матеріалъ, и потому трудъ г. Гиппіуса, всетаки, доставитъ нѣкоторое облегченіе въ работѣ будущему историку всей русской войны за освобожденіе Болгаріи.

В. П.

Методика исторіи по Крюгеру, составили И. Виноградовъ и А. Никольскій. Москва. 1885.

«Исторія питаетъ нравственное чувство и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ души къ справедливости, которая и утверждаетъ наше благо и спокойствіе общества». Съ тѣхъ поръ какъ Карамзинъ, въ предисловіи къ своему великому труду, опредѣлилъ такими словами значеніе исторіи, въ нашей исторической и педагогической литературѣ явилось сознаніе необходимости связи современной жизни съ событіями былыхъ временъ. На Западѣ это сознаніе давно уже сдѣлалось господствующимъ въ исторической наукѣ и внесено въ школьное образованіе. Въ послѣднее время представителемъ

этого направленія явился Крюгеръ, въ своемъ сочиненіи, выдержавшемъ много изданій въ Германіи: «Der Geschichtsunterricht in Volks-Bürger und Vorbildungschulen». Книга его не только доказываетъ необходимость знанія культуры, въ ея разнообразныхъ примѣненіяхъ къ жизни, но и стремленіе сдѣлать изъ ученика гражданина-дѣятеля, практически подготовленнаго къ жизни. Съ этой цѣлью, кромѣ развитія въ ученикѣ понятія о его гражданскихъ обязанностяхъ, о высшемъ законѣ, основанномъ на нравственныхъ принципахъ, руководящихъ практическою дѣятельностью и обязательныхъ для каждаго, нѣмецкій писатель требуетъ, чтобы будущій гражданинъ отзывался на все прекрасное, облагораживающее человѣка. Поэтому изученіе исторіи Крюгеръ совѣтуетъ начинать съ знакомства съ лучшими поэтическими произведеніями народной словесности. Этотъ взглядъ на методику исторіи раздѣляется не всѣми педагогами, и многіе изъ нихъ ограничиваются мыслью: вести дѣло историческаго образованія такъ, чтобы изученіе исторіи помогало пониманію сложныхъ явленій современной жизни. Между тѣмъ настоящая судьба народовъ не всегда находится въ органической связи съ ихъ прошлымъ, а чувство прекраснаго всегда присуще, если не всей массѣ, то представителямъ интеллигенціи во всякой націи. Но, не раздѣляя увлеченія Крюгера патріотическимъ элементомъ, которому онъ придаетъ уже слишкомъ много значенія при изученіи исторіи, мы, всетаки, находимъ, что знакомство съ его книгою необходимо для всякаго учителя исторіи. Главный недостатокъ ея состоитъ въ томъ, что она написана преимущественно для нѣмецкихъ школъ, и, хотя въ нихъ преподаваніе исторіи стоитъ гораздо выше, чѣмъ у насъ, но многое непримѣнимо къ русскимъ школамъ. Поэтому-то гг. Виноградовъ и Никольскій не прямо перевели на русскій языкъ классическій трудъ нѣмецкаго профессора, а обработали его книгу примѣнительно къ требованіямъ русской педагогики, значительно расширивъ нѣкоторые отдѣлы—какъ обзоръ различныхъ методовъ преподаванія исторіи, и введя много новыхъ, какъ указанія на хронологію, значеніе повторенія и пр. Сначала излагается положеніе исторіи въ кругу другихъ предметовъ преподаванія. О значеніи ея приводится много мнѣній, но не со всѣми изъ нихъ можно согласиться. Такъ, Люденъ, утверждавшій въ 1808 году, что «въ исторіи каждаго народа обнаруживается разумъ и божество», въ наше время, вѣроятно, не повторилъ бы безусловно своего утвержденія. Не выдерживаетъ также критики мнѣніе Грановскаго, что «практическое значеніе исторіи у древнихъ, основанное на возможности непосредственнаго примѣненія ея уроковъ къ жизни, не можетъ имѣть мѣсто при сложномъ организмѣ новыхъ обществъ». Организмъ этотъ общій почти всѣмъ цивилизованнымъ народамъ и основанный на представительствѣ народныхъ интересовъ, въ администраціи можетъ, однако, служить указаніемъ, какъ слѣдуетъ поступать въ извѣстныхъ случаяхъ. Не признавая мнѣнія Фридриха Майера, что «исторія государствъ и народовъ есть исторія страданій, картины бѣдствій и горестей, причиненныхъ отдѣльными лицами остальнымъ», такъ какъ и эти остальные, то есть масса, были нерѣдко причиной страданій отдѣльныхъ лицъ, мы не можемъ согласиться и съ мнѣніемъ переводчиковъ Крюгера, что «въ преподаваніи исторіи требуется иногда и умѣнье скрывать истину». Но помимо этихъ отдѣльныхъ мнѣній, вопросъ о лучшихъ методахъ преподаванія исторіи разсмотрѣнъ гг. Виноградовымъ и Никольскимъ полно и обстоятельно. Они говорятъ объ исторіи какъ о центрѣ преподаванія и какъ части космологіи и о совмѣст-

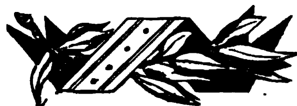
номъ преподаваніи исторіи и географіи, даютъ вѣрную оцѣнку прежнимъ методамъ преподаванія исторіи и представляютъ, наконецъ, свой методъ преподаванія этой науки въ народныхъ школахъ. Въ концѣ этой во всякомъ случаѣ весьма полезной книги помѣщенъ библіографическій указатель статей по методикѣ исторіи, печатавшихся въ русскихъ журналахъ.

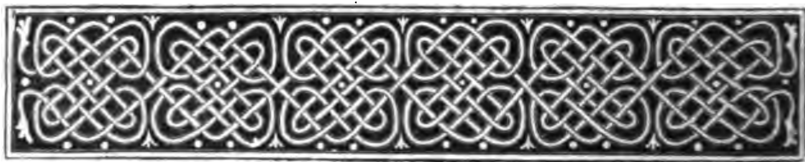
В. З.

А. Ф. Поттъ, проф. Галльскаго унив. Введеніе въ общее языкознаніе. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія Германа Генкеля и Александра Васильева. Спб. 1885.

Въ западной, особенно въ нѣмецкой, литературѣ есть довольно много капитальныхъ трудовъ по общему языкознанію, у насъ же по этому предмету существуетъ только три сочиненія: одно оригинальное — программа лекцій проф. Казанскаго университета Бодуэнъ-де-Куртенэ, и два переводныхъ: «Лекціи о наукѣ о языкѣ» Макса Мюллера и «Лингвистика» Овелака. При такой бѣдности нашей языковѣдной литературы, нельзя не привѣтствовать появленія перевода статьи извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Потта. Статья эта дѣлится на двѣ части: въ первой Поттъ трактуетъ о языкознаніи съ точки зрѣнія философской, разбираетъ вопросы о происхожденіи языка, о такъ называемой всеобщей грамматикѣ, о физической и духовной сторонѣ языка; во второй — онъ говоритъ о естественно-научной и исторической сторонѣ языкознанія, о признакахъ родства, о классификаціи и группировкѣ языковъ. Все это излагается въ конспективной формѣ, причемъ даются весьма обширныя библіографическія и историческія указанія по каждому вопросу. О внутреннемъ достоинствѣ статьи нечего говорить, авторитетъ Потта давно установленъ. Относительно перевода слѣдуетъ замѣтить, что онъ мѣстами слишкомъ тяжелъ, чему отчасти служитъ извиненіемъ своеобразность, иногда крайняя темнота, языка самого оригинала, но кое-что можно отнести и на счетъ переводчиковъ: на стр. 16 вмѣсто «арійскій» сказано «аріанскій»; на стр. 27 названіе журнала «Bezzenbergerische Zeitschrift» переведено «Бецценбергерическій журналъ»; на стр. 23 мы встрѣчаемъ такую фразу: «на Штейнталѣ подтвердится истинность пословицы о непреходящности скоротечности старинной любви» — какъ это понимать? какъ можетъ быть старинная любовь скоротечна? что значитъ непреходящность скоротечности? Откуда такое ужасное слово: непреходящность?

В. А.





ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Французы, изучающіе русскихъ писателей. — Американецъ объ афганскомъ вопросѣ. — Итальянецъ въ Сибири. — Мемуары о королевѣ Викторіи. — Посмертныя сочиненія Теккерея. — Уступки Ирландіи. — Исторія дома Невилль. — Африканскій миссіонеръ. — Бумаги временъ Кромвеля. — Мильтонъ, подозрѣваемый въ плагіатѣ. — Корреспонденція Ланфре. — Торговля дѣвственницами въ Лондонѣ. — Письма знаменитыхъ женщинъ. — Наука при Августѣ. — Историкъ-фантазёръ. — Ацтеки. — Французскія колоніи. — Каталогъ запрещенныхъ книгъ. — Лессингъ, какъ реформаторъ въ литературѣ. — Исторія желѣза. — Вельфскія гробницы. — Походъ Германика. — Сочиненія объ Америкѣ.

НЕЧЕГО скрывать, — говоритъ французскій критикъ по поводу появленія книги «Великіе учители русской литературы въ XIX вѣкѣ» (Les grands maîtres de la littérature russe au XIX siècle), — мы все болѣе проникаемся русскимъ (nous nous emprégnons de russe), Россія теперь въ модѣ не только въ формѣ фантастическихъ князей водевилей Палерояля или эротическихъ княгинь въ фёльетонахъ «Жильблаза». Романы г-жи Гревилль изъ русской жизни не удовлетворяютъ болѣе любопытству французовъ: они хотятъ знать русскихъ въ произведеніяхъ русскихъ писателей. Молодой авторъ, Эрнестъ Дюпюи, не переводитъ Гоголя, Тургенева и Льва Толстаго, а представляетъ ихъ литературную характеристику, сообщая при этомъ довольно подробную біографію ихъ. Полнѣе и лучше у него оцѣнка Тургенева, болѣе знакомаго французамъ, слабѣе другихъ личность Гоголя; опредѣленіе значенія Толстаго, послѣ статей объ немъ Вогюэ, не представляло затрудненій. Вообще книга Дюпюи скорѣе популярная бесѣда о нашихъ писателяхъ, нежели серьёзное изслѣдованіе ихъ произведеній. Безъ промаховъ, конечно, дѣло не обходится, но для французской публики они не важны, и она читаетъ съ удовольствіемъ это сочиненіе.

— Афганскій вопросъ интересуетъ не только Европу, но и Америку. Генералъ Роденборгъ издалъ въ Нью-Іоркѣ изслѣдованіе по этому предмету, подъ названіемъ «Афганистанъ и англо-русскій споръ» (Afghanistan and

the anglo-russian dispute). Авторъ книги поставилъ себѣ задачею дать болѣе правильныя указанія на причины англо-русскаго столкновенія, на театръ предстоящихъ военныхъ дѣйствій и на положеніе армій обѣихъ враждующихъ сторонъ. Все это достигается съ трудомъ изъ «прекраснаго далека», гдѣ пишетъ авторъ. Если и на мѣстѣ находящіяся коммиссіи долгое время не могли разобраться во всѣхъ этихъ Зульфагарахъ и Меручакахъ, то гдѣ же американскому генералу имѣть объ нихъ точныя понятія. И у него дѣйствительно очень много ошибокъ: статистическія цифры, относящіяся къ Афганистану и сосѣднимъ странамъ, большею частью, невѣрны; не лучше и географическія данныя. Такъ, онъ говоритъ о горахъ въ 16,000 футовъ высоты, къ югу отъ Джелаллабада, Герирудъ у него течетъ отъ Гельмунда въ Сеистанъ, гильваи смѣшаны съ дурани; многолюдное племя таджиковъ показано въ 10,000 и проч. Не говоримъ уже о цифрахъ русской арміи и ея отдѣльныхъ корпусовъ; здѣсь нелѣпость бросается въ глаза: военныя силы русской пѣхоты показаны въ 663,005 человѣкъ, и въ томъ числѣ 460,494 артиллеріи, и эти курьёзныя цифры относятся, по словамъ автора, къ 1884—1885 году. Общій выводъ книги тотъ, что Англія должна остаться побѣдительницею въ борьбѣ, по причинѣ своего богатства, патріотизма, физической силы, храбрости и выносливости, свойственной расѣ завоевателей. Какъ видно, что авторъ самъ принадлежитъ къ той же прославляемой имъ расѣ!

— Сибирь посѣщаютъ не только англичане, какъ миссіонеръ Лансдель, но и итальянцы. Стефанъ Соммье издалъ въ Римѣ любопытную книгу: «Лѣто въ Сибири, между остяками, самоѣдами, татарами, киргизами и башкирами» (Un estate in Sibirio fra ostiacchi, samoeiedie, tatari, kirguesi e baskiri). Для итальянцевъ самыя названія этихъ народовъ очень мало извѣстны, но книга имѣетъ не одно этнографическое значеніе, какъ можно судить по заглавію. У автора встрѣчаются и картины тамошней природы и описанія общественнаго и административнаго положенія; встрѣчаются даже археологическія свѣдѣнія, какъ, напримѣръ, объ Искерѣ и раскопкахъ, произведенныхъ въ немъ М. С. Знаменскимъ. Къ книгѣ приложены прекрасные рисунки видовъ и типовъ Сибири.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вышли въ Лондонѣ записки мало извѣстнаго писателя Чарльва Гревилля, возбудившія большой шумъ своими откровенными сужденіями о многихъ дѣятеляхъ современной Англіи. Теперь, по смерти автора, явилась вторая часть этихъ записокъ, носящая также заглавіе «Журналъ царствованія королевы Викторіи, отъ 1837 по 1852 годъ». (The Greville Memoirs. Second part. A journal of the reign of Queen Victoria, from 1837 to 1852). Издатель трехъ томовъ этого сочиненія, душеприказчикъ покойнаго автора, воспользовался правомъ, даннымъ ему завѣщаніемъ и, во избѣжаніе скандала, исключилъ многія мѣста «Записокъ», обѣщая обнародовать ихъ впослѣдствіи, когда это будетъ удобно. Дѣлается это, по словамъ издателя, «изъ уваженія къ лицамъ, еще находящимся въ живыхъ, или къ ихъ ближайшимъ наслѣдникамъ». Но и въ настоящемъ видѣ записки эти интересны какъ для обыкновеннаго читателя, такъ и для лицъ, занимающихся изученіемъ современной исторіи. Онѣ начинаются со смерти Вильяма IV. Какъ писецъ въ тайномъ совѣтѣ, Гревилль былъ очевидцемъ многихъ событій и сообщаетъ много анекдотовъ о первыхъ дняхъ воцаренія Викторіи. Тотчасъ, по смерти короля, къ ней отправились лордъ Конингамъ

и кентерберійскій архіепископъ, чтобы увѣдомить ее объ этомъ событіи. Она вышла къ нимъ въ шлафрокѣ, въ туфляхъ на босую ногу и, когда лордъ началъ говорить ей: ваше величество!—протянула къ нему руку для поцѣлуя. Онъ всталъ на одно колѣно и поцѣловалъ руку, протянутую потомъ архіепископу. Тотъ также поцѣловалъ ее, и тогда уже лордъ сообщилъ подробности о смерти короля. Отношенія королевы къ ея первому министру, лорду Мельбурну, были самыя дружескія и наивныя. Кто-то, въ первые же дни, принесъ ей книгу, съ просьбою посвятить ей. Она отвѣчала, что не можетъ сдѣлать этого, не зная содержанія сочиненія, и отдала его Мельбурну для прочтенія. Министръ далъ отвѣтъ, что книга очень скучна, и Викторія не приняла посвященія. Много любопытныхъ подробностей сообщаетъ авторъ и о бракѣ Викторіи съ принцемъ Альбертомъ, объ уничтоженіи Робертомъ Пилемъ хлѣбной пошлины въ 1846 году, о Веллингтонѣ, Брумѣ, Дизраели, Маколеѣ и другихъ выдающихся лицахъ. Мы имѣемъ въ виду сдѣлать въ «Историческомъ Вѣстникѣ» извлеченіе изъ записокъ Гревилля.

— Англичане не забываютъ своихъ писателей и тщательно собираютъ и хранятъ всѣ ихъ произведенія. Полное собраніе сочиненій Теккерея, состоящее изъ 24-хъ томовъ, увеличилось недавно 25-мъ томомъ, содержащимъ въ себѣ различные этюды, очерки и обзоры покойнаго писателя (Miscellaneous essays, sketches and reviews by W. M. Thackeray). Здѣсь собраны всѣ мелкія статьи, не вошедшія въ прежніе томы; онѣ не прибавятъ ничего къ извѣстности автора, но прочтутся съ любопытствомъ, и должны быть сохранены для потомства. Для насъ онѣ, конечно, имѣютъ меньше интереса, но, всетаки, во многомъ напоминаютъ талантъ автора «Ярмарки тщеславія» и «Пенденниса». Въ посмертныхъ статьяхъ Теккерея встрѣчаются вѣрныя оцѣнки разныхъ лицъ: Берліоза, Шарля Рейбо (автора Жерома Патюро), Бальзака, Шарля Бернара, замѣтки о Тиціанѣ, Рубенсѣ, объ англійскихъ живописцахъ Маклейзѣ и Мульреди, о Гэзлитѣ и Леверѣ; съ особеннымъ уваженіемъ Теккерей отзывается о Диккенсѣ. Встрѣчаются также остроумныя страницы, полныя юмора, о снобсахъ, гастрономіи, клубахъ. Все это написано прекраснымъ языкомъ и полно тѣмъ джентльменствомъ, которымъ отличаются всѣ сочиненія Теккерея.

— Два года тому назадъ, Барри О'Бріенъ издалъ сочиненіе объ Ирландіи, въ которомъ разсказывалъ о реформахъ въ этой странѣ въ парламентскомъ, муниципальномъ, воспитательномъ и духовномъ отношеніяхъ до 1840 г. Теперь вышла вторая книга того же автора о той же странѣ, подъ названіемъ «Пятьдесятъ лѣтъ концессій Ирландіи» (Fifty years of concessions to Ireland, 1831—1881). Въ новомъ трудѣ своемъ авторъ говоритъ о церковныхъ дѣлахъ, послѣ билля 1869 года, объ ирландскомъ земельномъ актѣ 1870 года, о законѣ по воспитанію 1878 и объ аграрныхъ постановленіяхъ 1881 года. Сверхъ того, въ книгѣ встрѣчается вѣрная оцѣнка роли ирландскихъ членовъ въ парламентѣ, и въ этомъ отношеніи указанія автора имѣютъ особенную цѣну, въ виду предстоящихъ выборовъ въ парламентъ, гдѣ неминуемо долженъ явиться на очереди вопросъ о томъ, какія дальнѣйшія уступки должно сдѣлать Ирландіи. О'Бріенъ безпристрастно относится какъ къ своимъ соотечественникамъ, такъ и къ англичанамъ.

— Въ исторіи Англіи дѣянія ея королей часто гораздо менѣе интересны, чѣмъ подвиги феодальныхъ бароновъ и лордовъ, то оспаривавшихъ

власть у своихъ монарховъ, то соединявшихся съ ними узами родства. Генри Суаллоу разсказываетъ исторію возвышенія и паденія одного изъ такихъ родовъ, предокъ котораго Нова Вилла вышелъ изъ Италіи и сдѣлался въ Англіи основателемъ дома Невиллей. (De Nova Villa, or the house of Nevill in sunshine and in shade). Короли средневѣковой Англіи не могли поступать, какъ ничѣмъ неограниченные самодержцы: власть ихъ уравновѣшивалась значеніемъ и властью пэрства. Предшественники Генриха VII были королями потому, что они были первыми баронами въ странѣ. Вмѣстѣ съ домомъ Перси, ближайшимъ къ королевскому дому по узамъ родства и брака, были также близки къ трону Мовбреи и Невилли. Ральфъ Невилль былъ первымъ графомъ Вестморленда. Графъ Варвикъ, «дѣлатель королей» (kingmaker), какъ его называли потому, что онъ по своей волѣ возводилъ на тронъ и низвергалъ съ него,—былъ также изъ дома Невиллей. Онъ палъ вмѣстѣ съ домомъ Перси, вслѣдствіе неудачной попытки къ возстанію противъ Тюдоровъ. Разсказъ объ этомъ возстаніи, послѣ котораго королева приказала отрубить головы двумстамъ баронамъ, особенно драматиченъ; не менѣе интересна и анекдотическая часть книги.

— Африка въ послѣднее время была пагубна для многихъ англійскихъ военныхъ дѣятелей, изъ которыхъ иные потеряли тамъ жизнь, а другіе славу. За то въ Африкѣ же прославились дѣятели на мирномъ поприщѣ, и съ ней неразрывно соединены имена Спика, Гранта, Макензи, Ливингстона, Стенли. Къ этимъ же изслѣдователямъ мало извѣстныхъ странъ принадлежитъ отецъ Моффатъ, біографію котораго и жены его разсказалъ его сынъ въ книгѣ «The lives of Robert und Mary Moffat». Этотъ африканскій путешественникъ происходилъ изъ низшихъ слоевъ общества и былъ человѣкомъ дѣла, а не мысли: 21 года онъ отправился миссіонеромъ въ южную Африку. Губернаторъ Капской колоніи не хотѣлъ сначала позволить ему проповѣдовать у готентотовъ и въ землѣ кафровъ, и онъ долженъ былъ обратиться за разрѣшеніемъ въ Лондонъ. Колоніальныя власти не считали дикарей достойными слушать слово божіе. На церковныхъ дверяхъ въ Каптоунѣ были вывѣшены надписи: «собаки и готентоты не впускаются». Фермеръ, пригласившій Моффата сказать проповѣдь его домашнимъ, не хотѣлъ, чтобы ее слушала прислуга, и, когда миссіонеръ настаивалъ на этомъ, фермеръ возразилъ: «если тебѣ нужна публика такого сорта, ступай проповѣдовать въ горы; тамъ ты найдешь такихъ же слушателей-обезьянъ». Моффатъ посѣтилъ земли намаковъ, бечуановъ, выучился ихъ языку, перевелъ на немъ библію, завелъ въ центрѣ своей миссіи, Куруманѣ, типографію, мирилъ враждующія племена, подвергаясь не разъ опасностямъ, рисковалъ жизнью, противорѣчилъ чернымъ деспотамъ, входилъ въ сношенія съ зулусами и боерами; о послѣднихъ онъ писалъ еще въ 1852 году, что они будутъ вѣчными врагами англичанъ и никогда не покорятся имъ. Жена раздѣляла съ нимъ всѣ труды и опасности его почти полувѣковой миссіонерской дѣятельности въ Африкѣ.

— Уже нѣсколько лѣтъ мистрисъ Гринъ издаетъ «Сборникъ государственныхъ бумагъ и частныхъ документовъ, хранящихся въ королевскомъ публичномъ архивѣ» (Calender of state papers, domestic series preserved in Her Majesty's public record office, 1657—1658). Документы эти относятся къ концу царствованія Карла I, къ республикѣ и реставраціи. Нынѣ

16*

вышедшій томъ заключаетъ въ себѣ періодъ въ одиннадцать мѣсяцевъ и касается послѣднихъ дней и смерти Кромвеля, а затѣмъ послѣдовавшихъ за нею событій. Извѣстно, что въ послѣдніе годы своей жизни Кромвель получилъ отъ парламента почти царскую власть, даже наслѣдственную, потому что она переходила и на его сына. Стоя у своего «государственнаго кресла», въ богатой мантіи изъ краснаго бархата, подбитой горностаемъ, шлейфъ которой поддерживалъ внукъ лорда Варвика, Кромвель, опоясанный «государственнымъ мечомъ», поднесеннымъ графомъ Варвикомъ, виконтомъ Лилемъ, Монтегю и Вейтлокомъ, принесъ въ Вестминтерѣ присягу на служеніе государству, держа въ одной рукѣ золотой скипетръ, въ другой библію. На церемоніи присутствовали министры, судьи, альдермены. Въ тотъ же день парламентъ утвердилъ выдачу протектору на три года девятнадцати милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, изъ которыхъ онъ, по своему усмотрѣнію, долженъ былъ произвести уплату арміи, флоту и обыкновенныхъ расходовъ по королевству. Кромвелю не доставало только титула, чтобы быть настоящимъ королемъ, но противъ возстановленія королевскаго званія была армія, и протекторъ напрасно призывалъ къ себѣ вождей ея, пробуя привлечь ихъ на свою сторону. Строгіе пуритане отказывались признать его королемъ, и на угрозы его лишить ихъ званія, занимаемаго ими въ войскахъ, полковникъ Паркеръ замѣтилъ, что если Кромвель далъ имъ мѣста, то вѣдь и на его мѣсто они же возвели его. О послѣднихъ дняхъ Кромвеля и первыхъ дняхъ царствованія Карла II въ сборникѣ помѣщено также много интересныхъ документовъ, остававшихся неизвѣстными.

— Мильтоновъ «Потерянный рай» извѣстенъ всему образованному міру, и, однако, противъ великаго писателя поднимались въ печати голоса, обвинявшіе его въ томъ, что онъ заимствовалъ идею и многія подробности своей классической поэмы у другихъ писателей. Джорджъ Эдмундсонъ издалъ, подъ заглавіемъ «Мильтонъ и Вондель, литературный курьёзъ» (Milton and Vondel, a curiosity of literature), дѣйствительно любопытное изслѣдованіе. Голландскій поэтъ и драматургъ Іостъ ван-ден-Вондель, умершій черезъ пять лѣтъ послѣ Мильтона, написалъ прежде его поэму «Люциферъ», сюжетъ которой во многомъ сходится съ «Потеряннымъ раемъ». Зналъ ли секретарь Кромвеля, писавшій свою поэму въ изгнаніи, ослѣпшій, преслѣдуемый Карломъ II, какъ цареубійца, — о произведеніи своего голландскаго собрата, сильнаго борца за гражданскую и религіозную свободу, — до сихъ поръ вопросъ этотъ рѣшался отрицательно, и литературная критика утверждала, что Мильтонъ не зналъ голландскаго языка. Это доказывали Паттиссонъ и Госсе, признающіе, какъ и всѣ другіе критики, въ поэмѣ Мильтона главнымъ достоинствомъ — превосходный языкъ ея и картины, а не содержаніе, не разъ разработывавшееся многими поэтами, предшественниками и современниками Мильтона, какъ Бартасъ, Флетчеръ, Кварльсъ и другіе. Поэма Вонделя написана шестистопными, риемованными стихами, часто неправильными, мѣстами совершенно прозаичными. Эдмундсонъ переводилъ изъ нея нѣкоторыя картины пятистопнымъ бѣлымъ стихомъ мильтоновской поэмы и въ параллель ставилъ подлинныя цитаты изъ «Потеряннаго рая». Сходство выходитъ большое, но, во-первыхъ, критикъ неточно переводитъ голландскій подлинникъ, стараясь нарочно держаться выраженій англійскаго поэта, а, во-вторыхъ, слѣпой Мильтонъ, диктовавшій свою поэму дочерямъ въ 1667 году, не могъ читать поэмы Вонделя, появившейся въ томъ же году.

Такимъ образомъ, книга Эдмундсона, напрасно стараясь возвести на англійскаго поэта обвиненіе въ плагіатѣ, не поддерживаетъ этого обвиненія никакими существенными доказательствами.

— Много шуму надѣлала во Франціи «Переписка Пьера Ланфре» (Correspondance de P. Lanfrey), умершаго восемь лѣтъ тому назадъ; это былъ даровитый писатель, строго честный человѣкъ и непреклонный республиканецъ, начавшій свою литературную и публицистическую карьеру въ 1857 году смѣлымъ изслѣдованіемъ «Церковь и философы XVIII вѣка». Послѣдующія сочиненія: «Очеркъ французской революціи», «Политическая исторія папъ», «Политическіе портреты и этюды», сдѣлали имя его извѣстнымъ и дорогимъ для всѣхъ противниковъ цезаризма, но онъ не остановился передъ явной борьбою съ наполеоновскимъ режимомъ, издавъ въ 1867 году первый томъ своей «Исторіи Наполеона I», лучшаго произведенія Ланфре, представляющаго въ настоящемъ свѣтѣ этого холоднаго и безсердечнаго эгоиста. Паденіе имперіи вызвало писателя въ политической дѣятельности. Онъ дрался волонтеромъ съ пруссаками и, выбранный членомъ національнаго собранія, былъ назначенъ Тьеромъ посланникомъ въ Швейцарію, но оставилъ этотъ постъ тотчасъ по захватѣ власти монархистами, не смотря на просьбы герцога Брольи. Избранный въ 1875 году несмѣняемымъ сенаторомъ, онъ въ томъ же году выпустилъ въ свѣтъ послѣдній пятый томъ «Исторіи Наполеона» и умеръ черезъ два года, не достигнувъ 50-ти лѣтъ. Любя искренно республику, Ланфре не любилъ многихъ республиканцевъ и, при жизни, возставалъ противъ правительства національной обороны и диктатуры Гамбетты. Теперь, по смерти его, орлеанистъ, графъ д'Оссонвиль, издалъ корреспонденцію республиканца, съ строгими отзывами о своихъ единовѣрцахъ, и это возбудило крики неудовольствія между современной французской интеллигенціей. Д'Оссонвиль самъ умеръ во время печатанія книги, но въ ней двѣ трети перваго тома занимаетъ оцѣнка характеристики Ланфре, выставляющая его желчнымъ, самолюбивымъ, озлобленнымъ на все человѣкомъ. Но нѣтъ необходимости обладать всѣми этими качествами, чтобы видѣть политическое и нравственное ничтожество весьма многихъ дѣятелей современной Франціи, о которыхъ Ланфре выражается рѣзко, жестко, но, всетаки, справедливо, а правды не любятъ ни республиканцы, ни монархисты. Слишкомъ грубые приговоры о личностяхъ, высказываемые въ интимной перепискѣ, не должны, конечно, считаться приговоромъ историка. Въ дружеской бесѣдѣ, на словахъ или на бумагѣ, мы не стѣсняемся въ выраженіяхъ, не выбираемъ эпитетовъ, и часто впадаемъ въ преувеличеніе, увлекаясь впечатлѣніемъ минуты. Ланфре, безспорно, рѣзокъ, раздражителенъ, очень высокаго мнѣнія о самомъ себѣ, но вѣдь онъ не выдаетъ своихъ сужденій за непогрѣшимые приговоры и евангельскія истины, и щепетильность современныхъ республиканцевъ доказываетъ только мелочность ихъ нравственнаго характера и узкость политическихъ взглядовъ.

— Любопытную иллюстрацію къ исторіи современныхъ нравовъ представляетъ книга Ива Гюйо «Торговля дѣвственницами въ Лондонѣ» (Le traite des vierges à Londres). Большую часть книги занимаетъ подробное изложеніе возмутительныхъ разоблаченій грязной стороны англійской жизни, появившихся нынѣшнимъ лѣтомъ въ газетѣ «Pall Mall» и возбудившихъ негодованіе лицемѣрныхъ, распутныхъ лордовъ. Отъ разсказа о позорной продажѣ бѣдныхъ дѣвочекъ богатымъ развратникамъ авторъ переходитъ къ

соціальнымъ и законодательнымъ вопросамъ о положеніи несовершеннолѣтнихъ во Франціи и Бельгіи, говоритъ о необходимости болѣе дѣйствительнаго покровительства со стороны администраціи и полиціи. Отвѣчая вполнѣ злобѣ дня, книга Гюйо имѣетъ въ то же время несомнѣнное историческое значеніе.

— Анонимный университетскій профессоръ издалъ «Избранныя письма знаменитыхъ женщинъ» (Choix de lettres des femmes célèbres). Въ этомъ сборникѣ помѣщены письма не только историческихъ женщинъ и писательницъ, но и такъ называемыхъ свѣтскихъ женщинъ, начиная съ XVI вѣка до нашего времени. Начиная съ Маргариты Валуа и Маріи Стюартъ, сборникъ заключаетъ въ себѣ избранную корреспонденцію г-жи Скюдери, Луизы Лабе, Нинопы Ланкло, герцогини Лонгвиль, Севинье, Ментенонъ, Тансенъ, Леспинасъ, Аиссе, Эпине, г-жи Роланъ и оканчивается письмами Евгеніи Геренъ и Жоржъ Зандъ. Мысль собрать перлы женскаго ума во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія, давая возможность сравнить между собою разнородные таланты и характеры и сдѣлать изъ нихъ подходящіе выводы.

— Другой профессоръ, Теркемъ, издалъ «Историческое изслѣдованіе о римской наукѣ въ эпоху Августа, на основаніи сочиненія Витрувія» (La cience romaine à l'époque d'Auguste. Etude historipue d'après Vitruve). Витрувій, хотя и былъ архитекторомъ, оставилъ намъ трактатъ, въ которомъ говоритъ обо всѣхъ наукахъ своего времени, убѣжденный въ томъ, что ихъ долженъ знать хорошій архитекторъ. Хотя для зодчаго сомнительна необходимость знанія медицины, естественныхъ наукъ, географіи, но Витрувій говоритъ въ своемъ трактатѣ объ этихъ наукахъ, о гигіенѣ, математикѣ, астрономіи, механикѣ, физикѣ, метеорологіи, химіи, геологіи и о многомъ другомъ. Все это онъ излагаетъ довольно поверхностно и не довольно ясно; онъ плохо знаетъ работы александрійскихъ астрономовъ, незнакомъ съ принципами Евклида, приписываетъ Платону мнѣнія другихъ философовъ; все это разъясняетъ авторъ книги, представляющій намъ полную картину состоянія наукъ при Августѣ. Вообще римляне были весьма небогаты свѣдѣніями въ области положительныхъ наукъ. Витрувій знаетъ меньше Плинія, но за то не разсказываетъ такихъ сказокъ и не дѣлаетъ такихъ ошибокъ, какъ ученый, погибшій жертвой своей любознательности при изверженіи Везувія.

— Графъ Мартель задумалъ опровергать ошибки не естествоиспытателей, а историковъ, и издалъ любопытную книгу объ «Исторіи консульства и имперіи» Тьера, подъ названіемъ «Историки-фантазёры» (Les historiens fantaisistes: M-r Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire). Тьеръ, безспорно, надѣлалъ множество промаховъ въ своей исторіи; Мартель указалъ еще на нѣсколько важныхъ ошибокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ относится къ писателю съ такимъ ожесточеніемъ, какъ будто тотъ не заслуживаетъ уже ничего, кромѣ огульнаго порицанія. Qui veut prouver trop, ne prouve rien,—говорятъ французы, и Мартелю слѣдовало бы не забывать этой поговорки. Такъ, приводя изъ книги Тьера характеристику Фуше, конечно, весьма нелестную, Мартель говоритъ, что она точно также можетъ относиться и къ Тьеру, что́ уже совершенно несправедливо.

— Въ сборникѣ, издаваемомъ подъ заглавіемъ «Этнографической библіотеки», вышла «Исторія ацтековъ, ихъ нравовъ и обычаевъ» (Les Aztèques, histoire, moeurs, coutumes). Это полная картина племени, оставившаго такіе грандіозные слѣды своей культуры, находившейся восемь вѣковъ тому

назадъ въ апогеѣ своего развитія. Авторъ разсказываетъ исторію этихъ первобытныхъ обитателей Анагуака, ихъ переселенія, основаніе Тенохитлана, будущей столицы Мексики, передаетъ ихъ космогонію, вѣрованія, обряды и учрежденія, ихъ военную и гражданскую организацію, говоритъ объ ихъ промышленности, архитектурѣ, литературѣ. Жизнь этого погибшаго племени интереснѣе всякаго романа и, между тѣмъ, основана на точныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ.

— Морякъ, скрывшій свое имя, доказываетъ необходимость колоній Туниса, Тонкина, Мадагаскара (Les colonies nécessaires: Tunisie, Tonkin, Madagascar). Демократическія державы не отличаются искусною внѣшнею политикою, — это давно уже доказываетъ Франція, гдѣ радикальная партія требуетъ прекращенія авантюристской политики въ отдаленныхъ колоніяхъ. Съ этимъ не соглашаются люди, называющіе себя государственными, и настаиваютъ, напротивъ, на сохраненіи всѣхъ этихъ отдаленныхъ странъ, гдѣ французы гибнутъ отъ вреднаго климата или въ битвахъ съ дикимъ населеніемъ. Такого же мнѣнія держится и авторъ книги, смотрящій на этотъ вопросъ не съ экономической, а только съ военной точки зрѣнія. Особенно настаиваетъ онъ на занятіи хоть части Мадагаскара, такъ какъ Франція не имѣетъ на восточномъ берегу Африки, на пути въ Индію, ни одной колоніи, кромѣ песчанаго берега Обока. Англія и здѣсь, какъ въ моряхъ всѣхъ частей свѣта, имѣетъ неоспоримое преимущество не только надъ Франціей, но и надъ всѣми державами.

— Въ Лондонѣ вышла «Тайная библіотека, или каталогъ секретныхъ книгъ, заключающій въ себѣ краткія извѣстія о книгахъ, тайно напечатанныхъ, запрещенныхъ закономъ, захваченныхъ, преданныхъ анаѳемѣ, сожженныхъ или боудлеризованныхъ» (Bibliotheca Arcana, seu Catalogus librorum penetralium, beeing brief notices of books that have been secretly printed, prohibited by law, seized, anathematised, burned or bowdlerised). Подобные каталоги выходили и въ прежнее время, и два изъ нихъ: «Index librorum prohibitorum» и «Centuria librorum absconditorum» извѣстны библіографамъ. Въ этомъ каталогѣ названы 330 книгъ, не обращающихся въ продажѣ; почти всѣ онѣ эротическаго и порнографическаго содержанія и многія изъ нихъ составляютъ настоящую библіографическую рѣдкость, потому что истреблялись всѣми способами, къ которымъ принадлежитъ и боудлеризація, состоящая въ томъ, что изъ книги выбрасываются всѣ болѣе или менѣе предосудительныя мѣста, и она перепечатывается въ такомъ охолощенномъ видѣ. Терминъ этотъ происходитъ отъ имени англійскаго издателя Томаса Боудлера, который, въ 1818 году, выпустилъ въ свѣтъ «Семейнаго Шекспира». Въ этой книгѣ были выброшены всѣ выраженія и слова, которыя нельзя громко произносить въ семейномъ кругу. Въ такомъ же родѣ Боудлеръ издалъ впослѣдствіи и Гиббона, «съ опущеніемъ всѣхъ противорелигіозныхъ или безнравственныхъ мѣстъ». Этою боудлеризацiею занимались съ успѣхомъ цензора всѣхъ странъ и всѣхъ временъ, и новое слово для такого стараго занятія совершенно лишнее.

— Извѣстный, хотя довольно односторонній, философъ-спиритуалистъ Куно Фишеръ написалъ два тома о Лессингѣ, какъ реформаторѣ нѣмецкой литературы (Lessing als Reformator der deutschen Litteratur). Главная мысль книги состоитъ въ томъ, что нѣмецкая литература, сначала подражавшая древнимъ, потомъ писателямъ романскаго племени, затѣмъ ан-

гличанамъ, начиная съ Лессинга, сдѣлалась оригинальною и самостоятельною. Онъ первый пробудилъ въ ней настоящій нѣмецкій духъ, отнесясь критически къ произведеніямъ литературы, представивъ вѣрную эстетическую оцѣнку ихъ и въ то же время давъ прекрасные образцы въ разныхъ отрасляхъ литературы. Лучшимъ созданіемъ Лессинга признается «Натанъ мудрецъ», въ которомъ отразились религіозныя и гуманныя идеи того времени, для котораго эта пьеса имѣла такое же огромное значеніе, какъ «Фаустъ» Гёте для послѣдующаго поколѣнія.

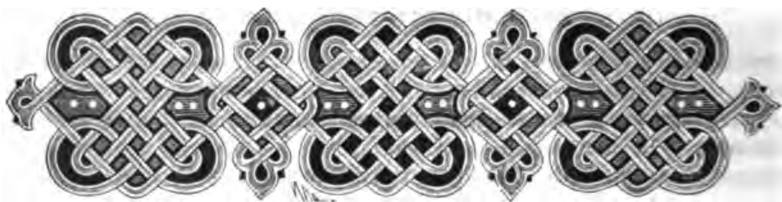
— «Исторія желѣза въ техническомъ и культурно-историческомъ значеніи» (Die Geschichte des Eisens in technischer und kulturgeschichtlichen Bedeutung) представляетъ первую серьёзную попытку прослѣдить развитіе техническаго производства въ связи съ исторіею культуры въ человѣческомъ обществѣ. Въ литературѣ нѣтъ сочиненій о культурномъ значеніи техническихъ изобрѣтеній въ данную историческую эпоху, и автору предстоялъ значительный трудъ собрать все относящееся къ предмету его изслѣдованія изъ поэтическихъ преданій древняго міра, изъ средневѣковыхъ легендъ, изъ археологическихъ изысканій. Желѣзо играло такую важную роль въ первобытныхъ обществахъ, что большее или меньшее распространеніе его и примѣненіе въ разныхъ видахъ къ разнымъ житейскимъ потребностямъ свидѣтельствуетъ о большемъ или меньшемъ культурномъ развитіи доисторическихъ племенъ. Въ противоположность общепринятому мнѣнію, авторъ полагаетъ, что въ развитіи человѣчества желѣзный вѣкъ предшествовалъ бронзовому, такъ какъ выдѣлка бронзы требовала болѣе усовершенствованныхъ техническихъ пріемовъ. Не соглашаясь съ археологами, авторъ признаетъ также, что древніе обитатели Америки были знакомы съ употребленіемъ желѣза, безъ помощи котораго не могли бы проложить въ скалахъ Кордильеровъ знаменитой «дороги Инковъ». Авторъ убѣдился также въ существованіи искусства плавленія желѣза въ эпоху свайныхъ построекъ. Изслѣдованіе это еще не окончено и доведено только до конца XV столѣтія, когда величайшій живописецъ той эпохи и въ то же время физикъ и инженеръ занимался литейнымъ искусствомъ и устройствомъ плавильныхъ печей. Во второмъ томѣ исторія желѣза будетъ доведена до нашего времени.

— Нѣкоторое отношеніе къ Россіи имѣетъ книга «Мѣста погребенія князей изъ дома Вельфовъ» (Die Grabstellen der Fürsten des Welfenhauses). Авторъ собралъ свѣдѣнія о гробницахъ этого владѣтельнаго рода отъ Гертруды, матери Генриха-Льва, до герцога Вильгельма Брауншвейгъ-Люнебургскаго, срисовалъ ихъ надгробные памятники, сохранилъ эпитафіи болѣе чѣмъ трехсотъ лицъ, могилы которыхъ разсѣяны по всей Европѣ отъ Павіи до Холмогоръ, гдѣ умерла правительница Россіи, свергнутая съ престола дочерью Петра I. Авторъ собираетъ и біографическія свѣдѣнія о болѣе выдающихся личностяхъ этого дома, отрасли котораго распространились не только по Германіи, но и въ другихъ странахъ. Въ книгѣ встрѣчаются любопытныя подробности о судьбѣ многихъ извѣстныхъ лицъ этой фамиліи.

— Вторымъ изданіемъ вышло изслѣдованіе Гёфера о походѣ Германика (Feldzug des Germanicus) въ 18 году по Р. X. Поводомъ къ новому изданію этой книги послужило недавнее окрытіе близь Оснабрюка слѣдовъ римскихъ полевыхъ укрѣпленій, о значеніи которыхъ возникла оживленная полемика между Момсеномъ и Менадье. Берлинскіе ученые и археологи нашли въ этихъ остаткахъ слѣды похода Германика, но Гёферъ опровергаетъ

это предположеніе, доказывая, что при Оснабрюкѣ былъ укрѣпленный лагерь Вара въ его походѣ противъ Арминія. Аргументы автора вполнѣ убѣдительны.

— Авторъ имѣвшаго большой успѣхъ изслѣдованія «Россія настоящаго и будущаго», Неельмейеръ-Вукассовичъ, издалъ сочиненіе о Сѣверо-Американскихъ штатахъ (Die Vereinigten-Staaten von America), написанное съ практическою цѣлью: объяснить эмигрантамъ, отправляющимся въ эту страну, ея настоящее положеніе. Поэтому книга касается болѣе коммерческихъ и общественныхъ, нежели политическихъ отношеній Америки. Особенное вниманіе обращаетъ авторъ на движеніе промышленности и земледѣлія въ послѣдніе годы, представляя интересные выводы и данныя по этимъ предметамъ. Не смотря на серьёзное содержаніе, книга написана легкимъ литературнымъ языкомъ. Нѣкоторыя главы, касающіяся общественной жизни, даже слишкомъ фёльетонны.



ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Неизданное стихотвореніе Тургенева.

ВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ Тургеневъ не придавалъ значенія своимъ стихотвореніямъ, подчиняясь, кажется, въ этомъ случаѣ взгляду Бѣлинскаго, съ которымъ едва ли, однако, можно согласиться, — тѣмъ болѣе, что стихи его, будучи положительно недурными и исполненными неподдѣльной граціи и прочувствованной поэзіи, нравятся всѣмъ тѣмъ, которые имѣютъ хотя нѣкоторую долю поэтическаго чувства. Въ недавно изданномъ «Сборникѣ стихотвореній Тургенева» есть много пробѣловъ и пропусковъ его стиховъ, на которые указали въ библіографическихъ статьяхъ «Историческаго Вѣстника» текущаго года, въ іюньской и іюльской книжкахъ, гг. Рябининъ и Языковъ; но помимо стихотвореній, пропущенныхъ въ «Сборникѣ» и уже напечатанныхъ, существуетъ несомнѣнно немало такихъ, которыя не были нигдѣ напечатаны, но лишь обращались въ кругу близкихъ знакомыхъ или родственниковъ И. С. Тургенева, не попавшихъ въ печать потому только, что поэтъ не придавалъ имъ серьёзнаго значенія, строго держась той программы въ своихъ сочиненіяхъ, которая была для него какъ бы завѣщаніемъ покойнаго Бѣлинскаго, безаппеляціонности критическаго взгляда котораго Иванъ Сергѣевичъ слѣпо довѣрялъ и подчинялся.

Одно изъ такихъ стихотвореній, кажется, нигдѣ до сего времени не напечатанное, мы получили отъ Варвары Николаевны Колонтаевой, любопытная статья которой была недавно помѣщена въ «Историческомъ Вѣстникѣ» подъ заглавіемъ: «Воспоминанія о селѣ Спасскомъ». Стихотвореніе это—переводъ съ французскаго изъ «Comédies et Proverbes», Альфреда Мюссе. Это переводъ пѣсенки юнаго клерка «Fortunio», страстно и до безумія влюбленнаго въ кокетку, жену своего патрона. На нашъ взглядъ, эта пѣсенка полна поэзіи и проникнута юностію и свѣжестію первой любви, ря-

домъ съ робкимъ, до обоготворенія, взглядомъ Fortunio на предметъ своей страсти.

Прилагаемъ какъ оригиналъ стихотворенія, такъ и переводъ его И. С. Тургеневымъ.

Si vous croyez que je vais dire
Qui j'ose aimer,
Je ne saurais pour un empire
Vous la nommer.

Nous allons chanter à la ronde
Si vous voulez
Que je l'adore, et qu'elle est blonde
Comme les blés.

Je fais ce que sa fantaisie
Veut m'ordonner
Et je puis, s'il lui faut ma vie,
La lui donner.

Du mal qu' un amour ignorée
Nous fait souffrir
J'en porte l'ame dechirée
Jusqu'á mourir.

Mais j'aime trop pour que je die
Qui j'ose aimer,
Et je veux mourir pour ma mie
Sans la nommer.

Переводъ. (И. С. Тургенева).

Не ждете ль вы, что назову я,
Кого люблю?
Нѣтъ!—такъ легко не выдаю я
Любовь свою.

Но я скажу вамъ, (я смѣлѣе
Среди друзей),
Что спѣлый колосъ не свѣтлѣе
Ея кудрей.

Живу ея покорный волѣ
И для неё
Я жизнь и, если нужно болѣ,
Отдамъ я все!

Любви отверженной мученья
До траты силъ,
До горькихъ слезъ, изнеможенья
Переносилъ.

И, въ сердцѣ сдавленномъ скрывая
Любовь свою,
Погибну я, не называя,
Кого люблю.

Сообщено Н. П. Барышниковымъ.

Письмо А. П. Ермолова о дочери его Сатіатѣ (1859 г.).

Въ IX книжкѣ «Русской Старины» 1884 года была помѣщена статья А. П. Берже «Алексѣй Петровичъ Ермоловъ и его кебинныя жены на Кавказѣ», въ которой находятся свѣдѣнія о дочери А. П. Ермолова Сатіатѣ (Софія-ханумъ) отъ его 2-й кебинной жены Тотай † 1875 году.

Въ моемъ собраніи автографовъ сохранилось собственноручное письмо Ермолова, писанное имъ за два года до кончины (Ермоловъ р. 1777 † 1861 г.) къ тогдашнему командующему войсками въ Прикаспійскомъ краѣ генералъ-адъютанту барону А. Е. Врангелю, касающееся именно упомянутой выше Сатіаты,—слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь
«баронъ Александръ Евстафіевичъ.

«Примите совершенную благодарность мою за письмо, которое вы изволили писать ко мнѣ. Вамъ объяснила дочь моя Софья желаніе свое пріѣхать ко мнѣ съ сыномъ ея. Это почитаю я ненадобнымъ, ибо, по лѣтамъ моимъ, она можетъ не найдти уже меня и будетъ здѣсь иностранкою. Братья ея, которыхъ она видала во время служенія ихъ на Кавказѣ, также рѣдко здѣсь бываютъ и только проѣздомъ. Она меня ни знать, ни помнить не можетъ, ибо, удаленъ бывши съ Кавказа въ 1827 году, я оставилъ ее при матери двухъ лѣтъ вовроста, и съ намѣреніемъ въ мусульманскомъ законѣ, чтобы могла вступить въ замужество за туземца.

«Софьѣ и ея матери доставлю я вскорѣ вспомоществованіе денежное, но ихъ положенію достаточное и моимъ средствамъ соразмѣрное. Превратя въ капиталъ все имущество послѣ кончины отца, я отдалъ четыремъ сыновьямъ моимъ. Всѣмъ служителямъ далъ свободу и ни одного собственнаго человѣка не имѣю. Съ особенною благосклонностію принявши участіе въ обстоятельствахъ, до меня собственно относящихся, ваше превосходительство дали мнѣ смѣлость представить слѣдующую покорнѣйшую просьбу: отъ г. коммерціи совѣтника Аномова доставлена будетъ сумма денегъ (звонкою монетою) для дочери моей и ея матери, на имя ваше, сдѣлать чувствительное одолженіе, приказать вѣрнымъ образомъ передать въ руки дочери моей. Васъ, почтенный баронъ, по здѣшнимъ слухамъ, полагаю я участвующимъ въ огромной предпринятой въ горы экспедиціи.

«Съ отличнымъ уваженіемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

«вашего превосходительства
«покорнѣйшій слуга
«Алексѣй Ермоловъ».

«2 августа 1859 года.
«Москва».

Сообщено **Ѳ. А. Вычковымъ**.

СМѢСЬ.

Двадцатипятилѣтіе Пекинскаго договора. 2-го ноября, минуло двадцать пять лѣтъ со дня дополнительнаго Пекинскаго договора, безспорно признавшаго за Россіей владѣніе дорогой къ Великому океану — рѣкой Амуромъ и громаднымъ, богатымъ Уссурійскимъ краемъ. Этимъ договоромъ, окончательно подтвердившимъ всѣ пункты Айгунскаго трактата (16-го мая 1858 г.) и Тяньцинскаго договора (1-го іюня того же года), Россія пріобрѣла, послѣ трехвѣковаго движенія на востокъ, путь къ океану и могла поддержать необходимое вліяніе на сосѣднія государства крайняго Востока — Китай и Японію, могла наконецъ положить твердое основаніе для развитія морскихъ силъ на берегахъ Великаго океана—страшной угровой англійскимъ колоніямъ и торговлѣ, находящимся въ сферѣ дѣйствія нашего дальнаго прибрежья. Двадцать лѣтъ тому назадъ, Россія шагнула отъ устья широкаго Амура къ Корейскому полуострову и стала лицомъ къ лицу съ восьмимилліоннымъ народомъ, ограждавшимся отъ цивилизаціи стѣной многовѣковой замкнутости и невѣжества. Передъ нами открылась широкая дорога для распространенія своего вліянія на народъ, жившій подъ ярмомъ дикаго деспотизма, но впродолженіе 25-тилѣтняго сосѣдства съ Кореей мы не сдѣлали ни одной серьёзной попытки войдти въ сношеніе съ корейскимъ правительствомъ, видѣвшимъ свое благополучіе только въ строгой замкнутости своихъ владѣній. Мы не воспользовались проявившеюся симпатіею корейской народности, разбуженной отъ своего многовѣковаго сна лишь однимъ нашимъ прикосновеніемъ. Мы сочли излишнимъ распространить вліяніе Россія на многолюдное государство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ пріобрѣтеніемъ Амурскаго края, заселеніе его повели неправильно. Правительство несло громадныя затраты безъ малѣйшей надежды на успѣхъ. Канцелярія распоряжалась изъ-за десятковъ тысячъ верстъ судьбами края, не имѣя о немъ никакого понятія. До послѣдняго времени не выполнены китайскимъ правительствомъ два первыхъ пункта Айгунскаго трактата, вполнѣ подтвержденнаго Пекинскимъ договоромъ. Первою статьею утверждено за нами право свободнаго плаванія, а

второю — право торговли на рѣкѣ Сунгари, многоводномъ притокѣ Амура, орошающемъ своими верховьями лучшую, по плодородію и климату, и наиболѣе густо населенную часть Манчжуріи, производящей въ изобиліи разныя породы хлѣба и скотъ. Отдѣленная отъ Кореи и Китая горнымъ хребтомъ и степью Гоби, мѣстность эта не имѣетъ сообщенія съ японскими и китайскими морями, и самый удобный, естественный ея торговый путь рѣкою Сунгари. Вслѣдствіе своей изолированности, Манчжурія ощущаетъ большой недостатокъ во всѣхъ мануфактурныхъ произведеніяхъ, которыя она получаетъ, въ незначительномъ количествѣ, труднымъ сухимъ путемъ изъ Китая. Такимъ образомъ южная Манчжурія представляетъ чрезвычайно выгодный рынокъ отпускной и привозной торговли. Кромѣ того, нашимъ поселеніямъ на Амурѣ и Уссури, не перестающимъ питаться, вслѣдствіе частыхъ неурожаевъ и наводненій, дорогимъ кругосвѣтнымъ хлѣбомъ, рѣка Сунгари, со своимъ дешевымъ хлѣбомъ и скотомъ, была бы сильной поддержкой и не разъ спасала бы народъ отъ бѣдствій, а казну отъ необходимости кормить его хлѣбомъ, привезеннымъ изъ Россіи. Однако, двадцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Сунгари открыта, по трактату, для русской торговли, но до сего времени всякая попытка, не только мѣстныхъ жителей и купцовъ, но и самихъ властей нашихъ, была встрѣчаема китайскими чиновниками положительнымъ, упорнымъ противодѣйствіемъ и враждебностью. Всѣ экспедиціи (въ 1854, 1864, 1866 и 1869 годахъ), посылаемыя мѣстными властями въ рѣку Сунгари, кончались полною неудачею. Каждый разъ манчжурскіе чиновники встрѣчали нашихъ представителей очень недружелюбно, не пускали ихъ на берегъ и вмѣстѣ съ тѣмъ запрещали жителямъ, подъ страхомъ жестокаго наказанія, входить въ какія либо сношенія съ русскими. Такое неоднократно повторенное нарушеніе заключеннаго съ Китаемъ трактата осталось безъ всякаго разъясненія, и мѣстное начальство, видя безуспѣшность экспедицій, предпринимаемыхъ подъ прикрытіемъ военнаго флага и мундира, рѣшилось прекратить дальнѣйшія попытки. На самомъ Амурѣ дѣла шли не лучше, запутанныя разными амурскими героями, а какъ онъ нуженъ намъ, видно изъ того, что, вмѣстѣ съ 25-тилѣтіемъ окончательнаго присоединенія этой рѣки къ Россіи, можно бы праздновать и двухсотлѣтіе со времени борьбы на Амурѣ казаковъ съ манчжурами, разрушившими въ 1685 году Албазинъ, выстроенный и занятый нами снова въ томъ же году. Но съ 1860 года мы выстроили Благовѣщенскъ, въ самомъ дурномъ мѣстѣ, гдѣ нельзя жить безъ подвоза припасовъ изъ Россіи, выстроили Николаевскъ до того удобный портъ, что его вскорѣ же надо было переносить во Владивостокъ. Этотъ портъ дѣйствительно разросся широко, но и онъ теперь, чрезъ 25 лѣтъ, не можетъ уже приносить большой пользы, и на амурскомъ обѣдѣ, 2-го ноября, доказывалось весьма основательно, что завладѣніе англичанами островомъ Гамильтономъ, который для насъ гораздо важнѣе Герата, парализуетъ значеніе Владивостока въ Великомъ океанѣ.

Памятникъ въ Финляндіи. Въ четырехъ верстахъ къ югу отъ города Ньюкарлеби, на полѣ битвы при Ютасѣ, состоялось торжественное открытіе памятника въ честь павшихъ финновъ и шведовъ. Памятникъ, воздвигнутый на холмѣ, украшенъ былъ флагами, гирляндами и значками. Онъ украшенъ медальономъ-портретомъ генерала фон-Дебельна, надъ которымъ стоитъ надпись «Ютасъ 10[13]/•08, а подъ нимъ имя «C. G. Döbeln» и мечъ, перевитый дубовою вѣтвію. На одной сторонѣ пьедестала вырѣзано патріотическое шестистишіе, на другой надписи пофински и шведски, гласящія: «Отечество въ память храбрыхъ». Торжество открытія началось исполненіемъ гимна «Нашъ край», послѣ чего директоръ мѣстной семинаріи Сундвалъ сказалъ рѣчь, и отъ имени комитета, сооружавшаго памятникъ, передалъ его народу. Онъ выразилъ надежду, что путникъ не забудетъ, проходя мимо памятника, помолиться за родину, и закончилъ рѣчь восклицаніемъ «Боже, бла-

гослови отечество»! Эта рѣчь, сказанная пошведски, прочитана была вслѣдъ затѣмъ пофински. Три полученныя по поводу торжества телеграммы прочитаны были послѣ окончанія рѣчи. Одна изъ нихъ была отъ «Вазаскихъ дамъ», другая отъ «шведскихъ студентовъ изъ Упсалы» гласила слѣдующее: «Свидѣтельствуемъ народу Финляндіи, собранному на томъ полѣ, гдѣ нѣкогда два братскихъ народа проливали кровь свою бокъ о бокъ, — наше живое участіе въ этомъ чествованіи памяти героевъ Ютаса»... Снова раздалась музыка и патріотическая рѣчь другаго оратора, Вихмана, Бьернеборгскій маршъ и, наконецъ, по предложенію бургомистра, ура! девять разъ повторенное, въ честь государя великаго князя, послѣ чего раздались звуки русскаго народнаго гимна и торжество было окончено.

Кромѣ Финляндіи, въ Россіи много мѣстностей, гдѣ въ былые годы побѣждали татары, поляки, кавказскіе горцы. Отчего бы и этимъ русскимъ гражданамъ не ставить памятники своимъ побѣдителямъ?..

Новодвинская крѣпость возведена Петромъ Великимъ для отраженія шведовъ, намѣревавшихся въ 1701 году разорить Архангельскъ, бывшій въ то время единственнымъ портовымъ городомъ Россіи. Въ этихъ видахъ Петръ велѣлъ воеводѣ Прозоровскому и архіепископу Аѳанасію немедленно строить каменную крѣпость въ 15 верстахъ ниже Архангельска, «чтобы тѣхъ непріятельскихъ людей въ двинскія устья не пропускать и города Архангельскаго и уѣзду ни до какого разоренія не допускать». Всѣми работами завѣдовала учрежденная, по повелѣнію Петра, семиградская изба. Какъ при Петрѣ, такъ и въ послѣдующія царствованія, Новодвинская крѣпость считалась одною изъ лучшихъ въ Россіи. Съ развитіемъ Архангельскаго порта и портовыхъ учрежденій возвышалось и значеніе крѣпости: въ ней содержалось много войска, а съ теченіемъ времени образовалось около нея значительное селеніе. Въ Крымскую войну крѣпость снова привлекла къ себѣ вниманіе, и ее предполагалось сдѣлать способною встрѣтить непрошенныхъ гостей, но англичане дальше Соловецкихъ острововъ не пошли. Съ закрытіемъ Архангельскаго порта Новодвинская крѣпость потеряла всякое значеніе, и ее упразднили, въ 1856 году. Нынѣ отъ творенія Петра остались ужъ однѣ развалины. Крѣпостныя стѣны, расположенныя четырехъ-угольникомъ, значительно осѣли, такъ что вышина ихъ теперь немногимъ болѣе пяти аршинъ. Ровъ и насыпи затянуло; отъ подъемныхъ мостовъ не осталось и слѣда; опускныя ворота развалились. Церковь во имя Петра и Павла, вмѣстѣ съ пожалованными Петромъ Великимъ иконами, сгорѣла нѣсколько лѣтъ тому назадъ; тоже сгорѣлъ и домъ, гдѣ жили первые коменданты крѣпости. Домикъ, въ которомъ жилъ Петръ, отвезенъ въ Архангельскъ, и единственнымъ доказательствомъ пребыванія царя служитъ насаженная имъ береза, подъ которою онъ любилъ отдыхать. Отъ прежняго селенія осталось только нѣсколько старыхъ домишекъ, обитатели которыхъ нѣкогда служили въ составѣ чиновъ крѣпости. Теперь нѣтъ ни одной надписи, которая бы свидѣтельствовала о прежнемъ значеніи крѣпости, да и никто объ ней не заботится.

Раскопки въ Смоленскѣ. Въ Смоленскѣ, на Богословской улицѣ, въ саду, принадлежащемъ г. Бибикину, при производствѣ земляныхъ работъ на одномъ курганѣ, на глубинѣ полутора аршина найдены остатки церкви, построеніе которой можно отнести къ XIII вѣку. Церковь расположена была на возвышенномъ берегу Днѣпра и курганъ ея довольно обширенъ. Наружная стѣна толщиной около полутора аршина, въ ней попадаются замурованные скелеты, положенные лицемъ къ востоку. Мѣсто алтаря обнаружилось совершенно ясно: діаконикъ и три полуциркуля собственно алтаря. Полъ церкви, очевидно, деревянный; подъ нимъ довольно толстый слой безцементнаго бута, среди котораго встрѣчаются пожарные шлаки, въ одномъ изъ нихъ замѣчены части костей. Довольно опредѣленно видны остатки сводовъ сѣ-

верныхъ и южныхъ алтарныхъ дверей. Отдѣленіе церкви опредѣляется двумя колоннами, одна изъ которыхъ полуразрушена, другая же сохранила свою форму съ основаніемъ осьмигранника. Стѣны церкви изъ красныхъ плинтъ и, по кладкѣ, носятъ византійскій характеръ, ибо слой извести толще самихъ плинтъ. Очевидно, внутренность церкви была покрыта фресками, остатки коихъ въ значительномъ количествѣ попадаются во время раскопокъ. Фрески разныхъ цвѣтовъ: бѣлаго, синяго, желтаго, краснаго и темножелтаго. Работа замѣчательно тонкая и хорошая, фрески не подверглись большимъ измѣненіямъ, не смотря ни на время, ни на пожаръ церкви. Видны остатки печи и боковыхъ (сѣверныхъ) дверей. Присутствіе шлаковъ, ядръ и гранатъ надъ поверхностью указываетъ на то, что церковь была сожжена и разрушена непріятелями гораздо ранѣе Отечественной войны, такъ какъ современники послѣдней не помнятъ ничего объ этой церкви. При раскопкѣ церкви также найденъ металлическій кружокъ, къ которому съ одной стороны примыкаетъ продолговатая пластинка. На кружкѣ довольно ясно видны очертанія герба, вѣроятно, литовскаго: поле разграничено линіей, по одну сторону которой три льва, по другую же три дерева, симметрично со львами расположенные. Надъ этимъ двѣ группы цвѣтовъ съ виньеткою на верху. Гербъ этотъ найденъ вмѣстѣ со скелетомъ, поэтому можно предполагать, что здѣсь были хоронены ратные люди. Дальнѣйшія раскопки привели къ наклонной кладкѣ стѣны на сѣверной части, что̀ даетъ возможность предполагать далѣе сводъ. Среди бута найдены осколки каменной фляжки, дно которой очень маленькое.

Музей графа Бобринскаго. За послѣдніе годы сдѣлались доступными для общества нѣсколько частныхъ коллекцій на югѣ Россіи, между которыми обращаетъ на себя особенное вниманіе собраніе древностей графа Бобринскаго, находящееся въ мѣстечкѣ Смѣлѣ (Кіевской губ., Черкасскаго уѣзда). Графъ А. А. Бобринскій открылъ въ окрестностяхъ Смѣлы большое число кургановъ и множество слѣдовъ древнѣйшихъ поселеній и, принявшись за ихъ изслѣдованіе, получилъ богатые результаты, въ видѣ находокъ предметовъ, относящихся къ каменному, бронзовому и желѣзному вѣкамъ. Изъ числа 6,000 предметовъ, находящихся въ музеѣ Бобринскаго, половина относится къ каменному періоду. Здѣсь находятся, между прочимъ, отличные экземпляры скребковъ, ножей, стрѣлъ и т. п. издѣлій; однимъ изъ замѣчательныхъ экземпляровъ этого времени является кремневый кинжалъ, имѣющій 4 вершка длины и 1 вершокъ ширины, къ концу острія идущій изгибомъ, найденный на берегу р. Тясмина близь Гуляй-Городка. Изъ предметовъ бронзоваго вѣка интересны и въ научномъ, и въ художественномъ отношеніи всѣ вещи, добытыя изъ кургановъ, въ которыхъ не замѣчалось присутствія желѣза. Бронзовая ваза, глиняные горшки, украшенные довольно сложнымъ прямолинейнымъ орнаментомъ, и бронзовый кинжалъ или наконечникъ копья—являются чрезвычайно цѣнными потому, что до сихъ поръ на югѣ Россіи не находили еще кургановъ исключительно съ предметами бронзоваго періода. Изъ предметовъ желѣзнаго вѣка въ собраніи Бобринскаго имѣются богатыя коллекціи глиняной посуды, ножей, вдѣланныхъ въ костяныя ручки, наконечниковъ бронзовыхъ и желѣзныхъ стрѣлъ, бусъ, жерновыхъ каменьевъ, серегъ, браслетъ, металлическихъ полированныхъ зеркалъ, игральныхъ костей, метательныхъ камней и т. п. предметовъ; самою большою художественною драгоцѣнностью служитъ халцедонъ съ рѣзнымъ изображеніемъ коня и небольшой, недавно найденный, стеклянный медальонъ съ изображеніемъ женщины (быть можетъ, Леды). Кромѣ перечисленныхъ предметовъ, въ собраніи Бобринскаго имѣются отдѣльные экземпляры предметовъ христіанскаго культа. Здѣсь же находится и такъ называемый кладъ князя Любомирскаго, найденный въ прошломъ году и состоящій изъ множества серебряныхъ вещей XVII и XVIII вѣковъ. Довольно видное мѣсто за-

нимаетъ также антропологическій отдѣлъ музея, которому удѣлена особая комната. Интересующимся коллекціею предоставляются всѣ удобства для знакомства съ нею.

Новое пріобрѣтеніе эрмитажа. Древніе предметы, найденные весною нынѣшняго года въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Есикорскаго (противъ ограды Софійскаго собора), пріобрѣтены императорскимъ эрмитажемъ за 3,000 р. Новое пріобрѣтеніе эрмитажа состоитъ преимущественно изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, среди которыхъ особенное вниманіе въ художественномъ отношеніи обращаютъ на себя золотыя эмальированныя серьги и серьги серебряныя съ чернью; кромѣ того, очень цѣнны, какъ художественный памятникъ, золотые перстни съ монограммами и изображеніями животныхъ и птицъ.

Остатки каменнаго вѣка. Въ Кіевѣ, на Глубочицѣ, при срытіи земли подъ фундаментъ строящагося дома, найденъ клыкъ мамонта, длиной около трехъ аршинъ. Клыкъ этотъ, по неосторожности рабочихъ, былъ разбитъ мотыками на нѣсколько частей, но обломки удалось собрать и составить одно цѣлое. Вслѣдъ за этимъ приступлено къ раскопкѣ земли въ томъ мѣстѣ въ разныхъ направленіяхъ, а на слѣдующій день г. Кибальчичу, принявшему на себя изысканія, удалось найдти болѣе 40 штукъ кремневыхъ орудій: топоровъ, скребницъ употреблявшихся первобытнымъ человѣкомъ для сниманія кожи съ убитыхъ животныхъ и стрѣлъ. Орудія эти найдены въ крупнозернистомъ пескѣ на глубинѣ 7 саженъ; тутъ-же оказались слѣды разныхъ остатковъ растительнаго и животнаго царства. Между найденными кремневыми топорами особаго вниманія заслуживаетъ одинъ большой шлифованный топоръ, длиной около четверти аршина. На немъ замѣтно нѣсколько зазубринъ, очевидно отъ удара о кость или какое либо другое твердое тѣло. Этотъ топоръ, по своимъ особенностямъ, представляетъ, по мнѣнію г. Кибальчича, единственный экземпляръ изъ всѣхъ найденныхъ до сихъ поръ на югѣ Россіи кремневыхъ орудій. Рабочіе сообщили г. Кибальчичу, что раньше они находили въ томъ же мѣстѣ человѣческіе черепа и разныя кости. Раскопки продолжаются.

Древній городъ, открытый въ Америкѣ. Рабочіе, рывшіе недавно шахту близь Моберли, въ Миссури, открыли на глубинѣ 360 футовъ древній городъ, прекрасно сохранившійся, благодаря толстому слою отвердѣвшей лавы, образовавшей надъ нимъ какъ бы сводъ. Улицы города проведены совершенно правильно и по бокамъ снабжены каменными стѣнами грубой работы. Въ одномъ изъ зданій найдена зала длиной въ 100 и шириной въ 30 футовъ, въ которой хранилось большое количество инструментовъ для механическихъ работъ. Во многихъ зданіяхъ встрѣчаются статуи, сдѣланныя изъ состава похожаго на бронзу, но болѣе тусклаго цвѣта. Посреди одного двора или площади стоитъ каменный фонтанъ. Были найдены также бронзовые и кремневые ножи, металлическія пилы и много другихъ орудій, работа которыхъ, хотя и грубая, свидѣтельствуемъ, тѣмъ не менѣе, о высокой сравнительно степени цивилизаціи.

Юбилей львовскаго ставропигіальнаго института. Въ будущемъ году исполнится 300 лѣтъ со времени учрежденія львовской ставропигіи, основанной въ 1586 году. Празднованіе это предположено на 1 января 1886 г. и будетъ возобновлено: въ 1888 году — въ честь утвержденія ставропигіи, въ 1588 году, цареградскимъ патріархомъ Іереміею и въ 1892 году — въ память утвержденія ея, въ 1592 году, польскимъ королемъ Сигизмундомъ III. Предсѣдатель правленія, докторъ Шараневичъ готовитъ въ честь юбилея монографію о ставропигіи, самое же торжество будетъ состоять въ слѣдующемъ: богослуженіе въ ставропигіальной церкви; рѣчь доктора Шараневича; публичная лекція о Манявскомъ скитѣ, одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ православія въ Галиціи; пѣніе церковныхъ и галицко-русскихъ народныхъ пѣсенъ;

выставка археологическихъ предметовъ, хранящихся въ ставропигіи, произведеній институтской типографіи и т. п.; при этомъ предположено иллюминовать институтскую церковь, башню и всѣ подвѣдомственныя ставропигіи учрежденія и принадлежащіе ей дома. Эта интересная программа юбилейнаго торжества показываетъ, что гоненія, которымъ подвергаются русскіе галицкіе патріоты за ихъ дѣятельность на пользу своего отечества, не убиваетъ въ нихъ энергіи для проявленія патріотическихъ чувствъ и историческихъ воспоминаній.

† 9 октября въ Петербургѣ баронесса **Эдита Ѳедоровна Раденъ**, одна изъ замѣчательныхъ женщинъ, посвятившая всю свою жизнь служенію добру и истины. Родившись въ Курляндіи, въ деревнѣ своего отца, Эдита Ѳедоровна провела, однако, тамъ только первое время своего дѣтства; родители ея вскорѣ переѣхали въ Петербургъ, гдѣ она и получила воспитаніе. Въ 1851 году, 27 лѣтъ отъ роду, Эдита Ѳедоровна была назначена фрейлиною ко двору великой княгини Елены Павловны, вскорѣ оцѣнившей ея серьёзный и развитый умъ, а также и прекрасныя нравственныя черты ея характера. Здѣсь, во дворцѣ Елены Павловны, она познакомилась со всѣми тогдашними выдающимися личностями петербургскаго общества, представителями литературы и искусства, и знаменитыми иностранцами пріѣзжавшими въ Россію, которые продолжали поддерживать свое знакомство съ Эдитой Ѳедоровной посредствомъ переписки. Когда настала великая эпоха освобожденія крестьянъ и дворецъ Елены Павловны сдѣлался мѣстомъ совѣщаній главныхъ дѣятелей этой важной реформы прошлаго царствованія, то Эдита Ѳедоровна выказала самое живое сочувствіе къ наступившему нравственному пробужденію русскаго общества. Съ этого времени было положено начало ея дружбѣ со многими изъ тѣхъ, кто трудились на почвѣ крестьянской реформы, какъ-то: Ю. Ѳ. Самаринымъ, Н. А. Милютинымъ, К. Д. Кавелинымъ, княземъ Черкасскимъ и другими. Позже она познакомилась и переписывалась также и съ И. С. Тургеневымъ, который не могъ не оцѣнить въ ней женщину высокаго ума. Но особенно замѣчательна ея переписка съ Ю. Ѳ. Самаринымъ по вопросамъ соціальнымъ и религіознымъ; объ этой перепискѣ весьма сочувственно отзывается въ «Руси» (№ 15) И. С. Аксаковъ, которому удалось прочесть много писемъ Самарина къ Эдитѣ Ѳедоровнѣ и который не видитъ никакого препятствія къ изданію ихъ. По смерти великой княгини, сильно поразившей баронессу Раденъ, послѣдняя была назначена фрейлиною ея императорскаго величества, но въ то же время не переставала заботиться о благотворительныхъ и женскихъ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ, основанныхъ Еленою Павловною. Когда въ 1877 году началась война съ Турціею, на Эдиту Ѳедоровну была возложена обязанность завѣдованія главнымъ складомъ Краснаго Креста,—обязанность, поглотившая впродолженіе двухъ лѣтъ все ея время, но доставившая ей со всѣхъ сторонъ глубокую благодарность за ея полезную и самоотверженную дѣятельность. Затѣмъ высочайшее довѣріе указало ей на другое обширное поприще для ея талантовъ и способностей и создало для нея прежде никогда не существовавшее назначеніе быть помощницей государыни императрицы по всѣмъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи. Съ рвеніемъ, свойственнымъ ея возвышенному и твердому характеру, она предалась этой новой обширной дѣятельности и сдѣлала очень много для возвышенія учебной и воспитательной части въ учебныхъ заведеніяхъ, ей подвѣдомственныхъ. Такая усиленная, не знавшая отдыха, дѣятельность была причиною развившейся въ ней болѣзни, которая и свела въ могилу эту достойнѣйшую во всѣхъ отношеніяхъ и заслуживающую благодарной памяти женщину.

† 27-го октября, преподаватель 3-й петербургской гимназіи **Павелъ Ерофеевичъ Веденеевъ**, скоропостижно скончался отъ паралича мозга на 37 году. Покойный кончилъ курсъ въ университетѣ св. Владиміра со степенью кан-

дидата историко-филологическаго факультета и поступилъ на службу въ канцелярію одесскаго градоначальника, но вскорѣ бросилъ административную карьеру и отдался педагогической дѣятельности, которой и служилъ непрерывно втеченіе всей жизни. Еще въ бытность въ университетѣ, онъ, на заданную тему «Слово о полку Игоревѣ», написалъ разсужденіе, удостоенное университетомъ золотой медали; затѣмъ въ 1878—1879 годахъ слушалъ курсъ въ археологическомъ институтѣ, по окончаніи котораго получилъ званіе дѣйствительнаго члена и награжденъ серебряною медалью; въ 1883 году написалъ сжатое, но ясное руководство подъ заглавіемъ: «Географическіе очерки Россіи». Со смертью его педагогическій міръ потерялъ много обѣщавшую педагогическую силу.

† 19-го октября, академикъ **Яковъ Алексѣевичъ Чистовичъ**. Сынъ діакона, онъ кончилъ въ 1843 году курсъ, съ серебряною медалью, въ медико-хирургической академіи, послѣ чего прикомандированъ былъ лекаремъ въ гусарскій полкъ; былъ въ военно-сухопутномъ госпиталѣ ординаторомъ, а въ концѣ 50 годовъ состоялъ редакторомъ военно-медицинскаго журнала, издававшагося въ Петербургѣ, получилъ званіе адъюнктъ-профессора судебной медицины, въ 1860 году—ученаго секретаря медико-хирургической академіи, въ 1871 году, должность начальника медико-хирургической академіи, въ 1875 году признанъ съ сыновьями потомственнымъ дворяниномъ. Покойный написалъ и перевелъ много сочиненій по судебной медицинѣ и состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ. Ему обязана учрежденіемъ своимъ вспомогательная медицинская касса, предсѣдателемъ которой онъ былъ впродолженіе многихъ лѣтъ. За послѣднія 10 лѣтъ покойный занималъ должность члена главнаго военно-медицинскаго управленія. Въ медицинскомъ мірѣ Чистовичъ оставилъ по себѣ добрую память честнаго и полезнаго общественнаго дѣятеля.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Литературный обманъ.

Въ послѣднее время наши газеты и журналы дѣлаются довольно часто жертвами самыхъ безцеремонныхъ обмановъ. Шантажъ проникъ, къ сожалѣнію, и въ область литературы; появились господа, которые сочиняютъ корреспонденціи изъ разныхъ городовъ, сидя на одномъ мѣстѣ; посылаютъ въ журналы однѣ и тѣ же статьи подъ разными заглавіями; выписываютъ изъ старыхъ періодическихъ изданій сочиненія прежнихъ авторовъ, слегка передѣлываютъ ихъ и затѣмъ печатаютъ, выдавая за свои собственныя, и т. п. Редакціямъ весьма трудно избѣгнуть подобнаго литературнаго обмана, потому что редакторъ журнала, или газеты, не только не можетъ помнить все, что было напечатано раньше въ другихъ изданіяхъ, но не въ состояніи даже внимательно слѣдить за всѣми, выходящими въ настоящее время періодическими изданіями. Для борьбы съ литературнымъ обманомъ существуетъ, по нашему мнѣнію, только одно средство—не замалчивать, а немедленно обличать его. До сихъ поръ, редакція «Историческаго Вѣстника» еще ни разу не подвергалась ему. Въ нашемъ журналѣ помѣщаются, большею частью, статьи только такихъ сотрудниковъ, которые или извѣстны намъ лично, или,

по крайней мѣрѣ, извѣстны по своимъ произведеніямъ. Но недавно мы рѣшились напечатать статью совершенно невѣдомаго намъ автора, и теперь намъ приходится въ этомъ раскаяваться.

8-го іюня, нынѣшняго года, мы получили отъ г. Николая Ивановича Соловьева (изъ Константиновской почтовой станціи, Владимірской губерніи, Александровскаго уѣзда), рукопись подъ заглавіемъ «Духовная карьера». Прочитавъ ее, мы нашли, что заключающіяся въ ней свѣдѣнія объ архіепископѣ владимірскомъ Пароеніи и бытѣ духовенства въ первой половинѣ настоящаго столѣтія не лишены интереса. Мы сообщили автору, что готовы напечатать его статью, если онъ измѣнитъ ея начало, казавшееся намъ не соотвѣтствующимъ дальнѣйшему изложенію, и возвратили ему рукопись. 6-го іюля, г. Соловьевъ снова прислалъ намъ свою статью съ передѣланнымъ, согласно нашему указанію, вступленіемъ, и мы увѣдомили его, 15-го іюля, что въ исправленномъ видѣ статья «Духовная карьера» принята и будетъ напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ концѣ текущаго, или началѣ будущаго года. 20-го сентября, г. Соловьевъ прислалъ намъ еще двѣ свои статьи, признанныя нами непригодными для журнала и ему возвращенныя, и при этомъ высказалъ свои желанія относительно уплаты ему условленнаго гонорара за принятую редакціей статью «Духовная карьера».

Статья эта появилась въ ноябрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», а вслѣдъ за тѣмъ мы получили отъ редактора духовнаго журнала «Странникъ» письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ насъ, что статья г. Соловьева «Духовная карьера» есть буквальная перепечатка, за исключеніемъ вступленія, статьи того же автора, помѣщенной въ сентябрской книжкѣ «Странника», подъ заглавіемъ «По окончаніи курса». Такимъ образомъ, г. Соловьевъ 20-го сентября писалъ намъ о гонорарѣ за принятую нами и находившуюся у насъ съ іюля мѣсяца статью свою «Духовная карьера» въ то самое время, когда она печаталась въ «Странникѣ» подъ измѣненнымъ заглавіемъ «По окончаніи курса». Г. Соловьевъ былъ увѣренъ, что редакція «Историческаго Вѣстника» не получаетъ всѣ издающіеся у насъ духовные журналы, и не ошибся въ этомъ. Мы сознаемся откровенно, что весь годъ не видѣли «Странника» и не знали, какія статьи въ немъ печатаются, такъ какъ онъ нигдѣ не публикуетъ о выходѣ и составѣ своихъ книжекъ. Разсчетъ г. Соловьева оправдался вполнѣ, и ему удалось вовлечь насъ въ самый неблаговидный литературный обманъ. Не знаемъ только, кто отъ этого проигралъ? Если для г. Соловьева 56 руб. полученнаго имъ отъ насъ гонорара дороже честнаго имени, то, конечно, выигралъ онъ.

С. Шубинскій.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КАЛАЧОВЪ.

(Некрологъ).

25-го октября, скончался въ своемъ имѣніи, въ селѣ Волхонщинѣ, Сердобскаго уѣзда, Николай Васильевичъ Калачовъ. Обширная, учено-литературная дѣятельность стяжала ему очень крупное имя въ русской исторической наукѣ. Услуги, оказанныя имъ Россіи въ качествѣ сановника энергическаго и глубоко просвѣщеннаго, создали ему извѣстность въ ряду выдающихся государственныхъ людей нашего отечества. Подвести итогъ этой дѣятельности и этимъ услугамъ не настало еще время, равнымъ образомъ и полная біографія покойнаго принадлежитъ будущему. Но, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этой утраты для науки и общества, нельзя не отмѣтить важнѣйшихъ заслугъ Николая Васильевича и выдающихся фактовъ изъ его долголѣтней ученой карьеры.

Николай Васильевичъ родился 26-го мая, 1819 года, въ селѣ Алексинѣ, Владимірской губерніи, Юрьевъ-Польскаго уѣзда. Дѣтство свое онъ провелъ въ домѣ отца, и съ юныхъ лѣтъ исторія была для Николая Васильевича любимымъ занятіемъ. Еще мальчикомъ онъ читалъ Тита Ливія и въ подлинникѣ, и въ нѣмецкомъ переводѣ. 12-ти лѣтъ Калачова отвезли въ Москву и помѣстили въ пансіонъ Чермака. Но уже въ 1833 году Николай Васильевичъ перешелъ оттуда въ бывшій московскій дворянскій институтъ. Любимымъ предметомъ его здѣсь была отечественная словесность. Николай Васильевичъ и въ университетѣ предполагалъ спеціально заниматься ею. Но желаніе отца рѣшило иначе. По окончаніи курса въ дворянскомъ институтѣ (1836 г.) Николай Васильевичъ поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета, гдѣ и посвятилъ себя всецѣло историко-юридическимъ занятіямъ.

Прямо съ студенческой скамьи открылось широкое поле для его изысканій. М. П. Погодинъ рекомендовалъ Николая Васильевича министру народнаго просвѣщенія С. С. Уварову. Въ то время (1840 г.) Уваровъ былъ въ Москвѣ. Министръ назначилъ даровитаго молодаго человѣка въ археографическую коммиссію. Николай Васильевичъ скоро научился разбирать старинные почерки и принялся отыскивать древ-

ніе матеріалы для отечественной исторіи и права, не оставляя и теоретическихъ занятій. Въ 1843 году, онъ выдержалъ магистерскій экзаменъ и, по случаю смерти отца, вынужденъ былъ бросить службу въ археографической коммиссіи. Втеченіе трехъ лѣтъ онъ, какъ старшій въ семействѣ, отдавался заботамъ хозяйственнымъ и попеченію о младшихъ братьяхъ.

Въ 1846 году, онъ поступилъ библіотекаремъ въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и тогда же, защитивъ магистерскую дисертацію «О Русской Правдѣ», снова получилъ мѣсто въ археографической коммиссіи, съ откомандированіемъ въ Москву. Три года прослужилъ Николай Васильевичъ въ московскомъ архивѣ и въ этотъ періодъ имѣлъ возможность ознакомиться здѣсь съ богатыми матеріалами по русской исторіи. Въ 1847 году, московское Общество исторіи и древностей россійскихъ избрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ, а въ 1848 году, онъ занялъ въ Московскомъ университетѣ каѳедру русскаго законодательства (на мѣсто К. Д. Кавелина).

Черезъ три года Калачова назначили членомъ археографической коммиссіи, а въ 1852 году, вмѣстѣ съ порученіемъ ему изданія «Дополненія къ актамъ юридическимъ», разрѣшено было ему отправиться въ археографическое путешествіе по Россіи, для изысканія историческихъ и юридическихъ матеріаловъ. Въ томъ же году онъ объѣхалъ губерніи Орловскую, Владимірскую и Саратовскую. Описаніе найденныхъ имъ матеріаловъ юридическаго содержанія сдѣлано частью въ статьѣ «Историческія замѣтки, собранныя въ Орлѣ и Мценскѣ», частью же въ особыхъ донесеніяхъ о путешествіи предсѣдателю археографической коммиссіи. Въ слѣдующее лѣто Николай Васильевичъ объѣхалъ губерніи Самарскую, Тамбовскую и Рязанскую.

Исторію русскаго законодательства Калачовъ преподавалъ втеченіе четырехъ лѣтъ, причемъ главное вниманіе обращалось на источники, какъ матеріалъ для этой исторіи. По мнѣнію Калачова, ознакомившись съ источниками, студенты впослѣдствіи и безъ его руководства могутъ имѣть всѣ средства къ самостоятельному изученію и къ разработкѣ исторіи русскаго законодательства. Одновременно Николай Васильевичъ читалъ и критическое обозрѣніе юридическихъ памятниковъ Россіи. Кромѣ того, особыя лекціи посвящались имъ для ознакомленія студентовъ историко-филологическаго, математическаго и медицинскаго факультетовъ съ «государственными и губернскими учрежденіями», а также съ «законами о собраніяхъ».

Учено-литературная дѣятельность Калачова была весьма обширна уже въ то время. Въ «Рѣчахъ», произносившихся на актахъ московскаго дворянскаго института и напечатанныхъ въ 1834 и 1835 годахъ, желающіе могутъ ознакомиться съ первыми опытами Николая Васильевича по этой части. На 3-мъ и на 4-мъ курсахъ онъ написалъ изслѣдованіе «О судебникѣ царя Іоанна Васильевича», напечатанное въ «Юридическихъ Запискахъ» П. Г. Рѣдкина. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ критическомъ отдѣлѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» и въ «Отечественныхъ Запискахъ». Тогда же въ «Маякѣ» имъ напечатанъ переводъ съ итальянскаго о Дмитріи Самозванцѣ (Чилли), снабженный предисловіемъ объ иностранныхъ писателяхъ, писавшихъ о русской исторіи. Въ 1846 году, Калачовъ издалъ въ Москвѣ «Текстъ Русской Правды, на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій» и первую часть «Изслѣдованія о Русской Правдѣ». Въ слѣдующемъ году въ «Чтеніяхъ» московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ явилось замѣчательное изслѣдованіе «О Кормчей книгѣ» (вышло отдѣльнымъ изданіемъ въ 1850 г.). Въ томъ же и въ слѣдующихъ годахъ, онъ находилъ время заниматься редакціей «Иностранныхъ сочиненій и актовъ, относящихся до Россіи», собранныхъ княземъ М. А. Оболенскимъ. Въ эти годы и потомъ Кала-

човъ принималъ участіе въ «Москвитянинѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Въ 1850 году начато имъ изданіе «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи» (вышло три книги, причемъ вторая—въ двухъ частяхъ). Это — сборникъ, заключающій въ себѣ изслѣдованія и критическій разборъ памятниковъ по исторіи, статистики и права древней Россіи. Но главнымъ занятіемъ Калачова въ 50-хъ годахъ было собираніе матеріаловъ для изслѣдованія «О сошномъ письмѣ въ древней Россіи» и для «Дополненія къ актамъ юридическимъ».

Въ этой обширной учено-литературной дѣятельности уже тогда обнаружилась весьма замѣтно особенность, отличавшая всѣ дальнѣйшіе труды Николая Васильевича. Историческое изученіе русскаго быта, историческая разработка общественныхъ вопросовъ, въ его трудахъ поставляются въ связь съ современнымъ рѣшеніемъ тѣхъ же вопросовъ. «Такое изученіе ихъ и разработка тѣмъ болѣе полезны,—писалъ Калачовъ, приступая къ изданію «Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи» (этотъ петербургскій журналъ въ 1858 г. смѣнилъ собою московскій «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній»),—что они послужатъ лучшимъ пособіемъ для того, чтобы вглядѣться пристальнѣе въ самыя начала и формы нашей общественной жизни и различить тѣ изъ нихъ, которыя проходятъ чрезъ всю нашу исторію и, слѣдовательно, могутъ быть названы національными, отъ тѣхъ, которыя были приняты нами и выработаны какъ народомъ европейскимъ». Иначе сказать, по мнѣнію Калачова, при разсмотрѣніи вопросовъ нашего общественнаго быта твердая основа замѣчается въ историческихъ розысканіяхъ. Такую основу Николай Васильевичъ и старался установить во всѣхъ своихъ изысканіяхъ. Новый «Архивъ» служилъ той же цѣли, и въ немъ читатели знакомились вообще съ древнимъ бытомъ Россіи и съ тѣми данными современности, которыя, представляя картину современнаго быта въ разныхъ слояхъ русскаго общества и въ разныхъ частяхъ нашего отечества, могли притомъ служить полезнымъ указаніемъ способовъ, принимаемыхъ правительствомъ или предполагаемыхъ частными лицами, для лучшаго удовлетворенія признаваемыхъ ими потребностей.

Весьма знаменательнымъ временемъ въ ученой карьерѣ Калачова былъ 1857-й годъ. Николай Васильевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ и обратился къ графу Д. Н. Блудову съ ходатайствомъ о допущеніи его для занятій въ архивъ II-го Отдѣленія его величества канцеляріи. Графъ Блудовъ, отказавъ Калачову въ этой просьбѣ, какъ лицу стороннему, предложилъ ему поступить на службу въ это учрежденіе. И Николай Васильевичъ вскорѣ, по вступленіи во II-е Отдѣленіе, принялъ на себя редакцію третьяго изданія гражданскихъ законовъ. Какъ опытный законовѣдъ, глубоко изучившій свое дѣло, Калачовъ затѣмъ оказалъ большія услуги при выработкѣ главнѣйшихъ законоположеній прошлаго царствованія.

Къ этому же періоду относится изданіе, исполненное Калачовымъ, по порученію археографической коммиссіи: «Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи», два тома, и цѣлый рядъ учено-критическихъ этюдовъ по поводу сочиненій историко-юридическаго содержанія, представлявшихся на Демидовскую и Уваровскую преміи при академіи наукъ (Чичерина «Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.», Дмитріева «Исторія судебныхъ инстанцій», Чебышева-Дмитріева «О преступномъ дѣйствіи», Андреевскаго «О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ», Энгельмана «О давности по русскому гражданскому праву»). Въ 1858 году, академія наукъ избрала Калачова своимъ членомъ-корреспондентомъ. Въ 1860 году, Николай Васильевичъ напечаталъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» свой «Очеркъ царствованія Өедора Алексѣевича» по актамъ, собраннымъ археогра-

фическою коммиссіею, и въ своемъ «Архивѣ» опубликовалъ «Матеріалы для своднаго уложенія 1701 г.» изъ подлинныхъ дѣлъ. Сверхъ того, въ видѣ приложенія къ тому же «Архиву» онъ сталъ издавать и «Юридическій Вѣстникъ», за 1860—1864 гг.

Немало услугъ наукѣ оказалъ Николай Васильевичъ въ качествѣ предсѣдателя этнографической коммиссіи при географическомъ Обществѣ, занимавшейся собираніемъ народныхъ юридическихъ обычаевъ. Въ это время въ «Этнографическомъ Сборникѣ» (т. VI) напечатано имъ изслѣдованіе «Артели въ древней и нынѣшней Россіи» и къ той же области изученія русскаго обычнаго права относится помѣщенное въ VIII т. «Сборника государственныхъ знаній» изслѣдованіе «О волостныхъ и сельскихъ судахъ въ древней и нынѣшней Россіи».

Въ 1864 году, Николай Васильевичъ былъ назначенъ сенаторомъ и сталъ во главѣ московскаго архива министерства юстиціи. Съ тѣхъ поръ и до конца дней своихъ онъ посвящалъ себя всецѣло организаціи архивнаго дѣла въ Россіи. Въ этотъ третій періодъ своей ученой дѣятельности Николай Васильевичъ получилъ отъ Петербургскаго университета степень доктора гражданскаго права въ 1865 г., а черезъ четыре года былъ избранъ почетнымъ членомъ университета. По его почину возникла особая коммиссія для разработки документовъ московскаго архива министерства юстиціи. Онъ же сталъ во главѣ высочайше учрежденной коммиссіи объ устройствѣ архивовъ, начавшей свою дѣятельность въ 1873 г. Мысль объ этой коммиссіи возникла на 2-мъ археологическомъ съѣздѣ, открывшемся въ Петербургѣ въ 1872 г. Тогда же задумано Калачовымъ и то учрежденіе, безъ котораго не можетъ быть прочнымъ самое существованіе архивовъ. Разумѣемъ археологическій институтъ, это дѣтище покойнаго, имъ созданное, имъ поставленное на ноги.

Археологическій институтъ открытъ 15-го января 1878 г. въ видѣ частнаго заведенія на пожертвованія частныхъ лицъ. Заведеніе это ставитъ себѣ цѣлью приготовленіе спеціалистовъ по русской старинѣ, знатоковъ хранящихся въ архивахъ сокровищъ и способныхъ привести послѣднія во всеобщую извѣстность путемъ описанія ихъ и разработки. Подъ руководствомъ такого энергическаго дѣятеля, какимъ всегда былъ Николай Васильевичъ, институтъ въ короткое время успѣлъ заявить о плодотворности своей дѣятельности. Покойный директоръ привлекъ къ участію въ дѣятельности и любителей древности, и ученыя силы. Институтъ затѣмъ постарался войдти въ сношенія съ провинціальными тружениками, работающими часто въ своемъ захолустьѣ безъ всякаго привѣта и поощренія. Для бóльшаго общенія института со всѣми этими силами на пользу науки, Николай Васильевичъ предпринялъ изданіе «Сборника»[1], гдѣ помѣщались отчеты о занятіяхъ слушателей института, самыя работы ихъ и результаты ихъ розысканій въ архивахъ, свѣдѣнія о сдѣланныхъ ими раскопкахъ и объ осмотрѣнныхъ памятникахъ древностей въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ числѣ этихъ результатовъ нельзя не отмѣтить въ особенности выясненія ими внѣшней и внутренней исторіи «Уложенія» Алексѣя Михайловича и опубликованія любопытнѣйшихъ матеріаловъ о царствованіи Александра I, не говоря уже о другихъ документахъ, имѣющихъ важное значеніе для выясненія различныхъ сторонъ древняго политическаго строя, народнаго быта и законодательства Россіи. Уже одно это учрежденіе, вызванное къ жизни для глубоко-нравственнаго дѣла—усилить любовь къ родной землѣ, изучать минувшія дѣла предковъ — составляетъ огромную патріотическую заслугу Николая Васильевича и, безъ всякаго сомнѣнія, доставитъ ему признательность потомства.

Ѳ. В.

---

[1]) Теперь этотъ «Сборникъ» переименованъ въ «Вѣстникъ Археологіи и Исторіи».

«Славянофилы побѣдили». (Тамъ же).
«Разборъ сочиненій Помяловскаго». (Тамъ же).
«О стихотвореніяхъ Некрасова». (Тамъ же).
«Рецензія на переводъ сочиненій Д. Милля». (Тамъ же).
«О лекціяхъ Кояловича (Русское Слово, 1864 г., кн. 12).
«Замѣтка о русскихъ народныхъ сказкахъ, изд. Чубинскимъ». (Тамъ же).
«О сочиненіяхъ Державина, изданныхъ академикомъ Гротомъ». (Тамъ же).
«Послѣдній философъ-идеалистъ: Артуръ Шопенгауеръ». (Тамъ же).
«О книгѣ Катрфажа: «Единство рода человѣческаго». (Тамъ же).
«Перлы и адаманты русской журналистики» (Русское Слово, 1864 г., кн. 6; 1865 г., кн. 2 и 7).
«Нѣсколько словъ г. Антоновичу» (Русское Слово, 1865 г., кн. 2).
«Рецензія на книгу К. Фогта: «Чтенія о полезныхъ и вредныхъ животныхъ». (Русское Слово, 1865 г., кн. 4).
«Разборъ сочиненія: «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности»· (Тамъ же).
«Замѣтки объ изданіи: «Классическіе иностранные писатели». (Тамъ же).
«О полномъ собраніи сочиненій Маколея» (Русское Слово, 1865 г., кн. 7).
«Разборъ книги Гервинуса: «Исторія XIX вѣка» (кн. 8).
«О Путешествіи по Сибири Фонъ-Этцеля и Вагнера». (Тамъ же).
«Рецензія на переводъ: «Путешествіе Ч. Дарвина» (Русское Слово, 1865 г., кн. 9).
«О книгѣ Бэтса: «Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ». (Тамъ же).
«Статья о критическихъ этюдахъ П. Вибикова». (Тамъ же).
«Очеркъ литературы и культуры XIX вѣка, сочиненіе Гонеггера, переводъ съ нѣмецкаго», Спб., 1867 г., 377 стр.
«Духовныя жены, сочиненіе Вильяма Диксона, переводъ съ англійскаго», двѣ части, съ портретомъ автора, Спб., 1869 г.
«Сочиненія Фердинанда Лассаля», съ портретомъ автора, переводъ съ нѣмецкаго, два тома, Спб., 1870 г.
«Исповѣдь старика», романъ И. Ньево, переводъ съ итальянскаго, Спб., 1875 г.
«Средневѣковая демократія» (Дѣло, 1878 г., кн. 2 и 4).
«Руководство всемірной исторіи: древняя исторія Востока», съ четырьмя картинками, двумя таблицами іероглифовъ и клинообразныхъ письменъ и снимковъ съ древнихъ алфавитовъ. Спб., 1879 г.
«Руководство всемірной исторіи: древняя исторія Запада», томъ первый: Эллинская эпоха, съ двумя картами. Спб., 1882 г., 628 стр.

Кромѣ перечисленныхъ трудовъ, подъ редакціей В. А. Зайцева (вмѣстѣ съ Н. Г. Чернышевскимъ), изданы на русскомъ языкѣ: «Всемірная исторія Ф. Шлоссера» (древняя и средневѣковая), двѣнадцать томовъ, Спб., 1861—1865 г. и «Всемірная исторія Ф. Шлоссера» (новая), шесть томовъ, Спб., 1865—1868 г. Второе изданіе этихъ двухъ переводовъ: Спб., 1868—1871 г.

Золотовъ, Василій Андреевичъ[1]), извѣстный педагогъ, ро-

[1]) О немъ: брошюра «Пятидесятилѣтняя педагогическая дѣятельность В. А. Золотова» (Спб., 1874 г., 15 стр.); Голосъ, 1874 г., № 48; Другъ Народа, 1874 г., № 17; Русск. Міръ, 1874 г., № 4 и 59; Русск. Худож. Листокъ, 1860 г., № 29; Русск. Вѣдом., 1882 г., № 346; Русск. Старина, 1883 г., кн. I., стр. 166 и 176.

дился въ Москвѣ (1804 г.) и воспитывался въ Ришельевскомъ лицеѣ и Московскомъ университетѣ; по окончаніи университетскаго курса, началъ свою педагогическую дѣятельность (съ 19-го февраля 1824 года), которую и продолжалъ втеченіе почти шестидесяти лѣтъ; въ послѣднее время состоялъ директоромъ дома призрѣнія малолѣтныхъ бѣдныхъ; † 12-го декабря въ Петербургѣ.— Покойный, кромѣ редактированія «Новороссійскаго Телеграфа», издалъ слѣдующіе труды:

«Французская грамматика Карла Летеллье, въ пользу лицеевъ и пансіоновъ исправленная и дополненная Эннекеномъ», переводъ, М., 1826 г.

«Стихотворная русская христоматія», двѣ части, М., 1829 г.

«Русская азбука съ наставленіемъ, какъ должно учить», Спб., 1856 г. — Послѣ того она выдержала двадцать шесть изданій; послѣднее изъ нихъ: Спб., 1880 г.

«Таблицы для взаимнаго обученія чтенію и письму съ руководствомъ для учителей», Спб., 1858 г.—Послѣ того вышло девять изданій, изъ которыхъ послѣднее: Спб., 1879 г.

«Ариѳметика для начальныхъ и сельскихъ училищъ, составленная по методѣ Груббе», Спб., 1859 г.—Потомъ эта книга вышла восьмымъ изданіемъ; изъ нихъ послѣднее: Спб., 1870 г.

«Бесѣда въ учебномъ фехтовально-гимнастическомъ классѣ», восемь выпусковъ, Спб., 1859—1860 г.

«Міровѣдѣніе», Спб., 1860 г.; второе изданіе 1863 г.; третье изданіе 1866 г.

«Русская азбука для нѣмецкихъ и еврейскихъ школъ», Спб., 1860 г.

«Басни, избранныя изъ Хемницера и Крылова», съ портретомъ послѣдняго и 15 политипажами, Спб., 1861 г.—Затѣмъ вышло одиннадцать изданій; послѣднее изъ нихъ: Спб., 1878 г.

«Досужное чтеніе, пригодное для каждаго», съ картинами, Спб., 1862 г.; второе изданіе 1866 г.; третье изданіе 1871 г.

«Разсказы изъ священной исторіи ветхаго завѣта», Спб., 1863 г., съ 54 картинами; второе изданіе: Спб., 1864 г.

«Духовныя стихотворенія разныхъ сочинителей, съ замѣчаніями о ихъ жизни», Спб., 1863 г., второе изданіе: Спб., 1865 г.

«Упражненія въ чтеніи и умственномъ развитіи», Спб., 1863 г.—Впослѣдствіи эта книга перепечатывалась двѣнадцать разъ; послѣднее изданіе: Спб., 1871 г.

«Изслѣдованіе крестьянской грамотности по деревнямъ Тверской, Новгородской, Тульской и Московской губерній» (Журналъ мин. нар. просв., 1863 г., кн. 6 и 12). — Отдѣльно: Спб., 1863 г.

«Исторія Россіи въ картинахъ», шесть выпусковъ, Спб., 1863—1867 г. — Послѣ того было шесть изданій; послѣднее изъ нихъ: Спб., 1872 г.

«Записка о сельской грамотности въ Могилевской губерніи» (Журналъ мин. нар. просв., 1864 г., кн. 7).

«Наглядное обученіе: паханіе, бороненіе, жатва, молотьба, вѣтряная и водяная мельница и пекарня», съ девятью картинами, Спб., 1864 г. — Потомъ было шесть изданій; послѣднее: Спб., 1874 г.

«Разсказы дѣдушки Василья», шесть выпусковъ, Спб., 1865 г.; второе изданіе: Спб., 1869 г.

«Первое упражненіе въ чтеніи и совѣтъ наставникамъ», Спб., 1867 г.; второе изданіе: Спб., 1871 г.

«Сборникъ для упражненія въ чтеніи рукописнаго», литографированная тетрадь съ рукописнымъ текстомъ, Спб., 1868 г.—Затѣмъ появилось десять изданій; послѣднее изъ нихъ: Спб., 1881 г.

«Христіанское ученіе», курсъ первый, Спб., 1868 г.

«Примѣрные уроки въ сельскомъ народномъ училищѣ», Спб., 1870 г.

«Исторія Петра Великаго», съ 20 рисунками, Спб., 1872 г.

«Пустынно-Успенское народное училище и его отдѣленіе», Спб., 1874 г.

«Слово къ русскому народу дѣдушки Василія», Одесса, 1877 г., 16 стр.

Кромѣ того, Золотовымъ были напечатаны «Прописи для скорописнаго почерка», которыя достигли одиннадцатаго изданія (Спб., 1868 г.).

Иванова, Елизавета Михайловна, урожденная Сабашникова, помѣщала «Письма изъ Ханькоу» въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1873 г.) и напечатала трудъ подъ заглавіемъ «Китай» (Русск. Рѣчь, 1881 г., кн. 8—12; отдѣльно: Спб., 1882 г.); † 23-го апрѣля въ Миланѣ.

Ивановъ, Николай Алексѣевичъ [1]), уроженецъ города Казани, въ молодости торговалъ по Сибири, съ 1860 года поселился въ Ханькоу, какъ агентъ купечества и первый коммиссіонеръ русскихъ торговыхъ домовъ, а затѣмъ какъ русскій вице-консулъ; въ послѣднее время онъ оставилъ Китай и жилъ въ Москвѣ, гдѣ занималъ мѣсто директора страховаго общества «Якорь»; † 14-го марта въ Москвѣ. Онъ принималъ участіе въ составленіи книги «Китай», изданной его женой Е. М. Ивановой (см. выше).

Инсарскій, Василій Антоновичъ [2]), родился въ Пензѣ (1814 г.); послѣ домашняго воспитанія недолго учился въ тамошней гимназіи и рано началъ службу въ мѣстномъ уѣздномъ судѣ; изъ послѣдняго онъ поступилъ въ департаментъ государственныхъ имуществъ (1832 г.), гдѣ и служилъ до 1832 года; въ сороковыхъ годахъ принялъ на себя завѣдованіе дѣлами кн. А. И. Барятинскаго и переселился въ его курскія имѣнія; съ половины пятидесятыхъ годовъ — начальникъ канцеляріи кавказскаго намѣстника (1857—1862 г.); послѣ четырехлѣтняго отдыха — почтдиректоръ московскаго почтамта (1866—1872 г.); наконецъ, вышелъ въ отставку и десять лѣтъ находился вдали отъ службы; † 23-го декабря въ Москвѣ. Покойный составилъ обширныя «Записки о своей жизни» (шесть большихъ томовъ), которыя еще при жизни передалъ на храненіе въ императорскую публичную библіотеку. Изъ этихъ «Записокъ» появились въ печати слѣдующіе отрывки:

«Изъ кавказскихъ воспоминаній» (Русск. Архивъ, 1868 г.).

---

[1]) О немъ: Московск. Вѣдом., 1882 г., № 84.

[2]) Свѣдѣнія о немъ взяты изъ его собственныхъ «Записокъ».

«Общество посѣщенія бѣдныхъ въ Петербургѣ» (1869 г., кн. 6).
«Учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ» (1878 г., кн. 4).
«Изъ записокъ 1857 года: «Дача подъ Тифлисомъ и Кадиоры» (1874 г., кн. 2).
«Изъ быта нашихъ помѣщиковъ» (Русская Старина, 1874 г., кн. 2).
«Половодье, картины провинціальной жизни прежняго времени», Спб., 1875 г., 493 стр.

Кирьяковъ, Александръ Θедоровичъ [1]), воспитанникъ Калужской семинаріи и магистръ Московской духовной академіи (1830 г.); по окончаніи академическаго курса — профессоръ церковной исторіи, археологіи и каноническаго права въ Калужской (1830—1833 г.) и Московской семинаріи (1833—1865 г.); въ послѣдней онъ былъ и инспекторомъ (1842—1851 г.); съ половины шестидесятыхъ годовъ поступилъ на службу въ московскую синодальную типографію, какъ старшій справщикъ, и эту должность занималъ до кончины (1867—1882 г.); † 7-го декабря въ Москвѣ. Имъ составлены: «Латинская грамматика» (М. 1847 г.), изданная съ обозначеніемъ двухъ буквъ: «А. К», и «Chrestomathia Latina» (М., 1861 г., три части). Послѣдній трудъ напечатанъ въ компаніи съ И. Н. Аничковымъ-Платоновымъ. (См. объ этомъ нашу брошюру: «Новые матеріалы для исторіи русской духовной литературы». Спб., 1885 г., стр. 9).

Кирѣевъ, Николай Петровичъ [2]), родился 31-го августа 1843 года въ городѣ Зарайскѣ, Рязанской губерніи, воспитывался въ воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ и Константиновскомъ военномъ училищѣ; изъ послѣдняго былъ выпущенъ поручикомъ въ 6-й Стрѣлковый баталіонъ (1863 г.), но скоро вышелъ въ отставку и всецѣло отдался театру; сначала онъ игралъ на частной сценѣ въ Лѣсномъ, потомъ на подмосткахъ многихъ провинціальныхъ театровъ, въ 1872 году — на такъ называемомъ народномъ театрѣ и въ послѣднее время на театрѣ близь памятника Пушкина; † 6-го мая въ Москвѣ. — Онъ перевелъ на русскій языкъ пьесу: «Убійство Коверлей» (игранную, но не напечатанную), драматическій этюдъ А. Додэ: «Послѣдній кумиръ», и драму В. Сарду: «Отечество» (не разрѣшенную драматической цензурой къ представленію). Кромѣ того, покойный напечаталъ повѣсть: «Генералъ» (Всемірн. Трудъ), сотрудничалъ въ газетѣ «Новости», гдѣ велъ библіографическій отдѣлъ, и отдѣльно издалъ книгу, подъ заглавіемъ: «Тайны закулисной свѣтской роли комика», (М., 1879 г., 532 стр.).

Китаевскій, Максимиліанъ Казиміровичъ [3]), родился въ 1849 году и воспитывался въ Петербургской медико-хирургиче-

---

[1]) О немъ: «Исторія Московск. академіи», Смирнова (М., 1879 г., стр. 479).
[2]) См. періодическія изданія 1882 года: Московск. Листокъ, № 124 — 125; Современ. Извѣстія, № 125; Московск. Вѣдом., № 132.
[3]) См. Газету Гатцука, 1882 г., № 39; Русск. Стар., 1885 г., кн. 1, стр. 178; кн. 2, стр. 453 и кн. 3, стр. 589.

ской академіи; по окончаніи курса — операторъ при Петропавловской больницѣ въ Петербургѣ; онъ участвовалъ въ послѣдней турецкой войнѣ (1877 г.) и, между прочимъ, выдержалъ знаменитую блокаду Баязета; † 12-го сентября въ Петербургѣ. Покойный сотрудничалъ въ медицинскихъ журналахъ.

Клементовскій, Александръ Ивановичъ[1]), родился въ 1822 году и воспитывался въ Московской медико-хирургической академіи; по окончаніи курса лѣкаремъ перваго отдѣленія (1843 г.), исправлялъ должность врача при Ольгинскомъ дѣтскомъ пріютѣ въ Москвѣ; въ 1846 году, опредѣленъ городовымъ врачемъ въ городъ Трубчевскъ, Орловской губерніи, а черезъ годъ переведенъ ординаторомъ въ Орловскую больницу (1847 г.); выйдя по болѣзни въ отставку (1848 г.), онъ переѣхалъ въ Москву; здѣсь, удостоенный степени доктора медицины (1856 г.), получилъ мѣсто сначала младшаго, а потомъ старшаго врача въ Московскомъ воспитательномъ домѣ; † 9-го іюля въ селѣ Царицынѣ, близь Москвы. Его труды:

«De Hyperaemia cerebri», докторская диссертація, М., 1856 г.

«Объ искусственномъ кормленіи грудныхъ младенцевъ» (Матеріалы для исторіи импер. Московск. воспитат. Дома, М., 1863 г., вып. I).

«Историческій очеркъ оспопрививанія». (Тамъ же).

Кожевниковъ, Дмитрій Александровичъ[2]), воспитанникъ 4-й московской гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ съ золотою медалью, и первый кандидатъ императорскаго Московскаго университета по отдѣленію естественныхъ наукъ (1878 г.); затѣмъ — магистръ ботаники (1882 г.) и доцентъ по тому же предмету въ Новороссійскомъ университетѣ; † 11-го апрѣля въ Ментонѣ. Кромѣ рефератовъ, сообщенныхъ въ Обществѣ испытателей природы (1876—1882 г.), имъ изданы:

«Beiträge zur Flora des Tambowischen Gouvernements», Moskwa, 1876.

«Къ исторіи развитія цвѣтка въ семействѣ Araceae», М., 1878 г., 68 стр. и двѣ таблицы.

«Очеркъ флоры Тульской губерніи», Спб., 1880 г., 166 стр. и одна карта (вмѣстѣ съ В. Я. Цингеромъ).

«Объ анатомическомъ строеніи лепестковидныхъ цвѣтковыхъ покрововъ», Одесса, 1881 г., 199 стр. и шесть таблицъ рисунковъ (магистерская диссертація).

Козакевичъ, Павелъ Васильевичъ[3]), произведенный въ офицеры (1832 г.), началъ и провелъ свою службу почти постоянно на Балтійскомъ морѣ; пожалованный въ генералъ-маіоры (1869 г.), занялъ мѣсто вице-директора гидрографическаго департамента морскаго министерства; † 7-го января въ Петербургѣ. Онъ напечаталъ:

---

[1]) О немъ: Журналъ мин. нар. просв., 1864 г., т. 123, отд. 2, стр. 859.
[2]) О немъ: Моск. Вѣдом., 1882 г., № 112.
[3]) О немъ: Московск. Вѣдом., 1882 г., № 11.

«О судахъ, могущихъ беспрепятственно плавать изъ Невы въ Каспійское море» (Морск. Сборникъ, 1860 г., кн. 12).

Литке, Өедоръ Петровичъ, графъ [1]), извѣстный морякъ, родился 17-го сентября 1797 года въ Петербургѣ; послѣ домашняго воспитанія, онъ поступилъ (23-го сентября 1813 года) волонтеромъ во флотилію, отправленную, подъ начальствомъ графа Гейдена, въ Балтійское море для осады города Данцига, и получилъ чинъ гардемарина; затѣмъ начинаются его морскія путешествія: сначала онъ объѣхалъ кругомъ свѣта на корветѣ «Камчатка» подъ начальствомъ Головнина (1817—1819 г.); потомъ въ чинѣ лейтенанта, начальствуя бригомъ «Новая Земля», изслѣдовалъ Сѣверный Ледовитый океанъ (1821—1823 г.); наконецъ, снова предпринялъ кругосвѣтное плаваніе, какъ командиръ шлюпа «Сенявинъ» (1826—1829 г.); произведенный въ контръ-адмиралы (1835 г.) и пожалованный генералъ-адъютантомъ (1842 г.), былъ назначенъ воспитателемъ великаго князя Константина Николаевича; награжденный за службу чиномъ вице-адмирала (1843 г.), получилъ мѣсто командира порта и военнаго губернатора въ Ревелѣ (1845—1854 г.) и Кронштадтѣ (1854 г.); наконецъ—адмиралъ и членъ государственнаго совѣта (1856 г.), президентъ императорской академіи наукъ (1864—1881 г.) и графъ (1866 г.); †. 8-го августа въ Петербургѣ. Онъ напечаталъ:

«Четырекратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый океанъ, въ 1821—1824 годахъ», два тома, Спб., 1828 г.

«Опыты надъ постояннымъ маятникомъ, произведенные въ путешествіи вокругъ свѣта на военномъ шлюпѣ «Сенявинъ» въ 1826 — 1829 годахъ», Спб., 1833 г., 232 стр.

«Путешествіе вокругъ свѣта на военномъ шлюпѣ «Сенявинъ» въ 1826—1829 годахъ», четыре тома съ атласомъ, Спб., 1835—1836 г.

«Разборъ сочиненія Тихменева: «Историческое обозрѣніе Россійско-Американской Компаніи» (Тридцатьпервое присужденіе Демидовск. наградъ, Спб., 1862 г.).

«Докладъ е. и. в. великому князю Константину Николаевичу объ экспедиціи въ Азовское море» (Записки импер. русск. географ. Общества, 1862 г., кн. 3).

«Отзывъ о запискѣ Сидорова: «Туруханскій край» (Труды импер. вольно-экономическ. Общества, 1863 г., т. II, кн. 2).

Лихутинъ, Михаилъ Доримедонтовичъ [2]), началъ служебную карьеру въ сороковыхъ годахъ и офицеромъ генеральнаго штаба отличился въ Венгерскую кампанію; при началѣ турецкой войны (1854 г.)—начальникъ штаба Баязетскаго отряда, который

[1]) См. Газету Гатцука, 1875 г., № 18; 1882 г., № 34, и періодическія изданія 1882 года: Нива, № 35; Московск. Вѣдом., № 221 и 224; Историч. Вѣстникъ, кн. 9, стр. 678—679.—Объ его юбилеѣ въ 1863 году: Русск. Вѣд., № 15; Кронштадт. Вѣсти., № 110; С.-Петерб. Вѣд., № 219; Русск. Инвал., № 215; Голосъ, № 257; Сѣверн. Пчела, № 258; Нива, 1871 г., № 28; «Портретная галлерея русскихъ дѣятелей», изд. А. Мюнстера, Спб., 1865 г., т. I.

[2]) О немъ: Московск. Вѣдом., 1882 г., № 348.

разбилъ на Чингильскихъ высотахъ большой непріятельскій корпусъ; по окончаніи этой войны до умиротворенія Кавказа (1856—1860 г.)—командиръ Севастопольскаго пѣхотнаго полка; произведенный послѣ покоренія Кавказа въ генералъ-маіоры, былъ назначенъ начальникомъ дивизіи въ Ригѣ, но въ концѣ шестидесятыхъ годовъ вышелъ въ отставку и не поступалъ вновь на службу до своей смерти; † 12-го декабря въ Москвѣ. Его труды:

«Русскіе въ Азіатской Турціи въ 1854 и 1855 годахъ, изъ записокъ о военныхъ дѣйствіяхъ Эриванскаго отряда», Спб., 1863 г., 446 стр. и одна карта.
«Записки о походѣ въ Венгрію въ 1840 году», М., 1875 г., 274 стр.

Людоговскій, Алексѣй Петровичъ [1]), родился въ 1840 году; магистръ сельскаго хозяйства (1870 г.) и профессоръ агрономіи въ Петровской земледѣльческой академіи; † 11-го февраля въ Москвѣ; Онъ напечаталъ:

«Матеріалы для сельско-хозяйственнаго описанія Московской губерніи» (Московск. Губ. Вѣдом., 1863 г., № 31—34, 37, 38, 51—60). — Эти статьи вошли въ «Сборникъ матеріаловъ для изученія Москвы и Московской губерніи», М., 1864 г., вып. I, 58 стр.
«Подсолнечникъ: принятіе, распредѣленіе и движеніе минеральныхъ, питательныхъ веществъ въ связи съ образованіемъ органическаго вещества», Спб., 1869 г. (диссертація на степень магистра сельскаго хозяйства).
«Настольная книга для русскихъ сельскихъ хозяевъ», три тома, Спб., 1875 г., (вмѣстѣ съ И. А. Стебутомъ, И. Н. Чернопятовымъ и А. А. Фадѣевымъ).
«Основы сельско-хозяйственной экономіи и сельско-хозяйственнаго счетоводства», Спб., 1875 г.

Лядовъ, Иванъ Матвѣевичъ [2]), родомъ мѣщанинъ, а потомъ купецъ, сотрудникъ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», «Москвитянина» и «Голоса», дѣйствительный членъ владимірскаго статистическаго комитета; † 2-го декабря въ городѣ Шуѣ. Его труды:

«Вѣсти изъ Шуи» (Москвитян., 1853 г., т. I и VI).
«Кожевенные заводы въ городѣ Шуѣ и его уѣздѣ» (Владим. Губ. Вѣдом., 1855 г., № 12). — Эта статья была перепечатана въ томъ же году: въ Журналѣ мин. внут. дѣлъ, ч. XI; Журналѣ ман. и горноз. извѣстій, № 15, и Коммерч. Газетѣ, № 46.
«Снаряженіе въ Шуѣ 123 дружины Владимірскаго ополченія» (Москвитян., 1855 г., кн. 15—16).
«Деревня Хритонова и хритоновскія косы въ Владимірской губерніи» (Владим. Губ. Вѣдом., 1856 г., № 11). — Та же статья перепечатана въ Журналѣ мин. внутр. дѣлъ, 1856 г., ч. XVIII.
«Движеніе хлѣбной торговли на Холуйской пристани, Ковровскаго уѣзда, въ 1856 году» (Владим. Губ. Вѣдом., 1857 г., № 6). — То же перепечатано: въ

[1]) См. Московск. Листокъ, 1882 г., № 44.
[2]) О немъ: Соврем. Извѣстія, 1882 г., № 339.

Эконом. Указатель, 1857 г., № 8; Журналъ мин. внутр. дѣлъ, 1857 г., ч. XXV, и Коммерческ. Газетѣ, 1857 г., № 27.

«Движеніе хлѣбной торговли на Холуйской пристани въ 1857 году» (Владим. Губ. Вѣдом., 1858 г., № 8).

«Челобитныя и грамоты XVII вѣка относительно Шуи» (Владим. Губ. Вѣдом., 1859 г., № 18).

«Движеніе хлѣбной торговли на Холуйской пристани въ 1858 и 1859 годахъ» (Журналъ мин. внутр. дѣлъ, 1859 г., ч. XXXV, и 1860 г., ч. XLI).

«Чулочное, валеночное и овчинно-шубное производство въ Шуйскомъ уѣздѣ» (Владим. Губ. Вѣд., 1860 г., № 3, 4 и 12). — То же перепечатано въ Трудахъ импер. вольно-эконом. Общества, 1860 г., т. III.

«Воспоминаніе о Ѳ. Я. Яковлевѣ» (Владим. Губ. Вѣдом., 1860 г., № 17).

«Три челобитныя XVII вѣка» (Владим. Губ. Вѣдом., 1861 г., № 45 и 52).

«Сельско-хозяйственный очеркъ Шуйскаго уѣзда» (№ 10—12).

«Количество потребляемыхъ дровъ втеченіе года въ городѣ Шуѣ» (№ 50).

«Некрологъ: В. А. Борисовъ» (Владим. Губ. Вѣдом., 1862 г., № 4).

«Движеніе торговли въ Шуйскомъ уѣздѣ» (№ 5, 7, 17, 36, 37 и 20).

«Документы касательно Шуи» (№ 18 и 37).

«Хлѣбопашество вольно-наемнымъ трудомъ въ Шуйскомъ уѣздѣ» (№ 19). — Эта статья перепечатана и въ Газетѣ для сельскихъ хозяевъ, 1862 г., № 47.

«Производство мануфактурныхъ и заводскихъ издѣлій въ городѣ Шуѣ» (№ 40).

«Очеркъ торговли хлопчато-бумажною пряжею въ городѣ Шуѣ и его уѣздѣ» (Памятная книжка Владимірск. губерніи на 1862 годъ, отд. II).

«Грамота 1687 и челобитная 1710 года» (Владим. Губ. Вѣдом., 1863 г., № 5 и 49).

«Историческая и современная записка о городѣ Шуѣ», М., 1863 г., 42 стр.

«О торговлѣ въ Шуйскомъ краѣ» (Владим. Губ. Вѣд., 1863 г., № 1, 6—8, 28 и 38).—То же въ Акціонерѣ, 1863 г., № 28 и 29.

«Торговыя и фабрикантскія дѣла въ Шуйскомъ краѣ» (Труды владим. губ. статист. комитета, 1863 г., вып. I).

«О торговлѣ хлопчато-бумажными товарами на холуйскихъ ярмаркахъ» (Владим. Губ. Вѣдом., 1864 г., № 2).

«Челобитныя и указы XVII—XVIII вѣковъ» (№ 3, 13, 20, 22, 24, 27, 35 и 36).— Нѣкоторые изъ этихъ документовъ перепечатаны въ томъ же году: въ газетѣ День, № 37, и С.-Петерб. Вѣдом., № 87.

«Замѣтки о состояніи погоды и урожаѣ хлѣбовъ въ Шуйскомъ краѣ» (Владим. Губ. Вѣдом., 1864 г., № 5).

«Движеніе судоходства по рѣкѣ Тезѣ» (№ 15).

«Шуя, городъ Владимірск. губерніи» (№ 40).

«О найденномъ надгробномъ памятникѣ въ Николо-Шартомскомъ монастырѣ, 1672 года» (№ 46).

«Состояніе города Шуи въ 1718 году» (Труды владим. губ. статист. комитета, 1866 г., вып. V).

«Рукодѣлья, ремесла, промыслы и торговля жителей города Шуи и Шуйскаго уѣзда», Владим., 1876 г.

«Село Дунилово и Мардасская волость по писцовымъ книгамъ XVII и XVIII столѣтій» (Владим. Губ. Вѣдом., 1875 г., № 8, 16—18, 21, 23—26).

Макарій, въ мірѣ Михаилъ Петровичъ Булгаковъ[1], извѣстный духовный писатель, родился 19-го сентября 1816 года въ селѣ Сурковѣ, Новооскольскаго уѣзда, Курской губерніи, учился въ мѣстной семинаріи и Кіевской духовной академіи, гдѣ, еще до окончанія курса, принялъ монашество (15 февраля 1841 г.); по окончаніи курса со степенью магистра (1841 г.), онъ былъ избранъ въ баккалавры названной академіи по каѳедрѣ русской церковной и гражданской исторіи, но черезъ годъ былъ переведенъ въ Петербургскую духовную академію на каѳедру догматическаго богословія; тутъ, возведенный въ санъ архимандрита, назначенъ инспекторомъ (1849 г.); затѣмъ — епископъ винницкій, викарій Каменецъ-Подольской епархіи и ректоръ Петербургской духовной академіи (1851—1857 г.), епископъ тамбовскій и шацкій (1857—1859 г.), епископъ (послѣ архіепископъ) харьковскій (1859—1868 г.), архіепископъ литовскій и виленскій (1869—1879 г.); наконецъ — митрополитъ московскій (1879—1882 г.); † 9-го іюня въ селѣ Черкизовѣ, близь Москвы. Покойный архипастырь состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ и ординарнымъ академикомъ императорской академіи наукъ (1854 г.), имѣлъ степень доктора богословія и степень доктора исторіи (1869 г.). Его высокому положенію помогли слѣдующіе литературные труды:

«Исторія Кіевской духовной академіи», Спб., 1843 г., 226 стр.

«Начало православной церкви въ предѣлахъ нынѣшней Россіи до основанія Русскаго царства» (Христіанск. Чтеніе, 1845 г., ч. I и II).

«Начало православной церкви въ Русскомъ собственно царствѣ» (ч. II и III).

«Начатки христіанства въ царствѣ Русскомъ со времени основанія его до равноапостольной княгини Ольги» (Христіанск. Чтеніе, 1846 г., ч. 1).

«Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра, какъ введеніе въ исторію россійской церкви», Спб., 1846 г.; 2-е изд., Спб., 1868 г.

«Очеркъ исторіи русской церкви въ періодъ дотатарскій» (Христіанск. Чтеніе, 1847 г., ч. I и II).—Этотъ очеркъ, подъ тѣмъ же заглавіемъ, вышелъ и отдѣльно: Спб., 1847 г.

«Собраніе нѣсколькихъ словъ», Спб., 1847 г.

«Введеніе въ православное богословіе», Спб., пять изданій (1847, 1852, 1863, 1871 и 1884 г.).

---

[1]) О немъ см. періодическія изданія 1882 года: Московск. Церк. Вѣдом., № 24—29; Газета Гатцука, № 24—25; Нива, № 26; Соврем. Извѣстія, № 159; Московск. Вѣдом., № 160—166, 176; Прибавленія къ Твореніямъ св. Отецъ, ч. XXX, кн. 3, стр. 300; Вѣстникъ Европы, кн. 6, стр. 406—408; Историческ. Вѣстникъ, кн. 7, ст. 222; Правосл. Обозрѣніе, кн. 7, стр. 567—592; кн. 8, стр. 751—773; кн. 12, стр. 841—847; Вѣкъ, кн. 7, отд. IV, 1—44; Русск. Старина, кн. 12, стр. 717, и 1883 г., кн. 6, стр. 669—680. Кромѣ того: Московск. Вѣдом., 1879 г., № 96; «Отчеты импер. академіи наукъ» (Спб., 1866 г., 118—119, 136—140); Иллюстрир. Газета, 1870 г., № 10; Литовск. Епарх. Вѣдом., 1876 г., № 2; Centralblatt für slavische Literatur, 1867, № 36; «Исторія Петерб. академіи», Чистовича, Спб., 1857 г., стр. 336; «Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской академіи», Кіевъ, 1869 г., стр. 396.

«Взглядъ на первые слѣды православной вѣры между монголами» (Христіанск. Чтеніе, 1848 г., ч. I).

«О значеніи исторіи отечественной православной церкви». (Тамъ же).

«Православное догматическое богословіе», пять томовъ, четыре изданія (1849—1853, 1856, 1868 и 1883 г.).

«Слово при погребеніи митрополита Іоны» (Христіанск. Чтеніе, 1849 г., ч. II).

«Три памятника русской духовной литературы XI вѣка, съ предварительными о нихъ замѣчаніями». (Тамъ же).

«Церковь русская во дни св. Владиміра и Ярослава до избранія митрополита Иларіона» (Христіанск. Чтеніе, 1850 г., ч. 1; 1853 г., ч. I).

«Слова при погребеніи архіепископовъ Игнатія и Іакова» (Христіанск. Чтеніе, 1850 г., ч. I и II).

«Шесть проповѣдей на разные случаи» (Христіанск. Чтеніе, 1851 г., ч. I и II).

«Слово въ великій пятокъ» (Христіанск. Чтеніе, 1852 г., ч. I).

«Обозрѣніе священныхъ древностей, находящихся въ Свято-Троицкой Александро-Невской лаврѣ» (Христіанск. Чтеніе, 1853 г., ч. I).

«Слово въ день Св. Пасхи». (Тамъ же).

«Критическій очеркъ исторіи русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства» (Христіанск. Чтеніе, 1853 г., ч. II; 1854 г., ч. I и II). — Этотъ трудъ вышелъ и отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Исторія русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства», Спб., 1855 г., 367 стр.; 2-е изданіе, Спб., 1858 г., 404 стр.

«Рѣчь къ окончившимъ курсъ ученія воспитанницамъ импер. воспитательнаго Общества» (Христіанск. Чтеніе, 1854 г., ч. I).

«Состояніе русской церкви со времени избранія митрополита Иларіона до митрополита Климента» (Христіанск. Чтеніе, 1855 г., ч. I и II; 1856 г., ч. I).

«Записка о Өеодосіи, списателѣ житія Володимерова» (Извѣстія импер. академіи наукъ, 1855 г., т. IV, вып. 3). — Эта «Записка» перепечатана въ книгѣ: «Историческія чтенія о языкѣ и словесности», Спб., 1855 г.

«Преподобный Өеодосій Печерскій, какъ писатель» (Извѣстія импер. академіи наукъ, 1855 г., т. IV, вып. 6). — Этотъ трудъ также помѣщенъ въ книгѣ: «Историческія чтенія о языкѣ и словесности», Спб., 1855 г.

«Состояніе русской церкви со времени митрополита Климента до митрополита Кирилла» (Христіанск. Чтеніе, 1856 г., ч. I и II; 1857 г., ч. I).

«Сочиненія преподобнаго Өеодосія Печерскаго въ подлинномъ текстѣ» (Ученыя Записки II-го Отдѣленія импер. академіи Наукъ, 1856 г., кн. II, вып. 2).

«Обзоръ редакцій Кіево-Печерскаго Патерика, преимущественно древнихъ» (Извѣстія импер. академіи наукъ, 1856 г., т. V, вып. 3). — То же въ «Историческихъ чтеніяхъ о языкѣ и словесности», Спб., 1857 г.

«Святой Кириллъ, епископъ туровскій, какъ писатель» (Извѣстія импер. академіи наукъ, 1856 г., т. V, вып. 5). — То же въ «Историческихъ чтеніяхъ о языкѣ и словесности», Спб., 1857 г.

«Рѣчь, произнесенная при послѣднемъ священнослуженіи въ академической церкви» (Христіанск. Чтеніе, 1857 г., ч. I).

«О Григоріи Цамблакѣ, митрополитѣ кіевскомъ, какъ писателѣ» (Извѣстія импер. академіи наукъ, 1857 г., т. VI, вып. 2). — То же помѣщено въ «Историческихъ чтеніяхъ о языкѣ и словесности», Спб., 1857 г.

«Исторія русской церкви, Спб., 1857 г., три тома. — 2-е исправленное изданіе, Спб., 1868 г., три тома.

«Слово въ день Пр. Троицы, сказанное при вступленіи на каѳедру Тамбовской епархіи» (С.-Петерб. Вѣдом., 1857 г., № 155).

«Четыре слова въ Тамбовѣ» (Христіанск. Чтеніе, 1858 г., ч. I и II).

«Слово, произнесенное по случаю освященія моршанскаго Троицкаго собора» (Московск. Вѣдом., 1858 г., № 35).

«Пять словъ въ Тамбовѣ и Харьковѣ» (Христіанск. Чтеніе, 1859 г., ч. I и II).

«Слова и рѣчи», два тома, Спб., 1859 г.

«Успѣхи православной церкви русской въ періодъ монгольскій» (Христіанск. Чтеніе, 1859 г., ч. 1).

«О новгородскихъ Макарьевскихъ Четьихъ-Минеяхъ» (Лѣтописи русск. литературы, изд. Н. С. Тихонравовымъ, 1859 г., т. I).

«Біографическая записка о преосвященномъ Иннокентіи, архіепископѣ херсонскомъ и таврическомъ» (Ученыя Записки II-го Отдѣленія импер. академіи наукъ, 1859 г., кн. V).

«О сочиненіяхъ митрополита кіевскаго Кирилла II-го» (Извѣстія импер. академіи наукъ, 1859 г., т. VIII, кн. 3).

«Рѣчь при первомъ священнослуженіи въ Святогорскомъ монастырѣ» (Христіанск. Чтеніе, 1860 г., ч. I).

«Пять словъ и рѣчей въ Харьковѣ» (Христіанск. Чтеніе, 1861 г., ч. I и II).

«Русскіе монастыри въ періодъ монгольскій» (ч. II).

«Русская митрополія въ ея переходный періодъ — отъ митрополита Кирилла II до митрополита св. Іоны (Ученыя Записки II-го Отдѣленія импер. академіи наукъ, 1861 г., т. VII, вып. I).

«Слово о перенесеніи мощей св. Николая, русское сочиненіе конца XI или начала XII вѣка, съ примѣчаніями» (Духовн. Вѣстникъ, 1862 г., т. I, кн. I).

«Правило Максима, митрополита русскаго (1283—1305 г.), съ примѣчаніями». (Тамъ же).

«Посланіе епископа владимірскаго къ сыну св. Александра Невскаго — Димитрію или Андрею». (Тамъ же).

«Житіе св. Петра, митрополита русскаго, составленное ростовскимъ епископомъ Прохоромъ, съ примѣчаніями». (Тамъ же).

«Келейныя правила инокамъ, по списку XIII — XIV вѣка, съ примѣчаніями». (Тамъ же).

«Поученіе ко всѣмъ христіанамъ епископа сарайскаго Матеія, съ примѣчаніями» (кн. 2).

«Благословеніе и указъ новгородскаго архіепископа Іоанна, съ примѣчаніями». (Тамъ же).

«О книгахъ истинныхъ и ложныхъ по двумъ разнымъ спискамъ, съ примѣчаніями». (Тамъ же).

«Житіе св. Алексія, митрополита московскаго, составленное, вѣроятно, архимандритомъ Питиримомъ, съ примѣчаніями». (Тамъ же).

«Посланіе митрополита Фотія въ Псковъ о св. агнцахъ, аллилуи и проч., съ примѣчаніями» (кн. 3).

«Перечень новгородскихъ архіереевъ, составленный въ концѣ XV вѣка, съ примѣчаніями». (Тамъ же).

«Повѣсть Симеона Суздальскаго о Флорентійскомъ соборѣ, съ примѣчаніями». (Тамъ же).

«Мѣсяцесловъ по списку XIII—XIV вѣка, съ примѣчаніями» (кн. 4).

«Посланіе митрополита Іоны къ литовскимъ епископамъ о непризнаніи лже-митрополита Григорія, съ примѣчаніями». (Тамъ же).

«Поученіе архіерейское новопоставленному священнику, по списку конца XIV или начала XV вѣка, съ примѣчаніями» (кн. 5).

«Русская духовная литература въ періодъ монгольскій» (Духовн. Вѣстникъ, 1862 г., т. I, кн. 1—4).

«О значеніи пожертвованій на храмы» (т. III, кн. 10).

«Церковное право въ Россіи при монголахъ» (Духовн. Вѣстникъ, 1863 г., т. IV, кн. 2).

«Слова и рѣчи, произнесенныя къ паствѣ харьковской», Спб., 1864 г., 305 стр.

«Исторія русской церкви», Спб., 1865, томъ четвертый и пятый.

«Слово въ день столѣтняго юбилея Н. М. Карамзина» (Харьковск. Губ. Вѣдом., 1866 г., № 95; Духовн. Вѣстникъ, 1866 г., т. XV, кн. 12).

«Слово въ день столѣтняго юбилея И. А. Крылова» (Харьковск. Губ. Вѣдом., 1868 г., № 229).

«Слово при вступленіи на каѳедру Литовской епархіи», Вильно, 1869 г.

«Руководство къ изученію христіанскаго православно-догматическаго богословія», Спб., 1869 г.

«Собраніе словъ и рѣчей», съ портретомъ автора, Спб., 1869 г.[1]).

«Исторія русской церкви», Спб., 1870 г., томъ шестой.

«Преподобный Іосифъ Волоколамскій въ его «Просвѣтителѣ» (Христіанск. Чтеніе, 1871 г., ч. I).

«О литературныхъ трудахъ Максима Грека» (Христіанск. Чтеніе, 1872 г., ч. II).

«О сочиненіяхъ московскаго митрополита Даніила». (Тамъ же).

«Московскій митрополитъ Макарій, какъ литературный дѣятель» (Христіанск. Чтеніе, 1873 г., ч. I).

«Исторія русской церкви», Спб., 1874 г., томъ седьмой.

«Правило Стоглаваго собора о двуперстіи съ исторической точки зрѣнія» (Братск. Слово, 1875 г.).

«Исторія русской церкви», Спб., 1876 г., томъ восьмой; Спб., 1878 г., томъ девятый.

«Первое двадцатипятилѣтіе церковной уніи въ Западно-Русскомъ краѣ» (Прибавленія къ Твореніямъ св. Отецъ, 1880 г.).

«Слова и рѣчи», съ портретомъ автора, Спб., 1880 г.

«Исторія русской церкви», Спб., 1881 г., томъ десятый; Спб., 1882 г., томъ одиннадцатый.

«Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ». (Прибавленія къ Твореніямъ св. Отецъ, 1882 г., ч. XXIX). — Этотъ трудъ вышелъ и отдѣльно: М., 1882 г., 116 стр.

«Рѣчь при торжественномъ освященіи всероссійской художественно-промышленной выставки въ Москвѣ» (Православн. Обозрѣніе, 1882 г., кн. 5).

«Исторія русской церкви», Спб., 1883 г., томъ двѣнадцатый (издано братомъ автора — протоіереемъ А. П. Булгаковымъ).

«Три письма къ о. Серафимову» (Церковн. Вѣстникъ, 1883 г., № 10).

---

[1]) Эта книга переведена пасторомъ Боассаромъ на французскій языкъ, подъ заглавіемъ: «Choix de sermons et discours de Son Eminence Macaire» (Paris, 1869).

Маклаковъ, Николай Васильевичъ[1]), московскій врачъ, † 8-го февраля въ Москвѣ. Онъ напечаталъ:

«Объ употребленіи въ оперативной медицинѣ паровъ сѣрнаго эѳира», М., 1847 г.
«Опытъ приложенія гомеопатіи къ лѣченію, изъ замѣтокъ врача-аллопата», М., 1854 г.
«Богданъ Хмельницкій, историческая драма въ 6 дѣйствіяхъ» (Бесѣда, 1871 г., кн. 8, и отдѣльною брошюрою: М., 1871 г.). — Чрезъ нѣсколько лѣтъ это произведеніе было перепечатано въ «Газетѣ Гатцука» (1879 г., № 38—50).
«Гамлетъ, принцъ датскій, трагедія Шекспира», переводъ съ англійск., М., 1880 г. (Приложеніе къ «Газетѣ Гатцука»).

Максимовъ, Гавріилъ Михайловичъ[2]), актеръ с.-петербургской драматической труппы; † 7-го мая въ Петербургѣ. Покойный сотрудничалъ въ «Петербургскомъ Листкѣ» и, кромѣ того, издалъ:

«Прежде кончались, потомъ повѣнчались, комедія-водевиль въ 2 дѣйствіяхъ» (Пантеонъ, 1858 г., кн. 4).—Затѣмъ этотъ трудъ вышелъ вторымъ исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ: Спб., 1880 г., 92 стр.
«Свѣтъ и тѣни петербургской драматической труппы за прошедшія тридцать лѣтъ» (1846—1876 г.), Спб., 1878 г., 302 стр.

Матвѣевъ, Александръ Павловичъ[3]), воспитывался въ Московскомъ университетѣ и окончилъ курсъ лѣкаремъ по первому отдѣленію медицинскаго факультета (1841 г.); съ 15-го мая 1847 года занялъ каѳедру акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней въ университетѣ св. Владиміра, сначала въ званіи адъюнкта, а затѣмъ какъ профессоръ (1847—1882 г.); кромѣ того, занималъ должность проректора и ректора въ означенномъ университетѣ; † 23-го мая въ Кіевѣ. Имъ напечатаны слѣдующіе труды:

«Руководство къ повивальному искусству», Кіевъ, 1858 г. — Второе изданіе: Кіевъ, 1861 г., съ 14 таблицами рисунковъ; третье изданіе: Кіевъ, 1870 г.
«Курсъ акушерства для учащихся», три выпуска, Кіевъ, 1856—1858 г. — Второе изданіе, тоже въ трехъ выпускахъ, Кіевъ, 1875 г.

Матте-Гене (Matthey-Guenet), Карлъ Филипповичъ[4]), родился въ Швейцаріи (1830 г.), въ молодости еще прибылъ въ Россію, выдержалъ экзаменъ на званіе учителя французскаго языка и былъ преподавателемъ этого предмета въ слѣдующихъ гимназіяхъ: архангельской, ковенской, тверской и рязанской (1861—1881 г.); 15-го августа 1881 года, онъ вышелъ въ отставку, съѣздилъ за границу, но затѣмъ вернулся въ Россію; † 9-го марта въ Москвѣ. Онъ издалъ:

---

[1]) См. Газету Гатцука, 1882 г., № 7.
[2]) О немъ: Московск. Листокъ, 1882 г., № 125; Газета Гатцука, 1882 г., № 20.
[3]) О немъ: Московск. Вѣдом., 1882 г., № 148; «Исторія импер. университета св. Владиміра», Владимірскаго-Буданова (Кіевъ, 1884 г., стр. 417 и XXXIII); «Біографическій словарь профессоровъ Кіевскаго университета» (Кіевъ, 1884 г.).
[4]) О немъ: «Современ. Извѣстія», 1882 г., № 75.

«Cours tréorique et pratique de la langue française à l'usage des gymnases et des pensionnats», Спб., 1872 г. (на русск. и французск. языкахъ.

Никитинъ, Николай Дмитріевичъ [1]), воспитывался на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета, гдѣ и получилъ степень лѣкаря (1848 г.); по окончаніи курса — прозекторъ по каѳедрѣ анатоміи человѣческаго тѣла въ названномъ университетѣ (1848—1874 г.); дѣйствительный членъ физико-медицинскаго Общества (1857 г.), докторъ медицины (1861 г.) и директоръ школы садоводства; † 11-го декабря въ Москвѣ. Кромѣ статей въ «Московской Медицинской Газетѣ» (1868 г.), онъ напечаталъ:

«О волокнисто-клѣтчатныхъ растяженіяхъ человѣческаго тѣла», М., 1860 г.

«О нервѣ подзатылочномъ и частяхъ мозга и нервовъ, въ связи съ ними находящихся», М. 1861 г. (диссертація на степень доктора медицины).

«О русской анатомической терминологіи» (Извѣстія Общества любителей естествознанія 1867 г.).

«Руководство къ устройству медицинскихъ садовъ при сельскихъ земскихъ лѣчебницахъ» (М., 1875 г., 198 стр.).

Новодворскій, Андрей Осиповичъ [2]), уроженецъ Юго-Западнаго края, писавшій подъ псевдонимомъ: «А. Осиповичъ»; † 2-го апрѣля въ Ниццѣ. Ему принадлежатъ:

«Эпизодъ изъ жизни ни павы, ни вороны, изъ записокъ домашняго учителя» (Отечеств. Записки, 1877 г., кн. 6).

«Карьера», разсказъ (Отечеств. Записки, 1880 г., кн. 5).

«Наканунѣ ликвидаціи», разсказъ (Слово, 1880 г., кн. 8).

«Исторія», разсказъ (Отечеств. Записки, 1882 г., кн. 2).

Орловъ-Давыдовъ, Владиміръ Петровичъ [3]), графъ; † 24-го апрѣля въ Петербургѣ. Съ его именемъ напечатаны слѣдующіе труды:

«О господскихъ помѣстьяхъ въ Англіи» (Библіот. для Чтенія, 1858 г., кн. 2).

«Лордъ Маколэ» (Русск. Инвалидъ, 1860 г., № 13).

«Біографическій очеркъ графа Владиміра Григорьевича Орлова», два тома, Спб., 1878 г., съ портретомъ, снимкомъ и тремя рисунками.

Павловъ, Ипполитъ Николаевичъ [4]), окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ кандидатомъ историко-филологическаго факультета (1859 г.); затѣмъ — преподаватель русскаго языка и словесности въ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ, сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей» и газеты «Русь», редакторъ-издатель еженедѣльнаго журнала: «Кругозоръ» (1880 г.); † 23-го августа въ Москвѣ. Онъ напечаталъ:

---

[1]) См. «Русск. Вѣдом.», 1882 г., № 342.
[2]) О немъ: «Современн. Извѣстія», 1882 г., № 100.
[3]) См. Московск. Вѣдом., 1882 г., № 132.
[4]) О немъ: Московск. Вѣдом., 1882 г., № 234; Русь, 1882 г., № 35.

«Фаустъ, трагедія Гёте, часть первая», перев. съ нѣмецкаго (Русск. Вѣстн., 1867 г., кн. 7; 1873 г., кн. 3; 1874 г., кн. 2).— Отдѣльно: М., 1875 г., 93 стр.
«Русская хрестоматія для переводовъ на французскій и нѣмецкій языки въ высшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній», М., 1873 г. (вмѣстѣ съ В. Я. Стоюнинымъ).
«Литература и критика» (Русск. Вѣстникъ, 1876 г., кн. 2).
«Судьи поэта» (кн. 8).
«О преподаваніи русскаго языка и словесности» (Русск. Вѣстникъ, 1877 г., кн. 1; 1879 г., кн. 10).
«Лордъ Биконсфильдъ, какъ литераторъ» (Русск. Вѣстникъ, 1878 г., кн. 9).
«Забываемый поэтъ-современникъ» (кн. 12).

Кромѣ названныхъ трудовъ, покойный, подъ псевдонимомъ «Н. Бицынъ», помѣстилъ въ журналахъ слѣдующія произведенія:

«Конецъ впереди», повѣсть (Русск. Вѣстникъ, 1860 г., кн. 11 и 12).
«Умъ ли это?», разсказъ (1861 г., кн. 10).
«Смута», народная быль въ пяти дѣйствіяхъ» (1867 г., кн. 2).
«Царскій сокольникъ», историческая повѣсть (1870 г., кн. 1—3).
«Замѣтка о польскомъ катехизисѣ» (Русск. Архивъ, 1873 г., кн. 3).
«Слово о полку Игоревѣ» (Русск. Вѣстникъ, 1874 г., кн. 2).

Послѣ уже смерти, подъ тѣмъ же псевдонимомъ, изданы его «Воспоминанія о К. С. Аксаковѣ» (Русск. Архивъ, 1885 г., кн. 3).

Палладій, въ мірѣ **Павелъ Пьянковъ**[1]), родился въ 1816 году, воспитывался въ пермской семинаріи и Московской духовной академіи; по окончаніи академическаго курса со степенью магистра (1840 г.), поступилъ профессоромъ въ родную семинарію и принялъ санъ священства; послѣ смерти жены (1846 г.) постриженъ въ монашество; затѣмъ—инспекторъ саратовской и казанской семинаріи (1849—1854 г.), ректоръ пермской, кишиневской и орловской семинарій (1854—1869 г.), епископъ кинешемскій, викарій Костромской епархіи (съ 16-го ноября 1869 г.), епископъ сарапульскій, викарій Вятской епархіи (съ 24-го іюня 1872 г.); наконецъ — епископъ олонецкій и петрозаводскій (съ 28-го февраля 1877 года); † 8-го января въ Петрозаводскѣ—Изъ сочиненій его напечатаны:

«Обозрѣніе пермскаго раскола, такъ называемаго старообрядства», Спб., 1863 г.
«Толкованіе на псалмы, составленное по текстамъ: еврейскому, греческому и латинскому, по ученію отцевъ и учителей св. церкви и дополненное различными замѣчаніями», М., 1872 г.; изд. 2-е, Вятка, 1874 г.
«Толкованіе на книги XII малыхъ пророковъ», пять выпусковъ, Вятка, 1872—1876 г.

Панютинъ, Левъ Константиновичъ, писавшій, большею частію, подъ псевдонимомъ: «**Нилъ Адмирари**», довольно извѣстный

---

[1]) О немъ: «Исторія Московской академіи», Смирнова, М., 1879 г., стр. 168 и 432; Московск. Церк. Вѣд., 1882 г., № 4; Московск. Вѣд., 1882 г., № 22 и 23.

фёльетонистъ «Голоса» (съ 1863 года), сотрудникъ «Будильника» и «Недѣли»; † 1-го декабря въ Петербургѣ. — Кромѣ фёльетоновъ, онъ напечаталъ:

«Нѣчто по поводу столицъ» (Голосъ, 1863 г., № 100).
«По вопросу о пролетаріатѣ» (1864 г., № 194 и 196).
«О трагедіи гр. Толстаго: «Смерть Іоанна Грознаго» (Недѣля, 1866 г., № 1).
«Отвѣтъ г. Натальину о Публичной Библіотекѣ» (Голосъ, 1869 г., № 136).
«Нѣчто о Неронѣ, трагедіи г. Жандра» (№ 342—345).
«Смерть Герцена и толки по поводу ея» (1870 г., № 18).
«Разсказы Нила Адмирари», два тома, Спб., 1872 г.

Перовъ, Василій Григорьевичъ [1]), извѣстный художникъ, родился въ Тобольскѣ (1834 г.), учился у сельскаго дьячка, въ арзамасскомъ уѣздномъ училищѣ и въ иконописной школѣ Ступина; семнадцатилѣтнимъ юношей онъ прибылъ въ Москву и поступилъ тамъ въ «школу живописи и ваянія»; затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ и работалъ въ академіи художествъ; тутъ ему пришлось получить большую золотую медаль за картину «Проповѣдь въ селѣ» (1861 г.) и вслѣдъ затѣмъ отправиться за границу; по возвращеніи въ Россію, онъ путешествовалъ по Волгѣ, удостоился званія академика и профессора, наконецъ занялъ должность преподавателя въ училищѣ живописи и ваянія; † 29-го мая въ селѣ Кузьминкахъ, близь Москвы. Его литературные труды:

«Автобіографія» (Худож. Журналъ, 1881 г., кн. 2).
«Новогодняя легенда о счастьѣ» (1882 г., кн. 1).
«Медовый праздникъ въ Москвѣ, изъ воспоминаній художника» (кн. 9).

✓Петровскій, Андрей Станиславовичъ [2]), окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ кандидатомъ по отдѣлу естественныхъ наукъ (1854 г.); затѣмъ — преподаватель, а послѣ полученія степени магистра ботаники (1867 г.) — профессоръ естествознанія въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ до его преобразованія; наконецъ — учитель естественной исторіи въ женской гимназіи, предсѣдатель Общества для изслѣдованія Ярославской губерніи въ естественно-историческомъ отношеніи и основатель мѣстнаго естественно-историческаго музея; † 25-го марта въ Ярославлѣ. Онъ участвовалъ въ изданіяхъ московскаго Общества любителей естествознанія и испытателей природы, въ «Botanische Zeitung» и «Трудахъ ярославскаго статистическаго комитета». Кромѣ того, имъ изданы.

«Критическій взглядъ на семейство нитчатокъ, по поводу наблюденій надъ размноженіемъ Cladophora macrogonya», М., 1867 г. (магистерская диссертація).

---

[1]) О немъ см. періодическія изданія 1882 года: Петерб. Вѣд., № 145, 294 и 296; Московск. Листокъ, № 151; Русск. Вѣдом., № 152; Худож. Журналъ, кн. 6, стр. 368—374; кн. 11, стр. 279—292.

[2]) См. Русск. Вѣд., 1882 г., № 87; Московск. Вѣдом., 1882 г., № 92.

«Физика частичныхъ явленій, изложеніе научныхъ открытій и практическихъ приложеній ихъ, сдѣланныхъ втеченіе послѣдняго двадцатилѣтія: аббатъ Муаньо», переводъ съ французск., М., 1869 г.

«Труды Общества для изслѣдованія Ярославской губерніи въ естественно-историческомъ отношеніи», М., 1880 г., выпускъ первый, 146 стр.

Покровскій, Павелъ Ивановичъ [1]), окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ лѣкаремъ (1862 г.); затѣмъ—докторъ медицины (1870 г.) и главный врачъ московской второй городской больницы; † 25-го октября въ Москвѣ. Его печатные труды:

«Объ источникахъ новообразованія соединительной ткани при заростаніи просвѣта кровеносныхъ сосудовъ», М., 1870 г. (докторская диссертація).

«Объ устройствѣ госпиталей сообразно гигіеническимъ требованіямъ», М., 1874 г.

Прохоровъ, Василій Александровичъ [2]), родился въ Орловской губерніи (1819 г.) и высшее образованіе получилъ въ Ришельевскомъ лицеѣ; по окончаніи курса (1838 г.) прибылъ въ Петербургъ и поступилъ въ академію художествъ, чтобы заняться живописью, но скоро вышелъ изъ академіи и сдѣлался сначала преподавателемъ всеобщей исторіи въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ (1844 г.), а затѣмъ профессоромъ въ названной академіи по каѳедрѣ исторіи древне-русскаго искусства (1860—1882 г.); † 28-го іюня въ Старомъ Петергофѣ. Кромѣ устройства «древне-христіанскаго и русскаго музея» въ академіи художествъ и «этнографическаго музея» при императорскомъ географическомъ Обществѣ, сверхъ изданія ежемѣсячнаго журнала подъ названіемъ: «**Христіанскія древности и археологія**» (съ марта 1862 г.), онъ извѣстенъ слѣдующими печатными трудами:

«Краткій очеркъ всеобщей исторіи для воспитанниковъ морскаго кадетскаго корпуса», съ таблицами, картами и рисунками, два выпуска, Спб., 1851—1857 г.

«Науки въ игрушкахъ, развивающія умственныя способности и познанія дѣтей», живописное изданіе съ литогравированными таблицами и объяснительнымъ текстомъ, двѣ части, Спб., 1858 г.

«Двѣ плитки съ загадочными монограммами и изображеніями» (Извѣстія импер. археолог. Общества, 1862 г., т. IV, вып. 2).

«О древнихъ сабляхъ съ греческими, славянскими и другими надписями, Спб., 1878 г., 8 стр.

«О раскопкѣ кургановъ близъ Волегова» (Сборникъ археологич. института, Спб., 1880 г., кн. 3).

«О древнемъ деревянномъ храмѣ въ Ребовскомъ погостѣ, Тихвинскаго уѣзда, Новгородской губерніи», съ рисунками, Спб., 1881 г., 7 стр.

«Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемые по высочайшему соизволенію», съ 59 рисунками, Спб., 1881 г., 88 стр.

---

[1]) См. періодическія изданія 1882 года: Историч. Вѣстникъ, кн. 8, стр. 447—448; Газета Гатцука, № 29; Москов. Вѣдом., № 188.

[2]) См. Современ. Извѣстія, 1882 г., № 296; Москов. Вѣд., 1882 г., № 297.

Рождественскій, Иванъ Васильевичъ [1]), родился въ Богоявленскомъ погостѣ, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи, въ семьѣ священника (1815 г.); учился въ мѣстной семинаріи и Петербургской духовной академіи; по окончаніи курса со степенью магистра богословія (1837 г.), преподаватель рязанской семинаріи, законоучитель въ Дворянскомъ полку, протоіерей Малой церкви Зимняго дворца (1862 — 1882 г.) и членъ святѣйшаго синода (1874—1882 г.); † 10-го октября въ Петербургѣ. Имъ напечатаны «Рѣчи, говоренныя при выпускѣ въ офицеры воспитанниковъ Дворянскаго полка съ 1840 по 1850 годъ», Спб., 1850 года.

Рождественскій, Николай Павловичъ [2]), родомъ изъ Курска, сынъ священника, воспитывался въ курской семинаріи и Казанской духовной академіи; по окончаніи курса со степенью магистра богословія (1864 г.), баккалавръ названной академіи; затѣмъ, профессоръ основнаго богословія въ Петербургской духовной академіи (1870 — 1882 г.) и профессоръ православнаго богословія въ Петербургскомъ университетѣ (1874—1882 г.); † 26-го ноября въ Петербургѣ. Съ его именемъ изданы:

«Чтеніе о мусульманствѣ и христіанствѣ», Спб., 1878 г., 36 стр.
«О происхожденіи многобожія» (Христіанск. Чтеніе, 1883 г., кн. 1 и 2).
«Историческій очеркъ христіанской апологетики или основнаго богословія», (кн. 7—12).
«Христіанская Апологетика, курсъ основнаго Богословія», два тома, Спб., 1884 г.

Савельевъ, Викторъ Константиновичъ [3]), сынъ учителя рисованія въ Нижнемъ Новгородѣ, воспитывался въ тамошней гимназіи, но не окончилъ полнаго курса; занимался собираніемъ старыхъ монетъ и другихъ замѣчательныхъ древностей; членъ археологическихъ обществъ въ Петербургѣ и Москвѣ; † въ апрѣлѣ, въ Казани. Онъ напечаталъ:

«Описаніе русскихъ монетъ, найденныхъ въ 1854 году близъ Казани» (Записки импер. археолог. Общества, 1856 г., т. IX). Отдѣльно: Спб., 1856 г., 40 стр.
«Описаніе нѣсколькихъ древнихъ русскихъ монетъ» (Извѣстія импер. археолог. Общества, 1864 г., т. V, вып. 5).

Самсоновъ, Левъ Николаевичъ [4]), актеръ-писатель; † 8-го октября въ Петербургѣ. Имъ напечатаны:

«Провинціальный актеръ», драма въ трехъ дѣйстіяхъ (Русск. Вѣстникъ, 1862 г., кн. 12).
«Очередная», драма въ четырехъ дѣйствіяхъ (Русск. Сцена, 1864 г., кн. 9).
«Изъ записокъ актера» (1865 г., кн. 1—3).

---

[1]) О немъ: «Исторія Петерб. академіи», Чистовича (Спб., 1857 г., стр. 376); Москов. Церк. Вѣд., 1882 г., № 42; Москов. Вѣдом., 1882 г., № 286.
[2]) См. Газету Гатцука, 1882 г., № 49; Соврем. Извѣстія, 1882 г., № 332.
[3]) О немъ: Историч. Вѣстникъ, 1882 г., кн. 5, стр. 477.
[4]) Русск. Вѣдом., 1882 г., № 278.

«Послѣдній метафизикъ», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ (кн. 6—7).
«Театральное дѣло въ провинціи», Одесса, 1875 г., 168 стр.
«Пережитое, мечты и разсказы русскаго актера» (1860—1878 г.), Спб., 1880 г., 382 стр.

Селивановъ, Илья Васильевичъ[1]), † 24-го іюня въ Москвѣ. Имъ напечатаны:

«Провинціальныя воспоминанія», изъ записокъ чудака, М., 1857 г., два тома.
«Объ усадьбахъ» (Журналъ Землевладѣльцевъ, 1858 г., кн. 7).
«Мордва» (кн. 8 и 11).
«Полѣсовщики», разсказъ (Современникъ, 1858 г., кн. 9).
«Контрабанда», разсказъ (кн. 11).
«Необыкновенный случай», быль, (Современникъ, 1859 г., кн. 8).
«Практическія замѣтки дѣловаго человѣка» (Библіотека для Чтенія, 1860 г., кн. 1 и 4).
«Объ Обществѣ любителей россійской словесности» (Московск. Вѣдом., 1860 г. №№ 32, 65 и 80).
«Иванъ Ермолаевичъ», быль (Современникъ, 1860 г., кн. 12).
«Два убійства», повѣсть (Современникъ, 1861 г., кн. 5).
«Новое городское управленіе въ Москвѣ» (Московск. Вѣдом., 1862 г., № 258, 269, 277 и 279).
«О мировыхъ посредникахъ» (Современн. Лѣтопись, 1863 г., № 40).
«Театръ въ Варшавѣ» (Театральн. Афиши и Антрактъ, 1864 г., № 184, 186—188 и 191).
«Холера въ Петербургѣ въ 1831 году», разсказъ очевидца (Русск. Архивъ, 1868 г.).
«Основаніе московскаго городскаго кредитнаго Общества» (Русск. Старина, 1880 г., кн. 5).
«Записки дворянина-помѣщика, бывшаго въ должности предводителя, судьи и предсѣдателя палаты» (кн. 6—8).
«Воспоминанія о старомъ сенатѣ» (Русск. Старина, 1882 г.).

Сендульскій, Аполлоній[2]), священникъ села Сивокъ, Острожскаго уѣзда, Волынской губерніи; † 7-го января въ мѣстѣ своего служенія. Его проповѣди и историческія статьи печатались въ «Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (1868 — 1882 г.); изъ этихъ трудовъ извѣстны:

«Исторія села Сивокъ».
«Мѣстечко Ляховцы, Острожскаго уѣзда».
«Село Тихомль и мѣстечко Ямполь».
«Мѣстечко Щумскъ и Рахмановъ».
«Краткія историческія свѣдѣнія о православномъ Валевскомъ монастырѣ».
«Историческія свѣдѣнія о православныхъ церквахъ и монастыряхъ въ городѣ Луцкѣ».
«Мѣстечко Вишневецъ».
«Татаринецкій мужской монастырь, бывшій вблизи села Обычи».
«Села Суражъ и Стожокъ».

---

[1]) О немъ: Русск. Старина, 1882 г., кн. 12, стр. 717.
[2]) О немъ: Кіевск. Старина, 1882 г., кн. 10, стр. 166—170.

«Города Луцкъ и Кременецъ».
«Село Поляновка и Городище».
«Городъ Заславль».
«Преподобный Іовъ, игуменъ почаевскій».
«Города Овручъ и Дубно».
«Загаецкій монастырь».
«Мѣстечко Бѣлокриница и Боремль».
«Мѣстечки Олыка и Четвертня».
«Мѣстечки Чарторыйскъ и Берестечко».
«Городъ Ровно».
«Мѣстечки Искорость и Пересопница».
«Мѣстечки Клевань, Корецъ и Вышгородокъ».
«Городъ Острогъ».
«Мѣстечки Полонное и Домбровица».
«Изъ наблюденій сельскаго священника».
«Записка о постройкѣ новой церкви въ селѣ Сивкахъ во имя пр. Ѳеодора, князя Острожскаго».

Скворцевъ, Николай Семеновичъ [1]), родился въ Костромской губерніи (1839 г.), учился въ мѣстной гимназіи и, по окончаніи въ ней курса, служилъ чиновникомъ въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ той же губерніи; затѣмъ поступилъ въ Ярославскій Демидовскій лицей, откуда перешелъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета; изъ послѣдняго онъ вышелъ до окончанія полнаго курса и сдѣлался сначала сотрудникомъ (1863 г.), а потомъ редакторомъ «Русскихъ Вѣдомостей» (съ 39 № 1864 г. до сентября 1882 года); † 13-го сентября въ Москвѣ. — Имъ написаны многія статьи, исключительно помѣщенныя въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

Смирнова, Александра Іосифовна, урожденная Россетъ [2]), родилась на югѣ Россіи и воспитывалась въ петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ; по окончаніи курса съ шифромъ—фрейлина императрицъ Маріи Ѳеодоровны и Александры Ѳеодоровны, пока не вышла замужъ за Н. М. Смирнова, который былъ губернаторомъ въ Калугѣ и Петербургѣ; въ послѣднее время, большею частію, жила за границей; † 5-го сентября въ Москвѣ. — Она извѣстна въ русской литературѣ своею дружбою съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Гоголемъ, Лермонтовымъ, Вяземскимъ, Хомяковымъ и Плетневымъ. Кромѣ того, покойная напечатала «Воспоминанія о Жуковскомъ и Пушкинѣ» (Русск. Архивъ, 1871 г.).

Соллогубъ, Владиміръ Александровичъ [3]), графъ, извѣстный писатель, родился въ Петербургѣ (1814 г.) и высшее обра-

---

[1]) См. періодическія изданія 1822 года: Русск. Вѣдом., № 252 и 254; Московск. Листокъ, № 253 и 255; Современ. Извѣстія, № 254.

[2]) О ней: Русь, 1882 г., № 37; Газета Гатцука, 1882 г., № 38.

[3]) См. о немъ періодическія изданія 1882 года: Историч. Вѣстникъ, кн. 7, стр. 223; Газета Гатцука, № 24; Нива, № 27; Русск. Вѣдом., № 156; Московск.

зованіе получилъ въ Дерптскомъ университетѣ; по окончаніи курса (1834 г.), поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и нѣкоторое время состоялъ при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ; затѣмъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и долго служилъ въ центральномъ статистическомъ комитетѣ на Кавказѣ; послѣ того — предсѣдатель высочайше утвержденной коммиссіи о преобразованіи тюремъ въ Россіи (1875 г.); во время войны съ Турціей (1877 г.) находился при главной квартирѣ государя императора; † 5-го (17) іюня въ Гамбургѣ. — Покойный написалъ на французскомъ языкѣ много статей, помѣщенныхъ въ заграничныхъ газетахъ, стиховъ и пьесъ; такъ изъ-подъ его пера вышла комедія: «Preuve d'amitiè» («Доказательство дружбы»), не безъ успѣха представленная въ 1859 году на театрѣ «Gimnase». Но наиболѣе извѣстна его литературная дѣятельность въ русскихъ періодическихъ журналахъ; она развивалась въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

«Два студента», повѣсть (Современ., 1837 г., т. V).

«Три жениха» (т. VI).

«Сережа», разсказъ (Литерат. Прибавленія къ Русскому Инвалиду, 1838 г., № 15).

«Исторія двухъ калошъ» (Отеч. Записки, 1839 г., кн. 1).

«Большой свѣтъ, повѣсть въ двухъ танцахъ: 1) попури и 2) мазурка» (Отеч. Записки, 1840 г., кн. 3). Эта повѣсть переведена понѣмецки подъ названіемъ: «Vornehme Welt» (Russ. Leben und Dichten, Leipz., 1851) и на французскій языкъ подъ заглавіемъ: «Le grand monde russe», trad. du russe par le comte E. de Lonlay, Paris, 1854.

«Семь главъ изъ Тарантаса» (Отеч. Записки, 1840 г., кн. 10).

«Аптекарша», разсказъ (Русск. Бесѣда, 1841 г., кн. 2). Этотъ разсказъ, перепечатанный въ «Библіотекѣ для дачъ, пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ» (Спб., 1855 г., кн. 1), былъ помѣщенъ на французскомъ языкѣ въ книгѣ Мармье: «Au bord de la Newa», Paris, 1856.

«Левъ», повѣсть (Отеч. Записки, 1841 г., кн. 4).

«Ямщикъ, или шалость гусарскаго офицера, драматическая картина въ одномъ дѣйствіи» (Отеч. Записки, 1842 г., кн. 5).

«Медвѣдь», повѣсть (Утренняя Заря, альманахъ на 1843 годъ). Эта повѣсть переведена на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ «Der Bär» и напечатана въ книгѣ: «Erzählungen aus Russland von Wolfssohn», Dessau, 1851.

«На сонъ грядущій, отрывки изъ вседневной жизни», двѣ части, Спб., 1843 г.

«П. П. Новосильцеву», стихотвореніе (Москвитянинъ, 1844 г., ч. V).

«Тарантасъ, путевыя впечатлѣнія», съ политипажами, Спб., 1845 г. Это лучшее сочиненіе графа Соллогуба было три раза переведено подъ слѣдующими заглавіями: «Tarantas», Leipz., 1847.—The Tarantas, travelling impressions of young Russia», London. 1850. — Tarantas, pocestni dojmy, z rüst. prel. K. Stefan, v. Hradei Kralovê, 1853.

«Букеты, или петербургское цвѣтобѣсіе, шутка въ одномъ дѣйствіи», Спб., 1845 г.

Вѣдом., № 163 и 215; Русск. Худож. Листокъ, 1857 г., № 34; Иллюстрир. Недѣля, 1874 г., № 9.

«Вчера и сегодня, литературный сборникъ, изданный А. Смирдинымъ», двѣ книги, Спб., 1845—1846 г. (въ сотрудничествѣ съ В. А. Жуковскимъ и графинею Е. П. Ростопчиною).
«Двѣ минуты, свѣтская повѣсть» (Отеч. Записки, 1846 г., кн. 1).
«Княгиня», повѣсть (кн. 3).
«Э. И. Губеръ» (Петербургск. Вѣдом., 1847 г., № 87).
«Мѣстничество», драма въ 5 дѣйствіяхъ (Литерат. Сборникъ, изданіе журнала «Современникъ», Спб., 1849 г.).
«Бѣда отъ нѣжнаго сердца», комедія — водевиль въ одномъ дѣйствіи (Отеч. Записки, 1850 г., кн. 3).—Эта пьеса переведена по-нѣмецки подъ заглавіемъ: «Das empfindsame Herz oder keine Wahlohne Qual., von P. Ragotsky», и издана литографскимъ способомъ (Dorpat, 1855 г.).
«Старушка», повѣсть (Отеч. Записки, 1850, кн. 4 и 5).
«Сотрудники, или чужимъ добромъ не наживешься», пословица въ двухъ отдѣленіяхъ (С.-Петерб. Вѣдом., 1850 г.).—Отдѣльно: Спб., 1851 г.
«Россія предъ врагами», ода—симфонія (Закавк. Вѣстн., 1854 г., № 14).
«Біографія генерала Котляревскаго», Тифл., 1854 г. — 2-е изданіе: Спб., 1856 г., 233 стр. (Сначала въ «Кавказѣ», 1854 г., № 14—17, 19—21).
«Тифлисская ночь», стихотвореніе (Пантеонъ, 1854 г., кн. 6).
«Тридцать четыре альбомныхъ стихотвореній», Тифл., 1855 г.
«Ночь передъ свадьбой, или Грузія черезъ тысячу лѣтъ», драматическая шутка въ 2-хъ дѣйствіяхъ (Зурна, закавказскій альманахъ, Тифл., 1855 г.).
«Разборъ альманаха: Зурна» (Кавказъ, 1855, № 59).
«Нѣсколько словъ объ одномъ изъ защитниковъ Севастополя — баронѣ Мейендорфѣ» (Русск. Инвалидъ, 1855 г., № 209).
«Сочиненія гр. В. А. Соллогуба», пять томовъ, Спб., 1855—1856 г.
«Кавказъ въ восточномъ вопросѣ» (Кавказъ, 1856 г., № 3, 4, 6 и 7).
«Чиновникъ», комедія въ одномъ дѣйствіи (Библіот. для Чтенія, 1856 г., кн. 3).— Отдѣльно: Спб., 1856 г.
«Тридцатое августа 1756 года», комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ (Библіот. для Чтенія, кн. 12). — Отдѣльно: Спб., 1873 г.
«Годъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, 1853—1854 г.» (Библіот. для Чтенія, 1857 г., кн. 3, 6—8).
«Ночь въ Духанѣ», драматическій очеркъ закавказскихъ нравовъ (кн. 9).
«Юбилей кн. П. А. Вяземскаго» (Петербургск. Вѣдом., 1861 г., № 58).
«Изъ воспоминаній о Пушкинѣ и Гоголѣ» (Русск. Архивъ, 1865 г.).
«О русскомъ романѣ» (День, 1865 г., № 19).
«Тюрьмы и театры» (Москва, 1867 г., № 8, 9 и 15).
«Пушкинъ въ его сочиненіяхъ» (Чтенія въ Обществѣ любителей россійск. словесности, 1867 г., вып. I).
«О значеніи кн. П. А. Вяземскаго въ россійской словесности». (Тамъ же).
«О русскомъ театрѣ» (Антрактъ, 1868 г., № 20).
«Разочарованные», комедія въ одномъ дѣйствіи, М., 1868 г.
«Воспоминаніе о кн. В. Ѳ. Одоевскомъ» (Голосъ, 1869 г., № 72). — Оно перепечатано въ брошюрѣ: «Въ память о кн. В. Ѳ. Одоевскомъ» (М., 1869 г.).
«Предисловіе къ книгѣ Савенко: «Опытъ тюремной педагогики», Спб., 1869 г.
«Новый Египетъ», Спб., 1871 г.
«Исторія и современное положеніе ссылки», Спб., 1873 г. — Вторично этотъ трудъ, прежде изданный не для публики, былъ перепечатанъ въ журналѣ: «Вѣкъ» (1883 г., кн. 1—2).

«Дневникъ Высочайшаго пребыванія за Дунаемъ въ 1877 году», Спб., 1878 г., 275 стр.

«Черезъ край», посмертный романъ (Новь, 1885 г., кн. 7—18).

Сверхъ перечисленныхъ трудовъ, подъ редакціею графа В. А. Соллогуба были изданы: «Записки кавказскаго Отдѣла импер. русск. географ. Общества», Тифл., 1852—1853 г., книга первая и вторая.

Спѣшневъ, Николай Александровичъ [1]), родомъ изъ Курска (1821 г.), за участіе въ дѣлѣ Петрашевскаго (1849) былъ сосланъ въ Сибирь (1849—1860 г.); возвращенный изъ ссылки (1860 г.), сталъ жить въ Псковской губерніи и одно время занималъ мѣсто мироваго посредника въ Островскомъ уѣздѣ; † во второй половинѣ марта въ Псковской губерніи. — Онъ былъ нѣсколько времени редакторомъ «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

Ставровскій, Алексѣй Ивановичъ [2]), родился въ семьѣ священника Новгородской губерніи (1809 г.) и воспитывался въ главномъ педагогическомъ институтѣ; по окончаніи курса въ послѣднемъ получилъ мѣсто исправляющаго должность адъюнкта по каѳедрѣ всеобщей исторіи при университетѣ св. Владиміра (1836 г.); удостоенный степени магистра (1842 г.), утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ того же университета по всеобщей исторіи и статистикѣ (1842 — 1870 г.); въ то же время онъ состоялъ членомъ временнаго комитета для изысканія древностей въ Кіевѣ, а также преподавателемъ исторіи въ кіевскомъ институтѣ и тамошнемъ кадетскомъ корпусѣ; наконецъ, вышелъ въ отставку и поселился въ городѣ Острѣ, Черниговской губерніи, гдѣ и скончался 14-го ноября. — Онъ напечаталъ единственный ученый трудъ — свою магистерскую диссертацію: «О значеніи среднихъ вѣковъ въ отношеніи къ новѣйшему времени», Кіевъ, 1842 г.

Строгановъ, Сергѣй Григорьевичъ, графъ [3]), родился въ Москвѣ (1793 г.) и воспитывался въ институтѣ путей сообщенія; послѣ производства въ офицеры (1811 г.) служилъ въ арміи; затѣмъ — губернаторъ въ Ригѣ и Минскѣ (1831 г.), генералъ-адъютантъ (1835 г.) и попечитель Московскаго учебнаго округа (1835—1847 г.), воспитатель покойнаго цесаревича Николая Александровича (1847 г.) и членъ государственнаго совѣта; † 27-го марта въ Петербургѣ. — Покойный графъ извѣстенъ, какъ предсѣдатель въ Обществѣ исторіи при Московскомъ университетѣ и въ археоло-

---

[1]) Свѣдѣнія о немъ см. въ Современ. Извѣстіяхъ, 1882 г., № 85, и въ книгѣ «Біографія, письма и замѣтки Ѳ. М. Достоевскаго», Спб., 1883 г.

[2]) О немъ: «Исторія университета св. Владиміра, Шульгина» (Спб., 1860 г., стр. 128); Кіевск. Старина, 1882 г., кн. 12, стр. 626; «Исторія имп. университета св. Владиміра», Владимірскаго-Буданова (Кіевъ, 1884 г., стр. 114 и 247).

[3]) О немъ см. періодическія изданія 1882 года: Истор. Вѣстникъ, кн. 5, стр. 476—477; Газета Гатцука, № 14; Нива, № 22; Московск. Вѣдом., № 88, 89, 94 и 96; Современ. Извѣстія, № 89 и 91; Художеств. Журналъ, кн. 4, стр. 260.

гической коммиссіи, какъ основатель Строгановскаго училища для рисованія въ Москвѣ и членъ-учредитель Общества древней письменности. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ напечаталъ:

«О серебряныхъ вещахъ, найденныхъ во Владимірѣ и Ярославской губерніи въ 1836 и 1837 годахъ» (Русск. Историч. Сборникъ, издан. Обществомъ исторіи и древностей, М., 1840 г., т. IV, кн. 2—3).

«Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ», М., 1849 г.

«Древности Россійскаго государства», М., 1849—1853 г. (издано подъ руководствомъ гр. С. Г. Строганова).

«Записка князя Адама Чарторыжскаго объ его политическомъ положеніи—1810 г.» (Русск. Архивъ, 1876 г., кн. 1).

«Русское искусство: В. Віолле-ле-Дюкъ и архитектура въ Россіи, отъ X до XVIII столѣтія», Спб., 1878 г., съ шестнадцатью таблицами.

Туловъ, Михаилъ Андреевичъ[1]), родился въ Гродно 8-го ноября 1814 года и послѣ начальнаго образованія въ житомірскомъ уѣздномъ училищѣ воспитывался въ волынской гимназіи, откуда поступилъ въ университетъ св. Владиміра по первому отдѣленію философскаго факультета; по окончаніи университетскаго курса со степенью кандидата (1839 г.), опредѣленъ учителемъ русской словесности въ винницкую гимназію, откуда переведенъ преподавателемъ въ Нѣжинскій лицей (1840 г.), и послѣ полученія магистерской степени (1844 г.) утвержденъ тамъ въ званіи профессора (1844—1853 г.); затѣмъ—директоръ Немировской гимназіи (1853—1857 г.), инспекторъ (1857—1865 г.) и помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа (1865—1873 г.); послѣ того вышелъ въ отставку; † 11-го мая въ Кіевѣ.—Кромѣ магистерской диссертаціи: «О романѣ» (не изданной въ свѣтъ), онъ напечаталъ:

«О современномъ направленіи изящной словесности на Западѣ Европы», Кіевъ, 1850 г.—Затѣмъ это сочиненіе было перепечатано въ Журналѣ мин. нар. просв., 1851 г., ч. 69.

«Руководство къ познанію родовъ, видовъ и формъ поэзіи», Кіевъ, 1853 г.

«Объ одномъ изъ современныхъ направленій русской изящной словесности» (Журналъ мин. нар. просв., 1854 г., кн. 9).

«Обозрѣніе лингвистическихъ категорій», Кіевъ, 1861 г., 69 стр.

«Отвѣтъ г. Котляревскому» (Моск. Вѣдом., 1861 г., № 36).

«О народныхъ школахъ» (Кіевск. Телеграфъ, 1864 г., № 44; Вѣстникъ Юго-Западн. Россіи, 1864 г., № 7).

«Народная школа въ Юго-Западномъ краѣ» (Кіевлянинъ, 1864 г., № 10—11).

«О преобразованіи кіевской лютеранской школы» (№ 33, 41 и 42).

«Народное образованіе въ Пруссіи» (Отеч. Записки, 1864 г., кн. 8).

«Планъ преподаванія русскаго языка съ церковно-славянскимъ и словесности въ гимназіяхъ классическихъ и реальныхъ (Циркуляръ по управленію Кіевск. учебн. округомъ, 1865 г., № 3).

---

[1]) О немъ: книга Гербеля—«Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко», второе изданіе, Спб., 1881 г., стр. 305—311, и Московск. Вѣдом., 1882 г., № 138.

«Очерки исторіи языкознанія» (Журналъ мин. нар. просв., 1869 г., кн. 3).

«Объ элементарныхъ звукахъ человѣческой рѣчи и русской азбуки», пособіе для обучающихъ, Кіевъ 1874 г.—Второе изданіе: Кіевъ, 1881 г., 112 стр.

«Русскій букварь», Кіевъ, 1875 г., 16 стр.; второе изданіе: Кіевъ, 1878 г.; третье изданіе: Кіевъ, 1881 г.

«Руководство для обучающихъ чтенію по русскому букварю», Кіевъ, 1875 г., 28 стр.

«Нѣсколько словъ о брошюрѣ кн. Васильчикова: «Письмо министру народнаго просвѣщенія гр. Толстому», Кіевъ, 1876 г., 18 стр.

«О малорусскомъ правописаніи» (Филолог. Записки, 1879 г., кн. 4 и 5). — Отдѣльно: Воронежъ, 1880 г., 80 стр.

«О процессѣ поэтическаго творчества», публичныя лекціи, Кіевъ, 1881 г., 31 стр.

Тютчева, Екатерина Өедоровна [1]), вторая дочь извѣстнаго поэта Ө. И. Тютчева, отъ перваго брака его съ графинею Ботмеръ, родилась за границею, но воспитывалась въ Смольномъ институтѣ; по окончаніи курса — фрейлина государыни императрицы Маріи Александровны; въ послѣднее время жила въ Москвѣ; † 11-го марта въ Москвѣ. — Изъ рукъ покойной вышелъ переводъ на англійскій языкъ избранныхъ проповѣдей митрополита Филарета, изданный подъ такимъ заглавіемъ: «Select sermons by the late Metropolitan of Moscow Philaret» (London, 1873 г.). Кромѣ того, послѣ ея кончины, напечатаны: «Разсказы изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта» (М., 1884 г.).

Уверскій, Николай Ивановичъ [2]), родился 10-го февраля 1844 года въ Витебскѣ, учился въ тамошней гимназіи и Петербургской медико-хирургической академіи (1862 — 1867 г.); затѣмъ — врачъ при 102-мъ Серпуховскомъ полку и при 50-мъ пѣхотномъ резервномъ баталіонѣ, докторъ-медицины (1872 г.) и врачъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка (1873 — 1882 г.); въ тотъ же промежутокъ времени (съ 1873 г.), онъ состоялъ членомъ и казначеемъ въ Обществѣ дешевыхъ квартиръ, въ Обществѣ вспомоществованія нуждающимся студентамъ медико-хирургической академіи и петербургской врачебной Общинѣ; † 5-го августа въ Петербургѣ. — Покойный писалъ корреспонденціи со всемірной выставки въ Парижѣ и съ театра войны (1877 — 1878 г.), напечатанныя во «Врачебныхъ Вѣдомостяхъ».

Фелькель, Юлій Карловичъ [3]), родился въ Берлинѣ 11-го (23) января 1812 года, учился въ Іоакимовской гимназіи и на философскомъ факультетѣ Берлинскаго университета; послѣ экзамена

---

[1]) О ней см. періодическія изданія, 1882 года: Русск. Архивъ, кн. 2, стр. 580, Московск. Церк. Вѣдом., № 12; Московск. Вѣдом., № 71 и 89.

[2]) См. Историч. Вѣстникъ, 1882 г., кн. 12, стр. 619—628.

[3]) О немъ: «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей импер. Московск. университета», М., 1855 г., ч. II, стр. 168, 171, 511—514, и «Рѣчи, читанныя въ торжеств. собраніи импер. Московск. университета 12-го января 1883 года», М., 1883 г., стр. 127—141.

на степень доктора философіи (1833 г.) прибылъ въ Россію, перешелъ въ русское подданство (1834 г.), выдержалъ испытаніе на званіе домашняго учителя и одиннадцать лѣтъ занималъ мѣсто воспитателя при И. П. Новосильцовѣ (1833—1844 г.); послѣ того, кромѣ частныхъ заведеній, учитель Александринскаго Сиротскаго (1845—1846 г.) и Московскаго Дворянскаго института (1846—1849 г.), лекторъ нѣмецкаго языка (1845—1882 г.) и временный преподаватель классическихъ наукъ (1864—1879 г.) при Московскомъ университетѣ; † 29-го апрѣля въ Москвѣ.—Имъ напечатаны:

«Предварительныя замѣчанія о педагогикѣ и дидактикѣ» (Библіотека для воспитанія, издан. Рѣдкинымъ, М., 1845 г.).

«О чтеніи». (Тамъ же, М., 1846 г.).

«Нѣмецкая христоматія», М., 1847 г.

«О сборникѣ статей Кейзера» (Журналъ для воспитанія, 1857 г., кн. 10).

«Братья Гриммы» (Атеней, 1858 г., кн. 47 и 49; 1859 г., кн. 1 и 5).

«О нѣмецкой христоматіи Берте» (Журн. для воспит., 1858 г., кн. 2).

«Новая рукопись Цицероновыхъ писемъ къ друзьямъ» (Московск. Универ. Извѣстія, 1865 г., кн. 4).

«Избранныя рѣчи Цицерона: рѣчи за поэта Архія и за Кв. Лигарія», съ введеніемъ и словаремъ, М., три изданія (1867, 1871 и 1877 г.).

«Книга XXI римской исторіи Тита Ливія», со словаремъ, М., три изданія (1868, 1871 и 1876 г.).

«Рѣчь М. Туллія Цицерона за Т. Аннія Милона», съ введеніемъ и указателемъ, М., два изданія (1870 и 1877 г.).

«Рѣчь М. Туллія Цицерона за С. Росція Америйскаго», съ введеніемъ и указателемъ, М. 1871 г.

«Рѣчи М. Туллія Цицерона противъ Л. Сергія Катилины», съ введеніемъ и словаремъ, М., два изданія (1871 и 1876 г.).

«Записки К. Ю. Цезаря о войнѣ въ Галліи», книги I—IV, съ картою Галліи и введеніемъ, М., 1872 г.—То же, книги V—VIII, М., 1873 г.

«Книга XXII римской исторіи Тита Ливія», М., 1874 г.

«Рѣчь М. Туллія Цицерона за царя Деіотара», съ введеніемъ, М., 1874 г.

«Рѣчь М. Туллія Цицерона за Л. Мурену», съ введеніемъ, М., 1875 г.

Кромѣ того, Фелькель издалъ на латинскомъ языкѣ:

«Justiniani Digestorum seu Pandectarum libri I, II, III. Accedit quae exstat lex XII tabularum», M., 1868 г.

«Πλάτωνος Ἀπολογία Σωκράτους», М., 1873 г.

Филаретъ, въ мірѣ **Михаилъ Прокопьевичъ Филаретовъ** [1]), сынъ священника Воронежской епархіи, родился въ 1824

[1]) О немъ: «Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской академіи», Кіевъ, 1869 г., стр. 384 и 388; періодическія изданія 1882 года: Московск. Церк. Вѣдом., № 10; Газета Гатцука, № 10; Московск. Вѣдом., № 61; Соврем. Извѣстія, № 63; Историческ. Вѣстникъ, 1883 г., кн. 11, стр. 260—269; Православн. Обозрѣніе, 1882 г., кн. 3, стр. 606—608.—См. также брошюры: «Некрологъ преосв. Филарета, епископа рижскаго» (Рига, 1882 г.); «Преосвященный Филаретъ, епископъ рижскій, какъ ректоръ Кіевской духовной академіи», съ фотограф. портретомъ, факсимиле и особыми прибавленіями, И. Королькова (Кіевъ, 1882 г.); «Поминки по преосв. Филаретѣ, епископѣ рижскомъ, въ кишиневской дух. семинаріи», съ портретомъ его, сост. Л. М. (Кишиневъ, 1882 г.).

году, воспитывался въ мѣстной семинаріи и Кіевской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ первымъ магистромъ богословія (1851 г.); затѣмъ — баккалавръ по каѳедрѣ св. писанія въ названной академіи (1851 — 1858 г.), инспекторъ Казанской академіи (1858 — 1859 г.), ректоръ кіевской семинаріи и академіи (1859 — 1874 г.), епископъ уманскій и викарій Кіевской митрополіи (1874 — 1877 г.); наконецъ — епископъ рижскій и митавскій (1877 — 1882 г.); † 23-го февраля въ Ригѣ. — Имъ основанъ при кіевской семинаріи духовный журналъ: «Руководство для сельскихъ пастырей», и, кромѣ неоконченнаго сочиненія: «О книгѣ Екклезіастъ» (въ «Трудахъ Кіевской академіи»), издана диссертація на степень доктора богословія: «Происхожденіе книги Іова» (Кіевъ, 1872 г.).

Филоѳей, въ мірѣ Тимоѳей Григорьевичъ Успенскій [1]), родился 15-го января 1808 года, въ семьѣ дьякона села Закобятина, Даниловскаго уѣзда, Ярославской губерніи; первоначальное образованіе получилъ въ мѣстной семинаріи, откуда, какъ лучшій воспитанникъ, былъ отправленъ въ Московскую духовную академію (1828 г.); тутъ ему пришлось окончить курсъ первымъ магистромъ богословія (1832 г.) и скоро получить профессорскую каѳедру въ названной академіи, сначала по церковной словесности, а черезъ годъ — по герменевтикѣ и библейской археологіи (1832 — 1833 г.); постриженный въ монашество (13-го ноября 1832 г.), онъ преподавалъ въ родной академіи до 8-го августа 1838 года, когда его назначили инспекторомъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ Петербургскую духовную академію; на новомъ мѣстѣ служенія имъ проведены четыре года; затѣмъ его послѣдовательно опредѣляли ректоромъ семинарій: харьковской (1842 г.), Виѳанской (1842 — 1847 г.) и московской (1847 — 1849 г.); наконецъ — епископъ дмитровскій и викарій Московской митрополіи (1849 — 1853 г.), епископъ костромскій (1853 — 1857 г.), епископъ, а потомъ архіепископъ тверскій (1857 — 1876 г.) и митрополитъ кіевскій (1876 — 1882 г.); † 29 января въ Кіевѣ. — Изъ печатныхъ трудовъ покойнаго, кромѣ проповѣдей, извѣстна магистерская диссертація, подъ такимъ заглавіемъ: «Разсужденіе о достоинствѣ человѣка, раскрытомъ и утвержденномъ христіанскою религіею» (М., 1832 г., 23 стр.).

---

[1]) О немъ: «Исторія Московск. академіи», Смирнова (М., 1879 г, стр. 387, 399, 425—426); «Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей», 1874 г., кн. 1, стр. 29—30; періодическія изданія 1876 года: Духовн. Бесѣда, № 21; Тверск. Губ. Вѣдом., № 52; Церковн. Вѣстникъ, № 54; Московск. Вѣдом., № 130; періодическія изданія 1882 года: Москов. Церковн. Вѣд., № 6 и 8; Газета Гатцука, № 7; Москов. Вѣдом., № 35; Православн. Обозрѣніе, кн. 2, стр. 392—394; Душеполезное Чтеніе, 1883 г., кн. 6; 1884 г., кн, 4.—Кромѣ того, см. книгу Строева: «Списки іерарховъ» (Спб., 1877 г., 134, 446 и 849 стр.).

Халколивановъ, Иванъ Егоровичъ [1]), воспитанникъ саратовской семинаріи и Московской духовной академіи; по выходѣ изъ послѣдней со степенью магистра богословія (1840 г.), наставникъ самарской семинаріи, каѳедральный протоіерей и въ то же время ректоръ самарскихъ духовныхъ училищъ; † 1-го февраля въ Самарѣ. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды:

«Слова и поученія на воскресные и праздничные дни», двѣ части, Спб., 1855 г., второе изданіе.

«Слова и поученія на всѣ недѣли въ году, на праздники Господскіе и Богородичные, на дни святыхъ, особенно чтимыхъ св. православною церковію, на дни высокоторжественные, на нѣкоторые особые случаи и на св. четыредесятницу», двѣ части, Спб., 1865 г.; второе изданіе: Самара, 1872—1873 г.

«Объ австрійскомъ священствѣ», Вятка, 1864 г., 67 стр.

«Краткое ученіе о св. храмѣ и утваряхъ его, о священно-церковно-служителяхъ и облаченіяхъ ихъ», два изд., Самара, 1859 и 1862 г.; третье изданіе: Спб., 1863 г.

«Краткое ученіе о богослужебныхъ книгахъ, употребляемыхъ въ православной русской церкви», два изданія: Самара, 1860, и М., 1862 г.

«О римско-католической церкви», Самара, 1865 г.

«Весѣды къ причастникомъ св. Христовыхъ Таинъ», Самара, 1865 г.

«Замѣтки на статью: «Письма священника къ своему собрату» (Странникъ, 1869 г., кн. 3).

«Православное нравственное богословіе», Самара, 1872 г.; второе изданіе: Самара, 1875 г.

«Катехизическія поученія», Самара, 1874 г.

Чупинъ, Наркизъ Константиновичъ [2]), окончательное образованіе получилъ на философскомъ и камеральномъ факультетахъ Казанскаго университета; по выходѣ изъ послѣдняго со степенью кандидата—преподаватель и затѣмъ инспекторъ горнаго уральскаго училища; † 12-го апрѣля въ Екатеринбургѣ. Имъ напечатаны:

«Указатель сочиненій, въ которыхъ заключаются географическія и статистическія свѣдѣнія о Пермской губерніи» (Пермскій Сборникъ, М., 1860 г., кн. 2).

«Библіотека Василія Никитича Татищева въ Екатеринбургѣ» (Московск. Вѣдом., 1860 г., № 203).

«Частная золотопромышленность Оренбургскаго края въ 1860 году (Оренбург. Губ. Вѣдом., 1861 г., № 10).

«Отдача казенныхъ заводовъ въ частныя руки въ прошломъ столѣтіи» (Горный Журналъ, 1861 г.).

«О разработкѣ частныхъ золотыхъ пріисковъ Оренбургскаго края въ 1861 году» (Оренбург. Губ. Вѣдом., 1862 г., № 10).

---

[1]) О немъ: «Исторія Московской академіи», Смирнова (М., 1879 г., стр. 475—477); Русск. Вѣдом., 1882 г., № 38.

[2]) О немъ: Истор. Вѣстникъ, 1882 г., кн. 6, стр. 617—629; 1884 г., кн. 11, стр. 484—485; Русск. Вѣдом., 1882 г., № 106.

«О производительности Воткинскаго казеннаго желѣзнаго завода» (Горный Журналъ, 1862 г., кн. 9).

«Рудники округа Екатеринбургскихъ горныхъ заводовъ» (кн. 10).

«Свѣдѣнія о частныхъ золотыхъ промыслахъ Оренбургскаго края за 1862 годъ» (Оренбург. Губ. Вѣдом., 1863 г., № 22).

«Исторія города Екатеринбурга» (Пермск. Губ. Вѣдом., 1864 г., № 26—28).

«Ирбить и ирбитская ярмарка въ 1734 году» (Ирбитск. Ярмарочный Листокъ, 1865 г., № 23).

«В. Н. Татищевъ» (Пермск. Губ. Вѣд., 1867 г., № 13—26, 61—88).

«Къ исторіи города Ирбити и ирбитской ярмарки» (Ирбитск. Ярмарочн. Листокъ, 1867 г., № 3, 9, 12—13 и 20).

«Объ открытіи и первоначальной разработкѣ магнитной горы Благодати» (Горный Журналъ, 1866 г., кн. 11).

«Диковинная книжка о Пермской губерніи» (Пермск. Губ. Вѣдом., 1867 г., № 51 и 52).

«Жизнь В. Н. Татищева до 1734 года» (Пермск. Губ. Вѣдом., 1869 г.).

«Членъ екатеринбургской горной канцеляріи, М. И. Башмаковъ» (Пермск. Губ. Вѣдом., 1869 г., № 52—86).

«Къ исторіи города Кунгура» (Пермск. Губ. Вѣдом., 1870 г., № 2—3).

«О нѣкоей исторической будто бы запискѣ» (Пермск. Губ. Вѣдом., 1870 г., № 53, 60—64; 1871 г., 16—18).

«О приказчикахъ Ирбитской слободы» (Ирбитск Ярмарочный Листокъ, 1872 г., № 25).

«Пугачевщина» (Русск. Старина, 1872 г.).

«Къ исторіи города Екатеринбурга» (Пемск. Губ. Вѣдом., 1873 г., № 32—86).

«Старинныя дѣла» (№ 16, 17, 27 и 40).

«Къ исторіи суевѣрій русскаго народа 1723 года» (Русск. Старина, 1873 г., кн. 3),

«Географическо-статистическій словарь Пермской губерніи», четыре выпуска, Пермь, 1873—1874 г. (Приложеніе къ «Сборнику пермскаго земства»).— Остальные выпуски: Пермь, 1877 г.

«Сборникъ статей Н. К. Чупина», посмертное изданіе Пермскаго губернскаго статистическаго комитета, выпускъ первый, Пермь, 1882 г., 251 стр.

Кромѣ названныхъ періодическихъ изданій, покойный участвовалъ своими статьями въ «Казанскихъ Губ. Вѣдомостяхъ», «Сборникѣ Пермскаго земства», «Екатеринбургской Недѣлѣ» и «Запискахъ уральскаго Общества любителей естествознанія».

Шашковъ, Серафимъ Серафимовичъ[1]), сынъ священника, родился въ Иркутскѣ (въ ноябрѣ 1841 года), воспитывался въ уѣздномъ духовномъ училищѣ и иркутской семинаріи (1854—1860 г.); по окончаніи семинарскаго курса былъ отправленъ въ Казанскую духовную академію, но черезъ годъ вышелъ изъ нея (1861 г.) и переѣхалъ въ Петербургъ, чтобы слушать лекціи въ университетѣ; осенью 1863 года онъ побывалъ въ Иркутскѣ и Кяхтѣ, поселился въ Красноярскѣ и открылъ здѣсь частную школу, кото-

---

[1]) О немъ см. періодическія изданія 1882 года: Дѣло, кн. 9, отд. II, стр. 49—51; кн. 10, стр. 1—9; Русск. Вѣдом., № 239.

рую, однако, скоро закрыли; затѣмъ ему пришлось жить въ Томскѣ и снова, по случаю смерти отца, отправиться въ Кяхту; по возвращеніи въ Россію, онъ долженъ былъ проживать въ Шенкурскѣ, уѣздномъ городѣ Архангельской губерніи (1868—1873 г.), въ Бобровѣ и Воронежѣ, наконецъ—въ Новгородѣ, гдѣ и скончался 28-го августа. Кромѣ статей, помѣщенныхъ въ «Живописномъ Обозрѣніи», «Искрѣ», «Недѣлѣ», «Современномъ Словѣ» и «Устояхъ», онъ напечаталъ слѣдующіе труды:

«Буряты Иркутской губерніи, ихъ нравы, обычаи, вѣрованія, легенды и пѣсни» (Иркутск. Губ. Вѣдом., 1858 г., № 11, 12 и 18),
«Амурскій вопросъ въ 1861 году» (Вѣкъ, 1862 г., № 1—6).
«Очерки Сибири въ историческомъ и экономическомъ отношеніи» (Библіот. для Чтен., 1862 г., кн. 10 и 12).
«Россійско-американская компанія» (Очерки, 1863 г., № 58—61).
«Сибирскіе инородцы» (Народн. Богатство, 1863 г., № 203, 205, 208, 212, 213, 216 и 219).
«Шаманство въ Сибири» (Записки импер. русск. географ. Общества, 1864 г., кн. II).
«Матеріалы для исторіи сѣверо-восточной Сибири въ XVIII вѣкѣ» (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1864 г., кн. III).
«Сибирскіе инородцы въ XIX столѣтіи» (Дѣло, 1867 г., кн. 8—10).
«Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири» (Отеч. Записки, 1867 г., кн. 20 и 22). — Эта статья имѣетъ подпись: «С. Серафимовичъ»; но она принадлежитъ Шашкову, какъ указано въ «Отечеств. Запискахъ» (1867 г., кн. 21, отд. II, стр. 47).
«Дѣтоубійство» (Дѣло, 1868 г., кн. 4—6).
«Рабство въ Сибири», историческій очеркъ (Дѣло, 1869 г., кн. 1 и 3).
«Проституція» (Дѣло, 1868 г., кн. 4—6).
«Историческія судьбы женщины» (кн. 9—12).
«Восточныя окраины» (Дѣло, 1870 г., кн. 3).
«Опыты законодательныхъ собраній въ Россіи» (кн. 5).
«Русскія реакціи въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка» (кн. 6 и 8).
«Эпизоды изъ новѣйшей исторіи Германіи» (кн. 9 и 10).
«Разборъ сочиненія Скребицкаго: «Крестьянское дѣло въ царствованіе Александра II-го» (кн. 10).
«Вольтеръ: его романы и повѣсти» (кн. 12).
«Главныя эпохи въ исторіи русской женщины» (Дѣло, 1871 г., кн. 1—4).
«Движенія русской общественной мысли въ началѣ XIX вѣка» (кн. 5—7).
«Новости женскаго дѣла» (кн. 11).
«Историческія судьбы женщины, дѣтоубійство и проституція», Спб., 1871 г.— 2-е изданіе, исправленное и дополненное, Спб., 1872 г.
«Очеркъ исторіи русской женщины», съ прибавленіемъ статьи: «Русская проституція», Спб., 1871 г.—2-е исправленное и дополненное изданіе, Спб., 1879 г., 368 стр.
«Женское дѣло въ Америкѣ» (Дѣло, 1872 г., кн. 1).
«Русская литература и русское общество», по поводу «Исторіи русской литературы», изданной Полевымъ. (Тамъ же).
«Иркутскій погромъ въ 1758—1760 годахъ» (Азіатск. Вѣстникъ, 1872 г., № 2).

«Газетная пресса въ Англіи» (Дѣло, 1872 г., кн. 3).
«Общественно-психологическіе этюды» (кн. 5).
«Всенародной памяти царя-работника» (кн. 7).
«Судьбы Испаніи». (Тамъ же).
«Среднія и высшія учебныя заведенія въ Англіи» (кн. 12).
«Историческіе этюды», два тома, Спб., 1872 г.
«Нѣмецкое мошенничество» (Дѣло, 1873 г., кн. 1).
«Индустанъ и англичане» (кн. 1 и 2).
«Пушкинъ и Лермонтовъ» (кн. 7 и 8).
«Судьбы Ирландіи» (кн. 9—11).
«Недуги русскаго общества XVIII вѣка» (кн. 12).
«В. А. Жуковскій» (Дѣло, 1874 г., кн. 1).
«Историческіе очерки», Спб., 1875 г.
«Н. И. Новиковъ и его журнальная дѣятельность» (Дѣло, 1876 г., кн. 1 и 2).
«Первобытная жизнь», по поводу книги Леббока: «Доисторическія времена» (кн. 3).
«Финансовый канканъ въ Австріи» (кн. 3 и 4).
«Спасители отечества въ Казани», по поводу литературнаго сборника «Первый шагъ» (кн. 4).
«Аѳанасій Прокофьевичъ Щаповъ». (Тамъ же).
«Литературный трудъ въ Россіи», историческій очеркъ (кн. 8).
«Биржевая вакханалія» (кн. 12).
«В. И. Григоровичъ» (Дѣло, 1877 г., кн. 1).
«Очерки первобытной жизни и мысли» (кн. 1, 2 и 7).
«Эпоха Бѣлинскаго» (кн. 1, 3—5, 7 и 8).
«Гогъ и Магогъ нашего времени» (кн. 2).
«Земскіе прогрессы» (кн. 9).
«Денисъ Дидро» (кн. 11 и 12).
«Н. А. Некрасовъ» (Дѣло, 1878 г., кн. 1).
«Вырожденіе востока, очерки общественной патологіи» (кн. 1—4).
«Живописатели новыхъ людей и печальники народнаго горя: о публичныхъ лекціяхъ О. Миллера» (кн. 3).
«Паденіе Рима и Византіи, очерки общественной патологіи» (кн. 5—7).
«Паны и холопы въ XVIII столѣтіи» (кн. 7).
«Образчикъ земской дѣятельности» (кн. 8).
«А. В. Кольцовъ и новый разсказъ объ его поведеніи» (кн. 9).
«Прошедшее сельской общины» (кн. 9 и 10).
«Наканунѣ Тридцатилѣтней войны» (кн. 11 и 12).
«Два слова о мордовщинѣ» (кн. 12).
«Сибирское общество въ началѣ XIX вѣка» (Дѣло, 1879 г., кн. 1—3).
«Люди и нравы въ Китаѣ» (кн. 6).
«Подвижникъ науки: жизнь П. М. Строева» (кн. 7).
«Ульрихъ фонъ-Гуттенъ и его друзья» (кн. 9).
«Развитіе первобытной культуры» (кн. 9—12).
«Образцовое земство въ заколдованномъ кругу» (кн. 10).
«Народная поэзія и допетровская письменность» (кн. 11).
«Франсуа-Мари Вольтеръ» (кн. 11—12).
«Коммиссія Уложенія и крестьянское дѣло при Екатеринѣ II-й» (Дѣло, 1880 г., кн. 1—2 и 4).

«Земскіе омуты» (Слово, 1880 г., кн. 2 и 3).
«Шевченко и Сырокомля» (Дѣло, 1880 г., кн. 3).
«Памяти Пушкина» (кн. 5).
«Женщина и роскошь въ исторіи Франціи» (кн. 7 и 8).
«Ученый базаръ». (Тамъ же).
«Шишковъ и Мордвиновъ» (кн. 9).
«Очерки земства: маркизы, суслики и кузьки» (Слово, 1880 г., кн. 10).
«А. А. Бестужевъ-Марлинскій» (Дѣло, 1880 г., кн. 11).
«Идеалы славянства» (кн. 11).
«Русскій Катонъ: жизнь Г. Р. Державина» (кн. 12).
«Малорусское земство» (Слово, 1880 г., кн. 12).
«Русская община и ея враги» (Дѣло, 1881 г., кн. 1).
«Въ новомъ свѣтѣ постарому» (кн. 3).
«Русскій рабочій» (кн. 5 и 6).
«Разборъ изслѣдованія Романова: Переселеніе крестьянъ Вятской губерніи» (кн. 10).
«Крестьяне въ Польшѣ» (кн. 12).
«Австрія послѣ Вѣнскаго конгресса» (Дѣло, 1882 г., кн. 2).
«Романтизмъ и реакція» (кн. 3).
«Сибирь на юбилеѣ» (кн. 6).
«Крестьяне въ Германіи и нѣмецкой Швейцаріи» (Наблюдатель, 1882 г., кн. 10—12).
«Политическое движеніе въ Германіи» (Дѣло, 1882 г., кн. 11).
«Крестьяне въ Балтійскомъ краѣ» (Русск. Мысль, 1883 г., кн. 3).
«Недуги русскаго общества въ XVIII и началѣ XIX вѣка» (Дѣло, 1883 г., кн. 10).

Шульгинъ, Николай Ивановичъ [1]), родился 25-го ноября 1832 года, въ селѣ Тимоѳеевкѣ, Херсонской губерніи, и воспитывался въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ; по окончаніи курса (1851 г.) выпущенъ въ офицеры артиллеріи, участвовалъ при осадѣ Севастополя, но послѣ крымской кампаніи вышелъ въ отставку (1858 г.) и поселился въ Ново-Миргородѣ; черезъ два года переѣхалъ въ Петербургъ (1860 г.) и съ той поры до смерти занимался литературными трудами; † 21-го марта въ Петербургѣ. Кромѣ редактированія газеты «Якорь» (съ № 37 до № 45, 1864 г.) вмѣстѣ съ сатирическимъ листкомъ «Оса», гдѣ онъ печаталъ подъ псевдонимомъ «Николай Ивановъ», кромѣ изданія вмѣстѣ съ Г. Е. Благосвѣтловымъ журнала «Дѣло» (1866—1879 г.), сверхъ редижированія «Живописнымъ Обозрѣніемъ» (1877—1882 г.), онъ участвовалъ, какъ сотрудникъ, во «Времени» и «Современномъ Словѣ». При всемъ этомъ имъ напечатаны:

«Статистическое описаніе казенныхъ лѣсовъ Черниговской губерніи» (Черниговск. Губ. вѣдом., 1858 г., № 2—5).
«Нѣсколько словъ о народномъ образованіи» (Народн. Богатство, 1863 г., № 144—145 и 147).

[1]) О немъ см. періодическія изданія 1882 года: Соврем. Извѣстія, № 82; Дѣло, кн. 4, отд. II, стр. 94—96; кн. 5, отд. II, стр. 182; Живописн. Обозрѣніе, кн. 4, стр. I—VIII.

«По поводу мѣръ относительно раскола» (Русь, 1864 г., № 18).
«Исторія цивилизаціи въ Англіи, сочиненіе Бокля», перев. съ англійскаго, Спб., 1865 г.
«Біографія У. Диккенса» при романѣ: «Замогильныя записки Пиквикскаго клуба», Спб., 1871 г.
«Швейцарія и швейцарцы, сочиненіе В. Диксона», перев. съ англійскаго, Спб., 1872 г. (вмѣстѣ съ А. Михайловымъ).

Надо добавить, что въ «Дѣлѣ» покойный иногда велъ «политическую и общественную хронику» (см., напримѣръ, Дѣло за 1871 г., кн. 1, 5 и 11), а также помѣщалъ статьи по экономическимъ вопросамъ, какъ, напримѣръ:

«Наша земская попытка» (1870 г., кн. 1).
«Статистическія программы» (1871 г., кн. 7).

Шульговскій, Дмитрій Николаевичъ [1]), предсѣдатель Общества петербургскихъ врачей; † 17-го февраля въ Петербургѣ. Имъ изданы:

«Руководство къ изученію болѣзней кожи, И. Неймана», перев. съ нѣмецкаго (вмѣстѣ съ Черепнинымъ), Спб., 1871 г.—Второе изданіе: Спб., 1874 г.
«Руководство къ постукиванію и выслушиванію, П. Нимейера», перев. съ нѣмецкаго, Спб., 1871 г., съ 17-ю рисунками.
«Ученіе о сифилисѣ Э. Лансеро», перев. съ французскаго (вмѣстѣ съ В. М. Тарновскимъ), два выпуска, Спб., 1876 г., 780 стр. и два рисунка.

Ювеналій, въ мірѣ Карюковъ [2]), родился въ 1818 году и воспитывался въ екатеринославской духовной семинаріи; по окончаніи курса въ послѣдней — священникъ (1840—1841 г.), но послѣ смерти жены поступилъ для высшаго образованія въ Кіевскую духовную академію (1841 г.); тамъ онъ принялъ монашество (1844 г.); и получилъ степень магистра богословія (1845 г.); затѣмъ — профессоръ и инспекторъ кишиневской семинаріи (1845—1858 г.) ректоръ нижегородской семинаріи и настоятель тамошняго Благовѣщенскаго монастыря (1858—1868 г.), епископъ михайловскій, викарій Рязанской епархіи (1868—1871 г.), епископъ архангельскій (1871—1876) и орловскій (1876—1882); † 31-го декабря въ Орлѣ. Покойный помѣстилъ нѣсколько проповѣдей, главнымъ образомъ, въ «Орловскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ».

[1]) О немъ: «Русск. Вѣдом., 1882 г., № 49.
[2]) О немъ: «Списки іерарховъ», Строева (Спб., 1877 г., стр. 418, 615 и 815; Московск. Церк. Вѣд., 1883 г., № 4; Востокъ, 1883 г., № 222.

УКАЗАТЕЛЬ
ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,
УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА"
1885 г.

А.

Абаза, Александ. Аггеев., министръ финансовъ, т. XX, 526.

Абашидзе:

— Княжескій родъ, т. XX, 14.
— Кн. Егоръ Ив., полковникъ, т. XIX, 498.

Аббасъ-ханъ, англійскій агентъ въ Мешхедѣ, т. XX, 379.

Абботъ, англійскій писатель. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Francis Bacon; т. XXI, 413.

Абдулъ-Джанъ, сынъ афганскаго эмира Ширъ-Али-хана, т. XX, 406.

Абдулъ-Керимъ-паша, турецкій главнокомандующій, т. XXII, 83.

Абдурахманъ-ханъ, эмиръ афганскій, т. XX, 406—408, 410, 412, 414, 418, 420—422.

Абемелекъ, князь, адъютантъ гр. А. А. Закревскаго, т. XX, 669, 670.

Абрамовичъ, Аполлинарій, владѣлецъ с. Немиринецъ, бердичев. у., заподозрѣнный въ храненіи оружія мятежниковъ, т. XXI, 544—546.

Абу, Эдмонъ, французскій писатель и публицистъ. *Некрологъ его;* т. XX, 250, 251.

Августъ:

— II, Фридрихъ, электоръ саксонскій и король польскій, т. XXI, 102; т. XXII, 567.
— Прусскій принцъ, т. XIX, 430.

Авенаріусъ, писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 486.

Авиловъ, В. В., писатель, т. XXI, 431.

Авраамъ:

— (Высоцкій), духовникъ Екатерины I и Анны Ивановны, архимандритъ Троице-Сергіевой пустыни, т. XXI, 218.
— (Шумилинъ), архіепископъ ярославскій, т. XIX, 149.

Адашевъ, Даніилъ Өедор., воевода, т. XXII, 240.

Аделунгъ, Фридрихъ или Өедоръ Павловичъ, ученый, начальникъ восточ. инстит., настав. вел. князей Николая и Михаила Павловичей, т. XXI, 30, 36, 37.

Адлербергъ, гр. Владим. Өедоров., генералъ-отъ-инфантеріи, ген.-адъют., министръ императорскаго двора, членъ государств. совѣта, т. XX, 23, 182.

Адріанъ, 10-й и послѣдній патріархъ Всероссійскій, т. XXII, 117.

Азимъ-ханъ, братъ афганскаго эмира Ширъ-Али-хана, т. XX, 406.

Аколовъ, Степ. Егор., крупный кутаисскій торговецъ и подрядчикъ, т. XIX, 12—19, 46, 278, 286, 287.

Аксаковы:

— Констант. Сергѣев., магистръ словесности, писатель, т. XX, 459.
— Ив. Серг., писатель, редакторъ журнала „Русь", т. XX, 489, 490.

Алабова, воспитательница малолѣтковъ 1-го кадет. корпуса, т. XX, 114.

Александра Николаевна, великая княгиня, т. XIX, 370.

Александровичъ, Митроф. Никол., писатель (Митро Олельковичъ), *прилож.* къ т. XXII, 5, 6.

Александръ:

— Грузинскій царевичъ, т. XX, 559.
— VI (Борджіа), папа римскій, т. XXI, 89.

Александръ I Павловичъ, императоръ, т. XIX, 350—358, 456, 457, 591, 646, 674, 726; т. XX, 6, 8, 16, 22, 24, 29, 230, 520, 521, 648, 667; т. XXI, 11, 37, 49, 214, 223, 224, 242, 250, 333, 335, 338, 409, 495, 502, 566, 567, 568; т. XXII, 242, 249, 581, 586.

Александръ II Николаевичъ, императоръ. *Статьи и замѣтки:* Два эпизода изъ дѣтства; т. XIX, 219, 220. Черты изъ жизни его; т. XIX, 573—581; т. XX, 438—441. Въ лучахъ любви и милосердія; т. XX, 170—183. *Открытіе памятниковъ:* на Кремлевской площади, т. XX, 708; въ Петрозаводскѣ, т. XXII, 474, 475; въ селѣ Бузовкѣ, Таращанскаго у., т. XXII, 476. *Упомин.* т. XIX, 26, 75, 223, 327, 370—374, 386, 654; т. XX, 6, 17, 23—25, 29, 49, 69, 157, 244, 527, 531, 533, 534; т. XXI, 410; т. XXII, 243, 244, 249, 648, 655.

Александръ III Александровичъ, императоръ, т. XX, 6, 248; т. XXII, 243.

Алексинскій, Евѳимій Мих., протоіерей московской Воскресенской, что въ Гончарахъ, церкви, *прилож.* къ т. XXII, 7.

Алексѣевы:

— Никол. Никол., профессоръ Варшав. университета, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 3.
— Ѳедоръ, приказчикъ, предпринимавшій изслѣдованіе рѣки Анадыра, т. XXI, 114.

Алексѣй:

— Игуменъ ливенскаго Сергіевскаго монастыря, т. XXI, 135.
— (Щегловъ), архимандритъ того же монастыря, въ схимонашествѣ Авраамій, т. XXI, 133, 135.

Алексѣй Михайловичъ, царь московскій, т. XX, 7, 10, 12, 234, 275; т. XXI, 190, 240, 596, 601; т. XXII, 118.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, т. XXI, 185—187.

Алихановъ, поручикъ, установившій первыя торговыя сношенія съ Мервомъ, т. XX, 379.

Алкуинъ, ученый VIII вѣка, возродитель наукъ и искусствъ во Франціи, т. XIX, 610.

Альбединъ, секретарь шведск. посольства въ Петербургѣ, т. XIX, 288.

Альбединскій, Петръ Петр., генералъ-адъютантъ, рижскій, а потомъ варшавск. генералъ-губернаторъ, т. XIX, 344.

Альберсъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Король Дагобертъ въ исторіи, легендахъ и сагахъ; т. XXI, 410.

Альбертъ:

— Изъ Ленчицы, инквизиторъ краковскій, т. XXI, 94.
— Изъ Плоцка, инквизиторъ краковскій, т. XXI, 94.

Альбукеркъ, Альфонсъ, португальскій военач., вице-король Индіи, т. XX, 535.

Алып-Арсланъ, внукъ царя сибирскаго Кучума, царь касимовскій, родоначальникъ дворянъ Касимовскихъ, т. XX, 9, 384.

Альтенбергъ, Германъ, львовскій издатель. *Некрологъ его;* т. XXII, 481.

Амберъ, французскій генералъ. *Библіографическая замѣтка* о его военныхъ разсказахъ; т. XIX, 216.

Амвросій:

— (Серебренниковъ), архіепископъ екатеринославскій и таганрогскій, т. XXI, 21.
— Раскольничій митрополитъ, т. XXI, 51.

Амереджибъ, Илика, мингрельскій князь, капитанъ, управляющій Сванетіей, т. XX, 596, 597.

де-Амичисъ, Эдмундъ, итальянскій писатель. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „У воротъ Италіи"; т. XXI, 204.

Амфилохій, архимандритъ, археологъ, т. XIX, 390.

Амфитеатровъ, кіевскій митрополитъ. См. Филаретъ.

Ангальтъ, гр. Фридрихъ или Ѳедоръ Евстафьев., главный начальникъ сухопут. шляхет. кадет. корпуса, т. XXI, 457, 466, 468, 488.

Андреевы:

— Иванъ, крестьянинъ с. Немиринецъ, Бердичев. у., преслѣдованный поляками, т. XXI, 545, 546.
— Никита, унтеръ-офицеръ. *Замѣтка* о предположенномъ имъ памятникѣ на могилѣ севастопольскихъ героевъ; т. XXII, 485, 486.

Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, великій князь суздальскій, т. XIX, 223; т. XXII, 492.

Андріё, Л., префектъ полиціи. *Библіографическая замѣтка* о второмъ томѣ его Воспоминаній; т. XXI, 411, 412.

Аниинъ, монахъ, послушникъ архимандрита Фотія, т. XXI, 561.

Анна Ивановна (супруга Фридриха-Вильгельма, герцога курляндскаго), русская

императрица, т. XX, 20, 77, 82; т. XXI, 218, 417.

Анна Леопольдовна (Елисавета-Екатерина-Христина, принцесса брауншвейгъ-люнебургская), правительница Россіи, т. XIX, 564; т. XXII, 728.

Анна-Марія-Софія, курфюрстина баварская, т. XXII, 251.

Анна Ярославна, кіевская княжна, супруга французскаго короля Генриха I, впослѣд. супруга гр. Рудольфа Крепи. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ портретѣ ея; т. XIX, 208, 209.

Анрептъ-Ельмптъ, гр. Іосифъ, русскій генералъ, т. XIX, 41—43.

Анскарій, архіепископъ гамбургскій и бременскій. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ сочиненіи о немъ; т. XIX, 217.

Антоній:

— II, раскольничій архіепископъ, т. XXI, 48.

— Іеромонахъ ливенскаго Сергіевскаго монастыря, т. XXI, 133, 135.

Антоніо, донъ, кутаисскій патеръ. См. Глахашвили.

Антоновъ, писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 486.

Антоновичи:

— Владим. Бонифатьев., докторъ русской исторіи, профессоръ Кіев. университета. *Замѣтка* о раскопкахъ его близъ Елисаветграда; т. XIX, 461.

— Пл. А., попечитель Кіев. учебнаго округа, т. XXII, 613, 614.

Антроповъ, Лука Никол., чиновникъ канцеляріи вилен. генералъ-губернатора, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 3.

Аполлосъ, іеромонахъ, инспекторъ новгород. духов. семинаріи, т. XXI, 566.

Апраксины, графы:

— А. И., основатель Николаевской дѣтской больницы въ Петербургѣ, т. XIX, 222.

— Андрей Матв., оберъ-шенкъ, т. XX, 20.

— Екатер. Владим., т. XXI, 334.

— Петръ Матв., бояринъ, т. XX, 20.

— Ст. Ст., генералъ-отъ-кавалеріи, т. XXI, 334.

— Ѳедоръ Матв., генералъ-адмиралъ, т. XX, 20; т. XXII, 423—426.

Аракчеевъ, гр. Алексѣй Андреев., генералъ-отъ-артиллеріи, военный министръ. *Легенды о немъ;* т. XXI, 211—214. *Упомин.* т. XX, 22, 29; т. XXI, 267, 560, 561, 568; т. XXII, 248, 249.

Арганаковъ, штабсъ-капитанъ, наставникъ перваго кадет. корпуса, т. XX, 126.

Аргутинскіе-Долгорукіе, князья:

— Армянскій патріархъ. См. Іосифъ.

— Моисей Захаров., кавказскій герой, т. XX, 582.

Аргэйль, министръ, статсъ-секретарь Индіи, т. XXI, 66.

Ардишвили, Талханъ, переводчикъ кн. А. И. Гагарина, убитый кн. Конст. Дадешкиліани, т. XX, 72, 74, 75.

Арендтъ, Никол. Ѳедор., лейбъ-медикъ, т. XIX, 222; т. XX, 656.

Арина Лазаревна, мордовка, начальница хлыстовской общины, т. XXI, 58.

Аристовъ, Никол. Яков., стат. совѣт., историкъ, профессоръ и инспекторъ Нѣжин. историко-филологич. института, писатель (Н. Я. Вѣтвицкій), *прилож.* къ т. XXII, 7—10.

Аридтъ, Никол. Ѳедоров., лейбъ-медикъ и хирургъ, т. XXI, 342—344, 347.

Арно, французъ, учитель плаванія въ Петербургѣ, т. XX, 657.

Арнонъ, зальцбургскій архіепископъ, баварскій миссіонеръ, т. XIX, 610.

Арну, Софія, французская актриса и куртизанка. *Библіографическая замѣтка* объ изданной біографіи ея; т. XXII, 216.

д'Арсо, Жозефъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Современныя нескромности, интимныя воспоминанія; т. XIX, 715.

Арсеній:

— Епископъ ладожскій, ректоръ Петерб. духов. академіи, т. XX, майск. книжка, 13.

— Іеромонахъ нижегородскаго монастыря. *Замѣтка* о его могилѣ въ Верхнеудинскѣ; т. XIX, 726, 727.

— (Мацѣевичъ), ростовскій митрополитъ, впослѣд. міряниннъ Александръ, т. XIX, 726; т. XXII, 100.

Арсеньевы:

— А. В. *Библіографическая замѣтка его:* Пугачевъ и его сообщники—Н. Дубровина; т. XIX, 438—441.

— Вдова генерала, состоявшаго при Суворовѣ, т. XIX, 585.

— Констант. Ив., дѣйствит. стат. совѣт., профессоръ Петерб. университета, наставникъ императора Александра II, т. XX, 527.

Артаксерксъ, персидскій царь, т. XX, 16.

Артамоновъ, полковникъ генеральн. штаба, начальникъ вожатыхъ дѣйств. арміи, т. XXII, 69—71, 86, 87, 299, 302—304, 319, 320.

Артлебенъ, Никол. Андреев., архитекторъ-археологъ, редакторъ Владимір.

Губерн. Вѣдомостей, *прилож.* къ т. XXII, 10.

Артыновъ, Александ. Яков., крестьянинъ Ростов. у., хранитель рукописи о ростовской старинѣ, т. XX, 227; т. XXI, 622.

Архиповы, Стефанъ, діаконъ, и жена его Екатер. Ив.; могилы ихъ у церкви Ивана Предтечи въ Петербургѣ, т. XX, 673, 674.

Ассоновъ, А. И. *Буквенная подпись его;* т. XXI, 431.

Астафьевъ, Алексѣй Никол., комендантъ главной императорской квартиры, т. XX, 132—135.

Аткинсонъ, путешественникъ по Алтаю, т. XX, 616.

Афзулъ-ханъ, братъ афганскаго эмира Ширъ-Али-хана, т. XX, 406.

Ахматова, Елизав. Никол., издательница „Собранія русскихъ и переводныхъ романовъ“. *Письмо* къ ней Н. И. Пирогова; т. XX, 240, 241. *Замѣтка* по поводу статьи Скабичевскаго объ ея изданіяхъ; т. XX, 255, 256.

Ахметъ-Абдулъ, афганскій эмиръ, т. XX, 404.

Ачкинази, Михаилъ. *Библіографическая замѣтка* о статьѣ его о русской литературѣ въ 1884 году; т. XIX, 448.

Ашъ, баронъ, намѣревавшійся возвести И. И. Шувалова на престолъ, т. XXII, 449.

Аѳанасій, архимандритъ Троице-Сергіевой пустыни, т. XXI, 218.

Аѳанасьевъ, военный фельдшеръ, замученный польскими повстанцами, т. XIX, 722.

Б.

Баба-ханъ, тохтамышскій ханъ, т. XX, 394.

Бабковъ, полковникъ, начальникъ штаба, т. XIX, 127, 128.

Бабо, Альфредъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Путешественники по Франціи отъ эпохи возрожденія до Революціи; т. XIX, 454.

Бабстъ, Ив. Кондрат., профессоръ Москов. университета, политико-экономистъ, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 3.

Багратіонъ, княг. Екатер. Пав., рожд. гр. Скавронская. См. Гауденъ.

Багратіонъ-Мухранскій, князь, кутаисскій воен. губернаторъ, т. XX, 47, 57, 58.

Багровъ, Григор. Исаков., писатель. *Некрологъ его;* т. XXI, 220.

Бадендикъ, писатель. *Псевдонимъ его* (Остзейскій педагогъ); т. XXII, 487.

Бажановъ, Вас. Борис., докторъ богословія, протопресвитеръ, главн. священникъ гвард. корпуса, членъ св. синода, т. XXII, 247.

Базенъ, инженеръ-генералъ, директоръ института инженеровъ путей сообщенія, т. XXI, 342.

Байманосъ, владѣлецъ банкирской конторы въ Петербургѣ и издатель „Петербургскихъ Вѣдомостей“, т. XIX, 230.

Баклановъ, Яковъ Петр., генер.-лейтен. войска донскаго, дѣятель по усмиренію польск. мятежа, т. XXII, 633—635.

Бакмейстеръ, Гартвигъ-Людвигъ-Христіанъ, инспекторъ гимназіи Петерб. академіи наукъ, т. XXI, 25.

Бакунины:

— Ив. Мих., полковникъ, управляющій имѣніями В. П. Тургеневой, т. XXII, 60, 61.

— Васил. Мих., братъ предъидущаго, т. XXII, 61.

Балвановичъ, Яковъ Александр., дѣйствит. стат. совѣт., директоръ 1-й виленской гимназіи, т. XX, 232.

Балкъ, Матрена Ив., сестра камергера и фаворита Екатерины I, В. И. Монсъ, т. XXI, 187.

Бальцъ, Августъ, фрейбургскій профессоръ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его о циклопахъ; т. XXI, 203.

Банкрофтъ, Георгъ, американскій писатель. *Библіографическая замѣтка* о его Исторіи тихо-океанскихъ штатовъ Сѣверной Америки; т. XIX, 213.

Бантышъ - Каменскій, Никол. Никол., управляющій архивомъ коллегіи иностран. дѣлъ, писатель, т. XXII, 383.

Банъ, черногорскій архіепископъ. См. Митрофанъ.

Баптистъ, министръ Обѣихъ Сицилій, т. XXI, 169.

Барановскій, тифлисскій чиновникъ, т. XIX, 281.

Барановы:

— Графиня, статсъ-дама, т. XX, 24.

— Графъ, генералъ-адъютантъ, тверской губернаторъ, т. XIX, 132.

— Платонъ Ив., начальникъ петербургскаго сенатскаго архива. *Некрологъ его;* т. XIX, 464.

Баранцевъ, графъ, товарищъ генералъ-фельдцейхмейстера, т. XX, 28.

Барбарусъ, Гермолаусъ, венеціанскій гуманистъ, т. XXII, 145.

Барклай-де-Толли, кн. Мих. Богданов., русскій генералъ-фельдмаршалъ и военный министръ, т. XX, 16, 17, 22.

Баррасъ, гр. Павелъ-Францискъ-Николай, членъ Конвента, а потомъ Директо-

ріи, т. XIX, 173, 175, 425, 426; т. XX, 216.

Барсовы:

— Е. В., редакторъ „Чтеній въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ", т. XIX, 460, 718, 719.

— Ник. Ив., профессоръ Петербургской духовной академіи. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Исторія первобытной христіанской проповѣди до IV вѣка; т. XXII, 708—710.

Барсуковъ, Алекс. Плат. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка; т. XXII, 448, 449.

Бартоломей, Иванъ Алексѣев., полковникъ, нумизматъ, членъ Парижск. академіи наукъ и искусствъ, т. XX, 36—38, 64—76.

Бартусевичъ, Марія, польская поэтесса и новеллистка. *Некрологъ ея;* т. XXII, 482.

Барцеллоти, Джіакомо, профессоръ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Давидъ Ладзаретти изъ Арчидоссо"; т. XX, 702, 703.

Баршевъ, Серг. Ив., юристъ, профессоръ Москов. университета, писатель, *прилож.* къ т. XIX, 574; т. XXII, 10—12.

Барышниковъ, Н. П. *Сообщилъ* неизданное стихотвореніе Тургенева; т. XXII, 780. 781.

Барятинскіе, князья:

— Александ. Ив., генер.-фельдмар., намѣстникъ кавказскій. Воспоминанія объ немъ; т. XXII, 618—644. *Упомин.* т. XIX, 41, 47, 280—286, 498, 504; т. XX, 48—50, 54, 55, 59, 62—66, 69, 70, 343, 560, 563, 576, 586, 587, 594—596, 598, 599, 601—604, 716.

— Елизавета Дмитр., рожден. княж. Орбеліани, но 1-му браку Давыдова, т. XX, 598.

Басаія, крестьянинъ, зачинщикъ бунта въ с. Нахуну, въ Мингреліи, т. XX, 566—569.

Басистовъ, Пав. Ефимов., педагогъ, предсѣдатель учебнаго отдѣла Общества распростр. технич. знаній, писатель. *Прилож.* къ т. XXII, 12, 13. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 486.

Баторій-де-Сомліо, король польскій. См. Стефанъ.

Батурины:

— Подпоручикъ Ширванскаго полка, покушавшійся низложить съ престола Елисавету Петровну, т. XXII, 448, 449.

— Полковникъ, т. XIX, 597.

Батюшковъ, Помпей Никол., тайн. сов., быв. попечитель Виленскаго учебнаго округа. *Библіографическая замѣтка* объ изданіи его: Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ высочайшаго соизволенія; Холмская Русь (Люблинская и Сѣдлецкая губерніи); выпускъ седьмой; т. XX, 225, 226.

Бауманъ, Никол., генералъ-поручикъ, „гранатный мастеръ", т. XXI, 597—600.

Бахерахтъ, Гавріилъ, купецъ, кредиторъ писателя А. П. Сумарокова, т. XX, 447.

Бахметъ, татарскій мурза, родоначальникъ князей Мещерскихъ, т. XX, 13.

Бебутовъ, кн. Вас. Осипов., генералъ, герой Башкадыклара, т. XIX, 23, 24, 38, 268; т. XX, 89.

Бевега, А., псевдонимъ І. И. Паульсона, т. XXI, 431.

Бегбутъ-ханъ, правитель Келата, т. XX, 378.

Бедія, старинная фамилія мингрельскихъ дворянъ, т. XIX, 488.

Безакъ, Николай Павлов., т. XX, 579.

Безбородко, Александръ Андреевичъ, свѣтлѣйшій князь, дѣйствит. тайн. совѣт., государств. канцлеръ, т. XX, 16, 17, 104; т. XXI, 16, 252, 386, 444, 450, 451, 456, 460, 461, 464, 466, 468, 484, 509; т. XXII, 582, 683, 684.

Безобразовъ, Андрей, стольникъ, т. XXII, 207.

Безпаловы, Григорій и Николай, строители Вознесенской церкви въ Нижнемъ Новгородѣ, т. XXI, 594.

Безсоновъ, Александръ Степан., приближенный гр. А. А. Закревскаго, т. XX, 670.

Бейль, Генри, французскій писатель (Стендаль), т. XXI, 299.

Бектабеговъ, князь, генералъ, т. XX, 75.

Беллейрсъ, леди. *Библіографическая замѣтка* о соч. ея: „The Transvaal War"; т. XX, 700.

Бёлли, Шарлотта Ив. См. Кавелина.

Бельи. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Будетъ ли Индія русскою, или англійской", т. XX, 479.

Бёмеръ, Ф., писатель. *Буквенныя подписи его;* т. XXII, 486.

фонъ-Бемъ, Матвѣй Карпов., премьеръ-маіоръ, начальникъ Камчатки, т. XIX, 395, 397, 399, 401.

Бенаръ, Шарль, профессоръ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Всеобщая исторія древней философіи и ея системъ"; т. XXI, 631.

Беніотъ:

— Елизавета Никол., воспитательница малолѣтковъ 1-го кадетскаго корпуса, т. XX, 114.

— Марья Ив., воспитательница малолѣтковъ 1-го кадет. корпуса, т. XX, 113, 114.

Бенкендорфъ:

— Гр. Александръ Христофоров., генер.-адъют., шефъ корпуса жандармовъ, т. XX, 22, 363, 650, 661; т. XXI, 346, 347.

— Елизав. Ив., рожд. Францъ, т. XX, 661.

— Ив. Ив., бригадиръ, т. XX, 661.

Беннигсенъ, гр. Леонтій Леонтьев., генералъ-отъ-кавалеріи, т. XX, 22.

Бентковскій, Феликсъ, профессоръ историческихъ наукъ и библіотекарь Варшав. университета, т. XXI, 100.

Бентъ, Т., путешественникъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его о Цикладскихъ островахъ; т. XXI, 206.

Беранже, Пьеръ-Жанъ, французскій поэтъ. *Замѣтка* объ открытіи ему памятника; т. XXI, 638. 639.

Бергъ, гр. Ѳедоръ Ѳедоров., генералъ-фельдмаршалъ, намѣстникъ въ царствѣ Польскомъ, т. XX, 24.

Бернаби, Фредъ, англійскій полковникъ. *Библіографическая замѣтка* о вышедшемъ сочиненіи объ немъ; т. XXII, 214.

Бернадотъ, Жанъ-Батистъ-Жюль, французскій маршалъ, герцогъ зюдерманландскій. См. Карлъ XIII.

Бертолино, Франческо, профессоръ Миланскаго университета. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Исторія Италіи отъ древнѣйшихъ временъ до прекращенія свѣтской власти папъ"; т. XXI, 204.

Берхъ, подпоручикъ, сопровождавшій гр. М. Г. Головкина въ Сибирь, т. XXI, 118, 119.

Бередниковъ, Яковъ Ив., членъ академіи наукъ, т. XIX, 459, 460.

Березинъ, Илья Никол., дѣйствит. стат. совѣт., профессоръ Петерб. университета. *Библіографическая замѣтка* о его Новомъ Энциклопедическомъ словарѣ, вып. 1—4; т. XIX, 190—194. *Поправка* къ этой замѣткѣ; т. XIX, 472.

Берингъ, московскій полицеймейстеръ, т. XX, 496.

Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ, Жанъ-Генри, французскій писатель, т. XX, 198.

Бернаръ, Юлія-Аделаида. См. Рекамье.

Бернсъ, сэръ, англійскій посолъ въ Кабулѣ, т. XX, 406.

Бертолетъ, основатель „химической статики", т. XX, 191.

Бестужевъ, Александръ Александр. (Марлинскій), штабсъ-капитанъ, писатель. *Замѣтка* о встрѣчѣ его съ Пушкинымъ; т. XXII, 413, 414.

Бестужевы-Рюмины:

— Алексѣй Петр., генер.-фельдмар., государств. канцлеръ, т. XIX, 565, 566, 632.

— Анна Гавр., рожд. гр. Головкина, по первому браку Ягужинская, т. XXI, 126.

— Мих. Павл., подпоручикъ Полтав. пѣхотн. полка, декабристъ, т. XIX, 457.

— Мих. Петров., дѣйствит. тайный совѣтникъ, посланникъ въ Стокгольмѣ, впослѣд. въ Парижѣ, т. XXII, 140.

— Гр. Петръ Мих., тайный совѣтникъ, т. XX, 20.

Бибиковы:

— Александръ Ильичъ, генералъ-аншефъ, маршалъ законодательной коммиссіи, т. XXI, 10.

— Дмитр. Гаврил., генер.-адъют., кіевскій, подольскій и волынскій генер.-губернаторъ, впослѣд. министръ внутр. дѣлъ, т. XIX, 359, 728; т. XX, 469; т. XXI, 544, 547, 550—556.

Бидпаи (или **Пильпаи**), авторъ индійскихъ сказокъ. *Библіографическая замѣтка* о новомъ переводѣ его сказокъ на англійскій языкъ, т. XIX, 214.

Биллинскій, Михаилъ, францисканскій монахъ, впослѣд. послушникъ Кіево-Братскаго монастыря, т. XXI, 549.

Биль, Самюэль. *Библіографическая замѣтка* о переводѣ его на англійскій языкъ соч. Гіуэн-Изянга „Си-ю-ки: буддистскія извѣстія о западномъ мірѣ"; т. XX, 483.

Бильбасовъ, В. А., профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 339, 340, 589, 590.

Бинетти, венеціанка, танцовщица варшавскаго театра, т. XXI, 525.

фонъ-**Бисмаркъ-Шенгаузенъ**, Отто, германскій государств. канцлеръ. *Библіографическая замѣтка* о вышедшихъ біографіяхъ его; т. XX, 480, 481. *Упомин.* т. XX, 702.

Бицынъ, псевдонимъ писателя. См. Павловъ.

Бишофъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Богатства Тонкина"; т. XXI, 630.

Біо, или **Біотъ**, Жанъ-Батистъ, знаменитый французскій физикъ, т. XX, 191.

Біорнстіерна, графъ, шведскій посланникъ при лондонскомъ дворѣ, т. XX, 537—542.

Блаватская, Елена Петр. (Радда-Бай), т. XXII, 623.

Благовѣщенскій, В., псевдонимъ писателя. См. Копоровъ.

Благосвѣтловъ, Григ. Евлампіев., писатель и журналистъ, т. XXII, 415, 418.

Блiохъ, И. С., русскiй финансистъ, т. XX, 524—527, 529.
Блудовъ, гр. Дмитр. Никол., дѣйствит. тайн. совѣт., статсъ-секретарь, министръ внутрен. дѣлъ, а потомъ юстицiи, впослѣд. главноуправ. II отдѣленiемъ собст. Е. И. В. канцелярiи и предсѣдатель государств. совѣта, т. XX, 23; т. XXII, 57, 206, 207.
Блументростъ, Лаврентiй Лаврентьев., дѣйствит. стат. совѣт., лейбъ-медикъ Петра Великаго, т. XXI, 596, 598.
Бнинскiй, Андрей, епископъ познанскiй, т. XXI, 93.
Бобрецкiй, Никол. Вас., докторъ зоологiи, профессоръ Кiев. университета, т. XXII, 611, 614.
Бобринскiе, графы:
— **А. А.** *Замѣтка* о музеѣ его **въ м.** Смѣлѣ; т. XXII, 736, 737.
— **Алексѣй** Григ., генералъ-маiоръ, т. XX, 21.
Бобровъ, Андрей Петр., бригадиръ, экономъ перваго кадетскаго корпуса. *Замѣтка* къ портрету его; т. XIX, 80—85. *Упомин.* т. XX, 117—121, 128.
Бобровскiе:
— Генералъ-маiоръ, начальникъ военно-юридической академiи, т. XIX, 460.
— Писатель. *Подпись его;* т. XXII, 486.
Богарне:
— **Александръ,** виконтъ, французскiй генералъ, т. XX, 216.
— Евгенiй. См. это слово.
— Жена Людовика Бонапарте. См. Гортензiя.
— Марiя-Роза Ташеръ-де-ля Пажери. См. Жозефина.
Богатыновъ, Н., писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 483.
Богдановичъ, Модестъ Ив., генер.-лейт., членъ воен. совѣта, военный писатель, *прилож.* къ т. XXII, 13—16.
Богдановы:
— Е. П., русскiй купецъ въ Ригѣ, т. XIX, 346.
— Русскiй посолъ въ Бранденбургѣ, т. XX, 234.
— Хлыстовка, дочь дѣйствит. стат. совѣтника, т. XXI, 53.
Боголюбовъ, А. П., профессоръ, основатель Радищевскаго музея въ Саратовѣ. *Замѣтка* объ этомъ музеѣ; т. XXI, 633, 634.
Богомоловъ, И. С., архитекторъ, т. XXI, 421.
Бодуэнъ-де-Куртенэ, Ив. Александр., докторъ сравнит. языков., профессоръ Дерпт. университета, т. XXII, 591, 592.
Боджскiй, Осипъ Максим., профессоръ Москов. университета, т. XIX, 209; т. XXI, 200.
Божеряновъ, И. Н. *Замѣтка его:* Выборгская старина; т. XXII, 422—428.
де-**Бонеръ,** виконтъ. *Библiографическая замѣтка* о соч. его: „Неравный бракъ въ Брауншвейгскомъ домѣ“; т. XX, 700, 701.
Бокль, Д. Е., главный редакторъ „Times“. *Замѣтка* о столѣтнемъ юбилеѣ этой газеты; т. XIX, 719, 720.
фонъ-**Бокъ,** А. Р., профессоръ скульптуры Петерб. академiи художествъ, т. XXI, 215.
Болдановъ, И. М. *Библiографическая замѣтка* о соч. его: Итальянская литература въ средние вѣка, помѣщенномъ въ XVI выпускѣ Всеобщей исторiи литературы; т. XX, 223, 224.
Болховскiе, русскiй княжескiй родъ, т. XX, 15.
Болозъ-Антоневичъ, Николай, польскiй поэтъ. *Некрологъ его;* т. XXI, 424.
фонъ-**Боль,** В. Г. *Сообщилъ* Дополненiе къ словарю псевдонимовъ; т. XXI, 431, 432. *Буквенная подпись его,* т. XXI, 431.
Большаковъ, московскiй торговецъ, т. XIX, 405.
Бонапарты, французская династiя. См. Жеромъ-Наполеонъ, Iосифъ, Луцiанъ, Людовикъ и Наполеонъ I.
Бонвало, Габрiель. *Библiографическая замѣтка* о соч. его: Въ центральной Азiи; отъ Когистана до Каспiя; т. XXII, 458, 459.
Боннаръ, французскiй писатель. *Библiографическая замѣтка* о соч. его: Паденiе республики; Венецiя по секретнымъ архивамъ; т. XXII, 460.
Бонштедтъ, Людвигъ, профессоръ архитектуры. *Некрологъ его;* т. XIX, 465.
Борисовъ, Иванъ, архiепископъ. См. Иннокентiй.
Борисъ Владимiровичъ, удѣльный князь ростовскiй, св. мученикъ, т. XXII, 507.
Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, царь московскiй, т. XIX, 8, 10, 689; т. XXII, 240.
Боровскiе:
— Профессоръ Вилен. университета, т. XXI, 147, 148.
— Русскiй княжескiй родъ, т. XX, 13.
Бородинъ, генералъ-маiоръ, директоръ новгород. кадет. корпуса, т. XIX, 363.
Бороздины:
— А. К. *Библiографическiя замѣтки его:* Земскiе соборы древней Руси, ихъ исторiя и организацiя сравнительно съ западо-европейскими представительными учрежденiями—В. Н. Латкина; т. XXII, 445—448. Тяжелая память прошлаго; раз-

сказы изъ дѣлъ тайной канцеляріи и др. архивовъ—Г. В. Есипова; т. XXII, 453, 454. Исторія первобытной христіанской проповѣди — Николая Барсова, до IV вѣка; т. XXII, 708—710. О московском соборѣ 1681—1682 года; опытъ историческаго изслѣдованія Григорія Воробьева; т. XXII, 713—715. Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ — Д. Цвѣтаева; т. XXII, 716, 717. Введеніе въ общее языкознаніе А. Ф. Потта, въ русскомъ переводѣ; т. XXII, 719.

— Александръ Петров., управляющій архангельскими удѣльными имѣніями, т. XX, 560; т. XXI, 340—347.

— Анна Вас., рожд. Львова, т. XXI, 340.

— Корнилій Александр. *Статьи его:* Упраздненіе двухъ автономій; отрывокъ изъ воспоминаній о Закавказьѣ; т. XIX, 12—47, 258—287, 484—510; т. XX, 32—76, 333—371, 559—606. Платокъ и перчатка цесаревны; т. XXII, 646—655. *Замѣтки его:* Князь Чиковани въ Тамбовѣ; т. XX, 716, 717. Анекдотъ о ботвиньѣ; т. XXI, 223, 224. Къ характеристикѣ императора Николая I; т. XXI, 340—347.

— Марья Андреев., по 1 браку Поджіо. См. кн. Гагарина.

— Петръ Александр., кондукторъ института инженеровъ путей сообщенiй, т. XXI, 340—347.

Бессе, камергеръ Наполеона I, т. XX, 216, 217.

Бетта, Г. и Л., братья, скульпторы, т. XXI, 217.

Беульдиеръ, Деметрій. *Библіографическая замѣтка* объ изданіи его: „Центрально-азіатскіе вопросы"; т. XXI, 626, 627.

Боэльдье, Адріенъ, французскій композиторъ, т. XIX, 182.

Боярвинъ, старшій чиновникъ особыхъ порученій московск. генер.-губернатора, т. XIX, 574.

Брагадинъ, сенаторъ, спасенный отъ смерти Казановой, т. XXI, 302—304.

фонъ-**Брадке**, тайн. совѣтн., директоръ департамента сельскаго хозяйства, т. XX, 660.

Брайдонъ, англійскій докторъ въ Кабулѣ, т. XX, 406.

Браницкіе, графы:

— Александра Вас., рожден. Энгельгардтъ, т. XX, 99, 100.

— Ксаверій, гетманъ, т. XXI, 350.

— Полковникъ польскаго уланскаго полка, т. XXI, 525.

— Супруга гр. Киселева, т. XX, 656.

Брасхаторисъ, Янъ, инквизиторъ вроцлавскій, т. XXI, 98.

Браунталь, Августъ Өедор., учитель въ домѣ московскаго помѣщика И. П. Шейна, т. XX, 150—152.

Бремъ, Альфредъ-Эмануилъ, естествоиспытатель и путешественникъ. *Некрологъ его;* т. XIX, 227.

Бригенцій, италіанскій механикъ, строитель царскосельскаго театра, т. XXI, 310.

Бриннеръ, Алекс. Густавов., дѣйствит. стат. совѣтн., профессоръ Дерпт. университета. *Статьи его:* Къ исторіи цѣнъ въ Россіи въ XVII вѣкѣ; т. XX, 259—280. Путешествіе Екатерины II въ Крымъ; т. XXI, 5—23, 242—264, 444—509. *Библіографическая замѣтка его:* Великая княгиня Екатерина Алексѣевна до ея самодержавія 1729—1761 г.г.; историческій очеркъ — П. Дирина; т. XX, 463—466.

Брискоринъ, Өедоръ Максим., статсъ-секретарь, т. XXII, 158—159.

Бритые-Бычковы, ростовскіе князья, т. XX, 227.

Бріандъ, гувернантка дѣтей царевича Алексѣя Петровича. *Замѣтка объ ней;* т. XXII, 473, 474.

Бродрибба, Джонъ Генри, англійскій актеръ (Ирвингъ). *Статья* объ немъ; т. XXII, 688—694.

Бродскій, Константинъ, префектъ Москов. духов. академіи, т. XXII, 382.

Брокъ, Петръ Өедоров., статсъ-секретарь, министръ финансовъ, т. XX, 527.

Бройли, авторъ соч. Фенелонъ въ Камбре. *Библіографическая замѣтка* объ этомъ сочиненіи; т. XIX, 215, 216.

Броунъ, лифляндскій генералъ-губернаторъ, т. XXI, 10.

Бругшъ, Генрихъ, археологъ. *Библіографическія замѣтки* о соч. его: „Религія и миөологія древнихъ египтянъ"; т. XX, 481, 482; т. XXII, 464.

Брунновъ, гр. Эрнстъ-Филиппъ Иванов., русскій посолъ при великобританскомъ дворѣ, т. XX, 23.

Брунъ, баронъ, тайн. совѣт., статсъ-секретарь по дѣламъ княжества Финляндскаго, т. XX, 30.

Бруно, Джіордано, итальянскій доминиканскій монахъ, философъ, пантеистъ. *Замѣтка* о постановкѣ ему памятника; т. XX, 248.

де-**Брюнъ**, Корнелій, художникъ, т. XX, 265.

Брюлловы:

— Павелъ Александр., художникъ, т. XX, іюньск. книжка, 3.

— Софья Констант., рожд. Кавелина, т. XX, іюньск. книжка, 3.

Брюне, Маргарита (Монтансье, Невилль), основательница и директриса многихъ французскихъ театровъ, т. XIX, 666—668.

Брюсъ, графы:

— **Александръ** Романов., ген.-маіоръ, т. XX, 20.

— Яковъ Вилимов., генералъ-фельдцейхмейстеръ, генер.-фельдмар., сенаторъ, т. XX, 20.

Брянчаниновъ, епископъ костромской. См. Игнатій.

Будиловичи:

— Александ. Сем., холмскій протоіерей, т. XX, 225.

— Антонъ Сем., докторъ славянской филологіи, профессоръ Варшав. университета. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ подъ его редакціей Меѳодіевскомъ юбилейномъ сборникѣ, т. XXI, 396—398. *Упомин.* т. XX, 709.

Бузинелло, Маркъ-Антоній, инквизиторскій секретарь, т. XXI, 530, 531.

Буйзуевъ, Каймашъ, алтайскій зайсанъ, пріѣзжавшій въ Петербургъ, т. XX, 626—628.

Буксгевденъ:

— Гр. Ѳедоръ Ѳедор., генер.-лейтен., т. XX, 21.

— Екатерина. См. Татаринова.

Булавинъ, Кондратій Аѳанасьев., бунтовщикъ, т. XIX, 434, 435.

Булгаковъ-Голица, князь, бывшій въ тридцатилѣтнемъ плѣну въ Польшѣ, т. XXII, 239, 241.

Булгаковы:

— Мих. Петр. См. Макарій.

— Яковъ Ив., дѣйствит. стат. совѣт., посолъ въ Константинополѣ, впослѣдствіи вилен. и гродиен. губернаторъ, литераторъ, т. XXI, 486, 487.

— Ѳедоръ Ильичъ. *Статьи его:* Литературная неразборчивость; т. XIX, 138—144. Историческіе подлоги; т. XIX, 402—412. Коронованные братья Наполеона I; т. XXI, 355—380. Фридрихъ Великій по мемуарамъ Катта; т. XXI, 602—612. Невинная жертва революціи (1785—1795 гг.); т. XXII, 190—198. *Библіографическія замѣтки его:* Исторія искусствъ П. Гнѣдича, изд. А. Ф. Маркса; т. XX, 218—223. Поэтъ-намѣстникъ—графа Саліаса; т. XXII, 451—453. *Сообщилъ* некрологъ Н. В. Калачова; т. XXII, въ концѣ декабр. книжки, 1—4.

Булгаринъ, Ѳаддей Венедиктов., литераторъ и журналистъ, т. XX, 462.

Буле-де-ла-Мёртъ, графъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Директорія и египетская экспедиція; т. XXII, 459.

Бульe, Огюстъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Король и заговорщикъ; Викторъ Эмануилъ и Мадзини; ихъ тайныя сношенія и политика; т. XXII, 461.

Бунге, Никол. Христіанов., тайн. совѣт., ректоръ Кіев. универ., впослѣд. членъ государст. совѣта, министръ финансовъ, т. XXII, 593, 594, 596, 600.

Бурдуковъ, иркутскій епископъ. См. Михаилъ.

Бурелли, полковникъ. *Библіографическая замѣтка* объ изданной имъ біографіи маршала Фабера; т. XX, 237.

Буренинъ, Констант. Петр., преподаватель IV москов. гимназіи, составитель математическ. учебниковъ, *прилож.* къ т. XXII, 16.

Бурмейстеръ, генер.-лейтен., кронштадт. комендантъ, т. XIX, 364—367.

Бутаковъ, Григ. Ив., адмиралъ, членъ государств. совѣта, *прилож.* къ т. XXII, 16, 17.

Бутковъ, Владим. Петр., дѣйствит. тайн. совѣт., статсъ-секретарь, членъ государственнаго совѣта, т. XX, 579, 601.

Бутурлины:

— Гр. Александръ Борис., генералъ-фельдмаршалъ, т. XX, 21.

— Гр. Елизав. Петр. См. Дивова.

— Гр. Прасковья Ив. См. гр. Строганова.

— Ф. Г., устюжскій воевода, т. XXI, 193.

Бушманъ, Эдуардъ, ученый, сотрудникъ Карла-Вильгел. Гумбольдта, т. XXI, 39.

Быстрицкій, поручикъ, декабристъ, т. XIX, 457.

Быстряковъ, Алексѣй Артамон., причетникъ с. Подберезья, Новгородскаго у., т. XXI, 569.

Быховецъ, Степанъ Антонов., дѣйствит. стат. совѣт., нижегород. губернаторъ, т. XIX, 470.

Бычковъ, Ѳед. Аѳан. *Сообщилъ:* Приказъ о порядкѣ занятія мѣстъ въ дворцовомъ театрѣ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, 1754 года; т. XXI, 416. Письмо А. П. Ермолова къ А. Е. Врангелю; т. XXII, 732. Замѣтки: Землетрясеніе въ Петербургѣ, въ 1838 году; т. XXII, 219—221. Гувернантка императора Петра II; т. XXII, 473, 474. *Упомин.* т. XIX, 460; т. XX, 244.

Бычковъ-Ростовскій, Ѳ. А., потомокъ князей Ростовскихъ, т. XXI, 624.

Бѣлецкій, Никол. Ѳедор., доцентъ Харьков. университета, *прилож.* къ т. XXII, 17.

Бѣлиновъ, поручикъ болгарской арміи, т. XX, 488.

Бѣлинскій, Виссаріонъ Григор., критикъ, т. XX, іюньск. книжка, 2; т. XXI, 76; т. XXII, 730.

Бѣловъ, И. Д., писатель. *Статья его:* Народный умъ въ пословицахъ и поговоркахъ; т. XIX, 375—384. *Замѣтки его:* Къ исторіи нашей журналистики; т. XIX, 456—458. Разсказъ объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ; т. XX, 485, 486. По поводу сочиненій графини Ростопчиной, т. XX, 495, 496. Къ исторіи солдатства; т. XXI, 427—429. *Библіографическія замѣтки его:* Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Выпускъ 3-й. Изслѣдованіе И. И. Дубасова; т. XIX, 433—436. Приложеніе къ изслѣдованію „Земскіе соборы древней Руси"; матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII столѣтія,—Василія Латкина; т. XXI, 189—193. Учебникъ исторіи; профессора А. Трачевскаго; съ указателемъ и хронологическою таблицею; Русская исторія; т. XXI, 391—396.

Бѣлосельскіе, русскій княжескій родъ, т. XX, 13.

Бѣльскій, Богданъ Яковлев., окольничій, любимецъ Ивана Грознаго, впослѣд. казанскій воевода, т. XXII, 240.

Бѣлявскій, кутаисскій губернаторъ, т. XIX, 15.

Бэконсфильдъ, гр. Веніаминъ (Дизраели), виконтъ Югендъ, англійскій государственный человѣкъ, писатель. *Библіографическая замѣтка* о его домашнихъ письмахъ; т. XXI, 206. *Упомин.* т. XX, 555.

Бэконъ, лордъ-канцлеръ, философъ и писатель. *Библіографическая замѣтка* о вышедшемъ сочиненіи о немъ; т. XXI, 413.

В.

Вагенеръ, русскій государственный человѣкъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Политика Фридриха-Вильгельма IV" и „Пережитое"; т. XXI, 632.

Вагнеръ, Н. П., профессоръ Казан. университета, т. XXII, 329.

Вадбольскіе, князья:

— Александръ Петр., т. XX, 443.

— Екатер. Александр. *Сообщила* матеріалы для біографіи А. П. Сумарокова; т. XX, 442—447.

— П., т. XX, 443.

— Елизавета Антонов., рожд. гр. Головина, т. XX, 443.

Вансель, Валер. Никол. *Сообщилъ* портретъ А. П. Боброва; т. XIX, 80—85.

Валихановъ, Чеканъ Чингисовичъ, киргизскій тюра. *Замѣтка* о постановкѣ памятника на его могилѣ; т. XXI, 421.

Валлесъ, Жюль, французскій журналистъ. *Некрологъ его;* т. XX, 711, 712.

Валуевы:

— Александръ Алексѣев., т. XXI, 342.

— Гр. Петръ Александр., дѣйствит. тайн. совѣт., статсъ-секретарь, министръ внутр. дѣлъ, впослѣд. государств. имуществъ и предсѣдатель комит. министровъ, т. XX, 23.

Вальтеръ:

— Джонъ (отецъ), англійскій коммерсантъ, основатель газеты „Times". *Замѣтка* о столѣтнемъ юбилеѣ этой газеты; т. XIX, 719, 720.

— Джонъ (сынъ), главный редакторъ газеты „Times", членъ палаты общинъ, т. XIX, 720.

— Пасторъ—землевладѣлецъ, подвергшійся нападенію разбойничей шайки Тришки, т. XXI, 275.

— Профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 601.

Вамбери, Арминій, мадьярскій писатель. *Библіографическія замѣтки* о статьѣ его: Завоюетъ ли Россія Индію? т. XIX, 447, 448, 708, 709.

Ваннура, помощникъ директора императорскихъ театровъ, т. XXI, 336.

Варвинъ, псевдонимъ писателя. См. Ростиславлевъ.

Василій (Гавріилъ) II Ивановичъ, великій князь московскій, въ иночествѣ Варлаамъ, т. XXII, 239.

Василій Ивановичъ Шуйскій, царь московскій, т. XXII, 241.

Васильевскій, Вас. Григ., профессоръ Петерб. университета, т. XIX, 461.

Васильевы:

— Александръ Вас., магистръ математики, профессоръ Казан. университета, т. XX, 707.

— А. *Библіографическая замѣтка* о переводѣ его: Введеніе въ общее языкознаніе—А. Ф. Потта; т. XXII, 719.

— Гр. Алексѣй Ив., тайн. совѣт., государств. казначей, т. XX, 22, 29.

— Іосифъ Вас., протоіерей парижской церкви, предсѣдатель учебнаго комитета при св. синодѣ, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 3.

— П. В., актеръ петерб. театра, т. XXI, 83.

— Чиновникъ кутаисскаго губернатора Н. П. Колюбакина, т. XX, 579, 580.

Васильчиковы, князья:

— Александръ Иллар., предсѣдатель новгород. земской управы, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 3.

— Екатерина Алексѣев., рожд. княж. Щербатова, т. XX, 292—298.
— Илларіонъ Вас., генер.-адъют., предсѣдатель государств. совѣта, т. XX, 17, 22.
Вахтангъ VI, царь грузинскій, т. XX, 14.
Вацлавъ, инквизиторъ вроцлавскій, т. XXI, 92.
Вашингтонъ, Георг., основатель сѣверо-американской независимости, президентъ и полководецъ Сѣверо-Америк. соедин. штатовъ, т. XXI, 28.
Веберъ, англійскій геодезистъ, т. XIX, 395.
Веймарнъ, Ив. Ив., генералъ-поручикъ, т. XIX, 587.

Веймеръ:

— Жоржъ, капельмейстеръ странствующей труппы актеровъ, т. XIX, 671.
— Маргарита, французская актриса (Жоржъ), т. XIX, 672—675.
Вейнбергъ, Я., писатель. *Буквенная подпись его*; т. XXII, 486.
фонъ-**Вейсгенфенъ**, Іосифъ Антонов., издатель первой астраханской газеты. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ сочиненіи о немъ; т. XXI, 616—618.
Великогагины, угасшій княжескій родъ, т. XX, 10.
Великодворскій, Петръ, раскольникъ. См. Павелъ.
Великопермскіе, русскій княжескій родъ, т. XX, 15.
Величковскій, писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 486.
Веллингтонъ, Артуръ Веллеслей, герцогъ, князь ватерлооскій, англійскій главнокомандующій, потомъ первый лордъ-казначей, т. XXI, 223, 224.
Вельо, баронъ, придворный банкиръ въ Петербургѣ, т. XX, 29.
Вербицкій, начальникъ Алтайской духовной миссіи, т. XX, 640.
Веригинъ, И. А., петербургскій мировой судья, т. XIX, 98.
Верне, Орасъ, французскій батальный живописецъ, т. XIX, 363.
Вернеръ. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ имъ описаніи путешествія Р. и А. Шлагинтвейтовъ по Тибету; т. XIX, 452, 453.
Верховскій, Ив. Тимоѳ., единовѣрческій священникъ, т. XXII, 510, 511, 715.
Верцинскій, маіоръ островскаго пѣхотнаго полка, т. XIX, 327—329, 332—340.
Веселевская, или **Веселовская**, воспитательница императрицы Екатерины I, т. XIX, 244, 245.

Веселовскіе:

— Гр., писатель. *Подпись его;* т. XXII, 486.
— Н. И. *Сообщилъ* замѣтку: Колоколъ раздора; т. XIX, 455, 456.
— Ѳ., писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 486.
Веснинъ, Л. П. *Буквенная подпись его*, т. XXI, 432.
Вессель, Н. Х. *Статьи его:* Британская имперія въ Индіи; т. XX, 535—558. Стратегія и торговля; т. XXI, 64—71.
Вестрисъ, Марія-Роза Гурго-Дюгазонъ, французская актриса, т. XIX, 665.
Виклефъ, Джонъ, церковный реформаторъ, основатель англиканской церкви. *Замѣтка* о пятисотлѣтнемъ юбилеѣ его; т. XIX, 462.
Викторинъ (Викторъ Любимовъ), епископъ подольскій и брацлавскій, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 17, 18.
Викторія I (Александрина), королева Великобританіи и Ирландіи, императрица Индіи. *Библіографическая замѣтка* о вышедшемъ сочиненіи объ ней Гревилля; т. XXII, 721, 722.
Викторъ-Эммануилъ, италіанскій король. *Библіографическая замѣтка* о сочиненіи: Король и заговорщикъ; т. XXII, 461.
Вилліе, баронетъ, Яковъ Васильев., дѣйств. тайн. совѣт., лейбъ-хирургъ, т. XIX, 350.
Виндингъ, Валер. Виктор., секретарь совѣта Кіев. университета, т. XXII, 612, 613.
Винкельманъ, авторъ соч. Исторія англосаксовъ до смерти короля Альфреда. *Библіографическая замѣтка* объ этомъ сочиненіи; т. XIX, 218.
Виноградовъ, И. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Методика исторіи по Крюгеру; т. XXII, 717—719.
Винольсъ, баронъ, членъ французскаго національнаго собранія. *Библіографическая замѣтка* о политическихъ мемуарахъ его; т. XX, 483, 484.
Виньеръ, парижскій торговецъ гравюръ, т. XIX, 471.
Висковатый, Пав. Александр., профессоръ Дерпт. университета. *Статья его:* Рѣчка смерти; эпизодъ изъ кавказской жизни М. Ю. Лермонтова; т. XIX, 473—483. *Замѣтка его:* Отвѣтъ „штатскаго“ писателя „военному“ писателю; т. XX, 712—716.
Виславъ, куявскій римско-католическій епископъ, т. XXI, 90.
Виталій (В. В. Гречулевичъ), епископъ могилевскій и мстиславскій. *Некрологъ его*; т. XXI, 220.

Виткофъ, петербургскій акушеръ, гофъ-медикъ, т. XXII, 652—655.

Витсенъ, Николай, голландецъ, собравшій свѣдѣнія о языкахъ Азіи, т. XXI, 25.

Витте:

— Екатер. Андреев., рожд. Фадеева, т. XXII, 623.

— Сергѣй и Борисъ, т. XXII, 624.

— Штабсъ-капитанъ, ученый лѣсничій, т. XX, 663.

— Ю. Ф., кавказскій дѣятель, т. XXII, 623.

де-**Виттъ**, Пьеръ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Людвигъ де Гееръ"; т. XX, 701.

Вихингъ, викарій славянскаго первоучителя Меѳодія, впослѣд. канцлеръ Нѣмецкой имперіи, т. XIX, 615.

Вишневецкій, кн. Іеремія Михайл., воевода русскій, староста перемышльскій, каневскій и праснышскій, т. XXI, 230.

Вишняковъ, Н., священникъ петерб. Волковскаго кладбища. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ имъ историко - статистическомъ описаніи сего кладбища; т. XIX, 444, 445.

Віардо, Полина, рожд. Гарсіа, французская пѣвица, другъ И. С. Тургенева, т. XXII, 58—60.

Віельгорскій, гр. Матвѣй Юрьев., шталмейстеръ двора вел. княж. Маріи Николаевны, т. XIX, 364, 367—369.

Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, великій князь кіевскій, т. XXII, 491, 494, 507.

Владиміръ Глѣбовичъ, переяславскій князь, т. XXII, 492, 494.

Владиславъ:

— I (или IV) **Локетекъ**, польскій король, т. XXI, 90, 91.

— II (или V) **Ягелло**, польскій король, т. XXI, 99.

— IV (VII), польскій король, т. XXI, 230—240; т. XXII, 567.

де-**Вогюэ**, Мельхіоръ, французскій писатель, т. XXII, 211.

Воденюкъ, Пав. Ерофеев., преподаватель 3-й петерб. гимназіи. *Некрологъ его;* т. XXII, 738, 739.

Возжинскій, Никита Андреев., слуга Петра Великаго и любимецъ Елисаветы Петровны, т. XXII, 409.

Вокленъ, Луи-Николя, профессоръ химіи парижскаго медицинскаго факультета, изобрѣтатель хрома, т. XX, 191.

Волковы:

— А. А., правитель Рязанскаго намѣстничества, т. XIX, 224.

— Дмитр. Вас., тайный секретарь совѣта при Петрѣ III, впослѣд. оренбургскій губернаторъ, т. XIX, 628.

— Е. С., подпись его, т. XXI, 432.

— Мих. Гаврил., профессоръ Петерб. университета, т. XIX, 460.

— Ѳедоръ Григор., первый русскій актеръ, т. XXI, 310, 314.

Волконскіе:

— Кн. Петръ Мих., свѣтлѣйшій князь, генералъ-фельдмаршалъ, министръ императорскаго двора, т. XIX, 350; т. XX, 25.

— Кн. Ѳедоръ Ѳедор., окольничій, т. XXI, 191.

— Мих. Никит., ген.-поручикъ, главнокомандующій въ Польшѣ, а потомъ въ Москвѣ, т. XXII, 671—675, 677.

— Псевдонимъ Л. Ѳ. Де-Роберти, т. XXI, 431.

Волкъ-Ланевскіе, дѣвицы, вышедшія замужъ за командировъ Гренадерскаго саперцаго баталіона: Малофѣева, Дена и Капеля, т. XXI, 266.

Волошениновъ, дьякъ, посолъ въ Польшу, т. XXI, 232—240.

Волошиновичи:

— Еразмъ, священникъ села Борщовки, Кіев. губ. т. XXI, 548.

— Лаврентій, священникъ с. Немиринецъ, Бердичев. у., т. XXI, 544.

Волынскій, Артемій Петров., оберъ-егермейстеръ и кабинетъ-министръ. *Замѣтка* объ устройствѣ памятника на его могилѣ; т. XXII, 477. *Упомин.* т. XXI, 188.

Вольне, гр. Константинъ-Франсуа Шасбефъ, французскій писатель и путешественникъ, т. XX, 193; т. XXI, 88.

Вольта, гр. Александръ, изобрѣтатель многихъ физическихъ приборовъ, т. XX, 191.

де-**Вольтеръ**, Франсуа-Мари-Аруэ, французскій писатель и энциклопедистъ. *Замѣтка* объ открытіи ему памятника; т. XXI, 638, 639. *Упомин.* т. XX, 210; т. XXI, 419, 524, 539, 610, 611.

Вольфъ, Александръ Маврик., книгопродавецъ и издатель. *Замѣтка* для него; т. XX, 257, 258.

Воробьевъ, Григорій. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: О московскомъ соборѣ 1681—1683 г.; т. XXII, 713—715.

Воронецкіе, русскій княжескій родъ, т. XX, 12.

Воронихины:

— Андрей Никифор., профессоръ, строитель петерб. Казанскаго собора. *Замѣтка* къ біографіи его; т. XX, 251—254.

— Константъ. Андреев., т. XX, 253.
— Марья Өедоров., рожд. Лондъ, т. XX, 252, 253.
— Н. В. *Сообщилъ* замѣтку къ біографіи А. Н. Ворониxина; т. XX, 251—254.
— Никиф. Степ., канцеляристъ, т. XX, 252, 253.
— Пелагея Ив., т. XX, 252.

Воронцовы:

— Воспитательница малолѣтковъ 1-го кадет. корпуса, т. XX, 114.
— Гр. Александръ Роман., государств. канцлеръ, т. XIX, 632; т. XXI, 456; т. XXII, 711—713.
— Гр. Анна Карлов., рожд. Скавронская, оберъ-гофмейстерина, т. XIX, 557—560, 562—572.
— Гр. Анна Мих. См. гр. Строганова.
— Гр. Мих. Илларіон., дѣйствит. тайн. совѣт., государств. канцлеръ, т. XIX, 564—572; т. XX, 83, 104.
— Гр. Семенъ Роман., полномочный посолъ при великобританскомъ дворѣ, т. XX, 107; т. XXI, 251.
— Екатер. Романов. См. Дашкова.
— Мих. Семен., свѣтлѣйшій князь, фельдмаршалъ, кавказскій намѣстникъ, т. XIX, 15, 44, 265, 454, 455; т. XX, 17, 35, 36, 39, 49—53, 65, 336, 343, 364, 560, 579, 659, 718.
— Семенъ Мих., свѣтлѣйшій князь, генер.-адъют., одесскій городской голова. *Библіографическая замѣтка:* Архивъ князя Воронцова, книга 31; т. XXII, 711—713. *Упом. прилож.* къ т. XXII, 18.
Воронцовы-Дашковы, русскій княжескій домъ, т. XX, 10.
Ворцель, польскій помѣщикъ, т. XIX, 601.
Воскобойниковъ, Никол. Никол., инженеръ, писатель, сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей", *прилож.* къ т. XXII, 18, 19.

Врангель:

— Александ. Евстаф., баронъ, генер.-адъютантъ, главнокоманд. въ Прикаспійск. краѣ. *Письмо* къ нему А. П. Ермолова; т. XXII, 732.
— Рижскій комендантъ, т. XIX, 349.
Вреде, княжескій родъ, т. XX, 18.
Вронченко, гр., министръ финансовъ, т. XX, 28.
Врублевская, Текля, польская бездарная писательница, т. XXI, 147.
Врэнь-Лука, фабрикантъ подложныхъ автографовъ, т. XIX, 408—411.
Всеволодъ Георгіевичъ, великій князь владимірскій, т. XIX, 223.
Всеволодъ Константиновичъ, переяславскій князь, т. XXII, 494.
Всеволодъ Мстиславичъ, переяславскій князь, т. XXII, 492.
Всеволодъ Святославичъ Черный, князь черниговскій, т. XXII, 494.
Всеволодъ Юрьевичъ, суздальскій князь, т. XXII, 494.
Всеволодъ Ярославовичъ, великій князь кіевскій, т. XXII, 491, 507.

Всеволожскіе:

— Русскій дворянскій родъ, т. XX, 11.
— Всев. Андреев., дѣйствительный камергеръ, т. XXI, 333.
В—скій, А. М., кіевскій протоіерей; извлеченія изъ оставшихся послѣ его смерти бумагъ; т. XXI, 541—556.
Вуколовъ, Іосифъ Захарьев., священникъ Ливенской пещеры, Орловск. губ., т. XXI, 133, 134.
Вулисма, настоятель греческой церкви въ Одессѣ, впослѣд. архіепископъ керкирскій, т. XIX, 223, 224.
Выгодчиковъ, мичманъ 1 флотскаго экипажа, т. XIX, 365, 366.
Выдобскій, Алексѣй Львов., премьеръ-маіоръ, боровичскій городничій, т. XIX, 591.
Высоцкій, архимандритъ. См. Авраамъ.
Вѣтвицкій, Н. Я., писатель. См. Аристовъ.

Вяземскіе, князья:

— Русскій княжескій родъ, т. XX, 12.
— Александръ Алексѣев., дѣйствит. тайн. совѣт., генералъ-прокуроръ, т. XIX, 390; т. XXI, 11, 450; т. XXII, 451, 452.
— Пав. Петр., гофмейстеръ, предсѣдатель Общества любителей древней письменности, т. XX, 245; т. XXI, 420.
Вязьмитиновъ, гр. Сергій Козьм., генералъ-отъ-инфантеріи, сенаторъ, почетный членъ россійской академіи, т. XX, 22.

Г.

Габуніа:

— Мингрельская фамилія, т. XX, 358.
— Епископъ мингрельскій. См. Өеофанъ.
— Константинъ Михайлов., т. XX, 358.
Гаварни (Поль Шевалье), французскій рисовальщикъ и каррикатуристъ, т. XIX, 404, 405.
Гавріилъ, одесскій епископъ, т. XIX, 455, 456.

Гагарины, князья:

— Александр. Ив., кутаисскій ген.-губернаторъ, т. XIX, 18, 47, 276 — 278,

280—286, 491, 498, 499, 504—506, 508; т. XX, 32, 50, 52—76.
— Анастасія Давид., рожд. княж. Орбеліани, т. XX, 50, 53.
— Ив. Серг., монахъ іезуитскаго ордена, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 19.
— Марья Андреев., урожд. Бороздина, по первому браку Поджіо, т. XX, 50.
— Матв. Петров., сибирскій губернаторъ, т. XXII, 200, 201.
Гагерть, Карлъ, нѣмецкій писатель. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Мертвые и живые; т. XIX, 452.
Гагеръ, вѣнскій ученый, т. XXI, 37.
Гай, Людвигъ, хорватскій писатель. *Замѣтка* о пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ основанной имъ газеты „Danica"; т. XIX, 463.
Галатери, графъ, полковникъ, т. XX, 42.
Галафѣевъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ отряда на Кавказѣ, т. XIX, 473—476, 480.
Галаховы:
— А. Д., писатель. *Псевдонимъ его* (Сто одинъ); т. XXI, 432.
— Александ. Мих., генералъ-маіоръ, петербургскій оберъ-полицеймейстеръ, т. XXII, 646—649, 654, 655.
Галкинъ-Врасскій, М. Н., предсѣдатель главнаго тюрем. управленія и Прибалтійскаго православ. братства. *Сообщилъ* историческія свѣдѣнія о свято-духовскомъ православномъ храмѣ въ Якобштадтѣ; т. XX, 184—189.
Галль, Францъ-Іосифъ, вѣнскій врачъ, основатель френологіи, т. XX, 192.
Гамалеи:
— Мих., врачъ, т. XX, 660, 661.
— Мих. Мих., могилевскій граждан. губернаторъ, т. XX, 661.
— Никол. Мих., тайн. совѣт., сенаторъ, товарищъ министра государств. имуществъ, т. XX, 660—662, 664.
— Ѳедоръ Мих., дѣйствит. стат. совѣт., правитель дѣлъ новороссійск. генералъ-губернатора, а потомъ намѣстника кавказскаго, т. XX, 661.
Гамаль, докторъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Кладбища отъ основанія французской монархіи до нашего времени; т. XX, 237.
Ганраръ, Поль. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Генрихъ IV и принцесса Конде; т. XXII, 460.
Ганцелесъ, петербургскій танцовщикъ, устроитель маскарадовъ при Екатеринѣ II, т. XXI, 337.
Ганъ:
— Баронъ, членъ государств. совѣта, т. XX, 363, 364, 371.
— Доротея. См. Скавронская.
— Елена Андреев., рожд. Фадеева, писательница (Зинаида Р.), т. XXII, 623.
Гара, Жанъ-Пьеръ, французскій пѣвецъ, т. XIX, 180.
Гардингъ, мистеръ, регентъ барчестерскаго собора, т. XIX, 163.
Гарднеръ, подпоручикъ, впослѣд. генералъ-лейтенантъ, т. XXI, 282.
Гарновскіе:
— Авторъ „Записокъ", т. XXI, 456, 457, 477, 509.
— Полковникъ, владѣлецъ Краснаго Кабачка, т. XXII, 410.
Гарнье, Жозефъ, французскій политико-экономъ, т. XX, 193.
Гаррисъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Исторія радикальной партіи въ парламентѣ"; т. XX, 699.
Гартманъ, прусскій генералъ-лейтенантъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Пережитое изъ войны 1870—1871 года"; т. XX, 481.
Гартфельдъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Zur Geschichte des Bauernkrieges in Südwest Deutschland"; т. XXI, 632.
Гаршинъ, Евг. Мих. *Статья его:* Семья въ прошедшемъ, этюдъ по исторіи нравственныхъ понятій; т. XXII, 161—179. *Библіографическія замѣтки его:* Портретъ Анны Ярославны, съ пояснительнымъ къ нему текстомъ; т. XIX, 208, 209. Сказанія русскаго народа, собранныя И. П. Сахаровымъ; книги I и II; т. XXII, 450, 451. Архивъ князя Воронцова; книга 31-я; бумаги А. Р. Воронцова; т. XXII, 711—713.
Гаръ, Августъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Этюды о Россіи"; т. XX, 698.
Гасабовъ, Е. И., писатель. *Подпись его,* XXI, 482.
Гауденъ, Екатер. Павлов., рожд. гр. Скавронская, по первому браку кн. Багратіонъ, т. XX, 101, 102.
Гацискій, Александръ Серафим., археологъ, писатель. *Замѣтка* объ изданіи его: Люди нижегородскаго Поволжья; т. XIX, 466—471.
Гаюи, французскій священникъ, творецъ кристаллографіи, т. XX, 191.
Гваренги, архитекторъ и декораторъ, т. XIX, 221.
Гватуа, Георгій Констант., полковникъ, т. XX, 598.
Гверра, Гвидо, поклонникъ Беатриче Ченчи, т. XXI, 384, 386, 388.
Гебльеръ, путешественникъ по Алтаю, т. XX, 613, 614.

Гегечкори, Андрей, вассальный дворянинъ владѣтеля Мингреліи, т. XIX, 83.

Гегидзе:

— Анна Тимоѳ., рожд. княж. Микеладзе, по первому браку княг. Шаликашвили, т. XX, 582.
— Егоръ Давидов., подполковникъ, ротный командиръ, т. XX, 340, 580—583.

Гедеонъ (Криновъ), проповѣдникъ, архимандритъ Троице-Сергіевой пустыни, т. XXI, 218.

де-**Геєръ**, Людвигъ, голландскій купецъ. *Библіографическая замѣтка* объ изданной біографіи его соч. де-Виттъ; т. XX, 701.

Гейбовичи:

— Артемій Ив., сергіопольскій городничій. *Письмо* къ нему Ѳ. М. Достоевскаго; т. XIX, 128—137. *Упомин.* т. XIX, 123, 127.
— Зинаида Артем. См. Ситина.

Гейнзій, голландскій резидентъ въ Москвѣ, т. XXII, 140.

Гейче, Григорій, инквизиторъ вроцлавскій, т. XXI, 94.

Гельбихъ:

— Авторъ сочиненія: Русскіе временщики. *Библіографическая замѣтка* о новомъ изданіи этого сочиненія; т. XXI, 408, 409.
— Нѣмецкій археологъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Гомерическій эпосъ, объясненный памятниками; т. XX, 233, 234.

Гельмерсенъ, путешественникъ по Алтаю, т. XX, 616, 630, 632, 638.

Ге-Люссакъ, Луи-Жозефъ, знаменитый французскій химикъ, т. XX, 191.

Гендриковы, графы:

— Графская фамилія, т. XIX, 546, 547, 550, 560; т. XX, 20, 110.
— Андрей, Иванъ, Марья и Марѳа Симоновичи, т. XX, 20.
— Симонъ Леонтьев., т XIX, 253.
— Христина Самуил., рожд. Скавронская, т. XIX, 242, 244—247, 250, 252, 253, 255—257, 536, 541, 553, 556.

Гензе, Карлъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Изслѣдованія и этюды Шекспира; т. XXI, 415.

Геншель:

— Вас. Егоров., бывшій русскій книгопродавецъ - издатель. *Библіографическая замѣтка* о его переводахъ русскихъ беллетристовъ на нѣмецкій языкъ; т. XIX, 709, 710.
— Германъ. *Библіографическая замѣтка* о переводѣ его: Введеніе въ общее языкознаніе — А. Ѳ. Потта; т. XXII, 179.

Геншеберъ, профессоръ военной сенсирской школы. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Графы Парижскіе; т. XX, 238.

Генри, Шарль. *Статья его:* Джіакомо Казанова и Екатерина II; т. XXI, 298—308, 510—540.

Генрихъ:

— I, французскій король, т. XIX, 208.
— IV, англійскій король. *Библіографическая замѣтка* объ Исторіи царствованія его, т. XIX, 450.
— IV, французскій король. *Библіографическія замѣтки:* о вышедшей біографіи его; т. XIX, 714; объ интимныхъ отношеніяхъ его къ принцессѣ Конде, т. XXII, 460.
— V, французскій король. *Библіографическая замѣтка* объ изданной его біографіи; т. XIX, 216, 217.
— VII, англійскій король, т. XXII, 144.
— VIII, англійскій король. *Библіографическая замѣтка* о вышедшемъ сочиненіи объ немъ; т. XXII, 462. *Упомин.* т. XXII, 135, 137.

Генрихъ - Фридрихъ - Людвигъ, принцъ прусскій, братъ Фридриха II, главнокомандующій, т. XXI, 319, 320.

Георгій (Конисскій), архіепископъ могилевскій, мстиславскій и оршанскій, т. XXI, 448.

Георгій Даниловичъ, новгородскій великій князь, т. XXII, 423.

Георгій XIII Ираклієвичъ, послѣдній царь грузинскій, т. XX, 14.

Георгъ I Людовикъ, король Великобританіи и курфюрстъ ганноверскій, т. XX, 700, 701.

Герардъ, Никол. Никол., петербургскій мировой судья, впослѣд. тайн. совѣт., сенаторъ, т. XIX, 87, 88, 121.

Герасимовъ, И., псевдонимъ писателя. См. Помяловскій.

Герасимъ, крѣпостной человѣкъ В. П. Тургеневой, т. XXII, 49, 50.

Герберштейнъ, баронъ Сигизмундъ, германскій посолъ въ Россіи. *Библіографическая замѣтка* о его историко-географическихъ извѣстіяхъ о Россіи, т. XIX, 184—190.

Гербицкій, Пжеславъ, польскій инквизиторъ, т. XXI, 92.

Герве, Эдуардъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Ирландскій кризисъ съ конца XVIII вѣка до нашихъ дней“; т. XXI, 630.

Гердъ, А. К., писатель. *Буквенная подпись его,* т. XXI, 431.

Германъ, игуменъ ливенскаго Сергіевскаго монастыря, т. XXI, 135.

Геруа, генералъ-адъютантъ, т. XXI, 282, 284.

Герценъ, Александ. Ив., русскій эмигрантъ, политическій писатель, т. XX, 478; т. XXI, 51.

Герцъ, К. К., археологъ, т. XIX, 390.

Гёферъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его о походѣ Германика; т. XXII, 728, 729.

Гиббонъ, Эдуардъ, англійскій историкъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи, перев. В. Н. Невѣдомскаго, часть IV; т. XIX, 204, 205. *Упомин.* т. XX, 200.

Гиггинсъ, Непиръ. *Библіографическая замѣтка* о сочиненіи ея: „Европейскія женщины XV и XVI столѣтій"; т. XX, 699.

Гиксъ-паша. *Библіографическая замѣтка* о сочиненіи о немъ Кольборна; т. XIX, 451.

Гильдебрандтъ, папа римскій. См. Григорій VII.

Гиподжетъ, Николай, краковскій францисканскій монахъ, одинъ изъ первыхъ инквизиторовъ въ Польшѣ, т. XXI, 90.

Гиппіусъ, В. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Осады и штурмъ крѣпости Карса въ 1877 году; т. XXII, 717.

Гиршъ, Францъ. *Библіографическая замѣтка* о его исторіи нѣмецкой литературы; т. XIX, 710, 711.

Гіуэн-Цзанга, китайскій писатель VII столѣтія. *Библіографическая замѣтка* объ англійскомъ переводѣ соч. его: „Си-ю-ки: буддистскія извѣстія о западномъ мірѣ"; т. XX, 483.

Глаголевскіе:

— Александръ Никол., священникъ, законоучитель московскаго Маріинскаго училища, *прилож.* къ т. XXII, 19.

— Митрополитъ петербургскій. См. Серафимъ.

Гладстонъ, Вильямъ-Эвартъ, англійскій первый министръ, т. XX, 543, 557; т. XXI, 628.

Гладышевъ, офицеръ, изслѣдователь Мерва, т. XX, 397.

Глахашвили, донъ Антоніо, католическій патеръ въ Кутаисѣ, т. XIX, 16.

Глинка:

— Мих. Ив., русскій композиторъ. *Разсказъ объ немъ;* т. XX, 132—144. *Замѣтка* объ открытіи ему памятника въ Смоленскѣ; т. XXI, 215, 216. *Упомин* т. XIX, 367—369.

— Наталья Григорьев. См. Одинецъ.

— Ѳ. С. *Замѣтка его:* Декабристъ Тизенгаузенъ; т. XIX, 727, 728.

Глѣбовы:

— Александръ Ив., генералъ-прокуроръ, т. XIX, 628; т. XX, 660, 661; т. XXII, 673.

— Дарья Никол., по первому браку Францъ, т. XX, 661.

— Кавказскій офицеръ, сослуживецъ М. Ю. Лермонтова, т. XIX, 477.

Глѣбъ Юрьевичъ, великій князь кіевскій, т. XXII, 492.

Глюкъ, Эрнстъ, лифляндскій главный пасторъ, т. XIX, 541.

Гнѣдичъ, П. *Библіографическая замѣтка* о его Исторіи искусствъ; т. XX, 218—223.

Гоголь, Никол. Вас., писатель, т. XX, 468, 469, 478; т. XXII, 211.

Гогоцкій, Сильв. Сильвестр., дѣйствит. стат. совѣт., докторъ философіи, профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 338—340, 600.

Годвинъ, Мери Волстонкрафтъ, англійская писательница. *Библіографическая замѣтка* объ изданной біографіи ея; т. XXII, 214, 215.

Годжкинъ, Томасъ, англійскій историкъ. *Библіографическая замѣтка* объ его Исторіи Италіи; т. XXII, 461.

Гоздава, Феликсъ, польскій инквизиторъ, т. XXI, 95.

Голенищевъ-Кутузовъ, гр. Пав. Вас., генер.-адъют., членъ государств. совѣта, т. XX, 22.

Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, Михаилъ Ларіонов., свѣтлѣйшій князь, генералъ-отъ-инфантеріи, генер.-фельдмар., т. XX, 16, 17, 22.

Голицыны, *князья:*

— Русскій княжескій родъ, т. XX, 11.

— Василій Вас. Старшій, ближній бояринъ, намѣстникъ новгородскій, любимецъ царевны Софьи Алексѣевны, т. XXII, 241.

— Дмитр. Владим., свѣтлѣйшій князь, генералъ-отъ-кавалеріи, москов. воен. генер.-губернаторъ, членъ государств. совѣта, т. XX, 25.

— Дмитр. Мих., стольникъ, впослѣд. дѣйствит. тайн. совѣт., т. XX, 105.

— Елизав. Александр., рожд. Черткова, т. XXI, 582, 585—588.

— Мих. Вас., т. XXI, 434, 435.

— Сергѣй Мих., дѣйствит. тайн. совѣт., попечитель Москов. учебн. округа, т. XXI, 585.

Головины, графы:

— Александръ, т. XXI, 433, 434.

— Антонъ П., т. XX, 443.

— Елизавета Антон. См. кн. Вадбольская.

— Прасковья Александр., рожд. Сумарокова, т. XX, 433.

— Өедоръ Алексѣев., генер.-адмир., фельдмаршалъ, т. XX, 19.

Головкинскій, Н. А., профессоръ Казан. университета, т. XXII, 329.

Головкины, графы:

— Александръ Гавр., дипломатъ, т. XXI, 126.

— Анна Гавр., по первому браку Ягужинская. См. Бестужева-Рюмина.

— Гавр. Ив., государств. канцлеръ и сенаторъ, т. XX, 19, 20; т. XXII, 249.

— Екатер. Ив., рожд. княж. Ромодановская, т. XX, 83; т. XXI, 117—127.

— Мих. Гаврил., вице-канцлеръ, начальникъ монетной канцеляріи, кабинетъ-министръ, т. XXI, 117—127.

— Юрій Александр., дѣйствит. тайн. совѣт., посолъ въ Китаѣ и въ Вѣнѣ, впослѣд. членъ государств. совѣта и попечитель Харьков. учебн. округа, т. XXI, 32.

Головщиковъ, Никол. Мих., писатель, *прилож.* къ т. XXII, 19, 20.

Голофеевъ, Никол. Алек., помѣщикъ Калужской губ., т. XXII, 64, 65.

Голышевъ, И. А., почетный гражданинъ, археологъ и литографъ. *Библіографическая замѣтка* объ изданіи его: Мѣсто земнаго упокоенія и надгробный памятникъ Д. М. Пожарскому въ городѣ Суздалѣ; т. XXII, 207, 208.

Гольшные, угасшій княжескій родъ, т. XX, 10.

Гольдсмитъ, Исидоръ. *Библіографическая замѣтка* о статьѣ его: Почему я оставилъ Россію; т. XX, 696.

Гомпешъ, баронъ, великій магистръ Мальтійскаго ордена, т. XXII, 578, 579.

Гонкуръ, Жюль и Эдмондъ, братья, французскіе историки и романисты, т. XXII, 216.

Гонта, Иванъ, сотникъ запорожцёвъ, т. XXI, 350.

Гончаровъ, Ив. Александр., писатель, т. XXII, 212, 365, 366.

Гоппе, Германъ Дмитр., издатель журнала „Всемірная Иллюстрація". *Некрологъ его;* т. XX, 494, 495.

Гора, англійскій капитанъ, т. XIX, 395, 400, 401.

Гораздъ, ученикъ св. Меөодія, т. XIX, 615, 616.

Горбачевскій, Ив. Ив., подпоручикъ, декабристъ, т. XXI, 228.

Горвицъ, М. Х., акушеръ, т. XIX, 109—112.

Гордонъ:

— Англійскій генералъ. *Библіографическія замѣтки:* объ изданныхъ запискахъ его; т. XXI, 627, 628; о частномъ дневникѣ его; т. XXI, 628.

— Джонъ Патрикъ (Петръ Иванов.), русскій генералъ, начальникъ московской нѣмецкой роты, т. XX, 265—269, 272—274, 279.

Горецкій, Антонъ, польскій народный поэтъ, т. XXI, 146.

Горихвостовъ, дворянинъ, гонецъ къ польскимъ посламъ, т. XXI, 227.

Горностаевы:

— Алексѣй Максимов., профессоръ архитектуры, т. XXI, 216, 217, 219.

— Ив. Ив., преподаватель исторіи искусствъ, эстетики и археологіи въ академіи художествъ, т. XX, 220, 221.

Горнъ, шведъ, пріятель Г. К. Котошихина, т. XIX, 442.

Городецкіе:

— Кіевскій митрополитъ. См. Платонъ.

— Митроф. Ив. *Статьи и замѣтки его:* Памятникъ на могилѣ А. П. Ермолова; т. XIX, 385—388. А. Э. Одынецъ; т. XIX, 655—658. Ливенскіе святители; къ исторіи русской религіозной жизни; т. XXI, 128—136. Музей Оссолинскихъ и Любомірскихъ въ Львовѣ; т. XXI, 348—354. *Библіографическія замѣтки его:* Пятнадцатый годовой отчетъ высочайше утвержденнаго Общества для распространенія св. писанія въ Россіи (за 1883 г.); т. XIX, 194—197. Холмскій народный календарь за 1885 г.; т. XIX, 205—208. Очеркъ исторіи западно-русской церкви, И. Чистовича; часть 2-я, т. XIX, 445. Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ; Холмская Русь (люблинская и сѣдлецкая губерніи); выпускъ седьмой; т. XX, 225, 226; Виленскій календарь на 1885 годъ; т. XX, 231, 232. Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый временной коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, учрежденной при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ; часть I; акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ Юго-Запад. Руси, VI томъ; т. XX, 469—471. Шестнадцатый годовой отчетъ высочайше утвержденнаго Общества для распространенія св. писанія въ Россіи (за 1884 г.); т. XXII;

203—205. *Мелкія замѣтки его*: Историческій холмъ; т. XIX, 463. Пятидесятилѣтній юбилей хорватской печати; т. XIX, 463. Библіотека Мацѣёвскаго; т. XIX, 463, 464. Музеумъ Крашевскаго; т. XIX, 720, 721. Археологическое открытіе; т. XIX, 721. Забытая могила; т. XIX, 721, 722. Легенда о св. Кириллѣ и Меѳодіи; т. XX, 490. Часовня въ память св. Кирилла въ Римѣ; т. XX, 491. Юбилей львовскаго ставропигіальнаго института; т. XXII, 787, 788. *Сообщилъ* некрологи: Филиппа Сулимерскаго, т. XIX, 465; Юзефа Лоскаго, т. XIX, 465; Франца Шимачека, т. XXI, 424; Николая Болова-Антоневича, т. XXI, 424. Германа Альтенберга, т. XXII, 481. Костеша-Жабы, т. XXII, 481. Маріи Бартосувны, т. XXII, 482.

Гортензія (Богарне), жена Людовика Бонапарте, гр. Санъ-Лье, т. XXI, 365, 366, 370, 371, 373.

Горчаковъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Мих., государств. канцлеръ и министръ иностран. дѣлъ, т. XX, 25.

Граве, аптекарь въ мѣстечкѣ Иллукштѣ, Курляндской губ., любитель гусей, т. XXI, 287.

Градовскій, Г. К., писатель, т. XIX, 231.

Граббе, гр. П. Х., генералъ-адъютантъ, т. XIX, 480; т. XX, 23, 714.

Грановскій, Тимоѳей Никол., профессоръ Москов. университета; т. XXI, 400.

Грассини, Жозефина, французская актриса, т. XIX, 670, 671.

Грассъ, Л. І. *Замѣтка его:* Изъ воспоминаній о К. Д. Кавелинѣ; т. XXI, 295—297.

Гревиль, Чарльзъ, англійскій писатель. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Журналъ царствованія королевы Викторіи, отъ 1837 по 1852 годъ; т. XXII, 721.

Грегори:

— Викторъ, марбургскій врачъ, т. XXI, 596.

— Іоганнъ-Готфридъ, пасторъ московской Нѣмецкой слободы, режиссеръ перваго театральнаго зрѣлища въ Россіи. *Статья объ немъ;* т. XXI, 596—601.

Грейгъ, С. А., генер.-адъют., министръ финансовъ, т. XX, 526, 531—532.

Греновъ, К. *Сообщилъ* замѣтку: Тишанская воля; т. XXI, 208—211.

Греннеръ, герихтсфохтъ въ г. Вейсенштейнѣ, т. XIX, 330, 336, 337.

Гретри, Андр., знаменитый композиторъ, директоръ парижской консерваторіи, т. XIX, 182.

Гречулевичъ, В. В., епископъ могилевскій. См. Виталій.

Грибоѣдовы:

— Александ. Серг., писатель и дипломатъ, т. XIX, 19.

— Нина Александ., рожд. княж. Чавчавадзе, супруга предъидущаго, т. XIX, 19, 20, 25, 26, 29, 267; т. XX, 35, 43.

Григорій:

— VII (Гильдебрандтъ), папа римскій, т. XXI, 382.

— XI, папа римскій, т. XXI, 92.

— XIII, папа римскій, т. XXI, 516, 520, 627.

Григоровичъ, протоіерей, издатель актовъ Западной Россіи, т. XIX, 460.

Григорьевы:

— Вас. Вас., тайн. совѣт., начальникъ глав. управ. по дѣл. печати, писатель, т. XXI, 77; *прилож.* къ т. XXII, 3.

— Петръ Никол., писатель, *прилож.* къ т. XXII, 20.

Гриммъ, баронъ Фридрихъ-Мельхіоръ, секретарь герцога Орлеанскаго, впослѣд. русскій резидентъ въ Гамбургѣ, т. XXI, 7, 8, 20, 447, 455, 465, 470, 491, 496.

Гринъ:

— А. И., рижскій полицеймейстеръ, т. XIX, 349.

— Мистрисъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. ея: Сборникъ государственныхъ бумагъ и частныхъ документовъ, хранящихся въ королевскомъ публичномъ архивѣ; т. XXII, 723.

Гримала, Яковъ, польскій инквизиторъ, т. XXI, 93.

Гробовскій, Иванъ, штабсъ-капитанъ Селенгин. пѣхот. полка, свидѣтель проявленія чудесъ въ Ливенской пещерѣ, т. XXI, 130.

Гротъ:

— К. Я., т. XXI, 398.

— Н., писательница. *Псевдонимъ ея;* т. XXII, 486.

— Яковъ Карл., тайн. совѣт., докторъ русской словесности, академикъ, т. XIX, 460; т. XX, 244.

Грубый, Яромиръ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его; „Ze sweta Slowanskeho"; т. XXI, 202.

Грузинскіе:

— Княжескій родъ, т. XX, 14.

— Кн. Георгій Александровичъ, лысковскій магнатъ, т. XIX, 470.

Грунебъ, Николай, торунскій инквизиторъ, т. XXI, 94.

Г—скій, А. *Библіографическая замѣтка его:* Котошихинъ о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича; т. XIX, 441, 442. *Замѣтка его* объ историческихъ картинахъ XIII передвижной выставки; т. XX, 495—498.

Губаревы:
— Авдотья Ив., пріятельница В. П. Тургеневой. См. Лагривова.
— Вонифатій Ив., помѣщикъ Кромскаго у., Орлов. г., т. XXII, 49.
де-Губернатисъ, Анжело, итальянскій ученый и писатель, т. XX, 479.
Гудовичи, графы:
— Ив. Вас., генер.-фельдмар., закавказскій генералъ-губернаторъ, т. XX, 21; т. XXII, 452, 453.
— Мих. Вас., генералъ-маіоръ, т. XX, 22.
Гуденъ, Жанъ Антоанъ, французскій скульпторъ, т. XX, 214.
Гузовскій, Осипъ, польскій повстанецъ-вѣшальщикъ, т. XIX, 722.
Гуляевъ, С. И., писатель. *Псевдонимъ его* (С. А—скій); т. XXII, 486.
фонъ-Гумбольдтъ, баронъ Карлъ-Вильгельмъ, лингвистъ и эстетикъ, прусскій дипломатъ, т. XXI, 38, 39.
Гурій (Григорій Карповъ), архіепископъ таврическій и симферопольскій, *прилож.* къ т. XXII, 20.
Гурко:
— Іосифъ Владимір., генер.-адъют., генералъ-отъ-кавалеріи, начальникъ отряда дѣйств. арміи, впослѣд. варшав. генералъ-губернаторъ, т. XX, 180.
— Познанскіе паны, еретики, т. XXI, 95.
Гурьевъ, гр. Дмитр. Александр., дѣйствит. тайн. совѣт., министръ финансовъ, членъ государств. совѣта, т. XX, 22, 98, 518, 520, 521.
Гурьели, князья:
— Княжескій родъ, т. XX, 14.
— Дмитрій, гурійскій помѣщикъ-самодуръ, т. XIX, 45.
— Терезія Маміев. См. Дадіани.
Гуссъ, Янъ, пражскій священникъ, реформаторъ римско-католической церкви, т. XXI, 99.
Густавъ III, шведскій король, т. XXI, 7; т. XXII, 399, 400.
Гюго, Викторъ-Мари, французскій поэтъ. *Замѣтка* объ устроенномъ въ честь его банкетѣ; т. XX, 248, 249. *Некрологъ его;* т. XX, 709, 710.
Гюйо. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Торговля дѣвственницами въ Лондонѣ; т. XXII, 725, 726.
Гюзелхановъ, русскій плѣнный въ Мервѣ, т. XX, 379.

Д.

Давенпортъ, Адамъ, авторъ соч. „Знаменитыя англійскія женщины эры Викторіи“. *Библіографическая замѣтка* объ этомъ сочиненіи; т. XIX, 212.
Давидъ:
— Жакъ-Люи, французскій живописецъ, т. XIX, 414; т. XX, 213.
— Капитанъ, агентъ французской желѣзно-дорожной компаніи, т. XX, 573.
— (Князь Церетели), митрополитъ имеретинскій, т. XIX, 35.
Давыдовы:
— Русскій княжескій родъ, т. XX, 14.
— Владим. Денис., полковникъ, орлов. губерн. предводит. дворянства, т. XXI, 421.
— Елизавета Дмитр., рожд. княж. Орбеліани. См. кн. Барятинская.
Дадешкиліани, князья:
— Княжескій родъ, т. XX, 14, 33, 35.
— Александръ, полковникъ, т. XX, 34, 35, 42, 43, 47, 48, 58, 60—64.
— Адилханъ, рожд. княж. Шервашидзе, т. XX, 38, 39.
— Джансухъ, т. XX, 35, 39, 43—47, 58.
— Дигорханъ, жена сванетскаго владѣтельнаго князя, т. XX, 34, 35.
— Исламъ, т. XX, 34, 46, 597.
— Константинъ, сванетскій владѣтельный князь, убійца кутаисскаго генералъ-губернатора, кн. Гагарина, т. XIX, 505, 506, 508; т. XX, 32, 35, 38, 39, 42, 43, 45—48, 58—76.
— Мосостра, т. XX, 46.
— Отаръ, т. XX, 35, 39.
— Тенгисъ (Михаилъ), владѣтель Сванетіи, т. XX, 34, 597.
— Ціохъ (Михаилъ), т. XX, 34, 597.
Дадіани, князья:
— Мингрельскій княжескій родъ, т. XX, 14, 33, 35, 333, 334, 336.
— Александръ, т. XX, 344.
— Арчилъ, т. XX, 345—348, 356.
— Вамехъ, т. XX, 344.
— Гогій, т. XX, 344.
— Григ. Давидов., генер.-лейтен., т. XIX, 17, 20, 23, 25, 26, 28—30, 37, 264, 267—287, 509, 724; т. XX, 342.
— Давидъ Леванов., владѣтель Мингреліи, т. XIX, 19—22, 32—37, 262, 263, 265, 266, 490, 724; т. XX, 39, 40, 42—44, 58, 343, 348, 352, 353, 357, 365, 599.
— Джахана, т. XX, 342.
— Дмитр. Григорьев., т. XIX, 493, 494; т. XX, 562.
— Екатерина Александр., рожд. княж. Чавчавадзе, свѣтлѣйшая княгиня, правительница Мингреліи, т. XIX, 17—38, 266—287, 494—506, 508—510; т. XX, 35, 42—47, 70, 366, 564, 584, 596, 598—604.
— Елизбаръ, глава русской партіи въ Мингреліи, т. XIX, 32, 34, 337, 341, 342—344, 346, 356, 361.

— Кація, т. XX, 344, 345, 585.
— Кесарія. См. кн. Шервашидзе.
— Конст. Давид., т. XIX, 17, 20, 23, 25—27, 36, 267, 268.
— Леванъ, т. XIX, 20, 264, 265, 489; т. XX, 348.
— Леванъ, сынъ Вамеха, т. XX, 344.
— Меника Николаевна, по первому браку кн. Цулукидзе. См. Шервашидзе.
— Милитонъ, т. XX, 344, 345.
— Николай, т. XX, 342, 599.
— NN, рожденная кн. Цулукидзе, т. XX, 342.
— NN, рожд. Чичуа, т. XX, 345.
— Пётръ Никол., т. XX, 348.
— Сико (Семенъ), т. XX, 333.
— Терезія Маміев., рожд. Гурьели, т. XIX, 20.
Далейракъ, французскій композиторъ, т. XIX, 182.
Дальтонъ, петербургскій реформатскій пасторъ, т. XX, 281, 282, 296—298.
Даниловичъ, Петръ, польскій кравчій, т. XXI, 238.
Данилюкъ, Иванъ, крестьянинъ Сѣдлец. губ., бывшій уніатъ, ревнитель православныхъ обрядовъ, т. XIX, 207.
Даніилъ, преподобный переяславскій, т. XXII, 90.
Данте Алигіери (Дуранте), величайшій поэтъ Италіи. *Статья* о подлинныхъ портретахъ его; т. XXII, 180—189.
Дарвинъ, Чарльсъ-Робертъ, англійскій натуралистъ и путешественникъ. *Замѣтка* о постановкѣ ему памятника; т. XXI, 423.
Даримонъ, Альфредъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Histoire d'un parti. Les cinq sous l'empire"; т. XXII, 218.
Дарместетеръ, Джемсъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Прежніе и настоящіе махди; т. XXI, 413, 414.
Дарсе, Жанъ, французскій химикъ, директоръ севрской мануфактуры, членъ академіи наукъ, т. XX, 191.
Д'аспиньъ-Дюкруаси, Ипполитъ Александр., тайн. совѣт., членъ совѣта главн. кавказ. управленія, т. XIX, 281—286, 493, 495; т. XX, 59, 599, 600.
Даудъ, завоеватель Мерва и Герата, т. XX, 384.
Дашкевичъ, Михаилъ, протоіерей, благочинный Бердическаго у., т. XXI, 552.
Дашковы:
— Княгиня Екатерина Романов., рожд. гр. Воронцова, президентъ Россійск. академіи наукъ, т. XXI, 624; т. XXII, 250, 670.
— Пав. Яков., собиратель русскихъ гравюръ и автографовъ, т. XIX, 471.
Дгебуадзе, князья:
— Мингрельскій княжескій родъ, т. XX, 356.
— Бежанъ, т. XX, 356.
— Евгеній, т. XX, 356.
Дебидуръ, профессоръ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Императрица Теодора; т. XXI, 412, 413.
Дебольскій, Григ. Сергѣев., магистръ богословія, протоіерей Казанскаго собора, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 3, 4.
Дево:
— Артистка петерб. Михайловскаго театра, т. XIX, 113.
— Поль, артистъ петерб. Михайловскаго театра, т. XIX, 113—116.
Девьеръ, гр., генералъ-маіоръ, т. XX, 20.
Дегарсенъ, французская актриса, т. XIX, 665.
Дегельманъ, австрійскій баронъ, т. XXI, 175—177.
Дежневъ, Семенъ, казакъ, изслѣдователь р. Анадыра, первый плаватель по Берингову проливу, т. XXI, 114.
Декрю. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Анна де Монморанси, великій конетабль Франціи при дворѣ, въ арміи и въ совѣтѣ короля Франциска I; т. XXI, 413.
Деларю, переводчикъ стихотв. В. Гюго: „Посланіе красавицѣ", т. XX, 650, 651.
Делиль, Жакъ, французскій поэтъ, т. XX, 206—208.
Делинсгаузенъ, баронъ, генер.-адъют., директоръ департамента сельскаго хозяйства, т. XX, 654—656.
Делленъ, Александръ Карлов., профессоръ Кiев., а потомъ Харьков. университета, т. XXII, 340; *прилож.* къ т. XXII, 20, 21.
Дембовскій. *Библіографическая замѣтка* о воспоминаніяхъ его; т. XX, 484.
Дементьевъ, писатель. *Псевдонимъ его* (Домашній учитель); т. XXII, 487.
Демидовъ Санъ-Донато, князь, т. XX, 26.
Демидовы:
— Анат. Никол., камергеръ, потомственный попечитель Николаев. дѣтск. больницы въ Петербургѣ, т. XIX, 222.
— Вас. Львов., владѣлецъ с. Быковки, Васильсурскаго у., Нижегород. г., замѣчательный хозяинъ, т. XXII, 205, 206.
— Левъ Прокоф., владѣлецъ с. Быковки, Васильсурскаго у., Нижегород. г., т. XXII, 205, 206.
— Никита, тульскій кузнецъ, впослѣд. владѣлецъ Верхнетуринскихъ заводовъ, т. XXII, 249.

— **Николай**. *Библіографическая замѣтка* о его Историческомъ очеркѣ Васильсурскаго уѣзда, Нижегородской губерніи; т. XXII, 205, 206.

— Петръ Никол., т. XIX, 222.

Демченко, Вас. Григ., профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 615.

Денгофъ, капитанъ польскихъ войскъ, ординарецъ при Наполеонѣ I, т. XXI, 271.

Денисовъ, Андрей, настоятель Выгорѣцкаго старообрядческаго скита, т. XXII, 715.

Денисьевъ, учитель математики перваго кадет. корпуса, т. XX, 114.

Денъ, Ив. Ив., инженеръ, генералъ-инспекторъ инженернаго корпуса, членъ государств. совѣта, т. XXI, 266, 267, 282—284.

Деотима, псевдонимъ польской поэтессы. См. Духинская.

Де-Пуле, Мих. Ѳедор., русскій педагогъ и писатель. *Некрологъ его;* т. XXII, 227.

Дерби, гр. Эдваръ Джоффрей Смитъ Станлей, англійскій первый министръ, т. XX, 547.

фонъ-**Дервизъ**, Пав. Григ., крупный желѣзнодорожный дѣятель, *прилож.* къ т. XXII, 6.

Державинъ, Гавр. Романов., поэтъ, министръ юстиціи, т. XIX, 224, 590; т. XXI, 11; т. XXII, 151, 411, 412, 451—453, 683, 684.

Дерибасъ, М., редакторъ „Journal d'Odessa", впослѣд. библіотекарь Одесской публичной библіотеки, *прилож.* къ т. XXI, 21.

Дернбургъ, Фридрихъ, редакторъ берлинской газеты „Nazional Zeitung". *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Русскіе люди"; т. XX, 477, 478.

Де-Роберти, Л. Ѳ., писатель. *Псевдонимъ его* (Волконскій), т. XXI, 431.

Дерславъ изъ Ритванъ, поборникъ гуситизма, т. XXI, 93.

Де-су-ла-ва, учитель французскаго языка перваго кадет. корпуса, т. XX, 115.

Джаяновы, мингрельская княжеская фамилія, т. XX, 339.

Джемсъ, Генри, біографъ писателя Тролоппа, т. XIX, 160.

Джіотто, итальянскій художникъ, другъ поэта Данте, т. XXII, 182.

Джонстонъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его о Конго; т. XIX, 711.

Джосія, Вильямсъ, англійскій докторъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Жизнь въ Суданѣ; т. XIX, 215.

Дибичъ-Забалканскій, гр. Ив. Ив., генералъ-фельдмаршалъ, т. XIX, 350; т. XX, 22.

Дивова, Елизав. Петр., рожд. гр. Бутурлина, т. XXII, 678.

Дигье, Шарль. *Статья его:* Беатриче Ченчи; т. XXI, 381—390.

Дилигенскій, писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 487.

Дильтей, Филиппъ-Генрихъ, докторъ правъ, профессоръ Москов. университета, т. XXI, 436—443.

Димсдель, Томасъ, баронъ, лейбъ-медикъ, положившій начало оспопрививанію въ Россіи, т. XX, 29, т. XXII, 468.

Димитраки, грекъ, оказавшій помощь русскому лазутчику въ войну 1877 г., т. XXII, 81, 82, 87.

Диринъ, П. *Библіографическая замѣтка* объ историческомъ очеркѣ его: Великая княгиня Екатерина Алексѣевна до ея самодержавія, 1729—1761 г.; т. XX, 463—466.

Дитятинъ, Ив. Ив., докторъ государств. права, профессоръ Харьковск. университета, т. XX, 706; т. XXI, 189—193.

Діонисій изъ Ленчицы, инквизиторъ краковскій, т. XXI, 94.

Длугошъ, Янъ, польскій историкъ. *Замѣтка* объ открытой рукописи хроники его; т. XIX, 721.

Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Александръ Матв., генералъ-лейтенантъ, фаворитъ Екатерины II, т. XX, 100; т. XXI, 256, 492.

Дмитріевы:

— Яковъ, солдатъ, распространитель ложныхъ слуховъ, т. XXII, 677.

— Ѳедоръ Мих., инженеръ-технологъ, вице-президентъ политехническаго Общества, *прилож.* къ т. XXII, 21.

Дмитрій Ивановичъ Донской, великій князь московскій, т. XIX, 467.

Дмитрій Самозванецъ:

— I-й (Гришка Отрепьевъ), т. XIX, 7, 8; т. XXII, 240.

— II-й (Тушинскій воръ), т. XIX, 9, 10.

Добантонъ, Луи-Жанъ-Мари, французскій врачъ и естествоиспытатель, т. XX, 191.

Добровольскій, Антонъ, полякъ, приглашавшій Сельскихъ жителей Радомысльскаго у. на сторону мятежниковъ, т. XXI, 543.

Добровскій, Іосифъ, основатель славянской филологіи. *Библіографическая замѣтка* объ изданной перепискѣ его съ Копитаромъ; т. XXI, 618—620.

Добролюбовъ, Н., писатель. *Подпись его:* т. XXII, 486.

Добротворскій, Н. А. *Замѣтка его:* Домикъ Петра Великаго въ Борисовкѣ; т. XXI, 137—141. *Библіографическая за-*

мѣтка его: Календари Вятской губерніи, 1879—1885 г.; т. XX, 471—478.

Дове, Альфредъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Вѣкъ Фридриха Великаго и Іосифа II; т. XX, 235.

Доде:

— Альфонсъ, французскій писатель. *Статья о немъ;* т. XIX, 152—159.

— Эрнестъ, братъ писателя, т. XIX, 153, 158.

Долбиловы:

— Дарья Сем., рожд. Ивановна, совладѣлица Краснаго Кабачка, т. XXII, 408, 410.

— Прасковья, дочь предъидущей. См. Локтева.

Долгоруковы, князья:

— Александра Григ. См. гр. Салтыкова.

— Анна Серг., начальница Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, т. XXI, 419.

— Алексѣй Григор., дѣйствит. тайн. совѣт., сенаторъ, т. XXII, 250.

— Васил. Владим., фельдмаршалъ, т. XX, 444.

— Елена Пав. См. Фадеева.

— Сергѣй Вас., нумизматъ, т. XIX, 390.

— Сергѣй, кавказскій офицеръ, сослуживецъ М. Ю. Лермонтова, т. XIX, 477.

Домпіерн, машинистъ петербургск. театра, устроитель маскарадовъ при Екатеринѣ II, т. XXI, 337.

Донатъ, епископъ рижскій и митавскій, т. XX, 185, 188.

Дондуковы, русскій княжескій родъ, т. XX, 14.

Дондуковы-Корсаковы, князья:

— Мих. Александр., тайн. совѣт., вице-президентъ академіи наукъ, попечитель Петерб. университета, т. XXII, 221.

— Кіевскій генералъ-губернаторъ, впослѣд. управл. гражд. частію на Кавказѣ, т. XXII, 597.

Дондукъ-Омба, калмыцкій ханъ, родоначальникъ кн. Дондуковыхъ, т. XX, 14.

Дороховъ, начальникъ партизанскаго отряда на Кавказѣ, т. XIX, 474, 715.

Досифей, ростовскій архіепископъ, т. XXI, 53; т. XXII, 98.

Достоевскіе:

— Марья Дмитр., рожд. Исаева, первая супруга Ѳ. М. Достоевскаго, т. XIX, 123—128.

— Мих. Мих., писатель, т. XIX, 182; т. XX, 722.

— Ѳедоръ Мих., писатель. *Воспоминанія о немъ;* т. XIX, 123—128. *Письмо его* къ А. И. Гейбовичу; т. XIX, 128—187. *Библіографическая замѣтка:* Историческій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго (сборникъ критики), часть первая; т. XXI, 403, 404. *Упомин.* т. XIX, 141, 230; т. XX, 722; т. XXII, 212, 365, 366; *прилож.* къ т. XXII, 4.

Достъ-Магометъ-ханъ, покоритель афганскаго Туркестана и Герата, т. XX, 372, 402, 404, 406, 408.

Драгомановъ, доцентъ Кіев. университета, т. XXII, 343, 588—591, 603—605.

Драгомировъ, генералъ, т. XX, 182.

Драндеръ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Принцъ Александръ Баттенбергскій въ Болгаріи“ и „Вопросъ о капитуляціяхъ и ихъ отмѣнѣ въ княжествѣ Болгаріи“; т. XX, 479, 480.

Драный, Семенъ, разбойникъ, т. XIX, 485.

Дреeръ, учитель нѣмецкаго языка перваго кадетскаго корпуса, т. XX, 115.

Дрентельнъ, В., писатель. *Псевдонимъ его* (Юрьевъ); т. XXI, 432.

Дроздовъ, Вас. Мих. См. Филаретъ.

Друкартъ, Андрей Ив., чиновникъ особыхъ порученій кіев. генер.-губернат., впослѣд. сѣдлецкій вице-губернаторъ, т. XX, 292—294.

Дубасовъ, И. И., предсѣдатель тамбовской архивной коммиссіи. *Статья его:* Тамбовскіе дипломаты первой половины XVII вѣка; т. XXI, 225—241. *Библіографическая замѣтка* о его очеркахъ изъ исторіи Тамбовскаго края; выпускъ 3-й; т. XIX 433—436. *Упомин.* т. XX, 246; т. XXII, 225, 226.

Дубенскіе:

— Никол. Порфир., тайн. совѣт., директоръ департамента государ. имущ. и попечитель Лѣснаго института, т. XX, 645—652.

— N Николаевна. См. де-Кюстинъ.

Дубницкій, Никита, протоіерей Кіев. епархіи, т. XXI, 552.

Дубровины:

— Воспитанникъ лѣснаго института, т. XX, 649.

— Н. Ѳ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Пугачевъ и его сообщники; т. XIX, 438—441.

Дубровскій, Петръ Павлов., академикъ, *прилож.* къ т. XXII, 22, 23.

Дука, Теодоръ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Жизнь и дѣла Александра Чома-де-Кёрёшъ; т. XXI, 414.

Дульцинъ, сектантъ XII вѣка, т. XXI, 89.

Дурова (Александрова), дѣвица, участвовавшая въ войнѣ 1812 года; т. XXII, 245.

Духинская, Сѣверина, польская поэтесса (Деотима), т. XXI, 142.

Дьяковъ, Илья Стефанов.; о древнемъ надгробномъ памятникѣ ему въ Ростовѣ Великомъ, т. XXII, 96.

Дюгазонъ, парижскій актеръ, т. XIX, 662, 663.

Дюмурье, Шарлъ-Франсуа, французскій генералъ, министръ иностран. дѣлъ, т. XIX, 676.

Дюпюи:

— Шарлъ-Франсуа, французскій ученый, изобрѣтатель телеграфовъ, т. XX, 193.

— Эрнестъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Великіе учители русской литературы въ XIX вѣкѣ; т. XXII, 720.

Дюсисъ, Жанъ-Франсуа, французскій драматическій писатель, т. XX, 210.

Дюсьё, профессоръ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Исторія и организація французской арміи отъ древнихъ временъ до нашихъ дней; т. XIX, 713.

Дюфуръ, Карлъ, русскій агентъ въ Дерегезѣ, т. XX, 378.

Дюффе有ринъ, лордъ, вице-король Индіи, т. XX, 415.

Е.

Евгеній (Богарне), князь Французской имперіи, вице-король и наслѣдникъ итальянскій, герцогъ лейхтенбергскій и эйхштетскій, т. XX, 217.

Евгенія-Марія де-Гусманъ (донна де-Монтихо), императрица французская, т. XX, 480.

Евдокимовъ, гр. Никол. Ив., генералъ-отъ-инфантеріи, генер.-адъют., т. XX, 28; т. XXII, 680.

Евдокія Ѳедоровна (Лопухина), первая супруга Петра Великаго, въ иночествѣ Елена, т. XXI, 185.

Евсевій (Ильинскій), архіепископъ карталинскій, экзархъ Грузіи, т. XX, 358.

Евфимій, переяславскій епископъ, т. XXII, 494.

Егоровъ, профессоръ военно-медицинской академіи, т. XX, 489.

Еденъ, англійскій резидентъ въ Вѣнѣ, т. XXI, 178.

Екатерина, принцесса виртембергская, жена вестфальскаго короля Жерома-Наполеона Бонапарта, т. XXI, 376, 380.

Екатерина I Алексѣевна, императрица. *Замѣтка* по поводу портрета ея; т. XIX, 471, 472. *Упомин.* т. XIX, 237—257, 536—541, 544—559; т. XX, 20, 28; т. XXI, 184—188; т. XXII, 499.

Екатерина II Алексѣевна (Софія-Августа-Фредерика, принцесса ангальтъ-цербстская), русская императрица. *Статьи:* По поводу столѣтняго юбилея дворянской грамоты; т. XIX, 619—646. Путешествіе въ Крымъ; т. XXI, 5—23, 242—264, 444—509. Великая мысль Екатерины II; т. XXI, 24—40. Джіакомо Казанова и Екатерина II; т. XXI, 298—308, 510—540. *Библіографическая замѣтка:* Великая княгиня Екатерина Алексѣевна до ея самодержавія, 1729—1761 г. — П. Дирина; т. XX, 463—466. *Упомин.* т. XIX, 223, 491, 572, 588, 590, 599; т. XX, 11, 16, 21, 29, 82, 88, 89, 99, 100, 105, 109, 110, 247, 248, 292, 517, 518, 690; т. XXI, 60, 126, 309, 317, 319—331, 334—336, 409, 419, 433, 439, 441, 442, 624; т. XXII, 151, 152, 154, 223, 242, 245, 383—390, 392, 393, 397, 399, 400—402, 411, 449, 451, 452, 467—473, 575—577, 584, 656, 668—685.

Екатерина Аррагонская, супруга Генриха VII и Генриха VIII, т. XXII, 136, 137, 142.

Екатерина Ивановна, царевна, т. XXI, 218.

Елена Павловна (Фредерика-Шарлотта-Марія, принцесса виртембергская), супруга великаго князя Михаила Павловича, т. XIX, 222; т. XXI, 35.

Елеонора (Гонзаго), римско-нѣмецкая императрица, т. XXII, 251.

Елисавета (Тюдоръ), королева англійская, т. XX, 535; т. XXII, 137—140.

Елисавета Августа, курфюрстина баварская, т. XXII, 251.

Елисавета Алексѣевна (Луиза-Марія-Августа, принцесса баденская), русская императрица, т. XIX, 457.

Елисавета Петровна, императрица, т. XIX, 548—555, 560, 562—572; т. XX, 20, 28, 31, 78, 81—88, 291, 292, 517; т. XXI, 10, 218, 416—418, 433, 436; т. XXII, 154, 223, 242; 409, 448, 667.

Елпидифора (Кропотова), первая игуменья петербургскаго Смольнаго монастыря, т. XXI, 419.

Ерастовъ, Иванъ, сибирскій казакъ, открывшій р. Колыму, т. XXI, 118.

Еремѣевъ, помощникъ сквирскаго окружнаго начальника государств. имуществъ, т. XXI, 544—546.

Ермакъ Тимоѳеевичъ Повольскій, покоритель Сибири, т. XX, 15.

Ермоловы:

— Алексѣй Петр., генералъ-отъ-артиллеріи, членъ государств. совѣта. *Замѣтка* о памятникѣ на его могилѣ въ г. Орлѣ; т. XIX, 385—388. *Письмо его* къ А. Е. Врангелю о дочери; т. XXII, 732. *Упомин.* т. XX, 24, 36, 667.

— Викторъ, Клавдій и Северъ Алексѣевичи, т. XIX, 886.
— Петръ Алексѣевичъ, предсѣдатель орлов. палаты граждан. суда, т. XIX, 385—387; т. XXII, 685.

Еропкины:

— Петръ Дмитр., генер.-аншефъ, московскій губернаторъ, т. XXI, 452, 456, 458, 478.
— Петръ Мих., гофъ-интендантъ. *Замѣтка* объ устройствѣ памятника на его могилѣ; т. XXII, 477.
Есиповъ, Г. В., писатель. *Статья его:* Исторія Краснаго Кабачка; т. XXII, 406—412. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Тяжелая память прошлаго, разсказы изъ дѣлъ тайной канцеляріи и другихъ архивовъ; т. XXII, 453, 454.
Ефимовичъ, Ив. Никол., генералъ-адъютантъ Екатерины II, т. XXII, 394, 395.
Ефимовскіе, графы:
— Русская графская фамилія, т. XIX, 546, 547, 550, 560; т. XX, 20, 110.
— Анна Самуил., рожд. Скавронская, (или Якимовичева), т. XIX, 249, 253, 255, 538, 553, 556.
— Михаилъ, т. XIX, 253, 255, 538.
Ефимовъ, преподаватель военно-юридической академіи, т. XX, 488.

Ефремовы:

— Лука, протоіерей Орлов. епархіи, авторъ брошюры: „Случаи, недавно побудившіе въ городѣ Ливнахъ творить память о старцахъ упраздненнаго лѣтъ сто назадъ Сергіева монастыря“; т. XXI, 129—136.
— Петръ Александр., библіографъ. *Замѣтка его:* Къ матеріаламъ для полнаго собранія сочиненій графа А. К. Толстаго; т. XXII, 484, 485.

Ефремъ:

— Архимандритъ, уличенный Фотіемъ въ употребленіи нюхательнаго табака, т. XXI, 570, 571.
— Переяславскій епископъ, святой, т. XXII, 494, 499, 502.

Ж.

Жадинъ, Якубъ, епископъ, польскій посолъ, т. XXI, 227.
Жандръ, французская писательница. См. Никитина.
Жанлисъ, гр. Стефанія-Фелисита Дюкре де Сент-Обенъ, маркиза Сальери, французская романистка, т. XX, 200.
Жансиньи, французскій писатель, т. XX, 546.
Жароновскій, Елеазаръ, помѣщикъ Галицкаго у., Костром. губ., т. XXII, 479.
Желтухины:
— Влад. Петр., генер.-лейтен., директоръ 1 московск. кадет. корпуса, т. XX, 439.
— Каролина Христіанов., т. XX, 440.
Жераръ-де-Мартигъ, провансалецъ, основатель военно-духовнаго ордена „Державный“, т. XXII, 253.
Жеромъ-Наполеонъ Бонапартъ, вестфальскій король, т. XXI, 374—380.
Живаго, И. М., писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 487.
Жировы-Засѣкины, угасшій княжескій родъ, т. XX, 10.
Жиро-Тѣлонъ, А., женевскій ученый, т. XXII, 163.
Жозефина, Марія-Роза Ташеръ-де-ля-Пажери, по первому браку Богарне, супруга Наполеона Бонапарте, т. XX, 200, 215—217; т. XXI, 356.
Жоржъ, французская актриса. См. Маргарита Веймеръ.
Жоффруа, Жюльенъ-Луи, французскій публицистъ, т. XIX, 678, 679.
Жоффруа-Сентъ-Илеръ, Этьенъ, французскій зоологъ, профессоръ медицинскаго факультета, т. XX, 191.
Жуберъ, Андре. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Луи Клермонтскій, Бюсси д'Амбуазъ; т. XXI, 412.
Жуковскій, Вас. Андреев., поэтъ, т. XX, 249; іюньск. книжка, 2.

Жуковы:

— Васил. Григор., статскій совѣтникъ, петербургскій табачный фабрикантъ, т. XIX, 361, 362.
— Виссаріонъ, псевдонимъ писателя. См. Ушинскій.
Жулицкій, тифлисскій чиновникъ, т. XIX, 281.

З.

Заблоцкіе-Десятовскіе:

— Андрей Пареньев., директоръ департамента сельскаго хозяйства министр. госуд. имущ., членъ государств. совѣта, *прилож.* къ т. XXII, 4.
— Пав. Пареньев., профессоръ медико-хирургической академіи, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 23.
Заблоцкій, греко-уніатскій монахъ, т. XXI, 549.
Заболотный, капитанъ парохода „Аккерманъ“, т. XX, 583, 584, 586.
Заборовскій, русскій генералъ, т. XX, 109, 110.

Забугинъ, Никол., правитель канц. попечителя Кiев. учеб. округа, т. XXII, 612, 613.

Забѣлины:

— А. И., писатель. *Псевдонимы его*; т. XXII, 487.

— Ив. Егоров., ученый. *Извлеченіе* изъ соч. его: Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы; т. XXII, 102—120.

Завадовскіе, графы:

— Илья Вас., стат. совѣт., т. XX, 21.

— Петръ Вас., дѣйствит. тайн. совѣт., министръ народ. просвѣщенія и президентъ департамента законовъ государств. совѣта, т. XX, 21; т. XXI, 250, 251; т. XXII, 471.

— Яковъ Вас., бригадиръ, т. XX, 21.

Завадскій, писатель. *Подпись его;* т. XXII, 487.

Загоскинъ, Никол. Пав., докторъ государственнаго права, профессоръ Казан. университета, т. XXI, 190—193.

Загряжскіе:

— Александръ Мих., тайн. совѣт., попечитель Одесскаго учеб. округа, т. XX, 659.

— Елизавета Александр. См. Пушкина.

Загудайло, псевдонимъ писателя. См. Флориксъ.

Заика, основатель „бенгвинскихъ домовъ". См. Ламбертъ le Begues.

Зайцевъ, Варѳол. Александр., писатель, *прилож.* къ т. XXII, 24, 25.

Закревскіе, графы:

— Аграѳена Ѳедор., рожд. гр. Толстая, т. XX, 667, 668.

— Арсеній Андреев., генер.-адъют., министръ внутр. дѣлъ, впослѣд. москов. генералъ-губернаторъ. *Воспоминаніе* о немъ; т. XX, 665—671.

— Лидія Арсеньев. См. гр. Нессельроде.

Замысловскій, Егоръ Егор., дѣйствит. стат. совѣт., Профессоръ петерб. универ. ситета и историко-филологическаго института. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи; т. XIX, 185—190.

Занъ, Ѳома, польскій революціонеръ, основатель общества лучезарныхъ (сіяющихъ) и филаретовъ, т. XXI, 145, 148, 149.

Зарины:

— А. П., студентъ Дерпт. и Петерб. университетовъ, т. XIX, 574—581.

— Е. И. *Замѣтка ея:* Черты изъ жизни императора Александра II; т. XIX, 573—581.

Зарудный, Сергѣй Ив., тайн. совѣт., сенаторъ. *Библіографическая замѣтка* о переводахъ его русскихъ поэтическихъ произведеній на итальянскій языкъ; т. XX, 479.

Заруцкій, другъ Лжедимитрія, т. XIX, 11.

Заусцинскій, К. Ю., изслѣдователь народности Холмскаго края, т. XX, 226.

Захаровъ, Ив. Ильичъ, дѣйствит. стат. совѣт., докторъ манчжурской словесности, профессоръ Петерб. университета. *Некрологъ его;* т. XXII, 481.

Захарьинъ, Ив. Н., писатель. *Сообщилъ:* Два эпизода изъ дѣтства императора Александра II; т. XIX, 219, 220.

Захертъ, баронъ, суконный фабрикантъ въ Привислинскомъ краѣ, т. XX, 29.

Збонскій, Абрагамъ, поборникъ гусситизма, т. XXI, 93.

Зборовскій, Петръ, краковскій воевода, еретикъ, т. XXI, 95.

Звѣревъ, В. С., тамбов. губернаторъ, т. XX, 247, 248.

Зейдеръ, Фридрихъ, докторъ философіи, пасторъ, т. XXII, 154.

Зейдлицъ, Карлъ Карлов., профессоръ медико-хирургической академіи, другъ В. А. Жуковскаго. *Некрологъ его;* т. XX, 249.

Зеленый, генералъ-маіоръ, военный агентъ въ Константинополѣ, т. XX, 416.

Зелинскій, В. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Историческій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго (сборникъ критики), часть первая; т. XXI, 403, 404.

Зенгбушъ, рижскій купецъ, т. XIX, 348, 349.

Зериске, Яковъ-Генрихъ, вице-президентъ г. Торуна, т. XXI, 101.

Зерцаловъ, А. Н., помощникъ начальника архива министерства юстиціи, т. XXI, 190.

Зигель, Ѳедоръ Ѳедор., магистръ гражданскаго права, профессоръ Варшав. университета, т. XXI, 398.

Зигмундъ, польскій инквизиторъ, т. XXI, 95.

Зиссерманъ. *Отвѣтъ ему* на его поправку къ ст. П. А. Висковатаго: „Рѣчка Смерти"; т. XX, 712—716.

Зобовъ, лѣсничій, т. XX, 663.

Золотовъ, Вас. Андреев., педагогъ и писатель, *прилож.* къ т. XXII, 25—27.

Зоричъ, Семенъ Гавр., генералъ-маіоръ, фаворитъ Екатерины II, т. XXII, 449.

Зотовы, графы:

— Елена Алексѣев., рожд. княж. Куракина, т. XX, 20.

— Никита Моисеев., учитель Петра Великаго, впослѣд. тайн. совѣт., т. XX, 20.

Зотовъ, Владим. Раф., писатель. *Статьи его:* Представители современнаго реализма во французской и англійской литературѣ; т. XIX, 152—165. Культурная исторія Директоріи; т. XIX, 166—184, 413—432, 659—683; т. XX, 190—217. Общественная помощь въ литературѣ въ послѣднее двадцатипятилѣтіе (по поводу юбилея Общества пособія литераторамъ и ученымъ и его изданій); т. XIX, 228—232. Подлинные портреты Данте; т. XXII, 180—189. Греческая трагедія на англійской сценѣ; т. XXII, 437—444. Современная знаменитость англійской сцены; т. XXII, 688—694. Методика исторіи по Крюгеру — И. Виноградова и А. Никольскаго; т. XXII, 717—719. Городъ ангеловъ; т. XX, 695—707. *Библіографическія замѣтки его:* Заграничныя историческія новости: т. XIX, 210—218; 447—454, 708—716; т. XX, 233—239, 475—484, 695—704; т. XXI, 199—207, 407—415, 625—632; т. XXII, 210—218, 457—466, 720—729. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи, Эдуарда Гиббона, перевелъ В. Н. Невѣдомскій, часть IV; т. XIX, 204, 205. Историко-статистическое описаніе Волковско-православнаго кладбища, составленное священникомъ Н. Вишняковымъ; т. XIX, 444, 445. Всеобщая исторія литературы, начатая подъ редак. В. Ѳ. Корша, продолж. подъ редак. проф. Кирпичникова; вып. XVI; Славянскія литературы О. И. Морозова; Итальянская литература въ средніе вѣка И. М. Болдакова; т. XX, 223, 224. Исторія XIX вѣка до Ватерло—Мишле; томъ III, переводъ О. Поповой и М. Цебриковой; т. XX, 229, 230. Тургеневъ въ его произведеніяхъ — А. Незеленова; т. XX, 467—469. Фундуши и стипендіи Виленскаго учебнаго округа; справочное пособіе; часть I; состав. Н. Юницкій; т. XX, 473, 474. Памяти гр. Алексѣя Сергѣевича Уварова; т. XX, 688, 689. Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изданный Варшавскимъ университетомъ, подъ редакціей А. Будиловича; т. XXI, 396—398. Атаманъ Устя; поволжская быль,—гр. Е. А. Саліаса; т. XXI, 400, 401. Историческій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго—В. Зелинскаго, часть первая; т. XXI, 403, 404. Іосифъ Антоновичъ фонъ-Вейскгофенъ, издатель первой астраханской газеты; т. XXI, 616—618. Всеобщая исторія литературы; выпуски XVII и XVIII; т. XXI, 621, 622. Мѣсто земнаго упокоенія и надгробный памятникъ Д. М. Пожарскому въ г. Суздалѣ; т. XXII, 207, 208. Отчетъ о дѣятельности Прибалтійскаго православнаго братства за 1884 г.; т. XXII, 454, 455. *Мелкія замѣтки его* въ отдѣлѣ „Смѣсь“: т. XIX, 221—227, 459—465, 716—723; т. XX, 242—251, 487—495, 705—712; т. XXI, 215—221, 417—424, 633—640; т. XXII, 222—228, 475—481, 733—739.

Зраховъ, Ив. Зинов., секретарь тайной экспедиціи, впослѣд. предсѣдатель кавказ. палаты гражд. суда, т. XXII, 670, 672.

Зубовскій, священникъ, членъ новгород. консисторіи, т. XXI, 558.

Зубовы:

— Гр. Наталья Александр., рожд. гр. Суворова-Рымникская, княж. Италійская, т. XIX, 590, 593.

— Гр. Никол. Александр., оберъ-шталмейстеръ, т. XIX, 585, 590.

— Кн. Платонъ Александр., генералъ-адъютантъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, членъ государств. совѣта, т. XIX, 590, 637; т. XX, 11, 18.

Зуевъ, крестьянинъ, молоканскій наставникъ, т. XXI, 44.

Зыковы:

— Никол. Семен., секретарь московскихъ благотворительныхъ комитетовъ, впослѣд. монахъ Донскаго монастыря, убійца кн. Голицыной, т. XXI, 582—589.

— Художникъ, т. XX, 185, 188.

И.

Иванаева, Прасковья Гавр., жена яицкаго волостнаго старшины, ярая поклонница Пугачева, т. XIX, 441.

Иваницкій, Александ. Борисов., полковникъ, начальникъ горныхъ инженеровъ на Кавказѣ, т. XXII, 626, 627.

Ивановы:

— А. *Библіографическая замѣтка* о переводахъ его: Титъ Ливій, Тэна; т. XXI, 398—400.

— Антонъ и Петръ Семеновы, владѣльцы Краснаго Кабачка, т. XXII, 408.

— Дарья Сем. См. Казанцева.

— Елизав. Мих., рожд. Сабашникова, писательница, *прилож.* къ т. XXII, 27.

— Марѳа Сем. См. Долбилова.

— Никол. Алексѣев., директоръ страховаго общества „Якорь“, *прилож.* къ т. XXII, 27.

— Полковникъ, кутаисскій губернаторъ, т. XX, 59, 74, 75, 600.

— Семенъ, „петербургскій толмачъ“, первый владѣлецъ Краснаго Кабачка, т. XXII, 406—408.
— Сотникъ, предводитель казацкаго отряда для изслѣдованія верховьевъ р. Яны (XVII вѣка), т. XXI, 113.
Иванъ III Васильевичъ, великій князь московскій, т. XXII, 239.
Иванъ IV Васильевичъ Грозный, царь московскій, т. XIX, 285; т. XX, 6—8, 10, 15, 689, 690; т. XXII, 239, 241.
Иванъ V Алексѣевичъ, царь московскій, т. XX, 7.
Иверсенъ, Ю. Б., нумизматъ, т. XX, 245.
Игнатій:
— Архимандритъ Троице-Сергіевой пустыни, т. XXI, 219.
— Архіепископъ, т. XXI, 48.
— (Брянчаниновъ), епископъ костромской, т. XXI, 218, 219.
Игнатьевы, графы:
— Никол. Павлов., генер.-адъют., генералъ-отъ-инфантеріи, министръ внутрен. дѣлъ, членъ государств. совѣта.
— Пав. Никол., предсѣдатель комитета министровъ, т. XX, 23.
Игебердѣевы, княжескій родъ, т. XX, 13.
Игорь Ольговичъ, великій князь кіевскій, т. XXII, 492.
Идебердѣевы, княжескій родъ, т. XX, 13.
Идевиль. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Закулисныя стороны исторіи“; т. XX, 480.
Измайловъ, штурманскій, ученикъ, т. XIX, 395.
Измаилъ-паша, египетскій вице-король, т. XX, 697.
Изюмскій, Андріанъ Андріанов., правитель канцеляріи кутаисск. генер.-губернатора, т. XIX, 276, 280; т. XX, 70—74.
Изяславъ Мстиславичъ, переяславскій князь, т. XXII, 492.
Икавронскіе. См. Скавронскіе.
Иконниковы:
— Владим. Степ., профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 342, 348, 604, 615, 616.
— Мих. Тимоѳ., священникъ въ г. Вейсенштейнѣ, т. XIX, 328—340.
Иконникъ, Даніилъ, русскій художникъ XV вѣка, т. XIX, 228.
Илларіонъ, іеромонахъ, игуменъ ливенскаго Сергіевскаго монастыря, т. XXI, 133, 185.
Иловайскій, Дмитр. Ив., дѣйствит. стат. совѣт., профессоръ, историкъ. *Библіографическая замѣтка* о его Исторіи Россіи, II томъ; т. XX, 455—463. *Упомин.* т. XX, 225.
Ильинскій, экзархъ Грузіи. См. Евсевій.
Ильинъ, Никол. Петр., чиновникъ особыхъ порученій кутаисск. генер.-губернатора, кн. Гагарина, убитый вмѣстѣ съ нимъ, т. XIX, 506; т. XX, 74, 75.
Ильченко, Дмитр. Власьев., директоръ народн. училищъ, т. XX, 247.
Иналъ, египетскій султанъ, родоначальникъ князей Черкасскихъ, т. XX, 13.
Инглисъ, Петръ, голландецъ, приготовлявшій декораціи для перваго театра въ Москвѣ, т. XXI, 601.
Иннокентій:
— (Иванъ Борисовъ), архіепископъ херсонскій и таврическій, краснорѣчивый витія, т. XX, майск. книжка, 3; т. XXI, 75.
— (Нероновичъ), епископъ иркутскій, т. XXI, 119.
— III, папа римскій, т. XXII, 483.
— IV, папа римскій, т. XXI, 91.
Инсарскій, Вас. Антонов., дѣйствит. стат. совѣт., начальникъ канцел. кавказ. намѣстника, впослѣд. московскій почт-директоръ, писатель, т. XXII, 624, 625, 640; *прилож.* къ т. XXII, 27, 28.
Ирвингъ, англійскій актеръ. См. Бродрибъ.
Иринархъ (Поповъ), рижскій епископъ, впослѣд. архіепископъ рязанскій и зарайскій, т. XXI, 55.
Ириней:
— (Ив. Гавр. Нестеровичъ), архіепископъ иркутскій, т. XIX, 85.
— (Клементьевскій), архіепископъ псковскій, т. XXII, 247.
Исаева, Марья Дмитр. См. Достоевская.
Исаія, святой, епископъ ростовскій, т. XXII, 89.

І.

Іеремія:
— Іеромонахъ ливенскаго Сергіевскаго монастыря, т. XXI, 133, 185.
— (Соловьевъ), епископъ нижегородскій и арзамасскій, т. XXI, 595.
Іеронимъ:
— Инквизиторъ краковскій, т. XXI, 95.
— Магистръ искусствъ и баккалавръ богословія, другъ и послѣдователь Яна Гусса, т. XXI, 99.
Іоакимъ, 9-й патріархъ московскій и всея Россіи, т. XXII, 115, 117.
Іоаннъ:
— Принцъ датскій, т. XX, 689.
— X, папа римскій, т. XXI, 382.
— XXII, папа римскій, т. XXI, 90.

Іоасафъ:
— I, 4-й патріархъ московскій и всея Россіи, т. XXII, 116.
— Архимандритъ ливенскаго Сергіевскаго монастыря, въ схимон. Іона, т. XXI, 135.
— Игуменъ того же монастыря, т. XXI, 133.
— Іеромонахъ того же монастыря, т. XXI, 133, 134.
- (Шебашевъ), архимандритъ того же монастыря, т. XXI, 133.
Іоганна-Елисавета, принцесса ангальтъ-цербстская, мать Екатерины II, т. XIX, 562.
Іона, архимандритъ кіев. монастыря, т. XX, 295.
Іона III (Сысоевичъ), ростовскій митрополитъ. *Статья о немъ;* т. XXII, 88—101.
Іосифъ:
— I, императоръ германскій, т. XX, 19, 20.
— II, австрійскій императоръ, т. XXI, 7, 8, 468, 472—478, 480, 484, 486, 488, 490, 491, 494—500, 506, 540.
— (Аргутинскій - Долгорукій), князь, армянскій патріархъ, т. XX, 16.
— (Бонапарте, графъ Сюрвилье), король Обѣихъ Сицилій и Испаніи, т. XX, 200; т. XXI, 355—364, 368.
— Іеромонахъ ливенскаго Сергіевскаго монастыря, т. XXI, 133.
— Нижегородскій раскольничій архіерей, т. XXI, 48.
Іустъ, греко-уніатскій іеромонахъ, т. XXI, 547—550.

К.

Кабанисъ, Пьеръ-Жанъ-Жоржъ, французскій врачъ и философъ, т. XX, 193.
Каваньяри, англійскій резидентъ въ Кабулѣ, т. XX, 407.
Кавелины, т. XX, іюньская книжка (особая пагинація):
— Александ. Дмитр., 2.
— Антонина Өедор., рожд. Коршъ, 3.
— Дмитр. Александр., директоръ Петерб. глав. педагогич. института и университета, 1, 2.
— Дмитр. Констант., 3.
— Констант. Дмитр., профессоръ Петерб. университета, писатель. *Некрологъ его;* 1—8. *Замѣтка:* Изъ воспоминаній о немъ; т. XXI, 295—297.
— Павелъ Дмитр., 2.
— Софья Дмитр. См. Корсакова.
— Софья Констант. См. Брюллова.
— Шарлотта Ив., рожд. Белли, 2.
Кавтарадзе, кн. Бессаріонъ Давидов., переводчикъ, т. XX, 335, 605, 606.
Казаковъ, поручикъ, собесѣдникъ архимандрита Фотія и управляющій имѣніями гр. Орловой, т. XXI, 563.
Казанова де Сейнгальтъ:
— Джіакомо, авантюристъ. *Статья объ немъ;* т. XXI, 298—308, 510—540.
— Джіованна, рожд. Фарози, мать авантюриста, т. XXI, 302.
— Каетанъ-Жозефъ-Жакъ, отецъ авантюриста, т. XXI, 302.
Казанскій, писатель. *Псевдонимъ его* (И. Черноморскій); т. XXII, 488.
Казанцева, Дарья Сем., рожд. Иванова, совладѣлица Краснаго Кабачка, т. XXII, 408.
Казацци (или Катай), танцовщица варшав. театра, т. XXI, 525.
Калачовъ, Никол. Вас., сенаторъ, тайн. совѣт., директоръ археологич. института. *Некрологъ его;* т. XXII, конецъ декабр. книжки, 1—4. *Упомин.* т. XIX, 460.
Каменскій, гр. Мих. Өедот., генер.-фельдмар., рязанскій и тамбовскій генералъ-губернаторъ, т. XX, 21, 665.
Камеронъ, англійскій консулъ на Кавказѣ, т. XX, 589, 590.
Камковъ, А., писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 487.
Канино, князь. См. Луціанъ Бонапартъ.
Канкринъ, гр. Егоръ Францов., генералъ-интендантъ, министръ финансовъ, т. XX, 22, 518, 521—523, 526, 527, 530, 646, 647, 649.
Кантакузены, княжескій родъ, т. XX, 18.
Кантемиръ, Дмитр. Констант., свѣтлѣйшій князь, молдавскій господарь, т. XX, 18; т. XXII, 249.
Каово (псевдонимъ). *Замѣтка* по поводу описанія его: „Отъ Ростова—Ярославскаго до Переяславля—Залѣсскаго"; т. XIX, 145—151.
Капель, командиръ Гренадерскаго саперннаго баталіона, т. XXI, 266, 267.
Капнистъ, Вас. Вас., писатель, т. XXII, 153.
Капторжь, Петръ, польскій инквизиторъ, т. XXI, 93.
Караваевъ, Владим. Аөанасьев., тайн. совѣт., докторъ медицины, профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 613.
Кара-кули, ханъ Мерва, т. XX, 394.
Карамзинъ, Никол. Мих., исторіографъ, т. XXII, 152, 157, 570.
Каратыгинъ, П. П. *Статьи и замѣтки его:* Цензура временъ императора Павла I, т. XXII, 151—160. Іоганнъ-Готфридъ Грегори, пасторъ московской Нѣ-

мецкой слободы; т. XXI, 596 — 601. *Упомин.* т. XIX, 726.

Кардаунсъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Der Sturz Maria Stuarts; т. XX, 234.

Карелинъ, Г. С., изслѣдователь Средней Азіи, т. XX, 250.

Карлейль, путешественникъ по Россіи, т. XX, 267.

Карлъ:

— I, король Англіи, Шотландіи и Ирландіи, т. XX, 535.

— I, король испанскій, т. XXII, 137.

— II, король испанскій, т. XXII, 142.

— V, нѣмецкій императоръ (какъ испанскій король—Карлъ I), т. XXII, 137—139.

— XIII Іоаннъ (Жанъ-Батистъ-Жюль Бернадотъ, французскій маршалъ, герцогъ зюдерманландскій), король шведскій. *Статья о немъ;* т. XXI, 165 — 178. *Упомин.* т. XIX, 480; т. XX, 204.

— Эрцгерцогъ австрійскій, герцогъ пешенскій, знаменитый полководецъ, впослѣд. губернаторъ Майнца, т. XXI, 170.

Карлъ-Фридрихъ, герцогъ шлезвигъ-голштинскій, т. XXII, 566.

Карно, гр. Лазарь-Николай, французскій инженеръ, организаторъ революціонной арміи, впослѣд. перъ Франціи и министръ финансовъ, т. XIX, 174, 424, 426, 427.

Карновичи:

— Адель Іосифов., рожд. Ямонтъ-Сидоровичъ, супруга писателя, т. XXII, декабр. книжка, 2, 4.

— Евг. Петр., дѣйствит. стат. совѣт., писатель. *Статьи его:* Переполохъ въ Петербургѣ (историческая повѣсть); т. XIX, 48—71, 288—326, 511—535. Дворянская грамота; т. XIX, 619—646. Титулы въ Россіи; т. XX, 5—31. Черты изъ патріаршаго и царскаго быта; т. XXII, 102—120. Служебные, должностные и сословные знаки отличій въ Россіи; т. XXII, 235—257, 563—587. *Библіографическая замѣтка его:* Исторія Россіи— Д. Иловайскаго, т. II, т. XX, 455—463. *Некрологъ его,* т. XXII, декабр. книжка, 1—6.

Каролина-Марія, супруга короля Обѣихъ Сицилій, Фердинанда I, т. XX, 106, 109.

Карпенко, Моисей Ив., генер.-маіоръ, т. XX, 718.

Карповъ, Григорій, архіепископъ симферопольскій. См. Гурій.

Каррь, владѣлецъ села Угодичъ, хранитель ростовской лѣтописи, т. XX, 227.

Каррье, Жанъ Баптистъ, одинъ изъ дѣятелей французской революціи, т. XIX, 169, 170.

Карташевскій, Н. Г., петербургскій мировой судья, т. XIX, 88, 97.

Карташевъ, Андрей Ив., поручикъ, командиръ роты въ первомъ кадет. корпусѣ, т. XX, 116, 117.

Касимовскіе, русскій дворянскій домъ, т. XX, 9.

дю-**Кассъ**, баронъ. *Извлеченіе* изъ соч. его: „Les Rois-Fréres de Napoléon I, documents inédits relatifs au premier Empire"; т. XXI, 355—380.

Катеневъ, Н. И., т. XX, майск. книжка, 9, 10.

Катковъ, Мих. Никиф., тайн. совѣт., редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей", т. XX, 478; т. XXII, 417.

де-**Каттъ**, Генрихъ, другъ короля Фридриха Великаго. *Извлеченіе* изъ его мемуаровъ; т. XXI, 602, 612.

фонъ-**Кауницъ**, графъ фонъ-**Ритбергъ**, князь Венцель-Антонъ, австрійскій государств. канцлеръ, т. XXI, 472, 473, 495, 496.

фонъ-**Кауфманъ**, Констант. Петров., генералъ-адъют., инженеръ-генералъ, виленскій, а потомъ туркестан. генер.-губернаторъ, т. XX, 373; т. XXI, 67, 68.

Каховскій, гр. Мих. Вас., генералъ-отъ-инфатеріи, пензенскій и нижегородскій генер.-губернаторъ, т. XX, 21.

Каци-Чикуани, сванетъ, родоначальникъ князей Мингрельскихъ, т. XX, 14.

Квистъ, Оскаръ Ил., петербургскій мировой судья, впослѣд. гофмейстеръ, членъ совѣта министра финансовъ, т. XIX, 87, 88, 97, 98.

Кейзерлингъ, графы:

— Анна Ив., рожд. Монсъ, фаворитка Петра Великаго, т. XXI, 184—188.

— Прусскій посланникъ въ Петербургѣ, т. XXI, 185.

Кейзеръ, Ѳ. Ѳ., писатель. *Букевенныя подписи его;* т. XXII, 487.

Кейтъ:

— Джорджъ, шотландскій лордъ-маршалъ, впослѣд. прусскій посланникъ въ Мадритѣ, т. XXI, 300.

— Якубъ, прусскій генералъ-фельдмаршалъ, т. XXI, 300.

Келинъ, Ив. Степ., полковникъ, защитникъ Полтавы, т. XXII, 249.

Келлеръ, прусскій дипломатъ, т. XXI, 20.

Кельхенъ, лейбъ-хирургъ, главн. врачъ Обуховской больницы, т. XIX, 221.

Кёнигсенъ, саксонскій посланникъ въ Петербургѣ, т. XXI, 185.

Кёнигсмаркъ, графъ, мнимый любовникъ англійской королевы Софьи-Доротеи, т. XX, 700, 701.

Кесслеръ, Карлъ Өедор., заслуженный профессоръ и ректоръ Петерб. университета, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 4.

Кёхеръ, Германъ Юрьевичъ. *Библіографическая замѣтка* о переводѣ его на нѣмецкій языкъ сочин. Н. А. Некрасова; т. XXI, 202.

Кибальчичъ, Турвонъ Венедикт., археологъ, т. XXII, 496—498, 737.

Кидяевъ, русскій плѣнный въ Мервѣ, т. XX, 379.

Кизельбахъ, архитекторъ, т. XX, 185.

Кильбургеръ, авторъ сочиненія о торговлѣ въ Россіи, т. XX, 270, 273, 274, 277, 278.

Кимбиръ, архимандритъ. См. Сергій.

Кингстонъ, Елизавета Чудли, герцогиня, владѣлица Краснаго Кабачка, т. т. XXII, 410, 412.

Кингъ:

— Англійскій лейтенантъ, т. XIX, 394, 395.

— Моссъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Дневникъ жены штатскаго въ Индіи"; т. XX, 482.

Кинскій, фельдмаршалъ-лейтенантъ, т. XXI, 474.

Кинъ, авторъ „Очерка исторіи Индостана отъ перваго мусульманскаго завоеванія до паденія Монголовъ". *Библіографическая замѣтка* объ этомъ сочиненіи; т. XXII, 215.

Кипіани, Димитр. Ив., дѣйствит. стат. совѣт., членъ совѣта кавказскаго управленія, т. XIX, 504, 505; т. XX, 562—564, 571, 572, 587, 588, 590—596, 598, 600—604.

Кипріанъ, инквизиторъ въ Польшѣ, т. XXI, 95.

Кирилловъ, Иванъ, писатель начала прошлаго вѣка, т. XXI, 115, 116.

Кириллъ:

— (въ мірѣ Константинъ), моравскій архіепископъ, святой, просвѣтитель славянъ. *Замѣтки:* Легенда о немъ; т. XX, 490. Часовня въ Римѣ въ честь его; т. XX, 491. Юбилейная медаль; т. XX, 708, 709. *Упомин.* т. XIX, 611, 612, 614, 616—618; т. XX, 245, 246, 487—490; т. XXI, 402, 419.

— Раскольничій митрополитъ, т. XXI, 51.

Кирпичниковъ, Александръ Ив., докторъ всеобщей литературы, профессоръ. *Статья его:* Педагоги прошлаго вѣка; т. XXI, 433—448. *Библіографическія замѣтки его:* В. Эккерманъ. Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи (исторія эпидемій X—XVIII в.); т. XIX, 201—204. Учебникъ всеобщей исторіи Функе; т. XIX, 446. Божества древнихъ славянъ—Ал. С. Фаминцына, вып. 1; т. XXI, 179—184. Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе Тэна, перев. А. Иванова; т. XXI, 388—409. Добрый пастырь и добрая нива; рѣчь, произнесенная въ юбилей св. Меоодія въ торж. собр. Новорос. университета; т. XXI, 402, 403. Геродотъ; исторія въ девяти книгахъ; переводъ съ греческаго Ө. Г. Мищенка; т. XXI, 613—616. Письма Добровскаго и Копитара—И. В. Ягича; т. XXI, 618—620. Розыскныя дѣла о Өедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ, томы I и II; т. XXII, 206, 207. Война мышей и лягушекъ; поэма Пигреса, перев. В. Краузе; т. XXII, 208, 209. *Библіографическія замѣтки* объ изданной подъ его редакціей „Всеобщей исторіи литературы", вып. XVI, т. XX, 223, 224; выпуски XVII и XVIII, т. XXI, 621, 622.

Кирьяновъ, Александ. Өедор., старшій справщикъ москов. синодальн. типографіи, *прилож.* къ т. XXII, 28.

Кирѣевъ, Никол. Петр., актеръ и писатель, *прилож.* къ т. XXII, 28.

Киселевы, графы:

— Павелъ Дмитріев., генер.-адъют., министръ государств. имуществъ, впослѣд. посолъ въ Парижѣ, XX, 23, 652—660, 662, 664.

— Супруга предъидущаго, рожд. гр. Браницкая, т. XX, 656.

Кисель, Алина Леонтьев., рожд. Крагельская. См. Костомарова.

Кистяковскій, Александръ Өедор., докторъ уголовнаго права, профессоръ, членъ Петерб. университета. *Некрологъ его;* т. XIX, 722. *Упомин.* т. XXII, 607.

Китаевскій, Максимил. Казиміров., докторъ, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 28, 29.

Китаевъ, Егоръ Степ., капитанъ 1-го ранга, начальникъ порта въ Поти, т. XX, 589.

Кифа, настоятель Сковоротскаго монастыря, любимецъ Фотія, т. XXI, 572—574.

Кицкій, гр. Каетанъ, помѣщикъ трехъ польскихъ губерній, т. XXI, 348, 349.

Кишинскій, полковникъ, кавказскій воинскій начальникъ, т. XXII, 636—638.

Кишка-Згерскій, Винцентій, польскій графъ, бездарный поэтъ, т. XXI, 146, 147.

Клапротъ:

— Генрихъ-Юлій, оріенталистъ, русскій академикъ, профессоръ азіатскихъ языковъ и литературы, т. XXI, 25, 27, 30—37, 39.

— Мартинъ-Генрихъ, профессоръ химіи въ Берлинѣ, т. I, 30, 31.

Клейнмихель, гр. Петръ Андреев., генер.-адъют., попечитель петерб. медико-хирург. академіи, главноуправляющій путей сообщенія, т. XIX, 476; т. XX, 23.

Клементовскіе:

— Александ. Ив., докторъ медицины, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 29.

— Архіепископъ псковскій. См. Ириней.

Клеркъ, Карлъ, капитанъ англійскаго флота, т. XIX, 394—401.

Климентъ:

— VIII, папа римскій, т. XXI, 888.

— Ученикъ св. Кирилла и Меѳодія, т. XXI, 420.

Клича, иркутскій губернаторъ, т. XIX, 399.

Клоуттонъ, авторъ соч. Книга Синдибада, или исторія царя и его сына, дѣвицы и семи визирей. *Библіографическая замѣтка* объ этомъ сочиненіи; т. XIX, 212.

Ключаревъ, начальникъ отдѣленія министерства финансовъ, т. XX, 528.

Ключевскій, Вас. Осипов., профессоръ Москов. университета. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Русскій рубль XVI—XVIII вѣка въ его отношеніи къ нынѣшнему; т. XIX, 443, 444.

Кнорингъ, баронъ, отставной русскій гусаръ, агентъ французской желѣзно-дорожной компаніи, т. XX, 578.

Кнутъ-Поссе, финляндскій воинъ, т. XXII, 423.

Княжнины:

— Александръ и Борисъ Яковлевичи, т. XX, 443.

— Викторъ Александр., т. XX, 443, 651, 652.

— Вѣра Александр. См. кн. Хованская.

— Екатер. Александр., рожд. Сумарокова, т. XX, 443.

— Яковъ Борисов., членъ россійской академіи, писатель, т. XX, 443.

Кобенцель, гр. Людовикъ, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, впослѣд. австрійскій канцлеръ и министръ иностран. дѣлъ, т. XXI, 257, 258, 261, 263, 452, 472.

Коберштейнъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Дикая, отчаянная охота Лютцова; т. XX, 285.

Кобцевъ, сотникъ, раненый при Кушкѣ 18 марта 1885 г., т. XX, 428.

Ковалевскій, Александ. Онуфр., докторъ зоологіи, профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 601.

Кодацци, Агостино, итальянецъ, боецъ за свободу южной Америки, т. XX, 236, 237.

Кожевниковъ, Димит. Александр., магистръ ботаники, доцентъ Новорос. университета, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 29.

Кожина, Марья Димитр., жена ген.-маіора, наказанная за болтовню, т. XXII, 678.

Кожмяны:

— Станиславъ, польскій литераторъ и журналистъ. *Некрологъ его*; т. XX, 712.

— Янъ, ксендзъ, братъ предъидущаго. т. XX, 712.

Козакевичъ, Пав. Вас., ген.-маіоръ, вице-директоръ гидрограф. департамента морскаго мин., *прилож.* къ т. XXII, 29.

Козельскіе, русскій княжескій домъ, т. XX, 11.

Коксъ, Вильямъ, путешественникъ, авторъ записокъ о Россіи, т. XXII, 678.

Колемина, морганатическая супруга герцога Гессенскаго. См. гр. Чапская.

Коленкуръ, Армандъ-Августинъ-Людовикъ, герцогъ Виченцкій, французскій посланникъ въ Россіи, впослѣд. франц. министръ иностран. дѣлъ, т. XXII, 586.

Колокольцевъ, баронъ, дѣйствит. тайн. совѣт., сенаторъ, т. XX, 29.

Коломнинъ, Серг. П., профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 611—614.

Колонтаева, В. *Сообщила* Воспоминанія о селѣ Спасскомъ; т. XXII, 41—65.

Колосовы:

— Митроф. Алексѣев., магистръ словесности, профессоръ Варшав. университета, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 4.

— Стахей, протоіерей, духовный цензоръ, т. XXII, 159.

Колышко, Болеславъ, предводитель польской повстанской банды, т. XIX, 574.

Кольборнъ, англійскій полковникъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Съ Гиксъ-пашею въ Суданѣ; т. XIX, 451.

Кольцовъ, Алексѣй Васильев., поэтъ, т. XX, 478, 479.

Колюбакины:

— Александра Андреев., рожд. Крижановская, т. XX, 574.

— Марья Вас., по 1-му браку Эспехо, т. XX, 585, 586, 588.

— Мих. Петр., генералъ-маіоръ, кутаисскій вице-губернаторъ, впослѣд. губернаторъ Мингреліи, т. XIX, 38, 44; т. XX, 38, 575, 579, 580, 585, 587—605.

— Никол. Петр., генералъ-маіоръ, кутаисскій губернаторъ, впослѣд. генералъ-губернаторъ и сенаторъ, т. XIX, 12, 16—19, 29, 37, 40—47, 266, 268—282,

285—287, 490, 504, 508; т. XX, 41, 68, 75, 333—337, 345, 349—351, 355, 560, 565, 579—572, 574, 576, 579, 580, 598, 604, 605.

Комаровъ, И. А., брянскій купецъ, возвысившій отношенія русскихъ торговцевъ съ иностранными, т. XIX, 348.

Комаровъ, Александ. Виссаріонов., генер.-лейт., начальникъ Закаспійскаго края, т. XX, 380, 415, 422; т. XXI, 66.

Комарская, Февронія, мѣщанка, строительница Митрофаніевской кладбищенской церкви въ Петербургѣ, т. XXII, 476.

Комаръ, наставникъ закавказскихъ молоканъ. См. Рудометкинъ.

Комбъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Госпожа Севинье — историкъ"; т. XXII, 217, 218.

Комовскіе:

— Александ. Дмитр., сенаторъ, статсъ-секретарь, поэтъ, т. XIX, 363, 364, 369; т. XXII, 414.

— Вас. Дмитр., дѣйствит. стат. совѣт., директоръ канцеляріи министра народн. просвѣщенія и редакторъ археографич. коммиссіи, т. XIX, 460.

Комовъ, Ив. Ив., профессоръ земледѣлія, т. XXII, 395, 404.

Кондаковъ, Никод. Павлов., докторъ теоріи и исторіи искусствъ, профессоръ Новорос. университета, т. XIX, 718.

Кондорсе, Марія-Жанъ-Антоанъ-Николя Карита, маркизъ, французскій ученый, т. XX, 193.

Кондратъ, инквизиторъ краковскій, т. XXI, 91.

Кондрашевъ, Порфирій Тимоѳ., слуга и другъ И. С. Тургенева, впослѣд. земскій врачъ въ Мценскомъ у., Орлов. г., т. XXII, 50.

Коневецкій, лѣсничій, т. XX, 663.

Конисскій, архіепископъ могилевскій, мстиславскій и оршанскій. См. Георгій.

Коновницынъ, гр. Петръ Петр., генералъ-отъ-инфантеріи, генер.-адъют., т. XX, 22.

Конради, Мацѣй, польскій инквизиторъ, т. XXI, 94.

Констансъ, баронъ, камердинеръ Петра II, т. XX, 28.

Константинъ Павловичъ, великій князь, т. XIX, 597, 674; т. XX, 6, 109; т. XXI, 11, 242, 250, 268, 495, 502.

Констанъ де Ребекъ, Генри-Бенжаменъ, французскій политическій писатель, т. XX, 200, 202.

де-**Кондатъ**, графъ Гаспаръ, перъ Франціи. *Библіографическая замѣтка* объ изданныхъ его сыномъ воспоминаніяхъ его; т. XX, 702.

Копитаръ, Вареоломей, славянскій филологъ. *Библіографическая замѣтка* объ изданной перепискѣ его съ Добровскимъ; т. XXI, 618—620.

Копоровъ, писатель. *Псевдонимъ его* (В. Благовѣщенскій); т. XXII, 486.

Корвизаръ, французскій медикъ, т. XX, 191.

Корвинъ - Коссаковскій, гр., дѣйствит. стат. совѣт., т. XX, 23.

Корелинъ, М. С. *Статья его:* Прошлое современной дипломатіи; т. XXII, 133—150.

Корзаія:

— Мингрельскій помѣщикъ, т. XIX, 485.

— Мингрельскіе дворяне, т. XX, 564.

Корзунъ, Ив. Пав., ротный командиръ, кавказскій служака, т. XIX, 41.

Коризна, управляющій гр. А. А. Закревскаго, т. XX, 667.

Коріятовичи-Курцевичи, русскій княжескій родъ, т. XX, 12.

Коркуновъ, Мих. Андреев., академикъ, т. XIX, 460.

Корниловъ, И. П., писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 487.

Корніевскіе-Майные:

— Никиф. Роман. См. Майновъ.

— Романъ, т. XIX, 723—726.

Королевы, Евграфъ и Всеволодъ Ивановичи, братья, ростовскіе граждане, реставрировавшіе Бѣлую палату въ Ростовѣ Великомъ, т. XXII, 96.

Корсаковы:

— А. Н. *Статья его*: Степанъ Ивановичъ Шешковскій; т. XXII, 656—687. *Замѣтка его:* Александръ Даниловичъ Марковъ (Оспенный); т. XXII, 467—473.

— Дмитр. Александр., докторъ русской исторіи, профессоръ Казан. университета. *Статья его:* Памяти Николая Ивановича Костомарова; т. XXI, 72—86. *Библіографическія замѣтки его:* Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи—Е. Е. Замысловскаго; т. XIX, 185—190. Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ—М. О. Кояловича; т. XIX, 684—707. Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII в., томъ III, царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ, 1692—1724, изд. 2, М. И. Семевскаго; т. XXI, 184—188. *Библіографическая замѣтка* о произнесенной имъ рѣчи о дѣятельности гр. А. С. Уварова, т. XX, 688, 689. *Упомин.* т. XX, 707, 708.

— Софья Дмитр., рожд. Кавелина, т. XX, іюньск. книжка, 2.

Корфъ:
— Бар. Екатер. Карл., рожд. гр. Скавронская, дѣйствительная статсъ-дама, т. XIX, 557, 560, 561.
— Гр. Модестъ Андреев., членъ государств. совѣта, статсъ-секретарь, т. XX, 23; т. XXII, 570.
— Никол. Андреев., генералъ-аншефъ, т. XIX, 561, 562.
Корходиновы, угасшій княжескій родъ, т. XX, 10.
Коршъ:
— Антонина Өедор. См. Кавелина.
— Валентинъ Өедор., журналистъ и писатель, т. XX, 223.
Косицкая, Любовь Павл., артистка, т. XIX, 471.
Коссовичи:
— Игнатій Андреев., магистръ римской словесности, т. XXII, 597, 598.
— Полковникъ. *Замѣтка* объ изготовленной имъ Кирилло-Меөодіевской медали, т. XX, 708.
Костеръ-фонъ-Розенбергъ, Иванъ, врачъ въ Москвѣ, т. XXI, 599.
Костеша-Жаба, Наполеонъ, польскій путешественникъ и писатель. *Некрологъ его;* т. XXII, 481.
Костомаровы:
— Алина Леонтьев., рожд. Крагельская, по первому браку Кисель, т. XX, майск. книжка, 5, 10; т. XXI, 78.
— Ник. Ив., дѣйствит. статскій совѣтникъ, историкъ, членъ археографической коммиссіи. *Статьи его:* Марина Мнишекъ; по поводу картины художника Рябушкина; т. XIX, 5—11. Поѣздка въ Переяславъ; т. XXII, 489 — 508. *Статья:* Памяти Н. И. Костомарова; т. XXI, 72—86. *Библіографическій обзоръ* учено-литературной дѣятельности его; т. XX, 677—687. *Некрологъ его;* т. XX, майск. книжка, 1—16. *Упомин.* т. XIX, 461; т. XXI, 415; т. XXII, 207.
Костровъ, кн. Никол. Александр., писатель, *прилож.* къ т. XXII, 4.
Косыгинъ, подпоручикъ, раненый при Кушкѣ 18 марта 1885 г., т. XX, 423.
Котельниковъ, Семенъ, коллеж. совѣт., ученый цензоръ, т. XXII, 158, 159.
Котляревскій, Александръ Александ., профессоръ Кіев. университета, писатель, т. XIX, 390; *прилож.* къ т. XXII, 4.
Котоминъ, петербургскій мировой судья, т. XIX, 99.
Котошихинъ, Григор. Карпов., подьячій посольскаго приказа. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ сочин. о немъ; т. XIX, 441, 442.
Коушутъ, текинскій ханъ, т. XX, 385, 386, 401.
Кохановская, писательница. См. Соханская.
Кохевскій, В. В., правитель Таврической области, т. XXI, 21.
Кохомскій, Аөанасій, ризничій владимір. архіерейскаго дома, т. XXII, 358, 359.
Коцебу, гр. Павелъ Евстаф., генер.-адъют., варшав. генералъ-губернаторъ, т. XX, 23.
Кочакидзе:
— Мингрельская княжеская фамилія, т. XX, 339.
— Кн. Максимъ Беровичъ, сенакскій полицейскій коммиссаръ, т. XX, 571.
Кочановскій, В. В., магистръ славянской филологіи, т. XX, 245.
Кочубей:
— Графъ, вице-канцлеръ, т. XX, 22.
— Кн. Викт. Павл., первый министръ внутрен. дѣлъ, впослѣд. предсѣдатель государств. совѣта и государств. канцлеръ, т. XX, 17.
— Ксенія Герасим., рожд. Стрѣшенцева, т. XX, 447.
— Семенъ Вас., генеральный обозный, т. XX, 446, 447.
Кочубинскій, Александ. Александр., профессоръ Новорос. университета. *Статья его:* Тысячелѣтіе славянскаго самосознанія; т. XIX, 608. *Библіографическая замѣтка* о рѣчи его, произнесенной въ юбилей св. Меөодія въ Новороссійскомъ университетѣ: Добрый пастырь и добрая нива; т. XXI, 402, 403. *Упомин.* т. XXI, 216.
Кояловичъ, Мих. Осипов., дѣйствит. стат. совѣт., профессоръ Петерб. духовной академіи. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ; т. XIX, 684—707. *Упомин.* т. XX, 246.
Кравинкель, пасторъ московской Ново-Нѣмецкой слободы, т. XXI, 597.
Крагельская, Алина Леонтьев., по первому браку Кисель. См. Костомарова.
Краевскій, Андрей Александр., издатель-редакторъ газеты „Голосъ“, т. XIX, 459, 460.
Крамеръ, германскій маіоръ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Критическій обзоръ русско-турецкой войны; т. XX, 478.
Краузе, Вл. *Библіографическая замѣтка* о переводѣ его: Война мышей и лягушекъ Пигреса; т. XXII, 208, 209.
Краузъ, Христіанъ-Яковъ, нѣмецкій ученый, профессоръ Кенигсберг. университета, т, XXI, 37, 38.

Крашевскій, Іосифъ, польскій писатель. *Замѣтка* о его музеумѣ; т. XIX, 720, 721. *Упомин.* т. XX, 463.
Кремлевъ, директоръ Демидовскаго юридическаго лицея, т. XIX, 460.
Кренке, Викт. Данил., генер.-лейтен. *Статья его*: Бытъ саперовъ 50 лѣтъ назадъ; отрывокъ изъ воспоминаній; т. XXI, 265.
Крепи, графы:
— Анна, дочь кіевскаго князя Ярослава Мудраго. См. Анна Ярославна.
— Рудольфъ, васалъ французскаго королевства, т. XIX, 208.
Крестовскій, Всеволодъ В., писатель. *Библіографическая замѣтка* объ исторической повѣсти его „Дѣды"; т. XX, 693, 694.
Кречетниковъ, Мих. Никит., генералъ-аншефъ, генер.-губернаторъ тульскій, калужскій и рязанскій, покоритель Литвы, т. XX, 21; т. XXI, 18, 504.
Кригеръ, Андрей Андреев., кредиторъ писателя А. П. Сумарокова, т. XX, 447.
Крижаничъ, Юрій, сербъ, католическій священникъ, т. XX, 269, 270.
Криновъ, архимандритъ. См. Гедеонъ.
Кристи, И. В., бессарабскій дворянинъ, т. XXI, 216.
Кропотова, первая игуменья петерб. Смольнаго морастыря. См. Елпидифора.
Крузебіёрнъ, Петръ, шведскій резидентъ въ Москвѣ, т. XXII, 140.
Крузенштернъ, Алексѣй Өедор., статсъ-секретарь, начальникъ гражд. управленія на Кавказѣ, т. XX, 601, 602.
Крутиковъ, русскій купецъ въ Ригѣ, т. XIX, 348, 349.
Крыжановскіе:
— Александра Андреев. См. Колюбакина.
— Архіепископъ. См. Смарагдъ.
Крюгеръ, нѣмецкій профессоръ, историкъ, т. XXII, 717—719.
Крюйсъ, Корнелій Ив., русскій адмиралъ, т. XXII, 424.
Ксенія Борисовна Годунова, московская царевна, въ иночествѣ Ольга, т. XX, 689, 690.
Куанье, госпожа. *Библіографическая замѣтка* о соч. ея о Францискѣ I; т. XXII, 461.
Кубаревъ, Алексѣй Мих., магистръ, профессоръ Кіев. университета, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 4, 5.
Кудрявцева, Наталья Нефедьев. См. Татищева.
т. XXI, 199.
Кузнецовы:
— А. Г. *Библіографическая замѣтка* объ изданной имъ Исторіи въ девяти книгахъ Геродота, въ переводѣ Мищенка; т. XXI, 613—616.
— Амфилогій, протоіерей верхнеудинскаго собора, т. XIX, 727.
— Марья, мать жены самозванца Пугачева, Устиньи, т. XIX, 441.
— Устинья Петров., вторая жена Пугачева, т. XIX, 441.
Кузьмина, Александра Вас., дворянка, получившая исцѣленіе въ Лавенской пещерѣ, т. XXI, 132.
Кузьминъ-Шипила, поручикъ, декабристъ, т. XIX, 457.
Куламовъ, старшій поваръ перваго кадетскаго корпуса, т. XIX, 81, 82; т. XX, 118—120.
Куликъ, Вас. Петров., дѣйствит. стат. совѣт. *Библіографическая замѣтка* объ изданныхъ подъ его редакціей Памятникахъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ; Холмская Русь (Люблинская и Сѣдлецкая губерніи); выпускъ седьмой; т. XX, 225, 226.
Куломзинъ, А. Н. *Библіографическая замѣтка* о вышедшемъ подъ его редакціей 45-мъ томѣ Сборника императорскаго русскаго историческаго Общества; т. XX, 690—693.
Кульбергъ, русскій полковникъ, геодезистъ, т. XX, 416.
Кульвановскій, помощникъ окружнаго начальника въ Мингреліи, т. XX, 565, 566.
Куникъ, Аристъ Аристов., дѣйствит. стат. совѣт., докторъ русской исторіи, академикъ, т. XIX, 460, 461.
Купріяновъ, писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 487.
Куракины, князья:
— Русскій княжескій родъ, т. XX, 11.
— Александръ Борисов., вице-канцлеръ, впослѣд. посолъ въ Парижѣ, т. XXII, 153, 155.
— Елена Алексѣев. См. гр. Зубова.
Куропаткинъ, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева въ русско-турецкую войну 1877—1878 г. Ловча и Плевна; т. XX, 230, 231. *Упомин.* т. XX, 478.
Курочкины:
— Нижегородск. раскольникъ, т. XXI, 58.
— Никол. Степ., писатель. *Некрологъ его;* т. XIX, 225, 226.
де-Куртене, дворянская фамилія, т. XIX, 639.
Курута, графъ, генер.-лейтен., т. XX, 22.
Курчевскій, Мартынъ, полякъ, нарушитель таможенныхъ правилъ, т. XXI, 236.

Кусовъ, баронъ, глава петербургскаго купеческаго дома, т. XX, 29.

Кусубаевъ, Отаевъ, алтайскій зайсанъ, пріѣзжавшій въ Петербургъ, т. XX, 626—628.

Кутайсовъ, гр. Ив. Пав., егермейстеръ, любимецъ Павла I, т. XX, 22, 29.

Кутателадзе, протоіерей, сванетскій миссіонеръ, т. XX, 36, 37.

Кутейниковъ, Никол. Степан. *Статья его:* Воспоминанія Одынца; т. XXI, 142—150. *Библіографическія замѣтки его:* Н. А. Милютинъ (Un homme d'état Russe. Etude sur la Russie et la Pologne pendant le règne d'Alexandre II. 1855—1872). Par Anatol Leroy — Beaulieu; т. XIX, 197—201. Соціализмъ, какъ правительство, Н. Тэна, переводъ С. Никитенко, изданіе А. Е. Рябченко; т. XXI, 194—198.

Кучинъ, писатель. *Псевдонимъ его* (Я. Учинъ); т. XXII, 487.

Кушакевичъ, инспекторъ перваго кадет. корпуса, т. XX, 122, 124.

Кушелевы:

— Генер.-лейт., начальникъ 1-й пѣхот. дивизіи, т. XIX, 362.

— Гр. Григ. Григ., адмиралъ, директоръ водяныхъ коммуникацій и экспедиціи дорогъ, т. XX, 22.

де-Кюстинъ:

— Маркизъ, т. XX, 651.

— N. Николаевна, рожд. Дубенская, маркиза, т. XX, 651.

Л.

Лависсъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Исторія Пруссіи"; т. XXI, 204, 205.

Лаврентьевъ, крѣпостной помѣщика И. П. Шеина, впослѣд. деньщикъ полковника Б., піанистъ. *Разсказъ* объ немъ; т. XX, 144—155.

Лавровскій, ректоръ Варшав. университета, т. XXI, 398.

Лагривовы:

— Авдотья Ив., рожд. Губарева, пріятельница В. П. Тургеневой, т. XXII, 49, 50.

— Помѣщикъ Орловской губ., т. XXII, 49.

Лаццаретти, Давидъ, глава религіозной секты близъ Сіенны. *Библіографическая замѣтка* объ изданной біографіи его; т. XX, 702, 703.

Лазаревъ-Станищевъ, Н.С., лейтенантъ, т. XIX, 364—367.

Лазарь, переяславскій епископъ, т. XXII, 494.

Ламанскій, Владим. Ив., дѣйств. стат. совѣт., докторъ славянской словесности, профессоръ Петербургск. университета, т. XIX, 460; т. XX, 490.

Ламбертъ le Bagues (Занка), бельгійскій ксендзъ, основатель женскихъ общинъ подъ назван. „бенгвинскихъ домовъ", т. XXI, 90.

Ламздорфъ:

— Гр., генералъ-маіоръ, директоръ лѣснаго департамента, т. XX, 662—664.

— Гр. Матв. Ив., генералъ-отъ-инфантеріи, членъ государств. совѣта, т. XX, 22.

Ламетъ, Александръ, полковникъ, т. XIX, 592.

Ланжеронъ, гр. Александръ Өедор., генералъ-отъ-инфантеріи, новорос. генер.-губернаторъ, т. XX, 22.

Лансдель, Генри. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Русская Центральная Азія, включая Кульджу, Бухару, Хиву и Мервъ"; т. XXI, 625, 626.

Ланской, Сергѣй Степ., сенаторъ, министръ внутренн. дѣлъ, членъ государств. совѣта, т. XX, 23.

Ланфре, Пьеръ, французскій историкъ, сенаторъ. *Библіографическая замѣтка* объ изданной перепискѣ его; т. XXII, 725.

Лаперузъ, Жанъ-Франсуа-Гало, французскій мореплаватель, т. XIX, 401.

Лапушкинъ, писатель. *Псевдонимъ его* (Фениксовъ); т. XXII, 488.

Ласпейресъ, профессоръ Дерпт. университета, т. XX, 268.

Ласси, гр. Петръ Петров., генералъ-фельдмаршалъ, лифляндск. генер.-губернаторъ, т. XX, 20.

Латкинъ, Василій Н. *Библіографическія замѣтки* о соч. его: Приложеніе къ изслѣдованію „Земскіе соборы древней Руси, матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII столѣтія"; т. XXI, 189—193. Земскіе соборы древней Руси, ихъ исторія и организація сравнительно съ западно-европейскими представительными учрежденіями; т. XXII, 445—448.

Лау, Эрнестъ. *Библіографическая замѣтка* объ изданной имъ „Исторіи дворца Гамптон-Кортъ во времена Тюдоровъ"; т. XXII, 214.

Лауренсъ, Джонъ, генер.-губернаторъ Индіи, т. XX, 548, 553.

де-Лафонъ, Софья, начальница Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ въ Петербургѣ, т. XXI, 419.

Лашкаревъ, П. А., профессоръ Кіевск. духов. академіи, т. XIX, 224.

Лебедевы:

— Писатель. *Подпись его;* т. XXII, 487.

— Художникъ, т. XX, 496.

Лебренъ, французскій генералъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Война 1870 года; Базейль и Седанъ; т. XIX, 453.

Левашовъ, гр., кіев. генер.-губернаторъ, т. XX, 23, 657.

фонъ-**Левенвольдъ**, графы:

— Карлъ-Уставъ, генер.-поручикъ, генералъ-адъютантъ, оберъ-шталмейстеръ, т. XX, 20.

— Рейнгольдъ, фаворитъ Екатерины I, т. XX, 20.

Левитовъ, А. И., писатель, т. XX, 427.

Левицкіе:

— Г. В., буквенная подпись его, т. XXI, 432.

— Ор. И., профессоръ Кіевской духовной академіи. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ подъ его редакціей VI томѣ Архива Юго-Западной Россіи; часть первая; акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ Юго-Западной Руси; т. XX, 469—471.

Левковичъ, писатель. *Псевдонимъ его;* т. XXII, 487.

Левшинъ, митрополитъ московскій. См. Платонъ.

Леджъ, англійскій историкъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его о королѣ Ричардѣ III; т. XXII, 461, 462.

Леже, Луи, профессоръ славянскихъ языковъ и литературы во Французской Коллегіи. *Библіографическія замѣтки:* о его вступительной лекціи, т. XXI, 199—201; о соч. его: Болгарскій кризисъ; т. XXII, 457, 458.

Лейардъ, англійскій посолъ въ Константинополѣ, т. XXI, 67.

Лейхтенбергскіе, князья, т. XX, 7.

Лелива, Людвигъ, псевдонимъ польской графини. *Библіографическая замѣтка* о соч. ея: Jan Sobieski i wiek jego; т. XX, 239.

Лемсденъ, П., генералъ-маіоръ, начальникъ англійск. конвоя въ Афганистанѣ, т. XX, 415, 416, 418.

Леонади, актриса петерб. Михайловскаго театра, т. XIX, 113—116.

Леонардъ, польскій инквизиторъ, т. XXI, 95.

Леонидъ, намѣстникъ Свято-Троицкой Сергіевской лавры, т. XXI, 420.

Леонтьевъ, Н. *Библіографическая замѣтка* объ изданной имъ брошюрѣ: „Іосифъ Антоновичъ фонъ-Вейскгонфенъ, издатель первой астраханской газеты“; т. XXI, 616—618.

Леопольдъ I, римско-нѣмецкій императоръ, т. XX, 19; т. XXII, 249.

Лермонтовъ, Мих. Юрьев., поэтъ. *Статья:* Эпизодъ изъ кавказской жизни его (Рѣчка Смерти); т. XIX, 473—483. *Замѣтка* по поводу поправокъ къ этой статьѣ г. Зиссермана; т. XX, 712—716. *Упомин.* т. XIX, 41; т. XX, 478.

Леруа-Болье, Анатоль, французскій экономистъ и публицистъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Un homme d'état russe. Etude sur la Russie et la Pologne pendant le règne d'Alexandre II. 1855—1872; т. XIX, 197—201.

Лессаръ, инженеръ путей сообщенія, путешественникъ по Средней Азіи, т. XX, 379, 397, 414, 416.

де-**Лессепсъ**, Фердинандъ, французскій инженеръ, строитель Суэзскаго канала, т. XXI, 67, 68, 70, 71.

Лешковъ, Вас. Никол., профессоръ Варшав. университета, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 5.

Лещинскіе:

— Казиміръ, польскій магнатъ, казненный за атеизмъ, т. XX, 101.

— Митрополитъ сибирскій. См. Филофей.

Ливенъ, Шарлотта Карлов., свѣтлѣйшая княгиня, статсъ-дама, т. XX, 16, 17, 24.

Лидерсъ, гр. Александръ Никол., генер.-адъют., намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ, т. XX, 23.

Лимановскій, начальникъ походной канцеляріи кавказскаго намѣстника, кн. А. И. Барятинскаго, т. XX, 586.

Линниченко, А. И., директоръ кіев. Фундуклеевской гимназіи, т. XXII, 602—603.

Линовскій, Н. *Замѣтка его:* Маленькая историческая невѣрность; т. XX, 719, 720. *Отвѣтъ* на эту замѣтку А. Маркова, т. XXI, 426, 427.

де-**Линь**, принцъ, т. XXI, 18, 23, 254, 258, 262, 263, 454, 465, 488, 490—492, 495—497, 502, 506.

Липариты, старинная фамилія мингрельскихъ дворянъ, т. XIX, 488.

Липпертъ. *Библіографическая замѣтка* о его Всеобщей исторіи священства; т. XIX, 711.

Липсій, Юстъ, профессоръ, исторіографъ. *Библіографическая замѣтка* о вышедшемъ сочиненіи объ немъ; т. XIX, 714.

Лисенковъ, петербургскій книгопродавецъ-издатель, т. XIX, 281.

Лисицкій, авторъ монографіи о маркизѣ Велепольскомъ, т. XIX, 197.

Лисицынъ, писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 487.

Литке, гр. Θедоръ Петр., генер.-адъют., генер.-адмиралъ, президентъ академіи

наукъ, членъ государств. совѣта, писатель, т. XX, 23; *прилож.* къ т. XXII, 30.
Литта, графы:
— Великій бальи Мальтійскаго ордена, т. XXII, 578.
— Екатер. Вас., рожд. Энгельгартъ, по первому браку гр. Скавронская, гофмейстерина, т. XX, 98—102.
— Ю. П., предсѣдатель попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія, т. XXII, 220, 221.
фонъ-деръ-**Диттъ**, Альбертъ, русскій посланникъ въ Пруссіи, т. XXII, 140.
Лихуда, Іоанникій, греческій ученый, монахъ, т. XXII, 249.
Лихутинъ, Мих. Доримедонт., генералъ-маіоръ, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 31.
Лобановъ, Өедоръ Ив., дворецкій и домашній секретарь В. П. Тургеневой, т. XXII, 50, 52.
Лобановъ-Ростовскій, кн. Алексѣй Борисов., тайн. совѣт., статсъ-секретарь, товарищъ министра внутренн. дѣлъ, впослѣд. посланникъ въ Вѣнѣ, т. XXI, 61, 62.
Лодій, Андрей Петров., учитель пѣнія, т. XX, 133, 143.
Лонтевы:
— Прасковья, рожд. Долбилова, владѣлица Краснаго Кабачка, т. XXII, 409—412.
— Гренадеръ лейбъ-кампаніи, мужъ предъидущей, т. XXII, 409.
Лонновскій, генер.-лейтен., т. XX, 440.
Лоидъ:
— Маргарита Ив., т. XX, 252.
— Марья Өедор. См. Воронихина.
— Өедоръ Иван., пасторъ, тесть А. Н. Воронихина, т. XX, 251—253.
Лопухины:
— А. А., другъ М. Ю. Лермонтова, т. XIX, 482.
— Первая супруга Петра Великаго. См. Евдокія Өедоровна.
— Петръ Вас., свѣтлѣйшій князь, генер.-прокуроръ, т. XX, 16, 17; т. XXII, 153.
Лордкипанидзе, Ираклій Осип., мингрельскій князь, секретарь правительницы Е. А. Дадіани, т. XIX, 25, 26; т. XX, 587, 591.
Лорисъ-Меликовъ, Мих. Таріелов., генер.-адъют., генералъ-отъ-кавалеріи, министръ внутрен. дѣлъ, т. XX, 23, 65; т. XXII, 627, 628.
Лорнъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Природа и духъ по отношенію къ эпохамъ культуры"; т. XXI, 208.
Лосній, Юзефъ, польскій археологъ. *Некрологъ его;* т. XIX, 465.
Лоуденъ, Гедеонъ-Эрнестъ, фельдмаршалъ австрійскихъ войскъ. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ очеркѣ военной жизни его; т. XIX, 450, 451.
Лохвицкій, становой приставъ Бобровскаго у., Воронеж. г., обнародовавшій Положеніе 19 февраля 1861 г., т. XXI, 208, 209.
Луба, Янъ-Фаустинъ (Дмитрòвичъ), польскій шляхтичъ, самозванецъ Лжедимитрій, т. XXI, 233, 237, 239.
Луговскіе, князья:
— Ростовскій княжескій родъ, т. XX, 227.
— Ирина Мих. См. Мусина-Пушкина.
— Семенъ Мих., т. XXII, 90.
де-**Лузиньянъ**, титулованный король кипрскій и іерусалимскій, полковникъ русской службы, т. XX, 9.
Луканъ, тифлисскій губернаторъ, т. XX, 575—577.
Лукомскіе, русскій княжескій родъ, т. XX, 15.
Лукошковъ, капитанъ лейбъ-гренадерскаго полка, флигель-адъютантъ, т. XX, 175, 176.
Лупіанъ, вейсенштейнскій бюргеръ, т. XIX, 334.
Лутовиновы:
— Варвара Петр., мать писателя И. С. Тургенева. См. Тургенева.
— Ив. Иванов., богатый помѣщикъ Орловской губ., дядя писателя И. С. Тургенева, т. XXII, 42, 43.
Луціанъ, Бонапартъ, князь Канино, французскій министръ внутр. дѣлъ, впослѣд. членъ трибуны, т. XIX, 428, 672; т. XX, 199, 200; т. XXI, 355, 358, 359.
Лучицкій, Ив. Вас., докторъ всеобщей исторіи, профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 591, 594, 595, 603, 604.
Лыткинъ, писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 487.
Львовы:
— Анна Вас. См. Бороздина.
— Кн. Алексѣй Мих., думный дворянинъ, т. XXI, 232—240.
— Өедоръ Никол., секретарь русскаго техническаго Общества. *Некрологъ его;* т. XXI, 220.
Льюинъ, англійскій полковникъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Муха на колесѣ; т. XXI, 207.
Лѣсковъ, Никол. Семен., писатель. *Статьи его:* Подмѣнъ виновныхъ; случай изъ остзейской юрисдикціи; т. XIX, 327—340. Кадетскій малолѣтокъ въ старости; къ исторіи „Кадетскаго монастыря"; т. XX, 111—131. Унизительный торгъ; т. XX, 281—298. Благословенный бракъ; характерный пропускъ въ исторической литературѣ раскола; т. XX, 499—515. Бракоразводное забвеніе; при-

чини разводовъ брачныхъ; т. XXII, 509—524. *Сообщилъ замѣтки:* Одинъ изъ трехъ праведниковъ; къ портрету А. П. Боброва; т. XIX, 80—85. Какъ заступаться за литературныхъ дамъ; по поводу статьи Скабичевскаго объ изданіяхъ Е. Н. Ахматовой; т. XX, 255, 256. О риженихъ прелестницахъ и о благословенныхъ бракахъ; т. XXII, 228—232. *Замѣтка* по поводу статей его: Унизительный торгъ и Благословенный бракъ; т. XXI, 424—426.

Любимовы:

— Викторъ, епископъ. См. Викторинъ.

— П. К., писатель. *Псевдонимъ его* (Роковъ), т. XXI, 492.

Любомірскіе, князья:

— Княжескій родъ, т. XX, 18.

— Генрихъ, основатель львовскаго музея его имени. *Замѣтка* объ этомъ музеѣ; т, XXI, 348—354.

— Юрій, сынъ предъидущаго, т. XXI, 349.

Люгебиль, К., писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 487.

Людовикъ:

— XI, король французскій, т. XXII, 137, 139.

— XII, король французскій, т. XXII, 139.

— XIV, король французскій, т. XXII, 149.

— XVI (Августъ), французскій король, т. XIX, 660; т. XX, 202; т. XXII, 190—192.

— XVII (Карлъ), король французскій. *Статья объ немъ;* т. XXII, 190—198.

— XVIII (Станиславъ Ксавье, гр. Провансній), регентъ, а потомъ король Франціи, т. XX, 196.

— (Бонапарте, гр. Санъ-Лье), голландскій король, т. XX, 200; т. XXI, 363—374.

Людовикъ-Филиппъ, французскій король, т. XX, 651.

Людоговскій, Алексѣй Петр., профессоръ агрономіи Петров. земледѣльч. академіи, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 31.

Люрьонъ, Фаустъ, псевдонимъ французскаго общественнаго дѣятеля. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Турецко-русская война 1877—1878 года; т. XIX, 716.

Лютцовъ, Адольфъ - Людвигъ - Вильгельмъ, прусскій маіоръ, предводитель волонтеровъ. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ соч. объ немъ; т. XX, 235, 236.

Лядовъ, Ив. Матв., членъ владимір. статистич. комитета, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 31, 32.

М.

Маасумъ, эмиръ бухарскій, завоеватель и разрушитель Мерва, т. XX, 385.

Мавринъ, капитанъ-поручикъ, т. XXII, 672.

Мавронордати, княжескій родъ, т. XX, 18.

Мавроси, греческій графъ, т. XX, 18.

Магнусъ, датскій принцъ, т. XX, 689.

Мадзини, Джузеппе, италіанскій республиканецъ. *Библіографическая замѣтка* о сочиненіи: „Король и заговорщикъ"; т. XXII, 461.

Мазановскій. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Адамъ Мицкевичъ въ 1829—1832 году"; т. XX, 484.

Мазепа, Иванъ, гетманъ Малороссіи, т. XXII, 499—501.

Майковъ, Леонидъ Никол., дѣйствит. стат. совѣт., членъ археографич. коммиссіи. *Библіографическая замѣтка* объ изданіи его: Памятники древней письменности и искусства; краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году; т. XXII, 199—203. *Упомин.* т. XIX, 460.

Майлы, ханъ Мерва, т. XX, 391.

Майновы:

— Васил. Никиф., камеръ-пажъ, т. XX, 718.

— Владим. Н. *Замѣтка его:* Ничипоръ Майный; дополненіе къ ст. Упраздненіе двухъ автономій; т. XIX, 723—726. Дополненіе къ этой замѣткѣ, т. XX, 718.

— Владиславъ Никиф. *Замѣтка его:* По поводу замѣтки „Ничипоръ Майный"; т. XX, 718. *Упомин.* т. XIX, 726.

— Елизав. Вас., рожд. Семенова, т. XIX, 725, 726.

— Ив. Вас., т. XIX, 723, 726.

— Кадетъ перваго кадетскаго корпуса, т. XX, 124.

— Никиф. Романов., полковникъ. *Замѣтка* объ немъ; т. XIX, 723—726. *Упомин.* т. XX, 718.

Макарій:

— (Миролюбовъ), епископъ орловскій, а потомъ нижегородскій, т. XXI, 133.

— (Мих. Петр. Булгаковъ), московскій митрополитъ, церковный историкъ, *прилож.* къ т. XXII, 33—36.

— (Токаревскій), архимандритъ каневскаго Овручскаго монастыря, преподобно-мученикъ, т. XXII, 502—506.

Макаровъ, Алексѣй Вас., тайн. совѣт., тайный кабинетъ-секретарь, впослѣд. президентъ камеръ-коллегіи, т. XIX, 250, 251, 253, 254, 256, 536—539.

Мак-Дугалль, англійскій генералъ. *Библіографическая замѣтка* о статьѣ его:

„Our system of infantry tactics-what is-it?"; т. XX, 694.

Макlаковъ, Николай Вас., московскій врачъ, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 37.

Маковскій, К. Е., художникъ, т. XX, 496.

Максимиліанъ I, нѣмецкій императоръ, т. XXII, 138.

Максимовъ, Гавр. Мих., актеръ и писатель, *прилож.* къ т. XXII, 37.

Максимъ, поваръ кн. А. И. Гагарина, раненый княземъ К. Дадешкиліани, т. XX, 74.

Малаховъ, Мих. Виктор., ученый. *Некрологъ его;* т. XIX, 722, 728.

Малаховскій, Доминикъ, польскій королевскій проповѣдникъ, т. XXI, 95.

Малевскій, ректоръ Виленскаго университета, т. XXI, 149.

Малофѣевъ, Ясонъ Ив., полковникъ, командиръ Гренадер. саперн. баталіона, т. XXI, 266—269, 272—274, 277—289, 292.

Малышевъ, А. А. *Статья его:* Изъ воспоминаній о прошломъ (1830—1836 г.); т. XX, 645—664.

Мальгина, Е. Д., содѣйствовавшая возстановленію ростовскихъ древностей, т. XXII, 100.

Мальковъ, бійскій купецъ, „просвѣтитель" алтайскихъ инородцевъ, т. XX, 620, 621.

Мальмесбери, гр. Джемсъ-Говардъ, англійскій министръ иностран. дѣлъ. *Библіографическая замѣтка* о его автобіографіи, т. XIX, 213.

Маміани, Теренціо, итальянскій министръ народн. просвѣщенія, сенаторъ, писатель. *Некрологъ его;* т. XXI, 220, 221.

Манонччъ, Самойло, польскій „шаферъ", т. XXI, 232.

Мамоновъ, гр. Александръ Матв., фаворитъ Екатерины II, т. XXI, 446, 451, 452, 456, 457, 464.

Мануилъ, іеромонахъ, родственникъ Фотія, настоятель новгород. Юрьева монастыря, т. XXI, 574, 575.

Маратъ, Жанъ-Поль, дѣятель французской революціи, т. XIX, 676, 677.

Марганія, князья:

— Гассанъ-бей, т. XX, 40, 41.

— Сеидъ-бей (Дмитрій), т. XX, 40—42.

Маржеретъ, авторъ записокъ о Россіи, т. XIX, 187.

Марина Мнишекъ, жена лже-царя, самозванца Димитрія. *Статья объ ней* по поводу картины Рябушкина; т. XIX, 5—11.

Марини, Дженерозо, лекарь и торговецъ въ Парижѣ, т. XXI, 528, 529.

Марія Александровна (Максимиліана-Вильгельмина - Августа - Софія - Марія, принцесса гессенъ-дармштадтская), русская императрица, т. XIX, 26; т. XXII, 649, 650.

Марія-Антуанетта, супруга французскаго короля Людовика XVI, т. XIX, 660, 666; т. XX, 238, 239; т. XXII, 191—198.

Марія-Луиза, вторая супруга Наполеона I, правительница Пармы, Піаченцы и Гвасталы, впослѣд. морганатическая супруга гр. Адама Нейпперга, т. XX, 217.

Марія Павловна, великая княгиня, королева виртембергская, т. XIX, 369, 370.

Марія (Стюартъ), королева Шотландіи. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ сочиненіи объ ней; т. XX, 234. *Упомин.* т. XXI, 629.

Марія-Терезія, императрица Австріи и королева Венгріи и Богеміи, т. XXI, 169. 170.

Марія-Терезія Шарлотта, супруга герцога ангулемскаго Людвика Антона де-Бурбонъ, т. XIX, 660.

Марія Өедоровна (Доротея-Софія-Августа-Луиза, принцесса виртембергская), вторая супруга императора Павла Петровича, т. XXI, 214, 242—244, 246—248, 250, 251, 254, 446, 455, 490, 496, 500, 502.

Маркевичи:

— Арсеній. *Сообщилъ* замѣтку: Древняя икона св. Николая въ Брестѣ; т. XX, 254, 255.

— Болеславъ Мих., русскій романистъ. *Некрологъ его;* т. XIX, 226.

Маркелъ, переяславскій епископъ, т. XXII, 494.

Марковы:

— Александръ Данил. (Оспенный), секундъ-маіоръ. *Замѣтка объ немъ;* т. XXII, 467—473.

— Алексѣй. *Замѣтка его:* Отвѣтъ г. Линовскому; т. XXI, 426, 427.

Марлинскій, псевдонимъ писателя. См. Бестужевъ.

Мароція, любовница папы Сергія III, мать папы Іоанна XI и убійца папы Іоанна X, т. XXI, 382.

Марсъ, Анна-Франс.-Гипполита Буше-Монвель, французская актриса, т. XIX, 680—682.

Мартель, французскій графъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Исторнки-фантазёры; т. XXII, 726.

Мартенвиль, французскій актеръ и писатель, т. XIX, 668, 669.

Мартинъ изъ Бржезя, краковскій инквизиторъ, т. XXI, 93.

Мартинъ, леди (Елена Фоуситъ). *Библіографическая замѣтка* о соч. ея: О нѣкоторыхъ женскихъ характерахъ Шекспира; т. XXI, 414, 415.

Мартыновъ, писатель. *Подпись его;* т. XXII, 487.

Мартьяновъ, П. К. *Статьи его:* Изъ старой записной книжки; т. XIX, 350—374. Три встрѣчи (Пушкина съ Бестужевымъ, Тургенева съ Писаревымъ и Писемскаго съ „самоуправцами"); т. XXII, 413—421. *Поправки* къ этой статьѣ, т. XIX, 727, 728.

Маскелль, Альфредъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Русское искусство и предметы искусства въ Россіи; т. XIX, 449.

Масловы:

— Русскій дворянскій домъ, т. XX, 10.

— А. Н. *Статья его:* Россія въ Средней Азіи; очеркъ нашихъ новѣйшихъ пріобрѣтеній; т. XX, 372—423.

Массонъ, библіотекарь французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. *Извлеченіе изъ соч. его*: „Les diplomates de Revolution"; т. XXI, 164—178.

Матвѣевы:

— Александ. Павл., ректоръ Кіевскаго университета, т. XXII, 339, 592, 593, 599, 600, 611, 613, 614, 616, 617, *прилож.* къ т. XXII, 37.

— Артамонъ Сергѣев., ближній бояринъ, первый совѣтникъ и другъ царя Алексѣя Михайловича, т. XXI, 596, 600.

— Гр. Андрей Артамонов., русскій государственный человѣкъ, т. XXII, 140.

Матте-Гене, Карлъ Филиппов., учитель француз. языка рязанской гимназіи, *прилож.* къ т. XXII, 37, 38.

Маттеи, Фридрихъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Хозяйственные источники Россіи и ихъ значеніе для настоящаго и будущаго; т. XIX, 211.

Махмудъ-шахъ, туркестанскій ханъ, т. XX, 372.

Махтумъ-кули, ханъ Мерва, т. XX, 394.

Мацкевичъ, А., священникъ м. Бѣлиловки, Бердичев. у., т. XXI, 544.

Мацонъ, профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 341.

Мацѣевичъ, ростовскій митрополитъ. См. Арсеній.

Мацѣёвскій, Вацлавъ-Александръ, профессоръ Варшав. университета, польскій писатель. *Замѣтка* о библіотекѣ его; т. XIX, 463, 464.

Мацѣй:

— изъ Кракова, доминиканскій провинціалъ, инквизиторъ, т. XXI, 91.

— изъ Яндва, проповѣдникъ въ Польшѣ ученія о причащеніи подъ обоими видами, т. XXI, 92.

Мачаваріани, Давидъ, протоіерей, переводчикъ евангелія на мингрельскій языкъ, т. XX, 358.

Мачутадзе, имеретинскій князь, т. XX, 580.

Медвѣдевъ, Вас. Григ., камерфурьеръ 6 класса; могила его; т. XX, 675, 676.

Медемій, хивинскій ханъ, т. XX, 402.

Медингъ, Оскаръ (Георгъ Самаровъ), нѣмецкій романистъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Отъ Садовы до Седана" во французскомъ переводѣ; т. XX, 701, 702.

Межовъ, Влад. Измайлов., библіографъ. *Библіографическая замѣтка* о его русской исторической библіографіи (1865—1876 г.), томъ V; т. XX; 474.

Мейсснеръ, Альфредъ, нѣмецкій писатель. *Некрологъ его;* т. XXI, 221.

Мелиссино, Ив. Ив., тайн. совѣт., кураторъ Москов. университета, т. XXI, 524.

Меллеръ-Закомельскій, баронъ Ив. Иванов., генералъ-аншефъ, т. XX, 29.

Мельвилль, Джорджъ, инженеръ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Въ дельтѣ Лены; т. XX, 239.

Мельниковы:

— Павелъ Ив., писатель-этнографъ (Андрей Печерскій). *Статья его:* Раскольничьи секты въ Россіи; т. XXI, 41—63. *Упомин.* т. XIX, 466, 467.

— Изслѣдователь древностей въ Троицкомъ у., Оренбургской губ., т. XX, 491.

Менендесъ-и-Пелайо, критикъ и историкъ культурнаго движенія въ Испаніи. *Библіографическая замѣтка* объ изданныхъ сочиненіяхъ его; т. XXII, 215, 216.

Меньшиковъ, кн. Александръ Данил., генералиссимусъ, т. XIX, 558, 559; т. XX, 15—20; т. XXI, 186, 187; т. XXII, 249.

Менщуткинъ, петербургскій мировой судья, т. XIX, 98, 99.

Мердеръ:

— Генералъ-маіоръ, командующій войсками, расположенными въ Воронежѣ (1861 г.), т. XXI, 210.

— Карлъ Карлов., генералъ-маіоръ, генер.-адъют., воспитатель императора Александра Николаевича, т. XIX, 219, 220.

Мериме, Фернандесъ, испанскій ученый. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Сафо предъ современною критикою; т. XIX, 453.

Мерси-Аржанто, графъ, австрійскій посланникъ въ Нидерландахъ. *Библіографическая замѣтка* объ изданныхъ письмахъ его къ Людвигу Старембергу; т. XXII, 464.

Мессершмидтъ, Даніель-Теофилъ, врачъ

и естествоиспытатель, путешественникъ по Россіи, т. XXI 25, 27, 33.
Местмахеръ, баронъ, русскій резидентъ при дворѣ князя-епископа любскаго, т. XX, 29.
Методіусъ, монахъ изъ аѳонскаго монастыря Каракалы, заподозрѣнный въ сношеніяхъ съ поляками, т. XXI, 547.
Меттернихъ, кн. Клеменсъ-Венцель-Непомукъ-Лотаръ, герцогъ Портелла, австрійскій государственный человѣкъ, т. XXI, 51, 168.
Мещерскіе:
— Русскій княжескій родъ, т. XX, 13.
— Арс. Ив., профессоръ живописи, т. XIX, 482.
— Кн. Владиміръ, издатель-редакторъ журнала „Гражданинъ", писатель, т. XX, 502.
Меѳодій, архіепископъ паннонскій и моравскій, святой, просвѣтитель славянъ. *Статьи и замѣтки* по новоду тысячелѣтняго юбилея его: Тысячелѣтіе славянскаго самосознанія; т. XIX; 608—618. Тысячелѣтняя годовщина кончины его; т. XX, 486—490. Легенда о немъ; т. XX, 490. Юбилейная медаль; т. XX, 708, 709. Меѳодіевскій юбилейный сборникъ; т. XXI, 396—398. *Упомин.* т. XX, 245, 246, 491; т. XXI, 402, 403, 419.
Мизерецкій, Іоаннъ Георгіев., священникъ. *Разсказы его* объ архимандритѣ Фотіи; т. XXI, 557—575.
Мизно, Никол. Дмитр., писатель, *прилож.* къ т. XXII, 5.
Микава, мингрельскій кузнецъ, предводитель возставшихъ противъ правительницы, кн. Е. А. Дадіани, т. XIX, 270, 272—276, 485, 486, 496—498; т. XX, 560.
Микадзе, князья:
— Мингрельская княжеская фамилія, т. XX, 338.
— Никол. Александр., т. XIX, 17, 19, 266, 278.
Микеладзе, князья:
— Анна Тимоѳ., по первому браку княгиня Шаликашвили. См. Гегидзе.
— Глахуа, т. XX, 564.
— Константинъ, капитанъ, мингрельскій окружной начальникъ, т. XIX, 286; т. XX, 72, 593, 594.
Миклашевскій, родственникъ кн. А. А. Безбородко, т. XXI, 451.
Микулинъ, Левъ, гвардіи сержантъ, т. XIX, 537—539.
Микѣшинъ, Мих. Осипов., художникъ-академикъ, т. XX, 587; т. XXI, 217.
Миличъ, Янъ изъ Кромерижа, каноникъ пражскій, защитникъ причащенія подъ обоими видами, т. XXI, 92.
Миллеръ:
— Евдокія, послушница Борисоглѣбской пустыни, получившая исцѣленіе въ Ливенской пещерѣ, т. XXI, 132.
— Орестъ Ѳедор., дѣйств. стат. совѣт., профессоръ Петербургск. университета, т. XXI, 419.
— Ѳедоръ Богд., поэтъ-переводчикъ, издатель журнала „Развлеченіе", *прилож.* къ т. XXII, 5.
Милорадовичи:
— Гр. Мих. Андреев., генералъ-отъ-инфантеріи, петерб. военный генер.-губернаторъ, т. XX, 22.
— Полковникъ, т. XIX, 250.
— Родственникъ кн. А. А. Безбородко, т. XXI, 451.
Мильчевскій, В. О., писатель, т. XX, 428.
Милюковъ, Александръ Петров., писатель. *Библіографическія замѣтки его:* „На Москвѣ"; историческій романъ графа Саліаса; т. XIX, 437, 438. „Дочь шута"; романъ П. Р. Фурмана; т. XX, 227—229. Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева въ русско-турецкую войну 1877—1878 г. Ловча и Плевна—генеральнаго штаба генералъ-маіора Куропаткина; т. XX, 230, 231. „Дѣды", историческая повѣсть Всеволода Крестовскаго; т. XX, 693, 694.
Милютины:
— Гр. Дмитр. Алексѣев., генералъ-адъют., генералъ-отъ-инфантеріи, военный министръ, т. XX, 23, 526.
— Никол. Алексѣев., товарищъ министра внутренн. дѣлъ, впослѣд. статсъ-секретарь царства Польскаго, членъ государств. совѣта. *Библіографическая замѣтка* о соч. о немъ Леруа-Болье; т. XIX, 197—201.
Минаевъ, И. П., профес. Петерб. унив., санскритологъ, т. XX, 641.
Мингрельскіе, княжескій родъ, т. XX, 14.
Мининъ, Н. Г., писатель. *Подпись его;* т. XXII, 487.
Мининъ-Сухорукъ, Козьма Захаров., нижегородскій мясникъ, впослѣд. думный дворянинъ, т. XXII, 208.
фонъ-**Минихъ**, гр. Бурхардъ-Христофоръ, русскій генералъ-фельдмаршалъ, т. XX, 20; т. XXI, 318—320.
Мировичъ, Иванъ, переяславскій полковникъ, т. XXII, 499.
Миролюбовъ, епископъ орловскій. См. Макарій.
Миренъ, Франсуа, французскій администраторъ. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ соч. объ немъ; т. XXII, 218.
Миропольскій, С. И., членъ вольнаго экономическаго Общества, т. XX, 489.

Митрофанъ (Банъ), черногорскій архіепископъ, т. XX, 487, 488.

Митусовы:

— Марья Степ., рожд. Шешковская, т. XXII, 686.

— Петръ Петр., тайн. совѣт., сенаторъ, т. XXII, 686.

Михайловъ, Юрій, учитель лютеранск. приход. училища въ Москвѣ, т. XXI, 600.

Михаилъ (Бурдуковъ), епископъ иркутскій и нерчинскій, т. XIX, 727.

Михаилъ Николаевичъ, великій князь, т. XX, 586, 587.

Михаилъ Павловичъ, великій князь, т. XIX, 362; т. XX, 126; т. XXI, 266, 268, 285, 292, 341.

Михаилъ Өедоровичъ, царь московскій, т. XX, 8, 9, 689; т. XXI, 190, 230, 236, 240.

Михалешвили, Цхакунія, мингрельскій богатый еврей, т. XX, 339.

Михельсонъ, Ив. Иванов., генер.-отъ-кавалеріи, т. XXII, 673.

Михневичъ, Вл. Ос. *Статья его:* Семейство Скавронскихъ (страница изъ исторіи фаворитизма въ Россіи); т. XIX, 233—257, 536—572. *Библіографическая замѣтка его:* Разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка—Александра Барсукова; т. XXII, 448, 449.

Мицкевичъ, Адамъ, польскій поэтъ. *Библіографическія замѣтки:* о соч. объ немъ Мазановскаго; т. XX, 484; о четвертомъ томѣ переписки его; т. XX, 703, 704. *Упомин.* т. XIX, 656; т. XX, 142—146, 148, 149, 199—201.

Мишле, Жюль, французскій историкъ, профессоръ College de France. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Исторія XIX вѣка, III томъ, въ переводѣ О. Поповой и М. Цебриковой; т. XX, 229, 230.

Мищенко, Ө. Г. *Библіографическая замѣтка* о переводѣ его: Исторія въ девяти книгахъ—Геродота; т. XXI, 613—616.

Мнишекъ:

— Жена Лжедимитрія. См. Марина Мнишекъ.

— Юрій, отецъ предъидущей, воевода сандомирскій, т. XIX, 7—11.

Модестовъ, В. И., профессоръ. *Статья его:* Въ Казани и Кіевѣ, отрывокъ изъ воспоминаній; т. XXII, 321—343, 588—617.

Можайскій, И. П. *Сообщилъ* легенды о графѣ Аракчеевѣ; т. XXI, 211—214.

Моисей, игуменъ ливенскаго Сергіевскаго монастыря, т. XXI, 133, 134.

Моллерупъ, датскій писатель. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Отношенія Даніи къ Лифляндіи отъ продажи Эстляндіи до уничтоженія ордена Меченосцовъ, т. XIX, 452.

Молчановъ, А. Н. *Статья его:* Изъ исторіи дипломатіи; т. XXI, 164—178.

Монастырскій, С. *Библіографическая замѣтка* о его Иллюстрированномъ спутникѣ по Волгѣ (историко-статистическій очеркъ и справочный указатель); т. XXI, 405, 406.

де-**Монморанси**, великій конетабль Франціи. *Библіографическая замѣтка* о вышедшемъ сочиненіи о немъ; т. XXI, 413.

Моннье, Маркъ, писатель, поэтъ и профессоръ сравнительной исторіи литературъ. *Некрологъ его;* т. XXI, 639, 640.

Монсъ:

— Анна Ив. См. Кейзерлингъ.

— Виллимъ Ив., камергеръ Екатерины I, т. XXI, 184—188.

— Матрена Ив. См. Балкъ.

Монталамберъ, публицистъ и писатель, „либеральный католикъ". *Библіографическая замѣтка* объ изданной біографіи его; т. XIX, 215.

Монье, женевскій профессоръ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Всеобщая исторія новѣйшей литературы; т. XIX, 713.

Мордвиновъ, Никол. Семен., предсѣдатель департамента государств. экономіи въ государств. совѣтѣ и президентъ вольнаго экономич. Общества, т. XX, 23, 519—521, 524; т. XXII, 404, 405.

Мордовцевъ, Данило Лукичъ, писатель. *Историческая повѣсть его:* Авантюристы; т. XXII, 5—40, 258—292, 525—562. *Упомин.* т. XX, 719, 720, майск. книжка, 15, 16; т. XXI, 426, 427.

Морковъ, А. И., русскій дипломатъ, т. XXI, 251, 257.

де-**Морне**, гр. Юлія Пав., рожд. гр. Паленъ, по первому браку гр. Самойлова, но второму Перри, т. XX, 102.

Морни, гр. Шарль-Огюстъ-Люи-Жозефъ, депутатъ французъ. палаты, впослѣд. сенаторъ, посланникъ въ Петербургѣ и предсѣдатель законодательнаго собранія, т. XIX, 154, 155.

Моро:

— Жанъ-Викторъ, генералъ французскихъ, а потомъ русскихъ войскъ, т. XIX, 608.

— Поль. *Библіографическая замѣтка* о его этюдѣ о шутахъ и дуракахъ; т. XXII, 216, 217.

Морозовы:

— О. И. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Славянскія литературы, помѣщенномъ въ XVI выпускѣ Всеобщей исторіи литературы; т. XXI, 223, 224.

— Пав. Тимоѳ., писатель, *прилож.* къ т. XXII, 5.
Морошкинъ, Ѳедоръ Лукичъ, профессоръ Московскаго университета и директоръ коммерческой академіи, т. XIX, 89.
Мосцинскій, графъ, польскій королевскій стольникъ, т. XXI, 526.
Мосцицкій, Мельхіоръ, послѣдній польскій инквизиторъ, т. XXI, 96.
Мотора, Семенъ, сибирскій казакъ, изслѣдователь р. Анадыра, т. XXI, 114.
Мотылевичъ, священникъ с. Строкова, Сквирскаго у., обвиненный въ возбужденіи распри между поляками-помѣщиками и крестьянами, т. XXI, 554—556.
Моффатъ, Робертъ и Марія, африканскіе миссіонеры. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ сочиненіи объ нихъ; т. XXII, 723.
Мстиславскій, кн. Ѳедор. Ив., воевода, т. XXII, 240.
Мстиславъ Владиміровичъ, князь новгородскій, т. XXII, 491.
Мстиславъ Изяславичъ, великій князь кіевскій, т. XXII, 492.
Мулави-Шераг-Али, гражданскій чиновникъ турецкой арміи. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Предположенныя политическія, законодательныя и соціальныя реформы Оттоманской имперіи и др. магометанскихъ государствъ; т. XIX, 218.
Мулловъ, профессоръ Казан. университета, т. XX, 500.
Муравьевъ-Амурскій, гр. Никол. Никол., генер.-адъют., генер.-губернаторъ Восточной Сибири, впослѣд. членъ государств. совѣта, т. XX, 23, 61, 582.
Муравьевъ-Карскій, гр. Никол. Никол., генер.-адъют., намѣстникъ кавказскій, т. XIX, 267, 268, т. XX, 49, 343, 563, 575, 576.
Муравьевъ, гр. Мих. Никол., генералъ-отъ-инфантеріи, вилен. генер.-губернаторъ, т. XIX, 199; т. XX, 23.
Муравьевы-Апостолы:
— Ипполит. Ив., прапорщикъ, декабристъ, т. XIX, 457.
— Матв. Ив., подполковникъ, декабристъ, т. XIX, 457.
— Сергѣй Ив., подполковникъ Черниг. пѣхот. полка, декабристъ, т. XIX, 457.
Мусины-Пушкины:
— Алексѣй Богдан., т. XX, 227.
— Гр. Алексѣй Ив., дѣйствит. тайн. совѣт., президентъ академіи художествъ, т. XX, 21.
— Гр. Ив. Алексѣев., дѣйствит. тайн. совѣт., сенаторъ, т. XX, 20, 227.
— Ирина Мих., рожд. княж. Луговская, т. XX, 227.
Мхейдзе, князья:
— Григорій, т. XX, 338.
— Иванъ (Кинтирій), мингрельскій помѣщикъ, т. XX, 337, 338.
— Мингрельская княжеская фамилія, т. XX, 339.
Мышецкіе, русскій княжескій родъ, т. XX, 15.
Мюке, докторъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его. Изъ временъ Гогенштауфеновъ и Вельфовъ; т. XXI, 410.
Мюллеръ:
— I. Б., шведскій драгунскій капитанъ, издавшій на нѣмецкомъ языкѣ изслѣдованіе гр. Новицкаго объ остякахъ, т. XXII, 203.
— Максъ-Фридрихъ, оріенталистъ, профессоръ Оксфордскаго университета, т. XXI, 39.

Н.

Надеждинъ, Никол. Ив., профессоръ Москов. университета, впослѣд. редакторъ „Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“, писатель, т. XXI, 637.
Найдышевъ, купецъ, сохранившій архитектурные памятники въ Переяславѣ-Залѣсскомъ, т. XX, 147.
Накашидзе, кн. Александръ, кавалерійскій корнетъ, т. XX, 335, 349, 350, 565—568, 570.
Нанешвили, мингрельскіе дворяне, т. XX, 564.
Наполеонъ:
— I. Бонапартъ, императоръ французовъ. *Статья:* Коронованные братья Наполеона I; т. XXI, 355—380. *Упомин.* т. XIX, 172, 183, 413, 416, 420, 424—428, 430, 668, 673, 678, 680, 682, 683; т. XX, 199, 200, 202—204, 207, 213—217; т. XXI, 165, 166, 631; т. XXII, 255, 459, 460, 579, 586.
— III (Людовикъ), императоръ французовъ, т. XX, 69, 711; т. XXI, 368, 371, 373; т. XXII, 218.
Нарушевичъ, Станиславъ, польскій референдарій, т. XXI, 238.
Нарышкины:
— Русскій дворянскій домъ, т. XX, 24, 25.
— Воспитательница П. В. Черткова, впослѣд. епископа владимірскаго Паѳенія, т. XXII, 345.
— Дмитрій Львов., директоръ театровъ, т. XXI, 321, 325.
— Екатерина и Наталья Львовны; т. XXI, 321.
— Левъ Александр., оберъ-шталмейстеръ, т. XXI, 261, 262, 320—325, 504.
Нассау-Зигенъ, Карлъ-Генрихъ-Нико-

лай-Оттонъ, принцъ, французскій морякъ, впослѣд. русскій адмиралъ, т. XXI, 461, 487, 495, 500.
Наталья Алексѣевна, великая княжна, т. XXII, 473.
Невельской, народный разсказчикъ, т. XX, 428.
Невзоровъ, студентъ, возражавшій Шевковскому, т. XXII, 680, 681.
Невѣдомскій, В. Н. *Библіографическая замѣтка* о переводѣ его: Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи— Эдуарда Гиббона, часть IV; т. XIX, 204, 205.
Нейльмейеръ-Вукасовичъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его о Сѣверо-Американскихъ штатахъ; т. XXII, 729.
Незабитовскій, Вас. Андреев., дѣйств. ст. совѣт., профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 599, 600.
Незеленовъ, А. И. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Тургеневъ въ его произведеніяхъ; т. XX, 467—469.
Нейкирхъ, профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 340.
Неккеръ:
— Анна-Луиза, французская писательница. См. Сталь-Гольстейнъ.
— Жакъ, французскій государственный человѣкъ, писатель, т. XX, 200, 201.
Неклюдовы:
— Никол. Александ., предсѣдатель петерб. мироваго съѣзда, впослѣд. членъ консультаціи министерства юстиціи, т. XIX, 87, 88, 93, 113—116.
— Чиновникъ канцеляріи намѣстника кавказскаго, т. XX, 52.
Некрасовъ, Никол. Алексѣев., поэтъ. *Библіографическая замѣтка* о вышедшихъ сочин. его на нѣмецкомъ языкѣ; т. XXI, 202. *Упомин.* т. XIX, 226.
Неофитъ, архимандритъ греческой посольской церкви въ Петербургѣ, т. XX, майск. книжка, 13.
Неплюевъ, Семенъ Александр., дѣйствит. стат. совѣт., правитель Орловскаго намѣстничества, т. XXI, 421.
Нероновичъ, епископъ иркутскій. См. Иннокентій.
Нероновъ, М. И., вяземскій купецъ, основатель Общества страхованія товаровъ на Двинѣ, т. XIX, 347—349.
Нерыцкіе, русскій княжескій родъ, т. XX, 15.
Несвицкіе, русскій княжескій родъ, т. XX, 15.
Неслуховскій, Ф. К., воспитатель Александровскаго лицея, т. XX, майск. книжка, 10—18.
Нессельроде, графы:
— Карлъ Вас., министръ иностран. дѣлъ и государств. канцлеръ, т. XX, 657.
— Лидія Арсеньев., рожд. гр. Закревская, т. XX, 668.
Нестеровичъ, Ив. Гавр. См. Ириней.
Неффъ, Тимоѳ. Андреев., живописецъ, т. XXI, 578, 579.
Нечаевъ, Григ. Ив., московскій дьякъ, т. XXI, 229.
Нечаевъ, Сергѣй Алексѣев., зять гр. Киселева, т. XX, 657, 658.
Никита, переяславскій епископъ, т. XXII, 494.
Никитенко, С. *Библіографическая замѣтка* о переводѣ ея: Соціализмъ, какъ правительство—И. Тэна; т. XXI, 194—198.
Никитины:
— Графъ, инспекторъ резервной кавалеріи, т. XX, 23.
— Никол. Дмитр., докторъ медицины, директоръ школы садоводства, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 38.
— Французская писательница, рожд. Жандръ. *Некрологъ ея;* т. XIX, 464, 465.
Никифоровъ, капитанъ 28-го полоцкаго пѣх. полка, замученный польскими повстанцами. *Замѣтка* о его могилѣ въ г. Петроковѣ; т. XIX; 721, 722.
Николаевъ, П. С. *Разсказы его* изъ прошлаго; т. XX, 132—155. *Воспоминанія его* о князѣ А. И. Барятинскомъ; т. XXII, 618—644.
Николаи:
— Баронъ А. П., т. XIX, 504; т. XX, 564.
— Фридрихъ, берлинскій ученый, авторъ „Общаго обозрѣнія всѣхъ языковъ, вселенной“, т. XXI, 24.
Николай:
— Изъ Бржезя, краковскій инквизиторъ, т. XXI, 93.
— Переяславскій епископъ, т. XXII, 494.
Николай Александровичъ, наслѣдникъ цесаревичъ (1843—1865 г.), т. XX, 6.
Николай Александровичъ, наслѣдникъ цесаревичъ (род. 1868 г.), т. XX, 6.
Николай Николаевичъ Младшій, великій князь, т. XX, 491, 492.
Николай Николаевичъ Старшій, великій князь, т. XX, 182, 183, 586, 587.
Николай Павловичъ, императоръ. *Разсказъ объ немъ;* т. XX, 485, 486. Къ характеристикѣ его; т. XXI, 340—347. *Упомин.* т. XIX, 15, 358, 360, 361, 363—365, 369—371, 454, 455, 470, 471, 476, 728; т. XX, 7, 13, 16, 22—25, 29, 41, 121, 126, 132, 242, 364, 521—530, 538, 564, 653, 665, 666, 718; т. XXI, 266—

268, 282, 290, 409, 418; т. XXII, 206, 207, 243, 244, 247, 249, 413, 414.

Николевъ, Ю. А., коллеж. ассес., помѣщикъ, надзиравшій за Суворовымъ, т. XIX, 591.

Никольскіе:

— А. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Методика исторіи по Крюгеру; т. XXII, 717—719.

— Ѳ. Я., редакторъ Ярослав. Губерн. Вѣдомостей, т. XXI, 623.

Никонъ, 6-й патріархъ московскій и всея Россіи, т. XX, 262, 264—274; т. XXII, 90—92, 111, 116.

Никсонъ, авторъ „Полной исторіи Трансвааля". *Библіографическая замѣтка* объ этомъ сочиненіи; т. XXII, 213.

Никшичъ, полковникъ, раненый при Кушкѣ 18 марта 1885 г., т. XX, 423.

Нильскій, актеръ петербургскихъ театровъ, т. XXI, 83.

Новиковъ, Никол. Ив., писатель и журналистъ, т. XXII, 385.

Новицкій, Григорій, авторъ „Краткаго описанія о народѣ остяцкомъ" (1715 г.). *Библіографическая замѣтка* объ этомъ сочиненіи; т. XXII, 199—203.

Нововейскій, полякъ, знакомый Ѳ. М. Достоевскаго по Сибири, т. XIX, 126, 127.

Новодворскій, Андрей Осипов., писатель (Осиповичъ), *прилож.* къ т. XXII, 38.

Новосельскій, Н. А., директоръ общества пароходства и торговли, т. XX, 70.

Новосильцевъ, Никол. Никол., организаторъ правительственныхъ частей въ царствѣ Польскомъ, предсѣдатель госуд. совѣта и комитета министровъ, т. XX, 23.

Норовы:

— Авраамъ Сергѣев., министръ народн. просвѣщенія, путешественникъ, т. XIX, 460.

— Генералъ-маіоръ, директоръ лѣснаго департамента, т. XX, 664.

О.

Обольяниновъ, Петръ Хрисанфов., генералъ-прокуроръ, т. XXII, 158, 159.

Оборскій, Янушъ, польскій панъ, приставленный къ русскимъ посламъ, т. XXI, 288.

О'Бріенъ, Барри. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Пятьдесятъ лѣтъ концессій Ирландіи; т. XXII, 722.

Одишарій, мингрельскій священникъ, т. XX, 360, 361.

Одоевскіе, князья:

— Русскій княжескій домъ, т. XX, 10.

— Александ. Ив., корнетъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, поэтъ, декабристъ, т. XXI, 223.

— Никита Ив., государственный мужъ XVII в., предсѣдатель коммиссіи о составленіи Уложенія, т. XXI, 190, 191.

О'Донованъ, англійскій политическій агентъ въ Мервѣ, сотрудникъ газеты Daily News, т. XX, 378, 379, 382, 392.

Одынецъ:

— Антоній-Эдуардъ, польскій поэтъ и публицистъ. *Замѣтка* о немъ, т. XIX, 655 — 658. *Воспоминанія* его; т. XXI, 142—150.

— Наталья Григорьев., рожд. Глинка, т. XIX, 728.

— Тадеушъ, владѣлецъ имѣнія Гейстуны, Ошмян. у., Вилен. губ., т. XIX, 655.

— Тереза, рожд. Гнотовская, т. XIX, 655.

Ожаровская, гр. Марья Павл., рожд. гр. Скавронская, по первому браку гр. Паленъ, т. XX, 102.

Озноблишины:

— Подпоручикъ, сопровождавшій гр. М. Г. Головкина по Сибири, т. XXI, 119, 120.

— Ю. Я., пожертвовавшій тамбов. музею Рахманинскія изданія, т. XX, 247.

Оксеновъ, А. В. *Статья его:* Средне-колымскъ и его округъ; т. XXI, 105 — 127. *Библіографическая замѣтка его:* Памятники древней письменности и искусства. Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, соч. Григ. Новицкимъ въ 1715 г.; т. XXII, 199—203.

Олельковичъ, Митро, псевдонимъ писателя. См. Александровичъ.

Олишева, Марья Вас., сестра А. В. Суворова-Рымникскаго, т. XIX, 585.

Олкинъ, учитель рисованія перваго кадет. корпуса, т. XX, 114.

Олсуфьевы:

— А. В., тайн. совѣт., кабинетъ-секретарь, т. XXI, 325, 522.

— Анна Ив., гофмейстерина, т. XIX, 551, 552.

— Гр. А. В., археологъ, т. XXII, 224.

— Графъ, оберъ-гофмейстеръ, т. XX, 23.

д'Ольбрёзъ:

— Софья-Доротея, супруга англійскаго короля Георга I, т. XX, 700, 701.

— Элеонора, мать предъидущей, т. XX, 700.

Ольга Николаевна, великая княгиня, т. XIX, 370.

Омеръ-паша (ренегатъ Михаилъ Да-

тасъ), турецкій полководецъ, т. XIX, 23—25; т. XX, 47, 48, 56.
Опочинина, Аграф. Степ., камеръ-фрау цесаревны Маріи Александровны, впослѣд. монахиня; разсказъ объ ней; т. XXII, 648—655.
Опацевичъ, профессоръ Вилен. университета, т. XX, 462.
Опочининъ, Е. Н., членъ Общества любителей древней письменности, т. XX, 245; т. XXI, 420.
Опперманъ, гр. Карлъ Ив.; инженеръ-генералъ, т. XX, 22.
Орбеліани, князья:
— *Анаст. Давид. См. кн. Гагарина.
— Григ. Димитр., генер.-адъют., членъ государств. совѣта, т. XX, 563, 601, 603.
— Димитр. Ѳом., грузинскій предводитель дворянства, т. XX, 363.
— Елизавета Димитр., по первому браку Давыдова. См. кн. Барятинская.
— Ив. Давид., адъютантъ кавказскаго намѣстника, т. XX, 589.
Орбинскій, Ф., писатель *Подпись его;* т. XXII, 487.
Орловскій, Никол. Осипов., генер.-лейтен., начальникъ 1-й саперной бригады, т. XXI, 269.
Орловъ-Давыдовъ, гр. Владим. Петр., писатель, *прилож.* къ т. XXII, 38.
Орловъ-Чесменскій, гр. Алексѣй Григ., генералъ-аншефъ, герой Чесмы, т. XXI, 318.
Орловы:
— Алексѣй Пав., знаменитый слѣдственный приставъ въ ПБургѣ, т. XXII, 645—655.
— Вас. Ив., бытовой писатель. *Некрологъ его;* т. XXII, 479—481.
— Гр. Алексѣй Григ., генералъ-маіоръ, т. XX, 21.
— Гр. Анна Алексѣев., т. XXI, 560, 563, 566, 567, 570—575.
— Гр. Владим. Григ., камеръ-юнкеръ, т. XX, 21.
— Гр. Ив. Григ., камергеръ, т. XX, 21.
— Гр. Ѳедоръ Григ., камеръ-юнкеръ, т. XX, 21.
— Графъ, генералъ-адъютантъ, т. XIX, 632.
— И. И. *Статья его:* Князь А. А. Суворовъ и русское иногородное купечество въ Ригѣ; т. XIX, 341—349.
— Кн. Алексѣй Ѳедор., генералъ-адъютантъ, предсѣдатель государств. совѣта, т. XX, 17, 22.
— Кн. Григор. Григорьев., генер.-фельдцейхмейстеръ, т. XX, 18, 21; т. XXI, 318, 334; т. XXII, 449, 468.
— Кн. Никол. Алексѣев., русскій посолъ при германскомъ дворѣ. *Некрологъ его;* т. XX, 494.
Орсоль, Э. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Кавказъ и Персія", т. XX, 479.
Орферъ Кавѣнагъ, индійскій чиновникъ. *Библіографическая замѣтка* о его Воспоминаніяхъ; т. XIX, 214.
Осиповичъ, А., псевдонимъ писателя. См. Новодворскій.
Османъ-Паша, главнокомандующій турецкою арміею, т. XX, 78, 294, 296, 303, 306—312.
Осмольскій, пажъ Марины Мнишекъ, т. XIX, 5.
Осокинъ, Н. А., профессоръ Казан. университета, т. XXII, 329.
Оспенный, Александръ Данил. См. Марковъ.
Оссолинскіе:
— Гр. Юзефъ, основатель музея его имени. *Замѣтка* объ этомъ музеѣ; т. XXI, 348—354.
— Юрій, польскій коронный канцлеръ, т. XXI, 240.
д'Оссонвиль, французскій графъ. *Библіографическая замѣтка* объ изданной имъ перепискѣ историка Ланфре; т. XXII, 725.
Остенъ-Сакены:
— Баронъ, отставной гусаръ, помощникъ окружнаго начальника въ Мингреліи, т. XX, 590, 600, 601.
— Гр. Д. Е., командиръ 4-го пѣхотнаго корпуса, т. XX, 23.
— Кн. Фабіанъ Вильгельмов., генералъ-фельдмаршалъ, т. XX, 17, 22.
Остерманъ, гр. Андрей Ив., дѣйствит. тайн. совѣт., кабинетъ-министръ, т. XIX, 551; т. XX, 20, 28.
Острогорскій, А. Н., писатель. *Подпись его,* т. XXI, 482.
Острожскій, Константин. Константинов., князь, т. XXII, 497.
Остророги, познанскіе паны, еретики, т. XXI, 95.

П.

Павелъ:
— Переяславскій епископъ, т. XXII, 494.
— (Петръ Великодворскій), валдайскій ямщикъ, впослѣд. основатель и правитель Бѣлокриницкой раскольничьей митрополіи, т. XXI, 51, 52.
— Прусскій старообрядческій инокъ, нынѣ настоятель монастыря въ Москвѣ, т. XX, 500, 503, 508, 515.
Павелъ I Петровичъ, императоръ. *Замѣтка:* Цензура временъ императора

Павла I; т. XXII, 151—160. *Упомин.* т. XIX, 591, 644, 645; т. XX, 6, 8, 11, 16, 21, 24, 25, 29, 89, 229, 230, 292; т. XXI, 242—246, 250—252, 254, 409, 445, 446, 458; т. XXII, 242, 246—248, 402—404, 565, 566, 575, 577—581, 669, 670, 679.

Павловскій, Ив. Данил., писатель (Юсковскій), *прилож.* къ т. XXII, 5.

Павловы:

— Ипполитъ Никол., редакторъ журн. „Кругозоръ", писатель (Бицынъ), *приложеніе* къ т. XXII, 38, 39.

— Никол. Филиппов., профессоръ, редакторъ газетъ „Наше Время" и „Русскія Вѣдомости", т. XX, 429; т. XXI, 637, 638.

— Платонъ Вас., докторъ историческ. наукъ, профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 606—611.

— Членъ археографической коммиссіи и археологическаго института, т. XIX, 461.

Павлуцкій, якутскій воевода, т. XXI, 110.

Пагава, князья:

— Бежанъ, т. XX, 354—356.

— Георгій, т. XX, 567, 568.

— Гиго (Григорій Николаев.), т. XX, 352, 354, 355.

— Давидъ, т. XX, 352, 354.

— Мингрельскій княжескій родъ, т. XX, 352, 353, 565, 566, 568—570.

Пажоль, генералъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Войны при Людовикѣ XV; т. XIX, 713.

Палацкій, Францъ, чешскій ученый, исторіографъ Австрійской имперіи, т. XXI, 200.

Палены:

— Бар. Дмитрій Петр., поручикъ артиллеріи, т. XIX, 476—479.

— Графиня Марья Павл., рожд. граф. Скавронская. См. граф. Ожаровская.

— Графъ Петръ (род. 1746 г.), петербургскій военный губернаторъ, т. XX, 22.

— Графиня Юлія Павловна, по первому браку граф. Самойлова, по второму Перри. См. гр. де-Морне.

Палладій (Павелъ Пьянковъ), епископъ олонецкій и петрозаводскій, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 39.

Палласъ, Симонъ, путешественникъ и естествоиспытатель, академикъ, т. XXI, 27—30, 34, 38, 459.

Пальмовъ, И. С., профессоръ, т. XX, 246, 488, 489.

Пальмштругъ, Іоганъ, прапорщикъ сибирскаго гарнизона, надзиравшій за гр. М. Г. Головкинымъ, т. XXI, 119—123.

Панины, графы:

— Анна Алексѣев., рожд. Татищева, т. XX, 674, 675.

— Викторъ Никит., статсъ-секретарь, министръ юстиціи, управляющій II отдѣленіемъ собств. Е. И. В. канцеляріи, т. XIX, 73—79.

— Никита Ив., оберъ-гофмейстеръ, дѣйствит. тайн. совѣт., наставникъ великаго князя Павла Петровича, впослѣд. государств. канцлеръ, т. XX, 21; т. XXI, 510—512.

— Петръ Ив., генералъ-аншефъ, т. XX, 21; т. XXII, 672.

Панова, Екатер. Дмитр., рожд. Улыбышева, т. XIX, 469.

Панютинъ, Левъ Констант., писатель, (Нилъ Адмирари), *прилож.* къ т. XXII, 39, 40.

Пари, Гастонъ. *Библіографическая замѣтка* о его лекціи: „Поэзія въ средніе вѣка"; т. XXII, 217.

Парѳеній (Павелъ Вас. Чертковъ), владимірскій епископъ, т. XXII, 344—358.

Паскаль, Блэзъ, французскій математикъ и писатель, т. XIX, 408, 409.

Паскевичи:

— А., писатель. *Подпись его;* т. XXII, 487.

— Графъ, братъ свѣтлѣйшаго князя Варшавскаго, т. XX, 659, 660.

Паскевичъ, свѣтлѣйшій князь **Варшавскій**, графъ **Эриванскій**, Ив. Ѳедоров., генералъ-фельдмаршалъ, намѣстникъ въ царствѣ Польскомъ, т. XX, 17, 22, 659.

Паславскій, Семенъ, пономарь м. Бѣлиловки, Бердичев. у., т. XXI, 544, 545.

Пасекъ, Янъ, польскій панъ, встрѣчавшій русскихъ пословъ, т. XXI, 282.

Пассекъ:

— Василій, т. XIX, 356, 357.

— Діомидъ Вас., генералъ-маіоръ, т. XIX, 356—358.

— Леонидъ Вас., капитанъ, т. XIX, 356, 357.

Пастуховы:

— Репортеръ „Русскихъ Вѣдомостей", т. XX, 431; т. XXII, 420.

— Ярославскій капиталистъ, компаніонъ М. П. Погодина по желѣзо-плавильному заводу, т. XX, 430.

Паттерсонъ, Елизавета, жена Жерома-Наполеона Бонапарта. *Библіографическая замѣтка* о вышедшемъ сочиненіи объ ней: „Жизнь и письма госпожи Бонапарте"; т. XXI, 631. *Упомин.* т. XXI, 375.

Паульсонъ, І. И., псевдонимы его (А. Бевега, Р. N и П—нъ), т. XXI, 481; т. XXII, 487.

Педро-Хименезъ, другъ М. И. Глинки, т. XX, 136, 138.

Пеликанъ, Евгеній Венцеслав., тайн. совѣт., докторъ медицины, предсѣдатель

медицинскаго совѣта. *Извлеченіе* изъ бумагъ его: Унизительный торгъ; т. XX, 281—298. *Упомин.* т. XXI, 424.

Пелльтанъ, Евгеній, французскій писатель, политическій дѣятель, сенаторъ. *Некрологъ его;* т. XIX, 723.

Пелымскіе, русскій княжескій родъ, т. XX, 15.

Пеннель, Елизавета. *Библіографическая замѣтка* о соч. ея: „Мери Волстонкрафтъ Годвинъ"; т. XXII, 214, 215.

де-Пенъ, Гаври, французскій журналистъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Henri de France; т. XIX, 216, 217.

Пеньковы, угасшій княжескій родъ, т. XX, 10.

Первеевъ, тифлисскій губерн. прокуроръ, т. XX, 368.

Перврльфъ, Іосифъ Іосифов., докторъ славянской филологіи, профессоръ Варшавскаго университета, т. XXI, 398.

Перегрина, доминиканецъ, одинъ изъ первыхъ инквизиторовъ въ Польшѣ, т. XXI, 90.

Перекусихина, Марья Савишна, любимая камеръ-юнгфера Екатерины II, т. XXI, 252.

Переплетчиковъ, Өедоръ Петр., нижегородскій городской голова, т. XIX, 470, 471.

Перовскіе, графы:

— Б. А., флигель-адъютантъ, т. XX, 23.

— Василій Алексѣев., генер.-адъют., оренбургскій, а потомъ самарскій губернаторъ, т. XX, 23, 540.

— Левъ Алексѣев., министръ внутрен. дѣлъ, т. XX, 23.

Перовъ, Вас. Григорьев., академикъ, профессоръ живописи, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 40.

Пероговскій, Вас. Игнат., писатель, *прилож.* къ т. XXII, 6.

Перри, Юлія Пав., рожд. граф. Паленъ, по первому браку графиня Самойлова. См. де-Морне.

Перскій, Мих. Степ., директоръ перваго кадет. корпуса, т. XIX, 82—85; т. XX, 114, 115, 120, 128, 130.

Пертесъ, *Библіографическая замѣтка* объ издаваемой имъ Исторіи европейскихъ государствъ, томъ шестой; т. XX, 235.

Першинъ, П. И. *Сообщилъ* замѣтку: Дочери Пугачева; т. XXI, 223.

Петерсенъ, Владим. Карлов. *Статьи его:* Суворовъ въ зеркалѣ новой исторіи; т. XIX, 582—607. Въ лучахъ любви и милосердія; т. XX, 170—188. *Библіографическія замѣтки его:* В. Потто. Кавказская война въ отдѣльныхъ сказкахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ; т. I, выпускъ 1-й, т. XX, 694; выпуски 2, 3 и 4-й, т. XXII, 710, 711. Иллюстрированный спутникъ по Волгѣ, состав. С. Монастырскій; т. XXI, 405, 406. Осада и штурмъ крѣпости Карса въ 1877 году— В. Гиппіуса; т. XXII, 717.

Петровскій, Андрей Станисл., профессоръ Ярослав. лицея, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 40, 41.

Петровы:

— Вас. Петр., „карманный" стихотворецъ Екатерины II. *Статья объ немъ;* т. XXII, 381—405.

— Генеральный консулъ въ Тавридѣ, т. XX, 416.

— Н. И., проф. *Статья его:* Общественно-политическія броженія въ Кіевской губерніи въ 1846 и 1847 годахъ; т. XXI, 541—556.

— Писатель. *Псевдонимъ его* (Тройниковъ); т. XXII, 487.

Петрони, Лукреція, вторая жена римскаго дворянина Франческо Ченчи, т. XXI, 383, 386—390.

Петрушевскій, А. *Статья* по поводу сочиненія его: Генералиссимусъ князь Суворовъ; т. XIX, 582—607.

Петръ:

— Доминиканецъ, духовникъ польскаго короля Александра, т. XXI, 94.

— Инквизиторъ польскій, т. XXI, 91, 92.

— Переяславскій епископъ, т. XXII, 494.

Петръ I Алексѣевичъ, императоръ. *Замѣтки:* о домикѣ его въ слободѣ Борисовкѣ, Грайворонскаго у., Курской губ., т. XXI, 137—141; память его въ Сестрорѣцкѣ, т. XXII, 428—433. *Упомин.* т. XXI, 235—243, 246—248, 252, 471, 472, 622—627, 632—634, 638, 640, 641; т. XX, 6, 7, 15, 20, 25, 28, 31, 248; т. XXI, 48, 184—188, 195, 409, 417, 418; т. XXII, 113, 115, 140, 208, 241, 245, 249, 256, 406, 407, 409, 423—427, 482, 499, 566, 581, 735.

Петръ II Алексѣевичъ, императоръ. *Замѣтка* о его гувернанткѣ; т. XXII, 473, 474. *Упомин.* т. XIX, 545, 548, 549, 558, 559; т. XX, 20, 28; т. XXI, 186.

Петръ III Өедоровичъ (Карлъ-Петръ-Ульрихъ, герцогъ голштейнъ-готторпскій), русскій императоръ, т. XIX, 568, 572, 620, 621, 625, 626, 628—637, 644; т. XX, 82, 88, 464; т. XXI, 418; т. XXII, 448, 449, 668.

Петръ Георгіевичъ, принцъ Ольденбургскій, т. XX, 7.

Петръ Петровичъ, царевичъ, т. XXI, 186, 187.

Печерскій, Андрей, псевдонимъ писателя. См. Мельниковъ.

Пикаръ, Амедей. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Германія Бисмарка"; т. XX, 481.

Пименовъ, Андрей Мих., рижскій раскольникъ, т. XXII, 232.

Пименъ, священникъ, шуринъ архимандрита Фотія, т. XXI, 572.

Пираненскій, Петръ-Янъ, еретикъ, т. XXI, 91, 92.

Пираръ, Генрихъ-Жакъ, гувернеръ дѣтей гр. Александ. Головина, т. XXI, 434.

Пирлингъ, іезуитъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Папскій престолъ, Польша и Москва въ 1582—1587 году"; т. XXI, 627.

Пироговъ, Никол. Ив., тайн. совѣт., профессоръ медико-хирур. академіи, впослѣд. попечитель Кіев. учебн. округа. *Статья:* Педагогическія задачи Пирогова; т. XX, 156—159, 299—332. *Письмо его* къ Е. Н. Ахматовой; т. XX, 240, 241. *Упомин. прилож.* къ т. XXII, 5.

Писаревъ, Дмитр. Ив., критикъ. *Замѣтка* о встрѣчѣ его съ И. С. Тургеневымъ; т. XXII, 415.

Писемскій, Алексѣй Ѳеофилакт., писатель. *Замѣтка* о встрѣчѣ его съ „самоуправцами"; т. XXII, 419—421. *Упомин. прилож.* къ т. XXII, 5.

Питтъ младшій, Уильямъ, гр. Чатамъ, министръ и перъ Англіи, т. XX, 536, 537, 558.

Питу, Анжъ, фнанцузскій поэтъ, т. XX, 208, 209.

Пичъ, Людвигъ, нѣмецкій писатель; отзывъ его о Тургеневѣ; т. XXII, 465, 466.

Пій II, папа римскій, т. XXII, 142.

Планеинъ, Вас. Тимоѳ., учитель перваго кадет. корпуса, т. XX, 122, 124.

Платовъ, гр. Матв. Ив., наказной атаманъ войска донскаго, т. XX, 22.

Платонъ:

— (Городецкій), митрополитъ кіевскій и галичскій, т. XX, 188.

— (Левшинъ), митрополитъ московскій, т. XXI, 523; т. XXII, 246, 382.

Плещинниковъ, Григорій, владимірскій стольникъ, т. XIX, 223.

Плещеевъ, Александ. Алексѣев., владѣлецъ им. Чернь, Тульской губ., т. XXII, 45, 46.

Погодины:

— Мих. Петров., профессоръ, историкъ и публицистъ. *Воспоминаніе о немъ* М. П. Смирнова; т. XX, 424—437. *Упомин.* т. XXI, 217.

— Софья Ив., супруга историка, т. XX, 425, 430, 434, 436.

Погребовъ, Никол. Ив., дѣйствит. стат. совѣт., петербургскій городской голова, т. XIX, 86.

Подевильсъ, гр., прусскій посланникъ въ Варшавѣ, т. XXII, 147.

Поджіо, Марья Андреев., урожд. Бороздина. См. кн. Гагарина.

Подорожно, горійскій судья, т. XX, 52.

Подрезъ, владѣлецъ 30-ти домовъ въ мѣстечкѣ Иллукшта, Курляндской губерніи, т. XXI, 269.

Пожарскіе:

— Угасшій княжескій родъ, т. XX, 10.

— Кн. Дмитр. Мих., нижегородскій дворянинъ, начальникъ ямскаго приказа. *Замѣтка* о сооруженіи памятника на его могилѣ; т. XXI, 216—218. *Библіографическая замѣтка:* Мѣсто земнаго упокоенія и надгробный памятникъ Д. М. Пожарскому въ городѣ Суздалѣ; т. XXII, 207, 208. *Упомин.* т. XXI, 241.

Поздникъ, Мих. Дмитр., маіоръ, дежурный штабъ-офицеръ кіев. генер.-губернатора, т. XIX, 359, 361.

Позенъ, Мих. Павл., статсъ-секретарь, т. XX, 526.

Позняковъ, Я., писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 487.

Позье, ювелиръ, авторъ „Записокъ", т. XX, 464, 465.

Покровскіе:

— Пав. Иванов., докторъ медицины, *прилож.* къ т. XXII, 41.

— Профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 600.

Полевой, Петръ Ник., писатель. *Статья его:* Ахиллесова пята Тургенева; т. XXII, 362—380. *Замѣтка его:* Забытыя могилы; т. XX, 672—676.

Полетика, Андрей, черниговскій губерн. предводитель дворянства, т. XXI, 449.

Поливановъ, поручикъ лейбъ-гренадерскаго полка, т. XX, 175, 176.

Поликарпъ (Родкевичъ), орловскій епископъ, т. XIX, 385, 386; т. XXI, 133.

Половцовъ, Александ. Александр., тайн. совѣт., сенаторъ, предсѣдатель русскаго историческаго Общества, т. XX, 243.

Полонскіе:

— Ж., художница-самоучка, т. XXII, 222.

— Яковъ Петр., поэтъ, т. XIX, 139, 141—143.

Полуботокъ, Пав. Леонт., наказной гетманъ, т. XXII, 499.

Польковскій, католическій ксендзъ. *Замѣтка* о найденной имъ въ библіотекѣ краковскаго костела рукописи XIV в. съ легендой о св. Кириллѣ и Меѳодіи; т. XX, 490.

Полякъ:

— Николай и Янъ, распространители ереси валденсовъ въ Польшѣ, т. XXI, 92.

— Степанъ, краковскій инквизиторъ, т. XXI, 93.

Помяловскіе:

— Ив. Вас., дѣйств. стат. совѣт., докторъ римской словесности, профессоръ Петерб. университета, т. XIX, 160; т. XX, 245.

— Н. Г., писатель. *Псевдонимъ его;* т. XXII, 487.

Пономаревъ, доцентъ Петерб. университета, т. XX, 489.

Понятовскій, польскій король. См. Станиславъ II Августъ.

Поповы:

— Александра Кузмин., рижская раскольница, т. XXII, 232.

— Архіепископъ рязанскій. См. Иринархъ.

— Вас. Степ., правитель канцеляріи кн. Г. А. Потемкина-Таврическаго, т. XXI, 21, 456, 477, 478, 497, 509.

— М., писатель. *Подписи его;* т. XXII, 487.

— О. *Библіографическая замѣтка* о переводѣ его Исторіи XIX вѣка Мишле, III томъ; т. XX, 229, 230.

Португаловъ, Маркъ Абрамов., медикъ и писатель. *Некрологъ его;* т. XXI, 423, 424.

Порфирій:

— (Рахинскій), архимандритъ ливенскаго Сергіевскаго монастыря, т. XXI, 133, 135.

— (Успенскій), епископъ чигиринскій, т. XXI, 639.

Порюсъ-Визапурскій, индѣецъ, т. XX, 14.

Посельскій, камчатскій купецъ, т. XIX, 395.

Посошковъ, Ив. Тихонов., крестьянинъ, водочный мастеръ, политико-экономическій писатель, т. XX, 279.

Поспѣловы:

— Баронъ, камеръ-юнкеръ, т. XX, 28.

— Петръ, священникъ, отецъ стихотворца временъ Екатерины II — В. П. Петрова, т. XXII, 382.

Поссевинъ, Антоній, іезуитъ, авторъ сочиненія „Moscovia", т. XIX, 186.

Потанинъ, Г. Н., этнографъ, т. XX, 640, 641.

Потаповъ, Александръ Львов., виленскій генер.-губернаторъ, впослѣд. шефъ корпуса жандармовъ и главноуправ. III отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи, т. XIX, 576, 577.

Потемкинъ, гр. Павелъ Серг., генералъ-аншефъ, т. XX, 21; т. XXII, 671—673, 675.

Потемкинъ-Таврическій, кн. Григ. Александр., фельдмаршалъ, новороссійскій генер.-губернаторъ, т. XIX, 587, 588, 598, 687; т. XX, 18, 21, 97—105, 108, 109; т. XXI, 5, 7, 8, 20, 21, 248, 250, 252, 526, 258, 260, 262, 336, 452, 457, 458, 460—462, 464, 465, 468—470, 474—477, 480, 483, 384, 486, 492, 494—500, 502, 506, 508, 509; т. XXII, 382—385, 387—389, 393, 394, 400, 410, 451, 452, 582, 683.

Потоцкіе, графы:

— Игнатій, основатель польской конституціи, т. XXI, 460.

— Янъ, польскій историкъ и путешественникъ, т. XXI, 32, 34.

Потто. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Кавказская война въ отдѣльныхъ сказкахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ; т. I; отъ древнѣйшихъ временъ до Ермолова; выпускъ I, т. XX, 694; выпуски 2, 3 и 4, т. XXII, 710, 711.

Поттъ, А. Ф., профес. Галльскаго университета. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Введеніе въ общее языкознаніе, въ русскомъ переводѣ; т. XXII, 719.

Поуэль, авторъ соч. „History of England". *Библіографическая замѣтка* объ этомъ сочиненіи; т. XXII, 212, 213.

Похвисневъ, Мих. Никол., тайн. совѣт., начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, т. XX, 437.

Похитоновъ, Григор. Даниил., авторъ воспоминаній, изъ которыхъ составлены очерки „Кадетскій монастырь", т. XIX, 80, 81, 85; т. XX, 130, 131.

Поццо-ди-Борго, гр. Карлъ Андреев., генералъ, русскій дипломатъ, т. XX, 22.

Пошe, директоръ общественныхъ удовольствій въ петербургскомъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, т. XXI, 327, 328, 331.

Прасковья Ѳедоровна (Салтыкова), супруга царя Ивана Алексѣевича, т. XXI, 218, 637.

Прибыткова, С., писательница. *Подписи ея;* т. XXII, 487.

Преестевъ, Степ. Матв., шацкій намѣстникъ, т. XXI, 226, 228, 231, 232.

Прозоровскіе, князья:

— Александръ Александр., московскій ген.-губернаторъ, ген.-фельдмаршалъ, т. XXII, 685.

— Семенъ Вас., полководецъ, т. XXI, 191.

Прозоровскіе-Голицыны, русскій княжескій домъ, т. XX, 10.

Прокоповичъ:

— Архіепископъ новгородскій. См. Ѳеофанъ.

— Бердичевскій земскій исправникъ, т. XXI, 544—546.

Проскурина, Анна Павлов., крестьянка ливен. пригород. Казацкой слободы,

сии которой, Степанъ, исцѣлился въ ливенской пещерѣ, т. XXI, 130—132.

Протасовы, русская графская фамилія, т. XX, 22, 24.

Протопоповъ, С. П., писатель. *Букеенная подпись его;* т. XXII, 487.

Прохоровъ, Вас. Александр., археологъ, писатель, издатель журнала „Христіанскія древности и археологія“, *прилож.* къ т. XXII, 41.

П—скій, Ев. Мих., бобровскій исправникъ, т XXI, 210.

Пугачевы:

— Емельянъ Ив., самозванецъ, лже-Петръ III. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ Дубровинымъ сочиненіи о немъ; т. XIX, 438—441. *Замѣтка* о его дочеряхъ; т. XXI, 213. *Упомин.* т. XXII, 671—675.

— Устинья Петр., рожд. Кузнецова, вторая жена самозванца, т. XIX, 441.

Путиловъ, Е. С., войсковой старшина 1-й забайкальской казачьей конно-артиллерійской батареи. *Сообщилъ* замѣтку: Могила іеромонаха Арсенія въ Верхнеудинскѣ; т. XIX, 726, 727.

Путятинъ, гр., вице-адмиралъ, министръ народнаго просвѣщенія, т. XX, 23.

Пушкины:

— Александръ Сергѣев., поэтъ. *Замѣтки:* объ открытіи ему памятника въ Кишиневѣ, т. XXI, 216; о встрѣчѣ его съ А. А. Бестужевымъ (Марлинскимъ), т. XXII, 413, 414. *Упомин.* т. XX, 468, 478, 650; т. XXI, 290.

— Алексѣй Мих., т. XXI, 333.

— Григ. Гаврил., намѣстникъ алатомскій (алаторскій), окольничій, т. XXI, 226, 232—241.

— Елизав. Александр., рожд. Загряжская, т. XX, 659, 660.

— Левъ Сергѣев., артиллерійскій подполковникъ, т. XIX, 477, 479; т. XX, 659, 660.

Пущинъ, оскольскій воевода, т. XXI, 237.

Пфицмайеръ, Августъ, докторъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Божьи люди и скопцы въ Россіи“ и „Новое ученіе русскихъ Божьихъ людей“; т. XXI, 201, 202.

Пфлугъ-Гартунгъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Периклъ какъ полководецъ“; т. XX, 703.

Пшездецкій, гр., каменецъ-подольскій губерн. предводитель дворянства, т. XX, 28.

Пыляевъ, М. И. *Статья его:* Эпоха рыцарскихъ каруселей и аллегорическихъ маскарадовъ въ Россіи; т. XXI, 309—339. *Замѣтка* къ этой статьѣ; т. XXII, 482—434.

Пыпинъ, А. Н., писатель, т. XXI, 420.

Пьеретти, папа римскій. См. Сикстъ V.

Пьянковъ, Павелъ. См. Палладій.

Пятинъ, Ив. Вас., протоіерей ливен. собора, получившій исцѣленіе въ ливенской пещерѣ, т. XXI, 132.

Р.

Рабе, прежняя фамилія Скавронскихъ, т. XIX, 540.

Равальякъ, Франсуа, убійца Генриха IV. *Библіографическая замѣтка* о вышедшемъ сочиненіи объ немъ; т. XIX, 715.

Радовъ, баронесса Эдита Θедор., фрейлина. *Некрологъ ея;* т. XXII, 738.

Радецкій, Θедоръ Θедор., генер.-адъют., командиръ 8-го корпуса, т. XX, 182.

Радзивиллы, княжескій родъ, т. XX, 18.

Радищевъ, Александръ Никол., управ. петерб. таможнею, авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, т. XXII, 680.

Радловъ, В. В., оріенталистъ-путешественникъ, т. XX, 620, 624, 640, 642; т. XXI, 35.

Раевскіе:

— Братья, студенты Москов. университета, т. XIX, 573.

— Мих. Θедор., протоіерей русской посольской церкви въ Вѣнѣ. *Библіографическая замѣтка* о сочиненіи о немъ; т. XIX, 209.

— Никол. Никол., генералъ, т. XX, 24.

Разгильдѣевы, княжескій родъ, т. XX, 13.

Разумовскіе:

— Андрей Кирил., свѣтлѣйшій князь, посланникъ въ Вѣнѣ, т. XX, 16, 17, 103, 105—109; т. XXI, 173.

— Гр. Алексѣй Григ., оберъ-егермейстеръ, т. XX, 20, 447; т. XXI, 10.

— Гр. А. К., министръ народн. просвѣщенія, т. XXI, 617.

— Гр. Кириллъ Григ., президентъ академіи наукъ, послѣдній гетманъ Малороссіи, т. XIX, 567, 632; т. XX, 21.

Райтъ, Вильямъ, миссіонеръ въ Дамаскѣ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его „Царство Гиттитовъ“; т. XX, 482, 483.

Раковскій, житель г. Вейсенштейна, оказавшій неуваженіе православному богослуженію, т. XIX, 329, 332—337, 340.

Раль, баронъ, придворный банкиръ въ Петербургѣ, т. XX, 29.

Рамбо, А. *Библіографическая замѣтка* о переводѣ его „L'expansion de l'Angleterre“; т. XXI, 205.

Рамзай, бар., генер.-адъют., командиръ гренадерскаго корпуса, т. XIX, 863.

Рангуберъ, Лаврентій, учитель лютеранскаго приходскаго училища въ Москвѣ, т. XXI, 600.

Раппапортъ, Маврикій Якимов., журналистъ и театрально-музыкальный рецензентъ. *Некрологъ его;* т. XIX, 226.

Растрелли, графъ, архитекторъ, т. XXI, 218, 219.

Раулинсонъ:

— Авторъ проектовъ постройки желѣзныхъ дорогъ въ Азіи, т. XXI, 67.

— Генри, хранитель древностей въ британскомъ музеѣ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Русское движеніе въ Центральной Азіи; т. XX, 475—477.

Рахимовій, архимандритъ ливенскаго Сергіевскаго монастыря. См. Порфирій.

Рахманиновъ, Ив. Ив., дѣйствит. стат. сов., профессоръ, а потомъ ректоръ Кіев. университета, т. XXII, 600.

Рахманинъ, И. Г., конно-гвардейскій офицеръ, писатель, владѣлецъ типографіи, т. XX, 247, 248.

Редега, косожскій князь, т. XX, 11.

Редстокъ, лордъ, проповѣдникъ, т. XX, 283.

Резе, графъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Моды и обычаи во время Маріи-Антуанетты; т. XX, 238.

Резенеръ, Өедоръ Өедор., писатель и переводчикъ. *Буквенная подпись его;* т. XXI, 432. *Упомин.* прилож. къ т. XXI, 5.

Реймонтъ, Альфредъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Изъ здоровыхъ и больныхъ дней короля Фридриха-Вильгельма IV"; т. XXI, 632.

Рейнгольдтъ:

— Александръ. *Библіографическая замѣтка* о его статьѣ: Критическія фантазіи о русскихъ беллетристахъ; т. XXII, 210—212.

— Гр., дѣйствит. стат. совѣт., т. XX, 20.

Рейнеке, коллеж. ассесоръ, начальникъ Камчатки, т. XIX, 399, 400.

Рейтернъ, Мих. Христоф., дѣйствит. тайн. совѣт., статсъ-секретарь, членъ государств. совѣта, т. XX, 518, 526, 528, 583, 584.

Рейхель, Яковъ Яковл., нумизматъ, т. XIX, 390.

Рекамье, Юлія-Аделаида, рожд. Бернаръ, т. XIX, 428—432.

Реклямъ, лейпцигскій книгопродавецъ. *Библіографическая замѣтка* объ издаваемой имъ „Всемірной Библіотекѣ"; т. XX, 478, 479.

Репнины, князья:

— Никита Ив., стольникъ Петра I, генералъ-фельдмаршалъ, т. XIX, 246—257, 586.

— П. И., т. XXI, 325.

Рербергъ, первый ахалъ-текинскій военный губернаторъ, т. XX, 378.

Ретціусъ, шведскій ученый. *Библіографическая замѣтка* о соч. его о Финляндіи; т. XXI, 202.

Ржевскіе:

— Русскій дворянскій родъ, т. XX, 11.

— Матв. Васильев., флотскій капитанъ, т. XXI, 434—436.

Рибопьеръ, графъ, оберъ-камергеръ, т. XX, 23.

Риго, Гіацинтъ, французскій живописецъ, авторъ портретовъ Петра I и Екатерины I, т. XIX, 471, 472.

Риджуэ, англійскій подполковникъ, т. XX, 415, 416.

Ридигеръ, гр. Өедоръ Вас., генер.-адъют., членъ государствен. совѣта, т. XX, 23.

Ризниковъ, Артемій Ив., генералъ-маіоръ, авторъ „Азбуки для матросовъ", *прилож.* къ т. XXII, 5.

Рикаръ, профессоръ догматической геологіи. *Библіографическая замѣтка* объ изданной имъ біографіи Монталамбери; т. XIX, 215.

Ричардъ III, англійскій король. *Библіографическая замѣтка* о вышедшемъ сочиненіи объ немъ; т. XXII, 461, 462.

Робертсъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Съ завоевателями: проблески свѣта на Юго-Западѣ; т. XXII, 463.

Робеспьеръ, Максимиліанъ-Франсуа-Исидоръ, предводитель французской революціи, т. XIX, 168, 169; т. XX, 216.

Ровскій, гостовскій воевода, еретикъ, т. XXI, 95.

Роганъ:

— Генри, герцогъ, глава гугенотовъ. *Библіографическая замѣтка* о вышедшемъ сочиненіи объ немъ; т. XIX, 714.

— Франциска, герцогиня, т. XXI, 412.

Роговиковъ, баронъ, московскій банкиръ, т. XX, 29.

Рогожинъ, спасскій помѣщикъ, продававшій крѣпостныхъ по „сходной" цѣнѣ, т. XIX, 435, 436.

Роденбергъ, американскій генералъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Афганистанъ и англо-русскій споръ; т. XXII, 720, 721.

Родиславскій, Владим. Ив., основатель Общества русскихъ драматическихъ писателей. *Некрологъ его;* т. XXI, 423.

Родкевичъ, епископъ. См. Поликарпъ.

Рождественскіе:

— Вас. Григор., протоіерей, магистръ, профессоръ Петерб. университета, т. XX, майск. книжка, 13.

— Ив. Вас., протоіерей Зимняго двор-

ца, членъ свят. синода, *прилож.* къ т. XXII, 42.
— Никол. Пав., магистръ богословія, профессоръ Петерб. духов. академіи и университета, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 42.
Розенбергъ, Андрей Григор., генералъ, подольскій военный губернаторъ, т. XIX, 595, 597.
Розенгеймъ, Мих. Павл., писатель и журналистъ, т. XX, 489.
Розмурдюкъ, французскій графъ, желѣзнодорожный коммиссіонеръ на Кавказѣ, т. XX, 88, 578.
Розеновъ, помощникъ старшаго адъютанта корпуса лѣсничихъ, т. XX, 664.
Рековъ, псевдонимъ писателя П. К. Любимова, т. XXI, 432.
Романовскіе:
— Дмитр. Ильичъ, ганер.-лейтен., членъ военно-учебн. комитета при главномъ штабѣ, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 5.
— Русскій генералъ, т. XX, 378.
— Князья, т. XX, 7.
Романовъ, М. И., поручикъ, чиновникъ особ. поруч. кутансскаго генер.-губернатора, т. XIX, 506, 508.
Романовъ-Юрьевъ, стольникъ, т. XXII, 240.
Ромеръ, Пав. Эмиліев., профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 600.
Ромодановскіе, князья:
— В., новгородскій воевода, т. XIX, 442.
— Екатер. Ив. См. гр. Головкина.
— Ив. Өедор., князь-кесарь, дѣйствит. тайн. совѣтн., москов. генер.-губернаторъ, т. XX, 25.
— Өедоръ Юрьев., князь кесарь, начальникъ Преображенскаго приказа, т. XX, 25; т. XXII. 426.
Ромодановскіе-Ладыженскіе, князья:
— Русскій княжескій домъ, т. XX, 10.
— Никол. Ив., сенаторъ, дѣйствит. тайн. совѣт., впослѣд. генералъ-отъ-инфантеріи, т. XX, 25.
Ронцовъ, Ив. Роман., побочный сынъ Р. Л. Воронцова, т. XXII, 712, 713.
Ропацкій, Романъ, священникъ Гродненской губ., замученный польскими повстанцами. *Замѣтка* о часовнѣ надъ могилой мученика; т. XXII, 434—436.
Росконный. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Колоніи Европы; западная Африка отъ Сенегала до Камеруна"; т. XX, 481.
Россетъ, Александра Іосиф. См. Смирнова.
Россинскій, Францъ, поселянинъ д. Вавръ, Варшавской губ., присутствовавшій при погребеніи воиновъ, убитыхъ на Гроховскомъ полѣ, т. XIX, 463.
Россовъ, помощникъ старшаго адъютанта корпуса лѣсничихъ, т. XX, 663, 664.
Росселовскій, Станиславъ, польскій поэтъ, т. XXI, 146.
Ростиславлевъ, писатель. *Псевдонимъ его* (Варяинъ); т. XXII, 486.
Ростиславъ, моравскій князь, т. XIX, 611.
Ростовская, литовская старостиха, т. XIX, 250.
Ростоцевы:
— Графиня, т. XX, 24.
— Гр., Яковъ Ив., главный начальникъ военно-учеб. заведеній и предсѣдатель комитета объ устройствѣ крестьянъ, т. XX, 127, 439, 440.
Ростопчины, графы:
— Евдокія Петр., рожд. Сушкова, писательница. *Замѣтка* по поводу сочиненій ея; т. XX, 495, 496.
— Өедоръ Вас., дѣйствит. тайн. совѣт. москов. генер.-губернаторъ, писатель, т. XX, 22.
Роуботамъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Поѣздка въ преріи; т. XXII, 468.
Рублевъ, Андрей, русскій художникъ XV вѣка, т. XIX, 223.
Рудановскій, Леонидъ Яков., дѣйств. стат. совѣт., чиновникъ особ. поруч. при петерб. градоначальникѣ, т. XIX, 104.
Рудольфъ, наслѣдный принцъ австрійскій. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Путешествіе по востоку съ включеніемъ поѣздки въ Египетъ и Святую землю; т. XIX, 450.
Рудометкинъ, наставникъ закавказскихъ молоканъ (Комаръ), т. XXI, 45, 46.
Рулевъ, И. А., содѣйствовавшій возстановленію ростовскихъ древностей, т. XXII, 100.
Румянцевы:
— В. Е., вице-президентъ московскаго археологическаго Общества, т. XIX, 390; т. XXII, 100.
— Гр. Александръ Ив., сенаторъ, генералъ-аншефъ, т. XX, 21; т. XXI, 16.
— Гр. Никол. Петр., государств. канцлеръ, предсѣдатель государств. совѣта, основатель музея его имени, т. XIX, 393, 459, 470; т. XXI, 37.
— П., писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 487.
Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Александр., генер.-фельдмаршалъ, малорос. генер.-губернаторъ, т. XXI, 260, 448, 452, 456—458; т. XXII, 392, 393.
Рунебергъ:

— Іоганъ-Людвигъ, финляндскій поэтъ. *Замѣтка* о постановкѣ ему памятника; т. XXI, 219, 220.

— В., сынъ предъидущаго, скульпторъ, т. XXI, 219.

Рыбниковъ, писатель. *Псевдонимъ его* (Уралецъ); т. XXII, 488.

Рылѣевъ, Кондр. Өедор., поэтъ, декабристъ, т. XIX, 82—85; т. XX, 118—121, 124, 129.

Рындинъ, Никол. Степ., адъютантъ Гренадер. саиер. баталіон., т. XXI, 272, 273.

Рѣдкинъ, П. Г., писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 487.

Рѣпинскіе:

— Авторъ исторіи Общества для пособія литераторамъ и ученымъ, т. XIX, 230.

— Григ. Кузьм., сенаторъ, т. XIX, 121, 122.

Рѣпинъ, Илья Ефим., художникъ, т. XX, 497.

Рѣпнины-Волконскіе, русскій княжескій домъ, т. XX, 16.

Рюрикъ (Василій) Ростиславичъ, князь кіевскій, т. XXII, 494.

Рябининъ, Д. Д. *Библіографическія замѣтки его* о соч. И. С. Тургенева; т. XX, 720—722; т. XXI, 429, 430.

Рябушкинъ, А. П., художникъ. *Статья* по поводу картины его: Марина Мнишекъ въ утро московскаго возмущенія 17 мая 1606 г.; т. XIX, 5—11.

Рябченко, А. Е. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ имъ соч. И. Тэна: Соціализмъ, какъ правительство; т. XXI, 190—198.

С.

Сабатара, старинная фамилія мингрельскихъ вельможъ, т. XIX, 486.

Сабашникова, Елизав. Мих., писательница. См. Иванова.

Сабуровы:

— Екатер. Родіон. См. гр. Скавронская.

— Предсѣдатель петерб. окружнаго суда, впослѣд. министръ народн. просвѣщенія, т. XIX, 87.

Савви, эстонецъ, дьячекъ православной церкви въ городѣ Вейсенштейнѣ, т. XIX, 328, 330.

Савельевы:

— Викт. Конст., членъ археологическихъ Обществъ въ Петербургѣ и Москвѣ, *прилож.* къ т. XXII, 42.

— Воспитательница малолѣтковъ 1-го кадетскаго корпуса, т. XX, 124.

— Павелъ Степ., археологъ, т. XIX, 390.

Савинъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Богатства Тонкина“; т. XXI, 630.

Сагибъ-Гирей-Чингисъ, султанъ, русскій князь, т. XX, 17.

Садокова, Наталья Александр., рожд. Улыбышева, т. XIX, 499.

Сайнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ, княжескій родъ, т. XX, 18.

Саліасъ, графъ, Евгеній Андр., писатель. *Библіографическія замѣтки* о соч. его: „На Москвѣ“; т. XIX, 487, 488. „Атаманъ Устя“, поволжская быль; т. XXI, 400, 401. „Поэтъ-намѣстникъ“; т. XXII, 451—458.

Салтыковы:

— Вас. Өедор., петерб. генер.-полицеймейстеръ, т. XXII, 408, 409.

— Гр. Александра Григ., рожд. княж. Долгорукова, т. XXI, 188.

— Гр. Ив. Петр., генералъ, т. XIX, 587.

— Гр. Семенъ Андреев., москов. генер.-губернаторъ, т. XX, 20.

— Гр. Өедоръ Вас., москов. генер.-губернаторъ, т. XX, 20.

— Мих. Евграф., русскій сатирическій писатель (Щедринъ), редакторъ журнала „Отечественныя записки“, т. XIX, 449.

— Мих. Мих., т. XXI, 434.

— Никол. Ив., свѣтлѣйшій князь, генер.-фельдмаршалъ, предсѣдатель государств. совѣта, т. XX, 16, 21.

— Царица. См. Прасковья Өедоровна.

Сальковъ, капитанъ, закрывшій типографію И. Г. Рахманина, т. XX, 247.

Самарины:

— Ив. Вас., артистъ московскаго Малаго театра. *Некрологъ его;* т. XXII, 227, 228. *Упомин.* т. XXII, 570.

— Юрій Өедор., писатель, дѣятель по освобожденію крестьянъ. *Письмо его* къ гр. В. Н. Панину; т. XIX, 77—79. *Упомин.* т. XX, 292—294, іюньск. книжка, 5.

Самборскій, А., настоятель православной церкви въ Лондонѣ, впослѣд. воспитатель великихъ князей Александра и Константина Павловичей, т. XXII, 395, 404.

Самойловы:

— Александръ Никол., дѣйствит. тайн. совѣт., генер.-прокуроръ, т. XX, 246; т. XXII, 410—412, 471, 472.

— Гр. Юлія Пав., рожд. гр. Паленъ, по второму браку Перри. См. гр. де-Морнэ.

— Никол., оберъ-прокуроръ сената, т. XXII, 410.

Сангушки, русскій княжескій родъ, т. XX, 12.

Сапѣга:

— Гр. Петр. Иванов., т. XIX, 558—560.

— Гр. Софья Карл., рожд. Скавронская, т. XIX, 557—560.

— Янъ-Петръ, гетманъ, польскій полководецъ, т. XIX, 10, 11.

Сарти, итальянскій композиторъ, придворный капельмейстеръ въ Петербургѣ, т. XXI, 21.

Сары-батыръ, ханъ текинскаго колѣна Бахши, т. XX, 394.

Сарычевъ, Гавріилъ Андреев., адмиралъ русскаго флота, генералъ-гидрографъ морскаго штаба, т. XXI, 116.

Сатины, потомки князей Козельскихъ, т. XX, 11.

Сафо, древне-греческая гетера-поэтъ. *Библіографическая замѣтка* о вышедшемъ сочиненіи объ ней испанскаго ученаго Мерино; т. XIX, 458.

Сафоновъ, П. М., иконописецъ с. Палехи, Вязниковскаго у., ресторваторъ фресокъ въ владимірскомъ храмѣ, т. XIX, 223.

Сахаровъ, И. П. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Сказанія русскаго народа, книги I и II; т. XXII, 450, 451.

Святополкъ, моравскій князь, т. XIX, 615.

Святополкъ-Мирскій, князь Д. И., генералъ, т. XXII, 630.

Святославъ Константиновичъ, переяславскій князь, т. XXII, 494.

де-**Севинье**, Марія Рабютенъ, маркиза, французская писательница. *Библіографическая замѣтка* о вышедшемъ соч. объ ней; т. XXII, 217, 218.

Сегюръ д'Оґессо, графъ Луи-Филиппъ, французскій поэтъ, историкъ и дипломатъ, посланникъ въ Петербургѣ, Римѣ и Берлинѣ, впослѣд. перъ Франціи, т. XXI, 253, 257, 258, 260, 262, 263, 445, 452, 460, 469, 470, 477, 488, 492, 494, 495, 497, 500.

Сей, Леонъ, французскій публицистъ и политико-экономистъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Le Socialisme d'Etat; т. XIX, 714, 715.

Сейдъ-Назаръ-Юзъ-Баши, прапорщикъ текинской милиціи, убитый въ сраженіи при Кушкѣ 18 марта 1885 г., т. XX, 423.

Селастенникъ, Мих., секретарь цензурнаго комитета, т. XXII, 158, 159.

Селивановскій, С., извѣстный типографщикъ, т. XXII, 404, 405.

Селивановъ, Илья Вас., писатель, *приложеніе* къ т. XXII, 43.

Селинъ, профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 339, 340, 591, 598, 601—604, 606, 607, 609, 610.

Селифонтова, Наталья Сергѣев., единственная, находящаяся въ живыхъ представительница рода Волынскихъ, т. XXII, 477.

Семевскій, Мих. Ив., тайн. совѣт., редакторъ-издатель журнала „Русская Старина". *Библіографическія замѣтки* о соч. его: Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка, томъ III, царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ, 1692—1724, изд. 2-е; т. XXI, 184—188. Систематическая роспись содержанія „Русской Старины", изд. 1870—1884 годовъ; т. XXII, 454.

Семеновы:

— Елизав. Вас., См. Майнова.

— Левъ Никол., актеръ-писатель, *приложеніе* къ т. XXII, 42, 43.

Семеѣевы, княжескій родъ, т. XX, 13.

Сендульскій, Аполлоній, священникъ с. Сивокъ, Острож. у., писатель, *прилож.* къ т. XXII, 43, 44.

Сенковскій, Осипъ Ив., профессоръ Петербургск. университета, писатель и критикъ (баронъ Брамбеусъ), т. XX, 463.

Серафимъ (Глаголевскій), митрополитъ новгородскій и петербургскій, т. XX, 650; т. XXII, 247.

Сербиновичъ, редакторъ Актовъ, собранныхъ археографическою коммиссіею академіи наукъ, т. XIX, 459.

Сергій:

— Епископъ ковенскій, впослѣд. могилевскій, т. XX, 188.

— (Кимбаръ), архимандритъ супрасльскаго православнаго монастыря, т. XX, 232.

Сергѣй Александровичъ, великій князь, т. XIX, 718.

Сердюковъ, козловскій городничій, т. XX, 247.

Серебренниковъ, архіепископъ екатеринославскій. См. Амвросій.

Серебряковъ, адмиралъ, т. XIX, 45.

де-**Серрати**, Шарль Бартолони, поручикъ, гувернеръ, т. XXI, 434—436.

Сестренцевичъ-Богушъ, Станиславъ, митрополитъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, т. XXII, 248.

Сибирскіе, русскій княжескій домъ, т. XX, 9.

Сиверсы, графы, братья, т. XX, 21.

Сидоренко, Юрій Дмитр., дѣйств. стат. совѣтн., докторъ политич. наукъ, профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 600.

Сикстъ V (Перетти), папа римскій, т. XXI, 382.

Силей, кембриджскій профессоръ. *Библіографическая замѣтка* о лекціи его: „L'expansion de l'Angleterre" въ переводѣ А. Рамбо; т. XXI, 205.

Силинъ, Богданъ, дьякъ, т. XXI, 191.

Силовъ, Галактіонъ Ив., русскій математикъ, т. XXII, 389, 390, 393.

Сильвальи. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Дворъ и римское общество въ XVIII и XIX вѣкѣ"; т. XXI, 204.

Сильвестръ, переяславскій епископъ, т. XXII, 494.

Симановскій, А. Д., генер.-лейтен., т. XIX, 358, 363, 371.

Симеонъ:

— Архимандритъ ливенскаго Сергіевскаго монастыря, т. XXI, 133, 135.

— Переяславскій епископъ, т. XXII, 494.

Симеонъ Бекбулатовичъ, царь казанскій, т. XX, 8.

Симоничъ, гр., мингрельскій окружной начальникъ, т. XX, 336, 337.

Симонъ:

— Жюль. *Библіографическая замѣтка* объ изданныхъ имъ характеристикахъ Тьера, Гизо и Ремюза; т. XXII, 216.

— Парижскій башмачникъ, коммунаръ, „воспитатель" Людовика XVII, т. XXII, 194, 196, 197.

Синельниковъ, генералъ-маіоръ, правитель екатеринославскаго намѣстничества, т. XXI, 8, 12, 21, 478.

Сіяхъ-пушъ, политическій и религіозный агитаторъ въ Пендзе и Іолъ-отанѣ, т. XX, 379, 380.

Скабичевскій, публицистъ и критикъ. *Замѣтка* по поводу статьи его объ изданіяхъ Е. Н. Ахматовой; т. XX, 255, 256.

Скавроцкіе, Скаворощанки, Сковоратскіе, Сковородскіе, Сковоронскіе. См. Скавронскіе.

Скавронскіе:

— Семейство, т. XIX, 232—257, 536—572; т. XX, 77—110.

— Анна Самуил. См. Ефимовская.

— Антонъ Самуил., т. XIX, 251.

— Гр. Анна Карл. См. гр. Воронцова.

— Гр. Антонъ Карл., т. XIX, 251, 557.

— Гр. Екатер. Вас., рожд. Энгельгартъ. См. гр. Литта.

— Гр. Екатер. Карл. См. баронесса Корфъ.

— Гр. Екатер. Пав., по первому браку кн. Багратіонъ. См. Гауденъ.

— Гр. Екатер. Родіонов., рожд. Сабурова, т. XIX, 555.

— Гр. Елизав. Март., т. XX, 94.

— Гр. Ив. Карл., капитанъ Измайл. полка, т. XIX, 557, 560, 561, 564.

— Гр. Карлъ Самуил., т. XIX, 250—254, 540, 541, 544—559; т. XX, 20.

— Гр. Мартынъ Карл., генералъ-аншефъ, оберъ-гофмейстеръ, сенаторъ, т. XIX, 551, 557, 560, 561, 564; т. XX, 77—94.

— Гр. Марья N., т. XIX, 549, 550, 560.

— Гр. Марья Никол., рожд. гр. Строганова, дѣйствительная статсъ-дама, т. XX, 85, 92—94, 96, 107, 108.

— Гр. Марья Пав., по первому браку гр. Паленъ. См. гр. Ожаровская.

— Гр. Пав. Март., тайн. совѣт., гофмейстеръ, т. XX, 94—110.

— Гр. Петръ Март., прапорщикъ Преображенскаго полка, т. XX, 94.

— Гр. Софья Карл. См. гр. Санѣга.

— Гр. Θедоръ (Фридрихъ) Самуилов., т. XIX, 251, 253, 255, 257, 538, 540, 545—548, 553—556; т. XX, 20.

— Дирихъ Самуил., т. XIX, 245, 250, 254.

— Доротея, рожд. Ганъ, т. XIX, 245.

— Екатерина, т. XIX, 253.

— Марта. См. Екатерина I Алексѣевна.

— Самуилъ (Сковоротскій), литовскій выходецъ, т. XIX, 245.

— Христина Самуил. См. гр. Гендрикова.

Скворцовы:

— Доцентъ Кіевск. университета, т. XXII, 338.

— Никол. Семен., редакторъ „Русск. Вѣдомостей", *прилож.* къ т. XXII, 44.

Скобелевы:

— Ив. Никит., генералъ-отъ-инфантеріи, комендантъ Петроп. крѣпости, дѣдъ М. Д. Скобелева. *Письмо его* къ сыну; т. XIX, 224, 225. *Упомин.* т. XXII, 586.

— Мих. Дмитр., генер.-адъют., генер.-отъ-кавалеріи, т. XX, 230, 231, 376—378; т. XXI, 428, 629; т. XXII, 71, 72, 87.

Скоропадскій, Ив. Ильичъ, гетманъ Малороссіи, т. XXII, 500.

Скоттъ, Джемсъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его о войнѣ Франціи съ Тонкиномъ; т. XX, 700.

Скрябинъ, Матв. Ив., галицкій боярскій сынъ, т. XXII, 479.

Смайльсъ, Самуилъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Люди изобрѣтенія и промышленности; т. XIX, 451.

Смарагдъ (Крыжановскій), орловскій, а потомъ рязанскій архіепископъ, т. XXII, 520.

Смирновы:

— Александра Іосиф., рожд. Россетъ, авторъ воспоминаній о Жуковскомъ и Пушкинѣ, *прилож.* къ т. XXII, 44.

— **Всеволодъ**, зять вѣнскаго протоіерея М. Ѳ. Раевскаго, т. XIX, 209.
— И. Н. *Статья его:* Значеніе знакомства съ древнимъ міромъ; т. XXI, 151—163.
— Капитанъ, командиръ вейсенштейнской команды, т. XIX, 333, 334.
— М. Е., факторъ типографіи М. П. Погодина, т. XX, 426.
— М. П. *Сообщилъ:* Воспоминаніе о М. П. Погодинѣ; т. XX, 424—437. Мелочи изъ воспоминаній; т. XXI, 576—591.
— Писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 487.
Снегиревъ, Ив. Михайл., профессоръ Москов. университета, цензоръ, т. XXI, 581, 582.
Снетлаге, Леонардъ, авторъ „Словаря новыхъ словъ, введенныхъ въ языкъ французскою революціею", т. XXI, 530.
Снядецкій, Андрей, профессоръ Вилен. университета, XXI, 145.
Совакъ, Жанъ, морякъ, изслѣдователь Сѣверной Двины (XVI в.), т. XIX, 187.
Соколовскій, священникъ с. Кочарова, Радомысльскаго у., обвиненный въ возбужденіи распри между поляками-помѣщиками и крестьянами, т. XXI, 554—556.
Соколовы:
— В. Н., студентъ Петерб. университета, т. XX, 489.
— Д., писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 487.
— Поручикъ артиллеріи, сопутствовавшій первому торговому каравану въ Мервъ, т. XX, 379.
Соколь, Антонинъ, греко-уніатскій монахъ, переведенный изъ курской обители въ кіевскіе монастыри для вразумленія, т. XXI, 547—550.
Соллогубъ, графъ, Владим. Александр., писатель, *прилож.* къ т. XXII, 44—47.
Соловьевы:
— Баронъ, штабсъ-капитанъ, декабристъ, т. XIX, 457.
— Братья, торговцы, впослѣд. бароны, т. XX, 28.
— Нижегородскій епископъ. См. Іеремія.
— Никол. Ив. *Сообщилъ* статью: Духовная карьера; т. XXII, 344—361. *Замѣтка* о литературномъ обманѣ его, т. XXII, 739, 740.
— Профессоръ Гельсингфорскаго университета, т. XIX, 460.
Соломка:
— Аѳанасій Данил., генер.-вагенмейстеръ, т. XIX, 350—358.
— Ротмистръ лейбъ-гв. гусарскаго полка, т. XIX, 361.
— Сергѣй Аѳанасьев., генер.-маіоръ, т. XIX, 355, 358, 361.
Соломонъ, имеретинскій царь, т. XIX, 264; т. XX, 580.
Соломонъ, профессоръ, операторъ петерб. сухопутнаго госпиталя, т. XXI, 342, 343, 346, 347.
Сольскій, Мартынъ Дмитр., докторъ перваго кадет. корпуса, т. XIX, 85.
Сонньe, Стефанъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Лѣто въ Сибири, между остяками, самоѣдами, татарами, киргизами и башкирами; т. XXII, 721.
Сомовъ, дворянинъ, заподозрѣнный въ участіи съ декабристами, т. XIX, 457.
Сорель, Альбертъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Европа и французская революція; т. XXII, 459, 460.
Сорокины:
— Генералъ, вице-директоръ инженернаго департамента, т. XXI, 282.
— Никол. Вас., докторъ ботаники, профессоръ Казан. университета, т. XIX, 719.
Софья Алексѣевна, царевна, въ иночествѣ Сусанна, т. XX, 7.
Соханская, Надежда Степ., писательница (Кохановская). *Некрологъ ея;* т. XIX, 226, 227.
Спасскіе:
— Евфимій, священникъ, братъ архимандрита Фотія, т. XXI, 564, 565.
— Петръ, архимандритъ. См. Фотій.
Спенсеръ, Гербертъ, англійскій философъ, т. XXI, 196—198.
Сперанскій, гр. Мих. Мих., русскій юристъ, государственный секретарь, т. XX, 23, 519, 691—693.
Спренгпортенъ, баронъ, генер.-маіоръ, т. XX, 29.
Спѣшневъ, Никол. Александр., редакторъ Иркут. Губ. Вѣдомостей, впослѣд. мировой посредникъ Остров. у., *прилож.* къ т. XXII, 47.
Ставровскій, Алексѣй Ив., профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 340; *прилож.* къ т. XXII, 47.
Сталь-Гольстейнъ, бароны:
— Анна-Луиза, рожд. Неккеръ, по второму браку Рокка, французская писательница, т. XIX, 678; т. XX, 198, 200—204.
— Эрикъ-Магнусъ, шведскій посланникъ въ Парижѣ, т. XX, 201, 202, 204.
Станиславъ II Августъ (графъ Понятовскій), польскій король, т. XIX, 542; т. XXI, 7, 82, 454, 460—462, 464, 524; т. XXII, 568.
Станкевичи, владѣльцы слободы Курлакъ, Бобровскаго у., Воронеж. губ., т. XXI, 211.

Стантонъ, Теодоръ, американскій писатель. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: The Woman question in Europe; т. XIX, 212, 213.

Старицкіе:

— Владим. Андреев., князь, т. XX, 689.

— Марья Владимір., княжна, двоюродная племянница Ивана Грознаго, супруга датскаго принца Магнуса, т. XX, 689.

Старчевскій, Альбертъ Викентьевичъ. *Статья его:* Великая мысль Екатерины II; т. XXII, 24—40.

Стеннеръ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Исторія правительства національной обороны въ провинціи; томъ второй; т. XIX, 454.

Стендаль, псевдонимъ французскаго писателя. См. Бейль.

Стенли. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Конго, основаніе свободнаго государства, исторія его учрежденія и изслѣдованія“; т. XXI, 206.

Степановъ, Николай, рыбинскій старообрядческій „батька“, т. XX, 505.

Степанъ Хозра, греческій владѣтельный князь, т. XX, 11.

Стефанъ (Семенъ Яворскій), митрополитъ рязанскій и муромскій, впослѣд. экзархъ патріаршаго престола, блюститель и администраторъ, т. XXII, 245.

Стефанъ:

— (Баторій-де-Сомліо), седмиградскій князь, впослѣд. король польскій, т. XXI, 627.

— Святой, первый епископъ пермскій, миссіонеръ, собиратель Русской земли, т. XXII, 88, 100.

— V, римскій папа, т. XIX, 615.

Стефенъ, Лесли. *Библіографическая замѣтка* о его изданіи: Словарь національной біографіи; т. XX, 239.

Стивенъ, второй секретарь англійскаго посольства въ Тегеранѣ, т. XX, 415.

Стодухинъ, Михайло, сибирскій казакъ, основатель Нижнеколымскаго укрѣпленія на р. Колымѣ, т. XXI, 114.

Столѣтовы:

— Генералъ, т. XX, 407.

— Егоръ, секретарь камергера и фаворита Екатерины I—В. И. Монса, т. XXI, 188.

Стояновскій, писатель, т. XIX, 230.

Стоюнинъ, В. Я. *Статья его:* Педагогическія задачи Пирогова; т. XX, 156—169, 290—332.

Страшкевичъ, Н. И., протоіерей холмско-варшав. епархіи, т. XX, 226.

Стрижевскій, генералъ, очевидецъ гибели натуралиста Н. А. Сѣверцова, т. XX, 249, 250.

Строгановы:

— Русскій графскій домъ, т. XX, 10, 28.

— Александръ Григ., оберъ-камергеръ, т. XX, 21.

— Александръ Серг., дипломатъ, т. XIX, 571; т. XXI, 335.

— Анна Мих., рожд. гр. Воронцова, т. XIX, 571.

— Григ. Александр., дѣйствит. тайный совѣтникъ, т. XX, 22.

— Марья Никол. См. гр. Скавронская, т. XX, 85.

— Никол. Григ., дѣйствит. статскій совѣтникъ, т. XX, 94.

— Прасковья Ив., рожд. Бутурлина, т. XX, 94.

— Сергѣй Григ., генер.-адъютантъ, членъ госуд. совѣта, воспитатель цесаревича Николая Александровича, писатель, *прилож.* въ т. XXII, 47, 48.

Строевъ, Пав. Мих., археологъ, т. XIX, 450.

Струковъ, писатель. *Букетная надпись его*, т. XXI, 432.

Стрѣшнева, Ксенія Герасим. См. Кочубей.

Ступишинъ, выборгскій военный губернаторъ, т. XXII, 427.

Суаллоу, Генри. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: De Nova Villa, or the house of Nevill in sunshine and in shade; т. XXII, 722, 723.

Суворинъ, Алексѣй Сергѣев., издатель газеты „Новое Время“ и журнала „Историческій Вѣстникъ“, т. XX, 257, 258.

Суворовы:

— Вас. Ив., генералъ-аншефъ, сенаторъ, т. XIX, 584.

— Никита, т. XIX, 585.

— Петръ Павл., пріятель Тургенева и Писарева, т. XXII, 415—417.

Суворовы-Рымникскіе, графы:

— Александръ Аркадьев., князь Италійскій, генер.-лейтен., петерб. военный генер.-губернаторъ. *Статьи:* А. А. Суворовъ и русское иногороднее купечество въ Ригѣ; т. XIX, 341 — 349. *Упомин.* т. XX, 500; т. XXI, 425.

— Александ. Вас., князь Италійскій, генералиссимусъ. *Статья:* Суворовъ въ зеркалѣ новой исторіи; по поводу сочиненія о немъ А. Петрушевскаго; т. XIX, 582—607. *Упомин.* т. XX, 16, 17, 21; т. XXII, 254.

Сулимерскій, Филиппъ, польскій писатель. *Некрологъ его;* т. XIX, 464.

Султановъ, Н. Б., членъ Общества любителей древней письменности, т. XXII, 224.

Сумароковы:

— Александръ Петров., писатель. *Новые матеріалы для его біографіи;* т. XX, 442—447. *Упомин.* т. XXI, 310.

— Графъ, генер.-адъют., т. XX, 23.

— Екатер. Александр. См. Княжнина.

— Павелъ Ив., писатель, т. XXI, 336.

— Перфилій Дмитр., стольникъ, т. XX, 444.

— Петръ Понкратьев., отецъ писателя, т. XX, 444.

— Панкратій Богдан., стольникъ, т. XX, 443, 444.

— Прасковья Александр. См. гр. Головина.

де-Суршъ, маркизъ. *Библіографическая замѣтка* объ изданныхъ мемуарахъ его; т. XXI, 631, 632.

Сухозанетъ, Никол. Онуфр., генер.-адъют., военный министръ, впослѣдствіи намѣстникъ царства Польскаго, т. XIX, 372, 373; т. XX, 440.

Сухомлиновъ, Мих. Ив., дѣйствит. стат. совѣт., академикъ, заслуженный профессоръ Петерб. университета. *Статья его:* Два эпизода изъ эпохи освобожденія крестьянъ; т. XIX, 72—79.

Сущинскій, П. И., профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 611.

С—цевъ, А. А., писатель, т. XX, 427, 428, 491.

Сытина, Зинаида Артем., рожд. Гейбовичъ. *Сообщила* Воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ; т. XIX, 128—137.

Сѣверцовъ, Никол. Алексѣев., докторъ зоологіи, натуралистъ и путешественникъ. *Некрологъ его;* т. XX, 249, 250.

Сѣровъ, Александръ Никол., композиторъ и писатель, т. XIX, 468, 469; т. XX, 143.

Сѣряковъ, Лаврентій Авксент., академикъ, знаменитый граверъ, *приложен.* къ т. XXII, 5.

Сѣченовъ, Ив. Мих., дѣйствит. стат. совѣт., профессоръ Петерб. университета, т. XX, іюньск. книжка, 5.

Т.

де-Талейранъ, Шарль-Морисъ, гр. Перигоръ, кн. Дино, отенскій епископъ, французскій министръ иностран. дѣлъ, впослѣд. посланникъ въ Лондонѣ, т. XXI, 166, 178, 364.

Таматовъ, побочный сынъ гр. Толстаго, разжалованный офицеръ, т. XX, 69.

Талханъ-Ардишвили, переводчикъ при кутаисскомъ генер.-губернаторѣ, кн. Гагаринѣ, убитый вмѣстѣ съ нимъ, т. XIX, 506.

Тальма, Франсуа-Жозефъ, замѣчательный французскій актеръ, т. XIX, 665—680.

Тальони, Марія, баллерина, т. XXI, 274, 275.

Тарасій (Таріэль), мингрельскій епископъ, т. XX, 597.

Тарковскій, шамхалъ, князь, т. XX, 17.

Тарновскій, В. В., черниговскій помѣщикъ, т. XX, 452.

Таро, капитанъ, русскій повѣренный въ Мальтѣ, т. XXI, 495.

Татаринова, Екатерина, рожд. Буксгевденъ, подполковница, сектантка, т. XXI, 54.

Татевы, угасшій княжескій родъ, т. XX, 10.

Татищевы:

— Русскій дворянскій родъ, т. XX, 11.

— Анна Алексѣев. См. гр. Панина.

— Гр. Никол. Алексѣев., генералъ-отъ-инфантеріи, т. XX, 22.

— Настасья Нефедьевна, рожд. Кудрявцева, супруга генералъ-анщефа Алексѣя Даниил., т. XX, 674, 675.

Таубе:

— Баронъ, иллукштскій гауптманъ, т. XXI, 271.

— Ингерманландскій губернаторъ, т. XIX, 442.

Ташеръ де-ла-Пажери, Марія-Роза, по первому браку Богарне. См. Жозефина.

Теккерей, Вильямъ-Макпэсъ, англійскій писатель. *Библіографическая замѣтка* о 25-мъ томѣ его сочиненій; т. XXII, 722.

Тельферъ, капитанъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Chevalier d'Eon de Beaumont; т. XX, 239.

Тепловъ, Григ. Никол., дѣйствит. стат. совѣт., голштинскій камергеръ, сенаторъ, т. XIX, 632.

Тергукасовъ, Арзасъ Артемьев., генер.-адъют., генер.-лейтен. *Замѣтка* о сооруженіи памятника ему въ Тифлисѣ, т. XIX, 718.

Терентій, игуменъ ливенскаго Сергіевскаго монастыря, т. XXI, 135.

Терещеновичъ. *Замѣтка* о найденныхъ въ Черниговской губерніи и имъ пріо-

брѣтенныхъ египетскихъ древностяхъ; т. XXI, 635.

Тернеръ, профессоръ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Историческое изслѣдованіе о римской наукѣ въ эпоху Августа; т. XXII, 726.

Терлецкій, переяславскій протоіерей, т. XXII, 496—498.

Терскій, Аркад. Ив., генералъ-рекетмейстеръ, т. XXII, 683, 684.

Тизенгаузенъ, Вас. Карлов., полковникъ, декабристъ. *Замѣтка* объ немъ; т. XIX, 727, 728. *Упомин.* т. XIX, 359—361.

Тимоѳеевы:

— Александръ Ильичъ, дѣйствит. стат. совѣт., членъ археографич. коммиссіи, т. XIX, 460.

— Сергѣй. *Сообщилъ* замѣтку по поводу статьи „Эпоха каруселей и маскарадовъ въ Россіи"; т. XXII, 482—484.

Тиссо, Викторъ. *Библіографическая замѣтка* о переводѣ его на французскій языкъ соч. Самарова (Мединга): „Отъ Садовы до Седана"; т. XX, 701, 702.

Титовы:

— А. А., членъ московскаго археологич. Общества. *Статья его:* Митрополитъ Іона III Сисоевичъ и его постройки въ Кремлѣ Ростова Великаго; т. XXII, 88—101. *Библіографическія замѣтки* о соч. его: Протоіерей Михаилъ Раевскій; т. XIX, 209. Преданія о ростовскихъ князьяхъ; т. XX, 226, 227. Ростовскій уѣздъ, Ярославской губерніи; т. XXI, 622—624.

— Владим. Павлов., дѣйствит. тайн. совѣт., членъ государств. совѣта, предсѣдатель археографич. коммиссіи, т. XXI, 460.

Тихоміровъ, В., составитель гимна въ честь св. Кирилла и Меѳодія; т. XX, 488.

Тихонъ, монахъ, строитель Вознесенской церкви въ Нижнемъ Новгородѣ, т. XXI, 592, 594.

Тоглукъ-Тимуръ-ханъ (Тамерланъ), владѣтель Мерва, т. XX, 385.

Тодуа:

— Коча, крестьянинъ мингрельскаго помѣщика, Корзаіа, предводитель крестьянскаго возстанія, т. XIX, 485; т. XX, 560, 571.

— Мортали, мингрельскій крестьянинъ, т. XIX, 485, 486; т. XX, 560—562.

Токаревскій, архимандритъ. См. Макарій.

Толстые, графы:

— Аграѳена Ѳедор. См. гр. Закревская.

— Алексѣй Констант., писатель. *Матеріалы для полнаго собранія сочиненій его;* т. XXII, 121—132, 484, 485. *Упомин.* т. XXI, 83.

— Воронежскій губернаторъ, т. XXI, 209, 210.

— Ив. Матв., министръ почтъ и телеграфовъ, т. XX, 23, 534.

— Левъ Никол., писатель, т. XIX, 449; т. XX, 478; т. XXII, 211, 212, 365, 366, 511.

— Петръ Андреев., дѣйствит. тайн. совѣт., сенаторъ, членъ верховнаго и тайнаго совѣта, т. XX, 20; т. XXII, 140.

Толь, гр. Карлъ Ѳедор., генер.-адъют., членъ государств. совѣта и военной академіи, т. XX, 22.

Тонъ, Констант. Андреев., архитекторъ, *прилож.* къ т. XXII, 5.

Топильскій, М. И., директоръ канцеляріи министерства юстиціи, т. XIX, 74, 76.

Топурія:

— Сико, есаулъ, т, XX, 566.

— Теймуразъ, азнауръ, переводчикъ кутаисскаго губернатора, т. XX, 335, 336, 566, 568, 570.

Тормасовъ, гр. Александръ Петр., москов. воен. генер.-губернаторъ, т. XX, 22.

Тотлебенъ, гр. Эдуардъ Ив., генер.-адъют., вилен. генер.-губернаторъ, т. XX, 23; т. XXI, 269, 282.

Травины, русскій дворянскій родъ, т. XX, 13.

Трачевскій, Александръ Семен., докторъ всеобщей исторіи, профессоръ Новороссійскаго университета. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Учебникъ исторіи, съ указателемъ и хронологическою таблицею; русская исторія; т. XXI, 391—396.

Трегубовъ, дядя гр. П. А. Зубова, т. XX, 11.

Трейчке, историкъ. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ имъ соч. Коберштейна „Дикая, отчаянная охота Лютцова"; т. XX, 235.

Треповъ, Ѳедоръ Ѳедор., генер.-адъют., генералъ-отъ-кавалеріи, петерб. градоначальникъ, т. XIX, 103, 105, 106.

Трефолевъ, Леонидъ Никол. *Замѣтка его:* По поводу изданія „Уединенный Пошехонецъ", т. XIX, 728.

Тришка, атаманъ разбойничей шайки, т. XXI, 274—276.

Троекуровъ, кн. Ѳедоръ Ив., воевода, покоритель Нейшлота, т. XXII, 240.

Тройниковъ, псевдонимъ писателя. См. Петровъ.

Троллопъ, Антони, англійскій писатель. *Статья о немъ;* т. XIX, 160—165.

Тронгольтъ, Софусъ, датчанинъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Подъ лучами сѣвернаго сіянія, въ странѣ лапландцевъ и квеновъ"; т. XXI, 205.

Трофимовы:

— А. И., петерб. мировой судья, т. XIX, 99.

— Герасимъ, староста с. Введенскаго, Тамбовской губ., занимавшійся покупкою и кражею чужихъ дѣтей для отдачи въ рекруты, т. XIX, 435.

Трубецкіе, князья:

— Русскій княжескій родъ, т. XX, 11.

— Алексѣй Никит., ближній бояринъ, намѣстникъ казанскій, т. XXI, 597.

— П. Н., т. XXI, 325.

Труворовъ, Аскалонъ Никол., дѣйствит. стат. совѣт., членъ археографической коммиссіи, т. XIX, 461.

Трузсонъ, генералъ-лейтенантъ, предсѣдатель инженернаго ученаго комитета, т. XXI, 282.

Трусовъ, писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 487.

Тугутъ, Францъ-Марія, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. XXI, 167, 168, 170, 173—178.

Туловъ, Мих. Андреев., помощникъ попечителя Кіев. учебнаго округа, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 48, 49.

Туманскіе:

— Мих. Өедор., дѣйствит. стат. совѣт., петерб. цензоръ, т. XXII, 154—159.

— Өедоръ Осипов., стат. совѣт., рижскій цензоръ, писатель, т. XXII, 153, 154, 157.

Тупица, хорунжій, командиръ казачьей сотни, т. XIX, 499—501.

Турбинскій, издатель юбилейной Кирилло-Меөодіевской медали, т. XX, 708, 709.

Тургеневы:

— Александръ Ив., дѣйствит. стат. совѣт., писатель, т. XIX, 442.

— Анна Яков., рожд. Шварцъ, т. XXII, 46—48.

— Варвара Петр., рожд. Лутовинова. мать писателя, т. XXII, 42—63.

— Ив. Сергѣев., писатель. *Статьи:* Воспоминанія о селѣ Спасскомъ; т. XXII, 41—65. Ахилесова пята Тургенева; т. XXII, 362—380. *Стихотворенія его:* т. XXI, 330, 431; т. XXII, 730, 731. *Замѣтки:* по поводу перваго собранія писемъ его, т. XIX, 138—144; по поводу открытія памятника на могилѣ, т. XXII, 222; встрѣча его съ Д. И. Писаревымъ, т. XXII, 415—419. *Библіографическія замѣтки:* о соч. А. Невеленова: Тургеневъ въ его произведеніяхъ, т. XX, 467—469; о стихотвореніяхъ его, т. XX, 720—722, т. XXI, 221—223; о некрологѣ его, составленномъ нѣмец. писат. Людвигомъ Пичемъ, т. XXII, 465, 466. *Упомин.* т. XIX, 448, 449; т. XX, 478; т. XXII, 211, 212.

— Николай Никол., дядя писателя, т. XXII, 46, 54, 60, 61.

— Никол. Серг., прапорщикъ гвардейской конной артиллеріи, братъ писателя, т. XXII, 44, 46—48, 55—57, 60, 63.

— Сергѣй Никол., отецъ писателя, т. XXII, 41—46.

— Сергѣй Сергѣев., братъ писателя, т. XXII, 44.

Турликъ, Антонъ, рядовой, свидѣтель смерти русскихъ воиновъ, замученныхъ польскими повстанцами, т. XIX, 721, 722.

Турчанинова, Анна Алексѣев., рожд. гр. Эльмтъ, т. XXII, 678.

Тутолминъ, Тимоѳей Ив., архангельскій генер.-губер., впослѣд. намѣстникъ подольскій и волынскій и президентъ государств. совѣта, т. XXI, 8.

Тучковъ, Павелъ Алексѣев., генер.-адъютантъ москов. генер.-губернаторъ, т. XIX, 573.

Тьеръ, Людовикъ-Адольфъ, французскій министръ, впослѣд. президентъ республики, т. XX, 483; т. XXII, 116, 726.

Тэнъ, Ипполитъ-Адамъ, французскій историкъ. *Библіографическія замѣтки* о соч. его: Происхожденіе современной Франціи; т. XIX, 712, 713. Соціализмъ, какъ правительство, въ переводѣ С. Никитенко; т, XXI, 194—198. Титъ Ливій, въ переводѣ А. Иванова и Е. Щепкина; т. XXI, 398—400.

Тюнинъ, ливенскій купецъ, Орловской губ., въ домѣ котораго открылась священная пещера, т. XXI, 129—132.

Тютчевы:

— Екатер. Өедор., фрейлина, писательница, *прилож.* къ т. XXII, 49.

— Писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 487.

Тюфякины, угасшій княжескій родъ, т. XX, 10.

У.

Уайзъ, Джемсъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Открытіе Америки до 1525 года"; т. XXI, 207.

Уарренъ, американскій писатель. *Библіографическая замѣтка* о соч. его о мѣстѣ нахожденія земнаго рая; т. XXII, 463, 464.

Уваровы, графы:

— Алексѣй Сергѣев., дѣйствит. стат. совѣт., камергеръ, предсѣдатель москов.

археологич. Общества. *Заметка* о ученыхъ заслугахъ его; т. XIX, 889—898. *Библіографическая замѣтка* о вышедшей книгѣ объ немъ; т. XX, 688, 689. *Упомин.* т. XXII, 208, 220, 221.

— Сергѣй Семен., дѣйств. тайн. совѣт., членъ государств. совѣта, министръ народн. просвѣщенія, т. XXI, 389; т. XX, 23; майск. книжка, 8; т. XXI, 75.

Уваровъ, Никол. Ив., докторъ-медицины, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 49.

Угинскій, А. О., профессоръ Казан. университета, т. XXII, 327.

Улыба, зять в. к. Дмитрія Донскаго, родоначальникъ фамиліи Улыбышевыхъ, т. XIX, 467.

Улыбышевы:

— Александръ Дмитр., музыкальный критикъ, т. XIX, 466—470.

— Екатерина Дмитр. См. Панова.

— Наталья Александр. См. Садокова.

Унгеръ, Іосифъ, докторъ, авторъ сочиненія: Бракъ въ его всемірно-историческомъ развитіи, т. XXII, 162.

Унругъ, польскій шляхтичъ, казненный за совращеніе католиковъ въ протестантизмъ, т. XXI, 101.

Уразъ-Махметъ, киргизскій царевичъ, царь касимовскій, т. XX, 8.

Урусовы, *князья:*

— Русскій княжескій родъ, т. XX, 18.

— М. А., нижегород. губернаторъ, т. XIX, 468.

— Серг. Никол., дѣйств. тайн. сов., статсъ-секретарь, главноуправляющій II отдѣленіемъ собств. е. и. в. канцеляріи, т. XXI, 62.

Урядовъ, Андрей, слуга гр. М. К. Скавронскаго, т. XX, 79—81.

Усларъ, баронъ Петръ Карлов., полковникъ, т. XX, 55—59, 62—64, 68, 69, 71, 75, 76.

Усовъ, Павелъ Степан., публицистъ и писатель. *Статьи его:* Сохраненіе древнихъ памятниковъ въ Россіи; т. XIX, 145—151. Столѣтіе дефицитовъ; т. XX, 516—534. *Замѣтки его:* Люди нижегородскаго Поволжья; т. XIX, 466—471. Разрушенная древняя церковь; т. XXI, 592—595. *Библіографическія замѣтки его*: Протоіерей Михаилъ Раевскій—А. Титова; т. XIX, 209. Преданія о ростовскихъ князьяхъ—А. Титова; т. XX, 226, 227. Сборникъ императорскаго русскаго историческаго Общества, томъ 45; т. XX, 690—693. Историческій очеркъ Васильсурскаго уѣзда, Нижегородской губерніи—Николая Демидова; т. XXII, 205, 206. Отчетъ о дѣятельности коммиссіи по возстановленію древнихъ зданій въ кремлѣ Ростова Великаго; т. XXII, 455, 456. Поморскіе отвѣты; т. XXII, 715.

Успенскіе:

— Тимоѳ. Григ., митрополитъ кіевскій. См. Филоѳей.

— Чигиринскій епископъ. См. Порфирій.

Устряловы:

— Никол. Герасимов., историкъ, профессоръ Петерб. университета, академикъ, т. XIX, 459; т. XX, майск. книжка, 3; 461—463; т. XXI, 75, 78.

— Ѳедоръ Никол., писатель. *Статья его:* Мировой судъ въ Петербургѣ въ 1869—1872 годахъ; отрывокъ изъ автобіографіи; т. XIX, 86—122. *Некрологъ его;* т. XIX, 722.

Ухачъ-Охоровичъ, К. Ѳ. *Сообщилъ* замѣтку: Могила Т. Г. Шевченки; т. XX, 448—454.

Ухтомскій, кн. Василій, полководецъ, разбившій казанскихъ татаръ, т. XXII, 239.

Учинъ, Я., псевдонимъ писателя. См. Кучинъ.

Ушаковъ, гр. Андрей Ив., генералъ-аншефъ, генер.-адъют., сенаторъ, начальникъ тайной розыскной канцеляріи, т. XX, 21, 81; т. XXII, 667.

Ушинскій, К. Д., писатель. *Псевдонимъ его* (Виссаріонъ Жуковъ); т. XXII, 487.

Уэстали. *Библіографическая замѣтка* о переводѣ его на англійскій языкъ книги „Россія подъ властію царей"; т. XX, 699.

Фаберъ, Абрагамъ, французскій маршалъ. *Библіографическая замѣтка* объ изданной біографіи его; т. XX, 237.

Фабриціусъ, житель города Вейсенштейна, оказавшій неуваженіе православному богослуженію, т. XIX, 332.

Фабуловы, русскій княжескій родъ, т. XX, 15.

Фавриködоровъ, К. Н. *Сообщилъ:* Воспоминанія лазутчика русской арміи въ войну 1877—1878 годовъ; т. XXII, 66—87, 293—320.

Фадеевы:

— Андрей Мих., отецъ писателя, т. XXII, 622.

— Екатер. Андреев. См. Витте.

— Елена Андреев. См. Ганъ.

— Елена Павлов., рожд. княж. Долгорукова, мать писателя, т. XXII, 623.

— Ростиславъ Андреев., генералъ-маіоръ, политическій писатель, т. XXII, 622—624, 629.

Фадемрехтъ, Вальтасаръ, пасторъ московской Ново-Нѣмецкой слободы, т. XXI, 597—599.

Фалькенгагенъ, капитанъ, сотрудникъ кн. А. И. Гагарина въ назначеніи порта на Черномъ морѣ, т. XX, 59.

Фаминцынъ, Ал. С. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Божества древнихъ славянъ, вып. 1; т. XXI, 179—184.

Фарнюгаръ, Бернардъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Приключенія въ Сербіи, или похожденія медицинскаго волонтера между башибузуками; т. XIX, 214, 215.

Фарози, Джіованна. См. Казанова де-Сейнгальтъ.

Фелейзенъ, баронъ, придворный банкиръ въ Петербургѣ, т. XX, 29.

Фелицынъ, дьячекъ православной церкви въ городѣ Вейсенштейнѣ, т. XIX, 330.

Фельдманъ, Александ. Ив., генер.-адъют., директоръ инженернаго департамента, т. XXI, 282.

Фельетъ, устроитель маскарадовъ въ Петербургѣ, т. XXI, 698.

Фелькель, Юлій Карлов., русскій писатель, т. XXII, 488; *прилож.* къ т. XXII, 49, 50.

Фенелонъ, Франсуа де-Салиньякъ, архіепископъ камбрейскій. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ сочиненіи о немъ; т. XIX, 215, 216.

Фениксовъ, псевдонимъ писателя. См. Лапунинъ.

Фердинандъ:

— I, король Обѣихъ Сицилій, т. XX, 106.

— I, австрійскій императоръ, т. XXI, 51.

— V, Католикъ, король Аррагоніи, т. XXII, 136, 137, 139.

Ферзенъ, гр. Иванъ Евстафьев., русскій генералъ, директоръ кадет. корпуса, т. XX, 21.

Ферстеръ, генералъ-маіоръ, т. XXII, 678.

Фигнеръ, А. В. *Сообщилъ* воспоминанія о графѣ А. А. Закревскомъ; т. XX, 665—671.

Фидлеръ, Фридрихъ, переводчикъ стихотвореній Кольцова на нѣмецкій языкъ, т. XX, 478, 479.

Филаретъ:

— (Амфитеатровъ), докторъ богословія, митрополитъ кіевскій и галицкій, т. XXI, 542—544, 547—556.

— (Вас. Мих. Дроздовъ), митрополитъ московскій и коломенскій, т. XIX, 74—77, 361; т. XX, 41; т. XXI, 578—582, 584, 588—590.

— (Мих. Прокоп. Филаретовъ), епископъ рижскій и митавскій, *прилож.* къ т. XXII, 50, 51.

— (Федоръ Никитичъ Романовъ), патріархъ всероссійскій, т. XX, 690; т. XXII, 111, 116.

Филипповъ, петербургскій откупщикъ, т. XXII, 410, 412.

Филиппъ, Жюль. *Библіографическая замѣтка* объ изслѣдованіи его: „Origine de l'imprimerie à Paris“; т. XXII, 217.

Филиппъ:

— II, испанскій король, т. XXII, 137, 142.

— IV, испанскій король, т. XXII, 149.

— Добрый, герцогъ бургундскій, т. XXII, 255.

Филоѳей:

— (Лещинскій), въ схимѣ Ѳеодоръ, митрополитъ сибирскій и тобольскій, т. XXII, 200, 202.

— (Тимоѳей Григ. Успенскій), кіевскій митрополитъ, *прилож.* къ т. XXII, 51.

Фитингофъ, сенаторъ, т. XXI, 11.

Фицгербертъ, англійскій посолъ въ Петербургѣ, т. XXI, 22, 257, 445, 452, 488, 492, 504, 506.

Фишеръ:

— Карлъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Deutsches Leben und deutsche Zustände von der Hohenstaufenzeit bis ins Reformationszeitalter; т. XXI, 410, 411.

— Куно. *Библіографическая замѣтка* о соч. его о Лессингѣ; т. XXII, 727, 728.

— Федоръ Богданов., членъ медицинскаго совѣта, директоръ петерб. ботаническаго сада, т. XXII, 221.

Флетчеръ, Джильзъ, англичанинъ, авторъ записокъ о Россіи, т. XIX, 166, 187.

Флориксъ, писатель. *Псевдонимъ его* (Загудайло); т. XXII, 487.

Флугъ, архитекторъ, т. XX, 185.

Фокеротъ, Иванъ - Дитрихъ, пасторъ московской Ново-Нѣмецкой слободы, т. XXI, 597—600.

Фонвизинъ, Денисъ Ив., русскій писатель, т. XXII, 152.

Форбесъ, Арчибальдъ, публицистъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его

„Souvenirs of some continents"; т. XXI, 628, 629.

Форбесъ-Лейтъ, іезуитъ, *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Разсказы о шотландскихъ католикахъ при Маріи Стюартъ и Яковѣ VI"; т. XXI, 629.

Форстенъ, Георгій, магистръ русской исторіи. *Замѣтка* о защитѣ имъ своей диссертаціи. Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ; т. XIX, 719.

Фортинскій, Θедоръ Яков., докторъ всеобщей исторіи, профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 603, 604.

Фотина, бывшая актриса, постриженная архимандритомъ Фотіемъ въ монахини, т. XXI, 573, 574.

Фотій (Петръ Спасскій), архимандритъ новгород. Юрьева монастыря. *Разсказы объ немъ*; т. XXI, 557—575.

Франциекъ I, король французскій. *Библіографическая замѣтка* о сочиненіи объ немъ г-жи Куанье; т. XXII, 461. *Упомин.* XXII, 137.

Францъ:

— II (Францъ-Стефанъ Лотарингскій), императоръ германскій, потомъ австрійскій подъ именемъ **Франца I**, т. XIX, 463; т. XXI, 168—170, 177.

— Дарья Никол. См. Глѣбова.

— Елизав. Ив. См. Бенкендорфъ.

Фредериксъ, бароны:

— А. *Замѣтка его:* Князь Чиковани въ Тамбовѣ; т. XX, 716, 717.

— Банкиръ, т. XX, 29.

Фрейгангъ, командиръ куринскаго егерскаго полка, т. XIX, 476.

Фридебургъ, К. И., докторъ, т. XIX, 222.

Фридрихъ II (Великій), король прусскій. *Статья о немъ* (по мемуарамъ Катта); т. XXI, 602—712. *Упомин.* т. XIX, 450, 451, 518, 519; т. XXII, 147.

ФридрихъВильгельмъ:

— I, король прусскій, т. XXI, 606—608.

— IV, король прусскій. *Библіографическая замѣтка* объ изданныхъ сочиненіяхъ о немъ; т. XXI, 632.

— Великій курфюрстъ бранденбургскій. *Библіографическая замѣтка* о соч. объ немъ доктора Эрмансдерфера; т. XX, 234, 235.

Фронингъ, Рихардъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Объ исторіи и оцѣнкѣ духовныхъ представленій въ средніе вѣка, особенно пьесъ о страстяхъ Христовыхъ; т. XXI, 411.

Фуже, Ю. *Библіографическая замѣтка* о сочин. его: Учебникъ всеобщей исторіи, т. XIX, 446.

Фурманъ, Петръ Родіонов., писатель. *Библіографическая замѣтка* о романѣ его: Дочь шута; т. XX, 227—229.

Фуссъ, Пав. Никол., математикъ, секретарь академіи наукъ, т. XXII, 221.

Х.

Хабаловъ, поручикъ, изслѣдователь Мерва, т. XX, 397, 423.

Хабаровъ, сибирскій промышленникъ XVII вѣка, т. XXI, 112.

Халимъ-паша. *Библіографическая замѣтка* о статьѣ его: Египетъ и Суданъ; т. XX, 697.

Халколивановъ, Ив. Егор., протоіерей, ректоръ самарскихъ духовн. училищъ, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 52.

Харлампій, игуменъ ливенскаго Сергіевскаго монастыря, т. XXI, 132—134.

Хатунскій, Гаврила, капитанъ сибирскаго гарнизона, т. XXI, 122.

Хвостовъ, Борисъ Никол., тайн. совѣт., сенаторъ, т. XIX, 72—74, 76.

Херасковъ, Мих. Матв., дѣйств. тайн. совѣт., кураторъ Москов. университета, поэтъ, т. XXI, 310.

Хлѣбниковъ, Петръ Васильев., владѣлецъ рукописи „Ростовскій лѣтописецъ", т. XXI, 622, 623.

Хмелевская, придворная дама Марины Мнишекъ, т. XIX, 5.

Хмельницкій, Богданъ, гетманъ малороссійскій, т. XXII, 496—498, 508.

Хованскіе, князья:

— Русскій княжескій родъ, т. XX, 11.

— Вѣра Александр., рожд. Княжнина, т. XX, 443.

Ходзько:

— Александръ, русскій консулъ въ Персіи, а потомъ профессоръ въ Collége de France, польскій поэтъ, т. XXI, 148.

— Игнатій, вице-президентъ комитета по улучшенію быта крестьянъ Вилен. губ., польскій поэтъ, т. XXI, 150.

Хойнацкій, Андрей Θедоров., магистръ богословія, протоіерей, законоучитель нѣжинскаго историко-филологическаго института. *Статья его:* Инквизиція въ Польшѣ и Литвѣ; историко-культурный очеркъ; т. XXI, 87—104.

Хоментовскій, начальникъ владимірской провіантской коммиссіи, т. XIX, 130, 133, 134.

Хомутовъ, полковникъ, командиръ учебнаго сапер. баталіона, т. XXI, 282.

Хотетовскіе, угасшій княжескій родъ, т. XX, 10.

Хотинскій, Θедоръ, діаконъ с. Карин-

ловки, Радомысльскаго у., т. XXI, 548, 550, 551.

Хохеновы-Давыдовы, княжескій родъ, т. XX, 14.

Хоштаріи, Мефодій и Иванъ, виновники сопротивленія противъ правительницы Мингреліи, т. XIX, 86.

Храмцовъ, И. И., ростовскій гражданинъ, реставраторъ Ростовскаго кремля, т. XXII, 100.

Храповицкіе:

— Александръ Васильев., статсъ-секретарь, писатель, т. XXI, 262, 444, 488.

— Янъ, капитанъ, вольскій воевода, т. XXI, 232.

Хрущовы:

— Андрей Феодор. *Замѣтка* объ устройствѣ памятника на его могилѣ; т. XXII, 477.

— И. П., членъ-корреспондентъ Общества любителей древней письменности, т. XXI, 420.

Ц.

Цабель, нѣмецкій писатель. *Библіографическія замѣтки:* о сдѣланной имъ оцѣнкѣ произведеній гр. Л. Н. Толстаго; т. XIX, 449; о соч. его: Литературныя экскурсіи по Россіи; т. XIX, 710. *Упомин.* т. XXII, 211.

Цвѣтаевы:

— Дм. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ московскаго періода; т. XX, 689, 690. Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ; т. XXII, 716, 717.

— Ив. Владим., докторъ рим. словесности, доцентъ Кіев. университета, впослѣд. профессоръ Моск. университета, т. XXII, 611, 614.

Цебрикова, М. *Библіографическая замѣтка* о переводѣ ея Исторіи XIX вѣка Мишле, III томъ; т. XX, 229, 230.

Цереринъ, столоначальникъ владимір. духов. консисторіи, приближенный епископа Парѳенія, т. XXII, 348, 349, 351.

Церетели, князь, митрополитъ. См. Давидъ.

Циммерманъ, Іоганъ-Георгъ, знаменитый врачъ и философъ, т. XXI, 8, 26, 254, 256, 454, 455.

Цицiановъ, кн. Пав. Дмитр., кавказскій главнокомандующій, т. XIX, 724, 725; т. XX, 718.

Цулукидзе, княгини:

— Мерика Николаевна, рожд. княж. Дадіани. См. кн. Шервашидзе.

— Супруга кн. Елизбара Дадіана. См. Дадіани.

Цѣхановецкій, Григ. Матв., докторъ полит. экономіи, профессоръ Кіев. унив., впослѣд. ректоръ Харьков. университета, т. XXII, 593, 599.

Цѣхоцкій, Іосафатъ, греко-уніатскій монахъ курской обители, т. XXI, 547.

Ч.

Ч., флиг.-адъют., адъютантъ кн. А. И. Барятинскаго по званію намѣстника кавказскаго, т. XX, 282—285.

Чавчавадзе, князья:

— Давидъ Александ., т. XIX, 504; т. XX, 564.

— Екатер. Александ. См. Дадіани.

— Нина Александ. См. Грибоѣдова.

Чапская, графиня, въ супруж. Колемина, морганатическая супруга герцога Гессенскаго. *Библіографическая замѣтка* о сочиненіи: Frau Kolemine; т. XIX, 711, 712.

Чарторижскіе, князья:

— Русскій княжескій родъ, т. XX, 12.

— Адамъ-Георгъ, министръ иностран. дѣлъ, впослѣд. попечитель Вилен. университета, т. XXI, 32.

— Адамъ, „генералъ подольскихъ земель“, австрійскій фельдмаршалъ, т. XXI, 524.

Чаховскій, предводитель польской повстанской банды, т. XIX, 721, 722.

Чацкій, Ѳаддей, тайн. совѣт., писатель, т. XXI, 100.

Чекинъ, генералъ-маіоръ, т. XIX, 250.

Ченчи:

— Беатриче, дочь римскаго дворянина. *Статья о ней;* т. XXI, 381—390.

— Олимпія, Бернардино и Джіакомо, дѣти Франческо Ченчи, т. XXI, 383, 384.

— Франческо, свирѣпый дворянинъ римскій, т. XXI, 381—390.

Черемисовъ (Черемисиновъ), Дементій Ив., думный дворянинъ, любимецъ Ивана Грознаго, т. XXII, 240.

Черкасовы:

— Баронесса Е. И., т. XXI, 325.

— Баронъ Ив. Антонов., дѣйствит. тайн. совѣт., кабинетъ-секретарь, впослѣд. сенаторъ, т. XX, 28, 31; т. XXI, 434.

Черкасскіе, князья:

— Русскій княжескій родъ, т. XX, 13.

— Александ. Александров., т. XXI, 434, 436.

— Владим. Александр., дѣйствит. стат. совѣт., глав. директоръ правительст. коммиссіи внутрен. и духов. дѣлъ въ ц. Польскомъ, впослѣд. управляющій граждан. частію въ Болгаріи, т. XX, 225.

Черноморскій, И., псевдонимъ писателя. См. Казанскій.

Чернышевы:

— Александръ Ив., свѣтлѣйшій князь, генер.-адъют., генералъ-отъ-кавалеріи, воен. министръ, предсѣдатель государств. совѣта, т. XX, 17, 22, 364, 526.

— Гр. Анна Родіонов., рожд. Ведель, т. XXI, 448, 449.

— Гр. Григ. Петр., генералъ-аншефъ, т. XIX, 632; т. XX, 20.

— Гр. Зах. Григ., генералъ-фельдмаршалъ, бѣлорусскій генер.-губернаторъ, впослѣдствіи москов. градоначальникъ, т. XXI, 324, 448, 449.

— Ив. Григорьев., генералъ-фельдмаршалъ, президентъ адм.-коллегіи и членъ академіи наукъ, т. XXI, 252, 258, 324.

Черняевъ, Мих. Григ., генералъ-маіоръ, т. XX, 373.

Чертковы:

— Василій, правитель харьковскаго намѣстничества, т. XXI, 18.

— Евграфъ Александ., т. XXI, 477, 478.

— Елизавета Александр. См. кн. Голицына.

— Пав. Вас., владимірскій епископъ. См. Парѳеній.

Четвертинскій, кн., адъютантъ гр. А. А. Закревскаго, т. XX, 669.

Четихинъ, Лука, баронъ, т. XX, 28.

Чечотъ, Янъ, польскій поэтъ, членъ тайнаго вилен. общества филаретовъ, т. XXI, 149.

Чиковани, князья:

— Мингрельская княжеская фамилія, т. XIX, 282, 286, 494, 499—506, 508, 509; т. XX, 357, 571.

— Давидъ, главноуправляющій удѣльными имуществами владѣтеля Мингреліи, т. XIX, 26, 29, 37; т. XX, 562, 593, 717.

— Иванъ Отіевъ. *Замѣтка* о пребываніи его въ Тамбовѣ; т. XX, 716, 717. *Упомин.* т. XIX, 503, 504.

— Темурква, т. XX, 360, 361, 561.

Чиладзе, старинная фамилія мингрельскихъ дворянъ, т. XIX, 488.

Чиляевъ, М. Е., управляющій Мингреліею, т. XX, 562, 571, 598, 601.

Чиркинъ, Ив. Иродіон., директоръ московскихъ и петербургскихъ питейныхъ и другихъ сборовъ, т. XXI, 416.

Чистовичи:

— Илларій Алексѣев., дѣйствит. стат. совѣт. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Очеркъ исторіи западно-русской церкви; часть 2-я; т. XIX, 445.

— Яковъ Алексѣев., начальникъ медико-хирургич. академіи. *Некрологъ его;* т. XXII, 789.

Чистяковъ, Мих. Борис., педагогъ и дѣтскій писатель. *Некрологъ его;* т. XXII, 481.

Чихачевъ, Петръ Александ., камеръ-юнкеръ, чиновникъ минист. финансовъ, путешественникъ, т. XX, 609, 622.

Чичаговъ, Л. М. *Извлеченіе* изъ соч. его: Дневникъ пребыванія царя-освободителя въ дунайской арміи; т. XX, 170—183.

Чичуа, мингрельскій княжескій родъ, т. XX, 356.

Чоглоковъ, находившійся въ пугачевской шайкѣ, т. XXII, 674.

Чома-де-Кёрёши, Александръ, венгерскій путешественникъ. *Библіографическая замѣтка* о вышедшемъ сочиненіи о немъ; т. XXI, 414.

Чумиковъ, А. А., редакторъ-издатель педагогическаго журнала „Воспитаніе". *Сообщилъ* псевдонимы бывшихъ своихъ сотрудниковъ; т. XXII, 486—488.

Чупинъ, Наркизъ Конст., инспекторъ горнаго уральскаго училища, писатель, *прилож.* къ т. XXII, 52, 53.

Чхеларіа, мингрельскіе дворяне, т. XX, 573.

Ш.

Шавдіевы, мингрельскіе помѣщики, т. XIX, 489, 492.

Шавръ, Васька, польскій „арендарь", нападавшій на русскія украйны, т. XXI, 286.

Шайсуповы, княжескій родъ, т. XX, 13.

Шакловитый, Ѳедоръ Леонтьев., начальникъ стрѣлецкаго приказа, покушавшійся на жизнь Петра I. *Библіографическая замѣтка* объ изданіи археографич. коммиссіи: Розыскныя дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ, томы I и II; т. XXII, 206, 207.

Шаламовъ, Степ. Данил., сосѣдъ И. С. Тургенева по имѣнію, т. XXII, 56, 57.

Шаликашвили, князья:

— Анна Тимоѳ., рожд. княж. Микеладзе. См. Гегидзе.

— Глава гурійскаго возстанія, т. XX, 582.

Шаль, Мишель, французскій геометръ, т. XIX, 408—410.

Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана, т. XX, 35, 36, 594.

Шанзи, французскій генералъ. *Замѣт-*

ка объ открытіи ему памятника въ г. Мансѣ; т. XXII, 227.
Шантлевъ, авторъ изслѣдованія: „Louis XVII. Son enfance, sa prison et sa mort au Temple“. *Извлеченіе* изъ этого сочиненія; т. XXII, 190—198.
Шапиро, еврей, продавецъ подложныхъ рѣдкостей, т. XIX, 411.
Шатиловъ, Ив. Вас., адъютантъ гр. А. А. Закревскаго, т. XX, 667.
де-**Шатобріанъ**, Франсуа-Огюстъ, виконтъ, французскій писатель, т. XX, 193—198.
Шафировъ, баронъ Петръ Павл., дѣйствит. тайн. совѣт., дипломатъ, т. XX, 28, 31.
Шаховскіе, князья:
— Левъ Никол., петербургскій мировой судья, т. XIX, 90—96.
— Семенъ Ив., елатомскій намѣстникъ, т. XXI, 229, 230.
— Яковъ Петр., дѣйствит. тайн. совѣт., конференцъ министръ и сенаторъ, т. XIX, 632.
Шахъ-Шуя, туркестанскій правитель, т. XX, 372, 406.
Шашковъ, Серафимъ Сераф., писатель, *прилож.* къ т. XXII, 53—56.
Шварцъ:
— Анна Яков. См. Тургенева.
— Вячесл. Григ., русскій художникъ, т. XIX, 480, 482.
фонъ-**Шведенъ**, Іоганъ, голландецъ, московскій фабрикантъ бумаги и основатель почтоваго движенія, т. XX, 270, 277.
Швейгеръ-Лерхенфельдъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его объ Африкѣ; т. XX, 481.
Швенкельфельдъ, Янъ изъ Свидницы, вроцлавскій инквизиторъ, т. XXI, 91.
Шебашевъ, архимандритъ. См. Іоасафъ.
Шевалье, Поль. См. Гаварни.
Шевченко:
— Варѳолом. Григорьев., родственникъ поэта, т. XX, 451.
— Тарасъ Григорьев., поэтъ и художникъ. *Замѣтка* о могилѣ его; т. XX, 448—454.
Шейковскій, писатель. *Буквенная подпись его;* т. XXII, 488.
Шейнъ:
— Ив. Петр., московскій помѣщикъ, т. XX, 149—152.
— Наталья Ив., т. XX, 149—153.
Шелія, старинная фамилія мингрельскихъ дворянъ, т. XIX, 488.
Шенье:
— Мари-Андре, французскій поэтъ, т. XX, 206, 207.
— Мари-Жозефъ, французскій писатель, т. XX, 198, 199, 210—212.
Шепелевъ, полковникъ, предсказавшій епископство Парѳенію владимірскому, т. XXII, 345.
Шерваншидзе, князья:
— Адилханъ. См. кн. Дадешкиліани.
— Георгій, т. XX, 59.
— Кесарія, урожд. княжн. Дадіани, т. XX, 38.
— Менека, рожд. кн. Дадіани, по первому браку Цулукидзе, т. XIX, 266, т. XX, 342—344, 360, 361.
— Михаилъ, владѣтель Абхазіи, генералъ-адъютантъ, т. XIX, 32, 266; т. XX, 39—43, 47, 58, 59, 342, 343, 560.
Шереметевы:
— Гр. Борисъ Петр., бояринъ, генер.-фельдмаршалъ, завоеватель Лифляндіи. *Замѣтка* о домикѣ Петра Великаго, находящемся въ его имѣніи Борисовкѣ, Курской г.; т. XXI, 137—141. *Упомин.* т. XX, 19, 184.
— Гр. Никол. Васил., т. XIX, 468.
— Гр. Сергѣй Вас., нижегородскій магнатъ, т. XIX, 468.
— Гр. Петръ Борис., генер.-аншефъ и оберъ-камергеръ, т. XXI, 324, 325.
— Николай Петр., т. XXI, 140.
— Тифлисскій чиновникъ, т. XIX, 281.
— Ѳедоръ Ив., бояринъ, псковскій намѣстникъ, т. XXI, 226, 228.
Шереръ, Вильгельмъ, профессоръ исторіи литературы Берлин. университета. *Библіографическая замѣтка* о его исторіи нѣмецкой литературы; т. XIX, 710.
Шерестъ, Эме, авторъ книги: Паденіе древняго режима. *Библіографическая замѣтка* объ этомъ сочиненіи; т. XIX, 216.
Шерстобитовъ, знаменитый петербургскій слѣдственный приставъ, т. XXII, 645.
Шестаковы:
— П. Дм., попечитель Казан. учеб. округа, т. XXII, 329.
— Членъ казанскаго археологическаго Общества. *Библіографическая замѣтка* о произнесенной имъ рѣчи о дѣятельности гр. А. С. Уварова; т. XX, 688, 689.
Шето, храбрый тушинецъ, т. XXII, 631, 632.
Шефферъ, Александ. Александ., профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 600.
Шешковскіе:
— Аліона Петр., т. XXII, 686.
— Емел. Семен., польскій выходецъ, постельный сторожъ Петра Великаго, т. XXII, 657, 658.
— Ив. Емельян., полицеймейстеръ города Коломны, т. XXII, 657—662, 664, 666, 671.
— Ив. Степ., бригадиръ, т. XXII, 686.
— Мавра Лук., т. XXII, 658, 662.

— Марья Степ. См. Митусова.

— Степ. Ив., тайн. совѣт., начальникъ тайной розыскной канцеляріи. *Біографія его;* т. XXII, 656—687.

— Тимоѳ. Ив., коммиссаръ коломен. воевод. канцеляріи, т. XXII, 62.

Шидловскіе:

— Игнатій, преподаватель вилен. гимназіи, польскій поэтъ, т. XXI, 145—147.

— Мих. Ром., генер.-лейт., начальникъ главн. управленія по дѣламъ печати, впослѣд. сенаторъ, т. XIX, 120.

Шиллингъ, Максъ, авторъ Книги источниковъ новѣйшей исторіи. *Библіографическая замѣтка* объ этомъ сочиненіи; т. XIX, 217.

Шильдеръ, Карлъ Андреев., генер.-адъют., начальникъ инженеровъ гвардейскаго корпуса, т. XXI, 282—284.

Шимачекъ, Францъ, чешскій литераторъ и книгопродавецъ, основатель газеты „Narodni Listy". *Некрологъ его;* т. XXI, 424.

Ширинскіе-Шихматовы:

— Русскій княжескій родъ, т. XX, 13.

— Кн. И. А., предсѣдатель археографич. коммиссіи, т. XIX, 459.

Ширъ-Али-ханъ, эмиръ афганскій, т. XX, 406, 407.

Шлагинтвейтъ, Робертъ и Адольфъ, братья, путешественники по Тибету. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ описаніи этого путешествія; т. XIX, 452, 453. *Некрологъ* Роберта; т. XXI, 640.

Шляковъ, Ив. Александров., реставраторъ Ростовскаго кремля, т. XXII, 98.

Шляпкинъ, И. А. *Статья его:* Василій Петровичъ Петровъ, „карманный" стихотворецъ Екатерины II; т. XXII, 381—405.

Шмалевъ, помощникъ начальника Камчатки, т. XIX, 395, 397, 398, 401.

Шмилевскій, членъ казан. археологич. Общества. *Библіографическая замѣтка* о произнесенной имъ рѣчи о дѣятельности графа А. С. Уварова; т. XX, 688, 689.

фонъ-Штаденъ, Николай, полковникъ, одинъ изъ устроителей перваго театра въ Москвѣ, т. XXI, 600.

Штакельбергъ, графы:

— Остзейскій помѣщикъ, т. XIX, 264, 265.

— Отто-Магнусъ, русскій посланникъ въ Польшѣ, т. XXI, 260, 461.

Штейнгель, бар. Владим. Ив., подполковникъ, декабристъ, т. XIX, 726.

Штейнъ:

— Авторъ „Исторіи русскаго войска отъ его начала до восшествія на престолъ Николая I". *Библіографическая замѣтка* объ этомъ сочиненіи; т. XIX, 210, 211.

— Генрихъ-Фридрихъ-Карлъ, нѣмецкій государств. человѣкъ. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ сочиненіи о немъ; т. XXI, 632.

Штиглицъ, баронъ Людвигъ-Людвигъ-Иванъ, основатель банкирскаго дома въ Петербургѣ, т. XX, 29.

Штилерпъ, житель города Вейсенштейна, оказавшій неуваженіе православному богослуженію, т. XIX, 332.

Штурмъ, Гуго. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Der Feldzug nach Chiva", изданномъ въ переводѣ на англійскій языкъ; т. XXI, 627.

Штюрмеръ, врачъ института инженеровъ путей сообщенія, т. XXI, 341.

Шубинскій, Сергѣй Никол. *Статья его:* Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году; т. XIX, 394—401. *Библіографическія замѣтки его:* Новый энциклопедическій словарь въ 10 томахъ, изданный профессоромъ И. Н. Березинымъ, вып. 1—4; т. XIX, 190—194. Русская историческая библіографія за 1865—1876 годъ включительно — В. Межова, V томъ; т. XX, 474. Систематическая роспись содержанія „Русской Старины", изд. 1870—1884 годовъ; т. XXII, 454. *Замѣтки его:* Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ; т. XXII, 428—433. Для г. Вольфа; т. XX, 257, 258. Литературный обманъ; т. XXII, 739, 740.

Шуваловы, графы:

— Александръ Ив., начальникъ тайной канцеляріи, впослѣд. генер.-фельдмаршалъ, т. XX, 21; т. XXII, 667, 668.

— Иванъ Ив., дѣйствит. тайн. совѣт., оберъ-камергеръ, попечитель Москов. университета, т. XXII, 449, 681.

— Петръ Ив., генер.-фельдмаршалъ, т. XIX, 565, 567, 569, 570.

Шульгины:

— Виталій Яков., профессоръ Кіев. университета, редакторъ газеты „Кіевлянинъ", т. XXII, 339.

— Никол. Ив., писатель и публицистъ, *прилож.* къ т. XXII, 56, 57.

Шульговскій, Дмитр. Николаев., предсѣдатель общества петербург. врачей, *прилож.* къ т. XXII, 57.

Шульцъ, Марія Ив., петербургская акушерка, принимавшая тайныхъ родильницъ, т. XXII, 651—655.

Шумахеръ. *Библіографическая замѣтка* объ его Южно-Американскихъ этюдахъ; т. XX, 236.

Шумилинъ, ярославскій архіепископъ. См. Авраамъ.

Шутовъ, И. А., рижскій гражданинъ, предсѣдатель строит. комитета по сооруженію якобштадтскаго Свято-Духовскаго храма, т. XX, 185.

Щ.

Щаповъ, Аѳанасій Прокофьев., профессоръ Казан. духов. академіи, а потомъ Казан. университета, писатель, т. XIX, 231.

Щегловъ, архимандритъ ливенскаго Сергіевскаго монастыря. См. Алексѣй.

Щедринъ, псевдонимъ писателя. См. Салтыковъ.

Щепкинъ. Е. *Библіографическая замѣтка* о переводѣ его: Титъ Ливій, Тэна; т. XXI, 398.

Щербатова, кн. Екатерина Алексѣев. См. кн. Васильчикова.

Э.

Эдвардсъ, *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ имъ сборникѣ „Русскіе проекты противъ Индіи отъ царя Петра до генерала Скобелева"; т. XX, 697, 698.

Эдель, Поль. *Извлеченіе* изъ его книги: „Le Fruquage"; т. XIX, 402—412.

Эдигей, князь ногайскій, родоначальникъ князей Урусовыхъ, т. XX, 13.

Эдмундсонъ, Джорджъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Мильтонъ и Вондель, литературный курьезъ; т. XXII, 724, 725.

Эдуардъ III, англійскій король, т. XXII, 254.

Эйхель, московскій ростовщикъ, т. XX, 670, 671.

Эккерманъ, В. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Метеріалы для исторіи медицины въ Россіи; исторія эпидемій X—XVIII в.; т. XIX, 201—204.

Эльмптъ, гр. Анна Алексѣев. См. Турчанинова.

Энгель. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Разрѣшеніе райскаго вопроса; т. XXII, 463, 464.

Энгельгартъ:

— Александра Вас. См. гр. Браницкая.

— Екатер. Вас., по первому браку гр. Скавронская. См. гр. Литта.

— Яковъ Богданов., лейбъ-гусаръ, уѣзд. предвод. дворянства въ Курлянд. губ., т. XXI, 271.

Энгельманъ, докторъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Крѣпостное состояніе въ Россіи; т. XXI, 409, 410.

д'Эонъ, Карлъ-Женевьева-Луи-Огюстъ-Андре-Тимоѳей (д'Эонъ-де-Бомонъ), тайный дипломатическій агентъ французскаго двора въ Петербургѣ и Лондонѣ. *Библіографическая замѣтка* о вышедшемъ сочиненіи объ немъ; т. XX, 289.

Эраръ, Себастіанъ, изобрѣтатель фортепіано, т. XIX, 181.

Эрдгартъ, Ѳедоръ Ѳедор., дѣйств. стат. совѣт., профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 612.

д'Эрссонъ, графъ. *Библіографическая замѣтка* о его „Журналѣ ординарца"; т. XX, 287.

Эристовы, князья:

— Георг. Евсеев., старѣйшій кавказскій генералъ, т. XXII, 622.

— Георг. Роман., кутансскій генер.-губернаторъ, т. XX, 37, 38, 559, 598.

— Раф. Давид., чиновникъ особ. поруч. при кутансск. губернаторѣ, впослѣд. мингрельскій окруж. начальникъ, т. XIX, 12, 19, 46, 270, 278, 286, 496; т. XX, 586, 594.

Эрмансдёрферъ, докторъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Документы и акты къ исторіи курфюрста Фридриха-Вильгельма Бранденбургскаго; т. XX, 234, 235.

Эрманъ, докторъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: „Египтяне и египетская жизнь въ древности"; т. XX, 482.

Эспехо, Марья Вас. См. Колюбакина.

фонъ-**Эссенъ**, гр. Петръ Кириллов., генералъ-отъ-инфантеріи, петерб. воен. генер.-губернаторъ, впослѣд. членъ государств. совѣта, т. XX, 23.

Эюбъ-ханъ, кандагарскій полководецъ, т. XX, 407, 412.

Ю.

Ювеналій (Карюковъ), епископъ орловскій и сѣвскій, *прилож.* къ т. XXII, 57.

Юкманъ, Иванъ, подполковникъ, завладѣвшій киркой въ москов. Ново-Нѣмецкой слободѣ, т. XXI, 597.

Юницкій, Н. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Фундуши и стипендіи Виленскаго учебнаго округа, часть I; т. XX, 473, 474.

Юрисонъ, эстонецъ, дьячекъ православ. церкви въ городѣ Вейсенштейнѣ, т. XIX, 828, 330.

Юрій Владиміровичъ Долгорукій, великій князь ростовскій и суздальскій, т. XXII, 492.

Юрій Всеволодовичъ, князь суздальскій, т. XXII, 494.

Юрьовъ, псевдонимъ писателя В. Дрентельна, т. XXI, 432.
Юсковскій, псевдонимъ писателя Павловскаго, *прилож.* къ т. XXII, 5.
Юстъ, Максимъ Ив., подполковникъ, т. XXI, 278, 288.
Юсуповы, русск. княж. родъ, т. XX, 13.
Юсупъ-ханъ, тохтамышскій ханъ, т. XX, 394.
Юшеновъ, П. Н., писатель. *Буквенная подпись его,* т. XXI, 432.

Я.

Яблоновскіе, княжескій родъ, т. XX, 18.
Ягичъ, Игнатій Викент., докторъ славянской филологіи, профессоръ Петерб. университета, академикъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ; т. XXI, 618—620. *Упомин.* т. XX, 486, 487.
Ягужинскіе, графы:
— Анна Гавр., рожд. гр. Головкина. См. Бестужева-Рюмина.
— Пав. Ив., оберъ-прокуроръ сената, впослѣд. кабинетъ-министръ, т. XX, 20.
Яворскій, Семенъ. См. Стефанъ.
Ядринцевъ, Н. М., изслѣдователь Алтая. *Статьи его:* Первобытная музыка въ связи съ исторіей музыкальной идеи; т. XIX, 647—654. Алтай и его инородческое царство; т. XX, 607—644.
Языковы:
— Д. Д. *Статьи и замѣтки его:* Ученыя заслуги графа А. С. Уварова; т. XIX, 389—393. Новые матеріалы для біографіи А. П. Сумарокова; т. XX, 442—447. Учено-литературная дѣятельность Н. И. Костомарова; т. XX, 677—687. Объ изданіи стихотвореній Тургенева; т. XXI, 221—223. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій графа А. К. Толстаго; т. XXII, 121 — 132. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей; выпускъ 2-й; писатели, умершіе въ 1882 году; *приложеніе* къ т. XXII, 1. *Поправка* къ его „Обзору жизни и сочиненій русскихъ писателей, умершихъ въ 1881 году"; т. XX, 722.
— Петербургскій присяжный повѣренный, т. XIX, 110—112.
Якимовичи: См. Ефимовскіе.
Якимовы:
— Врачъ гренадер. сапер. баталіона, т. XXI, 269, 270.
— Ив. Степ., профессоръ Петерб. духов. академіи, писатель. *Некрологъ его;* т. XXI, 689.
Якоби, Іоакимъ, пасторъ москов. Ново-Нѣмецкой слободы, т. XXI, 597.
Якубенко, А. Ф., инженеръ, т. XX, 452.
Якубъ-ханъ, сынъ афганскаго эмира Ширъ-Али-хана, правитель Герата, т. XX, 406, 407.
Якушкинъ, Пав. Ив., изслѣдователь русской народности, т. XX, 427.
Ямонтъ-Сидоровичъ, Аделя Іосифов. См. Карновичъ.
Янишевскій, Э. П., профессоръ Казан. университета, т. XXII, 329.
Янкевичъ де-Миріево, Өедоръ, ученый, т. XXI, 29, 30.
Янушъ, гнѣзненскій римско-католич. епископъ, т. XXI, 89.
Янъ:
— Инквизиторъ вроцлавскій, т. XXI, 95.
— (Люксембургскій), богемскій король, т. XXI, 91.
— Пріоръ краковскихъ доминиканъ, потомъ генеральный инквизит., т. XXI, 93.
Ярополкъ Владиміровичъ, переяславскій князь, т. XXII, 491.
Ярославскій, кн. Даніилъ, полководецъ, разбившій казанск. татаръ, т. XXII, 239.
Ярославъ, польскій архіепископъ, т. XXI, 92.
Ярославъ Владиміровичъ, великій князь кіевскій, т. XXII, 491, 507.
Ярославъ Всеволодовичъ, переяславскій князь, т. XXII, 494.
Яроцкій, профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 600.
Ясинскій, Евстафій, благочинный Радомысльск. у., т. XXI, 543.
Яценко, Алексѣй, профессоръ Кіев. университета, т. XXII, 612—614.

Ѳ.

Ѳедоровы:
— Естифей, староста с. Введенскаго, Тамбов. губ., занимавшійся покупкою и кражею чужихъ дѣтей для отдачи въ рекруты, т. XIX, 435.
— Иванъ, дьяконъ москов. кремлев. церкви Николы Гостунскаго, первый русскій печатникъ, т. XX, 492.
— Никита Ив., придворный музыкантъ, сектантъ, т. XXI, 54.
Ѳедоръ Алексѣевичъ, царь московскій, т. XX, 7.
Ѳедоръ Ивановичъ, царь московскій, т. XXII, 240.
Ѳеодосій:
— Игуменъ ливенскаго Сергіевскаго монастыря, т. XXI, 133, 135.
— Игуменъ херсонской Софроніевской пустыни, т. XXI, 480.
Ѳеофанъ:
— (Габунія), мингрельскій епископъ, т. XIX, 23, 36; т. XX, 358, 597.
— (Прокоповичъ), архіепископъ новгородскій, т. XXI, 48.

УКАЗАТЕЛЬ
ГРАВЮРЪ,
ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА"
1885 г.

Портреты:

Абдурахманъ-ханъ, эмиръ афганскій, т. XX, 417.
Агіева, княг. Наталія, рожд. княж. Дадіанъ, т. XX, 367.
Безбородко, Александ. Андреев., свѣтлѣйшій князь, дѣйствит. тайн. совѣт., государств. канцлеръ, съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Лампи, т. XXI, 249.
Бобровъ, Андрей Петров., бригадиръ, экономъ перваго кадет. корпуса, т. XIX, 83.
Бродриббъ, Джонъ Генри, англійскій актеръ (Ирвингъ), т. XXII, 691.
Веймеръ, Маргарита, французская актриса (Жоржъ), съ портрета Жерара, т. XIX, 677.
Гагаринъ, кн. Александръ Ив., кутаисскій генер.-губернаторъ, т, XIX, 491.
Галафѣевъ, генер.-лейт., рис. бар., Паленъ, т. XIX, 479.
Гватуа, Георгій Константиновичъ, полковникъ, т. XX, 595.
Грассини, Жозефина, французская актриса, съ портрета г-жи Виже-Лебренъ, т. XIX, 675.
Гретри, Андр., знаменитый композиторъ, директоръ париж. консерваторіи, съ портрета Цабеля, т. XIX, 183.
Грегори, Іоганнъ-Готфридъ, пасторъ москов. Нѣмецкой слободы, режиссеръ перваго театральнаго зрѣлища въ Россіи, съ гравированнаго портрета XVII вѣка Грюна, т. XXI, 599.
Дадешкиліани, князья:
— Константинъ, сванетскій владѣтельный князь, т. XX, 57.
— Ціохъ (Михаилъ), Тенгисъ (Николай) и Исламъ, т. XX, 67.
Дадіани, Екатер. Александр., рожд. княж. Чавчавадзе, свѣтлѣйшая княгиня, правительница Мингреліи, т. XIX, 21.
Данте Алигіери (Дуранте), т. XXII:
— съ фрески Джіотто, 181.
— посмертная маска, 183.
— съ фрески Рафаэля, 185.
— съ барельефа мавзолея въ Равеннѣ, 187.
— бронзовый бюстъ въ неаполитанскомъ музеѣ, 188.
Делилль, Жакъ, французскій поэтъ, съ портрета Монье, т. XX, 199.

Денисьевъ, учитель математики перваго кадетскаго корпуса, т. XX, 123.
Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Александ. Матв., генер.-лейт., фаворитъ Екатерины II, съ портрета, писаннаго Левицкимъ, т. XXI, 255.
Доде, Альфонсъ, французскій писатель, съ фотографіи Надара *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XIX, 152.
Достоевскій, Ѳедоръ Мих., писатель, съ фотографіи, снятой въ Семипалатинскѣ въ 1858 году, XIX, 131.
Дюсисъ, Жанъ-Франсуа, французскій драматическій писатель, съ портрета Жерара, т. XX, 207.
Екатерина I Алексѣевна, императрица, съ рисунка, приготовленнаго по наброску Риго, фототипія *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XIX, 233.
Екатерина II Алексѣевна, императрица, въ дорожномъ платьѣ во время путешествія въ Крымъ, съ современной гравюры, сдѣланной съ портрета, писаннаго Шебановымъ, т. XXI, 259.
Жозефина, Марія-Роза Ташеръ-де-ля Пажери, по первому браку Богарне, супруга Наполеона Бонапарте, съ портрета Жерара, т. XX, 213.
Зоричъ, Семенъ Гавр., генералъ-маіоръ, фаворитъ Екатерины II, съ неизданнаго гравир. портрета Осипова *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XXII, 4.
Ирвингъ (Бродриббъ), англійскій актеръ, въ роли Гамлета, статуя Онслоу Форда. т. XXII, 691.
Іона III (Сысоевичъ), митрополитъ ростовскій, т. XXII, 89.
Іосифъ II, императоръ австрійскій, съ гравированнаго портрета Калпашникова, сдѣланнаго въ 1780 г. въ Россіи, т. XXI, 481.
Кавелинъ, Константинъ Дмитр., профессоръ Петерб. университета, писатель, съ фотографіи Шапиро *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XX, 498—499.
Казанова де-Сейнгальтъ, Джіакомо, авантюристъ, съ портрета, рисованнаго въ прошломъ столѣтіи братомъ его, живописцемъ Ф. Казановой *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XXI, 224.
Карновичъ, Евген. Петр., дѣйствит. стат. совѣт., писатель *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XXII, 488.
Кобенцель, гр. Людовикъ, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, впослѣд. австрійскій канцлеръ и министръ иностран. дѣлъ, съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія, т. XXI, 251.
Колюбакины:
— Мих. Петр., кутаисскій вице-губернаторъ, т. XX, 347.
— Никол. Петр., генералъ-маіоръ, кутаисскій губернаторъ, впослѣд. сенаторъ, т. XIX, 263.
Костомаровъ, Ник. Ив., историкъ *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XX, 258.
Лермонтовъ, Мих. Юрьев., поэтъ, рисов. баронъ Паленъ, т. XIX, 474.
де-**Линь**, принцъ, съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія, т. XXI, 261.
Марина Мнишекъ, жена лже-царя, самозванца Дмитрія, съ гравюры Уткина, сдѣланной съ стариннаго портрета, т. XIX, 9.
Марія-Антуанетта, французская королева, съ дѣтьми, съ портрета, писаннаго Виже Лебренъ, т. XXII, 195.
Марія Луиза, вторая супруга Наполеона I, съ портрета Прюдона, т. XX, 215.
Марія Ѳеодоровна (Доротея-Софія-Августа-Луиза, принцесса виртембергская), вторая супруга императора Павла Петровича, съ гравированнаго портрета 1782 г., т. XXI, 247.
Марсъ, Анна-Франс.-Гипполита Буше-Монвель, французская актриса, съ портрета Жерара, т. XIX, 681.
Михаилъ Павловичъ, великій князь, силуетъ, т. XX, 123.
Одынецъ, Антоній-Эдуардъ, польскій поэтъ и публицистъ, т. XIX, 657.
Павелъ Петровичъ, императоръ, съ гравированнаго портрета Скородумова 1781 г., т. XXI, 245.
Перскій, Мих. Степ., директоръ перваго кадет. корпуса, т. XX, 123.
Петровъ, Вас. Петров., „карманный" стихотворецъ Екатерины II *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XXII, 235.
Потемкинъ-Таврическій, свѣтлѣйшій князь Григ. Александр., генералъ-фельдмаршалъ, новороссійскій генералъ-губернаторъ, съ гравированнаго портрета Харитонова, т. XXI, 467.
Портретъ дамы, рисованный поэтомъ Лермонтовымъ, т. XIX, 477.

Рекамье, Юлія-Аделаида, рожд. Бернаръ, съ портрета Жерара, т. XIX, 431.
Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Александ., генер.-фельдм., малороссійскій ген.-губернаторъ, съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Левицкимъ, т. XXI, 463.
Сегюръ д'Огессо, гр. Луи-Филиппъ, французскій поэтъ, историкъ и дипломатъ, посланникъ въ Петербургѣ, впослѣд. перъ Франціи, съ гравированнаго портрета, приложеннаго къ его „Запискамъ", изд. 1826 г., т. XXI, 253.
Соидъ-Назаръ-Юзъ-Баши, прапорщикъ текинской милиціи, убитый въ сраженіи при Кушкѣ 18 марта 1885 г., т. XX, 421.
Станиславъ II Августъ (графъ Понятовскій), король польскій, съ гравюры Клаубера, сдѣланной съ портрета, писаннаго въ 1797 г. г. Виже-Лебренъ, т. XXI, 475.
Сталь-Гольстейнъ, Анна-Луиза, рожд. Неккеръ, французская писательница, съ портрета Жерара, т. XX, 195.
Суворовъ-Рымникскій, гр. Александръ Вас., князь Италійскій, генералиссимусъ, съ гравюры Уткина, сдѣланной съ портрета, писаннаго Шмидтомъ, т. XIX, 589.
Тальма, Франсуа-Жозефъ, французскій актеръ, съ портрета Жерара, т. XIX, 679.
Тролоппъ, Антони, англійскій писатель, съ фотографіи Сарони *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XIX, 160.
Храповицкій, Александ. Вас., статсъ-секретарь, писатель, съ портрета, писаннаго Левицкимъ, т. XXI, 449.
Ченчи, Беатриче, дочь римскаго дворянина, т. XXI, 385.
Черкасовъ, полковникъ, инспекторъ классовъ перваго кадет. корпуса, силуетъ, т. XX, 123.
де-Шатобріанъ, Франсуа-Огюстъ, виконтъ, французскій писатель, съ портрета Мироде, т. XX, 194.
Шенье, Мари-Жозефъ, французскій писатель, съ портрета Верне, т. XX, 209.
Эллевіу, знаменитый пѣвецъ французской директоріи, съ портрета Резенера, т. XIX, 181.

Снимки съ картинъ:

Встрѣча англичанъ съ русскими въ Петропавловской гавани въ Камчаткѣ, въ 1779 году. Съ весьма рѣдкой гравюры Эрскина, т. XIX, 396.
Встрѣча Екатерины II ногайскими татарами въ Ольвіополѣ, съ рѣдкой гравюры прошлаго столѣтія, т. XXI, 489.
Императорскія галеры, отплывающія изъ Кіева, по Днѣпру, съ акварельнаго рисунка художника Хатфильда, т. XXI, 471.
Марина Мнишекъ въ утро московскаго возмущенія 17 мая 1606 г., съ картины художника А. П. Рябушкина *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XIX, 4.
Могила Клерка въ Петропавловской гавани, двѣ копіи съ старинныхъ гравюръ, т. XIX, 398, 399.
Мятлинская переправа, съ рисунка барона Палена, т. XIX, 475.
Сцена изъ поэмы «Валерикъ», съ рисунка художника Шварца, т. XIX, 478.

Виды городовъ, мѣстностей и зданій:

Алтай, томъ XX:
— Миссіонерское селеніе Улала въ Бійскомъ округѣ, Томской губ., 623.
— Первообразъ избы, зимовка кумандинцевъ и черневыхъ татаръ, 629.
— Шести-угольная юрта черневыхъ татаръ, 631.
Балаклава, въ концѣ XVIII столѣтія, съ англійской гравюры прошлаго вѣка, т. XXI, 501.
Выборгъ, томъ XXII:
— Видъ замка въ 1708 году, 423.
— Крѣпость въ настоящее время, 425.

— Мѣсто, гдѣ по преданію Петръ Великій собственноручно вырубилъ крестъ и первую букву своего имени, 427.
Городъ Ангеловъ въ Калифорніи, томъ XXII:
— Веранда, 704.
— Улица, 701.
Дворцы, томъ XXI:
— Въ Екатеринославѣ, бывшій Потемкина, съ гравюры нынѣшняго столѣтія, 487.
— Въ Кіевѣ въ концѣ XVIII вѣка, съ рисунка того времени Н. Сергѣева, 459.
Домикъ Петра Великаго въ слободѣ Борисовкѣ, Грайворонскаго у., Курской г., по рисунку съ натуры г. Мозилевскаго, т. XXI, 139.
Екатеринославль, съ нагорной стороны, съ гравюры нынѣшняго столѣтія, т. XXI, 485.
Керчь въ XVIII столѣтіи, съ гравюры того времени Сабляна, т. XXI, 507.
Кіевъ: дворецъ въ концѣ XVIII столѣтія, съ рисунка того времени Н. Сергѣева, т. XXI, 459.
Кременчугъ, прибытіе императорскихъ галеръ въ Кременчугъ, съ акварельнаго наброска съ натуры художника Хатфильда, т. XXI, 479.
Кутаисъ, видъ города, съ фотографіи, т. XIX, 31.
Мартвильскій монастырь, съ фотографіи Вестли и Никитина, т. XIX, 279.
Мервъ, томъ XX:
— Гератъ и его цитадель, 419.
— Горы Копетъ-Дагъ, близъ селенія Арчманъ, въ Ахалъ-Теке, 381.
— Домъ въ Мервѣ, 409.
— Медрессе въ Каушутъ-Ханъ-Кала, рис. Н. Каразинъ, 405.
— Мостъ черезъ рѣку Мургабъ и гробница Кара-Ишана, 411.
— Озеро Аламанъ-Чунгуль, въ руслѣ Теджена, 389.
— Рѣка Тедженъ у Карры-Бента, 385.
— Селеніе и укрѣпленіе Валла-Мургабъ, 413.
— Сѣверныя ворота въ Коушутъ-Ханъ-Кала, рис. Н. Каразинъ, 399.
— Сѣверныя укрѣпленія Коушутъ-Ханъ-Кала, 393.
Мингрельская пацха, съ фотографіи Вестли и Никитина, т. XIX, 497.
Нижній Новгородъ, томъ XXI:
— Вознесенская церковь, 593.
— Колокольня Вознесенской церкви, 594.
Павильонъ въ Старомъ Крыму, гдѣ останавливалась Екатерина II, съ гравюры нынѣшняго столѣтія, т. XXI, 497.
Памятники:
— А. П. Ермолова въ церкви Троицкаго кладбища въ городѣ Орлѣ, съ рисунка, снятаго съ натуры М. И. Городецкимъ, т. XIX, 387.
— Клерка въ Петропавловской гавани, съ гравюры Чесскаго по рисунку Тилезіуса, т. XIX, 400.
— Лермонтова въ Пятигорскѣ, проектъ академика Опекушина, т. XIX, 481.
— Суворова въ Петербургѣ, съ гравюры, приложенной къ „Панорамѣ С.-Петербурга“ Башуцкаго, т. XIX, 599.
— Шевченки близъ города Канева, т. XX, 453.
Парижъ, томъ XIX:
— „Французскій театръ“ 1797 года, нынѣшній „Одеонъ“, 669.
— Циркъ въ Палероялѣ, выстроенный въ 1798 году, внутренній видъ, 673.
Переяславъ, уѣздный городъ Полтавской губ., томъ XXII:
— Вознесенская церковь, построенная въ 1700 году гетманомъ Мазепою, 493.
— Деревянная каплица, устроенная на р. Альтѣ, 497.
— Борисоглѣбская церковь, стоящая на мѣстѣ убіенія св. князя Бориса, 501.
Ростовъ Великій, томъ XXII:
— Бѣлая палата послѣ реставраціи, 91.
— Внутренній видъ Бѣлой палаты, 93.
— Внутренность храма бывшаго Григорьевскаго монастыря послѣ реставраціи, 99.
— Надгробный памятникъ XV вѣка, хранящійся въ Бѣлой палатѣ, 95.
— Наружный видъ княжескихъ теремовъ, 97
Свято-Духовскій православный храмъ въ Кронштадтѣ, сгорѣвшій отъ взрыва 16-го января 1885 г., т. XX, 187.
Севастополь: бухта во время присоединенія Крыма къ Россіи, съ гравюры Куше, сдѣланной съ рисунка того времени Гейслера, т. XXI, 493.

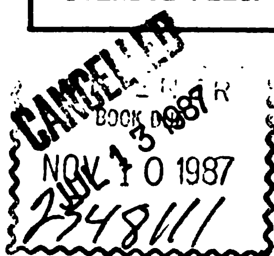
Сестрорѣцкъ, томъ XXII:
— Остатки дворца Петра Великаго, 430.
— Дубовая роща, посаженная Петромъ Великимъ, 431.
— Мѣсто, гдѣ находилась бесѣдка Петра Великаго, 432.
Смоленскъ въ концѣ XVIII столѣтія, съ гравюры того времени Химмеля, т. XXI, 453.
Средненолымскъ, окружной городъ Якутской области, томъ XXI:
— Видъ города въ XVIII столѣтіи, съ старинной гравюры, 123.
— Видъ города въ настоящее время, 109.
— Юрта въ чертѣ города, 117.
Часовни:
— Надъ могилой священника Ропацкаго, замученнаго польскими повстанцами, т. XXII, 435.
— Надъ пещерой въ городѣ Ливнахъ, Орлов. губ., т. XXI, 131.
Ѳеодосія, въ концѣ XVIII столѣтія, съ гравюры того времени Химеля, т. XXI, 505.

Бытовые и другіе рисунки:

Алтайцы:
— Жена куманденца, черневая татарка, т. XX, 639.
— Зайсанъ комляжской волости Костагатъ, т. XX, 635.
— Монгольскій типъ черневыхъ татаръ, т. XX, 638.
— Финскіе типы черневыхъ татаръ (два рисунка), т. XX, 641, 643.
— Шаманъ съ бубномъ, т. XIX, 651.
Изъ жизни города Ангеловъ въ Калифорніи, томъ XXII:
— Духовная процессія, 696.
— Запись въ кассовой книгѣ, 703.
— Индійское стремя, 700.
— Похороны, 698.
— Пушка, 703.
— Старая мексиканка, 699.
— Страница изъ реестра заклейменнаго скота, 702.
— Увѣнчанная избранница народа, 705.
Дорожный возокъ Екатерины II, съ гравюры прошлаго столѣтія Гоппе, т. XXI, 447.
Кабинетъ Н. И. Костомарова, т. XX, майск. книжка, 11.
Кавказскіе типы:
— Еврей (урія), армяно-католикъ (пранге), имеретинецъ и имеретинка, т. XIX, 39.
— Мингрельцы, т. XIX, 271, 507.
Карты:
— Путей сообщенія въ Индію, т. XXI, 69.
— Туркменіи и Мерва, т. XX, 375.
Медаль въ память путешествія Екатерины II въ Крымъ, съ гравюры Крюмера, т. XXI, 457.
Первобытные музыкальные инструменты алтайцевъ, т. XIX, 653.
Рисунки: изъ соч. Поля Лакруа: „Директорія, консульство и имперія; нравы и обычаи, литература, наука и искусство“.
— Анжъ Питу на площади Сенъ-Жерменъ д'Оксеруа, т. XX, 205.
— Бобешъ и Галимафрè на бульварѣ Тампля, т. XIX, 427.
— Великосвѣтскій вечеръ приглашенныхъ на парижскій чай, т. XIX, 417.
— Велосипеды въ Люксембургскомъ саду, т. XIX, 179.
— Визитъ въ новый годъ, т. XIX, 415.
— Внутренность цирка въ Палероялѣ, выстроеннаго въ 1788 году, сгорѣвшаго въ 1798 году, т. XIX, 673.
— Гравюра изъ поэмы Делиля: „Милосердіе“, рисунокъ Монсіо, т. XX, 203.
— Гравюра изъ поэмы Делиля: „Сады“, рисунокъ Монсіо, т. XX, 201.
— Игра въ мячъ въ Елисейскихъ поляхъ, т. XIX, 178.
— Игра въ шары, т. XIX, 421.

— Итальянскій бульваръ, гравюра 1798 года, т. XIX, 661.
— Кофе съ молокомъ, т. XIX, 422.
— Лото, гравюра 1798 года, т. XIX, 663.
— Манія танцевъ, гравюра Дебюкура, т. XIX, 665.
— Модные костюмы временъ директоріи, т. XIX, 175, 176.
— Первое засѣданіе національнаго института 15 жерминаля, IV года республики, т. XIX, 429.
— Пріемъ у госпожи Сталь, т. XX, 197.
— Продавщица газетъ въ 1795 году, т. XIX, 171.
— Республиканскій бракъ, гравюра Леграна, т. XX, 211.
— Рулетка, т. XIX, 419.
— Свобода прессы, каррикатура 1796 года, т. XIX, 173.
— Статуя, игра въ обществѣ временъ директоріи, т. XIX, 177.
— Танцы, гравюра 1798 года, т. XIX, 667.
— Утро въ Люксембургскомъ саду, т. XIX, 423.
— Фейерверкъ въ саду Тиволи, т. XIX, 426.
— Фойе театра Монтансье; рисунокъ Бине, гравюра Бовине, т. XIX, 671.
— „Французскій театръ“ 1797 года, нынѣшній „Одеонъ“, т. XIX, 669.
— Чтеніе газетъ, каррикатура 1794 года, т. XIX, 169.
— Чудодѣйки (Les merveilleuses), т. XIX, 425.
Рисунки къ греческой трагедіи, томъ XXII:
— Агамемнонъ, 444.
— Аяксъ, 140.
— Аѳина, 439.
— Еврисакъ и его наставникъ, 442.
— Одиссей, 438.
— Тевкръ, 538.
— Текмесса, 442.
— Хорегъ, 444.
— Хоръ матросовъ Скамандра, 443.
— Хоръ, призывающій боговъ, 441.

Кромѣ описанныхъ въ этомъ «Указателѣ» гравюръ, помѣщено 57 гравюръ въ приложеніи къ «Историческому Вѣстнику» 1885 года: «**Во льдахъ и снѣгахъ**», путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга—Уильяма Гильдера, переводъ В. Н. Майнова.


CANCELLED
BOOK DUE
NOV 10 1987